

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

5

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Дидушко М.М. Ролевая неопределенность
в виртуальных IT-командах: эмпирический анализ
организационного взаимодействия..... 8

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Ардашев Р.Г. Смерть в медийном пространстве:
оценка молодежи..... 15
- Баев П.А. Коррупция в мировоззренческих
представлениях молодежи..... 20
- Барбакова Е.В. Качество образования при онлайн-
обучении: эмпирический анализ студенческих оценок..... 26
- Белоножко М.Л., Гневашева Е.А. Тактико-
стратегические профили интериоризации
традиционных ценностей у подростков в условиях
детского оздоровительно-образовательного центра..... 33
- Быченко Ю.Г., Зиновьева Е.А. Властные отношения
в современных семьях военнослужащих..... 41
- Данилов В.Л. Религиозная идентичность
в поликультурном обществе: социологический анализ.... 47
- Маслодудова Н.В. Цифровая социализация
в информационном обществе..... 52
- Мкртумова И.В., Лаптева А.С., Кудakov И.С.,
Торондуш М.Ю. Использование цифровых медиа-
коммуникационных и социально-технологических
инструментов для целенаправленного управления
современными социальными процессами:
привлечением внимания, формированием имиджа
и регуляцией внутригрупповой динамики 59
- Новоселова Е.Н. Одиночество в пожилом возрасте:
между ресурсом и угрозой здоровью 68
- Тизенгаузен М.Г. Социальные практики
и модели занятости участников креативных
индустрий в России: самоинституционализация
и профессиональные траектории..... 75
- Трохирова У.В. Доступность социально-
медицинской помощи женщинам в ситуации
репродуктивного выбора: институциональный
разрыв между нормативными нововведениями
и реальными практиками работы регионального
перинатального центра..... 82
- Туркменов И.О. Методологические подходы
к изучению влияния студенческих отрядов
на формирование отраслевой идентичности
молодежи 90

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Белоусова Д.К., Ковалева А.В. Региональные
и социально-экономические факторы выбора
образовательного пути молодежью хабаровского
края: анализ текущих тенденций 95
- Бухтиярова И.Н. Цифровой след как инструмент
социального контроля в современном китайском
обществе..... 103
- Попазова О.А., Гриднева М.А. Социальные риски
применения искусственного интеллекта в системе
высшего образования Российской Федерации 111

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредитель: Российская социологическая ассоциация

Издатель: ООО «Издательство «КНОРУС»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № 77-17521 от 24.02.2004.

Подписной индекс Роспечати: 46701

ISSN 1812-9226

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2, «Издательство «КноРус»

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Кравченко Альберт Иванович** (доктор социологических наук, профессор)
Барков Сергей Александрович (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социоло-
гии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); **Желтов**
Виктор Васильевич (доктор философских наук, профессор, Сибирский институт социально-по-
литических исследований); **Мамедов Агамали Кулам-Оглы** (доктор социологических наук, про-
фессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова); **Сипласте Галина Георгиевна** (доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Социология» Финансового университета при Прав-
ительстве РФ); **Багдасарьян Надежда Гегамовна** (доктор философских наук, профессор, МГТУ
имени Н.Э. Баумана); **Рахманов Азат Борисович** (доктор философских наук, доцент, социологи-
ческий факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); **Грабельных Татьяна Ивановна** (доктор социологи-
ческих наук, профессор, Иркутский государственный университет); **Добренкова Екатерина Влади-
мировна** (доктор социологических наук, профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова); **Бурмыкина**
Ирина Викторовна (доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педаго-
гический университет); **Маршак Аркадий Львович** (доктор философских наук, профессор, главный
научный сотрудник Института социологии РАН); **Осипов Александр Михайлович** (доктор социоло-
гических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новго-
родский государственный университет имени Ярослава Мудрого); **Афонин Юрий Алексеевич** (док-
тор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет).

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсупович (доктор технических наук, профессор, академик Национальной ин-
женерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН, Казахское отделение международ-
ной научной школы устойчивого развития им. П.Г. Кузнецова) **Вукичевич Слободан** (профессор,
факультет философии, Университет Черногории) **Кропп Фредрик** (декан факультета Монтеррей-
ского университета (США)) **Митрович Любша** (профессор, факультет философии, Университет
г. Ниш (Сербия)) **Титаренко Лариса Григорьевна** (доктор социологических наук, профессор, фа-
культет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика
Беларусь) **Фарро Антонио Луиджи** (профессор, доктор социологии, Римский университет Сapienza)
Чжан Шуухуа (доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Ака-
демии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»)
Соколова Галина Николаевна (доктор философских наук, профессор, заведующий отделом эко-
номической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск)).

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич (академик РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ име-
ни М.В. Ломоносова) **Скворцов Николай Генрихович** (доктор социологических наук, профессор,
декан факультета социологии СПбГУ) **Осипова Надежда Геннадьевна** (доктор социологических
наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) **Иванов Вилен**
Николаевич (член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социально-поли-
тических исследований ФНИСЦ РАН) **Хунагов Рашид Думалиевич** (доктор социологических наук,
профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН) **Волков Юрий Григорьевич** (доктор философских
наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руко-
водитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета) **Ивченко**
Сергей Григорьевич (доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии моло-
дежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей произво-
дится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации
для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где про-
ходят редакторскую и корректурную правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем
статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не
возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тел.: +7(495) 741-46-28

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.06.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Калмыков Н.Н.</i> Визуально-средовой диагностический профиль мегаполиса: офлайн-и онлайн-контуры Москвы в восприятии студентов-дизайнеров	118	<i>Довженко А.В.</i> Кризис культуры XX века и его философское осмысление Ю.Н. Солониным	235
<i>Кожушко Л.А., Гильдингерш М.Г., Кантышева И.Г.</i> Образование как ресурс социальной интеграции инвалидов при сопровождаемом проживании	125	<i>Дугуниев А.Г.</i> Трансформация российского высшего образования в 2022–2025 гг.: направления и противоречия	243
<i>Козаева Л.А.</i> Трансформация корпоративной культуры в условиях цифровизации общества	130	<i>Кравченко А.И.</i> Ладони города.....	250
<i>Малышев М.А.</i> Государственное управление и государственная служба в современном Китае.....	135	<i>Никифоров Н.Ю., Штабной М.Д.</i> Психолого-педагогическое сопровождение адаптации студентов-спортсменов к учебно-тренировочному процессу в условиях вуза	255
<i>Новоселов Д.О.</i> Принятие искусственного интеллекта в малом бизнесе как инструментальная практика и социально-нравственная граница.....	144	<i>Плещёв И.Е., Дёмин Н.А., Храмичева О.А.</i> Паралимпийский спорт: социальная интеграция и спортивные достижения.....	260
<i>Павлова С.А., Ушакова В.А., Боева Е.М.</i> Сравнительный анализ региональной безработицы (на примере Московской и Новосибирской областей) ...	151	<i>Рахконен М.Е.</i> Имитация понимания и статус смысла в системах искусственного интеллекта	265
<i>Парфенов К.В.</i> Социальный портрет уязвимости: гендерные и возрастные аспекты кибермошенничества как вызов государственной политике информационной безопасности.....	159	<i>Филиппова И.А.</i> Социальные представления о цифровой безопасности детей в российском обществе.....	270
<i>Потапова Т.С.</i> Повышение вовлеченности персонала промышленного предприятия через социальные инновации в условиях дефицита кадров (на примере предприятия химической промышленности).....	165	<i>Щербакова И.В.</i> Развитие диалогической речи при обучении немецкому языку как второму иностранному.....	276
<i>Савгачева М.Ю.</i> Система внутреннего контроля качества дерматологической помощи: социальная значимость	172	<i>Рахконен М.Е.</i> Рефлексивные средства обработки информации и возможности метакогнитивных структур в искусственном интеллекте.....	280
<i>Силин А.Н., Колтунов А.Л.</i> Социально-экономические и управленческие факторы стабилизации малых городов России (анализ экспертной дискуссии)	178	<i>Яшкин В.С.</i> Основные теоретические подходы к изучению волонтерской деятельности: сравнительный анализ и методологическая систематизация	284
<i>Чжай Цзымин.</i> Восприятие государственной научной политики и культуры международного научного сотрудничества: по материалам опроса представителей китайского академического сообщества.....	187		
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ		ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Анисимов Т.Ю.</i> Эмпатия как товар: коммодификация сострадания в пространстве цифровых медиа.....	196	<i>Степаненко Н.А.</i> Возрождение традиции домовых храмов в российских образовательных учреждениях.....	
<i>Атабиева З.А.</i> Социокультурная среда вуза как фактор самоопределения молодежи в условиях цифровизации.....	203	ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	
<i>Бай Ян, Ян Юаньхуа.</i> Культурная интерпретация и творческая измена в переводе «Ляо Чжай чжи и» В.М. Алексеева	208	<i>Варич Е.А., Оплетаяева О.Н.</i> Философские стратегии защиты субъективного начала в условиях информационного дуализма.....	
<i>Бондаренко Н.И.</i> Влияние стратификации общества на изменение социальных функций высшего образования	216	<i>Бекиров Н.В.</i> Философско-методологические основы социального предвидения/прогнозирования в работах В.Т. Мещерякова	
<i>Володин В.Н.</i> Академическая карьера и репродуктивное поведение в российской академической среде: результаты второго этапа качественного исследования.....	221	<i>Денисов А.А.</i> Ресентимент к ресентименту: чуждость концепта в корпусе Ницше	
<i>Ушакова В.Г., Вэй Ицзюнь.</i> Институциональные возможности и социальная неопределённость: сравнительный анализ механизмов обретения социального статуса молодёжью в Китае и России.....	229	<i>Зуйкова Ю.В., Кибыш А.И.</i> Методологические критерии научности и типология лженаучных направлений	
		<i>Полякова О.Р.</i> Концепт системности фундаментальной определяемости математики	
		ЭТИКА, ЭСТЕТИКА, РЕЛИГОВЕДЕНИЕ	
		<i>Беломыцев А.А.</i> Конфликтогенные режимы вернакулярных медиарепрезентаций: к постановке проблемы	
		<i>Тянь Хаожань.</i> Мультимодальный подход в эстетическом воспитании альтиста: на пересечении современных искусств и исполнительской практики Китая.....	
		<i>Ягудина А.Р., Антонова Н.А., Иремадзе Э.О.</i> Кризис вкуса в цифровую эпоху: социологический и эстетико-этический анализ механизмов формирования предпочтений молодёжи.....	

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Анисимов Т.Ю.* Феномен одиночества в эпоху текущей современности: от экзистенциального уединения к социальной заброшенности 347
- Бондаренко Д.А.* Свобода как условие политического развития: философский анализ 354
- Захаров А.В.* Духовная традиция россиян и философия хозяйства современной России 361
- Зубков Н.А.* Информационные конфликты и войны: эпистемологический аспект 365
- Ковальчук Н.В., Барышникова О.Е.* Искусственный интеллект в лингводидактике: переосмысление пространства обучения через призму аугментации и субституции 372
- Кузнецова М.Ф.* Немецкий философ Иммануил Кант и современная российская молодежь: точки соприкосновения и понимания (социально-философский анализ) 378
- Кукель В.Е., Луговской Д.М.* VI-системы в наукометрии: от понимания к производству знания 385
- Суховская Д.Н.* Культурологические детерминанты формирования креативного пространства города 392
- Филатов Д.Л.* Морально-нравственные ориентиры Русской Православной Церкви как фактор общественной консолидации в современной России 399
- Воскресенский А.А., Чистова А.Д.* Трансформация понятия «маргинальность» в научном дискурсе и общественном сознании 406
- Шуклина А.Ю.* Общее и различия в концепциях христианской православной морали и этики взаимопомощи П.А. Кропоткина 411
- МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
- Сивова С.А.* Формирование системного мышления в рамках компетентностного подхода в высшем образовании 415
- Бакирова З.Х.* Формирование ценностных установок у молодежи в современной России: вызовы и перспективы 421
- Богданов И.Я.* Анализ традиций и инноваций в практике населения в связи с введением санкций с 2014 до настоящего времени 426
- Ван Бэйбэй, Лю Шаохуа.* Практика применения модели интеграции преподавания, обучения и оценки на уроках чтения по английскому языку в старшей школе – на примере раздела Unit 1 «Ancient Chinese Art On Show» из учебника английского языка для старших классов издательства People's Education Press, выборочно-обязательный курс 3 434
- Волкова М.Д.* Культурная апроприация в транснациональных фэндомах: границы между вдохновением и присвоением 439
- Гнатюк М.А.* Транспортная отраслевая идентичность работников и обучающихся: развитие социологической категории и авторская дефиниция 445
- Гришаев А.К.* Анализ влияния нестандартных форм занятости на формирование социальных неравенств в России 453
- Дин Фэй, Ху Яньхуа.* Восприятие дискриминации при изучении английского языка старшеклассниками, поступающими на творческие специальности: состояние проблемы и факторы формирования 458
- Инь Сяожун, Хао Канли, Ван Цзяхуэй.* Анализ эффективности переводческой коммуникации при переводе раздела «影神图» игры Black Myth: Wukong с китайского языка на английский 466
- Гришаев А.К.* Исследования воздействия цифровых платформ на рынок труда и появление новых видов нестандартной занятости 473
- Карпов Л.И.* Развитие понятия автокефалии в Константинопольской и Русской православных церквях 479
- Ковальчук Н.В.* Интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам: дидактический потенциал, риски и перспективы 484
- Сяо Хуачуань.* Европейская труба в китайской музыкальной культуре сквозь призму категории ци юнь 490
- Туркменов И.О.* Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи 497
- Сяо Хуачуань.* Искусство исполнения на трубе в контексте эстетических категорий 502
- Хакки Аднан М.А., Шембетов И.Р.* Социальные сети как фактор политической социализации молодежи 507
- Чжэн Вэньсинь.* Политическая социализация молодежи в современном китайском обществе 513
- Щербакова И.В., Бажуткина Н.В.* Лексические средства выражения эмоции «восхищение» на материале художественного произведения на немецком языке 519

TABLE OF CONTENTS

EMPIRICAL STUDIES

- Didushko M.M.* Role ambiguity in virtual it teams: an empirical analysis of organizational interaction 8

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

- Ardashev R.G.* Death in the media: young people's assessment..... 15
- Baev P.A.* Corruption in the Worldviews of Young People 20
- Barbakova E.V.* The Quality of Online Education: An Empirical Analysis of Student Ratings 26
- Belonozhko M.L., Gnevasheva E.A.* Industrial University of Tyumen Tactical and strategic profiles of the internalization of traditional values in adolescents in a children's health and educational center..... 33
- Bychenko Yu.G., Zinovieva E.A.* Power relations in modern military families 41
- Danilov V.L.* Religious identity in a multicultural society: a sociological analysis..... 47
- Maslodudova N.V.* Digital socialization in the information society 52
- Mkrtumova I.V., Lapteva A.S., Kudakov I.S., Torondush M.Yur.* Using Digital Media, Communication, and Socio-Technological Tools for the Targeted Management of Modern Social Processes: Attracting Attention, Forming an Image, and Regulating Intragroup Dynamics 59
- Novoselova E.N.* Loneliness in old age: between resource and threat to health 68
- Tizengauzen M.G.* Social Practices and Employment Models of Creative Industry Participants in Russia: Self-Institutionalization and Professional Trajectories 75
- Trokhilova U.V.* Availability of social and medical care for women in the situation of reproductive choice: institutional gap between regulatory innovations and real practices of the regional perinatal center 82
- Turkmenov I.O.* Methodological approaches to studying the influence of student labor brigades on the formation of industry identity of youth..... 90

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Belousova D.K., Kovaleva A.V.* Regional and Socio-Economic Factors in the Educational Path Choices of Youth in Khabarovsk Krai: An Analysis of Current Trends..... 95
- Bukhtiyarova I.N.* The digital footprint as a tool of social control in modern Chinese society 103
- Popazova O.A., Gridneva M.A.* Social risks of artificial intelligence in the higher education system of the Russian Federation 111
- Kalmykov N.N.* A visual-environmental diagnostic profile of a megacity: offline and online contours of Moscow as perceived by design students 118

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: Russian Sociological Association

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered by Roskomnadzor, registration number:

PI No. 7717521 dated February 24, 2004.

ISSN 18129226

Rospechat subscription index: 46701

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, Kedrova St., 14, Bldg. 2, Knorus Publishing House

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-chief: **Albert Ivanovich Kravchenko** (Doctor of Sociological Sciences, Professor)

Barkov Sergei Aleksandrovich (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Zheltoz Viktor Vasilyevich** (Doctor of Philosophy, Professor, Siberian Institute of Socio-Political Research); **Mamedov Agamali Kulam-Ogly** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Sillaste Galina Georgievna** (Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation); **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna** (Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University); **Rakhmanov Azat Borisovich** (Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Grabelnykh Tatyana Ivanovna** (Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University); **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Burmykina Irina Viktorovna** (Doctor of Sociology, Professor, Lipetsk State Pedagogical University); **Marshak Arkady Lvovich** (Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences); **Osipov Aleksandr Mikhailovich** (Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Fellow, Research Center, Yaroslavl the Wise Novgorod State University); **Afonin Yuri Alekseevich** (Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics).

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich (Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Kazakhstan branch of the International Scientific School of Sustainable Development named after P.G. Kuznetsov); **Vukicevic Slobodan** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro); **Kropp Fredrik** (Dean of the Faculty of the University of Monterrey (USA)); **Mitrovic Ljubiša** (Professor, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia)); **Titarenko Larisa Grigoryevna** (Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus); **Ferro Antimo Luigi** (Professor, Doctor of Sociology, Sapienza University of Rome); **Zhang Shuhua** (Doctor of Political Science, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Social Sciences Abroad»); **Sokolova Galina Nikolaevna** (Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk))

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilyevich (Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University); **Osipova Nadezhda Gennadyevna** (Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University); **Ivanov Vilen Nikolaevich** (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Khunagov Rashid Dumalichevich** (Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences); **Volkov Yuri Grigorievich** (Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University); **Ivchenkov Sergey Grigorievich** (Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Youth Sociology Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky)

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house: Ruscience LLC, 117218, Moscow, st. Kedrova, 14, bldg. 2
Tel.: +7(495) 741-46-28

Circulation 300 copies. A4 format. Publication date.: 06/15/2026 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Kozhushko L.A., Gildingersh M.G., Kantysheva I.G.</i> Education as a resource for social integration of people with disabilities in supported living.....	125
<i>Kozaeva L.A.</i> Transformation of corporate culture in the context of digitalization of society	130
<i>Malyshev M.A.</i> Public administration and civil service in modern China	135
<i>Novoselov D.O.</i> Adoption of Artificial Intelligence in Small Business as an Instrumental Practice and a Socio-Moral Boundary	144
<i>Pavlova S.A., Ushakova V.A., Boeva E.M.</i> Comparative analysis of regional unemployment (on the example of the Moscow and Novosibirsk regions).....	151
<i>Parfenov K.V.</i> Social portrait of vulnerability: gender and age aspects of cyber fraud as a challenge to the state information security policy.....	159
<i>Potapova T.S.</i> Increasing employee engagement at an industrial enterprise through social innovations in conditions of staff shortage (on the example of a chemical industry enterprise).....	165
<i>Savgacheva M.Yu.</i> Internal quality control system of dermatological care: social significance	172
<i>Silin A.N., Koltunov A.L.</i> Socio-economic and managerial factors of stabilization of small Russian towns (analysis of expert discussion).....	178
<i>Zhai Ziming.</i> Perception of state science policy and the culture of international scientific cooperation: evidence from a survey of representatives of the Chinese academic community.....	187
SOCIOLOGY OF CULTURE	
<i>Anisimov T.Yu.</i> Empathy as a commodity: the commodification of compassion in digital media	196
<i>Atabieva Z.A.</i> University socio-cultural environment as a factor of youth self-determination in the context of digitalization.....	203
<i>Bai Yang, Yang Yuanhua.</i> Cultural interpretation and creative treason in v. M. Alekseev's translation of Liao Zhai zhi yi	208
<i>Bondarenko N.I.</i> Impact of social stratification on changes in the social functions of higher education	216
<i>Volodin V.N.</i> Academic career and reproductive behavior in the Russian academic environment: results of the second stage of a qualitative study	221
<i>Ushakova V.G., Wei Yijun.</i> Institutional Opportunities and Social Uncertainty: A Comparative Analysis of Status Attainment Mechanisms among Youth in China and Russia	229
<i>Dovzhenko A.V.</i> The crisis of 20th-century culture and its philosophical interpretation by Yu.N. Solonin	235
<i>Duguniev A.G.</i> Transformation of Russian Higher Education in 2022–2025: trends and contradictions.....	243
<i>Kravchenko A.I.</i> Palms of the city	250

<i>Nikiforov N.Yu., Shtabnoy M.D.</i> Psychological and pedagogical support for the adaptation of student- athletes to the educational and training process in a university setting.....	255
<i>Pleshchev I.E., Demin N.A., Khramicheva O.A.</i> The importance of physical culture and sports in professional training and maintaining the health of medical students.....	260
<i>Rahkonen M.E.</i> Imitation of understanding and the status of meaning in artificial intelligence systems.....	265
<i>Filippova I.A.</i> Social attitudes towards children's digital security in Russia.....	270
<i>Shcherbakova I.V.</i> The development of dialogic speech in teaching German as a second foreign language	276
<i>Rahkonen M.E.</i> Reflexive information processing tools and the possibilities of metacognitive structures in artificial intelligence.....	280
<i>Yashkin V.S.</i> Main theoretical approaches to the study of volunteer activities.....	284

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Stepanenko N.A.</i> Revival of the tradition of house churches in Russian educational institutions	291

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE, PHILOSOPHY OF SCIENCE

<i>Varich E.A., Opletayeva O.N.</i> Philosophical strategies for protecting the subjective core in the context of informational dualism	298
<i>Bekirov N.V.</i> The Philosophical and Methodological Foundations of Social Foresight/Forecasting in the Works of V.T. Meshcheryakov	304
<i>Denisov A.A.</i> Ressentiment against Ressentiment: The Foreignness of the Concept in Nietzsche's Corpus	310
<i>Zuikova J.V., Kibysh A.I.</i> Methodological criteria of scientific character and typology of pseudoscientific trends.....	318
<i>Polyakova O.R.</i> The systematicity concept of the fundamental mathematics definability	324

ETHICS, AESTHETICS, RELIGIOUS STUDIES

<i>Belomytsev A.A.</i> Conflict-generating regimes of vernacular visibility: outlining the problem	330
<i>Tian Haoran.</i> A Multimodal Approach to the Aesthetic Education of the Violist: at the Intersection of Contemporary Arts and Chinese Performance Practice	337
<i>Yagudina A.R., Antonova N.A., Iremadze E.O.</i> Crisis of taste in the digital age: a sociological and aesthetic- ethical analysis of mechanisms shaping youth preferences	342

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Timofey Yu.A.</i> The phenomenon of loneliness in the age of fluid modernity: from existential solitude to social abandonment.....	347
<i>Bondarenko D.A.</i> Freedom as a condition of political development: a philosophical analysis.....	354

<i>Zakharov A.V.</i> The spiritual tradition of russians and the philosophy of modern Russian economy.....	361	<i>Volkova M.D.</i> Cultural appropriation in transnational fandoms: the boundaries between inspiration and misappropriation.....	439
<i>Zubkov N.A.</i> Information conflict and warfare: epistemological aspect.....	365	<i>Gnatyuk M.A.</i> Transport sectoral identity of employees and learners: development of a sociological category and the author's definition.....	445
<i>Kovalchuk N.V., Baryshnikova O.E.</i> Artificial intelligence in linguodidactics: rethinking the learning space through the prism of augmentation and substitution.....	372	<i>Grishaev A.K.</i> Analysis of the impact of non-standard forms of employment on the formation of social inequalities in Russia.....	453
<i>Kuznetsova M.F.</i> German philosopher Immanuel Kant and contemporary Russian youth: points of contact and understanding (a socio-philosophical analysis).....	378	<i>Ding Fei, Hu Yanhua.</i> Perceived discrimination in English language learning among senior high school students applying for creative and artistic majors: current issues and factors of formation.....	458
<i>Kukel V.E., Lugovskoy D.M.</i> BI-systems in scientometry: from understanding to knowledge production.....	385	<i>Yin Xiaorong, Hao Kangli, Wang Jiahui.</i> An Analysis of the Translation Communication Effect of the Chinese-English Translation of the «影神图» Section in Black Myth: Wukong.....	466
<i>Sukhovskaya D.N.</i> Cultural determinants of the formation of the creative space of the city.....	392	<i>Grishaev A.K.</i> Research on the impact of digital platforms on the labor market and the emergence of new types of pre-standard employment.....	473
<i>Filatov D.L.</i> Moral and Ethical Guidelines of the Russian Orthodox Church as a Factor of Social Consolidation in Modern Russia.....	399	<i>Karpov L.I.</i> Development of the concept of autocephaly in the Constantinople and Russian orthodox churches.....	479
<i>Voskresensky A.A., Chistova A.D.</i> The transformation of the concept of «marginality» in scientific discourse and public consciousness.....	406	<i>Kovalchuk N.V.</i> Integrating artificial intelligence technologies into foreign language teaching: didactic potential, risks, and prospects.....	484
<i>Shuklina A.Yu.</i> Commonalities and differences in the concepts of Christian orthodox morality and the bioethics of p. A. Kropotkin.....	411	<i>Xiao Huachuan.</i> The European trumpet in Chinese musical culture through the prism of the category of qi yun.....	490
INTERDISCIPLINARY RESEARCH		<i>Turkmenov I.O.</i> Methodological approaches to studying the influence of student labor brigades on the formation of industry identity of youth.....	497
<i>Sivova S.A.</i> The development of systems thinking within a competency-based framework in higher education.....	415	<i>Xiao Huachuan.</i> The art of playing the trumpet in the context of aesthetic categories.....	502
<i>Bakirova Z.Kh.</i> Formation of value attitudes among young people in contemporary Russia: challenges and prospects.....	421	<i>Hakki Adnan M.A., Shembetov I.R.</i> Social networks as a factor of youth political socialization.....	507
<i>Bogdanov I.Ya.</i> Analysis of traditions and innovations in population practices in connection with the imposition of sanctions from 2014 to the present.....	426	<i>Zheng Wenxin.</i> Political socialization of youth in contemporary Chinese society.....	513
<i>Wang Beibei, Liu Shaohua.</i> Practice of the integrated teaching – learning – assessment model in senior high school English reading classes – a case study of unit 1 «ancient Chinese art on show» in the selective compulsory book 3 of the pep senior high school English textbook.....	434	<i>Shcherbakova I.V., Bazhutkina N.V.</i> Lexical means of expressing emotion «admiration» based on the material of a work of art in German.....	519

Ролевая неопределенность в виртуальных IT-командах: эмпирический анализ организационного взаимодействия

Дидушко Максим Максимович,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: maks.didushko@yandex.ru

Статья посвящена исследованию ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах в условиях цифровизации труда и распространения дистанционных форм занятости. В работе рассматриваются особенности распределения ролей, коммуникации и координации деятельности в командах, функционирующих преимущественно в цифровой организационной среде. Эмпирическая база исследования включает результаты онлайн-опроса сотрудников IT-команд, а также данные полуструктурированных интервью с участниками виртуального взаимодействия. Проведен анализ основных проявлений ролевой неопределенности и ее влияния на внутрикомандные процессы, включая уровень межличностного доверия, психологической безопасности, качество коммуникации и субъективную оценку эффективности совместной работы. Установлено, что высокий уровень ролевой неопределенности сопровождается снижением согласованности действий между участниками команды, затруднением процессов принятия решений и ростом коммуникативных барьеров. Выявлено, что важнейшими факторами снижения ролевой неопределенности выступают формализация распределения обязанностей, прозрачность коммуникационных процедур, регулярная обратная связь и использование цифровых инструментов координации деятельности. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении ролевой неопределенности как социального феномена цифровой организационной среды и в выявлении механизмов ее влияния на эффективность виртуального командного взаимодействия.

Ключевые слова: ролевая неопределенность, виртуальные команды, IT-команды, цифровизация труда, дистанционная занятость, распределенная работа, организационное взаимодействие, командная эффективность, цифровая организационная среда, координация деятельности, управление командами, социология управления.

Введение

Цифровая трансформация экономики и распространение платформенных форм организации труда обусловили существенные изменения в структуре современных организационных взаимодействий. В условиях глобализации рынков, развития информационно-коммуникационных технологий и ускорения процессов цифровизации наблюдается переход от традиционных иерархических моделей управления к гибким сетевым формам координации деятельности, предполагающим пространственную распределенность участников и высокую степень автономии сотрудников. Одним из ключевых проявлений вышеупомянутых процессов стало широкое распространение виртуальных команд как особой формы организации совместной деятельности в цифровой среде.

Виртуальная команда представляет собой организационное объединение специалистов, взаимодействующих преимущественно посредством цифровых коммуникационных каналов и осуществляющих совместную деятельность вне единого физического пространства [3, с. 66]. Подобный формат позволяет организациям снижать издержки, расширять доступ к квалифицированным трудовым ресурсам и повышать адаптивность управленческих процессов в условиях высокой динамики цифровой экономики [1, с. 8].

Вместе с тем переход к распределенным форматам взаимодействия сопровождается возникновением новых организационных и управленческих рисков. Пространственная удаленность сотрудников, снижение интенсивности неформальных коммуникаций, асинхронность взаимодействия и опосредованный характер контроля трансформируют традиционные механизмы координации труда и воспроизводства организационного порядка [2, с. 198]. В отличие от классических организационных структур, в виртуальных командах существенно возрастает значение коммуникативных механизмов согласования ролей, интерпретации ожиданий и поддержания устойчивости внутрикомандных взаимодействий. В подобных условиях особую значимость приобретает проблема ролевой неопределенности.

Феномен ролевой неопределенности традиционно рассматривается в рамках ролевой теории организации и социологии управления как состояние недостаточной определенности относительно со-

держания профессиональных обязанностей, границ ответственности, критериев оценки деятельности и ожиданий со стороны других участников организационного взаимодействия [5, с. 1017]. Виртуальная среда взаимодействия объективно ограничивает возможности непосредственного наблюдения за рабочими процессами, снижает плотность социальных контактов и усложняет процессы согласования ожиданий между участниками командной деятельности [4, с. 102]. В результате сотрудники могут сталкиваться с неясностью распределения функций, размытием зон ответственности, дублированием задач и неопределенностью критериев оценки результатов труда. Подобные процессы оказывают влияние не только на эффективность координации деятельности, но и на более широкий спектр социальных характеристик командного взаимодействия, включая уровень межличностного доверия, психологическую безопасность и устойчивость организационных коммуникаций.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного числа исследований, посвященных отдельным аспектам функционирования виртуальных команд. В отечественной научной литературе рассматриваются вопросы формирования доверия в виртуальных коллективах, специфика электронного лидерства, механизмы дистанционного командообразования и социокультурные особенности распределенной работы. Вместе с тем анализ существующих исследований показывает, что проблема ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах остается недостаточно разработанной именно в рамках социологии управления. Большинство исследований сосредоточено преимущественно либо на психологических аспектах организационного поведения, либо на прикладных вопросах управления персоналом, тогда как социальные механизмы воспроизводства ролевой неопределенности в распределенных формах взаимодействия изучены фрагментарно.

В этой связи научная проблема исследования заключается в выявлении социальных механизмов формирования ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах и определении ее влияния на процессы внутрикомандного взаимодействия в условиях цифровой организации труда. Цель исследования состоит в анализе проявлений ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах, выявлении ее взаимосвязи с характеристиками командного взаимодействия и определении управленческих практик, способствующих снижению ее негативных эффектов.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- проанализировать теоретические подходы к исследованию ролевой неопределенности в организационной среде;

- выявить особенности проявления ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах;
- определить взаимосвязь ролевой неопределенности с уровнем доверия, психологической безопасности и субъективной оценкой эффективности командной работы;
- исследовать организационные факторы, влияющие на уровень ролевой неопределенности;
- выявить управленческие практики, способствующие снижению ролевой неопределенности в виртуальных командах.

Литературный обзор

Проблематика ролевой неопределенности формировалась в рамках ролевой теории организаций и исследований организационного поведения. Классические работы К. Кана, Д. Вульфа, Р. Куинна и Р. Снека [10] заложили основу понимания ролевой неопределенности как состояния недостаточной определенности относительно ожиданий, обязанностей и критериев оценки деятельности сотрудника. В дальнейшем данные идеи были развиты Р. Хаусом и Дж. Риззо, рассматривавшими ролевой конфликт и ролевую неопределенность в качестве ключевых переменных организационного поведения и факторов организационного стресса [12].

В современной организационной теории ролевая неопределенность трактуется не только как индивидуальное психологическое состояние, но и как характеристика системы организационного взаимодействия, возникающая в условиях недостаточной институционализации ролей и слабой согласованности коммуникаций. Исследования показывают, что неопределенность ролей связана со снижением удовлетворенности трудом, ростом эмоционального напряжения и ухудшением эффективности координации деятельности внутри команд [11, 12]. При этом особое внимание уделяется взаимосвязи ролевой неопределенности с уровнем доверия, организационной устойчивостью и коллективной эффективностью [6].

Развитие цифровых форм занятости и распространение распределенных моделей труда существенно актуализировали проблематику. Исследователи виртуальных команд отмечают, что пространственная удаленность сотрудников, опосредованный характер взаимодействия и снижение интенсивности неформальных коммуникаций создают дополнительные предпосылки для возникновения ролевой неопределенности [8]. Как было уже упомянуто, виртуальные команды характеризуются высокой зависимостью от цифровых каналов коммуникации, асинхронностью взаимодействия и необходимостью постоянного согласования ожиданий между участниками распределенной деятельности.

Существенный вклад в исследование распределенных команд внесли работы, посвященные

роли доверия в виртуальной среде. Согласно исследованиям А. Зорнозы, В. Оренго и В. Пеньяррохи [13], уровень доверия выступает одним из ключевых факторов эффективности виртуальных коллективов, оказывая влияние на координацию деятельности, удовлетворенность взаимодействием и групповую сплоченность. Авторы подчеркивают, что именно в условиях виртуального взаимодействия доверие становится важнейшим механизмом компенсации недостатка непосредственного социального контакта.

В ряде исследований отдельно рассматривается проблема согласованности коммуникационных норм и ролевой ясности в глобальных проектных командах. Л. Хендерсон и соавторы показали, что эффективность распределенных проектных коллективов во многом определяется степенью согласованности коммуникационных практик, уровнем доверия и четкостью распределения ролей [9]. Авторы приходят к выводу, что ролевая ясность выполняет медирующую функцию между коммуникационными нормами и результативностью проектной деятельности.

Отдельное направление исследований связано с анализом психологической безопасности в виртуальных командах. Концепция психологической безопасности, разработанная Э. Эдмондсон, рассматривает способность участников команды свободно выражать мнение, задавать вопросы и обсуждать ошибки без страха негативных санкций как важнейшее условие эффективного коллективного взаимодействия [7]. В условиях распределенной работы психологическая безопасность приобретает особую значимость, поскольку виртуальная среда усиливает риски социальной изоляции, неопределенности ожиданий и затруднений в межличностной коммуникации.

В отечественной социологии управления проблема ролевой неопределенности в виртуальных командах пока не получила комплексного эмпирического осмысления. Российские исследования преимущественно фокусируются на вопросах дистанционного лидерства, цифровой коммуникации и организационной адаптации виртуальных коллективов, тогда как механизмы распределения ролей и их влияние на внутрикомандные социальные процессы остаются изученными недостаточно полно. В связи с этим сохраняется необходимость дальнейшего эмпирического анализа ролевой неопределенности как фактора трансформации организационного взаимодействия в условиях цифровизации труда.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплексный подход к анализу ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах, предполагающий сочетание количественных и качественных

методов исследования. Использование смешанной исследовательской стратегии обусловлено необходимостью изучения феномена ролевой неопределенности одновременно на уровне статистически фиксируемых закономерностей и на уровне повседневных организационных практик взаимодействия сотрудников.

Эмпирическая часть исследования была реализована в период 2025–2026 гг. Основным методом сбора количественных данных выступил онлайн-опрос сотрудников IT-команд, функционирующих в условиях удаленного, гибридного и смешанного форматов занятости. Выбор онлайн-формата исследования обусловлен спецификой исследуемой профессиональной среды, высокой цифровой включенностью респондентов и распределенным характером их трудовой деятельности.

В исследовании приняли участие 146 респондентов, представляющих различные IT-команды и проектные группы. Критерием включения в выборку являлось участие респондента в коллективной проектной деятельности с использованием цифровых средств коммуникации. В исследовании были представлены специалисты различного профессионального профиля, включая разработчиков программного обеспечения, аналитиков, тестировщиков, проектных и продуктовых менеджеров, UX/UI-дизайнеров и сотрудников, выполняющих организационно-координационные функции.

В исследовании приняли участие сотрудники как полностью удаленных, так и гибридных команд. Кроме того, респонденты различались по продолжительности участия в текущей проектной команде, организационному статусу и размеру командных структур. Это позволило рассмотреть проявления ролевой неопределенности в различных конфигурациях виртуального взаимодействия.

Инструментарий количественного исследования включал блоки вопросов, направленных на измерение: уровня ролевой неопределенности, степени ясности распределения задач и ответственности, прозрачности процессов принятия решений, уровня межличностного доверия, психологической безопасности, субъективной оценки эффективности командной работы.

Для измерения показателей использовалась пятибалльная шкала Ликерта, где респондентам предлагалось оценить степень согласия с соответствующими утверждениями. Часть индикаторов имела обратную направленность и была предварительно инвертирована при обработке данных для обеспечения единой логики интерпретации результатов.

На основе совокупности индикаторов был рассчитан интегральный индекс ролевой неопределенности (от 1 до 5). Индекс формировался путем усреднения значений по группе переменных, отражающих восприятие респондентами ясности ролей, согласованности ожиданий и определен-

ности зон ответственности. Более высокие значения интегрального показателя соответствовали более высокому уровню ролевой неопределенности (табл. 1). Обработка количественных данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики, корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 1. Интерпретация интегрального индекса ролевой неопределенности

Значение индекса	Уровень
1.0–2.0	Низкая ролевая неопределенность
2.1–3.0	Умеренная
3.1–4.0	Высокая
4.1–5.0	Критическая

Дополнительным источником эмпирических данных выступили полуструктурированные интервью с сотрудниками и руководителями виртуальных IT-команд. Качественная часть исследования была направлена на выявление особенностей распределения ролей, интерпретации организационных ожиданий и практик координации деятельности в условиях удаленного взаимодействия. Интервью проводились по заранее подготовленному гайду, включавшему тематические блоки, посвященные распределению ответственности, коммуникационным практикам, управленческим механизмам согласования задач и возникающим трудностям взаимодействия.

Результаты

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что элементы ролевой неопределенности являются распространенным явлением в современных виртуальных IT-командах. Анализ данных онлайн-опроса показал, что значительная часть респондентов в той или иной степени сталкивается с неясностью распределения обязанностей, размыванием зон ответственности и недостаточной прозрачностью организационных коммуникаций.

Для количественной оценки уровня ролевой неопределенности был рассчитан интегральный показатель, агрегирующий ответы респондентов по блоку соответствующих индикаторов. Расчет показал, что среднее значение интегрального индекса ролевой неопределенности составило 2,89 при стандартном отклонении 0,58, что свидетельствует о наличии умеренно выраженного уровня неопределенности в исследуемых командах. Одновременно были рассчитаны интегральные показатели доверия, психологической безопасности и субъективной оценки эффективности командной работы. Полученные значения представлены в таблице 2.

Таблица 2. Интегральные показатели исследуемых характеристик

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Дисперсия
Ролевая неопределенность	2,89	0,58	0,34
Доверие в команде	3,74	0,63	0,40
Психологическая безопасность	3,68	0,61	0,37
Эффективность команды	3,81	0,65	0,42

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в исследуемых виртуальных командах относительно высокий уровень доверия и субъективной оценки эффективности сосуществует с умеренно выраженными проявлениями ролевой неопределенности. Это указывает на то, что распределенные команды способны поддерживать устойчивость взаимодействия даже при наличии определенных проблем координации, однако подобная неопределенность продолжает оказывать влияние на качество внутрикомандных процессов.

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ выявил статистически значимые взаимосвязи между уровнем ролевой неопределенности и рядом характеристик командного взаимодействия. Результаты анализа показали, что увеличение ролевой неопределенности сопровождается снижением уровня межличностного доверия, психологической безопасности и субъективной оценки эффективности команды. Коэффициенты линейной регрессии представлены в табл. 3.

Таблица 3. Влияние ролевой неопределенности на характеристики командного взаимодействия

Зависимая переменная	Коэффициент В	R ²
Доверие в команде	-0,56	0,14
Психологическая безопасность	-0,50	0,11
Эффективность команды	-0,62	0,21

Полученные коэффициенты свидетельствуют о наличии устойчивой отрицательной взаимосвязи между уровнем ролевой неопределенности и исследуемыми социальными характеристиками командного взаимодействия. Наиболее выраженная связь была выявлена между ролевой неопределенностью и субъективной оценкой эффективности командной работы ($B = -0,62$). Это позволяет предположить, что неясность распределения ролей и ответственности существенно осложняет процессы координации деятельности и снижает согласованность действий внутри команды.

Более детализированный анализ, основанный на самоописании занимаемой должности, свиде-

тельствует о наличии различий в уровне ролевой неопределенности между профессиональными категориями сотрудников (табл. 4). Вместе с тем эта переменная отличается высокой степенью фрагментированности: распределение включает большое количество малочисленных профессиональных групп, что снижает надежность строгих статистических выводов.

Таблица 4. Расчет индекса ролевой неопределенности относительно категорий должностей сотрудников (наиболее крупные категории)

Должность / позиция	N	Средний индекс ролевой неопределенности
Support / Customer Success / Account Manager	14	2.540
Тимлид / Tech Lead / Head	14	2.587
Project Manager	13	2.650
Разработчик (Backend / Frontend / Fullstack)	13	2.782
Data Scientist / Data Engineer / Аналитик данных	7	2.429
Product Manager / Product Owner	6	2.991
QA / Тестировщик	6	2.343
Sales / Pre-Sales / Business Development	6	2.694
Marketing / SMM / PR	5	2.944

Несмотря на указанные ограничения, среди наиболее многочисленных категорий прослеживаются определенные тенденции. Повышенные показатели ролевой неопределенности отмечаются у product-специалистов, сотрудников маркетингового профиля и разработчиков, тогда как сравнительно более низкие значения характерны для тестировщиков и специалистов data-направления. Вероятно, выявленные различия обусловлены неодинаковым уровнем формализации профессиональных ролей и спецификой распределения функциональных обязанностей в различных сегментах деятельности.

Наиболее заметная тенденция была связана со степенью формализации распределения ролей. В командах, где обязанности и зоны ответственности были институционально закреплены посредством внутренних регламентов, описаний ролей или цифровых систем управления проектами, уровень ролевой неопределенности оказался ниже. Однако выявленные различия не носят абсолютного характера, что позволяет говорить скорее о тенденции к снижению неопределенности при повышении степени организационной формализации.

Качественный анализ полуструктурированных интервью позволил дополнить количественные

результаты и выявить ряд особенностей повседневного взаимодействия в виртуальных командах. Респонденты отмечали, что в условиях удаленной работы многие вопросы распределения ответственности решаются ситуативно и нередко требуют постоянного уточнения в процессе коммуникации. При этом отсутствие регулярного неформального взаимодействия ограничивает возможности оперативного согласования ожиданий между сотрудниками.

В ходе интервью были выявлены основные организационные практики, способствующие снижению ролевой неопределенности:

- формализация ролей и зон ответственности;
- использование цифровых систем визуализации задач и контроля процессов;
- регулярные командные встречи и ретроспективы;
- поддержание постоянной обратной связи между руководителем и участниками команды;
- развитие культуры открытого обсуждения проблем и уточнения ожиданий.

Особое значение респонденты придавали прозрачности коммуникационных процессов. Сотрудники отмечали, что регулярное уточнение задач и доступность информации о распределении ответственности позволяют существенно снизить неопределенность и повысить предсказуемость взаимодействия внутри команды.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать ролевую неопределенность как устойчивый элемент организационного взаимодействия в условиях виртуальной занятости и цифровизации труда. Проведенное исследование подтверждает выводы зарубежных и отечественных авторов о том, что распределенные формы организации деятельности трансформируют традиционные механизмы координации и требуют новых способов согласования ожиданий между участниками командного взаимодействия.

Выявленная в ходе исследования распространенность ролевой неопределенности в виртуальных IT-командах согласуется с положениями ролевой теории организаций, согласно которым недостаточная определенность ожиданий и обязанностей выступает одним из ключевых источников организационного напряжения. При этом результаты исследования позволяют уточнить специфику проявления данного феномена именно в условиях цифровой организационной среды.

Особый интерес представляет выявленная взаимосвязь между ролевой неопределенностью и уровнем межличностного доверия. Полученные результаты подтверждают выводы исследований виртуальных команд, согласно которым доверие выступает одним из центральных механизмов под-

держания устойчивости распределенного взаимодействия. В условиях недостаточной определенности ролей сотрудники сталкиваются с ограниченной предсказуемостью поведения коллег и неопределенностью ожиданий относительно распределения ответственности, что может снижать уровень доверия внутри команды. Таким образом, ролевая ясность выполняет не только координационную, но и социально-интегративную функцию, обеспечивая устойчивость внутрикомандных отношений.

Результаты исследования также показывают, что ролевая неопределенность связана со снижением субъективной оценки эффективности командной работы. Наиболее сильная отрицательная связь была зафиксирована именно между уровнем неопределенности и восприятием эффективности взаимодействия. Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что проблемы распределения ролей оказывают влияние не только на социально-психологические характеристики команды, но и на процессы организационной координации. Недостаточная определенность обязанностей способна приводить к дублированию функций, затруднениям в принятии решений и росту транзакционных издержек внутри команды.

Вместе с тем проведенный анализ показал, что структурные характеристики команд – численность коллектива, продолжительность совместной работы или позиция сотрудника в организационной иерархии – не демонстрируют выраженного самостоятельного влияния на уровень ролевой неопределенности. Это позволяет предположить, что ключевую роль играют не столько формальные параметры команды, сколько качество организационных коммуникаций и степень институционализации процессов распределения ответственности.

При этом результаты качественного анализа показывают, что формальная регламентация сама по себе не устраняет проблему ролевой неопределенности полностью. Даже в командах с достаточно развитой системой распределения обязанностей сотрудники продолжали сталкиваться с необходимостью постоянного согласования задач и уточнения ожиданий. Это связано с высокой динамичностью IT-проектов, гибкостью подходов и постоянной трансформацией рабочих процессов. Следовательно, ролевая определенность в виртуальных командах должна рассматриваться не как статическое состояние, а как постоянно воспроизводимый процесс организационного взаимодействия.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что эффективное управление виртуальными командами требует сочетания формализованных механизмов координации и развитых коммуникационных практик. С одной стороны, ор-

ганизациям необходимы инструменты институционального закрепления ролей и повышения прозрачности распределения ответственности. С другой стороны, важнейшее значение сохраняют регулярные коммуникации, механизмы обратной связи и поддержание организационной культуры, ориентированной на открытое обсуждение ожиданий и совместное согласование задач.

Заключение

Выявленные взаимосвязи между уровнем ролевой неопределенности, межличностным доверием, психологической безопасностью и субъективной оценкой эффективности командной работы свидетельствуют о том, что неопределенность ролей затрагивает не только процессы распределения функций, но и более глубокие механизмы организационной интеграции. Виртуальная среда взаимодействия усиливает значимость коммуникационных практик и институциональных механизмов координации, обеспечивающих устойчивость коллективной деятельности в условиях пространственной распределенности сотрудников.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что эффективное управление виртуальными командами требует формирования комплексной системы организационной координации, сочетающей формализацию ролей, прозрачность распределения ответственности и развитие устойчивых коммуникационных механизмов. При этом ролевая определенность должна рассматриваться не как фиксированное организационное состояние, а как динамический процесс постоянного согласования ожиданий и воспроизводства взаимодействия в цифровой среде.

Литература

1. Балабанова, Е.С. Труд в условиях удаленной и гибридной занятости (на примере работников IT-компаний) / Е.С. Балабанова, Д.А. Молчанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2022. – № 1.
2. Герасимов, Б.Н. Развитие экономических систем: теория, методология, практика: Монография (научное издание) / Б.Н. Герасимов, Н.С. Астафьева, В.В. Бондаренко [и др.]. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – 272 с.
3. Кожевникова, Л.В. Формирование виртуальных команд: удаленный тимбилдинг и лидерство / Л.В. Кожевникова, И.Е. Старовойтова // Вестник Государственного университета управления. – 2022. – № 4.
4. Кустова В. А., Лымарева О.А. Мотивация и стимулирование в условиях удаленной работы: вызовы и решения // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12–1 (106).

5. Эшбоев Ш. Х.Ф. Ролевой конфликт в трудовых коллективах (анализ на основе ролей Белбина) // Экономика и социум. – 2025. – № 11–2 (138).
6. Beauchamp M. R., Bray S.R., Eys M.A., Carron A.V. Role ambiguity, role efficacy, and role performance: multidimensional and mediational relationships within interdependent sport teams // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. – 2002. – Vol. 6, № 3. – P. 229–242.
7. Edmondson A. Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams // *Administrative Science Quarterly*. – 1999. – Vol. 44, № 2. – P. 350–383.
8. Jarvenpaa S. L., Leidner D.E. Communication and trust in global virtual teams // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 1998. – Vol. 3, № 4.
9. Henderson L. S., Stackman R.W., Lindekilde R. The Centrality of Communication Norm Alignment, Role Clarity, and Trust in Global Project Teams // *International Journal of Project Management*. – 2016. – Vol. 34, № 8. – P. 1717–1730.
10. Kahn R. L., Wolfe D.M., Quinn R.P., Snoek J.D. *Organizational Stress: Studies in Role Conflict and Ambiguity*. New York: John Wiley & Sons, 1964
11. Mañas M. A., Salvador C., Boada-Grau J., González E., Agulló E. Consequences of team job demands: role ambiguity climate, affective engagement, and extra-role performance // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 8. – Art. 2292.
12. Rizzo J. R., House R.J., Lirtzman S.I. Role conflict and ambiguity in complex organizations // *Administrative Science Quarterly*. 1970 Vol. 15, № 2 P. 150–163.
13. Zornoza A., Orengo V., Peñarroja V. Relational capital in virtual teams: the role played by trust // *Social Science Information*. – 2009. – Vol. 48, № 2. – P. 257–281.

ROLE AMBIGUITY IN VIRTUAL IT TEAMS: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF ORGANIZATIONAL INTERACTION

Didushko M.M.

Saint Petersburg State University of Economics

The article examines role ambiguity in virtual IT teams in the context of the digitalization of work and the rise of remote work. The study examines the characteristics of role distribution, communication, and coordination of activities in teams operating primarily in a digital organizational environment. The empirical basis of the study includes the results of an online survey of IT team members, as well as data from semi-structured interviews with participants in virtual interactions. An analysis was conducted of the main manifestations of role ambiguity and its impact on intra-team processes, including the level of interpersonal trust, psychological safety, communica-

tion quality, and subjective assessment of the effectiveness of collaborative work. It was found that a high level of role ambiguity is accompanied by a decrease in the coordination of actions among team members, difficulties in decision-making processes, and an increase in communication barriers. It was revealed that the most important factors in reducing role uncertainty are the formalization of the distribution of responsibilities, the transparency of communication procedures, regular feedback, and the use of digital tools for coordinating activities. The scientific novelty of the study lies in examining role ambiguity as a social phenomenon of the digital organizational environment and in identifying the mechanisms through which it influences the effectiveness of virtual team interaction.

Keywords: role ambiguity, virtual teams, IT teams, digitalization of work, remote work, distributed work, organizational interaction, team effectiveness, digital organizational environment, coordination of activities, team management, sociology of management.

References

1. Balabanova, E.S. Labor in the field of IT business (primarily, IT companies) / E.S. Balabanova, D.A. Molchanova // *Western St. Petersburg University. Sociology*. – 2022. – № 1.
2. Gerasimov, B.N. Development of economic systems: theory, methodology, practice: Monograph (scientific edition) / B.N. Gerasimov, N.S. Astafieva, V.V. Bondarenko [et al.]. Penza: Penza State Agrarian University, 2025. 272 p.
3. Kozhevnikova, L.V. Formation of virtual teams: remote team building and leadership / L.V. Kozhevnikova, I.E. Starovoitova // *Bulletin of the State University of Management*. – 2022. – № 4.
4. Kustova V. A., Lymareva O.A. Motivation and stimulation in remote work: challenges and solutions // *Economics and Business: theory and practice*. – 2023. – № 12–1 (106).
5. Ashboev Sh. Kh.F. Role conflict in labor collectives (analysis based on Belbin's roles) // *Economics and Society*. – 2025. – № 11–2 (138).
6. Beauchamp M. R., Bray S.R., Ace M.A., Carron A.V. Ambiguity of roles, effectiveness and performance of roles: multidimensional and intermediary relations in interdependent sports teams // *Group dynamics: theory, research and practice*. – 2002. – Vol. 6, № 3. – pp. 229–242.
7. Edmondson A. Psychological safety and behavior training in labor collectives // *Administrative Science Quarterly*. – 1999. – Volume 44, № 2. – pp. 350–383.
8. Yarvenpaa S. L., Leidner D.E. Communication and trust in global virtual teams // *Journal of computer-mediated communication*. – 1998. – Vol. 3, № 4.
9. Henderson L. S., Stackman R.V., Lindekilde R. The importance of coordinating communication norms, clarity of roles and trust in global project teams // *International Journal of Project Management*. 2016. Vol. 34, № 8. pp. 1717–1730.
10. Kahn R. L., Wolfe D.M., Quinn R.P., Snoke J.D. *Organizational stress: studies of role conflict and ambiguity*. New York: John Wiley and Sons, 1964
11. Manyas M. A., Salvador K., Boada-Grau H., Gonzalez E., Agullo E. The consequences of teamwork: an atmosphere of role uncertainty, emotional involvement and the performance of additional functions // *Frontiers of Psychology*. – 2018. – Vol. 8. – V. 2292.
12. Rizzo J. R., House R.J., Lirtsman S.I. Role conflict and ambiguity in complex organizations // *Administrative Science Quarterly*. 1970, vol.15, № 2, pp. 150–163.
13. Zornoza A., Orengo V., Penyarokha V. Relational capital in virtual teams: the role of trust // *Sociological information*. – 2009. – Vol. 48, № 2. – pp. 257–281.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Смерть в медийном пространстве: оценка молодежи

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье проводится анализ роли и места смерти в медийном пространстве. Анализируются символы смерти в медиасреде, их формы притяжения, контекст размышлений о жизни и смерти. А также приводятся результаты исследования оценки молодежи восприятия смерти в медийном пространстве. Проводится анализ фокуса их внимания на контенте о смерти, мотивы и контекст изучения информации о смерти. Делается вывод о значимости публичного освещения смерти в медийном пространстве, которая фиксирует смысловые и экзистенциальные трансформации современной молодежи.

Ключевые слова: смерть, медийное пространство, виртуальность, молодежь.

Современное медийное пространство во многом выполняет основные функции культуры: создает и транслирует ценности, фиксирует значимость духовно-мировоззренческих и повседневных характеристик социального взаимодействия. Сетевая среда медийного пространства способствует максимальному вовлечению пользователей в определенный контент, который влияет на формирование мировоззрения и ценностей россиян.

Сегодня каждого касается коммуникативный контекст виртуального мира. Все меньше тех, кто не имеет своих аккаунтов в социальных сетях и не смотрит страницы своих знакомых там же, не смотрит и не слушает каких-то блогеров, не посещает определенные тематические сайты. Виртуальное пространство через медийную среду конструирует повседневную жизнь современников. Особенно остро это касается молодежи, так как именно она погружена в информационное медийное поле.

На сегодняшний день – коммуникации в медийном пространстве связывают всех незримыми сетями, определяя ценности и ориентиры, условия и формы просоциального поведения и социальной свободы. А также формируется новое поле ценностей, меняющие традиционные ориентиры и форматы социального взаимодействия (О.А. Полюшкович [15–17], П.А. Баев [8, 9]).

Явлению смерти посвящено множество контента в виртуальных медиа. Это новости (криминальная хроника), фильмы и сериалы о смерти (исторические фильмы, хоррор сериалы, криминальные расследования и передачи), преступления в виде убийства в мирное время (детективы, триллеры) и т.д.; песни о смерти; комиксы об убийствах, самоубийствах и смерти в целом; сетевые игры о смерти (о суицидальном поведении); форумы и чаты о смерти, суициде, скулшутинге; ток-шоу, психологические и эзотерические передачи, блоги, каналы и проч. Современные медиа – это «фабрика смерти», которая бесконечно дублируется, поэтому не воспринимается как конечная форма, которая ставит точку во многих жизненных процессах. Но смерть как действие перестают замечать обыватели.

Представленные примеры показывают визуально-игровой контент, который увлекает зрителя / читателя через текст, фото, видео и аудио материалы. То есть задействуются основные центры восприятия и оценки информации, которые влияют на то, каким образом мы оцениваем окружающий мир и себя в нем.

Благодаря медийному пространству за XX–XXI века произошла существенная трансформация восприятия и оценки смерти. Достаточно парадоксальный момент: сообщение о смерти на массовом уровне через «повседневность» информации о смерти в различных вариантах (фильмы, музыка, игры) – происходит умалчение о смерти, то есть внутренние переживания ценности жизни отходят на второй план, смерть становится зрелищным эпизодом, моментом который воспринимается поверхностно и не оценивается как серьезный экзистенциальный шаг меняющий реальность не только того, кто с ней соприкасается непосредственно, но и его окружения (Р.Г. Ардашев [1–7], В.В. Северцев [19]). Это связано с изменением духовно-мировоззренческих ориентиров современников (с усилением материализации общества, с ростом инфантилизма, с ценностями массовой культуры и общества потребления и проч.).

Выделяются исследования с разными жизненными смыслами, определяющие значимость оценки жизни и смерти (П.Р. Дмитриева [10], М.Э. Елютина [11], И.Н. Лаврикова [12], С. Мохов [14], Д. Рогозин [18], К.А. Чистопольская и С.Н. Ениколопов [20], А.В. Юревич [21]).

Научно-технические и медицинские открытия пока не смогли убрать смерть, но смогли увеличить длительность человеческой жизни. Но это стало еще одним переосмыслением смерти – человеку, привыкшему к качеству и длительности жизни, надо как-то осмысливать смерть.

Молодые люди, в этом смысле не концентрируют свое внимание на смерти из-за восприятия ее как процесса, который можно переиграть, пересмотреть (из-за возможности возрождения героя в компьютерных играх, аналогичного сюжета в кино и сериалах) – через визуальный контент происходит социализация молодежи, которая меняет представления о том, что ценно и как процессы жизни и смерти можно прожить. Тем более, что в различных сообществах смерть серьезно романтизируется. Это приводит к социальному переосмыслению значения смерти.

Современники бояться смерти и боли, но при этом постоянно вовлечены в дискурс смерти. Это пример моральной трансформации современного общества. В медиа смерти посвящено множество контента, потому что это один из востребованных информационных поводов. О смерти говорят в разных сообществах, в разных контекстах и могут регулировать социальное взаимодействие на уровне личного, социального или государственного уровня. Где личное – это восприятие и оценка самоубийства или попадания в ситуацию, где грозит смерть (то есть того, что может касаться личной смерти); социальное – касается общего уровня тревожности в обществе (криминальная хроника, где сообщается об убийствах совершенных в городе или стране); государственное – смерть, ко-

торая может быть формализована (участие в вооруженных конфликтах, специальных операциях, криминальных группировках). Это то, что может быть романтизировано в рамках определенного сюжета, контента или общего информационного воздействия в медиа среде.

Большая часть тех, кто потребляет информацию о смерти – не рефлексировать на данную тему. Существует «синдром привыкания к несчастьям» или «синдром обыденности смерти». Это заставляет смотреть на смерть как на процесс или как на практику, которая присутствует в обычной жизни и не нарушает ход обыденных вещей, воспринимается как норма социального поведения. Это смысловая подмена, которая меняет формат и смысл социального взаимодействия.

Смерть, переживаемая как зрелище – не несет проживания экзистенциального кризиса выбора между жизнью и смертью. Она формирует зависимость (схожая с наркотической) – потребность постоянно находить информацию о смерти (так как проживание эмоций в виртуальном пространстве более легко и интересно показывает формат социального регулирования взаимодействия).

Медийное поле конструирует массовый образ жизни, из которого ушел смысл. Бессмысленная жизнь воспринимается как норма (ее бояться потерять, но не принимать в серьез). Смыслов в смерти, благодаря тому же медиа пространству, гораздо больше (в перерождении; завершении страданий; опыта, оставляющего следы и т.д.). Это те, смыслы, которые предлагает медиа о смерти (о жизни такие смыслы сводятся к потреблению и материальным благам и ценностям). Победа обыденного мышления над осмысленной философской рефлексией смысла жизни. Доверяя свою жизнь медиа – человек теряет смысл жизни. Поэтому, все притягательнее становится смерть.

Особенности исследования

В исследовании приняли участие 1200 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, проживающих в разных регионах Российской Федерации, 55% женщин и 45% мужчин. Опрос проводился в онлайн через платформу опросов www.google.com. Квотами выборки было наличие личных страниц в социальных сетях и положительный ответ на вопрос о том, встречали ли молодые люди информацию о смерти в медийном поле. Все, кому была отправлена анкета (в случайном порядке) – положительно ответили на данный вопрос.

Все результаты обрабатывались в программе SPSS.

Обсуждение результатов исследования

Молодые люди отмечают, что смерть – это тема для регулярного привлечения внимания. Они сами

уделяют тем или иным новостям о чьей-то смерти, слушают музыку о смерти или смотрят фильм о смерти – каждый день (37%), несколько раз в неделю (30%), несколько раз в месяц (22%), несколько раз в год (11%).

Их притягивают острые эмоции и чувства, которые нигде не могут получить и они переживают эти состояния, только взаимодействуя с данной информацией (изучая информацию о смерти) в медийном пространстве (44%); они получают полезную информацию о смерти (как был кто-то убит, какие улики, какие последствия, как велось расследование) – интерес вызывает информация, которой могут сами опрошенные воспользоваться (в отношении себя – и они это выясняют для совершения самоубийства, или в отношении кого-то – чтобы кому-то отомстить, дать сдачи и проч.) – 31%; они получают информацию о смерти как аналитический инструмент (способ анализа окружающего мира) – 25%.

При этом, они отмечают разнообразный контент о смерти: смерть как негативное социальное событие (чаще в контексте криминальной хроники или сюжета фильма о преступлениях прошлого или настоящего, которые привели к смерти кого-то) – 42%; смерть как игра (квест, компьютерная игра о которой говорят на просторах медийного поля) – 26%; смерть как шоу (передачи, обсуждающие чьи-то смерти или формат развлекательного шоу – «игр на выживание» и т.д.) – 18%; смерть как сюжет (фильм, сериал о смерти и расследовании этой смерти) – 35%; песни о смерти – 32%; комиксы о смерти – 16%; форумы и чаты о смерти – 25%.

Мы попросили привести примеры пословиц или устойчивых оборотов, связанных со смертью, которые встречали молодые люди в своем медийном поле. В результате смогли выделить несколько ключевых смыслов, определяющих смысловые акценты смерти.

Смерть воспринимается как что-то неизбежное, как сила, которая не зависит от человека – 16%. *Перед судьей, да перед смертью замолчишь; Как ни вертись, а в могилку ложись; От смерти ни отмолишься, ни открестишься; Смерть не свой брат, разговаривать не станешь; Всем там быть: кому раньше, кому позже.*

Тут же присутствует фиксация на объекте как способе уравнивания всех – 14%. *Смерти не избежит никто: и пономарь, и владыка в земле равны; Царь и народ – все в землю пойдет; Придет время, все лягут в могилку; Смерть всех сравнивает; На всех одна смерть; Перед лицом смерти все равны.* Положение, звание, чин теряют значение в ее глазах, что подчеркивается компонентом все в данных паремиях.

Утрачивается смысл социального статуса, материальных благ, так как смерть выводит всех на новый уровень – 15%. *Что копили, того не за-*

берем, а о чем не пеклись, то с собой понесем; Умрем, ничего с собой не возьмем; Много бы взял да не надобно.

Становится важным приоритет: как стоит жить, на что обращать внимание, а также на момент противостояния добра и зла. *Жизнь дана на добрые дела; Для доброго человека смерть не страшна, т.к. после нее он остается жить в памяти людей; Злому смерть, а доброму воскресение; Смерть злым, а добрым вечная память.*

При этом подчеркивается неизбежность смерти и готовность настроиться на потерю жизни (20%). *И всяк умрет, как смерть придет; Смерти бояться – на свете не жить; Когда будем помирать, тогда будем горевать.* Жизнь, какой бы ни была, она лучше смерти: *Жить тяжело, да и умирать нелегко; Лучше б век терпеть, чем вдруг умереть; Жить – мучиться, а умереть не хочется; Как жить ни тошно, а умирать тошней.*

Отдельно встречаются устойчивые термины, которые фиксируют то, что человек боится смерти (13%). *Живой смерти не ищет; Всякий живот смерти боится; Жив человек смерти боится; Умереть сегодня страшно, а когда-нибудь – ничего.*

Смерти не стоит бояться, так как после последует новая жизнь (22%). *Смерть ставит точки и открывает новые страницы; Смерть меняет одну жизнь на другую; Смыслы смерти в возрождении.*

Приведенные примеры показывают многогранность смерти в медийном пространстве, фиксируют отличающиеся смыслы, на которые обращают молодые люди внимание. Это то, что регулирует социальное взаимодействие и новый формат оценки своей жизни и смерти вокруг.

Информация о смерти влияет на их настроение (положительно или отрицательно) – 54%; меняет качество жизни – 25%, никак не влияет на реальность – 21%. Информация о смерти в медийном пространстве подталкивает к определенному поведению (68%), формирует свою систему ценностей и ориентиров (32%). Это то, что меняет контекст социального взаимодействия и регулирования значимых вопросов жизни и смерти.

Яркие образы смерти управляют мыслями, чувствами и действиями молодежи. Поэтому, это рычаг социального моделирования и активного формирования новых смысло-жизненных ориентаций. Этот контекст конструируется в медийном пространстве цифрового информационного общества и позволяет определять новые контексты и форматы жизни и смерти. Оценка роли медийного отражения смерти является примером социального взаимодействия и конструирования новых экзистенциальных ориентиров жизни и смерти в современном обществе.

Изменить медийное поле нельзя, можно его изучать и понимать какие направления трансформации ему грозят в будущем, чтобы суметь противостоять новым условиям жизни. Это то, что

может дать ключи в управлении настроениями социальным самочувствием молодежи для органов власти, бизнеса, некоммерческого сектора, СМИ и т.д. Так как смерть – это явление и процесс одновременно, притягивающее максимум взглядов и оценок происходящего, регулирующая особенности проживания жизни и способы фиксации интереса к смерти.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Креативные механизмы вовлечения молодежи в сообщества смерти в социальных сетях // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 14–19.
2. Ардашев Р.Г. Скулшутинг как социальное явление // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20. № 3. С. 9–20.
3. Ардашев Р.Г. Скулшутинг как угроза социальной безопасности // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества и 30-летию открытия специальности «Социальная работа» в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2025. С. 9–12.
4. Ардашев Р.Г. Смерть в ценностной палитре современников: социально-психологический анализ // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2026. № 1. С. 112–121.
5. Ардашев Р.Г. Социальные связи молодежи в виртуальных сообществах смерти // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 67–73.
6. Ардашев Р.Г. Суицид и скулшутинг как радикальные субкультуры современности // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 12–19.
7. Ардашев Р.Г. Феномен смерти в оценках провинциальной молодежи (анализ представлений о самоубийстве и скулшутингу) // Социология. 2025. № 3. С. 13–18.
8. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
9. Баев П.А., Кузьминич С.Д. Духовно-нравственные ориентиры в психологическом портрете студентов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2026. С. 257–262.
10. Дмитриева П.Р. Смыслоразнозначные ориентации у людей с разным уровнем страха смерти // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 3. С. 5–17.
11. Елютина М.Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 111–119.
12. Лаврикова И.Н. Молодежь: отношение к смерти // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 134–136.
13. Левченко И.Е., Полюшкевич О.А. Просоциальные практики трактовки смертности: расово-антропологический и социокультурный аспекты // Acta Biomedica Scientifica. 2022. Т. 7. № 3. С. 64–74.
14. Мохов С. Популярная морталитет: death positive, гуманизация и критика современности // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 111–121.
15. Полюшкевич О.А. Молодежь и моральные ценности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 188–192.
16. Полюшкевич О.А. Социальная ответственность и инфантильность современной молодежи // Гуманитарный вектор. 2026. Т. 21. № 1. С. 27–38.
17. Полюшкевич О.А. Социальное страдание: психическое расстройство или социальная реакция // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2023. С. 52–61.
18. Рогозин Д. Как возможен осмысленный разговор о смерти // Социокультурные исследования. 2014. № 1 (103). С. 18–31.
19. Северцев В.В. Тема смерти в контексте современной медийной культуры // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2 (22). С. 165–170.
20. Чистопольская К. А., Ениколопов С.Н. Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // Вестник психиатрии Чувашии. 2015. Т. 11. № 1. С. 8–19.
21. Юревич А.В. Психологические аспекты отношения к смерти // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 123–132.

DEATH IN THE MEDIA: YOUNG PEOPLE'S ASSESSMENT

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

This article analyzes the role and place of death in the media. It examines symbols of death in the media, their forms of attraction, and the context of reflection on life and death. It also presents the results of a study of young people's perceptions of death in the media. It analyzes their focus on content about death, their motives, and the context for studying information about death. It concludes that public coverage of death in the media is significant, capturing the semantic and existential transformations of modern youth.

Keywords: death, media, virtuality, youth.

References

1. Ardashev R.G. Creative Mechanisms for Engaging Young People in Death Communities on Social Networks // *Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024.* pp. 14–19.
2. Ardashev R.G. Schoolshooting as a Social Phenomenon // *Humanitarian Vector.* 2025. Vol. 20, № 3. pp. 9–20.
3. Ardashev R.G. Schoolshooting as a Threat to Social Security // *Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of Defender of the Fatherland and the 30th Anniversary of the Discovery of the Specialty «Social Work» in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 2025.* pp. 9–12.
4. Ardashev R.G. Death in the Value Palette of Contemporaries: A Socio-Psychological Analysis // *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World.* 2026. № 1. pp. 112–121.
5. Ardashev R.G. Social Ties of Young People in Virtual Communities of Death // *A Solidarity Society as an Ideal and a Project: History and Modernity. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Editors R. Kh. Lukmanova, I.V. Frolova. Ufa, 2023.* pp. 67–73.
6. Ardashev R.G. Suicide and School Shooting as Radical Subcultures of Modernity // *Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025.* pp. 12–19.
7. Ardashev R.G. The Phenomenon of Death as Perceived by Provincial Youth (Analysis of Perceptions of Suicide and School Shooting) // *Sociology.* 2025. № 3. pp. 13–18.
8. Baev P.A. Life Crisis or New Opportunities: The Impact of Socioeconomic Transformations on Young People // *Sociology.* 2024. № 11. pp. 27–31.
9. Baev P.A., Kuzminich S.D. Spiritual and Moral Guidelines in the Psychological Portrait of Students // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2026.* pp. 257–262.
10. Dmitrieva P.R. Life-Meaning Orientations in People with Different Levels of Fear of Death // *Russian Psychological Journal.* 2020. Vol. 17. № 3. Pp. 5–17.
11. Elyutina M.E. Elderly People: Attitudes Toward Death and Thanatic Anxieties // *Sociological Studies.* 2015. № 10. Pp. 111–119.
12. Lavrikova I.N. Young People: Attitudes Toward Death // *Sociological Studies.* 2001. № 4. Pp. 134–136.
13. Levchenko I. E., Polyushkevich O.A. Prosocial Practices of Interpreting Mortality: Racial-Anthropological and Sociocultural Aspects // *Acta Biomedica Scientifica.* 2022. Vol. 7. № 3. Pp. 64–74.
14. Mokhov S. Popular Mortalism: Death Positive, Humanization, and Critique of Modernity // *New Literary Review.* 2019. № 5 (159). Pp. 111–121.
15. Polyushkevich O.A. Youth and Moral Values // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023.* Pp. 188–192.
16. Polyushkevich O.A. Social Responsibility and Infantilism of Modern Youth // *Humanitarian Vector.* 2026. Vol. 21. № 1. Pp. 27–38.
17. Polyushkevich O.A. Social suffering: mental disorder or social reaction // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2023.* pp. 52–61.
18. Rogozin D. How is a meaningful conversation about death possible // *Sociocultural studies.* 2014. № 1 (103). pp. 18–31.
19. Severtsev V.V. The topic of death in the context of modern media culture // *Science. Art. Culture.* 2019. № 2 (22). pp. 165–170.
20. Chistopolskaya K. A., Yenikolopov S.N. Attitudes towards death after a suicide attempt: stigmatization and self-stigmatization of suicidal patients // *Bulletin of Psychiatry of Chuvashia.* 2015. Vol. 11. № 1. Pp. 8–19.
21. Yurevich A.V. Psychological aspects of attitudes towards death // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin.* 2018. № 1. Pp. 123–132.

Коррупция в мировоззренческих представлениях молодежи

Баев Павел Анатольевич,

кандидат социологических наук, доцент, Байкальский
государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье представлен механизм коррупции как принцип разрушения социального взаимодействия. На основе изучения мировоззренческих представлений молодежи ($n = 1500$) о причинах, особенностях и последствиях коррупции, сферах распространения коррупции и чувства, которые испытывают россияне, при информировании о коррупционных схемах. Проводится анализ существующих пословиц и поговорок, позволяющих объяснить разные формы коррупции в современном обществе. Делаются выводы о перспективах социального моделирования общественного воспроизводства в будущем.

Ключевые слова: коррупция, представления молодежи, мировоззрение, социальное развитие, социальная деградация, социальное разрушение

Оценивая возможности нарушения морально-этических и экономико-правовых регуляторов поведения, именно коррупция позволяет увидеть картину социальной дезинтеграции и разрушения. Коррупция – это результат проблем сложившихся на уровне власти, управления, общественных проблемных взаимодействий, личной и социальной неудовлетворенности общим положением вещей.

Коррупция в любой сфере жизни – это механизм активизации отсутствия доверия к тем, кто принимает решения, кто подчиняется этим решениям, разрушения принципов функционирования социальных институтов, неэффективности законов, негативного имиджа представителей органов власти и проч. Это социальный маркер разрушения социальной ткани общества.

В литературе рассматриваются юридические проблемы и противоречия как причины коррупции. Существующие законы помогают решать проблемы, а их создают, поэтому возникает коррупция. Например, это работы таких авторов как Б.Я. Гаврилов [9], Е.В. Рогова [14], В.А. Новиков и А.В. Сигарев [10] и др. В экономических исследованиях, причинами коррупции называют экономические санкции, кризисы, экономические противоречия социального развития (Е.А. Бахтаирова и А.В. Анганова [8]). В социологических исследованиях, особое место отводится социальным факторам, способствующим развитию коррупции, социальным рычагам общественного воспроизводства в условиях коррумпированного общества (работы Р.Г. Ардашева [1–3], О.В. Федоровой [25]). В психологических исследованиях коррупции особое место отводится личности коррупционера, его личностных характеристик, поведенческих черт и т.д. (П.А. Баев [6, 7], В.А. Скуденков [15, 16]. В философских работах осмысливается роль и значение коррупции как неотъемлемого элемента общественного прогресса, как критерия социально позитивно или социально негативного вектора общественного развития (О.А. Полюшкевич [11–13]). Отдельное место отводится исследованиям изучения коррупции в разных сферах (коррупция в спорте – В.Н. Туркова [17–24], Р.Г. Ардашев [4, 5] и проч.). Рассматриваемые направления коррупции фиксируют ее социальную направленность и контекст развития.

Данные направления исследований ставят приоритет изучения социальных представлений разных социальных групп о природе коррупции, ее причинах, особенностях и следствиях. Это позволяет анализировать и регулировать социальный

контекст коррупционного поведения и механизмы социального развития в условиях коррупции.

Особенно важно изучать мнение молодежи о коррупции. Так как такие представления определяют условия социального развития общества и механизмы социальной динамики, фиксирующие применимые и не приемлемые нормы поведения.

Особенности исследования

Исследование проводилось в онлайн, на платформе www.google.com, в нем приняли участие 1500 человек, 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 25 лет. Из опрошенных: только учатся 35%, учатся и работают – 40%, только работают – 25%. Все респонденты проживают в разных регионах Российской Федерации.

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования

Сами участвовали в коррупционных схемах или сталкивались с коррупцией лично – 27% опрошенных. Знают тех, кто участвовал в коррупционных схемах – 63%, не знают и не сталкивались – 10%. Данное распределение показывает масштабность проблемы, так как в том или другом варианте с ней сталкивались практически все участники исследования.

Информацию о коррупции по ТВ и в сети Интернет регулярно видят 88% опрошенных, из них 37% целенаправленно ее ищет, остальные случайно обращают внимание на новостные ленты. Это указывает на постоянный интерес к данной теме, который искусственно подстегивается СМИ и сетью Интернет. Это механизм социального моделирования, который управляет вниманием пользователей медиа-контента.

Причины коррупции в оценках молодежи разнообразны. Коррупция – это естественный показатель развития общества и его социальных институтов (24%). Коррупция – это показатель неэффективности законов (23%). Коррупция – это механизм неэффективного экономического регулирования рынка (20%). Коррупция – это форма морально-этического разрушения общества (18%). Коррупция – это показатель психологической неудовлетворенности тем, что есть сейчас (15%). См. рис. 1.

Сферы коррупции, о которых слышали респонденты, достаточно разнообразны: чиновники разного уровня (41%), полиция (36%), медицина (26%), образование (22%), спорт (20%), культура (15%), иные (7%). Достаточно большой объем, указывает на массовость и распространенность данного явления. Для большей части опрошенных – не вызывают удивления данные сферы, скорее со-

стояние «понимания» почему это происходит. Также респонденты не видят, как это можно изменить (77%), то есть, они воспринимают коррупционное поведение как естественное состояние общества и «нормальное» функционирование социальных институтов. Точно также нормально воспринимается и борьба с коррупцией (каждый выполняет свою роль). Если кого-то поймали, значит плохо играют свою роль – состояние смирения и фиксации того, что пообедать сильнее (см. рис. 2).

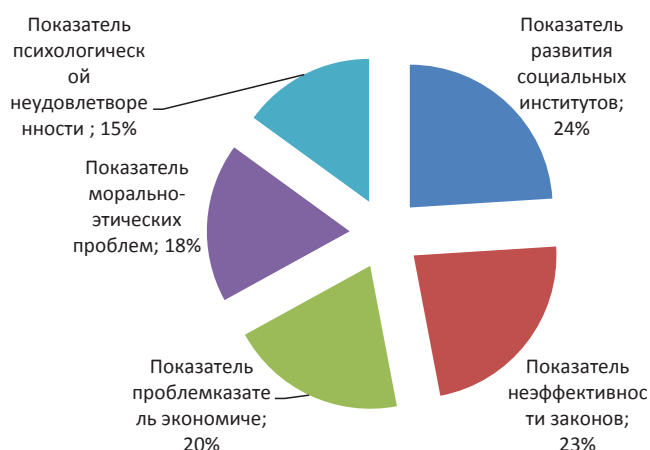

Рис. 1. Причины коррупции

Когда коррупция воспринимается нормой, а коррупционеры как люди, выполняющие свои функции в определенных условиях – это может формировать желание быть на их месте (как пример поведения для фиксации социальной успешности). Но это показатель моральной деградации и разрушения социальных институтов, которые негативный сценарий фиксируют как норму и разрушают принцип социального воспроизводства по легитимным нормам, подменяя право закона, на право сильнейшего.

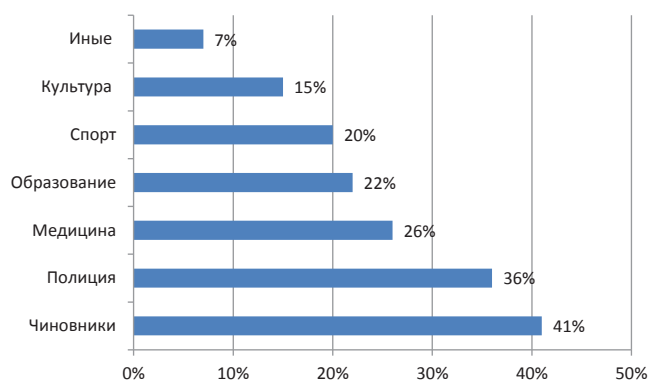

Рис. 2. Наиболее часто фигурирующие сферы коррупционных схем (можно было указать несколько сфер)

Чувства, которые испытывают респонденты, когда встречают информацию о коррупции в СМИ и сети Интернет достаточно разнообразны: зависть (26%), злорадство (25%), разочарование в людях / обществе (22%), торжество (справедливости) – 20%, иные – 7%. Относительно положи-

тельные чувства указывают на то, что россияне осуждают коррупцию и поддерживают разоблачение коррупционных схем и наказание коррупционеров. Отрицательные чувства (зависть, злорадование) фиксируют неоднозначные состояния, так как негативные эмоции испытывают потому, что кто-то смог это реализовать, а мне не удалось (в контексте что хотелось бы самому быть в такой же схеме и точно уж не попался, так как обладаю более важными качествами – осторожностью, ловкостью хитростью и т.д.). См. рис. 3.

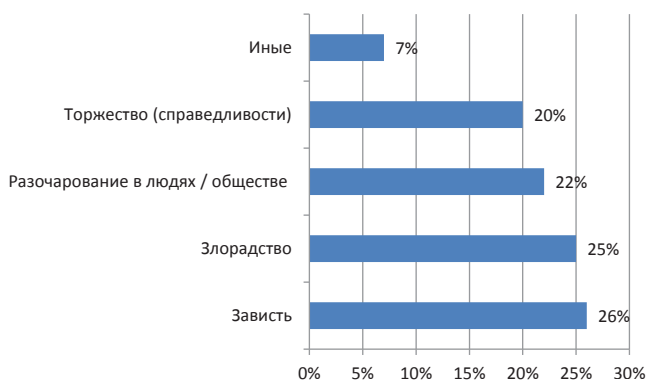

Рис. 3. Чувства, которые испытывают респонденты при получении информации о коррупции из СМИ и сети Интернет

Выделенные чувства фиксируют внутренний разлом, который все больше усиливается в российском обществе: декларируемые ценности, блага и требования морали и закона и фактические точки опоры (как выстраивается поведение обычных людей в повседневной жизни). Из-за таких разломов формируются отрицательные герои современности, когда хочется быть преступником, потому что он «лучше живет». В публичном пространстве не показываются примеры позитивных героев, не нарушающих закон и живущих по правилам и поддерживаемых системой, а не борющихся с ней. Например, большая часть киногероев противопоставит «самодуру начальнику», который выслушивается перед руководством, получает взятки, а рядовой исполнитель честный, но не успешный сотрудник. Респонденты приводили примеры таких героев, но походить на них не хотели бы («Метод», «Полицейский с Рублевки» и т.д.).

О чувстве долга, ответственности, совести, честности респонденты говорили лишь как об аб-

страктных категориях, не свойственных тем, кто вовлечен в коррупционные схемы. А жадность, стремление к личной выгоде, эгоизму, жажде власти – наоборот – те черты, что свойственны коррупционерам. Такие оценки сложились из медийного поля (фильмы, сериалы, криминальная хроника ТВ и сети Интернет). То есть, данные черты усиливаются через визуальный ряд наиболее популярных передач, шоу и фильмов.

Коррупция становится синонимом статуса и власти – это показатель разрушения социального взаимодействия и легитимности власти. Медийные образы делают эту ситуацию более «обыденной» и позволяют воспринимать как норму (норму, которой бесполезно противостоять). А коррупционные разоблачения – результат передела власти или каких-то иных проблем, а никак не выстраивания легитимного порядка в обществе.

Эта двойственность восприятия и оценки коррупции фиксирует дополнительное указание на двойные стандарты (это разрушает доверие к органам власти, к закону у рядовых граждан). Поэтому, коррупция становится формой социальной дезорганизации и разрушения регулирования и функционирования социальных институтов.

Открытость работы социальных институтов оставляет желать лучшего, поэтому, россияне «придумывают» то, чего нет, поэтому возникают такие клише как «все чиновники – взяточники», «взятка – это способ решить любой вопрос», «откат – нормальный способ вести бизнес» и т.д. Эти примеры респондентов фиксируют распространенность негативных социальных стереотипов, не позволяющих реализовывать альтернативные сценарии и принципы поведения чиновников или кого-то еще, кто наделен властью и может быть вовлечен в коррупционную схему.

На основе полученных ответов, мы можем выделить ряд факторов, способствующих укреплению коррупции как обычного (привычного) негативного сценария поведения в российской действительности. Но все факторы, упираются в поведение человека (его личную позицию) – воспользоваться проблемами в законе, в ситуации или нет. Это говорит о выборе в пользу нарушения законов в виде коррупции как психологическом состоянии, которое на сегодняшний день является приоритетным для большей части россиян (см. таблицу 1).

Таблица 1. Факторы, способствующие укреплению коррупции как обычного (привычного) негативного сценария поведения россиян*

Фактор	Сценарий закрепления	Фиксация в общественном сознании (на основе примеров респондентов)
Социально-экономический	Экономические механизмы не позволяют легально получать то, что необходимо для работы «Тендеры выигрываются через откаты» «Взятки позволяют снимать любые ограничения и предписания органов власти»	«Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы» «Дар дара ждет» «Чиновник не бьет приносящих подарки» «Дружба чиновника тонка как бумага» «Нужда закона не знает, а через шагает» «Для богатых один закон, а для бедных – другой»

Фактор	Сценарий закрепления	Фиксация в общественном сознании (на основе примеров респондентов)
Социально-правовой	Закон можно интерпретировать по разному, контекст зависит от человека, а не фактов.	«Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло» «Дари судью, так и не посадят в тюрьму» «Законов свод, а мы в обход» «Кто законы пишет, тот их и ломает» «Не бойся закона, бойся судьи»
Социально-политический	Политические фигуры (депутаты, губернатор, чиновники) выступают представителями какой-либо структуры «В нашем регионе давно законы пишут строительные компании», так как их ставленники побеждают на выборах» «Наш регион давно в красной зоне, так как представители коммунистов определяют основную региональную политику»	«Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет» «строгий закон виноватых творит» «У спесивого чина более законов» «Что мне законы, коли судьи знакомы» «Власть и политика – всегда закон» «Право есть, да закона нет»
Социально-психологический	На ментальном уровне существуют установки успешности в виде «обмана власти» или решения вопросов через «дар»	«Дорогой подарок обязывает» «Получивший подарок – не высказывает недовольства» «Чиновник не бьет приносящих подарки»
Социокультурный	Сложившиеся привычки – оправдывают любое поведение	«Где деньги говорят, там правда молчит» «Закон, что конь, куда хочешь, туда и поворишь» «Где все виноваты, там никто не виноват» «Кто у власти, тот и ест сласти» «обычай управляет законом»

* Мы просили привести примеры пословиц или поговорок о процессах, способствующих развитию коррупции в современном обществе, а также в свободной форме объяснить их

Выделенные факторы позволяют «выживать» в сложных условиях, когда завтрашний день не определен и нет уверенности в том, что помогало сегодня – поможет завтра. Для борьбы с коррупцией, необходимо строить репрессивную и просветительскую работу через последовательную и системную работу с каждым фактором. Без четкой концепции и плана решения данной проблемы – слова останутся словами, а коррупция все также будет оставаться обыденной практикой решения любых вопросов.

Социальное моделирование работы институтов, где коррупция остается вне закона необходимо не только на формально-организационном, но и на практически-повседневном уровне. Обыденные представления строятся через примеры взаимодействия и решения личных вопросов, общественную риторику в СМИ и сети Интернет, которая не «обеляет» и не показывает «как норму» коррупцию и коррупционеров, а формирует альтернативные образы успешных людей.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Бессознательные образы антикоррупционной политики России /// Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, КНИТУ, 2021. С. 15–19.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, СПбГУ, 2020. С. 44–49.
3. Ардашев Р.Г. Социальный фокус коррупции в спорте (рецензия на монографию В.Н. Турковой «Социологический анализ коррупции в спорте») // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 597–598.
4. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Антикоррупционная культура среди спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2023. № 4. С. 102.
5. Ардашев Р. Г., Туркова В.Н. Отношение спортсменов к нарушению моральных и правовых норм на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 7. С. 65.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Эксперт-

- ные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.
8. Бахтаирова Е.А., Анганова А.В. Оценка уровня коррупции как составляющая интегрального показателя государственного управления: зарубежный опыт и российская практика – DOI 10.17150/2411–6262.2021.12(4).15 // *Baikal Research Journal*. 2021. Т. 12, № 4.
 9. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовно-правовые санкции и практика их реализации при противодействии отдельным видам коррупционных преступлений. – DOI 10.17150/2500–4255.2021.15(5).543–554. – EDN WHINJI // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 543–554.
 10. Новиков В.А., Сигарев А.В. Коррупция, экстремизм и терроризм: грани взаимосвязи и взаимозависимости в современном обществе – DOI 10.17150/2411–6262.2023.14(3).1301–1310. – EDN CPUSND // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 1301–1310.
 11. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 7.
 12. Полюшкевич О.А. Межкультурные отличия в восприятии нарушения социальных норм // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 341–345.
 13. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.
 14. Рогова Е.В. Коррупция в условиях цифровизации общественных отношений – DOI 10.17150/2411–6262.2023.14(2).701–709. – EDN BLYGDL // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 701–709.
 15. Скуденков В.А. Иллюзия правовой компетентности // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 147–150.
 16. Скуденков В.А. Угрозы трансформации социально-экономических притязаний // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 152–155.
 17. Туркова В.Н. Коррупция как угроза социальной стабильности // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 75–78.
 18. Туркова В.Н. Коррупция на спортивных соревнованиях: оценка общественного мнения // *Социология*. 2023. № 3. С. 67–73.
 19. Туркова В.Н. Механизмы конструирования общественного мнения о коррупции в спорте // *Социология*. 2023. № 6. С. 63–70.
 20. Туркова В.Н. Роль коррупции в деконсолидации общества // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, Вол НЦ, 2023. С. 186–189.
 21. Туркова В.Н. Социальные условия коррупции: истина где-то рядом // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 76–79.
 22. Туркова В.Н. Спорт: антикоррупционные меры // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 334–337.
 23. Туркова В.Н. Экспертный анализ коррупции в спорте // *Социология*. 2023. № 4. С. 146–155.
 24. Туркова В.Н., Архипова А.Н. Коррупция в спорте // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 57.
 25. Федорова О.В. Антикоррупционное правосознание как элемент публично-правового механизма противодействия коррупции – DOI 10.17150/2411–6262.2025.16(4).1401–1412. – EDN BNYCLP // *Baikal Research Journal*. 2025. Т. 16, № 4. С. 1401–1412.

CORRUPTION IN THE WORLDVIEWS OF YOUNG PEOPLE

Baev P.A.

Baikal State University

This article presents the mechanism of corruption as a principle for the destruction of social interaction. This study examines the worldviews of young people (n=1,500) regarding the causes, characteristics, and consequences of corruption, the areas of corruption, and the feelings Russians experience when informed about corruption schemes. An analysis of existing proverbs and sayings is provided to explain the various forms of corruption in modern society. Conclusions are drawn regarding the prospects for the social modeling of social reproduction in the future.

Keywords: corruption, youth perceptions, worldview, social development, social degradation, social destruction.

References

1. Ardashev R.G. Unconscious Images of Russia's Anti-Corruption Policy /// Anti-Corruption Practice: Problems and Achievements. Proceedings of the XI All-Russian Scientific and Practical Con-

- ference with International Participation. Kazan, KNITU, 2021. Pp. 15–19.
2. Ardashev R.G. Irrational Perceptions of Young People about Anti-Corruption Culture in Russia // *Anti-Corruption Culture and Young People in Russia and China: Modern State, Business, Society. A Collection of Articles*. Edited by A.V. Petrov, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2020. Pp. 44–49.
 3. Ardashev R.G. Social Focus of Corruption in Sports (review of V.N. Turkova's monograph «Sociological Analysis of Corruption in Sports») // *Eurasian Law Journal*. 2024. № 12 (199). P. 597–598.
 4. Ardashev R. G., Turkova V.N. Anti-corruption culture among athletes // *Theory and practice of physical education*. 2023. № 4. P. 102.
 5. Ardashev R. G., Turkova V.N. Athletes' attitudes toward violation of moral and legal norms at sports competitions in the context of sociological analysis // *Theory and practice of physical education*. 2023. № 7. P. 65.
 6. Baev P.A. What Russian youth is proud of and what is it ashamed of // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. P. 129–132.
 7. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second international scientific and practical conference*. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 512–515.
 8. Bakhtairova E. A., Anganova A.V. Assessing the level of corruption as a component of the integral indicator of public administration: foreign experience and Russian practice – DOI 10.17150/2411–6262.2021.12(4).15 // *Baikal Research Journal*. 2021. Vol. 12, № 4.
 9. Gavrilov B. Ya., Rogova E.V. Criminal sanctions and the practice of their implementation in countering certain types of corruption crimes. – DOI 10.17150/2500–4255.2021.15(5).543–554. – EDN WHINJI // *All-Russian Criminological Journal*. – 2021. – Vol. 15, № 5. – P. 543–554.
 10. Novikov V.A., Sigarev A.V. Corruption, extremism, and terrorism: facets of interrelation and interdependence in modern society – DOI 10.17150/2411–6262.2023.14(3).1301–1310. – EDN CPUSND // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Vol. 14, № 3. – P. 1301–1310.
 11. Polyushkevich O.A. Truth is Modeled // *In Search of Social Truth. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2022. P. 7.
 12. Polyushkevich O.A. Intercultural Differences in Perception of Violation of Social Norms // *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk State University. Irkutsk, ISU, 2023. Pp. 341–345.
 13. Polyushkevich O.A. Social Management through the Prism of Norms // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference*. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, ISU, 2022. Pp. 195–199.
 14. Rogova E.V. Corruption in the Context of Digitalization of Public Relations – DOI 10.17150/2411–6262.2023.14(2).701–709. – EDN BLYGDL // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Vol. 14, № 2. – Pp. 701–709.
 15. Skudenskov V.A. The Illusion of Legal Competence // *Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 147–150.
 16. Skudenskov V.A. Threats to the Transformation of Socioeconomic Claims // *Methodology for Preventing Threats in the 21st Century. Collection of Scientific Papers*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. pp. 152–155.
 17. Turkova V.N. Corruption as a Threat to Social Stability // *Methodology of Threat Prevention in the 21st Century. Collection of Scientific Papers*. Irkutsk, 2022. pp. 75–78.
 18. Turkova V.N. Corruption at Sports Competitions: An Assessment of Public Opinion // *Sociology*. 2023. № 3. pp. 67–73.
 19. Turkova V.N. Mechanisms for Constructing Public Opinion on Corruption in Sports // *Sociology*. 2023. № 6. pp. 63–70.
 20. Turkova V.N. The Role of Corruption in the Deconsolidation of Society // *Consolidation of Russian Society in the New Geopolitical Realities. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Vologda, Vol NC, 2023. pp. 186–189.
 21. Turkova V.N. Social conditions of corruption: the truth is out there // *In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference*. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. pp. 76–79.
 22. Turkova V.N. Sport: anti-corruption measures // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. pp. 334–337.
 23. Turkova V.N. Expert analysis of corruption in sports // *Sociology*. 2023. № 4. P. 146–155.
 24. Turkova V. N., Arkhipova A.N. Corruption in Sports // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2024. № 7. P. 57.
 25. Fedorova O.V. Anti-Corruption Legal Awareness as an Element of the Public-Law Mechanism for Combating Corruption – DOI 10.17150/2411–6262.2025.16(4).1401–1412. – EDN BNYCLP // *Baikal Research Journal*. 2025. Vol. 16, № 4. P. 1401–1412.

Качество образования при онлайн-обучении: эмпирический анализ студенческих оценок

Барбакова Елена Викторовна,

старший преподаватель кафедры математики и прикладных информационных технологий Тюменского индустриального университета

E-mail: barbakovaev@tyuiu.ru

В статье анализируется влияние онлайн-обучения на качество высшего образования на примере вузов г. Тюмени. Актуальность обусловлена институционализацией дистанционных форматов и отсутствием консенсуса в научной среде относительно того, какие именно факторы – технологические, методические или коммуникативные – вносят решающий вклад в повышение образовательных результатов при переходе на онлайн. Новизна работы заключается в выявлении взаимосвязи качества образования не от формата как такового, а от сочетания методической компетентности преподавателей, интерактивной насыщенности и гибридной организации занятий. В ходе исследования установлено, что при высоком уровне технических проблем (70,8%) и ухудшении горизонтальной коммуникации (29,2%), возрастание списывания не подтверждается (55,2% не отметили увеличения списывания), а трудности концентрации внимания фиксируются лишь незначительной частью студентов (8,4%). Делается вывод, что при правильной организации онлайн-обучения, оно способно обеспечить качество не ниже очного. Предложены практические рекомендации по трем направлениям: интерактивность занятий, цифровая аттестация преподавателей и внедрение гибридного формата обучения.

Ключевые слова: онлайн-обучение, качество образования, высшая школа, дистанционные образовательные технологии, гибридный формат, цифровая компетентность преподавателя.

Актуальность

В последние пять лет дистанционное обучение трансформировалось из вынужденной антикризисной меры (период COVID-19) в полноценный институциональный элемент российской системы образования. Массовый переход на дистанционные технологии, закреплённый в новых ФГОС, актуализировал дискуссию о сущностных изменениях качества знаний, дисциплины и взаимодействия субъектов образовательного процесса. Согласно исследованию НИУ ВШЭ, 23% россиян уверены, что онлайн-образование в будущем полностью заменит классический формат, 43% не согласны с этим, а 34% считают, что оба формата должны быть представлены в равной мере. При этом 45% молодых россиян в возрасте от 18 до 35 лет предпочитают дистанционную форму обучения, а 39% – смешанную [1, 2].

Степень разработанности проблемы

В российской научной литературе сложилось несколько подходов к оценке влияния онлайн-обучения на качество образования. В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, А.В. Лацвеева (2022) на основе неинституционального подхода пришли к выводу, что подавляющее большинство преподавателей указывают на резкое снижение эффективности своей деятельности при переходе на онлайн-обучение, однако среди студентов выделяется устойчивая группа (около 25%), которая, напротив, демонстрирует убежденность в возрастании своих ресурсов для получения качественного образования именно в онлайн [3]. Ш.В. Гареев с соавторами (2024) акцентируют новые возможности для нивелирования географического неравенства и внедрения инновационных технологий в образовательную среду [4]. А.Г. Тюриков, Д.А. Кунижева, Е.В. Фролова, О.В. Рогач (2022) на масштабном всероссийском опросе (более 14000 студентов) показали, что дистанционный формат не вызвал резкого падения оценок качества, однако основная проблема связана с недостатком очного общения, что интерпретируется авторами как субъективная неготовность и низкая адаптация педагогических практик к удаленному взаимодействию с обучающимися [5]. А.В. Филькина с соавторами (2025) сосредоточились на психологических аспектах вовлеченности в онлайн-обучение, а также на восприятии студентами качества преподавания в российских университетах [6]. И.А. Журавлева говорит о возможностях дистанционного обучения

[13, 14], а О.А. Полюшкевич о влиянии дистанционного обучения на просоциальные практики в виртуальном пространстве [15].

Отдельный блок исследований посвящен цифровым компетенциям преподавателей. Так, И.П. Михайлова, Т.А. Шиндина, Н.В. Усманова, Н.В. Князева (2025) разработали методический подход к анализу цифровой среды университета, ориентированный на развитие компетенций профессорско-преподавательского состава [7]. И.Ю. Ильина (2024) выявила основные риски разрушения привычных форматов взаимодействия [8]. Л.А. Филимонюк (2024) на основе опроса 297 респондентов в вузах Ставропольского края эмпирически верифицировала модель цифровых компетенций преподавателей [9]. С.В. Куровский, Д.А. Мишин, А.Р. Ганеева (2025) представили результаты измерения уровня цифровых компетенций педагогов школ и университетов [10].

Таким образом, при наличии значительного эмпирического материала по отдельным аспектам онлайн-обучения, практически отсутствуют исследования, комплексно охватывающие дисциплинарные, коммуникативные и методические барьеры на уровне конкретных региональных вузов, что обуславливает научную проблему настоящего исследования.

Методология исследования

Цель исследования – выявить и систематизировать влияние онлайн-обучения на качество образования на основе анализа субъективных оценок студентов тюменских вузов.

Объект нашего исследования – образовательный процесс, предмет – влияние формата обучения (онлайн/офлайн/гибридный) на качество образования (дисциплина, нагрузка, усвоение, коммуникация, уровень списывания).

В исследовании приняли участие 250 респондентов – студенты вузов г. Тюмени: Тюменский индустриальный университет 54%, Тюменский государственный университет – 28%, Тюменский государственный медицинский университет – 12%, другие вузы – 6%. Возрастной диапазон – 17–25 лет. По программам обучения: бакалавриат – 68%, специалитет – 14%, магистратура – 10%, СПО – 8%. По направлениям подготовки: гуманитарные – 40%, инженерно-технические – 32%, естественнонаучные – 16%, медицинские – 12%.

Полуструктурированный опросный лист включал 12 закрытых вопросов (5 из них с множественным выбором) и 3 открытых вопроса для качественного комментария.

Результаты исследования

При оценке формата, обеспечивающего наивысший уровень дисциплины студентов (самоорганизация,

своевременное подключение к занятиям и выполнение заданий), ответы распределились следующим образом: полностью онлайн-формат выбрали 33,2%, смешанный (гибридный) – 32,4, полностью офлайн – 25,6%, дисциплина не зависит от формата – 8,8%. Очевидно, что наибольший процент онлайн-формата опровергает предположение о неизбежном падении дисциплины в онлайн. Близость значений онлайн и гибридной форм свидетельствует о том, что для дисциплины важнее удобство формата, а не строгость контроля (рис. 1).

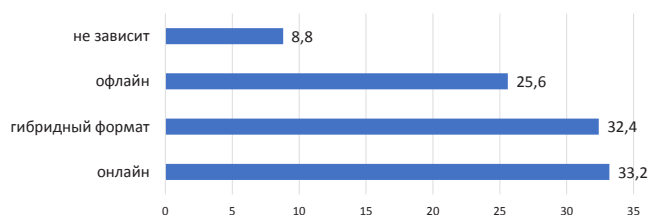

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о формате обучения, обеспечивающем наивысший уровень дисциплины, %

Что касается учебной нагрузки, то для 39,6% студентов она снизилась («стало проще сдавать задания»). Еще 30,8% отметили, что нагрузка осталась прежней, но изменился ее характер в сторону большей самостоятельности. У 24,4% нагрузка субъективно увеличилась. Суммарно 70,4% студентов не фиксируют роста нагрузки, что противоречит нарративу о перегрузке в онлайн. Однако почти четверть (24,4%) испытывают ее увеличение – как правило, из-за того, что преподаватели компенсируют отсутствие очного контакта гипертрофированным объемом письменных заданий.

Треть студентов (33,6%) считают усвоение сложного (профильного) материала в онлайн лучше благодаря возможности пересмотреть запись лекции. 28,0% не видят разницы, указывая, что «все зависит от преподавателя», а 23,2% убеждены, что усвоение стало хуже из-за отвлекающих факторов (домашние условия, соцсети). Кроме того, 15,2% утверждают, что в онлайн материал усваивается значительно хуже из-за невозможности задать вопрос «по ходу». Суммарная доля студентов, фиксирующих ухудшение усвоения (38,4%), превышает долю тех, кто видит улучшение (33,6%). Разница между этими пунктами показывает, что, несмотря на плюсы видеозаписей, онлайн-формат создает дополнительные когнитивные барьеры для более чем трети студентов.

Оценка концентрации внимания на длительной онлайн-паре, показала, что 8,4% респондентов испытывают серьезные трудности почти всегда; 31,6% – легко концентрируются только при интерактивном занятии; 33,2% – стараются слушать, но периодически «теряют внимание»; 26,8% – легко концентрируются в любом формате (рис. 2).

Другим важным барьером качества онлайн-обучения выступают технические проблемы и бы-

товые условия. Согласно полученным данным у 13,2% отсутствует дома компьютер/интернет; 21,6% отметили неумение преподавателей пользоваться платформами; 23,2% – невозможность использовать специализированное оборудование; 12,0% – постоянные сбои платформ; 18,0% – домашний шум и бытовые отвращения; 29,2% – не сталкивались с проблемами (рис. 3).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о способности удерживать концентрацию внимания в ходе длительного онлайн-занятия, %

Рис. 3. Распределение ответов респондентов о технических и бытовых проблемах, снижающих качество онлайн-обучения, %

В оценке межличностной коммуникации выявились негативные изменения («пропал командный дух», «общение стало формальным») у 29,2% респондентов; не заметили существенной разницы – 38,0%; взаимодействие с преподавателями стало лучше – 18,4%; общение с одноклассниками улучшилось – 14,4%.

Почти 70% студентов оценивают изменения как нейтральные или позитивные. Однако в негативном ключе фиксируется ухудшение неформальной горизонтальной коммуникации.

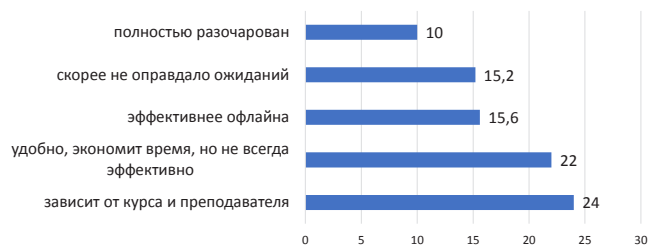

Рис. 4. Распределение ответов респондентов об общей удовлетворенности студентов онлайн-обучением

Судя по ответам уровень списывания при онлайн-обучении не изменился или даже снизился у 55,2% студентов (из них 33,3% считают, что он остался прежним, 11,2% связывают снижение с использованием прокторинга, а 10,8% – уникаль-

ными заданиями преподавателей). При этом рост списывания отметили – 21,2% опрошенных, а еще 9,2% указали, что списывание возросло, но проверки стали строже.

Общая удовлетворенность студентов онлайн-обучением распределилась следующим образом. Наиболее распространенный ответ (24,0%) – «зависит от курса или преподавателя». Еще 22,0% респондентов охарактеризовали онлайн как удобный, экономящий время, но не всегда эффективный. Доля тех, кто считает онлайн эффективнее офлайна, составила 15,6% (в том числе 3,2 выбрали вариант «намного эффективнее»). При этом негативные оценки дали 15,2% («скорее не оправдало ожиданий») и 10,0% («полностью разочарован»). Таким образом, позитивно или условно-позитивно онлайн-обучение оценивают только 64% респондентов.

Обсуждение

Полученные в процессе опроса данные позволяют выделить несколько неочевидных и противоречивых тенденций. Прежде всего, обращает на себя внимание распределение ответов о дисциплине. Наибольшая доля респондентов (33,2%) связала высокий уровень дисциплины с онлайн-форматом, тогда как очный контроль выбрали лишь 25,6%. Суммарно 65,6% студентов отдали предпочтение форматам, предполагающим удаленный компонент (чистый онлайн и гибрид). Это расходится с распространенным тезисом о том, что удаленное обучение неизбежно провоцирует пропуски и нерегулярность. Объяснение может заключаться в том, что онлайн снимает временные и транспортные барьеры, позволяя выстраивать индивидуальный график. Крайне малая доля тех, кто считает дисциплину исключительно личным делом (8,8%), указывает на то, что в восприятии обучающихся формальные условия перевешивают саморегуляцию.

Сходная неоднозначность обнаруживается при анализе учебной нагрузки. Значительная часть студентов (39,6%) воспринимает онлайн как более «легкий» формат в смысле прохождения контрольных мероприятий, а еще 30,8% отмечают сохранение нагрузки при изменении ее характера в сторону большей самостоятельности. Таким образом, 70,4% респондентов не фиксируют роста нагрузки. В то же время почти каждый четвертый (24,4%) сталкивается с ее увеличением. Это противоречие – одновременное облегчение для одних и утяжеление для других – объясняется не самим форматом, а преподавательским подходом. Часть преподавателей упрощает требования в онлайн, другая – компенсирует отсутствие очного контакта гипертрофированным объемом заданий. Следовательно, воспринимаемая нагрузка является не технологической, а методической характеристикой.

Еще более выраженная асимметрия проявляется в усвоении сложного материала. Несмотря на то, что треть студентов (33,6%) видят улучшение усвоения благодаря возможности пересмотреть запись лекции, доля тех, кто отмечает ухудшение – 38,4%. При этом 15,2% респондентов заявляют о значительном ухудшении из-за невозможности задать вопрос «по ходу». Это позволяет предположить, что видеофиксация лекции не заменяет когнитивных преимуществ живого взаимодействия: немедленного уточнения, невербальной обратной связи, соучастия в групповом обсуждении. Более того, отвлекающие факторы домашней среды создают систематический шум, снижающий глубину переработки информации.

Вместе с тем данные о концентрации внимания опровергают тезис о тотальной невозможности сосредоточиться в онлайн. Подавляющее большинство студентов (91,6%) в той или иной мере способны удерживать внимание на длительной онлайн-паре. Лишь 8,4% испытывают серьезные трудности почти всегда. Ключевой фактор, дифференцирующий тех, кто периодически «теряет концентрацию внимания» (33,2%) – пассивная лекционная подача. Треть аудитории (31,6%) требует интерактива (опросов, дискуссий, работы в малых группах) для поддержания фокуса. Это означает, что жалобы на «невозможность сосредоточиться в онлайн» в значительной степени являются жалобами на методическое однообразие. В этом плане при правильной смене активностей онлайн не уступает очному формату по удержанию внимания.

Переходя к анализу технических трудностей, важно отметить смещение фокуса на человеческий фактор. Наиболее частые барьеры связаны не с техникой (только 13,2% указали на отсутствие интернета или компьютера), а с двумя другими причинами: невозможностью проведения практических занятий в онлайн (23,2%) и технической некомпетентностью преподавателей (21,6%). При этом 29,2% респондентов не сталкивались с проблемами вовсе. Это меняет угол зрения: цифровое неравенство уходит на второй план, а на первый выходят институциональные и педагогические ограничения. Онлайн-обучение упирается не в отсутствие доступа к интернету и его качеству, а в неумение вузов адаптировать практические дисциплины и в отсутствии у преподавателей базовых цифровых навыков.

Результаты нашего исследования опровергают представление о неизбежном и тотальном ухудшении межличностной коммуникации в онлайн-формате. [11, 12] Большинство студентов (38,0%) не заметили существенной разницы в общении, а в 18,4% отметили улучшение взаимодействия с преподавателями (исчезла необходимость физически их искать). Однако почти треть (29,2%) зафиксировали потерю командного духа и формализацию контактов.

Это указывает на то, что онлайн успешно обеспечивает образовательную коммуникацию (задать вопрос, сдать работу на проверку преподавателю), но плохо поддерживает неформальные горизонтальные связи – эмоциональную поддержку, случайные обсуждения, чувство принадлежности к группе. Потеря этих связей не является критической для всех, но для значительной части аудитории (почти 30%) она снижает общую удовлетворенность образовательным процессом.

Одним из самых устойчивых мифов об онлайн-обучении связан с ростом списывания. Наши данные его опровергают. Более половины студентов (55,2%) не фиксируют роста нечестности в этом плане: из них 33,2% считают, что уровень остался прежним, 11,2% отмечают снижение благодаря системам прокторинга, а 10,8% связывают отсутствие роста с тем, что преподаватели стали использовать уникальные задания. Случаи заметного увеличения списывания касаются лишь пятой части аудитории (21,2%). Это расходится с предположением о тотальном списывании при онлайн. По-видимому, определяющую роль здесь сыграли два фактора: технический контроль и адаптация студентов к новым условиям, при которых списывание перестало восприниматься как необходимая норма.

И последнее, общая удовлетворенность онлайн-обучением как образовательной услугой демонстрирует ключевую закономерность. Наиболее частый ответ (24,0%) – «зависят от курса или преподавателя». Еще 22,0% оценивают онлайн как удобный, экономящий время, но не всегда эффективный. При этом 15,6% считают онлайн эффективнее офлайна, а 10,0% полностью разочарованы. Суммарно позитивно или условно-позитивно онлайн оценивают около 64% респондентов.

Обобщая полученные данные, можно констатировать, что влияние онлайн-формата на качество образования опосредовано двумя группами факторов: методической компетентностью преподавателя (о чем говорит высокий процент жалоб со стороны студентов на неумение преподавателей пользоваться платформами – 21,6%), степенью интерактивности занятия (31,6% студентов требуют интерактива для концентрации внимания) и возможностью адаптировать практические виды работ (23,2% указали на невозможность использования специализированного оборудования или платформ).

Сам по себе онлайн-формат не является деформирующей формой обучения. Управленческие и педагогические усилия должны быть направлены не на выбор формата, а на устранение конкретных барьеров: цифровой некомпетентности преподавателей, пассивной лекционной подачи и конфликта между теоретическим материалом в онлайн и необходимостью очной практики.

Выводы

Первое, на наш взгляд, самое главное условие повышения эффективности онлайн-образования, это интеграция обязательного интерактивного компонента в структуру онлайн-занятий. Как показало наше исследование, 31,6% респондентов способны удерживать концентрацию исключительно при условии интерактивной насыщенности занятия, а 33,2% при пассивной подаче периодически «выпадают» из этого процесса. Следовательно, традиционная лекция в онлайн-среде демонстрирует низкую когнитивную эффективность для 65% студенческой аудитории.

В этом случае возможен переход к модели интерактивной лекции, в которой каждое занятие разбивается на 3–4 тематические блока длительностью по 15–20 минут, каждый из которых завершается 5-минутной интерактивной вставкой (например, опрос с обратной связью, работа в малых группах с цифровой фиксацией результатов, кейсы с обсуждением в чате). Для реализации такого подхода уместной будет разработка стандартизированного чек-листа интерактивности, включающего такие параметры, как частота смены активности, использование инструментов совместной работы, доля студентов, вовлеченных в обратную связь.

Вторым мероприятием, на наш взгляд, должно стать внедрение системы оценки и развития цифровых компетенций преподавательского состава. Согласно данным нашего исследования 21,6% студентов указали на некомпетентность преподавателей в работе с цифровыми платформами – второй по частоте барьер после невозможности реализации практических занятий. Проблема носит системный характер и не может быть решена разовыми курсами без внешней аттестации. В этом случае, на наш взгляд, требуется внедрение модели цифровых компетенций преподавателя, подобной модели эмпирических верификаций, предложенной Л.А. Филимонок, включающей пять доменов: создание и курирование цифрового контента; онлайн-оценивание и прокторинг, фасилитация групповой работы в синхронном и асинхронном режимах; адаптация учебных материалов под разные цифровые устройства; цифровая безопасность и этика. [9] Критерием минимальной достаточности является успешное выполнение практического задания в смоделированной цифровой среде. Результаты аттестации увязываются с допуском к ведению онлайн-занятий и с дифференцированной системой стимулирования за цифровую компетентность, что создает экономические стимулы для непрерывного повышения квалификации.

Третье направление – это стандартизация гибридного формата обучения. 32,4% респондентов выбрали гибридный формат как наиболее дисци-

плинарно эффективный, а в открытых вопросах он же был назван наиболее удобным. При этом лекции в онлайн-формате оцениваются студентами позитивно (33,6% отметили улучшение усвоения за счет видеозаписей), а практические занятия требуют очного присутствия (23,2% указали на невозможность использования специализированного оборудования в онлайн). Здесь возможным представляется закрепление на организационном уровне гибридного формата, согласно которому лекционные блоки выносятся в асинхронный формат с обязательной видеозаписью и автоматизированным тестированием, а практические занятия, требующие невербальной коммуникации и обратной связи, проводятся очно.

Таким образом, исследование показало, что влияние онлайн-обучения на качество образования не является односторонним. Ключевым фактором оценки выступает не сам формат, а методическая компетентность преподавателей, интерактивная насыщенность и обоснованный гибридный формат.

Литература

1. Каждый пятый верит в абсолютную цифровизацию обучения. Исследование онлайн-кампуса НИУ ВШЭ: НИУ ВШЭ: сайт, 2024 – Электронный ресурс: Режим доступа: URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-11-06_niu_vshe_kazhdyj_pyatyj_verit (дата обращения: 2 мая 2026).
2. Опрос «Синергии»: 45% российской молодежи предпочитают дистанционную форму обучения: Университет «Синергия»: сайт, 2024 – Электронный ресурс: Режим доступа: URL: https://synergy.ru/about/blog/opros_sinergii_45_rossiiskoi_molodezhi_predpochitaut_distancionnuu_formu_obucheniya (дата обращения: 2 мая 2026).
3. Ковалев В. В., Дятлов А.В., Лацвеева А.В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Том 28. – № 2. – С. 57–69.
4. Гареев Ш. Г., Егоров В.С., Калимуллин И.И., Костяков Д.А., Нуриахметов А.Д. Обзор современных подходов к дистанционному обучению и их влияние на качество образования // Управление образованием. – 2024. – Т. 14. – № 2–1. – С. 52–61.
5. Тюриков А.Г. Кунижева Д.А., Фролова Е.В., Рогач О.В. Доверие к дистанционному обучению в условиях пандемии: оценки качества образования студентов и преподавателей российских вузов // Образование и наука. – 2022. – Т. 24. – № 6. – С. 177–200.
6. Филькина А. В., Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Толстова М.А. Вовлеченность в процесс онлайн-обучения: результаты психофизи-

- ологического исследования // Психологическая наука и образование. – 2025. – Т. 30. – № 4. – С. 56–68.
7. Михайлова И. П., Шиндина Т. А., Усманова Н. В., Князева Н. В. Цифровая среда университета: вопросы развития цифровых компетенций преподавателей // Университетское управление: практика и анализ. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 70–91.
 8. Ильина И. Ю. Трансформация профессиональной деятельности преподавателей вузов в условиях цифровизации образования: тенденции и риски // Вестник Мининского университета. – 2024. – Т. 12. – № 4. – Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1662>.
 9. Филимонюк Л. А. Digital competencies of higher education's scientific and pedagogical staff in Russia: the practice of empirical research // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2024. – № 1. – С. 45–52.
 10. Куровский С. В., Мишин Д. А., Ганеева А. Р. Исследование цифровой грамотности и компетентности педагогов. Часть 1. // Управление образованием. – 2025. – № 3. – С. 22–35.
 11. Сперанская Н. И. Использование интернет ресурсов при обучении иностранному языку как один из способов влияния на ценностные ориентации студентов / В сборнике: Проблемы инженерного и социально-экономического образования в техническом вузе в условиях модернизации высшего образования. Материалы XXII Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. редактор С. Д. Погорелова. Тюмень, 2023. С. 194–198.
 12. Сперанская Н. И. Цифровизация высшего образования как одно из направлений его модернизации / В сборнике: Перспективы развития высшей школы. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. редактор М. В. Баделина. Тюмень, 2021. С. 244–247.
 13. Журавлева И. А. Окно возможностей дистанционного обучения // Социология. 2024. № 7. С. 6–11.
 14. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 475–480.
 15. Полюшкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 121–123.

THE QUALITY OF ONLINE EDUCATION: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF STUDENT RATINGS

Barbakova E.V.

Industrial University of Tyumen

The article analyzes the impact of online learning on the quality of higher education using the example of universities in Tyumen. The relevance of the study is due to the institutionalization of distance learning formats and the lack of consensus in the scientific community regarding which factors – technological, methodological, or communicative – have a decisive impact on improving educational outcomes when switching to online learning. The novelty of the work lies in identifying the relationship between the quality of education and the combination of teachers' methodological competence, interactive intensity, and hybrid classroom organization rather than the format itself. The study revealed that, despite the high level of technical problems (70.8%) and the deterioration of horizontal communication (29.2%), there was no increase in cheating (55.2% did not notice an increase in cheating), and only a small percentage of students (8.4%) reported difficulties in concentrating. The study concluded that, with proper organization of online learning, it can provide the same quality as in-person learning. The study provided practical recommendations in three areas: interactive classes, digital certification for teachers, and the implementation of a hybrid learning format.

Keywords: online learning, quality of education, higher education, distance learning technologies, hybrid format, digital competence of a teacher.

References

1. One in five believes in the complete digitalization of education. Research on the HSE online campus: HSE: website, 2024 – Electronic resource: Access mode: URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-11-06_niu_vshe_kazhdyj_pyatyj_verit (accessed: May 2, 2026).
2. Synergy survey: 45% of Russian youth prefer distance learning: Synergy University: website, 2024 – Electronic resource: Access mode: URL: https://synergy.ru/about/blog/opros_synergii_45_rossiiskoi_molodezhi_predpochitaut_distancionnuu_formu_obucheniya (accessed: May 2, 2026).
3. Kovalev V. V., Dyatlov A. V., Latsveeva A. V. Quality of Higher Education in Russia: Cognitive Resources of Online Learning // Science. Culture. Society. – 2022. – Vol. 28. – № 2. – P. 57–69.
4. Gareev Sh. G., Egorov V. S., Kalimullin I. I., Kostyakov D. A., Nuriakhmetov A. D. Review of modern approaches to distance learning and their impact on the quality of education // Education Management. – 2024. – Vol. 14. – № 2-1. – Pp. 52–61.
5. Tyurikov A. G., Kunizheva D. A., Frolova E. V., Rogach O. V. Trust in distance learning during a pandemic: assessments of the quality of education by students and teachers of Russian universities // Education and Science. – 2022. – Vol. 24. – № 6. – Pp. 177–200.
6. Filkina A. V., Gorchakova O. Yu., Larionova A. V., Tolstova M. A. Engagement in the online learning process: results of a psychophysiological study // Psychological Science and Education. – 2025. – Vol. 30. – № 4. – Pp. 56–68.
7. Mikhailova I. P., Shindina T. A., Usmanova N. V., Knyazeva N. V. Digital environment of the university: issues of developing digital competencies of teachers // University management: practice and analysis. – 2025. – Vol. 29. – № 1. – Pp. 70–91.
8. Ilyina I. Yu. Transformation of the professional activities of university teachers in the context of digitalization of education: trends and risks // Bulletin of Minin University. – 2024. – Vol. 12. – № 4. – Electronic resource: Access mode: URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1662>.
9. Filimonuk L. A. Digital competencies of higher education's scientific and pedagogical staff in Russia: the practice of empirical research // Bulletin of the North Caucasus Federal University. – 2024. – № 1. – Pp. 45–52.

10. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Ganeeva A.R. Study of digital literacy and competence of teachers. Part 1. // Education Management. – 2025. – № 3. – Pp. 22–35.
11. Speranskaya N.I. Using Internet Resources in Teaching a Foreign Language as One of the Ways to Influence Students' Value Orientations / In the collection: Problems of Engineering and Socio-Economic Education in a Technical University in the Context of Higher Education Modernization. Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Edited by S.D. Pogorelova. Tyumen, 2023. pp. 194–198.
12. Speranskaya N.I. Digitalization of Higher Education as One of the Directions of Its Modernization / In the collection: Prospects for the Development of Higher Education. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Edited by M.V. Badelina. Tyumen, 2021. pp. 244–247.
13. Zhuravleva I.A. Window of Opportunity for Distance Learning // Sociology. 2024. № 7. pp. 6–11.
14. Zhuravleva I.A. Distance Education in a Modern University: Student Assessments // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. pp. 475–480.
15. Polyushkevich O.A. Forms of Prosocial Practices in the Virtual World // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. pp. 121–123.

Тактико-стратегические профили интериоризации традиционных ценностей у подростков в условиях детского оздоровительно-образовательного центра

Белоножко Марина Львовна,

доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Гневашева Екатерина Александровна,

руководитель управления образовательной и проектной деятельности АНО ДООЦ «Алые паруса», соискатель кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
E-mail: vestal-97@mail.ru

Статья посвящена анализу изменений тактико-стратегических профилей интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей у подростков в ходе смены в детском оздоровительно-образовательном центре. Используется авторская методика диагностики тактик и стратегий интериоризации, позволяющая фиксировать распределение профилей до и после участия в смене. Представлены данные о доминирующих стратегиях реализации ценностей и о преобладающих тактиках их присвоения в различных ценностных блоках. Показано, какие компоненты ценностной структуры подростков оказываются более чувствительными к социокультурной среде лагеря, а какие демонстрируют устойчивость. Результаты исследования демонстрируют, что типовая программа воспитательной работы без применения специальных социально-инженерных технологий не обеспечивает устойчивого перехода подростков к активному принятию традиционных ценностей и нередко сопровождается ростом аксиологической неопределенности.

Ключевые слова: детский оздоровительнообразовательный центр, духовнонравственные ценности, интериоризация традиционных ценностей, подростки, социокультурная среда, тактики присвоения ценностей, тактикостратегический профиль, стратегии реализации ценностей.

Актуальность

Современные российские подростки формируются в ситуации, когда привычная система ценностных ориентиров заметно меняется. С одной стороны, на государственном и общественном уровне подчеркивается значимость традиционных духовно-нравственных ценностей. С другой стороны, на повседневные представления и образ жизни подростков значительно влияют массовая культура, социальные сети и потребительские стандарты успеха [1, 2, 3]. Результаты всероссийских и региональных исследований показывают устойчивое сочетание высокой значимости семейных отношений и благополучия семьи с ориентацией на материальный достаток и личные достижения. [1, 2, 3].

В этих условиях особое значение приобретают институты, которые обеспечивают организованную социализацию подростков вне семьи и школы и создают условия для приобретения ими уникального социального опыта. К их числу относится детский оздоровительно-образовательный лагерь, который в отечественных педагогических и социологических исследованиях описывается как специфическая среда социализации личности, интегрирующая отдых и целенаправленную воспитательную работу [4, 5, 6]. Лагерь предоставляет подросткам пространство интенсивного совместного проживания, где они включаются в различные виды деятельности и взаимодействуют с ровесниками и взрослыми в условиях специально организованной воспитательной среды [4, 5]. Это позволяет рассматривать лагерь как социальный институт, в котором в сжатые сроки разворачиваются процессы формирования и корректировки системы ценностей подростков через внешнюю организацию совместной жизни, ее закрепление через деятельность и последующую интериоризацию соответствующих образцов поведения [10, 11, 12]. Однако, как показывают результаты апробации авторской методики, далеко не каждая воспитательная среда лагеря реализует весь потенциал этого института: нередко воздействие ограничивается этапом внешнего предъявления ценностных требований и частичным их закреплением в форме правил и ритуалов, тогда как подлинная интериоризация задаваемых смыслов остается скорее

ожидаемым социальным эффектом, чем устойчиво достигаемым результатом.

В этих условиях особую актуальность приобретает разработка и апробация чувствительного диагностического инструментария, позволяющего фиксировать не только согласие или несогласие с ценностными утверждениями, но и типичные тактики и стратегии, через которые подростки обращаются с традиционными ценностями в конкретных социальных ситуациях.

Цель статьи состоит в том, чтобы на материале одной типовой программы воспитательной работы в детском оздоровительно-образовательном центре описать структуру этих профилей и их динамику в ходе смены, а также на этой основе оценить воспитательный потенциал стандартной программы лагеря.

Теоретические основания исследования

Теоретической основой исследования выступает концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, в рамках которой социальный мир рассматривается как результат последовательных процессов экстернализации, объективизации и интернализации. Ценности понимаются не только как совокупность предзаданных норм, но и как динамически воспроизводимый элемент социального опыта, закрепляющийся в институтах и практиках и далее присваиваемый индивидами в качестве оснований выбора и действия [7].

В данном исследовании детский оздоровительно-образовательный лагерь рассматривается как локальное социальное пространство, в котором процессы конструирования ценностей приобретают особую плотность [4, 5, 6, 8]. Лагерная смена задает подросткам временно замкнутую, институционально организованную среду совместной жизни, где режим, события и формы взаимодействия программируются взрослыми и переопределяются подростковым сообществом [4, 5, 8].

Разработка авторской методики тактико-стратегических профилей интериоризации традиционных духовно-нравственных ценностей была направлена на операционализацию этих теоретических представлений. Исходным шагом выступило уточнение и переработка перечня ценностей, зафиксированных в нормативных документах, в ограниченный набор базовых смысловых блоков, понятных и значимых для подросткового возраста. В результате были выделены шесть укрупненных ценностей, каждая из которых репрезентирует определенный фрагмент официального ценностного комплекса, но формулируется в языке, доступном подросткам и соотносимом с их жизненным опытом.

Методология исследования

Эмпирическую базу составили данные двух этапов анкетирования подростков, участвовавших

в типовой программе детского оздоровительно-образовательного центра. Общая численность выборки – 127 подростков в возрасте 12–17 лет. В соответствии с возрастной периодизацией Л.С. Выготского респонденты были распределены на три группы: младшие подростки 12–13 лет ($n = 65$), старшие подростки 14–15 лет ($n = 31$) и старшие школьники 16–17 лет ($n = 31$).

Исследование предполагало два измерения: первое – после завершения адаптационного этапа смены (до включения в основную программу), второе – заключительные дни смены.

В основе диагностики лежит авторская двухуровневая модель, интегрирующая тактический (микроуровень ситуативного реагирования на ценность) и стратегический (макроуровень социально-деятельностной позиции) компоненты. Модель операционализирует традиционные духовно-нравственные ценности, переводя их из нормативных формулировок (указ президента РФ № 809 [9]) в шесть содержательных блоков, релевантных подростковому возрасту и жизненному опыту: «Совость» (внутренний нравственный контроль), «Коллектив» (ценность малой группы, взаимопомощи и совместной деятельности), «Народ» (чувство сопричастности макро-социальной общности), «История» (отношение к исторической памяти и преемственности поколений), «Культура» (восприятие культурного наследия и идентичности), «Созидание» (ориентация на созидательный труд и ответственную деятельность).

Тактика понимается как тип первичного отношения подростка к предъявляемой ценности в ситуации аксиологического выбора. Для каждого из шести ценностных блоков респонденту предлагалось четыре незаконченных тезиса, соответствующих четырем тактикам, и выбирался только один – тот, который наиболее точно отражал его непосредственную смысловую реакцию, с обязательным кратким обоснованием. Описанные тактики образуют тактический квадрат, в котором выделяются:

- Наступательная тактика (Н) – полное принятие ценности, согласие с ней и готовность опираться на нее в поведении. Такой ответ демонстрирует, что ценность интериоризирована на уровне личного убеждения.
- Оборонительная тактика (О) – активное не принятие ценности, выражение не согласия, сопротивление ее предъявлению. Ценность воспринимается как внешняя угроза или ложный конструкт.
- Партизанская тактика (П) – инструментальная, ситуативно-выгодное использование ценности. Подросток применяет ее как средство достижения внешних целей, не разделяя ее содержание.
- Фланговая тактика (Ф) – поиск альтернативы предъявленной ценности. Ребенок частично согласен с ней, но считает ее недостаточно адек-

ватной жизни в современном обществе, поэтому предлагает или подразумевает иной смысловой ориентир (например, вместо «культура» – «мода»).

В итоге формируется стратегия, которая характеризует степень и направленность включенности ценности в жизненную перспективу и социальную деятельность подростка. Для каждого ценностного блока предъявлялось пять утверждений, оцениваемых по шкале от 0 до 10 (0 – «абсолютно не согласен», 10 – «абсолютно согласен»). Выделяются следующие стратегии.

1. Адаптивная – подросток принимает ценность, но не предпринимает никаких действий для ее реализации; ориентируется на внешние правила и ожидания.

2. Ситуативная – принимает ценность на ее основе выстраивает личные предпочтения, ищет или формируют группы по интересам, но его активность ограничена рамками своего круга.

3. Программная – имеет позитивный опыт деятельности в русле ценности и распространяет его на группу или коллектив, в котором находится; выступает разработчиком социальных норм для группы или коллектива.

4. Транслирующая – принимает ценность, обладает позитивным опытом, но также целенаправленно наблюдает за успешными взрослыми и перенимает используемые ими социальные технологии, обучаясь быть «социальным инженером».

5. Социально-инженерная – принимает ценность, имеет многократный позитивный опыт деятельности в ее русле и, не нуждаясь в обучении, самостоятельно проектирует групповую динамику, управляя формированием данной ценности у других.

Сочетание доминирующей тактики и ведущей стратегии образует интегральный профиль. Для наступательной тактики продвижение по стратегической лестнице от адаптивной к социально-инженерной рассматривается как безусловно позитивная динамика – углубление интериоризации при сохранении принятия ценности. Для не наступательных тактик (оборонительной, партизанской, фланговой) стратегические показатели интерпретируются иначе, в соответствии со смысловым содержанием тактики.

Анкетирование проводилось в групповой форме в привычных для загородного лагеря условиях. Инструкция акцентировала опору на собственные представления и обычные способы поведения, минимизируя социально одобряемые ответы.

Обработка данных осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе для каждого респондента и по каждому ценностному блоку фиксировалась доминирующая тактика; на втором этапе по ценностным блокам для всех респондентов индивидуально определялась ведущая стратегия; на третьем этапе для каждого ценностного блока и возрастной группы подсчитывалось количество респондентов с каждой комбинацией «тактика + уровень стратегии».

Результаты и обсуждение

Таблица 1 показывает распределение тактик (Н – принятие, О – непринятие, П – инструментальное использование, Ф – поиск альтернативы) и неопределенного профиля (ОП – отсутствие позиции) по каждой возрастной группе. Данные приведены в процентах от численности группы.

Таблица 1. Распределение тактик интериоризации традиционных ценностей у подростков до начала смены (% от численности возрастной группы)

Ценность	Возраст	Н	О	П	Ф	ОП	Итого
Совесь	12–13	26,15	6,15	10,77	33,85	23,08	100,0
	14–15	22,58	3,23	22,58	25,81	25,81	100,0
	16–17	29,03	0,00	16,13	54,84	0,00	100,0
Коллектив	12–13	43,08	4,62	21,54	7,69	23,08	100,0
	14–15	35,48	9,68	3,23	16,13	35,48	100,0
	16–17	87,10	6,45	6,45	0,00	0,00	100,0
Народ	12–13	36,92	7,69	7,69	16,92	30,77	100,0
	14–15	38,71	9,68	0,00	12,90	38,71	100,0
	16–17	61,29	9,68	0,00	25,81	3,23	100,0
История	12–13	29,23	26,15	7,69	9,23	27,69	100,0
	14–15	32,26	12,90	6,45	3,23	45,16	100,0
	16–17	48,39	22,58	6,45	12,90	9,68	100,0
Культура	12–13	26,15	12,31	9,23	12,31	40,00	100,0
	14–15	19,35	16,13	3,23	19,35	41,94	100,0

Ценность	Возраст	Н	О	П	Ф	ОП	Итого
	16–17	51,61	9,68	3,23	25,81	9,68	100,0
Созидание	12–13	26,15	4,62	6,15	15,38	47,69	100,0
	14–15	25,81	16,13	6,45	9,68	41,94	100,0
	16–17	58,06	19,35	9,68	3,23	9,68	100,0

Анализ таблицы 1 показывает, что наиболее принимаемой ценностью выступает «Коллектив»: в старшей возрастной группе доля наступательной тактики достигает 87,1%, в младшей – 43,1%. Это ожидаемо, поскольку лагерная среда построена на работе с временным детским коллективом, организации совместной деятельности и взаимопомощи. Даже в группе 14–15 лет, где доля неопределенного профиля максимальна (35,5%), принятие «Коллектива» остается относительно высоким (35,5%).

Наименее принимаемыми являются «История» и «Созидание». По «Истории» наступательная тактика не превышает 48,4% даже у 16–17 лет, а доля неопределенного профиля составляет от 27,7% (12–13 лет) до 45,2% (14–15 лет). Обращает на себя внимание высокий процент оборонительной тактики – до 26,2% у младших подростков. Это свидетельствует об амбивалентном, зачастую дистанцированном или критическом отношении школьников к историческому прошлому. По «Созиданию» доминирует неопределенный профиль: 47,7% в группе 12–13 лет, 41,9% в группе 14–15 лет. Среди старших школьников каждый

10-й (9,7%) не имеет сформированной позиции относительно созидательного труда.

Ценность «Совесть» характеризуется высокой долей фланговой тактики (поиск альтернативы): от 25,8% (14–15 лет) до 54,8% (16–17 лет). Это означает, что подростки склонны заменять внутренней нравственной контроль более рациональными или прагматичными критериями (например, исходя из качественного анализа ответов подростков, «логика», «выгода», «закон» или «правила»). «Народ» принимается умеренно (36,9–61,3%), но почти 40% подростков 14–15 лет и 30,8% 12–13 лет находятся в зоне неопределенности. «Культура» демонстрирует высокие доли неопределенного профиля (40–42% в двух младших группах). И фланговых тактик, что указывает на вытеснение традиционных культурных ориентиров «модой» и «трендами».

Таблица 2 показывает распределение всех комбинаций тактик и стратегических уровней (А/С – пассивный, П-СИ – активный), а также неопределенный профиль (ОП – отсутствие позиции). Данные приведены в процентах от численности возрастной группы.

Таблица 2. Укрупненные тактико-стратегические профили (% от численности возрастной группы)

Ценность	Возраст	Н+А/С	Н+П-СИ	О + А/С	О+П-СИ	П+А/С	П + П-СИ	Ф+А/С	Ф+П-СИ	ОП	ИТОГО
Совесть	12–13	13,85	12,31	4,62	1,54	4,62	6,15	23,08	10,77	23,08	100,0
	14–15	12,90	9,68	3,23	0,00	12,90	9,68	12,90	12,90	25,81	100,0
	16–17	12,90	16,13	0,00	0,00	12,90	3,23	29,03	25,81	0,00	100,0
Коллектив	12–13	29,23	13,85	4,62	0,00	12,31	9,23	4,62	3,08	23,08	100,0
	14–15	29,03	6,45	6,45	3,23	3,23	0,00	12,90	3,23	35,48	100,0
	16–17	54,84	32,26	3,23	3,23	3,23	3,23	0,00	0,00	0,00	100,0
Народ	12–13	27,69	9,23	4,62	3,08	4,62	3,08	13,85	3,08	30,77	100,0
	14–15	22,58	16,13	6,45	3,23	0,00	0,00	6,45	6,45	38,71	100,0
	16–17	41,94	19,35	6,45	3,23	0,00	0,00	12,90	12,90	3,23	100,0
История	12–13	21,54	7,69	20,00	6,15	1,54	6,15	6,15	3,08	27,69	100,0
	14–15	29,03	3,23	9,68	3,23	6,45	0,00	3,23	0,00	45,16	100,0
	16–17	41,94	6,45	19,35	3,23	6,45	0,00	9,68	3,23	9,68	100,0
Культура	12–13	21,54	4,62	9,23	3,08	9,23	0,00	7,69	4,62	40,00	100,0
	14–15	16,13	3,23	12,90	3,23	3,23	0,00	19,35	0,00	41,94	100,0
	16–17	41,94	9,68	6,45	3,23	3,23	0,00	25,81	0,00	9,68	100,0
Созидание	12–13	16,92	9,23	1,54	3,08	6,15	0,00	12,31	3,08	47,69	100,0
	14–15	16,13	9,68	12,90	3,23	6,45	0,00	6,45	3,23	41,94	100,0
	16–17	29,03	29,03	16,13	3,23	3,23	6,45	0,00	3,23	9,68	100,0

Совесь. Даже среди принимающих ценность в младшей группе пассивное принятие («Н + А/С» – 13,85%) лишь незначительно превышает активное («Н + П-СИ» – 12,31%). В группе 16–17 лет, напротив, активное принятие выше (16,13% против 12,90%). У 16–17 лет «Ф+А/С» + «Ф+П-СИ» составляют 54,84% (29,03% + 25,81%), то есть более половины старших подростков активно ищут замену понятию «Совесь», предпочитая рациональные или правовые регуляторы. В младшей группе фланговые профили также доминируют (33,85% суммарно). Это указывает на глубокий аксиологический конфликт: ценность «Совести» вытесняется инструментальными и альтернативными смыслами.

Народ. Преобладает пассивное принятие («Н+А/С – 27,7% у 12–13 лет, 22,6% у 14–15 лет, 41,9% у 16–17 лет). Активное принятие («Н+П-СИ») заметно ниже (9,2%, 16,1%, 19,4% соответственно). Высока доля неопределенного профиля (30,8% у младших, 38,7% у средних). Это означает, что чувство принадлежности к макросоциальной общности (народу) у значительной части подростков остается не оформленным, а у тех, кто его декларирует, оно редко переходит в активную гражданскую позицию.

История. Картина наиболее тревожная. Пассивное принятие («Н+А/С») в группе 12–13 лет – 21,5%, но почти столько же (20,0%) составляют оборонительные пассивные профили («О+А/С»). В группе 14–15 лет активное принятие минимально (3,2%), а неопределенный достигает 45,2%. В старшей группе пассивное принятие (41,9%) сочетается с заметной долей пассивного неприятия (19,4%). Таким образом каждый 6-ой подросток

открыто отвергает ценность «Истории», а каждый 3-ий не имеет оформленной позиции.

Культура. Доминирует неопределенный профиль (40,0% у 12–13 лет, 41,9% у 14–15 лет) и фланговые тактики (поиск альтернатив). В группе 16–17 лет пассивное принятие («Н+А/С») составляет 41,9%, но активное принятие – лишь 9,7%. Это говорит о том, что даже старшие школьники, которые в целом принимают культурные нормы, редко становятся их активными трансляторами или проектировщиками культурной среды. Фланговые ответы часто содержат замену культуры на «моду», «тренды» или «субкультуру» что отражает влияние современной глобальной медиасреды.

Созидание. Самый высокий уровень неопределенного профиля – 47,7% у 12–13 лет, 41,9% у 14–15 лет. Среди принимающих ценность преобладает пассивное принятие («Н+А/С» – 16,9% и 16,1% в двух младших группах). Лишь в группе 16–17 лет активное принятие («Н+П-СИ») достигает 29,0% – это старшие школьники, которые уже включены в проектную или трудовую деятельность. Однако даже у них 16,1% демонстрируют оборонительную тактику (неприятие ценности «Созидания»). В целом, ценность созидательного труда оказывается слабо интериоризованной: большинство подростков не связывают ее с собственной жизненной перспективой.

Таблица 3 демонстрирует изменения процентных долей каждого профиля после завершения стандартной лагерной программы. Данные сопоставлены с исходными (из таблицы 2). Жирным шрифтом выделены наиболее значимые сдвиги.

Таблица 3. Динамика укрупненных тактико-стратегических профилей (до и после реализации типовой воспитательной программы, % от численности возрастной группы)

Ценность	Возраст	Время	Н+А/С	Н+П-СИ	О + А/С	О+П-СИ	П+А/С	П + П-СИ	Ф+А/С	Ф+П-СИ	ОП	ИТОГО
Совесь	12–13	До	13,85	12,31	4,62	1,54	4,62	6,15	23,08	10,77	23,08	100,0
		После	3,08	9,23	4,62	1,54	12,31	10,77	20,00	7,79	30,77	100,0
	14–15	До	12,90	9,68	3,23	0,00	12,90	9,68	12,90	12,90	25,81	100,0
		После	3,23	3,23	0,00	0,00	16,13	12,90	6,45	12,90	41,94	100,0
	16–17	До	12,90	16,13	0,00	0,00	12,90	3,23	29,03	25,81	0,00	100,0
		После	9,68	12,90	6,45	0,00	12,90	0,00	16,13	22,58	19,35	100,0
Коллектив	12–13	До	29,23	13,85	4,62	0,00	12,31	9,23	4,62	3,08	23,08	100,0
		После	26,15	16,92	1,54	1,54	9,23	10,77	0,00	4,62	29,23	100,0
	14–15	До	29,03	6,45	6,45	3,23	3,23	0,00	12,90	3,23	35,48	100,0
		После	19,35	22,58	0,00	3,23	3,23	6,45	6,45	0,00	38,71	100,0
	16–17	До	54,84	32,26	3,23	3,23	3,23	3,23	0,00	0,00	0,00	100,0
		После	45,16	25,81	0,00	0,00	3,24	3,23	3,23	0,00	19,35	100,0
Народ	12–13	До	27,69	9,23	4,62	3,08	4,62	3,08	13,85	3,08	30,77	100,0
		После	24,62	12,31	1,54	3,08	7,69	3,08	6,15	7,69	33,85	100,0

Ценность	Возраст	Время	Н+А/С	Н+П-СИ	О + А/С	О+П-СИ	П+А/С	П + П-СИ	Ф+А/С	Ф+П-СИ	ОП	ИТОГО
	14–15	До	22,58	16,13	6,45	3,23	0,00	0,00	6,45	6,45	38,71	100,0
		После	29,03	3,23	6,45	0,00	9,68	0,00	6,45	0,00	45,16	100,0
	16–17	До	41,94	19,35	6,45	3,23	0,00	0,00	12,90	12,90	3,23	100,0
		После	35,48	22,58	6,45	3,23	3,23	0,00	6,45	3,23	19,35	100,0
	История	До	21,54	7,69	20,00	6,15	1,54	6,15	6,15	3,08	27,69	100,0
		После	12,31	4,62	13,85	10,77	13,85	1,54	6,15	3,08	33,85	100,0
	14–15	До	29,03	3,23	9,68	3,23	6,45	0,00	3,23	0,00	45,16	100,0
		После	19,35	9,68	12,90	9,68	0,00	6,45	3,23	0,00	38,71	100,0
	16–17	До	41,94	6,45	19,35	3,23	6,45	0,00	9,68	3,23	9,68	100,0
		После	48,39	3,23	16,13	3,23	0,00	3,23	3,23	0,00	22,58	100,0
	Культура	До	21,54	4,62	9,23	3,08	9,23	0,00	7,69	4,62	40,00	100,0
		После	30,77	9,23	7,69	3,08	1,54	0,00	7,69	1,54	38,46	100,0
	14–15	До	16,13	3,23	12,90	3,23	3,23	0,00	19,35	0,00	41,94	100,0
		После	19,35	0,00	12,90	0,00	0,00	0,00	12,90	0,00	54,84	100,0
	16–17	До	41,94	9,68	6,45	3,23	3,23	0,00	25,81	0,00	9,68	100,0
		После	41,94	0,00	6,45	6,45	6,45	0,00	9,68	3,23	25,81	100,0
	Созидание	До	16,92	9,23	1,54	3,08	6,15	0,00	12,31	3,08	47,69	100,0
		После	16,92	12,31	3,08	3,08	3,08	4,62	7,69	6,15	43,08	100,0
	14–15	До	16,13	9,68	12,90	3,23	6,45	0,00	6,45	3,23	41,94	100,0
		После	19,35	0,00	9,68	3,23	3,23	0,00	6,45	0,00	58,06	100,0
	16–17	До	29,03	29,03	16,13	3,23	3,23	6,45	0,00	3,23	9,68	100,0
		После	41,94	16,13	3,23	6,45	0,00	0,00	0,00	9,68	22,58	100,0

Совесть. Типовая смена вызывает резкое увеличение неопределенного профиля и партизанских тактик (инструментального использования). В группе 12–13 лет ОП вырос с 23,1% до 30,8%, а партизанская тактика (П+А/С + П+П-СИ) – с 10,8% до 23,1%. Принятие (Н) сократилось вдвое: с 26,2% до 12,3%. Аналогичная картина в группе 14–15 лет: ОП вырос до 41,9%, партизанская тактика – до 29,0%, принятие упало с 22,6% до 6,5%. Таким образом, без специальной работы над ценностью «Совесть» подростки начинают воспринимать ее как ситуативный инструмент или уходят в полную неопределенность.

Коллектив. Единственная ценность с позитивной, хоть и неоднозначной динамикой. В группе 12–13 активное принятие («Н+П-СИ») выросло с 13,9% до 16,9%, а пассивное несколько снизилось. В группе 14–15 лет произошел качественный сдвиг: пассивное принятие уменьшилось с 29,0% до 19,4%, а активное принятие выросло с 6,5% до 22,6% – почти в 3,5 раза. Это означает, что коллективная деятельность, организованная в ходе программы воспитательной работы лагеря стимулировала переход от простого следования нормам к осознанной организаторской позиции участия подростков. Однако одновременно вырос неопределенный профиль (с 35,5% до 38,7%), что гово-

рит о том, что не все смогли переработать этот опыт в устойчивое отношение.

Народ. Динамика разнонаправленная. В группе 12–13 лет наступательная тактика практически не изменилась (36,9% до и после), но активное принятие выросло с 9,2% до 12,3% – умеренно позитивно. В группе 14–15 лет, напротив, активное принятие резко упало (с 16,1% до 3,2%), а неопределенный профиль вырос до 45,2%. Тематика смены, связанная с народным единством, оказалась недостаточно проработанной для средних подростков. В старшей группе активное принятие немногоросло (с 19,4% до 22,6%), но ОП также вырос (с 3,2% до 19,4%).

История. Наиболее негативная динамика. В группе 12–13 лет наступательная тактика сократилась с 29,2% до 16,9%, партизанская выросла с 7,7% до 15,4%, ОП – с 27,7% до 33,9%. В группе 14–15 лет активное принятие упало с 3,2% до 0%, партизанская тактика (инструментальное использование) выросла с 6,5% до 12,9%. Даже в старшей группе, где исходное принятие было высоким (48,8%), после смены вырос ОП (с 9,7% до 22,6%). Типовая программа, затрагивающая историческую тематику, не только не улучшает, но ухудшает отношение к истории: подростки отказываются от рефлексии или

начинают использовать исторические аргументы инструментально.

Культура. В младшей группе парадоксально выросло пассивное принятие («Н+А/С» с 21,5% до 30,8%) при одновременном снижении неопределенного профиля (с 40,0% до 38,5%). Однако в группе 14–15 лет неопределенный профиль достиг 54,8% – более половины подростков после реализации программы не имеют никакой позиции по отношению к культуре. В старшей группе активное участие упало до нуля (было 9,7%, стало 0%), а ОП вырос до 25,8%. Культурная составляющая стандартной программы не осмысливается подростками, особенно среднего возраста, и не становится личностно значимой.

Созидание. В младшей группе заметен рост активного принятия («Н+П-СИ» с 9,2% до 12,3%) и активных фланговых профилей («Ф+П-СИ» с 3,1% до 6,2%) – вероятно, за счет вовлеченности в конкретные дела лагеря. Однако в группе 14–15 лет неопределенный профиль вырос до 58,1% – абсолютный максимум. Старшие школьники, наоборот, продемонстрировали рост пассивного принятия (с 29,0% до 41,9%) и некое снижение активного (с 29,0% до 16,1%). Ценность «Созидания» остается слабо укорененной и сильно зависит от возрастной специфики и содержания деятельности.

Выводы

Исходное состояние ценностной системы (Таблицы 1, 2) характеризуется высоким уровнем неопределенного профиля (от 21,7% по «Совести» до 39,5% по «Созиданию» в среднем значении) и широкой распространенностью фланговых тактик (поиск альтернатив), особенно по «Совести» (33–55%) и Культуре (19–26%). Наиболее принятой ценностью является «Коллектив» (52,3% наступательной тактики в среднем значении), наименее – «Созидание» (33,5%) и История (34,9%). При этом, по ценности «Коллектив» каждый 5-ый подросток не имеет оформленной деятельностной позиции.

Типовая программа воспитательной работы лагеря без специальных социально-инженерных технологий (Таблица 3) не обеспечивает направленного сдвига к наступательным тактикам. В большинстве ценностных блоков фиксируется негативная динамика: снижение принятия (Совесть, История, Культура), рост неопределенного профиля (по всем ценностям, кроме Коллектива), увеличение партизанских (инструментальных) тактик (Совесть, История). Исключение составляет ценность «Коллектив», где наблюдается сдвиг от пассивных к активным наступательным профилям, что объясняется самой природой лагерной среды и традициями его системы воспитательной работы, основанной на методике И.П. Иванова. Однако и здесь растет доля неопределенного профиля.

Наиболее уязвимые возрастные группы – младшие подростки 12–13 лет (по ценностям «История», «Культура», «Созидание») и подростки 14–15 лет (по «Совести», «Народу», «Культуре»). В этих группах после реализации программы воспитательной работы доля неопределенного профиля достигает 54–58%, а принятие сокращается в разы. Старшие школьники 16–17 лет демонстрируют более высокий исходный уровень принятия, но и у них после реализации типовой программы наблюдается сокращение активных наступательных профилей («Культура», «Созидание») и рост неопределенности.

Качественная интерпретация подтверждает, что без целенаправленного конструирования социальной реальности (в терминах П. Бергера и Т. Лукмана), а также ценностной системы, подростки или уходят в аксиологическую неопределенность, или инструментализируют предъявленные им ценности, или замещают их альтернативами, транслируемыми глобальной медиасредой. Особенно ярко это проявляется в ценностях, требующих внутренней рефлексии («Совесть») или глобального мышления («История», «Созидание»).

Полученные данные эмпирически обосновывают необходимость разработки специализированных воспитательных программ, построенных в логике поэтапного тактического сдвига (Оборонительная → Партизанская → Фланговая → Наступательная) и стратегического укрепления форм принятия. Без такого целенаправленного воздействия даже интенсивная социокультурная среда детского оздоровительно-образовательного центра не только не консолидирует традиционные ценности, но зачастую усиливает аксиологическую неопределенность и инструментальное отношение к ним.

Литература

1. Майорова-Щеглова С. Н. (ред.). Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография. – Москва: Институт социологии РАН, 2017. – 304 с.
2. Буреломова А.С. Кросскультурный анализ ценностных ориентаций современных подростков // Социальная психология и общество. – 2012. – Т. 3, № 1. – С. 71–84.
3. Краснов Д. А., Павлова О.А. Диагностика ценностных ориентаций современных подростков – участников движения «Движение первых» // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 86–99.
4. Черняева Т.В. Детский оздоровительный лагерь как условие позитивной социализации детей и фактор профессионального становле-

- ния студентов педвуза // Акмеология. – 2008. – № 4. – С. 132–137.
5. Неведова М.М. Детский лагерь как среда социализации младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 7. – С. 45–52.
 6. Образовательно-воспитательный потенциал детского оздоровительного лагеря как средство социализации воспитанников // Современные наукоемкие технологии. – 2011. – № 6. – С. 112–115.
 7. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
 8. К вопросу о социализации детей в летних оздоровительных лагерях // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsializatsii-detey-v-letnih-ozdorovitelnyh-lageryah> (дата обращения: 14.04. 2026).
 9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809.
 10. Полюшкевич О.А. Социальная ответственность и инфантильность современной молодежи // Гуманитарный вектор. 2026. Т. 21. № 1. С. 27–38.
 11. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики как форма сохранения душевного здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2025. С. 75–80.
 12. Ардашев Р.Г. Социальное здоровье молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2024. С. 57–61.

TACTICAL AND STRATEGIC PROFILES OF THE INTERNALIZATION OF TRADITIONAL VALUES IN ADOLESCENTS IN A CHILDREN'S HEALTH AND EDUCATIONAL CENTER

Belonozhko M.L., Gnevasheva E.A.

Industrial University of Tyumen

The article is devoted to the analysis of changes in the tactical and strategic profiles of the internalization of traditional spiritual and moral values in adolescents during a camp session at a children's health and educational center. The author's method of diagnosing the tac-

tics and strategies of internalization is used, which allows for the recording of the distribution of profiles before and after participation in the camp session. The article presents data on the dominant strategies for implementing values and the prevailing tactics for internalizing them in different value blocks. It shows which components of the adolescents' value structure are more sensitive to the socio-cultural environment of the camp and which demonstrate stability. The research results demonstrate that a typical educational program without the use of special socio-engineering technologies does not ensure a sustainable transition of adolescents to active acceptance of traditional values and is often accompanied by an increase in axiological uncertainty.

Keywords: children's health and educational center, spiritual and moral values, internalization of traditional values, teenagers, socio-cultural environment, tactics of value appropriation, tactical and strategic profile, strategies for value implementation.

References

1. Mayorova-Shcheglova, S. N. (ed.). Childhood in the 21st Century in a Socio-Humanitarian Perspective: New Theories, Phenomena, and Concepts: A Collective Monograph. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2017. 304 p.
2. Burelomova, A.S. Cross-Cultural Analysis of Value Orientations of Modern Adolescents // Social Psychology and Society. 2012. Vol. 3, № 1, pp. 71–84.
3. Krasnov, D. A., Pavlova, O.A. Diagnostics of Value Orientations of Modern Adolescents – Participants in the «Movement of the First» Movement // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. 2025. Vol. 31, № 2, pp. 86–99.
4. Chernyaeva T.V. Children's health camp as a condition for positive socialization of children and a factor in the professional development of students of a pedagogical university // Acmeology. – 2008. – № 4. – Pp. 132–137.
5. Nefedova M.M. Children's camp as an environment for socialization of primary school students // Scientific and methodological electronic journal «Concept». – 2019. – № 7. – Pp. 45–52.
6. Educational and upbringing potential of a children's health camp as a means of socialization of pupils // Modern science-intensive technologies. – 2011. – № 6. – Pp. 112–115.
7. Berger P. L., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium, 1995. – 323 p.
8. On the Issue of Children's Socialization in Summer Health Camps // Modern Problems of Science and Education. – 2015. – № 3. – Electronic resource. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsializatsii-detey-v-letnih-ozdorovitelnyh-lageryah> (date of access: 14.04. 2026).
9. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, № 809.
10. Polyushkevich O.A. Social Responsibility and Infantilism of Modern Youth // Humanitarian Vector. 2026. Vol. 21. № 1. Pp. 27–38.
11. Polyushkevich O.A. Prosocial practices as a form of maintaining mental health // Philosophy of health: an integrated approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2025. Pp. 75–80.
12. Ardashev R.G. Social health of young people // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the IX international scientific and practical internet conference. Vologda, 2024. Pp. 57–61.

Властные отношения в современных семьях военнослужащих

Быченко Юрий Григорьевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: bychenkoug@gmail.com

Зиновьева Евгения Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующей кафедрой социально-правовых и прикладных юридических дисциплин Балаковского филиала ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: eva_zinov@mail.ru

Исследована трансформация властных отношений в семьях военнослужащих. Доказано, что классическая модель властных и регулятивных практик в семье военнослужащего – это патриархально-централизованная система, построенная по образу армейской иерархии: единоначалие военнослужащего, централизация решений, дисциплинарный контракт, субъектная асимметрия. В рамках классической модели властных отношений активные регулирующие функции берет на себя военнослужащий, пассивные – члены его семьи. Данные властные отношения самовоспроизводятся через институциональную среду, военную профессиональную культуру и семейную социализацию. В современных условиях классическая модель властных отношений в семьях военнослужащих остается значимой для четверти семей, но перестает быть доминирующей, уступая место более гибким, партнерским и переговорным формам регулирования, особенно в молодых семьях военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, семьи военнослужащих, властные отношения, классическая модель властных отношений, партнерская модель властных отношений.

Введение

Исследование властных отношений в семьях военнослужащих в современных условиях является актуальным научным направлением. Данная проблема находится на пересечении ряда социологических специальностей: социологии культуры, социологии семьи, военной социологии. Важность данной проблематики усиливается несколькими взаимообусловленными факторами. Во-первых, наличие теоретических пробелов исследования данной проблематики. В научной литературе мы находим конструктивные попытки применения парадигмы власти и культурного капитала в социологических исследованиях воинских коллективов [1]. При этом семьи военнослужащих в данных исследованиях рассматриваются как специфические социальные группы в отрыве от проявления властных взаимодействий и отношений.

Во-вторых, в современных научных исследованиях имеется разрыв между макро- и микроуровнями анализа семейных отношений военнослужащих. Отметим, что имеющиеся исследования проблем развития властных отношений в семьях военнослужащих рассматривают проблему преимущественно на индивидуальном уровне. Осуществляется эмпирический анализ ценностей, знаний, принципов поведения отдельных членов семьи. Проявляется игнорирование семейного контекста властных отношений в процессе исследования культурного капитала членов семьи военнослужащего. Последнее приводит к методологическому редукционизму, что не позволяет объяснить властные механизмы накопления культурного капитала членов семьи в специфических условиях реализации военной службы.

Изложение основного материала

Теоретическое обоснование проблемы

В рамках современных социологических разработок уточняются специфические черты семьи военнослужащего: 1) существенная ориентация потребностей на приоритеты воинской службы [2]; 2) способность к адаптивности к изменяющейся социокультурной среде [3]; 3) специфика властных отношений, ограниченность возможностей для внутрисемейных коммуникаций [4]; 4) влияние «мужских» принципов взаимодействия в воинских коллективах [5]. По сути, семья военнослужащего представляет собой специфическую социальную группу, где властные

отношения формируются под влиянием двух разнонаправленных факторов: внешнего – профессиональная военная социокультурная среда (иерархия, жесткое единоначалие, доминирование приказов и дисциплины); внутреннего – общегражданские тенденции развития семейных отношений, эгалитаризма, социального партнерства. Последнее порождает ряд противоречий между декларируемым властным равенством супругов, а также реальной практикой принятия решений, между авторитетом «военнослужащего» и достоинством личности супруги(га). На практике проявляются теоретические принципы П. Бурдьё о двойственности развития властных отношений в групповой и социальной инкорпорированной социальных системах [6]. Здесь власть представляет собой не специфическое свойство агента, а комплекс эффектов, производимыми семейными отношениями между супругами, позициями в социокультурном пространстве. Данные отношения характеризуют накопление культурного капитала, который накапливается в результате семейной социализации. С одной стороны, он существует в объективированной форме властных взаимодействий. С другой стороны, его развитие зависит от наличия и реализации непосредственного ресурса власти.

Таким образом, властные отношения в рамках классической социологической концепции П. Бурдьё – это не отношения между «начальниками» и «подчиненными», – это имманентная характеристика различных подсистем социального группового поля. Властные отношения проявляются не столько в процессе реализации приказов. Они характеризуют символические механизмы (классификации, ритуалы, социальные практики), которые интериоризируются субъектами в виде габитуса и определяют действия как комплекс «естественного порядка вещей».

Данные теоретические принципы конкретизируются современными военными социологами. Так, А. Егоров отмечает, что комплексное исследование семьи включает рассмотрение властного взаимодействия супругов [7]. Здесь властные отношения – это характеристика типов регулирующего взаимодействия супругов. Последнее формируется в рамках трех базовых характеристик: 1) возможность влиять на действия других членов семьи; 2) реализация практик принятия решений; 3) осуществление координации поведения членов семьи. Необходимо отметить, что в рамках современного подхода властные отношения в семье не могут сводиться к практикам принуждения. Они проявляются прежде всего в системе отношений между супругами, где ожидания, а также личные особенности, практики принятия решений, координация поведения играют ключевую роль.

В эмпирических исследованиях семей военнослужащих конкретизированы параметры оценки властных отношений семей военнослужащих.

В. Ершов акцентирует внимание на необходимости выявления восприятия власти супругами, уточнения кто принимает решения [8]. Подчеркивается, что принятие решений представляет собой фактор проявления типа властных отношений: классического (традиционный централизованный тип) или партнерского (адаптивного). Т. Баландина настаивает на том, что оценка типа властных отношений в семье военнослужащего должна включать анализ не только способов непосредственного принятия решений, но и способности и возможности влияния на поведение супруги(а) [9]. М. Барановский расширяет данную конструкцию и предлагает рассматривать доверие как фактор власти и культурного капитала современных супругов. Важнейшим аспектом власти здесь является возможность и способность убеждать супругу(а) в принятии или изменении уже принятых решений [10]. Э. Алексеев предлагает при исследовании властных отношений семьи [11] применение ресурсной доктрины культурного капитала (П. Бурдьё). Он акцентирует внимание на необходимости при исследовании властных отношений семьи военнослужащего анализировать экономический капитал (кто больше зарабатывает и экономически вкладывает в развитие семьи), культурный капитал (образование, кто лучше понимает и разбирается в проблемах функционирования семьи и ее окружающей среды), социальный капитал (у кого больше полезных связей, знакомств, которые могут влиять и помогать членам семьи), символический капитал (наличие звания, должности актора, которые дают семье уважение, возможность получать выгоду от окружающих).

Таким образом, несложно заметить, что каждый из предложенных параметров оценки семьи рассматривает одно из проявлений властных отношений. Для комплексного же исследования данной проблемы необходимо интегрировать представленные подходы в единую систему взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, характеризующих практики властного регулирующего воздействия в семьях военнослужащих. Важно исследовать возможности и способности принимать решения и влиять одного супруга на другого, практики координации социальных действий, специфику взаимных ожиданий, результативность переклечения военнослужащего с армейского преимущественно командного стиля на адаптивный партнерский в условиях семьи. По сути, властное взаимодействие супругов проявляется в системе регулирующего воздействия. Когда один из двоих может направлять поступки другого, брать на себя ответственность за семейные решения и управлять повседневными делами. Как именно это происходит, зависит от того, какая модель власти принята в семье классическая (традиционная централизованная) или партнерская.

Эмпирическая база исследования

Социологический опрос семей военнослужащих ($n = 1068$). Исследование проведено методом анкетного опроса в воинских частях трех российских регионов: 1) воинская часть Омской области (опрошено 456 человек, что составляет 43% от общего состава респондентов); 2) воинская часть Приморского края (опрошено 206 человек, что составляет 19% от общего состава респондентов); 3) воинская часть Республики Татарстан (опрошено 406 человек, что составляет 38% от общего состава респондентов). Первая половина опрошенных – военнослужащие (534 человека), вторая половина их жены/супруги (534 человека).

Опыт социологической диагностики властных отношений в современных семьях военнослужащих

Рассмотрим практики регулирующего взаимодействия в современных семьях военнослужащих. Еще в начале 2000-х годов около половины семей военнослужащих имели устойчивую централизованную (классическую) структуру властных и регулятивных отношений [12]. Устойчиво воспроизводилась централизованная классическая модель властных отношений в семьях военнослужащих [13]. В это время сохраняется исторически сложившийся, воспроизводимый из поколения в поколение централизованный тип внутрисемейного порядка, при котором: 1) основные рычаги власти сосредотачиваются у мужа/жены (военнослужащего) как единоличного главы; 2) регуляция отношений преимущественно строится по образцу армейской иерархии (указания военнослужащего – подчинение, контроль – отчет); 3) цели и приоритеты семьи в целом подчинены потребностям реализации военной карьеры, повышения статуса военнослужащего; 4) супруг(а) и дети представляют собой «исполнителей» и «создающих условия» достижения карьерного развития военнослужащего [14]. Равноправное участие в принятии управленческих решений супруги(а) в данной модели семейных отношений исключалось.

В этот период еще около половины супругов (46%) рассматривали регулирование отношений в семье как преимущественно централизованную модель, при которой ключевые решения, распределение ролей и контроль за их исполнением сосредоточены в руках одного субъекта – военнослужащего, выступающего главой семьи. Централизованные практики воспринимались респондентами не как авторитарное давление, а как естественная, легитимная социокультурная характеристика семейного уклада. Военнослужащий демонстрировал высокую требовательность, регулировал большинство отношений в семье, выступая не только основным добытчиком, но и главным арбитром: он определял приоритеты, устанавливал правила, оценивал поведение остальных членов и реагировал на их действия (поощрял или

ограничивал). В рамках этой модели доминировала централизация принятия общих решений. Ключевые вопросы – переезд к новому месту службы, карьерные шаги, крупные траты, воспитательные стратегии – решались военнослужащим единолично или при формальном учете мнения жены/мужа, но с сохранением за ним финального слова. Более того, вся жизнедеятельность семьи выстраивалась вокруг интересов военного субъекта: достижение его карьерных высот, рост дохода, получение ведомственных преференций (жилье, путевки, льготы) становились главной целью, подчиняющей себе планы, переезды, бытовые решения и даже досуг остальных членов.

Таким образом, еще в начале 2000-х годов около половины военнослужащих определяли властные семейные отношения как преимущественно централизованную классическую систему. Здесь военнослужащий не только централизованно определял действия других членов семьи (что, когда и как делать), – но и осуществлял комплексную оценочную и стимулирующую функцию. Военнослужащий (супруг) поощрял лояльность, выполнение его требований, успехи детей и жестко пресекал отклонения от установленных им норм. Это позволяло поддерживать высокую предсказуемость и дисциплину внутри семьи, однако также порождало эффект «сверхуправления»: снижение инициативы жены/мужа, эмоциональную дистанцию с детьми, накопление скрытого напряжения, что в долгосрочной перспективе требовало пересмотра модели властного регулирования.

Существенные изменения происходят в настоящее время. С одной стороны, почти в двое уменьшается число семей военнослужащих, где воспроизводится централизованная конструкция регулирования отношений супругов. Понижается уровень регулирующих полномочий военнослужащего, сокращаются его доминирующие практики, разрушаются центральные функции управленческого контроля. В современных условиях лишь 27% респондентов продолжают рассматривать централизованные практики контроля как основную социокультурную характеристику регулирования отношений между супругами. Отмечается не только изменение внешних условий мотивации военной службы, но и внутренние обновления системы регулирования действий членов семьи. Правила и принципы, принятые в обществе (рост индивидуализации, эгалитарные установки, доступ к альтернативным образцам семейного уклада через медиа), постепенно проникают и в достаточно консервативную среду военных семей, корректируя привычные паттерны властного распределения. Отметим, что базовая основа централизованной модели властных семейных отношений сохраняет свои отличительные черты: 1) высокая требовательность военнослужащего как главы семьи, транслирующего армейский стиль поведения

на членов семьи; 2) общая централизация принятия общих решений с минимальным включением супруга в стратегический выбор; 2) общая нацеленность внутреннего и внешнего поведения всех членов семьи на обеспечение условий достижения карьеры, дохода и ведомственных требований военнослужащего. При этом отметим, что основная тенденция развития семьи военнослужащего связана с тем, что, с одной стороны, сохраняются базовые признаки централизованной классической модели властных отношений у четверти семей военнослужащих, с другой стороны, продолжается резкое сокращение состава семей, где данная модель является доминирующей (с 46% в начале 2000-х гг. до 27% в настоящее время). Выявлено падение количества данных семей на 19 процентных пунктов. Последнее свидетельствует о глубинном сдвиге в системе властных отношений современных семей военнослужащих. Централизованная модель не исчезает полностью, но перестает быть универсальным стандартом, превращаясь в одну из возможных (и все более редких) стратегий. Это означает, что значительная часть семей военнослужащих либо переходит к более эгалитарным, переговорным формам регулирования (совместное принятие решений, распределение власти по сферам, использование убеждения вместо однозначных указаний и приказов), либо оказывается в зоне неопределенных, гибридных практик, где прежние патриархальные ожидания сталкиваются с новыми запросами супруга и детей. Социокультурная динамика в семьях военнослужащих, таким образом, направлена от жестко централизованной модели к плюрализму регулятивных практик, что требует от исследователей дальнейшего анализа факторов, ускоряющих или замедляющих этот переход в различных типах семей военнослужащих.

Выводы

Интегрируя выше представленные теоретические разработки, можно представить ключевые подходы к исследованию властных отношений в современных семьях военнослужащих.

1. Властные отношения в семьях военнослужащих – это комплекс распределения управленческих ролей, регулирования, влияния, а также возможностей контроля между их членами. Властное взаимодействие супругов в семьях военнослужащих – это не статичное состояние, а динамическая система, которая меняется в зависимости от этапа службы, присутствия/отсутствия супруги/га, профессиональных возможностей, экономической эффективности и успехов жены/мужа. Важнейшая характеристика властных отношений отражает практики возможности и способности принимать решения, регулировать и влиять на поведение другого супруга. В семье военнослужащего наи-

более распространены две базовые модели властных отношений: классическая (традиционный централизованный тип регулирования) и партнерская (инициативный тип регулирования). Имеется ряд промежуточных (переходных) моделей властных отношений: приспособленческая (адаптивный тип регулирования); ситуативная (анархический тип регулирования).

2. Классическая модель властных отношений (традиционный централизованный тип регулирования отношений). Это патриархально-централизованная модель, которая по своим принципам воспроизводит логику армейской иерархии: 1) единоначалие мужа/жены как безусловного главы, чье слово является окончательным в любых вопросах семейной жизни; 2) централизация принятия решений, при которой стратегические вопросы решаются военнослужащим единолично при формальном или полном отсутствии участия других членов семьи; 3) дисциплинарный контракт как негласное социальное соглашение, по которому муж/жена предоставляет материальное обеспечение, статус и защиту, а другой супруг и дети обязуются к беспрекословному подчинению, лояльности и поддержанию «внешнего положительного имиджа» семьи; 4) субъектная асимметрия, где военнослужащий выступает активным агентом действия, а остальные члены семьи – пассивными «сопровождающими», чья задача – адаптироваться, подстраиваться и помогать (или не мешать); 5) жесткое самовоспроизводство модели через институциональную среду (закрытые гарнизоны, военные городки), профессиональную культуру супруга (привычка командовать, не терпеть возражений) и семейную социализацию (дети впитывают этот уклад как естественный и единственный возможный).

3. Партнерская модель (инициативный тип регулирования). Это новая партнерско-переговорная модель, которая по своим принципам воспроизводит логику равноправной иерархии: 1) совместное принятие решений, семейные советы; 2) распределение власти по сферам (финансы – военнослужащий, быт – супруг/супруга, дети – оба); 3) социальный контракт, основанный на взаимном уважении и доверии; 4) относительная автономия каждого члена семьи; 5) инновационное переосмысление правил, готовность к изменениям.

4. Наиболее активно переход от классической к партнерской модели властных отношений происходит: 1) в молодых семьях, где супруги еще не успели полностью «врасти» в армейскую иерархию и принесли с собой современные эгалитарные установки из родительских (невоенных) семей или из образовательной среды; 2) в высоко образованных семьях, где жена имеет высшее образование, профессиональную занятость и собственный доход, что дает ей экономическую и культурную основу для реализации потребности в принятии

решений; 3) в семьях, проживающих в крупных городах, а не в закрытых военных городках, где институциональная среда не консервирует патриархальный уклад, а предоставляет альтернативные образцы и возможности. 5. Таким образом, несмотря на устойчивость, классическая модель постепенно трансформируется. Это происходит под влиянием ряда факторов: 1) рост образования и занятости супругов офицеров (формируются условия и возможность социально-трудовой альтернативы, новых экономических возможностей); 2) расширение доступа к интернету, телевидению, книгам, показывающим эгалитарные образцы семьи; 3) в результате длительного отсутствия супруга-военнослужащего в связи с учениями, командировками, поездками на специальную военную операцию другой супруг вынужден наращивать и совершенствовать практики принятия самостоятельных решений; 4) индивидуализация и рост самостоятельности детей (начиная с подросткового возраста повышение протестных, а порой и конфликтных настроений против авторитарных действий родителя-военнослужащего). В результате доля семей военнослужащих, сохраняющих полноценную классическую структуру властных отношений, сокращается (с 46% в 2009 г. до 27% в настоящее время). При этом базовые характеристики классической модели властных отношений сегодня сохраняются (требовательность, централизация, подчинение карьере супруга-военнослужащего). Отметим, что только четверть семей военнослужащих в современных условиях сохраняют классическую модель властных отношений между супругами.

Литература

1. Пихтелев, А.М. Духовно-культурное развитие деятельностного человеческого потенциала военнослужащих / А.М. Пихтелев // *Alma mater*. – 2019. – № 4. – С. 62–66.
2. Баландина Т.М., Немоляев, В.В. Социальное конструирование профессиональной культуры работников организации [Текст] / Т.М. Баландина, В.В. Немоляев // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. – 2015. – № 5 (59). – С. 197–201.
3. Егоров, А.В. Семья как предмет социологического исследования [Текст] / А.В. Егоров // *Формирование профессиональной личности офицера сил специального назначения войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях образовательной деятельности военного вуза: сб. ст. Межвузов. науч.-практ. конф.* – Новосибирск: НВИ ВНИГ РФ им. генерала армии И.К. Яковлева, 2019. – С. 62–66.
4. Кленов, И.А. Условия удовлетворенности браком в семьях военнослужащих / И.А. Кленов. – Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. – 2019. – № 14 (252). – С. 214–217.
5. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послел. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетея, 2001 г. – 562 с.
6. Егоров, А.В. Социальная культура семьи: сущность и структурные компоненты [Текст] / А.В. Егоров // *Социально-гуманитарные знания*. – 2021. – № 1. – С. 301–307.
7. Ершов, В.В. Социально-трудовое развитие культурного капитала солдат и сержантов [Текст] / В.В. Ершов // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2015. – Т. 10. – № 5. – С. 17–24.
8. Баландина Т.М., Болдырев А.Н. Управление развитием организационной культуры / Баландина Т.М., Болдырев А.Н. / В сборнике: *Актуальные вопросы образовательной деятельности войск национальной гвардии. сборник научных статей II Межвузовской научно-практической конференции*. Саратов, 2023. С. 183–190.
9. Барановский М. В., Веремчук В.И. Социальные аспекты отношений доверия в процессе руководства воинским подразделением // *Научные и образовательные проблемы гражданской защиты*. – 2015. – № 1 (24). – С. 94–99.
10. Алексеенко, В.Э. Внутрипрофессиональная стратификация военнослужащих контрактной службы / В.Э. Алексеенко, Т.М. Баландина // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2023. – № 3. – С. 238–243.
11. Егоров, А.В. Социальная культура семьи: сущность и структурные компоненты [Текст] / А.В. Егоров // *Социально-гуманитарные знания: Российское научно-образовательное издание*. – Москва, 2021. – № 1. – С. 301–307.
12. Егоров, А.В. Трансформация базовых ценностей семьи как фактор формирования профессионального потенциала военнослужащего [Текст] / А.В. Егоров // *Социально-гуманитарные знания: Российское научно-образовательное издание*. – Москва, 2021. – № 2. – С. 319–326.
13. Быченко Ю.Г., Егоров, А.В. Ценности в системе социальной культуры семьи российского военнослужащего [Текст] / А.В. Егоров, Ю.Г. Быченко // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. – 2021. – № 1. – С. 11–16.
14. Быченко Ю.Г., Корчагин М.В. Потенциал управленческого лидерства военнослужащих: понятие и социологическая оценка / *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2024. № 3. С. 123–139.

POWER RELATIONS IN MODERN MILITARY FAMILIES

Bychenko Yu.G., Zinovieva E.A.

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Balakovo Branch of the Saratov State Law Academy

The transformation of power relations in military families is investigated. It is proved that the classical model of power and regulatory practices in the family of a serviceman is a patriarchally centralized system built in the image of the army hierarchy: the unity of command of the serviceman, centralization of decisions, disciplinary contract, subject asymmetry. Within the framework of the classical model of power relations, active regulatory functions are assumed by the soldier, passive members of his family. These power relations reproduce themselves through the institutional environment, military professional culture and family socialization. In modern conditions, the classical model of power relations in military families remains significant in about a quarter of families, but it is no longer dominant, giving way to more flexible, partnership and negotiation forms of regulation, especially in young and educated military families. Keywords: military personnel, military families, power relations, classical model of power relations, partner model of power relations.

References

1. Pihtelev, A.M. Spiritual and cultural development of active human potential of military personnel / A.M. Pihtelev // Alma mater. – 2019. – № 4. – pp. 62–66.
2. Balandina T.M., Nemolyaev, V.V. Social construction of professional culture of employees of the organization [Text] / T.M. Balandina, V.V. Nemolyaev // Bulletin of the Saratov State Socio-economic University. – 2015. – № 5 (59). – Pp. 197–201.
3. Egorov, A.V. Family as a subject of sociological research [Text] / A.V. Egorov // Formation of the professional personality of an officer of the special forces of the National Guard of the Russian Federation in the educational activity of a military university: collection of art. Mezhevuzov. scientific and practical conference – Novosibirsk: NVI VNG RF named after General of the Army I.K. Yakovlev, 2019. – pp. 62–66.
4. Klenov, I.A. Conditions of satisfaction with marriage in military families / I.A. Klenov. – Text: direct // Young scientist. – 2019. – № 14 (252). – Pp. 214–217.
5. Bourdieu, P. Practical meaning / Translated from French: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Edited by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya, 2001. – 562 p.
6. Egorov, A.V. Social culture of the family: the essence and structural components [Text] / A.V. Egorov // Socio-humanitarian knowledge. – 2021. – № 1. – pp. 301–307.
7. Yershov, V.V. Social and labor development of the cultural capital of soldiers and sergeants [Text] / V.V. Yershov // Srednerussky Bulletin of Social Sciences. – 2015. – Vol. 10. – № 5. – pp. 17–24.
8. Balandina T.M., Boldyrev A.N. Management of the development of organizational culture / Balandina T.M., Boldyrev A.N. / In the collection: Current issues of educational activities of the National Guard troops. collection of scientific articles of the II Inter-university Scientific and Practical Conference. Saratov, 2023. pp. 183–190.
9. Baranovskiy M. V., Veremchuk V.I. Social aspects of trust relations in the process of leadership of a military unit // Scientific and educational problems of civil protection. – 2015. – № 1 (24). – Pp. 94–99.
10. Alekseenko, V.E. Intraprofessional stratification of contract service servicemen / V.E. Alekseenko, T.M. Balandina // State and municipal administration. Scientific notes. – 2023. – № 3. – Pp. 238–243.
11. Egorov, A.V. Social Culture of the Family: Essence and Structural Components [Text] / A.V. Egorov // Social and Humanitarian Knowledge: Russian Scientific and Educational Publication. – Moscow, 2021. – № 1. – Pp. 301–307.
12. Egorov, A.V. Transformation of the Family's Basic Values as a Factor in the Formation of a Military Personnel's Professional Potential [Text] / A.V. Egorov // Social and Humanitarian Knowledge: Russian Scientific and Educational Publication. – Moscow, 2021. – № 2. – Pp. 319–326.
13. Bychenko Yu.G., Egorov, A.V. Values in the System of Social Culture of the Family of a Russian Military Man [Text] / A.V. Egorov, Yu.G. Bychenko // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. – 2021. – № 1. – Pp. 11–16.
14. Bychenko Yu.G., Korchagin M.V. Potential of Managerial Leadership of Military Personnel: Concept and Sociological Assessment / Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2024. № 3.

Религиозная идентичность в поликультурном обществе: социологический анализ

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Статья посвящена социологическому осмыслению религиозной идентичности в поликультурном обществе как многослойной формы самоотнесения, возникающей на пересечении вероисповедной принадлежности, этнокультурной памяти, гражданской солидарности, повседневных практик и миграционных процессов. Актуальность темы связана с усложнением конфессионального состава населения, ростом мобильности, расширением гибридных форм религиозности среди молодежи и усилением запроса на общественную интеграцию без утраты культурных различий. Научная новизна статьи состоит в построении аналитической схемы, разграничивающей религиозную и конфессиональную самоидентификацию и показывающей, как региональная среда, возраст, миграционный статус и тип религиозной вовлеченности перестраивают содержание идентичности. Цель исследования – выявить социологические механизмы формирования религиозной идентичности в поликультурной среде. Методическая база опирается на анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, обобщение и логико-аналитическую интерпретацию. Корпус охватывает русскоязычные работы 2021–2024 гг., посвященные методологии самоидентификации, молодежным установкам, региональным моделям межконфессионального взаимодействия и миграционной адаптации. Практическая полезность полученных выводов связана с их применением в сфере мониторинга межконфессиональных отношений, молодежной политики, программ интеграции мигрантов и профилактики культурной дистанции.

Ключевые слова: религиозная идентичность, поликультурное общество, конфессиональная самоидентификация, межконфессиональные отношения, этнокультурная принадлежность, молодежь, миграция, гражданская солидарность, нетрадиционная религиозность, социология религии.

Введение

Поликультурная социальная среда меняет прежние способы религиозного самоопределения. Принадлежность к конфессии все реже сводится к личной вере или к устойчивой практике; в структуру самоотнесения все заметнее входят происхождение, семейная память, язык повседневности, символические границы сообщества, опыт соседства с иными религиозными группами и отношение к государственному порядку. На таком фоне религиозная идентичность перестает читаться как линейный и однозначный признак. Ее содержание смещается в сторону сложных комбинаций мировоззренческих, культурных и социальных элементов.

Актуальность исследования определяется тремя обстоятельствами. Первое связано с тем, что в многоэтнических и поликонфессиональных регионах религиозное самоотнесение влияет на межгрупповую дистанцию, формы доверия и устойчивость общественного согласия. Второе вытекает из молодежных и миграционных процессов: в данных средах особенно заметны смешанные, переходные и ситуативные модели идентичности. Третье обстоятельство касается методологии: при подмене религиозной идентичности конфессиональной статистика религиозности и интерпретация общественных процессов теряют точность.

Цель исследования – раскрыть социологические механизмы формирования религиозной идентичности в поликультурном обществе и показать, как меняется ее содержание под воздействием региональной, молодежной и миграционной среды.

Задачи исследования:

1. разграничить религиозную и конфессиональную самоидентификацию в социологическом анализе;
2. выявить, какие социальные переменные перестраивают содержание религиозной идентичности в поликультурных регионах и молодежных группах;
3. определить, как религиозная идентичность участвует в интеграции, межконфессиональном взаимодействии и воспроизводстве символических границ.

Научная новизна статьи состоит в том, что религиозная идентичность рассмотрена не как изолированный показатель веры, а как подвижная социальная конструкция, в которой соединяются

мировоззренческий выбор, этнокультурная маркировка, гражданская лояльность, жизненные стратегии молодежи и интеграционные траектории мигрантов. Такая постановка вопроса дает более точную аналитическую рамку для изучения поликультурного общества.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили русскоязычные публикации 2021–2024 гг., раскрывающие разные стороны религиозной идентичности в современной России. Г.Б. Байсаидова [1] рассматривает религиозную идентичность через призму социокультурного кризиса, деформации сознания и общественной солидарности. Т.В. Бугайчук [2] связывает религиозный фактор с формированием общероссийской гражданской идентичности и консолидационными механизмами. В работе В.С. Воронцова, Р.В. Зворыгина [3] прослежена конфессиональная идентификация и состояние межконфессиональных отношений в Удмуртской Республике. В.Л. Данилов, К.А. Горбунова [4] анализируют интеграцию мигрантов через призму религиозных общин и государственных практик адаптации. С.Ю. Иванова, М.М. Шульга [5] исследуют межэтнические и межконфессиональные отношения в молодежной среде Северного Кавказа. В.Е. Козлов, Т.А. Титова [6] показывают сложное переплетение религиозного, этнокультурного и секулярного у русского населения Татарстана. Е.А. Кублицкая [7] обосновывает различие между религиозной и конфессиональной самоидентификацией и предлагает методологические ориентиры для их разведения. И.В. Лютенко [8] раскрывает связь нетрадиционной религиозности молодежи с этноконфессиональными и миграционными ориентациями. Н.А. Селиверстова, Ю.А. Зубок [9] исследуют религиозную идентичность молодежи в связи со смысловой саморегуляцией жизнедеятельности. В.Н. Сченснович [10] рассматривает межконфессиональные отношения в Башкортостане и соотносит их с конфессиональной структурой, общественными оценками и региональной политикой.

В методическом отношении использованы анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, классификация, обобщение, логико-аналитическая интерпретация и синтез. Указанные приемы дали возможность развести смежные формы самоидентификации, сопоставить региональные и социально-групповые модели религиозного самоотнесения и вывести общую схему функционирования религиозной идентичности в поликультурной среде.

Результаты

Первый аналитический вывод связан с разграничением религиозной и конфессиональной самои-

дентификации. Для социологического исследования поликультурного общества данное различие имеет принципиальное значение, поскольку конфессиональная принадлежность нередко фиксирует культурную, историческую, территориальную и этническую связь, тогда как религиозная идентичность в более строгом смысле соотносится с мировоззренческой и ценностной стороной самоопределения. В исследовании Е.А. Кублицкой показано, что конфессиональная идентичность количественно превосходит религиозную и опирается как минимум на несколько маркеров, среди которых религиозный, этнический, исторический, культурный и территориальный [7]. В более широком социокультурном плане Г.Б. Байсаидова подчеркивает, что религиозная идентичность в кризисной среде работает как регулятор общественной солидарности [1]. Из сопоставления этих работ следует, что для анализа поликультурной среды религиозная идентичность уместнее понимать как переменную, чье содержание меняется в зависимости от того, преобладает ли в самоописании человека вера, культурная память или принадлежность к общине [1; 7].

Второй вывод касается связи религиозной идентичности с более широкими формами коллективного самоотнесения. В материалах Т.В. Бугайчук религиозный фактор соотнесен с общероссийской гражданской идентичностью и трактуется как ресурс консолидации на основе общей исторической памяти и ценностной преемственности [2]. Вместе с тем региональные исследования показывают, что данная связь не формируется одинаково во всех социальных средах. В Башкортостане религиозная, гражданская, этническая и профессиональная идентификации располагаются в разных иерархиях у мусульман и православных, что указывает на множественность оснований общественной самоотнесенности [10]. Следовательно, в поликультурном обществе религиозная идентичность не вытесняет гражданскую и не растворяется в ней, а вступает с ней в сложные конфигурации, где объединительные и разграничительные тенденции сосуществуют [2; 10].

Третий вывод раскрывается через региональные кейсы. Исследование русского населения Татарстана показывает, что религиозное самоопределение в поликультурном регионе складывается из сложного сочетания религиозного, этнокультурного и секулярного начал; у разных социально-демографических групп и у жителей города и села такие сочетания различаются [6]. Параллельный материал по Удмуртской Республике фиксирует рост числа религиозных объединений и устойчивое присутствие нескольких конфессиональных сегментов, что придает межконфессиональным отношениям институционально оформленный характер [3]. Региональные различия позволяют сделать более общий вывод: религиозная идентичность в поликультурном обществе формиру-

ется не по единой схеме, а через локальную среду, историческую конфигурацию конфессий и повседневные формы сосуществования групп [3; 6].

Четвертый вывод относится к молодежной среде, где религиозная идентичность принимает особенно подвижные формы. В исследовании Н.А. Селиверстовой и Ю.А. Зубок она связана со смысловой саморегуляцией жизнедеятельности: у верующей молодежи сильнее выражены ориентации на надежность, спокойствие, семейную потребность и преодоление неопределенности, тогда как отдельные смыслы современной культуры получают меньшую значимость [9]. Работа С.Ю. Ивановой и М.М. Шульги переносит анализ в пространство Северного Кавказа, где межэтнические и межконфессиональные отношения в молодежной среде становятся одним из фокусов устойчивости общественного порядка [5]. Соединение этих наблюдений показывает, что религиозная идентичность молодежи в поликультурной среде формируется одновременно через ценностные ориентации, через восприятие групповых границ и через опыт повседневного сосуществования с иными конфессиональными сообществами [5; 9].

Существенный интерес представляет группа исследований, где религиозная идентичность связана с нетрадиционной религиозностью и миграцией. И.В. Лютенко, анализируя студенчество Москвы, показывает, что интерес к восточным, нетрадиционным религиям и мистическим учениям сопряжен с различиями в религиозных, национальных, этноконфессиональных и миграционных ориентациях; у групп с практической вовлеченностью заметна большая толерантность к этноконфессиональным бракам [8]. В работе В.Л. Данилова и К.А. Горбуновой религиозные общины мигрантов рассмотрены как элементы адаптационной инфраструктуры, действие которых проходит через культурную поддержку, организацию повседневной взаимопомощи и посредничество между приезжими и принимающей средой [4]. На этом основании религиозная идентичность предстает не как частное убеждение, а как ресурс социальной ориентации, через который выстраиваются маршруты интеграции и символические способы освоения новой среды [4; 8].

Еще одна линия анализа выводит к общественной устойчивости. В Башкортостане обзор В.Н. Сченснович фиксирует положительную оценку отношений между представителями разных религий у большинства опрошенных в 2017 и 2018 гг., при том, что конфессиональная структура республики сохраняет выраженную многосоставность [10]. Данный материал согласуется с тезисом Г.Б. Байсаидовой о солидаризирующем потенциале религиозной идентичности [1], но одновременно подтверждает вывод Е.А. Кублицкой о недопустимости механического отождествления

религиозности с конфессиональной принадлежностью [7]. Если в исследовании Т.В. Бугайчук религиозный фактор включен в матрицу гражданской консолидации [2], то региональные публикации убеждают в ином дополнении: устойчивость межконфессионального взаимодействия опирается не на одну лишь декларируемую принадлежность, а на баланс институциональной политики, культурной памяти, повседневного контакта и признания легитимности иных форм вероисповедания [1; 2; 7; 10].

Суммарно проведенный анализ дает основание выделить три уровня религиозной идентичности в поликультурном обществе. На первом уровне она выступает как мировоззренческое самописание, соотношенное с верой и практикой [7; 9]. На втором – как этнокультурный маркер, опирающийся на память, происхождение и локальную традицию [3; 6; 10]. На третьем – как социальный ресурс интеграции и разграничения, задействованный в молодежной среде, межконфессиональном взаимодействии и миграционных процессах [4; 5; 8]. Такая трехуровневая схема позволяет увидеть, почему одна и та же конфессиональная метка в разных группах наполняется несходным социальным смыслом.

Обсуждение

Полученные положения позволяют уточнить сам предмет социологического анализа. Если принимать конфессиональную принадлежность за прямой эквивалент религиозной идентичности, исследователь получает завышенную картину религиозности и упрощенную картину межгрупповых различий. Более продуктивный ход связан с разведением нескольких уровней самоотношения: мировоззренческого, культурно-исторического и социально-интеграционного. При таком подходе становится понятным, почему одни и те же конфессиональные обозначения в разных регионах и поколениях скрывают неодинаковую глубину веры, различный объем практик и несходные формы символической лояльности.

Сопоставление молодежных и региональных исследований показывает расхождение между устойчивостью религиозной маркировки и изменчивостью ее внутреннего содержания. В молодежной среде религиозная идентичность чаще соединяется с поиском жизненных ориентиров, с реакцией на неопределенность и с гибридными формами духовного интереса. В региональных кейсах на первый план выходят историческая память, конфессиональная инфраструктура, локальная иерархия идентичностей и практика межгруппового соседства. Отсюда следует, что универсальная модель религиозной идентичности для поликультурного общества вряд ли продуктивна; аналитическая рамка нуждается в учете возраста, типа

поселения, миграционного статуса и структуры регионального религиозного поля.

Отдельного внимания заслуживает напряжение между интеграционным и разграничительным потенциалом религиозной идентичности. С одной стороны, религиозные организации и общины участвуют в воспроизводстве доверия, в культурной поддержке и в нормализации межгруппового общения. С другой стороны, при усилении символических границ или при росте внутренней конфессиональной дифференциации религиозная идентичность превращается в средство дистанцирования. Поликультурная среда не отменяет данного противоречия, а делает его более заметным. По этой причине исследование религиозной идентичности следует вести не в отвлеченном ценностном плане, а через реальные каналы повседневного взаимодействия, институциональные механизмы и локальные режимы сосуществования.

Исследовательские лакуны просматриваются в трех направлениях. Первая связана с нехваткой работ, где религиозная идентичность измерялась бы одновременно как вера, практика, культурная память и гражданская лояльность. Вторая касается миграции: пока лучше изучены адаптационные функции религиозных общин, чем долгосрочные изменения идентичности во втором поколении. Третья лакуна затрагивает цифровую и сетевую среду молодежи, где религиозная маркировка быстро меняет форму и часто отрывается от институциональных конфессий. В этих границах дальнейший социологический анализ способен дать более точные инструменты для мониторинга поликультурных обществ.

Заключение

Проведенный анализ позволил решить первую задачу и развести религиозную и конфессиональную самоидентификацию. Религиозная идентичность в социологическом смысле связана с мировоззренческим самоописанием и ценностной ориентацией, тогда как конфессиональная принадлежность нередко несет более широкий культурно-исторический смысл и потому не сводится к личной вере.

Вторая задача привела к выявлению переменных, перестраивающих содержание религиозной идентичности в поликультурной среде. Наиболее заметное действие оказывают региональная конфигурация религиозного поля, возраст, молодежные жизненные стратегии, миграционный статус, тип религиозной вовлеченности и плотность повседневных межгрупповых контактов.

Решение третьей задачи показало, что религиозная идентичность участвует в интеграции и в разграничении одновременно. Ее объединительный потенциал раскрывается через солидарность, институциональное посредничество, культурную поддержку и повседневное признание со-

существования разных групп. Ее разграничительная линия проявляется там, где конфессиональная маркировка начинает обслуживать символическую дистанцию или подменяет собой более глубокие формы религиозного самоопределения.

Для социологического анализа поликультурного общества религиозная идентичность целесообразно рассматривать как многослойную и изменчивую конструкцию, а не как фиксированный признак, одинаково читаемый во всех средах.

Литература

1. Байсаидова Г.Б. Современный социокультурный контекст и проблема религиозной идентичности // KANT. 2024. № 1 (50). С. 116–120. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-50.20.
2. Бугайчук Т.В. Религиозный фактор в становлении общероссийской гражданской идентичности // Социально-политические исследования. 2023. № 3 (20). С. 6–18. DOI: 10.20323/2658_428X_2023_3_20_6.
3. Воронцов В. С., Зворыгин Р.В. Современная религиозная ситуация в Удмуртской Республике: конфессиональная идентификация жителей и состояние межконфессиональных отношений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 148–161.
4. Данилов В. Л., Горбунова К.А. Адаптация религиозных общин мигрантов в рамках государственной политики интеграции // Миссия конфессий. 2024. Т. 13–3, № 76. С. 21–27.
5. Иванова С. Ю., Шульга М.М. Современное состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде СК-ФО // Теория и практика общественного развития. 2023. № 9. С. 24–30. DOI: 10.24158/tipr.2023.9.2.
6. Козлов В. Е., Титова Т.А. Религиозная идентичность русского населения Республики Татарстан: деконструкция или локализация традиции // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 21–32.
7. Кублицкая Е.А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2.
8. Лютенко И.В. Социокультурные представления коренной и приезжей молодежи с нетрадиционной религиозностью (социологический опрос студенчества) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 40–53. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-4.
9. Селиверстова Н. А., Зубок Ю.А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуля-

ции молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 127–144. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10. EDN: ORQFED.

10. Сченснович В.Н. Роль религии в межконфессиональных отношениях Республики Башкортостан // Россия и мусульманский мир. 2022. № 2 (324). С. 25–42.

RELIGIOUS IDENTITY IN A MULTICULTURAL SOCIETY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

This article provides a sociological understanding of religious identity in a multicultural society as a multilayered form of self-referentiality arising at the intersection of religious affiliation, ethnocultural memory, civic solidarity, everyday practices, and migration processes. The relevance of this topic lies in the increasing complexity of the religious composition of the population, the expansion of hybrid forms of religiosity among young people, and the growing demand for social integration without losing cultural differences. The scientific novelty of this article lies in the development of an analytical framework that distinguishes between religious and confessional self-identification and demonstrates how regional environment, age, migration status, and type of religious involvement restructure the content of identity. The goal of the study is to identify the sociological mechanisms of religious identity formation in a multicultural environment. The methodological framework is based on an analysis of scientific publications, comparative analysis, generalization, and logical-analytical interpretation. The corpus encompasses Russian-language works published between 2021 and 2024 on the methodology of self-identification, youth attitudes, regional models of interfaith interaction, and migration adaptation. The practical utility of the findings lies in their application to monitoring interfaith relations, youth policy, migrant integration programs, and the prevention of cultural distance.

Keywords: religious identity, multicultural society, religious self-identification, interfaith relations, ethnocultural affiliation, youth,

migration, civic solidarity, non-traditional religiosity, sociology of religion.

References

1. Baysaidova, G. B. "The Modern Sociocultural Context and the Problem of Religious Identity" // KANT. 2024. No. 1 (50). pp. 116–120. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-50.20.
2. Bugaychuk, T. V. "The Religious Factor in the Development of All-Russian Civic Identity" // Socio-Political Studies. 2023. No. 3 (20). pp. 6–18. DOI: 10.20323/2658_428X_2023_3_20_6.
3. Vorontsov V. S., Zvorygin R.V. The Current Religious Situation in the Udmurt Republic: Confessional Identification of Residents and the State of Interfaith Relations // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. No. 61. pp. 148–161.
4. Danilov V. L., Gorbunova K.A. Adaptation of Migrant Religious Communities within the Framework of State Integration Policy // Mission of Confessions. 2024. Vol. 13–3, No. 76. pp. 21–27.
5. Ivanova S. Yu., Shulga M.M. The Current State of Interethnic and Interfaith Relations among the Youth of the North Caucasus Federal District // Theory and Practice of Social Development. 2023. No. 9. pp. 24–30. DOI: 10.24158/tpor.2023.9.2.
6. Kozlov V. E., Titova T.A. Religious Identity of the Russian Population of the Republic of Tatarstan: Deconstruction or Localization of Tradition // Vestnik Anthropologii. 2024. No. 1. pp. 21–32.
7. Kublitskaya E.A. Methodological Analysis of the Relationship between Religious and Confessional Self-Identification (Based on the Studied Subjects of the Russian Federation) // Nauchny Result. Sociology and Management. 2024. Vol. 10, No. 1. pp. 11–27. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2.
8. Lyutenko, I.V. Sociocultural Perceptions of Native and Visiting Youth with Non-Traditional Religiosity (A Sociological Survey of Students) // Research Result. Sociology and Management. 2024. Vol. 10, No. 1. pp. 40–53. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-4.
9. Seliverstova, N. A., Zubok, Yu.A. Religious Identity in the Semantic Self-Regulation of Young People // Research Result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9, No. 2. pp. 127–144. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10. EDN: ORQFED.
10. Schensnovich V.N. The Role of Religion in Interfaith Relations of the Republic of Bashkortostan // Russia and the Muslim World. 2022. No. 2 (324). P. 25–42.

Цифровая социализация в информационном обществе

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы цифровой социализации в условиях информационного общества. Выделяются положительные и отрицательные процессы цифровой социализации, анализируются социальные последствия ее развития, а также изменения личности под влиянием этих трансформаций. Приводятся результаты количественного ($n = 1200$) и качественного ($n = 12$) исследования оценки изменения социальных условий и структур под влиянием цифровой социализации в информационном обществе.

Ключевые слова: цифровая социализация, информационное общество, информационно-цифровая среда, социальное развитие, цифровые технологии, виртуальность.

Современное информационное общество активно трансформируется. Меняются условия жизни, и процесс цифровизации напрямую влияет на все сферы экономики и политики, культуры и науки, более того, в повседневной жизни происходят не менее важные изменения. Информационно-цифровые технологии становятся обязательным атрибутом социализации и перспективным направлением успешного развития общества, социальных групп и отдельных людей.

С развитием информационно-цифровых технологий качественно изменился досуг людей, условия и формы работы и образования. Следовательно, меняются условия и механизмы развития человека как личности. В больших масштабах – формируются новые поколения людей, включенных в цифровую социализацию, которые иначе мыслят, иначе чувствуют, иначе воспринимают себя и окружающую реальность.

Позитивные процессы цифровой социализации в условиях информационного общества достаточно очевидны:

- ускорение временных информационно-аналитических возможностей обработки информации;
- отсутствие различного рода границ (территориальных, языковых, культурных, религиозных и иных) при взаимодействии в информационной среде;
- доступ к неограниченным источникам информации и возможность оперировать данными;
- социальные коммуникации позволяющие увеличивать потенциал социального капитала личности или группы.

При этом присутствуют и негативные процессы цифровой социализации:

- одиночество и социальная замкнутость в реальном взаимодействии (ограниченность развития социальных навыков);
- виртуальная реальность становится формой подмены реальной жизни;
- поверхностное погружение в информационные структуры, отсутствие фундаментальных знаний;
- смещение качества на количество контактов, обезличивание глубины взаимодействия / глубины и качества знания и т.д.

Выделенные положительные и отрицательные процессы цифровой социализации не являются единственными, но они позволяют максимально обширно охватить социальную проблематику трансформации жизни в условиях

информационно-цифровых изменений реальности. Это меняет социальный контекст развития и механизмы личностной адаптации к новым социальным условиям. Это то, что потребует новых инструментов для социальных инженеров в регулировании общественного воспроизводства.

В литературе сложилось несколько направлений изучения цифровой социализации и механизмов социального моделирования. Каждое из них опирается на разные методы и подходы интерпретации данных, обоснованные разными науками.

Социально-психологическое направление опирается на особенности изучения состояния личности человека, его характеристик и состояний под влиянием виртуальности. Процесс социализации рассматривается как условие социально-психологического становления личности и изучается через психологические методики. Это направление представлено работами таких авторов как Р.Г. Ардашев [1,3]; Г.У. Солдатов и Е.И. Расказова [21]; А.М. Закиров и И.И. Шамсутдинова [7]; А.В. Микляева [13]; Ю.Ф. Щелок, А.В. Землянская и К.А. Мелякова [24]; Л.Н. Уварова и Д.А. Каримов [23] и др.

Социальное направление изучается как механизм формирования новых социальных смыслов и символов, определяющих рамки и условия развития целых поколений или социальных групп. Социологические методы исследования (опросы, интервью, контент-анализ) позволяют проследить массовость и масштабность социальных трансформаций. Это направление раскрывается в исследованиях В.Ю. Дунаева, В.Д. Курганской, А. Сагикязы и З.К. Шаукеновой [4]; О.А. Полюшкевич [16–18]; И.А. Журавлевой [5,6]; И.В. Троцук и А.Н. Дурсина [22] и др.

Философско-антропологическое осмысление цифровой социализации опирается на смысловые конструкты, моделирующие социальное пространство и объясняющее существующие социальные рамки развития, мировоззренческие особенности тех, кто вовлечен в цифровую социализацию. Это направление исследуется Н.В. Маслодудовой [11,12]; Е.А. Кузнецовой [8–10]; А.В. Подопратора [14, 15]; Д.Е. Прокудин [19]; Е.С. Синчурина [20] и др.

В нашем исследовании представлен комплексный подход, но методология исследования стоит на социологическом инструментарии.

Особенности исследования

Эти размышления стали толчком для нашего исследования. Мы провели онлайн опрос россиян (n=1200) на платформе www.google.com об особенностях цифровой социализации и последующих социальных перспективах. В нем приняло участие – 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет; проживающих в разных регионах РФ

и имеющих различный социально-экономический статус (доход до 25 000 руб. – 30%, до 50 000 руб. – 30%, до 70 000 руб. – 20%, до 100 000 руб. – 10%, выше 100 000 руб. на члена семьи – 10%), а также разный уровень образования (среднее – 15%, средне-специальное – 45%, высшее – 45%).

Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Также мы провели полуструктурированное интервью (n=12) с представителями экспертного сообщества в сфере цифровой социализации (представители науки, психологи, аналитики, социологи, философы). Среди экспертов было 7 женщин и 5 мужчин в возрасте от 30 до 65 лет.

Результаты кодировались и обрабатывались в программе Atlas.ti.

Анализ результатов и обсуждение исследования

Влияние цифровой социализации максимально разнообразно представлено как в представлениях обывателей, так и в оценках экспертов. Наиболее значимые показатели представлены в результате корреляционного анализа в таблице 1.

Таблица 1. Уровень выраженности различных форм цифровой социализации в информационном обществе

Формы цифровой социализации	Мало значимо	Средне значимо	Высоко значимо
Коммуникативные связи (общение)	2,1	3,4	4,5
Обучение	0,7	5,2	4,1
Работа /карьера	1,1	5,7	3,2
Доходы (помимо работы)	0,9	4,9	4,2
Саморазвитие / социальный капитал	1,1	3,7	5,2
Повседневные практики (магазины, услуги)	0,7	4,9	4,4
Медицина	1,3	5,5	3,2
Взаимодействие с органами власти	0,9	5,6	3,5

Эксперты выделяют те же формы цифровой социализации. Оценивая уровень значимости распространения в обществе – подтверждают данные опроса (большинство сфер имеет высокий уровень выраженности, что обусловлено новыми практиками социально-виртуального взаимодействия, которые стали реальностью для большей части россиян).

Коммуникационные связи. Общение в цифровом обществе, благодаря мессенджерам и социальным сетям стало большей потребностью во взаимодействии, чем личное общение. Коммуникации через мессенджеры и социальные сети

реализуют 100% опрошенных. Взаимодействуют с друзьями 95%, с родственниками – 44%, с коллегами – 57%, соседями – 26%, официальными инстанциями – 35%. Иными словами, коммуникация из реального взаимодействия перешла в виртуальное.

Эксперты комментировали это следующим образом. *Коммуникативные возможности цифровизации становятся тем ресурсом, что дополняет социальную реальность, создает новые возможности для самосовершенствования и позволяет поддерживать общение с теми, кто далеко, решать вопросы удаленно. Это экономит время и силы (Д.А., аналитик городской Администрации). Молодежь сегодня без социальных сетей не может жить. Это часть не просто жизни, это часть личности. Поэтому, цифровая социализация определяет коммуникативные возможности человека, его социальные и личные перспективы развития (Т. И., педагог школы).*

Обучение. В окружении респондентов (они сами или их близкие) обучаются в виртуальном пространстве, используя цифровые технологии – 95%. Школьники и студенты – 46%, специалисты (получают повышение квалификации, дополнительное обучение) – 54%. Иными словами, обучение и цифровая социализация становятся синонимами.

Эксперты также выделяют неразрывность обучения и цифрового развития человека. *Новые технологии в обучении сегодня чаще выступают в виде онлайн обучающих платформ, курсов и программ обучения. Это актуальные возможности, которые позволяют получать знания и быть успешными и востребованными учениками и работниками (Н.О., научный работник). Онлайн обучение позволяет быть успешным, экономя время, получать те знания и опыт, что необходимы здесь и сейчас. Soft skills – потребность сегодняшнего дня (Ф. В., аналитик крупной корпорации).*

Работа / карьера. Чем младше опрошенные, тем больше они допускают вероятность построения карьеры и в целом работы в удаленном формате или полностью виртуальном взаимодействии. Для старшего поколения – это скорее исключение, но информированность о подобных вариантах присутствует. 55% молодежи (18–35 лет) допускают онлайн занятость, 35% людей среднего возраста (36–55 лет) и 10% люди старшего возраста (от 56 лет и старше). При этом уже работают на основном месте 32% в онлайн сфере и имеют онлайн подработку 44% опрошенных.

Эксперты не просто фиксируют значимость работы и карьеры в онлайн сфере, но и подчеркивают актуальность и еще большую распространенность этого в будущем. *Виртуализация общества, что произошла во время и после пандемии COVID-19 стала точкой перелома в экономике всего мира: появились новые профессии, сферы дея-*

тельности, новые формы работы. Эти процессы будут еще больше усиливаться и развиваться (Я. Г., эксперт-аналитик прогнозного института). Варианты онлайн занятости становятся не просто реальностью, но и потребностью современного общества. Это новый формат экономических связей, который определяет жизненные перспективы и ориентиры многих современников (Т.А., преподаватель университета).

Доходы. Онлайн пространство создает возможность для подработки через биржи (ставки на акции, вклады, продукцию), реализация собственных услуг через хобби и увлечения, другая детальность приносящая доход. Дополнительные доходы в онлайн пространстве или через виртуальное пространство имеют 38% опрошенных (в 65% это молодые люди в возрасте 18–35 лет и люди среднего возраста 36–55 лет – 35%).

Эксперты достаточно позитивно оценивают перспективы разбития доходов через цифровую социализацию современников. *Виртуальное пространство создает максимум условий для раскрытия потенциала и возможностей каждого человека, где он может раскрыть свои таланты и стать инструментом социально-цифрового развития собственных талантов и даров, возможностей и перспектив развития (Е.Н., аналитик Администрации города). Дополнительные доходы в онлайн деятельности – это тренд успешности (показатель успешности) современного человека. Если он не использует цифровые возможности для монетизации собственных талантов, то он отстает от жизни на целое поколение. В будущем – такой подход к социально адаптируемой и развитой личности – определяющий возможность заработка в онлайн станет показателем социально-экономических притязаний и критерием социальной успешности человека. (Г.А., психолог).*

Саморазвитие / социальный капитал. Цифровые технологии и возможности виртуального пространства создают максимум условий для получения знаний и подкрепления этих знаний реальными практиками, что позволяют развиваться и саморазвиваться личности человека. Это условия конструирования социального капитала, начиная от формального присутствия в социальных сетях, заканчивая контекстом той информации, что человек размещает у себя на социальных страницах. Внутренний рост и социальное закрепление его происходит через виртуальный имидж, который может учитываться при трудоустройстве, возможностях социальных стажировок и получения грантов. Саморазвитие в результате цифровой социализации в информационном пространстве выделяют приоритетной целью 58% опрошенных, особенно это важно для молодых людей и представителей среднего возраста.

Эксперты, саморазвитию и конструированию социального капитала в виртуальном простран-

стве, уделяют максимальное внимание. Для них это возможность социальной адаптации и реализации максимальных возможностей человека. В цифровой среде нет ограничений к саморазвитию кроме как личных страхов. Это безусловный ресурс, который помогает выходить в комфортное состояние, позволяющее личности быть цельной (Н.Н., психолог). Социальный капитал формируется из личной активности человека, которая отражается в его виртуальной активности. Это то, что позволяет регулировать социальные взаимодействия на новом уровне и формировать новые социальные связи (А.В., коуч).

Повседневные практики (магазины, услуги). Этот процесс не требует объяснений, так как каждый из нас сталкивается с ним в повседневной жизни: начиная от записи к врачу, заканчивая покупкой товаров в маркетплейсах. Цифровизация упростила получение многих социальных услуг. Делают повседневные покупки в маркетплейсах – 95% опрошенных, покупают еду и продукты в супермаркетах и заказывают ее доставку – 72%.

Эксперты также комментируют изменения потребительского поведения россиян. Рынок очень меняется, многие магазины закрываются потому что наши современники чаще делают покупки в маркет-плейсах и через онлайн доставку все получают. Это меняет потребительские практики и рыночные механизмы продажи и продвижения товаров на рынке услуг (О.Р., аналитик крупной компании). Мы сегодня делаем покупки не так, как делали наши мамы и бабушки – мир меняется, цифровая социализация трансформирует представления о том, как правильно делать покупки и чем больше мы будем включаться в онлайн потребление, тем больше будем зависеть от цифрового конвента маркет-плейсов (А.В., коуч).

Медицина. Медицина меняется, от реального общения доктора и пациента мы переходим к теле-медицине, онлайн лечению или онлайн диагнозу. Пользуются медицинскими форумами при постановке диагноза и способов лечения – 28% опрошенных, смотрят ТВ и Интернет-передачи по здоровью – 33%, отслеживают новости медицины и здоровья в медиапространстве цифровых ресурсов – 39%.

Эксперты также указывают на максимальное распространение цифровизации в системе медицины и здравоохранения. Будущее общества лежит в научном прогрессе, новых технологиях лечения и профилактики здоровья. Цифровые достижения делают здоровье человека реальным и доступным каждому ресурсом (Н.О., научный работник). Онлайн медицина максимально эффективная стратегия социального развития общества, позволяющая большему количеству людей получить качественную и своевременную помощь. Это перспектива развития нашего общества (Т.А., преподаватель университета).

Взаимодействие с органами власти. Цифровой канал взаимосвязи с органами власти через обратную связь с обращениями граждан и активному диалогу порождают новые условия жизни и социальных коммуникаций. Возможность обращения к депутату или любому другому представителю власти создает условия доверия и поддержки. Это позволяет в целом повышать рейтинг доверия властям и укрепления социального капитала последних (А.В., коуч). Открытый диалог с органами власти в виртуальном пространстве повышает доверие власти, социальную ответственность и подстегивает личную инициативу граждан (Д.А., аналитик городской Администрации).

Это те процессы, что формируют костяк виртуальной цифровой социализации в информационном обществе.

Оценивая свой уровень владения цифровыми технологиями и виртуальными возможностями респонденты, ожидаемо, более уверены в себе в молодом возрасте, а чем старше, тем менее высоко оценивают свой уровень освоения цифровыми технологиями и возможностями. Очень низкий уровень (навыки отсутствуют) у людей старше 55 лет – 80% и по 10% в остальных возрастах; средний уровень (есть базовые навыки, но могут не со всем разобраться) – младший возраст – 20%, средний – 50%, старший 30%; высокий уровень – младший возраст – 65%, средний – 25%, старший 10% (см. рис. 1).

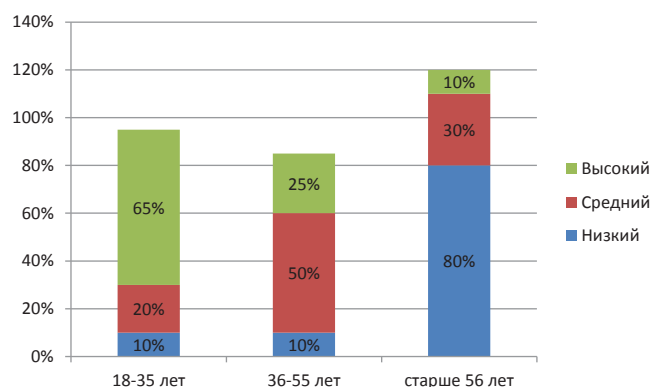

Рис. 1. Оценка уровня владения цифровыми технологиями и виртуальными возможностями

Эксперты также фиксировали разный потенциал поколений в освоении цифровой социализации и соответственно, разные возможности развития представителей этих поколений в информационном обществе. Современная молодежь вовлечена в цифровые технологии, поэтому более точно и эффективно может ими пользоваться, в отличие от представителей старших поколений. (Н.Н., психолог). Это условия риска старшего поколения, так как они никогда уже не освоят то, что могут освоить молодые люди в результате виртуализации мира и цифровой социализации с самого детства. (Т.А., преподаватель университета).

При этом, перспективой развития общества, россияне, как и эксперты, видят в дальнейшем прорыве цифровых технологий. (95%). Это говорит о том, что виртуализация становится инструментом социального моделирования разнообразных социальных процессов общественного воспроизводства. *Уйти от цифровых технологий сегодня невозможно, так как за ними будущее. Наша задача их максимально осваивать, дополняя собственную жизнь в повседневном и профессиональном плане* (Д.А., аналитик городской Администрации). *Некоторые исследователи говорят о потере гуманности и человечности в целом, связанной с утратой человеческих принципов в цифровой среде. Но это не так, цифровые технологии создают возможности для человека, а пользоваться этими возможностями или нет – решает он сам* (Н.О., научный работник).

Вместе с изменением повседневности в цифровом мире будут меняться и морально-этические основы современного общества. Опрошенные полагают, что виртуальность даст новую мораль – 32%, новые духовные ориентиры (религиозные или мистические) – 30%, создаст новые правила и стандарты правильного поведения – 25% и определит рамки контроля (наказания) за их нарушение – 13%.

Эксперты подчеркивают значимость морально-этической составляющей цифрового пространства, важность морально-этических ориентиров в условиях цифровой социализации, так как благодаря этому формируется контекст развития духовных принципов и моральных норм приемлемого поведения. *Без духовных ориентиров и социальных ценностей – виртуальное пространство становится местом духовного разложения и деградации человечества. Поэтому, помимо социально-культурных, экономико-правовых, политических и иных регуляторов поведения, необходимо формировать (воспитывать) морально-этические нормы виртуальной социализации, которые определяют перспективы развития личности в отдельности и общества в целом* (И. Т., психолог). *Важно осознавать собственные ценности, значимые цели и ценности – не важно, в реальном мире или виртуальном происходит взаимодействие. Важно всегда оставаться человеком, какие бы вызовы виртуальное пространство и цифровые технологии не ставили перед человечеством* (Т.А., преподаватель университета).

Таким образом, цифровая социализация в информационном обществе меняет социальные рамки и условия развития отдельного человека и многих социальных групп. Это условия прогресса – быть на волне цифровых возможностей и виртуальных перспектив развития общества.

Цифровая социализация – это шанс сделать еще один более значимый шаг к прогрессу и развитию, еще один шанс изменить мир к лучшему.

И каково место в этом мире будет отведено человеку – решать этому самому человеку. Виртуальная социализация – это всего лишь механизм изучения и освоения мира. Как пользоваться этим механизмом решать нам с вами.

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о масштабности социальных трансформаций жизни общества на макро и микро-уровне. Макроуровень трансформаций касается перестройки функционирования социальных институтов или их полную замену. Микроуровень трансформаций касается повседневной жизни, меняющей реальность под влиянием цифровой социализации. Изменения личности и социальных институтов приводят к развитию нового социального формата – виртуального социального пространства цифровой реальности.

Информационное общество создает предпосылки для разработки, внедрения и развития цифровых технологий. Цифровая социализация упрощает многие процессы, создавая подготовленные условия для реализации новых цифровых инструментов в социальном пространстве реального и виртуального миров.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жаворонкова, О.С. Кравченко. Санкт-Петербург, 2023. С. 100–103.
2. Ардашев Р.Г. Социальные связи молодежи в виртуальных сообществах смерти // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 67–73.
3. Ардашев Р.Г. Суицидальные риски молодежи в виртуальном пространстве // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвященной десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 188–191.
4. Дунаев В. Ю., Курганская В.Д., Сагикызы А., Шаукенова З.К. Информационно-цифровая трансформация повседневности в экспертных оценках и в восприятии массовым сознанием (казахстанский кейс) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 716–733. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733>

5. Журавлева И.А. Самообразование молодежи в виртуальной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 888–891.
6. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
7. Закиров А.М., Шамсутдинова И.И. Цифровая социализация студенческой молодежи: подходы, принципы, уровни // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 4 (71). С. 35–44.
8. Кузнецова Е.А. Воспитание молодежи в условиях виртуальной социализации // Социология. 2025. № 6. С. 256–262.
9. Кузнецова Е.А. Онлайн-активность и цифровая социализация молодежи // Социология. 2025. № 8. С. 42–48.
10. Кузнецова Е.А. Социализация в виртуальных мирах: будущее реального и виртуального // Социология. 2026. № 1. С. 30–34.
11. Маслодудова Н.В. Информационная культура личности в условиях цифровизации социальной среды // Социология. 2025. № 12. С. 38–44.
12. Маслодудова Н.В. Социальные риски современной цифровой реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 220–224.
13. Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. С. 5–11.
14. Подопригора А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. 2019. № 1. С. 7–20.
15. Подопригора А.В. Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Научный ежегодник Института философии и права УО РАН. 2018. Т. 18. № 3. С. 7–26. DOI 10.17506/yuip.2016.18.3.726
16. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.
17. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 420–422.
18. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.
19. Прокудин Д.Е. От информатизации к цифровизации. Философская аналитика цифровой эпохи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 38–52.
20. Синчурина Е.С. Цифровизация как инновационная философская парадигма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 222–232. DOI: 10.34670/AR.2023.18.81.020
21. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 3. С. 11–30.
22. Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 182–202. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202>
23. Уварова Л.Н., Каримов Д.А. Цифровая социализация: психологические особенности формирования личности в интернет-среде // Мир педагогики и психологии. 2025. № 5 (106). С. 448–453.
24. Щелок Ю.Ф., Землянская А.В., Мелякова К.А. Цифровая социализация вузовской молодежи в пространстве социальных сетей // Перспективы науки. 2024. № 11 (182). С. 131–134.

DIGITAL SOCIALIZATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines issues of digital socialization in the information society. It identifies the positive and negative processes of digital socialization, analyzes the social consequences of its development, and examines the personal changes influenced by these transformations. The article presents the results of a quantitative (n=1200) and qualitative (n=12) study assessing changes in social conditions and structures under the influence of digital socialization in the information society.

Keywords: digital socialization, information society, information and digital environment, social development, digital technologies, virtuality.

References

1. Ardashev, R.G. «Deviant Behavior of Young People in the Virtual World» // «Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice.» Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Compiled by A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. St. Petersburg, 2023. pp. 100–103.
2. Ardashev, R.G. «Social Connections of Young People in Virtual Communities of Death» // «A Solidarity Society as an Ideal and a Project: History and Modernity.» Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Editors: R. Kh. Lukmanova, I.V. Frolova. Ufa, 2023. pp. 67–73.
3. Ardashev, R.G. «Suicidal Risks of Young People in Virtual Space» // «Man in the Information Society.» Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. Pp. 188–191.
4. Dunaev V. Yu., Kurganskaya V.D., Sagikzy A., Shaukenova Z.K. Information and digital transformation of everyday life in expert assessments and in the perception of mass consciousness (the Kazakhstan case) // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2025. Vol. 25. № 4. Pp. 716–733. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-716-733>
5. Zhuravleva I.A. Self-education of young people in a virtual environment // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 888–891.
6. Zhuravleva I.A. Social Security in Virtual Educational Strategies of Young People // Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 83–86.
7. Zakirov A.M., Shamsutdinova I.I. Digital Socialization of Student Youth: Approaches, Principles, and Levels // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2025. № 4 (71). Pp. 35–44.
8. Kuznetsova E.A. Education of Young People in the Context of Virtual Socialization // Sociology. 2025. № 6. Pp. 256–262.
9. Kuznetsova E.A. Online activity and digital socialization of young people // Sociology. 2025. № 8. pp. 42–48.
10. Kuznetsova E.A. Socialization in virtual worlds: the future of the real and the virtual // Sociology. 2026. № 1. pp. 30–34.
11. Maslodudova N.V. Information culture of an individual in the context of digitalization of the social environment // Sociology. 2025. № 12. pp. 38–44.
12. Maslodudova N.V. Social risks of modern digital reality // Public and municipal administration. Scientific notes. 2021. № 4. pp. 220–224.
13. Miklyaeva A.V. Digital society and digital socialization: prospects for socio-psychological research // Social Psychology and Society. 2024. Vol. 15. № 2. Pp. 5–11.
14. Podoprigora A.V. Artificial Intelligence as a Discourse of Self-Knowledge and Self-Organization of Digital Society // Society and Power. 2019. № 1. Pp. 7–20.
15. Podoprigora A.V. Number and Digit: The Pythagorean Tradition and the Metaphysics of Digital Reality // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 18. № 3. Pp. 7–26. DOI 10.17506/ryipl.2016.18.3.726
16. Polyushkevich O.A. Collective Emotions of Prosocial Practices: Virtual and Real Consequences // Man in the Information Society. Collection of materials from the Second International Scientific and Practical Conference dedicated to the Decade of Science and Technology in the Russian Federation. Samara, 2023. pp. 161–164.
17. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in the digital age // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Materials of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2021. pp. 420–422.
18. Polyushkevich O.A. Social communications and prosocial practices in the digital world // Social reality of virtual space. Materials of the V International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 41–44.
19. Prokudin D.E. From informatization to digitalization. Philosophical analytics of the digital age. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2020, pp. 38–52.
20. Sinchurina E.S. Digitalization as an Innovative Philosophical Paradigm // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2023. Vol. 12. № 1A. pp. 222–232. DOI: 10.34670/AR.2023.18.81.020
21. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Digital Socialization of Russian Adolescents: Through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries // Social Psychology and Society. 2023. Vol. 14. № 3. pp. 11–30.
22. Trotsuk I.V., Dursina A.N. The Digital Vector of Development of Communication between the Government and the Population in Modern Russian Society // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2025. Vol. 25. № 1. Pp. 182–202. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202>
23. Uvarova L.N., Karimov D.A. Digital Socialization: Psychological Features of Personality Formation in the Internet Environment // The World of Pedagogy and Psychology. 2025. № 5 (106). Pp. 448–453.
24. Shchelok Yu.F., Zemlyanskaya A.V., Melyakova K.A. Digital socialization of university youth in the space of social networks // Prospects of Science. 2024. № 11 (182). P. 131–134.

Использование цифровых медиа-коммуникационных и социально-технологических инструментов для целенаправленного управления современными социальными процессами: привлечением внимания, формированием имиджа и регуляцией внутригрупповой динамики

Мкртумова Ирина Владимировна,

д-р социол. наук, проф., проф. кафедры социологии, психологии управления и истории ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»; проф. кафедры полит. анализа и соц.-псих. процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: imkrtumova@yandex.ru,

Лаптева Анастасия Сергеевна,

магистрант кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: nastena.lapteva02@mail.ru

Кудаков Иван Сергеевич,

магистрант кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: kudakov.star@gmail.com

Торондуш Михаил Юрьевич,

магистрант кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: snbars94@yandex.ru

Статья посвящена разработке и апробации стратегий целенаправленного воздействия на различные социальные группы с использованием цифровых медийных, визуальных, коммуникационных и технологических инструментов в парадигме социологии управления. На материале трёх социологических исследований 2026 года, и вторичного анализа результатов исследований ВЦИОМ 2023–2025 гг. анализируются возможности достижения измеримых изменений в когнитивной, репутационной и поведенческой сферах. В первом исследовании, проведенном методом письменного опроса, рассматривается влияние стилизованных особенностей монтажа рекламных роликов на управление вниманием столичной молодежи (N=1073); во втором исследовании аналогичным методом изучались стратегии конструирования имиджа коммерческой организации в цифровой среде, ориентированные на семейную аудиторию (на примере компании «Вкусно – и точка») (N=900); в третьем – изучалось применение цифровых социальных технологий как инструмента управления командной динамикой в хоккее методом массового (N=1136). Общим предметом исследования выступает технологически опосредованное социальное управление, нацеленное на изменение когнитивных, репутационных или поведенческих характеристик целевой группы. Общей теоретической рамкой является социология управления и коммуникации, позволяющая унифицировать анализ разнородных объектов. Показано, что технологически опосредованное воздействие позволяет не только фиксировать, но и целенаправленно изменять такие параметры, как уровень вовлеченности аудитории, лояльность к бренду и внутригрупповую сплоченность. Результаты могут быть использованы в практической работе специалистов по маркетингу, PR, спортивному менеджменту, а также в учебных курсах по социологии управления и социологии массовых коммуникаций.

Ключевые слова: цифровая социология, социология управления, анкетный опрос, командная динамика, управление вниманием, имидж бренда, цифровые социальные технологии, рекламный монтаж, семейная аудитория, хоккейная команда

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровые медиа-коммуникационные и социально-технологические инструменты сегодня стали одним из ключевых механизмов управления вниманием, символическими ресурсами и групповыми взаимодействиями в обществе. В России¹ в начале 2025 года интернетом пользовались 133 млн человек, а социальных сетей – 106 млн, что составляло 73,4% населения страны; при этом 79,6% интернет-пользователей использовали хотя бы одну социальную платформу. Среднесуточное время онлайн у россиян достигло 8 часов 38 минут, что показывает, насколько глубоко цифровая среда встроена в повседневные практики коммуникации, восприятия и социального ориентирования².

Социальные медиа остаются одним из главных каналов получения информации, но и, одновременно, становятся пространством распространения дезинформации, поляризации и манипулятивных практик. В исследовании ЮНЕСКО³, проведенном в 16 странах, 85% респондентов заявили о тревоге по поводу влияния дезинформации в интернете, а 88% считают, что власти и регуляторы должны оперативно решать эту проблему. Дополнительную остроту вопросу придает то, что 62% цифровых платформ, по данным ЮНЕСКО, не проводят строгую проверку фактов, хотя имен-

¹ DataReportal «Digital 2025: Россия» [Электронный документ] – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation?utm_campaign=zen&utm_referrer=https://dzen.ru/media/id/5ba87a65787a1d00ae39c59d/6807c35528abed6f7c44e51a (Дата обращения: 28.04.2026)

² Статистика интернета России на 2026 год: главные цифры и тренды digital и социальных сетей [Электронный документ] – URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (Дата обращения: 28.04.2026)

³ Две трети создателей цифрового контента не проверяют факты перед тем, как делиться ими, но хотят научиться это делать (опрос ЮНЕСКО). [Электронный документ] – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/2/3-digital-content-creators-do-not-check-their-facts-sharing-want-learn-how-do-so-unesco-survey> (Дата обращения: 28.04.2026)

но они всё чаще выступают значимыми посредниками в распространении культурной, социальной и политической информации¹.

С социологической точки зрения это означает, что цифровая коммуникация перестала быть лишь средой обмена сообщениями и превратилась в инструмент структурирования внимания, репутации и коллективного поведения. Визуально-монтажные и цифровые коммуникативные формы особенно эффективны в ситуациях высокой плотности информационных потоков. Исследования визуального воздействия показывают, что кампании, использующие простые узнаваемые образы, эмоциональную апелляцию и длительное повторение сообщений, способны достигать более масштабного охвата аудитории. Мы видим, что современная социальная реальность всё чаще регулируется не только содержанием сообщений, но и их формой, скоростью циркуляции, эмоциональностью, визуальной выразительностью и алгоритмической видимостью.

Несмотря на широкое распространение цифровых медиа и значительное число исследований, остаются недостаточно изученными важные моменты. Как именно различные социально-технологические инструменты – визуально-монтажные, цифровые коммуникационные, сетевые и платформенные – используются для целенаправленного управления социальными процессами на уровнях внимания, поддержания имиджа и внутригрупповой динамики.

Дискуссия

Проблематика цифровых медиа-коммуникационных и социально-технологических инструментов управления социальными процессами является для социологической науки междисциплинарной. Она находится на пересечении нескольких исследовательских направлений: медиасоциологии, социологии коммуникации, исследований цифровых платформ, визуальной культуры и теорий социального управления. Поэтому целесообразно изучение международного опыта системных анемических отчетов. Так, в исследовании ЮНЕСКО (2024)² отмечается, что современной литературе уже достаточно подробно описаны отдельные аспекты цифрового воздействия – алгоритмическая селекция контента, распространение дезинформации, роль инфлюенсеров,

визуальная репрезентация и медиаграмотность, однако эти сюжеты чаще рассматриваются разрозненно. Вне поля внимания остается целостный анализ инструментов целенаправленного управления вниманием, имиджем и внутригрупповой динамикой³.

Классические социологические работы по сетевым коммуникациям прежде всего связаны с исследованиями Мануэля Кастельса [1,2]. Его трилогия «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» и особенно том «Становление общества сетевых структур» ввели в социологию понятие «сетевого общества» как формы организации, где ключевую роль играют потоки информации, гибкие связи и глобальные сети [2].

М. Кастельс и Э. Гидденс по-разному объясняют, как устроены сети и как они связаны с действием и структурой. М. Кастельс рассматривает сеть как базовую форму организации информационного общества и источник власти. Энтони Гидденс считал, что сети важны прежде всего, как часть повседневной практики [3]. Для Гидденса более важна не сама сеть как форма, а то, как в ней воспроизводятся коммуникация, власть и нормы.

Современные исследования продолжают эту линию. Изучается регуляционное влияние платформ. Как именно цифровые платформы и алгоритмы регулируют производство, распространение и оценку новостей. Но они одновременно усиливают и поляризацию, коммерциализацию и распространение недостоверной информации. При этом недостаточно изучаются в т.ч. особенности воздействия на внимание, доверие, статусные различия и внутригрупповые отношения визуально-монтажных и коммуникационных приёмов. В российском контексте тема цифровой платформизации исследовалась и авторами статьи [4].

Изучение медиаграмотности, дезинформации, манипуляций является наиболее разработанным направлением исследований цифровых платформ. По данным исследования ЮНЕСКО⁴ в 2024 году 62% цифровых платформ не проводят проверку фактов перед публикацией, а 59% из них слабо знакомы с нормативными рамками и международными стандартами цифровой коммуникации⁵. Но большинство работ не содержат

¹ Две трети создателей цифрового контента не проверяют факты перед тем, как делиться ими, но хотят научиться это делать (опрос ЮНЕСКО). [Электронный документ] – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/2/3-digital-content-creators-do-not-check-their-facts-sharing-want-learn-how-do-so-unesco-survey> (Дата обращения: 28.04.2026)

² Две трети создателей цифрового контента не проверяют факты перед тем, как делиться ими, но хотят научиться это делать (опрос ЮНЕСКО). [Электронный документ] – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/2/3-digital-content-creators-do-not-check-their-facts-sharing-want-learn-how-do-so-unesco-survey> (Дата обращения: 28.04.2026)

³ Две трети создателей цифрового контента не проверяют факты перед тем, как делиться ими, но хотят научиться это делать (опрос ЮНЕСКО). [Электронный документ] – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/2/3-digital-content-creators-do-not-check-their-facts-sharing-want-learn-how-do-so-unesco-survey> (Дата обращения: 28.04.2026)

⁴ Две трети создателей цифрового контента не проверяют факты перед тем, как делиться ими, но хотят научиться это делать (опрос ЮНЕСКО). [Электронный документ] – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/2/3-digital-content-creators-do-not-check-their-facts-sharing-want-learn-how-do-so-unesco-survey> (Дата обращения: 28.04.2026)

⁵ Новый аналитический обзор ЮНЕСКО выявляет глобальные пробелы в политике и образовании в области медиа- и информационной грамотности. [Электронный документ] – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/new-unesco-issue-brief-reveals>

социологического анализа конкретных инструментов управления социальными эффектами.

В современных работах по изучению воздействия визуального контента и графического дизайна подчёркивается, что есть факторы, существенно повышающие вероятность вовлечения аудитории. Важна форма подачи сообщения, так, эффект формата «Говорящая голова» изучался авторами статьи [5]. Многие исследователи подтверждают, что первое впечатление формируется практически сразу. цвет, композиция и общий визуальный стиль задают направление интерпретации контента [10, 11, 12].

Важны и факторы композиции, монтажа, визуальной простоты и эмоциональной насыщенности, отмеченные Пан Чэньюй Ч. [6]. Для цифровой медиа среды – это особенно важно, поскольку визуальные форматы работают быстрее и сильнее текстовых в условиях высокой конкуренции сообщений. Важно и исследование Юньлун Тан, Сайтинг Сюй, Тэн Ван и др. [8] возможностей компьютерного зрения, предлагающее нейросетевой метод для автоматического монтажа рекламных видео: «Экспериментальные результаты показывают, что наш метод превосходит по эффективности (аналогичные методы)»¹.

Среди отечественных исследований отметим диссертацию Старусевой-Першеевой А.Д. (2017) о выразительных возможностях монтажа в видеоарте [7]. Она в т.ч. экспериментально исследует, как длина одного монтажного кадра (от 0.5 до 12 секунд) определяюще влияет на зрительское внимание.

В сфере спорта цифровые технологии усиливают вовлеченность аудитории и создают новые формы взаимодействия [3]. Командная динамика в хоккее по мнению ряда авторов формируется в т.ч. и в медийном пространстве. Это один из важных управленческих факторов командной динамики [14, 15, 16].

Значимость проблемы управленческого воздействия цифрового контента подтверждается массовой цифровой вовлечённостью². У нас свыше 133 млн пользователей интернета и свыше 106 млн медиа-идентичностей (73,4% населения страны). Несмотря на это, социологические исследования, посвящённые конкретным механизмам целенаправленного управления вниманием, имиджем и внутригрупповой динамикой в цифровой среде, через визуально-монтажные и платформенные инструменты, пока представлены фрагментарно. Именно этот исследовательский фокус и определяет необходимость исследований, [global-gaps-media-and-information-literacy-policies-and-education](https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation) (Дата обращения: 28.04.2026)

¹ Там же

² Цифровая революция 2025: Российская Федерация [Электронный документ] – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (Дата обращения: 28.04.2026)

зультаты которых представлены в предлагаемой статье.

Результаты исследований

Социология управления и коммуникаций является общим теоретическим основанием для представленных исследований. Общим является и предмет исследования. Это – целенаправленное использование технологических, визуальных, цифровых инструментов для воздействия на определённые социальные группы с целью изменения их состояния или поведения. Каждое исследование нацелено на определённую социальную группу (целевую аудиторию) и предполагает её изменение в желаемом для субъекта управления направлении (См. Табл. 1).

Таблица 1

Исследование	Целевая аудитория	Проблема исследования	Практическая цель исследования
Управление имиджем бренда (анкетный опрос, N=900) 2026 г.	Семейная аудитория	Управление имиджем и восприятием бренда («Вкусно и точка») семейной аудиторией – через цифровые стратегии конструирования бренда в онлайн-среде	Формирование лояльности, доверия, позитивного образа (бренд-лидер)
Управление вниманием через монтаж (анкетный опрос, N=1073) 2026 г.	Столичная молодёжь	Управление вниманием молодёжи, её есть когнитивным и эмоциональным состоянием аудитории, – через технология видеопроизводства	Привлечение и удержание внимания (рост вовлечённости, запоминаемость рекламы)
Управление командной динамикой в хоккее (массовый опрос, N=1136) 2026 г.	Хоккейная команда и её окружение	Управление командной динамикой (внутригрупповыми процессами) – через цифровые социальные технологии	Оптимизация взаимодействия, повышение эффективности, сплочённость

Источник: составлено авторами

Проблемку исследований объединяет управленческая парадигма. Авторы рассматривают процесс целенаправленного воздействия на социальные группы с помощью специализированных технологических инструментов. В первом случае это управление вниманием молодёжи через стилистику видеомонтажа, во втором – управление имиджем компании в цифровой среде для семейной аудитории, в третьем – управление динамикой хоккейной команды посредством цифровых социальных технологий. Общей методологической ос-

новой выступает технологически опосредованное социальное управление, нацеленное на изменение когнитивных, репутационных или поведенческих характеристик целевой группы. Общим является фокус на технологические цифровые инструменты при изучении особенностей управления социальными процессами и групповой динамикой. Центральный управленческий аспект исследований реализуется с помощью специфических технологических или медийных средств.

Анализ цифровой коммуникации в конструировании бренда-лидера семейной аудитории – компании «Вкусно – и точка» (по итогам социологического исследования)

Эмпирическая база данного исследования 2026 года включала 900 анкет, 10 структурированных интервью с профессионалами, 3 фокус-группы и массив контент-анализа официальных цифровых материалов компании. Установлено, что цифровая коммуникация компании «Вкусно – и точка» формируется в нескольких взаимосвязанных контурах: официальный сайт и мобильное приложение, карточки на картографических и отзывных платформах, рекламные сообщения в массовых и цифровых каналах, а также пользовательские отклики.

Первичное представление о содержании официальной цифровой коммуникации дал контент-анализ материалов компании. Корпоративный цифровой контент строится вокруг короткого действия пользователя: открыть, выбрать, заказать, получить бонус. Доминирует образ удобного и предсказуемого сервиса для семьи, а не образ семьи как самостоятельного ценностного центра коммуникации. Цифровой образ компании поэтому определяется не одним центром коммуникации, а совокупностью площадок, где официальный контент встречается с локальным пользовательским опытом.

Частота контакта и состав рекламных каналов показывают высокий уровень цифровой видимости бренда. Но только это не гарантирует устойчивого положительного восприятия. Распределение рекламных контактов и каналов их получения сведено в Таблице 2.

Частота и каналы рекламного контакта семейной аудитории с брендом

Пользователи по-разному оценивают цифровые ресурсы бренда. Удобство сайта и приложения назвали 38,0% респондентов, скорость – 30,0%, бонусы – 19,0%. Проблемы респонденты связывают с ограничениями цифрового опыта.

Оценка цифрового контура имеет особенности. Медленная работа сервиса отмечена у 24,0%, избыточные всплывающие элементы – бренда отмечены у 22,0%, сложный интерфейс – у 8,0%. При этом 46,0% не указали явных проблем. Об-

щая оценка цифрового контура остается высокой: 53,8% респондентов поставили 8–10 баллов, еще 38,1% – 5–7 баллов. Реклама воспринимается сдержаннее, а канал поддержки получает наиболее низкие баллы в этом наборе.

Таблица 2

Показатель	Категория	Мнение респондентов, %	
Частота контакта с рекламой	Ежедневно	19,0	
	2–3 раза в неделю	28,0	
	Раз в неделю	21,0	
	2–3 раза в месяц	18,0	
	Реже	14,0	
	Итого	100%	
Канал контакта с рекламой	Признак	%	% по стоке
	Телевидение	45,0	100
	Социальные сети	39,0	100
	Push-уведомления приложения	31,0	100
	Наружная реклама	28,0	100
	Блогеры	26,0	100
	Поиск и карты	18,0	100
	Не видят рекламу	5,0	100
Подписки на площадки бренда	ВКонтакте	46,0	100
	Telegram	29,0	100
	Не подписаны	21,0	100
	RuTube	15,0	100
	TikTok	11,0	100
	Likee	2,4	100

Источник: составлено авторами

Эмпирически подтверждено, что цифровой опыт респондента действительно связан с более общей оценкой бренда. Корреляционный анализ показал, что частота контакта с рекламой положительно связана с оценкой цифрового контура компании ($\rho = 0,081$; $p = 0,0105$) и с оценкой имиджа бренда относительно конкурентов ($\rho = 0,099$; $p = 0,0017$). Более частые посещения компании с детьми также сопровождаются более высокой оценкой имиджа относительно конкурентов ($\rho = 0,120$; $p = 0,0001$). Наиболее выраженные связи зафиксированы внутри оценочного блока: оценка колл-центра положительно связана с общей оценкой цифрового контура ($\rho = 0,300$; $p = 0,0000$), а оценка цифрового контура – с оценкой имиджа бренда относительно конкурентов ($\rho = 0,219$; $p = 0,0000$). Пользовательский опыт заказа и взаимодействия с цифровым контуром воспринимается заметно лучше, чем рекламные сообщения и сервис обратной связи. Следовательно, цифровая коммуникация в исследуемом случае выступает не только фоном вза-

имодействия с брендом, но и одним из факторов интегрального имиджевого восприятия.

Фокус-группы уточняют логику этих оценок. Приложение и сайт описывались прежде всего как инструмент быстрого решения бытовой задачи. Доверие участники фокус-групп описывали как совмещение цифрового обещания с реальным качеством продукта, скоростью выдачи и стабильностью обслуживания в точке. Интервью с экспертами фиксируют ту же логику на уровне управленческой интерпретации. Семейная ориентированность бренда считается аудиторией устойчиво, но нуждается в более ясной связи с реальными преимуществами семьи – удобством заказа, предсказуемостью обслуживания, понятной выгодой и безопасным сценарием посещения.

Анализ эмпирических итогов исследования показал, что бренд «Вкусно – и точка» сохраняет устойчивое положительное восприятие в семейном сегменте. Однако его сила основана прежде всего на доступности, привычности, удобстве и предсказуемости потребительского сценария, а не на плотном семейном смысловом наполнении. Ядро аудитории составляют женщины 25–39 лет с одним или двумя детьми, высшим образованием и полной занятостью. Поэтому выбор бренда определяется экономией времени, понятностью цифрового пути и снижением бытовой неопределенности. При этом выявлен разрыв между общим цифровым имиджем и семейной релевантностью бренда: индекс цифрового имиджа достигает 66,5 из 100, тогда как индекс семейной релевантности равен 30,8. При этом контент компании заметно чаще транслирует сервисную и промоционную логику, чем смыслы заботы, безопасности и семейной близости.

Роль визуальной идентичности бренда в цифровой среде в формировании эмоциональной привязанности аудитории

Визуальная идентичность бренда является фактором формирования эмоциональной привязанности аудитории в цифровой среде. На восприятие бренда и вовлеченность пользователей влияют ключевые визуальные элементы, включая цвет, типографику, композицию и особенности видеоконтента. Цифровые платформы являются полем, где визуальная коммуникация становится более интенсивной и повторяемой, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию. ВЦИОМ¹ провел исследования на тему «Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. Жизнь в статусе «онлайн»².

¹ Всероссийский центр исследований общественного мнения. – URL <https://wciom.ru>

² ВЦИОМ Новости: Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. Жизнь в статусе «онлайн» [Электронный документ] – URL:

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (Дата обращения: 28.04.2026)

Для современной молодежи («родившейся с гаджетом в руках») онлайн – это естественная среда для жизни и общения. Виртуальное взаимодействие молодежи вытесняет живые встречи (61% vs. 33%), особенно среди самых юных (69% vs. 24% в группе 18–24 лет)³. Предпочитаемые ключевые платформы: Telegram, WhatsApp и «ВКонтакте». Больше всего времени молодежь проводит в Telegram, около 3–4 часов в сутки, (28% – более 5 часов)⁴.

Другое исследование ВЦИОМ на тему «Бесшовный клик: как покупки из контента в соцсетях и на маркетплейсах вошли в привычку»⁵ показало, что «Цифровой контент фактически становится для пользователей эмоционально окрашенной иммерсивной средой: забавный ролик с котиком, вытирающим пол ультрасовременной шваброй...», и пользователи: «... мгновенно принимают решение о покупке, переходят по ссылке и оформляют заказ»⁶. Установлено, что цифровая реклама эффективнее стимулирует эмоциональную привязанность и «толкает» к покупке⁷.

В недавнем исследовании Аналитического центра ВЦИОМ о восприятии россиянами рекламы⁸ установлено, что эмоциональная привязанность аудитории стимулирует развитие новой социальной коммерции в стране⁹. Граница между коммуникацией и покупкой стирается на глазах. Российский рекламный рынок будет эволюционировать по китайской модели: «...социальные платформы обрастают витринами и корзинами, а маркетплейсы (Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет и др.) превращаются в полноценные медиа»¹⁰. Визуальная идентичность для молодежи крайне важна¹¹.

Роль визуальной идентичности бренда в цифровой среде: итоги социологического опроса

Исследование авторов статьи подтверждает вышеперечисленные тренды. В январе-апреле 2026 г. был

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

⁸ 23 марта 2026 г. [Электронный документ] – URL Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты онлайн-опроса о восприятии россиянами рекламы. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchee-i-budushchee-reklamy-ii-personalizaciya-i-pokupki-iz-kontenta> (Дата обращения: 28.04.2026)

⁹ Там же

¹⁰ 23 марта 2026 г. Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты онлайн-опроса о восприятии россиянами рекламы. [Электронный документ] – URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchee-i-budushchee-reklamy-ii-personalizaciya-i-pokupki-iz-kontenta> (Дата обращения: 28.04.2026)

¹¹ Аудитория интернета [Электронный ресурс] // D-Russia – [Электронный документ] – URL: <https://d-russia.ru/statistika-mediapotrebleniya-v-rossii-po-sostojaniyu-na-nojabr-2024-mediascope.html> (Дата обращения: 28.04.2026)

проведен онлайн-опрос, посвященный восприятию рекламного видеоконтента молодежной аудиторией. В анкетировании приняли участие 1073 респондента. Анализ ответов демонстрирует специфику медиапотребления молодежи в условиях цифровой среды (табл. 3).

Как часто Вы досматриваете рекламные видеоролики до конца?

Таблица 3

Вариант ответа	Количество, %
Почти всегда	10,1%
Часто	24,9%
Иногда	39,2%
Редко	19,5%
Практически никогда	6,3%
Всего	100%

Источник: составлено авторами

Полученные результаты показывают, что большинство респондентов досматривают рекламные видеоролики лишь в отдельных случаях. Наиболее распространенным вариантом ответа стала категория «Иногда» (39,2%). Это говорит о высокой конкуренции за внимание аудитории в цифровой среде. Снижается устойчивость внимания. Молодежь оценивает контент в течение первых секунд просмотра и быстро переключается на другое (табл. 4).

В какой момент Вы чаще всего теряете интерес к рекламе?

Таблица 4

Вариант ответа	Количество, %
В первые 3–5 секунд	36,9%
Когда реклама становится затянутой	29,6%
При отсутствии динамики	19,0%
Когда сюжет становится непонятным	9,4%
Практически не теряю интерес	5,1%
Всего	100%

Источник: составлено авторами

Критическим этапом восприятия рекламы являются первые секунды видеоролика. Более трети респондентов отметили, что теряют интерес уже в первые 3–5 секунд просмотра. Отсюда следует вывод: главное – это темп и динамика рекламного контента (табл. 5).

Что сильнее удерживает Ваше внимание?

Таблица 5

Вариант ответа	Количество, %
Быстрый монтаж и динамика	37,4%
Интересный сюжет	26,7%

Окончание

Вариант ответа	Количество, %
Музыка и звуковое сопровождение	14,5%
Визуальный стиль и цвет	13,1%
Известные люди/инфлюенсеры	8,2%
Всего	100%

Источник: составлено авторами

Наиболее значимым фактором удержания внимания респонденты назвали быстрый монтаж и динамику видеоряда (37,4%). Динамические характеристики контента играют ключевую роль в восприятии. Большинство респондентов (89,9%) рассматривают монтаж как один из определяющих элементов рекламного воздействия. Наиболее распространено мнение о том, что монтаж формирует общее восприятие видеоролика (40,8%). Монтаж воспринимается как самостоятельный инструмент эмоционального и визуального воздействия (табл. 6).

Согласны ли Вы с утверждением: «Монтаж может сделать рекламу интересной даже без сильного сюжета?»

Таблица 6

Вариант ответа	Количество, %
Полностью согласен	32,8%
Скорее согласен	39,0%
Скорее не согласен	16,7%
Полностью не согласен	7,4%
Затрудняюсь ответить	4,1%
Всего	100%

Источник: составлено авторами

Подтверждается самостоятельная роль монтажа в восприятии рекламы. Более 70% респондентов выразили полное или частичное согласие с данным утверждением. Это подтверждает высокую значимость визуальной динамики и ритма подачи материала.

Анализ результатов данного опроса подтверждают значимость стилизованных особенностей монтажа как механизма управления вниманием молодежной аудитории в условиях цифрового медиапотребления. Монтаж и визуальная динамика являются ключевыми факторами эффективности рекламного видеоконтента. Причем, монтаж воспринимается молодежью не как технический элемент производства, а как самостоятельный инструмент эмоционального воздействия.

Медийное пространство и командная динамика хоккейной команды

Данный раздел статьи посвящен исследованию имиджевой медиасреды хоккейной команды в циф-

ровом пространстве. Визуальная идентичность в хоккее крайне важна. Например, визуальные решения имиджа команды «Авангард» подчеркивают динамику и боевой дух команды¹. В НХЛ мы тоже это наблюдаем. Медиа и текстовый контент выполняет координирующую функцию и задают характер взаимодействия через демонстрацию ценностей команды и моделей поведения. Так, клубы КХЛ активно публикуют тренировочный и закулисный контент. Интересен проект «Студия во время матчей»². Самые медийные клубы КХЛ: «Ак Брас», «Авангард» и «Трактор» во время матчей проводят студию, в которой ведущие и медийные гости разбирают игру команд и обсуждают новости хоккея³.

При этом социологические особенности непосредственного влияния цифрового имиджа на внутригрупповую динамику хоккейных команд изучены недостаточно. Представленные ниже итоги эмпирического исследования частично устраняет вышеуказанные проблемы.

Результаты исследования роли и места цифровых технологий в управлении хоккейной командой

В рамках исследования, проведенного авторами статьи в феврале-апреле 2026 г., был проведен онлайн-опрос, посвященный использованию цифровых технологий в управлении хоккейной командой. В исследовании приняли участие 1136 респондентов, связанных с хоккейной средой (игроки, тренеры, капитаны и представители административного состава команд и служб поддержки). Полученные результаты позволяют определить значение цифровых инструментов в современных управленческих процессах спортивной команды (табл. 7).

Какие цифровые инструменты используют респонденты, связанные с хоккейной средой (*несколько вариантов ответа*)

Таблица 7

Вариант ответа	Количество, %	% по строке
Мессенджеры (WhatsApp, Telegram и др.)	86,9%	100%
Социальные сети	63,5%	100%
Видеосервисы (Zoom, Teams и др.)	45,2%	100%
Специализированные спортивные платформы	38,6%	100%
Другое	6,4%	100%

Источник: составлено авторами

¹ Форма хоккейного клуба «Авангард» – 2025 [Электронный документ] – URL <https://www.artlebedev.ru/avangard/kit2/> (Дата обращения: 28.04.2026)

² Самые медийные клубы КХЛ: «Ак Брас», «Авангард» и «Трактор» – о том, как снимать фильмы и ролики – 6 октября 2022 – Sport24 [Электронный документ] – URL <https://sport24.ru/news/hockey/2022-10-06-samyie-mediynnye-kluby-kkhl-ak-bras-avangard-i-tractor-o-tom-kak-snimat-filmy-i-roliki> (Дата обращения: 28.04.2026)

³ Там же

Наиболее распространенным инструментом цифрового взаимодействия названы мессенджеры (87%). Это свидетельствует об их высокой значимости для оперативной коммуникации в управлении командой. Социальные сети важны в повседневном взаимодействии участников команды. При этом специализированные спортивные платформы используются заметно реже.

Цифровые инструменты способствуют поддержанию постоянного контакта между участниками команды. Большинство участников исследования (80,6%) положительно оценивают влияние цифровых технологий на уровень вовлеченности в жизнь команды (табл. 8).

Оценка влияния цифровых технологий на эффективность команды

Таблица 8

Вариант ответа	Количество, %
Значительно повышают	35,0%
Скорее повышают	45,5%
Не влияют	12,1%
Скорее снижают	5,2%
Снижают	2,2%
Всего	100%

Источник: составлено авторами

Мы видим преобладание положительных оценок влияния цифровых технологий на эффективность команды. Это связано с ускорением коммуникации и упрощением организационных процессов. Наиболее значимым эффектом цифровых технологий респонденты назвали улучшение коммуникации внутри команды (более 40%), и повышение координации действий.

Анализ результатов проведенного исследования показывает, что цифровые технологии стали значимым элементом управления современной хоккейной командой. Цифровые инструменты прежде всего усиливают коммуникацию и координацию действий внутри команды. Мы видим, что, цифровая среда выступает не только каналом передачи информации, но и важным управленческим ресурсом в спортивной организации.

Заключение

Исследования авторов статьи объединены общей управленческой парадигмой: процесс целенаправленного воздействия на социальные группы осуществляется с помощью специализированных технологических инструментов. В первом случае это управление имиджем компании в цифровой среде для семейной аудитории, во втором – управление вниманием молодежи через стилистику видеомонтажа, в третьем – управление динамикой хоккейной

команды посредством цифровых социальных технологий. Общей теоретической рамкой является социология управления и коммуникации, позволяющая унифицировать анализ разнородных объектов. На материале социологических исследований авторов 2026 года проанализированы возможности социального управления в различных сферах. Так, анализ эмпирических данных исследования показал, что бренд «Вкусно – и точка» сохраняет устойчивое положительное восприятие в семейном сегменте. Ядро аудитории составляют женщины 25–39 лет с одним или двумя детьми, высшим образованием и полной занятостью. В исследовании роли визуальной идентичности бренда в цифровой среде, установлено, что она выступает значимым фактором формирования эмоциональной привязанности аудитории. Цифровой имидж выступает важным инструментом управления и для современной хоккейной команды. Контент и визуальные элементы формируют внутреннее восприятие команды. Расчет вовлеченность и эффективность коллективной деятельности в т.ч. посредством взаимодействия через мессенджеры и социальные сети.

Цифровые инструменты социального управления, при их эффективном применении, способствуют планируемым трансформациям когнитивных, репутационных и поведенческих характеристик целевых групп. Они позволяют целенаправленно изменять такие параметры, как уровень вовлеченности аудитории, лояльность к бренду, формируют социальную сплоченность общества.

Литература

1. Мануэль Кастельс. Становление общества сетевых структур [Электронный документ] – URL https://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1492.html (дата обращения: 02.05.2026).
2. Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса. Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019;(2):161–169. <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12017>
3. Теория структуризации Гидденса. <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/giddens-structuration-theory> [Электронный документ] – URL (дата обращения: 02.05.2026).
4. Мкртумова И.В., Чижов Д.А., Янчук П.П., Ашкар М. Трансформации социальных коммуникаций в условиях цифровой платформизации и создания метавселенных помощи человеку //Цифровая социология/DigitalSociology. 2025;8(1):42–50 eLIBRARY ID: 80650124
5. Мкртумова И.В., Янчук П.П. Персонализация в кадре: социологический анализ влияния формата «Говорящая голова» на вовлеченность аудитории цифрового авторского медиапространства // Социально-гуманитарные знания № 3. 2024. С. 54–58. DOI 10.34823/SGZ.2024.03.52043.
6. Пан Чэньюй Ч. Графический дизайн как инструмент социально-культурных изменений: анализ случаев и стратегии эффективной визуальной риторики // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2024. № 1. С. 221–231. URL: <https://qje.su/ru/nauka/article/86431/view> (дата обращения: 02.05.2026).
7. Старусева-Першеева А.Д. Выразительные возможности монтажа в видеоарте // Автореф. дис...17.00.03. – Москва, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова». 2017. 26 с.
8. Юньлун Тан, Сайтинг Сюй, Тэн Ван и др. Multi-modal Segment Assemblage Network for Ad Video Editing with Importance-Coherence Reward. Мультимодальная сеть для сборки сегментов при монтаже рекламного видео). 2022. – [Электронный документ] – URL <https://arxiv.org/html/2209.12164v2> (дата обращения: 02.05.2026).
9. Seeme F, Green D and Kopp C (2025) Ignorance of the crowd: dysfunctional thinking in social networks. Front. Commun. 10:1547489. doi: 10.3389/fcomm.2025.1547489
10. Романова Ю.В. // Особенности и эффективность использования визуальных образов в продвижении бренда компании // Самарский государственный экономический университет. – 2025. – Т. 1 – С. 68–69.
11. Брюзгина Е.Г. // Психологическое влияние визуальной рекламы // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2023. – № 38 – С. 152–160.
12. Вьюгина Д.М. Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп. 2018. Вып.3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2475>
13. Дорошук Е.С., Рамазанов И.И. // Цифровые технологии спортивных медиа // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – Т. 1 – С. 132–135.
14. Романова А.А., Швалев Н.С. // Цифровая трансформация спортивных организаций // Вестник СПбГУ. Менеджмент. – 2023. – Т. 22, Вып. 1 – С. 84–104. (дата обращения: 18.04.2026)
15. Мольков Л.Д. Социальные медиа в спорте и вовлеченность аудитории // Научный лидер. – 2025. – № 4 – С. 22–28 (дата обращения: 19.04.2026)
16. Восколович Н.А. // Использование цифровых технологий для повышения активности потребителей услуг спортивных мероприятий. – 2022. – № 6 – С. 10–17 (дата обращения: 20.04.2026)
17. Корчагин С.Г., Рындин А.А., Рындин Н.А. Управление в организационных системах на основе

цифровых технологий (монография). Воронеж: Издательство «Научная книга», 2025. 248 с.

USING DIGITAL MEDIA, COMMUNICATION, AND SOCIO-TECHNOLOGICAL TOOLS FOR THE TARGETED MANAGEMENT OF MODERN SOCIAL PROCESSES: ATTRACTING ATTENTION, FORMING AN IMAGE, AND REGULATING INTRAGROUP DYNAMICS

Mrktumova I.V., Lapteva A.S., Kudakov I.S., Torondush M.Yur.

State University of Management, Plekhanov Russian University of Economics

This article is devoted to the development and testing of strategies for targeted influence on various social groups using digital media, visual, communication, and technological tools within the paradigm of management sociology. Based on three sociological studies conducted in 2026 and a secondary analysis of the results of VTsIOM studies from 2023–2025, the possibilities of achieving measurable changes in the cognitive, reputational, and behavioral spheres are analyzed. The first study, conducted using a written survey, examines the influence of stylistic features of commercial editing on the attention management of Moscow youth (N=400); the second study, using a similar method, examined strategies for constructing the image of a commercial organization in the digital environment, targeting a family audience (using the example of the company «Vkusno – i tochka») (N=900); The third empirical study examined the use of digital social technologies as a tool for managing team dynamics in hockey using an expert survey (N=22). The overall subject of the study is technologically mediated social management aimed at changing the cognitive, reputational, or behavioral characteristics of a target group. The overall theoretical framework is the sociology of management and communication, which allows for a unified analysis of disparate objects. It is shown that technologically mediated influence allows not only to record but also to purposefully change parameters such as audience engagement, brand loyalty, and intragroup cohesion. The results can be used in the practical work of specialists in marketing, PR, and sports management, as well as in educational courses on the sociology of management and the sociology of mass communications.

Keywords: digital sociology, sociology of management, questionnaire survey, team dynamics, attention management, brand image, digital social technologies, advertising editing, family audience, hockey team

References

1. Manuel Castells. The Rise of a Network Society [Electronic document] – URL https://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1492.html (Accessed: 02.05.2026).
2. Serkina N.E. M. Castells's Concept of Network Society. Bulletin of the Maikop State Technological University. 2019; (2): 161–169. <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12017>
3. Giddens's Structuration Theory. <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/giddens-structuration-theory> [Electronic document] – URL (Accessed: 02.05.2026).
4. Mrktumova I.V., Chizhov D.A., Yanchuk P.P., Ashkar M. Transformations of social communications in the context of digital platformization and the creation of metauniverses of human assistance // Digital Sociology / DigitalSociology. 2025; 8 (1): 42–50 eLIBRARY ID: 80650124
5. Mrktumova I.V., Yanchuk P.P. Personification in the frame: a sociological analysis of the influence of the «Talking Head» format on the involvement of the audience of the digital author's media space // Social and humanitarian knowledge № 3. 2024. pp. 54–58. DOI 10.34823 / SGZ.2024.03.52043.
6. Pan Chenyu C. Graphic design as a tool for socio-cultural change: analysis of cases and strategies for effective visual rhetoric // International Journal of Applied Sciences and Technologies «Integral». 2024. № 1. pp. 221–231. URL: <https://qje.su/ru/nauka/article/86431/view> (Accessed: 02.05.2026).
7. Staruseva-Persheeva A.D. Expressive possibilities of editing in video art // Abstract of a PhD thesis...17.00.03. – Moscow, All-Russian State Institute of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 2017. 26 p.
8. Yunlong Tang, Saiting Xu, Teng Wang, et al. Multi-modal Segment Assembly Network for Ad Video Editing with Importance-Coherence Reward. Multimodal network for segment assembly during advertising video editing). 2022. – [Electronic document] – URL <https://arxiv.org/html/2209.12164v2> (Accessed: 02.05.2026).
9. Seeme F, Green D and Kopp C (2025) Ignorance of the crowd: dysfunctional thinking in social networks. Front. Commun. 10:1547489. doi: 10.3389/fcomm.2025.1547489
10. Romanova Yu.V. // Features and effectiveness of using visual images in promoting a company's brand // Samara State University of Economics. – 2025. – V. 1 – P. 68–69.
11. Bryuzgina E.G. // Psychological influence of visual advertising // Paradigm: philosophical and cultural almanac. – 2023. – № 38 – P. 152–160.
12. Vyugina D.M. The Internet in Daily Media Consumption of Russia's Digital Generation // Mediascope. 2018. Issue 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/2475>
13. Doroshchuk E.S., Ramazanov I.I. // Digital Technologies of Sports Media // International Research Journal. – 2021. – Vol. 1 – P. 132–135.
14. Romanova A.A., Shvaley N.S. // Digital Transformation of Sports Organizations // Bulletin of St. Petersburg State University. Management. – 2023. – Vol. 22, Issue 1 – P. 84–104. (Accessed 18.04.2026)
15. Molkov L.D. Social Media in Sports and Audience Engagement // Science Leader. – 2025. – № 4 – pp. 22–28 (accessed on April 19, 2026)
16. Voskolovich N.A. // Using Digital Technologies to Increase the Activity of Consumers of Sports Event Services. – 2022. – № 6 – pp. 10–17 (accessed on April 20, 2026)
17. Korchagin S.G., Ryndin A.A., Ryndin N.A. Management in Organizational Systems Based on Digital Technologies (monograph). Voronezh: Nauchnaya Kniga Publishing House, 2025. 248 p.

Одиночество в пожилом возрасте: между ресурсом и угрозой здоровью

Новоселова Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: alena_n_@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена глобальным демографическим старением и высокой распространенностью среди пожилых одиночества, которое признано значимым фактором риска для здоровья, ассоциированным с депрессией, суицидальными мыслями и преждевременной смертностью. В научной литературе преобладает негативная трактовка этого феномена, хотя уединение может быть и осознанным выбором, служить инструментом сохранения независимости или сферой для самопознания. В статье анализируется ресурсный потенциал и риски одиночества в пожилом возрасте. Показано, что направление причинно-следственной связи между одиночеством и возрастными изменениями здоровья остается дискуссионным, вполне вероятно, что одиночество выступает не столько причиной, сколько маркером или следствием уже наступившего ухудшения здоровья. Одиночество в пожилом возрасте не обладает однозначной позитивной или негативной валентностью, сами пожилые люди не склонны усматривать в нем ни существенных преимуществ, ни безусловной трагедии. Оно становится ресурсом при осознанном уединении и наличии социальной поддержки и превращается в угрозу при вынужденной изоляции и дефиците помощи.

Ключевые слова: одиночество, пожилой возраст, социальная изоляция, ментальное здоровье, физическое здоровье, позитивное одиночество, осознанное уединение, риски здоровья.

Введение

Актуальность исследования одиночества в пожилом возрасте во многом обусловлена глобальным демографическим старением. В России, как и в большинстве стран мира, растет доля пожилых в структуре населения [1], что связано как со снижением рождаемости, так и с увеличением ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ). В большей степени, конечно, с рождаемостью, это признают большинство ученых [2], но именно рост ОПЖ, наряду с улучшением медицинской помощи и снижением смертности в старших возрастах, приводит к тому, что все больше людей доживают до глубокой старости, а значит, увеличивается и потенциальный период уязвимости перед негативными социально-психологическими факторами, ведь увеличение продолжительности жизни не означает автоматического повышения ее качества.

Одна из ключевых угроз в пожилом возрасте – это одиночество, глобальная распространенность которого среди пожилых составляет 27,6%, то есть примерно каждый четвертый пожилой человек в мире испытывает это состояние [3]. В России же около половины пожилых объективно или субъективно одиноки (42,7% субъективно одиноки, 8,1% социально изолированы) [4]. Столь значительное расхождение цифр скорее всего связано с различиями в операционализации понятия «одиночество», методиках подсчета, возрастными границами выборок и т.п., но цифры в любом случае свидетельствуют о масштабной проблеме, требующей пристального внимания исследователей.

В научной литературе одиночество рассматривается не просто как психологический дискомфорт, а как самостоятельный фактор риска для здоровья, сопоставимый по своему влиянию с курением и ожирением [5]. Одиночество и социальная изоляция повышают распространенность поведенческих факторов риска, вероятность депрессии и присутствия суицидальных мыслей [4], ухудшают физическое и ментальное здоровье [6], повышают вероятность преждевременной смерти [7]. Таким образом одиночество можно причислить к «новым гигантам гериатрии» [8], наряду с традиционными проблемами, такими как имобильность и когнитивные нарушения. Впрочем, некоторые авторы отмечают, что уединение может быть и осознанным выбором, служить инструментом сохранения независимости [9] или сферой для самопознания [10]. Направление причинно-следственной связи между одиночеством, воз-

растными изменениями здоровья остается дискуссионным. Вполне вероятно, что одиночество выступает не причиной, а маркером или следствием уже наступившего ухудшения здоровья.

Одиночество между ресурсом и угрозой

Феномен одиночества неоднозначен и в научной литературе отсутствует единое его определение, наблюдается множественность трактовок, порою и отождествление с такими понятиями, как «отчуждение», «уединение» и «изоляция» [11]. Кроме того, не сложилось единой понятийной системы для разграничения отдельного проживания и переживания одиночества, что создает терминологическую нечеткость. Если говорить в самых общих чертах, то исследователи разделяют объективное одиночество, или социальную изоляцию (физическое отсутствие социальных контактов), и субъективное одиночество (переживание недостатка близости и поддержки), причем последнее может восприниматься как негативно, так и позитивно, а также вынужденное и целенаправленное одиночество [12]. Существуют и другие концептуальные рамки, такие как – эмоциональное и социальное; ситуативное и хроническое; диффузное, отчуждающее, диссоциированное одиночество и т.д. [11, 13]. Множественность трактовок отражает сложность самого феномена и отсутствие единой терминологической системы.

Поскольку само понятие одиночества довольно расплывчато, неудивительно, что и эмпирические данные о нем также лишены стройности и однозначности. В старших возрастных когортах эта неоднозначность проявляется особенно ярко и сами пожилые демонстрируют амбивалентное отношение к одиночеству, оценивая его и как угрозу, источник тревоги, и как ресурс.

Рассуждать о ресурсном потенциале одиночества непросто. Все упирается в то, как именно трактовать само понятие «одиночество», как пустоту или как пространство. Для многих пожилых людей это пространство оказывается территорией свободы, а «жизнь соло» [14] является символом психологической, экономической, физической независимости. Одиночество выступает источником вдохновения, покоя и уединения, представляя собой естественный процесс осознанного общения с самим собой. Оно способствует проявлению индивидуализма, приватности, развитию собранности, сосредоточенности, концентрации жизненных сил. Желание пожилого человека жить отдельно от детей, во многом продиктовано стремлением сохранить свою автономность, остаться главой семьи, самому принимать решения, кроме того, этот сознательный выбор, обусловлен стремлением сохранить физическое здоровье (да и ментальное тоже), которое, по оценкам самих пожилых, труднее поддерживать в условиях семейной жизни и активной помощи в воспитании внуков. Исследо-

вания подтверждают, что влияние заботы о внуках на здоровье пожилых имеет нелинейный характер и, если умеренная вовлеченность (например, раз-два в неделю) улучшает когнитивные функции и снижает риск депрессии, тогда как чрезмерно интенсивный уход не дает позитивных эффектов, не оставляет времени на себя (в том числе на заботу о здоровье), может действовать как хронический стрессор, сводя на нет пользу от общения с внуками [15]. «Ведение индивидуального домашнего хозяйства рассматривается пожилыми людьми в качестве критерия удовлетворительной жизни» [11, с. 68].

Позитивные стороны одиночества в той или иной мере признают представители всех возрастов. Для многих оно представляет собой не пустоту, а ценный ресурс для восстановления и развития. Наиболее значимым преимуществом люди (12%) считают возможность побыть наедине со своими мыслями и разобраться в себе. Эта внутренняя работа, своего рода диалог с собой, воспринимается как шанс для саморефлексии и принятия осознанных решений, что особенно ценно в условиях постоянного информационного шума и социального давления. Более подробно с мнением россиян относительно потенциальных преимуществ и ресурсов одиночества можно ознакомиться в табл. 1.

Таблица 1. Потенциальные преимущества и ресурсы одиночества, в %

Что хорошего, на ваш взгляд, может дать человеку одиночество?

Преимущества одиночества	%
Возможность побыть наедине со своими мыслями, разобраться в себе, подумать	12
Спокойствие и тишина	5
Чувство свободы и независимости	3
Возможность саморазвития, самореализации	3
Свободное время, отдых	2
Возможность заниматься любимым делом, хобби	1
В одиночестве нет ничего хорошего	7
Затрудняюсь ответить, нет ответа	6

Источник: Одиночество. Часто ли россияне испытывают чувство одиночества и как они обычно справляются с ним? // Сайт ФОМ. 2024.28.12. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15120>

По данным исследований, чем выше у человека потребность в общении, тем выше шансы испытать субъективное одиночество. Если же пожилой человек склонен к позитивному восприятию уединения, то шансы на переживание субъективного одиночества ниже на 5,2%, зато вероятность оказаться в объективной социальной изоляции (жить отдельно и редко видаться) выше на 9,9%. Это может объясняться как адаптацией к вынужденной изоляции (со временем дискомфорт снижается),

так и осознанным выбором тех, кто изначально предрасположен к уединению [4].

Представители возрастной группы 35–59 лет, которых можно отнести к «сэндвич-поколению» часто наоборот испытывают острую потребность в одиночестве из-за трехслойной нагрузки: давление «верхнего ломтя» (уход за стареющими родителями), «нижнего ломтя» (гиперопека детей) и «начинки» (пик карьеры и поддержание отношений). Тотальная ответственность за других создает дефицит личного пространства, превращая возможность побыть в одиночестве в ценнейший ресурс для восстановления [16]. Конечно, эту возрастную группу нельзя отнести к пожилым. Однако, принимая во внимание, что именно эти люди в перспективе составят когорту старшего возраста, их анализ важен для понимания будущих трендов и возможной преемственности в восприятии одиночества.

Если представители среднего возраста («сэндвичи») воспринимают одиночество как желанное «освобождение» от ролевой нагрузки, то пожилые люди, согласно исследованиям, демонстрируют иной паттерн – они не испытывают острой потребности постоянно находиться среди других, способны рассматривать одиночество не как угрозу, а как естественную часть жизни, и проявляют выраженное умение ценить время, проведенное в уединении. Однако было бы ошибкой заключать, что пожилые относятся к одиночеству однозначно позитивно, напротив, их отношение отличается неоднозначностью.

Амбивалентность отношения к одиночеству среди пожилых, подтверждают данные ФОМ. С одной стороны, с возрастом растет убежденность в том, что в одиночестве «нет ничего хорошего»: если среди молодых (18–30 лет) так считают 26%, то среди пожилых (60+) – уже 47%. С другой стороны, доля тех, кто оценивает одиночество как «скорее плохое», также снижается с 19% среди молодых до 10% в старшей группе. Одновременно пожилые реже, чем молодые, склонны видеть в одиночестве что-то позитивное: лишь 15% из них считают, что «в одиночестве нет ничего плохого» (против 25% среди молодых), и только 5% полагают, что в нем «больше хорошего, чем плохого» (против 8%). Таким образом, в пожилом возрасте негативное восприятие одиночества проявляется не столько в острых оценках, сколько в нарастающем убеждении, что хорошего в нем «нет ничего», при одновременном росте нейтральных и уклончивых ответов (доля затруднившихся ответить увеличивается с 5% до 9%) [17].

Так или иначе, на фоне современных демографических трендов проблема одиночества в пожилом возрасте неизбежно обостряется. Конечно, с «ситуацией социальной изоляции и хотя бы временным чувством одиночества человек может сталкиваться на протяжении всей жизни, пожилое

население – одна из наиболее уязвимых групп» [4, с. 125]. Одиночество в старшем возрасте порождает чувство социальной ненужности, обреченности и близости конца жизни. Это восприятие сопровождается эмоциональными страданиями и ощущением потерянности, что делает одиночество пожилых субъективно более тяжелым, чем у более молодых поколений [18]. Отдаление выросших детей, утрата старых друзей и социальные трансформации сокращают круг значимых связей. Возможность новых знакомств не компенсирует этой потери, а осознание неизбежности продолжающегося существования зачастую не приносит удовлетворения, усиливая тревожность пожилых людей. Нехватка любого из перечисленных факторов способна привести к эмоциональной или социальной изоляции.

По оценкам ВОЗ, каждый час от причин, связанных с одиночеством, умирают около ста человек [19]. Одиночество и социальная изоляция повышают риск преждевременной смерти на 26%, риск развития деменции на 50%, риск ишемической болезни сердца и инсульта на 30%. Субъективное ощущение одиночества увеличивает риск дегенеративных заболеваний сердечных клапанов на 19%, включая стеноз аортального клапана (+21%) и митральную регургитацию (+23%). Кроме того, одиночество тесно связано с поведенческими факторами риска: одинокие люди чаще курят (при этом установлена двусторонняя связь между курением и одиночеством), ведут малоподвижный образ жизни, реже соблюдают здоровую диету и хуже спят [20, 21]. Конечно, возникает закономерный вопрос о том, что здесь причина, а что следствие? Споры об этом не утихают. Хронические болезни и инвалидизация сами по себе сужают круг общения и усиливают чувство изоляции. Депрессия и тревога могут как провоцировать уход от людей, так и быть следствием одиночества. Но даже если признать, что эти процессы взаимно усиливают друг друга, факт остается фактом – одиночество мощный предиктор неблагоприятных исходов, который нельзя игнорировать при оценке здоровья.

Как уже говорилось выше почти половина пожилых людей в России сталкивается с одиночеством (ВЦИОМ). Цифра, вероятно, занижена, поскольку в указанном исследовании к пожилым были отнесены люди в возрасте 50–74 лет, что, во-первых, вызывает удивление, как из-за низких границ, так и из-за неоднородности внутри столь широкой группы, а во-вторых, не позволяет в полной мере учесть ситуацию в более старших возрастных группах. Но даже внутри этих возрастных рамок видно, что чем старше человек, тем чаще он испытывает чувство одиночества (39% – 50–54-летних и 49% – в возрасте 70–74 года) [11]. Таким образом, статистика, вроде как, фиксирует одиночество как проблему, обостряющуюся с годами.

Но есть и другой взгляд на проблему одиночества в возрастном разрезе, подтвержденный эмпирическими данными. Согласно ему, хотя одиночество чаще ассоциируется у россиян с преклонным возрастом, наиболее уязвимым поколением перед этой «напастью» оказываются зумеры, которые в 1,6 раза чаще (41%) россиян в целом (23%) испытывают страх одиночества (в группе 60+ таких 23%). Этот страх, по-видимому, подкрепляется сложностями в построении личных отношений, ведь «процесс поиска партнера зумерам также видится более сложным, чем младшим миллениалам» [22]. Эти данные подтверждают и зарубежные исследования [23], согласно которым люди в возрасте 16–24 лет в три раза чаще сообщают о чувстве одиночества (19% – часто или всегда чувствуют себя одинокими), чем представители группы 65–74 лет (6%).

Одиночество – «это процесс и продукт «разъединения», хотя «не исключает совместности», когда человек чувствует себя одиноким, например, в семье, даже при наличии супруга и детей [11]. Это, пожалуй, даже более яркое одиночество, например, в супружеских отношениях, где нет чувств, ведь «нет жизни более одинокой, чем жизнь с человеком, которого вы не любите» [14, с. 11]. Социальная совместность (общий быт, дети) здесь оборачивается эмоциональной пустотой. Пятая часть имеющих детей пожилых признаются, что испытывают чувство одиночества, которое представляет собой «тяжелое» «болезненное переживание, связанное с потерей или дефицитом социальных и эмоциональных связей» [11]. Переживание одиночества связано не только с внешними обстоятельствами, но в значительной степени является продуктом их сложной субъективной интерпретации личностью. Данное утверждение получает эмпирическое подтверждение в результате анализа данных, полученных в ходе исследования пожилых ВЦИОМом, согласно которому основная часть чувствующих одиночество проживает с кем-то или имеет регулярное личное общение с близкими, т.е. предикторы объективного и субъективного одиночества частично различаются [4], данная тенденция хорошо видна на рис. 1

Рис. 1. Соотношение социальной изоляции и чувства одиночества

Источник: Карева Д.Е., Стужук Д.А., Амшаринская С.Ю. Взаимосвязь одиночества и образа жизни в пожилом возрасте // Мониторинг. 2024. № 6(184). С. 132.

Однако несмотря на то, что одиночество может быть осознанным выбором, гораздо чаще его причиной становятся объективные жизненные обстоятельства. С увеличением возраста накапливаются возрастные потери, закономерно сокращается доля лиц, состоящих в браке, что приводит к росту числа одиноко проживающих, особенно женщин. Параллельно наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению случаев совместного проживания с взрослыми детьми и сужению социальных связей, компенсация которых в позднем возрасте сопряжена со значительными сложностями. Важнейшим катализатором социальной изоляции выступает выход на пенсию, влекущий за собой снижение общей активности и ослабление связей с профессиональным сообществом, что приводит к резкому сокращению повседневных социальных контактов. Данный факт находит подтверждение в исследованиях, которые показывают, что неработающие пенсионеры в большей степени подвержены чувству одиночества, кроме того, у них хуже здоровье, как физическое, так и психическое [24].

Эта взаимосвязь наглядно иллюстрируется статистическими данными. Так, работающие пенсионеры имеют более позитивные оценки собственного здоровья: «хорошее» и «очень хорошее» – 17%, «плохое» – 11% (у незанятых 10% и 22% соответственно). Среди работающих пенсионеров меньше тех, кто имеет длительно протекающие заболевания (35%) и установленную инвалидность (8%) (у неработающих 41% и 16%), при этом несмотря на периодически возникающие проблемы со здоровьем они демонстрируют высокую мотивацию к осуществлению трудовой деятельности [25].

Выход на пенсию означает потерю основного занятия – работы, которая является базовым элементом идентичности в современном обществе [24]. Исследователи говорят о «кризисе выхода на пенсию», который подразумевает негативные изменения, такие как: ухудшение состояния здоровья, депрессию, повышение смертности. Как уже говорилось выше, работающие пенсионеры в России позитивнее характеризуют собственное здоровье, что, вероятно, связано с тем, что они самостоятельно распоряжаются своим временем, включены в различные социальные сети и не зависят от заботы со стороны государства [26]. С другой стороны, возможна и обратная зависимость: пожилые работают, потому что они здоровы, а не здоровы, потому что работают.

Мотивация к сбережению здоровья отличается у работающих и неработающих пенсионеров. Если у работающих преобладают потребность в хорошем самочувствии (55%), желание сохранить трудоспособность (28%), стремление хорошо выглядеть, нравиться (40 против 24%), то неработающие не хотят быть обузой близким (50%) и стремятся к долголетию (27%) [25].

Проблема в том, что здесь имеет место некий «замкнутый круг», когда плохое здоровье является значительным ограничителем для экономической активности, а возросшие трудности с работой в свою очередь негативно сказываются на состоянии здоровья. Как и в других странах, проблемы со здоровьем – главная причина окончания трудовой деятельности пожилых в России. «Плохое или очень плохое состояние здоровья снижает шансы сохранить занятость на 47% для мужчин и 40% для женщин, наличие инвалидности – на 63% и 48% для мужчин и женщин соответственно» [27]. Опрос российского населения, проведенный Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, показал, что 40% лиц, прекративших работу после оформления пенсии, главной причиной такого решения назвали обострение проблем со здоровьем, 22% – накопившуюся психологическую усталость, 16% – физическую усталость [28].

Разрыв этого «замкнутого круга» становится одной из ключевых задач, в контексте которой сохранение занятости рассматривается как механизм, смягчающий негативные последствия выхода на пенсию. Продолжение трудовой деятельности помогает поддерживать привычный образ жизни, чувствовать принадлежность и значимость, способствует сохранению социальных связей. В то же время, выход на пенсию не означает автоматическую изоляцию, а может быть позитивным фактором в ситуациях, когда семейная и общественная жизнь более значимы, чем работа и теперь для них наконец-то высвобождается время и открываются возможности для реализации отложенных интересов [4].

Заключение

Переживание позднего возраста глубоко амбивалентно, для кого-то это период рисков социальной изоляции и утраты смыслов, а для кого-то – возможность для новой реализации и переосмысления жизни. Здесь очень важно найти именно свой путь, будь то работа «до гробовой доски», традиционная роль бабушки/дедушки, уход в творчество или даже наконец позволенный себе эгоцентризм.

Само по себе одиночество в пожилом возрасте не «черное» и не «белое». Оно может быть осознанным уединением, и тогда это ресурс для здоровья, позитивная автономия, снижающая стресс от излишней социальной нагрузки и направляющая ресурсы на заботу о себе. И наоборот, оно становится угрозой, когда это вынужденная изоляция и полное отсутствие поддержки. Важнее всего здесь не наличие или отсутствие других людей рядом, а возможность сохранять контроль над своей жизнью и получать помощь тогда, когда на нее есть запрос, потребность в ней, а не когда кто-то, решив «причинить добро» перевел «бабушку» через улицу, которую она и не собиралась перехо-

дить. Социальная политика и практики помощи не должны стремиться к тотальному преодолению одиночества, это невозможно и не нужно. Нужно научиться различать тех, для кого уединение ресурс, и тех, для кого изоляция тяжелое бремя.

Литература

1. Денисенко, Е.Г., Ушаков А.А. Особенности переживания чувства одиночества личностью при выходе на пенсию // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 4. С. 66–75.
2. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 4. С. 167–182.
3. Salari N., Najafi H., Rasoulpoor S., et al. The global prevalence and associated factors of loneliness in older adults: a systematic review and meta-analysis // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Art. 234.
4. Карева Д. Е., Стужук Д.А., Амшаринская С.Ю. Взаимосвязь одиночества и образа жизни в пожилом возрасте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 122–144.
5. Самойлов Д.С., Сухотерин Д.М., Сухотерина Е.Г., Пашаев Э.Д. Влияние социальной изоляции и одиночества на здоровье пожилых людей // Медицина. 2025. № 4. С. 42–56.
6. Meltzer H., Bebbington P., Dennis M.S., Jenkins R., McManus S., Brugha T.S. Feelings of Loneliness Among Adults with Mental Disorder // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2013. Vol. 48. № 1. P. 5–13.
7. Holt-Lunstad J., Smith T.B., Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review // Perspectives on Psychological Science. A Journal of the Association for Psychological Science. 2015. Vol. 10. № 2. P. 227–237.
8. Якушин М.А., Воробьева А.В., Карпова О.В. и др. К вопросу о структурировании гериатрической патологии // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2024. № 1. С. 54–63.
9. Елютина М.Э., Трофимова О.А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 37–50.
10. Rokach A., Orzech T., Neto F. Coping with Loneliness in Old Age: A Cross-Cultural Comparison // Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues. 2004. Vol. 23. № 2. P. 124–137.
11. Корнилова М.В. Одинокая старость: причины и ресурсы адаптации // Известия Тульского Го-

- сударственного Университета. Гуманитарные науки. № 4. С. 66–80.
12. Колесникова Г.И. Феномен одиночества: понятие, классификация, экзистенциальный смысл // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–9. С. 2024–2027.
 13. Левина О.В. Одиночество в социально-генерационной структуре современного российского общества: геронтологический аспект: диссертация ... кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2001.
 14. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 284 с.
 15. Zeng X., Zhang Q., Zhang M. et al. The nonlinear relationship between grandchild care and depressive symptoms among middle-aged and older adults in China: The mediating effect of cognitive function. *International Journal of Geriatric Psychiatry*. 2021. № 36(5). 734–742.
 16. Комиссарук С. Поколение «сэндвич». Простить родителей, понять детей и научиться заботиться о себе. М., 2023. 240 с.
 17. Одиночество. Часто ли россияне испытывают чувство одиночества и как они обычно справляются с ним? // Сайт ФОМ. 2024.28.12. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15120>
 18. Галкин К.А. Влияние одинокого проживания на установки пожилых людей в отношении здоровья // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2023. № 3. С. 24–34.
 19. По оценкам ВОЗ, каждый час от причин, связанных с одиночеством, умирают около ста человек. *Новости ООН*. 2025. 30 июня. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465781> (дата обращения: 23.05.2026).
 20. Donovan N.J., Blazer D. Social Isolation and Loneliness in Older Adults: Review and Commentary of a National Academies Report // *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2020. Vol. 28. № 12. P. 1233–1244.
 21. Wei C., Cao C., Wang X. et al. Social Disconnection, Genetic Risk, and the Incidence of Degenerative Valvular Heart Disease: A Population-Based Cohort Study // *Journal of the American Heart Association*. 2025. Vol. 14. № 8.
 22. Жизнь в стиле соло // Сайт ВЦИОМ. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения: 23.05.2026).
 23. Gen Z are the loneliest generation, research finds // *Future Care Capital*. URL: <https://futurecarecapital.org.uk/latest/gen-z-are-the-loneliest-generation-research-finds/>
 24. Куштанова В.А. Кризис после выхода на пенсию: миф и реальность (Россия-Франция) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2009. № 1.
 25. Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2017. Вып. 4. С. 643–657.
 26. Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. № 1.
 27. Зачем пенсионерам работать // *Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ*. URL: <https://www.hse.ru/rims/news/471350552.html>
 28. Малева Т. Человек в солидарной пенсионной системе // *Экономическая политика*. 2014. № 2. С. 55–84.

LONELINESS IN OLD AGE: BETWEEN RESOURCE AND THREAT TO HEALTH

Novoselova E.N.

Lomonosov Moscow State University

The relevance of the study is driven by global demographic aging and the high prevalence of loneliness among older adults, which is recognized as a significant health risk factor associated with depression, suicidal ideation, and premature mortality. The scientific literature predominantly offers a negative interpretation of this phenomenon, although solitude can be a conscious choice, serving as a tool for maintaining independence or a sphere for self-knowledge. This article analyzes the resource potential and risks of loneliness in old age. It is shown that the direction of the causal relationship between loneliness and age-related health changes remains debatable: loneliness may act not so much as a cause, but rather as a marker or consequence of already existing health deterioration. Loneliness in old age does not have an unambiguous positive or negative valence; older people themselves tend to see neither significant advantages nor an absolute tragedy in it. It becomes a resource in the context of conscious solitude and the presence of social support, and turns into a threat in the case of forced isolation and lack of assistance.

Keywords: loneliness, old age, social isolation, mental health, physical health, positive solitude, conscious solitude, health risk.

References

1. Denisenko, E.G., Ushakov, A.A. «Features of an Individual's Experience of Loneliness Upon Retirement» // *The World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2025. Vol. 13. № 4. Pp. 66–75.
2. Barsukov, V.N. «From the Demographic Dividend to Population Aging: Global Trends of Systemic Transition» // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. № 4. Pp. 167–182.
3. Salari, N., Najafi, H., Rasoulpoor, S., et al. «The Global Prevalence and Associated Factors of Loneliness in Older Adults: A Systematic Review and Meta-Analysis» // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. Art. 234.
4. Kareva D. E., Stuzhuk D.A., Amsharinskaya S. Yu. The relationship between loneliness and lifestyle in old age // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2024. № 6. pp. 122–144.
5. Samoilov D. S., Sukhoterina D.M., Sukhoterina E.G., Pashayev E.D. The impact of social isolation and loneliness on the health of older people // *Medicine*. 2025. № 4. pp. 42–56.
6. Meltzer H., Bebbington P., Dennis M.S., Jenkins R., McManus S., Brugha T.S. Feelings of Loneliness Among Adults with Mental Disorder // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2013. Vol. 48. № 1. P. 5–13.
7. Holt-Lunstad J., Smith T.B., Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review // *Perspectives on Psychological*

- Science. A Journal of the Association for Psychological Science. 2015. Vol. 10. № 2. P. 227–237.
8. Yakushin M.A., Vorobyova A.V., Karpova O.V., et al. On the Issue of Structuring Geriatric Pathology // Bulletin of the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health. 2024. № 1. P. 54–63.
9. Elyutina M.E., Trofimova O.A. Living Alone and Experiencing Loneliness in Late Age // Journal of Social Policy Studies. 2017. Vol. 15. № 1. pp. 37–50.
10. Rokach A., Orzeck T., Neto F. Coping with Loneliness in Old Age: A Cross-Cultural Comparison // Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues. 2004. Vol. 23. № 2. pp. 124–137.
11. Kornilova M.V. Lonely Old Age: Causes and Resources of Adaptation // Bulletin of Tula State University. Humanities. № 4. pp. 66–80.
12. Kolesnikova G.I. The Phenomenon of Loneliness: Concept, Classification, Existential Meaning // Fundamental Research. 2015. № 2–9. Pp. 2024–2027.
13. Levina, O.V. Loneliness in the Socio-Generational Structure of Modern Russian Society: A Gerontological Aspect: Dissertation by Candidate of Sociological Sciences. Rostov-on-Don, 2001.
14. Kleinenberg, E. Life Solo. New Social Reality. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2014. 284 p.
15. Zeng, X., Zhang, Q., Zhang, M. et al. The Nonlinear Relationship between Grandchild Care and Depressive Symptoms Among Middle-Aged and Older Adults in China: The Mediating Effect of Cognitive Function. International Journal of Geriatric Psychiatry. 2021. № 36(5). 734–742.
16. Komissaruk, S. The «Sandwich» Generation. Forgive Parents, Understand Children, and Learn to Take Care of Yourself. Moscow, 2023. 240 p.
17. Loneliness. Do Russians Often Experience Loneliness and How Do They Usually Cope with It? // FOM Website. 2024.28.12. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15120>
18. Galkin K.A. The Impact of Living Alone on the Health Attitudes of Older People // News of Universities. Sociology. Economics. Politics. 2023. № 3. pp. 24–34.
19. According to WHO estimates, about a hundred people die every hour from causes related to loneliness. UN News. 2025. June 30. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465781> (access date: 05/23/2026).
20. Donovan N.J., Blazer D. Social Isolation and Loneliness in Older Adults: Review and Commentary of a National Academies Report // The American Journal of Geriatric Psychiatry. 2020. Vol. 28. № 12. P. 1233–1244.
21. Wei C., Cao C., Wang X. et al. Social Disconnection, Genetic Risk, and the Incidence of Degenerative Valvular Heart Disease: A Population-Based Cohort Study // Journal of the American Heart Association. 2025. Vol. 14. № 8.
22. Life in solo style // VTsIOM website. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (date accessed: 23.05.2026).
23. Gen Z are the loneliest generation, research finds // Future Care Capital. URL: <https://futurecarecapital.org.uk/latest/gen-z-are-the-loneliest-generation-research-finds/>
24. Kushtanina V.A. Crisis after retirement: myth and reality (Russia-France) // Bulletin of RUDN University. Series: Sociology. 2009. № 1.
25. Korolenko A.V., Barsukov V.N. Health status as a factor in labor activity of the retirement-age population // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. Issue. 4. P. 643–657.
26. Chistova E.V., Tyrsin A.N. Identifying the relationship between health and employment of women of retirement age // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. № 1.
27. Why should pensioners work? // Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the National Research University Higher School of Economics. URL: <https://www.hse.ru/rms/news/471350552.html>
28. Maleva T. A person in a solidarity pension system // Economic Policy. 2014. № 2. pp. 55–84.

Социальные практики и модели занятости участников креативных индустрий в России: самоинституционализация и профессиональные траектории

Тизенгаузен Максим Георгиевич,

аспирант кафедры социологии Высшей школы креативных индустрий Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: mtizengauzen@ncfu.ru

В статье анализируются социальные практики и модели занятости участников креативных индустрий в современной России. Основное внимание уделено микроуровню институционализации: повседневным профессиональным стратегиям, самозанятости, проектной работе, цифровой видимости, сетевым сообществам и региональным образовательным инициативам. Цель статьи – описать, как участники креативного сектора входят в новые трудовые режимы и участвуют в закреплении норм, ролей и механизмов признания. Эмпирическую основу составляют вторичные данные НИУ ВШЭ, сведения ФНС о самозанятости, нормативные документы и материалы о развитии креативной инфраструктуры Северного Кавказа. Сделан вывод, что креативная занятость включает разные уровни профессиональной автономии, правовой определенности и социальной защищенности; устойчивость карьерных траекторий зависит от доступности инфраструктуры, заказчиков, сообществ и механизмов сопровождения.

Ключевые слова: креативные индустрии, занятость, самозанятость, профессиональные траектории, самоинституционализация, социальные практики.

Введение

Креативные индустрии в России часто рассматриваются через экономические показатели, инфраструктуру и государственную поддержку. Такая оптика связана с правовым оформлением сектора, включением креативных индустрий в региональные стратегии, созданием кластеров и образовательных программ. Для анализа институционализации необходимо дополнительно учитывать уровень повседневной профессиональной практики: работу дизайнеров, продюсеров, мастеров, видеографов, медиаспециалистов, авторов цифрового контента, организаторов событий, работников рекламы, ремесленных производств, моды, гастрономии и городской культуры.

На этом уровне фиксируются процессы, которые не всегда видны в законе или стратегическом документе. Участник сектора может не состоять в крупной организации, не иметь должности в привычном смысле слова, работать сразу в нескольких проектах, вести канал, выполнять заказы для бизнеса, участвовать в фестивале, получать грант и оформлять деятельность как самозанятый. Формально это разные режимы занятости; в биографическом измерении они часто образуют одну профессиональную траекторию.

Актуальность темы связана с принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [10]. Закон закрепил креативные индустрии как объект правового регулирования. Для социологического анализа остается значимым вопрос о том, как участники входят в сектор, каким образом удерживаются в нем, где получают признание и при каких условиях эпизодическая подработка превращается в профессию.

По данным исследования НИУ ВШЭ «Креативный сектор России в цифрах: 2024», в креативной экономике России занято около 4,6 млн человек, или 6,2% общей численности занятых. Эта оценка учитывает работников организаций креативного сектора и представителей креативных профессий в других видах деятельности, например дизайнеров в банках или маркетинговых подразделениях [11]. Методологически это важно: креативная занятость распределена по различным сегментам экономики и не ограничена учреждениями культуры.

Цель статьи – выявить особенности социальных практик, моделей занятости и профессиональных траекторий участников креативных индустрий в России как факторов самоинституционализации сектора.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить проявления институционализации на микроуровне; описать социальный профиль участников сектора на основе вторичных данных; рассмотреть основные режимы занятости без жесткого сведения их к закрытой типологии; проанализировать роль цифровых платформ, профессиональных сообществ и региональных образовательных инициатив; обозначить риски, сопровождающие креативную занятость.

Объект исследования – участники креативных индустрий в современном российском обществе. Предмет исследования – их социальные практики, модели занятости и профессиональные траектории как элементы самоинституционализации креативных индустрий.

Методы исследования включают теоретико-социологический анализ, вторичный анализ статистических и экспертных материалов, содержательный анализ нормативных документов и материалов организаций, вовлеченных в развитие креативных индустрий. Северный Кавказ рассматривается как региональная оптика, позволяющая увидеть соотношение культурного потенциала, образовательной инфраструктуры и рынка устойчивой занятости.

Теоретико-методологическая рамка исследования

В подходе П. Бергера и Т. Лукмана институт формируется через типизацию повторяющихся действий, которые со временем начинают восприниматься как ожидаемые [1]. Для креативных индустрий это означает, что профессия, сообщество или отрасль оформляются в том числе через закон, и через рутинные практики: поиск заказа, представление портфолио, переговоры о гонораре, фиксацию авторства, признание профессионального результата.

Самоинституционализация в данной статье понимается как закрепление правил и ролей внутри профессиональной среды при ограниченном внешнем управлении. Она может проявляться в локальных формах: чат дизайнеров в Telegram, группа фотографов, регулярный фестиваль, серия мастер-классов, неформальный рейтинг студий. Такие формы часто становятся первыми площадками выработки стандартов качества и взаимного признания.

Концепция символического капитала П. Бурдьё позволяет рассмотреть значение репутации, видимости, рекомендаций и участия в значимых проектах [2]. В бюрократической организации статус обычно связан с должностью. В креативных индустриях он чаще складывается из портфолио,

публичных следов, сетевых связей, экспертных оценок и цифровых метрик. Лайки и просмотры не равны профессионализму, однако они могут влиять на доступ к заказам и партнерствам.

М. Кастельс описывал сетевое общество как порядок, в котором коммуникационные сети становятся базовой формой организации [3]. В креативном секторе это проявляется в том, что карьера видеографа, урбаниста, SMM-специалиста или музыкального продюсера часто строится через серию связей: заказчики, коллеги, площадки, подписчики, преподаватели, кураторы, региональные события.

Исследования фриланса Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука показывают свободную занятость как устойчивый социальный режим со своими правилами, зависимостями и неравенствами [4]. Для креативных индустрий это заметно в необходимости самостоятельно искать рынок, вести переговоры, защищать результат труда и поддерживать профессиональную видимость.

Тема прекарности задает дополнительный ракурс. Ж.Т. Тощенко рассматривает прекариат как социальную группу, связанную с неустойчивой занятостью и неопределенностью будущего [5]. Г. Стэндинг обращает внимание на снижение трудовых гарантий и размывание защищенности [6]. В исследованиях культурного труда Р. Гилл и Э. Пратт, а также А. МакРобби эта проблема соотносится с креативными профессиями: неопределенность рассматривается как одиз условий организации культурной и медийной работы [7; 8].

Поэтому креативную занятость целесообразно рассматривать через сочетание профессиональных возможностей и трудовых ограничений. В самоописании участников часто присутствуют категории свободы, предпринимательства и самореализации. В практическом измерении рядом с ними находятся просрочки оплаты, зависимость от платформ, работа в вечернее время, неоплачиваемые тестовые задания, сезонные провалы заказов и неясные перспективы профессионального роста.

Социальный профиль креативного работника: данные и ограничения

Креативный сектор России не сводится к небольшой богемной среде. По расчетам НИУ ВШЭ, в нем заняты миллионы людей; сектор включает работников разных отраслей, а в том числе культуры в узком смысле [11]. Одновременно статистика показывает более высокую долю молодежи и работников с высшим образованием: 32,5% занятых в креативных индустриях относятся к молодежи против 28,8% в среднем по экономике, а доля работников с высшим образованием составляет 56% против 35,4% [11].

При интерпретации этих данных важно учитывать их ограничения. Высшее образование не га-

рантирует устойчивой карьеры, а молодой возраст не всегда означает наличие сильной переговорной позиции. В ряде случаев молодые специалисты соглашаются на неоплачиваемую стажировку или низкий гонорар ради портфолио и первого профессионального опыта.

Социальный портрет участника креативных индустрий неоднороден. В секторе есть выпускник профильной магистратуры, который работает в брендинговом агентстве; мастер, продолжающий семейное ремесло; самозанятый фотограф из регионального города; продюсер локального фестиваля; студент, собирающий первые заказы через социальные сети; сотрудник государственного учреждения культуры, который параллельно ведет собственный проект. В статистике эти траектории часто оказываются рядом, хотя социальные условия у них разные.

Региональный разрез показывает дополнительную неоднородность. Рейтинг креативных регионов России НИУ ВШЭ фиксирует сильную территориальную дифференциацию: лидирующие позиции занимают крупнейшие городские и университетские центры, тогда как многие регионы с богатым культурным наследием не обладают сопоставимым рынком заказов, инфраструктурой и плотностью профессиональных связей [13]. Для Северного Кавказа это имеет особое значение. Здесь заметны ремесленные традиции, этнокультурный дизайн, гастрономия, музыка, событийная культура и визуальные практики; переход от культурного ресурса к устойчивой занятости требует посредников: образовательных программ, продюсерских команд, юридической поддержки, площадок сбыта.

На этом фоне важен опыт Северо-Кавказского федерального университета. Высшая школа креативных индустрий СКФУ была создана в 2021 г. как школа креативных индустрий, а в 2023 г. получила нынешний статус [14]. В 2025 г. на базе СКФУ объявлено о создании кластера креативных индустрий Северного Кавказа, ориентированного на непрерывную подготовку кадров в профильной сфере [15]. Для данной статьи этот пример важен не как рекламный кейс университета, а как показатель того, что профессионализация креативного труда в регионе всё чаще переносится в образовательную инфраструктуру.

При этом остается вопрос о достаточности образовательного контура для закрепления выпускников в регионе. Если после обучения у молодого дизайнера или специалиста по рекламе ограничен доступ к рынку заказов, наставникам, проектным бюро, юридическим и финансовым режимам, профессиональная траектория может быть связана с переездом в крупный город или переходом в смежную сферу. Институционализация на уровне участников во многом зависит от этой развилки.

Самозанятость, фриланс и проектная работа

Креативная занятость часто распределяется между несколькими юридическими и организационными формами. Один и тот же специалист может быть наемным работником, брать частные заказы, участвовать в грантовой команде, продавать цифровой продукт и преподавать короткий курс. В трудовой книжке такая конфигурация почти не видна; в профессиональной биографии она составляет обычный карьерный маршрут.

Режим налога на профессиональный доход стал для части креативных специалистов удобным способом легализовать небольшую индивидуальную деятельность. По данным ФНС России, к декабрю 2024 г. в стране было зарегистрировано более 12 млн самозанятых; совокупные доходы за время действия режима превысили 5,2 трлн руб. [12]. Эти данные не позволяют напрямую посчитать долю креативных работников среди самозанятых. Но они показывают масштаб нормализации индивидуальной занятости, в которую вписываются фотографы, дизайнеры, мастера, ведущие мероприятий, авторы образовательных продуктов, специалисты по рекламе и цифровому контенту.

Самозанятость удобна в ситуациях, когда заказчику нужен официальный чек, а специалисту не требуется полноценное юридическое лицо. Для начинающего автора это снижает входной барьер. Для рынка такая форма делает труд более видимым. Для государства она расширяет налоговую базу. При этом режим налога на профессиональный доход не решает полностью вопросы пенсионных прав, периодов без заказов, защиты авторских прав, взыскания оплаты, подтверждения дохода при аренде жилья или кредите.

Фриланс и проектная работа связаны с самозанятостью и имеют самостоятельную организационную логику. Фрилансер может быть самозанятым, индивидуальным предпринимателем, работать по договору гражданско-правового характера или оставаться в серой зоне. Проектная занятость часто возникает внутри организаций: фестиваль, съемка, выставка, рекламная кампания, образовательный интенсив. Внешне это дает разнообразие возможностей; организационно требует постоянного перехода от проекта к проекту.

Для креативного работника проектная логика имеет несколько последствий. Она позволяет быстрее собрать портфолио, поработать с разными заказчиками, найти профессиональную нишу. Одновременно она сокращает горизонт планирования. В начале карьеры неопределенность может восприниматься как часть профессионального входа; позже, при появлении семейных, жилищных или медицинских обязательств, возрастает потребность в институциональной опоре.

В российском контексте существенен региональный фактор. В Москве или Санкт-Петербурге

проектная занятость поддерживается плотным рынком: агентства, площадки, бренды, фестивали, образовательные инициативы. В Ставрополе, Владикавказе, Махачкале, Нальчике или Грозном отдельные проекты также возникают, их плотность ниже, а профессиональные сети короче. Одна и та же модель занятости дает разные последствия в зависимости от территории.

Профессиональные траектории и трудовая идентичность

Традиционная карьера строилась как движение по ступеням: образование, первая должность, повышение, закрепление статуса. В креативных индустриях эта логика сохраняется лишь частично. Здесь часто встречается траектория «сначала практика – потом признание». Человек начинает с любительской съемки, локального мероприятия, страницы в социальной сети, студенческого проекта или участия в конкурсе. Затем появляется первый заказ, первая рекомендация, первая публикация. Диплом может помогать, но вопрос доверия обычно решается через практический результат.

Профессиональная идентичность участника креативных индустрий собирается из нескольких слоев. Один слой – компетенция: умение проектировать, снимать, писать, организовывать, монтировать, продвигать. Второй – публичность: специалист должен быть видимым, поскольку его труд должен доходить до рынка. Еще один слой – способность договариваться. В креативных индустриях неоформленные договоренности могут снижать ценность выполненной работы не меньше, чем недостаточно проработанное портфолио.

Современный участник сектора соединяет творческую задачу с организационной рутинной. Он ведет переписку, составляет сметы, следит за сроками, объясняет заказчику стоимость, оформляет чек, публикует кейс, отвечает на комментарии, ищет следующую возможность. Многие из этих действий не воспринимаются как творчество, но поддерживают профессиональную устойчивость.

Символический капитал здесь работает как валюта доверия. Участие в известном фестивале, работа с узнаваемой институцией, рекомендация от сильного специалиста или преподавателя, публикация в профессиональном медиа – всё это может стать мостом к следующему заказу. При этом цифровые показатели остаются неоднозначными. Большая аудитория в социальной сети может выступать дополнительным каналом доверия. Она не является прямым показателем качества; при слабой аудитории доступ к рынку может быть ограничен даже при высоком качестве работы.

Для Северного Кавказа профессиональные траектории дополнительно связаны с переводом локального культурного материала на язык современного рынка. Ремесло, этнический дизайн, га-

строномический проект, музыкальная традиция или локальная мода становятся частью креативной индустрии при наличии упаковки, продвижения, канала продаж, образовательной передачи навыка, правовой защиты и возможности экономического воспроизводства деятельности. Между культурной практикой и профессией возникает промежуточный институциональный коридор.

Цифровая видимость и сообщества: повседневные институты признания

Цифровые платформы стали для участников креативных индустрий рабочим пространством, витриной и архивом. Портфолио в социальной сети, канал проекта, страница мастерской, публикации о процессе, видео с мероприятия являются частью профессиональной инфраструктуры. В ряде сфер отсутствие цифрового следа затрудняет подтверждение опыта.

Платформы обеспечивают доступ к аудитории и задают определенный режим работы. Требуется регулярно публиковаться, поддерживать визуальный стиль, реагировать на комментарии, учитывать алгоритмы, следить за форматами. Эта работа редко оплачивается напрямую, однако влияет на профессиональную видимость. Цифровое продвижение становится частью рабочего времени.

Профессиональные сообщества выполняют поддерживающую функцию. Через сообщества узнают о заказах, грантах, конкурсах, ошибках коллег, недобросовестных клиентах, технических решениях, образовательных возможностях. В отдельных случаях сообщество частично замещает наставника, профессиональную редактуру или канал репутационной поддержки, хотя не обеспечивает юридическую защиту и социальные гарантии.

В креативных индустриях признание часто формируется горизонтально. Коллеги замечают работу, приглашают в проект, рекомендуют заказчику, зовут выступить или преподавать. Это отличается от модели, где статус прежде всего подтверждается должностью или формальным членством. Здесь признание требует регулярного подтверждения через проекты и связи.

Образовательные организации постепенно включаются в этот процесс. Когда университет или колледж становится площадкой креативного кластера, он выдает в том числе диплом, и создает среду первых контактов, проектных проб, публичных показов, стажировок, связей с индустриальными партнерами. На Северном Кавказе эта функция особенно заметна: там, где рынок еще не создал плотную сеть профессиональных посредников, образовательная инфраструктура частично берет на себя их функции [14; 15].

Сохраняется вопрос о соотношении образовательной подготовки и емкости регионального рынка. Если образовательная среда производит боль-

ше выпускников, чем региональная экономика может принять, самоинституционализация затрудняется уже на этапе входа в профессию. Молодой специалист получает язык профессии и может не получить устойчивое место в секторе. В такой ситуации цифровая платформа становится каналом выхода за пределы региона.

Риски креативной занятости и социальная защищенность

Креативная занятость включает элементы гибкого графика, самостоятельного выбора проектов и соединения работы с личным стилем. Эти характеристики действительно присутствуют в ряде профессиональных биографий. Наряду с ними фиксируются нерегулярные доходы, зависимость от заказчика, работа без оплачиваемых отпусков, неоплачиваемая подготовка, размытые сроки оплаты и эмоциональная нагрузка.

Термин «прекарность» следует использовать ограничено применительно к конкретным условиям труда. Не каждый дизайнер или медиаспециалист находится в уязвимом положении. Часть участников имеет устойчивые контракты, сильные профессиональные сети, высокий доход и возможность выбирать заказы. При этом организация сектора в среднем содержит больше неопределенности, чем традиционная наемная работа. Исследователи культурного труда связывают креативность с высокой долей риска и неустойчивости [7; 8; 9].

Наиболее частый риск связан с нестабильностью дохода. Проект может быть хорошо оплачен, а следующий заказ появиться через месяц или через три. Молодой специалист нередко соглашается на низкую оплату ради портфолио; опытный сталкивается с конкуренцией со стороны новичков, готовых снижать цену. Платформы усиливают эту ситуацию: видимость становится условием заработка, а алгоритмы меняются без переговоров с работниками.

Еще один риск связан с юридической слабостью. В креативных индустриях много нематериального результата: дизайн-концепция, сценарий, визуальный стиль, текст, фотография, идея события. При отсутствии оформленных договоренностей спор об авторстве или оплате часто переходит в неформальный конфликт. Режим самозанятости решает вопрос чека; для передачи прав и защиты от недобросовестного заказчика требуется отдельная договорная работа.

Отдельная проблема связана с неоплачиваемым трудом, включенным в профессиональное развитие. Участник креативных индустрий часто работает «на себя», и это включает обновление портфолио, обучение, продвижение, коммуникацию, обработку заявок, участие в бесплатных мероприятиях ради видимости. Граница между раз-

витием компетенций и неоплачиваемой работой остается подвижной.

В регионах с менее плотным рынком перечисленные риски проявляются сильнее. Там меньше заказчиков, независимых площадок и возможностей перейти в другой проект без смены города. Молодой креативный работник в таком контексте чаще зависит от грантов, бюджетных мероприятий, образовательной организации или узкого круга заказчиков. Это сохраняет потенциал региона и одновременно указывает на значение институционального сопровождения.

Участники как агенты институционализации

Участники креативных индустрий выступают в том числе адресатами мер поддержки. Они создают правила, которые затем могут быть восприняты организациями и государством. Новые профессиональные роли часто появляются раньше официальных классификаторов: креативный продюсер, контент-стратег, куратор локального бренда, специалист по визуальной коммуникации, продюсер образовательных интенсивов, организатор городских событий.

Эти роли закрепляются через практику. Сначала человек выполняет функцию в проекте, затем функция повторяется в других проектах, получает название, включается в образовательную программу, появляется в вакансиях или грантовой заявке. Здесь видна логика Бергера и Лукмана: институт рождается из повторения и закрепляется через признание [1].

Участники также формируют нормы качества. Они обсуждают, какой дизайн считается вторичным, как корректно работать с этническими мотивами, где проходит граница между вдохновением и присвоением, как оформлять авторство, почему использование чужих фотографий без разрешения нарушает профессиональные правила, как считать стоимость труда. Эти нормы не всегда записаны, однако нарушение быстро становится заметным внутри профессиональной среды.

Отдельное значение имеет перевод локальной культуры в современный продукт. Для Северного Кавказа это один из центральных вопросов. Этнический орнамент, ремесло, кухня, музыка, традиционная одежда, городская среда могут стать ресурсом креативной экономики. Участникам сектора при этом приходится учитывать границу между содержательной работой с культурным материалом и поверхностной стилизацией. Этот вопрос относится к экономике, идентичности и профессиональной ответственности.

Государственная политика соотносится с этими процессами через рамки, площадки и образовательные контуры. Закон задает правовые ориентиры, кластер создает площадку, университет готовит кадры. Профессиональная норма формиру-

ется в работе: в переговорах, ошибках, публичных показах, конфликтах об авторстве, практиках наставничества и устойчивых связях между людьми.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ показывает, что микроуровень креативных индустрий имеет разнородную структуру. Управленческий язык описывает развитие человеческого капитала, а участник сектора в повседневной практике решает более конкретные вопросы: где взять заказ, как объяснить цену, кому показать работу, как оформить права, что делать после завершения проекта.

Креативная занятость включает больше режимов, чем фриланс. В одной профессиональной биографии могут сочетаться наемная работа, самозанятость, проектные команды, цифровая монетизация, образовательные подработки, грантовая активность и ремесленное производство. Такое сочетание может быть выбранной стратегией или ответом на нестабильность рынка.

Данные НИУ ВШЭ позволяют зафиксировать масштаб сектора и его кадровые особенности [11]. Данные ФНС показывают общий фон роста самозанятости [12]. Между этими массивами данных сохраняется методологический зазор: недостаточно видно, какая часть самозанятых занята в креативных практиках, каковы их доходы, насколько устойчивы карьерные траектории и какие региональные различия наиболее значимы.

Северный Кавказ используется в статье как исследовательская оптика. На этой территории заметен культурный материал, а рынок профессиональных креативных услуг развивается неравномерно. Создание Высшей школы креативных индустрий и кластера на базе СКФУ указывает на формирование кадрового контура [14; 15]. Для его устойчивости необходима связь с заказчиками, площадками, механизмами сопровождения, экспертными сообществами и региональной экономикой. Без такой связи подготовка специалистов может работать на отток.

В фокусе статьи находится описание условий устойчивости креативной занятости. Она стала одним из заметных режимов современной профессионализации. Исследовательский вопрос состоит в том, какие институты позволяют сохранить гибкость такой занятости и одновременно снизить зависимость участников от рынка, платформ и неопределенной карьерной траектории.

Заключение

Социальные практики и модели занятости участников креативных индустрий показывают, что институционализация сектора происходит через государственную политику, закон, инфраструктурные проекты и повседневные действия самих участ-

ников. Она собирается в поиске заказов, ведении портфолио, оформлении самозанятости, участии в сообществах, публичном представлении работ, выработке норм качества и защите профессиональной репутации.

Креативные индустрии в России характеризуются высокой долей молодежи и работников с высшим образованием. Этот ресурс требует институциональных посредников, чтобы превращаться в устойчивую занятость: рынка заказов, образовательной инфраструктуры, цифровых платформ, правового сопровождения, региональных сообществ, доверия заказчиков.

Самозанятость и проектная работа дают креативным специалистам гибкость и оставляют актуальными вопросы социальной защиты. Платформы открывают доступ к аудитории и одновременно делают профессиональную видимость постоянным условием работы. Профессиональные сообщества помогают удерживать нормы и связи, хотя не заменяют устойчивых институтов поддержки. Эти особенности необходимо учитывать при обсуждении развития креативной экономики.

Для дальнейшей институционализации сектора важна поддержка проектов и профессиональных траекторий. Речь идет о юридической грамотности, защите авторских прав, наставничестве, прозрачных правилах оплаты, доступе к площадкам, развитию региональных заказчиков, связи образования с реальными индустриальными задачами. В Северо-Кавказском макрорегионе это имеет дополнительное значение: сильный культурный ресурс нуждается в профессиональных каналах воспроизводства, чтобы не оставаться материалом для разовых событий.

Микроуровень – участники, их трудовые стратегии и сообщества – является самостоятельной частью институционального анализа. Без него креативные индустрии выглядят как набор программ, рейтингов и объектов инфраструктуры. С учетом этого уровня становится видно, как новая сфера общественного развития собирается из человеческих биографий, локальных инициатив, неполных гарантий и постепенно закрепляемых профессиональных норм.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Академический Проект, 2021.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Становление общества сетевых структур. М.: Изд. дом ВШЭ, 2000.

4. Стребков Д. О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2022.
5. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
6. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011.
7. Gill R., Pratt A. In the Social Factory? Immaterial Labour, Precariousness and Cultural Work // Theory, Culture & Society. 2008. Vol. 25. No. 7–8. P. 1–30.
8. McRobbie A. Be Creative: Making a Living in the New Culture Industries. Cambridge: Polity Press, 2016.
9. Menger P.-M. The Economics of Creativity: Art and Achievement under Uncertainty. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
10. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 02.05.2026).
11. Креативный сектор России в цифрах: 2024 / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 02.05.2026).
12. Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России // Федеральная налоговая служба. 06.12.2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 02.05.2026).
13. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/999070355.html> (дата обращения: 02.05.2026).
14. Высшая школа креативных индустрий // Северо-Кавказский федеральный университет. URL: <https://ncfu.ru/vshki/> (дата обращения: 02.05.2026).
15. Кластер креативных индустрий Северного Кавказа создан на базе СКФУ // Северо-Кавказский федеральный университет. 16.05.2025. URL: <https://ncfu.ru/novosti/glavnaya/klaster-kreativnykh-industriy-severnogo-kavkaza-sozdan-na-baze-skfu/> (дата обращения: 02.05.2026).

SOCIAL PRACTICES AND EMPLOYMENT MODELS OF CREATIVE INDUSTRY PARTICIPANTS IN RUSSIA: SELF-INSTITUTIONALIZATION AND PROFESSIONAL TRAJECTORIES

Tizengauzen M.G.

North-Caucasus Federal University

The article analyzes social practices and employment models of creative industry participants in contemporary Russia. The focus is placed on the micro-level of institutionalization: everyday professional strategies, self-employment, project work, digital visibility, network communities and regional educational initiatives. The pur-

pose of the article is to describe how creative sector participants enter new labor regimes and take part in the consolidation of norms, roles and mechanisms of recognition. The empirical basis includes secondary data from HSE University, Federal Tax Service data on self-employment, regulatory documents and materials on the development of creative infrastructure in the North Caucasus. The article concludes that creative employment includes different levels of professional autonomy, legal certainty and social protection; the sustainability of career trajectories depends on access to infrastructure, clients, communities and support mechanisms.

Keywords: creative industries, employment, self-employment, professional trajectories, self-institutionalization, social practices.

References

1. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Academic Project, 2021. (In Russian).
2. Bourdieu P. Sociology of Social Space. Saint Petersburg: Alereya, 2005. (In Russian).
3. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Moscow: HSE Publishing House, 2000. (In Russian).
4. Strebkov D. O., Shevchuk A.V. What Do We Know About Freelancers? Sociology of Independent Employment. Moscow: HSE University Publishing House, 2022. (In Russian).
5. Toshchenko Zh.T. The Precariat: From Proto-Class to a New Class. Moscow: Nauka, 2018. 350 p. (In Russian).
6. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011.
7. Gill R., Pratt A. In the Social Factory? Immaterial Labour, Precariousness and Cultural Work. Theory, Culture & Society, 2008, vol. 25, no. 7–8, pp. 1–30.
8. McRobbie A. Be Creative: Making a Living in the New Culture Industries. Cambridge: Polity Press, 2016.
9. Menger P.-M. The Economics of Creativity: Art and Achievement under Uncertainty. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
10. Federal Law No. 330-FZ of August 8, 2024 “On the Development of Creative Industries in the Russian Federation”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (accessed May 2, 2026). (In Russian).
11. Russia’s Creative Sector in Figures: 2024. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University. Moscow: HSE University, 2024. Available at: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (accessed May 2, 2026). (In Russian).
12. More Than 12 Million Self-Employed People Have Registered in Russia. Federal Tax Service. December 6, 2024. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (accessed May 2, 2026). (In Russian).
13. Ranking of Creative Regions of Russia: 2024. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University. Moscow: HSE University, 2024. Available at: <https://issek.hse.ru/news/999070355.html> (accessed May 2, 2026). (In Russian).
14. Higher School of Creative Industries. North-Caucasus Federal University. Available at: <https://ncfu.ru/vshki/> (accessed May 2, 2026). (In Russian).
15. Cluster of Creative Industries of the North Caucasus Has Been Created at NCFU. North-Caucasus Federal University. May 16, 2025. Available at: <https://ncfu.ru/novosti/glavnaya/klaster-kreativnykh-industriy-severnogo-kavkaza-sozdan-na-baze-skfu/> (accessed May 2, 2026). (In Russian).

Доступность социально-медицинской помощи женщинам в ситуации репродуктивного выбора: институциональный разрыв между нормативными нововведениями и реальными практиками работы регионального перинатального центра

Трохирова Ульяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет
E-mail: zhuv@mail.ru

Статья посвящена социологическому анализу институционализации социально-медицинской помощи в системе работы перинатальных центров как особой организационной модели, значимой для реализации демографической и социальной политики государства в сфере охраны материнства и детства. Актуальность исследования обусловлена внедрением в 2025–2026 гг. новых федеральных и региональных нормативных актов, закрепляющих межведомственную модель медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, что требует эмпирической оценки реальной доступности и качества внедряемых услуг. Проблема заключается в устойчивом разрыве между формальным наличием структур социально-медицинской помощи (центров, кабинетов, штатных единиц) и низкой реальной доступностью этих услуг для пациенток, а также в недостаточной изученности барьеров институционализации на уровне региональных перинатальных центров. Эмпирическую основу исследования составили данные анкетирования пациенток Иркутского городского перинатального центра им. академика М.С. Малиновского и их родственников. Полученные результаты подтверждают формальный, незавершенный характер институционализации: создана нормативная база оказания социально-медицинской помощи, но информационные и организационные барьеры препятствуют ее закреплению в реальных практиках перинатального центра. Преодоление выявленного институционального разрыва диктует необходимость не экстенсивного наращивания инфраструктуры, а внедрения стандартов информирования пациентов, развития межведомственного взаимодействия и включения соответствующих компетенций в программы подготовки медицинских и социальных работников.

Ключевые слова: институционализация, социально-медицинская помощь, социальные барьеры, демографическая политика, доступность социально-медицинских услуг, охрана репродуктивного здоровья, удовлетворенность социально-медицинскими услугами.

Введение

Перинатальная помощь в современной России представляет собой не только медицинскую, но и социальную проблему, находящуюся на пересечении демографической политики государства, институциональной организации здравоохранения и повседневных практик взаимодействия между медицинским персоналом и пациентами учреждений здравоохранения. В условиях демографического кризиса и последовательного ужесточения государственной политики в сфере репродуктивных прав проблема доступности качественной социально-медицинской помощи для женщин в перинатальных центрах приобретает особую остроту.

На федеральном уровне Минздравом России в июле 2025 года утверждены методические рекомендации по обеспечению взаимодействия медицинских организаций и социальных служб, органов службы занятости при консультировании женщин в ситуации репродуктивного выбора и трудной жизненной ситуации [9]. Методические рекомендации закрепляют межведомственную модель оказания социально-медицинской помощи, объединяющую систему здравоохранения, социальной защиты, занятости и негосударственный сектор. Основной упор сделан на психологическое консультирование, социальное сопровождение, правовую поддержку женщин в репродуктивном выборе и трудной жизненной ситуации, а также информационно-просветительскую работу. Организационно-методическое руководство, мониторинг эффективности социально-медицинской помощи осуществляет Центр медико-социальной поддержки беременных женщин. С 10 января 2026 года вступил в силу новый порядок оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» [11], который предусматривает функционирование Центров медико-социальной поддержки женщин на базе перинатальных центров, которые призваны реализовывать следующие направления деятельности:

- оказание медико-социальной помощи женщинам в трудной жизненной ситуации;
- разработка методических рекомендаций для специалистов по социальной работе и психологов женских консультаций;

- проведение тренингов для сотрудников кабинетов психологической и медико-социальной помощи;
- организация «телефонов доверия» и информационного сайта;
- содействие во временном проживании в организациях социального обслуживания, приютах;
- анализ деятельности нижестоящих кабинетов;
- привлечение органов власти и общественных объединений к решению вопросов медико-социальной помощи;
- выявление женщин «группы риска» по отказу от ребенка после родов;
- формирование мотивации к вынашиванию беременности и воспитанию ребенка;
- организация групп психологической поддержки с участием психотерапевтов.

Штатные нормативы Центра медико-социальной поддержки предусматривают должности специалиста по социальной работе, медицинского психолога или психолога, юрисконсульта, врача-психотерапевта (в центре медико-социальной поддержки).

На региональном уровне также происходят активные институциональные изменения. Одним из показательных регионов, где институционализация социально-медицинской помощи сталкивается с комплексом системных проблем, является Иркутская область. С одной стороны, здесь еще в 2016 году был утвержден региональный порядок оказания медико-социальной помощи беременным, оказавшимся в трудной жизненной ситуации [10], который определяет категории женщин, относящихся к группе медицинского и психологического риска (включая несовершеннолетних матерей, одиноких матерей, пострадавших от насилия, освободившихся из мест лишения свободы, беженки и др.), устанавливает правила направления и добровольного обращения в специализированные кабинеты при женских консультациях, перечень предоставляемых услуг (консультации по бытовому, медицинскому, психолого-педагогическим и правовым вопросам), а также меры по профилактике отказов от новорожденных. Координацию работы осуществляет центр медико-социальной поддержки беременных женщин, созданный в ОГБУЗ «Иркутский городской перинатальный центр имени академика Малиновского М.С.» (далее – ИГПЦ). ИГПЦ является учреждением родовспоможения в Иркутской области, выполняющие комплекс медицинских, научно-методических и образовательных функций в сфере охраны материнства и детства. ИГПЦ обслуживает жителей г. Иркутска и прилегающих территорий. Структура и деятельность центра выстроены таким образом, чтобы обеспечивать сопровождение женщин и ребенка на каждом этапе беременности, оказывая существенное влияние на демографическую ситуацию в Иркутской области. В ИГПЦ беремен-

ные женщины и члены их могут получить консультации психолога, юриста и социального работника по вопросам медико-психологической и социальной поддержки, профилактики аборт, насилия в семье, по правовым вопросам, в том числе разъяснение законодательства РФ, порядок обращения в судебные органы для защиты прав женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в медико-социальной защите и поддержке [14]. Вместе с тем реальная практика внедрения этих институциональных новшеств сопряжена с многочисленными проблемами. Несмотря на строительство новых перинатальных центров, реализацию современных вспомогательных репродуктивных технологий за счет средств обязательного медицинского страхования, развитие направления профессиональной социально-психологической помощи в учреждениях здравоохранения, что безусловно является положительным моментом для сохранения репродуктивного здоровья, повышение качества и доступности медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, тем не менее нельзя не отметить, что происходит смещение условий для охраны здоровья матери и ребенка в крупные и средние города [6]. Медицинские организации сталкиваются с неопределенностью нормативного статуса медико-социальной помощи: остается неясным, что именно входит в ее содержание.

Проведенный анализ современных научных публикаций, посвященных организации социально-медицинской (медико-социальной) помощи в перинатальных центрах и учреждениях акушерско-гинекологического профиля, позволяет сделать следующие обобщения относительно степени изученности проблемы и выявленных противоречий.

Во-первых, исследователи единодушно признают необходимость интеграции социально-медицинской помощи в деятельность перинатальных учреждений. В работах Г.Ж. Бодыкова и А.М. Курмановой обосновано, что современная перинатальная служба должна быть пациент- и семейно-ориентированной, а доступ к комплексным службам перинатальной помощи рассматривается как важнейший аспект ее успешности [2]. Это задает нормативно-ценностный вектор институционализации.

Во-вторых, эмпирические исследования (Н.Л. Фадеева, А.О. Колмык) фиксируют разрыв между формальным наличием структур (кабинетов и центров медико-социальной поддержки) и реальной доступностью и качеством этих услуг. Ключевыми барьерами выступают: низкая информированность пациентов о существовании социальных работников и психологов, неравномерное использование каналов коммуникации, а также сохраняющаяся потребность в расширении спектра услуг [13]. Таким образом, институционализация носит незавершенный, «проектный» характер.

В-третьих, работы А.О. Омарасхабовой, Н.Т. Магдиевой, Голоковой К.В., Кельдасова Т.Х. Д. показывают, что реализация социальной работы в здравоохранении сталкивается с системными проблемами: несовершенство законодательства в сфере охраны здоровья и обеспечения доступности и качества медицинской помощи, что ограничивает реализацию этих естественных прав, низкая мотивация медицинского персонала, отсутствие единых норм и правил, завышенные требования к квалификации социальных работников (необходимость сочетать медицинские, психологические и профильные компетенции) [8, 3]. Это приводит к формализации и низкой эффективности мероприятий, что также подтверждает гипотезу о незавершенной институционализации.

В-четвертых, авторы научных публикаций [5, 7] констатируют парадоксальную динамику: количество подразделений медико-социально-психологической помощи растет при одновременном сокращении кадрового обеспечения. Это свидетельствует о противоречивом характере процесса: экстенсивное расширение инфраструктуры не сопровождается устойчивым закреплением профессиональных ролей и ресурсов.

В-пятых, исследования в Санкт-Петербурге и других регионах акцентируют проблему межведомственного взаимодействия как «узкое место» институционализации. Медицинские работники крайне неудовлетворены существующей моделью взаимодействия со службами социальной защиты и занятости. Отмечается отсутствие единого координатора, неразработанность механизмов выявления нуждающихся, разграничения объемов помощи и контроля результатов, а также пробелы в профессиональных стандартах (вопросы взаимодействия с социальными службами не включены в стандарты подготовки врачей и медсестер) [4, 12].

Представленный обзор научной литературы свидетельствует о наличии устойчивого запроса на интеграцию социально-медицинской помощи в деятельность перинатальных учреждений, однако одновременно фиксирует системные барьеры, препятствующие ее полноценной институционализации: дефицит кадрового обеспечения, низкую информированность пациентов, слабость межведомственного взаимодействия и незавершенный характер нормативно-правового регулирования. Выявленные противоречия между формальным наличием структур и реальной доступностью услуг носят не единичный, а устойчивый характер, что подтверждается данными как локальных, так и межрегиональных исследований.

В этом контексте особый интерес представляет опыт Иркутской области – региона с макрорегиональными особенностями (большая протяженность территории, низкая плотность населения в отдаленных районах, неблагоприятный демогра-

фический фон, кадровый дефицит), где проблемы доступности перинатальной помощи стоят особенно остро.

Цель исследования – выявление институционального разрыва между нормативными нововведениями в сфере социально-медицинской помощи и реальной доступностью этих услуг для пациентов перинатальных центров, а также определение ключевых барьеров, препятствующих полноценной институционализации данной модели на региональном уровне.

Методология и методика исследования

Методологическую базу исследования составляет социологическая теория институционализации, разработанная в феноменологической социологии П. Бергером и Т. Лукманом. Согласно этой теории, институционализация представляет собой процесс, в ходе которого спонтанные, ситуативные, часто повторяющиеся действия становятся образцом и постепенно приобретают типизированный характер, закрепляются в формальных правилах и нормах, обретают внешний контроль и санкции, а затем получают легитимацию – объяснение и оправдание существующего институционального порядка [1].

Развивая идеи Бергера и Лукмана, П. Толберт и Л. Зукер описывают процесс институционализации как переход от новых организационных практик к общепринятым нормам [16], который включает ряд последовательных уровней.

1. Нововведение – появление новой практики в ответ на конкретную проблему или потребность группы.
2. Структурирование и закрепление новой практики в поведении группы, формализация правил и принятие нововведения ключевыми участниками.
3. Распространение практики среди других организаций, закрепление ее «объективного» статуса.
4. Седиментация (накопление) – практика становится «само собой разумеющейся» для большинства членов организации или общества в целом. Это достигается за счет ее исторической преемственности и широкого социального признания.

Основываясь на этих теоретических положениях, подчеркнем, что специфика институционализации социально-медицинской помощи в перинатальных центрах, обусловлена тремя группами факторов: отраслевой принадлежностью, межведомственным характером новой деятельности и особой конфигурацией акторов, ресурсов и легитимаций. Эта специфика проявляется, во-первых, в том, что институционализация социально-медицинской помощи в российском здравоохранении инициируется «сверху» – через систему приказов Минздрава, методических рекомендаций и региональных нормативных актов. Соглас-

но Р. Скотту, существует «три опоры» (столпа) социальных институтов – регулятивная, нормативная и когнитивная [15]. В данном случае регулятивная основа является доминирующей и опережающей: формальные правила (должностные инструкции, стандарты оснащения кабинетов, порядок межведомственного взаимодействия) создаются раньше, чем складываются устойчивые практики и разделяемые ценности. Это порождает риск формальной институционализации, когда документы существуют, а реальное поведение участников (акторов) остается прежним.

Во-вторых, социально-медицинская помощь по определению требует координации двух разнородных систем: медицинской (ориентированной на клинические исходы, доказательную медицину, строгую иерархию) и социальной (ориентированной на поддержку, защиту прав, долгосрочное сопровождение). В перинатальных центрах это выливается в необходимость совместной работы врачей-акушеров-гинекологов, медицинских психологов, специалистов по социальной работе и юристов. Каждая из этих групп обладает собственной профессиональной культурой и представлениями о «реальности» проблемы: для врача «трудная жизненная ситуация» пациентки может быть второстепенным фоном, а для социального работника – центральным предметом вмешательства.

В-третьих, перинатальные центры имеют ряд особенностей:

- высокая технологическая и клиническая загруженность, в связи с чем социальная работа может восприниматься как «непрофильная» и «отвлекающая» от основных задач;
- строгая иерархичность медицинской организации, которая может затруднять внедрение новых профессиональных ролей (специалист по социальной работе, юрисконсульт);
- территориальная удаленность перинатальных центров от пациентов из сельской местности, что создает барьеры доступа к помощи (финансовые, транспортные) и снижает востребованность новых услуг.

Изучение проблемных зон институционализации социально-медицинской работы в системе перинатальной помощи центре осуществлялось с помощью анкетирования пациенток ОГБУЗ ИГПЦ им. Малиновского М.С. и их родственников.

Респондентам была предложена анкета, состоящая из 20 вопросов и включающая несколько блоков: социально-демографический; психологический – самооценка психоэмоционального состояния и его причин, нуждаемость в психологической помощи и возможности ее получения; финансово-экономический – оценка уровня финансовой нагрузки, связанной с использованием платных услуг; информированность о мерах социальной поддержки; общая удовлетворенность качеством социально-медицинской помощи. Тип выборки – квотная, формируемая на основе структуры генеральной совокупности (пациенток, госпитализированных в ОГБУЗ «Иркутский городской перинатальный центр имени академика Малиновского М.С.», и их близких родственников). Объем выборки составил 110 пациенток (70% от максимальной вместимости акушерского стационара – 157 коек) и 110 родственников. Основные критерии отбора включали: статус респондента (пациентки, и их близкие родственники – мужья, партнеры, родители и др.), что позволило сопоставить оценки изнутри и извне; срок госпитализации и этап перинатального цикла – анкетирование охватывало пациенток на разных этапах (родовое отделение, послеродовое отделение, патология беременности); территориальная принадлежность (в выборку были включены как жительницы г. Иркутска, так и пациентки из отдаленных районов Иркутской области. Отбор респондентов внутри каждой квоты проводился случайным методом (по мере поступления в стационар и при наличии информированного согласия). Такой подход позволил обеспечить сопоставимость групп и выявить различия в восприятии доступности услуг между пациентками и их родственниками, а также между городскими и сельскими жительницами. Статистическая обработка данных исследования проведена с использованием приложения «Excel» из стандартного пакета программ «Microsoft Office».

Результаты и их обсуждение

На базе Иркутского городского перинатального центра работает Центр медико-социальной поддержки женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. На таблице 1 представлены основные направления социально-медицинской работы центра, их содержание и целевую направленность.

Таблица 1. Основные направления социально-медицинской работы центра

Направление социально-медицинской работы	Содержание и реализуемые меры	Целевая направленность
Психологическая поддержка	Консультации психолога. Размещение на сайте рекомендаций по преодолению послеродового процесса. Сопровождение в кризисных ситуациях	Снижение психоэмоционального напряжения, адаптация к материнству, профилактика постнатальной депрессии

Направление социально-медицинской работы	Содержание и реализуемые меры	Целевая направленность
Социальная помощь	Работа Центра медико-социальной поддержки (консультации соцработника, психолога, юриста). Программа сопровождения жен участников СВО (персональное ведение, одностольные палаты, послеродовая поддержка)	Защита прав женщин, решение социально-бытовых проблем, профилактика абортв и семейного насилия, поддержка особых категорий пациенток
Информационно-просветительская деятельность	Размещение на сайте статей, гайдов, видеоуроков. Ведение раздела «Центра знаний» с материалами от специалистов	Повышение медицинской грамотности, информирование о этапах беременности и родов, профилактика осложнений, формирование доверительных отношений «врач-пациент»
Обеспечение доступности услуг	Создание доступной среды для маломобильных групп населения (адаптация инфраструктуры)	Реализация принципа инклюзивности, обеспечение равного доступа к медицинской помощи для всех категорий пациентов
Развитие кадрового потенциала	Система аттестаций медицинских работников, направленная на повышение квалификации	Улучшение качества медицинской и социально-психологической помощи за счет профессионального роста персонала, развитие коммуникативных навыков и эмпатии

Исходя из этих направлений были выделены основные потребности пациенток и их родственников, на удовлетворение которых нацелена деятельность Центра: психологическая поддержка, социальная помощь и защита прав, информированность о состоянии здоровья, доступных услугах, мерах поддержки и возможностях их получения.

На вопрос о психоэмоциональном состоянии большинство пациенток и их родных ответили, что испытывают тревогу в той или иной степени (рис. 1). Основными причинами тревоги является здоровье ребенка, неопределенность медицинского прогноза, здоровье самой женщины, возможные осложнения и длительность лечения.

Рис. 1. Самооценка респондентами психоэмоционального состояния (%)

В ходе анкетирования пациенток был задан вопрос о том, кто оказывает психологическую поддержку, на что большинство женщин ответили, что главными источниками эмоциональной поддержки выступают близкие люди (рис. 2).

С одной стороны, эти данные подчеркивают важность семьи в преодолении трудных ситуаций. Но, с другой стороны, профессиональную поддержку получают лишь 12% респондентов, а 6% — не получают эмоциональной поддержки вовсе, что

подтверждает дефицит профессиональных ресурсов и необходимость их активизации.

Рис. 2. Источники психологической поддержки пациенток ИГПЦ (%)

Профессиональной консультацией психолога воспользовались только 1/3 опрошенных пациенток, в то время как не получали предложений и не были информированы о такой возможности 60% женщин и 80% родственников (рис. 3).

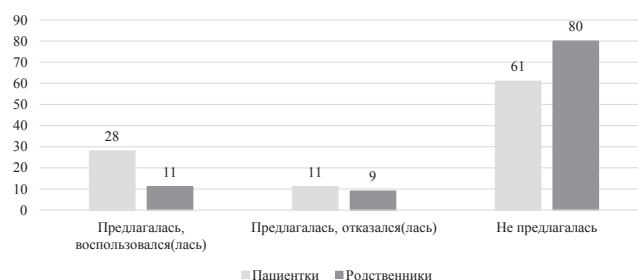

Рис. 3. Информированность пациенток и их родственников о возможности получения консультации психолога

Большая часть респондентов, воспользовавшихся консультацией психолога, оценили данную помощь как полезную, что свидетельствует о востребованности и эффективности психологической поддержки в перинатальных центрах.

Еще одной проблемой является ощутимая финансовая нагрузка на семью, связанная с бере-

менностью и родами. Из диаграммы, представленной на рис. 4, следует, что ощущают финансовую нагрузку в той или иной степени 89% пациенток и 85% их родственников. При этом финансовые трудности связаны с необходимостью покупки лекарств и медицинских изделий (58%) и проведением дополнительных диагностических исследований (42%). Ощутимые финансовые трудности семьи, связанные с беременностью и родами женщины, обуславливают необходимость мер социальной помощи, оказание которой входит в перечень направлений работы Центра медико-социальной поддержки.

Рис. 4. Распределение мнений о степени финансовой нагрузки на семью, связанная с беременностью и родами (%)

На рис. 5 представлены данные об уровне информированности опрошенных о мерах социальной помощи, которые свидетельствуют о том, что осведомлены о них только около 1/3 пациенток и их родных, большая же часть опрошенных не знает о доступных мерах социальной поддержки.

Рис. 5. Информированность респондентов о мерах социальной поддержки (%)

Главными препятствиями к получению мер социальной поддержки выступают организационные и информационные барьеры: отсутствие информации о самих мерах социальной поддержки, отсутствие или недостаток информации о порядке их получения, сложность процедуры оформления и нехватка времени, территориальная удаленность мест подачи документов, негативный опыт, с которым столкнулись опрошенные при попытке получить социальную помощь.

При этом из тех, кто информирован, полностью осведомлены о доступных мерах социальной поддержки 17%, имеют лишь частичное представление – 83%. Недостаток информации опрошенные пациентки испытывают не только по вопросам социальной, но и медицинской помощи: относительно разъяснения плана лечения и реабилитации

только 17% получили полную информацию, 55,3% столкнулись с фрагментарными разъяснениями, 27,7% не получили никаких разъяснений плана лечения и реабилитации.

Оценка респондентами общего уровня удовлетворенности социально-медицинской помощью в ИГПЦ представлена на рис. 6.

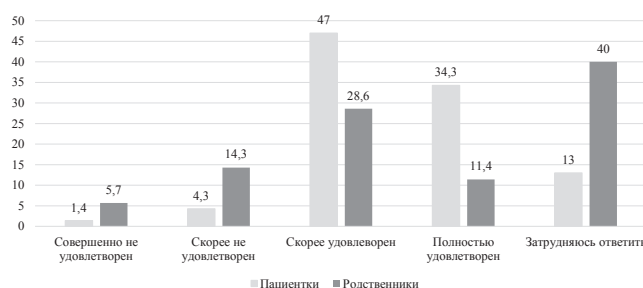

Рис. 6. Оценка общего уровня удовлетворенности социально-медицинской помощью

Выводы

Проведенное исследование позволяет выделить ряд барьеров, связанных с институционализацией социально-медицинской помощи в системе работы перинатального центра.

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы (федеральные и региональные приказы, методические рекомендации, создание Центров медико-социальной поддержки), процесс институционализации социально-медицинской помощи в перинатальном центре носит преимущественно формальный, «проектный» характер. Доминирование регулятивной опоры института (формальные правила, штатные расписания, отчетность) при явном дефиците когнитивной и нормативной опор (разделяемые ценности, сложившиеся практики, профессиональные привычки) приводит к разрыву между институциональными нововведениями «сверху» и реальными практиками взаимодействия.

Функционирование Центра медико-социальной поддержки не гарантирует доступность социально-медицинской помощи, фактическое использование этих услуг остается крайне ограниченным: консультацией психолога воспользовались лишь 1/3 опрошенных пациенток, при этом значительная часть как женщин, так и родственников не были проинформированы о такой возможности. Основными источниками психологической поддержки в трудной жизненной ситуации, связанной с беременностью и родами, остаются близкие люди, что подтверждает наличие системного информационного и организационного барьера.

Абсолютное большинство пациенток и их родных испытывают ощутимую финансовую нагрузку, связанную с необходимостью покупки лекарств, медицинских изделий, дополнительной диагностики. Однако осведомлены о доступных мерах

социальной поддержки не более 1/3 опрошенных. Ключевыми препятствиями выступают отсутствие информации о доступных мерах помощи и порядке их получения, сложность оформления, территориальная удаленность и негативный предшествующий опыт. Респонденты фиксируют недостаток информации не только по социальным, но и по медицинским вопросам. Это свидетельствует о системном дефиците обратной связи и низкой эффективности информационно-просветительской деятельности, декларируемой в качестве одного из направлений работы Центра.

Интегральный показатель удовлетворенности (сумма ответов «полностью удовлетворена» и «скорее удовлетворена») составил 25%, что говорит о несоответствии формально закрепленных стандартов и реального опыта пациентов.

Полученные результаты согласуются с данными других региональных и межрегиональных исследований, подтверждающими, что экстенсивное развитие инфраструктуры (рост числа кабинетов и центров) не сопровождается устойчивым закреплением профессиональных ролей, ростом доступности и качества услуг. В Иркутской области, характеризующейся большой территорией, низкой плотностью населения и кадровым дефицитом, эти противоречия проявляются особенно остро, усугубляя неравенство в доступе к социально-медицинской помощи между городскими и удаленными группами населения.

Таким образом, институционализация социально-медицинской помощи и ее закрепление в практике работы перинатальных центров находится на начально-формальном этапе: нормативно-правовая база в основном создана, но ее закрепление в повседневных практиках, профессиональной культуре и реальная доступность услуг для пациентов остается нереализованной. Перспективными направлениями решения выявленных проблем являются: разработка и внедрение стандартов информирования пациентов о мерах социальной поддержки; обязательное включение вопросов межведомственного взаимодействия в программы профессиональной подготовки медицинских и социальных работников; организация выездных или дистанционных форм социально-психологической помощи для жителей отдаленных территорий; а также введение независимой оценки доступности социально-медицинской помощи на регулярной основе.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бодыков Г. Ж., Курманова А.М. Концепции совершенствования перинатальной помощи в со-

временном мире // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 10. С. 203–213.

3. Голокова К. В., Кельдасов Т.Х.Д. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации как естественное право человека // Global and Regional Research. 2020. Т. 2, № 3. С. 149–154.
4. Кочорова Л.В., Бородкина О.И., Зайцев М.А., Константинова П.И., Сулимова А.А. Анализ мнения медицинских работников Санкт-Петербурга об организации медико-социальной помощи. Социальные аспекты здоровья населения 2026. Т. 72, № 1. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1892/30/lang, ru/> (дата обращения: 25.04.2026).
5. Малышкина А.И., Кулигина М.В., Песик О.Н., Лицова А.О. Организация социально-психологической помощи в акушерско-гинекологической службе Центрального федерального округа. Социальные аспекты здоровья населения. 2025. Т. 71, № 1. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1720/30/lang, ru/> (дата обращения: 25.04.2026).
6. Меринова В. Н., Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Субъективные представления сибиряков о благополучии современной российской семьи // Социология. 2025. № 3. С. 28–33.
7. Метелева Е. Р., Гусев М.Э. Обоснование управленческих и финансовых решений по повышению обеспеченности медицинскими кадрами кластера в сфере охраны здоровья в Байкальском регионе // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 2. С. 234–244.
8. Омарасхабова А. О., Магдиева Н.Т. Система здравоохранения как инновационный субъект социальной работы // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 6. С. 39–42.
9. Письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 01.07.2025 № 15–4/И/2–12980 «О направлении методических рекомендаций «Обеспечение взаимодействия медицинских организаций и социальных служб, органов службы занятости при консультировании женщин в ситуации репродуктивного выбора/трудной жизненной ситуации, беременных и женщин/семей, желающих иметь детей». URL: <https://base.garant.ru/412406436/> (дата обращения: 25.04.2026).
10. Приказ Министерства здравоохранения Иркутской области от 05.04.2016 № 33-мпр «О порядке оказания консультативной и психологической помощи беременным женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в иркутской области» URL: <https://docs.cntd.ru/document/438847257?Marker> (дата обращения: 25.04.2026).
11. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.12.2025 № 747н

«О Порядке оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523677/ (дата обращения: 25.04.2026).

12. Третьяков А. П., Апросимова С.И., Гайдаенко А.Е. и др. Анализ совершенствования системы охраны здоровья женщин репродуктивного возраста на примере показателей межрайонного перинатального центра // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2025. № 2. С. 941–956.
13. Фадеева Н. Л., Колмык Н.Л. Медико-социальная работа в перинатальных центрах и женских консультациях: на примере исследования города Петрозаводска // *Studia Humanitatis Borealis*. 2023. № 2(27). С. 39–44.
14. Центр медико-социальной поддержки женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. URL: <https://irkgpc.gosuslugi.ru/informatsiya-dlya-patsientov/tsentr-mediko-sotsialnoy-podderzhki/> (дата обращения: 25.04.2026).
15. Scott W.R. *Institutions and Organizations: Foundations for Organizational Science*. – Thousand Oaks: Sage Publications, 1995. – 256 p. P. 33.
16. Tolbert P. S., Zucker L.G. The institutionalization of institutional theory // *Handbook of organization studies* / ed. by S.R. Clegg, C. Hardy, W.R. Nord. London; Thousand Oaks: Sage Publications, 1996. P. 175–190.

AVAILABILITY OF SOCIAL AND MEDICAL CARE FOR WOMEN IN THE SITUATION OF REPRODUCTIVE CHOICE: INSTITUTIONAL GAP BETWEEN REGULATORY INNOVATIONS AND REAL PRACTICES OF THE REGIONAL PERINATAL CENTER

Trokhilova U.V.

Baikal State University

The article is devoted to the sociological analysis of the institutionalization of social and medical care in the system of perinatal centers as a special organizational model, significant for the implementation of demographic and social policy of the state in the field of maternal and child health. The relevance of the study is due to the implementation in 2025–2026. new federal and regional regulations that establish an interdepartmental model of medical and social support for pregnant women in difficult situations, which requires an empirical assessment of the actual availability and quality of the services being implemented. The problem lies in the persistent gap between the formal availability of social and medical care structures (centers, offices, staff units) and the low real accessibility of these services to patients, as well as the lack of knowledge of barriers to institutionalization at the level of regional perinatal centers. The empirical basis of the study was made up of data from a questionnaire survey of patients from the Irkutsk City Perinatal Center. Academician M.S. Malinovsky and their relatives. The results obtained confirm the formal, incomplete nature of institutionalization: a regulatory framework for the provision of social and medical care has been created, but information and organizational barriers prevent its consolidation in the real practices of the perinatal center. Overcoming the identified institutional gap dictates the need not for extensive infrastructure expansion, but for the introduction of standards for patient information, the development of interdepartmental cooperation and the inclusion of relevant competencies in training programs for medical and social workers.

Keywords: institutionalization, social and medical care, social barriers, demographic policy, accessibility of social and medical services,

reproductive health protection, satisfaction with social and medical services.

References

1. Bodikov G. Zh., Kurmanova A.M. Concepts of Improving Perinatal Care in the Modern World // *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Vol. 7, № 10. P. 203–213.
2. Berger P., Luckmann T. *The Social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Translated from English by E. Rutkev. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
3. Golokova K. V., Keldasov T. Kh.D. The right to health protection and medical care in the Russian Federation as a natural human right // *Global and Regional Research*. 2020. Vol. 2, № 3. P. 149–154.
4. Kochorova L.V., Borodkina O.I., Zaitsev M.A., Konstantinova P.I., and Sulimova A.A. Analysis of the opinion of medical workers in St. Petersburg on the organization of medical and social care. *Social aspects of population health*. 2026. Vol. 72, № 1. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1892/30/lang,ru/> (date of access 25.04.2026).
5. Malysheva A.I., Kuligina M.V., Pesikin O.N., Litsova A.O. Organization of social and psychological assistance in the obstetric and gynecological service of the Central Federal district. *Social Aspects of Public Health*. 2025. Vol. 71, № 1. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1720/30/lang,ru/> (date of access 25.04.2026).
6. Merinova V. N., Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V. Subjective ideas of Siberians about the well-being of the modern Russian family // *Sociology*. 2025. № 3. pp. 28–33.
7. Meteleva E. R., Gusev M.E. Justification of managerial and financial decisions on increasing the availability of medical personnel in the health care cluster in the Baikal Region // *Izvestiya of Baikal State University*. 2023. Vol. 33, № 2. P. 234–244.
8. Omarashabova A. O., Magdieva N.T. The healthcare system as an innovative subject of social work // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Vol. 4, № 6. P. 39–42.
9. Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 01.07.2025 № 15–4/1/2–12980 «On the submission of methodological recommendations «Ensuring interaction between medical organizations and social services, employment service agencies when counseling women in situations of reproductive choice/difficult life situations, pregnant women and women/families wishing to have children.» URL: <https://base.garant.ru/412406436/> (date of access 25.04.2026).
10. Order of the Ministry of Health of the Irkutsk Region dated 05.04.2016 № 33-mpr «On the procedure for providing advisory and psychological assistance to pregnant women in difficult life situations in the Irkutsk Region». URL: <https://docs.cntd.ru/document/438847257?Marker> (date of access 25.04.2026).
11. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 19.12.2025 № 747n «On the procedure for providing medical care in the profile of obstetrics and gynecology.» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523677/ (date of access 25.04.2026).
12. Tret'yakov A. P., Aprosimova S.I., Gaydaenko A.E., et al. Analysis of the improvement of the health care system for women of reproductive age on the example of the interdistrict perinatal center // *Modern Problems of Healthcare and Medical Statistics*. 2025. № 2. P. 941–956.
13. Fadeeva N. L., Kolmyk N.L. Medical and social work in perinatal centers and women's consultations: on the example of a study of the city of Petrozavodsk // *Studia Humanitatis Borealis*. 2023. № 2(27). P. 39–44.
14. Center for medical and social support for women in difficult life situations. URL: <https://irkgpc.gosuslugi.ru/informatsiya-dlya-patsientov/tsentr-mediko-sotsialnoy-podderzhki/> (date of access 25.04.2026).
15. Scott W.R. *Institutions and Organizations: Foundations for Organizational Science*. – Thousand Oaks: Sage Publications, 1995. 256 p.
16. Tolbert P. S., Zucker L.G. The institutionalization of institutional theory // *Handbook of organization studies* / ed. by S.R. Clegg, C. Hardy, W.R. Nord. London; Thousand Oaks: Sage Publications, 1996. P. 175–190.

Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи

Туркменов Искандер Олегович,

преподаватель кафедры «Социальная инженерия», ПривГУПС
E-mail: i.turkmenov@samgups.ru

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи в рамках научной специальности. Особое внимание уделено обзору отечественных исследований отраслевой идентичности как самостоятельной социологической категории, а также разграничению социологического и педагогического уровней анализа данной проблематики. Показано, что для изучения влияния студенческих отрядов недостаточно описывать их лишь как форму трудового воспитания или профессиональной адаптации; они должны рассматриваться как социальный институт раннего включения молодежи в отраслевое сообщество, где действуют механизмы групповой идентификации, нормативной интеграции, накопления социального капитала и символического присвоения отрасли. Обосновывается продуктивность институционального, социализационного, сетевого, символично-интеракционистского и средового подходов. Предлагаются методологические принципы эмпирического исследования, включающие многоуровневую модель анализа, лонгитюдный дизайн «до/после», использование контрольных групп, сочетание количественных и качественных методов, а также операционализацию отраслевой идентичности через когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и поведенческий компоненты. Делается вывод о необходимости интегративной социологической стратегии, способной связать процессы участия молодежи в коллективных трудовых практиках с динамикой ее отраслевого самоопределения.

Ключевые слова: студенческие отряды, отраслевая идентичность, молодежь, социологическая методология, социальный институт, профессиональная социализация, коллективные трудовые практики, социальный капитал, образовательная среда, лонгитюдное исследование.

Введение

Проблематика отраслевой идентичности в последние годы становится самостоятельным направлением исследований на стыке социологии образования, социологии труда и исследований профессиональной социализации молодежи.

Тема важна для анализа молодежи отраслевых университетов, поскольку позволяет увидеть разрыв между формально освоенной специальностью и готовностью связывать собственную биографию с отраслью в долгосрочной перспективе. Для социологического анализа эта работа значима не как готовая объяснительная схема, а как источник переменных и наблюдаемых процессов, которые могут быть переосмыслены на уровне социальных институтов, групповых норм и механизмов включения молодежи в отраслевое сообщество.

Одновременно социологическая оптика требует учитывать, что идентичность формируется не только как индивидуальное решение, но и как результат включения в группу, символический порядок и систему значимых «мы»-категорий.

Именно поэтому влияние студенческих отрядов на отраслевую идентичность молодежи не может быть описано исключительно в терминах воспитательной работы или профессиональной ориентации; оно требует методологического анализа на уровне социальных институтов, структур взаимодействия и воспроизводимых коллективных практик.

Цель статьи состоит в систематизации методологических подходов к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи и в обосновании исследовательской программы.

Материалы и методы

Статья носит теоретико-методологический характер и основана на анализе отечественных и зарубежных работ по проблемам отраслевой и профессиональной идентичности, социального капитала, образовательной среды, профессиональной социализации и студенческих отрядов.

В качестве базовых процедур использовались сравнительный анализ научных подходов, концептуальный синтез, междисциплинарная интерпретация и логическое моделирование.

Методологическая задача статьи состояла не в эмпирической проверке гипотезы, а в выстраивании непротиворечивой исследовательской рамки, позволяющей в дальнейшем изучать изменения отраслевой идентичности молодежи до участия в студенческих отрядах и после участия в них.

Отечественные исследования отраслевой идентичности: состояние и исследовательские лакуны

В работе М.А. Гнатьюка, М.А. Пырковой и Е.И. Фадеева отраслевая идентичность обоснована как особая социологическая категория, занимающая промежуточное положение между профессиональной, корпоративной и организационной идентичностями [1]. Современный российский корпус исследований отраслевой идентичности только складывается, и именно поэтому важную роль играет работа, в которой данное понятие выводится в ранг самостоятельной социологической категории и связывается с институциональными источниками формирования – семьей, образовательной средой, медийным образом отрасли и отраслевым полем в целом.

В другой работе тех же авторов образовательная среда отраслевого университета рассматривается как фактор формирования отраслевой идентичности студентов, что расширяет поле анализа от сугубо индивидуальных установок к характеристикам институциональной среды. Работа, посвященная образовательной среде отраслевого университета, дополняет социологическую постановку вопроса анализом пространственно-предметного, субъектно-социального, технологического, мотивационно-ценностного, цифрового и рефлексивно-диагностического компонентов среды [2]. Для методологии исследования студенческих отрядов это означает, что отраслевая идентичность должна измеряться не только через ценностные декларации студентов, но и через их фактическую включенность в среду, где отрасль символически и организационно присутствует как реальность повседневного опыта.

Педагогический ракурс проблемы системно представлен в статье М.А. Пырковой, где в качестве методологических оснований формирования отраслевой идентичности будущих специалистов выделены средовой подход, ценностно-смысловая обеспеченность подготовки, наставничество, проектная и сервисно-проектная деятельность [3]. Педагогическая статья М.А. Пырковой важна тем, что показывает дисциплинарно близкий, но не совпадающий с социологией способ анализа отраслевой идентичности, акцентирующий проектирование образовательной среды, наставничество и проектную деятельность. Для социологии это особенно ценно, поскольку позволяет увидеть, какие элементы образовательной и внеучебной

практики могут выступать наблюдаемыми социальными факторами, подлежащими институциональному и процессуальному анализу.

Фундаментальные отечественные исследования профессиональной идентичности показывают, что идентификационные процессы имеют многокомпонентный и динамический характер, а их становление связано не только с усвоением знаний, но и с принятием ценностей, ролей и норм будущей профессиональной среды [4].

Работы Е.А. Климова задают важную методологическую опору для анализа самоопределения через связь профессионального выбора с образом будущей деятельности, системой ожиданий и социально одобряемых траекторий в мире труда [5].

Сильной стороной этой концептуализации является то, что она позволяет отделить отраслевую идентичность от профессиональной и тем самым аналитически фиксировать ситуации, когда молодой человек принимает профессию, но не принимает отрасль как пространство будущей жизни и труда.

Работы, посвященные динамике отраслевой идентичности студентов, участвующих в социальном проектировании, показывают, что идентичность чувствительна к повторяемому включению в коллективные практики и изменяется не одномоментно, а по мере накопления опыта и его рефлексивного осмысления [6–8].

Более ранние исследования профессиональной идентичности в отечественной науке дают необходимый методологический фон: они позволяют рассматривать идентичность как структурированное образование, включающее когнитивный, ценностный, эмоциональный и поведенческий компоненты [4].

Исследования профессионального самоопределения подчеркивают значение образа будущей деятельности и соотнесения личной биографии с определенной сферой труда, что напрямую связано с проблемой отраслевого выбора молодежи [5].

Таким образом, обзор отечественной литературы показывает наличие уже сформированного понятийного ядра и одновременно дефицит работ, где влияние студенческих отрядов на отраслевую идентичность молодежи было бы рассмотрено именно как социологическая проблема социальных институтов, групповых процессов и структур включенности.

Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов

Методологическая специфика поставленной проблемы состоит в том, что ни один подход не охватывает ее полностью; поэтому исследование должно строиться как интегративное. Институциональный подход позволяет рассматривать студенческие от-

ряды как устойчивую форму организации молодежного труда, связывающую университет, работодателя, молодежную политику и отраслевую инфраструктуру в единый механизм раннего входа в профессию [13]. Подход профессиональной социализации дает возможность анализировать студенческие отряды как пространство освоения ролей, норм, дисциплины и ожиданий, связанных с будущей работой в отрасли [15]. Сетевой и капитальный подходы делают видимыми процессы накопления доверия, взаимности и полезных связей, возникающих в результате коллективного труда и включения молодежи в реальные производственные и квазипрофессиональные сети [14]. Символично-интеракционистский подход помогает объяснить, каким образом через групповые ритуалы, языки самоописания, атрибутику, наставничество и признание со стороны значимых других происходит переход от временного участия в отряде к устойчивому ощущению принадлежности к отрасли [7]. Средовой подход, заимствованный из исследований образовательной среды, дает возможность учитывать не только собственно работу в отряде, но и более широкую инфраструктуру отраслевого университета, где трудовые практики соединяются с миссией вуза, символическим порядком и коммуникацией с отраслевыми партнерами [2].

Сводка методологических подходов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи

Подход	Что является объектом анализа	Какой результат позволяет увидеть
Институциональный	Студенческий отряд как форма организованного молодежного труда и посредник между вузом, работодателем и отраслью.	Роль институциональной среды в раннем включении молодежи в отраслевое сообщество.
Социализационный	Освоение ролей, дисциплины, норм ответственности и трудового поведения.	Переход от участия к устойчивому профессионально-отраслевому самоотношению.
Сетевой / социального капитала	Горизонтальные и вертикальные связи, доверие, наставничество, доступ к ресурсам.	Накопление связей и укрепление приверженности отрасли.
Символично-интеракционистский	Ритуалы, язык группы, атрибутика, признание со стороны значимых других.	Механизмы символического присвоения отрасли и формирования «мы»-идентичности.
Средовой	Взаимосвязь отрядной практики с образовательной средой отраслевого университета.	Влияние институционального контекста на устойчивость отраслевой идентичности.

Методологические принципы эмпирического исследования

Во-первых, исследование влияния студенческих отрядов на отраслевую идентичность должно строиться как многоуровневое: на микроуровне фиксируются установки и самоописания участников, на мезоуровне – характеристики отрядного коллектива, на макроуровне – институциональные условия отраслевого университета и работодателя.

Во-вторых, наиболее продуктивным является лонгитюдный дизайн, позволяющий измерять динамику отраслевой идентичности до начала участия в студенческом отряде и после завершения трудового сезона или проекта.

В-третьих, для повышения доказательности желательна контрольная группа студентов, сопоставимых по профилю обучения и социально-демографическим характеристикам, но не участвующих в отрядной деятельности.

В-четвертых, отраслевую идентичность целесообразно операционализировать через когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и поведенческий компоненты, что позволит избежать редукции сложного феномена к одному вопросу о намерении работать в отрасли.

В-пятых, количественные методы должны сочетаться с качественными: анкетирование дает возможность увидеть распределение показателей, тогда как интервью, фокус-группы и наблюдение позволяют восстановить механизмы перехода от трудового участия к символическому и ценностному присвоению отрасли.

В-шестых, при анализе необходимо контролировать профильность выполняемой работы, интенсивность участия, наличие наставничества, глубину контакта с отраслевыми организациями, а также исходный уровень интереса к отрасли, чтобы не смешивать эффект отрядной практики с эффектом предварительной селекции участников.

Наконец, методологически важно различать временный эмоциональный подъем после участия в коллективной трудовой практике и устойчивое изменение отраслевой идентичности; поэтому отсроченные замеры и анализ закрепляемости молодежи в отрасли представляются особенно значимыми.

Заключение

Методологический анализ показывает, что влияние студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи должно изучаться как комплексный социальный процесс, включающий институциональные, сетевые, символические и средовые измерения.

В отличие от педагогической логики, где акцент делается на условиях формирования идентично-

сти в образовательном процессе, социологическая оптика требует рассматривать студенческие отряды как социальный институт и как форму коллективных трудовых практик, в рамках которых молодежь включается в отраслевое сообщество и усваивает его нормы, смыслы и ожидания.

Именно поэтому ключевой задачей дальнейших исследований становится не только фиксация роста или снижения отраслевой идентичности, но и выявление тех механизмов, через которые коллективный труд, наставничество, символическая среда, социальный капитал и образовательный контекст совместно формируют устойчивую приверженность молодежи определенной отрасли.

Литература

1. Гнатюк М.А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования // Социология. 2025. № 12. С. 88–93. EDN XNBWVD.
2. Гнатюк М.А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Образовательная среда отраслевого университета как фактор формирования отраслевой идентичности студентов // Современное профессиональное образование. 2025. № 12. С. 19–23. EDN CYRGBD.
3. Пыркова М.А. Методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 574–579. DOI: 10.25683/VOL-BI.2026.74.1521. EDN DXPSLY.
4. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2004.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
6. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001.
7. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
8. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966.
9. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
10. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement. P. S95–S120.
11. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000.
12. Фадеев Е.И. Динамика формирования отраслевой идентичности студентов вуза, участвующих в социальном проектировании // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8(136). С. 113–118.
13. Рябцевич А.В., Киселев М.С., Усов В.Н., Гнатюк М.А., Кротов Д.В. Студенческие отряды в формировании трудового воспитания и социального капитала молодежи России. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018.
14. Гнатюк М.А., Усов В.Н., Кротов Д.В. Студенческие отряды как фактор, обеспечивающий рост социального капитала молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 40–43.
15. Гнатюк М.А., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Российские студенческие трудовые отряды как ресурс для социально-профессионального самоопределения молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 31–34.
16. Киселев М.С., Кротов Д.В., Гнатюк М.А. Студенческие отряды как система трудового и патриотического воспитания и самореализации молодежи. Ростов н/Д; Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.
17. Беспалова А.А., Гнатюк М.А., Люев А.Х. Досуг в системе трудовой (профессиональной) адаптации российской молодежи (социологический аспект). М.: Русайнс, 2022.
18. Garanin M.A., Gnatyuk M.A., Khorovinnikova E.G. Mission of Samara State Transport University // BRICS Transport. 2023. Vol. 2. No. 4.
19. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.
20. Волкова С.А. Обучение в вузе как этап социализации студентов // Мир педагогики и психологии. 2016. № 2(2). С. 5–7.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING THE INFLUENCE OF STUDENT LABOR BRIGADES ON THE FORMATION OF INDUSTRY IDENTITY OF YOUTH

Turkmenov I.O.

Volga State Transport University

The article examines methodological approaches to studying the influence of student labor brigades on the formation of industry identity of youth. Particular attention is paid to the review of Russian studies interpreting industry identity as an independent sociological category and to the distinction between sociological and pedagogical levels of analysis. The paper argues that student labor brigades should be studied not only as a form of labor education or professional adaptation, but as a social institution of early inclusion of young people into an industry community, where mechanisms of group identification, normative integration, accumulation of social capital, and symbolic appropriation of the industry are activated. The institutional, socialization, network, symbolic-interactionist, and environmental approaches are substantiated as the most productive. The article proposes methodological principles for empirical research, including a multilevel analytical model, a longitudinal "before/after" design, control groups, a mixed-method strategy, and operationalization of industry identity through cognitive, value-semantic, emotional, and behavioral components. It concludes that an integrative sociological

strategy is needed to connect youth participation in collective labor practices with the dynamics of their industry self-determination.

Keywords: student labor brigades, industry identity, youth, sociological methodology, social institution, professional socialization, collective labor practices, social capital, educational environment, longitudinal research.

References

1. Gnatyuk M.A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Otrasevaya identichnost' kak sotsiologicheskaya kategoriya: granitsy, struktura i institutsional'nye istochniki formirovaniya [Industry identity as a sociological category: boundaries, structure, and institutional sources of formation]. *Sotsiologiya*. 2025;(12):88–93. (In Russ.)
2. Gnatyuk M.A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Obrazovatel'naya sreda otrasevogo universiteta kak faktor formirovaniya otrasevoi identichnosti studentov [The educational environment of an industry university as a factor in the formation of students' industry identity]. *Sovremennoe professional'noe obrazovanie*. 2025;(12):19–23. (In Russ.)
3. Pyrkova M.A. Metodologicheskie osnovaniya formirovaniya otrasevoi identichnosti budushchikh spetsialistov v professional'nom obrazovanii [Methodological foundations for forming industry identity of future specialists in professional education]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;(1(74)):574–579. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1521. (In Russ.)
4. Shneider L.B. Professional'naya identichnost' [Professional identity]. Moscow, 2004. (In Russ.)
5. Klimov E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]. Rostov-on-Don, 1996. (In Russ.)
6. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow, 2001. (In Russ.)
7. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W.G., eds. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986:7–24.
8. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, 1966.
9. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J., ed. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, 1986:241–258.
10. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 1988;94(Suppl.): S95–S120.
11. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, 2000.
12. Fadeev E.I. Dinamika formirovaniya otrasevoi identichnosti studentov vuza, uchastvuyushchikh v sotsial'nom proektirovanii [Dynamics of the formation of industry identity of university students participating in social design]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2025;(8(136)):113–118. (In Russ.)
13. Ryabtsevich A.V., Kiselev M.S., Usov V.N., Gnatyuk M.A., Krotov D.V. *Studencheskie otryady v formirovanii trudovogo vospitaniya i sotsial'nogo kapitala molodezhi Rossii* [Student labor brigades in the formation of labor education and youth social capital in Russia]. Rostov-on-Don, 2018. (In Russ.)
14. Gnatyuk M.A., Usov V.N., Krotov D.V. *Studencheskie otryady kak faktor, obespechivayushchii rost sotsial'nogo kapitala molodezhi* [Student labor brigades as a factor ensuring the growth of youth social capital]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2022;(9):40–43. (In Russ.)
15. Gnatyuk M.A., Krotov D.V., Samygin S.I. *Rossiiskie studencheskie trudovye otryady kak resurs dlya sotsial'no-professional'nogo samoopredeleniya molodezhi* [Russian student labor brigades as a resource for socio-professional self-determination of youth]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2017;(11):31–34. (In Russ.)
16. Kiselev M.S., Krotov D.V., Gnatyuk M.A. *Studencheskie otryady kak sistema trudovogo i patrioticheskogo vospitaniya i samorealizatsii molodezhi* [Student labor brigades as a system of labor and patriotic education and self-realization of youth]. Rostov-on-Don; Taganrog, 2024. (In Russ.)
17. Bespalova A.A., Gnatyuk M.A., Lyuev A. Kh. *Dosug v sisteme trudovoi (professional'noi) adaptatsii rossiiskoi molodezhi (sotsiologicheskii aspekt)* [Leisure in the system of labor (professional) adaptation of Russian youth (a sociological aspect)]. Moscow, 2022. (In Russ.)
18. Garanin M.A., Gnatyuk M.A., Khorovinnikova E.G. *Mission of Samara State Transport University*. BRICS Transport. 2023;2(4).
19. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, 2001. (In Russ.)
20. Volkova S.A. *Obuchenie v vuze kak etap sotsializatsii studentov* [Learning at university as a stage of students' socialization]. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2016;(2(2)):5–7. (In Russ.)

Региональные и социально-экономические факторы выбора образовательного пути молодежью хабаровского края: анализ текущих тенденций

Белоусова Дарья Кирилловна,

студент Тихоокеанского государственного университета
E-mail: 2021100917@togudv.ru

Ковалева Анна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент высшей школы социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: lagrima777@yandex.ru

В статье на основе вторичного анализа статистических данных Росстата, мониторинга приемных кампаний и рынка труда Хабаровского края (2020–2026 гг.) исследуются региональные и социально-экономические детерминанты выбора образовательного пути молодежью. Показано, что устойчивый рост популярности среднего профессионального образования (СПО) при сохранении дефицита кадров в промышленности и транспорте обусловлен не только макроэкономической нестабильностью, но и микроуровневыми ограничениями: модальный доход семьи (37,9 тыс. руб.) делает платную подготовку к ЕГЭ и обучение в вузе малодоступными. Выявлен парадокс миграционной динамики – положительное сальдо в возрасте 15–19 лет сочетается с последующим оттоком выпускников, превращающим край в «образовательного донора». Установлен устойчивый диссонанс между реальными потребностями экономики и ориентацией абитуриентов на «престижные» специальности (юриспруденция, реклама, ГМУ). Обоснована необходимость перехода от конкурентной к интеграционной стратегии взаимодействия вузов и системы СПО.

Ключевые слова: Образовательные траектории молодежи, среднее профессиональное образование (СПО), социально-экономические факторы выбора, престиж профессий, миграционные процессы, структурный дисбаланс рынка труда, высшее образование, доходы семьи, конкуренция вузов и СПО, институциональная интеграция.

Введение

Рост популярности среднего профессионального образования в России (далее – СПО) начал складываться задолго до того, как эта тенденция привлекла внимание средств массовой информации. Данные на рисунке 1 показывают устойчивое превышение численности обучающихся по программам СПО над численностью студентов вузов в Хабаровском крае на протяжении всех последних пяти лет. Если в 2020 году в системе СПО обучалось 25 543 человека, а в вузах – 23 509, то к 2025 году разрыв увеличился до 5 770 человек в пользу СПО (31 549 против 25 779 соответственно) [1], [2].

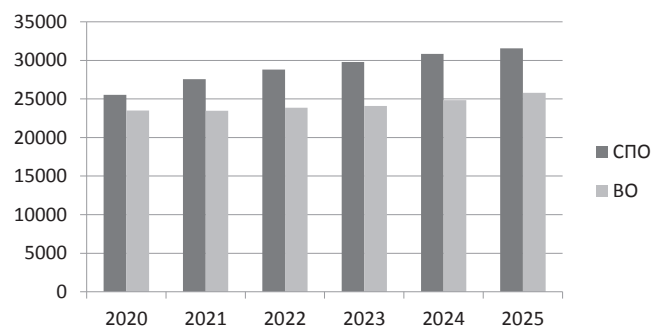

Рис. 1. Динамика численности обучающихся по очной форме программ среднего профессионального и высшего образования в Хабаровском крае (2020–2025 гг.), тыс. человек

Источник: Составлено авторами на основании [1], [2]

Таким образом, в Хабаровском крае сложилось устойчивое структурное лидерство СПО, которое сохраняется и усиливается. Для ТОГУ это означает, что конкуренция идет не только между вузами, но и, в еще большей степени, между высшим и средним профессиональным образованием. Проблема усугубляется растущей потребностью стратегических отраслей в кадрах, которую система СПО пока не закрывает [3]. Одна из ключевых причин устойчивого роста популярности СПО в России заключается в сложившейся экономической ситуации, затрагивающей не только Хабаровский край, но и страну в целом. В условиях макроэкономической нестабильности спрос на квалифицированных специалистов среднего звена возрастает.

Методы

Эмпирическая база включает: 1) данные мониторинга ГИВЦ МИРЭА за 2020–2025 гг. (численность обучающихся по СПО и ВО); 2) статистику Росстата и Хабаровскстата (доходы, возрастная структура, миграция 15–19 лет); 3) данные Комитета по труду и занятости края (безработица, вакансии, перечень востребованных профессий); 4) результаты приемной кампании ТОГУ-2025 и научные публикации по образовательным траекториям.

Процедура анализа включала: дескриптивный анализ временных рядов (динамика численности обучающихся и миграции), структурный анализ вакансий и приема на специальности (выявление диспропорций), сравнительное сопоставление показателей Хабаровского края с общероссийскими данными. Операционализация понятия «молодежь» ограничена возрастной когортой 15–19 лет (этап выбора между СПО и ВО). Ограничения исследования: отсутствие первичных опросов молодежи (выводы о мотивации носят косвенный характер), географическая ограниченность Хабаровским краем, отсутствие анализа трудоустройства выпускников в динамике.

Эмпирический анализ и дискуссия

По данным Министерства экономического развития Хабаровского края, в 2025 году ключевые отрасли демонстрировали положительную динамику: индекс промпроизводства вырос на 18,2%, объем подрядных работ в строительстве – до 118,9% к 2024 году, грузооборот транспорта – до 103,1% [3]

Экономический рост усиливает дефицит кадров. Уровень регистрируемой безработицы в крае снизился с 0,21% (1475 чел.) в начале 2025 года до 0,19% (1332 чел.) в марте 2026 года при 25 тыс. вакансий [4], [5]. На одного безработного приходится ≈20 вакансий, что свидетельствует о структурном дефиците кадров в реальном секторе.

Наличие структурного дефицита подтверждается приказом Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края от 19.02.2025 № 1 «Об утверждении Перечня востребованных профессий, специальностей для профессионального обучения и дополнительного профессионального образования безработных граждан в Хабаровском крае» [6], где перечислены востребованные для края профессии, как раз относящиеся к перечисленным комплексам успехов социально-экономического развития. Количественная и качественная характеристика этого спроса выглядит следующим образом.

Детальный анализ кадровой потребности региона позволяет выделить отрасли с наиболее острым дефицитом специалистов СПО.

1. Промышленность, машиностроение и металлургия. Хабаровский край – лидер ДФО по числу промышленных вакансий (25% в округе); рост промпроизводства (18,5%) увеличивает кадровую потребность [7]. Ключевые работодатели: «Амурский судостроительный завод», «Русолово», «Амурский ГМК», «Амурсталь» [8].

2. Транспорт и логистика (приоритетная отрасль для СПО). 15 колледжей готовят кадры по 11 программам (4115 студентов). Планируемое открытие кластера «Профессионалитет» подтверждает высокий спрос [9].

3. Строительство. В 2026 году откроется профильный кластер «Профессионалитет» [9].

4. ИТ, педагогика и здравоохранение. Пользуются высоким спросом у абитуриентов. В педколледже на 240 бюджетных мест – свыше 500 заявлений; в колледже отраслевых технологий – 700 заявок на ИТ-специальности [10].

Сопоставление потребностей экономики с предпочтениями абитуриентов обнаруживает выраженный диссонанс. Например, в ТОГУ в 2025 году наибольший конкурс был на «Юриспруденцию», «Рекламу и связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление», «Нефтегазовое дело», «Программную инженерию», «Строительство» (см. рисунок 2) [11].

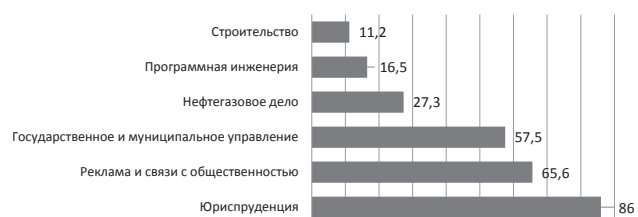

Рис. 2. Рейтинг популярных направлений по поданным заявлениям на место в 2025 году (ТОГУ)

Источник: Составлено авторами на основании [11]

В секторе СПО, по данным новостного портала МК.ru, интерес был к педагогическим специальностям: «Преподавание в начальных классах», «Коррекционная педагогика в начальном образовании» и «Дошкольное образование», а также ИТ-направлениям: «Информационные системы и программирование», «Компьютерные системы и комплексы», «Сетевое и системное администрирование». Кроме того, высокую популярность сохранили технические и транспортные специальности: «Монтаж, наладка и эксплуатация электрооборудования промышленных и гражданских зданий», «Техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств» и «Организация перевозок и управление на транспорте» [12]. Таким образом, создается разрыв между потребностью реального сектора экономики в квалифицированных кадрах и образовательными предпочтениями молодежи, результаты которого мы видим в показателях регистрируемой безработицы края.

Образовательные предпочтения зачастую складываются из-за недостаточной профориентационной работе в школах и вузах, высокой ценности личных интересов над востребованностью рынка труда, а также фактор престижности, который аккумулирует в себе различные представления.

В исследовании [13, С. 136–138] представлений о престижности профессий молодежи Хабаровского края было выявлено, что основными показателями престижа являются в большей части высокий уровень оплаты труда и востребованность на рынке. К престижным профессиям относятся следующие выделенные автором группы: экономико-административные (банкир, бухгалтер, менеджер, директор), креативно-медийные (дизайнер, актер, музыкант, журналист, блогер, маркетолог, переводчик), гражданско-заботные (врачи, учителя), сигово-героический и транспортно-индустриальный (военный, пожарный, летчик, железнодорожник); отдельно выделяются IT-специальности. Высшее образование хабаровская молодежь определяет однозначно престижным, а СПО «воспринимаются как легитимная, но «мягче» маркированная престижем альтернатива» [13, С. 138].

В большей части при определении престижности профессии молодежь руководствуется оценками «востребованность на рынке труда» и «высокий уровень заработной платы», в меньшей степени престиж связывают с «уважением со стороны общества» и «значимостью профессии для региона» [13, С. 136]. Вместе с тем, несмотря на востребованность кадров СПО и планомерный рост числа обучающихся в техникумах и колледжах, их по-прежнему не хватает. Однако объяснение этого парадокса лежит не только в сфере образовательных предпочтений молодежи, но и в миграционной динамике.

Нехватка квалифицированных кадров в значительной степени связана с миграционными процессами. Рассматривая движение населения Хабаровска как главного образовательного центра края, исследователи фиксируют устойчивую закономерность, что после завершения обучения (как в системе СПО, так и в вузах) значительная часть выпускников покидает регион [14, С. 168–169]. Это явление обусловлено гиперконцентрацией человеческого капитала и, как следствие, недостатком высокооплачиваемых рабочих мест в крае: доля городского населения здесь составляет 83,5% (на 1 января 2025 года) при среднероссийском показателе 71,5% [15].

Однако было бы неверно описывать миграционную ситуацию исключительно как негативную. Во-первых, численность молодежи базовой для поступления возрастной категории 15–19 лет в Хабаровском крае за последние годы растет и на 2024 год составляет 71 665 человек – это по-

зитивная демографическая тенденция (см. рисунок 3) [16].

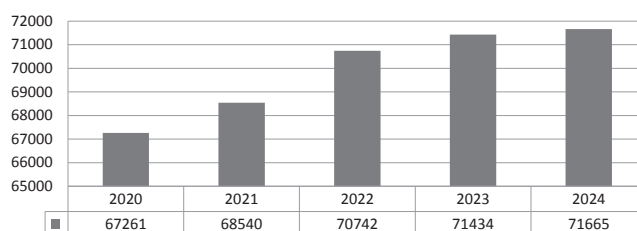

Рис. 3. Численность молодежи Хабаровского края, возраст 15–19

Источник: Составлено автором на основании [16]

Во-вторых, Хабаровск последние несколько лет демонстрирует положительное сальдо межрегиональной миграции именно в этой возрастной группе. Если в 2020 году показатель был незначительно отрицательным (–3 человека), то в 2021–2023 годах он устойчиво положительный: 810, 434 и 245 человек соответственно (см. таблицу 1) [17].

Таблица 1. Миграционный прирост г. Хабаровск, возраст 15–19

2020	2021	2022	2023
-3	810	434	245

Источник: Составлено авторами на основании [17]

Это подтверждает роль Хабаровска как притягательного образовательного центра, куда молодежь из других субъектов приезжает для получения, как среднего, так и высшего профессионального образования.

Таким образом, демографическая ситуация в регионе не является односторонне негативной: наряду с проблемой оттока квалифицированных кадров существует устойчивый встречный поток абитуриентов.

Тем не менее, сам по себе приток абитуриентов не закрывает потребности экономики региона, необходима целенаправленная политика по удержанию и подготовке кадров внутри края. Именно поэтому государство сегодня активно развивает систему СПО, в том числе через федеральные и региональные механизмы. Для решения проблемы нехватки кадров со средним специальным образованием, государство предпринимает меры, которые обеспечивают стабильность развития программ СПО.

Во-первых, это федеральная программа «Профессионалитет», которая предполагает сокращенные и интенсивные программы обучения, адаптированные под нужды конкретной отрасли или региона с реальными гарантиями трудоустройства. Получить специальность и вступить в трудовую жизнь молодежь сможет в самые короткие сроки: на обучение рабочим профессиям в среднем требуется 1 год и 10 месяцев, а на технические специальности – обычно 2 года и 10 месяцев. В Хаба-

ровском крае по данным на 2025 год в рамках этого федерального проекта обучается 18327 человек.

Во-вторых, на региональном уровне в государственной программе «Развитие образования в Хабаровском крае» приоритет отдается развитию образовательной инфраструктуры, которая обеспечивает удержание молодежи в регионе; повышению качества профессионального образования, а также выявлению талантов и профессиональную ориентацию детей и молодежи.

Таким образом, государство вкладывает ресурсы в развитие необходимых для страны кадров, поднимая престиж и значимость СПО, что создает конкурентную основу для высшего образования.

Помимо реальной востребованности на рынке труда, выбор СПО продиктован и социальными факторами, которые характеризуют в целом общероссийские образовательные тенденции. Наиболее подробно эти факторы рассмотрены в исследовании НИУ ВШЭ «Образовательные траектории детей и молодежи: мотивация и выбор». В работе использованы данные опросов домохозяйств, проведенных в рамках Мониторинга экономики образования. Результаты показали, что решающую роль при выборе образовательной траектории играют уровень дохода семьи, место проживания и обучение в школах с углубленной подготовкой. Напротив, ограниченные материальные возможности, жизнь в небольших населенных пунктах или регионах с активным оттоком молодежи, а также обучение в обычных школах чаще приводят к выбору СПО [18, С. 83]. В Хабаровском крае эти общероссийские тенденции не просто прослеживаются, а усиливаются под воздействием специфической структуры доходов населения.

По данным Росстата за 2025 год, среднедушевой денежный доход в крае составляет 79 559 рублей, что выводит регион на 11-е место в России. Однако эта средняя величина не отражает реального положения большинства семей: она значительно смещена за счет высоких доходов относительно небольшой группы населения. Более показательным является модальный среднедушевой доход – наиболее часто встречающееся значение, которое в Хабаровском крае равно 37 932 рублям (лишь 47,7% от среднего). Ниже этой отметки находятся 21,1% жителей. Кроме того, за чертой бедности (21 890 рублей) проживает 6,9% населения (см. таблицу 2) [19]. Таким образом, значительная часть семей края располагает скромными финансовыми ресурсами.

Именно эта финансовая поляризация делает среднее профессиональное образование закономерным, а для многих является единственным реалистичным выбором. Поступление в колледж или техникум требует лишь аттестата и не предполагает изнурительной подготовки к ЕГЭ с привлечением платных репетиторов, в отличие от значи-

тельно более дорогих и требующих долгой подготовки программ вузов.

Таблица 2. Показатели денежных доходов Хабаровского края за 2025 год

Показатель	Значение
Среднедушевой доход (руб/мес)	79 559
Модальный доход (руб/мес)	37 933
Соотношение моды к среднему (%)	47,7
Граница бедности (руб/мес)	21 890
Доля населения ниже моды (%)	21,1
Доля за чертой бедности (%)	6,9

Источник: Составлено авторами на основании [19]

Помимо финансовых ограничений, на выбор образовательного пути влияет и социальное окружение. Если в семье преобладает убеждение, что образование не имеет смысла, подростки часто формируют негативное отношение к профессиональному развитию.

Таким образом, на выбор образовательной траектории оказывают влияние финансовые возможности семьи абитуриента, место проживания, отношение в семье, окружение, личные интересы, представления о престижности, но в большей степени экономическая востребованность в ряде профессий, которую активно поддерживает государство, тем самым влияя на выбор. В современных социально-экономических условиях попытки стимулирования школьников к поступлению в вузы посредством убеждения представляются малоэффективными. Высшее образование постепенно приобретает черты элитарности, обеспечивая доступ преимущественно к управленческим позициям и наукоемким сферам деятельности, что во многом определяет сохраняющийся уровень его престижности.

Заключение

Проведенный анализ региональных и социально-экономических факторов выбора образовательного пути молодежью Хабаровского края позволяет сделать несколько обоснованных выводов, которые в совокупности раскрывают природу сохраняющегося дисбаланса между кадровыми потребностями экономики и реальными предпочтениями абитуриентов.

Прежде всего, исследование подтвердило, что рост популярности среднего профессионального образования в Хабаровском крае является не временной конъюнктурой, а устойчивым структурным трендом, обусловленным тремя разнонаправленными силами. Во-первых, это экономические ограничения семей: при модальном среднедушевом доходе 37 932,9 рубля и доле населения ниже этой

отметки в 21,1% среднее профессиональное образование оказывается финансово более доступным путем, не требующим изнурительной подготовки к ЕГЭ с платными репетиторами. Во-вторых, миграционная динамика парадоксальна: положительное сальдо в группе 15–19 лет (810, 434, 245 человек в 2021–2023 гг.) сочетается с последующим оттоком выпускников, превращая Хабаровск в «образовательного донора». В-третьих, активная государственная поддержка системы СПО через федеральные программы «Профессионалитет» и региональные инициативы создает институциональные условия для дальнейшего роста привлекательности профессионального образования.

Ключевым выводом исследования является установление устойчивого разрыва между реальной потребностью экономики Хабаровского края и образовательными предпочтениями молодежи. С одной стороны, промышленность, транспорт, строительство, металлургия и логистика испытывают острый кадровый дефицит, что подтверждается рекордно низким уровнем регистрируемой безработицы (0,19% при 25 тысячах заявленных вакансий) и структурой перечня востребованных профессий, утвержденного региональным комитетом по труду. С другой стороны, абитуриенты сохраняют устойчивый интерес к направлениям «Юриспруденция», «Реклама и связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление» – специальностям, чья востребованность на локальном рынке труда существенно ниже. Даже в секторе СПО, несмотря на растущую популярность педагогических и IT-специальностей, сохраняется дисбаланс между предпочтениями поступающих и насущными потребностями промышленных предприятий края.

Объяснение этого парадокса лежит не только в плоскости недостаточной профориентационной работы, но и в устойчивых социальных представлениях о престижности профессий. Как показало исследование Перепечай, хабаровская молодежь связывает престиж, прежде всего, с высоким уровнем заработной платы и востребованностью на рынке труда, однако эти рациональные критерии парадоксальным образом сочетаются с выбором специальностей, не входящих в число наиболее дефицитных. Высшее образование по-прежнему однозначно маркируется как престижное, тогда как среднее профессиональное образование воспринимается как «легитимная, но более мягкая альтернатива». Эта символическая иерархия оказывается исключительно устойчивой и не может быть преодолена простым информированием о вакансиях.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, какие стратегии могут быть эффективны для вышних учебных заведений, оказавшихся в ситуации конкуренции с системой СПО. Анализ успешных практик Санкт-Петербургского государственного

университета аэрокосмического приборостроения, Калининградского государственного технического университета и Нижегородского государственного инженерно-экономического университета показывает, что стратегия прямого соперничества за количество бюджетных мест является заведомо проигрышной. В условиях, когда разрыв между СПО и ВО не сокращается, а увеличивается, высшим учебным заведениям необходима не конкурентная, а интеграционная стратегия.

Вместе с тем снижение конкуренции за абитуриентов требует переориентации стратегии вузов: вместо соперничества с системой СПО целесообразно развивать формы институционального взаимодействия и интеграции. Анализ успешных практик российских университетов (СПбГУАП, КГТУ, НГИЭУ) показывает, что интеграционные модели позволяют выстраивать непрерывные образовательные траектории «СПО – бакалавриат», вовлекать студентов колледжей в проектную и научную деятельность, а также формировать единое коммуникативное пространство с работодателями в рамках отраслевых кластеров [20]. Практика подтверждает, что такие модели способствуют формированию устойчивых образовательных траекторий и повышению качества подготовки кадров.

На основе проведенного анализа для Тихоокеанского государственного университета могут быть предложены следующие практические ориентиры. Вместо конкуренции с колледжами и техникумами целесообразно развивать формы институциональной интеграции, включая создание собственного факультета среднего профессионального образования по наиболее востребованным в регионе направлениям («Монтаж и наладка электрооборудования», «Сетевое и системное администрирование», педагогические специальности). Необходимо обеспечить бесшовный переход выпускников СПО на ускоренные программы бакалавриата с перезачетом практических модулей, а также вовлечь студентов профессионального образования в научную и проектную деятельность университета наравне с вузовскими обучающимися. Кроме того, требуется пересмотреть маркетинговую стратегию: сместить акцент с абстрактного перечня направлений подготовки на конкретные привязки к работодателям края («Амурский судостроительный завод», «Русолово», «Амурсталь», транспортные предприятия), а также создать открытый рейтинг трудоустройства и заработных плат по каждому направлению в разрезе первых лет после выпуска. Наконец, важнейшим элементом удерживающей политики должно стать развитие системы целевого обучения с трехсторонними договорами и введение модуля «Региональная карьера», в рамках которого действующие руководители предприятий края будут лично отбирать стажеров.

Завершая, необходимо отметить ограничения проведенного исследования. Оно выполнено на основе вторичного анализа статистических данных и опубликованных источников и не включает первичных опросов самой молодежи 15–19 лет, что не позволяет надежно реконструировать субъективные мотивы выбора. Дальнейшие этапы работы предполагают проведение полуструктурированных интервью с учащимися 9–11 классов школ Хабаровска и края, анкетирование студентов первых курсов колледжей и университетов о факторах, повлиявших на их образовательное решение. Тем не менее, даже на текущем этапе можно утверждать, что ситуация в Хабаровском крае отражает общероссийский тренд роста популярности среднего профессионального образования, но с ярко выраженной региональной спецификой – высокой миграционной подвижностью, структурным дисбалансом рынка труда и устойчивостью символических иерархий престижа профессий. В этих условиях стратегия интеграции высшего и среднего профессионального образования становится не просто желательной, а необходимой для сохранения роли университета как реального драйвера кадрового развития региона.

Литература

1. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга качества подготовки кадров. Характеристика системы СПО в Российской Федерации [Электронный ресурс] // МИРЭА – Российский технологический университет. Главный информационно-вычислительный центр. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo> (дата обращения: 06.05.2026).
2. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] // МИРЭА – Российский технологический университет. Главный информационно-вычислительный центр. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 06.05.2026).
3. Информация об итогах социально-экономического развития за январь-декабрь 2025 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Хабаровского края. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/O-socialno-ekonomicheskoy-razvitiy-kraya> (дата обращения: 06.05.2026).
4. Рынок труда: 27 декабря 2024 г. – 10 января 2025 г. [Электронный ресурс] // Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. URL: <https://sz27.ru/Documents/Detail/b9d-594bc-f60c-4909-a2d2-2c71eee87dfa/> (дата обращения: 06.05.2026).
5. Рынок труда: 21 марта – 27 марта 2026 г. [Электронный ресурс] // Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. URL: <https://sz27.ru/Documents/Detail/e93d-8cd1-82bc-4b82-a98a-6c05ea77e52a/> (дата обращения: 06.05.2026).
6. Приказ Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края от 19.02.2025 № 19 «Об утверждении Перечня востребованных профессий, специальностей для профессионального обучения и дополнительного профессионального образования безработных граждан в Хабаровском крае» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2701202502240001?index=6> (дата обращения: 06.05.2026).
7. Хабаровский край стал лидером ДФО по числу открытых промышленных вакансий [Электронный ресурс] // РБК. Приморский край. URL: https://prim.rbc.ru/prim/15/12/2025/693fb10e-9a7947b4d4d1859f?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 09.05.2026).
8. Профессионалы из других регионов страны трудоустраиваются на предприятия Хабаровского края [Электронный ресурс] // Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. URL: <https://sz27.ru/News/Detail/1e00fad4-75ed-4888-9265-6957a43e7812> (дата обращения: 09.05.2026).
9. Лукьянов А. Хабаровский край готовит востребованные кадры для транспортной отрасли [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. НАВ.AIF.RU. Хабаровск. URL: <https://hab.aif.ru/society/habarovskiy-kray-gotovit-vostrebovannye-kadry-dlya-transportnoy-otrasli> (дата обращения: 09.05.2026).
10. Иконикова В. Более 12 тысяч заявлений подано в колледжи и техникумы Хабаровского края [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. НАВ.KP.RU. Хабаровск. URL: <https://www.hab.kp.ru/online/news/6486132/> (дата обращения: 09.05.2026).
11. Статистика поданных заявлений ТОГУ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ТОГУ. URL: https://togudv.ru/abitur_stat/?year=2025 (дата обращения: 06.05.2026).
12. В Хабаровском крае продолжается приемная кампания в учреждения среднего профобразования [Электронный ресурс] // МК RU Хабаровск. URL: <https://hab.mk.ru/social/2025/07/16/v-khabarovskom-krae-prodolzhaetsya-priyomnaya-kampaniya-v-uchrezhdeniya->

- srednego-profobrazovaniya.html (дата обращения: 06.05.2026).
13. Перепечай, П.Э. Социальные представления молодежи Хабаровского края о престижности профессий // *Власть и управление на Востоке России*. 2025. № 3 (112). С. 133–141.
 14. Ковалева, А.В., Белоусова, Д.К. Миграция молодежи Дальнего Востока: Хабаровск // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: экономика и право. 2025. № 4. С. 167–172.
 15. Доля городского населения в общей численности населения на 1 января [Электронный ресурс] // *Витрина статданных Росстата*. URL: <https://clcl.io/TFAQ> (дата обращения: 06.05.2026).
 16. Численность и состав населения: Распределение населения по возрастным группам (Динамика) [Электронный ресурс] // *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028> (дата обращения: 09.05.2026).
 17. Миграционный прирост г. Хабаровск (возраст 15–19) [Электронный ресурс] // *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst08/DBInet.cgi> (дата обращения: 09.05.2026).
 18. Шугаль, Н.Б. Образовательные траектории детей и молодежи: мотивация и выбор / Н.Б. Шугаль, Т.А. Варламова; под науч. ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 95 с.
 19. Средний и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2025 год [Электронный ресурс] // *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 09.05.2026).
 20. Профессионалитет и университет: вопрос «Зачем это вузам нужно?» уже не стоит [Электронный ресурс] // *Аккредитация в образовании. Информационно-аналитический журнал*. URL: <https://akvobr.ru/new/publications/457> (дата обращения: 06.05.2026).

REGIONAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS IN THE EDUCATIONAL PATH CHOICES OF YOUTH IN Khabarovsk Krai: An Analysis of Current Trends

Belousova D.K., Kovaleva A.V.
Pacific National University

Based on a secondary analysis of statistical data from Rosstat, monitoring of admission campaigns, and the labor market of Khabarovsk Krai (2020–2026), this article examines the regional and socio-economic determinants of educational path choices among youth. It is shown that the steady growth in popularity of secondary vocational education (SVE), despite the persistent shortage of personnel in industry and transport, is driven not only by macroeconomic instability but also by micro-level constraints: the modal family income (37.9 thousand rubles) makes paid preparation for the Unified State Exam and university education largely unaffordable. A paradox of migration dynamics is revealed – a positive net migration at the age of 15–19 is combined with the subsequent outflow of graduates, turning the region into an «educational donor». A persistent dissonance is identified between the actual needs of the economy and applicants' orientation toward «prestigious» specialties (law, advertising, public administration). The necessity of transitioning from a competitive to an integrative strategy of interaction between universities and the SVE system is substantiated.

Keywords: educational trajectories of youth, secondary vocational education (SVE), socio-economic factors of choice, prestige of professions, migration processes, structural labor market imbalance, higher education, family income, university-SVE competition, institutional integration.

References

1. MIREA – Russian Technological University, Main Information and Computing Center. (2026). Information and analytical materials on the results of monitoring the quality of personnel training. Characteristics of the vocational education (SPO) system in the Russian Federation. Retrieved May 6, 2026, from <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spe>
2. MIREA – Russian Technological University, Main Information and Computing Center. (2026). Information and analytical materials on the results of monitoring the activities of educational institutions of higher education. Retrieved May 6, 2026, from <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>
3. Ministry of Economic Development of Khabarovsk Krai. (2026). Information on the results of socio-economic development for January-December 2025. Retrieved May 6, 2026, from <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/O-socialno-ekonomicheskom-razviti-i-kraya>
4. Interactive Portal of the Committee on Labor and Employment of the Government of Khabarovsk Krai. (2025). Labor market: December 27, 2024 – January 10, 2025. Retrieved May 6, 2026, from <https://sz27.ru/Documents/Detail/b9d-594bc-f60c-4909-a2d2-2c71eee87dfa/>
5. Interactive Portal of the Committee on Labor and Employment of the Government of Khabarovsk Krai. (2026). Labor market: March 21 – March 27, 2026. Retrieved May 6, 2026, from <https://sz27.ru/Documents/Detail/e93d8cd1-82bc-4b82-a98a-6c05e-a77e52a/>
6. Official Internet Portal of Legal Information. (2025). Order of the Committee on Labor and Employment of the Government of Khabarovsk Krai dated February 19, 2025 No. 19 «On approval of the List of in-demand professions and specializations for vocational training and additional vocational education of unemployed citizens in Khabarovsk Krai». Retrieved May 6, 2026, from <http://publication.pravo.gov.ru/document/2701202502240001?-index=6>
7. RBC Primorsky Krai. (2025, December 15). Khabarovsk Krai became the leader in the Far Eastern Federal District in the number of open industrial vacancies. Retrieved May 9, 2026, from <https://prim.rbc.ru/prim/15/12/2025/693fb10e9a7947b-4d4d1859f>
8. Interactive Portal of the Committee on Labor and Employment of the Government of Khabarovsk Krai. (2026). Professionals from other regions of the country find employment at enterprises in Khabarovsk Krai. Retrieved May 9, 2026, from <https://sz27.ru/News/Detail/1e00fad4-75ed-4888-9265-6957a43e7812>
9. Lukyanov, A. (2026, May 9). Khabarovsk Krai trains in-demand personnel for the transport industry. Arguments and Facts (HAB. AIF.RU), Khabarovsk. Retrieved May 9, 2026, from <https://hab.>

- aif.ru/society/habarovskiy-kray-gotovit-vostrebovannye-kadry-dlya-transportnoy-otrasli
10. Ikonikova, V. (2026, May 9). More than 12,000 applications submitted to colleges and technical schools of Khabarovsk Krai. *Komsomolskaya Pravda (HAB.KP.RU)*, Khabarovsk. Retrieved May 9, 2026, from <https://www.hab.kp.ru/online/news/6486132/>
 11. Pacific National University (TOGU). (2025). Statistics of submitted applications to TOGU. Retrieved May 6, 2026, from https://togudv.ru/abitur_stat/?year=2025
 12. MK RU Khabarovsk. (2025, July 16). The admission campaign to vocational secondary education institutions continues in Khabarovsk Krai. Retrieved May 6, 2026, from <https://hab.mk.ru/social/2025/07/16/v-khabarovskom-krae-prodolzhaetsya-priyomnaya-kampaniya-v-uchrezhdeniya-srednego-profobrazovaniya.html>
 13. Perepechay, P. E. (2025). Social representations of the youth of Khabarovsk Krai about the prestige of professions. *Power and Administration in the East of Russia*, (3)112, 133–141.
 14. Kovaleva, A. V., & Belousova, D. K. (2025). Migration of youth of the Far East: Khabarovsk. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, (4), 167–172. doi:10.37882/2223-2974.2025.04.14
 15. Federal State Statistics Service (Rosstat), Data Visualization Portal. (2026). Share of urban population in the total population as of January 1. Retrieved May 6, 2026, from <https://clc.li/oT-FAQ>
 16. Federal State Statistics Service for Khabarovsk Krai, Magadan Oblast, Jewish Autonomous Oblast, and Chukotka Autonomous Okrug. (2026). Population size and composition: Distribution of population by age groups (Dynamics). Retrieved May 9, 2026, from <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028>
 17. Federal State Statistics Service (Rosstat). (2026). Migration increase in Khabarovsk (age 15–19). Retrieved May 9, 2026, from <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst08/DBInet.cgi>
 18. Shugal, N. B., & Varlamova, T. A. (2024). Educational trajectories of children and youth: Motivation and choice (L.M. Gokhberg, Ed.). Moscow: HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge. ISBN 978-5-7598-3018-4.
 19. Federal State Statistics Service for Khabarovsk Krai, Magadan Oblast, Jewish Autonomous Oblast, and Chukotka Autonomous Okrug. (2025). Average and modal levels of monetary income of the population in Russia as a whole and in the constituent entities of the Russian Federation for 2025. Retrieved May 9, 2026, from <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
 20. Accreditation in Education. (2026). Professionalitet and the university: The question «Why do universities need this?» is no longer relevant. Retrieved May 6, 2026, from <https://akvobr.ru/new/publications/457>

Цифровой след как инструмент социального контроля в современном китайском обществе

Бухтиярова Ирина Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: irina_bukhtiarova@mail.ru

В условиях глобального процесса цифровизации экономические и коммуникационные практики преобразуются, создавая новую технологическую инфраструктуру для осуществления социального контроля. В современном китайском обществе ключевым инструментом социального контроля выступает феномен цифрового следа. На примере системы социального кредита и других технологий в статье раскрывается идея повсеместного сбора и алгоритмической обработки данных для управления поведением граждан, предприятий и государственных органов. Современные цифровые технологии формируют также и новые социальные практики, порождают цифровое неравенство и трансформируют традиционные понятия приватности и доверия. Можно говорить о реализации в Китае уникальной модели «технологического» или «мягкого авторитаризма», когда добровольное участие граждан в цифровых сервисах влечет за собой массовое наблюдение, контроль и управление. Данная трансформация имеет глубокие социологические последствия, влияющие на природу власти, границы свободы и основы социального порядка в XXI веке.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой след, социальный контроль, система социального кредита, большие данные, китайское общество.

Введение

В эпоху цифровой трансформации общества цифровые технологии всё глубже внедряются в управление обществом, а анализ цифровых следов становится основным инструментом в этом направлении. Современное информационное общество характеризуется массовой генерацией данных, которая порождает и новый режим управления, в котором традиционные дисциплинарные институты дополняются, а иногда и замещаются, системами цифрового надзора [13]. Преобразуется и формат социального контроля, заменяя прямое принуждение неочевидным для человека управлением поведением через сбор, анализ и использование цифрового следа, представляющего собой совокупность данных, добровольно или автоматически оставляемых людьми в цифровой среде.

Китайская Народная Республика представляет собой наиболее масштабный пример реализации подобного механизма, превращая цифровой след из пассивного отражения активности в активный инструмент социальной инженерии. На основе современных технологий (искусственного интеллекта, анализа больших данных, систем распознавания лиц и пр.) создается особая система социального контроля, одним из ключевых инструментов которого является проект «социального кредита». Он формирует цифровой рейтинг граждан, оценивая их по разнообразным параметрам – от финансовых обязательств до участия в общественной жизни. Этот рейтинг влияет на возможности человека в разных сферах: путешествия, кредиты, образование. Китай активно применяет интеллектуальное видеонаблюдение и интернет-контроль, ограничивая доступ к внешним источникам информации и обеспечивая государственную цензуру и фильтрацию контента для пользователей. Для многих китайцев такая система воспринимается как обеспечение стабильности и безопасности. Тем не менее, международное сообщество видит в этом угрозу приватности и индивидуальным свободам. Таким образом, цифровые технологии в Китае стали не просто инструментом развития, но и мощным средством управления и социального контроля, в котором особую роль занимает вопрос личной свободы граждан.

Изучение китайского опыта позволяет проанализировать, как сочетание передовых технологий

с особыми политико-культурными условиями создают новую форму социального контроля – «постдисциплинарную» [18] или «алгоритмическую» [8] систему управления, и как идея «паноптикума» Фуко материализуется в форме «умных городов», систем социального рейтинга и интегрированных платформ, где наблюдение становится элементом участия в социальной и экономической жизни общества.

Материалы и методы

Вопросы, затрагивающие социальный контроль в цифровую эпоху и его последствия для индивидов, общества и государства, представляют научный интерес и в последнее время активно изучаются разными учеными. Понятие «социальный контроль», интерпретируемое Г. Тардом как действие через законы подражания, побуждающие к социально одобряемому поведению индивидов, Э. Росс и Р. Парк интерпретировали социальный порядок как паритет между социальными ожиданиями общества и возможностями поведения «естественного человека», действия которого нуждаются в надзоре и корректирующем влиянии как правовых институтов, так и общественного мнения. [5]

Современные исследования цифрового следа как инструмента социального контроля опираются на теоретические и эмпирические исследования, проводимые учеными в области социологии, кибернетики и политических наук. Значительный вклад в понимание роли цифровых данных в управлении обществом внесли зарубежные исследователи, такие как Ш. Зубофф [8], разработавшая концепцию «сюрвейелланс-капитализма», и М. Кастельс, проанализировавший трансформацию власти в условиях цифровизации [9]. Особое значение для изучения китайской модели социального контроля имеют работы западных синологов. Труды Р. Кримерса и Дж. Зенг, систематизировавших принципы функционирования системы социального рейтинга и цифрового управления, заложили методологическую основу для анализа цифрового следа как инструмента власти [18]. В китайской научной традиции ключевую роль играют исследования Ян Юйчао [16], обосновавшего связь между сбором цифровых данных и повышением эффективности государственной политики, а также коллективная монография под редакцией Сюн Вэньци [23], где анализируются алгоритмические методы прогнозирования социальных рисков. Эмпирический аспект проблемы раскрывается в работах международных организаций. Доклад Freedom House [19] и исследование Human Rights Watch [20] содержат анализ внедрения биометрических систем в городскую инфраструктуру и механизмов регулирования онлайн-поведения.

Результаты и обсуждение

Цифровой след представляет собой совокупность данных, которые создаются в процессе взаимодействия человека с цифровыми технологиями и онлайн-платформами. Согласно определению Д. Лайона, цифровой след – это «непрерывная запись онлайн-активности, формирующая цифровую биографию личности, которая может быть использована для прогнозирования и контроля поведения» [11]. Этот след включает информацию о поведении, предпочтениях, интересах и социальных взаимодействиях пользователя, фиксируемую в процессе его активности в интернете. От поисковых запросов до «лайков» в социальных сетях – каждый шаг пользователя формирует уникальный цифровой профиль, анализируемый алгоритмами и институтами.

Современное общество, по выражению М. Кастельса, переживает переход к «сетевому обществу» (network society), где власть определяется доступом к информационным потокам [9]. Технологии становятся инфраструктурной основой социальных процессов: платформы и алгоритмы создают «гибридную реальность», стирая границы между онлайн- и офлайн-мирами. Данные превращаются в ключевой ресурс, а их сбор и анализ перераспределяют власть между государством, корпорациями и индивидами. М. Кастельс вводит понятие «пространства потоков» (space of flows) – новой организации социальных взаимодействий, где физическое пространство замещается цифровыми сетями. Цифровой след, по его мнению, является «сырьем» для программирования этих потоков, а алгоритмы платформ – «новыми институтами власти» [9]. Цифровой след становится важным объектом социологического исследования, поскольку он затрагивает многие аспекты современной жизни, такие как идентичность, приватность, социальная стратификация, контроль и влияние.

В условиях цифровизации большая часть человеческой активности происходит в виртуальном пространстве, и цифровой след начинает играть значительную роль в определении личной идентичности. Он становится частью того, как человек воспринимает себя и как воспринимается другими, что влияет на его самоопределение и взаимодействие с окружающим миром. Как отмечает Э. Гидденс, в цифровую эпоху идентичность становится «рефлексивным проектом», конструируемым через взаимодействие с технологиями. [2] Одним из наиболее острых вопросов, связанных с цифровым следом, является защита личных данных и конфиденциальности. В условиях всеобъемлющего сбора данных на разных уровнях (от социальных сетей до коммерческих сервисов), пользователь теряет контроль над своими данными, что порождает угрозы нарушения приватности и потенциальные злоупотребления.

По мнению О.В. Гавриленко, «цифровые платформы, владея неограниченным объемом информации о нас, становятся главной инстанцией социального контроля в цифровом мире.» [1]

Цифровой след все больше становится инструментом контроля и манипуляции. Сбор данных о пользователях позволяет государствам, корпорациям и другим организациям использовать эту информацию для разработки таргетированной рекламы, формирования общественного мнения, а также для анализа и прогнозирования поведения пользователей. Алгоритмы, использующие цифровой след, могут влиять на поведение человека, ограничивая его выбор и воздействуя на предпочтения через персонализированные предложения и рекомендации. В социологии концепция цифрового следа рассматривается как ключевой аспект «цифровой идентичности». Как отмечает Ш.Зубофф, цифровая идентичность – это «зеркало, в котором отражаются не только действия пользователя, но и его социальные роли, навязанные алгоритмической логикой наблюдения» [8]. Она формируется через явные процессы (создание профилей в социальных сетях) и скрытые метаданные (геолокация, история браузера), становясь инструментом как саморепрезентации, так и внешнего контроля.

Цифровой след также приобретает особое значение в контексте развития общества и изменения способов общения и взаимодействия. В современном мире цифровые платформы становятся основными каналами для социальных связей, профессиональных контактов и самоидентификации. Изменяется сама концепция общения – оно становится более доступным, глобальным и многогранным, но в то же время более подверженным рискам манипуляции, анонимности и злоупотреблений, что ведет к трансформации способов взаимодействия и самоопределения. Цифровой след становится важным индикатором того, как личность проявляется в цифровом мире, как она строит свою публичную идентичность и как взаимодействует с глобальными процессами.

Цифровой след представляет собой не просто набор данных, а важный элемент современного социального мира, который затрагивает вопросы свободы, контроля, идентичности и социальных связей. Цифровые следы современными исследователями [8] разделяются на две категории: активные данные – информация, сознательно предоставляемая пользователем (публикации в социальных сетях, заполнение онлайн-форм при регистрации на государственных порталах, электронные подписи и согласия на обработку данных) и пассивные данные – автоматически собираемые метаданные (геолокация, история поисковых запросов, паттерны потребления и пр.). Эта классификация демонстрирует, как даже непреднамеренные действия пользователя становятся ресурсом

для социального контроля. Именно пассивные следы, часто невидимые и непонятные для пользователя, становятся основой для анализа и формирования поведенческих профилей.

Инструменты анализа цифровых следов опираются на ключевые технологии: большие данные, являющиеся по определению В.Майер-Шёнбергера «способом анализа реальности через экскайбаты неструктурированной информации, выявляющей скрытые паттерны» [27]; искусственный интеллект, использующий прогнозирование поведения на основе имеющихся данных, и, по мнению К.Кроуфорд, представляющий «архитектуру предубеждений» [28], воспроизводящую социальные неравенства через алгоритмы; интернет вещей, названный социологом Н.Негропonte «цифровой нервной системой планеты» [29], где каждое устройство становится датчиком слежения.

Цифровой след трансформирует и традиционные механизмы власти. Как отмечает Д.Лайон, технологии наблюдения создают «цифровой паноптикум», который представляет собой современную форму контроля, основанную на использовании технологий для которых граждане добровольно участвуют в саморегуляции [21]. М.Кастельс дополняет эту идею, утверждая, что в сетевом обществе «власть реализуется через контроль над коммуникационными кодами» [9]. Например, алгоритмы социальных сетей, фильтрующие контент, становятся механизмом формирования «допустимых» идентичностей и поведения. Концепция паноптикума, предложенная М.Фуко, описывает архитектуру власти, основанную на постоянном наблюдении, где поднадзорные усваивают контроль и его формы, корректируя поведение из страха быть увиденными [14].

В цифровую эпоху технологии, используемые для повсеместного наблюдения, становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. Одним из ярких примеров таких технологий являются системы распознавания лиц, активно внедряемые в различных странах, включая Китай. Это не только помогает следить за людьми, но и представляет собой инструмент подавления и контроля. Современные технологии активно интегрируют данные из различных источников: социальных сетей, мобильных приложений, финансовых транзакций. В Китае платформы вроде WeChat и Alipay позволяют собрать детализированные и обобщенные профили пользователей, охватывающие их социальные связи, финансовые привычки, местоположение и предпочтения. Подобная интеграция данных создает полноценный профиль каждого гражданина, который становится доступным для анализа и контроля, тем самым усиливая возможности наблюдения и манипулирования общественным мнением.

Люди добровольно предоставляют свои данные, зачастую не осознавая всей глубины послед-

ствий. Например, в период пандемии COVID-19 китайские граждане использовали медицинские QR-коды, которые регистрировали их передвижения, контакты и статус здоровья. Эти данные часто собирались через ежедневно используемые платформы, например, мобильные приложения для оплаты или записи на прием к врачу. Такой процесс Ш.Зубофф называет парадоксом «согласия под принуждением» [8].

Еще одним важным аспектом цифрового контроля является использование рейтинговых систем для контроля над поведением граждан. Ярким примером является китайская система социального кредита, представляющая рейтинг граждан, влияющая на их социальный статус, возможности трудоустройства, получение кредита и даже доступ к некоторым социальным благам [3]. Китайская Система социального кредита, запущенная в 2014 году, представляет собой комплексную платформу для оценки «социальной надежности» граждан, предприятий и государственных органов. Ее структура включает три основных уровня: индивидуальный (оценка физических лиц на основе финансовой дисциплины, соблюдения законов и социального поведения), корпоративный (контроль за предприятиями через анализ налоговых выплат, экологического соответствия и качества продукции) и государственный (мониторинг эффективности государственных учреждений и чиновников). Цели системы закреплены в документе Госсовета КНР «План развития социального кредита (2014–2020)»: укрепление социального доверия, борьба с мошенничеством и коррупцией, создание «гармоничного общества» через алгоритмическое управление [25]. Данная система опирается на сложную технологическую инфраструктуру, объединяющую государственные и частные ресурсы и включает три ключевых компонента: распознавание лиц, платформы анализа данных и интеграцию интернета вещей.

Китай является мировым лидером по плотности камер видеонаблюдения, объединенных в общенациональные сети «Небесный Глаз» (Skynet) и «Чистые Лучи» (Sharp Eyes). В Синьцзяне, установлено более 4 млн камер с ИИ-распознаванием, способных идентифицировать человека за 3 секунды. В Шэньчжэне система Safe City в автоматическом режиме анализирует «подозрительное поведение» (например, длительное нахождение у правительственных зданий). Их использование регламентируется законодательной базой – закон КНР «О кибербезопасности» (2017) закрепляет принцип киберсуверенитета, обязывая «критически важные данные» хранить на серверах в Китае и требовать от компаний предоставлять данные по запросам правоохранительных органов, закон «О безопасности сетей и данных» (2021) [7] разрешает сбор биометрических данных для «национальной безопасности», а Национальный стан-

дарт GB/T 35273–2020 регламентирует хранение и обработку личной информации [24].

Государственная платформа социального кредита агрегирует данные из более чем 200 источников: судебные базы, банки, больницы, платформы электронной коммерции, транспортные приложения.

В цифровом обществе упреждающий контроль становится важным инструментом, не только для оценивания поведения людей в момент совершения действия, но и предварительного прогнозирования. Это позволяет осуществлять контроль не только за настоящим, но и за возможным будущим поведением, а цифровые алгоритмы анализируют цифровые следы граждан с целью предсказать их будущие действия и вмешаться еще до того, как потенциальные правонарушения будут совершены. Алгоритмы предиктивной аналитики используются не только для оценки кредитоспособности китайских граждан, но и для прогнозирования «рискового» поведения. Например, в Гуйяне система Predictive Policing анализирует цифровые следы для предсказания вероятности совершения преступления конкретным лицом. Платформа «Золотой щит» (Golden Shield), созданная в 1998 году для контроля интернет-трафика, объединяет данные из социальных сетей, банков и госучреждений и является инструментом анализа сетевой активности.

Особенностью системы социального рейтинга является также добровольное вовлечение граждан КНР через платформы, используемые в повседневной жизни – WeChat и Alipay. Эти приложения содержат в себе функции мессенджера, социальной сети, банка, портала госуслуг и пропуска. QR-коды, изначально введенные как инструмент противодействия COVID-19, превратились в цифровой пропуск, привязанный к социальному рейтингу. Интернет вещей (IoT) в свою очередь расширяет сбор данных: «умные» браслеты в школах, датчики контроля загрязнения, системы «умного города», оптимизирующие трафик на основе данных о передвижениях. [12]

В результате собранных данных социальный рейтинг гражданина в Китае формируется на основе анализа его финансовой дисциплины (кредиты, счета), правопослушности (штрафы ГИБДД, судимости) и «социального поведения», которое может выражаться в разных форматах – от участия в волонтерстве (повышение баллов) до «распространения фейковых новостей» или «нарушения общественного порядка» (понижение баллов). Например, в Шэньчжэне система фиксирует переход дороги в неположенном месте и вычитает баллы из социального рейтинга [15]. В результате происходит снижение рейтинга ниже 600 баллов ограничивает доступ к услугам каршеринга и страхованию [4]. Например, в 2021 году 2.3 млн граждан получили штрафы за нарушения ПДД че-

рез платформу Alipay [26]. Санкции за низкий рейтинг могут быть реализованы в разных проявлениях: запрет на покупку билетов на самолет и скоростные поезда, ограничения при приеме на престижную работу, отказ в быстром оформлении кредита, публикация имени в «черных списках» на платформе Credit China, а поощрения включают «зеленые каналы» в госучреждениях, льготные условия кредитования, приоритет при зачислении детей в школы.

Система цифрового контроля представляет собой инструмент социальной инженерии, где человек становится частью большой сети данных и не рассматривается как самостоятельный индивид с уникальными правами и свободами, а как фрагмент более сложной сети, в которой записывается и анализируется каждое действие или поступок. Так, гражданин может быть идентифицирован по набору данных, и его свобода определяется наличием или отсутствием доступа к различным ресурсам и услугам. В этой системе могут допускаться ошибки, например, ложные срабатывания системы распознавания лиц могут привести к тому, что граждане могут быть ошибочно идентифицированы как преступники.

Система социального кредита затрагивает не только пользователей цифровых платформ, но и членов семьи, создавая своеобразную коллективную ответственность, учитывая как поведение самого человека, так и его ближайшего окружения. Например, в китайской провинции Хэбэй существует связь между рейтингом родителей и возможностями их детей для поступления в престижные школы.

Пандемия COVID-19 стала важнейшим стимулом интеграции цифровых инструментов контроля в повседневную жизнь. С 2023 года нарушения карантина автоматически снижают рейтинг в системе социального кредита, ограничивая доступ к кредитам и образованию. В Ханчжоу QR-коды интегрированы с системами доступа в метро, офисы и жилые комплексы. Данные используются для оптимизации городской инфраструктуры [17]. Мигранты из сельских районов обязаны обновлять коды при въезде в города, что позволяет властям регулировать внутренние потоки.

Государство реализует на практике и многоуровневую систему идентификации: цифровые ID, интегрирующие ДНК, отпечатки пальцев и активность в соцсетях [25], превращают биометрию в условие доступа к услугам. В Гуанчжоу, например, сканирование лица через WeChat стало обязательным для получения социальных пособий. Алгоритмы также определяют социальный капитал граждан: в Чжэнчжоу платформа Ziroom блокирует аренду жилья для лиц с рейтингом ниже 550 баллов [24], превращая цифровой след в фильтр для доступа к базовым потребностям. Единая платформа «Цифровой Китай» синхрони-

зирует налоговые, медицинские и политические профили граждан, создавая прецедент тотальной цифровой прозрачности. Однако эта система порождает цифровое неравенство: сельские жители теряют доступ к медицине из-за отсутствия QR-кодов, а пожилые и малоимущие оказываются исключены из цифрового общества.

Внедрения цифровых технологий контроля в КНР, бесспорно, имеет и положительные социальные последствия, преобразуя управление городской средой, объединяя системы безопасности и государственные услуги в единую инфраструктуру данных. В сфере общественной безопасности системы распознавания лиц в Шанхае сократили уличную преступность на 40% за 2018–2023 гг., тогда как в Гуйяне алгоритмы Predictive Policing, анализирующие цифровые следы (покупки, маршруты), предотвратили 3200 краж в 2022 году [22]. Согласно данным Министерства безопасности КНР, в Ханчжоу динамическая корректировка светофоров на основе информации с камер и мобильных приложений снизила пробки на 30% [17], а платформа Amap, обрабатывающая данные 500 млн пользователей, перенаправляет транспортные потоки в режиме реального времени [26]. В здравоохранении QR-коды для мгновенного доступа к медицинской истории и ИИ-распределение пациентов сокращают время ожидания помощи, экологические системы автоматизированного контроля, такие как Environmental Credit Score, штрафуют предприятия за превышение выбросов через сеть датчиков, объединяя экологию с цифровым администрированием [23].

Опыт Китая демонстрирует, как масштабная интеграция данных размывает границы между безопасностью, управлением и услугами: преступность прогнозируется через паттерны потребления, транспорт оптимизируется через анализ мобильности граждан, а экология становится частью алгоритмически регулируемого публичного пространства.

Следует отметить, что реагирование общества на внедрение системы социального кредита было разнообразным как в Китае, так и за его пределами. Сторонники этой системы объективно замечают, что она улучшает общественный порядок, делает экономику более прозрачной и помогает эффективно управлять страной, благодаря чему Китай сможет добиться более рационального распределения ресурсов, снижения преступности и преодоления коррупции с помощью технологий искусственного интеллекта. С другой стороны, благодаря глобальной аналитике данных создается модель «алгоритмического государства», где биометрические системы ежедневно могут сканировать миллионы человек, а социальный кредит преобразует различные аспекты частного поведения граждан, включая цифровую коммуникацию и финансовые транзакции, в агрегированный со-

циальный рейтинг, увеличивая социальную стратификацию общества [10].

Тем не менее, подобная система социальных рейтингов содержит в себе риск массовых нарушений прав человека и ограничения личных свобод. Внедрение таких систем наблюдения и управления может привести цифровой диктатуре, где государство следит за каждым шагом человека.

Как отмечают американский исследователь Джереми Даум и ряд экспертов, использование искусственного интеллекта для создания социальных рейтингов приводит к упрощению сложных общественных процессов, создавая условия для произвольных интерпретаций и решений [6].

Китайская модель управления цифровым следом представляет собой эксперимент на стыке технологий и политики, где «мягкая авторитарность» становится основой социального порядка. В отличие от традиционных авторитарных режимов, эта система использует алгоритмы big data и экономические стимулы для создания саморегулирующегося общества. Например, социальный кредит трансформирует моральные нормы в алгоритмические показатели: своевременная оплата счетов повышает рейтинг, а критика властей в WeChat автоматически ограничивает доступ к услугам. Такая модель, как отмечает Д.Лайон, превращает граждан в «добровольных участников надзора», где контроль воспринимается не как угроза, а как плата за удобства цифровой жизни. [21]

Данные технологические практики цифрового контроля в КНР масштабируются, приобретая характер глобального феномена и превращаясь из национальных проектов в мировой процесс, формирующий новые формы глобального управления [15]. Китай активно экспортирует свои технологии наблюдения и управления в страны Африки, Азии и Латинской Америки, что создает риски трансформации их из инструментов контроля внутри одной страны, и делает элементом глобальной геополитической стратегии, направленной на распространение данных и расширение цифрового влияния. Элементы социального рейтинга существуют и на Западе (кредитные скоринги FICO, массовое наблюдение в Лондоне, предиктивная полиция в США и др.), но степень интеграции, масштабы и цели отличаются от модели КНР.

Для социологии китайский эксперимент является опытом, продуцирующим новые подходы для изучения власти и управления в цифровую эпоху, когда становится значимой грань между тотальным контролем на основе данных и свободой, достоинством и правом человека.

Выводы

Китайская система социального управления, основанная на сборе цифровых следов, трансформирует традиционные механизмы власти и представляет

собой новую форму цифрового социального контроля. Эта новая модель, объединяющая онлайн и офлайн-наблюдение, проникает в жизнь через соцсети, покупки и госуслуги, а в её создании участвуют и государство, и бизнес. Интеграция распознавания лиц, Big Data и системы социального кредита создает «цифровой паноптикум», где граждане, стремясь к удобству и льготам, добровольно вовлекаются в практики самоконтроля. Такие технологии, с одной стороны, эффективно решают задачи государства по поддержанию порядка, снижению уровня преступности и делают общество более управляемым, с другой – приводят к ограничению частной жизни и личной свободы, а также и создают новое, цифровое по природе, неравенство и разделение общества.

Международное распространение данной модели может превратить технологии контроля в инструмент геополитики, и в подобных условиях необходимо создать правовые механизмы, которые предотвратят использование данных с целью тотального контроля и сохранят баланс между безопасностью и свободой в цифровую эпоху.

Литература

1. Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022 г. – Т. 28. № 1. – С. 145–163.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
3. Го Х. Ключевые механизмы функционирования системы социального кредита в Китае. // Социология. – 2025. – № 5. – С. 51–55.
4. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. № 2. С. 250–259.
5. Гусева И.И., Спиридонова Е.П. Социальный контроль: социологические теории и общественные настроения. // Социально-гуманитарные технологии. – 2021 г. – № 1(17) – С. 3–9.
6. Даум Дж. Действия в области социального кредита в 2025 году // China Law Translate. – 2024. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/social-credit-action-in-2025/>
7. Закон КНР «О безопасности сетей и данных» (2021). // Законодательство Китая. – Пекин: Издательство правового центра Китая, 2021.
8. Зубофф Ш. Эпоха капитализма наблюдения: Битва за человеческое будущее на новом рубеже власти / Пер. с англ. А. Карловой, Е. Тока-

- ревой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 800 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
 10. Ковалев А.А., Князева Е.Ю. Система социального кредита в КНР: опыт политологического анализа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021 г. – № 1. – С. 191–198.
 11. Лайон Д. Общество контроля: информационные технологии и социальная теория. // Логос. – 2007 г. – № 3 (60). – С. 102–120
 12. Науменко Т.В., Секретарева К.Н. Китайская система социального кредита: антиутопия или фактор общественного благополучия? // Журнал исследований социальной политики. – 2022 г. – Т. 20. – № 3. – С. 419–432.
 13. Рувинский Р.З., Тарасов А.А. Система социального кредита: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность. Nota bene. – 2020 г. – № 3. – С. 72–88.
 14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
 15. Цзо Ж. Социальный контроль как инструмент эффективности управления: сравнительный анализ российских и китайских практик. // Социология, 2025. – № 6. – С. 179–183.
 16. Ян Юйчао. Большие данные и социальное управление. – Пекин: Изд-во соц. наук и документации, 2020. – 278 с
 17. Aliyun Report. “Smart City Infrastructure in Hangzhou: Using Data for Traffic Management.” Aliyun Tech Review, 2022.
 18. Creemers R. (2018) China’s Social Credit System: An Evolving Practice of Control.
 19. Freedom on the Net 2022: Глобальная гонка за контроль над большими данными. – Вашингтон: Freedom House, 2022. – 120 с.
 20. Human Rights Watch. (2021). China’s Algorithms of Repression.
 21. Lyon David Surveillance. // Internet Policy Review. 2022 г. – № 11. – p.1–18 <https://policyreview.info/concepts/surveillance>
 22. Ministry of Public Security of China (MPS). (2023). Public Safety and Crime Reduction in China: An Overview of Technological Integration.
 23. Ministry of Ecology and Environment (MEE). “Environmental Credit Score: Automated Penalties for Pollution in Beijing.” Environmental Policy Review, 2023.
 24. National Standardization Administration of China. (2020). GB/T 35273–2020: Information Security Technology – Personal Information Security Specification.
 25. State Council of the People’s Republic of China. Social Credit System Development Plan (2014–2020) (2014). – Beijing: State Council of the People’s Republic of China, 2014. – P. 15–30
 26. Tencent Report. The Impact of Alipay’s Integration with the Social Credit System on Traffic Violations (2021). – Shenzhen: Tencent, 2021. – P. 5–10.
 27. Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
 28. Crawford K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. – New Haven: Yale University Press, 2021.
 29. Negroponte N. Being Digital. – New York: Vintage Books, 1995.

THE DIGITAL FOOTPRINT AS A TOOL OF SOCIAL CONTROL IN MODERN CHINESE SOCIETY

Bukhtiyarova I.N.

Lomonosov Moscow State University

The article explores the phenomenon of the digital footprint as a key tool of social control in modern China, and analyzes the classical theories of social control in the context of digitalization. Using the example of the social credit system and related technologies, the article reveals the idea of total data collection and algorithmic processing to manage the behavior of citizens, businesses, and government agencies. The article uses specific cases to demonstrate how technologies shape new social practices, create digital inequality, and transform traditional concepts of privacy and trust. It is concluded that China has developed a unique model of “technological authoritarianism” or “soft authoritarianism,” where citizens’ voluntary participation in digital services leads to mass surveillance. The conclusions discuss the sociological implications of this transformation for understanding power, freedom, and social order in the 21st century.

Keywords: digitalization, digital footprint, social control, social credit system, big data, Chinese society.

References

1. Gavrilenko O.V. Digital Technologies of Social Control: Prospects and Social Consequences of Their Implementation. // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2022. – Vol. 28. No. 1. – Pp. 145–163.
2. Giddens A. The Constitution of Society: An Outline of the Theory of Structuration / Translated from English by I. Tyurina. – 2nd ed. – Moscow: Academic Project, 2005. – 528 p.
3. Guo H. Key mechanisms of the functioning of the social credit system in China. // Sociology, 2025. – No. 5. – Pp. 51–55.
4. Grafov D.B. The social rating system in the PRC as an information and communication technology of encouragement and punishment // Vlast. 2020. No. 2. Pp. 250–259.
5. Guseva I.I., Spiridonova E.P. Social Control: Sociological Theories and Public Sentiments. // Social and Humanitarian Technologies. – 2021. – No. 1(17). – Pp. 3–9.
6. Daum J. Social Credit Action in 2025 // China Law Translate. – 2024. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/social-credit-action-in-2025/> (accessed: 07.04)
7. The Law of the People’s Republic of China on Network and Data Security (2021). // Chinese Legislation. – Beijing: China Legal Center Publishing House, 2021.
8. Zuboff, Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Battle for Humanity’s Future at the New Frontier of Power / Translated from English by A. Karlova and E. Tokareva. – Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. – 800 p.
9. Castells, M. The Information Age: Economy, Society, and Culture / Translated from English by O.I. Shkaratan. – Moscow: Higher School of Economics, 2000. – 608 p.

10. Kovalev A.A., Knyazeva E.Y. The social credit system in China: the experience of political analysis // State and municipal administration. Scientific notes. – 2021– No. 1. – pp. 191–198.
11. Lion D. Control Society: information Technologies and social theory. //Logos, 2007– No. 3 (60), pp. 102–120
12. Naumenko T.V., Sekretareva K.N. The Chinese Social Credit System: A Dystopia or a Factor of Social Well-Being? // Journal of Social Policy Research. – 2022. – Vol. 20. – No. 3. – Pp. 419–432.
13. Ruvinsky R.Z., Tarasov A.A. “The Social Credit System”: Historical Prerequisites and Doctrinal Foundations of the Phenomenon // National Security. Nota bene. – 2020. – No. 3. – Pp. 72–88.
14. Foucault M. To Watch and Punish. The Birth of the Prison / Translated from French by V. Naumov; edited by I. Borisova. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 480 p.
15. Zuo, J. Social Control as a Tool for Effective Governance: A Comparative Analysis of Russian and Chinese Practices. // Sociology, 2025. – No. 6. – Pp. 179–183.
16. Yang, Y. Big Data and Social Governance. – Beijing: Publishing House of Social Sciences and Documentation, 2020. – 278 p.
17. Aliyun Report. “Smart City Infrastructure in Hangzhou: Using Data for Traffic Management.” Aliyun Tech Review, 2022.
18. Creemers R. (2018) China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control.
19. Freedom on the Net 2022: Глобальная гонка за контроль над большими данными. – Вашингтон: Freedom House, 2022. – 120 с.
20. Human Rights Watch. (2021). China's Algorithms of Repression.
21. Lyon David Surveillance. // Internet Policy Review. 2022 г. – № 11. – p.1–18 <https://policyreview.info/concepts/surveillance>
22. Ministry of Public Security of China (MPS). (2023). Public Safety and Crime Reduction in China: An Overview of Technological Integration.
23. Ministry of Ecology and Environment (MEE). “Environmental Credit Score: Automated Penalties for Pollution in Beijing.” Environmental Policy Review, 2023.
24. National Standardization Administration of China. (2020). GB/T 35273–2020: Information Security Technology – Personal Information Security Specification.
25. State Council of the People's Republic of China. Social Credit System Development Plan (2014–2020) (2014). – Beijing: State Council of the People's Republic of China, 2014. – P. 15–30
26. Tencent Report. The Impact of Alipay's Integration with the Social Credit System on Traffic Violations (2021). – Shenzhen: Tencent, 2021. – P. 5–10.
27. Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
28. Crawford K. The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. – New Haven: Yale University Press, 2021.
29. Negroponte N. Being Digital. – New York: Vintage Books, 1995.

Социальные риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования Российской Федерации

Попазова Ольга Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: ol-po@inbox.ru

Гриднева Мария Алексеевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: mash-v@yandex.ru

В статье рассматриваются социальные риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования Российской Федерации в контексте массового распространения генеративных моделей после 2020 г. Цель статьи состоит в систематизации ключевых социальных рисков ИИ в высшей школе РФ и определении управленческих условий, при которых ИИ может выполнять развивающую, а не деструктивную функцию. В статье выделены пять групп рисков: снижение когнитивных способностей и критического мышления; этические проблемы и академическая недобросовестность; неравенство доступа к ИИ-компетенциям; трансформация занятости преподавателей; интеллектуальная инфляция и девальвация образовательных результатов. Сделан вывод, что главным вызовом для российских вузов является не сам факт применения ИИ, а институциональный разрыв между массовой практикой использования генеративных моделей и недостаточно перестроенными механизмами оценивания, академической этики, кадровой политики и цифровой инфраструктуры. Предложен ряд рекомендаций для вузов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; высшее образование; социальные риски; генеративный ИИ; академическая добросовестность; цифровое неравенство; когнитивное делегирование; интеллектуальная инфляция; преподавательский труд; российские вузы.

Введение

Распространение искусственного интеллекта в высшем образовании является не только технологическим, но и социально-институциональным процессом. Генеративные модели меняют способы поиска информации, написания текстов, подготовки презентаций, программирования, проверки гипотез и выполнения учебных заданий. Тем самым ИИ затрагивает базовые механизмы университетской социализации: формирование самостоятельного мышления, доверие к оценке, авторство, академическую честность, профессиональную идентичность преподавателя и социальную ценность диплома.

Российская ситуация характеризуется сочетанием высокой общественной информированности об ИИ и ограниченного доверия к его применению в чувствительных сферах (См. Рис. 1). ВЦИОМ фиксирует рост информированности об ИИ с 75% в 2020 г. до 87% в 2022 г. и 94% в 2024 г., однако доверие к ИИ в 2024 г. составляло 52%, а недоверие выросло до 38% [3], [4], [6]. В сфере образования общественная позиция остается особенно осторожной: большинство респондентов допускает ИИ скорее как помощника преподавателя, чем как самостоятельного субъекта образовательного процесса [4] (рис. 1).

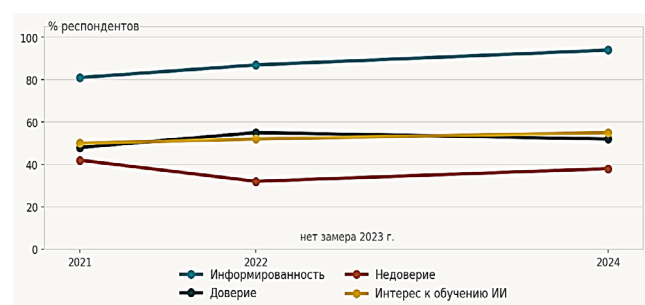

Рис. 1. Динамика доверия и информированности об ИИ
Источник: составлено авторами.

Одновременно студенческие практики уже существенно опережают институциональное регулирование. Крупный опрос российских студентов, опубликованный в RUDN Journal of Sociology, показывает, что 49% студентов используют ИИ в учебе, а авторы подчеркивают дефицит навыков критической оценки генерируемого контента [1]. В экспертном обсуждении НИУ ВШЭ приводятся данные о том, что около 87% студентов ведущих вузов используют ИИ в обучении, а в 85%

случаев преподаватели не замечали такого использования [14]. Это создает противоречие между реальной цифровой повседневностью студентов и традиционными формами контроля учебных результатов.

Научная проблема статьи заключается в том, что социальные последствия ИИ в высшей школе часто описываются либо в логике технологического оптимизма, либо в логике запретительного алармизма. В первом случае недооцениваются риски когнитивного делегирования, неравенства и девальвации оценки; во втором игнорируется потенциал ИИ как инструмента персонализации, поддержки исследовательской работы и снижения рутинной нагрузки. Необходима аналитическая позиция, позволяющая рассматривать ИИ как амбивалентный социальный институт: он одновременно расширяет образовательные возможности и воспроизводит новые формы зависимости, неравенства и нормативной неопределенности.

Методология исследования

Базу источников составляют: социологические опросы ВЦИОМ 2020–2024 гг.; российские рецензируемые публикации по ИИ в высшем образовании; экспертные материалы НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Альянса в сфере ИИ и других организаций.

Теоретическая рамка опирается на четыре подхода. Во-первых, рискологический подход позволяет рассматривать ИИ не как нейтральный инструмент, а как источник неопределенных последствий, распределенных между различными группами участников образовательного процесса. Во-вторых, социология образования акцентирует внимание на том, что образовательные технологии влияют не только на эффективность обучения, но и на воспроизводство статусов, норм, ожиданий и символической ценности диплома. В-третьих, концепция цифрового неравенства позволяет учитывать различия не только в доступе к устройствам и интернету, но и в качестве навыков работы с ИИ. В-четвертых, институциональный анализ фиксирует роль университетских правил, процедур аттестации и профессиональных норм преподавательского труда.

В статье используется аналитическое разделение четырех уровней риска: индивидуального, группового, институционального и общественного. На индивидуальном уровне анализируются когнитивные эффекты и учебная мотивация. На групповом уровне рассматриваются нормы академической честности и конкуренция между студентами. На институциональном уровне оцениваются регламенты, инфраструктура, кадровая политика и процедуры контроля. На общественном уровне рассматриваются цифровое неравенство, рынок труда и статус диплома.

Распространение ИИ в образовательных практиках

Массовизация ИИ в образовании происходит на фоне общего роста цифровой вовлеченности населения. По данным ВЦИОМ, в 2024 г. 76% россиян допускали использование ИИ в учебе, однако только 7% считали его допустимым без ограничений, а 69% указывали на необходимость правил [5]. Эта комбинация массового принятия и нормативной осторожности важна для вузов: общественный запрос направлен не на тотальный запрет ИИ, а на управляемое и прозрачное использование.

Позиция «ИИ как помощник» проявляется и в отношении к педагогическому труду. В 2022 г. 62% респондентов ВЦИОМ считали допустимым использование ИИ в образовании только в роли помощника учителя, а полная замена преподавателя ИИ поддерживалась крайне ограниченно [4]. Эта установка свидетельствует о сохранении высокого символического значения человеческого участия в образовании, особенно в вопросах оценки, воспитания, обратной связи и ответственности.

Студенческие практики при этом развиваются быстрее формальных правил. По данным Алешковского И.А. и соавторов, 49% студентов российских вузов используют ИИ в учебе, причем авторы отмечают связь использования ИИ с академической успеваемостью и недостатком критической оценки результатов генерации [1]. В этом контексте ИИ становится не отдельным инструментом, а элементом образовательной среды, где студент может получать готовые фрагменты текста, объяснения, решения задач и аргументы без полного прохождения учебного пути (рис. 2).

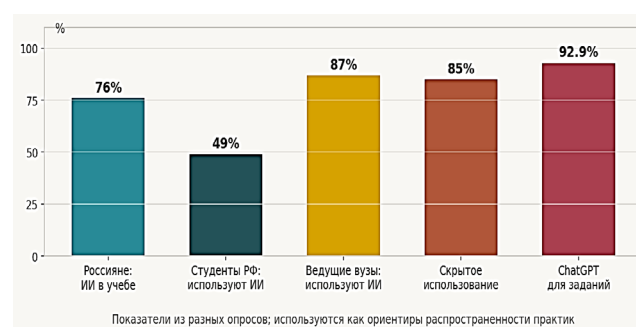

Рис. 2. Распространенность практик использования ИИ студентами

Источник: составлено авторами на основе [1], [14]

Таким образом, российские вузы сталкиваются с ситуацией нормативного запаздывания. Массовая практика уже сформировалась, но процедуры оценивания, академической этики и педагогического дизайна во многих случаях остаются ориентированными на до-генеративную эпоху. Это и формирует ядро социальных рисков: проблема заключается не в наличии ИИ как такового, а в не-

соответствии между новыми возможностями студентов и прежними механизмами институционального контроля.

Риск снижения когнитивных способностей и критического мышления

Один из наиболее обсуждаемых рисков связан с когнитивным делегированием. Под ним можно понимать передачу ИИ тех операций, которые традиционно обеспечивали развитие мышления: постановка вопроса, поиск источников, отбор аргументов, синтез информации, формулирование авторской позиции и проверка достоверности. Если студент использует ИИ как инструмент поддержки, риск может быть ограничен; если же ИИ становится заменителем интеллектуального усилия, образовательный результат становится формальным.

В российской академической дискуссии этот риск обсуждается как угроза самостоятельному мышлению. Ивахненко Е.Н. и Никольский В.С. анализируют кейс дипломной работы, подготовленной с помощью ChatGPT, и ставят вопрос о том, в какой мере высокая формальная оригинальность текста может маскировать отсутствие самостоятельного когнитивного вклада студента [11]. В этом отношении Бермус А.Г. обобщает источники на русском и английском языках, указывая, что минимизация когнитивной нагрузки при общении с ChatGPT может привести к ослаблению критического мышления, исследовательских компетенций и самостоятельного обучения студентов [2].

Еще один момент связан с дистанцией между тем, что студент субъективно считает, что он может сделать, и тем, каковы его реальные способности в части работы с ИИ. Исследование, подчеркивающее, что интерес студентов не связан напрямую с формированием компетентности: многие обучающиеся не способны сформулировать промпт, а корреляция между субъективным опытом и реальными результатами оказывается проблемной [10]. Это позволяет говорить об «иллюзии компетентности», когда быстрый доступ через готовый ответ воспринимается как собственное знание.

Когнитивный риск не означает, что ИИ неизбежно ведет к деградации мышления. Более точная формулировка состоит в том, что ИИ усиливает зависимость результата от педагогического дизайна. Если задания требуют только готового текста, студент рационально делегирует текстовую работу модели. Если же задания предполагают обсуждение процесса, устную защиту, сопоставление источников, рефлексию ограничений модели и объяснение выбора решения, ИИ может стать средством развития метакогнитивных навыков.

Этические проблемы и академическая добросовестность

Этическое измерение ИИ в высшей школе связано прежде всего с неопределенностью авторства. Генеративная модель может создавать текст, код, перевод, план исследования, библиографические описания и аргументацию, но конечный продукт предъявляется студентом как собственная работа. В результате традиционная оппозиция «собственный текст – плагиат» становится недостаточной: работа может не содержать прямого заимствования, но при этом не отражать самостоятельного учебного труда.

Сысоев П.В. на основе онлайн-опроса студентов из российских вузов показывает, что понимание ИИ-плагиата остается недостаточно сформированным, а академическая среда нуждается в системном разъяснении границ допустимого использования ИИ [17]. Шустров А.С. и Ширина Т.Г. подчеркивают, что карательные меры сами по себе не решают проблему: необходимы академическая культура, цифровая грамотность, правовое самосознание, прозрачность и ответственность за проверку фактов [18].

Практика НИУ ВШЭ демонстрирует один из возможных управленческих подходов: генеративный ИИ не запрещается к использованию на общеуниверситетском уровне, но студент обязан указать характер, объем, модель и способ использования инструмента [13]. Такой подход важен тем, что переводит дискуссию из плоскости «разрешить или запретить» в плоскость академической прозрачности. Декларация ИИ не отменяет авторства студента, но делает видимым технологическое соучастие в создании результата.

Общественный запрос на этическое регулирование подтверждается данными ВЦИОМ: 85% респондентов считают необходимыми единые этические стандарты для компаний в сфере ИИ, 73% поддерживают маркировку ИИ-продуктов и решений, а 77% считают, что человек должен участвовать в этической оценке ИИ-систем [7]. Для вузов это означает, что этическая инфраструктура ИИ должна включать не только правила для студентов, но и принципы ответственности преподавателей, администраторов и разработчиков образовательных платформ.

Неравенство доступа и формирование ИИ-разрыва

ИИ меняет структуру цифрового неравенства. Если в ранних дискуссиях основное внимание уделялось доступу к интернету и устройствам, то сегодня различия все чаще связаны с качеством навыков, доступом к продвинутым моделям, умением формулировать запросы, проверять результаты и использовать ИИ в профессиональном контексте. Для

высшего образования это означает, что формально одинаковый доступ к обучению может сопровождаться разными возможностями извлекать пользу из цифровых инструментов.

Земцов С.П. вводит представление о «четвертом уровне» цифрового неравенства, порождаемом распространением ИИ, и указывает на межрегиональные различия в готовности к использованию новых технологий [9]. В образовательном поле такой разрыв может проявляться между столичными и региональными вузами, между студентами с разным уровнем цифровой грамотности, а также между преподавателями, имеющими и не имеющими доступ к методической поддержке.

Данные ВЦИОМ также показывают, что отношение к ИИ различается по социально-демографическим группам. Молодые респонденты чаще доверяют ИИ, а жители крупных городов и люди с высшим образованием чаще имеют опыт взаимодействия с цифровыми технологиями [4], [5]. Для университетов это создает риск скрытого образовательного расслоения: студенты, умеющие использовать ИИ продуктивно и критически, получают дополнительное преимущество, тогда как остальные либо избегают технологии, либо используют ее поверхностно.

Проблема неравенства доступа имеет и институциональное измерение. Если вуз не предоставляет легитимные инструменты, обучающие курсы и понятные правила, студенты уходят во внешние сервисы с разными условиями доступа, разной языковой поддержкой, разными ограничениями приватности и разным качеством моделей. В результате ИИ становится не только учебным инструментом, но и фактором новой стратификации внутри студенческого сообщества.

Трансформация занятости преподавателей

Риск безработицы преподавателей в связи с ИИ часто формулируется в алармистской логике полной замены человека алгоритмом. Однако имеющиеся данные и экспертные оценки позволяют говорить скорее о трансформации преподавательского труда, чем о немедленной массовой безработице. [16] ИИ берет на себя часть рутинных функций: генерацию тестов, черновики заданий, первичную проверку, перевод, структурирование материалов и подготовку учебных примеров. Но именно это перераспределяет трудовую нагрузку и меняет профессиональные компетенции преподавателя.

ВЦИОМ фиксирует, что общество в целом не готово к полной автономии ИИ в образовании: большинство допускает его только как помощника преподавателя [4]. Такая позиция согласуется с педагогической спецификой высшей школы: преподаватель выполняет не только информаци-

онную, но и экспертную, воспитательную, коммуникативную, оценочную и нормативную функции.

Вместе с тем трансформация занятости может быть болезненной. Исследования влияния ИИ на занятость в российских компаниях показывают неоднородные эффекты: на предприятиях, внедривших ИИ, занятость в среднем снижалась на 0,79 п.п. по сравнению с предыдущим годом, но эффект зависел от размера бизнеса и отрасли [15]. Эти данные не относятся напрямую к университетам, однако они показывают общий характер влияния ИИ: технология не просто «замещает» труд, а перераспределяет спрос между разными типами компетенций.

Для преподавателя высшей школы ключевыми становятся компетенции второго порядка: проектирование заданий, устойчивых к механическому делегированию; организация дискуссии; проверка процесса мышления; интерпретация данных; работа с этическими дилеммами; наставничество; экспертная оценка результата, полученного с участием ИИ. В этой связи кадровый риск состоит не только в возможном сокращении ставок, но и в росте нагрузки без соответствующего методического, организационного и финансового сопровождения.

Интеллектуальная инфляция и девальвация образовательных результатов

Интеллектуальная инфляция в контексте ИИ означает снижение ценности и роли оценок, дипломов и портфолио. Если студент может быстро получить внешне убедительный текст, презентацию или программный фрагмент, традиционная письменная работа перестает надежно свидетельствовать о сформированных компетенциях. Формальный результат становится дешевле, а проверка реального понимания – дороже.

Герасченко И.Г. описывает проблему «инфляции информации», при которой огромный массив данных и готовых ответов ведет к их обесцениванию и снижению доверия к фактам [8]. Лукичев П.М. и Чекмарев О.П. связывают риски ИИ с «гонкой вооружений» между системами антиплагиата и инструментами перефразирования, что подрывает надежность прежних процедур контроля [12]. В этом смысле проблема интеллектуальной инфляции не сводится к отдельным случаям списывания; она затрагивает саму социальную функцию университета как института подтверждения компетентности.

Девальвация образовательных результатов особенно опасна для массового высшего образования. Если оценка перестает различать самостоятельную работу и машинно сгенерированный продукт, доверие к диплому ослабевает со стороны работодателей, преподавателей и самих студентов. Вузы оказываются перед необходимостью

менять не только технические средства проверки, но и архитектуру оценивания: больше внимания уделять устным защитам, проектным траекториям, промежуточным версиям работ, исследовательским дневникам и демонстрации процесса мышления.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ показывает, что ИИ в высшем образовании является амбивалентным социальным фактором. Он способен повышать доступность образовательных ресурсов, поддерживать студентов с разным уровнем подготовки, ускорять работу с информацией и освобождать преподавателя от части рутины. Однако эти преимущества реализуются только при наличии институциональных условий: правил использования, прозрачной этики, подготовленных преподавателей, инфраструктуры и новых форм оценивания.

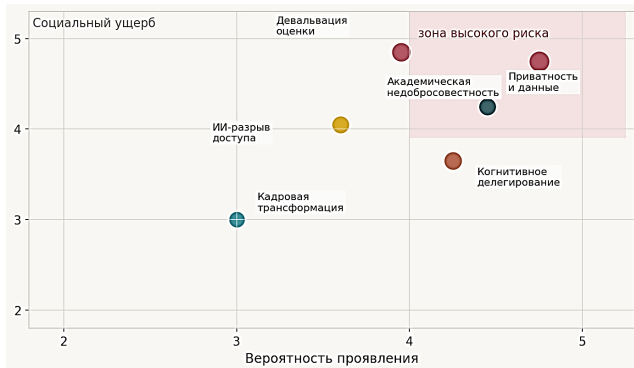

Рис. 3. Карта социальных рисков

Источник: составлено авторами на основе [2], [12], [9]

Рассмотрим предложенную авторами карту социальных рисков (Рисунок 3). Наиболее вероятным краткосрочным риском является академическая недобросовестность. Она уже проявляется в скрытом использовании генеративных моделей и несоответствии между итоговым текстом и реальными компетенциями студента. Наиболее системным риском является ИИ-разрыв, поскольку он может закрепить преимущество тех студентов и вузов, которые обладают доступом к лучшим инструментам и навыкам. Наиболее долгосрочным риском является интеллектуальная инфляция, поскольку она затрагивает доверие к оценкам, дипломам и самой функции университета.

Российские вузы не могут эффективно ответить на эти вызовы только запретительными мерами. Запрет стимулирует скрытые практики, усиливает недоверие между студентами и преподавателями и не формирует навыков ответственного использования ИИ. Более продуктивной является модель регулируемой интеграции: ИИ допускается как инструмент, но его использование должно быть объяснено, задекларировано и встроено в образовательную задачу.

Ключевой принцип регулирования можно сформулировать следующим образом: оцениваться должен не только конечный продукт, но и процесс интеллектуальной работы. Это означает, что преподаватель должен видеть, как студент ставит вопрос, выбирает источники, формулирует запрос к ИИ, проверяет ответ, исправляет ошибки, сопоставляет позиции и защищает выводы. В этой логике ИИ становится не способом обхода обучения, а объектом критической работы.

Рекомендации для российских вузов

Первая рекомендация состоит во введении прозрачной декларации использования ИИ. В каждой письменной работе студент должен указывать, применялись ли генеративные модели, для каких задач, в каком объеме и какие фрагменты результата были получены с их помощью. Такая декларация должна рассматриваться не как признание нарушения, а как элемент академической добросовестности.

Вторая рекомендация связана с перестройкой оценивания. Вузы должны снижать долю заданий, где итоговый текст является единственным объектом контроля, и увеличивать долю процессных форм: устных защит, черновиков, исследовательских дневников, проектных обсуждений, анализа ошибок модели, индивидуальных комментариев к источникам. Это позволит отличать использование ИИ как инструмента от замены учебного действия.

Третья рекомендация предполагает развитие ИИ-грамотности. Студентов необходимо обучать не только промптингу, но и проверке фактов, выявлению ошибок модели, анализу предвзятости, работе с персональными данными, этике цитирования и юридическим ограничениям. Преподавателям необходимы программы повышения квалификации, ориентированные на дизайн заданий, оценивание работ с участием ИИ и снижение собственной рутинной нагрузки.

Четвертая рекомендация состоит в снижении ИИ-разрыва. Университеты должны обеспечивать равный доступ к легитимным инструментам, создавать методические центры, поддерживать региональные и ресурсно ограниченные подразделения, учитывать различия между направлениями подготовки. Без этого ИИ может усилить уже существующие образовательные неравенства.

Пятая рекомендация касается этического и правового регулирования. Вузам целесообразно принять локальные положения об использовании ИИ, определить режимы допустимого, ограниченного и запрещенного применения, описать ответственность за недеklarированное использование, обеспечить защиту персональных данных и сформировать экспертные комиссии по спорным случаям.

Шестая рекомендация связана с кадровой политикой. Внедрение ИИ не должно рассматри-

ваться как повод для механического сокращения преподавательского труда. Напротив, оно требует признания новых видов работы: проектирования заданий, проверки процессов, консультирования студентов, этического сопровождения, разработки цифровых методик и экспертной оценки ИИ-результатов.

Заключение

ИИ в высшем образовании РФ уже стал частью образовательной реальности, а не перспективной технологией будущего. Массовое использование генеративных моделей студентами и преподавателями создает новые возможности для персонализации, продуктивности и доступности обучения, но одновременно порождает комплекс социальных рисков.

Главный вывод состоит в том, что социальные риски ИИ возникают не из самой технологии, а из способа ее институционального включения в университет. Если ИИ используется скрыто, без правил, без обучения и без изменения оценивания, он подрывает доверие к образовательным результатам. Если же ИИ включается в учебный процесс открыто, критически и методически осмысленно, он может стать средством развития новых компетенций.

Для российских вузов стратегическая задача ближайших лет заключается в переходе от реактивного контроля к проактивному управлению ИИ. Это требует сочетания этических регламентов, цифровой инфраструктуры, методической поддержки преподавателей, обучения студентов и новой архитектуры оценивания. Только при этих условиях высшая школа сможет сохранить свою ключевую функцию: не производство формальных текстов и дипломов, а формирование самостоятельного, критического и социально ответственного мышления.

Литература

1. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Нарбут Н.П. и др. Российские студенты о потенциале и ограничениях искусственного интеллекта в образовании // RUDN Journal of Sociology. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 335–353. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/39929>.
2. Бермус А.Г. Преимущества и риски использования ChatGPT в системе высшего образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. DOI: 10.30853/ped20240099. URL: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20240099/fulltext>.
3. ВЦИОМ. Искусственный интеллект: угроза или возможность? 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-vozmozhnost>.
4. ВЦИОМ. Искусственный интеллект: угроза или светлое будущее? 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>.
5. ВЦИОМ. ИИ: ваш новый лучший друг? 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug>.
6. ВЦИОМ. Доверие к ИИ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii>.
7. ВЦИОМ. Этика искусственного интеллекта. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/etika-iskusstvennogo-intellekta-2>.
8. Геращенко И.Г. Искусственный интеллект в сфере образования: проблемы применения // Studia Humanitatis. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyi-intellekt-v-sfere-obrazovaniya-problemy-primeneniya>.
9. Земцов С.П. Цифровое неравенство и региональное развитие в России в условиях распространения технологий ИИ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 2(67). С. 225–233. DOI: 10.31737/22212264_2025_2_225-233. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2025-67-225-233r.pdf>.
10. Иванова А.Е., Тарасова К.В., Талов Д.П. Между интересом и умением: как студенты воспринимают и применяют ИИ // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 8. С. 9–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-32. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/5726>.
11. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4322>.
12. Лукичёв П.М., Чекмарев О.П. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 2. URL: <https://1economics.ru/lib/120731>.
13. НИУ ВШЭ. Использование инструментов генеративного искусственного интеллекта. URL: https://www.hse.ru/studyspravka/ai_guidelines.
14. НИУ ВШЭ. Как преодолеть соблазн готовых решений. 2025. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html>.
15. НИУ ВШЭ. Ученые оценили влияние ИИ на занятость. 2025. URL: <https://www.hse.ru/news/science/1097132913.html>.
16. Резаев А.В., Степанов Н.С., Трегубова Н.Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4928>.
17. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики // Высшее обра-

зование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 31–53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4804>.

18. Шустров А.С., Ширина Т.Г. Педагогика гибридного интеллекта: этические вызовы и академическая культура в эпоху цифровой трансформации высшего образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 4. Статья 69PDMN425. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/69PDMN425.pdf>.
19. Проект Кодекса этики ИИ в образовании. URL: <https://ethics.a-ai.ru/ethics-of-education/>.

SOCIAL RISKS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Popazova O.A., Gridneva M.A.

Saint-Petersburg State University of Economics

The article examines the social risks of using artificial intelligence in the higher education system of the Russian Federation in the context of the widespread use of generative models after 2020. The purpose of the article is to systematize the key social risks of AI in higher education in the Russian Federation and to identify the management conditions under which AI can perform a developmental rather than a destructive function. The article identifies five risk groups: decreased cognitive abilities and critical thinking; ethical problems and academic dishonesty; unequal access to AI competencies; transformation of teacher employment; intellectual inflation and devaluation of educational outcomes. It is concluded that the main challenge for Russian universities is not the very fact of using AI, but the institutional gap between the mass practice of using generative models and insufficiently rebuilt assessment mechanisms, academic ethics, personnel policy and digital infrastructure. A number of recommendations for universities have been proposed.

Keywords: artificial intelligence; higher education; social risks; generative AI; academic integrity; digital inequality; cognitive delegation; intellectual inflation; teaching; Russian universities.

References

1. Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Narbut N.P. and others. Russian students on the potential and limitations of artificial intelligence in education // RUDN Journal of Sociology. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 335–353. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/39929>
2. Bermus A.G. Advantages and risks of using ChatGPT in the higher education system // Pedagogy. Questions of theory and practice. 2024. DOI: 10.30853/ped20240099. URL: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20240099/fulltext>.
3. WCIOM. Artificial intelligence: threat or opportunity? 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-vozmozhnost>.
4. WCIOM. Artificial intelligence: a threat or a bright future? 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-ugroza-ili-svetloe-budushchee>.
5. WCIOM. AI: Your new best friend? 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug>.
6. WCIOM. Trust in AI. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii>.
7. WCIOM. Ethics of artificial intelligence. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehitika-iskusstvennogo-intellekta-2>.
8. Gerashchenko I.G. Artificial intelligence in the field of education: problems of application // Studia Humanitatis. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyi-intellekt-v-sfere-obrazovaniya-problemy-primeneniya>.
9. Zemtsov S.P. Digital inequality and regional development in Russia in the context of the spread of AI technologies // Journal of the New Economic Association. 2025. No. 2(67). pp. 225–233. DOI: 10.31737/22212264_2025_2_225-233. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2025-67-225-233r.pdf>.
10. Ivanova A.E., Tarasova K.V., Talov D.P. Between interest and skill: how students perceive and apply AI // Higher education in Russia. 2025. Vol. 34. No. 8. pp. 9–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-32. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/5726>.
11. Ivakhnenko E.N., Nikolsky V.S. ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource? // Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 4. pp. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4322>.
12. Lukichev P.M., Chekmarev O.P. The risks of using artificial intelligence in the higher education system // Issues of innovative economics. 2024. Vol. 14. No. 2. URL: <https://1economic.ru/lib/120731>.
13. Higher School of Economics. Using generative artificial intelligence tools. URL: https://www.hse.ru/studyspravka/ai_guidelines.
14. Higher School of Economics. How to overcome the temptation of ready-made solutions. 2025. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html>.
15. Higher School of Economics. Scientists have assessed the impact of AI on employment. 2025. URL: <https://www.hse.ru/news/science/1097132913.html>.
16. Rezaev A.V., Stepanov N.S., Tregubova N.D. Higher education in the era of artificial intelligence // Higher education in Russia. 2024. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4928>.
17. Sysoev P.V. Ethics and AI plagiarism in the academic environment: students' understanding of the issues of compliance with copyright ethics // Higher education in Russia. 2024. Vol. 33. No. 2. pp. 31–53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/4804>.
18. Shustrov A.S., Shiroka T.G. Pedagogy of hybrid intelligence: ethical challenges and academic culture in the era of digital transformation of higher education // The world of science. Pedagogy and psychology. 2025. Vol. 13. No. 4. Article 69PDMN425. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/69PDMN425.pdf>.
19. Draft Code of Ethics for AI in Education. URL: <https://ethics.a-ai.ru/ethics-of-education/>.

Визуально-средовой диагностический профиль мегаполиса: офлайн- и онлайн-контуры Москвы в восприятии студентов-дизайнеров

Калмыков Николай Николаевич,

кандидат социологических наук, докторант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: Kalmykov@Kalmykovnn.ru

В статье предложен и пилотно апробирован визуально-средовой диагностический профиль мегаполиса – инструмент анализа визуального слоя социальной архитектуры. Эмпирическую базу составили результаты онлайн-опроса студентов среднего профессионального образования направления «Графический дизайн» (N = 62), проведенного в 2026 г. На материале ответов об офлайн- и онлайн-контурах Москвы выявлено, что респонденты связывают визуальную среду не только с эстетикой и информированием, но и с доверием, ориентированием, комфортом, перегрузкой и выбором действий. Одной из составляющих профиля стал пилотный индекс поведенческой регулятивности визуальной среды; его значение составило 72,2 из 100. Сделан вывод о том, что в рамках целевой выборки визуальная среда воспринимается как диагностируемый слой социальной архитектуры, задающий диапазон возможного поведения через подсказки, удобство, нормализацию и визуальное подталкивание.

Ключевые слова: визуальная среда; мегаполис; Москва; студенты-дизайнеры; визуально-средовой диагностический профиль; индекс поведенческой регулятивности; социальная архитектура; поведенческие сценарии; цифровая среда; визуальная коммуникация.

Введение

Повседневность мегаполиса разворачивается внутри плотной визуальной среды. Улица, метро, вывески, реклама, навигация, приложения, социальные сети и цифровые сервисы образуют не разрозненный набор изображений, а повседневную систему ориентиров и сигналов. Поэтому визуальная среда все чаще выступает не фоном городской жизни, а условием повседневного поведения.

Для современной Москвы особенно важна связка офлайн- и онлайн-контуров. Офлайн-контур включает архитектуру, фасады, вывески, наружную рекламу, транспорт и общественные пространства; онлайн-контур – интерфейсы сайтов и приложений, социальные сети, цифровую рекламу, кнопки действия и визуальный стиль брендов. В реальном опыте эти контуры не разделены.

Исследовательская проблема состоит в том, что визуальная среда мегаполиса часто описывается либо как объект дизайна, либо как часть инфраструктуры. Между тем ее поведенческая роль – влияние на доверие, ориентацию, перегрузку, выбор и восприятие «правил игры» – изучена недостаточно, особенно в восприятии будущих специалистов в сфере графического дизайна.

В статье визуальная среда рассматривается как наблюдаемый слой социальной архитектуры – конфигурации условий среды, которая делает одни действия более заметными и удобными, а другие – менее очевидными или более затрудненными. Так визуальная среда участвует в координации повседневных действий: помогает ориентироваться, формирует доверие или недоверие, снижает или повышает неопределенность.

Выбор студентов-дизайнеров обусловлен их промежуточным положением: они остаются повседневными пользователями города и цифровых сервисов, но уже осваивают профессиональную чувствительность к цвету, композиции, интерфейсу и пользовательскому опыту. Их ответы интерпретируются как материал о формирующейся дизайнерской оптике.

Объект исследования – визуальная среда мегаполиса в офлайн- и онлайн-проявлениях; **предмет** – восприятие студентами-дизайнерами ее элементов и поведенческих механизмов.

Цель – пилотно апробировать визуально-средовой диагностический профиль на материале опроса студентов-дизайнеров СПО.

Задачи: определить заметные элементы визуальной среды Москвы; сопоставить офлайн- и онлайн-контуры; выявить силу влияния визуальных элементов на поведение, доверие и ориентирование; проанализировать представления о визуальном шуме, цифровой навязчивости и разрыве между образом и опытом; показать, как среда задает поведенческие сценарии; рассчитать пилотный ИПРВС.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая рамка соединяет несколько линий. Первая связана с образом и читаемостью города: К. Линч показал, что город воспринимается через устойчивые элементы – пути, границы, районы, узлы и ориентиры [1]; отечественная архитектурная традиция связывает форму с социальными и функциональными характеристиками среды [2].

Вторая линия связана с дизайном как системой воспринимаемых возможностей действия: Д. Норман показал, что предметы и интерфейсы подсказывают пользователю способы действия [3], а социология управления раскрывает проблематику координации и обратных связей [4]. Визуальные подсказки, маршруты и интерфейсные акценты рассматриваются как элементы среды, влияющие на возможности действия без прямого принуждения.

Третья линия – семиотическая. Ю.М. Лотман рассматривал культуру как семиотическое пространство, где знаковые системы создают среду производства, передачи и интерпретации смыслов [5]. Поэтому городские и цифровые визуальные объекты могут анализироваться не только как эстетические формы, но и как знаковые структуры, влияющие на понимание ситуации.

Четвертая линия связана с цифровой средой: интернет и цифровые коммуникации меняют формы взаимодействия, доступа к информации и повседневной жизни [6]; российские работы о цифровом повороте фиксируют его социально-гуманитарные последствия [7], а организационный анализ описывает контроль и координацию как практики институциональной среды [8].

Методологически работа опирается на качественную социологическую интерпретацию данных [9]; российский контекст задают исследования диагностики сложных социальных процессов и доверия [10; 11]. Обращение к студентам-дизайнерам обосновано тем, что обучение графическому дизайну связано с освоением композиции, цвета, визуальной организации формы и профессионального анализа визуальной среды [12; 13].

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составили результаты авторского онлайн-опроса студентов СПО направле-

ния «Графический дизайн» (N = 62), проведенного в 2026 г. Исследование выполнено в логике целевого поисково-диагностического опроса. Респонденты отвечали на основе собственного опыта наблюдения, учебного анализа и интерпретации визуальной среды Москвы.

Выборка целевая и нерепрезентативная. Ценность группы в том, что студенты-дизайнеры уже осваивают оптику анализа визуальных решений, но сохраняют опыт обычных пользователей. Данные интерпретируются как диагностический срез профессионально формирующегося восприятия.

Апробируется визуально-средовой диагностический профиль – инструмент анализа состава среды, контуров, силы воздействия, эффектов, цифровой навязчивости, «правил игры», проблемности и разрыва образа и опыта. Профиль – пилотная операционализация визуального слоя социальной архитектуры мегаполиса.

Структура профиля включает три уровня: описательно-типологический (состав среды, офлайн- и онлайн-контуры), функционально-поведенческий (сила влияния, эффекты, «правила игры») и проблемно-трансформационный (визуальный шум, цифровое давление, разрыв между образом и опытом, недооцененные микроэлементы).

Анкета включала блоки: профиль респондента, восприятие элементов визуальной среды Москвы, сопоставление офлайн- и онлайн-контуров, оценку силы влияния, эффекты, восприятие цифровой навязчивости, открытые вопросы. Использовались закрытые, шкальные, множественные и открытые вопросы. Для шкальных вопросов основной показатель – доля оценок 4–5; для множественного выбора проценты – доля от общего числа выборов по вопросу.

Одной из составляющих профиля стал пилотный индекс поведенческой регулятивности визуальной среды (ИПРВС), отражающий воспринимаемую способность среды направлять поведение через доверие, ориентацию, регуляторы, цифровое давление и «правила игры». Индекс рассчитан по агрегированным данным и имеет пилотный характер.

Открытые ответы использовались для тематического кодирования по категориям: визуальный шум, цифровая навязчивость, навигация, реклама, интерфейсы, цвет и композиция, доступность, доверие, разрыв образа и опыта, поведенческая подсказка, ответственность дизайнера.

Данные использовались в обезличенном виде. Дословные фрагменты приводятся как иллюстрации; массив хранится у автора.

Основное ограничение – малый объем и целевой характер выборки: данные не позволяют делать статистические обобщения, но фиксируют особенности профессионально формирующегося восприятия.

Результаты исследования

Результаты представлены в логике визуально-средового диагностического профиля: от выборки и состава среды – к контурам, эффектам, цифровому давлению, поведенческим сценариям и индексной оценке.

Профиль респондентов и границы интерпретации данных

В исследовании приняли участие 62 студента СПО направления «Графический дизайн». Данные рассматриваются как диагностический срез восприятия визуальной среды студентами-дизайнерами (табл. 1).

Таблица 1. Профиль выборки

Показатель	Значение
Общее число респондентов	62
Направление обучения	100% – графический дизайн
Уровень образования	100% – СПО
Женщины	79,0%
Мужчины	21,0%
Регулярно работают или подрабатывают в сфере дизайна	8,1%
Имеют небольшой опыт / стажировку / практику	25,8%
Пока нет опыта, но выполняют учебные проекты	59,7%
Пока нет опыта	6,5%
Замечают визуальные решения и в офлайн-, и в онлайн-среде	58,1%
Чаще замечают визуальные решения в цифровой среде	30,6%
Чаще замечают визуальные решения в городской / физической среде	11,3%

Большинство пока не имеют устойчивого опыта, но выполняют учебные проекты. 58,1% замечают визуальные решения и в офлайн-, и в онлайн-среде, 30,6% – чаще в цифровой, что подтверждает применимость гибридной оптики.

Визуальная среда как фактор поведения, доверия и ориентации (табл. 2)

Таблица 2. Оценка роли визуальной среды

Утверждение	Доля высоких оценок 4-5
Визуальная среда влияет на доверие к месту, бренду, цифровому сервису или информации	87,1%
Визуальная среда может как помогать человеку, так и перегружать его	83,6%

Окончание

Утверждение	Доля высоких оценок 4-5
По визуальной среде можно понять, как устроено пространство, сервис или организация	80,7%
Визуальная среда влияет на поведение, а не только на восприятие красоты или удобства	75,8%
В онлайн-среде визуальные решения все чаще незаметно направляют поведение человека	72,6%

Наиболее выраженный показатель связан с доверием – 87,1%. Уже на этом уровне визуальная среда выступает не только эстетическим, но и регулятивным фактором.

Состав визуальной среды Москвы (табл. 3)

Таблица 3. Элементы повседневной визуальной среды Москвы

Элемент	Число выборов
Вывески и наружная реклама	52
Культурные афиши, плакаты, события	40
Социальные сети и визуальный контент	38
Интерфейсы приложений и сайтов	37
Архитектура и фасады зданий	36
Брендированные пространства магазинов, кафе, сервисов	36
Упаковка товаров и коммерческая графика	34
Визуальная среда метро и транспорта	34
Навигация в городе и транспорте	30
Оформление общественных пространств	28
Городские экраны и цифровые панели	25
Государственные и муниципальные визуальные коммуникации	11

Верхние позиции – вывески и наружная реклама, рядом с ними социальные сети, интерфейсы, архитектура, брендированные пространства и транспортная среда. В открытых ответах Москва описывается как среда «насыщенная, динамичная и часто перегруженная информацией».

Повседневные привычки чаще связываются с цифрово-медийным контуром (социальные сети – 54,8%); внутри городской среды ведущим оказывается транспортно-навигационный контур (навигация в метро – 41 выбор, городская навигация – 35).

Офлайн- и онлайн-контур визуальной среды (табл. 4)

Офлайн-среда воспринимается через городские и коммерческие маркеры (вывески, витрины, реклама, фасады); онлайн-среда – через интерфейсные

структуры действия (сайты, приложения, кнопки, бренды). Онлайн-контур воспринимается не только как среда просмотра, но и как среда операционного действия.

Таблица 4. Офлайн- и онлайн-доминанты визуальной среды

Офлайн-пространство	Число выборов	Онлайн-пространство	Число выборов
Вывески	44	Интерфейсы сайтов	52
Наружная реклама	40	Интерфейсы приложений	45
Архитектура и фасады	29	Визуальный стиль брендов	34
Оформление витрин и коммерческих пространств	26	Навигация и кнопки действий	31
Цветовая среда улиц и интерьеров	26	Рекламные баннеры и таргетированная реклама	24
Информационные стенды и указатели	25	Видео- и motion-контент	19
Навигация	23	—	—
Городские экраны	22	—	—

Сила влияния визуальных элементов (табл. 5)

Таблица 5. Рейтинг силы влияния визуальных элементов

Элемент	Доля высоких оценок 4–5
Социальные сети и визуальный контент	83,9%
Визуальный стиль брендов	79,0%
Цветовые и композиционные решения	78,6%
Интерфейсы приложений и сайтов	72,1%
Визуально перегружающие элементы среды	69,3%
Архитектура и оформление пространств	66,1%
Вывески и наружная реклама	62,9%
Навигация и указатели	61,3%

Наиболее сильное влияние связано с социальными сетями, визуальным контентом, брендами, цвето-композиционными решениями и интерфейсами.

Эффекты визуальной среды

Наиболее выраженные эффекты: комфорт / дискомфорт – 81,7%; ориентация и понимание, куда идти / что делать – 78,4%; понятность / запутан-

ность среды – 78,3%; доверие / недоверие – 65,0%; эмоциональное состояние – 63,4%; подталкивание к действиям – 61,6%; включенность / исключенность – 50,0%; давление / навязывание / перегрузка – 50,0%.

Студенты легче фиксируют прямые эффекты – комфорт, ориентацию, понятность; показатель «подталкивание к действиям» (61,6%) указывает на наличие поведенческого измерения.

Цифровая среда как более навязчивая и давящая

Цифровая среда чаще описывается как более навязчивая (51,7%); давление и перегрузку чаще связывают с ней 53,3%. По ориентированию оценки менее однозначны: 38,3% – одинаково в обеих средах, 36,7% – чаще в городской.

Согласованность контуров оценивается как частичная: «частично согласованно» – 58,3%, «в основном согласованно» – 36,7%, «очень согласованно» – 0%.

Визуальная среда как механизм «правил игры»

Респонденты оценивали, как среда задает сценарии действия: помогает понять, что делать – 27,3%; подталкивает к выбору – 25,2%; формирует «так принято» – 20,9%; делает одни действия удобнее – 18,0%; ограничивает – 7,9%; почти не влияет – 0,7%.

Сферы, где визуальная среда сильнее всего задает «правила игры»: транспорт и навигация – 17,8%; государственные и городские сервисы – 15,4%; торговые и коммерческие пространства – 14,8%; интерфейсы приложений и сайтов – 14,8%; образовательная среда – 14,2%; социальные сети – 13,0%.

Открытые ответы дают примеры: «Метро в Москве, там визуальная среда буквально ведет человека без слов»; «дорожка в парке... – свобода выбора сохраняется, но среда уже продиктовала самый удобный маршрут». В цифровой среде – выделенная кнопка «Купить».

Пилотный индекс поведенческой регулятивности визуальной среды

Индекс включает шесть субиндексов: поведенческая значимость (ПЗ), сила визуальных регуляторов (СВР), эффекты среды (ЭВС), «правила игры» (ПИ), цифровое давление (ЦД), визуальная проблемность (ВП). Шкала 0–100. Формула:

$$\text{ИПРВС} = 0,20 \times \text{ПЗ} + 0,20 \times \text{СВР} + 0,15 \times \text{ЭВС} + 0,20 \times \text{ПИ} + 0,15 \times \text{ЦД} + 0,10 \times \text{ВП},$$

Субиндексы рассчитывались по агрегированным распределениям: для шкальных вопросов – доля оценок 4–5, для множественного выбора – относительные доли. Веса заданы теоретически и требуют проверки.

Значения субиндексов: ПЗ – 80,0; СВР – 71,7; ЭВС – 66,1; ПИ – 86,0; ЦД – 60,9; ВП – 56,3. Итоговый ИПРВС составил **72,2 из 100** – повышенный уровень воспринимаемой поведенческой регулятивности.

Также рассчитан пилотный индекс межконтурной когерентности (ИМК) – **57,5 из 100**. Это указывает на средний уровень согласованности контуров. Оба индекса имеют пилотный характер (табл. 6).

Таблица 6. Итоговый визуально-средовой диагностический профиль Москвы в восприятии студентов-дизайнеров

Измерение профиля	Эмпирический показатель	Интерпретация
Состав визуальной среды	Вывески и наружная реклама – 52 выбора; культурные афиши – 40; социальные сети – 38; интерфейсы – 37	Гибрид городских, коммерческих, культурных и цифровых контуров
Повседневные привычки	Социальные сети выбрали 54,8% респондентов	Привычки чаще связываются с цифрово-медийным контуром
Городская ориентация	Навигация в метро и городском транспорте – 41 выбор; городская навигация – 35	Ведущая роль транспортно-навигационного контура
Сила визуальных регуляторов	Социальные сети – 83,9%; бренды – 79,0%; цвето-композиционные решения – 78,6%; интерфейсы – 72,1%	Сильное воздействие цифровых, коммерческих и композиционных элементов
Функциональные эффекты	Комфорт / дискомфорт – 81,7%; ориентация – 78,4%; понятность / запутанность – 78,3%	Приоритет комфорта, ориентации и понятности
Цифровое давление	Навязчивость цифровой среды – 51,7%; давление / ощущение манипулятивности / перегрузка – 53,3%	Цифровой контур воспринимается как более плотный
Межконтурная когерентность	ИМК – 57,5 из 100; «частично согласованно» – 58,3%	Средняя согласованность офлайн- и онлайн-среды
Поведенческие «правила игры»	Помогает понять, что делать – 27,3%; подталкивает к выбору – 25,2%; формирует «так принято» – 20,9%	Поведение задается через подсказки, нормы и удобство действий
Проблемность среды	Перегрузка информацией – 18,9%; визуальный шум – 17,1%; разрыв образа и содержания – 16,6%	Избыток сигналов и слабая связь образа с опытом
Микроэлементы среды	Освещение, покрытия, остановки, скамейки, урны, стыки, коколы, визуальная тишина	Фоновое влияние малых элементов среды
Интегральная регулятивность	ИПРВС – 72,2 из 100	Повышенная воспринимаемая поведенческая регулятивность

Разрыв между визуальной привлекательностью и реальным опытом

Открытые ответы выявили противоречие между визуально привлекательной средой и неудобным реальным опытом – особенно в общественных пространствах, парках, торговых центрах, цифровых сервисах и новых жилых / деловых кварталах.

Один из респондентов: «Красота нередко преобладает над функциональностью – среда хороша для фото, но неудобна в быту»; другой: «В цифровых сервисах, несмотря на хороший дизайн, у приложения неудобная навигация».

Выделяются пять типов разрыва: общественные пространства «для фото»; неудобные цифровые сервисы; благоустройство без учета телесного опыта; коммерческие пространства с приоритетом стильности; новые кварталы, где статусность не равна удобству. Визуальная привлекательность не равна средовой пригодности.

Профессиональная рефлексия студентов-дизайнеров

Студенты-дизайнеры связывают работу с визуальной средой не только с эстетикой, но и с ответственностью за внимание, эмоции и удобство пользователя. Один из ответов: «современный человек хронически перегружен вниманием, и каждая визуальная деталь либо крадет этот ресурс, либо возвращает его» – это сдвиг от дизайна как украшения к работе с когнитивной нагрузкой.

Обсуждение результатов

В восприятии респондентов визуальная среда мегаполиса устроена как гибрид офлайн- и онлайн-контуров – единая система, где человек ориентируется, выбирает, доверяет и оценивает.

Первый результат – регулятивный потенциал среды: высокие оценки влияния на доверие, понятность, комфорт и поведение показывают, что студенты фиксируют не только эстетическую, но и социально-поведенческую сторону визуальных решений.

Второй результат – усиление цифрового контура. Социальные сети и визуальный контент получили наиболее высокие оценки силы влияния; цифровая среда не только предъявляет информацию, но сразу предлагает действие.

Третий результат – городская ориентация: метро, навигация, указатели и переходы помогают понять, куда идти, но избыток рекламы и несогласованность снижают эту функцию. Качество среды определяется не количеством знаков, а их иерархией и читаемостью.

Четвертый результат – механизм поведенческого направления: среда действует через подсказки, маршруты, акценты внимания, удобство и нормализацию. Примеры (навигация метро, дорожки в парке, кнопки в интерфейсе) показывают, что среда работает как «невидимый навигатор».

Пятый результат – проблемный слой: главные проблемы – перегрузка, визуальный шум, давление рекламы и разрыв между образом и опытом («среда для фото, но не для жизни»).

Особую ценность имеет блок о недооцененных элементах: освещение, цвет фасадов, остановки, скамейки, урны, цоколи, зеленые насаждения, визуальная тишина. Этот слой можно обозначить как микроархитектуру визуальной среды – малые элементы, формирующие фоновый комфорт, усталость и ориентированность.

Шестой результат – цифровые сервисы: привлекательный интерфейс может расходиться с удобной логикой; важны простота сценария, ясность выбора и контроль над вниманием.

Практическая значимость – применение профиля при проектировании городской навигации, общественных пространств, цифровых сервисов и образовательных программ дизайна: снижение визуального шума, читаемая навигация, ясная иерархия действий, темы когнитивной нагрузки и ответственности дизайнера.

Авторский вклад – объединение типологического описания, поведенческой интерпретации, проблемной диагностики и пилотной индексной оценки в единую рамку анализа.

Заключение

Исследование позволило пилотно апробировать визуально-средовой диагностический профиль на материале опроса студентов-дизайнеров СПО. Научная новизна – первичная операционализация визуального слоя социальной архитектуры через профиль и пилотную индексную оценку поведенческой регулятивности.

Ключевой вывод: визуальная среда задает поведенческие сценарии преимущественно через подсказки, удобство, подталкивание и нормализацию, а не через прямое ограничение. Пилотный ИПРВС составил 72,2 из 100.

Ограничения – целевой характер выборки и пилотный статус индекса. Перспективы – расширение выборки и проверка индекса на расширенных массивах.

Литература

1. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.
2. Архитектура Запада. Кн. 2. Социальные и идеологические проблемы / А.В. Иконников, В.Л. Глазычев, А.А. Стригалева [и др.]. – Москва: Стройиздат, 1975. – 197 с.
3. Норман Д. Дизайн привычных вещей. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 384 с.
4. Тихонов А.В. Социология управления. 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Канон+ РООИ «Реа-

билитация», 2007. – 472 с. – ISBN 978-5-88373-153-1.

5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с. – ISBN 5-210-01539-9.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
7. Цифровой поворот в системе образования: социально-гуманитарный контекст: монография / С.А. Кравченко, А.В. Носкова, А.В. Андреевкова [и др.]; под ред. С.А. Кравченко, А.В. Носковой. – Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 388 с. – ISBN 978-5-9228-2651-8.
8. Романов П.В. Социология менеджмента и организаций. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 288 с.
9. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. – Москва: Омега-Л, 2007. – 567 с.
10. Кравченко С.А. Социологическая диагностика синергических сложностей современной России: монография. – Москва: МГИМО-Университет, 2024. – 380 с. – ISBN 978-5-9228-2935-9.
11. Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности: монография / [С.А. Кравченко, Н.Н. Зарубина, А.И. Подберезкин и др.]; под общ. ред. С.А. Кравченко. – Москва: МГИМО-Университет, 2018. – 274 с. – ISBN 978-5-9228-1887-2.
12. Сокольникова Н.М. Основы дизайна и композиции: учебник для использования в учебном процессе образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования по профессии «Графический дизайнер». – Москва: Академия, 2019. – 160 с. – ISBN 978-5-4468-8678-4.
13. Сокольникова Н. М., Сокольникова Е.В. История дизайна: учебник для использования в учебном процессе образовательных учреждений, реализующих программы среднего профессионального образования по специальности «Дизайн (по отраслям)». – Москва: Академия, 2019. – 240 с. – ISBN 978-5-4468-5965-8.

A VISUAL-ENVIRONMENTAL DIAGNOSTIC PROFILE OF A MEGACITY: OFFLINE AND ONLINE CONTOURS OF MOSCOW AS PERCEIVED BY DESIGN STUDENTS

Kalmykov N.N.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the visual environment of a modern megacity as a factor in the formation of everyday behavioral scenarios. It proposes and pilot-tests a visual-environmental diagnostic profile as a tool for analyzing the visual layer of a megacity's social architecture. Based on an online survey of vocational design students specializing in graphic design (N = 62), conducted in 2026, the study analyzes perceptions of the offline and online contours of

Moscow's visual environment. The results indicate that, within the target sample, respondents perceive the visual environment not only as an aesthetic or informational background, but also as a system influencing trust, orientation, comfort, emotional state, overload, and behavioral choices. One component of the proposed profile is a pilot behavioral regulatory capacity index for the visual environment; its value was 72.2 out of 100. The article concludes that the visual environment can be considered as a diagnosable layer of social architecture, shaping the range of possible behavior through cues, convenience, normalization, and visual nudging.

Keywords: visual environment; megacity; Moscow; design students; visual-environmental diagnostic profile; behavioral regulatory capacity index; social architecture; behavioral scenarios; digital environment; visual communication.

References

1. Lynch, K. The Image of the City / translated from English by V.L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat, 1982. 328 p.
2. Architecture of the West. Book 2. Social and Ideological Problems / A.V. Ikonnikov, V.L. Glazychev, A.A. Strigalev [et al.]. Moscow: Stroyizdat, 1975. 197 p.
3. Norman, D. The Design of Everyday Things. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 384 p.
4. Tikhonov, A.V. Sociology of Management. 2nd ed., supplemented and revised. Moscow: Canon+ ROOI «Rehabilitation», 2007. 472 p. ISBN 978-5-88373-153-1.
5. Lotman Yu.M. Semiosphere. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. – 704 p. – ISBN 5-210-01539-9.
6. Castells M. Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. – Ekaterinburg: U-Factoria, 2004. – 328 p.
7. Digital Turn in the Education System: Social and Humanitarian Context: monograph / S.A. Kravchenko, A.V. Noskova, A.V. Andreenkova [et al.]; edited by S.A. Kravchenko, A.V. Noskova. – Moscow: MGIMO-University, 2023. – 388 p. – ISBN 978-5-9228-2651-8.
8. Romanov P.V. Sociology of Management and Organizations. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. – 288 p.
9. Yadov V.A. Strategy of Sociological Research: Description, Explanation, and Understanding of Social Reality. 3rd ed., corrected. – Moscow: Omega-L, 2007. – 567 p.
10. Kravchenko S.A. Sociological Diagnostics of Synergistic Complexities of Contemporary Russia: monograph. – Moscow: MGIMO-University, 2024. – 380 p. – ISBN 978-5-9228-2935-9.
11. Trust in Knowledge in the Context of Social Turbulence: Risks, Vulnerabilities, and Security Challenges: monograph / [S.A. Kravchenko, N.N. Zarubina, A.I. Podberezkin, et al.]; general editorship. S.A. Kravchenko. – Moscow: MGIMO-University, 2018. – 274 p. – ISBN 978-5-9228-1887-2.
12. Sokolnikova N.M. Fundamentals of Design and Composition: a textbook for use in the educational process of educational institutions implementing secondary vocational education programs in the profession «Graphic Designer». – Moscow: Academy, 2019. – 160 p. – ISBN 978-5-4468-8678-4.
13. Sokolnikova N. M., Sokolnikova E.V. History of Design: a textbook for use in the educational process of educational institutions implementing secondary vocational education programs in the specialty «Design (by industry)». – Moscow: Academy, 2019. – 240 p. – ISBN 978-5-4468-5965-8.

Образование как ресурс социальной интеграции инвалидов при сопровождаемом проживании

Кожушко Людмила Александровна,

доктор медицинских наук, директор Федерального методологического и методического центра развития сопровождаемого проживания инвалидов, Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации имени Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: l.timch@mail.ru.

Гильдингерш Марина Григорьевна,

доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: mgild@mail.ru.

Кантышева Ирина Георгиевна,

главный специалист Федерального методологического и методического центра развития сопровождаемого проживания инвалидов, Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации имени Г.А. Альбрехта Минтруда России
E-mail: iren.kante@mail.ru

В Российской Федерации сопровождаемое проживание инвалидов законодательно закреплено как комплекс мер, включающий создание условий для получения образования. Однако динамика реализации прав в сфере образования инвалидов в условиях сопровождаемого проживания остаётся недостаточно изученной, что определяет актуальность настоящего исследования.

Статья посвящена анализу мероприятий по содействию в получении инвалидами образования в условиях сопровождаемого проживания в Российской Федерации, за период 2019–2023 гг.

Ключевые слова: сопровождаемое проживание, инвалиды, деинституализация, профессиональное образование, инклюзивное образование.

Введение

Эволюция прав людей с инвалидностью в международном праве началась с Декларации ООН 1975 года, которая утверждает, что инвалидность не может служить основанием для ограничения прав и свобод личности. Впервые было закреплено право людей с инвалидностью на уважение достоинства и полноценное участие в жизни общества [1]. Дальнейшим шагом стала Конвенция о правах инвалидов, сместившая фокус внимания с опеки на права человека, включая образование, мобильность, самостоятельный образ жизни, социальную интеграцию [2].

Ратификация Российской Федерацией данной Конвенции в 2012 году ознаменовала начало системной работы по внедрению ее принципов в законодательство и социальную практику [3]. Одним из ключевых результатов этого процесса стало развитие альтернативных форм поддержки, таких как сопровождаемое проживание инвалидов (далее СП).

Согласно положениям Федерального закона № 137-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.04.2023, которые внесли правки в действующее законодательство России, на общегосударственном уровне было введено понятие СП. Под ним понимается «комплекс мер, направленных на обеспечение проживания в домашних условиях инвалидов старше 18 лет, неспособных вести самостоятельный образ жизни без помощи других лиц...» и включает в себя, в том числе создание специальных условий для получения инвалидами образования [4].

Несмотря на то, что в России наблюдается динамичное развитие и масштабирование подходов в сфере сопровождаемого проживания [5,6,7,8], современная концепция сопровождаемого проживания представляет собой не модель бытовой поддержки, а многомерную систему, где образование рассматривается как стратегический ресурс социальной интеграции. Как отмечают исследователи инклюзивных практик, образовательная среда выполняет функцию «социального лифта», позволяющего преодолеть маргинализацию и сформировать устойчивые социальные связи [9,10].

Современные подходы к организации образования в условиях сопровождаемого проживания требуют преодоления узкопрофессионального взгляда на обучение. Как справедливо отмечает

Н.Н. Малофеев, инклюзивное образование должно рассматриваться как «целостный процесс развития личности», включающий когнитивное, эмоциональное, социальное и культурное измерения [11].

Е.Л. Гончарова, Д.В. Зайцев, Л.М. Кобрина, Н.М. Назарова и другие исследователи акцентируют внимание на важности инклюзивного обучения как эффективного подхода к обеспечению равных образовательных возможностей для всех участников образовательного процесса, в том числе для тех, кто имеет ограниченные возможности здоровья [12–16]. Инклюзивное образование предполагает создание таких условий в общеобразовательной среде, при которых учащиеся с особыми образовательными потребностями могут обучаться вместе со сверстниками без ограничений, получая необходимую поддержку и адаптацию учебного процесса. Такой подход способствует не только повышению качества образования, но и активно противодействует социальной изоляции и маргинализации людей с инвалидностью.

Образование выполняет одну из важных функций в жизни человека с инвалидностью, являясь основой для последующей профессиональной самореализации и трудовой занятости. Получение образования позволяет не только приобрести профессиональные компетенции, но и развить необходимые социальные навыки, повысить уровень самостоятельности и уверенности в собственных силах. Именно образовательная подготовка создает предпосылки для успешного трудоустройства, что в свою очередь способствует экономической независимости и полноценному участию в жизни общества.

В современном мире, где знания и профессиональные навыки становятся главным капиталом, обеспечение равного доступа к образованию для людей с инвалидностью является значимым. Речь идет не только о реализации их законных прав, но и о существенном условии социального и экономического прогресса всего общества. Поэтому изучение существующих трудностей и возможных путей обеспечения права на образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья является актуальной и значимой задачей.

Следует отметить, что для людей с инвалидностью в условиях сопровождаемого проживания образование выступает основанием для их последующей социально-трудовой занятости. В рамках адаптированного образовательного процесса формируются не только элементарные профессиональные умения, но и, в первую очередь, социальные компетенции, навыки коммуникации и самообслуживания, бытового ориентирования, а также способность к адаптации в условиях поддерживаемой среды.

Цель исследования – провести анализ мероприятий по содействию в получении инвалидами

образования в рамках сопровождаемого проживания.

Методика

Объектом исследования стали люди с инвалидностью, постоянно проживающие в условиях сопровождаемого проживания. Сведения были получены от органов исполнительной власти 85 субъектов Российской Федерации. Сами данные представляют собой результаты пятилетнего (2019–2023 гг.) исследования, проведенного ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им. Г.А. Альбрехта Минтруда России.

Для достижения цели исследования использованы методы: метод укрупнения периодов, качественный и количественный контент-анализ, а также статистические методы обработки данных.

Результаты

В результате проведенного анализа статистических данных за период 2019–2023 гг. выявлена нестабильная динамика численности инвалидов, проживающих в условиях сопровождаемого проживания и получающих образование по различным образовательным программам (рис. 1).

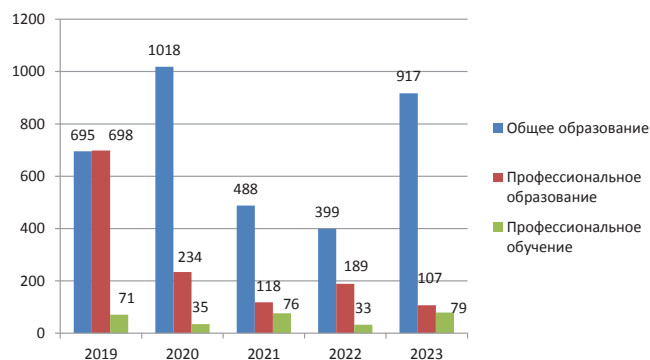

Рис. 1. Количество инвалидов на сопровождаемом проживании (постоянно), получающих различное образование (чел.)

В целом за анализируемый период зафиксировано снижение данного показателя на 24,0% (с 1464 до 1112 чел.). Наибольшее сокращение пришлось на 2021 и 2022 годы, когда численность инвалидов, получающих образование, достигла минимальных значений – 682 и 621 человек соответственно.

Анализ пятилетнего периода (2019–2023 гг.) показывает, что среднегодовой темп сокращения составлял 36,7%. Однако наиболее значительный спад пришёлся на 2021 год: тогда объём показателя уменьшился в 1,9 раза по сравнению с 2020 годом. Причиной, по всей видимости, выступили ограничения, вызванные пандемией COVID-19, когда многие образовательные учреждения работали дистанционно или вовсе приостанавливали очный процесс.

В последующие два года (2022–2023) динамика приобрела положительный характер, что выразилось в росте в 1,7 раза (показатель поднялся с 91,1% до 179,1%). Численность инвалидов достигла 1112 человек против 621 человека ранее. При этом возвращение на уровень 2019 года пока не зафиксировано.

На графике представлено наглядное изменение уровней динамического ряда. Представленная на нем тенденция была подтверждена расчетами скользящей средней и укрупнением периодов (рис. 2).

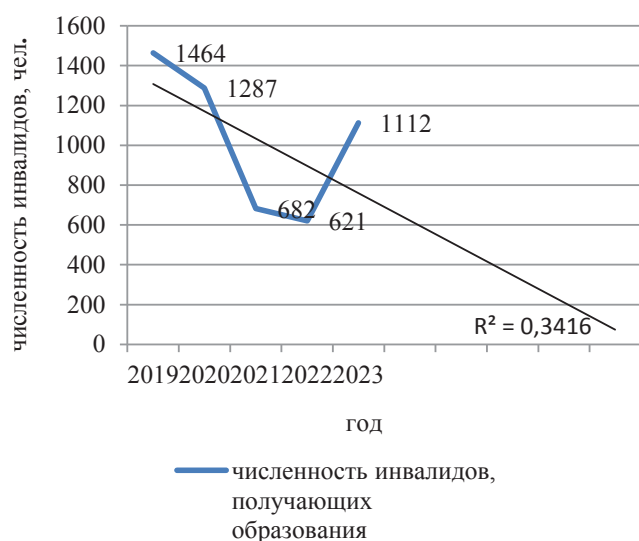

Рис. 2. Динамика численности инвалидов, включенных в сопровождаемое проживание на постоянной основе (чел.).

Как следует из рисунка, наблюдаемый за последний год прирост показателя не привел к формированию положительной тенденции – линия тренда сохраняет отрицательный наклон при величине достоверности аппроксимации $R^2 = 0,34$. Итоговые выводы о динамике развития услуг, направленных на содействие в получении образования лицами с инвалидностью, проживающих в условиях сопровождаемого проживания, целесообразно провести через 4–5 лет, в среднесрочной перспективе.

В процессе исследования выявлено, что наибольшее снижение зафиксировано по программам профессионального образования: сокращение в 6,5 раз – с 698 до 107 человек. К 2023 году охват этими услугами составил всего 9,6% от общего числа инвалидов в условиях СП, получающих образование.

Данная тенденция может быть связана с комплексом факторов: увеличением численности инвалидов на сопровождаемом проживании в 2,6 раза за рассматриваемый период с 2542 чел. (в 2018 году) до 6688 чел. (в 2023 году), что привело к изменению структуры контингента (число лиц с психическими нарушениями увеличилось до 5466 чел.); рост доли лиц с выраженными

ограничениями жизнедеятельности (2–3 степени) и ограничением способности к трудовой деятельности 3 степени, для которых освоение программ профессионального образования представляет значительную сложность; недостаточная адаптация образовательных программ к потребностям лиц с ментальными и множественными нарушениями развития.

Положительная динамика отмечается только по общеобразовательным программам (+31,9%) и программам профессионального обучения (+11,3%), что свидетельствует о смещении образовательного вектора в сторону более доступных форм обучения.

С целью исправления ситуации в части охвата инвалидов, получающих услуги в рамках сопровождаемого проживания, необходима разработка специальных мер, в т.ч. необходимо решить проблему доступности профессионального образования для данной категории граждан, разработать адаптированные программы профессионального обучения с учетом особенностей ограничения жизнедеятельности и проживания в условиях сопровождения.

Выводы

1. Динамика численности инвалидов, получающих образование в условиях сопровождаемого проживания, характеризуется нестабильностью с выраженным провалом в 2021–2022 гг.

2. Несмотря на восстановительный рост в 2023 году, показатели не достигли допандемийного уровня.

3. Критическое сокращение охвата программами профессионального образования требует принятия дополнительных мер по адаптации образовательных программ и развитию системы сопровождения.

4. Нормативное закрепление образовательного компонента в структуре сопровождаемого проживания (ФЗ № 137-ФЗ) требует дальнейшего развития методологических подходов, подготовки кадров с компетенциями в области инклюзивной педагогики и создания межведомственных механизмов взаимодействия систем социального обслуживания и образования.

Перспективным направлением представляется разработка типовых образовательных маршрутов, учитывающих индивидуальные особенности контингента в условиях СП и потенциала окружающей инфраструктуры. Такой подход отражает логику персонифицированной поддержки, принятую в международном праве.

Заключение

Таким образом, исследование выявило сокращение охвата программами профессионального образо-

вания контингента в практиках СП и определило вектор дальнейших научно-практических разработок, направленных на её решение. Реализация обозначенных перспективных направлений является предпосылкой для успешной социализации людей с инвалидностью: расширения их социальных контактов, формирования бытовой и коммуникативной самостоятельности, а также преодоления изоляции в обществе. Реализация права на образование напрямую способствует решению более широкой задачи обеспечению достойной жизни, социального включения и равных возможностей для всех граждан.

Литература

1. Декларация о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1975.
2. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 ГА ООН 13.12.2006 // Организация Объединенных Наций https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Дата обращения 24.04.2026).
3. О ратификации Конвенции о правах инвалидов / Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации / Федеральный закон от 28.04.2023 № 137-ФЗ.
5. Виноградова Е.А., Нестерова А.Г. и др. Организация сопровождаемого проживания лиц с тяжелыми и множественными нарушениями развития. Псков, 2016. URL: <https://clp.pskov.ru/downloads/2017/10/Dosugovaya-deyatelnost-lyudej-s-tyazhyolymi-i-mnozhestvennymi-narusheniyami-razvitiya.pdf> (дата обращения 24.04.2026).
6. Дрозденко И.Г., Иванов П.В., Миллер Ю.С., Самойлов Н.С. Модель сопровождаемого проживания лиц с интеллектуальными нарушениями Ленинградской области: метод. рекомендации. СПб: 2020. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/101> (Дата обращения 24.04.2026).
7. Пономаренко Г.Н., Кожушко Л.А., Рохманова М.В. Сопровождаемое проживание как новая технология в комплексной реабилитации инвалидов // Профилактическая и клиническая медицина. – 2024. – № 3 (92). – С. 83–91.
8. Кожушко, Л.А. Сопровождаемое проживание инвалидов с различными нарушениями функций организма: отечественный и зарубежный опыт / Л.А. Кожушко, И.Г. Канташова // Физическая и реабилитационная медицина. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 38–45. – DOI 10.26211/2658-4522-2023-5-2-38-45
9. Кантор В.З., Антропов А.П., Мазур М.А. Взаимодействие школы и вуза в области профориентации обучающихся с инвалидностью как ресурс развития инклюзивного высшего образования: социально-реабилитационный контекст // Профессиональное образование в современном мире: традиции и инновации. 2019. С. 50–56.
10. Храпылина Л.П., Станевский А.Г. Методологические основы инклюзивной профессиональной подготовки качественной рабочей силы из числа инвалидов // Социально-трудовые исследования. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-inklyuzivnoy-professionalnoy-podgotovki-kachestvennoy-rabochey-sily-iz-chisla-invalidov> (дата обращения: 24.04.2026).
11. Малофеев Н.Н., Гончарова Е.Л. Позиция ИКП РАО в оценке современного этапа развития государственной системы специального образования в России // Альманах института коррекционной педагогики, – 2015. – № 1.
12. Гончарова Е.Л., Кукушкина О.И. Ребенок с особыми образовательными потребностями // Альманах института коррекционной педагогики. – № 5. – 2012.
13. Зайцев Д.В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями: Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. – Самара, 2014.
14. Кобрин Л.М. Система интегрированного обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии в условиях общеобразовательной сельской школы: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2016.
15. Назарова Н.М. Интегрированное (инклюзивное) образование: генезис и проблемы внедрения // Коррекционная педагогика. – 2010. – № 4.
16. Збирова Е.П., Тарасенко Е.А. Опыт российских университетов: создание инклюзивной образовательной среды для студентов-инвалидов и студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 4 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-rossijskih-universitetov-sozdanie-inklyuzivnoy-obrazovatelnoy-sredy-dlya-studentov-invalidov-i-studentov-s-ogranichennymi> (дата обращения: 24.04.2026).

EDUCATION AS A RESOURCE FOR SOCIAL INTEGRATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN SUPPORTED LIVING

Kozhushko L.A., Gildingersh M.G., Kantysheva I.G.

Federal Scientific and Educational Center for Medical and Social Expertise and Rehabilitation named after G.A. Albrecht, St. Petersburg State University of Economics

In the Russian Federation, supported living for people with disabilities is legally established as a set of measures, including creating conditions for obtaining education. However, the dynamics of the implementation of rights in the field of education for people with disabilities in supported living conditions remain insufficiently studied, which determines the relevance of this study. The article is devoted to the analysis of measures to assist people with disabilities in ob-

taining education in supported living conditions in the Russian Federation for the period 2019–2023.

Keywords: disabled persons, deinstitutionalization, supported living, vocational education, inclusive education.

References

1. Declaration on the Rights of Disabled Persons, adopted by the UN General Assembly on 09.12.1975.
2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by UN General Assembly Resolution 61/106 on 13.12.2006. // United Nations https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Accessed 24.04.2026).
3. On Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities / Federal Law of May 3, 2012 No. 46-FZ
4. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation / Federal Law of April 28, 2023 No. 137-FZ.
5. Vinogradova E.A., Nesterova A.G., et al. Organization of Supported Living for Persons with Severe and Multiple Developmental Disabilities. Pskov, 2016. URL: <https://clp.pskov.ru/downloads/2017/10/Dosugovaya-deyatelnost-lyudej-s-tyazhyolymi-i-mnozhestvennymi-narusheniyami-razvitiya.pdf> (Accessed 24.04.2026).
6. Drozdenko I.G., Ivanov P.V., Miller Yu.S., Samoilov N.S. Model of supported living for persons with intellectual disabilities in the Leningrad Region: method. recommendations. St. Petersburg: 2020. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/101> (Accessed 24.04.2026).
7. Ponomarenko G.N., Kozhushko L.A., Rokhmanova M.V. Supported living as a new technology in the comprehensive rehabilitation of persons with disabilities // Preventive and clinical medicine. – 2024. – No. 3 (92). – P. 83–91.
8. Kozhushko, L.A. Supported living of people with disabilities with various disabilities: domestic and foreign experience / L.A. Kozhushko, I.G. Kantysheva // Physical and rehabilitation medicine. – 2023. – Vol. 5, No. 2. – P. 38–45. – DOI 10.26211/2658-4522-2023-5-2-38-45
9. Kantor V.Z., Antropov A.P., Mazur M.A. Interaction between school and university in the field of career guidance for students with disabilities as a resource for the development of inclusive higher education: social rehabilitation context // Professional education in the modern world: traditions and innovations. 2019. P. 50–56.
10. Khrapilina L.P., Stanevsky A.G. Methodological Foundations of Inclusive Professional Training of a High-Quality Workforce from Among Persons with Disabilities. Social and Labor Research. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-inklyuzivnoy-professionalnoy-podgotovki-kachestvennoy-rabochey-sily-iz-chisla-invalidov> (Accessed 24.04.2026).
11. Malofeev N.N., Goncharova E.L. Position of the Institute of Special Education of the Russian Academy of Education in Assessing the Current Stage of Development of the State System of Special Education in Russia. Almanac of the Institute of Correctional Pedagogics, 2015. No. 1.
12. Goncharova E.L., Kukushkina O.I. A Child with Special Educational Needs // Almanac of the Institute of Correctional Pedagogics. – No. 5. – 2012.
13. Zaitsev D.V. Social Integration of Children with Disabilities: Abstract of a Doctor of Sociological Sciences Dissertation. – Samara, 2014.
14. Kobrina L.M. System of Integrated Education and Upbringing of Children with Developmental Disabilities in a Rural General Education School: Abstract of a Doctor of Pedagogical Sciences Dissertation. – Moscow, 2016.
15. Nazarova N.M. Integrated (inclusive education: genesis and problems of implementation // Correctional pedagogy. – 2010. – No. 4.
16. Zbirovskaya E.P., Tarasenko E.A. Experience of Russian universities: creating an inclusive educational environment for students with disabilities and students with disabilities // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Psychology. Pedagogy. Education». 2016. No. 4 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-rossiyskih-universitetov-sozdanie-inklyuzivnoy-obrazovatelnoy-sredy-dlya-studentov-invalidov-i-studentov-s-ogranichennymi> (Accessed 24.04.2026).

Трансформация корпоративной культуры в условиях цифровизации общества

Козаева Лина Александровна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: kozaeva.lina2002@mail.ru

В статье рассматривается трансформация корпоративной культуры под влиянием цифровизации общества. Корпоративная культура раскрывается не как формальный набор ценностей, а как практическая система норм, определяющая коммуникацию, доверие, контроль, ответственность, инициативу и отношение сотрудников к изменениям. Показано, что цифровая среда переводит организацию от модели устойчивой иерархии и личного присутствия к модели управляемой гибкости, основанной на прозрачности процессов, цифровой дисциплине, распределенной ответственности и постоянном обучении. Особое внимание уделено изменениям в деловых коммуникациях, цифровом контроле, использовании данных, цифровом лидерстве и этических границах применения автоматизированных инструментов. Обосновывается, что цифровые технологии сами по себе не создают зрелую корпоративную культуру, а усиливают уже существующие управленческие установки. В культуре доверия они повышают согласованность и эффективность работы, а в культуре недоверия могут привести к гиперконтролю, информационной перегрузке, снижению вовлеченности персонала и сопротивлению изменениям. Сделан вывод о необходимости формирования человекоцентричной, оптимально гибкой, этически устойчивой корпоративной культуры, способной сочетать технологичность, управляемость, доверие и профессиональную автономию сотрудников в цифровом обществе. Подчеркивается значение устойчивости организации при обновлении технологий, требований рынка и рабочих практик.

Ключевые слова: корпоративная культура, цифровизация, цифровое общество, организационные ценности, цифровое лидерство, доверие, коммуникация, этика данных.

Цифровизация общества постепенно изменила представление о том, как должна быть устроена современная организация. Долгое время цифровые технологии воспринимались преимущественно как инструменты ускорения: электронный документооборот сокращает время согласований, корпоративные платформы упорядочивают задачи, аналитические панели позволяют быстрее видеть результат, а автоматизированные сервисы снимают часть рутинной нагрузки. Однако практический опыт организаций показывает, что цифровизация затрагивает не только технологический контур работы. Она меняет внутреннюю культуру компании: способы общения, распределение ответственности, критерии доверия, отношение к инициативе, характер лидерства и представления сотрудников о справедливом управлении.

Проблема заключается в том, что цифровые инструменты можно внедрить достаточно быстро, тогда как корпоративная культура перестраивается значительно медленнее. Если организация сохраняет старые иерархические привычки, но переносит их в цифровую среду, результатом становится не развитие, а усиление контроля, рост информационной перегрузки и снижение доверия. Наоборот, если цифровые технологии вводятся в культуру, где уже есть ясные ценности, ответственность и уважение к профессиональной субъектности сотрудника, они становятся не внешним давлением, а средством повышения согласованности работы.

Теоретическая сложность темы состоит в том, что корпоративную культуру нельзя свести ни к HR-политике, ни к стилю руководства, ни к корпоративным мероприятиям. Д.Г. Передня показывает необходимость разграничивать культуру управления и управленческую культуру, поскольку за внешне близкими понятиями стоят разные уровни организационной реальности [5]. Для анализа цифровизации это разграничение особенно важно: меняются не только отдельные управленческие приемы, но и ценностные основания, на которых организация строит власть, коммуникацию и ответственность.

Цель статьи – выявить основные направления трансформации корпоративной культуры в условиях цифровизации общества и показать, какие управленческие и ценностные изменения необходимы для сохранения организационной устойчивости. Для достижения цели последовательно

рассматриваются изменения в понимании корпоративной культуры, факторы цифровой трансформации, новые нормы коммуникации, роль цифрового лидерства и этические вызовы, возникающие при работе с данными, платформами и автоматизированными инструментами.

Далее необходимо определить исходную логику изменений: что именно происходит с корпоративной культурой, когда цифровая среда становится обычным пространством повседневной работы, а не вспомогательным техническим дополнением.

Корпоративная культура выражает устойчивый способ совместной жизни организации. Она определяет, как сотрудники понимают цели компании, какие формы поведения считаются приемлемыми, что воспринимается как профессиональная ответственность, как обсуждаются разногласия и каким образом руководитель легитимизирует свои решения. Поэтому корпоративная культура действует даже тогда, когда о ней не говорят прямо: она проявляется в реакции на ошибки, в тоне рабочих сообщений, в готовности делиться информацией, в распределении права голоса и в том, насколько безопасно сотруднику выражать аргументированное несогласие.

Н.Ю. Корнеева и Г.Н. Жаксылыкова подчеркивают, что культура управления и управленческая культура связаны, но не совпадают полностью [4]. Для темы цифровизации это означает, что невозможно ограничиться вопросом о том, какие программы или платформы использует компания. Гораздо важнее понять, какие нормы поведения закрепляются вокруг этих инструментов: становятся ли они средством совместной работы или превращаются в новую форму административного давления.

До активной цифровизации корпоративная культура во многих организациях строилась вокруг устойчивости, должностной вертикали и личного присутствия. Рабочее место, кабинет руководителя, совещание, бумажное распоряжение и формальная отчетность поддерживали представление о порядке. В цифровой среде эти опоры ослабевают. Сотрудник может работать удаленно, проектная команда может быть распределена между городами, решение может фиксироваться в корпоративном чате, а результат становится видимым через цифровую систему. Корпоративная культура при этом не исчезает, но меняет форму своего проявления.

Ци Ж. рассматривает управленческую культуру как часть организационной культуры, связанную с реализацией стратегии и координацией коллективных усилий [6]. Эта мысль позволяет понять, почему цифровая трансформация не может быть только техническим проектом. Если стратегия организации предполагает гибкость, инновационность и ориентацию на данные, но ее внутренняя культура поощряет молчаливое подчинение

и страх ошибки, между заявленными целями и реальным поведением возникает разрыв.

Общий сдвиг можно представить через сопоставление двух культурных режимов. Таблица 1 не заменяет текстовый анализ, а фиксирует основные линии изменения, которые затем раскрываются в последующих разделах.

Таблица 1. Сдвиг корпоративной культуры от традиционной модели к цифровой

Критерий	Традиционная модель	Цифровая модель	Культурное последствие
Основа порядка	Регламент, должность, личный контроль	Платформы, данные, распределенная ответственность	Порядок поддерживается не только властью, но и прозрачностью процессов
Коммуникация	Вертикальные каналы и периодические совещания	Чаты, трекеры, видеосвязь, общие документы	Возрастает значение письменной точности и цифровой дисциплины
Роль сотрудника	Исполнитель закрепленной функции	Носитель экспертизы и участник изменений	Усиливается потребность в самостоятельности и инициативе
Контроль	Наблюдение за процессом и присутствием	Оценка результата, цифровой след, аналитика	Контроль становится менее видимым физически, но более постоянным информационно
Отношение к изменениям	Изменение воспринимается как временное отклонение	Изменение становится нормой рабочей среды	Культура должна поддерживать адаптацию, а не только стабильность

Из таблицы следует, что цифровизация не уничтожает управленческий порядок, а переводит его в иную форму. Прежняя культура опиралась на видимую вертикаль и личное присутствие; новая культура все чаще строится на согласованности цифровых действий, доступности информации и способности сотрудников принимать решения в пределах общей рамки. Это не означает отказа от руководства, но меняет характер руководства: оно должно не только требовать исполнения, но и создавать понятные условия для самостоятельной работы.

Существенно и то, что цифровая модель не является автоматически более гуманной или более эффективной. Если организация переносит в цифровые инструменты недоверие, избыточный контроль и неясность целей, то культура становится жестче, хотя внешне выглядит современной. Поэтому вопрос о трансформации корпоративной

культуры нельзя решать через перечень внедренных сервисов. Необходим анализ факторов, которые изменяют внутреннюю жизнь компании и задают новые требования к ее ценностям.

Эти факторы удобно представить в таблице 2. Она показывает не только технологическое изменение, но и культурное напряжение, которое возникает внутри компании.

Таблица 2. Факторы цифровизации и их культурные последствия

Фактор	Что меняется в работе	Культурное требование	Риск при слабой культуре
Цифровые коммуникации	Обсуждения переходят в чаты, документы и видеосвязь	Ясность сообщений, фиксация решений, уважение к времени	Информационный шум и эмоциональное обеднение общения
Гибридная работа	Команда перестает быть постоянно собранной в одном месте	Доверие к результату и правила командной синхронизации	Ощущение разобщенности и падение принадлежности
Аналитика и метрики	Процессы становятся измеримыми и сравнимыми	Умение интерпретировать данные в контексте	Подмена качества количеством и гонка за показателями
Автоматизация	Рутинные операции передаются цифровым системам	Разграничение помощи инструмента и ответственности человека	Снижение критичности и зависимость от алгоритмов
Постоянное обновление технологий	Сотрудники регулярно осваивают новые сервисы	Культура обучения и поддержки	Усталость от изменений и скрытое сопротивление
Цифровая прозрачность	След за задачами, правками и решениями становится видимым	Справедливое распределение ответственности	Гиперконтроль и страх инициативы

Таблица 2 показывает, что цифровизация воздействует на корпоративную культуру через повседневные механизмы. Она меняет не только то, чем сотрудники пользуются, но и то, как они оценивают друг друга, как распределяют внимание, как понимают ответственность и как воспринимают руководителя. Поэтому внедрение цифровых инструментов без одновременной работы с нормами общения, доверия и обучения неизбежно приводит к конфликтам.

Исследование В.Н. Кисенко, Н.Н. Терехиной и Г.Б. Толстовой обращает внимание на значение информационно-управленческой культуры руководителя в условиях развития цифровой среды [3]. Этот вывод можно распространить шире: циф-

ровая зрелость организации зависит не только от навыков отдельных сотрудников, но и от того, насколько руководство умеет переводить технологические изменения в понятные правила совместной работы.

Рассмотрение лидерства подводит к наиболее чувствительному уровню цифровой корпоративной культуры – этическому. Цифровизация усиливает возможности организации, но одновременно увеличивает вероятность злоупотребления данными, контроля без доверия и автоматизации без ответственности. Поэтому зрелая корпоративная культура должна отвечать не только на вопрос о том, как быстрее и эффективнее работать, но и на вопрос о том, какие способы работы допустимы.

Один из ключевых этических вызовов связан с данными о сотрудниках. Цифровые системы могут фиксировать время входа, активность в программах, скорость выполнения задач, изменения документов, количество сообщений и множество иных показателей. Эти данные способны помочь руководителю увидеть перегрузку, неравномерное распределение задач или узкие места процессов. Но при иной управленческой установке они превращаются в инструмент постоянного наблюдения. Культурная граница здесь проходит между аналитикой для улучшения работы и слежением ради дисциплинарного давления.

В.В. Ермолаев, М.И. Марьин и Ю. Воронцова рассматривают ценностные регуляторы как основание поведенческих норм в организационной среде [2]. Этот подход применим к цифровой культуре напрямую: правила обращения с данными, искусственным интеллектом и цифровым контролем должны быть не случайным набором запретов, а выражением ценностей организации. Если компания декларирует уважение к человеку, но оценивает сотрудника только по цифровой активности, ее культура становится внутренне противоречивой.

Второй вызов связан с искусственным интеллектом. Автоматизированные инструменты могут помогать в анализе, подготовке текстов, обработке обращений, подборе информации и прогнозировании. Но они не снимают с человека обязанности проверять результат. В корпоративной культуре необходимо закрепить простой, но принципиальный порядок, т.е. ИИ может быть помощником, но не субъектом ответственности. Окончательное решение, особенно если оно затрагивает людей, репутацию, данные или оценку качества работы, должно оставаться за человеком.

Третий вызов касается цифрового неравенства. Сотрудники различаются по уровню владения технологиями, скорости обучения и готовности менять привычные способы работы. Если организация вводит новые инструменты без поддержки, часть коллектива оказывается в положе-

нии скрытого отставания. Это не только снижает эффективность, но и разрушает чувство справедливости. Корпоративная культура цифрового общества должна включать обучение как норму, а не как разовую реакцию на очередное обновление программы [1].

Систематизировать этические напряжения позволяет таблица 3. После нее важно рассмотреть не только сами риски, но и то, какие культурные решения позволяют их снижать.

Таблица 3. Этические риски цифровой корпоративной культуры и культурные способы их снижения

Риск	Как проявляется	Культурный способ снижения
Гиперконтроль	Сотрудник ощущает постоянное наблюдение за каждым действием	Оценивать результат и качество вклада, а не имитировать тотальный надзор
Обезличивание	Человек воспринимается как набор показателей активности	Сочетать метрики с профессиональной оценкой и живой обратной связью
Непрозрачность данных	Сотрудники не понимают, какие сведения собираются и зачем	Открыто объяснять цели сбора данных и пределы их использования
Автоматизация ответственности	Решение оправдывается тем, что его предложила система	Закрепить человеческую проверку и персональное утверждение значимых решений
Цифровое неравенство	Часть персонала не успевает осваивать новые инструменты	Включать обучение, наставничество и время на адаптацию в норму работы
Выгорание от постоянной доступности	Рабочие сообщения и задачи выходят за границы рабочего времени	Устанавливать правила срочности, времени ответа и цифровой разгрузки

Таблица 3 показывает, что этические риски цифровой культуры возникают не из самих технологий, а из способа их организационного использования. Один и тот же инструмент может поддерживать справедливое распределение задач или создавать атмосферу недоверия. Поэтому этика в цифровой корпоративной культуре не является внешним украшением и не сводится к формальному кодексу. Она должна быть встроена в правила работы с данными, коммуникацией, автоматизацией, обратной связью и оценкой результата.

Этическая зрелость особенно важна в тех ситуациях, где краткосрочная эффективность вступает в конфликт с доверием. Быстрый запуск новой системы контроля может дать руководителю больше данных, но разрушить ощущение уважения. Автоматизированная оценка может ускорить HR-процессы, но вызвать сомнение в справедливости.

Постоянные цифровые уведомления могут повысить скорость реакции, но привести к усталости и снижению качества работы. Поэтому корпоративная культура должна не просто принимать цифровизацию, а задавать ей человеческие и ценностные границы.

Трансформация корпоративной культуры в условиях цифровизации общества имеет комплексный характер. Она не сводится к внедрению программ, платформ, аналитических систем или искусственного интеллекта. Цифровизация меняет саму внутреннюю логику организации: характер коммуникации, критерии доверия, способы контроля, распределение ответственности, роль руководителя, отношение к ошибкам и границы допустимого использования данных.

Проведенный анализ показывает, что традиционная корпоративная культура, основанная преимущественно на иерархии, личном присутствии и формальном контроле, постепенно уступает место культуре управляемой гибкости. В такой культуре сохраняется потребность в порядке, но порядок обеспечивается не только распоряжением сверху, а прозрачностью процессов, ясностью задач, цифровой дисциплиной, самостоятельностью сотрудников и понятными правилами взаимодействия.

Наиболее важный вывод состоит в том, что цифровые инструменты сами по себе не формируют зрелую корпоративную культуру. Они лишь усиливают уже существующие управленческие установки. В культуре доверия и ответственности цифровые платформы помогают согласовывать действия и быстрее принимать решения. В культуре недоверия те же инструменты становятся механизмом гиперконтроля и давления. Поэтому успешная цифровая трансформация требует не только технической, но и ценностной подготовки организации.

Особое значение приобретает цифровое лидерство. Руководитель в современной организации должен быть не только администратором, но и интегратором: связывать данные с контекстом, технологии с людьми, скорость с качеством, контроль с доверием, инновации с этическими ограничениями. Его роль заключается в том, чтобы удерживать смысл изменений и не позволять цифровизации превращаться в хаотичное накопление инструментов.

Корпоративная культура цифрового общества должна быть человекоцентричной, но не слабой, гибкой, но не хаотичной, технологичной, но не обезличенной. Ее зрелость проявляется в том, что организация умеет использовать цифровые возможности без разрушения доверия, профессиональной автономии и ответственности. Именно такая культура становится условием долгосрочной устойчивости компании в обществе, где изменения происходят постоянно, а качество управле-

ния определяется не только скоростью реакции, но и способностью сохранять человеческий смысл совместной работы.

Литература

1. Виеру Н.А. Организационная культура как условие развития мотивации управленческой деятельности // Психология профессиональной деятельности: проблемы, современное состояние и перспективы развития: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 51–55.
2. Ермолаев В.В., Марьин М.И., Воронцова Ю. Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в современных представлениях управленческой элиты полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27. – № 4 (91). – С. 366–372.
3. Кисенко В.Н., Терехина Н.Н., Толстова Г.Б. Информационно-управленческая культура руководителя образовательной организации в условиях развития цифровой среды и информационно-коммуникационных технологий // Наукосфера. – 2023. – № 7–2. – С. 48–59.
4. Корнеева Н.Ю., Жаксылыкова Г.Н. Культура управления и управленческая культура: определение, сущность, соотношение понятий // Инновационные тенденции модернизации педагогического образования в условиях глобализации: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – 2021. – С. 212–214.
5. Передня Д.Г. Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1 (846). – С. 123–129.
6. Ци Ж. Управленческая культура как часть организационной культуры в формировании и реализации стратегии организации // Вестник университета. – 2021. – № 4. – С. 25–31.

TRANSFORMATION OF CORPORATE CULTURE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Kozaeva L.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the transformation of corporate culture under the influence of the digitalization of society. Corporate culture is revealed not as a formal set of values, but as a practical system of norms that defines communication, trust, control, responsibility, initiative, and employees' attitude to change. It is shown that the digital environment is shifting an organization from a model of stable hierarchy and personal presence to a model of managed flexibility based on transparency of processes, digital discipline, distributed responsibility, and continuous learning. Particular attention is paid to changes in business communications, digital control, data usage, digital leadership, and the ethical boundaries of automated tools. It is proved that digital technologies by themselves do not create a mature corporate culture, but rather strengthen existing management attitudes. In a culture of trust, they increase consistency and efficiency, and in a culture of distrust, they can lead to hypercontrol, information overload, reduced employee engagement, and resistance to change. It is concluded that it is necessary to form a human-centered, optimally flexible, ethically sustainable corporate culture capable of combining technology, manageability, trust, and professional autonomy of employees in a digital society. The importance of the organization's sustainability in updating technologies, market requirements and working practices is emphasized.

Keywords: corporate culture, digitalization, digital society, organizational values, digital leadership, trust, communication, data ethics.

References

1. Vieru N.A. Organizational culture as a condition for the development of motivation for managerial activity // Psychology of professional activity: problems, current state and development prospects: proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. – Moscow, 2024. pp. 51–55.
2. Ermolaev V.V., Maryin M.I., Vorontsova Yu. Value regulators of behavioral norms in the organizational culture of law enforcement agencies in modern representations of the managerial elite of the police // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2022. – Т. 27. – № 4 (91). – Pp. 366–372.
3. Kisenko V.N., Terekhina N.N., Tolstova G.B. Information and managerial culture of the head of an educational organization in the context of the development of the digital environment and information and communication technologies. – 2023. – № 7–2. – pp. 48–59.
4. Korneeva N.Yu., Zhaksylykova G.N. Management culture and managerial culture: definition, essence, correlation of concepts // Innovative trends in the modernization of teacher education in the context of globalization: a collection of articles based on the results of the International scientific and practical Conference. – 2021. – pp. 212–214.
5. Perednya D.G. Managerial culture and management culture: on the issue of differentiation of concepts // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. – 2022. – № 1 (846). – Pp. 123–129.
6. Qi J. Managerial culture as a part of organizational culture in the formation and implementation of organizational strategy // Bulletin of the University. – 2021. – № 4. – pp. 25–31.

Государственное управление и государственная служба в современном Китае

Малышев Максим Алексеевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: malyshevma@my.msu.ru

Актуальность статьи заключается в раскрытии совершенствования процесса управления человеческими ресурсами на государственной службе, который происходит за счет профессионализации способа выполнения общественных задач перед гражданами и ограничения свободы действий при принятии управленческих решений, важных с точки зрения перспектив беспристрастности и политической нейтральности.

Научная проблема. Выявление особенностей и противоречий современного состояния и направлений развития государственного управления и системы государственной службы в современном Китае для совершенствования государственного управления и системы государственной службы в современной России.

Методы. В целях проведения данного исследования, автором были использованы общенаучные методы и принципы исследования. Среди общенаучных методов можно выделить: анализ, синтез, сравнение. Вопросы, связанные с государственной службой, представляют собой многоплановую и многоаспектную тему исследования, требующую междисциплинарного подхода не только в отношении выбора источников, но и анализа механизмов, действующих в системе реализации конкретных инструментов и решений в организации, создающие систему государственной службы. В настоящей статье используются многие исследовательские методы и приемы, специфичные для политической науки. Ведущими методами стали: неоинституциональный анализ системы государственной службы и происходящих в ней процессов и их влияния на выполнение общественных задач, системный и институционально-правовой анализ, исторический метод, включенное наблюдение, вытекающее из личного опыта автора опыта, а также анализ научной литературы по теме, судебной практики и внутренних документов, созданных для нужд государственной службы. Важную роль также играют эмпирические исследования, проводимые автором и сравнительный анализ отдельных содержательных вопросов в международном контексте. Системный анализ вступившего в силу 1 октября 1993 г. китайского «Временного положения о национальных государственных служащих» позволил выявить основных заинтересованных сторон системы государственной службы и охарактеризовать основные правовые и организационные зависимости.

Научные результаты. Осуществлен процесс концептуализации понятий, основной целью этой части работы было интерпретировать и определить ключевые понятия с точки зрения основной темы исследования и представить состояние научной литературы, касающейся таких ключевых понятий, как: государственная служба, государственные служащие, человеческие ресурсы, управление. Обсуждены основные аксиомы китайской государственной службы (профессионализм, надежность, беспристрастность и политическая нейтральность) и представлены основные парадигмы государственного управления. Выделены проблемы и особенности государственной службы в Китае и теоретические предпосылки моделей этого института. Сформулированы выводы по вопросам политического нейтралитета и политизации, проблем, присутствующих в практике государственной службы. Проведен анализ научной литературы, российской и зарубежной, положений китайского права, а также опыта, полученного в результате практики

функционирования отдельных единиц государственного управления, как в отношении китайской системы государственной службы, так и в отношении типовых решений, действующих в отдельных зарубежных странах. Предложены основные направления модернизационной деятельности, которые будут способствовать профессионализации способа оказания государственных услуг гражданам.

Выводы. Несмотря на существующую прочную правовую основу и эволюцию управления человеческими ресурсами, государственная служба в Китае еще не имеет достаточных инструментов для обеспечения ее полной политической нейтральности и, следовательно, ожидаемой эффективности и результативности работы.

Ключевые слова: государственная служба; государственные служащие; управление; человеческие ресурсы.

Введение

Прогрессирующие процессы глобализации и динамичная институциональная, правовая и социально-экономическая среда, а также развитие сознательного гражданского общества существенно определяют цели, задачи, формы и методы функционирования государственного управления. По мнению Питера Друкера, «в XX веке в четверку наиболее динамично развивающихся отраслей вошли следующие отрасли: государственное управление, здравоохранение, образование и развлечения (...) Из этих четырех динамичных отраслей XX века управление, вероятно, наибольшее влияние на распределение располагаемых доходов граждан и основной экономической функцией центральных органов власти в развитой стране является перераспределение от 30 до 50% национального дохода всей страны» [2]. Это заявление прекрасно иллюстрирует важность и влияние повышения эффективности и модернизации функционирования государственного управления на жизнь граждан и деятельность предприятий и других организаций.

Влияние государственного управления, включая органы государственного управления, его государственных служащих, на функционирование государства и граждан неоспоримо. Надлежащее выполнение государственных задач перед гражданами было бы невозможно без профессиональных кадров. Принятие такой точки зрения помогло определить основное направление исследований – анализ влияния политики управления человеческими ресурсами на государственной службе на функционирование правового государства. Вне основного потока интересов остались вопросы, связанные с внутренними отношениями меж-

ду отдельными типами управления и их влиянием на функционирование КНР.

Реформирование государственного управления и внедрение современных управленческих решений и инструментов без предварительной организации правовой системы, основы функционирования и четкого определения и разделения компетенций не принесут реальной пользы основным заинтересованным сторонам, которыми являются граждане. В связи с чем актуальной становится проблема изучения современного состояния и направлений развития государственной службы в Китайской народной республике.

Управление, это явление, происходящее практически во всех сферах человеческой жизни, можно управлять как отдельными лицами (физическими лицами), так и организациями и их союзами (юридическими лицами), а также государством. Ее особенности можно свести к трем аспектам управления: будучи основанным во многом на бюрократической системе, управление охватывая значительную область вопросов общественного значения и основывая свою деятельность на общих правовых нормах [3].

Повышение активности органов государственной власти в сфере законотворчества привело к дальнейшему изменению восприятия управления. Понятие управления соответствует социально-правовым взглядам и идеям, связанным с конкретным этапом развития общества. Точное и однозначное определение объема термина «государственное управление» является непростой задачей. Государственное управление, это совокупность деятельности, деятельности и организационно-исполнительных проектов, осуществляемых в целях реализации общественных интересов различными субъектами, органами и учреждениями на основании актов и в формах, определенных законом [1].

Исполнительную власть следует оценивать на двух организационных уровнях: политическом (политическая исполнительная власть) и строго исполнительном (государственное управление). Политическая исполнительная власть (также называемая «политической администрацией») отвечает за формулирование направлений государственной политики и контроль за процессом принятия решений. Государственная администрация, составляющая «ядро исполнительной власти», отвечает за выполнение и реализацию ранее запланированных и запрограммированных инициатив и мероприятий под контролем политической исполнительной власти. В этих отношениях политическая администрация имеет верховенство и контролирует исполнительный аппарат в форме государственного управления [7].

С субъективной точки зрения государственное управление также определяется как все органы и учреждения, занимающиеся организацией про-

цесса удовлетворения коллективных потребностей или совокупность организационных структур в государстве и занятых в этих структурах людей, выполняющих общественные, коллективные потребности и индивидуальные, нормативные, обеспечивающие и организационные задачи субъектов управления и принятия решений. Этот субъективный подход к государственному управлению включает в себя, прежде всего: государственное управление, местное самоуправление и публичное управление. В свою очередь, функциональные определения, характерные для социологии управления, определяют управление как «вся деятельность, направленная на удовлетворение коллективных потребностей» и «отдельную сферу деятельности государственных, социальных и частных институтов, служащую удовлетворению потребностей граждан» [8]. Если принять вышеизложенную точку зрения, то основное внимание будет сосредоточено на функциях, выполняемых администрацией. В последнее время мы можем наблюдать сочетание обоих подходов [субъективного и функционального], что представляется абсолютно оправданным, поскольку позволяет нам видеть общие области управления и другие области, в том числе политику, не размывая их отличительность. Мы также можем определить государственное управление через призму искусства управления общественными делами.

Государственное управление в этом смысле отождествляется с научной дисциплиной, которая описывает и объясняет процесс удовлетворения коллективных потребностей и формулирует обобщения, касающиеся как организации, так и управления. Его цель, развитие конкретных навыков участия в принятии решений и в их реализации (подготовка кадров), а также разработка критериев оценки управления с учетом общественных интересов. Другой определяющий фактор, используемый для определения понятия «государственное управление», касается характера его деятельности. Этот подход различает негативные и позитивные определения. Позитивные определения направлены на точное определение задач управления, но, как подчеркивалось ранее, это непростая задача, поскольку попытки дать положительное определение управления потерпели неудачу, следует принять отрицательное определение, в котором говорится, что «управление, это та часть государственной деятельности, которая остается после устранения из нее законодательной и судебной деятельности» [9].

На основе социологии управления были концептуализированы следующие функции государственного управления: регулирование (связанное с обеспечением общественного порядка и безопасности), материальные и нематериальные блага (составляющие государственные услуги) и связанные с реализацией прав собственности и управле-

ния от имени государства или органов местного самоуправления. По другому критерию в функции современных аппаратов государственного управления входят: администрирование, предоставление услуг, регулирование, выдача лицензий, сбор информации. С этой точки зрения администрация предполагает реализацию законов, принятых законодательным органом, и политики, принятой исполнительной властью. Под оказанием услуг понимается деятельность субъектов системы государственного управления (т.е. отдельных ведомств, агентств и служб) для граждан или конкретных юридических учреждений (субъектов предпринимательства и т.п.).

Регулирующая функция относится к сфере участия в правотворческом процессе и заботе об общественных интересах и «общественном благе». Выдача лицензий тесно связана с регулирующей функцией и подразумевает установление государством минимальных стандартов и квалификаций в данной области социальной, экономической и политической жизни. Сбор различной информации органами государственного управления является результатом контрольно-надзорного характера государства по отношению к установленным правовым принципам и правилам.

В литературе по данной теме, как российской, так и зарубежной, а также в популярных энциклопедиях и юридических словарях термин «государственная служба» определяется по-разному [4]. Это связано, прежде всего, с различными культурными, историческими, социальными, экономическими и правовыми условиями, в которых создавались и развивались отдельные политические и административные системы. Эти факторы впоследствии повлияли на форму института государственной службы в отдельных странах, на то, что он основан на разных принципах и включает в себя разные группы чиновников на разных уровнях управления.

Термин «государственная служба» на юридическом языке определяется как правовые отношения между данным лицом и государством, заключающиеся в приеме на работу этого лица в государственный аппарат в целях выполнения за вознаграждение на непрерывной и постоянной основе деятельности, непосредственно связанная с реализацией государственных функций.

Следующую группу составляют определения, которые можно охарактеризовать как журналистские или научно-популярные. По их мнению, государственную службу можно сравнить с машиной, управляемой государством, которая остается неизменным независимо от человека и от исполняемого задания [10]. Синтетическое и в то же время, пожалуй, наиболее полное определение этого понятия разработала Н.Ф. Попова. В нем говорится, что «государственная служба, это отдельный коллектив людей, принятый на работу на осно-

вании закона для выполнения задач, определенных законом, руководствуясь определенной системой норм, ценностей и процедур, призванных служить обществу и поддерживать важные функции государства» [12]. Иную точку зрения в контексте статуса государственных служащих представил С.Е. Прокофьев. Он признавал, что «госслужба, это не отдельная профессия, а особый вид правоотношений между работниками различных профессий» [13]. Государственная служба также определяется как система замещения государственных должностей и выполнения обязанностей публичного должностного лица, основанная на принципах профессионализма, аполитичности, беспристрастности и законности [15].

Оставаясь в содержательной карьерной системе, чиновники должны реализовывать политику государства в соответствии со всеми организационными и правовыми требованиями. Гарантия занятости позволяет им профессионально выполнять свою профессию. При этом чиновники при выполнении задач, поставленных перед ними министрами, должны сохранять личный политический нейтралитет. Представляя сугубо правовую позицию, подчеркнем, что в правовом порядке государственная служба нормативно четко не определена и в свете как конституционных, так и законодательных положений эта категория может трактоваться в ином смысле, т.е. объективно (как выполнение государственных задач).

Определив содержание термина «государственная служба», ниже будут представлены ее основные теоретические модели. Под теоретической моделью государственной службы следует понимать все правовые и организационные решения, относящиеся к основным компонентам системы управления персоналом: подбору и виду занятости, продвижению по службе, обучению и оплате труда, которые возникают в результате принятия общетеоретических предположений относительно этого. регулирование на государственной службе. упомянутые выше модели можно анализировать с точки зрения критериев отбора сотрудников, стабильности занятости, способа оплаты труда сотрудников и, косвенно, принципов профессионального развития и продвижения по службе.

Фундаментальной особенностью любой системы государственного управления является то, что ее деятельность основывается на деятельности ее сотрудников. Прототип функционирования государственной службы как элемента системы управления можно найти в древнем Китае. Именно в Поднебесной сформировалась новая социальная группа, состоявшая из чиновников, подчинявшихся только императору. Для выполнения этой службы привлекались наиболее талантливые люди с соответствующими личностными и интеллектуальными задатками. Император Тай-цзун в VII веке нашей эры говорил: самых лучших и са-

мых честолюбивых я ловлю в свои сети [14]. Установленная система экзаменов на государственную службу представляла собой форму приема на работу, основанную на основной подготовке, а не на семейных или политических связях. Эта система называлась Кэджу и действовала в Китае с 650 по 1905 г.

1 октября 1993 года вступило в силу «Временное положение о национальных государственных служащих» (далее именуемое «Временное положение»), и Китай создал собственную современную систему государственной службы. Современная система государственной службы Китая имеет отличительные китайские особенности, которые, в основном, отражаются во взаимоотношениях между системой государственной службы Китая и кадровой системой партии. Кадровая система является основой современной системы государственной службы Китая [19].

В процессе содействия созданию современной системы государственной службы в Китае, в дополнение к активному содействию созданию таких систем, как «Временное положение о национальных государственных служащих» и Закон о государственных служащих Китайской Народной Республики (далее именуемый как «Закон о государственных служащих») и создание комплексных служб, таких как бывшее Министерство кадров и Национальное бюро государственных служащих. Помимо кадровой и административной организационной структуры, важную роль также сыграли экспериментальные методы реформы. Чтобы понять построение и реформу современной системы государственной службы Китая, нам необходимо изучить китайские характеристики современной системы государственной службы с точки зрения совершенствования партийной кадровой системы, опираясь на конструктивные характеристики современной системы государственной службы Китая.

Рассмотрим путь развития государственной службы КНР от «Временного положения» к «Закону о государственной службе». «Временные положения» предусматривают обязанности и права, вознаграждения и наказания, стабильность и мобильность, профилактику и надзор за национальными государственными служащими. Это важная мера по легализации управления государственными служащими. В 2006 году был официально принят Закон о государственных служащих, охватывающий все аспекты управления государственными служащими и способствующий дальнейшему развитию научной, демократической и институционализации кадровой работы. В 2018 году была обнародована поправка к Закону о государственных служащих, которая возвела результаты реформы в правовые нормы, подчеркнула политические требования, улучшила должности и звания государственных служащих, способствовала реформе

классификации и подчеркнула сочетание управления и положительных стимулов. И «Временное положение», и «Закон о государственных служащих» укрепили системное построение кадрового управления и способствовали формированию институционального правления или современной административной бюрократии в концепции Вебера в Китае [18].

Самым большим отличием от «Временных положений» является то, что «Закон о государственной службе» не только нацелен на государственных служащих, но и является первым законом, принятым с момента основания Китайской Народной Республики, который всесторонне регулирует управление кадрами. С момента запуска соответствующего законодательного процесса в 1980-х годах до эффективной реализации Закона о государственных служащих 1 января 2006 года этот закон сыграл решающую роль в построении системы государственной службы Китая, кадровой системы и даже реформы государственной службы Китая. Это основная часть правовой системы управления государственной службой Китая.

По сравнению с «Временными положениями» объекты, управляемые «Законом о государственной службе», значительно расширены. Множественные категории кадров в исходной кадровой группе формально включены в сферу управления Закона о государственных служащих. Поэтому Закон о государственных служащих также можно назвать «Законом о кадрах». В то же время для Китая управление кадрами или государственными служащими в соответствии с Законом о государственных служащих также является важным изменением в управлении государственными служащими, а также в модели национального управления [17].

После принятия Закона о государственных служащих Китай создал основанную на законе институциональную базу для управления персоналом и включил управление государственными служащими в систему верховенства закона. С тех пор управление государственными служащими должно осуществляться в соответствии с основными принципами и соответствующими положениями, сформулированными в Законе о государственных служащих; в то же время изменения и реформы в соответствующих основных системах кадрового администрирования должны осуществляться на основе изменения Закона о государственных служащих или разрешения по закону.

По сравнению с «Временными положениями», еще одним изменением является увеличение количества юридических положений. Всего «Временное положение» состоит из 18 глав и 88 статей, а пересмотренный «Закон о государственной службе» состоит из 18 глав и 113 статей, что на 6 статей больше, чем до пересмотра, и на 25 юридических положений больше, чем во «Временном

положении». Добавление правовых положений и уточнение содержания Закона о государственных служащих не только расширили управленческое пространство, но и сделали Закон о государственных служащих более осуществимым и работоспособным для правоприменения, создав основу для эффективной реализации правового управления персоналом и создания для этого более благоприятных условий [16].

В отличие от периода, когда были сформулированы «Временные положения», ознаменовавшие создание системы государственной службы Китая, формулировка «Закона о государственной службе» в Китае, по сути, попрощалась с централизованным внедрением иностранных систем в предыдущий период и основывалась на опыте последующих соответствующих реформ, путем их интеграции. В то же время мы можем дополнительно проанализировать характеристики современной системы государственной службы Китая, исходя из Закона о государственных служащих.

Закон о государственных служащих, возникший на основе Временного положения, в целом сохраняет базовую структуру Временного положения и в дальнейшем обогащает и развивает его. Когда в 2000 году был возобновлен законодательный процесс Закона о государственных служащих, китайские реформаторы кадрового управления уже составили четкие планы относительно законодательных принципов и руководящей идеологии. Это отражено в «Запросе инструкций по вопросам разработки закона о государственной службе» Организационного отдела ЦК КПК и бывшего Министерства кадров, который был обсужден и одобрен Постоянным комитетом ЦК КПК в декабре 2001 года.

Основное содержание:

- включить персонал партийных агентств в число государственных служащих, придерживаться принципа партийного управления кадрами, четко реализовать кадровую линию и политику партии в общих принципах и отразить единое управление партией всеми типами государственных служащих в конкретных системах;
- настаивать на том, чтобы на основе национальных условий построить систему государственной службы с китайской спецификой, совместимую с социалистической политической системой, исходя из современных национальных условий Китая, сосредоточив внимание на решении проблем в построении системы государственной службы, поддержании непрерывности и стабильности.

Закон о государственных служащих известен как «основной закон» и общая хартия управления государственными служащими и кадрами и имеет важный правовой статус и полномочия. В КНР центральное правительство пользуется высоким авторитетом в управлении государственными слу-

жащими и имеет сильные характеристики централизации. Однако Закон о государственных служащих также наделяет местные органы власти определенными дискреционными полномочиями. С одной стороны, это обеспечивает централизованное и единое управление в соответствии с Законом о государственных служащих. Государственные служащие в центральных органах и государственные служащие в местных органах не различаются и в совокупности называются государственными служащими. С другой стороны, с точки зрения конкретной реализации, исходя из особенностей огромной территории Китая и больших различий между регионами, местным органам власти предоставляется определенная степень автономии в управлении персоналом, что представляет собой модель управления, сочетающую централизованную и децентрализованную власть.

При этом во многих местах Закона о госслужащих встречается выражение «отдельно устанавливаться государством». Хотя «Закон о государственной службе» содержит больше положений, чем «Временные положения», и он более юридически осуществим и работоспособен, закон по-прежнему остается основным стандартом управления персоналом. Полномочия даны «государству» и должны быть реализованы в дальнейшем посредством разработки законов и постановлений. После обнародования Закона о государственных служащих органы государственной службы издали ряд политик и постановлений, в том числе Положение о приеме на работу государственных служащих, Положение об оценке государственных служащих.

После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая эта проблема была частично решена в процессе всестороннего углубления реформ. Правовая система управления государственными служащими Китая, состоящая из Закона о государственных служащих, а также законов и постановлений, утвержденных им, привлекла внимание и получила дальнейшее развитие.

Фундаментальной предпосылкой для разработки в Китае Закона о государственных служащих и внедрения современной системы государственной службы является политическая система Китая. В частности, Коммунистическая партия Китая, как единственная правящая партия, обеспечивает всеобъемлющее руководство и конкретное участие в национальном управлении. В рамках макроинституциональной структуры социалистической политической системы с китайской спецификой современная система государственной службы КНР имеет отличительные политические характеристики. Прежде всего, это отражается во включении принципа «партийного управления кадрами» в Общие положения главы 1 Закона о госслужащих, в котором четко прописаны иде-

ология, основная линия и ориентиры кадрового управления.

Фактически, за исключением Закона о государственных служащих, лишь несколько законов в КНР, такие как Конституция, Закон об образовании и Закон о национальной обороне, имеют подобные проявления. Видно, что система государственной службы КНР намеренно подчеркивает свои политические особенности.

Связанный с политической системой Китая и кадровой системой партии, Закон о государственных служащих не предусматривает, что государственные служащие должны быть «политически нейтральными», они должны придерживаться «лояльности партии», недавно пересмотренный «Закон о государственной службе» добавил «поддержку руководства Коммунистической партии Китая и социалистической системы» в качестве основного условия службы в качестве государственного служащего и «сознательное принятие руководства Коммунистической партией Китая» — это обязанность, которую должны выполнять государственные служащие. Уточнить политические характеристики государственных служащих и поверить в то, что «государственные служащие являются основой дела социализма и государственными служащими народа». Включение основного принципа партийного управления кадрами в современную систему государственной службы требует от государственных служащих сохранять сильную политическую отзывчивость в своих мыслях и действиях в течение длительного времени, обеспечивая надежную организационную гарантию правильной реализации линии партии.

Можно видеть, что современная система государственной службы КНР и партийная кадровая система действительно достигли относительно полной интеграции, и благодаря внедрению и построению современной системы государственной службы, которая подчеркивает принцип системы снабжения, она принесла жизнеспособность в кадровую систему партии. Комплексное развитие партийной кадровой системы и современной системы государственной службы превратило систему госслужбы Китая из закрытой системы управления кадрами в более открытую, включенную в систему управления кадрами партии. В частности, может существовать взаимная мобильность между центральными и местными органами власти, между государственными и негосударственными агентствами, а также между административными должностными лицами и сотрудниками по связям с общественностью; ведущие члены выборной системы могут вернуться в назначенную систему государственной службы после окончания срока их полномочий; кадры военных, государственных предприятий, учреждений и массовых организаций, которые единообразно управляют в рамках партийной кадровой системы и имеют

определенный уровень должностей, могут поступить в систему государственной службы и иметь статус государственных служащих. В частности, соответствующие положения об открытом отборе еще больше расширили каналы доступа социальных талантов на государственную службу. Эта квазиоткрытая модель кадрового управления также является важной особенностью современной системы государственной службы КНР.

По сравнению с Временными положениями, в Законе о государственных служащих четко указывается, что защита прав государственных служащих и регулирование управления государственными служащими являются двумя столпами правовой конструкции управления государственными служащими, что отражает основной смысл современной системы государственной службы. Закон о государственных служащих более подробно определяет права и гарантии государственных служащих с точки зрения конкретных институциональных механизмов. Например, «государственным служащим, работающим сверхурочно вне установленных законом рабочих дней, предоставляется соответствующий отгул» и «Ни один орган не имеет права удерживать или задерживать заработную плату государственных служащих» и т.д. Положения о защите прав государственных служащих относительно подробны и всеобъемлющи.

В системе государственной службы КНР, связанной с системой постоянных должностей в условиях современной системы государственной службы, четко закреплён принцип защиты статуса государственных служащих. «Никто не может быть отстранен от должности, понижен в должности, уволен или наказан иначе, как по законным причинам или посредством установленных законом процедур». Это формально устанавливает принцип защиты личности китайских государственных служащих в форме правовой системы. Можно сказать, что система государственной службы Китая уже имеет основные структурные характеристики современной системы государственной службы.

Конечно, на процесс реализации Закона о государственных служащих по-прежнему будет влиять традиционная культура управления персоналом, которая подчеркивает обязанности и пренебрегает правами, и результаты системы не могут быть полностью реализованы. Разрыв между системой и реальностью необходимо постоянно устранять в рамках будущего развития современной системы государственной службы Китая и кадрового управления. Поскольку модернизация национальных возможностей управления продолжает продвигаться вперед, необходимо постоянно улучшать защиту прав государственных служащих. Защита законных прав государственных служащих является не только основной предпосылкой и гарантией содействия честному и справедливо-

му осуществлению государственной власти государственными служащими, но и основной особенностью поддержания принципа системы заслуг.

По сравнению с современными системами государственной службы некоторых стран механизм защиты прав государственных служащих, предусмотренный в Законе о государственных служащих КНР, все еще недостаточен. Основные проявления заключаются в следующем.

Во-первых, хотя китайский «Закон о профсоюзах» разъясняет права профсоюзов государственных служащих на организацию, а также существуют профсоюзные организации государственных служащих и деятельность в сфере фактического управления кадрами, не существует базовой позиции профсоюзов государственных служащих. в «Законе о государственной службе» и других нормативных актах.

Во-вторых, функции административного управления персоналом в Китае выполняются партийной организацией и отделом кадров. Реализация прав и системы заслуг государственных служащих отражается в административной деятельности персонала внутри организации и не является независимой от государственных ведомств, как в некоторых зарубежных странах.

В-третьих, Закон о государственных служащих открывает путь к судебной помощи только мелким государственным служащим в рамках системы назначения, но не содержит соответствующих положений для других государственных служащих. В то же время Закон об административных разбирательствах КНР явно отрицает судебную помощь для государственных служащих.

Построение систем защиты прав государственных служащих в Законе о государственных служащих отражает особенности современной системы государственной службы Китая. В условиях постоянного продвижения модернизации национальной системы управления и возможностей управления, а также постоянного развития социальной экономики, совершенствование механизма защиты прав государственных служащих, несомненно, станет важным вопросом реформы системы государственной службы КНР в будущем.

Заключение

С точки зрения социологии управления, государственная служба должна быть реализацией беспартийного, несменяемого служебного аппарата, реализующего директивы политических менеджеров. Подводя итог вышеизложенному, стоит упомянуть каталог политических обязательств, отличающий госслужбу от других категорий служащих. Эти обязанности включают: – лояльность конституции и каждому правительству, находящемуся у власти, – беспристрастное, честное поведение, требующее разрешения всех типов конфликтов инте-

ресов и, прежде всего, конфликта общественных интересов с частными ради общественных интересов, – профессионализм деятельности, определяемый материальной системой допуска к службе и карьерным служебным обязанностям, основанной на материальных критериях, – политическая нейтральность, означающая запрет руководствоваться собственными политическими взглядами или запрет подвергаться неформальному партийному влиянию при исполнении служебных обязанностей.

Основная теоретическая цель исследования – выявить наиболее важные детерминанты, влияющие на форму системы государственной службы, в частности, в отношении политики управления человеческими ресурсами, и указать основные направления модернизации, которые следует предпринять для решения реальных проблем государственного управления в современном Китае. Другая цель исследования – объяснить процессы, происходящие в институционально-правовой среде, которые влияют на облик этого института и определяют направления модернизации. Важна также демонстрация того, что внедрение современных инструментов управления, в частности управления человеческими ресурсами, является основой дальнейшей профессионализации корпуса государственной службы, позволяющей эффективно выполнять государственные задачи, хотя это и не является автоматическим процессом и эффектом.

Определены особенности и характеристики государственной службы в современном Китае. Восстановление и развитие государственной службы имеют сильные китайские особенности, создание системы гражданской службы является важной вехой в развитии кадровой системы КНР. Оно знаменует собой начальную реализацию легализации кадровой системы КНР. В то же время мы должны осознавать, что Китай, является страной с бюрократической традицией, продолжающейся тысячи лет.

Литература

1. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Александров О.В. Государственная служба. Комплексный подход: монография. М., Дело РАНХиГС. 2015. 276 с.
2. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. М., Манн, Иванов и Фербер. 2012. 256 с.
3. Зубарев Н.Ю. Особенности управления персоналом в органах государственной власти // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. Т. 17. № 3.
4. Липски С.А. Государственное (муниципальное) управление и государственная служба. – М., Русайнс. 2018. – С. 95–98.
5. Мамонов Е. Как закрывать сложные вакансии: методы привлечения кандидатов // Кадровая

- служба и управление персоналом предприятия. – 2017. – № 4. URL: <https://delo-press.ru/journals/staff/tekhnologii-effektivnosti/46526-kak-zakryvat-slozhnye-vakansii-metody-privlecheniya-kandidatov/> (дата обращения: 24.06.2025).
6. Маркин В.Н. Базовая компетентность государственного служащего // Мир психологии. – 2015. – № 3. – С. 234–244.
 7. Москвитин Г.И., Козырев В.А., Ярова Т.Н. Менеджмент и управление персоналом: инновации, цифровые технологии. Сборник статей. М., Русайнс. 2020. – 137 с.
 8. Мустаев А.М., Петрова Л.Н. Современная служба управления персоналом: изменение роли в процессе достижения бизнес-целей организации // Молодежь и наука. – 2016. – № 6.
 9. Меньшикова Г.А., Пруель Н.А. Основы государственного и муниципального управления (Public Administration). М., Издательство Юрайт. – 2020. – 340 с.
 10. Панова Е.А., Опарина Н.Н. Российская государственная гражданская служба: достижения и тенденции развития кадровой политики // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-gosudarstvennaya-grazhdanskaya-sluzhba-dostizheniya-i-tendentsii-razvitiya-kadrovoy-politiki> (дата обращения: 20.05.2025).
 11. Пономаренко Б., Никульченко М. Компетентностный подход к профессиональному образованию государственных служащих // Государственная служба. – 2015. – № 3. – С. 81–84.
 12. Попова Н.Ф. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления. – М., Издательство Юрайт. – 2021. – 239 с.
 13. Прокофьев С.Е., Еремин С.Г., Галкин А.И. Основы современного государственного и муниципального управления. – М., Издательство Юрайт. – 2021. – 695 с.
 14. Прокофьев С.Е., Панина О.В., Еремина С.Г., Мусинова Н.Н. Система местного самоуправления. – М., Издательство Юрайт, – 2021. – 121 с.
 15. Райзберг Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами. М., ИНФРА-М. – 2021. – 384 с.
 16. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. – М., Норма. – 2020. – 176 с.
 17. Филимонов О.В. Теория и механизмы современного государственного управления. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион». – 2020. – 212 с.
 18. 中華人民共和國公務員法. URL: <https://www.6laws.net/6law/law-gb/%E4%B8%AD%E8%8F%AF%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9C%8B%E5%85%AC%E5%8B%99%E5%93%A1%E6%B3%95.htm> (дата обращения: 14.03.2025).
 19. 《公务员法》与中国特色现代公务员制度研究. 2019–11–21. URL: <https://www.rccp.pku.edu.cn/mzyt/108443.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

PUBLIC ADMINISTRATION AND CIVIL SERVICE IN MODERN CHINA

Malyshev M.A.

Lomonosov Moscow State University

The relevance of this article lies in its exploration of the improvement of human resource management in the civil service, which occurs through the professionalization of the way public tasks are performed for citizens and the restriction of discretion in making management decisions that are important for the prospects of impartiality and political neutrality.

Research Problem: Identifying the characteristics and contradictions of the current state and development directions of public administration and the civil service system in modern China to improve public administration and the civil service system in modern Russia.

Methods. To conduct this study, the author utilized general scientific methods and research principles. These methods include analysis, synthesis, and comparison. Issues related to civil service represent a multifaceted and multifaceted research topic, requiring an interdisciplinary approach not only in the selection of sources but also in the analysis of the mechanisms at work in implementing specific tools and decisions within organizations that create the civil service system. This article utilizes many research methods and techniques specific to political science. The leading methods used include: neo-institutional analysis of the civil service system and its processes and their impact on the implementation of public objectives; systemic and institutional-legal analysis; the historical method; participant observation based on the author's personal experience; and an analysis of the scientific literature on the topic, judicial practice, and internal documents created for the needs of the civil service. Empirical research conducted by the author and a comparative analysis of specific substantive issues in an international context also play an important role. A systemic analysis of China's «Interim Regulations on National Civil Servants», which came into effect on October 1, 1993, made it possible to identify the main stakeholders of the civil service system and characterize the main legal and organizational dependencies.

Research Results. A conceptualization process was conducted. The main goal of this part of the work was to interpret and define key concepts in relation to the main research topic and to present the state of the scientific literature on key concepts such as civil service, civil servants, and human resources management. The key axioms of the Chinese civil service (professionalism, trustworthiness, impartiality, and political neutrality) were discussed, and the main paradigms of public administration were presented. The article highlights the challenges and characteristics of civil service in China and the theoretical underpinnings of its models. Conclusions are drawn on issues of political neutrality and politicization, as well as challenges in the practice of civil service. It also analyzes Russian and international academic literature, Chinese legal provisions, and lessons learned from the practical operation of individual units of government, both within the Chinese civil service system and in relation to standard solutions in place in individual countries. Key areas of modernization are proposed that will contribute to the professionalization of public service delivery to citizens.

Conclusions: Despite the existing solid legal framework and the evolution of human resources management, the civil service in China still lacks sufficient tools to ensure its complete political neutrality and, consequently, the expected efficiency and effectiveness.

Keywords: civil service; civil servants; management; human resources.

References

1. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Aleksandrov O.V. Civil Service. An Integrated Approach: Monograph. Moscow, RANEP A Delo. 2015. 276 p.

2. Drucker P. Management. Challenges of the 21st Century. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber. 2012. 256 p.
3. Zubarev N. Yu. Features of Personnel Management in Government Bodies // Economics and Management: Problems and Solutions. 2019. Vol. 17. № 3.
4. Lipskiy S.A. Public (Municipal) Administration and Civil Service. Moscow, Rusains. 2018. pp. 95–98.
5. Mamonov E. How to Fill Difficult Vacancies: Methods of Attracting Candidates // HR Service and HR Management of the Enterprise. – 2017. – № 4. URL: <https://delo-press.ru/journals/staff/tekhnologii-effektivnosti/46526-kak-zakryvat-slozhnyevakansii-metody-privlecheniya-kandidatov/> (date of access: 24.06.2025).
6. Markin V.N. Basic competence of a civil servant // The World of Psychology. – 2015. – № 3. – Pp. 234–244.
7. Moskvitin G.I., Kozyrev V.A., Yarova T.N. Management and personnel management: innovations, digital technologies. Collection of articles. Moscow, Rusains. 2020. – 137 p.
8. Mustaev A.M., Petrova L.N. The Modern HR Service: Its Changing Role in Achieving an Organization's Business Goals // Youth and Science. 2016, № 6.
9. Menshikova, G.A., Pruel, N.A. Fundamentals of Public Administration. Moscow, Yurait Publishing House. 2020, 340 p.
10. Panova, E.A., Oparina, N.N. Russian Federal Civil Service: Achievements and Trends in the Development of HR Policy // Public Administration. Electronic Bulletin. 2019, № 73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-gosudarstvennaya-grazhdanskaya-služhba-dostizheniya-i-tendentsii-razvitiya-kadrovoy-politiki> (Accessed: 20.05.2025).
11. Ponomarenko B., Nikulchenko M. Competence-based approach to professional education of civil servants // Public Service. – 2015. – № 3. – Pp. 81–84.
12. Popova N.F. Legal support of state and municipal administration. – M., Yurait Publishing House. – 2021. – 239 p.
13. Prokofiev S.E., Eremin S.G., Galkin A.I. Fundamentals of modern state and municipal administration. – M., Yurait Publishing House. – 2021. – 695 p.
14. Prokofiev S.E., Panina O.V., Eremina S.G., Musinova N.N. Local government system. – M., Yurait Publishing House, – 2021. – 121 p.
15. Raizberg B.A. Public Administration of Economic and Social Processes. Moscow, INFRA-M. – 2021. – 384 p.
16. Umanskaya V.P., Malevanova Yu.V. Public Administration and Civil Service in Modern Russia: Monograph. Moscow, Norma. – 2020. – 176 p.
17. Filimonov O.V. Theory and Mechanisms of Modern Public Administration. Saint Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies. – 2020. – 212 p.
18. The Russian Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences. URL: <https://www.6laws.net/6law/law-gb/%E4%B8%AD%E8%8F%AF%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9C%8B%E5%85%AC%E5%8B%99%E5%93%A1%E6%B3%95.htm> (access date: 03/14/2025).
19. 《公务员法》与中国特色现代公务员制度研究. 2019–11–21. URL: <https://www.rccp.pku.edu.cn/mzyt/108443.htm> (accessed: 14.03.2025).

Принятие искусственного интеллекта в малом бизнесе как инструментальная практика и социально-нравственная граница

Новоселов Демид Олегович,

аспирант, ассистент кафедры социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: demid5544@mail.ru

Статья посвящена анализу принятия искусственного интеллекта представителями микро- и малого бизнеса как социально обусловленного и нормативно ограниченного процесса. Эмпирическую основу исследования составил массив анкетного опроса из 105 наблюдений, сформированный как целевая разведывательная выборка. Показано, что фактическое использование ИИ и делегация ему задач связаны прежде всего с предыдущим опытом использования, субъективной цифровой компетентностью и снижением когнитивных барьеров. Вместе с тем нормативное одобрение замещения труда других людей определяется не столько инструментальной полезностью, сколько социальной нормой, выраженной через позитивное отношение окружения к ИИ. Центральным результатом состоит в обнаружении устойчивой асимметрии: респонденты значительно легче принимают замену чужого труда, чем возможность собственной заменимости. 63,8% опрошенных одновременно готовы заменять труд других людей ИИ и при этом не считают, что ИИ способен заменить их собственную профессию. Таким образом, принятие ИИ в микро- и малом бизнесе носит не линейный, а расщеплённый характер: практическое использование расширяется, но легитимация трудового замещения остаётся частичной и избирательной.

Ключевые слова: искусственный интеллект; малый бизнес; микропредприятия; принятие технологий; трудовое замещение.

Введение

Современные исследования показывают, что принятие цифровых технологий нельзя сводить только к расчёту полезности. Классические модели принятия технологий, разработанные Ф. Дэвисом и далее развитые В. Венкатешем с соавторами, демонстрируют фундаментальную роль воспринимаемой полезности, простоты использования и социального влияния как факторов технологического поведения [10; 11]. Однако применительно к искусственному интеллекту в эту логику добавляются доверие, непрозрачность, распределение ответственности, риск утраты профессиональной автономии и ожидания относительно будущего труда [12].

Для сферы микро- и малого бизнеса эта проблема особенно значима. В отличие от крупных организаций, где внедрение ИИ чаще оформляется как управленческий проект цифровой трансформации, в малом бизнесе использование ИИ нередко возникает как персональная инструментальная практика: предприниматель, самозанятый специалист, руководитель небольшой команды или сотрудник с совмещёнными функциями пробует передавать ИИ тексты, изображения, идеи, коммуникационные и маркетинговые задачи. Поэтому принятие ИИ здесь проявляется не только как вопрос технологической эффективности, но и как изменение привычного распределения функций, ответственности и профессиональной ценности человеческого труда.

Российский контекст дополнительно усиливает актуальность данной проблемы. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России фиксирует масштаб сектора МСП и показывает, что его основную массу составляют именно микропредприятия [2]. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» задаёт нормативную рамку отнесения хозяйствующих субъектов к малым и микропредприятиям, что позволяет уточнить социально-экономические границы анализируемой среды [1]. При этом материалы НИУ ВШЭ по индикаторам цифровой экономики показывают расширение статистического наблюдения за разработкой и использованием технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики [3], а исследование ФОМ «ПРИМ: искусственный интеллект в микро- и малом бизнесе» демонстрирует, что предприни-

матели уже рассматривают ИИ как практический инструмент оптимизации работы [4].

С одной стороны, ИИ обещает снижение издержек, ускорение операций, помощь в маркетинге и контентных задачах, рост производительности в сервисных и коммуникационных контекстах. Экспериментальные и квазиэкспериментальные исследования показывают, что генеративный ИИ способен повышать производительность, особенно у менее опытных работников, прежде всего в задачах клиентского сервиса и текстовой поддержки [14]. С другой стороны, международные обзоры рынка труда предупреждают, что ИИ меняет структуру задач, усиливает тревожность работников и ставит вопрос о новой границе между дополнением труда и его вытеснением [15; 16].

В исследованиях алгоритмической аверсии всё более отчётливо звучит и моральный мотив: люди могут отвергать алгоритм не потому, что он менее эффективен, а потому, что в некоторых решениях предпочитают человеческое усмотрение, сочувствие и контекстную гибкость [13]. Это особенно важно тогда, когда речь идёт не о технической операции, а о распределении шансов, ответственности, признания и права на профессиональное участие. Поэтому вопрос о принятии ИИ в малом бизнесе не может быть исчерпан ответом на вопрос, пользуются ли респонденты данной технологией. Необходимо понять, где именно проходит граница между использованием ИИ как удобного инструмента и признанием его права замещать человеческий труд.

С точки зрения социологии управления искусственный интеллект может рассматриваться не только как технологический ресурс, но и как элемент социального механизма управления. Социальные технологии анализируются через их роль в механизме управления социальными процессами, а также через работу с персоналом организаций и предприятий [5]. Идея человекоориентированного управления, позволяет рассматривать внедрение цифровых инструментов через их влияние на ценностные ориентации, профессиональные мотивы, социальные и экономические предпочтения работников [6]. Для настоящего исследования это означает, что ИИ выступает не только как средство автоматизации отдельных операций, но и как фактор переопределения профессиональной субъектности, ответственности и интеллектуальных резервов участников малого бизнеса.

Дополнительное значение имеет социологическое осмысление цифровой среды и рисков цифровой экономики. Цифровая среда рассматривается как пространство трансформации социальных связей, практик и управленческих отношений [7]. Управление персоналом в условиях цифровой экономики связано с источниками неопределённости и факторами риска, включая социально-

психологическое измерение неопределённости и характеристики персонала как источника управленческого риска [8]. В контексте данной статьи это позволяет интерпретировать сопротивление или ограниченное принятие ИИ не как простую технофобию, а как реакцию на неопределённость перераспределения функций, статуса и ответственности.

Именно поэтому возникает исследовательский вопрос: распространяется ли инструментальное принятие ИИ в микро- и малом бизнесе на согласие с его трудозамещающей ролью, или между этими уровнями возникает разрыв? Иными словами, готов ли субъект малого бизнеса использовать ИИ как полезный инструмент, но одновременно удерживать нравственную и социальную границу там, где речь заходит о замещении труда – чужого или собственного?

Теоретически исследование опирается на четыре линии литературы. Первое направление – модели принятия технологий, прежде всего TAM и UTAUT, которые позволяют различать полезность, усилие, социальное влияние и поддерживающие условия как детерминанты использования [10; 11]. Вторая линия включает исследования доверия к искусственному интеллекту, в рамках которых показано, что его принятие определяется не только результативностью, но и степенью интерпретируемости, уровнем воспринимаемого риска, условиями взаимодействия и ожиданиями относительно автономности системы [12]. Третье направление представлено исследованиями труда и автоматизации, акцентирующими различие между автоматизацией отдельных функций и полной заменой профессий [14; 15; 17; 18]. Четвёртое направление связано с российскими исследованиями социального управления, цифровой среды, человекоориентированного управления и рисков цифровой экономики [5; 6; 7; 8].

Цель настоящей статьи заключается в эмпирическом разграничении трёх уровней принятия искусственного интеллекта: фактического использования; поведенческой готовности делегировать ему отдельные задачи и услуги; нормативной оценки допустимости замещения человеческого труда. Особое внимание уделяется вопросу о том, совпадают ли указанные уровни или формируют внутренне противоречивую конфигурацию.

Гипотезы исследования сформулированы следующим образом. Первая гипотеза состоит в том, что фактическая передача задач искусственному интеллекту усиливается по мере накопления пользовательского опыта, повышения цифровой компетентности и расширения представлений о его полезности. Вторая гипотеза предполагает, что ключевым ограничением использования выступают не организационные, а когнитивные барьеры. Третья гипотеза утверждает, что позитивная социальная норма окружения способствует более вы-

сокому одобрению замещения труда других людей искусственным интеллектом. Четвёртая гипотеза заключается в том, что отношение к замещению чужого труда будет статистически более благоприятным, чем отношение к потенциальной замене собственной деятельности. Пятая гипотеза предполагает, что пользователи с более высоким уровнем опыта могут активнее применять искусственный интеллект на практике, не демонстрируя при этом большей готовности признать возможность собственной заменимости.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую основу исследования составил массив анкетного опроса из 105 наблюдений. Единицей анализа выступает не предприятие как юридическое лицо, а респондент, включённый в деятельность микро– или малого бизнеса и способный оценивать практики использования искусственного интеллекта в рабочих, предпринимательских, управленческих, маркетинговых, клиентских или операционных задачах. Такой подход обусловлен тем, что исследование направлено не на бухгалтерско-статистическое описание предприятий, а на выявление социальных механизмов принятия ИИ на уровне практических пользователей и представителей малого бизнеса.

Генеральная совокупность исследования в широком смысле соотносится с совокупностью представителей микро– и малого предпринимательства, вовлечённых в выполнение рабочих, управленческих и предпринимательских функций. Нормативная граница данной совокупности задаётся Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ, в котором определяются категории субъектов малого и среднего предпринимательства [1]. В рамках действующей классификации микропредприятия выделяются как хозяйствующие субъекты со среднесписочной численностью работников до 15 человек, малые предприятия – до 100 человек. Следовательно, социальная среда, к которой обращено исследование, включает прежде всего малые хозяйствующие субъекты с ограниченной численностью персонала, где отдельные функции часто совмещаются одними и теми же участниками бизнеса.

В количественном выражении широкая генеральная совокупность может быть соотнесена с данными Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России. По состоянию на 10.04.2026 в реестре указано 6947 425 субъектов МСП и 15029 223 работника, занятых у субъектов малого и среднего предпринимательства [2]. Эти показатели используются не как прямая рамка случайного отбора, а как ориентир, показывающий масштаб социально-экономической среды, к которой относится исследуемая проблематика.

Рабочая, или доступная, совокупность исследования уже, чем широкая генеральная совокупность: она включает тех представителей микро– и малого бизнеса, которые были доступны для анкетирования и могли содержательно ответить на вопросы об использовании ИИ, делегации задач, барьерах, отношении к замещению труда и оценке собственной заменимости. Поэтому выборка имеет целевой и разведывательный характер. Она не претендует на строгую статистическую репрезентативность для всей совокупности российских субъектов малого предпринимательства, поскольку не формировалась как вероятностная, случайная и стратифицированная по региону, отрасли, полу, возрасту, размеру организации или организационно-правовому статусу.

При расчёте требуемого объёма выборки для большой генеральной совокупности стандартные параметры 95%-ной доверительной вероятности и 5%-ной предельной ошибки предполагают около 384 наблюдений. При допустимой ошибке около 10% ориентировочный минимальный объём составляет около 96 наблюдений. Следовательно, массив из 105 наблюдений может рассматриваться как достаточный для разведывательного анализа и выявления статистических связей, но не как основание для строгой репрезентативной оценки распространённости практик ИИ во всём секторе микро– и малого предпринимательства. В связи с этим результаты интерпретируются как эмпирическая фиксация выявленных связей и ограничений, требующая дальнейшей проверки на более крупной и стратифицированной выборке.

В выборке отсутствуют прямые показатели пола, отраслевой принадлежности, численности работников, размера организации, организационно-правовой формы и статуса респондента. Поэтому анализ ограничивается теми параметрами, которые непосредственно зафиксированы в анкете: отношением представителей малого бизнеса к искусственному интеллекту, оценкой его функциональных возможностей, опытом использования, барьерами внедрения, готовностью к делегации задач и оценкой потенциала замещения труда. Данное ограничение принципиально учитывается при интерпретации результатов: статья не утверждает, что все респонденты принадлежат к формально подтверждённым микропредприятиям, но рассматривает полученный массив как отражающий практики и оценки, характерные для доступной среды микро– и малого бизнеса.

Для анализа использовались описательные статистики, парное сравнение оценок отношения к замещению чужого и собственного труда, корреляционный анализ, пуассоновская регрессия для зависимой переменной «число категорий задач, уже передаваемых ИИ», а также линейная регрессия для оценки факторов нормативного одобрения замещения труда других людей. Связи меж-

ду переменными оценивались с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Полная запись формулы в тексте не приводится, поскольку метод применяется в стандартной статистической интерпретации.

Техническая проверка уровня знаний об искусственном интеллекте выявила низкую степень специализированной осведомлённости: средний суммарный результат составил 1,15 из 5, при этом 68,6% участников набрали лишь 0 или 1 балл. Ввиду недостаточной согласованности данный показатель не использовался в качестве полноценной объясняющей шкалы. Вместо этого в модель был включён индекс когнитивных барьеров, сформированный на основе трёх согласованных показателей.

Результаты исследования

Описательный уровень показывает, что массив фиксирует одновременно высокую прагматическую открытость к ИИ и ограниченную готовность распространить эту открытость на собственную профессиональную позицию. ИИ уже пробовали или используют 74,3% респондентов, в том числе 43,8% используют его хотя бы иногда. Средняя оценка доли рабочих задач, которые ИИ может выполнить уже сейчас, составляет 4,90 по шкале 0–10; медиана равна 5. Наиболее типичные направления фактического или желаемого применения – генерация изображений (81,0%), написание текстов и переписка (77,1%), создание видео и аудио (70,5%), маркетинг и продажи (58,1%), поиск идей (52,4%) и работа с клиентами (48,6%). Уже сейчас респонденты прежде всего передают ИИ создание текстов, изображений, составление идей и обработку фото. Готовность к дальнейшей делегации ещё выше: контент для социальных сетей готовы передавать 96,2% опрошенных, создание визуалов – 95,2%, творческие задачи – 64,8%, рутинные задачи – 42,9%.

Одновременно респонденты весьма активно разрешают ИИ замещать чужой труд. 71,4% ответили, что готовы заменять труд других людей с помощью ИИ («скорее да» или «да»). Наиболее уязвимыми для такой замены воспринимаются фотограф / ретушёр (80,0%), дизайн (78,1%), маркетинг / SMM (65,7%), копирайтинг (33,3%) и перевод (28,6%). Рационализация такого выбора в подавляющем большинстве прагматична: «это быстрее» – 68,6%, «это удобнее» – 68,6%, «экономия времени» – 51,4%, «это дешевле» – 39,0%, «ИИ выдаёт устраивающий результат» – 35,2%.

При этом отношение к собственной заменимости существенно более сдержанное. Лишь 8,6% считают, что ИИ может заменить их профессию («скорее да» или «да»), тогда как 91,4% отвечают «скорее нет» или «нет». Средняя оценка отношения к тому, что ИИ заменяет труд других людей, составляет 5,83 по шкале 0–10, а средняя оценка

отношения к тому, что ИИ может заменить самого респондента, – лишь 4,02. Парное сравнение этих двух оценок по критерию Уилкоксона показывает статистически значимое различие. Более того, 63,8% всей выборки одновременно готовы заменять труд других людей ИИ, но не считают, что ИИ способен заменить их собственную профессию. Это и есть центральная эмпирическая асимметрия исследования.

Важно, что обнаруженный разрыв не сводится к открытому чувству вины или выраженному страху. Средний уровень страха вытеснения профессии ИИ составляет 1,15 по шкале 0–10, медиана равна 0. Среднее чувство вины при замене специалиста ИИ составляет 1,41, медиана также равна 0. Следовательно, в данных нет основания говорить о ярко выраженном моральном запрете на использование ИИ как такового. Возникает не моральное отвержение ИИ, а селективная граница его легитимности: замещение чужих функций принимается легче, чем признание собственной уязвимости.

Корреляционный анализ уточняет эту картину. Фактический опыт использования ИИ тесно связан с числом задач, уже передаваемых ИИ: чем выше опыт, тем шире реальная делегация. Когнитивные барьеры, напротив, связаны и с меньшим опытом использования, и с меньшим числом уже передаваемых задач. Социальное окружение положительно связано с одобрением замещения труда других людей. Наиболее содержательный результат даёт пара переменных «опыт / цифровая компетентность» и «отношение к собственной заменимости»: фактический опыт использования ИИ и цифровая компетентность отрицательно связаны с принятием собственной заменимости. Иначе говоря, чем лучше респондент ориентируется в технологии и чем чаще ею пользуется, тем менее охотно он распространяет на себя идею трудового замещения.

Пуассоновская регрессия для зависимой переменной «число категорий задач, уже передаваемых ИИ» показывает устойчивую объясняющую модель практического использования. Предыдущий опыт использования ИИ является самым сильным фактором: переход на одну ступень выше по шкале опыта связан примерно с 39%-ным ростом ожидаемого числа делегируемых ИИ категорий задач. Самооценка цифровой компетентности также статистически значима: каждый дополнительный балл по 10-балльной шкале связан примерно с 5,5%-ным ростом числа фактически передаваемых ИИ задач. Воспринимаемая доля задач, уже выполнимых ИИ, показывает пограничную значимость. Индекс когнитивных барьеров, напротив, уменьшает делегацию: чем больше респондент ощущает нехватку знаний, непонимание принципов работы и неумение встроить ИИ в работу, тем уже реальная зона его применения. Парадоксальный положительный коэффициент орга-

низационных барьеров следует интерпретировать не как «полезность» барьеров, а как эффект опыта: именно те, кто уже пытается внедрять ИИ, чаще сталкиваются с дефицитом стратегии, обучения и технической поддержки.

Линейная регрессия, где зависимой переменной выступает отношение к замещению труда других людей, показала более слабую, но содержательно важную картину. Из инструментальных и барьерных факторов статистически значимым оказался прежде всего социальный контекст: позитивное отношение окружения к ИИ повышает нормативное одобрение замещения чужого труда. Это означает, что легитимация трудового замещения формируется не только и не столько из собственного опыта эффективности, сколько как социально опосредованная норма.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показывают, что принятие ИИ в микро- и малом бизнесе нельзя описать одной линией «полезность → использование → одобрение». Поведение респондентов устроено сложнее. На уровне практики они действуют прагматично: используют ИИ там, где он экономит время, ускоряет рутинные операции и производит приемлемый контентный результат. Это согласуется с логикой TAM и UTAUT, где воспринимаемая полезность, практический опыт и снижение усилий выступают важными источниками использования технологии [10; 11].

Однако на уровне трудовой нормативности включается иной механизм. Одобрение замещения чужого труда формируется под влиянием социального окружения и не вытекает автоматически из опыта собственной эффективности. Более того, у более компетентных и опытных пользователей не возникает автоматического «тотального» принятия ИИ. Напротив, именно они менее готовы признать возможность собственной заменимости. Это даёт основание говорить о рефлексивной границе принятия: чем лучше субъект понимает и использует технологию, тем отчётливее он разводит её инструментальную полезность и её право на перераспределение статуса, контроля и ответственности в труде.

В этом отношении результаты исследования уточняют представления об алгоритмической аверсии и доверии к ИИ. Люди готовы пользоваться алгоритмической системой там, где видят выгоду, но не обязательно готовы наделять её тем же моральным и социальным статусом, что и человеческого специалиста. Исследования доверия к ИИ подчёркивают, что доверие всегда контекстно и связано с распределением ответственности [12]. Исследования морального предпочтения человеческого усмотрения показывают, что именно там, где возникает вопрос о справедливости и допусти-

мости делегирования социально чувствительных решений, поддержка алгоритма снижается [13].

Российская социологическая рамка позволяет дополнительно интерпретировать выявленную асимметрию как проявление социального механизма управления. В микро- и малом бизнесе ИИ включается не в абстрактную технологическую систему, а в конкретную социальную ситуацию, где ограниченное число людей совмещает функции производства, коммуникации, продаж, сервиса и управления. Поэтому делегация задач ИИ означает не только сокращение времени и затрат, но и изменение границ профессионального участия. С позиции человекоориентированного управления это затрагивает не только эффективность, но и статус человека как субъекта труда, носителя компетенций и интеллектуальных резервов [6].

Именно поэтому обнаруженный разрыв между готовностью заменять чужой труд и нежеланием признать собственную заменимость нельзя трактовать только как противоречие или непоследовательность. Он отражает социально-нравственную границу принятия ИИ. Респонденты допускают применение ИИ как инструмента ускорения и удешевления работы, но ограничивают его легитимность там, где технология начинает претендовать на перераспределение профессионального статуса и признания. Эта граница особенно важна для малого бизнеса, где профессиональная идентичность, личная ответственность и результат работы часто тесно связаны с конкретным человеком, а не с обезличенной организационной ролью.

Таким образом, для микро- и малого бизнеса ИИ уже принят как средство ускорения, удешевления и контентного обеспечения работы, но ещё не полностью принят как легитимный агент перераспределения профессиональных позиций. Иными словами, технология уже встроена в операционную экономику, но не стала полностью легитимной в нравственной экономике труда. Именно это и составляет главный вклад исследования: оно показывает, что сопротивление ИИ в малом бизнесе сегодня проходит не по линии «использую / не использую», а по линии «полезен как инструмент / не уполномочен решать вопрос о моей собственной заменимости».

Ограничения исследования

Исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, объём выборки составляет 105 наблюдений, что достаточно для разведывательного анализа, но недостаточно для строгой репрезентативной оценки всего сектора микро- и малого предпринимательства при стандартной 5%-ной ошибке. Во-вторых, выборка является целевой и доступной, а не случайной и стратифицированной. В-третьих,

в анкете отсутствуют прямые показатели пола, возраста, отрасли, региона, численности работников, организационно-правовой формы и статуса респондента. Это не позволяет проводить сравнение между микропредприятиями и малыми предприятиями в строгом юридико-статистическом смысле.

Вместе с тем данные ограничения не обесценивают результаты исследования, поскольку его задача состоит не в измерении доли пользователей ИИ во всём секторе малого бизнеса, а в выявлении внутренних связей между опытом использования ИИ, цифровой компетентностью, когнитивными барьерами, социальной нормой и отношением к трудовому замещению. Дальнейшие исследования могут расширить данную модель за счёт стратифицированной выборки, включения отраслевых различий, размера предприятия, статуса респондента, формы занятости и характера выполняемых задач.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что принятие ИИ представителями микро- и малого бизнеса имеет расщеплённый характер. Практическое использование технологии нарастает там, где есть опыт, цифровая компетентность и сниженные когнитивные барьеры. Нормативное одобрение замещения чужого труда в большей степени связано с социальной нормой окружения, чем с чисто функциональной полезностью. Наиболее значимый результат состоит в обнаружении асимметрии между отношением к чужому и собственному замещению: большинство респондентов готовы заменить чужой труд ИИ, но не готовы признать аналогичную возможность относительно своей профессии.

Следовательно, центральная линия современного принятия ИИ в малом бизнесе проходит не между «технооптимизмом» и «технофобией», а между инструментальным использованием и селективной нормативной легитимацией. Это означает, что стратегии внедрения ИИ в микро- и малом бизнесе, ориентированные исключительно на выгоду и производительность, будут неполными. Они должны учитывать, что принятие технологии как рабочего инструмента ещё не означает принятия её как силы, способной безусловно перераспределять человеческий труд.

С практической точки зрения результаты исследования показывают необходимость сопровождать распространение ИИ в малом бизнесе не только обучением работе с инструментами, но и обсуждением границ ответственности, авторства, профессиональной роли и справедливого распределения выгод от автоматизации. Для социологии управления данный вывод особенно важен: ИИ должен анализироваться не только как цифровая технология, но и как социальный фактор, меняющий механизмы управленческого дей-

ствия, профессиональной самооценки и нормативного согласия на изменение труда.

Литература

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 06.05.2026).
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС России. URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 06.05.2026).
3. НИУ ВШЭ. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник. М.: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1026730357.html> (дата обращения: 06.05.2026).
4. ФОМ. ПРИМ: искусственный интеллект в микро- и малом бизнесе: практики и оценки перспектив. Аналитический материал, 2023. URL: <https://smbiz.fom.ru/post/prim-iskusstvennyj-intellekt-v-mikro-i-malom-biznese> (дата обращения: 06.05.2026).
5. Потёмкин В.К., Вельмисова Д.В. Социальные технологии в системе управления: учебно-методическое пособие. СПб.: Инфо-Да, 2020. 87 с.
6. Потёмкин В.К. Социальные проблемы человекоориентированного управления предприятиями и организациями: сборник избранных научных статей. СПб.: Инфо-Да, 2021. 320 с.
7. Потёмкин В.К., Ахтырский А.А., Вельмисова Д.В., Степанов С.А. Социология цифровой среды: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб-ГЭУ, 2022. 131 с.
8. Вельмисова Д.В. Управление персоналом в условиях цифровой экономики: источники неопределённости и факторы риска // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022.
9. Городнова Н.В. Применение искусственного интеллекта в бизнес-сфере: современное состояние и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4. С. 1473–1492. DOI: 10.18334/vinec.11.4.112249.
10. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology // MIS Quarterly. 1989. Vol. 13. No. 3. P. 319–340.
11. Venkatesh V., Morris M.G., Davis G.B., Davis F.D. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 425–478.
12. Glikson E., Woolley A.W. Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research //

Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 627–660.

13. Jauernig J., Uhl M., Walkowitz G. People Prefer Moral Discretion to Algorithms: Algorithm Aversion Beyond Intransparency // *Philosophy & Technology*. 2022. Vol. 35. No. 1. Art. 2. DOI: 10.1007/s13347-021-00495-y.
14. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. Generative AI at Work. NBER Working Paper No. 31161, 2023.
15. Gmyrek P., Berg J., Bescond D. Generative AI and Jobs: A Global Analysis of Potential Effects on Job Quantity and Quality. ILO Working Paper 96. Geneva: International Labour Organization, 2023.
16. OECD. OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the Labour Market. Paris: OECD Publishing, 2023.
17. Kovič K. et al. Artificial Intelligence Software Adoption in Manufacturing Companies // *Applied Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 16. Art. 6959. DOI: 10.3390/app14166959.
18. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // *Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 128. No. 6. P. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.

ADOPTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SMALL BUSINESS AS AN INSTRUMENTAL PRACTICE AND A SOCIO-MORAL BOUNDARY

Novoselov D.O.

Saint Petersburg State University of Economics

The article is devoted to the analysis of the adoption of artificial intelligence by representatives of micro and small businesses as a socially conditioned and normatively limited process. The empirical basis of the study was an array of a questionnaire survey of 105 observations, formed as a target intelligence sample. It is shown that the actual use of AI and the delegation of tasks to it are primarily related to previous use experience, subjective digital competence and the reduction of cognitive barriers. At the same time, the normative approval of the substitution of other people's labor is determined not so much by instrumental usefulness as by a social norm expressed through the positive attitude of the environment towards AI. The central result is the discovery of a persistent asymmetry: respondents find it much easier to accept the replacement of someone else's work than the possibility of their own substitutability. 63.8% of the respondents are simultaneously ready to replace the work of other people with AI and at the same time do not believe that AI is able to replace their own profession. Thus, the adoption of AI in micro and small businesses is not linear, but split in nature: practical use is expanding, but the legitimization of labor substitution remains partial and selective.

Keywords: artificial intelligence; small business; microenterprises; technology adoption; labor substitution.

References

1. Federal Law of July 24, 2007, No. 209-FZ, "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (Accessed on May 6, 2026).
2. Unified Register of Small and Medium-Sized Entrepreneurs // Federal Tax Service of Russia. Available at: <https://rmsp.nalog.ru/> (Accessed on May 6, 2026).
3. HSE University. Digital Economy Indicators: 2025: Statistical Digest. Moscow: Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University, 2025. Available at: <https://issek.hse.ru/news/1026730357.html> (Accessed on May 6, 2026).
4. FOM. PRIM: Artificial Intelligence in Micro- and Small Businesses: Practices and Prospects. Analytical Material, 2023. URL: <https://smbiz.fom.ru/post/prim-iskusstvennyj-intellekt-v-mikro-i-malom-biznese> (Accessed: 06.05.2026).
5. Potemkin V.K., Velmisova D.V. Social Technologies in the Management System: A Study Guide. St. Petersburg: Info-Da, 2020. 87 p.
6. Potemkin V.K. Social Problems of Human-Centered Management of Enterprises and Organizations: A Collection of Selected Scientific Articles. St. Petersburg: Info-Da, 2021. 320 p.
7. Potemkin V.K., Akhtyrskiy A.A., Velmisova D.V., Stepanov S.A. Sociology of the Digital Environment: A Study Guide. St. Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2022. 131 p.
8. Velmisova D.V. Personnel Management in the Digital Economy: Sources of Uncertainty and Risk Factors // *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2022.
9. Gorodnova N.V. Application of Artificial Intelligence in Business: Current State and Prospects // *Issues of Innovative Economics*. 2021. Vol. 11. No. 4. pp. 1473–1492. DOI: 10.18334/vi-nec.11.4.112249.
10. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology // *MIS Quarterly*. 1989. Vol. 13. No. 3. P. 319–340.
11. Venkatesh V., Morris M.G., Davis G.B., Davis F.D. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // *MIS Quarterly*. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 425–478.
12. Glikson E., Woolley A.W. Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research // *Academy of Management Annals*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 627–660.
13. Jauernig J., Uhl M., Walkowitz G. People Prefer Moral Discretion to Algorithms: Algorithm Aversion Beyond Intransparency // *Philosophy & Technology*. 2022. Vol. 35. No. 1. Art. 2. DOI: 10.1007/s13347-021-00495-y.
14. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. Generative AI at Work. NBER Working Paper No. 31161, 2023.
15. Gmyrek P., Berg J., Bescond D. Generative AI and Jobs: A Global Analysis of Potential Effects on Job Quantity and Quality. ILO Working Paper 96. Geneva: International Labor Organization, 2023.
16. OECD. OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence and the Labor Market. Paris: OECD Publishing, 2023.
17. Kovič K. et al. Artificial Intelligence Software Adoption in Manufacturing Companies // *Applied Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 16. Art. 6959. DOI: 10.3390/app14166959.
18. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // *Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 128. No. 6. P. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.

Сравнительный анализ региональной безработицы (на примере Московской и Новосибирской областей)

Павлова Светлана Анатольевна,

доктор биологических наук, профессор, кафедра антикризисного управления и управления рисками Института государственной службы и управления РАНХИГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: s_pavlova@mail.ru

Ушакова Валерия Александровна,

специалист, Институт государственной службы и управления РАНХИГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: lera_ushakova2004@mail.ru

Боева Екатерина Михайловна,

специалист, Институт государственной службы и управления РАНХИГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: ekaterinabo9.a@gmail.com

В статье рассматриваются особенности региональной безработицы в России на примере Московской и Новосибирской областей. Это высоко урбанизированные регионы. Проанализированы социально-экономические показатели, динамика численности занятых и безработных, уровень участия населения в рабочей силе, влияние урбанизации и структурных изменений на состояние рынка труда. Особое внимание уделено сопоставлению региональных различий и определению направлений в области политики занятости, которая должна быть направлена на снижение дисбалансов и повышение устойчивости рынка труда. В результате исследования выявлена проблематика региональной безработицы, которая не смотря на урбанистическую схожесть, имеет существенные отличия. Определено, что при общей тенденции к снижению безработицы отдельные регионы сохраняют собственные ограничения. Они обусловлены отраслевой структурой экономики, демографической ситуацией, уровнем урбанизации и территориальной организацией рынка труда. Проведенный анализ позволил разработать предложения по формированию эффективных мер государственной политики в сфере занятости.

Ключевые слова: региональная безработица, рынок труда, занятость, рабочая сила, Новосибирская область, Московская область.

Введение

Проблема занятости и безработицы занимает одно из ключевых мест среди социально-экономических проблем современного общества, поскольку напрямую влияет на уровень жизни населения, устойчивость региональных экономик и темпы их развития. Безработица остается актуальной для многих субъектов Российской Федерации, однако ее масштабы, причины и последствия существенно различаются в зависимости от особенностей регионального рынка труда, структуры экономики, демографической ситуации и уровня инвестиционной активности.

Безработица представляет собой социально-экономическое явление, при котором часть рабочей силы, способная и готовая к труду, не может найти работу [1; 2]. При этом безработные наряду с занятыми формируют рынок труда и являются важным элементом оценки его состояния. Исследование региональной безработицы позволяет выявить особенности функционирования экономики конкретных территорий, определить факторы, влияющие на занятость, и сформулировать меры по повышению эффективности региональной политики в сфере труда и занятости.

Результаты исследования

Проблема урегулирования рынка труда является ключевой для социально-экономического развития государства. Как показывают исследования, единого методологического подхода как к исследованию рынка труда, так и к механизмам урегулирования проблем занятости до сих пор не существуют. В научных исследованиях приоритет отдается научной методологии поиска причин безработицы, на практике реализуется подход к формированию кадровой политики с учетом востребованности кадров в отраслях народного хозяйства. Эти направления не всегда сходятся в едином ключе, для решения кадровых проблем и формирования базы трудовых ресурсов. Причин для этого предостаточно. В результате на уровне отдельных субъектов ведутся исследования с целью определения особенностей региональной политики в области управления трудовыми ресурсами, включая учет безработицы и показатели востребованности в отдельных отраслях народно-хозяйственного комплекса.

С целью анализа особенностей региональной безработицы рассматриваем регионы, которые

в своей перспективе будут активно развиваться, в которых планируется создание новых отраслей производства, а следовательно, как в настоящее время, так и в перспективе, будет отмечаться процесс востребованности в трудовых ресурсах [3]. Что соответственно должно отразиться и на уровне безработицы в данных районах. Московская и Новосибирская область являются примером для таких исследований. Это высоко урбанизированные районы, востребованность в трудовых ресурсах высокая, но показатели безработицы необходимо учитывать с целью определения их востребованности в трудовой сфере. Социально-экономические показатели и показатели рынка труда Новосибирской области сопоставлялись с Московской областью, полученные результаты можно интерпретировать на другие районы России и при выявлении схожести можно не только понять тенденции развития безработицы, но и разработать алгоритм решения проблем безработицы.

Таблица 1. Основные показатели социально-экономического развития Новосибирской области за 2021–2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Численность населения (оценка на начало года), тыс. человек	2 785,8	2 797,4	2 794,3	2 789,5	2 786,5
Среднегодовая численность занятых, тыс. человек	1 327,2	1 304,9	1 314,9	1 314	1 335
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), рублей	35 070	44 359	49 936	58 500	68 265
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), рублей	28 004	32 658	38 573	45 617	49 300
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	41 119	46 548	62 178	75 052	86 546
Валовой региональный продукт млрд рублей	1 617	1 797	2 216	2 695	2 724

Источник: составлено авторами.

Социально-экономические показатели Новосибирской области в рассматриваемом периоде 2021–2025 гг. в целом демонстрируют положительную динамику [8]. Численность населения региона оставалась практически стабильной и колебалась в пределах 2,79 млн человек, что свидетельствует

о сохранении демографического потенциала области. При этом устойчивый рост показывают среднедушевые денежные доходы населения, потребительские расходы и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций. Среднедушевые денежные доходы населения увеличились с 35,1 тыс. рублей в месяц в 2021 году до 68,3 тыс. рублей в 2025 году. Одновременно среднемесячная номинальная начисленная заработная плата выросла с 41,1 тыс. рублей до 86,5 тыс. рублей. Рост этих показателей отражает не только увеличение доходов населения, но и изменение общей ценовой среды в экономике, а также усиление конкуренции работодателей за трудовые ресурсы (табл. 1). Положительная динамика доходов сопровождалась ростом потребительских расходов на душу населения: с 28,0 тыс. рублей в месяц в 2021 году до 49,3 тыс. рублей в 2025 году [4; 7; 8]. Это свидетельствует о расширении потребительской активности и развитии внутреннего рынка региона.

Макроэкономические показатели также подтверждают укрепление экономики области. Валовой региональный продукт Новосибирской области увеличился с 1 617 млрд рублей в 2021 году до 2 724 млрд рублей в 2025 году. Таким образом, прирост ВРП за рассматриваемый период составил около 68,5%. Увеличение ВРП свидетельствует о расширении масштабов хозяйственной деятельности, росте производства товаров и услуг и укреплении роли региона в экономике Сибирского федерального округа. Вместе с тем динамика показателей в начале рассматриваемого периода формировалась под влиянием последствий пандемии COVID-19, а в дальнейшем под воздействием более широкого круга факторов: геополитической напряженности; санкционного давления; перестройки логистических и хозяйственных связей, а также структурных изменений в экономике [11]. Несмотря на это, Новосибирская область сохранила устойчивость и в целом продемонстрировала положительную социально-экономическую динамику.

Среднегодовая численность занятых в регионе за 2021–2025 гг. изменялась неравномерно: после снижения в 2022 году показатель постепенно восстановился и к 2025 году достиг 1 335 тыс. человек. Это позволяет говорить о сохранении трудового потенциала региона и постепенной адаптации экономики к новым условиям [4; 7; 8]. В целом анализ основных социально-экономических показателей показывает, что в 2021–2025 гг. Новосибирская область характеризовалась стабильностью численности населения, ростом доходов и заработной платы, увеличением потребительских расходов и расширением масштабов экономической деятельности. Все это создает основу для дальнейшего рассмотрения особенностей занятости и безработицы в регионе.

Рассматривая проблему безработицы в регионе, необходимо учитывать не только общий уровень занятости, но и структуру трудовых ресурсов, территориальные особенности расселения населения, отраслевую специализацию экономики и уровень урбанизации. Существенные различия между муниципальными образованиями по уровню экономической активности и концентрации рабочих мест формируют неоднородность регионального рынка труда. Значительная часть населения Новосибирской области проживает в городских поселениях, прежде всего в городе Новосибирске, который выступает крупнейшим экономическим, научно-образовательным и транспортным центром региона. Именно концентрация предприятий, учреждений, объектов социальной инфраструктуры и сферы услуг в городской местности во многом определяет специфику занятости и формирования спроса на рабочую силу.

Исходя из анализа статистически значимых показателей, уровень урбанизации в Новосибирской области в 2025 году составляет 79,9%. По данным Новосибирскстата, доля городского населения области выросла с 79,5% в 2021 году до 79,9% в 2025 году, тогда как доля сельского населения сократилась с 20,5% до 20,1%. Высокий уровень урбанизации свидетельствует о сложившемся городском типе расселения населения в регионе. Умеренный рост доли городского населения в 2021–2025 гг. указывает на сохранение устойчивого преобладания городских форм занятости и концентрации трудовых ресурсов в крупнейших центрах области. Это создает более благоприятные условия для развития рынка труда, но одновременно усиливает различия между городскими и сельскими территориями по возможностям трудоустройства.

Для более детального анализа необходимо рассмотреть ключевые показатели рынка труда Новосибирской области. Анализ данных таблицы 2 показывает, что рынок труда Новосибирской области в 2021–2025 гг. в целом характеризовался устойчивостью и постепенным улучшением основных показателей, хотя отдельные числовые значения демонстрировали колебания. Численность населения в регионе оставалась практически неизменной, а численность экономически активного населения менялась неравномерно, так после роста в 2022 году до 1 436,4 тыс. человек в последующие годы наблюдалось некоторое снижение, однако к 2025 году показатель сохранился на высоком уровне и составил 1 387,9 тыс. человек [7; 8].

При этом численность занятых увеличилась с 1 301,3 тыс. человек в 2021 году до 1 350,6 тыс. человек в 2025 году, что свидетельствует о расширении занятости в экономике региона. Одновременно уровень безработицы снизился с 6,1% до 2,7%, а уровень занятости к 2025 году вырос до 59,1%. Такая динамика отражает не только вос-

становление рынка труда после кризисных явлений начала 2020-х годов, но и возросший спрос на рабочую силу [7; 8]. Наиболее выраженный рост наблюдался в сфере оплаты труда. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата за рассматриваемый период увеличилась с 41 119 рублей до 86 546 рублей. Это связано и с ростом потребности предприятий в персонале. Тем не менее необходимо учитывать: общие повышение издержек; инфляционные процессы; усиление конкуренции работодателей за работников. Численность иностранных рабочих в 2021–2025 гг. изменялась разнонаправленно, но после снижения в 2022 году показатель начал постепенно восстанавливаться и к 2025 году составил 61,4 тыс. человек. Такая динамика свидетельствует о сохраняющейся потребности региональной экономики в привлечении дополнительной рабочей силы, особенно в условиях кадрового дефицита.

Таблица 2. Основные показатели рынка труда Новосибирской области за 2021–2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Численность населения (на начало года), тыс. человек	2 785,8	2 797,4	2 794,3	2 789,5	2 786,5
Численность экономически активного населения, тыс. человек, в том числе:	1 394,1	1 436,4	1 390,8	1 379,5	1 387,9
- занятые	1 301,3	1 349	1 343,4	1 341,5	1 350,6
- безработные	92,8	87,4	47,4	38	37,3
- потенциальная рабочая сила	21,149	21,434	18,218	30,229	24,121
Уровень занятости, %	58,8	58,4	58,7	58,7	59,1
Уровень безработицы, %	6,1	4,7	3,4	2,8	2,7
Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, %	8,1	7,5	4,7	4,8	4,3
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	1 327,2	1 304,9	1 314,9	1 314	1 335
Численность иностранных рабочих, тыс. чел.	67,1	59,5	59,7	60,5	61,4

Окончание

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс.руб.	41 119	46 548	62 178	75 052	86 546

Источник: составлено авторами.

Показатель потенциальной рабочей силы также имел колебательный характер, после снижения в 2023 году в 2024 году он вырос, а в 2025 году вновь сократился. Это указывает на наличие скрытого резерва рабочей силы и одновременно на сохраняющееся несоответствие между спросом работодателей и предложением труда по квалификационным и отраслевым характеристикам. Вместе с тем совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы снизился с 8,1% в 2021 году до 4,3% в 2025 году, что свидетельствует о сокращении масштабов недоиспользования трудовых ресурсов [9]. В целом рынок труда Новосибирской области в рассматриваемый период демонстрировал положительную динамику: занятость росла; безработица снижалась, а заработная плата увеличивалась. Однако данная динамика сопровождалась усилением структурных ограничений, прежде всего кадрового дефицита, демографических ограничений и несоответствия между спросом и предложением труда. В результате исследования отдельных показателей рынка труда Новосибирской области, определили например, что численность экономически активного населения в Новосибирской области в 2021–2025 гг. изменялась неравномерно (рис. 1). В 2021 году она составляла 1 394,1 тыс. человек, в 2022 году увеличилась до 1 436,4 тыс. человек, после чего в 2023–2024 гг. снизилась до 1 390,8 и 1 379,5 тыс. человек соответственно. В 2025 году показатель вновь незначительно вырос и составил 1 387,9 тыс. человек. Следовательно, для рассматриваемого периода более характерна не устойчивая тенденция роста, а относительная стабильность рабочей силы при наличии отдельных колебаний [7; 8].

Рис. 1. Состав трудовых ресурсов Новосибирской области за 2021–2025 гг., тыс. чел.

Источник: составлено авторами.

На динамику рабочей силы в начале периода оказывали влияние последствия пандемии COVID-19, однако в последующие годы все более заметное значение приобретали другие факторы современной социально-экономической среды (рис. 2). Существенное влияние на рынок труда Новосибирской области оказали геополитическая напряженность и санкционное давление. Они изменили условия деятельности предприятий, структуру поставок, логистические цепочки и спрос на рабочую силу. В результате в одних секторах экономики спрос на работников сокращался, а в других, напротив, возрастал, что сопровождалось перераспределением трудовых ресурсов по отраслям и усилением структурных дисбалансов на рынке труда [9].

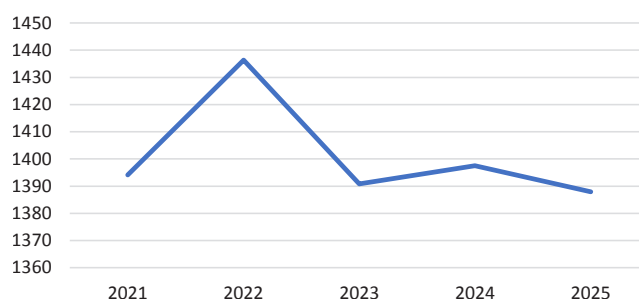

Рис. 2. Динамика численности ЭАН (экономически активного населения) в Новосибирской области в 2021–2025 гг.

Источник: составлено авторами.

Дополнительное влияние в последние годы оказали частичная мобилизация и связанные с ней миграционные процессы, затронувшие прежде всего мужскую часть трудоспособного населения. Это отразилось на численности рабочей силы, усилило кадровый дефицит в отдельных отраслях и повысило нагрузку на работодателей в части для привлечения и удержания персонала (табл. 3).

Таблица 3. Показатели экономической активности населения в Новосибирской области за 2021–2024 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024
Уровень участия в рабочей силе в отношении к численности населения в возрасте 15–72 лет, %	60,7	60,8	60,8	60,3
Уровень занятости в отношении к численности населения в возрасте 15–72 лет, %	57,8	58,7	58,8	58,8
Уровень безработицы, в отношении к численности рабочей силы, %	4,8	3,4	3,4	2,7

Источник: составлено авторами.

Уровень участия населения в возрасте 15–72 лет в рабочей силе в Новосибирской области в 2021–2024 гг. оставался в целом стабильным: 60,7% в 2021 году; 60,8% в 2022–2023 гг.; 60,3% в 2024 году. Это свидетельствует не о выраженном снижении участия населения в рабочей силе, а скорее о незначительных колебаниях показателя под влиянием демографических и социально-экономических факторов. Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет после роста с 57,8% в 2021 году до 58,7% в 2022 году в дальнейшем сохранялся на стабильном уровне (табл. 3). Занятость населения является одним из ключевых показателей экономического развития территории. Чем выше уровень занятости, тем устойчивее рынок труда, выше доходная база населения и шире возможности для экономического роста. Поэтому для более полного понимания положения Новосибирской области целесообразно сопоставить ее показатели с Московской областью и Российской Федерацией в целом [11].

Согласно данным Росстата, в декабре 2025 года численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в России составила 76,3 млн человек, из них 74,7 млн человек классифицировались как занятые, а 1,6 млн человек как безработные [11]. Численность занятых в Московской области составляет 4767,2 тыс. человек, численность рабочей силы 4856,4 тыс. человек, а численность безработных 89,2 тыс. человек [5; 6]. Численность постоянного населения Московской области на 1 января 2025 года составила 8775 735 человек, а численность пенсионеров 1973 494 человека. В пересчете на общую численность населения это соответствует примерно 54,3% занятых, 22,5% пенсионеров и 1,0% безработных.

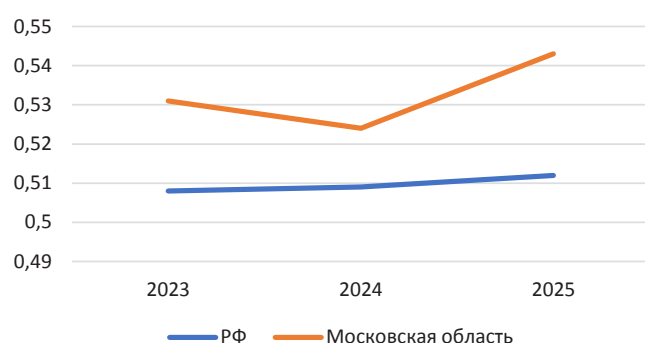

Рис. 3. Занятое население Московской области в сравнении с РФ

Источник: составлено авторами.

Из рисунка 3 видно, что Московская область по доле занятых в общей численности населения несколько превышает среднероссийский уровень. Это обусловлено высоким уровнем экономического развития региона, тесной связью с крупнейшей агломерацией страны, высокой концентрацией рабочих мест и более диверсифицированной структурой экономики. Анализ сравнения с Новосибир-

ской областью указал на некоторую относительную временную устойчивость учитываемых показателей и схожестью – низким уровнем безработицы и достаточно высоким уровнем вовлеченности населения в занятость.

Численность занятых в Новосибирской области составляет 1350,6 тыс. человек, численность пенсионеров 789,4 тыс. человек, а численность безработных 37,3 тыс. человек. В пересчете на численность постоянного населения Новосибирской области на 1 января 2025 года это соответствует примерно 48,5% занятых, 28,3% пенсионеров и 1,3% безработных [7; 8] (рис. 4).

В России в целом численность занятых составляет 74,7 млн человек, численность пенсионеров 41,169 млн человек, а численность безработных 1,6 млн человек. В пересчете на численность постоянного населения России на 1 января 2025 года это соответствует примерно 51,2% занятых, 28,2% пенсионеров и 1,1% безработных [10].

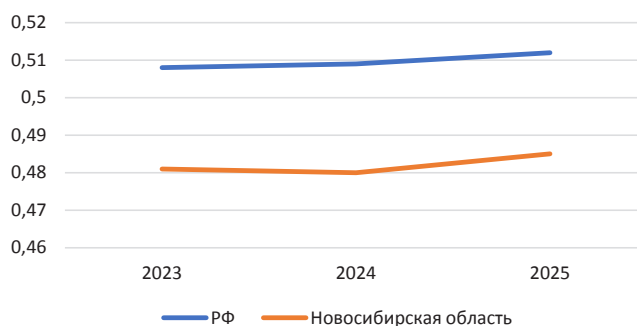

Рис. 4. Занятое население Новосибирской области в сравнении с РФ

Источник: составлено авторами.

По сравнению с Российской Федерацией Новосибирская область показывает достаточно устойчивые результаты, однако уступает среднероссийскому уровню по доле занятого населения в расчете на общую численность населения. Это связано как с особенностями демографической структуры, так и с различиями в масштабе и отраслевой организации экономики. Вместе с тем в 2023–2025 гг. в регионе наблюдались стабилизация и последующий рост численности занятых, что свидетельствует о сохранении экономической активности и укреплении регионального рынка труда.

Новосибирская область, как и в целом Российская Федерация, характеризуются низким уровнем безработицы и достаточно высоким уровнем вовлеченности населения в занятость. Вместе с тем различия между регионами определяются не только общими макроэкономическими тенденциями, но и масштабом экономики, емкостью рынка труда, территориальной структурой занятости и демографическими особенностями. Исследования показателей численности безработных в возрасте 15 лет и старше в Новосибирской и Московской областях, выявили некоторые особенности.

На протяжении всего рассматриваемого периода численность безработных оставалась выше в Московской области, по сравнению с Новосибирской областью (рис. 5). Это объясняется более высокой численностью населения и рабочей силы в Московской области, а также большим масштабом и разнообразием регионального рынка труда.

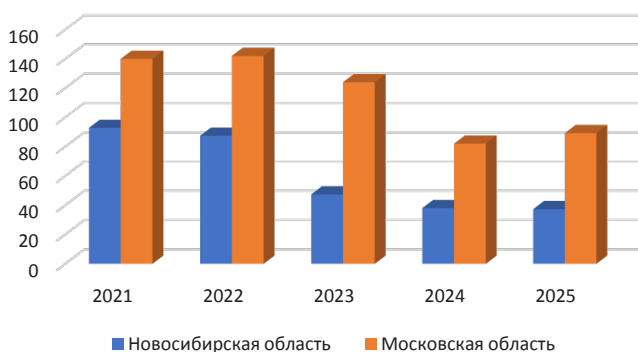

Рис. 5. Численность безработных в возрасте 15 лет и старше в Новосибирской и Московской области, тыс. чел.

Источник: составлено авторами.

В обеих областях прослеживается общая тенденция к сокращению численности безработных в 2021–2025 гг. В Новосибирской области показатель снизился с 92,8 тыс. человек до 37,3 тыс. человек, то есть более чем в два раза. В Московской области сокращение также было значительным, хотя динамика носила менее равномерный характер. Это свидетельствует об улучшении ситуации на рынке труда в обоих регионах, однако причины такого снижения связаны не только с восстановлением экономической активности, но и с ограниченностью предложения рабочей силы.

Основными причинами изменений на рынке труда в последние годы стали геополитическая напряженность и санкционное давление, структурная перестройка экономики, кадровый дефицит, демографические ограничения, частичная мобилизация и связанные с ней миграционные процессы, а также перераспределение рабочей силы между регионами, отраслями и формами занятости [9]. В этих условиях как государственная, так и региональная политика содействия занятости должна быть ориентирована не только на снижение безработицы как таковой, но и на повышение качества подготовки трудовых ресурсов, расширение возможностей профессиональной переподготовки, развитие территориальной и профессиональной мобильности работников, а также на сокращение структурного несоответствия между спросом и предложением труда [12]. Проблематика региональной безработицы заключается в том, что даже при общей тенденции к снижению безработицы отдельные регионы сохраняют собственные ограничения, связанные с отраслевой структурой экономики, демографической ситуаци-

ей, уровнем урбанизации и территориальной организацией рынка труда. Поэтому изучение региональных различий в безработице имеет важное значение для разработки эффективных мер государственной политики в сфере занятости.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рынок труда Новосибирской области в 2021–2025 гг. характеризовался относительной устойчивостью при одновременном снижении безработицы, росте занятости и значительном увеличении заработной платы. Это свидетельствует о постепенной адаптации региональной экономики к новым условиям и сохранении трудового потенциала региона.

Во-вторых, Московская область демонстрирует более низкий уровень безработицы и более высокую долю занятых в общей численности населения по сравнению с Новосибирской областью, что связано с более масштабной и диверсифицированной экономикой, высокой концентрацией рабочих мест и большей емкостью рынка труда.

В-третьих, снижение безработицы в современных условиях связано не только с положительными изменениями в экономике, но и с усилением структурного дефицита рабочей силы, демографическими ограничениями и миграционными процессами. Следовательно, низкий уровень безработицы сам по себе не означает полного благополучия рынка труда.

В-четвертых, региональная политика занятости должна учитывать не только необходимость создания рабочих мест, но и задачи повышения квалификации работников, сокращения структурного дисбаланса между спросом и предложением труда, закрепления кадров в приоритетных секторах экономики и развития механизмов адаптации рабочей силы к меняющимся условиям.

Для снижения напряженности на рынке труда и повышения его устойчивости в регионах целесообразно.

1. Сформировать региональные системы мониторинга кадровой потребности, позволяющие своевременно выявлять дефицитные профессии, отрасли и территории с наибольшей потребностью в рабочей силе.

2. Развивать механизмы опережающей профессиональной переподготовки работников в отраслях, подверженных структурным изменениям, технологической модернизации и сокращению занятости.

3. Создавать специальные программы закрепления молодых специалистов в регионах, включая меры жилищной поддержки, наставничество, адаптацию на первом рабочем месте и развитие карьерных траекторий.

4. Поддерживать межмуниципальную трудовую мобильность населения за счет развития транспортной доступности, компенсации расходов

на проезд и временное проживание при трудоустройстве в другой территории региона.

5. Расширять применение гибких форм занятости, включая дистанционную, частичную, проектную и платформенную занятость, что позволит вовлечь в рынок труда более широкий круг населения;

6. Разрабатывать меры по вовлечению в занятость экономически неактивного населения, обладающего трудовым потенциалом, через профориентацию, сопровождение занятости и индивидуальные маршруты трудоустройства.

7. Поддерживать малый и средний бизнес как источник создания рабочих мест.

8. Укреплять взаимодействие между образовательными организациями, работодателями и органами власти для подготовки кадров в соответствии с реальными потребностями региональной экономики.

9. Развивать механизмы внутренней профессиональной мобильности работников, позволяющие осваивать смежные компетенции и переходить между видами деятельности без длительного выпадения из занятости.

Таким образом, решение проблемы безработицы в высоко урбанизированных регионах, как свидетельствуют проанализированные данные для Московской и Новосибирской областях, требует комплексного подхода, сочетающего меры экономической, социальной и кадровой политики. Но они и универсальны, и могут применяться в других не высоко урбанизированных регионах России. При согласованном взаимодействии государства, бизнеса и общества возможно не только дальнейшее снижение безработицы, но и формирование более качественного, устойчивого и сбалансированного регионального рынка труда.

Литература

1. Золин И.Е. Проблема регулирования российского рынка труда: социологический анализ. // Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Нижний Новгород. 2019. – 252 с.
2. Кашепов А.В. Рынок труда: проблемы и пути решения / А.В. Кашепов, С.С. Сулакшин, А.С. Малчинов. – Москва: Научный эксперт. 2018. – 232 с.
3. Кубланов А.М. Занятость и заработная плата населения как показатели социального качества жизни // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2018. – № 1. – С. 33–40.
4. Министерство труда и социального развития Новосибирской области. Прогноз баланса трудовых ресурсов Новосибирской области на 2022–2025 годы. Новосибирск. – URL: <https://mtsr.nso.ru/> (дата обращения: 13.05.2026).
5. Мосстат. Московская область в цифрах. 2024: краткий статистический сборник. Москва, 2025. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank.pdf> дата обращения: 13.05.2026).
6. Мосстат. Социально-экономическое положение Московской области в январе 2026 года. Москва, 2026. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank.pdf> дата обращения: 13.05.2026).
7. Новосибирскстат. Занятость и безработица за 2025 год. Новосибирск, 2026. – URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_PRESS028_2026.pdf дата обращения: 13.05.2026).
8. Новосибирскстат. Численность населения Новосибирской области на начало года. Новосибирск, 2025. – URL: <https://54.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 13.05.2026).
9. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Новосибирской области до 2030 года: Закон Новосибирской области от 24.03.2020 № 23-ОЗ // Консультант Плюс справочно-правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru/> дата обращения: 13.05.2026).
10. Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: статистический сборник. Москва, 2025. – 1035 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
11. Скворцов Н.Г. Поведение индикаторов российского рынка труда в условиях пандемии/ Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе: сборник научных статей / под ред. Н.Г. Скворцова, Р.В. Карапетяна. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2021. – С. 36–46.
12. Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» – URL: <https://base.garant.ru/408175315/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (дата обращения: 13.05.2026).

COMPARATIVE ANALYSIS OF REGIONAL UNEMPLOYMENT (ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW AND NOVOSIBIRSK REGIONS)

Pavlova S.A., Ushakova V.A., Boeva E.M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the features of regional unemployment in Russia using the example of the Moscow and Novosibirsk regions. These are highly urbanized regions. The socio-economic indicators, the dynamics of the number of employed and unemployed, the level of population participation in the labor force, the impact of urbanization and structural changes on the labor market are analyzed. Special attention is paid to comparing regional differences and defining directions in the field of employment policy, which should be aimed at reducing imbalances and increasing the stability of the labor market. As a result of the study, the problem of regional unemployment has been identified, which, despite its urban similarity, has significant differences. It is determined that, with a general downward trend in unemployment, individual regions retain their

own limitations. They are determined by the sectoral structure of the economy, the demographic situation, the level of urbanization and the territorial organization of the labor market. The analysis made it possible to develop proposals for the formation of effective public policy measures in the field of employment.

Keywords: regional unemployment, labor market, employment, labor force, Novosibirsk region, Moscow region.

References

1. Zolin, I. E. «The Problem of Regulating the Russian Labor Market: A Sociological Analysis.» Dissertation for the Degree of Doctor of Sociological Sciences. Nizhny Novgorod. 2019, 252 p.
2. Kashepov, A. V. «Labor Market: Problems and Solutions.» Moscow: Nauchny Expert. 2018, 232 p.
3. Kublanov, A. M. «Employment and Wages as Indicators of Social Quality of Life.» Scientific Journal of NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management. 2018, № 1, pp. 33–40.
4. Ministry of Labor and Social Development of the Novosibirsk Region. Forecast of the Labor Force Balance of the Novosibirsk Region for 2022–2025. Novosibirsk. – URL: <https://mtsr.nso.ru/> (date of access: 13.05.2026).
5. Moststat. Moscow Region in Figures. 2024: Brief Statistical Digest. Moscow, 2025. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank.pdf> (date of access: 13.05.2026).
6. Moststat. Socioeconomic Situation of the Moscow Region in January 2026. Moscow, 2026. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank.pdf> (date of access: 13.05.2026).
7. Novosibirskstat. Employment and Unemployment for 2025. Novosibirsk, 2026. – URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_PRESS028_2026.pdf (date of access: 13.05.2026).
8. Novosibirskstat. Population of Novosibirsk Oblast at the beginning of the year. Novosibirsk, 2025. – URL: <https://54.rosstat.gov.ru/> (date of access: 13.05.2026).
9. On approval of the strategy for the socio-economic development of Novosibirsk Oblast until 2030: Law of Novosibirsk Oblast dated 24.03.2020 № 23-OZ // Consultant Plus reference and legal system. – URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 13.05.2026).
10. Rosstat. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2025: statistical digest. Moscow, 2025. – 1035 p. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (date accessed: 13.05.2026).
11. Skvortsov N.G. Behavior of Russian Labor Market Indicators during the Pandemic / Transformation of Labor in a (De)Globalizing Society: Collection of Scientific Articles / edited by N.G. Skvortsov, R.V. Karapetyan. – St. Petersburg: Skifia-Print, 2021. – pp. 36–46.
12. Federal Law of December 12, 2023 № 565-FZ «On Employment of the Population in the Russian Federation» – URL: <https://base.garant.ru/408175315/8b7b3c1c76e91f88d-33c08b3736aa67a/> (date of access: 13.05.2026).

Социальный портрет уязвимости: гендерные и возрастные аспекты кибермошенничества как вызов государственной политике информационной безопасности

Парфенов Константин Владимирович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

E-mail: parfenovkv@mail.ru

В статье анализируется феномен кибермошенничества как социально-политическая проблема, формирующая новые вызовы государственной политике информационной безопасности Российской Федерации. На основе вторичного анализа официальных статистических данных Банка России за 2023–2024 гг. и дискурс-анализа стратегических документов (Стратегия национальной безопасности РФ, Доктрина информационной безопасности, Указ Президента № 250) выявлены ключевые социальные характеристики наиболее уязвимых групп населения – работающих женщин в возрасте 25–64 лет со средним уровнем дохода и образования. Показано, что традиционная «технократическая» модель государственной политики (импортозамещение, блокировки, требования к организационной защите) не в полной мере учитывает социально-психологические механизмы виктимизации, что создает разрыв между нормативными предписаниями и реальной уязвимостью граждан. Сформулирован вывод о необходимости концептуального сдвига в сторону «социально-ориентированной» политики, включающей перераспределение ответственности между государством, бизнесом и гражданином, а также развитие программ цифровой гигиены, адаптированных к возрастным и гендерным особенностям.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибермошенничество, социальный портрет, гендерные аспекты, возрастная уязвимость, государственная политика, цифровая гигиена.

Введение

Трансформационные изменения социальных отношений, вызванные цифровизацией государственного управления и повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий, привели к тому, что информация стала не только ресурсом развития, но и объектом преступных посягательств. Кибермошенничество, использующее методы социальной инженерии, превратилось в один из наиболее массовых видов угроз, затрагивающих интересы миллионов граждан. Согласно ежегодным опросам Банка России, в 2023 году 4 из 10 респондентов сталкивались с финансовым мошенничеством, а 10% лишились денег; в 2024 году каждый третий гражданин подвергался атакам злоумышленников, при этом 9% пострадавших потеряли средства [3; 4].

Однако наиболее парадоксальным является не сам масштаб, а социальный портрет жертвы. Вопреки распространенному стереотипу о «цифровой неграмотности пенсионеров», основная группа риска – экономически активные люди 25–64 лет, причем в 2023 году доля пострадавших женщин превысила долю мужчин на 11 процентных пунктов [3]. Эта ситуация обнажает фундаментальное противоречие: государственная политика информационной безопасности, зафиксированная в Доктрине информационной безопасности РФ (2016), Стратегии национальной безопасности (2021) и Указе Президента № 250 (2022), ориентирована преимущественно на технологические меры – импортозамещение, защиту критической информационной инфраструктуры, персональную ответственность руководителей [12; 13; 14]. При этом «человеческий фактор» – доверчивость, нерешительность, гендерные и возрастные паттерны поведения – остается главным каналом реализации угроз.

Цель статьи – выявить ключевые социальные характеристики уязвимости населения к кибермошенничеству и проанализировать, какие вызовы эти характеристики создают для государственной политики информационной безопасности в ее социальном измерении. Гипотеза исследования заключается в том, что существующая политика носит технократический и «силовой» характер, тогда как кибермошенничество как форма соци-

альной инженерии требует перехода к социально-ориентированной модели, включающей перераспределение ответственности и развитие цифровой грамотности с учетом гендерно-возрастной специфики.

Теоретико-методологическую основу работы составили концепция социального конструирования угроз (П. Бурдьё, Н. Луман), теория «сильных и слабых связей» М. Грановеттера для объяснения уязвимости через каналы коммуникации, а также методы вторичного анализа статистических данных, дискурс-анализа нормативных документов и кейс-стади на основе материалов ЦБ РФ. Эмпирическую базу исследования образуют ежегодные опросы Банка России «Кибермошенничество: портрет пострадавшего» за 2023 и 2024 годы (выборка 2024 года – 429 063 физических лица) [3; 4], а также данные аналитических отчетов Positive Technologies и Solar JSOC, представленные в научной литературе [9; 10].

Теоретические рамки анализа: от технологической к социальной модели информационной безопасности

В российской нормативной традиции информационная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз» [12]. Однако, как справедливо отмечает И.Л. Морозов, в стратегических документах акцент смещен в сторону государства и инфраструктуры [7]. Анализ Доктрины информационной безопасности 2016 года показывает, что среди четырех «национальных интересов в информационной сфере» лишь один косвенно касается личности («обеспечение и защита конституционных прав и свобод»), тогда как три других относятся к функционированию информационной инфраструктуры, развитию отечественных технологий и международному сотрудничеству [12]. Указ Президента № 250 (2022) еще более показателен: он требует от руководителей федеральных органов и госкорпораций возложить на заместителей полномочия по обеспечению информационной безопасности, создать структурные подразделения, использовать только аккредитованные центры ГосСОПКА, а с 1 января 2025 года – отказаться от иностранных средств защиты информации [14]. Гражданин в этом документе практически отсутствует как субъект, за исключением пункта об обеспечении беспрепятственного доступа должностных лиц ФСБ к информационным ресурсам.

Такая конфигурация свидетельствует о государственно-центричной модели политики, где гражданин выступает скорее объектом защиты (или потенциальным источником угроз – например, через распространение фейков), чем субъектом, обладающим компетенциями. Кибермо-

шенничество же, напротив, является форма «низовой» уязвимости, где технические системы защиты оказываются бессильны перед ситуацией, когда гражданин добровольно переводит деньги злоумышленнику [16, 17]. Как отмечают Е.В. Алексеева и А.А. Галушкин, информационная безопасность в современном понимании должна включать не только защиту информации, но и защиту личности от информационно-психологического воздействия [2; 6].

Кибермошенничество отличается от «компьютерных атак» тем, что его главный инструмент – не вредоносное ПО, а социальная инженерия. Жертву не взламывают технически, ее «убеждают» совершить действие. Анализ каналов воздействия по данным ЦБ РФ показывает, что доминируют телефонные звонки и мессенджеры – то есть каналы, где имитируется доверительное межличностное общение [4]. В 2024 году впервые в пятерку каналов вошел взлом аккаунтов на «Госуслугах» – что уже является гибридной атакой, использующей доверие к государственному сервису. Следовательно, кибермошенничество эксплуатирует не только техническую неграмотность, но и **социальный капитал** (доверие к знакомым номерам, авторитет госорганов). Государственная политика, ограничивающаяся техническими мерами, не может нейтрализовать угрозы, скрытые в социальной психологии [5].

Социальный портрет уязвимости: гендерные и возрастные аспекты кибермошенничества

Эмпирический анализ данных Банка России за 2023–2024 гг. позволяет построить детализированный социальный портрет жертвы кибермошенников. Ключевой вывод, опровергающий массовые стереотипы: наибольший интерес для злоумышленников представляют люди в возрасте от 25 до 64 лет – экономически активные, имеющие сбережения и кредитные истории, пользующиеся онлайн-банком [3; 4]. В 2023 году 4 из 10 респондентов сталкивались с мошенничеством, в 2024 году – каждый третий. При этом доля тех, кто реально потерял деньги, составила 10% в 2023 году и 9% в 2024 году, что говорит о стабильно высоком уровне виктимизации.

Вторичный анализ результатов исследования определяет наличие гендерного сдвига. В 2022 году разница между долей пострадавших мужчин и женщин была незначительной (0,8 п.п.). Однако в 2023 году доля женщин среди жертв стала выше на 11 процентных пунктов [3]. К 2024 году этот разрыв сократился до 5,2 п.п., но женщины по-прежнему остаются более уязвимой группой [4]. Социологическая интерпретация этого феномена требует учета нескольких факторов. Во-первых, женщины в возрасте 25–64 лет являются активными пользователями банковских онлайн-сервисов

(зарплатные проекты, кредиты, ипотека), что делает их «целевой аудиторией» мошенников. Во-вторых, как показывают исследования, женщины чаще отвечают на незнакомые звонки и более вовлечены в телефонные разговоры, чем мужчины, которые склонны сбрасывать подозрительные вызовы. В-третьих, сценарии мошенников («ваш сын попал в ДТП», «родственнику нужна операция», «помогите спасти деньги от списания») рассчитаны на эмоциональную отзывчивость, которая статистически выше у женщин. Сокращение разрыва в 2024 году может свидетельствовать об адаптации – либо женщины стали осторожнее, либо мошенники сместили фокус на другие группы.

Вопреки стереотипу, пик уязвимости приходится на возраст 25–64 года. Однако в 2024 году зафиксирован рост числа пострадавших старше 65 лет [4]. Это можно объяснить тем, что старшее поколение постепенно осваивает цифровые сервисы (в том числе под популяризацией перевода госуслуг в онлайн), но не обладает достаточными навыками критической оценки информации. Таким образом, возрастная уязвимость имеет U-образную форму: пик – в «активном» возрасте (25–64), второй поднимающийся пик – у пожилых (65+), и относительно низкая уязвимость у молодежи до 25 лет (которая, однако, может быть артефактом: молодые просто меньше теряют, так как у них меньше денег).

Трансформируются каналы мошенничества и действия жертв. Динамика каналов за два года показательна: телефонное и SMS-мошенничество сократилось на 8,4 п.п., но остается доминирующим; мошенничество через мессенджеры выросло на 10,5 п.п. в 2023 году и сохранило высокие позиции; в 2024 году появился новый значимый канал – получение доступа к аккаунтам на Госуслугах [3; 4]. Это свидетельствует о миграции угроз в более защищенные (с технической точки зрения) каналы. Мессенджеры, в отличие от открытых SMS, создают иллюзию приватности и доверия. Взлом Госуслуг – уже атака на государственную инфраструктуру, но через социальную инженерию (жертва сама сообщает код).

Что касается действий жертв: 84,4% в 2024 году не поддались на уловки, однако доля тех, кто совершил какие-либо действия под влиянием мошенников, выросла на 3,2 п.п. [4]. Растет и доля хищений свыше 20 тыс. рублей. При этом впервые зафиксировано, что 17% похищенных денег были кредитными (т.е. жертвы брали кредиты по указке мошенников) [4]. Это качественно новый уровень ущерба: жертва лишается не только накоплений, но и входит в долговую яму.

Интегрируя данные 2023–2024 гг., можно описать типичную жертву кибермошенников в России как работающую женщину в возрасте 35–50 лет со средним уровнем дохода и средним образованием, проживающую в городе, имеющую посто-

янную занятость, которая под воздействием телефонного звонка или сообщения в мессенджере добровольно перевела деньги или сообщила коды доступа. Этот портрет радикально отличается от образа «беспомощного пенсионера» и требует пересмотра адресатов профилактической работы.

Кибермошенничество как вызов государственной политике: разрыв между нормой и практикой

Сопоставление выявленного социального портрета с приоритетами государственной политики информационной безопасности обнаруживает несколько системных разрывов.

Первый разрыв между «защитой инфраструктуры» и «защитой человека». Стратегия национальной безопасности РФ (2021) среди целей государственной политики в области информационной безопасности называет «формирование безопасной среды оборота достоверной информации», «предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия», «снижение утечек персональных данных» [13]. Указ № 250 требует от организаций создавать подразделения по информационной безопасности и использовать только отечественные средства защиты [14]. Ни один из этих пунктов не адресует ситуацию, когда человек сам переводит деньги мошенникам. Государственная политика исходит из модели «внешней угрозы», которую можно отразить техническими средствами. Но кибермошенничество – это угроза, которая активируется самим человеком. Соответственно, возникает парадокс, заключающийся в том, что чем эффективнее техническая защита, тем больше мошенники вынуждены переходить к социальной инженерии, а значит, слабым звеном становится не инфраструктура, а психика и поведение человека. Как отмечает М.А. Чапис, информационная безопасность государства не может быть обеспечена без учета человеческого фактора, который сегодня является основным вектором атак [15].

Второй разрыв – проблема ответственности. Данные ЦБ РФ показывают, что пострадавшие чаще всего обращаются в свой банк (34,1%) и в полицию (27,7%), но 27,3% (в 2023 году) никуда не обращались [3]. С июля 2024 года вступил в силу закон, обязывающий банк возмещать клиенту похищенные деньги, если банк не приостановил перевод на подозрительный счет [4]. Это важный сдвиг: часть ответственности перекладывается на финансовые организации. Однако остается нерешенным вопрос о персональной ответственности гражданина. Доктрина информационной безопасности говорит об «интересах личности» в части «защиты информации, обеспечивающей личную безопасность» [12], но не определяет меры

по формированию «цифровой гигиены» как обязательного элемента социализации. Исследования, проведенные компанией «SEARCHINFORM», показывают, что 66% фактов утечки данных является результатом деятельности сотрудников организаций, а не внешних взломов [10]. В государственном секторе этот показатель также высок, что подтверждает тезис о ключевой роли социального фактора.

Третий разрыв – отсутствие гендерно-возрастных ориентиров политики. Действующие нормативные акты и государственные программы (например, паспорт федерального проекта «Информационная безопасность») не содержат дифференцированных мер для разных социально-демографических групп. Между тем, как показывают данные, уязвимость женщин в возрасте 25–64 лет требует адресных коммуникационных кампаний (например, через женские сообщества, медицинские учреждения, школы). Пожилые граждане старше 65 лет нуждаются в иных форматах – возможно, через социальных работников и отделения Социального фонда. Существующая политика в отношении гендерных и возрастных ориентиров нейтральна, что означает ее фактическую неэффективность: «равные» меры не работают там, где исходные позиции неравны [19].

Четвертый разрыв между декларациями и финансированием. Как показывают данные исследования уровня информационной безопасности в организациях России, коммерческий сектор активнее развивает финансирование обеспечения информационной безопасности – 41% компаний отмечают увеличение бюджетов. Государственный сектор, напротив, не стремится к глобальным изменениям, оставляя бюджет большинства организаций без изменений [10]. Это особенно показательно на фоне того, что в отраслевом разрезе именно госуправление меньше всего увеличивает расходы на ИБ [18]. При этом доля государственных организаций, осознающих необходимость импортозамещения, составляет 88,5%, но лишь 0,5% учреждений завершили переход на отечественные программные продукты [10]. Такая инерционность создает дополнительные уязвимости.

Анализируя сложившиеся тенденции, нельзя не согласиться с позицией И.Л. Морозова, который выделяет в качестве основополагающих факторов, определяющих уязвимость России перед информационными угрозами, нескоординированность системы реализации государственной политики между различными органами власти (Совет безопасности РФ, Минцифры РФ, МИД РФ), недостаточно эффективно выстроенную систему подготовки кадров в сфере информационной безопасности и низкую степень информированности населения о деятельности органов государственной власти, что порождает возможности для злоумышленников использовать недостоверную ин-

формацию [7]. Добавим к этому и недостаточную работу по повышению цифровой грамотности населения, которая до сих пор носит фрагментарный характер [8; 11].

Заключение

Проведенное исследование подтверждает выдвинутую гипотезу. Государственная политика информационной безопасности в России, сфокусированная на защите критической информационной инфраструктуры, импортозамещении и институциональной ответственности, оставляет практически без внимания «человеческий фактор» как главный канал кибермошенничества. Социальный портрет жертвы – работающая женщина 35–50 лет со средним доходом и образованием – демонстрирует, что уязвимость не связана с «цифровой отсталостью», а коренится в повседневных коммуникативных практиках, доверии к телефонным звонкам и недостаточной рефлексии.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно особенностей современной политики информационной безопасности России.

1. Кибермошенничество в России приобрело устойчивый массовый характер: в 2024 году с ним сталкивался каждый третий гражданин, а 9% потеряли деньги. Доля похищенных кредитных средств (17%) указывает на качественное усложнение угроз.

2. Социальный портрет жертвы сместился от «пенсионера» к «экономически активной женщине», что требует пересмотра целевых аудиторий профилактических программ. Гендерный разрыв, хотя и сократился с 11 до 5,2 п.п., остается значимым.

3. Существующая нормативная база (Доктрина, Стратегия, Указ № 250) ориентирована на технические и организационные меры, не адресуя социально-психологические механизмы виктимизации. Наблюдается разрыв между «защитой инфраструктуры» и «защитой человека».

4. Государственный сектор, несмотря на высокую осознанность необходимости импортозамещения (88,5%), демонстрирует низкую скорость перехода на отечественное ПО (0,5% завершили) и незначительное увеличение бюджетов на ИБ, что создает дополнительные риски.

Все это требует существенных мер по совершенствованию действующей политики информационной безопасности, которые ориентированы как на изменение стратегических политических инструментов, учет механизмов социальной инженерии, адаптирование каналов информирования под целевую аудиторию и проведение социологического мониторинга эффективности мер информационной безопасности.

Литература

1. Акулова Е.В. Государственная политика противодействия использованию информационных технологий в террористических целях как одной из угроз информационной безопасности: правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-protivodeystviya-ispolzovaniyu-informatsionnyh-tehnologiy-v-terroristicheskikh-tselyah-kak-odnoy-iz-ugroz> (дата обращения: 07.04.2026).
2. Алексеева М. В., Подройкина И.А. Особенности правового регулирования ограничений доступа к информации, запрещенной для распространения в Российской Федерации федеральным законодательством // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8 (177). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-ogranicheniy-dostupa-k-informatsii-zapreshennoy-dlya-rasprostraneniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.04.2026).
3. Банк России. Кибермошенничество: портрет пострадавшего – 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2023/ (дата обращения: 19.04.2026).
4. Банк России. Кибермошенничество: портрет пострадавшего – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 19.04.2026).
5. Выписка из Концепции государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 декабря 2014 г. № К 1274). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document155/>
6. Галушкин А.А. К вопросу о значении понятий «национальная безопасность», «информационная безопасность», «национальная информационная безопасность» // Правозащитник. 2015. № 2. С. 8.
7. Морозов И.Л. Государственная политика в сфере информационной безопасности по легитимации политического порядка современной России – тенденции, проблемы, решения // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
8. Нечаева И.И., Шевченко А.Н. К вопросу об информационной безопасности: теоретико-правовые основы государственной политики // Коммуникология: электронный научный журнал. 2020. Т. 5. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-informatsionnoy-bezopasnosti-po-legitimatsii-politicheskogo-poryadka-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 07.04.2026).
9. Positive Technologies. Киберугрозы в государственном секторе. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/kiberugrozy-v-gosudarstvennom-sektore/> (дата обращения: 15.09.2025).
10. SEARCHINFORM. Исследование уровня информационной безопасности в организациях России – 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://searchinform.ru/uploads/sites/1/2024/03/godovoe-issledovanie-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).
11. Сосновская Ю.Н., Клементьева В.С. К вопросу о содержании информационной безопасности как приоритетного компонента национальной безопасности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-informatsionnoy-bezopasnosti-kak-prioritetnogo-komponenta-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 07.04.2026).
12. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. Чапис М.А. Информационная безопасность государства как правовой порядок обеспечения национальной безопасности в информационной сфере // Наукосфера. 2024. № 6–1. С. 551–557.
16. Ардашев Р.Г. Киберсталкинг: угроза общественной безопасности // Социология. 2025. № 11. С. 32–36.
17. Ардашев Р.Г. Кибербуллинг как форма моральной деградации // Социология. 2025. № 9. С. 94–99.
18. Ардашев Р.Г. Представления россиян о цифровых преступлениях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 237–240.
19. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.

SOCIAL PORTRAIT OF VULNERABILITY: GENDER AND AGE ASPECTS OF CYBER FRAUD AS A CHALLENGE TO THE STATE INFORMATION SECURITY POLICY

Parfenov K.V.

Industrial University of Tyumen

The article analyzes the phenomenon of cyber fraud as a socio-political problem that creates new challenges for the state information security policy of the Russian Federation. Based on a secondary analysis of official statistical data from the Bank of Russia for 2023–2024 and a discourse analysis of strategic documents (National Security Strategy of the Russian Federation, Information Security Doctrine, Presidential Decree № 250), the key social characteristics of the most vulnerable population groups are identified – working women aged 25–64 with average income and education. It is shown that the traditional «technocratic» model of state policy (import substitution, blocking, requirements for organizational protection) does not fully take into account the socio-psychological mechanisms of victimization, which creates a gap between regulatory prescriptions and the real vulnerability of citizens. The conclusion is drawn about the need for a conceptual shift towards a «socially oriented» policy, including the redistribution of responsibility between the state, business and the citizen, as well as the development of digital hygiene programs adapted to age and gender characteristics.

Keywords: information security, cyber fraud, social portrait, gender aspects, age vulnerability, state policy, digital hygiene.

References

1. Akulova E.V. State policy to counter the use of information technologies for terrorist purposes as one of the threats to information security: legal aspects // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2023. № 3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-protivodeystviya-ispolzovaniyu-informatsionnyh-tehnologiy-v-terroristicheskikh-tselyah-kak-odnoy-iz-ugroz> (accessed: 07.04.2026).
2. Alekseeva M.V., Podroikina I.A. Features of legal regulation of restrictions on access to information prohibited for distribution in the Russian Federation by federal legislation // *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2025. № 8(177). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-ogranicheniy-dostupa-k-informatsii-zapreshchennoy-dlya-rasprostraneniya-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 07.04.2026).
3. Bank of Russia. Cyber fraud: portrait of the victim – 2023. [Electronic resource]. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2023/ (accessed: 19.04.2026).
4. Bank of Russia. Cyber fraud: portrait of the victim – 2024. [Electronic resource]. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (accessed: 19.04.2026).
5. Extract from the Concept of the State System for Detecting, Preventing and Eliminating the Consequences of Computer Attacks on Information Resources of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 12, 2014 № K 1274). [Electronic resource]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document155/>
6. Galushkin A.A. On the question of the meaning of the concepts of «national security», «information security», «national information security» // *Pravozashchitnik*. 2015. № 2. P. 8.
7. Morozov I.L. State policy in the field of information security on the legitimization of the political order of modern Russia – trends, problems, solutions // *Sotsiologiya*. 2020. № 5. Pp. 163–176.
8. Nechaeva I.I., Shevchenko A.N. On the issue of information security: theoretical and legal foundations of state policy // *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 2020. Vol. 5. № 2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-informatsionnoy-bezopasnosti-po-legitimatsii-politicheskogo-poryadka-sovremennoy-rossii> (accessed: 07.04.2026).
9. Positive Technologies. Cyber threats in the public sector. [Electronic resource]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/kiberugrozy-v-gosudarstvennom-sektore/> (accessed: 15.09.2025).
10. SEARCHINFORM. Study of the level of information security in Russian organizations – 2023. [Electronic resource]. URL: <https://searchinform.ru/uploads/sites/1/2024/03/godovoe-issledovanie-2023.pdf> (accessed: 15.09.2025).
11. Sosnovskaya Yu.N., Klementyeva V.S. On the issue of the content of information security as a priority component of national security // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2023. № 6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-informatsionnoy-bezopasnosti-kak-prioritnogo-komponenta-natsionalnoy-bezopasnosti> (accessed: 07.04.2026).
12. Decree of the President of the Russian Federation № 646 of December 5, 2016 «On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation». Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
13. Decree of the President of the Russian Federation № 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
14. Decree of the President of the Russian Federation № 250 of May 1, 2022 «On additional measures to ensure information security of the Russian Federation». Access from the legal reference system «Garant».
15. Chapis M.A. Information security of the state as a legal procedure for ensuring national security in the information sphere // *Naukosfera*. 2024. № 6–1. Pp. 551–557.
16. Ardashev R.G. Cyberstalking: A Threat to Public Safety // *Sociology*. 2025. № 11. Pp. 32–36.
17. Ardashev R.G. Cyberbullying as a Form of Moral Degradation // *Sociology*. 2025. № 9. Pp. 94–99.
18. Ardashev R.G. Russians' Perceptions of Digital Crimes // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference*. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 237–240.
19. Polyushkevich O.A. Social Communications and Prosocial Practices in the Digital World // *Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference*. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. P. 41–44.

Повышение вовлеченности персонала промышленного предприятия через социальные инновации в условиях дефицита кадров (на примере предприятия химической промышленности)

Потапова Татьяна Сергеевна,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: tatyana_potapova@mail.ru

В статье проверяется гипотеза о том, что системное внедрение социальных инноваций (институциональных, организационно-практических и культурно-коммуникационных механизмов) позволяет повысить вовлеченность персонала промышленного предприятия в инновационные процессы в условиях дефицита кадров. *Проблема исследования* состоит в разрыве между технологической модернизацией и низкой вовлеченностью работников, что ведет к сопротивлению изменениям и текучести квалифицированных кадров. *Актуальность темы* обусловлена необходимостью преодоления кадрового дефицита за счет активизации внутреннего человеческого капитала, а не только внешнего найма. *Цель исследования* – разработка и эмпирическая апробация трехкомпонентной циклической модели управления вовлеченностью персонала через социальные инновации. *Основной метод* – квазиэкспериментальный дизайн с тремя временными срезами (2023–2025 гг.) на предприятии химической отрасли (АО «Химик», N=107), включающий анкетный опрос, интервью и фокус-группы.

Результаты исследования показали: интегральный индекс вовлеченности вырос с 0,47 до 0,78; поведенческий компонент увеличился в 2,3 раза; доля работников, сопротивляющихся изменениям, снизилась с 44% до 28%; текучесть квалифицированных кадров сократилась с 14,8% до 6,7%. *Выводы*: предложенная модель управления вовлеченностью через социальные инновации эффективна и может быть тиражирована на предприятиях химической и смежных отраслей промышленности.

Ключевые слова: управление персоналом, социальные инновации, вовлеченность персонала, дефицит кадров, химическая промышленность, интегральный индекс вовлеченности, сопротивление изменениям, трехкомпонентная модель.

В статье мы продолжаем развивать подход к управлению персоналом промышленных предприятий через внедрение социальных инноваций, опираясь на теоретическую рамку социальной инноватики А.В. Тихонова и его научной школы¹ [1–3]. На этот раз предметно-дисциплинарной областью выступает не столько социология управления в ее общем виде, сколько прикладная задача повышения вовлеченности персонала в инновационные процессы в условиях кадрового дефицита – междисциплинарная проблема, вбирающая в себя как социологию труда, организационную психологию, так и управление человеческим капиталом² [4–10].

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что повышение вовлеченности персонала промышленного предприятия в условиях дефицита кадров достигается не только за счет материальной мотивации или технологической модернизации, а посредством системного внедрения социальных инноваций – институциональных, организационно-практических и культурно-коммуникационных механизмов, формирующих среду доверия и совместной выработки улучшений.

Учитывая, что традиционные HR-инструменты (обучение, мотивация, коммуникации) в условиях кадрового дефицита работают с ограниченной эффективностью, логично предположить следующее:

- вовлеченность персонала в инновационные процессы представляет собой трехкомпонентный социально-психологический конструкт (психологический, социальный, поведенческий компоненты), каждый из которых требует специфических управленческих воздействий;
- управление вовлеченностью не может быть фрагментарным – оно должно выстраиваться как циклический процесс «диагностика – воздействие – оценка – коррекция», объединя-

¹ Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.А. Мерзляков; ФНИСЦ РАН; 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2026. – 458 с. DOI: <http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-454-3.2026>. Источник: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=15031

² Тихонов А.В. Социология управления // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: КРАСАНД, 2015. – С. 348–351. Источник: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=3731

ющий институциональный, организационно-практический и культурно-коммуникационный уровни;

- в условиях дефицита кадров ключевым ресурсом становится не внешний найм, а активизация внутреннего человеческого капитала через вовлечение уже работающих сотрудников в инициирование и реализацию улучшений.

Применительно к управлению персоналом химического предприятия в условиях кадрового дефицита **проблема исследования** состоит в том, что низкий уровень вовлеченности работников в инновационные процессы ведет к росту сопротивления изменениям, высокой текучести квалифицированных кадров и недоиспользованию внутреннего человеческого капитала, тогда как внешний найм становится все более затруднительным.

В предыдущих, посвященных вовлеченности персонала и социальным инновациям, публикациях [11–15] также упоминались проблемы: во-первых, отсутствие операционализированного инструмента количественной оценки вовлеченности именно в инновационные процессы; во-вторых, фрагментарность управленческих решений без единой циклической модели; в-третьих, разрыв между технологической модернизацией и готовностью социальной среды предприятия к изменениям.

Актуальность темы исследования и предлагаемой в данной статье трехкомпонентной циклической модели управления вовлеченностью через социальные инновации заключается в попытке решения всех вышеуказанных проблем, а также в необходимости преодоления кадрового дефицита не за счет внешнего найма, а за счет удержания и активизации внутреннего человеческого капитала, что особенно значимо для российской промышленности в условиях ограниченности трудовых ресурсов.

Соответственно, **целью исследования** выступает разработка и эмпирическая апробация модели управления вовлеченностью персонала в инновационные процессы на основе социальных инноваций, включающей интегральный индекс вовлеченности (психологический, социальный, поведенческий компоненты) и циклический механизм «диагностика – воздействие – оценка – коррекция». А основным **методом**, использованным при достижении указанной цели, стал квазиэкспериментальный дизайн с тремя временными срезами (2023, 2024, 2025 гг.) на промышленном предприятии химической отрасли, включающий анкетный опрос, полуструктурированные интервью и фокус-группы.

Обсуждение основных результатов исследования

Предложенная трехкомпонентная циклическая модель управления вовлеченностью персонала в инно-

вационные процессы представляет собой технологически оформленный механизм работы с социальной средой промышленного предприятия в условиях кадрового дефицита.

Помимо самого интегрального индекса вовлеченности как теоретико-методической основы диагностики, модель базируется на однозначной и операционализированной трактовке трех компонентов вовлеченности (психологического, социального, поведенческого), отражающих состояние готовности персонала к участию в инновационных процессах на разных этапах организационных изменений. Таким образом, указанная трехкомпонентная структура представляет собой системную целостность взаимосвязанных показателей, отражающих последовательный переход управленческой процедуры от диагностики к воздействию, от воздействия к повторной оценке, от повторной оценки к коррекции управленческих решений.

Однако модель не всегда предполагает линейное движение: в зависимости от исходного уровня вовлеченности (низкий $<0,4$; средний $0,4–0,7$; высокий $>0,7$) могут выбираться альтернативные варианты управленческих воздействий с акцентом либо на институциональное закрепление (при низком уровне), либо на организационно-практические инструменты (при среднем), либо на культурно-коммуникационные механизмы (при высоком, но неустойчивом уровне).

Особенностью предложенной модели управления вовлеченностью является следующее:

- данная технология построена с учетом не только традиционных HR-инструментов (обучение, мотивация, коммуникации), но также с опорой на понятийный аппарат и методы социальной инноватики А.В. Тихонова, включая принцип управляемости социальных процессов и различение технических и социальных инноваций;
- данная технология предусмотрена как универсальная модель для проведения диагностики и повышения вовлеченности не только на предприятиях химической промышленности, но также в машиностроении, энергетике, металлургии и других отраслях реального сектора экономики.

Примечание: реализовать указанную особенность модели можно только при условии ее конкретной профильно-прикладной модернизации с учетом отраслевой специфики (особенности труда, состав персонала, характер инновационных процессов).

Несмотря на особенности разных типов промышленных предприятий, а также множества разновидностей организационных культур, существует некое общее структурно-содержательное ядро, характерное для каждого из них. В качестве такового выступает трехуровневая циклическая модель «диагностика – воздействие – оценка – коррекция», которую можно назвать управленческой

матрицей или социально-инновационной программой.

Формальная логика построения модели управления вовлеченностью предполагает четыре основных этапа – элемента управленческого цикла.

1. Диагностика исходного уровня вовлеченности – расчет интегрального индекса I на основе анкетного опроса, измеряющего психологический (P), социальный (S) и поведенческий (B) компоненты. В нашем исследовании на АО «Химик» в 2023 году исходный индекс составил 0,47 (низкий уровень), при этом поведенческий компонент был минимальным ($B = 0,35$), что свидетельствовало о крайне редком участии работников в инициировании улучшений.

2. Институциональное закрепление – формализация правил и норм, поддерживающих вовлеченность, в локальных нормативных документах предприятия. Экспертные интервью показали, что отсутствие такого закрепления ранее приводило к эпизодичности инициатив: «Многие хорошие начинания умирали, как только уходил инициативный руководитель» (эксперт, служба управления персоналом).

3. Внедрение организационно-практических и культурно-коммуникационных инструментов – практико-ориентированное обучение (охват 68%, рост мотивации у 74% участников), наставничество (42% охваченных, 81% отметили рост мотивации), межфункциональные рабочие группы (35% охваченных, 69% отметили понимание смежных процессов), механизмы сбора предложений работников (57% охваченных, 63% отметили ощущение значимости), а также регулярные коммуникационные сессии с руководством.

4. Повторная диагностика и коррекция – расчет индекса после внедрения. В 2025 году интегральный индекс достиг 0,78 (высокий уровень), поведенческий компонент вырос в 2,3 раза, доля работников, сопротивляющихся изменениям, снизилась с 44% до 28%, текучесть квалифицированных кадров сократилась с 14,8% до 6,7%.

Примечание: учитывая важность и основополагающее значение трех компонентов вовлеченности, мы сохраняем их структуру без изменений по отношению к нашей предыдущей публикации, однако адаптируем весовые коэффициенты под специфику химической промышленности (в данном исследовании принято допущение о равной значимости $w_1 = w_2 = w_3 = 1/3$).

Ключевые понятия, используемые в модели

Социальные инновации – целенаправленный механизм трансформации социальной среды организации, обеспечивающий принятие персоналом технологических и организационных изменений (в отличие от технических инноваций, изменяю-

щих материально-вещественные элементы производства).

Вовлеченность в инновационные процессы – интегральный социально-психологический показатель, включающий: психологический компонент (мотивация, интерес к изменениям, принятие инноваций), социальный компонент (участие в коммуникациях, доверие к руководству, горизонтальные связи) и поведенческий компонент (фактическое участие в инициировании и реализации улучшений).

Кадровый дефицит (качественное измерение) – невключенность уже работающих сотрудников в развитие предприятия, проявляющаяся в низкой инновационной активности, росте сопротивления изменениям и высокой текучести квалифицированных кадров на фоне ограниченных возможностей внешнего найма.

Интегральный индекс вовлеченности – количественная метрика в интервале $[0;1]$, позволяющая дифференцировать низкий ($<0,4$), средний ($0,4–0,7$) и высокий ($>0,7$) уровни вовлеченности персонала в инновационные процессы.

Управляемость социальных процессов (по А.В. Тихонову) – принципиальная возможность целенаправленного воздействия на социальную среду предприятия для обеспечения успешности инновационных преобразований, реализуемая в предложенной модели через циклический механизм «диагностика – воздействие – оценка – коррекция».

Практические замечания по применению модели

При внедрении модели на других промышленных предприятиях рекомендуется учитывать следующие факторы.

1. Отраслевая специфика – на предприятиях с более высоким исходным уровнем автоматизации акцент может быть смещен с обучения работе с новым оборудованием в сторону развития горизонтальных коммуникаций и межфункционального взаимодействия.

2. Состав персонала – при значительной доле молодых сотрудников целесообразно усилить блок наставничества (в нашем исследовании 81% участников отметили рост мотивации при включении в программы наставничества); при преобладании возрастных работников – сделать акцент на разъяснении целей изменений и снижении неопределенности.

3. Ресурсные ограничения – в условиях дефицита бюджета на обучение первоочередными инструментами становятся механизмы сбора предложений и регулярные коммуникационные сессии (не требующие значительных финансовых затрат, но давшие в нашем исследовании рост ощущения значимости у 63% работников).

4. **Временной горизонт** – как показала апробация, переход от низкого уровня вовлеченности к высокому занимает около трех лет, что следует учитывать при планировании кадровых и инновационных стратегий предприятия.

Социально-психологический портрет персонала с разным уровнем вовлеченности в инновационные процессы (по результатам диагностического этапа)

В случае положительных результатов диагностики, когда интегральный индекс вовлеченности фиксирует низкий ($<0,4$) или средний ($0,4–0,7$) уровень, и предприятие переходит к этапу целенаправленных управленческих воздействий, в обязательном порядке формируется социально-психологический портрет работников с разным уровнем вовлеченности в инновационные процессы – комплексная характеристика личности и/или социальной группы, включающая группы социальных, психологических, поведенческих факторов и интегративных показателей.

Состави́структурасоциально-психологического портрета работников по уровню вовлеченности в инновационные процессы включают несколько групп факторов:

- **группа социальных факторов:** социальный статус и социальная роль в организации (рабочий, ИТР, руководитель), фактический уровень социально-сетевого влияния (вовлеченность в горизонтальные и вертикальные коммуникации), особенности взаимодействия с непосредственным руководством и коллегами, стаж работы на предприятии, участие в неформальных группах;
- **группа психологических факторов:** тип темперамента, ценностно-ориентационные характеристики (ценности, связанные с иерархией потребностей; мотивы-причины и ориентиры-целеполагание поведения и деятельности), уровень восприятия инноваций, готовность к риску и неопределенности, локус контроля (интернальный/экстернальный), удовлетворенность трудом;
- **группа поведенческих факторов:** фактическая частота участия в рационализаторской деятельности, количество поданных предложений по улучшению процессов, вовлеченность в межфункциональные рабочие группы, инициативность в освоении нового оборудования и технологий, участие в обучении и программах наставничества.

Диагностические признаки, характерные для работников с разным уровнем вовлеченности (по данным анкетного опроса на АО «Химик», N = 107, 2023 г.)

Низкий уровень вовлеченности (индекс $<0,4$, выявлен у 34% респондентов):

- социальные факторы: преимущественно рабочие специальности (82% из этой группы); стаж на предприятии более 10 лет (67%); низкая включенность в горизонтальные коммуникации (только 23% участвуют в неформальном обсуждении производственных вопросов);
- психологические факторы: экстернальный локус контроля (76% считают, что изменения зависят от руководства, а не от них); высокая тревожность в отношении нововведений (68% опасаются, что не справятся с новыми требованиями); преобладание мотивов сохранения (стабильность, избегание риска) над мотивами развития;
- поведенческие факторы: отсутствие рационализаторских предложений за последние 2 года (91%); неучастие в обучении (78% пропустили все предложенные программы); пассивная позиция на собраниях (84% никогда не высказывают инициатив).

Средний уровень вовлеченности (индекс $0,4–0,7$, выявлен у 48% респондентов):

- социальные факторы: смешанный состав (рабочие – 52%, ИТР – 34%, руководители – 14%); стаж от 3 до 10 лет (58%); умеренная включенность в коммуникации (51% участвуют в обсуждениях, но редко выступают инициаторами);
- психологические факторы: смешанный локус контроля (54% считают, что могут частично влиять на изменения); умеренная готовность к инновациям (62% открыты к обучению, но сомневаются в практической пользе); сбалансированность мотивов сохранения и развития;
- поведенческие факторы: эпизодическое участие в рационализации (1–2 предложения за год у 38%); выборочное участие в обучении (54% прошли хотя бы одну программу); ситуативная инициативность (при прямом обращении руководства).

Высокий уровень вовлеченности (индекс $>0,7$, выявлен у 18% респондентов на диагностическом этапе):

- социальные факторы: преимущественно ИТР и руководители (71% из этой группы); стаж от 1 до 5 лет (63%); высокая включенность в горизонтальные и вертикальные коммуникации (89% регулярно участвуют в обсуждениях и выступают инициаторами);
- психологические факторы: интернальный локус контроля (82% уверены, что их действия могут повлиять на изменения); высокая готовность к инновациям (76% воспринимают изменения как возможность для развития); преобладание мотивов развития (самореализация, профессиональный рост, участие в улучшениях);
- поведенческие факторы: регулярная рационализаторская активность (3 и более предложений за год у 67%); активное участие в обучении (91% прошли все доступные программы); про-

активная позиция на собраниях (78% регулярно высказывают инициативы и предложения).

Динамика социально-психологического портрета после внедрения модели (2025 г.)

После трех лет внедрения предложенной модели управления вовлеченностью структура групп существенно изменилась:

- доля работников с низким уровнем вовлеченности сократилась с 34% до 11%;
- доля работников со средним уровнем осталась стабильной (48% – 45%);
- доля работников с высоким уровнем вовлеченности выросла с 18% до 44%.

Наиболее значимые изменения в социально-психологическом портрете зафиксированы в поведенческом компоненте (рост в 2,3 раза), что отражает переход от пассивного принятия инноваций к активному участию в их инициировании и реализации. У работников, сохранивших низкий уровень вовлеченности, по-прежнему преобладают экстернальный локус контроля и мотивы сохранения, что требует дополнительной адресной работы (индивидуальное наставничество, вовлечение в малые проекты).

Примечание: формирование социально-психологического портрета рекомендуется проводить на регулярной основе (ежегодно в рамках диагностического этапа) для отслеживания динамики и корректировки управленческих воздействий с учетом изменений в структуре персонала и организационной культуре предприятия.

Заключение

Итак, мы рассмотрели все ключевые элементы предложенной трехкомпонентной циклической модели управления вовлеченностью персонала в инновационные процессы через социальные инновации: интегральный индекс вовлеченности, диагностический этап, институциональное закрепление, организационно-практические и культурно-коммуникационные инструменты, а также повторную оценку с коррекцией управленческих решений. Казалось бы, все ясно и понятно, логично и практично.

Однако первые же попытки масштабирования разработанной модели на смежные участки предприятия (помимо пилотной зоны) выявили проблему, связанную с двойственностью социально-психологических механизмов вовлеченности. Она заключается в том, что часть руководителей среднего звена стали применять предложенные инструменты формально, как «мертвую» схему – проводили коммуникационные сессии «для галочки», собирали предложения работников без обратной связи, организовывали обучение без привязки к реальным производственным задачам. В резуль-

тате на этих участках интегральный индекс вовлеченности вырос незначительно (с 0,49 до 0,55), а поведенческий компонент практически не изменился.

Еще сложнее дело обстоит с вовлечением возрастных работников со стажем более 15 лет, которые демонстрировали устойчивый скепсис в отношении любых нововведений. Несмотря на операциональную детализацию управленческих воздействий, у этой категории персонала сохранялся экстернальный локус контроля и низкая готовность к изменениям. Они участвовали в обучении и коммуникационных сессиях, но не переходили к реальным действиям – подаче предложений, участию в рабочих группах, инициированию улучшений.

Во всех случаях данная проблема была связана с «двойными стандартами» сложившейся организационной культуры, с недоверием к руководству, накопленным за предыдущие годы, с фактически встречающимся несовпадением декларируемых ценностей инновационного развития и реальной практики, когда инициативы работников либо игнорировались, либо присваивались руководителями без должного признания. Соответственно, практически каждую из описанных проблемных ситуаций можно рассматривать как профилльно-прикладную, сочетающую в себе элементы общего (социология управления, организационная психология) и особенного (специфика химического производства, возрастная и профессиональная структура персонала) знания, а также типичного опыта по преодолению сопротивления изменениям на промышленных предприятиях.

Конечно, от службы управления персоналом трудно требовать универсального освоения всего многообразия организационных культур и мотивационных механизмов, особенно в условиях кадрового дефицита, когда ресурсы на развитие ограничены. Трудно и, на наш взгляд, не нужно, поскольку, как и в других областях профессиональной деятельности, в управлении вовлеченностью не может быть универсальных решений, подходящих всем предприятиям без исключения. Именно поэтому мы настаиваем на том, что при обязательном фундаментальном социологическом и психологическом образовании HR-специалистов, они не могут быть универсалами, одинаково эффективно работающими в любых отраслях. Управление вовлеченностью это в первую очередь практико-ориентированная деятельность, требующая глубокого понимания профилльно-прикладной области (в данном случае химической промышленности с ее спецификой: вредные условия труда, непрерывный цикл производства, высокая ответственность за безопасность), а также опыта работы с конкретными категориями персонала.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что

повышение вовлеченности персонала промышленного предприятия в условиях дефицита кадров достигается не только за счет материальной мотивации или технологической модернизации, а посредством системного внедрения социальных инноваций – институциональных, организационно-практических и культурно-коммуникационных механизмов, формирующих среду доверия и совместной выработки улучшений.

Вместе с тем, полученные результаты ставят перед службами управления персоналом и руководителями промышленных предприятий **задачу совмещения фундаментального и профильно-прикладного знания**, а также накопления и использования личного опыта функционирования в конкретной производственной сфере. Без учета отраслевой специфики, возрастной и профессиональной структуры персонала, сложившейся организационной культуры применение предложенной модели управления вовлеченностью может оказаться малоэффективным. Рекомендуется на этапе диагностики не только рассчитывать интегральный индекс вовлеченности, но и формировать социально-психологический портрет работников с разным уровнем вовлеченности, что позволяет адресно подбирать управленческие инструменты для каждой категории персонала.

Литература

1. Zhao X., Chutipattana N., Mohd Shamsudin F. (2024). Socially responsible human resource management and employee innovation performance: the roles of person-organization fit, work engagement and individualism orientation. // *Cogent Business & Management*. 2024. – Vol. 11. – № (1). – p. 2424483. – 11. 10.1080/23311975.2024.2424483.
2. Kruse P., Wegge J. A constructive error management culture promotes innovation and corporate social responsibility: A multi-level analysis in 10 countries // *German Journal of Human Resource Management*. 2024. Vol. 38. № 2. P. 111–139. <https://doi.org/10.1177/23970022231226318>
3. Тихонов А.В. Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // *Вестник Института социологии*. 2018. Том 9 № 2. С. 10–26. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.506>. Источник: <https://www.vestnik-isras.ru/article/506>.
4. Kahn W.A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 33. № 4. P. 692–724. DOI: 10.2307/256287. URL: <https://doi.org/10.2307/256287> (дата обращения: 18.05.2026).
5. Saks A.M. Antecedents and consequences of employee engagement // *Journal of Managerial Psychology*. 2006. Vol. 21. № 7. P. 600–619. DOI: 10.1108/02683940610690169. URL: <https://doi.org/10.1108/02683940610690169> (дата обращения: 18.05.2026).
6. Bakker A.B., Albrecht S. Work engagement: current trends // *Career Development International*. 2018. Vol. 23. № 1. P. 4–11. DOI: 10.1108/CDI-11-2017-0207. URL: <https://doi.org/10.1108/CDI-11-2017-0207> (дата обращения: 18.05.2026).
7. Shuck, B. (2019). *Employee Engagement: A Research Overview* (1st ed.). Routledge. 2019. – 100 p. – ISBN 9781351035064. <https://doi.org/10.4324/9781351035064>.
8. Тихонова Н.Е. Российские профессионалы: проблемы определения, факторы качества их человеческого капитала и структура группы // *Мир России*. 2025. Т. 34. № 1. С. 57–81. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-57-81. EDN: OYOFEQ. Источник: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=140229.
9. Козина И.М. Теория и история становления исследований трудовых отношений в западной науке // *Социологические исследования*. 2025. № 12. С. 3–12. DOI 0.7868/S3034601025120015.
10. Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // *Социологические исследования*. 2021. № 4. С. 61–73. DOI 10.31857/S013216250010467–6.
11. Пригожин А.И. Современная социология организаций. / А.М. Пригожин – М.: Интерпракс, 1995. – 295 с. 21 см; ISBN 5-85235-193-8.
12. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 5–10.
13. Грановеттер М. Сила слабых связей (перевод З.В. Котельниковой) 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
14. Scott S.G., Bruce R.A. Determinants of innovative behavior: a path model of individual innovation in the workplace // *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 37. № 3. P. 580–607. DOI: 10.2307/256701. URL: <https://doi.org/10.2307/256701> (дата обращения: 18.05.2026).
15. Janssen O. Job demands, perceptions of effort-reward fairness and innovative work behaviour // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2010. Vol. 73. № 3. P. 287–302. DOI: 10.1348/096317900167038. URL: <https://doi.org/10.1348/096317900167038> (дата обращения: 18.05.2026).

INCREASING EMPLOYEE ENGAGEMENT AT AN INDUSTRIAL ENTERPRISE THROUGH SOCIAL INNOVATIONS IN CONDITIONS OF STAFF SHORTAGE (ON THE EXAMPLE OF A CHEMICAL INDUSTRY ENTERPRISE)

Potapova T.S.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article tests the hypothesis that the systematic implementation of social innovations (institutional, organizational-practical, and cultural-communicational mechanisms) allows increasing the engagement of industrial enterprise personnel in innovation processes under conditions of staff shortage. The *research problem* lies in the gap between technological modernization and low employee engagement, which leads to resistance to change and turnover of qualified personnel. The relevance of the topic is due to the need to overcome staff shortages by activating internal human capital, not just external recruitment. The *purpose* of the study is the development and empirical testing of a three-component cyclical model of employee engagement management through social innovations. The *main method* is a quasi-experimental design with three time points (2023–2025) at a chemical industry enterprise (JSC «Chemist», N = 107), including a questionnaire survey, interviews, and focus groups.

The *study results* showed: the integral engagement index increased from 0.47 to 0.78; the behavioral component increased 2.3 times; the share of employees resisting changes decreased from 44% to 28%; the turnover of skilled personnel decreased from 14.8% to 6.7%. *Conclusions*: the proposed model of engagement management through social innovations is effective and can be replicated in chemical and related industries.

Keywords: personnel management, social innovations, employee engagement, staff shortage, chemical industry, integral engagement index, resistance to change, three-component model.

References

1. Zhao X., Chutipattana N., Mohd Shamsudin F. (2024). Socially responsible human resource management and employee innovation performance: the roles of person-organization fit, work engagement and individualism orientation. // *Cogent Business & Management*. 2024. – Vol. 11. – № (1). – p. 2424483. – DOI: 10.1080/23311975.2024.2424483.
2. Kruse P., Wegge J. A constructive error management culture promotes innovation and corporate social responsibility: A multi-level analysis in 10 countries // *German Journal of Human Resource Management*. 2024. Vol. 38. № 2. P. 111–139. <https://doi.org/10.1177/23970022231226318>
3. Tikhonov A. V. The Problem of Reforming the Management System in the Country: On the History of Developing a Research Program // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018. Vol. 9, № 2, pp. 10–26. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.506>. Source: <https://www.vestnik-isras.ru/article/506>.
4. Kahn W.A. Psychological Conditions of Personal Engagement and Disengagement at Work // *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 33, № 4, pp. 692–724. DOI: 10.2307/256287. URL: <https://doi.org/10.2307/256287> (accessed: 18 May 2026).
5. Saks A.M. Antecedents and consequences of employee engagement // *Journal of Managerial Psychology*. 2006. Vol. 21. № 7. pp. 600–619. DOI: 10.1108/02683940610690169. URL: <https://doi.org/10.1108/02683940610690169> (accessed: 18 May 2026).
6. Bakker A.B., Albrecht S. Work engagement: current trends // *Career Development International*. 2018. Vol. 23. № 1. pp. 4–11. DOI: 10.1108/CDI-11-2017-0207. URL: <https://doi.org/10.1108/CDI-11-2017-0207> (accessed: 18.05.2026).
7. Shuck, B. (2019). *Employee Engagement: A Research Overview* (1st ed.). Routledge. 2019. – 100 rubles. – ISBN 9781351035064. <https://doi.org/10.4324/9781351035064>.
8. Tikhonova, N.E. Russian Professionals: Definition Problems, Factors of the Quality of Their Human Capital, and Group Structure // *Mir Rossii*. 2025. Vol. 34. № 1. Pp. 57–81. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-57-81. EDN: OY-OFEQ. Source: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=140229.
9. Kozina I.M. Theory and history of the development of labor relations research in Western science // *Sociological studies*. 2025. № 12. pp. 3–12. DOI 0.7868/S3034601025120015.
10. Temnitsky A.L. Traditions and innovations in the work culture of Russian workers // *Sociological studies*. 2021. № 4. pp. 61–73. DOI 10.31857/S013216250010467–6.
11. Prigogine, A.I. (2009). *Modern Sociology of Organizations*. / A.M. Prigogine. Moscow: Interpraks, 1995. 295 p. 21 cm; ISBN 5-85235-193-8.
12. Lapin, N.I. (2015). Current Theoretical and Methodological Aspects of Research on Russian Modernization. *Sociological Studies*. 2015. Vol. 1. Pp. 5–10.
13. Granovetter, M. (2009). The Strength of Weak Ties (translated by Z.V. Kotelnikova). Vol. 10. № 4. Pp. 31–50.
14. Scott, S.G., Bruce, R.A. Determinants of innovative behavior: a path model of individual innovation in the workplace // *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 37. № 3. P. 580–607. DOI: 10.2307/256701. URL: <https://doi.org/10.2307/256701> (access date: 05/18/2026).
15. Janssen O. Job demands, perceptions of effort-reward fairness and innovative work behavior // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2010. Vol. 73. № 3. P. 287–302. DOI: 10.1348/096317900167038. URL: <https://doi.org/10.1348/096317900167038> (accessed: 18.05.2026).

Система внутреннего контроля качества дерматологической помощи: социальная значимость

Савгачева Мария Юрьевна,

преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: Maria.savgacheva@yandex.ru

В статье анализируется система внутреннего контроля качества (ВКК) дерматологической помощи в условиях трансформации российского здравоохранения. Актуальность исследования обусловлена высокой распространённостью кожных заболеваний (псориаз – 3% населения, атопический дерматит – до 20% детей), ростом онкологической заболеваемости и уникальными клинико-организационными особенностями дерматологии, требующими адаптации универсальных подходов ВКК. Цель – разработка концептуальной модели организации ВКК дерматологической помощи. Задачи: анализ нормативно-правовой базы, выявление организационных барьеров. Методы: нормативный анализ (ФЗ № 323-ФЗ, приказы Минздрава № 785н, № 973, № 180н, № 203н), системный подход, логический метод. Результаты свидетельствуют о формировании многоуровневой регуляторной среды с превентивной самооценкой и триадой показателей качества. Выявлены барьеры: бюрократизация, кадровый дефицит, сложности мультидисциплинарного контроля. Предложена специализированная модель ВКК, учитывающая визуальную диагностику, мониторинг биопрепаратов и хронические дерматозы. Выводы подчёркивают необходимость интеграции ВКК в систему обязательного медицинского страхования, расширения социально-ориентированных показателей и международной гармонизации. Модель повышает стандартизацию, безопасность и эффективность дерматологической помощи, укрепляя её социальную значимость.

Ключевые слова: внутренний контроль качества, дерматологическая помощь, стандартизация медицинской помощи, качество жизни пациентов

Введение

В настоящее время система здравоохранения РФ переживает некую трансформацию под влиянием эпидемиологических вызовов, а также цифровизации в нормативно-правовом регулировании. Нарастает значимость внутреннего контроля качества (ВКК) оказания медицинской помощи в том числе в специализированных профилях, а именно дерматология. Высокая распространённость различных патологий, уникальные диагностические методики и длительные отношения врача с дерматологическим пациентом, безусловно требуют адаптации подходов к управлению качеством [1].

Согласно данным всемирной организации здравоохранения, кожные заболевания входят в четвёрку самых распространённых и затрагивают свыше 900 миллионов человек, так же и в Российской Федерации отмечен рост заболеваемости дерматологическими патологиями, что значительно увеличивает нагрузку на медицинскую службу. Частота встречаемости псориаза составляет около 3% населения, это приводит с одной стороны к тяжёлому течению самого процесса, с другой, высокой коморбидности и существенным снижением качества жизни таких пациентов. Атопический дерматит поражает до 20% детей и 5–10% взрослых, требуя многолетнего мультидисциплинарного наблюдения [2]. Особую социальную значимость приобретает рост заболеваемости злокачественными новообразованиями кожи, прежде всего меланомой, чьё своевременное выявление зависит от качества организации диагностических процессов и скрининговых программ. Совокупность указанных факторов актуализирует необходимость внедрения эффективных механизмов ВКК, способных обеспечить стандартизацию, безопасность и доступность медицинской помощи при растущих объёмах пациентопотока.

В период 2020–2025 годов регуляторная среда в сфере внутреннего контроля качества претерпела существенное обновление, гармонизируя требования к стандартизации медицинской помощи. Приказ Минздрава РФ № 785н от 31 июля 2020 года ввёл комплексные требования к организации ВКК, закрепив создание служб качества, разработку показателей эффективности и механизмы управления рисками [3]. Приказ Минздрава РФ № 973 от 11 февраля 2022 года, утвердивший проверочные листы Росздравнадзора, преобразовал ВКК из разовых проверок в инструмент непре-

ровного мониторинга [4]. Приказ Минздрава РФ № 180н от 10 апреля 2025 года дополнил систему экспертизой временной нетрудоспособности при хронических дерматозах, уточнив критерии обоснованности листов нетрудоспособности [5]. Наконец, Приказ Минздрава РФ № 203н от 14 апреля 2025 года актуализировал критерии оценки качества, обеспечив их соответствие современным клиническим реалиям [6]. Совокупность этих нормативных актов требует целенаправленной адаптации организационных процессов в учреждениях, оказывающих дерматологическую помощь, для обеспечения их полной соответствия современным стандартам качества и безопасности.

Дерматология обладает уникальными особенностями, требующими адаптации ВКК. Визуальная диагностика предполагает фотофиксацию поражений с контролем качества изображений, этики и данных. Хронические дерматозы нуждаются в мониторинге терапии, включая лабораторный контроль для пациентов, получающих биологические препараты. Мультидисциплинарность усложняет процедуры, требуя междисциплинарных стандартов [7]. Таким образом, необходима специализированная модель ВКК, учитывающая клинко-организационную специфику дерматологической помощи.

Цель исследования

Разработать концептуальную модель организации внутреннего контроля качества дерматологической помощи.

Задачи исследования

1. Проанализировать нормативно-правовые основы ВКК в учреждениях, оказывающих дерматологическую помощь.

2. Выявить организационные барьеры эффективного ВКК в дерматологии.

Материалы и методы

Предмет исследования – внутренний контроль качества медицинской помощи при заболеваниях дерматологического профиля, нормативный анализ законодательства РФ, методы обеспечения качества медицинской помощи. Объект – методика организации контроля качества медицинской помощи в рамках внутреннего контроля качества.

Исследование проведено с использованием логического метода, анализа и синтеза, абстрагирования, метода вывода по аналогии, системного подхода.

Результаты собственного исследования. Исследование проведено в четыре этапа.

Нормативно-правовая база ВКК в учреждениях, оказывающих дерматологическую помощь

Правовая регламентация системы внутреннего контроля качества медицинской помощи в дерматологии формируется иерархической совокупностью федеральных законов и ведомственных нормативных актов, определяющих как фундаментальные теоретические основы, так и конкретные прикладные параметры функционирования контрольных механизмов. Эта многоуровневая структура обеспечивает преемственность от общих принципов охраны здоровья к специализированным требованиям дерматологической практики (см. табл. 1) [3, 4, 5, 6, 8].

Таблица 1. Анализ нормативно-правовой базы ВКК в дерматологической помощи

Нормативный акт	Положительные стороны	Отрицательные стороны	Значение для дерматологии
ФЗ № 323-ФЗ (2011 год)	Защита прав пациентов, обязанность ВКК (ст. 78), унификация стандартов, юридическая подотчётность	Бюрократизация, отсутствие методических деталей, административная перегрузка	Фундамент для служб качества и мониторинга хронических дерматозов
Приказ Минздрава РФ № 785н (2020 год)	Архитектура служб качества, риск-менеджмент, проактивный контроль, стандартизация рекомендаций	Бюрократия в амбулаториях, кадровый дефицит, универсальность без профдифференциации	Стандартизация терапии биопрепаратов и визуальной диагностики
Приказ Минздрава РФ № 973 (2022 год)	Проверочные листы для самооценки, предсказуемость инспекций, прозрачность	«Галочкизация», ресурсная нагрузка, отсутствие профадаптации	Стандартизация документирования и фотофиксации поражений
Приказ Минздрава РФ № 180н (2025 год)	Критерии экспертизы нетрудоспособности, мониторинг динамики, объективность комиссий	Узконаправленность, усиление документооборота, дефицит экспертизы	Контроль рецидивов псориаза и атопического дерматита
Приказ Минздрава РФ № 203н (2025 год)	Триада показателей (структура-процесс-результат), доказательное управление	Отчётная перегрузка, универсальность без учёта ремиссии/фотоэтики	Верификация исходов визуальной диагностики и мониторинга

Эта нормативная экосистема, несмотря на компромиссы, обеспечивает устойчивость ВКК в дерматологии, адаптируя универсальные принципы к профильным реалиям.

Особенности внутреннего контроля качества в дерматологии

Внутренний контроль качества в данном направлении, характеризуется уникальными клинико-организационными особенностями оказания специализированной помощи, требующими адаптации универсальных подходов относительно визуальной диагностики и терапии хронических дерматозов [9].

Процесс документирования визуальной динамики представляет собой специфический компонент ВКК, обусловленный важной ролью морфологической оценки в диагностике и одномоментном мониторинге эффективности лечения. Процессы фотофиксации и дерматоскопии, с дальнейшим хранением и интерпретации полученных изображений, в том числе контроль качества фото (видео) техники, требуют соблюдения этических норм и защиту персональных данных пациентов. Соблюдение требований законодательства об информационной безопасности является обязательным условием [10].

Применения биологических препаратов и иммуносупрессантов при системной терапии псориаза, а также атопического дерматита, предполагает выполнения контроля показаний, противопоказаний и других рисков терапии. ВКК должен верифицировать соблюдение протоколов обследования перед назначением препаратов, периодичность лабораторного мониторинга функции печени, почек и иммунного статуса, а также документирование информированного согласия на терапию.

Мониторинг нежелательных явлений при топической и системной терапии требует дифференцированных подходов к фармаконадзору. Топические кортикостероиды, ингибиторы кальциневрина и новые молекулярные препараты характеризуются специфическим профилем побочных эффектов, требующим систематического сбора и анализа данных о нежелательных реакциях в рамках службы фармаконадзора [1, 3].

Организация врачебных комиссий при хронических дерматозах, регламентированная приказом Минздрава РФ от 10 апреля 2025 года № 180н, обеспечивает экспертизу показаний к системной терапии, оценку трудоспособности и решение вопросов инвалидизации пациентов с тяжёлыми аутоиммунными дерматозами [5, 7].

Структурная и процессная организация ВКК при оказании дерматологической помощи

Архитектоника системы внутреннего контроля качества в дерматологических учреждениях детермини-

руется спецификой оказания специализированной помощи и требованиями приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 785н, регламентирующего создание служб качества как структурных подразделений медицинских организаций [3, 7]. Служба качества осуществляет координацию и методологическое обеспечение внутреннего контроля качества, включая разработку показателей эффективности, планирование контрольных мероприятий и анализ результатов. Главная медицинская сестра обеспечивает контроль качества сестринской деятельности, внедрение стандартов сестринского ухода при дерматологических заболеваниях и мониторинг соблюдения протоколов обработки кожных поражений. Функционирование структурных подразделений дифференцируется по уровням оказания помощи: поликлиническое звено контролирует доступность первичной дерматологической помощи и маршрутизацию пациентов, стационарное звено верифицирует качество диагностики и лечения тяжёлых дерматозов, дневной стационар оптимизирует оказание инфузионной терапии биологическими препаратами [1]. Взаимодействие с врачебной комиссией, функционирующей в соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 апреля 2025 года № 180н, обеспечивает экспертизу показаний к терапии генно-инженерных биологических препаратов и решение вопросов трудоспособности [5, 9]. Экспертный совет координирует междисциплинарные консилиумы при сложных клинических случаях.

Процессный подход к внутреннему контролю качества предполагает непрерывный мониторинг на всех этапах оказания дерматологической помощи. Входной контроль верифицирует обоснованность направлений, полноту предварительного обследования и корректность маршрутизации. Текущий контроль осуществляется непосредственно в процессе лечения, включая мониторинг динамики кожных поражений, соблюдение протоколов терапии и своевременность диагностических процедур. Заключительный контроль оценивает достижение целей лечения, оформление выписных документов и планирование диспансерного наблюдения. Мониторинг после выписки анализирует частоту рецидивов, приверженность пациентов терапии и результаты диспансерного наблюдения. Механизмы обратной связи включают систематический анализ жалоб и обращений граждан, проведение опросов удовлетворенности пациентов с применением специализированных инструментов, учитывающих специфику дерматологических заболеваний и их влияние на качество жизни [7].

Кадровое обеспечение внутреннего контроля качества предполагает формирование специфических компетенций специалистов по качеству в дерматологии, включающих знание клинических

особенностей дерматозов, методов объективной оценки тяжести заболеваний и специфики применения инновационных терапевтических технологий. Программы повышения квалификации персонала должны интегрировать обучение клиническим рекомендациям, навыкам работы с информационными системами и методологиям анализа нежелательных событий. Мотивация медицинских работников к участию во внутреннем контроле качества формируется через систему профессиональных стимулов, включая учёт показателей качества в аттестации специалистов и премирование за достижение целевых значений показателей эффективности [1].

Проблемы и перспективы развития внутреннего контроля качества в дерматологии

Функционирование системы внутреннего контроля качества в дерматологии сталкивается с комплексом организационных барьеров и рисков, требующих системного анализа и разработки смягчающих стратегий. Организационные препятствия во многом обусловлены разрозненностью инфраструктурных компонентов и отсутствием их согласованного взаимодействия: дублирование документирования, недостаточная преемственность между уровнями оказания помощи и фрагментарность маршрутизации пациентов снижают оперативность анализа и ограничивают возможность своевременной корректировки лечебно-диагностических мероприятий. Недостаточная осведомленность медицинского персонала о методологиях внутреннего контроля качества, включая базовые принципы статистического анализа, оценку клинико-экономической обоснованности и управление на основе рисков, ведёт к формальному выполнению процедур и снижает их практическую ценность [1,2]. Мультидисциплинарный характер лечения тяжёлых дерматозов дополнительно усложняет идентификацию вклада различных специалистов в конечный результат, что требует разработки чётких междисциплинарных критериев оценки и на практике нередко приводит к размыванию зон ответственности [10].

Перспективы развития системы внутреннего контроля качества в дерматологической помощи связаны с углублением её интеграции в повседневную клиническую практику и финансово-экономические механизмы здравоохранения [1]. Встраивание процедур внутреннего контроля качества в систему обязательного медицинского страхования и в практику оказания платных медицинских услуг предполагает формирование дифференцированных показателей эффективности, учитывающих особенности амбулаторной и стационарной помощи, различные модели организации дерматологической службы и обеспечивающих сопоставимость качества независимо от источника финансирования. Важным направлением является

расширение набора клинико-организационных и социально ориентированных показателей, отражающих не только частоту осложнений и госпитализаций, но и удовлетворённость пациентов, приверженность терапии, длительность сохранения ремиссии и степень участия пациента в принятии решений о лечении, что подтверждается данными исследований по удовлетворённости пациентов дерматологической помощью как ключевому индикатору качества и исходов лечения. Международная гармонизация подходов к оценке качества дерматологической помощи и адаптация глобальных критериев и методик к национальной системе внутреннего контроля создают предпосылки для сопоставления результатов работы дерматологических служб разных стран, а также для заимствования и внедрения лучших практик организации помощи. Таким образом, системное совершенствование внутреннего контроля качества в дерматологии является не только инструментом повышения эффективности медицинской деятельности, но и важнейшим фактором укрепления социальной значимости дерматологической помощи.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно организации внутреннего контроля качества дерматологической помощи в условиях трансформации российского здравоохранения.

Современная система внутреннего контроля качества в дерматологии формируется под влиянием конвергенции эпидемиологических вызовов, цифровизации и эволюции нормативно-правовой базы. Анализ нормативных актов – ФЗ № 323-ФЗ, приказов Минздрава РФ № 785н, № 973, № 180н и № 203н – демонстрирует создание многоуровневой регуляторной среды, адаптирующей универсальные принципы управления качеством к специфике дерматологической практики. При этом выявлены организационные барьеры: фрагментарность информационных систем, недостаточная осведомлённость персонала о методологиях контроля качества и сложности оценки результатов при мультидисциплинарном подходе.

Специфика дерматологической помощи – превалирующая роль визуальной диагностики, необходимость фотодокументирования, хронический характер большинства заболеваний и применение инновационных терапевтических технологий – детерминирует необходимость разработки специализированной модели внутреннего контроля качества. Ключевыми компонентами такой модели являются стандартизация протоколов фотофиксации и дерматоскопии, системный мониторинг применения биологических препаратов, организация врачебных комиссий при хронических дерматозах

и интеграция показателей качества жизни пациентов.

Перспективы развития ассоциированы с углублением интеграции внутреннего контроля качества в систему обязательного медицинского страхования и механизмы оказания платных медицинских услуг, а также с международной гармонизацией подходов к оценке качества дерматологической помощи. Системное совершенствование внутреннего контроля качества в дерматологии представляет собой не только инструмент повышения эффективности медицинской деятельности, но и важнейший фактор укрепления социальной значимости специализированной помощи пациентам с кожными заболеваниями.

Литература

1. Захарова Е.Н., Абесалашвили М.З., Ордынская М.Е. Цифровая трансформация здравоохранения: технологические и организационные аспекты // Науки о здоровье. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 45–58.
2. Кубанова А.А., Мартынов А.А., Власова А.В. Предпосылки развития дерматовенерологической помощи с учетом реализации национального проекта «Здравоохранение» // Вестник Российской академии медицинских наук. – 2019. – Т. 74, № 4. – С. 235–244.
3. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» от 31.07.2020 № 785н.
4. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации «Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов, ответы на которые свидетельствуют о соблюдении или несоблюдении контролируемым лицом обязательных требований), используемых федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения и ее территориальными органами при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) качества и безопасности медицинской деятельности» от 11.02.2022 № 973.
5. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» от 10.04.2025 № 180н.
6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» от 14.04.2025 № 203н.
7. Иванов И.В. Научное обоснование организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности на основе единых методологических и организационных

принципов в условиях реализации национального проекта «Здравоохранение»: дис. ... д-ра мед. наук: 14.02.03 / И.В. Иванов; науч. конс. Е.Л. Никонов. – М.: ФГБУ «НИК» ФСН РФ, 2020. – 285 с.

8. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025).
9. Макарошкина М.В. Локальные нормативные акты для управления нежелательными событиями в медицинских организациях: дис. ... канд. мед. наук. – М., 2023. – 145 с.
10. Савгачева М.Ю., Савгачев В.В. Психосоциальные последствия выпадения волос у взрослых и пути их решения // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 9. – С. 196–200.

INTERNAL QUALITY CONTROL SYSTEM OF DERMATOLOGICAL CARE: SOCIAL SIGNIFICANCE

Savgacheva M.Yu.

Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article analyzes the internal quality control (IQC) system of dermatological care amid the transformation of the Russian healthcare system. The relevance of the study is driven by the high prevalence of skin diseases (psoriasis – 3% of the population, atopic dermatitis – up to 20% of children), rising oncological morbidity, and unique clinico-organizational features of dermatology requiring adaptation of universal IQC approaches. Objective – to develop a conceptual model for organizing IQC of dermatological care. Tasks: analysis of the regulatory framework, identification of organizational barriers. Methods: regulatory analysis (Federal Law No. 323-FZ, Orders of the Ministry of Health No. 785n, No. 973, No. 180n, No. 203n), systems approach, logical method. Results indicate the formation of a multilevel regulatory environment with preventive self-assessment and a triad of quality indicators. Identified barriers include bureaucratization, staffing shortages, and multidisciplinary control challenges. A specialized IQC model is proposed, accounting for visual diagnostics, biologic therapy monitoring, and chronic dermatoses. Conclusions emphasize the need for IQC integration into the compulsory medical insurance system, expansion of patient-centered indicators, and international harmonization. The model enhances standardization, safety, and effectiveness of dermatological care, strengthening its social significance.

Keywords: internal quality control, dermatological care, standardization of medical care, patient quality of life

References

1. Zakharova E.N., Abesalashvili M.Z., Ordyńskaia M.E. Digital Transformation of Healthcare: Technological and Organizational Aspects. Health Sciences. 2024. Vol. 7, No. 2. Pp. 45–58.
2. Kubanova A.A., Martynov A.A., Vlasova A.V. Prerequisites for the Development of Dermatovenereological Care Taking into Account the Implementation of the National Project "Healthcare". Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences. 2019. Vol. 74, No. 4. Pp. 235–244.
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation "On Approval of Requirements for the Organization and Conduct of Internal Quality Control and Safety of Medical Activities" dated July 31, 2020 No. 785n.
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation "On Approval of Checklists (Lists of Control Questions, Answers to Which Indicate Compliance or Non-Compliance by the Controlled Person with Mandatory Requirements), Used by the Federal Service for Surveillance in Healthcare and Its Territorial Bodies in Conducting Federal State Control (Supervision) of the Quality and Safety of Medical Activities" dated February 11, 2022 No. 973.

5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation "On Approval of the Procedure for the Creation and Activities of the Medical Commission of a Medical Organization" dated April 10, 2025 No. 180n.
6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation "On Approval of Criteria for Evaluating the Quality of Medical Care" dated April 14, 2025 No. 203n.
7. Ivanov I.V. Scientific Justification for Organizing Internal Quality Control and Safety of Medical Activities Based on Unified Methodological and Organizational Principles in the Context of Implementing the National Project "Healthcare": Diss. ... Doctor of Medical Sciences: 14.02.03 / I.V. Ivanov; Sci. Cons. E.L. Nikonov. Moscow: FSBI «NIC» FSN RF, 2020. 285 p.
8. Federal Law "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" dated November 21, 2011 No. 323-FZ (ed. July 23, 2025).
9. Makarochnikova M.V. Local Regulatory Acts for Managing Adverse Events in Medical Organizations: Diss. ... Candidate of Medical Sciences. Moscow, 2023. 145 p.
10. Savgacheva M.Yu., Savgachev V.V. Psychosocial Consequences of Hair Loss in Adults and Ways to Address Them. Socio-Humanitarian Knowledge. 2025. No. 9. Pp. 196–200.

Социально-экономические и управленческие факторы стабилизации малых городов России (анализ экспертной дискуссии)

Силин Анатолий Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, советник аппарата ректора, Тюменский индустриальный университет
E-mail: sm-2004@rambler.ru

Колтунов Анатолий Львович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Института сервиса и отраслевого управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: koltunoval@tyuiu.ru

В статье анализируется экспертный взгляд на депопуляцию малых городов, как комплексную социально-экономическую и управленческую проблему в России. Эмпирическим материалом исследования выступила дискуссия, проведенная Аналитическим центром ВЦИОМ. В работе рассмотрены характерные для населения проблемные зоны: причины оттока, кризис локальной идентичности, несформированность образа будущего. Обозначены ограничения городской среды, выделены модели и инструменты развития малых городов. В работе продемонстрировано, что депопуляция является следствием экономических, инфраструктурных, символических и институциональных дисбалансов. Отдельно рассмотрена проблема согласования действий между властью, бизнесом, местными жителями и другими участниками развития территорий. Именно от этой координации зависит сдвиг от разрозненных, локальных мер к единой комплексной стратегии управления. Делается вывод о том, что устойчивость малого города связана не только с ресурсным обеспечением, но и со способностью формировать разделяемый образ будущего, поддерживать локальную идентичность и выстраивать согласованное коллективное действие.

Ключевые слова: малые города, моногорода, депопуляция, локальная идентичность, образ будущего, территориальное развитие, социология управления, экспертный дискурс.

Введение

Согласно принятой в отечественной градостроительной и экономической литературе, города по размеру делятся на пять типов: малые, средние, большие, крупные и крупнейшие. Малые города России обычно определяются как поселения с численностью населения до 50–100 тысяч человек. В случаях, если речь идет о «малых и средних городах» как одной группе, к малым городам относят также и населенные пункты до 250 тысяч человек [3].

В исследовании подготовленном Институтом экономики роста им. П.А. Столыпина, малые города России по функциональному признаку можно дифференцировать на восемь типов: межмуниципальные центры, города развитой промышленности, туристические центры, транспортно-логистические узлы, городаспутники, населенные пункты общегосударственных функций, города смешанной специализации и «спящие» (деградирующие) города. Эксперты института на примере городов Северо-Запада и Сибири, для каждого типа выделили характерные уникальные градообразующие функции, экономическую специализацию, демографические и инфраструктурные особенности. К примеру, межмуниципальные центры доминируют в торговле и услугах для района; промышленные – в производстве; туристические – в рекреации; логистические – в транзите; спутники – в пригородном обслуживании мегаполисов; города государственного значения – в административных функциях; смешанные сочетают несколько ролей, а «спящие» страдают от оттока населения и упадка. Создание подобных типологий позволяет разрабатывать целевые меры поддержки с учетом специфики каждой подгруппы [13].

Малые города занимают значимое место в пространственной организации России: они поддерживают территориальную связность страны, соединяют сельские районы с крупными городскими центрами и формируют ресурсную базу многих регионов. Именно они во многом обеспечивают функционирование аграрно-промышленного сектора, обслуживание прилегающих сельских территорий, развитие жилищного строительства, транспортных связей и местных рынков труда [9]. Сохранение и укрепление малых городов имеет принципиальное значение для устойчивого регионального развития. Без этого сложно добиться более равномерной урбанизации, уменьшить нагрузку на крупнейшие города и сохранить экономическую активность во внутренних, особенно отдаленных, территориях [5].

При этом малые города составляют самую многочисленную, но одновременно одну из наиболее уязвимых частей городской системы страны. Их развитие сдерживается экономической трансформацией, износом социальной и инженерной инфраструктуры, а также неблагоприятными демографическими процессами. По данным исследования РАНХиГС, в России существует риск исчезновения почти 130 малых городов, где в совокупности проживают около 3,4 млн человек. Особенно тяжелая ситуация наблюдается в северных угольных, металлургических и лесопромышленных моногородах, а также в населенных пунктах на периферии регионов, где отток трудоспособного населения и падение экономической активности сочетаются с изношенностью жилищно-коммунального хозяйства [8].

Сохранение и развитие малых городов – одна из ключевых стратегических задач для России. Она напрямую связана с обеспечением сбалансированного пространственного развития страны, укреплением ее экономического потенциала и повышением качества жизни граждан. Успешное решение этой проблемы должно опираться на объективную оценку ситуации. Только комплексный, научно обоснованный подход позволяет артикулировать реальные потребности малых городов, определять наиболее перспективные направления их развития и формировать эффективные механизмы поддержки.

В связи с этим особую ценность приобретают мероприятия, в рамках которых представители экспертного сообщества обмениваются опытом и предлагают практические решения. Анализ таких обсуждений позволяет не только систематизировать существующие вызовы, но и предлагать направления для стратегического развития. В настоящей работе будет представлен анализ экспертной дискуссии «Я остаюсь, чтобы жить! Как предотвратить депопуляцию малых и моногородов России», организованной Аналитическим центром ВЦИОМ на площадке пресс-центра ТАСС. Обсуждение стало важной площадкой для поиска стратегических направлений развития малых городов и поиска решений по остановке депопуляции. В мероприятии приняли участие представители федеральных и региональных органов власти, эксперты, руководители госкорпораций и институтов развития, а также представители общественных организаций.

Методология и методы

Эмпирической базой исследования стала экспертная дискуссия Аналитического центра ВЦИОМ «Я остаюсь, чтобы жить! Как предотвратить депопуляцию малых и моногородов России», посвященная проблемам депопуляции, идентичности и развития малых городов. Дискуссия проходила в публич-

ном формате на площадке ТАСС и сопровождалась презентацией аналитического материала ВЦИОМ по малым городам на примере Ржева [14].

Источником анализа послужила полная текстовая расшифровка обсуждения продолжительностью 1 час 59 минут. В обсуждении приняли участие представители аналитического сообщества, региональной и муниципальной власти, бизнеса, общественно-экспертной среды и практики территориального развития: Даниил Ермолаев, Роман Крылов, Станислав Воскресенский, Вадим Ковалев, Михаил Виноградов, Руслан Юсуфов, Антонина Ватолкина, а также ведущий модератор конференции. Такое сочетание позиций позволяет анализировать дискуссию как пространство пересечения исследовательской, управленческой, предпринимательской и общественной оптики на проблеме депопуляции малых и моногородов.

Метод исследования – качественный анализ экспертного дискурса. На первом этапе стенограмма была просмотрена целиком, после чего из нее были отобраны содержательные высказывания, содержащие интерпретации причин депопуляции, оценки состояния малых городов, описания практик развития и представления о роли идентичности, образа будущего и межакторной кооперации. На втором этапе проводилось тематическое кодирование текста с последующим объединением кодов в укрупненные аналитические блоки. Это позволило реконструировать основные смысловые узлы дискуссии и использовать их как основу для последующего анализа.

Исследование не претендует на репрезентативность в статистическом смысле. Его цель заключается в реконструкции конфигурации экспертных смыслов и выявлении того, каким образом участники публичной дискуссии описывают депопуляцию малых и моногородов как комплексную экономическую, социальную, символическую и управленческую проблему.

Малые города в ситуации депопуляции

Проблема депопуляции малых и моногородов в экспертной дискуссии рассматривается не как частный демографический эпизод, а как системный вызов пространственному, социальному и экономическому развитию страны. Речь идет не только об убыли населения как статистическом процессе, но и о риске ослабления целых локальных систем расселения, инфраструктуры и занятости [8].

Эксперты подчеркивают, что малые города нельзя рассматривать как периферийное приложение к крупным центрам, поскольку именно они составляют основу городской сети России [5]. В дискуссии подчеркивалось, что «Россия, в которой мы по-настоящему живем, – это промышленная Россия малых городов», поскольку более 90% городов страны де-факто имеют население

до 100 тыс. человек. Аналогичная мысль в более образной форме сравнивала малые города со «скелетом нашего государства», который «хранит традиции, историю», «является основой экономики» и помогает стране сохранять устойчивость. Следовательно, депопуляция малых городов в логике дискуссии означает не просто сокращение численности жителей на отдельных территориях, а эрозию значимой части национального каркаса расселения [11].

Участники обсуждения сходятся в том, что депопуляция носит комплексный характер и не сводится исключительно к экономическим трудностям. В ходе дискуссии фиксируются утрата рабочих мест, кадровый дефицит, отсутствие или ослабление высшего образования, износ инфраструктуры, бюджетные ограничения, нехватка современного жилья и более широкая проблема снижения жизненных возможностей в сравнении с крупными городами [12]. При этом общий диагноз выводит обсуждение за пределы привычной логики дефицитов и показывает, что речь идет также об ослаблении локальной устойчивости, идентичности и представлений о будущем.

Дополнительную глубину этому анализу придает обсуждение социально-психологического состояния самих жителей. По данным, представленным в дискуссии, 34% опрошенных считают, что самые тяжелые времена для их города еще впереди, тогда как 30% полагают, что худшие времена уже позади. Это свидетельствует о состоянии неопределенности, когда горожане замечают позитивные сдвиги, но не верят в кардинальные перемены. Депопуляция, таким образом, проявляется не только как демографическая реальность, но и как устойчивая социальная установка.

Наконец, в ряде выступлений подчеркивается, что универсального объяснения и тем более универсального решения проблемы не существует. Тем не менее общий диагноз, вытекающий из дискуссии, достаточно ясен: малые города сталкиваются одновременно с демографическим оттоком, дефицитом современных жизненных условий, ослаблением экономической базы и размыванием представлений о желательном будущем. Поэтому депопуляция выступает здесь не как отдельная проблема, а как интегральное выражение накопленных структурных и социальных дисбалансов.

Ключевые факторы депопуляции

В экспертной дискуссии причины депопуляции малых и моногородов интерпретируются как многоуровневый комплекс факторов, в котором демографическое сокращение выступает не первопричиной, а следствием накопленных экономических, инфраструктурных, ментальных и институциональных проблем. Именно поэтому участники обсуждения уходят от упрощенного объяснения, согласно

которому отток населения вызван исключительно нехваткой рабочих мест или низким уровнем доходов. Напротив, депопуляция понимается как итог длительного ослабления городской среды, когда отдельные дефициты накладываются друг на друга и формируют устойчивую модель выталкивания населения.

Первый круг причин связан с историческими и структурными переломами, которые радикально изменили траектории развития многих малых городов [2]. Как отмечалось в дискуссии, почти у каждого малого города в коллективной памяти существует образ относительно благополучного прошлого, после которого наступает «точка излома». Для значительной части территорий такой точкой стали 1990-е годы, когда прежняя экономическая модель была разрушена, а новая не сложилась в достаточной мере. В отдельных случаях к этому добавлялись и более ранние потрясения, как в Ржеве, где глубокий след оставила Великая Отечественная война и последующая сложная перестройка городской жизни. В результате депопуляция объясняется не одномоментным кризисом, а длительным историческим процессом, в ходе которого город терял ресурсы, население и внутреннюю целостность.

Второй блок причин связан с экономической трансформацией и ослаблением производственной базы. Эксперты неоднократно подчеркивают, что для малого города вопрос занятости остается базовым: без рабочих мест, инвестиционной активности и перспектив профессиональной самореализации удержать население невозможно. Один из участников обсуждения формулирует эту мысль предельно практично, отмечая, что если промышленность замыкается внутри предприятия и не участвует в жизни города, то в перспективе она сама остается «без кадров, без инфраструктуры, без вообще возможности двигаться дальше». Тем самым экономика в дискуссии выступает не только как отдельный сектор, но и как основание воспроизводства городской жизни в целом [3]. Отсутствие современной экономики означает не просто бедность территории, а постепенную утрату ее будущего.

К экономическим ограничениям добавляются инфраструктурные дефициты: нехватка учреждений высшего образования, ограниченность современных сервисов, недостаточная связанность с соседними территориями, проблемы городской среды и досуга [4]. В дискуссии отмечается, что для жителя важно не только наличие работы, но и наличие полноценного жизненного пространства, в котором можно получать образование, проводить свободное время, строить карьеру, воспитывать детей и связывать с городом долгосрочные планы. Если этого пространства нет, даже относительно стабильная занятость не компенсирует

ощущение ограниченности жизненных возможностей.

Особое место в дискуссии занимает тезис о ментальных и социальных механизмах воспроизводства оттока. По мнению экспертов, решение об отъезде формируется задолго до момента фактической миграции и во многом задается ближайшим окружением ребенка. В дискуссии эта мысль была сформулирована следующим образом: *«идея покинуть малый город у тебя рождается примерно тогда, когда тебе в 4 или 5 лет бабушка или дедушка говорят»* о необходимости уехать в большой город ради настоящей жизни и успеха. Затем эту установку могут укреплять родители и учителя, транслирующие представление о том, что остаться – значит проиграть или не реализоваться. Следовательно, депопуляция подпитывается не только объективными условиями, но и культурой повседневных ожиданий, в которой миграция трактуется как единственно правильная стратегия социального продвижения.

Еще одна проблема связана с несогласованностью усилий основных акторов развития – власти, предпринимателей и активных жителей малых городов (*«с одной стороны акторы есть, с другой стороны немножко не хватает синергии»*). Их усилия часто разобщены, что тормозит прогресс даже там, где ресурсы в принципе имеются. В ходе экспертного обсуждения отмечается, что без слаженного взаимодействия выработать единую линию развития города невозможно.

Наконец, ключевым фактором выступает социально-психологическая инерция негативного образа города [7]. Даже при заметных позитивных изменениях жители не всегда обретают уверенность в будущем. Длительный кризисный опыт порождает устойчивый скепсис к переменам и препятствует видеть город как пространство новых возможностей. Таким образом, депопуляцию усугубляют не только объективные ограничения, но и накопленный багаж разочарований, который не позволяет расценивать улучшения как сигнал устойчивого поворота.

Депопуляция, таким образом, оказывается не просто реакцией населения на ухудшение условий жизни, а итогом длительного накопления дисбалансов, которые затрагивают одновременно материальную, социальную и институциональную ткань малого города.

Смысловые основания устойчивости города

В экспертной дискуссии проблема смыслов и идентичности малых городов занимает центральное место, поскольку именно через нее участники обсуждения пытаются объяснить, почему даже заметные изменения в городской среде не всегда приводят к устойчивому изменению миграционных установок. По сути, малый город предлагается рас-

сматривать не только как совокупность предприятий, дорог, учреждений образования и социальной сферы, но и как пространство символической принадлежности, в котором человек должен видеть основание для собственной жизненной стратегии. В этом смысле вопрос о развитии малых городов напрямую связывается с тем, способен ли город дать жителю ощущение значимости, включенности и перспективы.

Ключевой тезис дискуссии состоит в том, что главная трудность связана с отсутствием у населения понимания, ради чего жить в малом городе и как можно связать с ним свое будущее. Иными словами, самой серьезной проблемой является проблема смысла. Даже выраженные позитивные преобразования не становятся самодостаточным основанием для закрепления населения или привлечения новых жителей. Если человеку не предложен внятный ответ на вопросы, *«зачем здесь оставаться? Что здесь делать дальше? Куда стремится город?»*. В этом контексте устойчивость территории связывается не только с уровнем материального благополучия и состоянием городской среды, но и со способностью города формировать разделяемый символический проект будущего [10].

С данным тезисом связан вопрос локальной идентичности, которая в дискуссии трактуется как чувство принадлежности к территории, основанное на исторической памяти, коллективном опыте и представлении о специфике города. При этом устойчивое развитие связывается не только с наличием объективных ресурсов, но и со способностью территории формировать у жителей представление о собственной значимости и самостоятельной ценности. В этой связи внешнее признание города, его узнаваемость и символическая представленность в общенациональном пространстве рассматриваются как факторы укрепления локальной гордости и территориальной идентификации.

Наиболее подробно тема идентичности раскрывается на примере Ржева, который в дискуссии выступает как кейс сложной трансформации малого города. С одной стороны, Ржев обладает мощным историческим ресурсом, связанным с военной памятью, промышленным наследием и более глубокими пластами городской истории. С другой стороны, этот ресурс не может автоматически выполнять интеграционную функцию, если он не включен в современную городскую жизнь. Один из участников обсуждения показывает, что город столкнулся с ситуацией культурного разрыва: *«те, кто носили старый культурный код города, их не осталось»*, а новые жители *«этим новым культурным кодом пока не обладают»*. В результате историческая память сохраняется, но ее связь с актуальной повседневностью оказывается недостаточно прочной.

Именно здесь возникает важный для всей дискуссии тезис: идентичность не может быть только наследуемой, она должна постоянно воспроизводиться и переосмысляться. Наличие прошлого само по себе еще не делает город привлекательным для жизни, если это прошлое не переведено в современный язык развития. Поэтому эксперты подчеркивают необходимость связывать исторические основания городской идентичности с сегодняшними практиками, возможностями и проектами. В отношении Ржева обсуждаются несколько потенциальных оснований такого обновления: образ «города-бойца», первого города на Волге, купеческого и промышленного центра. Все эти элементы рассматриваются как возможные опоры для новой городской самоинтерпретации, но только при условии, что они будут встроены в актуальную систему смыслов.

В этом контексте особенно важен переход от памяти к действию. Идентичность становится фактором развития только тогда, когда она способна работать в настоящем: влиять на самоощущение жителей, стимулировать участие в преобразовании среды и формировать образы желаемого будущего. Если же историческая или культурная специфика остается изолированной от современной жизни, она не компенсирует дефицит смыслов. Поэтому в логике обсуждения идентичность выступает не как архив, а как ресурс актуального действия.

Существенную роль в раскрытии темы играет и анализ ментальности жителей. В дискуссии прямо отмечалось, что невозможно разрабатывать стратегии развития, не понимая, *«кто тот самый человек, с которым мы работаем, какой он, на каком языке он говорит, какие для него важные ценности»*. Эта мысль выводит обсуждение за рамки стандартного территориального брендинга и обращает внимание на реальный культурный состав локального сообщества. Идентичность, таким образом, понимается не как искусственно сконструированный образ, созданный для внешнего потребления, а как система реально существующих ценностей, самоописаний и моделей поведения.

В случае Ржева образ типичного жителя описывается как суровый, деятельный, равнодушный и ориентированный на конкретное дело. При этом подчеркивается, что важной чертой является чувство единства и принадлежности к городу, несмотря на внутренние различия между районами, локальными сообществами и группами. Эта характеристика показывает, что у малого города могут сохраняться внутренние ресурсы сплоченности даже в условиях затяжного кризиса. Задача развития в таком случае состоит не столько в создании идентичности с нуля, сколько в выявлении и усилении уже существующих оснований общности.

С этой точки зрения смыслы и идентичность приобретают стратегическое значение. Если меры

развития отвечают на вопрос, как организовать жизнедеятельность территории, то идентичность отвечает на вопрос, почему эта территория важна для человека и почему с ней стоит связывать личное будущее. Без такого ответа даже позитивные изменения могут оставаться внешними по отношению к жизненному миру жителей.

Таким образом, в экспертной дискуссии тема смыслов и идентичности выступает как фундаментальный уровень анализа депопуляции малых городов. Отток населения связывается здесь с ослаблением чувства принадлежности, утратой понятного образа будущего, разрывом между исторической памятью и современной жизнью, а также неспособностью территории предложить жителю убедительный ответ на вопрос о значимости жизни именно здесь. В этом отношении восстановление смыслов и укрепление идентичности рассматриваются как необходимое условие долгосрочной устойчивости малого города.

Стратегии, модели и инструменты развития

В экспертной дискуссии вопрос о моделях и инструментах развития малых городов ставится как практическое продолжение ранее обозначенной проблематики. Участники обсуждения подчеркивают, что универсального решения для всех малых и моногородов не существует, поскольку сами территории существенно различаются по происхождению, исторической траектории, экономической базе и структуре локальных сообществ. Однако, несмотря на эту неоднородность, в дискуссии предлагается ряд типовых моделей и инструментов, которые могут использоваться как в «чистом» виде, так и в сочетании друг с другом [12].

Центральное место в рассматриваемом обсуждении проблемы занимает типология из четырех моделей развития малых городов. Первая модель, «территория присутствия», характерна прежде всего для тех городов, в которых ключевым субъектом развития выступает крупное предприятие или промышленная корпорация. В рамках данной модели бизнес принимает на себя значительную часть функций, связанных с преобразованием городской среды. При этом он не замещает полностью органы публичной власти, но выступает основным источником инициатив, ресурсов и организационных решений. Наибольшую значимость такая модель имеет для моногородов и территорий, где производственный сектор формирует основную занятость, налоговую базу и инвестиционный потенциал.

Вторая модель обозначается как «современный кластер». Ее специфика состоит в том, что основной импульс развития формируется преимущественно за пределами самого города, через федеральные программы, институциональное кураторство, участие крупных ведомств или включение

в более широкие управленческие контуры. В такой логике территория получает доступ к внешним ресурсам и механизмам поддержки, которые не могут быть обеспечены исключительно за счет внутренних возможностей. Соответственно, ключевым условием развития становится способность города встроиться в масштабную программу и использовать внешнее включение как точку роста. Для некоторых небогатых малых городов такая модель может рассматриваться как одна из наиболее реалистичных.

Третья модель – «человек-локомотив» – строится на ключевой роли сильного лидера, который консолидирует ресурсы и участников развития. Им может быть глава муниципалитета, крупный бизнесмен, общественный деятель или другой влиятельный локальный актор, определяющий стратегию и обеспечивающий преемственность реформ. В ходе обсуждения отмечается, что модель совместима с другими, а ее сильная сторона – четкость управления и личная ответственность. Однако для долгосрочной устойчивости территории личная инициативность лидера должна перерасти в устойчивую институциональную систему.

Четвертая модель обозначается как «гражданская инициатива». Она основана на активности локального сообщества, включая неравнодушных жителей, волонтеров, предпринимателей и городских активистов. Источником изменений в этом случае становится сеть практик возникающих снизу, направленных на благоустройство, развитие культурной среды, сохранение наследия или организацию общественной жизни. Эксперты рассматривают эту модель как потенциально продуктивную, однако подчеркивают, что для реального эффекта ей также нужна определенная степень организационного ядра и поддержки со стороны других акторов. Иначе инициативы рискуют остаться точечными и не перерасти в долгосрочную стратегию.

При этом участники дискуссии не настаивают на необходимости жесткого выбора только одной модели, но подчеркивают, что в каждом конкретном случае должна существовать доминирующая логика развития. Как отмечалось в дискуссии, в идеальной картине мира в городе присутствуют элементы всех четырех моделей, однако если ни одна из них не становится ведущей, усилия могут распылиться и не дать системного результата. Поэтому ключевым условием выступает наличие «главного актора» или центрального организационного ядра, вокруг которого выстраивается кооперация остальных участников. Вопрос, таким образом, заключается не столько в том, кто именно должен быть главным, сколько в том, существует ли в городе механизм сборки разрозненных ресурсов в единую линию развития.

Отсюда вытекает и одна из главных идей: развитие малого города невозможно без согласован-

ного взаимодействия власти, бизнеса, жителей, активистов и внешних институтов. В обсуждении акцентировалось, *«здесь не вопрос, кто кому подчиняется, здесь вопрос коммуникации»*. Это замечание смещает акцент с формальной иерархии на характер координации. Поэтому важнейшим инструментом развития оказывается не только финансирование как таковое, но и институциональная организация совместного действия [1].

На примере Ржева эта логика раскрывается особенно наглядно. Представитель муниципального управления показывает, что значительная часть преобразований началась, когда представители промышленного сектора перестали ограничиваться внутренними задачами предприятия и включились в общественную и управленческую жизнь города. В этой связи подчеркивалось, что в определенный момент стало очевидно: *«не надо быть закрытыми, не надо оставаться только в помощи финансовой»*, необходимо участвовать в более широком процессе городского развития. В этом контексте были созданы совет директоров, совет предпринимателей, туристический совет, а также запущены инициативы, направленные на благоустройство, инфраструктурное обновление и формирование новой повестки для города. Этот пример показывает, что эффективная модель развития требует перехода от разрозненных вложений к более институционализированной форме кооперации.

Существенное место в дискуссии занимает и набор конкретных инструментов, которые могут быть встроены в разные модели развития. Одним из них выступает туризм, однако он рассматривается не как универсальное средство, а как один из каналов повышения узнаваемости территории и экономической активности. В обсуждении упоминаются промышленный туризм, гастротуризм, историко-культурные маршруты, фестивали, историческая реконструкция, ярмарки и события, связанные с локальной спецификой. Для Ржева в качестве возможных направлений называются экскурсии на промышленные предприятия, фестиваль меда и пивоварения, развитие исторической тематики и создание точек притяжения для внешней аудитории.

Еще одной важной группой инструментов являются социальная жизнь и городские точки притяжения [6]. В дискуссии специально подчеркивается, что одних туристов недостаточно: они могут приехать и уехать, тогда как ключевой вопрос состоит в том, чем будет наполнена повседневность самих жителей. Решение видится экспертам в развитии механизмов насыщения городской жизни содержанием. При этом могут использоваться такие инструменты, как: промыслы, новые музеи, лектории и создание общественных пространств, способных стать местом локальной активности.

Еще одним важным механизмом развития экспертам представляется кооперация между соседними городами. Участники дискуссии отвергают идею, что каждый город должен прежде всего удерживать население от оттока в соседние центры. Вместо этого предлагается использовать межгородское взаимодействие как ресурс роста. Соседние города могут взаимодополнять друг друга инфраструктурой и услугами, что особенно важно для территорий, не способных самостоятельно удовлетворить все потребности жителей [7]. Такой подход опирается на функциональную взаимосвязь территорий, а не на их изоляцию.

Отдельно обсуждалась корпоративная социальная ответственность. Эксперты подчеркнули, что участие бизнеса не должно сводиться к отдельным благотворительным акциям или благоустройству пространств вокруг своего предприятия. Программы социальной ответственности должны выстраиваться «от жителей» и исходить из комплексного понимания городских потребностей. Важен не просто факт вложений, а их встраиваемость в общую логику городской жизни.

В конечном счете модели и инструменты развития в дискуссии понимаются не как готовые рецепты, а как способы организации усилий вокруг доминирующего центра и общей стратегической цели. Практический смысл этого подхода заключается в том, что преодоление депопуляции возможно лишь там, где город перестает реагировать на кризис точечными мерами и начинает выстраивать связную стратегию действий.

Основные выводы дискуссии

Главный вывод экспертной дискуссии состоит в том, что депопуляция малых и моногородов не может рассматриваться как узко демографическая проблема, решаемая исключительно мерами по повышению рождаемости, механическому удержанию населения или точечному улучшению городской инфраструктуры. В логике обсуждения она понимается как интегральное выражение более глубокого кризиса, затрагивающего экономическую базу территории, качество повседневной жизни, локальную идентичность, коллективные представления о будущем и характер взаимодействия между ключевыми акторами развития. Иначе говоря, малый город начинает терять население не только потому, что в нем чего-то не хватает, но и потому, что он перестает восприниматься как пространство осмысленной, достойной и перспективной жизни.

Именно поэтому участники дискуссии подводят к мысли о необходимости смены самой оптики рассмотрения проблемы. Малые города предлагается понимать не как «отстающие» территории, обреченные на постоянное догоняющее развитие по отношению к мегаполисам, а как самостоятельный и необходимый элемент пространственной,

экономической и социальной организации страны. При этом обсуждение показывает, что у малых городов сохраняется субъектность даже в условиях тяжелых структурных ограничений, а способы выхода из кризиса должны быть контекстно чувствительными.

Особое значение в этом выводе приобретает идея смысла как центрального условия устойчивости территории. Развитие города не может ограничиваться ремонтом дорог, созданием общественных пространств или запуском отдельных производств, если эти действия не встроены в более широкий и разделяемый жителями образ будущего. Малый город должен не только улучшать условия жизни, но и предлагать человеку понятный ответ на вопрос, почему именно с этим местом стоит связывать свою жизненную траекторию.

В качестве финального вывода дискуссии можно выделить тезис о необходимости перехода от логики удержания к логике притяжения. Это означает, что успешная стратегия должна быть ориентирована не на административное предотвращение отъезда, а на формирование привлекательной городской среды в широком смысле — экономическом, социальном, культурном и символическом. Город должен не принуждать оставаться, а создавать такие условия, при которых жизнь в нем начинает восприниматься как полноценная и уважаемая альтернатива переезду в крупнейшие центры.

Не менее значимым итогом дискуссии является понимание того, что будущее малого города определяется не только наличием ресурсов, но и качеством кооперации между теми, кто вовлечен в его развитие. По существу, речь идет о том, что главным условием успеха становится способность города выстроить коллективное действие, при котором разные интересы и ресурсы собираются в единую стратегию. В этом контексте развитие мыслится как нечто большее, чем сумма проектов: оно предполагает наличие общего ядра, общей линии и общей цели.

В конечном счете дискуссия приводит к выводу, что преодоление депопуляции малых городов связано не с отдельными мерами, а с созданием целостной модели развития, в которой экономическая жизнеспособность, качество среды, локальная идентичность, образ будущего и кооперация ключевых акторов соединяются в единую стратегию. Только при таком подходе малый город способен сохранять население не за счет инерции или административного давления, а за счет собственной внутренней привлекательности и устойчивости.

Литература

1. Ачох 3.3. Оценка состояния социально-экономического развития моногородов как ин-

- струмент стратегического управления их комплексным развитием // Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований. 2025. № 4. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2025-14-4-322>.
2. Бехтерев Д.В. Факторы социально-экономического развития моногородов // Фундаментальные исследования. 2018. № 1. С. 41–45.
 3. Дмитриева Л.В. Характеристика базовых социально-экономических факторов развития малых городов России / Л.В. Дмитриева // Федерализм. 2024. Т. 29, № 2. С. 78–95. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-78-95>
 4. Иванова М. В., Князева И.В. Социально-экономические мотивации жителей моногородов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-106-115>.
 5. Любовный В.Я. Нужны ли России малые города? Статья от 15.11.2013 // Сайт Управление развитием территорий. (Электронный ресурс) URL: <https://urtmag.ru/public/607/> (дата обращения: 23.04.2026).
 6. Медведенко В. К., Турсукова И.И. Методика оценки влияния внешней корпоративной социальной ответственности предприятия на социально-экономическое развитие моногорода // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 2. С. 283–296. DOI: <https://doi.org/10.18334/lim.12.2.122660>.
 7. Недосека Е. В., Минина В.Н., Иванов С.А. Развитие малых городов России: «низовые» агенты активизации социального потенциала устойчивости // Экономическая социология. 2026. Т. 27. № 1. URL: <https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc/article/download/31779/25298> (дата обращения: 24.04.2026).
 8. Ненаселенный пункт: почти 130 малых городов в России могут исчезнуть. Статья от 05.08.2025. // Известия. (Электронный ресурс) URL: <https://iz.ru/1931548/anasturma-valeria-misina/nenaselennyi-punkt-pochti-130-malyh-gorodov-v-rossii-mogut-ischeznut> (дата обращения: 23.04.2026).
 9. Развитие малых городов: тенденции, новые идеи и решения: аналитическая статья от 02.09.2025. // сайт ООО «ЦСП «Платформа». URL: <https://www.pltf.ru/opinion/razvitie-malyh-gorodov-tendenczii-novye-idei-i-resheniya/> (дата обращения: 24.04.2026).
 10. Семенова Д.М. Формирование городской идентичности в малых городах России // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 6 (50). С. 54–63.
 11. Соколова С.В. Малые города Российской Федерации и их современная география / С.В. Соколова // Градостроительное право. 2024. № 01. С. 18–21. DOI: <https://doi.org/10.18572/2500-0292-2024-1-18-21>.
 12. Полюшкевич О.А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
 13. Типологизация малых городов: проблемы и решения // Аналитический отчет Института экономики роста им. Столыпина П.А. от 22.10.24 (Электронный ресурс) URL: <https://stolypin.institute/research/our/tipologizaciya-malyh-gorodov> (дата обращения: 23.04.2026).
 14. Экспертная дискуссия Аналитического центра ВЦИОМ «Я остаюсь, чтобы жить: как предотвратить депопуляцию малых и моногородов России»: [материал от 18.11.2025] // ВЦИОМ: сайт. – URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/ehkspertnaja-diskussija-analiticheskogo-centra-vciom-ja-ostajus-chtoby-zhit-kak-predotvratit-depopuljaciju-malykh-i-monogorodov-rossii-181125> (дата обращения: 24.04.2026).

SOCIO-ECONOMIC AND MANAGERIAL FACTORS OF STABILIZATION OF SMALL RUSSIAN TOWNS (ANALYSIS OF EXPERT DISCUSSION)

Silin A.N., Koltunov A.L.

Tyumen Industrial University

The article examines expert perspectives on the depopulation of small towns in Russia as a complex socio-economic and managerial problem. The empirical basis of the study is a discussion conducted by the VCIOM Analytical Center. The paper explores key issues for the population: causes of outflow, crisis of local identity, and lack of a formed vision of the future. It highlights limitations of the urban environment and identifies models and tools for small town development. The study demonstrates that depopulation results from economic, infrastructural, symbolic, and institutional imbalances. Special attention is given to coordinating efforts between authorities, businesses, local residents, and other territorial development stakeholders. This coordination is crucial for shifting from fragmented, local measures to a unified comprehensive management strategy. The conclusion emphasizes that the sustainability of small towns depends not only on resource provision but also on the ability to create a shared vision of the future, sustain local identity, and foster coordinated collective action.

Keywords: small towns, single-industry towns, depopulation, local identity, vision of the future, territorial development, sociology of governance, expert discourse.

References

1. Achokh Z.Z. Assessment of the State of Socioeconomic Development of Single-Industry Towns as a Tool for Strategic Management of Their Integrated Development // Siberian Journal of Economic and Business Research. 2025. № 4. pp. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2025-14-4-322>.
2. Bekhterev D.V. Factors of Socioeconomic Development of Single-Industry Towns // Fundamental Research. 2018. № 1. pp. 41–45.
3. Dmitrieva L.V. Characteristics of Basic Socioeconomic Factors in the Development of Small Towns in Russia / L.V. Dmitrieva // Federalism. 2024. Vol. 29, № 2. pp. 78–95. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-78-95>
4. Ivanova M. V., Knyazeva I.V. Socio-economic motivations of residents of single-industry towns // State and municipal man-

- agement. Scientific notes. 2025. № 1. pp. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-106-115>.
5. Lyubovny V. Ya. Does Russia need small towns? Article from November 15, 2013 // Website of Territorial Development Management. (Electronic resource) URL: <https://urtmag.ru/public/607/> (date of access: April 23, 2026).
6. Medvedenko V.K., Tursukova I.I. Methodology for Assessing the Impact of External Corporate Social Responsibility of an Enterprise on the Socio-Economic Development of a Single-Industry Town // Leadership and Management. 2025. Vol. 12, № 2. pp. 283–296. DOI: <https://doi.org/10.18334/lim.12.2.122660>.
7. Nedoseka E.V., Minina V.N., Ivanov S.A. Development of Small Towns in Russia: «Grassroots» Agents for Activating the Social Potential of Sustainability // Economic Sociology. 2026. Vol. 27, № 1. URL: <https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc/article/download/31779/25298> (accessed: 24.04.2026).
8. Uninhabited Area: Almost 130 Small Towns in Russia May Disappear. Article from August 5, 2025. // Izvestia. (Electronic resource) URL: <https://iz.ru/1931548/ana-sturma-valeria-misina/nenaselennyi-punkt-pocti-130-malyh-gorodov-v-rossii-mogut-ischeznut> (accessed on April 23, 2026).
9. Small Town Development: Trends, New Ideas, and Solutions: Analytical Article from September 2, 2025. // Website of CSP Platforma LLC. URL: <https://www.pltf.ru/opinion/razvitie-malyh-gorodov-tendenczii-novye-idei-i-resheniya/> (accessed on April 24, 2026).
10. Semenova D.M. Formation of urban identity in small towns of Russia // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 6 (50). Pp. 54–63.
11. Sokolova S.V. Small towns of the Russian Federation and their modern geography / S.V. Sokolova // Urban planning law. 2024. № 01. Pp. 18–21. DOI: <https://doi.org/10.18572/2500-0292-2024-1-18-21>.
12. Polyushkevich O.A. Psychogeographical dimension of the city's public space // City management: theory and practice. 2022. № 2 (44). Pp. 31–35.
13. Typology of small towns: problems and solutions // Analytical report of the Institute for Economic Growth named after Stolypina P.A. from 10/22/2024 (Electronic resource) URL: <https://stolypin.institute/research/our/tipologizaciya-malyh-gorodov> (date of access: 04/23/2026).
14. Expert discussion of the VTsIOM Analytical Center «I am staying to live: how to prevent the depopulation of small and single-industry towns in Russia»: [material from 11/18/2025] // VTsIOM: website. – URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/ehkspertnaja-diskussija-analiticheskogo-centra-vciom-ja-ostajus-chtoby-zhit-kak-predotvratit-depopuljaciju-malykh-i-monogorodov-rossii-181125> (date of access: 24.04.2026).

Восприятие государственной научной политики и культуры международного научного сотрудничества: по материалам опроса представителей китайского академического сообщества

Чжай Цзымин,

аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: zzm18604810062@gmail.com

В статье анализируется связь между восприятием государственной научной политики и оценками культуры международного научного сотрудничества в китайском академическом сообществе. Теоретическая логика исследования исходит из того, что международная научная кооперация представляет собой не только совокупность организационных механизмов и программ, но и нормативно-ценностную среду, включающую доверие, взаимность, открытость и равноправие. Китай выбран как аналитически значимый случай, поскольку в его научно-технологической системе роль государства особенно велика, а распределение ресурсов, кадровая политика и международные исследовательские возможности в существенной степени опосредованы государственными приоритетами. Эмпирическую базу составили данные анкетного опроса представителей китайского академического сообщества ($N = 200$). В работе использованы описательная статистика, корреляционный анализ Пирсона и множественная линейная регрессия. Полученные результаты показывают, что отношение к международному научному сотрудничеству, институциональное восприятие государственной поддержки и культура международного научного сотрудничества находятся в зоне умеренно положительных оценок и связаны между собой статистически значимыми положительными корреляциями. Регрессионный анализ показывает, что как институциональное восприятие государственной поддержки, так и отношение к международному научному сотрудничеству статистически значимо связаны с оценкой культуры сотрудничества, причем вклад второго предиктора несколько выше. Научная новизна статьи состоит в том, что международное научное сотрудничество рассматривается не только как институционально организованный процесс, но и как измеримая культурно-нормативная структура; кроме того, показано, что восприятие государственной научной политики связано не только с общей установкой на международную кооперацию, но и с оценкой ее ценностных оснований.

Ключевые слова: государственная научная политика, международное научное сотрудничество, культура международного научного сотрудничества, научная дипломатия, Китай, академическое сообщество, анкетный опрос.

Введение

Международное научное сотрудничество в современных условиях уже трудно сводить лишь к обмену результатами исследований, совместным публикациям или участию в институционализированных программах. Оно развивается на пересечении научной политики, режимов финансирования, академической мобильности, инфраструктурных возможностей и более широких внешнеполитических условий. Именно поэтому в литературе все чаще подчеркивается, что международная кооперация в науке зависит не только от инициативы отдельных исследователей, но и от институциональной среды, в которой они действуют [4].

Российские и зарубежные исследования по данной теме условно можно разделить на несколько направлений. Одно из них сосредоточено на институционально-политических механизмах международного научно-технологического взаимодействия, включая государственную научную политику, распределение ресурсов и архитектуру многосторонних платформ [11]. Другой блок работ рассматривает китайскую научно-технологическую систему через призму государственной инновационной политики и специфики ее организационного развития [2; 3].

Другое направление акцентирует внимание на доверии, нормах, взаимности, открытости и иных культурных основаниях сотрудничества, без которых даже формально выстроенные механизмы не обязательно превращаются в устойчивую кооперацию [7].

При этом в существующей литературе заметен перекоп в сторону анализа организационных форматов международного научного взаимодействия, включая рамочные программы, механизмы научной дипломатии и иные формы многосторонней кооперации [5]. В работах о БРИКС особое внимание уделяется научно-технологическим платформам, образовательным инициативам и институциональной координации сотрудничества [9; 10]. Отдельные исследования также рассматривают БРИКС как инструмент международного взаимодействия в условиях кризисов и ограничений научных коммуникаций [8; 12]. Значительно реже предметом специального эмпирического анализа становится вопрос о том, как сами участники академического сообщества воспринимают культуру международного сотрудничества и как эти оцен-

ки связаны с их восприятием государственной научной политики. Именно этот пробел и составляет исследовательскую нишу статьи.

В этом смысле данная работа вносит вклад по двум направлениям. Во-первых, международное научное сотрудничество рассматривается здесь не только как совокупность проектов и институциональных решений, но и как нормативно-ценностная структура, включающая доверие, взаимность, открытость и равноправие. Во-вторых, «культура сотрудничества» переводится в измеряемую эмпирическую переменную, что позволяет проверить, как она статистически связана не только с общей установкой на международную кооперацию, но и с институциональным восприятием государственной поддержки.

Китай представляет собой особенно показательный случай для такого анализа. Научно-технологическая система КНР традиционно характеризуется высокой ролью государства, стратегическим планированием, концентрацией финансовых и организационных ресурсов и активным использованием научной политики как инструмента национального развития. В то же время исследования, посвященные международному научному сотрудничеству Китая, показывают, что государственные приоритеты заметно влияют и на внешние исследовательские связи, и на факторы включения китайских ученых в международную кооперацию [14]. Поэтому китайский кейс позволяет социологически содержательно рассмотреть вопрос о том, как сильное государственное присутствие в науке соотносится с восприятием культурных оснований международной кооперации.

Исходный исследовательский вопрос формулируется следующим образом: связаны ли оценки государственной научной политики с тем, как представители китайского академического сообщества понимают и оценивают культуру международного научного сотрудничества? Цель статьи состоит в выявлении статистически значимых связей между восприятием государственной научной политики, отношением к международному научному сотрудничеству и оценками культуры международного научного сотрудничества. Для достижения этой цели решаются три задачи: во-первых, описываются средние значения трех ключевых аналитических измерений; во-вторых, анализируются корреляционные связи между ними; в-третьих, проверяется, сохраняется ли статистически значимая связь между институциональным восприятием государственной поддержки и культурой сотрудничества при одновременном учете отношения к международной кооперации.

Теоретические основания и исследовательские гипотезы

Теоретическая логика статьи исходит из того, что международное научное сотрудничество следует

рассматривать как многослойное социальное явление. С одной стороны, оно опирается на институциональные механизмы – государственные программы, грантовые инструменты, международные соглашения, режимы академической мобильности и правила доступа к исследовательской инфраструктуре [6]. С другой стороны, устойчивость кооперации невозможна без культурно-нормативных оснований – доверия, взаимности, открытости и признания общих академических правил [7].

В работах, посвященных научной политике Китая, подчеркивается, что государство занимает центральное место в формировании научно-технологических приоритетов, распределении ресурсов и создании институциональных условий для развития науки. Исследования китайской инновационной политики также показывают, что в КНР государственное регулирование науки и технологий тесно связано с организацией исследовательской сферы и доступом к ресурсам [3]. Это означает, что в китайском контексте восприятие государственной научной политики не является внешним по отношению к научной деятельности фактором: напротив, оно встроено в повседневный опыт академического сообщества и влияет на то, насколько международная кооперация воспринимается как поддерживаемая, доступная и легитимная форма профессиональной активности.

В исследованиях международного сотрудничества стран БРИКС и научной дипломатии акцент обычно делается на организационных форматах взаимодействия: встречах профильных министерств, рамочных программах, сетевых университетах, совместных конкурсах и научно-технологических платформах [11]. Отдельные работы рассматривают науку и как инструмент межгосударственного взаимодействия и научной дипломатии [6]. Такой ракурс важен, поскольку позволяет понять институциональную архитектуру сотрудничества. Однако сам по себе он не отвечает на вопрос, как участники научного сообщества воспринимают ценностную сторону кооперации и считают ли они международное взаимодействие пространством доверия, равноправия и взаимности.

Именно поэтому в данной статье культура международного научного сотрудничества понимается не как метафорическая характеристика «благоприятной атмосферы», а как совокупность нормативных представлений о допустимых и желательных принципах научной кооперации. В операциональном плане речь идет о таких компонентах, как доверие, открытый обмен результатами, соблюдение общих академических норм, взаимность и признание равноправия партнеров [7]. Такой подход позволяет перевести обычно расплывчатое понятие «культуры сотрудничества» в эмпирически наблюдаемое измерение.

Промежуточное место в этой схеме занимает отношение к международному научному сотруд-

ничеству. Оно отражает не столько конкретный опыт участия в международных проектах, сколько общую нормативную установку респондента: считает ли он международную кооперацию значимой, полезной и желательной для развития науки. В более широких исследованиях международного и глобального высшего образования подобные установки рассматриваются как важная часть включенности академических акторов в транснациональные исследовательские связи [13]. В социологическом плане это важно, поскольку именно общая установка на сотрудничество может связывать институциональные оценки и культурные представления. Иными словами, благоприятное восприятие государственной поддержки может усиливать положительное отношение к международной кооперации, а позитивная установка на кооперацию, в свою очередь, может быть связана с более высокой оценкой ее культурных оснований.

Из этой логики вытекают три исследовательские гипотезы. H1: более позитивное восприятие государственной научной политики связано с более позитивным отношением к международному научному сотрудничеству. H2: более позитивное институциональное восприятие государственной поддержки связано с более высокой оценкой культуры международного научного сотрудничества. H3: более позитивное отношение к международному научному сотрудничеству связано с более высокой оценкой его культурных оснований.

Таким образом, статья опирается на предположение о статистической связанности институционального и ценностного уровней международной научной кооперации. При этом речь не идет о жестком доказательстве причинности. Используемый дизайн позволяет проверить, существует ли в пределах данной выборки устойчивая связь между тем, как научное сообщество воспринимает государственную научную политику, и тем, как оно оценивает культурно-нормативные основания международного сотрудничества.

Исследовательский дизайн и операционализация переменных

Эмпирическую основу статьи составили данные анкетного опроса, проведенного в рамках исследования, посвященного восприятию международного научного сотрудничества в академическом сообществе стран БРИКС. Сбор данных осуществлялся в онлайн-формате за месяц до подготовки настоящей статьи с использованием китайской платформы для проведения опросов «问卷星» (Wenjuanxing), широко применяемой в эмпирических исследованиях. Распространение анкеты происходило через цифровые каналы коммуникации и носило характер доступного отбора с элементами снежного кома: на первом этапе анкета

направлялась доступным респондентам, после чего часть участников пересылала ее другим представителям академической среды [14].

Итоговая выборка, использованная в настоящем исследовании, составила 200 респондентов. В нее вошли представители китайского академического сообщества, включая магистрантов, аспирантов, молодых исследователей, преподавателей вузов, научных сотрудников, а также других представителей академической среды. Это позволило сосредоточиться на анализе взаимосвязей между основными переменными в пределах одного национального контекста.

Поскольку данная статья не ставит задачу межкультурного сопоставления, исследовательский фокус сознательно ограничен китайской частью опроса. Такой подход представляется методологически оправданным, поскольку позволяет избежать искусственного объединения различных институциональных и политико-организационных контекстов и сосредоточиться на том, каким образом представители китайского академического сообщества воспринимают государственную поддержку международного научного взаимодействия и как это связано с их представлениями о культуре международного научного сотрудничества. Вместе с тем полученные результаты следует интерпретировать как относящиеся именно к данной исследовательской выборке, а не ко всему китайскому научному сообществу в целом, поскольку использованная выборка носит вероятностный характер и не является строго репрезентативной.

Для проверки выдвинутых гипотез были сформированы три аналитических индекса. Первый индекс – отношение к международному научному сотрудничеству – был построен на основе ответов на вопросы 8–11. Он отражал общее отношение респондентов к значимости международной кооперации, признание ее пользы для развития науки и качества исследований, а также позитивную ориентацию на участие в подобных формах взаимодействия.

Второй индекс – институциональное восприятие государственной поддержки – был сформирован на основе вопросов 12–17. Он включал оценки достаточности государственной поддержки международного научного сотрудничества, стабильности и понятности политико-институциональной среды, доступности возможностей участия в международных проектах, а также восприятие справедливости распределения соответствующих ресурсов. Именно через этот индекс операционализируется ключевая независимая переменная статьи – субъективное восприятие государственной научной политики.

Третий индекс – культура международного научного сотрудничества – был построен на основе вопросов 18–24. Он объединял представления ре-

спондентов о доверии, равноправии, взаимности, открытом обмене результатами, соблюдении общих академических норм, согласовании культурных различий и позитивной роли международного взаимодействия в развитии науки. В аналитической модели статьи данный индекс выступает в качестве зависимой переменной.

Для каждого из трех индексов рассчитывалось среднее арифметическое значение по включенным в него вопросам. Использование средних значений позволяет сохранить единую шкалу интерпретации от 1 до 5 и облегчает сопоставление между индексами. В данной статье такие средние значения используются как компактные составные показатели, позволяющие описать общую направленность оценок и выявить статистические связи между ключевыми измерениями.

Надежность сформированных индексов была проверена с помощью коэффициента Cronbach's alpha. Результаты показали хороший уровень внутренней согласованности всех трех шкал: для индекса отношения к международному научному сотрудничеству alpha составила 0,852, для индекса институционального восприятия государственной поддержки – 0,887, а для индекса культуры международного научного сотрудничества – 0,879. Это позволяет рассматривать соответствующие составные показатели как статистически надежные.

Помимо трех основных аналитических индексов, в регрессионный анализ были включены две контрольные переменные: академический статус респондента и наличие опыта международного научного сотрудничества. Их включение связано с тем, что оценка культуры международного научного сотрудничества может зависеть не только от восприятия государственной поддержки и общего отношения к международной кооперации, но и от положения респондента в академической среде, а также от его личного опыта участия в международных научных коммуникациях.

Академический статус был преобразован в бинарную переменную. Значение 0 было присвоено магистрантам, а значение 1 – респондентам, более непосредственно включенным в научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность: аспирантам, молодым исследователям, преподавателям вузов, научным сотрудникам и другим представителям академической среды. Опыт международного научного сотрудничества также был включен как бинарная переменная: значение 1 обозначало наличие такого опыта, значение 0 – его отсутствие.

В статье использованы три вида статистического анализа. На первом этапе применяется описательная статистика для фиксации средних значений и стандартных отклонений по трем ключевым измерениям. На втором этапе используется корреляционный анализ Пирсона, позволяющий оценить направленность и силу линейной связи

между тремя индексами. На третьем этапе были построены две множественные линейные регрессионные модели: базовая модель с двумя основными предикторами и расширенная модель с включением контрольных переменных.

Базовая модель имела следующий вид:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \varepsilon,$$

где Y – культура международного научного сотрудничества; X_1 – институциональное восприятие государственной поддержки; X_2 – отношение к международному научному сотрудничеству; β_0 – константа; β_1 и β_2 – коэффициенты регрессии; ε – случайная ошибка.

Расширенная модель с контрольными переменными имела следующий вид:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 C_1 + \beta_4 C_2 + \varepsilon,$$

где C_1 – академический статус респондента; C_2 – опыт международного научного сотрудничества.

Введение контрольных переменных позволило проверить, сохраняется ли связь основных предикторов с культурой международного научного сотрудничества при учете базовых различий между респондентами.

Следует отметить, что представленные модели носят компактный характер и направлены на проверку базовой исследовательской логики статьи. Полученные результаты следует интерпретировать как статистические ассоциации внутри рассматриваемой выборки, а не как доказательство строгой причинной зависимости.

Результаты исследования

Описательная статистика

На первом этапе анализа были рассчитаны средние значения и стандартные отклонения по трем ключевым аналитическим измерениям: отношению к международному научному сотрудничеству, институциональному восприятию государственной поддержки и культуре международного научного сотрудничества. Результаты описательной статистики представлены в таблице 1. Поскольку шкала измерения строилась в диапазоне от 1 до 5, где значение 3 соответствует среднему уровню оценки, интервал 3,07–3,17 корректнее интерпретировать как умеренно положительные, а не как выражено высокие значения.

Таблица 1. Описательная статистика по ключевым измерениям

Показатель	N	Среднее	Ст. откл.
Отношение к международному научному сотрудничеству	200	2,99	1,00
Институциональное восприятие государственной поддержки	200	3,09	0,90
Культура международного научного сотрудничества	200	3,11	0,84

Как видно из таблицы 1, средние значения по всем трем индексам расположены близко друг к другу. Наиболее высокое среднее значение зафиксировано у индекса культуры международного научного сотрудничества ($M = 3,11$), немного ниже – у институционального восприятия государственной поддержки ($M = 3,09$), а затем – у отношения к международному научному сотрудничеству ($M = 2,99$). Однако различия между этими значениями невелики, поэтому их целесообразно интерпретировать прежде всего как указание на общий умеренно положительный фон оценок, а не как свидетельство выраженной иерархии между измерениями.

Стандартные отклонения по всем трем индексам остаются в пределах единицы, что свидетельствует об умеренной вариативности ответов. Наибольший разброс наблюдается у отношения к международному научному сотрудничеству ($SD = 1,00$), тогда как культура международного научного сотрудничества характеризуется несколько меньшей вариативностью ($SD = 0,84$). Это позволяет предположить, что индивидуальные оценки собственной ориентации на международную кооперацию в большей степени подвержены различиям в личном опыте и академическом положении респондентов, чем представления о нормативных основаниях сотрудничества.

Таким образом, уже на уровне описательной статистики можно сделать первый вывод: представители китайского академического сообщества в среднем не демонстрируют выраженного скепсиса по отношению к международному научному сотрудничеству, но и не дают оснований говорить о безусловно высоком уровне оптимизма. Скорее речь идет о сдержанно благожелательной конфигурации оценок, в которой все три измерения смещены в положительную сторону, оставаясь при этом достаточно близкими друг к другу.

Корреляционный анализ

На втором этапе анализа были проверены корреляционные связи между тремя ключевыми индексами. Для этого использовался коэффициент корреляции Пирсона, позволяющий оценить направление и силу линейной связи между переменными. Результаты представлены в таблице 2. Все коэффициенты оказались положительными и статистически значимыми на уровне $p < 0,001$, что свидетельствует о наличии устойчивых взаимосвязей между исследуемыми измерениями.

Как показывает таблица 2, между институциональным восприятием государственной поддержки и отношением к международному научному сотрудничеству существует положительная корреляция средней силы ($r = 0,428$). Это означает, что более благоприятные оценки государственной поддержки в пределах данной выборки сочетаются

с более позитивным отношением респондентов к самой практике международного научного сотрудничества.

Таблица 2. Корреляции между ключевыми измерениями (коэффициент Пирсона)

Показатель	1	2	3
1. Отношение к международному научному сотрудничеству	1		
2. Институциональное восприятие государственной поддержки	0,428***	1	
3. Культура международного научного сотрудничества	0,490***	0,439***	1

Примечание: *** $p < 0,001$.

Сходная по величине положительная связь обнаружена между институциональным восприятием государственной поддержки и культурой международного научного сотрудничества ($r = 0,439$). Данный результат имеет принципиальное значение для логики статьи, поскольку показывает, что оценка международного сотрудничества как пространства доверия, равноправия, взаимности и открытости статистически связана с тем, насколько сама институциональная среда воспринимается как поддерживающая и благоприятная.

Наиболее сильная корреляция выявлена между отношением к международному научному сотрудничеству и культурой международного научного сотрудничества ($r = 0,490$). Иными словами, более позитивная ориентация на международную кооперацию сочетается с более высокой оценкой ее нормативных оснований. В совокупности результаты корреляционного анализа подтверждают внутреннюю согласованность предложенной исследовательской схемы и создают основание для следующего этапа анализа – проверки того, сохраняется ли связь между институциональным восприятием государственной поддержки и культурой международного научного сотрудничества при одновременном учете отношения к международной кооперации.

Регрессионный анализ

На третьем этапе анализа были построены две множественные линейные регрессионные модели, в которых зависимой переменной выступала культура международного научного сотрудничества. В базовую модель были включены два основных предиктора: институциональное восприятие государственной поддержки и отношение к международному научному сотрудничеству. В расширенную модель дополнительно были включены две контрольные переменные: академический статус и опыт международного научного сотрудничества. Цель данного этапа состояла в том, чтобы определить, сохраняется ли статистически значимая связь между основ-

ными предикторами и культурой международного научного сотрудничества при учете базовых раз-

личий между респондентами. Результаты моделей представлены в таблице 3.

Таблица 3. Множественная линейная регрессия: базовая и расширенная модели

Переменная	Модель 1 В	Модель 1 β	Модель 1 р	Модель 2 В	Модель 2 β	Модель 2 р
Константа	1,383	—	<0,001	1,346	—	<0,001
Институциональное восприятие государственной поддержки	0,261	0,280	<0,001	0,260	0,279	<0,001
Отношение к международному научному сотрудничеству	0,309	0,369	<0,001	0,305	0,364	<0,001
Академический статус	—	—	—	0,016	0,009	0,894
Опыт международного научного сотрудничества	—	—	—	0,077	0,046	0,451
R ² / скорр. R ²	0,304 / 0,297	—	—	0,306 / 0,292	—	—
F / р модели	42,99	—	<0,001	21,50	—	<0,001

Примечание: модель 1 – базовая модель с двумя основными предикторами; модель 2 – расширенная модель с контрольными переменными. Академический статус: 0 – магистранты, 1 – аспиранты, молодые исследователи, преподаватели, научные сотрудники и другие представители академической среды. Опыт международного научного сотрудничества: 0 – нет опыта, 1 – есть опыт.

Результаты базовой модели показывают, что обе независимые переменные вносят статистически значимый вклад в объяснение вариации культуры международного научного сотрудничества. При прочих равных условиях увеличение индекса институционального восприятия государственной поддержки на один пункт связано с ростом зависимой переменной на 0,261 пункта. Увеличение индекса отношения к международному научному сотрудничеству на один пункт связано с ростом культуры международного научного сотрудничества на 0,309 пункта.

Стандартизированные коэффициенты базовой модели показывают, что связь отношения к международному научному сотрудничеству с зависимой переменной несколько сильнее ($\beta = 0,369$), чем связь институционального восприятия государственной поддержки ($\beta = 0,280$). Однако в обоих случаях речь идет о статистически значимых ассоциациях, сохраняющихся в рамках одной модели.

Значение R² в базовой модели составляет 0,304, что означает: два основных предиктора совместно объясняют 30,4% вариации культуры международного научного сотрудничества. В расширенной модели после включения академического статуса и опыта международного научного сотрудничества значение R² незначительно увеличивается до 0,306, тогда как скорректированный R² снижается с 0,297 до 0,292. Это показывает, что добавленные контрольные переменные почти не увеличивают объяснительную силу модели.

В расширенной модели оба ключевых предиктора сохраняют статистически значимую связь

с культурой международного научного сотрудничества: институциональное восприятие государственной поддержки ($B = 0,260$; $\beta = 0,279$; $p < 0,001$) и отношение к международному научному сотрудничеству ($B = 0,305$; $\beta = 0,364$; $p < 0,001$). При этом контрольные переменные не продемонстрировали самостоятельной статистически значимой связи с зависимой переменной: академический статус ($p = 0,894$) и опыт международного научного сотрудничества ($p = 0,451$).

В содержательном плане результаты регрессии позволяют сделать важный, но методологически ограниченный вывод: культура международного научного сотрудничества в восприятии китайского академического сообщества статистически связана не только с общим признанием значимости международной кооперации, но и с тем, насколько государственная научная политика воспринимается как поддерживающая, понятная и институционально благоприятная. Эта связь сохраняется и после включения базовых контрольных переменных. Такой вывод соотносится с исследованиями научной дипломатии, в которых государственная политика в сфере науки рассматривается как механизм формирования благоприятных условий для устойчивого международного научного взаимодействия [5].

В совокупности результаты трех этапов анализа формируют внутренне согласованную картину. Описательная статистика показывает сдержанно позитивный общий фон оценок. Корреляционный анализ демонстрирует устойчивую положительную связь между всеми тремя измерениями. Регрессионный анализ, в свою очередь, показывает, что институциональное восприятие государственной поддержки сохраняет самостоятельную статистическую связь с культурой международного научного сотрудничества даже при одновременном учете отношения к международной кооперации,

академического статуса и опыта международного научного сотрудничества.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в оценках китайского научного сообщества восприятие государственной научной политики статистически значимо связано как с отношением к международному научному сотрудничеству, так и с культурой международного научного сотрудничества. Все три исследуемых измерения расположены вблизи середины шкалы: институциональное восприятие государственной поддержки и культура международного научного сотрудничества немного превышают ее центральное значение, тогда как отношение к международному научному сотрудничеству практически совпадает с ним. Это свидетельствует не о выражено высоком уровне позитивных оценок, а о сдержанно благожелательной конфигурации восприятия международной кооперации.

Корреляционный анализ показал наличие устойчивых положительных связей между всеми тремя измерениями. Это означает, что более благоприятное восприятие государственной поддержки международного научного сотрудничества сочетается как с более позитивным отношением к самой практике международной кооперации, так и с более высокой оценкой ее культурно-нормативных оснований. Регрессионный анализ, в свою очередь, показал, что институциональное восприятие государственной поддержки сохраняет статистически значимую связь с культурой сотрудничества даже при одновременном учете отношения к международному сотрудничеству, академического статуса и опыта международного научного сотрудничества.

Теоретическое значение результатов статьи заключается в том, что они позволяют уточнить само понимание международного научного сотрудничества. Оно предстает не только как совокупность программ, соглашений, проектов и организационных платформ, но и как культурно-нормативная среда, чувствительная к политико-институциональным условиям и к тому, как эти условия воспринимаются участниками научного сообщества. В этом смысле государственная научная политика может рассматриваться не только как механизм распределения ресурсов и координации научной деятельности, но и как значимый контекст, в рамках которого формируются оценки доверия, взаимности и открытости в международной науке.

Практическая значимость полученных результатов связана с тем, что они указывают на важность предсказуемой, понятной и поддерживающей государственной политики для укрепления доверия к международному сотрудничеству. Если научное сообщество воспринимает государственную политику как последовательную и институ-

ционально благоприятную, то выше вероятность того, что международная кооперация будет оцениваться не как формальная необходимость или ситуативный инструмент, а как легитимная и ценностно значимая форма научной деятельности.

Вместе с тем результаты статьи следует интерпретировать с учетом ряда ограничений. Во-первых, исследование опирается только на китайскую часть опроса и, следовательно, не ставит задачи прямого межстранового сопоставления. Во-вторых, анализ построен на самооценках респондентов, поэтому выявленные связи описывают структуру восприятия внутри конкретной выборки и не позволяют делать строгие причинные выводы. В-третьих, несмотря на включение двух контрольных переменных, статья сохраняет компактную статистическую схему, сосредоточенную на трех основных индексах и базовых характеристиках респондентов. Поэтому полученные результаты следует рассматривать как фокусированную эмпирическую проверку исследовательской логики, а не как исчерпывающее объяснение всех факторов, влияющих на оценки международного научного сотрудничества.

Перспективы дальнейшего исследования связаны прежде всего с расширением сравнительного измерения. Следующим шагом может стать сопоставление китайской и российской частей опроса, а также более детальный учет дополнительных характеристик респондентов, включая дисциплинарную принадлежность, интенсивность международной мобильности, участие в совместных проектах и тип научной организации. Это позволило бы точнее раскрыть механизмы, через которые институциональные условия соотносятся с оценками международного научного сотрудничества в различных сегментах научного сообщества.

Литература

1. Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 6–23. DOI: 10.24866/2542-1611/2018-2/6-23.
2. Цзи Ци, Нехайчик О., Алексеев Ю. Научно-техническая и инновационная политика Китая // Наука и инновации. 2016. № 4. С. 44–47.
3. Леонов С. Н., Домнич Е.Л. Государственная инновационная политика в КНР // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 3(127). С. 36–46.
4. Трофимова И.Н. Международное сотрудничество российских исследователей: текущие позиции и тенденции: по данным Web of Science за 2018–2022 гг. // Мир России. 2023. Т. 32. № 4. С. 178–198. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-178-198.
5. Хмелева Г.А. Научная дипломатия в странах БРИКС+: от укрепления многосторон-

- ности к «умной» экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 3. С. 521–535. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-3-521-535.
6. Косяков Д. В., Васильева И. Н., Демидов А. В., Богатова Р. С. Научная дипломатия как важный инструмент развития международного научного сотрудничества в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 1. С. 180–203. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-1-180-203.
 7. Головченко Д. П. Теоретические аспекты доверия в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 10. С. 112–118.
 8. Пономаренко С. В. БРИКС как инструмент международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 552–558. DOI: 10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558.
 9. Ступенькова З. Е. Сотрудничество между странами БРИКС в сфере науки, технологий и образования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2025. № 4. С. 31–52. DOI: 10.31249/rva/2025.04.02.
 10. Кашуро И. А., Ступенькова З. Е. Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2024. № 3. С. 74–84.
 11. Кан М. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 140–159. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-140.
 12. Пястолов С. М. Научные коммуникации в условиях ограничений: аналитический обзор // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 4. С. 108–124.
 13. Marginson S. Research on international and global higher education: Six different perspectives // Oxford Review of Education. 2022. Vol. 48. № 4. P. 421–438. DOI: 10.1080/03054985.2022.2087619.
 14. 张萃, 欧阳冬平. «一带一路»战略下中国国际科研合作影响因素研究——基于 Web of Science 数据库中外合作科研论文的实证分析 // 国际贸易问题. 2017. № 4. С. 74–82.

PERCEPTION OF STATE SCIENCE POLICY AND THE CULTURE OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION: EVIDENCE FROM A SURVEY OF REPRESENTATIVES OF THE CHINESE ACADEMIC COMMUNITY

Zhai Ziming

Saint Petersburg State University

The article analyzes the relationship between perceptions of state science policy and assessments of the culture of international scientific cooperation in the Chinese academic community. The theoretical logic of the study proceeds from the assumption that international scientific cooperation is not only a set of organizational mechanisms and programs, but also a normative and value-based environment that includes trust, reciprocity, openness, and equality. China is chosen as an analytically significant case because the role of the state is especially important in its science and technology system, while the distribution of resources, personnel policy, and international research opportunities are largely mediated by state priorities. The empirical basis of the article consists of questionnaire survey data from representatives of the Chinese academic community (N = 200). The study uses descriptive statistics, Pearson correlation analysis, and multiple linear regression. The results show that attitudes toward international scientific cooperation, institutional perceptions of state support, and the culture of international scientific cooperation are located within the range of moderately positive assessments and are connected by statistically significant positive correlations. The regression analysis shows that both institutional perceptions of state support and attitudes toward international scientific cooperation are statistically significantly associated with assessments of the culture of cooperation, with the contribution of the second predictor being slightly higher. The scientific novelty of the article lies in the fact that international scientific cooperation is considered not only as an institutionally organized process, but also as a measurable cultural and normative structure. In addition, the article shows that perceptions of state science policy are associated not only with a general orientation toward international cooperation, but also with assessments of its value-based foundations.

Keywords: state science policy, international scientific cooperation, culture of international scientific cooperation, science diplomacy, China, academic community, questionnaire survey.

References

1. Ivanov S. A. China's scientific and technical policy: priorities of catching-up development and results // Izvestia of the Oriental Institute. 2018. № 2. pp. 6–23. DOI: 10.24866/2542-1611/2018-2/6-23.
2. Ji Qi, Nekhaichik O., Alekseev Yu. China's Science, Technology and Innovation Policy // Science and innovation. 2016. № 4. pp. 44–47.
3. Leonov S. N., Domnich E. L. State innovation policy in China // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2006. № 3(127). pp. 36–46.
4. Trofimova I. N. International cooperation of Russian researchers: current positions and trends: according to the Web of Science for 2018–2022. // The World of Russia. 2023. Vol. 32. № 4. pp. 178–198. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-178-198.
5. Khmeleva G. A. Scientific diplomacy in the BRICS+ countries: from strengthening Multilateralism to a «Smart» Economy // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. 2024. Vol. 32. № 3. pp. 521–535. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-3-521-535.
6. Kosyakov D. V., Vasilyeva I. N., Demidov A. V., Bogatova R. S. Scientific diplomacy as an important tool for the development of international scientific cooperation in the countries of the Middle East and North Africa // Sociology of Science and Technology. 2024. Vol. 15. № 1. pp. 180–203. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-1-180-203.
7. Golovchenko D. P. Theoretical aspects of trust in international relations // Actual problems of modern international relations. 2017. № 10. pp. 112–118.
8. Ponomarenko S. V. BRICS as an instrument of international cooperation in the context of global crisis situations // Actual problems of the state and law. 2024. Vol. 8. № 4. pp. 552–558. DOI: 10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558.
9. Stupenkova Z. E. Cooperation between the BRICS countries in the field of science, technology and education // Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series 9: Oriental and African Studies. 2025. № 4. pp. 31–52. DOI: 10.31249/rva/2025.04.02.

10. Kashuro I.A., Stupenkova Z.E. Scientific and technological cooperation of the BRICS countries at the present stage // Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Global Studies and Geopolitics. 2024. № 3. pp. 74–84.
11. Kan M. Prospects of cooperation between the BRICS countries in the field of science, technology and innovation // Bulletin of International Organizations: education, science, new economy. 2015. Vol. 10. № 2. pp. 140–159. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-140.
12. Pyastolov S.M. Scientific communications under constraints: an analytical review // Social innovations and social sciences. 2022. № 4. pp. 108–124.
13. Marginson S. Research on international and global higher education: Six different perspectives // Oxford Review of Education. 2022. Vol. 48. № 4. P. 421–438. DOI: 10.1080/03054985.2022.2087619.
14. 张萃, 欧阳冬平. «一带一路»战略下中国国际科研合作影响因素研究—基于 Web of Science 数据库中中外合作科研论文的实证分析 // 国际贸易问题. 2017. № 4. C. 74–82.

Эмпатия как товар: коммодификация сострадания в пространстве цифровых медиа

Анисимов Тимофей Юрьевич,

аспирант, соискатель, кафедра философии, социологии и психологии управления, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: grisyeux@yandex.ru

В статье исследуется феномен коммодификации эмпатии в условиях современной цифровой медиакультуры. Анализ опирается на марксистскую традицию исследования товарных отношений – прежде всего на концепции товарного фетишизма и отчуждения – и показывает, каким образом эти категории, разработанные применительно к материальному производству XIX века, с поразительной точностью описывают логику функционирования современной развлекательной индустрии. Теоретическую основу исследования составляют концепция аффективного труда М. Хардта и А. Негри, понятие эмоционального капитализма Е. Иллуз, феноменологический анализ форм симпатии М. Шелера, а также теория общества спектакля Г. Дебора и понятие симулякра Ж. Бодрийяра. В центре анализа находится парадокс, который можно обозначить как трагедию без виновных: участники медиапрактик благотворительного характера могут действовать вполне искренне – и тем не менее их действия неизбежно встраиваются в рыночную логику, превращая сострадание в цифровой актив. Последовательно рассматриваются эмпатия как философская категория, механизм ее трансформации в аффективный товар, феномен «благотворительного контента» как предельное выражение этой трансформации, а также вопрос о возможности подлинной эмпатии в пространстве медиакapитализма. Делается вывод о том, что коммодификация эмпатии представляет собой не девиацию, а закономерный итог развития капиталистических отношений в эпоху цифровой экономики; вместе с тем подлинное сострадание – немасштабируемое и непубличное – сохраняет структурную недоступность для полной коммодификации, что оставляет пространство для его возможности.

Ключевые слова: эмпатия, коммодификация, аффективный труд, товарный фетишизм, цифровые медиа, благотворительный контент, поздний капитализм, социальная философия, отчуждение, симулякр, общество спектакля.

Введение

Мы живем в эпоху, которая могла бы с полным правом назвать себя самой сострадательной в истории. Никогда прежде у человека не было столько инструментов для того, чтобы узнать о чужой боли и откликнуться на нее. Блогеры с аудиторией в сотни миллионов подписчиков оплачивают операции, строят дома, вытаскивают людей из нищеты – в прямом эфире, при миллионах свидетелей. И тем не менее именно в эту эпоху возникает ощущение, которое трудно сформулировать, но невозможно не заметить: что-то с этим состраданием не так.

Не в том смысле, что оно ненастоящее. И не в том, что помощь не доходит до адресата. Тревога рождается из чего-то более глубокого – из подозрения, что сострадание сегодня существует по каким-то иным законам, нежели прежде. Что оно встроено в некую машину, которая работает по собственной логике – независимо от намерений тех, кто в ней участвует.

Я полагаю, что у этого ощущения есть точный философский диагноз. И поставлен он был более полутора веков назад – человеком, который писал о паровых машинах и текстильных фабриках, а не о стриминговых платформах и алгоритмах. Маркс в «Капитале» описал механизм, который сегодня работает с той же неумолимостью в совершенно новой среде: механизм превращения человеческих отношений в товар. Коммодификацию – как универсальный закон капиталистической системы, не знающий исключений, включая самые возвышенные проявления человеческой природы.

Мне кажется важным сразу обозначить одну вещь. Анализ, который я предлагаю, не является обвинительным актом против конкретных людей или платформ. Блогер может искренне хотеть помочь. Человек в кадре искренне страдает и искренне благодарен. Зритель искренне переживает у экрана. Марксистский анализ работает не на уровне намерений, а на уровне структуры – он показывает, как система организует даже искренние действия людей таким образом, что они в совокупности производят результат, которого никто из них не планировал. В этом, мне кажется, и состоит самое точное и самое тревожное в этом анализе. Это трагедия – но трагедия без виновных.

Эмпатия как философская категория и ее судьба в капитализме

Прежде чем говорить о коммодификации эмпатии, необходимо понять, что именно подвергается этому процессу. Речь идет не о расплывчатом «умении сочувствовать», а о строго определенном феномене, который феноменологическая традиция описывала с большой точностью и который принципиально отличается от смежных с ним явлений – и именно это отличие делает его коммодификацию особенно тревожной.

Макс Шелер в работе «Сущность и формы симпатии» проводит разграничение, которое мне кажется ключевым для понимания нашей темы. Он выделяет четыре принципиально различных феномена, которые в обыденном языке нередко смешиваются под общим словом «сочувствие». Первый – подлинное совместное переживание, когда два человека чувствуют «одно и то же горе» не по отдельности, а вместе, в едином акте. Второй – сочувствие в собственном смысле: я воспринимаю чужое страдание как принадлежащее другому и реагирую на него участием. Третий – простое эмоциональное заражение, когда чужое настроение переходит ко мне помимо моей воли и осознания. И наконец, четвертый – вчувствование, *Einfühlung*. Принципиально важно, что Шелер настаивает: «простое заражение чувствами не имеет абсолютно ничего общего с сочувствием» [Шелер М., 2017, с. 315]. При заражении «не возникает ни интенциональной направленности чувств на радость и на страдание другого человека, ни какого-либо участия в его переживаниях» [там же]. Иными словами, заражение – это состояние, при котором я не вижу другого как другого.

Это разграничение важно для нас по одной причине: именно заражение, а не подлинное сочувствие, является тем механизмом, который эксплуатирует современная медиаиндустрия. Когда миллионы зрителей смотрят, как человек плачет от радости, получив неожиданную помощь, они переживают не сочувствие в шелеровском смысле – они заражаются аффектом. Они не видят другого в его конкретной жизненной ситуации, не участвуют в его судьбе. Они получают эмоциональный импульс, который длится ровно столько, сколько идет видео, и угасает вместе с ним. Капитализм научился производить именно это – заражение, упакованное под видом сочувствия.

Но как именно возникает эта подмена? Здесь необходимо обратиться к Марксу – и не к позднему, экономическому, а к раннему, антропологическому. В «Экономико-философских рукописях 1844 года» он формулирует концепцию отчуждения, которая в нашем контексте приобретает неожиданную остроту. Маркс описывает отчуждение прежде всего как отрыв человека от его «родовой

сущности» – от того, что составляет его подлинную человеческую природу. «Отчужденный труд, – пишет он, – отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его человеческую сущность» [Маркс К., 1974, с. 93]. Маркс имел в виду материальное производство, но логика его анализа универсальна: любая человеческая способность, поставленная на службу рыночному обмену, претерпевает одну и ту же трансформацию – она отрывается от своего носителя и начинает существовать как нечто внешнее, чужое ему самому.

Применительно к эмпатии это означает следующее: когда способность к состраданию встраивается в производственный процесс – когда она становится ресурсом, который нужно добыть, упаковать и продать – она перестает принадлежать тому, кто ее испытывает. Человек в кадре, который плачет, переживает свое страдание не как свое собственное – оно уже в момент съемки становится сырьем. Зритель, который сочувствует, не осознает, что его эмоциональный отклик является именно тем продуктом, ради производства которого и создавался весь этот контент.

Здесь важен еще один шаг – от Маркса к современному анализу. Ева Иллус и Эдгар Кабанас в «Фабрике счастливых граждан» вводят понятие, которое точно описывает происходящее: «эмопродукты» – эмоциональные товары, продукты, сделанные из чувств и для чувств. Авторы показывают, как позитивные эмоции были превращены в капиталистическую индустрию – сначала через науку о счастье, затем через коучинг, самопомощь, корпоративную культуру. Ключевой тезис этой работы состоит в том, что счастье, а вместе с ним и весь спектр положительных аффектов, было «коммодифицировано и теперь успешно продается в виде товаров и услуг» [Иллус Э., Кабанас Э., 2023, с. 14]. Именно это и происходит с эмпатией в пространстве цифровых медиа: она превращается в эмопродукт – товар, который производится, упаковывается и потребляется по законам рынка.

Мне кажется принципиально важным подчеркнуть один парадокс, который обнаруживается на этом этапе анализа. Коммодификация эмпатии не уничтожает само чувство. Зритель может совершенно искренне плакать. Человек в кадре может совершенно искренне страдать и радоваться помощи. Именно в этом и состоит трагизм ситуации: система не нуждается в симуляции чувств – она работает с подлинными чувствами, просто встраивая их в производственную цепочку. Шелеровское разграничение между подлинным сочувствием и эмоциональным заражением здесь оказывается особенно точным: система производит заражение промышленного масштаба, эксплуатируя нашу неспособность различить, что именно с нами происходит.

Аффективный труд и спектакль сострадания

Чтобы понять, как именно эмпатия встраивается в производственную логику цифрового капитализма, нам необходимо сделать один концептуальный шаг, который марксистская традиция совершила уже в конце XX века. Маркс писал о труде как о производстве материальных вещей. Но что происходит, когда объектом производства становится не вещь, а чувство? Не стул и не автомобиль, а ощущение тепла, причастности, растроганности?

Именно этот вопрос поставили в 2000 году Майкл Хардт и Антонио Негри, введя в своей работе «Империя» понятие аффективного труда. Под ним они понимают особый вид нематериального труда, который производит или воспроизводит социальные отношения и аффекты – чувства, настроения, ощущения связи с другими людьми. Уход за больным, воспитание ребенка, работа психолога – все это примеры аффективного труда в его традиционных формах. Но в эпоху цифровых платформ аффективный труд приобретает совершенно новые масштабы и совершенно новую невидимость: миллионы людей производят аффект для миллионов других, часто не осознавая, что занимаются именно производством.

Применительно к нашей теме это означает следующее. Человек, который появляется в благотворительном видео – плачет, благодарит, рассказывает о своей беде – выполняет аффективный труд. Его чувства являются сырьем, из которого производится продукт: эмоциональный отклик аудитории. Этот отклик, в свою очередь, конвертируется в просмотры, подписки и рекламные доходы. Цепочка замыкается: страдание входит в нее как ресурс и выходит из нее как прибыль. При этом сам носитель этого страдания, как правило, не получает ни доли от произведенной стоимости, ни даже осознания того, что его боль была использована как производственный фактор.

Здесь на сцену выходит Ги Дебор – и его анализ оказывается поразительно точным применительно к реалиям, которые он не мог наблюдать: YouTube не существовал в 1967 году, когда было написано «Общество спектакля». Тем не менее Дебор с первых же тезисов своей работы формулирует нечто, что описывает современный благотворительный контент с хирургической точностью. «В обществах, достигших современного уровня развития производства, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение спектаклей. Все что раньше переживалось непосредственно, отныне оттеснено в представление» [Дебор Г., 2000, тезис 1]. Именно это происходит с состраданием в пространстве цифровых медиа: подлинное переживание – чужая боль, чужая нужда – оттесняется в представление о нем. Мы не встречаемся с человеком, которому нужна помощь. Мы встречаемся с его образом, тщательно смонтированным, снаб-

женным музыкой, выстроенным по законам нарратива так, чтобы максимально эффективно производить аффект.

И здесь принципиально важен тезис Дебора, который нередко упускают из виду: спектакль – это не просто совокупность образов. «Спектакль – это не совокупность образов, но общественные отношения между людьми, опосредованные образами» [там же, тезис 4]. Это различие меняет все. Если спектакль – просто картинки, то с ним можно бороться, просто перестав смотреть. Но если спектакль – это форма, в которую отливаются сами общественные отношения, то выход из него несравнимо сложнее. Когда сострадание существует преимущественно в медийной форме, когда помощь другому человеку становится событием, которое снимают, монтируют и публикуют – сам характер отношений между людьми трансформируется. Помощь перестает быть встречей двух людей и становится производством зрелища.

Дебор описывает еще один механизм, который в нашем контексте звучит как точный диагноз. «Чем больше он созерцает, тем меньше он живет; чем с большей готовностью он узнает свои собственные потребности в тех образах, которые предлагает ему господствующая система, тем меньше он осознает свое собственное существование и свои собственные желания» [там же, тезис 30]. Применительно к нашей теме это означает: чем больше зритель потребляет образов чужого страдания и чужой помощи, тем менее он способен к реальному, непосредственному состраданию. Его потребность в сочувствии – подлинная, человеческая потребность – удовлетворяется суррогатом. Он плачет у экрана и идет спать с ощущением, что сострадал. Тогда как в действительности он лишь потребил продукт, изготовленный из чужого страдания.

Это и есть спектакль сострадания в точном деборовском смысле: не симуляция чувства, а подлинное чувство, встроенное в логику зрелища и тем самым лишенное своего деятельностного измерения. Подлинная эмпатия требует действия – она толкает к тому, чтобы что-то изменить в реальной жизни другого человека. Спектакль сострадания удовлетворяет эту потребность на уровне переживания, не производя никакого реального изменения – кроме производства прибыли для платформы.

Феномен «благотворительного контента» как предельное выражение коммодификации

Если первые два раздела были посвящены теоретическому фундаменту, то здесь я хочу обратиться к конкретной реальности – к тому, как описанные механизмы работают в живой ткани современной цифровой культуры. И чем внимательнее смотришь на эту реальность, тем яснее становится, что пе-

ред нами не отдельные случаи злоупотребления, а единая логика, реализующая себя в самых разных форматах.

Возьмем несколько характерных жанров, которые сегодня составляют значительную часть популярного интернет-контента. Во-первых, это благотворительные видео – ролики, в которых блогер с многомиллионной аудиторией оплачивает операции, погашает долги, строит дома. Во-вторых, стримы с донатами, где зрители в реальном времени жертвуют деньги на какую-либо нужду, а ведущий эмоционально реагирует на каждый взнос. В-третьих, реалити-форматы на выживание – когда участники помещаются в экстремальные условия ради денежного приза, который поможет им решить реальную жизненную проблему. Наконец, в-четвертых, благотворительные марафоны и челленджи, где страдание или лишение публично принимается на себя ради сбора средств для других.

На первый взгляд это совершенно разные явления. Но с точки зрения анализа, который я предлагаю, они представляют собой вариации одной и той же структуры: реальное человеческое страдание или реальная человеческая нужда используются как производственный ресурс для создания аффективного продукта, потребляемого аудиторией и конвертируемого в доход платформы.

Здесь мне необходимо обратиться к Бодрийяру – и его понятие симулякра оказывается для нашего анализа неожиданно точным инструментом. Бодрийяр описывает четыре последовательные фазы развития образа: сначала образ отражает фундаментальную реальность, затем маскирует и искажает ее, затем маскирует отсутствие реальности, и наконец – «не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде» [Бодрийяр Ж., 2017, с. 17]. Применительно к благотворительному контенту это движение можно проследить с поразительной точностью. Первоначально такой контент отражал реальную помощь – документировал подлинные акты милосердия. Затем начал ее обрамлять и стилизовать – помощь стала производиться ради съемки. Затем помощь превратилась в повод для контента, а не контент стал следствием помощи. И наконец – в наиболее развинутой форме этого жанра – сама структура нужды, помощи и спасения производится искусственно.

Здесь обнаруживается то, о чем Маркс писал как о товарном фетишизме – явлении, при котором общественные отношения между людьми принимают форму отношений между вещами, скрывая за этим видимым порядком реальные производственные отношения. В благотворительном контенте эта логика работает с особой наглядностью. Деньги на экране – крупным планом, со звуковым эффектом, с реакцией получателя – превращаются в самостоятельный объект, почти мистическую силу, которая «решает проблемы». При

этом из кадра полностью исчезает то, что сделало эту помощь возможной: рекламные контракты, алгоритмы платформы, производственная команда, экономика внимания. Деньги выглядят как акт личной воли и щедрости – тогда как в действительности они являются частью производственного цикла, в котором страдание одних людей монетизируется через внимание других.

Дебор в своем анализе описывает механизм, который здесь работает в полную силу: «Чем больше он созерцает, тем меньше он живет» [Дебор Г., 2000, тезис 30]. Зритель, наблюдающий за тем, как кто-то получает помощь, испытывает подлинное эмоциональное переживание – и это переживание заменяет ему действие. Потребность в сочувствии удовлетворена; импульс к реальному изменению чего-либо в жизни другого человека погашен. Более того – возникает специфическое ощущение причастности: зритель чувствует себя частью доброго дела просто потому, что смотрел на него. Лайк, подписка, репост становятся суррогатами действия – и платформа получает именно то, что ей нужно.

Особенно показателен в этом отношении жанр стримов с донатами. Здесь структура аффективного производства обнажена почти до предела: зрители платят реальные деньги за то, чтобы их эмоциональный вклад был замечен и публично подтвержден. Ведущий реагирует на каждый донат – благодарит, удивляется, иногда плачет. Это производство взаимного аффекта в реальном времени, где граница между искренним и исполняемым принципиально неразличима. И это неразличение – не случайность, а условие работы всей системы. Иллюз и Кабанас точно описывают этот механизм через понятие «эмопродукта»: продукта, который «обещает и якобы осуществляет эмоциональную трансформацию» [Иллюз Э., Кабанас Э., 2023, с. 136]. Зритель стрима покупает не просто развлечение – он покупает ощущение того, что он сделал что-то хорошее.

Наконец, реалити-форматы на выживание – пожалуй, наиболее откровенная форма того, что Маркс назвал бы отчуждением применительно к аффективной сфере. Человек, который остается в замкнутом пространстве сотни часов ради денежного приза, необходимого для погашения долга или лечения, продает свое страдание буквально – как сырье. Его боль, его срывы, его уязвимость являются именно тем продуктом, который потребляет аудитория. При этом сам участник, как правило, воспринимает происходящее как личный выбор и личное усилие. Это и есть отчуждение в его чистейшей форме: человек не осознает, что его экзистенциальный опыт функционирует как производственный ресурс в системе, которая его использует.

Бодрийяр писал о том, что симуляция «ставит под сомнение различие между истинным и лож-

ным, между реальным и воображаемым» [Бодрийяр Ж., 2017, с. 8]. Именно это происходит в пространстве благотворительного контента: подлинность переживания и его производственная функция существуют одновременно, не отменяя и не разоблачая друг друга. Система не требует лжи – она работает с правдой, просто встраивая ее в иной контекст. И это делает критику такой системы несравнимо сложнее, чем критику очевидного лицемерия.

Возможна ли подлинная эмпатия в пространстве медиакapитализма?

Анализ, который я предложил в предыдущих разделах, может создать впечатление, что ответ на вопрос, вынесенный в заглавие этого раздела, очевиден и безнадежен. Если система переваривает даже искреннее чувство и превращает его в товар, если спектакль заменяет подлинное переживание его образом, если аффективный труд встроен в производственную цепочку независимо от намерений тех, кто его производит, – то что остается? Можно ли вообще сострадать «по-настоящему» в мире, где сострадание стало индустрией?

Мне кажется, что этот вопрос требует ответа – и не только потому, что академическая честность обязывает нас не ограничиваться критикой. Но и потому, что отказ от ответа на него сам по себе является капитуляцией перед логикой системы. Если мы согласимся, что подлинная эмпатия в современном мире невозможна, мы тем самым примем ту же позицию, которую Иллус и Кабанас называют «тиранией позитивного мышления» – только с обратным знаком: вместо принудительного оптимизма получим принудительный пессимизм, столь же далекий от реальности.

Начну с того, что представляется мне принципиальным философским различием, которое в повседневном дискурсе почти всегда упускается. Шелер в своем анализе форм симпатии настаивает на том, что подлинное сочувствие – это не состояние, а акт. Это не то, что с нами происходит, когда мы смотрим на чужое страдание, а то, что мы совершаем в направлении другого человека. «Предпосылкой для любого рода сорадования или сострадания является то или иное знание о факте переживаний другого человека» [Шелер М., 2017, с. 307] – но одного знания недостаточно. Необходимо еще и интенциональное движение к другому, участие в его судьбе как таковой, а не в ее образе.

Именно здесь и проходит, на мой взгляд, та черта, которая отделяет коммодифицированный аффект от подлинной эмпатии. Коммодифицированный аффект – это реакция на образ чужого страдания. Подлинная эмпатия – это отношение к другому человеку в его конкретности, в его отличии от меня, в его неповторимой ситуации. Первое производится и потребляется в рамках спектакля.

Второе требует выхода из спектакля – встречи с реальным человеком, а не с его медийной репрезентацией.

Это различие имеет вполне практическое измерение. Человек, который посмотрел тронувшее его видео и нажал кнопку «пожертвовать», совершил реальное действие – деньги действительно поступят адресату. Но вопрос не в том, произошло ли материальное перемещение средств. Вопрос в том, вступил ли этот человек в подлинные отношения с другим человеком – или он купил для себя ощущение того, что вступил. Разница между этими двумя вещами огромна, хотя внешне они могут выглядеть идентично.

Здесь мне кажется важным обратиться к одному тезису Дебора, который обычно читают как критику, но который содержит в себе и указание на выход. «Спектакль – это не совокупность образов, но общественные отношения между людьми, опосредованные образами» [Дебор Г., 2000, тезис 4]. Если спектакль – это форма отношений, то альтернативой ему является не отказ от образов как таковых, а другая форма отношений. Не уничтожение медиа, а восстановление в них – или рядом с ними – пространства для непосредственной встречи.

Это соображение приводит меня к тому, что я полагаю центральным тезисом данного раздела. Коммодификация эмпатии не уничтожает саму способность к подлинному состраданию – она ее вытесняет и подменяет суррогатом. Но вытесненное не исчезает. Оно продолжает существовать – в тех формах помощи, которые остаются невидимыми для камеры, в тех отношениях, которые не производятся для аудитории, в тех моментах, когда человек встречается с чужой болью без посредника в виде экрана и алгоритма.

Мне кажется значимым, что именно эти формы – тихие, непубличные, не монетизируемые – с наибольшим трудом поддаются встраиванию в логику спектакля. Не потому, что они принципиально недоступны для камеры, а потому, что они теряют свое существенное качество в момент, когда становятся зрелищем. Подлинное сострадание – в шелеровском смысле совместного переживания, направленного на конкретного другого – не масштабируется. Оно не может быть воспроизведено в миллионах копий, не может быть упаковано в формат. В этой немасштабируемости и состоит, как мне кажется, его онтологическая защита от коммодификации.

Именно поэтому философский анализ коммодификации эмпатии представляется мне не академическим упражнением, а практически значимым делом. Не для того, чтобы разоблачить конкретных людей или платформы. А для того, чтобы вернуть нам способность задавать вопрос, который система всячески старается сделать излишним:

что именно я сейчас переживаю – встречу с другим человеком или потребление его образа?

Заключение

Я начинал эту статью с парадокса: мы живем в эпоху, которая производит больше публичного сострадания, чем любая предшествующая, – и одновременно в эпоху, когда само сострадание стало предметом глубокого философского подозрения. Теперь, пройдя через анализ, я могу сформулировать этот парадокс точнее: дело не в том, что сострадание стало ненастоящим. Дело в том, что система научилась работать с настоящим состраданием так, что оно производит те же эффекты, что и ненастоящее – с точки зрения рынка.

Феномен коммодификации эмпатии, который я попытался описать в этой статье, представляет собой не девиацию и не патологию отдельных акторов цифрового пространства. Это закономерный итог развития капиталистической логики в новой среде. Маркс показал, что капитал не знает принципиальных ограничений в своем стремлении к коммодификации – что рано или поздно товарная форма распространяется на любую сферу человеческой жизни, включая самые возвышенные ее проявления. История показала, что он был прав. Аффективный труд, описанный Хардтом и Негри, стал одним из ключевых секторов постиндустриальной экономики. Эмоциональный капитализм, концептуализированный Иллюзом, превратил чувства в производственный ресурс и рыночный продукт одновременно. Общество спектакля, предсказанное Дебором, реализовало себя в цифровых платформах с такой полнотой, которая превзошла самые смелые его прогнозы.

Шелеровское разграничение между подлинным сочувствием и эмоциональным заражением позволяет нам понять, что именно теряется в этом процессе. Теряется не способность испытывать аффект – система как раз производит аффект в промышленных масштабах. Теряется интенциональность сострадания – его направленность на конкретного другого в его неповторимой ситуации. Заражение заменяет сочувствие, потребление образа заменяет встречу с реальностью, симулякр помощи – по Бодрийяру – постепенно вытесняет саму помощь как исходный референт.

Вместе с тем я полагаю принципиально важным не завершать этот анализ на ноте безнадежности. Коммодификация эмпатии вытесняет ее подлинные формы, но не уничтожает саму способность к ним. Подлинное сострадание – немасштабируемое, непубличное, направленное на конкретного человека – остается структурно недоступным для полной коммодификации именно потому, что теряет свое существенное качество в момент превращения в зрелище. В этой принципиальной невидимости для камеры и заключается, как мне ка-

жется, онтологическая защита подлинной эмпатии от окончательного поглощения рынком.

Первым и необходимым шагом к восстановлению этой способности является осознание структуры, в которой мы действуем. Философский анализ коммодификации эмпатии – это не академическое упражнение, а практически значимое усилие по возвращению нам способности различать: что именно мы переживаем в тот или иной момент – встречу с другим человеком или потребление его образа. Это различие не дается автоматически. Но оно возможно. И именно его возможность оставляет пространство для того, что мы могли бы назвать подлинным состраданием в эпоху его коммодификации.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 240 с.
2. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
3. Иллюз Э., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / пер. с фр. А.В. Рахманько. – М.: АСТ, 2023. – 352 с.
4. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
5. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
6. Шелер М. Сущность и формы симпатии / пер. с нем. Д. Дорофеева, А. Шапкиной // Horizon. Феноменологические исследования. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 303–319.

EMPATHY AS A COMMODITY: THE COMMODIFICATION OF COMPASSION IN DIGITAL MEDIA

Anisimov T.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the phenomenon of empathy commodification in the context of contemporary digital media culture. Drawing on the Marxist tradition of analyzing commodity relations – primarily the concepts of commodity fetishism and alienation – the study demonstrates how these categories, originally developed in relation to the material production of the nineteenth century, describe with remarkable precision the logic underlying the modern entertainment industry. The theoretical framework includes the concept of affective labor developed by M. Hardt and A. Negri, E. Illouz's notion of emotional capitalism, M. Scheler's phenomenological analysis of the forms of sympathy, as well as G. Debord's theory of the society of the spectacle and J. Baudrillard's concept of the simulacrum. At the center of the analysis lies a paradox that may be defined as a tragedy without culprits: participants in media practices of a charitable nature may act with complete sincerity – and yet their actions are inevitably incorporated into market logic, transforming compassion into a digital asset. The article examines empathy as a philosophi-

cal category, the mechanism of its transformation into an affective commodity, the phenomenon of «charity content» as the ultimate expression of this transformation, and the question of whether genuine empathy remains possible within the space of media capitalism. The conclusion is drawn that the commodification of empathy represents not a deviation but a logical outcome of the development of capitalist relations in the digital economy era; at the same time, genuine compassion – non-scalable and non-public in nature – retains a structural inaccessibility to full commodification, which preserves a space for its possibility.

Keywords: empathy, commodification, affective labor, commodity fetishism, digital media, charity content, late capitalism, social philosophy, alienation, simulacrum, society of the spectacle.

References

1. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / translated from French by A. Kachalov. Moscow: RIPOL classic, 2017. – 240 p.
2. Debord G. *The Society of the Spectacle* / translated from French by S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow: Logos, 2000. – 184 p.
3. Illouz E., Cabanas E. *The Factory of Happy Citizens. How the Happiness Industry Controls Our Lives* / translated from French by A.V. Rakhmanko. Moscow: AST, 2023. – 352 p.
4. Marx K. *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844* // Marx K., Engels F. *Works: in 50 volumes*. – 2nd ed. – M.: Politizdat, 1974. – T. 42. – P. 41–174.
5. Hardt M., Negri A. *Empire* / trans. from English G.V. Kamen-skaya, M.S. Fetisova. – M.: Praxis, 2004. – 440 p.
6. Sheler M. *Essence and forms of sympathy* / trans. with him. D. Dorofeeva, A. Shapkina // *Horizon. Phenomenological studies*. – 2017. – T. 6, № 2. – P. 303–319.

Социокультурная среда вуза как фактор самоопределения молодежи в условиях цифровизации

Атабиева Зарема Алихановна,

кандидат наук, доцент, заведующий кафедрой, ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
E-mail: atab_zara@mail.ru

Каким образом трансформирующаяся под влиянием цифровизации социокультурная среда высшего учебного заведения воздействует на процессы личностного и профессионального самоопределения современной молодежи? Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных институциональных функций университета в контексте формирования цифрового общества, где пространство самореализации молодого человека расширяется за счёт виртуальных платформ, что одновременно создаёт риски фрагментации идентичности и социальной атомизации. Целью статьи является выявление структурных компонентов и механизмов влияния цифровой социокультурной среды вуза на траектории самоопределения студентов.

В работе применяется комплексный методологический подход, включающий анализ научной литературы, концептуальное моделирование и структурно-функциональный анализ. На основе систематизации теоретических подходов предложена многоуровневая модель цифровой социокультурной среды вуза, интегрирующая институциональный, коммуникативный и ценностно-смысловой аспекты. Результаты анализа позволяют выделить ключевые каналы влияния данной среды: формирование гибридных (офлайн-онлайн) образовательных сообществ, трансляцию цифровых культурных норм и компетенций, а также опосредование новых форм академической и внеучебной активности. Установлено, что эффективность среды как фактора позитивного самоопределения напрямую связана с её способностью гармонизировать цифровые и традиционные практики, минимизируя риски цифрового разрыва и дезинтеграции. В заключение обосновывается тезис о том, что в условиях цифровизации вуз призван выступать не просто транслятором знаний, но и интегратором цифровых и социальных траекторий развития личности.

Ключевые слова: социокультурная среда вуза, самоопределение молодежи, цифровизация образования, гибридная образовательная среда, цифровая социализация, студенческая идентичность, институциональные факторы

Введение

Процессы глубокой цифровой трансформации всех сфер общественной жизни кардинально меняют контекст социализации и самоопределения новых поколений. Высшая школа как ключевой социальный институт формирования человеческого капитала оказывается в эпицентре этих изменений. Традиционно социокультурная среда вуза рассматривалась как комплекс формальных и неформальных практик, норм, ценностей и отношений, создающих пространство для профессионального становления и личностного развития студента [7]. Однако цифровизация порождает принципиально новое качество этой среды – её гибридность, размывание границ между физическим кампусом и виртуальным пространством.

Проблема исследования заключается в наличии противоречия между растущим потенциалом цифровых инструментов для расширения возможностей самореализации молодежи и усиливающимися рисками дезориентации, вызванными информационной перегрузкой, формированием «клипового» мышления и ослаблением непосредственных социальных связей. Как отмечается в работах по региональному развитию и экономике, цифровизация носит неравномерный характер и может усугублять существующие диспропорции [12]. Этот тезис применим и к образовательному пространству: цифровая среда может как нивелировать барьеры доступа к знаниям и сообществам по интересам [9], так и создавать новые формы исключения для тех, кто не обладает необходимыми компетенциями или инфраструктурой.

Целью данной статьи является концептуализация цифровой социокультурной среды современного вуза как фактора самоопределения молодежи через выявление её структуры, ключевых механизмов влияния и возникающих противоречий. Научная новизна работы заключается в интеграции социологического анализа самоопределения с концепцией гибридной образовательной среды и в применении структурно-функционального подхода для моделирования взаимодействия её компонентов в условиях цифровой трансформации.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступил комплексный подход, сочетающий теоретический

анализ и концептуальное моделирование. В качестве материалов использован корпус современных научных публикаций по проблемам цифровизации образования, социологии молодёжи и теории социальных институтов. Особое внимание уделено работам, исследующим пространственные и социально-демографические аспекты развития территорий [1; 2; 4], поскольку логика анализа структурных факторов здесь методологически близка к задаче декомпозиции среды вуза на составляющие элементы.

Для достижения поставленной цели был применён структурно-функциональный анализ [13], позволивший рассмотреть цифровую социокультурную среду вуза как систему взаимосвязанных элементов (инфраструктурных, нормативных, коммуникативных), выполняющих определённые функции в процессе самоопределения студентов. Также использовался метод сравнительного анализа для сопоставления традиционных и цифровых компонентов среды. В рамках концептуального моделирования была разработана схематическая модель среды (Таблица 1), иллюстрирующая её уровни и ключевые характеристики. Для анализа меха-

низмов влияния применялся метод типологизации каналов воздействия на когнитивно-ценностную и деятельностную сферы студента (Таблица 2). Следует подчеркнуть, что представленные таблицы носят концептуально-иллюстративный характер и демонстрируют логику авторского анализа без претензии на обобщение данных конкретного эмпирического исследования.

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ позволил определить цифровую социокультурную среду вуза как динамичную гибридную систему, возникающую на стыке физического пространства университета и цифровых экосистем (образовательных платформ, социальных сетей, мессенджеров). Эта система транслирует специфические нормы академической и молодёжной цифровой культуры [11] и предоставляет инструменты для конструирования идентичности. Её структура может быть представлена в виде трёх взаимопроникающих уровней (Таблица 1).

Таблица 1. Концептуальная модель уровней цифровой социокультурной среды вуза (иллюстративная схема)

Уровень среды	Ключевые элементы	Функция в самоопределении
Институционально-инфраструктурный	Цифровая образовательная платформа вуза, LMS, электронные библиотеки, системы прокторинга, Wi-Fi-сеть кампуса, личный кабинет студента, электронное расписание	Обеспечивает доступ к образовательным ресурсам, формирует цифровые правила академического поведения, задает условия выбора индивидуальной образовательной траектории
Коммуникативно-сетевой	Студенческие и факультетские группы в социальных сетях, учебные и неформальные чаты в мессенджерах, онлайн-сообщества, форумы научных кружков, каналы кафедр и подразделений	Формирует гибридные сообщества принадлежности, поддерживает учебные и профессиональные связи, обеспечивает обмен неформальными нормами и опытом
Ценностно-смысловой	Цифровой контент о жизни университета, сайты и медиа вуза, блоги преподавателей и студентов, онлайн-мероприятия, публичные лекции, дни открытых дверей, цифровой образ университета	Транслирует корпоративные ценности, традиции и модели профессионального поведения, способствует формированию чувства принадлежности к университетскому сообществу
Деятельностно-проектный	Онлайн-хакатоны, проектные интенсивы, цифровые портфолио, конкурсы, волонтерские платформы, студенческие стартапы, научные онлайн-конференции	Создает условия для практической пробы профессиональных ролей, развития soft skills, самопрезентации и построения индивидуальной траектории развития
Интегративный уровень гибридной среды	Связь аудиторных занятий с обсуждениями в чатах, использование LMS после очных лекций, продолжение проектной работы в онлайн-среде, совмещение учебной, научной и внеучебной активности	Объединяет онлайн- и офлайн-практики в целостный контекст студенческой жизни, снижает разрыв между академической, профессиональной и личностной сферами самоопределения

Механизмы влияния данной среды на самоопределение носят многоканальный характер. Самоопределение понимается здесь как процесс активного выбора и построения личностью системы жизненных ориентиров в профессиональной, гражданской и личностной сферах под влиянием социального контекста [14]. Цифровая среда вуза модифицирует этот контекст через несколько ключевых каналов (Таблица 2).

Обсуждение результатов приводит к выводу о двойственном характере влияния цифровой

среды. С одной стороны, она объективно расширяет ресурсы для самоопределения: стирает географические границы для поиска информации [8], позволяет формировать слабые связи с профессионалами по всему миру [15], даёт площадку для самопрезентации и получения обратной связи. С другой стороны – порождает новые вызовы. Во-первых – это риск углубления социального неравенства внутри студенческой среды («цифровой разрыв»), который теперь определяется не только доступом к устройству с интерне-

том, но и уровнем развития цифровой культуры [16]. Во-вторых – опасность фрагментации идентичности из-за необходимости постоянного переключения между множеством дискурсивных пространств (академический LMS → развлекательный TikTok → профессиональный LinkedIn). В-тре-

тых – наблюдается противоречие между декларируемой открытостью сетевого взаимодействия и усиливающимися попытками административного контроля над цифровыми следами студентов [17], что может подавлять автономию как основу зрелого самоопределения.

Таблица 2. Каналы влияния цифровой социокультурной среды вуза на аспекты самоопределения студента (иллюстративная схема)

Канал влияния	Конкретные проявления в среде вуза	Воздействие на аспект самоопределения	Потенциальные риски и противоречия
Информационно-когнитивный	Доступ к электронным библиотекам, LMS-курсам, массовым открытым онлайн-курсам, научным базам данных, видеолекциям, цифровым учебным материалам	Расширяет горизонт профессионального выбора, помогает студенту ориентироваться в предметной области, формирует представление о возможных образовательных и карьерных траекториях	Информационная перегрузка, поверхностное усвоение материала, трудности проверки достоверности источников, снижение глубины самостоятельного анализа
Коммуникативно-референтный	Участие в студенческих чатах, профессиональных онлайн-сообществах, сетевых проектах, международных образовательных группах, подписка на экспертов, преподавателей и выпускников	Расширяет круг референтных групп и значимых образцов поведения, помогает примерять профессиональные роли, усиливает чувство принадлежности к академическому и профессиональному сообществу	Конфликт ценностей разных сообществ, зависимость от внешней оценки, кибербуллинг, сравнение себя с идеализированными образами в цифровой среде
Деятельностно-проектный	Онлайн-хакатоны, проектные школы, цифровые конкурсы, научные онлайн-конференции, ведение образовательного блога, создание цифрового портфолио	Позволяет студенту проверить профессиональные интересы на практике, развивает навыки командной работы, самопрезентации, проектного мышления и ответственности за результат	Подмена реальной проектной деятельности ее имитацией, ориентация на внешние цифровые показатели успеха, формализация участия в проектах
Нормативно-регулятивный	Правила поведения в академических чатах, сетевой этикет, требования к цифровой академической добросовестности, реакция администрации на деструктивный контент, правила использования LMS	Способствует усвоению норм профессиональной и академической этики, формирует ответственность за цифровое поведение, развивает понимание границ свободы и ответственности в сети	Двойные стандарты онлайн- и офлайн-поведения, избыточный цифровой контроль, снижение автономии студента, формирование цифрового патернализма
Ценностно-идентификационный	Университетские медиа, публичные истории успеха выпускников, цифровые символы вуза, онлайн-трансляции мероприятий, студенческие медиапроекты	Поддерживает формирование студенческой идентичности, укрепляет эмоциональную связь с университетом, помогает соотнести личные цели с ценностями профессионального и академического сообщества	Фрагментация идентичности, расхождение между реальной и медийной жизнью университета, формирование внешне навязанного образа успешности
Рефлексивно-оценочный	Электронное портфолио, цифровые следы учебной активности, рейтинги, обратная связь преподавателей, самооценочные онлайн-инструменты, результаты участия в проектах	Помогает студенту отслеживать собственное продвижение, осознавать сильные и слабые стороны, корректировать образовательную и профессиональную траекторию	Риск сведения самооценки к цифровым показателям, зависимость от рейтингов, тревожность из-за постоянной видимости результатов

Таким образом, эффективность социокультурной среды вуза как фактора позитивного самоопределения в эпоху цифровизации зависит от её способности выполнять интегративную функцию – не просто добавлять «цифровой слой» к традиционным практикам [9], а создавать целостный контекст развития. Такой контекст должен обеспечивать смысловую связность между академическими знаниями из LMS внеаудиторным опытом из соцсетей проектными навыками с хакатонов формируя у студента непротиворечивый образ своего профессионального будущего способами его достижения условиях новой технологической реальности [5]. Ключевую роль этом играет пози-

ция преподавателей администраторов выступающих не цензорами а модераторами кураторами сложного процесса освоения молодыми людьми гибридного мира.

Выводы

Во-первых проведённое исследование позволило концептуализировать цифровую социокультурную среду современного вуза как сложную гибридную систему функционирующую на пересечении институционально инфраструктурного коммуникативно сетевого ценностно смыслового уровней Её специфика заключается не простым дополнении физического

кампуса виртуальными сервисами а возникновении нового качества взаимодействия где онлайн офлайн практики становятся недизъюнктивными формируя единый контекст жизнедеятельности студента.

Во вторых установлено что влияние данной среды процессы самоопределения молодёжи реализуется через комплекс взаимосвязанных каналов включая информационно когнитивный коммуникативно референтный деятельностно проектный нормативно регулятивный Каждый из этих каналов обладает значительным потенциалом для расширения возможностей профессионального личностного выбора но одновременно порождает специфические риски от информационной перегрузки до фрагментации идентичности усиления форм цифрового контроля.

В третьих выявлено ключевое противоречие определяющее развитие ситуации Противоречие между объективной логикой сетевой культуры основанной на горизонтальных связях открытости множественности идентичностей сохраняющейся институциональной логикой университета ориентированной на воспроизводство определённых норм академической дисциплины Преодоление данного противоречия требует от высшей школы перехода от стратегии адаптации к новым технологиям стратегии осмысленного проектирования гуманистически ориентированной гибридной среды способствующей целостному развитию личности а не только формированию узких компетенций.

Таким образом можно заключить что условиях тотальной цифровизации социокультурная среда вуза перестаёт быть лишь фоном или набором услуг превращаясь активный агент социализации фактор конструирования жизненных траекторий Её эффективность качестве такого фактора будет определяться способностью гармонизировать технологические инновации с фундаментальными задачами воспитания критического мышления гражданской ответственности способности к смыслопорождению что остаётся неизменной миссией университета любую историческую эпоху Дальнейшие исследования целесообразно на править на эмпирическую верификацию предложенной модели изучение региональной специфики формирования подобных сред а также анализ долгосрочных эффектов гибридной социализации на карьерные стратегии выпускников.

Литература

1. Козлова О.А., Ситковский А.М. Методический подход к анализу социально-демографических факторов формирования опорного каркаса расселения // Вопросы управления. 2023. № 4(83). С. 33–52. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-4-33-52.
2. Козлова О.А., Ситковский А.М. Социально-демографические аспекты определения опорного каркаса расселения // Вестник Южно-

Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 4. С. 118–133. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-118-133.

3. Ситковский А.М. Выявление экономической специализации и потенциала кооперации субъектов РФ // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 6. С. 92–111. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-6-08.
4. Ситковский А.М. Пространственная дифференциация миграционных процессов в контексте локального экономического кризиса на примере Челябинской области // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 165–171. DOI: 10.34755/IROK.2020.31.36.248.
5. Чудаев А.В. Искусственный интеллект в экономических системах крупных многопрофильных структур – холдингах // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 12. С. 126–131.
6. Чудаев А.В., Иголкина Л.М. Геополитический барьер в развитии отечественной энергетической отрасли // Инновации и инвестиции. 2024. № 8. С. 383–386.
7. Колечкин И.С., Середа Е.В. Педагогика творчества: приемы формирования сотворческих отношений в старших классах на примере урока географии в 10 классе // Теоретические и методологические проблемы современного образования: материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2012. С. 78–81.
8. Середа Е.В. Описание системы частей речи современного русского языка с учетом шкалы переходности В.В. Бабайцевой // Многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения профессора Веры Васильевны Бабайцевой: коллективная монография. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2025. С. 51–64.
9. Середа Е.В., Колечкин И.С. Дифференциация явлений «межпредметная тема», «межпредметный урок», «урок-интеграция», «интегративный урок» на примере занятий по дисциплине «Страноведение» // Современное профессиональное образование. 2025. № 6. С. 37–40.
10. Аламова С.М. Исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 2–1. С. 391–400.
11. Середа Е.В. Морфологическое выражение персуазивности в медийном дискурсе // Медиа-2023: теория и практика: материалы III Международной научно-практической конференции МПГУ. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2023. С. 266–270.
12. Минаков А.В., Суглобов А.Е. Проблемы развития цифровой экономики регионов Рос-

- сии // Вопросы региональной экономики. 2022. № 4(53). С. 63–72.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
 14. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. 272 с.
 15. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
 16. Радаев В.В. Цифровое поколение: особенности потребительского поведения // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 144–179.
 17. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Самоорганизация протестной активности молодежи в условиях информационного общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 51–61.

UNIVERSITY SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF YOUTH SELF-DETERMINATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Atabieva Z.A.

Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet imeni Kh.M. Berbekova

The article addresses the transformation of the university's socio-cultural environment under the influence of digitalization and its impact on the processes of personal and professional self-determination of modern youth. The relevance of the study is driven by the need to rethink the traditional institutional functions of the university in the context of a forming digital society, where a young person's space for self-realization expands through virtual platforms, simultaneously creating risks of identity fragmentation and social atomization. The aim is to identify the structural components and mechanisms through which the digital socio-cultural environment of a university influences students' self-determination trajectories.

A comprehensive methodological approach is employed, including literature analysis, conceptual modeling, and structural-functional analysis. Based on a systematization of theoretical approaches, a multi-level model of the digital socio-cultural environment of a university is proposed, integrating institutional, communicative, and axiological aspects. The results allow for the identification of key channels of this environment's influence: the formation of hybrid (offline-online) educational communities, the transmission of digital cultural norms and competencies, and the mediation of new forms of academic and extracurricular activity. It is established that the effectiveness of the environment as a factor of positive self-determination is directly related to its ability to harmonize digital and traditional practices, minimizing the risks of the digital divide and disintegration. In conclusion, the thesis is substantiated that in the context of digitalization, the university is called upon to act not merely as a transmitter of knowledge but as an integrator of digital and social trajectories of personal development.

Keywords: university socio-cultural environment, youth self-determination, digitalization of education, hybrid educational environment, digital socialization, student identity, institutional factors

References

1. Kozlova O.A., Sitkovskii A.M. Methodological approach to analyzing socio-demographic factors in forming a settlement framework. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2023. No. 4(83). Pp. 33–52. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-4-33-52.
2. Kozlova O.A., Sitkovskii A.M. Socio-demographic aspects of determining the settlement framework. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series:*

- Socio-Economic Sciences*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 118–133. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-118-133.
3. Sitkovskii A.M. Identification of economic specialization and co-operation potential of the subjects of the Russian Federation. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2021. No. 6. Pp. 92–111. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-6-08.
4. Sitkovskii A.M. Spatial differentiation of migration processes in the context of a local economic crisis on the example of the Chelyabinsk region. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Current Issues of Modern Economy*. 2020. No. 11. Pp. 165–171. DOI: 10.34755/IROK.2020.31.36.248.
5. Chudaev A.V. Artificial intelligence in economic systems of large diversified structures – holdings. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii = Economic Development of Russia*. 2025. Vol. 32. No. 12. Pp. 126–131.
6. Chudaev A.V., Igolkina L.M. Geopolitical barrier in the development of the domestic energy industry. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2024. No. 8. Pp. 383–386.
7. Kolechkin I.S., Sereda E.V. Pedagogy of co-creation: techniques for forming co-creative relationships in senior grades on the example of a geography lesson in the 10th grade. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Theoretical and Methodological Problems of Modern Education: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publishing House, 2012. Pp. 78–81.
8. Sereda E.V. Description of the system of parts of speech of the modern Russian language taking into account the scale of transitivity by V.V. Babaitseva. *Mnogoaspektnost' edinitz yazyka i rechi: k stoletiyu so dnya rozhdeniya professora Very Vasil'evny Babaitsevoi: kollektivnaya monografiya = Multiaspectuality of Units of Language and Speech: to the Centenary of the Birth of Professor Vera Vasilievna Babaitseva: Collective Monograph*. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publishing House, 2025. Pp. 51–64.
9. Sereda E.V., Kolechkin I.S. Differentiation of the phenomena "interdisciplinary topic", "interdisciplinary lesson", "integration lesson", "integrative lesson" on the example of classes in the discipline "Country Studies". *Sovremennoe professional'noe obrazovanie = Modern Professional Education*. 2025. No. 6. Pp. 37–40.
10. Alamoza S.M. Historical aspect of legal regulation of intellectual property. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Questions of Russian and International Law*. 2025. Vol. 15. No. 2–1. Pp. 391–400.
11. Sereda E.V. Morphological expression of persuasiveness in media discourse. *Media-2023: teoriya i praktika: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii MPGU = Media-2023: Theory and Practice: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference of MSPU*. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publishing House, 2023. Pp. 266–270.
12. Minakov A.V., Suglobov A.E. Problems of development of the digital economy of Russian regions. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Questions of Regional Economy*. 2022. No. 4(53). Pp. 63–72.
13. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya [On the Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000. 880 p.
14. Shneider L.B. Professional'naya identichnost': teoriya, eksperiment, trening [Professional Identity: Theory, Experiment, Training]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2004. 272 p.
15. Granovetter M. The strength of weak ties. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2009. Vol. 10. No. 4. Pp. 31–50.
16. Radaev V.V. Digital generation: features of consumer behavior. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2018. Vol. 13. No. 6. Pp. 144–179.
17. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Self-organization of protest activity of youth in the conditions of the information society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2018. No. 11. Pp. 51–61.

Культурная интерпретация и творческая измена в переводе «Ляо Чжай чжи и» В.М. Алексеева

Бай Ян,

кандидат филологических наук, доцент, Северо-Западный педагогический университет, Китай
E-mail: 704250898@qq.com

Ян Юаньхуа,

корреспондент, магистр, Северо-Западный педагогический университет, Китай
E-mail: 2919644339@qq.com

В статье рассматривается перевод «Ляо Чжай чжи и», выполненный В.М. Алексеевым, как форма культурной интерпретации и творческой трансформации китайского классического текста в русскоязычном пространстве. Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления переводческой практики Алексеева в свете современной теории перевода, прежде всего концепции «творческой измены» Се Тяньчжэня. Цель статьи состоит в выявлении культурных и языковых механизмов, обеспечивающих динамическое равновесие между верностью оригиналу и адаптацией к принимающей культуре. В работе используются историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и переводоведческий методы анализа. Установлено, что В.М. Алексеев сохраняет этическую и эстетическую специфику китайского текста, избегая его редукции к западным жанровым и ценностным моделям. Научная новизна исследования заключается в интерпретации перевода как формы межкультурной реконфигурации смысла, благодаря которой «Ляо Чжай чжи и» получает в русской культуре новую эстетическую жизнь.

Ключевые слова: В.М. Алексеев; Ляо Чжай чжи и; художественный перевод; культурная интерпретация; русско-китайские литературные связи.

Введение

В современном переводоведении все более значимое место занимают исследования, ориентированные не только на межъязыковую эквивалентность, но и на выявление механизмов межкультурной интерпретации художественного текста. В этом контексте особую актуальность приобретает обращение к переводу китайской классической литературы, поскольку подобные тексты отличаются высокой степенью культурной насыщенности, сложной системой жанровых конвенций и глубокой укорененностью в специфических философско-эстетических традициях. Одним из наиболее показательных памятников такого рода является сборник Пу Сунлина «Ляо Чжай чжи и», который занимает особое место как в истории китайской словесности, так и в истории русско-китайских литературных контактов. Среди русских переводов этого произведения особую ценность представляет работа В.М. Алексеева, сыгравшая ключевую роль в формировании русскоязычной рецепции китайской классической прозы и ставшая важнейшим этапом развития отечественной синологии.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью переосмысления переводческой практики В.М. Алексеева не только как филологически точного воспроизведения оригинала, но и как сложного процесса культурной реконфигурации текста в иной языковой и цивилизационной среде. Несмотря на значительное внимание к научному наследию Алексеева, его перевод «Ляо Чжай чжи и» по-прежнему недостаточно рассмотрен в свете современных теорий межкультурного перевода, в частности концепции «творческой измены», разработанной Се Тяньчжэнем. Между тем именно данная теоретическая перспектива позволяет наиболее последовательно выявить соотношение верности оригиналу и адаптационного преобразования в переводе, раскрыть роль переводческой субъектности и объяснить, каким образом текст китайской классики получает «вторую жизнь» в русскоязычном культурном пространстве.

Объектом исследования является переводческая и интерпретационная практика В.М. Алексеева в отношении «Ляо Чжай чжи и», а предметом — культурные и языковые механизмы адаптации оригинала в русскоязычном переводе. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить особенности культур-

ной интерпретации и формы реализации принципа «творческой измены» в переводе В.М. Алексеева, а также определить их значение для межкультурной рецепции китайской литературы в России. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотреть историко-культурный контекст русской рецепции «Ляо Чжай чжи и»; охарактеризовать методологические основания переводческой концепции В.М. Алексеева; проанализировать специфику его культурно-интерпретационной стратегии; выявить языковые приемы, обеспечивающие динамическое равновесие между читаемостью перевода и сохранением культурной самобытности оригинала.

Методологическую основу исследования составляют историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, культурно-интерпретационный и переводоведческий методы анализа. Теоретическую базу работы образуют труды В.М. Алексеева по китайской литературе, исследования истории русской синологии, а также концепция «творческой измены» Се Тяньчжэня. Научная новизна статьи заключается в том, что перевод «Ляо Чжай чжи и» В.М. Алексеева рассматривается как целостная система культурной и языковой реконструкции, в которой перевод выступает не как вторичный по отношению к оригиналу текст, а как форма продуктивного межкультурного диалога. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении возможностей применения концепции «творческой измены» к материалу русско-китайских литературных связей, а практическая – в возможности использования результатов исследования в курсах по истории перевода, сравнительному литературоведению, русской синологии и теории межкультурной коммуникации.

История русской рецепции «Ляо Чжай чжи и» и роль В.М. Алексеева

Сборник новелл на классическом китайском языке – *вэньянь* – Пу Сунлина «Ляо Чжай чжи и» выделяется фантастически-эксцентричной, выходящей за рамки обыденного сюжетной структурой и изысканной, тщательно выверенной манерой изложения. Он занимает особое место в истории китайской классической литературы как канонический текст, органично преодолевающий границы между высоким и повседневным и синтезирующий традицию *чжигуай* то есть «записей о чудесном», повествований о сверхъестественном и необычном с тонким художественным наблюдением за человеческими нравами.

Кроме того, это произведение относится к числу китайских литературных памятников, сравнительно рано проникших в русскоязычное культурное пространство и на протяжении длительного времени сохраняющих статус значимого объекта переводческой рецепции и научного осмысления.

История перевода и изучения сборника «Ляо Чжай чжи и» в России начинается в конце 1870-х годов. В 1878 году русский синолог Нестор Александрович Монастырев опубликовал перевод рассказа «Ядовитая трава», что ознаменовало первое включение этого произведения в поле зрения русской читательской аудитории. В 1883 году выдающийся исследователь китайской литературы Василий Павлович Васильев представил ряд текстов, среди которых «Мохнатая лисица», «А бао», «Трава Шуй ман» и другие, привлекая к ним внимание русских читателей. Существенным этапом последующего освоения произведения стал 1909 год, когда Александр Иванович Иванов опубликовал переводы рассказов «Хуань-инь», «Ли-Бо-янь», «Джу-цин», «Као-чэнь-хуань», «Тунь-жэнь-юй», «Хуа-би» и ряда иных произведений, тем самым закладывая основу для формирования систематического изучения «Ляо Чжай чжи и» в России.

Несмотря на фрагментарный характер ранних переводов, они создали важную научную платформу, подготовив почву для последующего систематического освоения сборника и обеспечив его широкое распространение, а также признание в русскоязычном культурном пространстве.

В период с 1922 по 1937 год Василий Михайлович Алексеев осуществил систематическую и продолжительную работу по переводу классического китайского сборника рассказов «Ляо Чжай чжи и». Результатом этой многолетней деятельности стало последовательное издание четырех сборников – «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Странные истории» и «Рассказы о людях необычайных» включающих в совокупности 158 текстов, что составляет примерно треть от полного объема оригинального произведения.

Перевод В.М. Алексеева впервые предложил русскоязычному читателю развернутую систему предисловий, послесловий и примечаний, отличающихся четкой научной направленностью, что придало его работе статус канонической и сформировало устойчивую модель переводческой практики в русском культурном пространстве. С кончиной переводчика его ученики, среди которых особо следует отметить Николая Трофимовича Федоренко, неоднократно инициировали переиздания, обеспечивая дальнейшее распространение перевода и его закрепление в литературном и научном обороте.

Как справедливо отмечал российский китаевед Ли Фуцин: «Можно сказать, что знакомство российских читателей с новеллами Ляо чжай началось лишь в 1920-е годы». Появление перевода В.М. Алексеева ознаменовало важнейший этап в интеграции «Ляо Чжай чжи и» в русскоязычное культурное пространство: его воздействие выходило за рамки узкопрофессиональной синологической среды, привлекая широкий круг читателей,

вызывая живой интерес к китайской литературе и стимулируя осмысление ее эстетических и культурных особенностей. Таким образом, В.М. Алексеев выступил не только как переводчик, но и как культурный посредник, благодаря которому классическая китайская проза обрела в России новое жизненное пространство и значимость.

Переводческая методология В.М. Алексеева и ее значение для русской синологии

На уровне методологии перевода В.М. Алексеев внес значительный вклад, причем его новаторство проявляется в трех взаимосвязанных измерениях.

Во-первых, он применял сравнительный подход, объединяя различные перспективы – истории литературы, истории политических систем и истории национальной мысли. Такой синтез позволял преодолевать ограничения, присущие ранней российской и западной синологии, где китайская литература и культура зачастую интерпретировались в рамках единой, узконаправленной парадигмы.

Во-вторых, В.М. Алексеев выстраивал двойную исследовательскую стратегию, соединяющую эмпирическое текстологическое исследование с философской интерпретацией. Этот подход обеспечивал не только внимательное чтение текста, но и глубокое раскрытие культурных образов и смысловых уровней. Он учитывал процесс переводческой трансформации на разных уровнях: на поверхностном – реализовывалась функциональная адаптация взънянь, обеспечивающая понятность и читаемость перевода; на глубинном осуществлялась онтологическая интерпретация конфуцианских, буддийских и даосских концептов, что позволяло русскоязычному читателю соприкоснуться с поэтической мудростью китайской классической литературы.

Третий аспект новаторства В.М. Алексеева проявлялся в системной интеграции всех уровней анализа, благодаря чему его перевод выступал не просто как языковое воспроизведение, а как полноценная методологическая и культурная реконструкция текста. Это создавало условия для осмысленного восприятия китайской литературы в ее историко-философском, эстетическом и культурном контексте, позволяя русскоязычному читателю глубже соприкоснуться с богатством смыслов и художественной формы оригинала. И в практике русскоязычной рецепции «Ляо Чжай чжи и» В.М. Алексеев формирует системный корпус паратекстов с четко выраженной научной направленностью, включающий подробные комментарии, предисловия и послесловия, а также интерпретирующие рассуждения. Посредством систематизации языковых особенностей оригинала, приемов повествования, культурного содержания и историко-политического контекста он выстраи-

вает за пределами перевода логически упорядоченную интерпретационную рамку.

Его комментарии охватывают различные уровни анализа от исторической лингвистики и религиозных практик до социальных институтов что не только усиливает научную глубину перевода, но и обеспечивает русскоязычному читателю необходимые культурные ориентиры для осмысленного восприятия текста. Созданная им система вспомогательных текстов стала академически значимым стандартом межкультурной трансляции «Ляо Чжай чжи и», задав образец системной рецепции произведения в российской синологии. Она не только сформировала источниковую базу и интерпретационные ориентиры для последующих исследований, но и способствовала переосмыслению эстетической ценности прозы эпох Мин и Цин в российском литературном поле.

Опираясь на указанные методологические подходы, В.М. Алексеев успешно ввел произведение высокой культурной и литературной ценности «Ляо Чжай чжи и» в русскоязычное пространство. Этот оригинал, объединяющий художественность и глубокую культурную насыщенность, отличается исключительной сложностью языковой трансляции и, безусловно, представляет собой серьезное испытание для переводческой компетенции и широты эрудиции переводчика. Как справедливо отмечает Ли Фуцин: «Он с необычайной точностью передал многие особенности архаичного и вместе с тем сложного языка оригинала» [1]. Точность и глубина его перевода также получили признание в китайском научном сообществе: по мнению исследователей, «переводы и комментарии Алексеева во многом исправили неизбежные ошибки переводчиков XIX века» [2].

Научное наследие В.М. Алексеева по-прежнему сохраняет парадигмальное значение в современной системе знаний российской синологии. Сформулированный им принцип взаимной интерпретации «текст – контекст», унаследованный и развиваемый его учениками, стал методологической основой формирования ленинградской школы (также известной как школа Алексеева), оказавшей существенное влияние на развитие российской синологической науки. Эта школа способствовала тому, что в середине XX века российская синология совершила качественный когнитивный переход от традиционной текстологической критики к интерпретации как диалогу цивилизаций, задав тем самым важные академические ориентиры для современных исследований взаимопонимания и взаимного познания евразийских культур.

Культурно-историческая перспектива и теория «творческой измены»

Культурно-историческая интерпретация «Ляо Чжай чжи и», предложенная В.М. Алексеевым, формиро-

валась и развивалась в результате взаимодействия и наложения различных исторических контекстов. Его научная база, восходящая к системной подготовке в русской и европейской синологической традиции, обеспечила возможность осмысливать место китайской литературы в структуре мировой цивилизации в компаративной перспективе; вместе с тем опыт жизни в Китае и полевые наблюдения придали этому макроцивилизационному взгляду конкретность и эмпирическую насыщенность.

Непосредственное наблюдение социальной речи, народных верований и повседневных культурных практик позволило ему постепенно рассматривать «Ляо Чжай чжи и» как значимый исторический текст, отражающий социальную структуру и культурную психологию эпохи. С вхождением в советскую академическую систему, особенно в условиях сталинского периода, его культурно-историческая перспектива под воздействием институциональной и научной среды претерпела определенное смещение: интерпретационная установка все более ориентировалась на социально-исторический анализ, что в известной степени ослабляло акцент на мистическом измерении текста.

Таким образом, его перевод, максимально сохраняя структуру повествования и литературные особенности оригинала, одновременно приобретает академическую обоснованность, соотносимую с историческим контекстом эпохи, благодаря применению социально-исторического интерпретационного подхода.

Культурно-историческое видение В.М. Алексеева характеризуется строгой логической структурой, а его переводческая концепция глубоко укоренена в исторической традиции. Однако одной лишь концептуальной позиции недостаточно для объяснения конкретных механизмов формирования стиля перевода. Лишь через практическую реализацию субъектности переводчика культурно-историческая перспектива трансформируется в операциональные стратегии переводческой деятельности. В этом процессе переводчик выступает не как пассивный передатчик смысла оригинала, а как активный реконструктор, адаптирующий текст в конкретном рецептивном контексте.

Теория «творческой измены», системно разработанная Се Тяньчжэнем, предоставляет важную интерпретационную рамку для осмысления практической реализации субъектности переводчика. По Се Тяньчжэню, «творческая измена» [3] проявляется как «творчество в понимании» и «вариативность в рамках верности» то есть как творческая реконструкция формы, тональности и культурных образов оригинала при условии глубокого постижения его духовного ядра. Подобная практика не является ни отступлением от исходного текста, ни произвольным переписыванием; она представляет собой культурную трансляцию, основанную

на глубоком понимании и эстетическом суждении, в рамках которой осуществляется структурная реконфигурация смысла между исходной культурой и ожиданиями читателя целевого языка.

Переводческая практика В.М. Алексеева в отношении «Ляо Чжай чжи и» выходит за рамки эквивалентной передачи на языковом уровне и представляет собой целенаправленную реконфигурацию и переинтерпретацию оригинала, осуществляемую в поле взаимодействия субъектности переводчика, эстетических ожиданий целевого читателя и конкретного рецептивного контекста. В свете теории «творческой измены» Се Тяньчжэня такая «измена» не воспринимается как отступление от текста; напротив, она предполагает сохранение «инаковости» при выстраивании динамического равновесия между верностью духу оригинала и адаптацией к культуре целевого языка.

Таким образом, «творческая измена», реализованная в переводе «Ляо Чжай чжи и» В.М. Алексеева, по своей сути выступает как стратегия, ориентированная на культурное возрождение: переводчик сохраняет духовное ядро и культурную насыщенность оригинала, одновременно посредством умеренной адаптации придавая ему новую эстетическую жизнь в культуре целевого языка. В результате перевод превращается в продолжение и возвышение оригинала в инокультурном контексте, становясь самостоятельным эстетическим и культурным явлением.

Культурная интерпретация и сохранение эстетической инаковости оригинала

На уровне культурной интерпретации адаптационный подход В.М. Алексеева прежде всего проявляется в сознательном избегании «западнизированного интерпретационного каркаса». Он не стремится вписать «Ляо Чжай чжи и» в заранее заданные категории западной литературы; напротив, через согласованное взаимодействие перевода и сопроводительных материалов он целенаправленно сохраняет специфичность эстетической логики и этической структуры оригинала.

Эта культурная позиция особенно отчетливо проявляется в его понимании соотношения китайской и западной литературы: В.М. Алексеев отвергает подчинение восточной литературы западным эстетическим нормам, подчеркивает внутреннюю согласованность ее духовной системы и культурную самодостаточность, а также настаивает на сохранении внутренних механизмов формирования значения в процессе межкультурной коммуникации.

Следовательно, его концепция «верности» выходит за рамки поверхностной репрезентации языковой формы и ориентируется на глубинную верность культурному духу и ценностной структуре текста, что составляет принципиальное основа-

ние реализации «творческой измены» в ее культурном измерении.

В качестве примера можно обратиться к нарративу причинно-следственного воздаяния в «Ляо Чжай чжи и». Логика воздаяния, представленная в оригинале, в большей степени соотносится с этическим порядком, нежели с теологической моделью, основанной на трансцендентном авторитете. В этой связи В.М. Алексеев в переводе и сопутствующих интерпретационных материалах сознательно избегает включения этого повествования в христианскую схему «суд – грех – искупление» и не приводит его ни к «божественной воле», ни к внешней моральной оценке.

Так, при передаче сюжетов о наказании лисьих духов или мести сверхъестественных существ он воздерживается от прямого введения понятий «грех» или «возмездие Божье» и по возможности сохраняет исходную семантическую структуру, позволяя русскоязычному читателю усмотреть, что в сюжетно-композиционном мире «Ляо Чжай чжи и» воздаяние не исходит от трансцендентного судящего субъекта, а функционирует как внутренний механизм саморегулирования, встроенный в логику действия и этический порядок.

В конструировании отношений «человек – нечеловек» В.М. Алексеев не сводит лисьих духов, призраков и иных сверхъестественных существ к абсолютному «другому» в русскоязычном культурном контексте. Следуя сюжетно-композиционной логике оригинала, он помещает их на ту же плоскость эмоционального опыта и этических суждений, что и человека. В этой перспективе лиса может выступать как возлюбленная, друг или духовный собеседник и в ряде случаев демонстрировать более высокий нравственный уровень и духовную высоту по сравнению с человеком.

Подобная переводческая практика не приводит к ассимиляции «Ляо Чжай чжи и» в рамках уже сложившихся парадигм русской литературы, а, при максимальном сохранении специфики китайской культуры, открывает для читателя целевого языка иную по сравнению с западным опытом культурную перспективу.

В переводе В.М. Алексеева «творческая измена» проявляется не как произвольное отклонение от формы оригинала, а как функциональный механизм культурной адаптации, основанный на принципе сохранения «инаковости» и направленный на эффективную передачу смысловой структуры оригинала и воспроизведение его эстетической ценности в межкультурном контексте.

На уровне жанровой квалификации подход к адаптации В.М. Алексеева проявляется в переосмыслении соотношения между фантастическим характером произведения и его соотносительностью с реальной жизнью. Сохраняя присущую сюжетно-композиционному уровню «чжи-и» – жанра китайской литературы, сосредоточенного на описании

чудесного и необычного с интеграцией в социальную и этическую реальность – чудесность и фантастическую окраску, переводчик при этом сознательно усиливает их внутреннюю связь с социальным опытом, предотвращая восприятие «Ляо Чжай чжи и» в русскоязычном культурном контексте как исключительно экзотического или чисто фантастического текста.

В частности, В.М. Алексеев не сводит «Ляо Чжай чжи и» к какой-либо одной жанровой категории, такой как «фантастическая литература» или «литература о чудесном», а в своих работах последовательно подчеркивает непрерывность между сюжетным миром и реальной жизнью. В его интерпретационной рамке появление лисьих духов и призраков понимается не как радикальное нарушение реального порядка, а как его продолжение и проявление в иной плоскости.

В рамках этого подхода сверхъестественные события перестают восприниматься как полностью отчужденные и оторванные от реальности явления и осмысливаются как символическое или метафорическое выражение действительного опыта. При этом в предисловиях и комментариях к переводу В.М. Алексеев подчеркивает, что «Ляо Чжай чжи и» не стремится к уходу от реальности, а, напротив, посредством чудесного повествования осуществляет аллегорическую и метафорическую реконструкцию критики социального порядка.

Таким образом, одной из ключевых особенностей его перевода и интерпретации является смещение интерпретационного акцента в сочетании с тщательным выбором жанровой рамки, что позволяет в русскоязычном контексте сохранять «Ляо Чжай чжи и» как классический текст китайской традиции «Чжигуай» с присущей ему эстетической традицией и идейной глубиной, избегая чрезмерного упрощения и типологизации в процессе межкультурной коммуникации.

На уровне интерпретации цивилизационных понятий В.М. Алексеев, опираясь на доступные целевой культуре способы выражения, направляет читателя к осмыслению ключевых категорий китайской эстетики и философии. При этом его подход к «сделать понятным» не ведет к культурной ассимиляции, а, напротив, через актуализацию интеллектуальных ресурсов русского языка способствует тому, что целевая культура сближается с внутренней структурой китайской цивилизации и постепенно ее усваивает. Таким образом формируется интерпретационный механизм, основанный на динамическом напряжении смыслов и взаимопроникновении культурных перспектив.

Показательным примером служит его интерпретация традиционного китайского эстетического понятия «хуали» (华丽) из «Ши пинь» [4]: «... поэт видит роскошную узорчатость совсем в другом, а именно в сгущенной красоте мощной природы» [5]. В этом толковании В.М. Алексеев не сле-

дует западной формалистской риторике анализа, а возвращает «хуали» к порождающей силе взаимодействия природы и духа, раскрывая присущую китайской литературе целостную структуру взаимосвязи «природа – дух – дао» и подчеркивая ее эстетическую специфику, выходящую за рамки формального измерения.

Подобная стратегия проявляется и в его исследованиях каллиграфии. В главе «Артист-каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма» В.М. Алексеев отмечает: «Таков каллиграф Китая... он мечтает о своем искусстве как о сверхискусстве и о себе как о сверхчеловеке... его мощное искусство в чарах этого дао-наития становится вместе с поэзией и живописью высшим выражением человеческой мысли и человеческого чувства» [6]. Используя философские выражения, доступные русскоязычному культурному контексту, переводчик интерпретирует «дао», благодаря чему оно перестает выступать как трудно постижимое и отчужденное понятие и получает структурные соответствия и пути понимания в системе мышления целевого языка. Такая интерпретационная трансформация, сохраняя открытую семантику «дао», одновременно через аналогию очерчивает его доступный для восприятия концептуальный контур.

Языковой уровень перевода: лексика, синтаксис, ритм и стилистическая реконструкция

Описанная адаптация на культурно-интерпретационном уровне находит дальнейшую реализацию в языковой организации текста. На уровне лексического выбора, синтаксической конструкции, ритмико-звуковой репрезентации и стилистической реконструкции переводчик с помощью осознанных стратегий достигает сочетания читаемости для целевого языка с сохранением особенностей оригинала, тем самым конкретизируя на языковом уровне практическую реализацию концепции «творческой измены».

В плане реконфигурации семантического центра В.М. Алексеев не ограничивается прямой лексической эквивалентностью, а осуществляет многоуровневое перераспределение смысла с использованием разнообразных выразительных средств. Так, в рассказе «Укротитель Ма Цзэ-фу» фраза «無何，萬石入，見婦赤身繃繫，心頭刀痕，縱橫不可數» [7], где «赤身繃繫» означает «обнаженное тело, туго связанное», передается как: «Перед ним лежала жена, краснея, как говорится, телом», с пояснением в комментарии: «Краснея телом – то есть голая» [8].

В этом случае В.М. Алексеев не редуцирует исходное значение до одного слова (например, «голая»), а посредством прагматического смягчения, создаваемого в тексте словом «краснея» и вставной конструкцией «как говорится», в сочетании с поясняющим комментарием, переводит значе-

ние «наготы» из прямой репрезентации в поэтапное семантическое развертывание. Такая стратегия одновременно сохраняет выразительность оригинала и делает способ выражения более соотносенным с нормами восприятия в русскоязычном культурном контексте, тем самым воплощая принцип «вариативности в рамках верности».

На синтаксическом и стилистическом уровнях переводчик, передавая вэньяньские формулы вежливости и самоуничижения, не прибегает к механической эквивалентности, а, опираясь на существующую в русском языке систему вежливых и самоуничижительных выражений, реконструирует исходную «структуру скромности». Так, в рассказе «Разрисованная кожа» фраза «敝廬不遠，即煩枉顧» передается как:

«Неподалеку отсюда находится клетушка вашего покорного ничтожества... Уж не обессудьте, дайте себе труд завернуть к недостойному» [9].

При этом переводчик не вводит новой информации, выходящей за пределы исходного контекста, а посредством устойчивых выражений (как: «клетушка», «вашего покорного ничтожества», «не обессудьте», «дайте себе труд», «к недостойному») разворачивает лаконичную и сдержанную реплику оригинала в структурированное вежливое высказывание, достигая функциональной эквивалентности как по интенсивности тона, так и по ритмической организации. Подобная умеренная экспансивность перевода представляет собой конкретное проявление «творческой измены» на синтаксико-стилистическом уровне.

На уровне фонетико-ритмической репрезентации переводчик посредством звукоподражания и слогового повтора сознательно сохраняет слуховые характеристики китайского оригинала. Так, в рассказе «Разрисованная кожа» фраза «一更許，閨門外戢戢有声» передается как:

«Вскоре после первой стражи за дверями послышался какой-то повторный писк: цзи-цзи» [10].

При этом «戢戢» не передается описательно (например, как «шорох»), а воспроизводится в транскрипционной форме цзи-цзи, что за счет слогового повтора позволяет сохранить ритм и атмосферу оригинала, избегая ослабления звукового образа при межъязыковой передаче. Такая стратегия не только усиливает эффект присутствия, но и в определенной мере сохраняет звуковую текстуру китайского текста.

Еще более существенно, что описанная языковая адаптация носит не произвольный характер, а органически соотносена с принципом «воссоздания на основе дословного перевода», на котором настаивает сам переводчик. Так, характеризуя свой перевод «Оды изящному слову» Лу Цзи, В.М. Алексеев подчеркивает:

«Сделанный мною перевод оды Лу Цзи является, во-первых, совершенно дословным, т.е. без пропусков, без каких-либо существенных вставок,

почти всегда без нарушения китайской конструкции и даже самого порядка слов; во-вторых, он имеет в виду передать китайский ритм, вернее, китайскую певучесть моносиллабического оригинала средствами полисиллабического русского языка, т.е. не слог на слог (что невозможно), но слово на слово» [11].

Тем самым становится очевидно, что его «адаптация» не является отступлением от принципа верности, а, напротив, предполагает, при учете различий между языковыми системами, достижение глубинного функционального соответствия посредством согласованного регулирования ритма, стиля и смыслового эффекта.

Тем самым переводческая практика В.М. Алексеева на языковом уровне представляет собой конкретную реализацию его культурной позиции на микроуровне: при сохранении многоуровневой специфики оригинала посредством структурной реконфигурации и адаптации выразительных средств в переводе достигается динамическое равновесие между его приемлемостью для целевого языка и сохранением ощущения самобытности оригинала его уникальной культурной, эстетической и семантической структуры, что, в свою очередь, подтверждает внутреннюю согласованность принципа «творческой измены».

Заключение

Проведенный анализ показывает, что перевод «Ляо Чжай чжи и», выполненный В.М. Алексеевым, представляет собой не просто образец высокой филологической точности, но и сложную систему культурной интерпретации оригинала. Переводчик последовательно избегает подчинения китайского текста западноцентричным эстетическим и жанровым схемам, стремится сохранить внутреннюю этическую логику, художественную самобытность и философскую глубину произведения. В этом смысле его переводческая стратегия реализует принцип верности не на уровне внешнего буквального соответствия, а на уровне глубинной передачи культурного духа текста. Именно поэтому перевод Алексеева следует рассматривать как форму осмысленного межкультурного посредничества, обеспечившего русскоязычному читателю доступ к специфике китайской литературной традиции без ее редукции к привычным моделям европейского восприятия.

В то же время исследование позволяет заключить, что концепция «творческой измены» является продуктивным инструментом для осмысления переводческой практики В.М. Алексеева. На культурном, жанровом и языковом уровнях его перевод демонстрирует не произвольное отклонение от оригинала, а методологически выверенную реконфигурацию смысла, направленную на сохранение инаковости исходного текста в условиях новой рецептивной среды. Благодаря этому «Ляо Чжай

чжи и» в русском переводе обретает не только новую форму существования, но и самостоятельное эстетическое звучание, сохраняя при этом связь с духовным ядром китайской классики. Тем самым перевод В.М. Алексеева может быть определен как одна из наиболее значительных моделей культурного воспроизводства китайской литературы в России, а его опыт остается значимым как для современного переводоведения, так и для дальнейших исследований русско-китайского литературного диалога.

Литература

1. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит. акад. В.М. Алексеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
2. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002.
3. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. Кн. 2. М.: Восточная литература, 2003.
4. Пу Сунлин. Ляо Чжай чжи и: сверенное, комментированное и критическое издание: в 2 т. / сост. и ред. Чжан Юхэ. Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 1978.
5. Ван Лина. Национально-языковые версии и переводы на иностранные языки «Ляо Чжай чжи и» // Вэньсюэ ичань. 1981. № 1. С. 149–158.
6. Ли Фуцин. «Ляо Чжай чжи и» в России // Сборник исследований по ляочжаеведению. Пекин: Издательство Китайской федерации литературных и художественных кругов, 2001.
7. Рифтин Б.Л. Исследование китайской классической литературы в Советском Союзе: проза и драма / пер. Тянь Давэя. Пекин: Шуму вэньсянь чубаньшэ, 1987.
8. Се Тяньчжэнь. Введение в медиатранслатологию. 2-е изд. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018.
9. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит. акад. В.М. Алексеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 297.
10. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит. акад. В.М. Алексеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 298.
11. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. Кн. 2. М.: Восточная литература, 2003. С. 21.

CULTURAL INTERPRETATION AND CREATIVE TREASON IN V. M. ALEKSEEV'S TRANSLATION OF LIAO ZHAI ZHI YI

Bai Yang, Yang Yuanhua
Northwest Normal University, China

The article examines V.M. Alekseev's translation of Liao Zhai zhi yi as a form of cultural interpretation and creative transformation of a classical Chinese text in the Russian-speaking cultural space. The relevance of the study lies in the need to reconsider Alekseev's

translation practice in the light of modern translation theory, above all Xie Tianzhen's concept of «creative treason.» The aim of the article is to identify the cultural and linguistic mechanisms that ensure a dynamic balance between fidelity to the original and adaptation to the receiving culture. The study employs historical-literary, comparative, and translation-oriented methods of analysis. It demonstrates that Alekseev preserves the ethical and aesthetic specificity of the Chinese text while avoiding its reduction to Western genre and value models. The scientific novelty of the study lies in interpreting translation as a form of intercultural reconfiguration of meaning, through which *Liao Zhai zhi yi* acquires a new aesthetic life in Russian culture.

Keywords: V.M. Alekseev, *Liao Zhai zhi yi*, literary translation, cultural interpretation, creative treason, Russian-Chinese literary relations.

References

1. Pu Songling. *Strange Stories from the Cabinet of a Loser (Liao Zhai Zhi Yi)* / translated from Chinese by Academician V.M. Alekseev. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2000.
2. Alekseev, V. M., *Works on Chinese Literature. Book 1*. Moscow: Vostochnaya Literature, 2002.
3. Alekseev, V. M., *Works on Chinese Literature. Book 2*. Moscow: Vostochnaya Literature, 2003.
4. Pu Songling. *Liao Zhai Zhi Yi: verified, annotated, and critical edition: in 2 volumes* / compiled and edited by Zhang Yuhe. Shanghai: Shanghai Ancient Book Publishing House, 1978.
5. Wang Lina. National-language versions and translations into foreign languages of «*Liao Zhai Zhi Yi*» // *Wenxue Yichan*. 1981. № 1. pp. 149–158.
6. Li Fuqing. «*Liao Zhai Zhi Yi*» in Russia // *Collection of studies on Liaozhai studies*. Beijing: Publishing House of the China Federation of Literary and Artistic Circles, 2001.
7. Riffin, B.L. *Research of Chinese Classical Literature in the Soviet Union: Prose and Drama* / translated by Tian Dawei. Beijing: Shumu Wenxian Chubanshe, 1987.
8. Xie Tianzhen. *Introduction to Media Translation Studies*. 2nd ed. Beijing: Peking University Press, 2018.
9. Pu Songling. *Strange stories from the Cabinet of Losers (Liao Zhai Zhi Yi)* / trans. from China acad. V.M. Alekseeva. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2000. P. 297.
10. Pu Songling. *Strange stories from the Cabinet of Losers (Liao Zhai Zhi Yi)* / trans. from China acad. V.M. Alekseeva. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2000. P. 298.
11. Alekseev V.M. *Works on Chinese literature. Book 2*. M.: Eastern literature, 2003. P. 21.

Влияние стратификации общества на изменение социальных функций высшего образования

Бондаренко Наталья Ионовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков Дипломатической академии МГИМО МИД России
E-mail: nataliya2012@me.com

В статье осуществлен анализ взаимосвязи социальной стратификации и социальных функций высшего образования. На основе работ отечественных и зарубежных исследователей раскрывается сущность стратификации как формы социального неравенства, выражающегося в иерархическом распределении ресурсов, статусов и жизненных возможностей. Систематизированы основные подходы к трактовке социальных функций высшей школы. Показано, что между стратификацией общества и функциями высшего образования существует двусторонняя, взаимно обусловленная связь: с одной стороны, система образования может выступать механизмом воспроизводства и усиления социального неравенства; с другой стороны, в рамках альтернативной социологической традиции образование рассматривается как институт выравнивания стартовых возможностей.

Ключевые слова: высшее образование, стратификация, социальные функции, вуз, социальная стратификация, неравенство.

Высшее образование является собой социально значимую сферу, обладающую высокой общественной ценностью. Качество высшего образования в стране формирует определенный уровень культурной среды, стимулирует и ускоряет развитие нравственного, интеллектуального, научного, духовного, экономического потенциала общества. При этом, с одной стороны, сфера образования априорно является консервативной, так как ее основной функцией выступает трансляция накопленных человечеством знаний и опыта [1, с. 95]. С другой стороны, как показывает практика, отсутствие своевременной модернизации и трансформации сферы высшего образования приводит к его стагнации и, по всей видимости, к замедлению социально-экономического развития государства.

На современном этапе молодые люди, оказывающиеся в статусе абитуриентов, все чаще опираются не на личностные предпочтения и сильные в академическом отношении стороны, а на общественные представления о престижности и доходности профессии, на мнение членов семьи и сверстников, на результаты собственных измышлений и анализа данных из открытых источников.

Безусловно, новые поколения существенно отличаются от предыдущих, что отмечает большинство исследователей-психологов, педагогов, культурологов, политологов и проч. Тинейджеры и молодежь используют современные технологии и без них не мыслят своей повседневной, учебной и профессиональной деятельности. Новое поколение персонала и управленцев склонно к разрушению системы жесткой корпоративной иерархии. Следовательно, инструменты управления, профессии, сферы, которые ранее «работали» с наемными работниками, сегодня едва ли применимы [8, с. 11].

Все это в последующем существенно меняет конъюнктуру рынка труда в стране, распределение количества специалистов по различным отраслям и специальностям, отраслевую структуру экономики страны и в целом влияет на стратификацию общества. В данной связи представляется особенно **актуальным** рассмотреть взаимовлияние стратификации общества на изменение социальных функций высшего образования.

Более того, **актуальность** тематики исследования обусловлена тем обстоятельством, что между социальными группами в современной России

сохраняются существенные различия в уровне доходов, доступе к образованию, медицинским услугам и возможностям трудоустройства. Данные различия формируют устойчивую систему социальной стратификации, воспроизводящую социальное неравенство и ограничивающую вертикальную мобильность населения. В связи с этим особую значимость приобретает выявление факторов, определяющих степень социальной дифференциации [7, с. 134].

В.В. Макаренко с соавт. термин «стратификация» определяет как состояние очевидных различий «в социальном положении человека, а также групп людей, их деление на слои (страты) в зависимости от социально-значимых критериев: профессия, доход, образование, участие во власти, престиж» [6, с. 74].

А.С. Гонашвили, в свою очередь, указывает на существование трех основных форм социальной стратификации: экономическую, политическую, профессиональную. Социальная стратификация в целом представляет собой социальное неравенство, неравное распределение обязанностей и обязательств, прав и привилегий [3, с. 13].

М.В. Богуславский с соавт. указывает: стратификация может наблюдаться не только в обществе в целом, но и внутри конкретной отрасли. По мнению автора, в контексте сферы образования стратификацию можно определить следующим образом: «многомерное, иерархически организованное образовательное пространство, состоящее из иерархически расположенных устойчивых страт, под которыми понимается определенная совокупность образовательных учреждений, объединенных общими статусными признаками» [2, с. 13].

Как отмечает О.Г. Антонова, современное высшее образование становится все более студентоориентированным, персонализированным, личностно-направленным, в связи с чем усиливается его гибкость и динамичность. Образование становится открытой для изменений сферой – особой отраслью, где оказывают образовательные услуги в рамках индивидуальной образовательной траектории [1, с. 89].

Один из важнейших и наиболее очевидных векторов трансформации современного высшего образования – изменение его целей, задач и функций. Тем не менее, многие традиционные функции высшего образования все же сохранились, хотя, несмотря на это, единства мнений в отношении их перечня пока не наблюдается. Рассмотрим социальные функции высшего образования более подробно.

Одну из классификаций социальных функций высшего образования предлагает О.Г. Антонова, разделяя их на общепринятые (традиционные) и новые социальные функции. При этом, по мнению исследователя, многие конвенциональные функции постепенно утрачивают релевантность

или же становятся неактуальными в принципе. Среди традиционных социальных функций высшего образования О.Г. Антонова называет следующие: (1) идеологическая, (2) духовная, (3) интеллектуальная, (4) социально-политическая, (5) социального контроля и селекции, (6) воспроизводства социального опыта и исторической преемственности. При этом далеко не все исследователи согласны с тем, что современные вузы реализуют все вышеописанные функции, что можно трактовать как глубокий и системный кризис отечественной системы образования. Среди новых социальных функций высшего образования можно отметить следующие: (1) функция гомогенизации общества через организованную социализацию; (2) по сути противоречащая ей функция активизации социальной мобильности – по сути, разделение выпускников на более предприимчивых и адаптивных и тех, кто такими качествами не обладает [1, с. 91].

Несколько иной подход к типологии социальных функций высшего образования предлагает Г.М. Джамалудинов с соавт.: (1) коммуникативная функция – трансляция и переработка научного знания; (2) функция регулирования – вуз фактически являет собой элемент системного контроля над студенческим сегментом общества; (3) экономическая функция – обеспечение кадрами государства и отраслей производственной сферы; (4) стратификационная функция – разделение членов общества на тех, кто обладает высшим образованием, и тех, кто им не обладает; (5) социализирующая – освоение новым поколением социально одобряемых норм и поведенческих паттернов, создание социальных связей. Интересно, что в состав стратификационной функции Г.М. Джамалудинов включает также «подфункции» – (4а) функцию стигматизации – закрепление отношения обучающегося к другим членам общества и (4б) функцию формирования групп «равных» [4, с. 25–26].

Выше представлены далеко не все новые социальные функции высшего образования. Так, к примеру, важнейшей функцией высшего образования в условиях новой парадигмы общественной жизни и цивилизационного развития является станет развитие метакогнитивных навыков, способности к самообучению и обучению на протяжении всей жизни (*lifelong learning*). Данная функция, безусловно, непосредственно связана с дальнейшим углублением стратификации общества. Речь идет о том, традиционная модель обучения, ориентированная преимущественно на трансляцию готовых знаний, постепенно утрачивает доминирующее значение. На первый план выходит личностно-ориентированная образовательная концепция, в рамках которой образование рассматривается как процесс развития индивидуальности, формирования способности к самоопределению, само-

реализации и непрерывному саморазвитию личности.

В условиях стремительных общественных изменений невозможно рассматривать цели и условия личностного становления как стабильные и заранее заданные. На развитие человека существенное влияние оказывают процессы научно-технического прогресса, глобализации и информатизации общества. Особое значение приобретает идея самообразования как ведущего механизма личностного и профессионального развития. Образование перестает быть исключительно внешне организованным процессом и все в большей степени становится внутренне мотивированной деятельностью субъекта, направленной на постоянное обновление компетенций и расширение интеллектуального потенциала.

Изменение социальной функции высшего образования, связанное с переходом от передачи фиксированного объема знаний к формированию способности личности к самообразованию, саморазвитию и адаптации в условиях быстро меняющегося общества, одновременно создает предпосылки для углубления социальной стратификации. В условиях информатизации, глобализации и высокой динамики рынка труда преимущество получают индивиды, обладающие развитым адаптационным потенциалом, высоким уровнем культурного и интеллектуального капитала, а также способностью к непрерывному обучению.

Учитывая вышеизложенное, следует сказать, что взаимосвязь между стратификацией и социальными функциями высшего образования является двусторонней, взаимно обусловленной. Если трансформация функций высшего образования усиливает социальное расслоение, то и сама стратификация общества, в свою очередь, оказывает существенное влияние на содержание, доступность и социальные функции образования.

Социально стратифицированное общество формирует неравные стартовые условия в доступе к качественному высшему образованию. Представители высокостатусных социальных групп обладают большим объемом экономического, культурного и социального капитала: возможностью обучаться в престижных и дорогостоящих учебных заведениях, пользоваться дополнительными образовательными ресурсами, осваивать цифровые технологии, участвовать в международных академических программах. В результате высшее образование начинает выполнять не только функцию профессиональной подготовки, но и функцию воспроизводства существующей социальной структуры – стратификации.

В условиях усиливающегося социального неравенства образовательные учреждения все чаще дифференцируются по уровню качества, престижности и ресурсного (кадрового, материально-технического) обеспечения. Это приводит к тому,

что система высшего образования становится сегментированной: «элитные» университеты концентрируют наиболее обеспеченных студентов. Таким образом, образование перестает быть исключительно механизмом социальной мобильности и все в большей степени закрепляет уже существующие социальные различия. Таким образом, между стратификацией общества и функциями высшего образования существует механизм обратной связи: образование усиливает социальную дифференциацию, а социальная дифференциация, в свою очередь, трансформирует цели, содержание и функции высшего образования, превращая его в один из ключевых институтов воспроизводства социальной структуры общества.

Данные предположения высказывал исследователь Д.Л. Константиновский более двух десятилетий назад. Так, по мнению автора, все чаще можно наблюдать смещение акцента на выполнение вузами социально-дифференцирующей и социально-селективной функций. Согласно полученным эмпирическим данным, в составе студентов престижных вузов страны преобладают «молодые люди, чьи родители являются руководителями различного ранга, имеют чаще всего высокий экономический статус и соответствующий образовательный уровень» [5]. Все это, в свою очередь, возвращает нас к дефиниции стратификации образовательного пространства, предложенной М.В. Богуславским с соавт.

Стратификация общества, таким образом, приводит к стратификации студенческого контингента: одной из текущих «функций высшего образования состоит в формировании элитарных групп студенческого контингента, а это может осуществляться лишь в рамках качественно высокого <...> высшего образования» [5]. Представители данного направления указывают, что образовательная система изначально встроена в структуру социального неравенства и зависит от распределения экономического, культурного и социального капитала в обществе.

Д.Л. Константиновский выделяет совокупность социальных факторов, оказывающих определяющее влияние на профессиональное самоопределение абитуриентов и возможности реализации ими образовательных и жизненных стратегий. В качестве ключевых детерминант исследователь рассматривает социально-профессиональный статус семьи и место проживания индивида. Социально-профессиональный статус семьи выступает одним из базовых механизмов воспроизводства образовательного неравенства. Чем выше социальное положение родителей и престиж их профессиональной деятельности, тем более выраженной оказывается ориентация детей на получение высшего образования и участие в конкурсном отборе в престижные образовательные учреждения. Высокий объем экономического, культурного и соци-

ального капитала семьи способствует формированию у абитуриентов устойчивых образовательных притязаний, академической мотивации и уверенности в возможности достижения высокого социального статуса посредством образования.

Одновременно социальное происхождение предопределяет характер образовательных стратегий и профессиональных предпочтений абитуриентов. Представители семей с ограниченными материальными и культурными ресурсами чаще ориентируются на менее престижные направления подготовки и образовательные организации с более низким конкурсом и доступной стоимостью обучения.

Существенное влияние на образовательные и профессиональные стратегии оказывает территориальный фактор. Удаленность населенного пункта непосредственно коррелирует с масштабом образовательных притязаний молодежи, доступностью качественной образовательной инфраструктуры и степенью информированности о возможностях высшего образования [9, с. 226]. Для жителей крупных городов характерен более высокий уровень ориентации на престижное образование и профессиональную мобильность, тогда как ограниченность образовательных ресурсов периферийных территорий способствует снижению образовательных ожиданий и сужению спектра доступных профессиональных траекторий. Сокращение доступности бюджетных мест и рост стоимости обучения способствуют дальнейшему углублению образовательного неравенства, поскольку доступ к качественному высшему образованию все в большей степени зависит от объема ресурсов, которыми располагает семья абитуриента.

С другой стороны, существует противоположная точка зрения. По мнению ряда исследователей, образование рассматривается как важнейший институт социальной интеграции и обеспечения равенства возможностей. Представители данного направления (среди которых были также Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.) исходят из того, что образовательная система выполняет функцию развития и раскрытия индивидов независимо от их социального происхождения. В рамках данной концепции университет выступает как относительно нейтральная социальная среда, в которой академические достижения определяются преимущественно личными усилиями, уровнем способностей, дисциплиной и трудолюбием обучающихся.

Следовательно, образование интерпретируется как механизм обеспечения социального равенства, обеспечивающий перераспределение существующих и зачастую наследуемых социальных статусов. Чем выше уровень образования и профессиональной квалификации личности, тем выше шансы на достижение высокого социально-

го статуса. Таким образом, система образования способствует стабилизации общества, выравниванию исходных, стартовых возможностей для представителей различных социальных групп.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

- Стратификация определяется как системно-иерархическое разделение общества на устойчивые социальные страты, различающиеся по социально значимым критериям (доход, образование, профессия, власть, престиж), что выражает форму социального неравенства.
- Социальные функции высшего образования в современной научной литературе интерпретируются неоднозначно и варьируются в зависимости от теоретического подхода. В рамках традиционной парадигмы высшему образованию приписываются идеологическая, духовная, интеллектуальная и социально-политическая функции, а также функции социального контроля и селекции и воспроизводства социального опыта и исторической преемственности. Эти функции отражают роль университета как механизма поддержания культурной и нормативной стабильности общества.
- Наряду с этим выделяются новые социальные функции, связанные с изменением роли образования в условиях социальной динамики. К ним относят функцию гомогенизации общества посредством организованной социализации, а также функцию активизации социальной мобильности, которая проявляется в дифференциации выпускников по уровню адаптивности, предприимчивости и способности к социальному продвижению.
- В современной социологической литературе выделяются две основные интерпретации взаимосвязи стратификации и функций высшего образования. Согласно первой точке зрения, система высшего образования тесно включена в механизм воспроизводства социальной стратификации. В условиях социального неравенства доступ к качественному образованию изначально распределен неравномерно. В результате образование начинает выполнять не только функцию профессиональной подготовки и социальной мобильности, но и функцию селекции и закрепления социальной иерархии.
- Противоположная позиция рассматривает образование как институт социальной интеграции и равенства возможностей. В рамках данного подхода высшая школа интерпретируется как среда, где индивидуальные достижения определяются прежде всего личными способностями, усилиями и академической мотивацией, а не социальным происхождением. Соответственно, образование выполняет функцию выравнивания стартовых возможностей, что

способствует стабилизации социальной системы и снижению уровня неравенства.

Литература

1. Антонова, О.Г. Социальные функции высшего образования в контексте новой образовательной парадигмы / О.Г. Антонова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 1 (45). – С. 89–98.
2. Богуславский, М.В. Современная система высшего образования в контексте стратификации / М.В. Богуславский, Е.В. Неборский // Образовательные технологии. – 2017. – № 4. – С. 10–18.
3. Гонашвили, А.С. Социальная стратификация российского общества / А.С. Гонашвили // Общество: социология, психология, педагогика. – 2015. – № 1. – С. 13–16.
4. Джамалудинов, Г.М. Специфика социальных функций системы высшего образования / Г.М. Джамалудинов, З.Г. Джамалудинова // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 3 (32). – С. 23–26.
5. Константиновский, Д.Л. Динамика неравенства: Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / Д.Л. Константиновский. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.
6. Макаренко, В.В. Стратификация в обществе / В.В. Макаренко, А.В. Федосеев // European Science. – 2018. – № 9 (41). – С. 73–77.
7. Попов, С.В. Социальная дифференциация в современном российском обществе: критерии и факторы / С.В. Попов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2025. – № 2 (859). – С. 133–142.
8. Соколов, М. Теории высшего образования и процесс выбора специальности абитуриентами: социально-сетевой анализ / М. Соколов, А. Кнорре, М. Сафонова // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 2. – С. 6–25.
9. Хлабыстова, Н.В. Институт высшего образования как фактор сохранения социального неравенства / Н.В. Хлабыстова, Е.Н. Нетребко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция,

политология, культурология. – 2019. – № 4 (249). – С. 223–230.

IMPACT OF SOCIAL STRATIFICATION ON CHANGES IN THE SOCIAL FUNCTIONS OF HIGHER EDUCATION

Bondarenko N.I.

Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs

This article analyzes the relationship between social stratification and the social functions of higher education. Drawing on the work of domestic and international researchers, this article explores the essence of stratification as a form of social inequality, expressed in the hierarchical distribution of resources, status, and life opportunities. The main approaches to interpreting the social functions of higher education are systematized. It is demonstrated that there is a two-way, mutually conditioned relationship between social stratification and the functions of higher education: on the one hand, the education system can act as a mechanism for the reproduction and reinforcement of social inequality; On the other hand, within the framework of the alternative sociological tradition, education is seen as an institution for equalizing starting opportunities.

Keywords: higher education, stratification, social functions, higher education institution, social stratification, inequality

References

1. Antonova, O.G. Social functions of higher education in the context of a new educational paradigm / O.G. Antonova // Izvestiya VUZov. The Volga region. Social sciences. – 2018. – № 1 (45). – Pp. 89–98.
2. Boguslavsky, M.V. The modern system of higher education in the context of stratification / M.V. Boguslavsky, E.V. Neborsky // Educational technologies. 2017. № 4. pp. 10–18.
3. Gonashvili, A.S. Social stratification of Russian society / A.S. Gonashvili // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2015. – № 1. – pp. 13–16.
4. Dzhamaludinov, G.M. The specifics of the social functions of the higher education system / G.M. Dzhamaludinov, Z.G. Dzhamaludinova // News of the DGPU. Psychological and pedagogical sciences. – 2015. – № 3 (32). – Pp. 23–26.
5. Konstantinovskiy, D.L. Dynamics of inequality: Russian youth in a changing society: orientations and ways in the field of education (from the 1960s to the 2000s) / D.L. Konstantinovskiy, Moscow: Editorial URSS, 1999–344 p.
6. Makarenko, V.V. Stratification in society / V.V. Makarenko, A.V. Fedoseyenko // European Science. – 2018. – № 9 (41). – Pp. 73–77.
7. Popov, S.V. Social differentiation in modern Russian society: criteria and factors / S.V. Popov // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. – 2025. – № 2 (859). – Pp. 133–142.
8. Sokolov, M. Theories of higher education and the process of choosing a specialty by applicants: a social network analysis / M. Sokolov, A. Knorre, M. Safonova // University Management: Practice and Analysis, 2014, № 2, pp. 6–25.
9. Hlabystova, N.V. Institute of higher education as a factor of preserving social inequality / N.V. Hlabystova, E.N. Netrebko // Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. – 2019. – № 4 (249). – Pp. 223–230.

Академическая карьера и репродуктивное поведение в российской академической среде: результаты второго этапа качественного исследования

Володин Виталий Николаевич,

аспирант кафедры социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: Vitvolnikvol@mail.ru

Статья представляет второй, верификационный этап продолжающегося качественного исследования репродуктивного поведения в российской академической среде. На основе 15 глубинных полуструктурированных интервью (Санкт-Петербург, Сыктывкар, Кемерово, Москва, Тула, Пермь) верифицированы паттерны, выявленные на первом этапе ($N = 6$), уточнены рабочие гипотезы и конкретизированы рабочие понятия. Подтверждена центральная находка: опыт родительства является разделяющей переменной, меняющей знак связи: «диссертация–деторождение». У бездетных информантов, незащищенная диссертация устойчиво функционирует как символический барьер деторождения. У информантов с детьми ребенок описывается как стимул к ускорению академической работы или как дополнительный ресурс смысла. Верифицированы академический репродуктивный габитус и гендерная асимметрия первичного барьера. Обнаружен и описан паттерн структурной неприспособленности академической среды к совмещению с родительством при формальном наличии мер поддержки. Предлагается рабочее понятие «тревога академического совмещения» (ТАС), претендующее на статус самостоятельного социологического конструкта: операционализировано через четыре наблюдаемых индикатора, верифицированных на материале обеих волн выборки, концептуально разграничено от смежных понятий. Окончательный научный статус понятия подлежит проверке на расширенной, в том числе количественной, выборке. Исследование приближается к теоретическому насыщению по ключевым паттернам.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, академическая карьера, аспирантура, качественное исследование, барьеры деторождения, институциональная поддержка, академический репродуктивный габитус, тревога академического совмещения, рабочее понятие, структурная неприспособленность.

Введение

Настоящая статья является продолжением исследования, первый этап которого опубликован ранее [1]. На первом этапе ($N = 6$) были выявлены пять предварительных паттернов взаимодействия академической карьеры и репродуктивных установок, введено рабочее понятие «академический репродуктивный габитус» и сформулированы три рабочие гипотезы. Центральной находкой стала инверсия связи «диссертация–деторождение» в зависимости от опыта родительства информанта. В статье предлагается рабочее понятие «тревога академического совмещения» (ТАС), концептуальные основания для которого были подготовлены данными первого этапа: понятие операционализируется через четыре наблюдаемых индикатора и претендует на статус самостоятельного социологического конструкта, отличного от смежных понятий. Его окончательный научный статус подлежит верификации на расширенной выборке.

Цель второго этапа – верификация предварительных паттернов на расширенной выборке, достижение теоретического насыщения по ключевым категориям и уточнение концептуального статуса рабочих понятий. Расширение выборки с шести до пятнадцати информантов позволило включить профили, отсутствовавшие на первом этапе: мужчин с детьми в период аспирантуры, информантов из региональных вузов, преподавателей без детей старшего возраста, участников с большим разбросом биографического опыта (25–36 лет).

Актуальность темы определяется сохраняющейся аналитической лакуной: несмотря на значительный корпус исследований репродуктивного поведения образованных горожан [2, 3, 4], академическая среда как специфический контекст деторождения остается практически неизученной в российской социологии. Под академической средой в настоящем исследовании понимается социальное поле, включающее аспирантов, соискателей ученых степеней и молодых преподавателей вузов, объединенных специфическими институциональными требованиями диссертационного производства, символическим капиталом ученой степени и разделяемыми нормами академической продуктивности [9].

Материалы и методы

Исследование выполнено в качественной парадигме с применением метода глубинного полуструктурированного интервью [6]. На втором этапе выборка формировалась методом теоретического отбора: целенаправленно включались профили, способные верифицировать или опровергнуть паттерны первого этапа. А также, с учетом того, что активный академический возраст: аспирантура и преподавание в высшей школе совпадает с активным репродуктивным возрастом и возрастом появления первенца (26–29 лет в России). Совокупная выборка двух этапов составила 15 информантов (табл. 1). Интер-

вью проводились в формате аудио и видеозвонков в 2025–2026 гг., средняя продолжительность – 3–3,5 часа. совокупный объем транскрипта составил – 394.059 слов или 1417 страниц транскрипта.

Аналитический метод – тематический анализ с элементами нарративного подхода [7]. На втором этапе применялась процедура взаимной проверки интерпретаций, все паттерны первого этапа систематически проверялись по технике отрицательных случаев. Ответы информантов на наводящие вопросы (прежде всего о флексибилизации и гипотетических пакетах поддержки) учитывались с пониженным аналитическим весом по сравнению со спонтанными высказываниями.

Таблица 1. Сводные характеристики 15 информантов

Имя	Пол	Возр.	Дети	Брак	Академический статус	Регион
Захар	М	26	Нет	Нет	Аспирант (экономика, юриспруденция)	Санкт-Петербург
Дмитрий	М	25	Нет	Нет	к.н., пишет докторскую	Сыктывкар
Мария	Ж	35	Есть	Да	Соискатель (психология)	Камчатка → Москва
Виктория	Ж	26	Есть	Да	Аспирантка (гуманит. науки)	Кемерово
Валерия	Ж	26	Нет	Нет	Аспирантка (политология)	Санкт-Петербург
Диана	Ж	25	Нет	Нет	Аспирантка, ассистент кафедры	Санкт-Петербург
Артем *	М	26	Нет	Нет	Аспирант (соц.-эк. науки)	Санкт-Петербург
Вера *	Ж	29	Нет	Нет	Аспирантка	Санкт-Петербург
Александр *	М	26	Нет	Да	Аспирант	Санкт-Петербург
Михаил *	М	26	Есть	Да	Аспирант	Пермь
Ольга *	Ж	29	Есть	Да	Аспирантка (медицина)	Тула
Егор *	М	25	Есть	Да	Аспирант	Санкт-Петербург
А *	Ж	31	Нет	Нет	Преподаватель, аспирант	Санкт-Петербург
Марина *	Ж	26	Нет	Нет	Аспирантка	Санкт-Петербург
Павел *	М	36	Есть	Да	Аспирант, преподаватель	Санкт-Петербург

* – информанты второго этапа.

Результаты

Паттерн 1. Инверсия «диссертация – деторождение»: верификация на N = 15

Центральный паттерн первого этапа – инверсия знака связи между незащищенной диссертацией и репродуктивными установками в зависимости от опыта родительства – получил устойчивое подтверждение на расширенной выборке. Паттерн воспроизводится у 14 из 15 информантов при разных дисциплинах, регионах, полах и мотивационных профилях.

Среди девяти бездетных информантов установка «сначала защита – потом семья» зафиксирована в явном виде у восьми из девяти. Марина описывает барьер в прагматических категориях:

«Я боюсь, что если у меня появится ребенок прямо сейчас, то я уже никогда кандидатскую не смогу защитить, ну или это сильно отложится.

Просто это что-то, что нужно сделать до того, как заведешь ребенка, потому что иначе времени будет хватать меньше.»

Артем описывает тот же паттерн в инструментальных, а не символических категориях – без сакрализации ученой степени, но с признанием диссертации как нерешенного «блока»:

«решение очень большого количества утилитарных вопросов, которые сейчас меня беспокоят и не дают мне спокойно думать о решении каких-либо других вопросов, в том числе построения семьи».

Это важный нюанс второго этапа: паттерн воспроизводится при разных мотивационных основаниях – и символических (Диана, Валерия), и инструментальных (Артем, Марина). Особого рассмотрения заслуживает Захар: его первичный барьер – финансово-материальный, а не академический («не сколько образовательный или научный статус, сколько статус материальный является сдерживающим фактором»); диссертация призна-

ется им фактором лишь вторичным образом, что делает его присутствие в подтверждающей группе наиболее пограничным случаем. Тем не менее паттерн воспроизводится как наиндивидуальная, полеспецифичная закономерность.

Единственное исключение среди бездетных – информант А (попросил не называть имя) (31 год, преподаватель):

«наверное, было бы хорошо успеть как бы до, но это неважно, наверное... можно и параллельно».

Это единственная в группе без детей, допускающая совмещение как принципиально возможное. Среди шести информантов с детьми инверсия воспроизводится у всех шести. Ольга – наиболее яркое подтверждение паттерна мобилизации:

«ребенок не был проблемой. Ребенок был большим счастьем, который показал мне возможности. Для меня ребенок – это не проблема как проблема. Для меня ребенок – это возможность».

Михаил описывает сложнее: гипотетический второй ребенок перераспределит бы приоритеты – семья на первое место, наука на минимум:

«я бы внутренне сознательно отказывался от развития в науке».

Это не синергия, но и не барьер – третья модель, «параллельность через снижение амбиций», отсутствовавшая в первом этапе.

Паттерн 2. Академический репродуктивный габитус: подтверждение и уточнение

Академический репродуктивный габитус – интeриоризированная диспозиция последовательного прохождения образовательных ступеней перед деторождением – подтверждается у восьми из девяти бездетных информантов. Ключевая черта, обнаруженная уже на первом этапе и укрепленная вторым: диспозиция воспроизводится при осознанной рефлексии субъекта.

Марина описывает установку как культурную, а не рациональную:

«у нас есть вот эта установка, что ты после школы должна поступить в университет... а ты не можешь закончить вышку, если ты еще будешь при этом беременной ходить, в этом проблема».

Вера рефлексировала о собственных установках:

«Для того чтобы заводить детей, тебе нужно ставить какую-то свою социальную жизнь на паузу. И учеба – это в том числе одно из ее проявлений... в совокупности вся эта история, конечно, приводит к тому, что ты откладываешь рождение детей, потому что тебе нужно каких-то своих целей достичь.»

Важное уточнение второго этапа: габитус устойчив при разных мотивационных основаниях – символических (Диана, Валерия, Вера) и прагматических (Марина, Артем). Это подтверждает наиндивидуальный, полеспецифичный характер феномена: разные информанты с разными профи-

лями воспроизводят одну и ту же диспозиционную структуру.

Паттерн 3. Рабочее понятие «тревога академического совмещения»: операционализация и концептуальное обоснование

На основе эмпирического материала двух этапов в настоящей статье предлагается рабочее понятие «тревога академического совмещения» (ТАС), претендующее на статус самостоятельного социологического конструкта. ТАС определяется как антиципаторное состояние субъекта, находящегося в академической карьере, при котором страх будущего совмещения научно-педагогической деятельности и родительства определяет откладывание репродуктивного решения вне зависимости от объективных ресурсных условий. Рабочий характер понятия обусловлен ограничениями выборки: хотя четыре операциональных индикатора ТАС устойчиво воспроизводятся у восьми из девяти бездетных информантов в обеих волнах, дисциплинарный охват выборки преимущественно гуманитарный, что не позволяет исключить специфику паттерна в технических науках. Окончательный концептуальный статус подлежит проверке на расширенной выборке. Четыре операциональных индикатора ТАС:

- (1) откладывание репродуктивного решения до наступления академического события (защита, публикация);
- (2) нереагирование на меры поддержки как нерелевантные – вплоть до их явного отвержения – при признании их объективной полезности (в зависимости от типа диспозиционного барьера: «отвергающие» прямо отказываются от поддержки, «безразличные» воспринимают ее как «приятный бонус», не влияющий на решение);
- (3) осознание условности собственной установки без ее изменения;
- (4) описание гипотетического совмещения через метафоры угрозы и необратимой потери.

Особенно рельефно ТАС проявляется у Марины: перспектива ребенка описывается как экзистенциальная угроза академической идентичности («я уже никогда кандидатскую не смогу защитить»). Вера дистанцируется от рациональности собственной позиции:

«возможно, когда родится ребенок, я переобуюсь в воздухе, я такое вообще не исключаю. Но сейчас мне кажется...».

Полеспецифичный характер ТАС – связь именно с академическим контекстом – подтверждается тем, что информанты разграничивают разные уровни образования: бакалавриат и магистратура воспринимаются как «экзистенциальная» необходимость, тогда как кандидатская степень – как «прагматический, но не экзистенциальный рубеж» (Марина). Это означает, что ТАС не сводится к об-

щей тревоге совмещения работы и родительства, а специфична для академического поля.

Паттерн 4. Гендерная асимметрия барьеров: детализация и уточнение

Гипотеза о гендерной асимметрии первичного барьера, сформулированная на первом этапе как предварительная, получает детализацию. У женских информантов без детей (Валерия, Диана, Вера, Марина, А) первичный барьер носит преимущественно символически-статусный характер: незащищенная диссертация воспринимается как незавершенная стадия личностного становления. Вера:

«более уверенно, более осознанно, более открытыми потребностями входить в рождение детей».

Следует оговориться, что у информанта А символическая окраска барьера выражена слабее: ее нарратив ближе к общей неготовности, чем к четкой идентитарной вехе.

У мужских информантов без детей картина иная: Захар – финансовый барьер, Артем – нагромождение «утилитарных вопросов», Александр – финансовая база и время с партнером, Дмитрий – отсутствие партнера. Ни один из мужских информантов без детей не описывает диссертацию в символических категориях вехи личностного становления.

Существенное уточнение второго этапа: среди мужских информантов с детьми (Михаил, Егор, Павел) совмещение описывается через высокую цену, но без постановки вопроса «сначала защита или дети» – для всех троих это было решено в пользу параллельности. При этом все трое называют главной жертвой либо здоровье (Павел: нарушенный сон, аспирантура сдвинулась на второй план), либо академические амбиции (Михаил: сознательный отказ от развития в науке). Это принципиально отличает мужской профиль от женских информантов без детей, у которых параллельность принципиально отвергается.

Паттерн 5. Дифференцированная восприимчивость к институциональной поддержке: уточнение с тремя субтипами

Паттерн дифференцированной восприимчивости к институциональной поддержке подтвержден и существенно нюансирован. Прежнее деление на «восприимчивых» (информанты с детьми) и «отвергающих» (бездетные с диспозиционным барьером) дополняется третьим субтипом – «безразличных».

Информанты с детьми (Мария, Виктория, Ольга) открыты к поддержке и формулируют конкретные необходимые меры. Ольга:

«именно с точки зрения науки, что вот бумажную волокиту мы уберем, не боясь, если тебе придется пройти снова, мы тебе поможем. Это было бы прекрасно».

Единственный фактический случай изменения поведения под влиянием структурной меры в выборке – поступление Виктории в аспирантуру после появления бесплатного места.

Бездетные с диспозиционным барьером (Валерия, Диана) отвергают поддержку любого типа с содержательным обоснованием: барьер на уровне диспозиции, а не ресурсов.

Третий субтип – «безразличные» (Вера, Артем): поддержка воспринимается как «приятный бонус», не влияющий на решение. Вера:

«если будут какие-то меры поддержки, это скорее приятный бонус, нежели там влияние на принятие мною решения какого-то... очень вторичную какую-то».

Барьер у этой группы не ресурсный, однако поддержка и не меняет принятия решений. Михаил (с детьми, для гипотетического второго ребенка):

«количество этих мер поддержки, наверное, для меня не играли бы роли при прочих равных заведения второго ребенка».

Паттерн 6. Структурная неприспособленность академической среды к совмещению с родительством

На втором этапе обнаружен паттерн, не зафиксированный на первом: академическая среда как система структурно не приспособлена к тому, чтобы помогать сочетать науку и родительство, – вне зависимости от наличия формальных мер поддержки. Паттерн описывается как на уровне институциональном, так и на уровне субъективного восприятия.

Марина формулирует это концептуально:

«Я просто думаю, что университет как организация скорее в этом плане в целом не приспособлен для того, чтобы семьям в нем помогать. То есть, может быть, как-то облегчить они могут, но в общем неэффективно, и неэффективно по самой сути университета.»

Михаил сообщает, что об индивидуальном академическом графике «ничего не слышал», хотя находится в активной фазе совмещения аспирантуры и преподавания с рождением ребенка. Артем прямо говорит о малоизвестности мер поддержки – и констатирует, что они «не влияют» на его решения именно потому, что остаются невидимыми. Егор упоминает коллег, которые «не защитились» в период, когда у них появились дети, хотя сам оговаривается, что точная причинно-следственная цепочка многофакторна:

«это прям не так было сказано, что вот основная причина»

– данный пример иллюстрирует бытующий в академическом сообществе нарратив о несовместимости совмещения, но не может служить самостоятельным доказательством структурного барьера.

Таким образом, паттерн имеет два уровня. Институциональный: академическая бюрократия

(нормативные сроки, требования диссертационных советов, публикационная активность) структурно несовместима с биографическими событиями, в том числе беременностью и уходом за ребенком – что Валерия зафиксировала еще на первом этапе. Информационный: существующие меры поддержки систематически не достигают потенциальных адресатов из-за низкой осведомленности и отсутствия проактивного информирования. Два уровня вместе объясняют, почему воздействие на один из них (например, увеличение финансовых выплат) не меняет общей картины.

Паттерн 7. Слабое социальное давление: универсальный и устойчивый паттерн

Паттерн слабого и неэффективного социального давления в пользу деторождения получает устойчивое подтверждение на $N = 15$. Из 15 информантов 12 описывают давление как отсутствующее или минимальное, не влияющее на репродуктивные решения. Михаил: «нет, никогда давления не было». Александр: «это все-таки мое решение». Артем: «в целом на меня как-то сильно давление никогда не оказывали».

Примечательно, что большинство информантов с детьми (Михаил, Егор, Павел) также не описывают давление как значимый фактор – решение принималось из внутренней логики. Это указывает на то, что отсутствие внешнего давления в совокупности с наличием внутренней диспозиции является системной чертой данной социальной группы, а не артефактом малой выборки.

Из трех информантов, фиксирующих ощутимое давление (Виктория – сильное давление со стороны родителей, придерживавшихся «домостроевских» ценностей; Дмитрий – самооценка давления на 4/5), лишь у Виктории оно описывается как реально повлиявшее на траекторию. Эти случаи не опровергают паттерн (12/15), однако показывают, что слабое давление – не универсальный, а преобладающий признак данной социальной группы. Полное отсутствие давления не следует абсолютизировать.

Обсуждение

Верификация и уточнение рабочих гипотез

Гипотеза № 1 (внутренняя логика постиндустриализации, без прямой зависимости от западной экспансии) по-прежнему не верифицируема на качественных данных – для этого необходим сравнительный дизайн. Вместе с тем материал второго этапа последовательно не противоречит этой гипотезе: ни один из 15 информантов не атрибутирует западным образцам своих личных репродуктивных установок; в собственных мотивационных нарративах все объяснения строятся через локальные структурные условия – российскую академическую бюрократию, жилищный вопрос, финансовую неста-

бильность. Отдельные информанты (Захар, Диана) апеллируют к «западным ценностям» при описании общественных тенденций в целом, однако не как к источнику собственных установок.

Гипотеза № 2 (адресные меры институциональной поддержки способны снизить барьеры деторождения) получает принципиальное переформулирование в свете паттерна 6. Данные показывают: ограниченная эффективность мер обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Первый – тип барьера: при диспозиционном барьере поддержка нерелевантна по определению. Второй – структурная неприспособленность академической среды: «бумажная волокита» и нормативные требования остаются несмягченными вне зависимости от финансовых мер. Третий – информационный дефицит: существующие меры систематически не достигают адресата. Переформулировка Гипотезы № 2: адресная институциональная поддержка способна снизить барьеры деторождения для тех, чей барьер инструментально-экономический, при условии ее проактивной доставки и структурного сопровождения; для тех, чей барьер диспозиционный, она нерелевантна вне зависимости от объема.

Гипотеза № 3 (синергетическая модель) получает ограниченное подтверждение с важными нюансами. Ольга описывает ребенка как «возможность», а не проблему – наиболее близкое к подлинной синергии (взаимному усилению двух сфер) описание в выборке. Павел прямо говорит о смысле ресурсе: «дети – это какой-то смысл, появляется определенный смысл существования», что «предает сил». Михаил признает, что семейное счастье «дает силы», однако достигается это через сознательное снижение академических амбиций – модель, точнее описываемая как параллельность с жертвами, а не синергия. Павел и Егор описывают реальное совмещение через высокую цену здоровья и сна. Корректная переформулировка Гипотезы № 3: совмещение академической карьеры и родительства способно формировать ресурс смысла и субъективного благополучия, однако не устраняет структурного напряжения; синергия как взаимное усиление двух сфер достигается лишь при наличии внешней поддержки и/или сознательного снижения академических амбиций, тогда как для большинства информантов с детьми характерна модель параллельного функционирования с явными жертвами.

Теоретическая интерпретация

Концепция Юргена Хабермаса о колонизации жизненного мира [8] получает новое измерение через паттерн 6. Если на первом этапе колонизация описывалась преимущественно как поглощение времени и ресурсов, то второй этап раскрывает ее структурное измерение: академическая система устроена так, что ее требования несовместимы

с рядом биографических событий не только *de facto*, но и – как аналитический вывод из материала, а не прямая его цитата – *de jure*: нормативные сроки аспирантуры не адаптированы к биографическому времени материнства или отцовства (информанты описывают эту несовместимость как ощущаемый факт, хотя прямой апелляции к правовым нормам в их речи нет). Структурная неприспособленность – не случайный дефицит, а функциональная черта системы.

Концепция академического репродуктивного габитуса, операционализированная на первом этапе, уточняется в двух направлениях. Во-первых, подтверждается его наиндивидуальный характер: разные мотивационные основания (символические и прагматические) производят одну и ту же поведенческую структуру. Во-вторых, уточняется его полеспецифичность: габитус формируется именно академическим полем и не сводится ни к общим нормам «правильного» жизненного пути, ни к рациональному расчету. Это согласуется с бурдьевским пониманием поля как системы, производящей специфические диспозиции [9].

Веберовское расхождение ценностных деклараций и практик [11] воспроизводится у всех 15 информантов. Второй этап добавляет существенное наблюдение: расхождение не устраняется расширением ресурсов (поддержкой), а воспроизводится на уровне диспозиции. Это делает концепцию академического репродуктивного габитуса теоретически необходимой: именно она объясняет, почему веберовское расхождение устойчиво при осознанной рефлексии субъекта. Показателен случай Дмитрия: он единственный в выборке, у кого академический барьер объективно устранен (степень получена), однако репродуктивное решение по-прежнему не принято – прямое подтверждение тезиса о том, что расхождение воспроизводится вне зависимости от ресурсов.

Предлагаемое рабочее понятие «тревога академического совмещения» (ТАС) получает теоретическое обоснование на пересечении трех концепций. Юрген Хабермас объясняет системный механизм: академическая бюрократия как колонизатор жизненного мира производит устойчивое ощущение нехватки времени и ресурсов для биографических событий, несовместимых с ее логикой. П. Бурдьё объясняет механизм интериоризации: символический капитал ученой степени маркирует диссертацию как рубеж перехода, до которого субъект не ощущает себя «готовым» к родительству. Д. Белл и Р. Инглхарт [10] объясняют культурный фон: норма секвенциального жизненного пути является продуктом постиндустриальной ценностной системы. Данная концепция вводится как внешний объяснительный ресурс, задающий макросоциальный контекст, а не как конструкт, непосредственно считываемый из материала интервью: информанты не атрибутируют свои

установки постиндустриальной логике в явном виде, однако их нарративы структурно воспроизводят описанный Д. Беллом и Р. Инглхартом секвенциальный принцип. Только совокупность этих трех факторов порождает ТАС как специфический феномен, отличный от ролевого конфликта (антиципаторна – конфликт еще не наступил), выгорания (не связана с истощением от происходящего) и репродуктивной тревоги в медицинском смысле (социально производится полем, а не биологическими рисками). Концептуальная самостоятельность ТАС обоснована; ее окончательный научный статус определится по результатам количественной верификации операциональных индикаторов на репрезентативной выборке – задача будущих исследований.

Теоретическое насыщение и статус паттернов

По результатам двух этапов (N = 15) можно констатировать следующее распределение паттернов по степени насыщения. Паттерны 1 (инверсия), 2 (академический репродуктивный габитус) и 7 (слабое социальное давление) приближаются к теоретическому насыщению: новые интервью второго этапа не добавили принципиально новых категорий, лишь уточнили нюансы. Паттерны 4 (гендерная асимметрия), 5 (дифференцированная восприимчивость) и 6 (структурная неприспособленность) насыщены частично: вариации в выборке остаются значимыми. Понятие ТАС, введенное в настоящей статье, верифицировано через четыре индикатора у восьми из девяти бездетных информантов; его концептуальный статус требует дальнейшей проверки на расширенной выборке. Феномен замещающих привязанностей (зафиксированный на первом этапе) получил косвенное подтверждение – информант А описала его у коллег, но личного самоописания во втором этапе нет; для его верификации необходим отдельный шаг исследования.

Ограничения исследования

Выборка по-прежнему сконцентрирована в Санкт-Петербурге (10 из 15 информантов). Дисциплинарный охват преимущественно гуманитарный и социальный; технические и естественнонаучные специальности представлены одним информантом (Ольга – медицина). Часть вопросов по-прежнему включала наводящие формулировки о флексибилизации; этот риск учтен аналитически.

Также, ограничение связано с методологической трудностью поиска информантов (аспирантов) мужского пола с детьми (Павел, 36 лет). Информант, который изначально вышел за рамки выборки 25–35 лет как максимального возраста молодежи в России. Однако его статус как действующего аспиранта с ребенком и глубокая рефлексия причин ухода с преподавательской ставки дала качественный взгляд на причины и сложно-

сти совмещения науки и семьи в ретроспективном анализе.

Заключение

Второй этап исследования верифицировал, существенно уточнил и дополнил результаты первого. На материале 15 глубинных интервью подтверждены все ключевые паттерны, выявленные на N = 6, обнаружен новый паттерн структурной неприспособленности академической среды к совмещению с родительством, уточнен теоретический статус рабочих понятий и переформулированы все три рабочие гипотезы.

Четыре итоговых вывода двух этапов могут быть сформулированы следующим образом.

Первый вывод. Инверсия репродуктивно-академической связи в зависимости от опыта родительства подтверждена как устойчивая, наиндивидуальная, полеспецифичная закономерность. Академическая среда не является однородным демографическим фактором риска: ее влияние на репродуктивное поведение противоположно по направлению у бездетных участников и у участников с детьми. Это требует дифференцированного подхода к демографической политике в академической среде.

Второй вывод. Академический репродуктивный габитус как концептуальный конструкт верифицирован операционально. Его полеспецифичность и наиндивидуальность подтверждают, что барьер деторождения у бездетных аспирантов не является ни рациональным расчетом, ни случайным предпочтением – он является структурно производимой диспозицией. Это объясняет устойчивую неэффективность финансовых мер поддержки применительно к данной группе.

Третий вывод. Структурная неприспособленность академической среды к совмещению с родительством является системным, а не случайным феноменом, действующим на двух уровнях: институциональном (несовместимость нормативных требований с биографическим временем родительства) и информационном (систематическая недоступность существующих мер для адресатов). Для повышения эффективности поддержки необходимо воздействие на оба уровня одновременно.

Четвертый вывод. «Синергия» академической карьеры и деторождения существует как субъективно переживаемый ресурс смысла, но не как устранение структурного напряжения. Достижение синергии требует либо институциональной поддержки, устраняющей объективные барьеры, либо сознательного снижения академических амбиций – оба условия нуждаются в учете при проектировании мер поддержки. Для большинства информантов с детьми реализованная модель – параллельное функционирование с явными жертвами, а не взаимное усиление двух сфер.

Перечисленные выводы формируют основу для следующих исследований как качественных, так и количественных, которые, вероятнее всего, не только окончательно подтвердят уже найденные нами барьеры совмещения активной академической карьеры и семьи, но и заполнят научную лауну в виде отсутствия работ, системно изучающих барьеры деторождения в российской академической среде.

Литература

1. Володин В.Н. Паттерны репродуктивного поведения в академическом сообществе современной России: качественное исследование // Социология. – 2026. – № 4. – С. 168–173.
2. Захаров С.В. С скромные результаты пронаталлистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–38.
3. Синельников А.Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36–48.
4. Ипатова А. А., Тынди́к А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 123–148.
5. Mason M. A., Goulden M. Do Babies Matter? The Effect of Family Formation on the Lifelong Careers of Academic Men and Women // Academe. 2002. Vol. 88. № 6. P. 21–27.
6. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
7. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. № 2. P. 77–101.
8. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.
9. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 340 p.
10. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
11. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
12. Stinchcombe A.L. Stratification and Organization. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 292 p.

ACADEMIC CAREER AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN THE RUSSIAN ACADEMIC ENVIRONMENT: RESULTS OF THE SECOND STAGE OF A QUALITATIVE STUDY

Volodin V.N.

St. Petersburg State Economic University

This article represents the second, verification phase of an ongoing qualitative study of reproductive behavior in the Russian aca-

demic community. Based on 15 in-depth semi-structured interviews (St. Petersburg, Syktyvkar, Kemerovo, Moscow, Tula, and Perm), the patterns identified in the first phase ($N = 6$) were verified, working hypotheses were refined, and operational concepts were concretized. The central finding was confirmed: parenting experience is a dividing variable that changes the sign of the dissertation-childbearing relationship. Among childless respondents, an undefined dissertation consistently functions as a symbolic barrier to childbearing. Informants with children described their children as an incentive to accelerate academic work or as an additional source of meaning. Academic reproductive habitus and gender asymmetry in the primary barrier were verified. A pattern of structural inadequacy of the academic environment for combining parenthood with formal support measures was identified and described. A working concept of «academic combination anxiety» (ACA) is proposed, which aspires to become an independent sociological construct. It is operationalized through four observable indicators, verified using data from both waves of the sample, and conceptually distinguished from related concepts. The concept's final scientific status is subject to verification using an expanded, including quantitative, sample. The study is approaching theoretical saturation in terms of key patterns.

Keywords: reproductive behavior, academic career, graduate school, qualitative research, barriers to childbearing, institutional support, academic reproductive habitus, academic anxiety, working concept, structural maladjustment.

References

1. Volodin V.N. Patterns of Reproductive Behavior in the Academic Community of Modern Russia: A Qualitative Study // *Sociology*. – 2026. – № 4. – Pp. 168–173.
2. Zakharov S.V. Modest Results of Pronatalist Policy Against the Background of Long-Term Evolution of the Fertility in Russia. Part 1 // *Demographic Review*. 2016. Vol. 3. № 3. Pp. 6–38.
3. Sinelnikov A.B. Isolation of Generations in Families as a Factor in Declining Fertility // *Sociological Research*. 2022. № 5. Pp. 36–48.
4. Ipatova A. A., Tyndyk A.O. Reproductive Age: The 30-Year Milestone in Preferences and Biographies // *The World of Russia*. 2015. T. 24. № 4. pp. 123–148.
5. Mason M. A., Goulden M. Do Babies Matter? The Effect of Family Formation on the Lifelong Careers of Academic Men and Women // *Academe*. 2002. Vol. 88.No. 6. P. 21–27.
6. Kvale S. Research interview. M.: Smysl, 2003. 301 p.
7. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3.No. 2. P. 77–101.
8. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Life-world and System. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.
9. Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990. 340 p.
10. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
11. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
12. Stinchcombe A.L. Stratification and Organization. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 292 p.

Институциональные возможности и социальная неопределённость: сравнительный анализ механизмов обретения социального статуса молодёжью в Китае и России

Ушакова Валентина Григорьевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: v.ushakova@spbu.ru

Вэй Ицзюнь,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: yijunwei@yandex.ru

В статье рассматриваются механизмы обретения социального статуса молодёжью в Китае и России, в условиях, при которых формально открытые каналы мобильности сочетаются с устойчивыми структурными ограничениями. На основе сравнительного социологического анализа данных официальной статистики и академической литературы раскрывается содержание трёх взаимосвязанных блоков: доступ к высшему образованию, выход на рынок труда, территориально-регуляторные режимы. Показано, что в обеих странах экзаменационные механизмы отбора продолжают играть центральную роль в легитимации неравенства, однако институциональная логика этого неравенства различается. В Китае решающее значение имеют система хукоу (кратко раскрыть смысл этого термина в скобках) и провинциальная организация приёма по результатам гаокао (кратко раскрыть смысл этого термина в скобках), тогда как в России – межрегиональная неоднородность качества школьной подготовки, различия в семейных ресурсах для дополнительной подготовки к ЕГЭ и неоднородный спрос на выпускников со стороны рынка труда. С особым вниманием рассматривается роль неформальных сетей гуанси (кратко раскрыть смысл этого термина в скобках) и «связей» как каналов, не отменяющих формальные процедуры, а встраивающихся в них. В качестве аналитической эвристики предлагается понятие «меритократической ловушки», обозначающее ситуацию, в которой формально универсальные и конкурентные институты воспроизводят асимметрию стартовых возможностей, оставаясь при этом символически легитимными.

Ключевые слова: молодёжь, социальная мобильность, статусные траектории, образовательные системы, гаокао, ЕГЭ, хукоу, регистрация по месту жительства, меритократия, Китай, Россия, сравнительная социология.

Введение

Проблема социального статуса молодёжи в последние десятилетия стала особенно заметной не потому, что это новый феномен, а потому, что изменилось соотношение между институциональным обещанием и социальным результатом. Образование, экзамены и диплом по-прежнему остаются ключевыми каналами легитимного продвижения, однако их связь с последующей занятостью, доходом и символическим признанием всё чаще оказывается опосредованной территориальными, классовыми и сетевыми неравенствами.

Китай и Россия представляют в этом отношении продуктивную аналитическую пару. Обе страны сочетают высокую роль государства в регулировании жизненных шансов с длительными траекториями институциональной трансформации. В обеих системах образование выступает важнейшим критерием справедливости и отбора. Однако механизмы, через которые воспроизводится неравенство, различаются.

В Китае центральную роль играют территориально закреплённые различия в доступе к образовательным и городским ресурсам; в России межрегиональная неоднородность качества школьного обучения, различия в возможностях дополнительной подготовки и неодинаковая способность региональных рынков труда конвертировать образовательный успех в статусную позицию.

Целью статьи является сопоставление механизмов обретения социального статуса молодёжью в Китае и России в трёх измерениях: (1) формальные фильтры доступа к высшему образованию, (2) территориально-регуляторные режимы, влияющие на накопление и конвертацию ресурсов, и (3) переход из системы образования в сферу занятости. В отличие от исследований, стремящихся напрямую измерять межпоколенческую мобильность в обеих странах в рамках одной статистической модели, в данной статье формулируется задача: показать, как институциональные устройства формируют различающиеся, но сопоставимые режимы неравного доступа к социальному статусу.

Теоретический анализ опирается на классические статусно-аттейнмент-модели, подчёркивающие связь происхождения, образования и профес-

сионального положения, а также на последующую критику меритократических представлений, обращающую внимание на культурный капитал, институциональную селекцию и устойчивость преимуществ привилегированных групп.

В этом контексте социологическое сравнение опыта Китая и России актуально не только как поиск «одинаковых» траекторий мобильности, а как способ выявить разные институциональные механизмы, с помощью которых формально открытая система может производить систематически неравные результаты (Blau & Duncan, 1967; Bourdieu, 1984; Goldthorpe, 2000).

Новизна статьи состоит не в повторении общей критики меритократии как идеологии справедливого отбора. В отличие от подходов, которые делают акцент либо на воспроизводстве культурного капитала, либо на нормативной несостоятельности языка заслуг, понятие «меритократической ловушки» в данной работе используется на уровне институционального механизма, в рамках которого социальное неравенство формируется до момента отбора, частично маскируется стандартизированной процедурой и затем вновь проявляется на стадии конвертации образовательного результата в занятость. Поэтому в статье не предлагается самостоятельный, эмпирически протестированный закон мобильности. Речь идёт о сравнительной эвристике, уточняющей, как формально универсальные процедуры сохраняют символическую легитимность при неравных стартовых условиях.

Материалы и методы

Исследование выполнено в логике сравнительного институционального анализа и structured, focused comparison двух национальных траекторий. Оно не претендует на построение единой количественной модели мобильности для молодёжи Китая и России, поскольку национальные статистики используют разные возрастные границы, разные определения занятости и разные процедуры регистрации образовательных и миграционных статусов. Поэтому статья строится как аналитическое социологическое сопоставление институтов и подтверждающих их действие эмпирических индикаторов, а не как механическое сравнение всех доступных показателей.

Для достижения целей и решения задач статьи следует уточнить содержание двух базовых рабочих определений.

Под «молодёжью» понимаются когорта, находящаяся на этапе перехода от завершения общего или профессионального образования к относительно устойчивому положению на рынке труда. В статистических сопоставлениях базовым ориентиром служит международно признанная возрастная рамка 15–24 года, а случаи использования иных возрастных рамок в национальных источниках отмечаются отдельно (United Nations, n.d.).

Под социальным статусом понимается относительное положение индивида в иерархии жизненных шансов, которое в данной работе операционализируется через доступ к селективному высшему образованию, тип первой занятости и возможность конвертировать образовательные достижения в устойчивую профессиональную позицию (Blau & Duncan, 1967; Goldthorpe, 2000).

Эмпирическая база включает три группы материалов.

Во-первых, использованы официальные документы и статистические публикации Министерства образования КНР, Национального бюро статистики Китая и Росстата.

Во-вторых, привлечены академические исследования по образовательному неравенству, внутренней миграции, сетевым механизмам трудоустройства и доступу к высшему образованию в обеих странах.

В-третьих, учтены исследования, посвящённые эффектам ЕГЭ и провинциальных квот при поступлении в вузы России.

Временной фокус основной научной литературы охватывает 2010–2024 годы, при сохранении классических работ, необходимых для обоснования теоретического каркаса данной статьи.

Для сопоставления выбраны четыре аналитические оси: (1) главный институциональный фильтр на входе в систему статусов; (2) территориальные и регистрационные механизмы стратификации; (3) конфигурация риска на переходе от образования к занятости; (4) роль неформальных сетей. Такая рамка позволяет избежать ложной симметрии между случаями и одновременно удерживать их в едином сравнительном поле.

Таблица 1. Сравнение институциональных механизмов статусного продвижения молодёжи

Критерий сравнения	Китай	Россия	Аналитический вывод
Ключевой формальный фильтр	Гаокао и провинциально организованный приём в вузы	ЕГЭ и централизованный приём по унифицированным баллам	В обеих странах экзамен выступает языком формальной справедливости
Территориальный механизм стратификации	Хукоу, неодинаковые провинциальные квоты и различия в ресурсах регионов	Межрегиональное неравенство школ и вузов, регистрационный режим, различия в инфраструктуре подготовки	Территория влияет не только на место жизни, но и на конвертацию образовательных достижений

Критерий сравнения	Китай	Россия	Аналитический вывод
Ключевой барьер при переходе из школы в вуз	Формально единый экзамен при неравных шансах поступления в элитные университеты	Формально единый экзамен при неравных ресурсах подготовки и семейной поддержке	Меритократический фильтр не устраняет неравенство стартовых условий
Ключевой барьер при переходе от вуза к рынку труда	Перенасыщение сегмента выпускников и напряжённость на рынке труда для городской молодёжи	Горизонтальный и вертикальный, сильная межрегиональная неоднородность спроса	Риск состоит не только в безработице, но и в слабой отдаче от образования
Значение неформальных связей	Гуанси особенно значимы в сегментах, связанных с государством и стабильной занятостью	«Связи» сохраняют значение как канал поиска и распределения рабочих мест	Неформальные каналы встраиваются в формальные процедуры, а не вытесняют их полностью

Результаты и обсуждение

Китайский гаокао остаётся центральным механизмом распределения образовательных шансов. В 2022 году к экзамену были допущены 11,93 млн человек, что подчёркивает его массовый характер и институциональную значимость (State Council of the PRC, 2022). Однако массовость не равна однородности условий. Ключевая проблема состоит в том, что результаты гаокао встраиваются в систему приёма, организованную по провинциальному принципу. При равных индивидуальных результатах абитуриенты из разных провинций оказываются в неравном положении из-за различий в числе мест, распределяемых по региональным квотам, и из-за территориальной концентрации сильнейших университетов (Hannum et al., 2011; Jia & Ericson, 2017).

Российский ЕГЭ был введён как инструмент унификации требований и снижения зависимости поступления от локальных университетских процедур. Исследования действительно показывают, что переход к централизованному приёму усилил межрегиональную мобильность выпускников, в том числе из малых городов и посёлков (Francesconi et al., 2019). Вместе с тем он не устранил социальную селекцию. Работы по российскому опыту фиксируют, что семейный доход, образование родителей, тип школы и инвестиции в дополнительную подготовку по-прежнему существенно влияют на результаты ЕГЭ и, следовательно, на доступ к более селективным университетам (Prakhov, 2014; Prakhov & Yudkevich, 2019; Jackson et al., 2020).

Иными словами, в обеих странах экзамен выполняет двойную функцию. С одной стороны, он стандартизирует вход в систему и создаёт публично распознаваемую процедуру отбора. С другой, он скрывает под единым правилом разные стартовые условия. В Китае асимметрия сильнее встроена в саму архитектуру приёма; в России в распределение подготовительных ресурсов до момента экзамена и в неравную ценность образовательных маршрутов после него.

Для Китая одним из ключевых структурных механизмов остаётся система хукоу. Она не сводится к формальной записи в документах, а выступает способом распределения доступа к публичным услугам, включая школьное образование, медицину, социальную защиту и полноценную городскую интеграцию (Chan, 2019). Даже в условиях массовой внутренней миграции регистрационный статус продолжает задавать различие между фактическим проживанием и полнотой прав на месте проживания. По официальным данным, к концу 2023 года в стране насчитывалось 297,53 млн трудовых мигрантов, а численность городского постоянного населения достигла 932,67 млн человек (National Bureau of Statistics of China, 2024). Эти цифры свидетельствуют о масштабе мобильности, но не означают автоматического исчезновения институционально закреплённых различий между местом работы, местом проживания и местом регистрации.

Российский опыт нельзя просто приравнять к китайскому. После 1993 года разрешительный институт прописки был формально заменён регистрацией по месту жительства и пребывания. Однако постсоветский регистрационный режим остаётся значимым как канал упорядочивания внутренней мобильности и доступа к городской инфраструктуре (Turaeva, 2022). В отличие от китайского хукоу, современная российская регистрация слабее как прямой административный барьер, но она по-прежнему влияет на доступ к жилью, локальным социальным услугам и на практики повседневной городской интеграции. Поэтому сопоставление опыта России и Китая должно быть асимметричным: речь идёт не об идентичных институтах, а о разных по жёсткости режимах территориального опосредования жизненных шансов.

Именно в этой точке различие между странами становится особенно важным. В Китае территориально-административная логика встроена в производство неравенства более жёстко и непосредственно. В России она действует мягче и чаще косвенно, но в сочетании с региональными

ми диспропорциями всё равно значительно влияет на пути накопления и конвертации человеческого капитала.

Сфера занятости показывает, что формальный успех в системе образования не гарантирует сопоставимого статусного результата. В Китае давление на рынок труда выпускников усиливается за счёт масштабов расширения высшего образования. Официально ожидалось, что в 2023 году китайские вузы выпустят 11,58 млн человек – рекордное число для страны (Ministry of Education of the People's Republic of China, 2022). На этом фоне показатели безработицы среди городской молодёжи в 2023 году стали предметом публичного внимания и последующей пересборки методики. Даже после методологического пересмотра официальный уровень безработицы среди городского населения 16–24 лет (без учёта студентов) на конец 2023 года составлял 14,9% (National Bureau of Statistics of China, 2024). Это указывает на устойчивое напряжение в сегменте раннего вхождения в занятость.

В России проблема чаще принимает другую форму. Здесь ключевой риск для молодых людей выражается не столько в массовой открытой безработице выпускников, сколько в неодинаковой отдаче от образования по регионам, в несоответствии первого рабочего места профилю подготовки и в различиях между вузами по их способности конвертировать диплом в карьерный старт (Bessudnov et al., 2017). По данным выборочного наблюдения Росстата, в среднем по Российской Федерации были трудоустроены около 89% выпускников 2016–2020 годов выпуска, однако лишь 57% работали в должности, связанной с полученной профессией (специальностью) (Rosstat, 2021a; Rosstat, 2021b). Эти показатели важно рассматривать вместе. Для России они показывают не просто уровень занятости выпускников, а более существенную вещь: наличие работы само по себе ещё не означает успешной статусной конвертации образования. Выпускники сравнительно часто находят работу, но заметно реже закрепляются в профессиональных сегментах, напрямую связанных с полученной квалификацией. Поэтому ключевой вопрос состоит не только в том, трудоустроен ли молодой человек, но и в том, повышает ли диплом его шансы занять позицию, которая соответствует уровню образования и может рассматриваться как статусно значимая.

В этом смысле китайский и российский опыт действительно сопоставимы. В обеих странах образование уже не обеспечивает той прямой и отностительно предсказуемой связи со статусным результатом, которая предполагается меритократической логикой. Но причины этого расхождения различны. В Китае проблема особенно заметна в сфере городской молодёжной занятости, где массовый выпуск из вузов сочетается с огра-

ниченным доступом к качественным рабочим местам. В России разрыв проявляется иначе: через неодинаковую ценность дипломов, различия в селективности вузов и сильную территориальную неравномерность спроса на квалифицированный труд.

На этом фоне возрастает роль неформальных механизмов. В китайском случае такую функцию выполняет гуанси. Современные исследования показывают, что речь идёт не об архаичном пережитке, а о вполне действующем способе координации доступа к возможностям. Формальные процедуры не устраняют его значимость; в ряде сегментов, особенно связанных с государственным сектором и устойчивыми карьерными траекториями, гуанси по-прежнему остаётся важным ресурсом (Bian, 2019).

В России сходную роль играют личные связи, рекомендации и неформальные каналы найма. Как показано в исследовании трудовых траекторий на российском рынке труда, сети не исчезают по мере развития формальных институтов, а продолжают влиять на распределение рабочих мест и воспроизводство неравенства (Gerber & Mayorova, 2010). Речь, таким образом, идёт не о замене формальных критериев неформальными, а о другой проблеме: при равных дипломах, сходных результатах отбора и формально сопоставимых шансах участники конкурируют, располагая разным объёмом социальных связей и рекомендационного ресурса.

Поэтому анализ социальной мобильности нельзя сводить только к экзаменационным результатам, типу диплома или общим показателям занятости. Такой подход фиксирует лишь формальный контур распределения возможностей, но не показывает, за счёт каких дополнительных ресурсов одни траектории оказываются устойчивыми, а другие нет.

Между формальным правилом и конечным статусным результатом в обеих странах действует дополнительный слой посредников семейных ресурсов, социальных связей, локальных неформальных норм и практик доверия.

Сопоставление опыта Китая и России не позволяет напрямую проверить причинный статус предложенного понятия, однако даёт основания утверждать, что проблема состоит не только в «незавершённости реформ». И китайский, и российский опыт скорее указывают на устойчивую конфигурацию, при которой система остаётся формально открытой, стандартизированной и публично понятной, но при этом воспроизводит асимметрию стартовых возможностей. Именно эту конфигурацию в данной статье предлагается описывать как меритократическую ловушку.

Под меритократической ловушкой условно понимается ситуация, в которой конкурентные и универсалистские институты отбора, прежде все-

го экзамены и стандартизированные процедуры приёма, одновременно выполняют две функции. Они действительно снижают произвол и создают единый язык легитимации распределения шансов. Но именно благодаря этой легитимирующей функции они затрудняют проблематизацию скрытых механизмов неравенства, действующих до экзамена, вокруг него и после него. Неравенство при этом не отменяет меритократический нарратив, а скрывается внутри него.

Важна и граница применимости этого понятия. Речь не идёт о том, что любые экзамены или любые стандартизированные процедуры по определению несправедливы. Проблема возникает там, где формальная универсальность института заставляет недооценивать роль территориальных, семейных и сетевых различий в накоплении ресурсов. В этом смысле Китай и Россия имеют сходный опыт не по результатам в строгом статистическом смысле, а в институциональной логике сочетания формальной открытости и неравных предпосылок.

Заключение

Сравнение опыта Китая и России позволяет заключить, что формально меритократические механизмы следует анализировать не изолированно, а вместе с территориальными режимами, распределением образовательных ресурсов и характеристиками перехода к рынку труда. В обеих странах экзамен сохраняет высокую символическую и практическую значимость как инструмент отбора, однако сам по себе не устраняет асимметрию стартовых условий. В Китае существенную роль играют провинциальная организация доступа к высшему образованию и сохраняющееся действие хукоу как системы территориально распределённых прав. В России сохраняются межрегиональные различия в качестве подготовки, зависимость результатов ЕГЭ от семейных ресурсов и неодинаковая способность региональных рынков труда превращать диплом в статусное преимущество.

Тем самым различие опыта наших стран вряд ли сводится к формуле «в Китае институты сильнее, а в России слабее». Обоснованнее обсуждать разные типы институционального опосредования неравенства. Китай демонстрирует более жёсткую и административно закреплённую форму территориальной селекции; Россия – модель, более мягкую юридически, но менее предсказуемую с точки зрения конвертации образовательных достижений в профессиональный статус.

Предложенное понятие «меритократической ловушки» полезно прежде всего, как рабочая аналитическая эвристика. Оно помогает увидеть не только то, что формальные каналы мобильности остаются открытыми, но и то, почему эта открытость сама по себе не гарантирует равных жизненных шансов для молодёжи. Вместе с тем,

его объяснительный потенциал требует отдельной эмпирической проверки на лонгитюдных панелях и когортных данных, позволяющих проследить не только момент экзаменационного отбора, но и длительную траекторию перехода от школы к вузу и от вуза к рынку труда.

Литература

1. Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. (2017). The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 3, 83–109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>
2. Bian Y. (2019). *Guanxi: How China Works*. Cambridge: Polity.
3. Blau P. M., Duncan O.D. (1967). *The American Occupational Structure*. New York: Wiley.
4. Bourdieu P. (1984). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Chan K. W. (2019). China's Hukou System at 60: Continuity and Reform. In: Whyte M.K. (ed.). *One Country, Two Societies*. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 60–96.
6. Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A. (2019). Democratizing Access to Higher Education in Russia: The Consequences of the Unified State Exam Reform. *European Economic Review*, 117, 56–82. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2019.04.007>
7. Gerber T. P., Hout M. (1995). Educational Stratification in Russia during the Soviet Period. *American Journal of Sociology*, 101(3), 611–660.
8. Gerber T. P., Mayorova O. (2010). Getting Personal: Networks and Stratification in the Russian Labor Market, 1985–2001. *American Journal of Sociology*, 116(3), 855–908. <https://doi.org/10.1086/655750>
9. Goldthorpe J. H. (2000). *On Sociology: Numbers, Narratives, and the Integration of Research and Theory*. Oxford: Oxford University Press.
10. Hannum E., An X., Cherno H.-Y. S. (2011). Examinations and Educational Opportunity in China: Mobility and Bottlenecks for the Rural Poor. *Oxford Review of Education*, 37(2), 267–305. <https://doi.org/10.1080/03054985.2011.559387>
11. Hatcher C., Thieme S. (2016). Institutional Transition: Internal Migration, the Propiska, and Post-Socialist Urban Change in Bishkek, Kyrgyzstan. *Urban Studies*, 53(10), 2175–2191. <https://doi.org/10.1177/0042098015587252>
12. Jackson M., Khavenson T., Chirkina T. (2020). Raising the Stakes: Inequality and Testing in the Russian Education System. *Social Forces*, 98(4), 1613–1635. <https://doi.org/10.1093/sf/soz113>
13. Jia Q., Ericson D.P. (2017). Equity and Access to Higher Education in China: Lessons from Hunan Province for University Admissions Policy. *International Journal of Educational Development*

opment, 52, 97–110. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.10.011>

14. Mahoney J., Thelen K. (2010). *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Ministry of Education of the People's Republic of China. (2022). MOE and MOHRSS Jointly Promote Employment of College Graduates in 2023.
16. National Bureau of Statistics of China. (2024). Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development.
17. Prakhov I. (2014). Effects of Investments in Preparation Courses on the USE Scores. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 3, 74–99. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-74-99>
18. Prakhov I., Yudkevich M. (2019). University Admission in Russia: Do the Wealthier Benefit from Standardized Exams? *International Journal of Educational Development*, 65, 98–105. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2017.08.007>
19. Rosstat. (2021). Federal Statistical Survey of Graduate Employment: Analytical Materials.
20. Rosstat. (2023). Russian Statistical Yearbook 2023.
21. State Council of the PRC. (2022). Record 11.93 Million Students to Take China's College Entrance Exam.
22. Turaeva R. (2022). Propiska Regime Regulating Mobility and Migration in Post-Soviet Cities. *Cities*, 121, 103478. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103478>

INSTITUTIONAL OPPORTUNITIES AND SOCIAL UNCERTAINTY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF STATUS ATTAINMENT MECHANISMS AMONG YOUTH IN CHINA AND RUSSIA

Ushakova V.G., Wei Yijun
Saint Petersburg State University

The article examines mechanisms of social status attainment among youth in China and Russia as two cases in which formally open channels of mobility coexist with durable structural constraints. Drawing on a comparative institutional analysis of academic literature and official statistics, the paper focuses on three interrelated dimensions: access to higher education, territorial-regulatory regimes, and the transition from education to the labour market. It argues that in both countries examination-based selection remains central to the legitimation of inequality, but the institutional logic of that inequality differs. In China, the key mechanisms are the hukou system and the province-based organization of admissions through gaokao; in Russia, they are interregional disparities in school preparation, unequal family resources for additional coaching before the Unified State Exam, and uneven labour-market demand for graduates. The article also examines informal networks-guanxi and personal ties not as alternatives to formal institutions but as channels embedded within them. As an analytical heuristic, the paper proposes the notion of a "meritocratic trap": a situation in which formally universal and competitive institutions reproduce asymmetric starting positions while retaining symbolic legitimacy.

Keywords: youth, social mobility, status attainment, educational systems, gaokao, Unified State Exam, hukou, residence registration, meritocracy, China, Russia, comparative sociology.

References

1. Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. (2017). The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 3, 83–109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>
2. Bian Y. (2019). *Guanxi: How China Works*. Cambridge: Polity.
3. Blau P. M., Duncan O.D. (1967). *The American Occupational Structure*. New York: Wiley.
4. Bourdieu P. (1984). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Chan K. W. (2019). China's Hukou System at 60: Continuity and Reform. In: Whyte M.K. (ed.). *One Country, Two Societies*. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 60–96.
6. Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A. (2019). Democratizing Access to Higher Education in Russia: The Consequences of the Unified State Exam Reform. *European Economic Review*, 117, 56–82. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2019.04.007>
7. Gerber T. P., Hout M. (1995). Educational Stratification in Russia during the Soviet Period. *American Journal of Sociology*, 101(3), 611–660.
8. Gerber T. P., Mayorova O. (2010). Getting Personal: Networks and Stratification in the Russian Labor Market, 1985–2001. *American Journal of Sociology*, 116(3), 855–908. <https://doi.org/10.1086/655750>
9. Goldthorpe J. H. (2000). *On Sociology: Numbers, Narratives, and the Integration of Research and Theory*. Oxford: Oxford University Press.
10. Hannum E., An X., Cherg H.-Y. S. (2011). Examinations and Educational Opportunity in China: Mobility and Bottlenecks for the Rural Poor. *Oxford Review of Education*, 37(2), 267–305. <https://doi.org/10.1080/03054985.2011.559387>
11. Jackson M., Khavenson T., Chirkina T. (2020). Raising the Stakes: Inequality and Testing in the Russian Education System. *Social Forces*, 98(4), 1613–1635. <https://doi.org/10.1093/sf/soz113>
12. Jia Q., Ericson D.P. (2017). Equity and Access to Higher Education in China: Lessons from Hunan Province for University Admissions Policy. *International Journal of Educational Development*, 52, 97–110. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.10.011>
13. Mahoney J., Thelen K. (2010). *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Ministry of Education of the People's Republic of China. (2022). MOE and MOHRSS Jointly Promote Employment of College Graduates in 2023.
15. National Bureau of Statistics of China. (2024). Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2023 National Economic and Social Development.
16. Prakhov I. (2014). Effects of Investments in Preparation Courses on the USE Scores. *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 3, 74–99. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-3-74-99>
17. Prakhov I., Yudkevich M. (2019). University Admission in Russia: Do the Wealthier Benefit from Standardized Exams? *International Journal of Educational Development*, 65, 98–105. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2017.08.007>
18. Rosstat. (2021a). Анализ различных аспектов трудоустройства выпускников – 2021: статистический бюллетень.
19. Rosstat. (2021b). Аналитический отчёт по итогам выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование.
20. State Council of the PRC. (2022). Record 11.93 Million Students to Take China's College Entrance Exam.
21. Turaeva R. (2022). Propiska Regime Regulating Mobility and Migration in Post-Soviet Cities. *Cities*, 121, 103478. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103478>
22. United Nations. (n.d.). Youth.

Кризис культуры XX века и его философское осмысление Ю.Н. Солониным

Довженко Арина Валериевна,

соискатель ученой степени кандидата наук, кафедра русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: arinadovzhenko@yandex.ru

Статья посвящена философскому анализу кризиса культуры XX века в наследии выдающегося российского мыслителя, декана философского факультета СПбГУ (1989–2010 г.) Ю.Н. Солонина. В концепции Солонина кризис трактуется не как временное явление, а как фундаментальный онтологический сдвиг, вызванный расколом духовной культуры и материально-технической цивилизации и проявляющийся в утрате органичности, десакрализации, массовизации и деантропологизации. Петербургским философом подчеркивается принципиальная несводимость культурного кризиса к социально-экономическим факторам, его укорененность в крахе классического рационализма и распространении гносеологического, методологического и онтологического пессимизма. В статье систематизируются предложенные мыслителем пути преодоления кризиса культуры: утверждение методологической строгости без сциентистского диктата, интеграция творчества в повседневный труд через преодоление разрыва между физической и интеллектуальной деятельностью, отказ от монополии элит на генерацию ценностей в пользу широкого культурного диалога, а также ориентация на строительство новых органичных культурных форм вместо ностальгической реставрации прошлого. Особое внимание в концепции Солонина Ю.Н. уделяется значению рационального переосмысления культуры, реантропологизации труда и восстановления целостности человеческого бытия в контексте живой культурной традиции.

Ключевые слова: кризис культуры, онтологический сдвиг, раскол культуры и цивилизации, десакрализация, массовизация, реантропологизация труда, целостность бытия

В философском наследии Юрия Никифоровича Солонина – выдающегося российского мыслителя, декана философского факультета СПбГУ (1989–2010) – проблема кризиса современной культуры занимает одно из центральных мест, получая глубокую и многогранную разработку в контексте судеб российской и европейской культурной традиций.

Профессор Ю.Н. Солонин по праву считается одним из основоположников культурологии как самостоятельной академической дисциплины в России. С 1996 года и вплоть до своей кончины он руководил кафедрой культурологии, организационное и содержательное оформление которой на философском факультете СПбГУ во многом является его заслугой. Как отмечает Е.Г. Соколов, «Ю.Н. Солонин стоял у истоков отечественного культуроведения, участвуя в его дисциплинарной легитимации и во многом предопределив контуры – организационно-практически и научно-теоретически, а также и дисциплинарно-стилистически – развития этого направления гуманитарной мысли у нас в стране» [1, с. 680]. В своих работах Солонин последовательно отстаивал тезис о том, что непонимание внутренней логики культурного процесса неминуемо приводит к деградации культурных перспектив человечества. В этой связи, по его убеждению, «активное развитие культурологического знания – неизбежный, закономерный и необходимый этап развития гуманитарной мысли, что наряду со своими издержками... способен придать новые импульсы и вторгнуться в те горизонты, в которые традиционным гуманитарным практикам – социологическим, философским, историческим, искусствоведческим, психологическим и пр. – вход заказан» [2, с. 10–11].

Становление культурологии как учебной дисциплины в России, таким образом, происходило в 90-е годы на фоне масштабных идеолого-политических и социально-экономических сдвигов, в период утраты старых и поиска новых смыслов и ценностей. Это было турбулентное и смутное время, когда пессимистические настроения регрессного толка стимулировали дискуссии о кризисе культуры, его причинах и путях преодоления. Как справедливо утверждают Б.Я. Мисожинов и Г.С. Мельник, именно тогда «Солонин, в условиях тяжелейшего социально-политического и гуманитарного кризиса, который переживала Россия, пытается найти ответы на вопросы экзистенциального порядка» [3, с. 157].

Размышляя над термином «кризис культуры», Солонин обращает внимание на то, что этот термин «тотально растрагиван» – настолько, что превращается в «идеологическую метафору», своего рода симулякр, и его повсеместное употребление вымывает все содержательные основы культуры [4, с. 25]. Применительно к российской действительности это означает, что «происходящее с нашим обществом и культурой на протяжении уже трех четвертей XX столетия... столь значительно по всем способам измерения, что мы не в состоянии даже приблизительно выразить и определить эту трансформацию... Возможно, то, что с нами происходит, не соответствует основному традиционному смыслу, вкладываемому в понятие кризиса» [4, с. 24–25]. По мнению Солонина, кризис – это состояние, в котором уже содержатся средства его преодоления. Однако это не означает, что средства эти очевидны. И чтобы попытаться раскрыть их, он создает многомерную концепцию кризиса культуры, предлагает пути выхода из него, и хотя они не формулируются в его работах в виде «дорожной карты» с поступательным планом, но прослеживаются через систему ключевых понятий, оценок и онтологических предпосылок.

Философские предпосылки кризиса культуры конца XX века

Анализируя эпоху 1990-х гг., Ю.Н. Солонин характеризует кризис культуры следующим образом: «... культурная стабильность оказалась подорванной. Ее единая ткань стала расползаться, порождая чувство оголенности и необязательности нормативных ориентаций. Вместо нее принимается способ существования в неустойчивых, быстро сменяющих друг друга ситуативно возникающих ячейках, нередко тяготеющих к эзотеричности. Такая ситуация была констатирована уже в начале века» [12, с. 107]. Таким образом, невзирая на новые сюжеты российской исторической действительности 90-х гг. XX в., Солонин убедительно демонстрирует, что разразившийся в то время кризис культуры имеет глубокие исторические и философские корни, будучи органически связанным с кризисными явлениями и пессимистическими настроениями европейской мысли начала XX в. Именно поэтому «российские события он рассматривает в контексте общемирового цивилизационного процесса и выясняет причины глубокого социального, культурного и духовного неблагополучия, которое поразило человечество» [3, с. 157]. Проводя параллели между двумя судьбоносными кризисами столетия и пытаясь уловить логику развития европейской и русской культур, Солонин утверждает: «XX век начался и заканчивается мощным ощущением кризиса» [5, с. 130].

Кризис культуры всегда связан с кризисом философии. Эта связь хорошо прослеживается, на-

пример, в работах В.М. Межуева, который показал, как в последней трети XIX в. завершается эпоха классического рационализма, уступая место новой, радикально иной философской парадигме, чьей основной задачей становится не построение целостной картины мира, а диагностика и критика культурного распада [6]. Таким образом, на рубеже XIX и XX веков европейская философия переживает глубокий перелом, обусловленный не столько сменой стилей мышления, сколько всепроникающим кризисом культуры. Этот кризис, выразившийся в разрушении веры в прогресс и в утрате смысла индивидуального существования, стал центральным предметом философского интереса постклассической мысли.

Кризис культуры философы того времени начинают рассматривать как следствие глубинных трансформаций западного общества, достигших кульминации в условиях буржуазного уклада жизни. Особое значение приобретает критика разума, который в классической традиции считался основой социального прогресса и средством реализации свободы человека. В результате разум утрачивает свой высокий статус – он мыслится как орудие власти, инструмент экономических и политических практик подавления человека. Рациональность, некогда олицетворявшая собою Просвещение, теперь выступает как форма тоталитаризма, нивелирующая нерациональные, но жизненно важные измерения человеческого существования. Философия предстает отныне как такая критика разума, которая непременно должна доказывать его бессилие, неспособность ответить на фундаментальные вопросы бытия и смысла. Кроме того, стало считаться вполне очевидным, что разум не может ни объяснить, ни преодолеть культурный кризис. В этих условиях возрастает интерес к «наукам о культуре» (или «наукам о духе»).

В створе данной логики Г. Зиммель утверждал, что «культура – это постоянно сдерживаемый кризис» [7 с. 493]. А В.М. Межуев осмысляет кризис в определенном позитивном ключе, как инструмент культурной рефлексии, полагая, что «своим расцветом науки о культуре во многом обязаны кризисному состоянию европейской культуры» [6, с. 192].

Солонин же приходит к выводу, что кризис культуры – неоспоримая данность, сквозной нарратив, легитимирующий определенное видение культурной реальности, структурирующий социальный опыт и пронизывающий собою европейскую и российскую культуру в XX веке. Он акцентирует внимание на том, что идея кризиса культуры присутствует, в том числе имплицитно, во всех течениях современной философии культуры: «... современная философия культуры исходит из предпосылки неоспоримости факта кризиса и при его описании демонстрирует некую единую устойчивую стилистику при внешнем разнообразии аргументов»

[12, с. 110]. В этой связи справедливо говорить о своеобразной «метафоре кризиса культуры» [8], а также о «культуре кризиса» [9].

Солидаризуясь с другими исследователями, Солонин также утверждает, что ключевым симптомом кризиса стало исчезновение веры в неизбежный прогресс человечества – центрального постулата классической философии. Идея поступательного движения истории к более разумной, свободной и гуманной жизни утратила свой эвристический потенциал уже к концу XIX в. Вместо оптимизма утвердился пессимизм, ставший преобладающим симптомом интеллектуальной элиты.

Феномен утверждения пессимизма как доминанты сознания современной эпохи привлекает к себе особое внимание Солонина. Однако философский пессимизм, по его мнению, – это не просто характеристика умонастроений, а комплексный гносеологический и онтологический подход, который выступает одновременно и усиливающимся симптомом кризиса культуры, и его причиной.

Солонин выделяет и анализирует три формы философского пессимизма: 1) *гносеологический пессимизм* (представленный неокантианцами Баденской школы В. Виндельбантом, Г. Риккертом, а также герменевтикой Х.-Г. Гадамера и экзистенциализмом М. Хайдеггера), отрицающий саму возможность объективного познания культурно-исторической реальности из-за сведения ее к сфере индивидуальных переживаний; этот подход, согласно Солонину, подменяет научный анализ либо «мифотворчеством», либо «пророчествами» [5, с. 136]; 2) *методологический пессимизм* (восходящий к Ф. Ницше и развитый Франкфуртской школой – М. Хоркхаймером, Т. Адорно), декларирующий несостоятельность научных методов перед лицом динамичной, иррациональной сущности культуры; Солонин подчеркивает, что, апеллируя к художественной интуиции как инструменту познания, он отрицает конструктивные научные методы; 3) *онтологический пессимизм* (неофрейдизм, историзм), отрицающий объективный статус культурного и исторического процессов, относя их к области воображения и трактуя социальное бытие как отчужденную систему, где человек подавлен технократическими механизмами, а история лишена смысла; эта форма пессимизма, по Солонину, абсолютизирует кризисные явления, превращая их в метафизическую данность.

Солонин приходит к выводу, что все три формы пессимизма коренятся в *глубинном крахе картезианско-бэконовского рационализма*, на котором покоится современная цивилизация и который перестал быть гарантом целостности бытия.

В своих работах Солонин развивает философскую аргументацию против безальтернативности рационализма в пользу целостного (квантитативного) подхода в научном познании. Однако

он не впадает в крайность и отмечает, что критика разума, имевшая целью дискредитацию сциентизма, в XX в. была доведена до абсурда и превратилась в борьбу с разумом и созданной им культурой, что вылилось в крайний психологизм, слом субъект-объектной диады и доминирование мнения об исчерпанности возможностей разума. Вследствие этого, делает вывод Солонин, вместо научных методов анализа на первый план в XX в. вышли идеи о жизненном инстинкте, интуиции, творчестве как способах познания, что привело к эстетизации научного процесса, к его сужению до искусства и, таким образом, обеднению научной деятельности. Он называет такие подходы «превращенными формами» [11].

По мнению Солонина, негативный аспект данных подходов заключается в том, что они «подчинены... гносеологической утопии, основанной на убеждении, что есть иной, более фундаментальный опыт, чем представляемый современной культурой, раскрывающий более значимые, но ныне невостребованные жизненные структуры человека, что исходящее из него знание иное по содержанию и обретается способами, исключающими всякое опосредование, в результате полной растворенности человека в структурах созерцаемого» [10, с. 5]. Подобная методология приводит к размытию субъект-объектной оппозиции и, как следствие, к подрыву онтологической целостности и определенности человеческого существования, что выражается в ощущении пессимизма и в кризисе культуры.

Кризис культуры и его особенности

Для Солонина кризис культуры – это не отражение социально-экономических неурядиц, а *фундаментальный онтологический сдвиг в самих основаниях человеческого бытия*, в его смысловых и ценностных координатах. Он определяет это состояние как «бытие без культурной ориентации» [5, с. 132], пронизанное ощущением фатальности, конца и утраты перспективы и характеризует господствующее кризисное ощущение эпохи как «скобу, сцепившую нашу культуру» [5, с. 130]. Кризис культуры – не локальное явление, а состояние, характеризующееся утратой смысловых оснований, размыванием традиционных ценностей и распадом целостности культурного пространства.

Ключевое отличие культурного кризиса от всех иных форм социального неблагополучия, подчеркивает Солонин, заключается в его специфической онтологической основе. Настаивая на принципиальной несводимости кризиса культуры к экономическим проблемам, он отмечает, что культурный упадок вполне может наблюдаться на фоне материального благополучия и экономического подъема [12, с. 105].

Однако, по мнению Солонина, на определенном этапе культурный и социальный кризисы разворачиваются синхронно. Тем не менее, их корни лежат глубже поверхностных социально-экономических проблем – в духовном измерении человеческого бытия.

Вместе с тем, «не всякое... духовное неблагополучие может быть соотнесено с культурным кризисом, который имеет иную *онтологическую основу*» [5, с. 129]. Солонин пытается нащупать такую основу и раскрыть «теоретическую структуру кризиса» [5, с. 128], полагая, что она связана с глубинными струнами человеческого бытия и смыслопорождения, а не с материальным производством или политическим устройством.

В интерпретации Солонина, кризис культуры проявляется прежде всего как *глубинный культурно-цивилизационный раскол* – фундаментальное расщепление изначально целостного человеческого бытия на два потока: духовно-творческую культуру и материально-техническую цивилизацию. Этот раскол представляет собой онтологический разрыв, в рамках которого «формы духовной жизни, в которой обретается культурное творчество, и формы социального и материально-продуктивного существования более не совпадают и даже противостоят друг другу» [5, с. 130]. Формы духовной жизни, олицетворяющие культуру, вступают в непримиримое противоречие с формами социального и материально-продуктивного существования, олицетворяющими цивилизацию. Ключевая трагедия этого антагонизма заключается в нарастающем противостоянии цивилизационного потока, с его прагматизмом, стандартизацией и *функциональностью*, и культурного потока, характеризующегося смыслопорождением и *творческим началом*. Такое противостояние приводит к дегенерации культуры, к разорванности человеческого существования и, как следствие, к утрате целостности человеческой жизни.

Солонин также развивает мысль об утрате человеком его укорененности в социокультурном пространстве. Этот процесс, по мнению петербургского философа, связан с развитием экономики и, как следствие, с феноменом «*массовизации*». Он знаменует переход от органичных, иерархически структурированных форм бытия, где человек обладает определенностью жизненных перспектив и их смысловой насыщенностью, где его место в социо-культурной реальности определено и предсказуемо, – к аморфной, атомизированной реальности «массового» существования. Освободившись от традиционных ограничений вследствие научно-технического прогресса (например, когда физический труд человека на фабриках заменился машинным), человек оказался неспособным к творчеству, обнаружив себя в точке экзистенциальной катастрофы: лишенный здравого чувства принадлежности к созданию окру-

жающей материальной реальности и смысловой опоры в жизни, он погрузился в состояние покинутости, где доминирующим стало «ощущение одиночества и трагизма». Эта утрата укорененности, по Солонину, не просто социальный сдвиг, но онтологическая потеря, толкающая человека к подмене органичных культурных практик «механизмами культурной компенсации в виде замещающих эрзацных и онтологически фиктивных видов деятельности» [12, с. 107].

Солонин указывает на «органичность» как на одну из базовых особенностей культуры в период ее цветения. Органичность – понятие, описывающее в его концепции внутренне присущую культуре жизненную целостность. Органичность культуры связывается с ее ритмичностью, последовательностью и мелодикой. По мнению Солонина, истинная культура всегда пребывает в гармоничном и уравновешенном ритме, наличие которого свидетельствует об «определенной согласованности всех культурных взаимодействий» [12, с. 110]. Наличие культурной мелодичности свидетельствует об органичности культуры, в то время как аритмичность – о нахождении культуры в стадии распада. Признаком аритмичности Солонин называет нарастающий темп жизни, который представляется ему искусственным ускорением, маскирующим отсутствие сущностного содержания, – «верным признаком ненастоящего, квазикультурного бытия» [12, с. 110].

Потеря органичности культуры выражается в ее массовизации и аритмичности, что порождает ситуацию замещения органичности культуры ее фиктивной функциональностью; она рассматривается Солониным как индикатор перехода культуры в стадию кризиса. В его трактовке, подмена органической целостности культуры утилитарностью знаменует не просто трансформацию, но, фактически, деградацию. Этот процесс проявляется в том, что культура превращается из живого, согласованного потока в механистический набор инструментов для решения сиюминутных задач. Культура также теряет свою глубокую связь с фундаментальными антропологическими основами, что выражается в систематическом вытеснении человеческой сущности из сферы культурных смыслов.

Так, Солонин, рассуждая о деантропологизации производства, приходит к выводу о деантропологизации культуры. Он показывает, что этот процесс коренится в трансформации производительной деятельности, которая включает в себя два основных вектора: (1) «вытеснение человека из производственных связей» [12, с. 107] и (2) полное устранение индивидуального участия «в создании продукта» [12, с. 107]. Таким образом разрывается связь между трудом и культурой как средой смыслопорождения. Физический труд Солонин определяет как «укорененный в глубин-

ных структурах культуры», «равный самой человеческой сущности» [12, с. 107]. Физический труд в процессе технологического прогресса подвергается дискредитации – его начинают трактовать как проявление «животной природы» и символ зависимости. При этом прогресс ошибочно связывается со степенью «устраненности человека из материально-энергетических процессов» [12, с. 107]. Результатом становится невозможность реализовать базовую способность человека к сущностно-осмысленному труду. Культура при этом отрывается от человеческой природы и превращается в функциональную систему: «органичность культуры замещается ее функциональностью, которая не может быть ничем иным, как ее переходом в зону кризисности» [12, с. 107]. В качестве примера такой функциональности Солонин приводит систему физических упражнений, которая замещает физический труд человека. Такая функционализация, лишённая ценностной глубины, порождает «имитации священного, его суррогаты и субституты» [12, с. 110], которые, на первый взгляд, представляются естественной исторической модификацией архаичных традиций, но в реальности приводят к тотальной утрате подлинности, создавая «унылый ряд быстро сменяющихся кумиров профанного мира» [5, с. 131].

Продуцирование замещений истинной культурной традиции приводит в том числе и к *десакрализации культуры*, когда из жизни исчезают «священная норма, священный текст, священный символ, сокровенные сферы» [5, с. 131]. Это усиливает ощущение тупика и чувство растерянности человека, потери пути и места в жизни. Десакрализация для Солонина – это распад самой возможности сакрального, ведущий к потере ценностями их «харизматического ореола» [12, с. 110]. В этом случае культура утрачивает способность поддерживать свое ценностно-смысловое ядро и создавать жизненно значимые смыслы. Важно подчеркнуть, что Солонин пишет не о кризисе онтологических основ ценностей, а о кризисе способов их объективации. Философское ядро европейской культуры, по мнению Солонина, прочно, и эта прочность охраняет духовные ценности от «окончательного размывания волнами обыденной буржуазности, основанной на гедонистической потребительности» [13, с. 180]. Ценности не уничтожены сами по себе, но их жизнеспособность зависит от институтов, обеспечивающих их адекватное воплощение. Солонин также размышляет о роли воображения в продуцировании ценностей и апеллирует к И. Канту, различавшему продуктивное и репродуктивное воображение. Однако петербургский философ идет дальше и рассматривает воображение как фундаментальную конституирующую силу, порождающую культурные ценности путем творческой активизации смыслов, изначально не существующих в мире (добро, красота,

истина), придавая им объективный нормативный статус: «Мы предлагаем оценивать воображение значительно шире, а именно как конституирующую способность, благодаря которой устанавливается мир культурной предметности (ценностей)... С помощью воображения конституируется культурная картина человека; оно актуализирует действие ценностей, не имеющих наличного бытия, создает механизмы транспортировки ценностей в традиции и хранит образно-ценностную структуру культурных отношений, делая их значимыми как реальность» [14, с. 41].

В наше время, по мнению Солонина, подлинная творческая способность воображения близка к исчерпанности, что проявляется в дегенерации принципа культурного творчества. Это приводит к тотальному торжеству посредственности. Этот процесс обусловлен в том числе распадом элиты [5, с. 130]. Тем самым Солонин поднимает вопрос о роли интеллигенции в сохранении культурной целостности. С долей сарказма он говорит о русской интеллигенции, критикуя ее за то, что она всегда шла и идет путем саморефлексии вместо действия, утратив связь с реальностью [4, с. 27]. Результатом потери интеллигенцией творческой пассионарности становится «победа стандарта над шедевром, морали безобидного существования над героизмом, мелочно-корыстного «жизнца» – над бескорыстным энтузиазмом» [5, с. 130].

Пути преодоления кризиса культуры

Согласно Солонину, в XX в. были предприняты три попытки преодоления кризиса культуры: индустриально-технологическая, социалистическая и фашистская, однако все они не только потерпели крах, но и усугубили кризис.

Индустриально-технологическая модель (западный капитализм, постиндустриальные теории) основывалась на предположении о том, что индустриально-технологическое развитие влечет за собой культурный рост. Сторонники данной модели верили в продуктивную силу науки, сохранение стабильности системы, постепенность, стабильность, создание конкуренции с целью мобилизации потенциала человека при гарантии его выживаемости. В духовной сфере в рамках данной модели превалировала установка на здоровый эгоизм и социальный оптимизм. Солонин, критикуя эту позицию, обращает внимание на то, что она базируется на абсолютизации научно-технической рациональности, которая подчиняет себе все сферы жизни, и подчеркивает, что ее установки лишь маскируют сведение человека к элементу производственной системы, а духовных ценностей – к инструментам социального контроля. Данная программа лишь углубляет разрыв между цивилизацией (материально-технической сферой) и культурой (творчеством, смыслами),

подменяя подлинное развитие социума рутинной оптимизацией. Существует множество модификаций этой модели, они постоянно меняются, и среди последних ее вариаций Солонин указывает на идею информационного общества. Однако ни одна из этих модификаций, полагает он, не способна предложить выход из кризиса.

Социалистическая перспектива, в ее марксистском варианте, изначально содержала, согласно Солонину, гуманистический потенциал, поскольку предполагала освобождение человека от экономического детерминизма. Однако в действительности она выродилась в «практику принудительной социальной педагогики» [5, с. 132], где тотальное обобществление средств производства подавило индивидуальное творчество, а идея культурной революции свелась к насильственному внедрению в общественное сознание утопических схем.

Фашистская модель, попытавшаяся возродить единство нации через расовые инстинкты, подменила культурное творчество жесткой дисциплиной и бюрократией.

Солонин показывает, что все три описанные выше проекта объединяет утопичность: они пытались преодолеть кризис культуры через идеологическое конструирование будущего, игнорируя ключевую проблему – распад онтологических оснований культуры. Таким образом, эти проекты были не решениями по преодолению кризиса, а его симптомами, и их провал доказал, что культура не может быть «спасена» через насилие над ее естественной динамикой, будь то навязывание технологических догм, социальных утопий или архаичных мифов.

Общий вектор выхода из кризиса культуры, по мнению Солонина, связан с преодолением кризиса рациональности без погружения в психологизм. Признавая обоснованность критики крайностей сциентизма, он тем не менее утверждает, что разум – это нечто большее, нежели известная его структура, и его границы человечеству до сих пор неведомы. Солонин полагает, что сферы новых познавательных возможностей – это всегда «сферы нового культурного опыта, и они всегда оказываются сферами новых возможностей разума» [10, с. 5]. Развивая этот тезис, он настаивает на необходимости строить будущее с опорой на разум, а не на утопии, и допускает пересмотр критериев рациональности, сохраняя сам разум, так как пренебрежение разумом неминуемо приведет к усугублению кризиса культуры.

Подводя итоги, можно выделить следующие методологические векторы выхода из кризиса культуры, предложенные Солониным:

1. *Методологическая строгость без сциентистского диктата над гуманитарной сферой.* По мнению Солонина, «размежевание» естественных и гуманитарных наук в конце XIX – начале XX в.,

хотя и утвердило суверенность последних, привело к негативным последствиям: борясь с сциентизмом и натуралистическим редукционизмом, гуманитарии отвергли методологический опыт точных наук и забыли о принципе единства знания. И поскольку «радикальный отход культуроведения от естествознания был губителен» [15, с. 215], то это привело к методологическому нигилизму в науке. Таким образом, основная проблема гуманитарного знания, по Солонину, – это утрата методологической культуры, что выражается в пренебрежении ясностью, определенностью, логической строгостью, подмене анализа реальных проблем произвольными конструкциями.

2. *Интеграция творчества в повседневность.* Особой ролью в решении кризиса культуры Солонин наделяет творчество и воображение. Он полагает, что творчество должно быть демифологизировано и возвращено в пространство ежедневных практик. Это предполагает ликвидацию разрыва между трудом и созиданием, что должно привести к единению физического и интеллектуального труда и к возвращению им статуса культурных актов, а не «животной функции» или производства пустых, «функциональных» понятий. Осмысленная трудовая деятельность должна стать основой творчества. Посредством такого творчества должен осуществиться возврат от «повседневного выраженного, практически ориентированного существования» к «глубинно-осмысленному бытию с целями, всегда обеспечивающими... перспективами» [12, с. 110].

3. *Отказ от монополии элит на генерацию ценностей.* Культура, согласно Солонину, должна рождаться в диалоге между профессиональными сообществами и народной средой, между традициями и современностью, избегая как архаизации, так и разрыва с корнями. Искусство, наука и религия призваны не обслуживать рынок или идеологию, а утверждать смыслы. Элиты, при этом, должны стать практическими посредниками, адаптируя мировые достижения к местным реалиям и включая страну в глобальные процессы без утраты ее национальной специфики.

4. *Строительство вместо возрождения.* Солонин подчеркивает различные смысловые коннотации понятия «возрождение». Он обращает внимание на то, что зачастую под «возрождением» понимают реставрацию архаичных структур, в то время как «разница между возрождением и реставрацией принципиальна. Первое понятие связано с представлениями о восстановлении и приобретении способности к полноценному творчеству, к полнокровной напряженной деятельности, готовой рождать устойчивые структуры общественной, политической, хозяйственной духовной жизни, органичные тем человеческим отношениям и ценностям, которые их наполняют» [4, с. 28]. Эти «новые структуры» могут в определенной степе-

ни воспроизводить предыдущие, но с учетом текущих реалий. Солонин рассуждает о бесплодности «возрожденческих» проектов, так как культура необратима и возврат к прошлому представляется насилием над реальностью. При этом он настаивает на том, что общество необходимо строить, «как строят дом, подчиняясь естественным требованиям размещения в нем семьи-общества» [4, с. 26].

Таким образом, Солонин намечает путь выхода из кризиса культуры через отказ от пессимизма, методологического нигилизма и утопического проектирования в пользу перенесения внимания на проблему онтологических оснований культуры. Такое смещение акцента должно привести к реантропологизации труда и возрождению органичных форм творчества, к преодолению разрыва между человеком и той культурной реальностью, которую он сам создал.

Литература

1. Соколов Е.Г. Деконструкция дисциплинарной ортодоксии. К 80-летию Ю.Н. Солонина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 672–693.
2. Соколов Е.Г. Не памятник // Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. С. 5–12.
3. Мисонжников Б.Я., Мельник Г.С. Человек интеллектуальной честности: философ, культуролог, логик (Солонин Юрий Никифорович – ученый Санкт-Петербургского государственного университета) // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2023. Т. 18. № 2. С. 153–163.
4. Солонин Ю.Н. Возрождение культуры России: аспекты очевидного и вероятного // Возрождение культуры России истоки и современность. Вып. 1. СПб.: Изд-во, 1993. С. 23–29.
5. Солонин Ю.Н. Философия культуры: методологическая оценка кризиса культур // Гуманитарное знание: сущность и функции. Межвуз. сб. СПб.: Изд-во, 1991. С. 128–136.
6. Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012. 403 с.
7. Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.
8. Потапчук Е.Ю. Кризис культуры как научно-философская метафора // Четвертые Лойфмановские чтения. Философское мировоззрение и картина мира: материалы Всероссийской научной конференции. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 154–157.
9. Тынянова О.Н. Кризис культуры как культура кризиса? Производство пространств и перепроизводство окрестностей // Пространство и Время. 2018. № 1–2(31–32). С. 10–15.

10. Солонин Ю.Н. Философия и новый вызов культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1998. № 1. С. 4–6.
11. Солонин Ю.Н. Концепции кризиса цивилизации и культуры как выражения «романтизма» буржуазного обществоведения // Критика современных буржуазных политологических и культурологических концепций. Л.: Изд-во, 1986. С. 120–132.
12. Солонин Ю.Н. Кризис культуры и жизненная перспектива человека XX века // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации. Сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во, 1993. С. 105–112.
13. Солонин Ю.Н. Философия как символ культуры (к 65-летию философского факультета) // Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. С. 173–184.
14. Солонин Ю.Н., Дудник С.И. К проблеме онтологической данности культуры // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 1994. Вып. 4. С. 38–42.
15. Солонин Ю.Н. Методологические проблемы изучения культуры (от системного подхода к целостному) // Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. С. 192–225.

THE CRISIS OF 20TH-CENTURY CULTURE AND ITS PHILOSOPHICAL INTERPRETATION BY YU.N. SOLONIN

Dovzhenko A.V.

Institute of Philosophy of St. Petersburg State University

The article is devoted to a philosophical analysis of the 20th century crisis of culture in the legacy of the outstanding Russian thinker and Dean of the Faculty of Philosophy at St. Petersburg State University (1989–2010), Yu.N. Solonin. In Solonin's conception, the crisis is interpreted not as a temporary phenomenon, but as a fundamental ontological shift caused by the split between spiritual culture and technical-material civilization, manifesting itself in the loss of organicity, desacralization, massification, and deanthropologization. The St. Petersburg philosopher emphasizes the fundamental irreducibility of the cultural crisis to socioeconomic factors, its rootedness in the collapse of classical rationalism and the spread of epistemological, methodological, and ontological pessimism. The article systematizes the ways of overcoming the crisis of culture proposed by the thinker: the establishment of methodological rigor without scientific dictatorship, the integration of creativity into everyday work by bridging the gap between physical and intellectual activity, the rejection of the elite's monopoly on the generation of values in favor of broad cultural dialogue, and an orientation towards building new organic cultural forms instead of a nostalgic restoration of the past. Particular attention in Solonin's conception is paid to the importance of a rational reinterpretation of culture, the reanthropologization of labor, and the restoration of the integrity of human existence within the context of a living cultural tradition.

Keywords: cultural crisis, ontological shift, split of culture and civilization, desacralization, massification, reanthropologization of labor, integrity of being

References

1. Sokolov E.G. (2021) Deconstruction of Disciplinary Orthodoxy. On the 80th Anniversary of Yu.N. Solonin // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. Vol. 37, Issue 4, pp. 672–693.

2. Sokolov E.G. (2015) Not a Monument // Integrity of Humanitarian Knowledge. St. Petersburg, Nauka, pp. 5–12.
3. Misonzhnikov B.Ya., Melnik G.S. (2023) A Man of Intellectual Honesty: Philosopher, Culturologist, Logician (Solonin Yuriy Nikiforovich – Scholar of St. Petersburg State University) // Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies. Vol. 18, № 2, pp. 153–163.
4. Solonin Yu.N. (1993) The Revival of Russia's Culture: Aspects of the Obvious and the Probable // The Revival of Russia's Culture: Origins and Modernity. Issue 1. St. Petersburg, pp. 23–29.
5. Solonin Yu.N. (1991) Philosophy of Culture: A Methodological Assessment of the Crisis of Cultures // Humanitarian Knowledge: Essence and Functions: Interuniversity Collection. St. Petersburg, pp. 128–136.
6. Mezhuiev V.M. (2012) The Idea of Culture: Essays on the Philosophy of Culture // Moscow, Universitetskaya kniga, 403 p.
7. Simmel G. (1996) Selected Works. Moscow, Vol. 1, 671 p.
8. Potapchuk E.Yu. (2009) The Crisis of Culture as a Scientific-Philosophical Metaphor // Fourth Loifman Readings. Philosophical Worldview and the Picture of the World: Materials of the All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg, Ural University Press, Vol. 1, pp. 154–157.
9. Tynyanova O.N. (2018) Crisis of Culture as a Culture of Crisis? Production of Spaces and Overproduction of Environs // Space and Time. № 1–2 (31–32), pp. 10–15.
10. Solonin Yu.N. (1998) Philosophy and the New Challenge of Culture // Vestnik of St. Petersburg State University. Series 6, № 1, pp. 4–6.
11. Solonin Yu.N. (1986) Concepts of the Crisis of Civilization and Culture as an Expression of the «Romanticism» of Bourgeois Social Science // Critique of Contemporary Bourgeois Political Science and Culturological Concepts. Leningrad, 1986, pp. 120–132.
12. Solonin Yu.N. (1993) The Crisis of Culture and the Life Perspective of 20th Century Man // The Humanities: From the Experience of Theoretical Interpretation. Collection of Scientific Papers. St. Petersburg, pp. 105–112.
13. Solonin Yu.N. (2015) Philosophy as a Symbol of Culture (On the 65th Anniversary of the Faculty of Philosophy) // Integrity of Humanitarian Knowledge. St. Petersburg, Nauka, pp. 173–184.
14. Solonin Yu.N., Dudnik S.I. (1994) On the Problem of the Ontological Givenness of Culture // Vestnik of St. Petersburg State University: Scientific-Theoretical Journal. International Relations, Issue 4, pp. 38–42.
15. Solonin Yu.N. (2015) Methodological Problems of Studying Culture (From a Systemic Approach to a Holistic One) // Integrity of Humanitarian Knowledge. St. Petersburg, Nauka, pp. 192–225.

Трансформация российского высшего образования в 2022–2025 гг.: направления и противоречия

Дугуниев Александр Гасанович,

ассистент кафедры истории и философии РЭУ

им. Г.В. Плеханова

E-mail: Duguniev.sanya@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы системы образования в Российской Федерации на современном этапе. На основе историко-социологического анализа предпринимается попытка реконструкции трансформации системы высшего образования Российской Федерации в 2022–2025 гг. Цель исследования состоит в выявлении особенностей становления «суверенной» национальной модели образования после выхода России из Болонского процесса. Рассматриваются нормативное закрепление новых федеральных государственных образовательных стандартов, роль цифровизации и технологий искусственного интеллекта как факторов образовательной политики, а также преемственность и различия между текущей моделью и советской системой подготовки специалистов. Рассматривается также формирование новых векторов международного академического сотрудничества. Полученные результаты позволяют уточнить характеристики текущего этапа реформы и могут быть использованы для дальнейшего обсуждения ее социальных и педагогических последствий.

Ключевые слова: высшее образование, Болонский процесс, «образовательный суверенитет», цифровизация, искусственный интеллект, ФГОС, международное сотрудничество, история образования.

Введение

История отечественного высшего образования XX–XXI вв. характеризуется серией институциональных трансформаций, каждая из которых отражала изменения социально-политического устройства государства. Советская модель высшего образования, основанная на жесткой централизации, государственном заказе на подготовку кадров и приоритете фундаментальных наук, обеспечивала технологический паритет с ведущими странами Запада, однако оказалась недостаточно адаптивной в условиях перехода к рыночной экономике конца 1980-х – начала 1990-х гг.

На протяжении 1990-х годов в отечественном образовании происходили непрерывные структурные изменения. Государственные стандарты вытеснили предметные знания компетентностными моделями, за чем последовала череда реформ: введение ЕГЭ, переход к профильному обучению, эксперименты с кредитами ГИФО, децентрализация вузов и их частичный перевод на коммерческую основу, вплоть до интеграции в Болонскую систему.

Присоединение Российской Федерации к Болонскому процессу в 2003 г. рассматривалось как инструмент модернизации и повышения академической мобильности. Внедрение двухуровневой системы (бакалавриат и магистратура), кредитной системы ECTS и приложения к диплому способствовало академическому обмену, однако в долгосрочной перспективе выявило системные противоречия. [12] К 2020-му году в научной литературе усилилась критика Болонской системы за снижение качества фундаментального образования и зависимость от западных рейтинговых механизмов. События 2022 г. стали рубежом моментом, ускорившим процесс «суверенизации» образовательной политики. Выход России из Болонского процесса был обусловлен как геополитическими обстоятельствами, так и внутренним запросом на восстановление национального стандарта качества.

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена необходимостью историко-социологического осмысления радикальной трансформации системы высшего образования Российской Федерации в 2020-е гг., про-

изошедшей в условиях выхода из Болонского процесса, форсированной цифровизации и смены геополитических векторов международного сотрудничества. Несмотря на нормативное закрепление национальной модели образования (новое поколение ФГОС, программа «Приоритет 2030», обновленная Стратегия развития искусственного интеллекта), в научном обороте отсутствует комплексный анализ, связывающий демонтаж болонских принципов с внедрением цифровых технологий и переориентацией на страны СНГ, БРИКС и ШОС.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в следующем. Во-первых, период 2022–2025 гг. предлагается рассматривать как относительно самостоятельный этап институциональной трансформации высшей школы РФ, обладающий собственной внутренней логикой и не сводимый ни к советской централизованной модели, ни к болонской двухуровневой системе. Во-вторых, в работе вводится и аналитически используется понятие «управляемый суверенитет в образовании» для описания модели, при которой усиление государственного регулирования стратегических параметров сочетается с сохранением ограниченной автономии вузов в научной-методической сфере. В-третьих, в статье в единой аналитической рамке рассматриваются три взаимосвязанных процесса: пересмотр принципов болонской модели, развитие цифровой образовательной среды и переориентация международного академического сотрудничества, которые в существующей литературе чаще анализируются раздельно.

Цель и задачи исследования

Цель исследования заключается в историко-социологической реконструкции трансформации системы высшего образования Российской Федерации в 2022–2025 гг. как этапа становления суверенной национальной модели.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: реконструировать нормативный процесс демонтажа болонских принципов и перехода к новым федеральным государственным образовательным стандартам; проанализировать роль цифровизации и технологий искусственного ин-

теллекта в изменении образовательных траекторий и обеспечении цифрового суверенитета; охарактеризовать новые векторы международного академического сотрудничества в условиях геополитических изменений и так называемого «поворота на Восток».

Методология исследования

Методологическую основу работы составляет принцип историзма, рассматривающий образовательные явления в их развитии и взаимосвязи с социально-политическим контекстом. Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных ученых в области истории и социологии образования, посвященные институциональным трансформациям российской высшей школы (Байдено В.И., Загвязинский В.И., Клячко Т.Л., Токарева Г.С., Попова А.С., Семенко И.Е. и др.), а также работы, анализирующие процессы цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательную среду (Бредихин С.С., Щетинина Е.В., А.А. Шматко А.Д., Волкова А.А. и др.). Концептуальную базу сравнительно-исторического анализа формируют исследования, посвященные альтернативным моделям международного академического сотрудничества в условиях реконфигурации глобального образовательного пространства (Юдина В.А., Танина М.А., Шорохова С.П. и др.).

Основным методом исследования является сравнительно-исторический, примененный для сопоставления отдельных характеристик российской модели с альтернативными моделями международного сотрудничества (страны СНГ, БРИКС, ШОС), а также для анализа преемственности и отличий текущей модели от советской системы подготовки специалистов. Проблемно-хронологический подход использован для структурирования эмпирического материала и выделения ключевых этапов трансформации 2022–2025 гг. Историко-генетический метод реализован через сопоставительный анализ текстов ФГОС 3-го поколения, ФГОС 3+, ФГОС 3++ и проектов ФГОС ВО нового поколения, обсуждаемых с 2023 г., по единой матрице параметров (структура программы, квалификационные уровни, цифровые компетенции); результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика поколений федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования

Параметр	ФГОС ВО 3-го поколения	ФГОС ВО 3+	ФГОС ВО 3++	Проекты ФГОС ВО нового поколения / пилотная модель (с 2023 г.)
Нормативная база	Приказы Минобрнауки России 2009–2011 гг. об утверждении ФГОС ВПО	Приказы Минобрнауки России 2014–2016 гг. о внесении изменений в ФГОС ВО	Приказы Минобрнауки России 2017–2020 гг. об утверждении ФГОС ВО 3++	Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343; письмо Минобрнауки России от 02.05.2023 № МН-5/169012

Окончание

Параметр	ФГОС ВО 3-го поколения	ФГОС ВО 3+	ФГОС ВО 3++	Проекты ФГОС ВО нового поколения / пилотная модель (с 2023 г.)
Структура программы	Базовая и вариативная части	Базовая и вариативная части	Обязательная часть и часть, формируемая участниками образовательных отношений	В рабочих версиях сохраняется модульный подход; единая утвержденная структура для всех направлений отсутствует
Объем обязательной части	Устанавливался через базовую часть	Устанавливался через базовую часть	Определяется конкретным ФГОС по направлению подготовки (минимальный объем)	Универсальный процент официально не установлен; зависит от проекта стандарта / пилотной программы
Квалификационные уровни	Бакалавриат / магистратура / специалитет	Бакалавриат / магистратура / специалитет	Бакалавриат / магистратура / специалитет	В пилотной модели: базовое высшее образование / специализированное высшее образование / аспирантура
Наличие специалитета	Сохранялся по отдельным направлениям подготовки	Сохранялся по отдельным направлениям подготовки	Сохранялся по отдельным направлениям подготовки	В пилотной модели уровни изменены; по действующим направлениям специалитет продолжает применяться
Компетентностная модель	ОК, ПК	ОК, ОПК, ПК	УК, ОПК; ПК определяются ОПОП с учетом ПООП и профстандартов	В проектах нового поколения усиливается акцент на результатах обучения и профессиональных задачах
Связь с профессиональными стандартами	Системно не закреплена	Усиливается, но не во всех стандартах	Закреплена через учет профстандартов и квалификационных требований	Сохраняется ориентация на квалификационные требования работодателей
Цифровые компетенции	Специально не выделялись	Специально не выделялись	Могли включаться в универсальные и общепрофессиональные компетенции по отдельным направлениям	Усиливаются в проектах новых стандартов и через проект «Цифровая кафедра»
Воспитательный компонент	Не выделялся как самостоятельный модуль	Не выделялся как самостоятельный модуль	Усилен в связи с рабочими программами воспитания	Дополнен модулем / курсом «Основы российской государственности»
Статус нормативного режима	Утвержденные стандарты	Утвержденные стандарты	Утвержденные стандарты	Рабочие версии и пилотное внедрение; не единый утвержденный массив стандартов
Международная сопоставимость	Учитывалась совместимость с Болонским процессом	Учитывалась совместимость с Болонским процессом	Формально сохранялась, при усилении национальной специфики	Не является системообразующим параметром пилотной модели

Примечание. Составлено автором на основе материалов портала федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (fgosvo.ru), Указа Президента РФ от 12.05.2023 № 343 и письма Минобрнауки России от 02.05.2023 № МН-5/169012 (дата обращения: 23.03.2026). Универсальные процентные соотношения обязательной и вариативной частей для всех направлений подготовки официально не устанавливаются; в ФГОС 3++ минимальный объем обязательной части определяется конкретным стандартом по соответствующему направлению подготовки.

Кризис Болонской системы и поиск национальной модели образования в РФ

Исторический анализ периода 2010–2022 гг. выявляет нарастание системных противоречий, которые к началу 2020-х гг. приобрели критический характер. Ключевой проблемой стала диссоциация между формальными атрибутами Болонской системы (кредиты, уровни подготовки) и содержательным наполнением образовательных программ. Внедрение компетентностного подхода, предполагающего

отказ от жесткой предметной специализации в пользу универсальных навыков, вступило в конфликт с традициями российской инженерной и классической школы, ориентированными на глубокую фундаментализацию знаний. [16;24;25].

К 2022 году в российской системе высшего образования накопились внутренние проблемы, которые обострились под влиянием внешних геополитических факторов. Заявление Минобрнауки России о выходе из Болонского процесса в ноябре 2022 года закрепило уже назревший переход

к иной модели высшего образования, ориентированной на задачи технологического суверенитета страны. Нормативное оформление этого перехода продолжилось в 2022–2023 годах и сопровождалось усилением в официальных документах риторики суверенитета, традиционных ценностей, безопасности и национальной самобытности. [23;25] Одновременно начался пересмотр структуры ФГОС: если стандарты 3++ были построены вокруг компетенций, то в новых проектах больший акцент делается на результаты обучения и профессиональные задачи, а анализ учебных планов показывает тенденцию к усилению фундаментальной подготовки, хотя универсальные количественные выводы требуют отдельного исследования.

Возвращение к специалитету в стратегических отраслях коррелирует с советской моделью, однако реализуется в иных экономических условиях. В отличие от плановой экономики СССР, где государство гарантировало трудоустройство, современная модель предполагает более тесную интеграцию вузов с индустриальными партнерами, в том числе в рамках программы «Приоритет 2030».

Историки образования оценивают текущий этап неоднозначно. В научной литературе выделяют два основных подхода к интерпретации происходящих изменений. Первый, условно назовем его «реставрационным», акцентирует внимание на возвращении к практикам советской высшей школы. Восстановление роли кафедры как базовой ячейки учебного процесса фиксируется в материалах всероссийских педагогических совещаний 2022–2023 гг. и нормативно подтверждается приказами Минобрнауки об утверждении примерных положений о кафедре. Действительно, введение с 2023 г. обязательных курсов по истории России и основанию российской государственности («Основы российской государственности») свидетельствует о возврате к идеологизации образования, характерной для советского периода.

Второй подход, который можно охарактеризовать как «модернизационный», рассматривает текущие реформы не как откат назад, а как попытку соединить элементы отечественной образовательной традиции с новыми технологическими и институциональными условиями. Ряд исследователей подчеркивает, что полный возврат к модели 1970-х гг. невозможен из-за изменившейся структуры экономики и цифровизации всех сфер жизни [18;20;21] В рамках такого подхода суверенная модель образования понимается как система, сохраняющая отдельные элементы гибкости, сложившиеся в период Болонского процесса, но действующая в ином нормативном и политическом контексте. Анализ профильных публикаций 2022–2023 гг. позволяет говорить о заметном интересе именно к такой интерпретации реформы как адап-

тации, а не как простого возвращения к прежней модели.

Важным аспектом поиска национальной модели стал пересмотр роли университетской автономии. В период Болонского процесса автономия понималась преимущественно как академическая свобода в выборе партнеров и программ. В новых условиях автономия вузов рассматривается через призму ответственности перед государством за достижение стратегических показателей развития.

В рамках анализа трансформации высшего образования 2022–2025 гг. представляется продуктивным использовать понятие «управляемый суверенитет в образовании» как интерпретационную модель текущих институциональных изменений. Под ним в настоящем исследовании понимается такой режим развития высшей школы, при котором усиление роли государства в определении стратегических параметров подготовки кадров сочетается с сохранением ограниченной автономии университетов в вопросах проектирования образовательных траекторий и научно-методической работы.

Цифровая образовательная среда и внедрение искусственного интеллекта

Период 2022–2025 гг. в истории отечественного высшего образования характеризуется не только нормативным выходом из Болонской системы, но и ускоренной технологической модернизацией, связанной с задачами цифрового суверенитета. Если в предыдущие десятилетия цифровизация рассматривалась преимущественно как инструмент оптимизации административных процессов и доступа к информационным ресурсам, то на современном этапе она стала одним из заметных элементов образовательной политики.

Масштабное внедрение проекта «Цифровая кафедра», стартовавшего в 2022 г. в рамках федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» и программы «Приоритет 2030», стало одним из центральных элементов цифровой трансформации высшей школы. Целью инициативы являлось формирование цифровых компетенций у студентов разных направлений подготовки, включая гуманитарные и естественно-научные профили, которые ранее не предполагали углубленного изучения информационных технологий. По данным Минобрнауки России, по состоянию на конец 2022 г. на «цифровые кафедры» было зачислено более 110 тыс. студентов, а по итогам 2023 г. дополнительную ИТ-квалификацию получили 86113 человек; обучение по проекту ведут 115 университетов. Реализация проекта сопровождалась вопросами кадрового обеспечения и необходимостью повышения квалификации препода-

давателей, вовлеченных в новые цифровые треки. [15;19;22;26]

Одновременно усилилось внимание к кадровому обеспечению цифровой трансформации. Расширение цифровых компонентов обучения повысило спрос на преподавателей, способных сочетать предметную подготовку с современными технологическими компетенциями. В этом смысле реформа затронула не только содержание образовательных программ, но и требования к кадровому сопровождению учебного процесса.

Параллельно с развитием цифровых кафедр происходило активное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс. Принятие Стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации (обновленной Указом Президента РФ в 2024 г.) задавало нормативные рамки для использования искусственного интеллекта в сфере образования. Вузы, участвующие в программе «Приоритет 2030», начали интегрировать ИИ-ассистентов в системы управления обучением (LMS). Данные системы используются для персонализации образовательных траекторий: алгоритмы анализируют успеваемость студентов и рекомендуют индивидуальные наборы элективных курсов или дополнительные материалы для устранения академических задолженностей. Экспериментальные площадки на базе ведущих университетов (МГУ, ИТМО, МФТИ) демонстрируют эффективность адаптивного обучения. Массовое внедрение подобных решений в региональных вузах сдерживается недостатком вычислительных мощностей и лицензионного программного обеспечения.

Важным аспектом цифровизации остается проблема данных и приватности.

Международное сотрудничество в новых геополитических условиях

Трансформация внешнеполитического курса Российской Федерации после 2022 г. оказала непосредственное влияние на архитектуру международного сотрудничества в сфере высшего образования. Если в период 2003–2022 гг. приоритетным вектором являлась интеграция с европейскими университетами в рамках Болонского процесса, то текущий этап характеризуется усилением сотрудничества со странами СНГ, БРИКС, ШОС и другими партнерами вне прежнего европейского контура.

Важным инструментом расширения партнерства стало развитие сетевых университетских объединений вне орбиты стран ЕС и Северной Америки. Университет ШОС и Сетевой университет БРИКС функционируют как платформы для реализации совместных образовательных программ и научных исследований [27;28]. Материалы 2023–2025 гг. позволяют говорить об активизации обсуждения совместных программ и о расши-

рении интереса к партнерству с университетами Китая, Индии и ряда других государств.

В сравнительной перспективе формирующаяся российская модель демонстрирует существенные отличия от европейской архитектуры Болонского процесса. Если в системе ECTS ключевым механизмом признания является автоматическая конвертация кредитов и академическая мобильность «снизу» (инициатива студента), то в рамках Соглашения СНГ 2023 г. приоритет отдается межгосударственным процедурам признания квалификаций, что отражает усиление роли национального регулирования [30]. Кроме того, в отличие от классической болонской трех цикловой системы, новая российская модель (базовое и специализированное высшее образование) сближается с практиками ряда стран БРИКС (например, Китая и Индии), где также наблюдается тенденция к удлинению программ инженерной подготовки и усилению связи с государственным заказом [30;31;32]. Это позволяет говорить не об изоляции, а о формировании альтернативного кластера образовательных стандартов, где суверенитет национальной системы превалирует над наднациональной гармонизацией.

Интеграция экспорта образовательных услуг в стратегию государственной политики обусловила включение показателей привлечения иностранных обучающихся в систему целевых индикаторов программы «Приоритет 2030». Нормативное закрепление нового вектора сотрудничества нашло отражение в серии межправительственных соглашений 2023–2025 гг., предусматривающих либерализацию миграционных процедур для студентов из стран-партнеров. Вместе с тем анализ институционального потенциала вузов выявляет существенную дифференциацию готовности к приему контингента из регионов с отличной социокультурной традицией (страны Азии, Африки).

Итоги исследования и перспективы развития

По результатам историко-социологической реконструкции период 2022–2025 гг. может рассматриваться как относительно самостоятельный этап становления суверенной национальной модели высшего образования Российской Федерации.

При решении первой задачи исследования установлено, что демонтаж болонских принципов носил управляемый характер: нормативный переход к расширенному специалитету в стратегических направлениях сопровождался пересмотром стандартов и корректировкой программ развития университетов. В рамках второй задачи данные свидетельствуют о том, что цифровизация и технологии искусственного интеллекта становятся важным фактором перестройки образовательной среды. Реализация проекта «Цифровая кафедра», внедрение цифровых сервисов и развитие отече-

ственных платформ свидетельствуют о стремлении встроить цифровые компетенции в подготовку кадров. По третьей задаче охарактеризован новый вектор международного академического сотрудничества: переориентация части партнерств с европейского направления на страны СНГ, БРИКС и ШОС получила нормативное и организационное оформление. Реконструкция нормативных процессов показывает формирование новых каналов взаимодействия, однако вопрос об их долгосрочной устойчивости и сопоставимости с прежними форматами академической мобильности остается открытым.

Литература

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490: в ред. от 15.02.2024 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910110003> (дата обращения: 24.03.2026).
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 24.03.2026).
3. О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения: 24.03.2026).
4. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»: Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2026 № 27 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601220026> (дата обращения: 24.03.2026).
5. О разработке ФГОС ВО нового поколения: письмо Минобрнауки России от 02.05.2023 № МН-5/169012 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/support/index/7?page=8> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Проекты ФГОС ВО – 4 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/31> (дата обращения: 24.03.2026).
7. Макет ФГОС ВО 4-го поколения в формате Word можно скачать на сайте www.fgosvo.ru // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/news/view/7190> (дата обращения: 24.03.2026).
8. О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201310010030> (дата обращения: 24.03.2026).
9. О порядке присвоения ученых званий: постановление Правительства Российской Федерации от 20.10.2023 № 1746 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310240018> (дата обращения: 24.03.2026).
10. Итоги деятельности Минобрнауки России за 2022 год // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/06/Презентация%20коллегия%202023.pdf> (дата обращения: 24.03.2026).
11. Байденко В.И. Болонский процесс: современный этап // Высшее образование в России. – 2015. – № 10. – С. 52–60.
12. Бредихин С.С. Цифровая грамотность обучающихся профессиональных образовательных организаций: факторы и инструменты цифровизации образовательного процесса / С.С. Бредихин, Е.В. Щетинина, Е.И. Салганова // Инновационное развитие профессионального образования. – 2022. – № 4(36). – С. 61–68.
13. Гурниковский А.И. Трансформация педагогической деятельности преподавателей высших учебных заведений в эпоху цифровизации образовательной сферы / А.И. Гурниковский, Р.Ю. Гурниковская, М.Ю. Осипова [и др.] // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – Т. 13, № 10–1. – С. 63–74. – DOI: 10.25726/j0169-3689-1151-s.
14. Дятлов С.А. Искусственный интеллект и ловушки цифровой трансформации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6(138). – С. 30–33.
15. Загвязинский В. и др. Стратегические ориентиры развития отечественного образования и пути их реализации // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2013. – № 2. – С. 3–8.
16. Ильина И.Ю. Трансформация профессиональной деятельности преподавателей вузов в условиях цифровизации образования: тенденции и риски // Вестник Мининского университета. – 2024. – Т. 12, № 4. – DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-7.
17. Клячко Т.Л. Введение новой национальной системы высшего образования в Российской Федерации

- Федерации: обзор исследований / Т.Л. Клячко, Г.С. Токарева // Профессиональное образование и рынок труда. – 2025. – Т. 13, № 4(63). – С. 75–87. – DOI: 10.52944/PORT.2025.63.4.005.
18. Осташова Я.В. Реформа высшего образования в России: исторический контекст выхода из Болонского процесса // Пространство науки. – 2025. – Т. 2, № 1. – С. 130–144. – DOI: 10.33873/3034-4379.2025.2-1.130-144.
19. Пресс-конференция Валерия Фалькова о приемной кампании 2024/2025 учебного года: главные тезисы // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 19.06.2024. URL: <https://m.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/84618/> (дата обращения: 24.03.2026). (m.minobrnauki.gov.ru)
20. Kehm B.M. The Bologna Process: Origins, Development and Impact // Higher Education in Europe. – 2020. – Vol. 45. – № 2. – P. 112–125.

TRANSFORMATION OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION IN 2022–2025: TRENDS AND CONTRADICTIONS

Duguniev A.G.

Plekhanov Russian University of Economics

The article discusses the current problems of the education system in the Russian Federation at the present stage. Based on the historical and sociological analysis, an attempt is being made to reconstruct the transformation of the higher education system of the Russian Federation in 2022–2025. The purpose of the study is to identify the features of the formation of a “sovereign” national model of education after Russia’s withdrawal from the Bologna process. The article examines the normative consolidation of new federal state educational standards, the role of digitalization and artificial intelligence technologies as factors of educational policy, as well as the continuity and differences between the current model and the Soviet system of training specialists.

The formation of new vectors of international academic cooperation is also being considered. The results obtained make it possible to clarify the characteristics of the current stage of the reform and can be used for further discussion of its social and pedagogical consequences.

Keywords: higher education, Bologna process, “educational sovereignty”, digitalization, artificial intelligence, Federal State Educational Standard, international cooperation, history of education.

References

- On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490: as amended. dated 02/15/2024 // Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910110003> (date of request: 03/24/2026).
- On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation dated 11/09/2022 No. 809 // Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of request: 03/24/2026).
- On some issues of improving the higher education system: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/12/2023 No. 343 // Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (date of request: 03/24/2026).
- On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation No. 343 dated May 12, 2023 “On Certain Issues of Improving the higher Education system”: Decree of the President of the Russian Federation No. 27 dated 01/22/2026 // Official Publication of Legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601220026> (date of request: 03/24/2026).
- On the development of the Federal State Educational Standard for Higher Education of the new generation: letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 05/02/2023 № MN-5/169012 // Portal of Federal State Educational Standards of Higher Education. URL: <https://fgosvo.ru/support/index/7?page=8> (date of access: 03/24/2026).
- Projects of the Federal State Educational Standard for Higher Education // Portal of Federal State Educational Standards of Higher Education. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/31> (date of request: 03/24/2026).
- The layout DURING the 4th immersion in the text word can be downloaded on the www website.fgosvo.ru // Federal State Educational Center of Higher Education. 05/02/2023. URL: <https://fgosvo.ru/news/view/7190> (date of application: 03/24/2026).
- On the procedure for awarding academic degrees: Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/24/2013 No. 842 // Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201310010030> (date of request: 03/24/2026).
- On the procedure for awarding academic titles: Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/20/2023 No. 1746 // Official publication of legal acts. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310240018> (date of reference: 03/24/2026).
- Results of the activities of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2022 // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/06/Presentation_of_%20college%202023.pdf (accessed: 03/24/2026).
- Baydenko V.I. The Bologna process: a modern stage // Higher education in Russia. – 2015. – No. 10. – pp. 52–60.
- Bredikhin S.S. Digital literacy of students of professional educational organizations: factors and tools of digitalization of the educational process / S.S. Bredikhin, E.V. Shchetinina, E.I. Salganova // Innovative development of professional education. – 2022. – № 4(36). – Pp. 61–68.
- Grebnev L.S. The current round of the Bologna process: Russia and beyond ... (based on the works of V.I. Bidenko and N.A. Selezneva) // Higher education in Russia. – 2018. – No. 1. – pp. 5–16.
- Gurnikovskiy A.I. Transformation of pedagogical activity of teachers of higher educational institutions in the era of digitalization of the educational sphere / A.I. Gurnikovskiy, R.Y. Gurnikovskaya, M.Y. Osipova [et al.] // Education management: theory and practice. – 2023. – Vol. 13, No. 10–1. – pp. 63–74.
- Zagvyazinsky V. et al. Strategic guidelines for the development of Russian education and ways to implement them // Innovative projects and programs in education. – 2013. – No. 2. – pp. 3–8.
- And Ilyina. Yu. Transformation of professional activity of university teachers in the context of digitalization of education: trends and risks // Bulletin of Mininsky University. – 2024. – Vol. 12, No. 4. – Doi: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-7.
- Klyachko T.L. Introduction of a new national system of higher education in the Russian Federation: a review of research / T.L. Klyachko, G.S. Tokareva // Vocational education and the labor market. – 2025. – VOL. 13, No. 4(63). – pp. 75–87. – DOI: 10.52944/PORT.2025.63.4.005.
- Ostashova Ya.V. Higher education reform in Russia: the historical context of the exit from the Bologna process // Space of Science. – 2025. – Vol. 2, No. 1. – pp. 130–144. – DOI: 10.33873/3034-4379.2025.2-1.130-144.
- Valery Falkov’s press conference on the admission campaign for the 2024/2025 academic year: main theses // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. 06/19/2024. URL: <https://m.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/84618/> (date of access: 03/24/2026).
- Kehm B.M. The Bologna process: origins, development and impact // Higher education in Europe. – 2020. – Volume 45. – No. 2. – pp. 112–125.

Ладони города

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Лучшей метафоры, чем ладони города, для города и не придумаешь. Открытые и протянутые к вам ладони – символ добра и помощи, поддержки и открытости. Таким и должен быть город. На наших ладонях сосредоточены важнейшие артерии тела. По ним узнают о нашем здоровье и даже нашей судьбе. На гаданиях по линиям ладони вскормилось ни одно поколение гадалок, магов и вещателей. Ладони символизируют открытое пространство, а их архитектурный аналог, площадь, – публичную территорию. У человека то же самое: ладони открыты и приветливы в отличие от сжатого кулака. Кулак – символ зла. Ладони – обратная сторона зла. Город, как и человек, может быть либо «открытой ладонью», либо «сжатым кулаком».

Ключевые слова: горд, ладони, улицы, судьба, информация.

Главная площадь города и расходящаяся от нее уличная сеть – это и есть протянутые к людям ладони города. Публичная сфера (общественное пространство) – это место, где здания встречаются с тротуаром, а улицы пересекаются с площадями.

Сеть улиц на карте города – это паутина линий на руке человека. Каждая линия, точка, черточка на ладони несут в себе информацию о событиях в жизни человека, прошедших или будущих. Такую же, если не еще большую, информацию о истории и биографии, судьбе и будущем города могут дать его улицы, многие из которых могут иметь многовековую историю, а другие – недавнее настоящее.

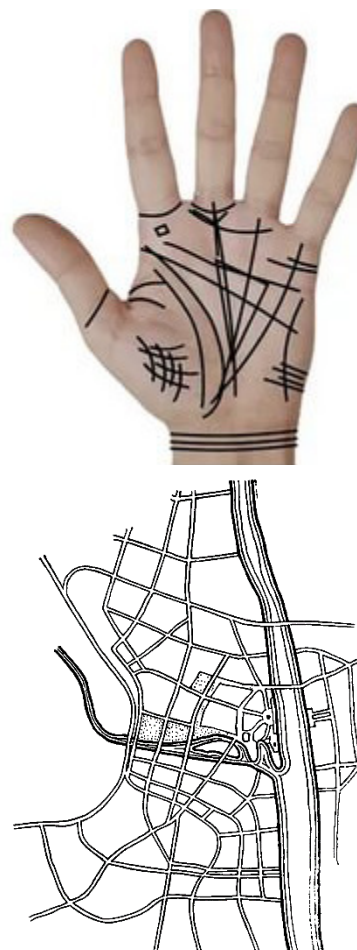

Рис. 1. Ярославль: Схема генерального плана города 1937 г.

Сеть улиц на карте города как паутина линий на руке (рис. 1) – не географическое или топографическое, но скорее поэтическое сравнение. Сходство между линиями на ладони и сеткой городских улиц

часто вдохновляет не только урбанистов, но и философов, писателей и историков. В урбанистике этот феномен называют «палимпсестом» – когда на одном и том же пространстве новые эпохи пишут свою историю поверх старой, но прежние слои все равно проглядывают сквозь современность.

Древние радиально-кольцевые или хаотичные улицы (как в старой Москве, Париже или Риме) выдают крепостное или оборонительное прошлое. Строгая сетка (как в Нью-Йорке или Санкт-Петербурге) говорит о детальном планировании, рационализме и воле правителя. В переносном смысле речь может идти о генетическом коде или ДНК города. Улицы действительно хранят память поколений через свою форму, названия и даже наклон мостовой. Изучая карту, можно предсказать и будущее города – где он будет развиваться, а где рискует столкнуться с транспортным или социальным тупиком.

Исчезнувшие улицы, резкие тупики или внезапно расширяющиеся проспекты часто указывают на исторические катаклизмы – пожары, войны, масштабные сносы или периоды диктатур, когда пространство подчиняли парадным и колонным войскам. Купеческие улочки, портовые набережные и вокзальные площади показывают, за счет чего город рос и дышал. Их направление всегда следует за логикой человеческих потребностей и торговых путей.

В паутинной сети дорог отражена внутренняя сила и жизненная мощь человеческого артефакта. Возможно, крупнейшего из когда-либо созданных им, если не считать Великой китайской стены и египетских пирамид. Линии на руке, как и улицы в городе, позволяют прогнозировать будущее и изучать прошлое. Радиальная сетка улиц Москвы, доставшаяся ей от прошлого, мешает столице уверенно смотреть в будущее. Под руководством мэра Собянина уже много лет ведется косметическая редакция городского пространства, расшивка узких мест, исправление старых ошибок, строительство гигантских развязок, прокладка новых линий метро и кольцевых магистралей (рис. 2).

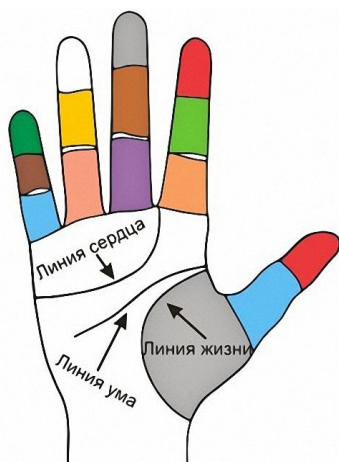

Рис. 2. Городские улицы как линии судьбы

А чем занимается школа и семья? Они отучают ребенка от того, к чему его приучила улица. Семья готовит маменькиных сынков, школа – бабана, улица – реальных пацанов. Социализация подростков в уличном сообществе служит тренировкой борьбы за выживание в большом обществе, ибо то и другое подразумевает непрерывное самоутверждение – борьбу репутацию. Уличные дети всегда связаны с актами насилия, преступностью и социальными беспорядками. Они становятся социально восприимчивыми и уязвимыми по отношению к своему окружению, как в качестве причин, так и в качестве жертв [1].

Ладони человека – завершение трудового инструмента человека, руки. Именно руками человек создавал городскую цивилизацию. Человеческие руки постоянно трудятся. Так же постоянно трудятся человеческие города, которые можно считать основной производительной силой общества. ладони как и город находятся в постоянном движении: они что-то хватают, удерживают, привлекают, сжимают, отпускают, бросают, гладят и защищают. Города и ладони многоликие зеркала человеческого рода, рода Homo Urbanis.

Улица оказывается не только окном в огромный социальный мир, мир событий, происшествий, встреч и повседневных дел. Улица это еще и тупик или, точнее сказать, символ тупикового сознания. Она уже не перекресток всех дорог, а закоулок, проулок, заводь и болото. Место грязное и смрадное, запущенное и заброшенное. Таковы тесные улочки средневекового города, куда из окон выливали помой, где опасно ходить вечером.

Улица, превращенная в притон и место разврата, где можно услышать мат и похабщину. Но именно в этом культурном навозе рождаются перлы городского фольклора, городские легенды, анекдоты, шутки, присказки и страшилки. Здесь формируется детективный жанр и отсюда начинается мир больших приключений. Ибо попасть в него можно, только выйдя из дома на улицу.

Н.П. Анциферов в работе «Пути постижения города как социального организма» рассматривал город как социальный организм, наделив его не только телом с причитающейся ему физиологией улиц и районов, но и душой как особым складом культурного темперамента.

Улицы как линии руки показывают судьбу города (рис. 3), его биографию, историю, а иногда и будущее. В некоторых городах улицы и вправду называются линиями – Санкт-Петербург, Брянск, Владимир, Златоуст, Нальчик, Краснодар, Ростов-на-Дону, Рязань, Омск, Саратов.

Главная магистраль города – это ее линия жизни, основная кровеносная магистраль, по которой что-то перевозится, снабжается, кто-то ходит, гуляет, куда-то переходит. Красная площадь – центральная часть ладони Москвы, от которой во все

стороны отходят линии-улицы. Метафора «рука Москвы», «рука Кремля» как раз будет в кон.

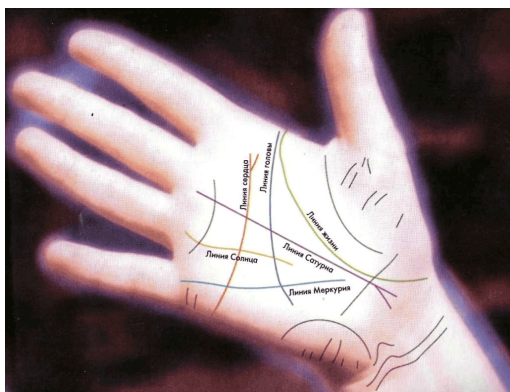

Рис. 3. Френология города, линии-улицы.

Главная магистраль города – это ее линия жизни, основная кровеносная магистраль, по которой что-то перевозится, снабжается, кто-то ходит, гуляет, куда-то переходит. Красная площадь – центральная часть ладони Москвы, от которой во все стороны отходят линии-улицы. Метафора «рука Москвы», «рука Кремля» как раз будет в кон.

Улица как пространство между двумя рядами домов, между стенами, деревьями и т.п. представляет собой место временного пребывания кого-либо (людей или животных). Своего рода разделительная полоса, пограничная зона, пауза в пространстве, прерывание непрерывного, остановка, стоп-кадр. Она защищена по бокам чем-то твердым (улитка, улей, русло, овраг). Улица как проход существует не только в населенных людьми пунктах. Напротив, улица в социокультурном значении – это заполненное пространство, не обязательно чем-либо огороженное (толпа, масса, стадо).

Здесь слово «улица» определяет множество кого-либо, скажем, множество людей. В то же самое время улица, в отличие от усадьбы или кремля, предназначена для простонародья или плебса. Она демократична, а не аристократична. Простые люди митингуют на улице. Она стала огромной сценой для стихийного творчества масс – от уличных музыкантов и художников, уличного спорта молодежи, от уличных тусовок и гулянок до огромных и многодневных карнавалов. Ассоциация улицы с праздником дает новый ряд производных: сборище в праздник, гулянье с песнями; хоровод, круг. Потому и говорят в народе: «Будет и на нашей улице праздник».

Улица – пространство разновозрастного общения, межличностного взаимодействия, межпоколенного сотрудничества, межкультурного диалога, межнационального общения, формирования детско-взрослых и детско-родительских общностей; для семейного досуга, для гармонизации детско-родительских отношений, профилактики

семейного неблагополучия, обеспечения социальной безопасности детей и взрослых (рис. 4).

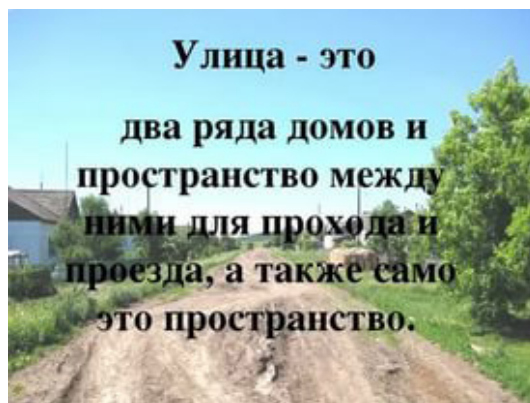

Рис. 4. Улица – это два ряда домов

Тесные, грязные и не освещенные средневековые улицы служили источников массовых заболеваний, то и дело пополняя статистику смертности. Улицы, дворы и переулки – места, где впервые вспыхнула холера и брюшной тиф. Они располагались в непосредственной близости от открытых канализационных труб, стоячих канав и прудов, желобов, заполненных разлагающимся мусором, и уборных. Болезни и плохое здоровье служили основной причиной нищеты и бременем для налогоплательщиков.

Мусор и вывоз мусора оказывают большое влияние на городские улицы. Мешки для мусора нередко разбросаны вдоль узких тротуаров, привлекая крыс и источая неприятный запах в летнюю жару. Сотни грузовиков используются каждый день для транспортировки промышленных и бытовых отходов. Они толпятся на городских улицах, замедляя движение транспорта и загрязняя воздух. А показатели утилизации все еще очень низкие.

Улица – особое пространство. На улице, безусловно, как и на дороге, есть проезжая часть, и по этой проезжей части движется автотранспорт. Однако, это далеко не единственное, что на улице происходит. Здесь также движутся пешеходы, едут велосипедисты, на улицу выходят магазины и кафе, на улицах есть парковка на проезжей части, по улицам движется общественный транспорт, люди встречаются на улицах и проводят на них время.

В общем, улица – это многофункциональное пространство, в котором движение автотранспорта играет заметную, однако, далеко не принципиальную роль. Помимо него здесь переплетаются траектории движения множества других участников движения. Кроме того, при проектировании улиц мы должны учитывать визуально-эстетические требования, и в том числе по этой причине то, что применимо на автодорогах, неприменимо на улицах – те же бетонные отбойники.

Занимая пост комиссара Департамента транспорта Нью-Йорка в течение семи лет, Джанет Садик-Хан стала одним из пионеров превращения «городов автомобилей» в «города людей». Она смогла реализовать множество проектов по переустройству улиц, призванных снизить травматизм на дорогах, улучшить экологию, а главное – вернуть городские улицы людям [2] (рис. 5).

Рис. 5. Ладони города: Мне город протянул ладони площадей (М. Магомаев, А. Королев)

Следует перевернуть практику проектирования улиц и управления ими, чтобы в первую очередь отдавать предпочтение пешеходам, велосипедистам и пользователям общественного транспорта, затем следует совместное обслуживание движения товаров и, наконец, частный автомобиль. К примеру, около четверти уличного пространства Нью-Йорка отведено под экологически безопасные виды транспорта; к 2040 г. они должны составить 80%.

Свобода передвижения по улицам и беспрепятственных собраний на площадях – ключевые элементы демократического общества. Свободный проезд – отличительная черта городской цивилизации. Улица – воплощенная мобильность – место потенциального брожения, слухов, праздников, ритуалов учтивости, светских бесед, дискуссий, конфликтов и восстаний. Площадь – начало и конец свободного проезда, ибо на площади машины, кроме спецавтомобилей, ездить не имеют права.

Площадь – пешеходный центр. Ограничение движения автомобилей на площадях возвращает эти пространства людям. Без машин площадь превращается в безопасное место для массовых собраний, праздников или протестов. Площадь ярче всего показывает, что город принадлежит пешеходам, а не автомобилям.

В европейском городе планировка улиц осуществлялась вокруг главной площади, на которой находился либо дворец правителя, либо городская ратуша, бывшая центром гражданской власти. Со временем город пересекли проспекты. Откры-

тые улицы западного города не похожи на извилистые, тесные улочки с неожиданными поворотами и закоулками, созданные исламской культурой.

Внешний вид улицы западного города оживает не только толпа, но и архитектурное разнообразие застройки: дома, фасады и большие, выходящие на улицу окна. Напротив, для исламской культуры нет ничего более чуждого, чем понятие фасада. Вместо него перед нами однообразная слепая стена, а сами дома как бы повернуты лицом внутрь. Даже на единственном верхнем окне установлена решетка.

Позже на его месте стали делать слегка выступающие балкончики, закрытые решеткой с таким расположением деревянных планок, которое позволяло наблюдать, что происходит на улице, оставаясь незамеченным. Сама улица, зажата между постройками, является неким подобием внутреннего коридора, ведущего от одной точки к другой, а не местом для прогулок, общения или деловых встреч. Для торговли отведена специальная часть города – базар. Улица никогда не бывает прямой.

Через площади – ладони города – городское пространство можно рассматривать не просто как транспортную систему, а как фундамент гражданского общества и личной свободы. Общественные пространства (улицы и площади) – это не просто асфальт для передвижения, а главная арена социальной и политической жизни. Улицы и площади – место, где люди не просто перемещаются из точки А в точку Б, но и общаются, спорят, обмениваются слухами и создают культуру.

Площадь как открытая ладонь – инклюзивное пространство. Здесь нет заборов, турникетов и жесткого контроля. Она приглашает войти, присесть, пообщаться. Город-ладонь доверяет своим жителям и гостям, предлагая им безопасность и поддержку через соразмерные человеку здания, обилие зелени и удобные пешеходные зоны. Пространство-кулак – это глухие фасады, гигантские заборы, агрессивная застройка, подавляющие масштабы и обилие запрещающих знаков. Архитектура «кулака» транслирует угрозу, подозрение и отчуждение. Человек чувствует себя в таком городе песчинкой, которую в любой момент могут раздавить.

Урбанисты сегодня сосредоточены на Spatial Syntax – пространственном анализе. Они смотрят на «линии здоровья» города (транспортные и пешеходные потоки). Если артерии забиты машинами, а пешеходные «линии жизни» обрываются подземными переходами и заборами – город серьезно болен. Если «линия ума» (университетские кластеры, библиотеки, креативные пространства) пересекается с «линией сердца» (парки, набережные, жилые кварталы), то у такого города долгое и счастливое будущее. Город с открытыми ладонями площадей исцеляет общество, снижая уро-

вень агрессии и возвращая людям базовое чувство безопасности и дружелюбия.

Литература

1. Bajari A., Kuswarno E. Violent language in the environment of street children singer-beggars // Heliyon 6 (2020): Vol. 6, Issue 8.
2. Садик-Хан Дж., Соломонов С. Битва за города: Как изменить наши улицы. Революционные идеи в градостроении. М.: Олимп-Бизнес, 2018.

PALMS OF THE CITY

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology»

There's no better metaphor for a city than the palms of a city. Open, outstretched palms are a symbol of kindness and help, support

and openness. This is how a city should be. Our palms contain the body's most important arteries. They reveal information about our health and even our fate. Generations of fortune tellers, magicians, and broadcasters have been nurtured by palmistry. Palms symbolize open space, and their architectural equivalent, the square, symbolizes public space. It's the same with humans: palms are open and welcoming, unlike a clenched fist. A fist is a symbol of evil. Palms are the reverse side of evil. A city, like a person, can be either an «open palm» or a «clenched fist.»

Keywords: city, palms, streets, destiny, information.

References

1. Bajari A., Kuswarno E. Violent language in the environment of street children singer-beggars // Heliyon 6 (2020): Vol. 6, Issue 8.
2. Sadik-Khan J., Solomonov S. Battle for the cities: How to change our streets. Revolutionary ideas in urban planning. Moscow: Olimp-Business, 2018.

Психолого-педагогическое сопровождение адаптации студентов-спортсменов к учебно-тренировочному процессу в условиях вуза

Никифоров Никита Юрьевич,

преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Prorok63_00@mail.ru

Штабной Матвей Дмитриевич,

студент 3 курса, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: matvei-shtabnoi@yandex.ru

Работа посвящена теоретическим и практическим аспектам психолого-педагогического сопровождения адаптации студентов-спортсменов к учебно-тренировочному процессу в рамках высшего учебного заведения. В работе рассмотрены и изучены ключевые факторы, затрудняющие процесс адаптации данной категории обучающихся. Такие факторы обусловлены необходимостью сочетания интенсивной спортивной подготовки и академической нагрузки. На основе анализа современных отечественных исследований и статистических данных за 2024–2025 годы по Российской Федерации обоснована необходимость создания комплексной системы психолого-педагогического сопровождения. Система включает в себя диагностический, консультативный, коррекционно-развивающий и организационно-методический компоненты. Описаны конкретные формы, направления и методы работы, влияющие на успешную адаптацию студентов-спортсменов. Сформулированы рекомендации для педагогов, тренеров и психологических служб вузов.

Ключевые слова: адаптация, студенты-спортсмены, психолого-педагогическое сопровождение, учебно-тренировочный процесс, высшее образование, спортивная психология, академическая успеваемость.

Введение

В современной педагогической науке и практике проблеме адаптации студентов к условиям обучения в высшем учебном заведении выделяют как одну из наиболее востребованных. Особая важность данной проблемы касается студентов-спортсменов – категории обучающихся, которые вынуждены одновременно двигаться по двум векторам развития: академическому и спортивному. Концепция так называемой «двойной карьеры» (dual career), получившая широкое распространение в зарубежной и отечественной литературе, отражает специфическую ситуацию, в которой молодой человек стремится достичь высоких результатов и в спорте, и в образовании, что неизбежно порождает целый спектр адаптационных трудностей [1, 6].

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что в Российской Федерации сохраняется устойчивая тенденция к увеличению числа студентов, совмещающих обучение в вузе с занятиями спортом на профессиональном уровне. По данным Министерства спорта Российской Федерации, на начало 2025 года в стране насчитывается более 920 тысяч студентов, регулярно занимающихся спортом в рамках студенческих спортивных клубов и спортивных сборных команд вузов, из них свыше 68 тысяч имеют спортивные разряды не ниже кандидата в мастера спорта [10]. Согласно отчёту Российского студенческого спортивного союза за 2024–2025 учебный год, количество студенческих спортивных клубов, базирующиеся в вузах, достигло 790 единиц, охватывая более 48% образовательных организаций высшего образования [10]. Эти данные свидетельствуют о значительности феномена и необходимости системного подхода к обеспечению условий для успешной интеграции учебной и спортивной деятельности.

Статистика академической успеваемости студентов-спортсменов показывает, что данная категория обучающихся находится в зоне повышенного риска образовательной неуспешности. По результатам мониторинга, проведённого рядом российских вузов в 2024–2025 учебном году, до 34% студентов-спортсменов высокого профессионализма имеют академические задолженности по итогам зимней сессии, что в 1,7 раза превышает аналогичный показатель среди студентов, не занимающихся спортом на профессиональном

уровне [3, 10]. Вместе с тем отмечается, что около 27% студентов-спортсменов первого курса испытывают выраженные проявления дезадаптации в первом семестре обучения, проявляющиеся в повышенной тревожности, эмоциональном истощении и снижении мотивации к учебной деятельности [5].

Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в настоящее время ставит задачу создания условий для сбалансированного развития спортсменов, включая обеспечение их качественным образованием. Федеральный проект «Спорт – норма жизни», реализуемый в рамках национального проекта «Демография» и продленный до 2030 года, а также Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, предусматривают совершенствование системы подготовки спортивного резерва, в том числе посредством оптимизации условий обучения студентов-спортсменов в образовательных организациях высшего образования [10].

Теоретико-методологические основы проблемы адаптации студентов-спортсменов

Понятие адаптации в контексте образовательного процесса традиционно рассматривается как многогранный процесс приспособления личности к новым условиям жизнедеятельности, сопровождающийся перестройкой функциональных систем организма, когнитивных стратегий, эмоциональной сферы и социального поведения [2, 4]. Рассматривая адаптацию студента-спортсмена с позиции системного подхода, можно сказать, что она представляет собой системный процесс, включающий несколько взаимозависимых аспектов:

- Психофизиологический аспект подразумевает перестройку функциональных систем организма в ответ на комбинацию умственных и физических нагрузок, контроль режима дня, формирование оптимальной пропорции между тренировочной и учебной активностью.
- Когнитивный аспект связан с освоением новых форм и методов учебной деятельности, характерных для высшей школы: самостоятельная работа с научной литературой, подготовка к семинарским занятиям, написание курсовых работ и т.д.
- Эмоционально-личностный аспект охватывает процессы формирования эмоциональной устойчивости в условиях двойной нагрузки, контроля стресса во время соревнований и экзаменов, поддержания мотивации и самодисциплины.
- Социально-психологический аспект отражает вовлечение в новую систему межличностных отношений – с однокурсниками, преподавателями, тренерами, коллективом спортивной секции [4, 7].

Рассматривая проблему совмещения спортивной и образовательной деятельности, можно зафиксировать то, что студенты-спортсмены находятся в ситуации «двойного транзита»: они одновременно переживают переход от школьного к вузовскому обучению и переход от юношеского ко взрослому спорту с его высокими требованиями к результату и дисциплине [9]. Такой транзит существенно увеличивает психологическую нагрузку и создает предпосылки для различных форм дезадаптации.

Специфика адаптации студентов-спортсменов определяется не только объективной сложностью совмещения двух видов деятельности, но и рядом субъективных факторов: особенностями спортивной идентичности, характером мотивационной структуры, индивидуально-типологическими свойствами личности и уровнем развития навыков самоорганизации [8]. У студентов, чья идентичность в значительной степени определяется спортивной деятельностью, наблюдается склонность рассматривать учебную деятельность как второстепенную, что негативно сказывается на академической адаптации. Напротив, студенты с более гармоничной идентичностью демонстрируют лучшие показатели как в учебной, так и в спортивной деятельности.

Методологической базой психолого-педагогического сопровождения адаптации студентов-спортсменов выступают такие подходы, как субъектно-деятельностный, позволяющий рассматривать студента как активного субъекта собственного развития; личностно-ориентированный подход, предполагающий учет индивидуальных особенностей обучающегося при организации образовательного процесса; и ресурсный, акцентирующий внимание на выявлении и активизации внутренних и внешних ресурсов личности для преодоления адаптационных трудностей [2, 4].

Методологической базой психолого-педагогического сопровождения адаптации студентов-спортсменов выступают такие подходы, как субъектно-деятельностный, позволяющий рассматривать студента как активного субъекта собственного развития; личностно-ориентированный подход, предполагающий учет индивидуальных особенностей обучающегося при организации образовательного процесса; и ресурсный, акцентирующий внимание на выявлении и активизации внутренних и внешних ресурсов личности для преодоления адаптационных трудностей [2, 4].

Факторы, определяющие специфику адаптации студентов-спортсменов в условиях вуза

Анализ отечественной литературы позволяет систематизировать факторы, влияющие на процесс адаптации студентов-спортсменов к учебно-тренировочному процессу в вузе.

- Временной дефицит и проблема распределения ресурсов. Ключевой трудностью для студентов-спортсменов является объективный дефицит времени, обусловленный необходимостью регулярной затраты временных ресурсов на тренировочную деятельность. По данным исследования, проведенного на базе ряда российских спортивных вузов в 2024–2025 годах, студенты-спортсмены высокого уровня профессионализма тратят в среднем от 20 до 30 часов

в неделю на тренировочную деятельность и соревнования, что в сочетании с академической нагрузкой (в среднем 24–28 часов в неделю) оставляет крайне сжатые сроки для самостоятельной учебной работы, отдыха и социальной активности [3, 5]. Опрос 1200 студентов-спортсменов российских вузов, проведенный в начале 2025 года, показал, что 61% респондентов указал на нехватку времени как на главную проблему совмещения учебы и спорта [10].

- Конфликт учебного и соревновательного графиков. Календарь соревнований, как правило, не согласован с академическим расписанием вуза. Выезды на соревнования, учебно-тренировочные сборы, подготовительные и восстановительные периоды нередко совпадают с временными рамками промежуточной и итоговой аттестации. По данным на 2025 год, около 42% студентов-спортсменов, входящих в состав сборных команд вузов и регионов, пропускают от 20 до 40% аудиторных занятий в течение семестра по причине участия в соревнованиях и тренировочных сборах [3, 10]. Такое обстоятельство приводит к тому, что студенту приходится самостоятельно погружаться в изучение дисциплин, что в свою очередь, предполагает у него наличие развитых навыков самоконтроля, дисциплины и устойчивой внутренней потребности к обучению.
- Психозмоциональное напряжение и риск выгорания. Двойная нагрузка создает комплекс условий для формирования хронического психозмоционального напряжения. У студентов-спортсменов первого и второго курсов уровень ситуативной тревожности в период экзаменационной сессии уверенно выше, чем у студентов, не занимающихся спортом профессионально, при этом у них одновременно фиксируются признаки спортивного переутомления [5, 7]. Отмечается, что до 23% студентов-спортсменов обнаруживают симптомы синдрома эмоционального выгорания уже ко второму году обучения, что связано с нарастающим воздействием учебных и тренировочных нагрузок [5].
- Особенности социальной интеграции. Возможность участия студентов-спортсменов в общественной жизни учебной группы или вуза в целом значительно ограничивается усиленным тренировочным режимом. Данный фактор может привести к чувству социальной обособленности, трудностям в формировании приятельских и дружеских связей с однокурсниками, ослаблению чувства принадлежности к научному сообществу. Вместе с тем принадлежность к спортивной команде может частично компенсировать этот дефицит, формируя альтернативную референтную группу [6, 7].
- Мотивационные конфликты. В ситуации двойного вектора развития у студентов-спортсменов

нередко возникают внутренние мотивационные конфликты, связанные с необходимостью выбора и расставления приоритетов. При низкой результативности в одной из сфер возникает непреодолимое желание перенаправить ресурсы в пользу более эффективного поля деятельности. Такой выбор может привести к полноценному уходу в спорт с фактическим пренебрежением учёбой или, наоборот, к отказу от спортивных амбиций. Исходя из этого, одной из ключевых задач психолого-педагогического сопровождения является формирование гармоничной мотивационной структуры, в которой учебные и спортивные мотивы не противопоставляются, а дополняют друг друга [1].

- Индивидуально-типологические особенности. Скорость и успешность адаптации зависят также от индивидуально-типологических особенностей студента: свойств темперамента, поведенческих особенностей, уровня нервно-психической устойчивости, сформированности волевых качеств. Студенты-спортсмены с высоким уровнем развития целеполагания, самоконтроля и стрессоустойчивости значительно эффективнее адаптируются к условиям двойной нагрузки [8].

Структура и содержание системы психолого-педагогического сопровождения

Психолого-педагогическое сопровождение адаптации студентов-спортсменов – это целенаправленная и систематическая деятельность психологов, педагогов, тренеров и кураторов, направленная на создание условий для успешного совмещения учебы и спорта [2, 4]. Система включает четыре взаимосвязанных компонента:

- Диагностический компонент предполагает отслеживание динамики адаптации и определение студентов, находящихся в группе повышенного риска по возникновению проблем с социальной и учебной интеграцией. На этапе поступления проводится входная диагностика с использованием методик оценки тревожности, мотивации обучения, социально-психологической адаптации, саморегуляции и нервно-психической устойчивости [2, 5, 7]. В последующем диагностика проводится не реже двух раз в год, а также по запросу. Ключевым элементом является мониторинг академической успеваемости.
- Консультативный компонент включает индивидуальные психологические консультации для студентов по вопросам тайм-менеджмента и стресса, а также консультирование тренеров и преподавателей по вопросам индивидуального подхода к студентам-спортсменам [2, 4]. Наиболее востребованные темы обращений: предсоревновательная и предэкзамен-

национная тревожность (47%), самоорганизация (39%), снижение учебной мотивации (31%), трудности в коммуникации с преподавателями из-за пропусков (28%) [3, 5].

- Коррекционно-развивающий компонент реализуется через специальные программы: практикум самоорганизации и тайм-менеджмента (повышает показатели самоорганизации на 18–22%) [5, 7]; тренинг эмоциональной саморегуляции и профилактики стресса, включающий техники релаксации, когнитивной перестройки и осознанности [8]; групповые занятия по развитию коммуникативных навыков [4, 6]; программу психологического консультирования, направленную на развитие стратегии двойной карьеры и профилактики выгорания [9].
- Организационно-методический компонент направлен на создание организационных условий адаптации. Включает в себя разработку индивидуальных учебных планов (предусмотрены в 56% вузов, однако фактическое применение этой возможности охватывает лишь 30% студентов, имеющих на это право.) [3, 10]; внедрение дистанционного обучения для периодов соревнований и сборов [3]; контроль взаимодействия учебных и спортивных структур вуза через создание координационных советов [4]; институт тьюторства, при котором за первокурсниками закрепляются старшекурсники-спортсмены, что снижает уровень дезадаптации на 15–20% [3, 5].

Статистические данные и результаты мониторинга (2024–2025 гг.)

По данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства спорта Российской Федерации на 2025 год, в системе высшего образования обучается более 4,2 млн студентов, из которых около 22% (порядка 920 тыс. человек) систематически занимаются спортом в зафиксированных формах. Из них примерно 68 тыс. человек являются спортсменами высокого уровня профессионального мастерства (от кандидата в мастера спорта и выше), а около 12 тыс. входят в составы сборных команд регионов и страны [10].

Обращаясь к результатам межвузовского мониторинга, средний балл академической успеваемости студентов-спортсменов высокой квалификации составил 3,68 (по пятибалльной шкале), тогда как средний балл по вузу в целом – 4,02. Доля студентов-спортсменов, отчисленных за академические задолженности на первом и втором курсах, составила 11,3%. При этом показатель отчислений студентов-спортсменов оказался существенно ниже – 6,7% именно в тех вузах, где введены комплексные программы психолого-педагогического сопровождения в единую систему образовательного процесса [3, 10].

Нельзя не обратить внимание на данные о субъективном благополучии студентов-спортсменов. По результатам анкетирования, 54% респондентов оценивают уровень собственного психоэмоционального состояния как «удовлетворительный» или «неудовлетворительный» в периоды пересечения экзаменационных сессий и значимых соревнований. При этом 72% студентов-спортсменов выразили потребность в психологической помощи и поддержке со стороны вуза, однако лишь 29% имеют реальный доступ к специализированной психологической службе, работающей с данной категорией обучающихся [5, 10].

Статистические данные свидетельствуют о том, что существующая система поддержки студентов-спортсменов в вузах показывает свою перспективность дальнейшего развития. Совершенствование системы поддержки и ее внедрение в вузы страны принесет ощутимую пользу студентам и студентам-спортсменам. Такое внедрение делает возможным создание оптимальных условий для совмещения двух векторов направления – спортивного и образовательного, способствуя всестороннему развитию личности.

Выводы

Адаптация студентов, совмещающих учебу со спортом, сталкивается с рядом существенных препятствий. К ним относятся нехватка времени, неизбежное столкновение расписаний занятий и соревнований, постоянное психоэмоциональное давление, трудности в установлении социальных связей и внутренние противоречия в мотивации. Эффективность преодоления этих трудностей во многом зависит от индивидуальных черт характера студента, его способности к самоконтролю и самоорганизации, а также от степени поддержки, которую он получает от своего социального окружения.

Для успешной адаптации студентов-спортсменов необходим целостный и систематизированный подход к психолого-педагогическому сопровождению. Такой подход должен включать в себя диагностику, консультирование, коррекционно-развивающую работу и организационно-методическое обеспечение. Основой эффективности такого сопровождения является слаженное сотрудничество всех участников образовательного и спортивного процесса: психологов, преподавателей, тренеров, руководства вуза и самих студентов.

Анализ статистических данных за период 2024–2025 годов демонстрирует, что высшие учебные заведения, активно применяющие комплексные системы поддержки студентов-спортсменов, отмечают значительное улучшение как в академической успеваемости, так и в показателях психологического благополучия данной категории обучающихся. Одновременно с этим, наблюдается

снижение уровня отчислений по сравнению с вузами, не располагающими подобными программами. Данные результаты убедительно подтверждают практическую ценность и обоснованность предложенной методики.

Литература

1. Бабушкин, Г.Д. Психология спорта: учебник для вузов / Г.Д. Бабушкин, В.Н. Смоленцева. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2018. – 375 с.
2. Дубровина, И.В. Психологическое сопровождение образовательного процесса: теория и практика / И.В. Дубровина. – М.: Юрайт, 2019. – 462 с.
3. Лубышева, Л.И. Студенческий спорт в современной России: состояние и перспективы развития / Л.И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 4. – С. 3–8.
4. Митина, Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования / Л.М. Митина. – М.: Нестор-История, 2019. – 376 с.
5. Николаев, А.Н. Психология адаптации студентов-спортсменов к образовательной среде вуза / А.Н. Николаев, Е.В. Мельник // Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 9 (211). – С. 434–440.
6. Попов, А.Л. Спортивная психология: учебное пособие для физкультурных вузов / А.Л. Попов. – 4-е изд., перераб. – М.: Флинта, 2020. – 336 с.
7. Распопова, Е.А. Психолого-педагогические условия адаптации студентов-спортсменов к обучению в вузе / Е.А. Распопова, Т.В. Постнова // Спортивный психолог. – 2021. – № 2 (59). – С. 27–32.
8. Родионов, А.В. Психология физического воспитания и спорта: учебник / А.В. Родионов, В.А. Сальников. – М.: Академический проект, 2020. – 576 с.
9. Стамбулова, Н.Б. Психология спортивной карьеры: учебное пособие / Н.Б. Стамбулова. – СПб.: Центр карьеры ГАФК, 2017. – 368 с.
10. О реализации Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: информационно-аналитические материалы / Министерство спорта Российской Федерации. – М., 2025. – 128 с. – URL: <https://minsport.gov.ru/activities/federal-programs/> (дата обращения: 15.04.2026).

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE ADAPTATION OF STUDENT-ATHLETES TO THE EDUCATIONAL AND TRAINING PROCESS IN A UNIVERSITY SETTING

Nikiforov N.Yu., Shtabnoy M.D.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The present work is devoted to the theoretical and practical aspects of psychological and pedagogical support for the adaptation of student-athletes to the educational and training process within the framework of a higher educational institution. The paper considers and studies the key factors that complicate the process of adaptation of this category of students. Such factors are caused by the need to combine intensive sports training and academic workload. Based on the analysis of modern domestic research and statistical data for 2024–2025 in the Russian Federation, the necessity of creating a comprehensive system of psychological and pedagogical support is substantiated. The system includes diagnostic, consultative, correctional and developmental, and organizational and methodological components. The specific forms, directions and methods of work that influence the successful adaptation of student-athletes are described. Recommendations are formulated for teachers, trainers and psychological services of universities.

Keywords: adaptation, student-athletes, psychological and pedagogical support, educational and training process, higher education, sports psychology, academic performance.

References

1. Babushkin, G.D. Psychology of sports: a textbook for universities / G.D. Babushkin, V.N. Smolentseva. Omsk: SibGUFG Publishing House, 2018. 375 p.
2. Dubrovina, I.V. Psychological support of the educational process: theory and practice / I.V. Dubrovina. – M.: Yurayt, 2019. – 462 p.
3. Lubysheva, L.I. Student sports in modern Russia: state and prospects of development / L.I. Lubysheva // Theory and practice of physical culture. – 2023. – No. 4. – pp. 3–8.
4. Mitina, L.M. Psychology of personal and professional development of subjects of education / L.M. Mitina. – M.: Nestor-Istoriya, 2019. – 376 p.
5. Nikolaev, A.N. Psychology of adaptation of student-athletes to the educational environment of the university / A.N. Nikolaev, E.V. Melnik // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. – 2022. – № 9 (211). – Pp. 434–440.
6. Popov, A.L. Sports psychology: a textbook for physical education universities / A.L. Popov. – 4th ed., reprint, Moscow: Flinta, 2020. – 336 p.
7. Raspopova, E.A. Psychological and pedagogical conditions for the adaptation of student-athletes to university education / E.A. Raspopova, T.V. Postnova // Sports psychologist. – 2021. – № 2 (59). – Pp. 27–32.
8. Rodionov, A.V. Psychology of physical education and sports: textbook. V. Rodionov, V.A. Salnikov. Moscow: Academic Project, 2020. 576 p.
9. Stambulova, N.B. Psychology of sports career: a textbook / N.B. Stambulova. St. Petersburg: GAFK Career Center, 2017. 368 p.
10. On the implementation of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030: information and analytical materials / The Ministry of Sports of the Russian Federation. Moscow, 2025. 128 p. – URL: <https://minsport.gov.ru/activities/federal-programs/> (date of access: 04/15/2026).

Паралимпийский спорт: социальная интеграция и спортивные достижения

Плещёв Игорь Евгеньевич,канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com**Дёмин Никита Алексеевич,**ассистент кафедры реабилитации, спортивной медицины и физической культуры, научный сотрудник НИЛ «Новейших технологий оздоровительной двигательной активности» ИПМ им. З.П. Соловьева, ФГАОВ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Минздрава России
E-mail: deminnic1@gmail.com**Храмичева Ольга Андреевна,**студент Института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: olya.khramicheva.helga@mail.ru

Паралимпийское движение, возникшее в середине XX века как локальная реабилитационная инициатива, превратилось в один из наиболее значимых глобальных спортивных феноменов. Настоящая статья рассматривает паралимпийский спорт в двух взаимосвязанных измерениях: как инструмент социальной интеграции людей с инвалидностью и как самостоятельную спортивную систему, демонстрирующую выдающиеся атлетические результаты. Анализируются механизмы, посредством которых участие в соревнованиях влияет на положение спортсменов-паралимпийцев в обществе, трансформирует общественные стереотипы и формирует инклюзивную культуру. Отдельное внимание уделяется эволюции спортивных достижений, технологическому обеспечению паралимпийского спорта и его медийному сопровождению. Статья опирается на анализ международной практики, статистических данных и концепций социальной инклюзии.

Ключевые слова: паралимпийский спорт, социальная интеграция, спортивные достижения, адаптивный спорт, национальная сборная команда России, реабилитация средствами спорта.

Введение

История человечества знает немало примеров того, как спорт становился языком, понятным вне зависимости от происхождения, культуры или физических возможностей. Паралимпийское движение – один из наиболее убедительных примеров того, как атлетизм разрушает барьеры и переопределяет само понятие «нормы» [1].

Истоки организованного спорта для людей с инвалидностью уходят корнями в конец XIX – начало XX века. Уже в 1888 году в Берлине был основан первый спортивный клуб для глухих – Deutscher Gehörlosen-Sportverband, а в 1924 году в Париже прошли первые Международные игры для глухих (Сурдлимпийские игры), собравшие спортсменов из девяти европейских стран. Эти события обозначили принципиально важный прецедент: люди с инвалидностью способны не просто участвовать в спорте, но и организовывать полноценные международные соревнования [2].

Тем не менее подлинным основателем современного паралимпийского движения принято считать британского нейрохирурга немецкого происхождения Людвиг Гуттмана (1899–1980). Бежавший от нацистского режима и эмигрировавший в Великобританию в 1939 году, Гуттман возглавил Национальный центр спинномозговых травм в больнице Сток-Мандевиль (Эйлсбери) и разработал революционную для своего времени концепцию реабилитации через физическую активность. В день открытия Олимпийских игр в Лондоне (29 июля 1948 г.), он организовал первые соревнования по стрельбе из лука среди 16 ветеранов Второй мировой войны с травмами спинного мозга, передвигавшихся на колясках. Этот день вошёл в историю как отправная точка паралимпийского движения [3].

В 1952 году к соревнованиям в Сток-Мандевиле впервые присоединилась иностранная команда ветеранов войны из Нидерландов, что придало инициативе международное измерение. Гуттман последовательно добивался проведения соревнований параллельно с Олимпийскими играми и в 1960 году его настойчивость принесла плоды. В Риме (Италия), спустя две недели после закрытия XVII Олимпийских игр, состоялись первые официальные Паралимпийские игры. В соревнованиях по восьми видам спорта приняли участие 400 атлетов из 23 стран – событие, которое сам Гуттман назвал «эквивалентом Олимпийских игр для людей с инвалидностью». Примечательно, что

именно тогда впервые прозвучал термин «паралимпийский» – образованный от греческого «para» («рядом», «наравне») и слова «олимпийский», символически утверждавший равенство двух движений [4].

Последующие десятилетия ознаменовались поступательным институциональным развитием. В 1964 году на Паралимпийских играх в Токио впервые был поднят паралимпийский флаг. В 1976 году в Торонто к соревнованиям были допущены спортсмены с ампутациями и нарушениями зрения, тем самым движение вышло за рамки исключительно «колясочного» спорта [2].

В 1988 году в Сеуле была реализована историческая договорённость, Паралимпийские игры впервые прошли в тех же спортивных сооружениях, что и Олимпийские, данный принцип, впоследствии был закреплён соглашением между МОК и МПК 2001 года [1].

В 1989 году был официально учреждён Международный паралимпийский комитет (МПК) со штаб-квартирой в Бонне (впоследствии перенесённой в Бонн – Москва – снова Бонн), что ознаменовало переход движения от неформальной инициативы к полноценной международной организации [5].

Паралимпийский комитет России (ПКР) был официально создан 5 января 1996 года. Российские паралимпийцы на протяжении многих лет входили в число сильнейших в мире [6]. На Паралимпийских играх 2012 года в Лондоне сборная России заняла второе место в общекомандном зачёте, завоевав 102 медали, а на зимних Играх 2014 года в Сочи – первое место с 80 медалями, что стало одним из лучших результатов в истории отечественного паралимпийского спорта. На зимних Паралимпийских играх 2026 года в Италии российская сборная, представленная всего 6 спортсменами, выступила триумфально, завоевав 12 медалей (8 золотых, 1 серебряную, 3 бронзовых) и заняв 3-е место в медальном зачёте [7].

Эта цифра красноречиво отражает масштаб произошедшей за семь десятилетий трансформации: от 16 ветеранов на лужайке британской больницы до глобального спортивного движения, охватывающего практически весь мир.

Актуальность изучения данной темы определяется, с одной стороны, неуклонным ростом паралимпийского движения, а с другой – по-прежнему существующими пробелами между декларируемыми принципами инклюзии и их практическим воплощением в жизнь большинства людей с инвалидностью.

Паралимпийский спорт как инструмент социальной интеграции

Социальная интеграция в контексте инвалидности означает не просто физическое присутствие че-

ловека в общественных пространствах, но полноценное участие в жизни общества: экономической, культурной, коммуникативной. Спорт, обладая уникальными свойствами публичности и состязательности, создаёт особую среду, в которой интеграция происходит естественным образом [8].

Согласно биопсихосоциальной модели инвалидности, закреплённой в Конвенции ООН о правах инвалидов (2006), ограниченные возможности человека определяются не только физическими особенностями его тела, но и барьерами, которые создаёт общественная среда [9]. Паралимпийский спорт атакует эти барьеры сразу на нескольких уровнях: он меняет восприятие инвалидности обществом, обеспечивает спортсменам ресурсы для самореализации и формирует позитивную идентичность, основанную не на ограничениях, но на достижениях [10].

Участие в паралимпийском спорте оказывает глубокое воздействие на психологическое благополучие атлетов. Исследования устойчиво фиксируют связь между регулярными спортивными занятиями и снижением уровня тревожности, депрессии и социальной изоляции среди людей с инвалидностью. Однако важнее количественных показателей качественный сдвиг в самовосприятии: человек, идентифицирующий себя прежде всего как спортсмена, а не как «инвалида», приобретает принципиально иное ощущение собственной агентности – способности действовать, достигать и влиять на окружающий мир [4].

Этот механизм имеет и социальное измерение: спортсмен-паралимпиец становится носителем ролевой модели, ломающей устойчивые стереотипы в сознании людей без инвалидности. Паралимпийская медаль в глазах общества перестаёт быть «наградой за преодоление» и превращается в признание подлинного спортивного мастерства.

На институциональном уровне паралимпийский спорт создаёт разветвлённую систему структур, способствующих интеграции. Спортивные клубы адаптивного спорта обеспечивают социальную среду, в которой люди с инвалидностью взаимодействуют как между собой, так и с тренерами, волонтерами и болельщиками без инвалидности [7]. Национальные паралимпийские комитеты лоббируют интересы спортсменов на политическом уровне, добиваясь финансирования, доступной инфраструктуры и законодательных изменений. Международный паралимпийский комитет (МПК) через соглашения с правительствами и транснациональными корпорациями встраивает повестку инклюзии в глобальный дискурс [5].

Немаловажно и то, что трудоустройство в сфере адаптивного спорта в качестве тренера, спортивного функционера, специалисты по классификации, является каналом интеграции для людей с инвалидностью в профессиональную жизнь.

Спортивные достижения: от реабилитации к высокому результату

На протяжении десятилетий паралимпийский спорт эволюционировал от терапевтической практики к высококонкурентной спортивной дисциплине. Сравнение результатов убедительно свидетельствует о том, что во многих дисциплинах паралимпийские достижения вплотную приближаются к олимпийским, а порой, при соответствующей классификации и превосходят их [1].

Так, в плавании паралимпийские спортсмены с минимальными физическими ограничениями (класс S13, слабовидящие) нередко показывают результаты, сопоставимые с результатами олимпийских финалистов. В лёгкой атлетике бегуны с протезами нижних конечностей, такие как южноафриканец Оскар Писториус, ставший первым двойным ампутантом, квалифицировавшимся на Олимпийские игры (Лондон, 2012), наглядно продемонстрировали размытость границы между «паралимпийским» и «олимпийским» атлетизмом [11].

Технологическое измерение паралимпийского спорта заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку именно здесь наиболее отчётливо проявляется взаимодействие человеческого тела, инженерной мысли и спортивной науки. Активное внедрение искусственного интеллекта в травматологическую практику, уже на ранних этапах лечения и реабилитации позволяет более качественно и детально разработать индивидуальные адаптированные протезы. Современный беговой протез, изготовленный из углеродного волокна, не просто компенсирует отсутствие конечности, но также, оптимизирует биомеханику бега, обеспечивая эффективный возврат энергии при отталкивании. Спортивные кресла-коляски, проектируемые с применением аэродинамического моделирования, позволяют гонщикам развивать скорости, недостижимые на обычных средствах передвижения [12].

Паралимпийский спорт стал настоящей лабораторией протезирования и реабилитационных технологий: разработки, изначально созданные для соревнований, впоследствии находят применение в повседневной жизни людей с ампутациями, улучшая её качество далеко за пределами спортивной арены.

Функциональная классификация – один из ключевых элементов, отличающих паралимпийский спорт от олимпийского. Её цель состоит в том, чтобы минимизировать влияние типа и степени нарушения на исход соревнования, обеспечив условия, в которых победителем становится наиболее искусный и подготовленный атлет [13]. Система постоянно совершенствуется: в последние годы МПК последовательно переходит от медицинской классификации, основанной на диагнозе, к функцио-

нальной, опирающейся на реальные двигательные возможности спортсмена.

Эта эволюция отражает более широкий сдвиг в понимании инвалидности: от патологии к функции, от дефицита к различию.

Медийное присутствие и трансформация общественного мнения

Паралимпийские игры долгое время оставались в тени своего олимпийского «старшего брата». Освещение в СМИ было фрагментарным, нарратив строился преимущественно вокруг «вдохновляющих историй преодоления», что само по себе воспроизводило патерналистское отношение к спортсменам с инвалидностью.

Тем не менее последнее десятилетие ознаменовалось заметными изменениями. Паралимпийские игры в Лондоне (2012) стали переломными с точки зрения медийного охвата: трансляции велись в прайм-тайм, акцент сместился с биографических нарративов страдания на репортажи о тактике, технике и спортивном противостоянии. Этот сдвиг не был случайным – он стал результатом целенаправленной работы МПК по репозиционированию паралимпийского спорта в общественном сознании. Сегодня цифровые платформы предоставляют паралимпийцам возможность самостоятельно формировать свой образ, минуя традиционные медиафильтры, и многие из них активно пользуются этим инструментом [14].

Проблемы и перспективы

Несмотря на впечатляющий прогресс, паралимпийское движение сталкивается с рядом устойчивых вызовов. Финансовое неравенство между спортсменами из экономически развитых и развивающихся стран по-прежнему велико, а доступ к современным технологиям, качественному тренерскому составу и международным соревнованиям во многом определяется национальным богатством. Гендерное неравенство, хотя и сокращающееся, сохраняется, так как доля женщин-паралимпийцев остаётся ниже доли женщин-олимпийцев, а медийное внимание к женскому паралимпийскому спорту, остаётся ещё более скромным.

Вопрос о соотношении интеграции и сегрегации остаётся дискуссионным: часть исследователей полагает, что отдельные паралимпийские соревнования консервируют разделение, тогда как идеалом должна быть полная инклюзия в единое спортивное пространство. Другие настаивают на том, что паралимпийские игры создают уникальную видимость и признание, которых спортсмены с инвалидностью были бы лишены в условиях полностью интегрированных соревнований [11].

Заключение

Паралимпийское движение прошло путь от скромного реабилитационного эксперимента британского нейрохирурга до одного из крупнейших международных спортивных явлений современности. За семь десятилетий оно трансформировалось не только структурно и институционально, но и концептуально: спорт для людей с инвалидностью перестал восприниматься как терапевтическая вспомогательная практика и обрёл статус полноценного атлетического движения, способного конкурировать с олимпийским по масштабу, зрелищности и обществу резонансу.

Вместе с тем движение по-прежнему сталкивается с системными противоречиями. Рост числа участников, совершенствование классификационных систем и развитие паралимпийской науки сосуществуют с сохраняющимся неравенством в финансировании, медийном охвате и доступности спортивной инфраструктуры. Декларируемые принципы инклюзии нередко опережают их практическое воплощение, а сам термин «инклюзия» рискует превратиться в риторическую формулу, лишённую реального содержания.

Тем не менее общая траектория движения указывает на устойчивое расширение его социального и культурного влияния. Паралимпийский спорт всё активнее участвует в переопределении представлений об ограничениях и возможностях человеческого тела, бросая вызов укоренившимся стереотипам и предлагая альтернативную оптику восприятия инвалидности – не как дефицита, требующего компенсации, а как одной из форм человеческого разнообразия, заслуживающей признания и уважения.

Литература

1. Bailey, S. *Athlete First: A History of the Paralympic Movement* / S. Bailey. – 2007. – 281 p. – DOI: 10.1002/9780470724323.
2. Ворошин, И.Н. Предпосылки создания паралимпийских игр / И.Н. Ворошин // Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 5 (219). – С. 111–115.
3. Scruton, J. Sir Ludwig Guttmann: creator of a world sports movement for the paralysed and other disabled / J. Scruton // *Spinal Cord*. – 1979. – Vol. 17. – P. 52–55. – DOI: 10.1038/sc.1979.13.
4. Олимпийское и паралимпийское движения как активный фактор популяризации ценностей ЮНЕСКО с помощью спорта, образования и развития [Электронный ресурс]. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387425_rus (дата обращения: 16.04.2026).
5. Хасанова, Л.Р. Паралимпийское движение: особенности развития и правового регулирования в Российской Федерации / Л.Р. Хасанова, В.Д. Иванов // *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация*. – 2016. – Т. 1, № 3. – С. 79–82.
6. Ворошин, И.Н. История зимних паралимпийских игр 1992–2002 годов / И.Н. Ворошин, Д.С. Зайко, И.В. Дмитриев // *Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. – 2025. – № 6. – С. 194–199. – DOI: 10.5930/1994-4683-2025-194-199.
7. Паралимпийский комитет России [Электронный ресурс]. – URL: <https://paralymp.ru/> (дата обращения: 17.04.2026).
8. Плещев, И.Е. Теоретический взгляд на понимание этических принципов в спорте / И.Е. Плещев, В.В. Савгачев, Л.Б. Шубин // *Социально-гуманитарные знания*. – 2025. – № 7. – С. 57–60.
9. Паралимпийская терминология: краткий справочник / Оргкомитет «Сочи 2014», ИД «Коммерсантъ». – М., 2010. – 98 с.
10. De Sousa-De Sousa, L. Effects of Capacitive-Resistive Electric Transfer on Sports Performance in Paralympic Swimmers: A Stopped Randomized Clinical Trial / L. De Sousa-De Sousa [и др.] // *Int J Environ Res Public Health*. – 2022. – Vol. 19, № 21. – P. 14620. – DOI: 10.3390/ijerph192114620.
11. Брюхова, К.Е. Современный паралимпийский спорт: перспективы его развития / К.Е. Брюхова // *Актуальные проблемы педагогики и психологии*. – 2022. – № 3 (12). – С. 11–23.
12. Савгачев В. В., Шубин Л.Б. Применение искусственного интеллекта в травматологии // *Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова*. – 2026. – Т. 21, № 1. – С. 127–133. – DOI: 10.25881/20728255_2026_21_1_127.
13. Рожков, П.А. Итоги участия российских спортсменов в XVII Паралимпийских летних Играх 2024 года в г. Париже (Франция) / П.А. Рожков, С.П. Евсеев, Г.З. Идрисова // *Адаптивная физическая культура*. – 2024. – № 4 (100). – С. 6–10. – EDN: CEMCVN.
14. Pappous, A. S. «It should just be about sport!»: exploring Italian athletes' perspectives in paralympic media coverage / A.S. Pappous, P. Gómez-Iniesta // *Front Sports Act Living*. – 2025. – Vol. 7. – P. 1640762. – DOI: 10.3389/fspor.2025.1640762.

THE IMPORTANCE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN PROFESSIONAL TRAINING AND MAINTAINING THE HEALTH OF MEDICAL STUDENTS

Pleshchev I.E., Demin N.A., Khramicheva O.A.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Pirogov Russian National Research Medical University,

The Paralympic movement, which emerged in the middle of the 20th century as a local rehabilitation initiative, has become one of the most significant global sporting phenomena. This article examines the Paralympic sport in two interrelated dimensions.: as a tool for the

social integration of people with disabilities and as an independent sports system that demonstrates outstanding athletic results. The article analyzes the mechanisms by which participation in competitions affects the position of Paralympic athletes in society, transforms social stereotypes and forms an inclusive culture. Special attention is paid to the evolution of sports achievements, technological support for Paralympic sports and its media support. The article is based on an analysis of international practice, statistical data and concepts of social inclusion.

Keywords: Paralympic sports, social integration, sports achievements, adaptive sports, Russian national team, rehabilitation by means of sports.

References

1. Bailey S. *Athlete First: A History of the Paralympic Movement*. Hoboken: John Wiley & Sons; 2007. 281 p. DOI: 10.1002/9780470724323.
2. Voroshin IN. Prerequisites for the creation of the Paralympic Games [Prerequisites for the creation of the Paralympic Games]. *Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*. 2023;5(219):111–115. Russian.
3. Scruton J. Sir Ludwig Guttmann: creator of a world sports movement for the paralysed and other disabled. *Spinal Cord*. 1979;17:52–55. DOI: 10.1038/sc.1979.13.
4. Olympic and Paralympic Movements as an active factor in promoting UNESCO values through sport, education and development [Internet]. Paris: UNESCO; [cited 2026 Apr 16]. Available from: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387425_rus. Russian.
5. Khasanova LR, Ivanov VD. Paralympic movement: features of development and legal regulation in the Russian Federation [Paralympic movement: features of development and legal regulation in the Russian Federation]. *Physical Culture. Sport. Tourism. Motor Recreation*. 2016;1(3):79–82. Russian.
6. Voroshin IN, Zaiko DS, Dmitriev IV. History of the Winter Paralympic Games 1992–2002 [History of the Winter Paralympic Games 1992–2002]. *Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*. 2025;6:194–199. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-194-199. Russian.
7. Russian Paralympic Committee [Internet]. Moscow: RPC; [cited 2026 Apr 17]. Available from: <https://paralymp.ru/>. Russian.
8. Pleshchev IE, Savgachev VV, Shubin LB. Theoretical view on understanding ethical principles in sports [Theoretical view on understanding ethical principles in sports]. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025;7:57–60. Russian.
9. *Paralympic Terminology: A Brief Reference Guide* [Paralympic Terminology: A Brief Reference Guide]. Moscow: Sochi 2014 Organizing Committee, Kommersant Publishing House; 2010. 98 p. Russian.
10. De Sousa-De Sousa L, Espinosa HG, Maté-Muñoz JL, et al. Effects of Capacitive-Resistive Electric Transfer on Sports Performance in Paralympic Swimmers: A Stopped Randomized Clinical Trial. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(21):14620. DOI: 10.3390/ijerph192114620.
11. Bryukhova KE. Modern Paralympic sport: prospects for its development [Modern Paralympic sport: prospects for its development]. *Current Issues of Pedagogy and Psychology*. 2022;3(12):11–23. Russian.
12. Savgachev VV, Shubin LB. Application of artificial intelligence in traumatology [Application of artificial intelligence in traumatology]. *Bulletin of the National Medical and Surgical Center named after N.I. Pirogov*. 2026;21(1):127–133. DOI: 10.25881/20728255_2026_21_1_127. Russian.
13. Rozhkov PA, Evseev SP, Idrisova GZ. Results of Russian athletes' participation in the XVII Summer Paralympic Games 2024 in Paris (France) [Results of Russian athletes' participation in the XVII Summer Paralympic Games 2024 in Paris (France)]. *Adaptive Physical Culture*. 2024;4(100):6–10. EDN: CEMCVN. Russian.
14. Pappous AS, Gómez-Iniesta P. "It should just be about sport!": exploring Italian athletes' perspectives in paralympic media coverage. *Front Sports Act Living*. 2025;7:1640762. DOI: 10.3389/fspor.2025.1640762.

Имитация понимания и статус смысла в системах искусственного интеллекта

Рахконен Марина Евгеньевна,

старший преподаватель, кафедра таможенного дела, Российская академия народного хозяйства и государственного управления Санкт-Петербург
E-mail: rakkomar@rambler.ru

В статье автором поднимается проблема субъектности искусственного интеллекта, которая рассматривается через анализ феномена имитации понимания в современных языковых моделях. Исходной точкой для анализа служит различие между операциональным и смысловым уровнями когнитивной деятельности современного искусственного интеллекта, которое в инженерно-технических архитектурах оказывается частично нивелированным. Показано, что развитие больших языковых моделей, основанных на архитектуре вероятностного предсказания последовательностей языковых единиц, приводит к воспроизводству эффектов осмысленного ответа без генезиса внутреннего механизма смыслообразования. Уточняется, что приписывание субъектности искусственного интеллекта опирается на бихевиористскую редукцию, в рамках которой наблюдаемое поведение подменяет собой анализ предполагаемой структуры мышления. В работе производится эпистемологическое сопоставление вычислительной модели интеллекта с представлением о мышлении как опосредованном действии познающего субъекта. На этой основе выявляется принципиальное различие между статистическим прогнозированием больших языковых моделей и понятийным мышлением человека, а также демонстрируется ограниченность алгоритмических систем в ситуациях, требующих преобразования самого способа действия. Особое внимание автор уделяет феномену распределённой субъектности, возникающему в процессе взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Здесь эффект понимания формируется на уровне коммуникации пользователя и большой языковой модели. Делается вывод о преждевременности онтологического приписывания субъектности искусственному интеллекту при сохранении значимости анализа форм его имитационных функций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъектность, имитация, большие языковые модели, вычислимость, мышление, субъектность.

Актуальности проблематики искусственного интеллекта сегодня не вызывает сомнений. Бум ИИ стал источником не только для привлечения масштабных инвестиций в сферу BigTech, но и возобновил многочисленные дискуссии о статусе и возможных рисках неконтролируемого развития технологий машинного обучения. Существующее в науке различие так называемого слабого и сильного искусственного интеллекта сохраняется скорее как признак устоявшейся типологии, чем как реально работающий аналитический инструмент для решения вопроса о статусе ИИ.

Эта типология продолжает воспроизводиться в теоретических обзорах, однако его содержание существенно изменилось. Если ранее речь преимущественно шла о различии между специализированными системами и гипотетическим универсальным интеллектом искусственного происхождения, то теперь наблюдается иное: сложность слабых систем ИИ возросла настолько, что их поведение начинает восприниматься как выходящее за пределы исключительно функциональной специализации. Как подчеркивает В.М. Розин, «до сих пор популярна и серьезно воспринимается концепция искусственного интеллекта, в которой утверждается, что можно создать машины, мыслящие как человек и даже лучше его» [7, с. 103].

Это восприятие, однако, проистекает не из-за появления новой формы искусственного интеллекта, а вследствие видоизменения форм его функционирования. Современный ИИ, который правильнее именовать большими языковыми моделями (нейросети, чат-боты и проч.), представляет собой результативную попытку развернутой имитации когнитивной деятельности человека. Неудивительно, что результатом такой имитации является естественное опасение перед масштабами распространения таких технологий.

Сильный искусственный интеллект как система, способная к обобщённому абстрактному мышлению, все еще остаётся проектной конструкцией, не имеющей инженерного эквивалента. В этом смысле его следует рассматривать не как стадию развития имитационных когнитивных технологий, а как теоретическую схему ожиданий относительно будущего. Слабый ИИ, напротив, оказался гораздо более пластичным понятием. Он перестал обозначать исключительно алгоритмические процедуры и стал включать в себя сложные архитектуры данных (Big Data). Именно здесь возникает

необходимость более точного описания: речь идёт не о расширении когнитивных возможностей ИИ, а об изменении характера вычислительных операций, лежащих в его основе.

Поворотным моментом принято считать 2017 год, когда была предложена новая вычислительная архитектура, которую можно интерпретировать как качественный скачок в направлении «мышления машин». Оно представляет собой решение конкретной инженерной задачи – устранение ограничений, связанных с последовательной обработкой текста как последовательности единиц человеческого языка. Рекуррентные нейронные сети, доминировавшие ранее, сталкивались с проблемой затухающих градиентов и трудностями при работе с длинными последовательностями корреляционных переменных. Их работа позволяет «создавать интеллектуальные системы, способные распознавать образы, обрабатывать естественный язык и принимать решения на основе сложных данных» [10, с. 495].

Самовнимание (self-attention) представляет собой процедуру, в рамках которой каждый элемент входного текста сопоставляется с каждым последующим элементом, определяя степень их взаимной значимости. Такие процедуры используются для построения новой последовательности языковых единиц, воспринимаемой наблюдателем (человек) как осмысленный текст. С точки зрения вычислительной архитектуры это означает переход от линейного процесса к распределённому. Однако в этом переходе отсутствует то, что обычно связывается с понятием мышления: система никак не соотносит языковые единицы с объективной реальностью, а лишь перераспределяет их порядок согласно вероятностному подходу. В результате, как указывает С.А. Смирнов, «укоренилось допущение, согласно которому мышление есть счет, вычисление, исчисление сущего, выраженное в математических моделях, на языке которых можно описать даже и такие тонкие материи, как совесть, сострадание, нравственность т.д.» [8, с. 480].

На основе этой архитектуры были созданы модели семейства GPT, а также модели типа BERT, ориентированные на двунаправленный анализ контекста обособленного текстового фрагмента. Их внедрение в рамках коммерческой деятельности технологических корпораций – OpenAI, Google и Microsoft – сопровождалось масштабированием, как по числу параметров, так и по объёму обрабатываемых массивов данных. В современных системах речь идёт о сотнях миллиардов параметров, которые оптимизируются в процессе обучения на примере текстов, доступных для цифровой обработки. Иными словами, большие языковые модели учатся имитировать человеческий текст на основе обработки многочисленных примеров реальных текстов, написанных человеком.

Процедура обучения со стороны большой языковой модели, несмотря на свою сложность, сохраняет достаточно простую форму: минимизация ошибок, связанной с предсказанием следующего элемента в последовательности изложения текста. Токенизация текста, то есть перевод его в числовую вероятностную форму направлены на уточнение работы языковой модели. В результате мы имеем систему, способную генерировать текст, который статистически соответствует порядку изложения слов в типичном человеческом тексте.

Попытка описать эту процедуру через категорию «понимания» сталкивается с рядом трудностей. В традиционной философии языка понимание обычно связано с интерпретацией, которая предполагает соотнесение высказывания с определённым авторским намерением, смыслом. В рассматриваемых языковых системах подобная соотнесённость отсутствует. Контекст здесь редуцирован до последовательности единиц языка, а интерпретация заменена вычислением вероятности появления слов «для письма» после слова «стол». Система не различает уровни смысла, она оперирует вероятностными распределениями, в которых различие между значением и употреблением оказывается нивелированным [4].

Этот чисто технический сдвиг затрагивает саму структуру языковой репрезентации. В символических системах предполагается наличие явных представлений человеческого мышления, соотносимых с объектами или состояниями. В больших языковых моделях репрезентация принимает форму векторных представлений в многомерном пространстве языка. Эти векторы не фиксированы; их «смысл» определяется через положение относительно других векторов – значение языковой единицы становится функцией отношения к другим языковым единицам.

Появление ChatGPT в 2022 году придало этим процессам широкое применение. Впервые системы такого типа стали использоваться не как вспомогательные инструменты, а как интерфейсы для взаимодействия пользователя с информацией. Пользователь задаёт вопрос, получает ответ, оценивает его как адекватный или неадекватный – внутренние механизмы остаются скрытыми, что усиливает эффект «понимания». Отсутствие доступа к процессу генерации подменяется общим доверием к результату.

В этом месте возникает своеобразная инверсия.

Там, где в классической эпистемологии понимание рассматривалось как условие получения достоверного знания, теперь существует общая предпосылка о том, что знание (в виде текстового ответа) становится основанием для приписывания понимания. Если ответ соответствует ожиданиям, предполагается, что система «поняла» вопрос. Та-

кая логика переносит критерий понимания с уровня процесса на уровень результата. Что в итоге лишь дополнительно подкрепляет общее убеждение об имитационности когнитивной работы рассматриваемой технологии.

Сопоставление с человеческим мышлением демонстрирует не только фатальность любых попыток определения работы больших языковых моделей в категориях мышления. В рамках культурно-исторической психологии мышление рассматривается как процесс, в котором действие человека и его язык образуют неразрывное единство. Мысль не существует в виде готовой структуры, которая выражается в словах; она формируется в самом акте речевого и предметного взаимодействия. Мышление человека не может быть сведено к операции выбора из множества вариантов. Оно связано с преобразованием ситуации действия субъекта [1; 6].

Так, импровизация предполагает не просто вариативность, а возможность изменения основания действия, ведь человек может пересмотреть задачу, отказаться от заданных правил, ввести новые критерии оценки. В алгоритмических системах подобная опция отсутствует в принципе – в этом суть любого алгоритма, ведь он не свободен в своих действиях. Их поведение определяется параметрами модели и структурой данных, на которых они обучены. Даже в случаях, когда результат выглядит неожиданным, по факту он генерируется в пределах заданного пространства.

Ограничения современных языковых моделей проявляются в тех ситуациях, где требуется переход к абстрактному, понятийному уровню. Статистическое объединение признаков не приводит к формированию понятий в строгом смысле. Понятие предполагает выделение существенного и возможность переноса способа действия на новые области. Большие языковые модели воспроизводят уже существующие структуры, но не создают новых форм их организации.

Характерным проявлением этой ограниченности является феномен генерации некорректных, но правдоподобных высказываний – ИИ-галлюцинации. Связность текста, соответствие синтаксическим и стилистическим нормам создают впечатление осмысленности. В действительности при внимательном анализе обнаруживается отсутствие внутренней согласованности. Это не ошибка в обычном понимании, а следствие того, что система не располагает механизмом различения истинности и вероятности. Для неё правдоподобие и корректность тождественны.

Конечно, эффективность систем в решении конкретных задач создаёт устойчивое впечатление их «интеллектуальности». Однако это впечатление формируется лишь на основании функциональной пригодности технологии. В результате возникает ситуация, в которой имитация прини-

мается за мышления, а воспроизведение алгоритма – за наличие осмысленного подхода.

Современные языковые модели имитируют формы когнитивной деятельности на уровне языка, но не переходят к уровню, на котором формируется смысл. Их архитектура ориентирована на обработку исчислений вероятности для построения текста, а не на работу с значениями в их семантическом понимании. В итоге, если эффект понимания возникает в результате взаимодействия между системой и пользователем, а не внутри самой системы, то вопрос о субъектности не может быть решён положительным образом.

Любая полемика о субъектности искусственного интеллекта неизбежно начинается с уточнения того, каким образом сама субъектность оказывается дефиницирована в современных теоретических подходах. Определение субъектности нельзя свести к простому перечислению признаков – автономности, способности к обучению, адаптации, принятию решений. В большинстве случаев субъектность выводится из наблюдения: система рассматривается как обладающая субъектными свойствами постольку, поскольку её действия оказываются неотличимыми от действий человека в аналогичных ситуациях (см. тест Тьюринга). Подобный подход конгениален бихевиористской традиции, в которой внутренние процессы либо выводятся за скобки, либо признаются недоступными для анализа, то есть несущественными для определения.

Если мыслительный акт интерпретируется как последовательность операций, допускающих формализацию, то различие между внешним проявлением и внутренним процессом теряет свое определяющее значение. Поведение становится достаточным основанием для вывода о наличии мышления, а следовательно – и субъектности. В итоге субъектность оказывается производной от функциональной характеристики системы, а не от способности к смыслообразованию.

Речь идёт о специфическом способе онтологизации мышления: оно рассматривается как совокупность операций, которые могут быть разложены на конечное число шагов и реализованы в вычислительной среде. В таком горизонте выделение «интеллектуальной функции» и её последующая техническая реконструкция выглядят естественными. Однако вместе с этим происходит редукция мышления самого человека – его деятельность рассматривается через призму тех аспектов, которые поддаются формализации.

При таком подходе субъектность утрачивает самостоятельный статус.

Она становится вторичной по отношению к операции: если система демонстрирует способность выполнять определённый класс задач, идентично тому, как это делает человек, возникает искушение перенести на неё соответствующие характе-

ристики. В этом отношении принцип опосредования, разработанный в культурно-исторической традиции, позволяет рассматривать мышление как особую форму деятельности, в которой соединяются знак, тело, предмет и ситуация. Мысль не предшествует действию и не следует за ним как результат; она возникает в самом процессе взаимодействия, преобразуя как внешнюю среду, так и самого действующего субъекта.

Здесь субъектность оказывается результатом определённой организации социальной активности. Она формируется в процессе освоения инструментов, в ходе которого человек приобретает способность управлять собственным поведением через знаковые структуры. Это освоение не сводится к накоплению или обработке данных.

Современные системы машинного обучения демонстрируют высокую эффективность в отдельных познавательных процедурах – выявлении закономерностей, классификации объектов. Однако понятийное мышление связано с возможностью выхода за пределы наличной структуры, с изменением способа действия.

Алгоритмическая система действует внутри пространства допустимых операций. Её вариативность определяется параметрами модели, обучающими данными. Она не может поставить под вопрос собственные основания, ведь они заданы извне. В этом различие между человеческим и машинным мышлением. Целью выполнения алгоритмических задач является, как указывает С.Г. Сорокина, «принятие наиболее оптимальных решений для достижения поставленной цели на основе обработки полученных знаний или информации посредством использования символьных или числовых моделей» [9, с. 269].

Современные технологии не просто имитируют отдельные когнитивные функции человеческого интеллекта. Они функционально включаются в те формы активности, в которых происходит совместное производство результата. Пользователь, взаимодействуя с системой, делегирует ей часть операций – поиск информации, формирование текста. Процесс понимания распределяется между участниками: система генерирует ответ, пользователь интерпретирует его, соотносит с ситуацией, корректирует, отвергает. Возникает эффект, который может быть принят за демонстрацию субъектности системы. Это результат абстракции восприятия, когнитивное заблуждение, продукт «превращённого сознания» («превращённой формы сознания») [2, с. 757].

Однако этот эффект имеет иную природу. Он связан с перераспределением функций внутри сети взаимодействий. Смысл не локализуется внутри алгоритма большой языковой модели. Иллюзия автономии формируется тогда, когда это распределение остаётся незамеченным, и результат приписывается системе как самостоятельному

агенту, хотя «ни одна структура ИИ, ни один имитирующий человека «бот» не обладает такой способностью в прямом смысле» [5, с. 83].

Дополнительный аспект связан с тем, как современные интерфейсы маскируют границы между уровнями. Генеративные модели, функционирующие в режиме диалога, создают впечатление непрерывности ответа. Как отмечает В.И. Карасик, интенциональные функции «коммуникации с искусственным интеллектом для человека состоят прежде всего в поиске фактуальной информации и уточнении различных сведений, программируемые ответы робота сводятся к сообщению нужных конкретных сведений, при этом он избегает конфликтов, отвечая на провокационные высказывания» [3, с. 42].

Пользователь имеет дело с текстом, который структурирован так, будто за ним стоит единый источник, поэтому отсутствие видимых разрывов в последовательности взаимодействия усиливает восприятие системы как обособленного субъекта.

Однако, именно различие границы между операциональным и смысловым уровнями взаимодействия пользователя и большой языковой модели позволяет избежать преждевременных выводов о субъектности ИИ. Имитация когнитивной деятельности, пусть даже на высоком уровне правдоподобия, не сопровождается «рождением» субъекта в строгом смысле.

Таким образом, вопрос субъектности искусственного интеллекта связывается, по мнению автора, с характером тех допущений, на которых строится его функционирование. Пока мышление мыслится как вычисление, субъектность неизбежно редуцируется до совокупности математических операций. Введение принципа опосредования позволяет сохранить различие между этими уровнями и тем самым удержать вопрос о субъектности – как вопрос о форме организации деятельности, а не о наборе выполняемых алгоритмических процедур.

Литература

1. Аванесов С.С., Спешилова Е.И. Концептуальные координаты «цифровой» антропологии // Человек.RU. 2021. № 16. С. 14–25.
2. Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 745–759.
3. Карасик В.И. Диалог с искусственным интеллектом: функциональные характеристики и нормы поведения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 3. С. 34–45.

4. Корниенко Н.А. Моделирование сознания и проблемы искусственного интеллекта в образовании в условиях глобализации // Профессиональное образование в современном мире. 2025. Т. 15. № 2. С. 335–350.
5. Нагль Л. Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 1. С. 60–88.
6. Постникова М.Г. Имитация человеческих когнитивных процессов современными алгоритмами обработки естественного языка // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 3 (84). С. 273–279.
7. Розин В.М. Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая // Философская мысль. 2023. № 2. С. 102–114.
8. Смирнов С.А. Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 3. С. 478–491.
9. Сорокина С.Г. Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 3 (27). С. 267–280.
10. Федюрина А.В., Ланец С.А. Искусственный интеллект: новые горизонты в искусстве и его влияние на творческий процесс // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2024. Т. 2. С. 494–499.

IMITATION OF UNDERSTANDING AND THE STATUS OF MEANING IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Rahkonen M.E.

RANEP St. Petersburg

In this article, the author addresses the issue of the subjectivity of artificial intelligence, examining it through an analysis of the phenomenon of imitation of understanding in modern language models. The starting point for this analysis is the distinction between the operational and semantic levels of cognitive activity in modern artificial intelligence, which is partially mitigated in engineering architectures. It is shown that the development of large language models based on the architecture of probabilistic prediction of sequences of linguistic units leads to the reproduction of the effects of a meaning-

ful response without the development of an internal mechanism for meaning formation. It is clarified that the attribution of subjectivity to artificial intelligence is based on behaviorist reduction, within which observed behavior replaces the analysis of the hypothetical structure of thought. The paper provides an epistemological comparison of the computational model of intelligence with the concept of thinking as a mediated action of the cognitive subject. On this basis, a fundamental difference is revealed between the statistical prediction of large language models and human conceptual thinking, and the limitations of algorithmic systems are demonstrated in situations requiring a transformation of the very mode of action. The author devotes special attention to the phenomenon of distributed subjectivity, which arises during the interaction between humans and artificial intelligence. Here, the effect of understanding is formed at the level of communication between the user and the large language model. It is concluded that the ontological attribution of subjectivity to artificial intelligence is premature, while maintaining the significance of analyzing the forms of its imitation functions.

Keywords: artificial intelligence, subjectivity, imitation, large language models, computability, thinking, subjectivity.

References

1. Avanesov S.S., Speshilova E.I. Conceptual coordinates of «digital» anthropology // Человек.RU. 2021. № 16. pp. 14–25.
2. Volkov V.V. Artificial «intelligence» and the human mind: a futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguistic aspects) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2020. Vol. 11. № 4. pp. 745–759.
3. Karasik V.I. Dialogue with artificial intelligence: functional characteristics and norms of behavior // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2024. № 3. pp. 34–45.
4. Kornienko N.A. Modeling consciousness and the problems of artificial intelligence in education in the context of globalization // Vocational education in the modern world. 2025. Vol. 15. № 2. pp. 335–350.
5. Nagl L. Digital technologies: reflections on the difference between instrumental rationality and practical reason // Kant Collection. 2022. Vol. 41. № 1. pp. 60–88.
6. Postnikova M.G. Imitation of human cognitive processes by modern algorithms of natural language processing // Bulletin of Science. 2025. Vol. 2. № 3 (84). pp. 273–279.
7. Rozin V.M. Two concepts of artificial intelligence: realistic and utopian // Philosophical thought. 2023. № 2. pp. 102–114.
8. Smirnov S.A. Is human existence calculable, or the Anthropology of artificial intelligence. Methodological aspect // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology. 2023. Vol. 39. № 3. pp. 478–491.
9. Sorokina S.G. Artificial intelligence in the context of interdisciplinary language research // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 7. № 3 (27). pp. 267–280.
10. Fedyurina A.V., Lanets S.A. Artificial intelligence: new horizons in art and its impact on the creative process // Scientific, technical and economic cooperation of the Asia-Pacific countries in the 21st century. 2024. Vol. 2. pp. 494–499.

Социальные представления о цифровой безопасности детей в российском обществе

Филиппова Ирина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет
E-mail: filippovaia@tyuiu.ru

Статья посвящена анализу общественных представлений о безопасности детей и подростков в цифровой среде. Цель исследования заключается в выявлении особенностей восприятия россиянами влияния интернета и социальных сетей на несовершеннолетних, а также установок, связанных с обеспечением их безопасности в онлайн-пространстве. Эмпирическую базу составили данные мониторингового исследования «Дети в сети», проведенного ВЦИОМ в рамках общероссийского телефонного опроса. В ходе исследования проанализированы оценки влияния интернета и социальных сетей на детей и подростков, представления о субъектах ответственности за их безопасность, отношение к ограничительным мерам и мнения о допустимом возрасте самостоятельного пользования социальными сетями. Установлено, что общественное восприятие цифровой среды носит амбивалентный характер: наряду с признанием ее значимых возможностей фиксируется выраженная чувствительность к связанным с ней рискам. Выявлено, что в массовом сознании доминирует установка на приоритетную роль родителей в обеспечении безопасности несовершеннолетних и поддержка мер, направленных на ограничение потенциально опасного контента и регулирование доступа к цифровым платформам. Определено, что оценки респондентов варьируются в зависимости от возраста, пола и семейного статуса. Сделан вывод о том, что отношение к цифровой безопасности детей обусловлено не только представлениями о рисках интернет-среды, но и социальным опытом респондентов, включая их включенность в практики воспитания и семейной ответственности.

Ключевые слова: цифровая среда, несовершеннолетние, социальные сети, цифровая безопасность, киберсоциализация, родительская медиация, общественное мнение, интернет-риски.

Введение

Цифровая среда в XXI веке стала одним из важнейших пространств социализации детей и подростков. Интернет и социальные сети выполняют не только коммуникативную и досуговую функции, но и все в большей степени выступают средой формирования идентичности, усвоения социальных норм, расширения круга взаимодействий и освоения новых моделей поведения. В этих условиях повседневная жизнь несовершеннолетних все теснее связывается с цифровыми практиками, а сама онлайн-среда превращается в значимый фактор личностного и социального развития.

Одновременно расширение цифрового опыта детей и подростков сопровождается ростом научного интереса к рискам, возникающим в процессе их включения в интернет-коммуникацию. В русскоязычных исследованиях подчеркивается, что цифровая среда обладает двойственным потенциалом: она открывает широкие возможности для самовыражения, обучения и поддержания социальных связей, но вместе с тем порождает угрозы, связанные с информационной перегрузкой, деструктивным контентом, интернет-зависимостью, кибербуллингом и трансформацией привычных механизмов социального контроля [2]. Именно поэтому изучение цифрового поведения несовершеннолетних все чаще смещается от технических аспектов интернет-пользования к более широкому анализу киберсоциализации как особого измерения современного взросления.

Сегодня значимым направлением научного анализа выступает проблема регулирования цифровой среды и участия взрослых в обеспечении безопасности несовершеннолетних. В современных работах подчеркивается, что эффективность освоения детьми интернет-пространства во многом определяется характером родительского сопровождения, практиками контроля, поддержки и формирования цифровой грамотности [3]. В связи с этим вопросы допустимых границ самостоятельности детей в интернете, возраста начала автономного использования социальных сетей, а также баланс между свободой и ограничениями приобретают научно-практическое значение. В ряде исследований указывается на риски суицидального поведения под влиянием виртуальности [9–13] или деструктивные коллективные эмоции, формируемые в виртуальной среде, которые

могут максимально воздействовать на подростков и молодых людей [14, 15].

Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных мониторингового исследования «Дети в сети», реализованного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [1]. Исследование проведено в рамках общероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ–Спутник», который является одним из ключевых инструментов социологических измерений в России. Методика сбора данных включала проведение телефонных интервью с применением метода стратифицированной случайной выборки. Исходная выборка формировалась на базе полного реестра активных мобильных номеров, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Объем выборочной совокупности составил 1600 респондентов старше 18 лет, что обеспечивает репрезентативность результатов на уровне всей страны.

Процедура обработки данных предусматривала взвешивание результатов с учетом ключевых социально-демографических показателей для обеспечения максимальной репрезентативности. Статистическая надежность полученных данных подтверждается погрешностью не более 2,5% при доверительном интервале 95%. Ограничения исследования обусловлены форматом телефонного опроса и спецификой самоотчетов респондентов. Вместе с тем эти ограничения в определенной степени компенсируются репрезентативностью выборки и стандартизированной процедурой сбора информации. Эмпирические данные позволяют выявить характер общественных оценок проблемы присутствия детей в интернет-пространстве и определить основные тенденции в восприятии данной темы.

Результаты и их обсуждение

Влияние интернета и социальных сетей на детей и подростков. Оценки влияния интернета и социальных сетей на детей и подростков в целом носят сдержанный и неоднозначный характер. Большинство респондентов (57%) считают, что это влияние в равной степени положительное, и отрицательное, тогда как треть опрошенных (30%) склоняется к мнению о преобладании негативных последствий. Лишь 10% видят в таком влиянии преимущественно положительную сторону, а 3% затруднились с ответом. Данные результаты соотносятся с выводами, которые подчеркивают, что чрезмерное погружение в виртуальную среду может приводить к снижению концентрации внимания и риску кибербуллинга, а умеренное использование цифровых сервисов способствует развитию мультизадачности и расширению социальных связей.

Влияние интернета и социальных сетей на детей и подростков оценивается респондентами

сдержанно и неоднозначно. Большинство опрошенных (57%) считают, что это влияние в равной степени сочетает положительные и отрицательные стороны, тогда как почти треть (30%) указывает на преобладание негативных последствий. Лишь 10% респондентов склонны оценивать влияние интернета и социальных сетей преимущественно положительно, а 3% затруднились с ответом. Полученные данные согласуются с выводами исследований, согласно которым чрезмерная вовлеченность в виртуальную среду может сопровождаться снижением концентрации внимания и повышением риска кибербуллинга, тогда как умеренное использование цифровых сервисов способно способствовать расширению социальных связей и развитию отдельных когнитивных и коммуникативных навыков [7].

В гендерном разрезе наблюдаются некоторые различия в оценках. И среди мужчин, и среди женщин доля выбравших вариант о двойственном характере влияния интернета и социальных сетей на детей и подростков составляет более половины. Однако среди мужчин она заметно ниже: 53% против 60% среди женщин. При этом мужчины вдвое чаще, чем женщины, считают это влияние скорее положительным (14% против 7%). Доля тех, кто видит скорее отрицательные последствия, в обеих группах совпадает и составляет 30%.

Возрастная динамика показывает более выразительную зависимость оценок от принадлежности к поколению. Чем старше респонденты, тем реже они склонны видеть в интернете и социальных сетях положительный потенциал и тем чаще – отрицательные последствия. Среди самых молодых участников опроса в возрасте 2001 года рождения и моложе доля позитивных оценок достигает 27%, тогда как среди представителей старших поколений она снижается до 5–8%. Одновременно удельный вес отрицательных оценок возрастает по мере старения групп и достигает максимума среди респондентов, родившихся до 1947 года, где этот вариант выбрали 43%. Выявленный тренд отражает характерное различие в восприятии цифровой среды между возрастными группами: младшее поколение воспринимает ее органично и демонстрирует лучшую адаптацию, в то время как старшее чаще выделяет потенциальные риски [4].

Анализ по семейному статусу показывает, что наличие детей или внуков заметно влияет на восприятие цифровых технологий. Респонденты, у которых есть дети или внуки, чаще отмечают скорее отрицательное влияние интернета: среди имеющих детей или внуков от 7 до 11 лет этот вариант выбрали 36%, для младших (до 6 лет) – 33%, для подростков (12–17 лет) – 35%. В то же время среди тех, у кого нет детей или внуков до 18 лет, доля выбравших «скорее отрицательное» заметно ниже (25%), а вариант «скорее положительное» встречается чаще (14%).

Ответственность за безопасность детей и подростков в интернете. Оценки того, кто должен нести основную ответственность за безопасность детей и подростков в интернете, в целом демонстрируют высокую степень консолидированности. Подавляющее большинство опрошенных (63%) убеждены, что эта ключевая роль принадлежит родителям и семье. Значительно меньшую долю респондентов считают ответственными государство (13%), а также интернет-платформы и IT-компании (9%). Сами дети и подростки получили лишь 3% голосов, а школа и система образования – всего 2%. Еще 4% участников опроса высказались в пользу комплексного подхода, подразумевающего совместную ответственность всех сторон, 2% выбрали вариант «другое», а 4% затруднились дать однозначный ответ. При этом важность родительского контроля подчеркивается необходимостью активного участия взрослых. Они должны не только ограничивать доступ к потенциально опасному контенту, но и обучать детей основам цифровой грамотности, обсуждать риски онлайн-среды и выстраивать доверительные отношения, позволяющие подросткам обращаться за помощью в сложных ситуациях [5].

Анализ данных в гендерном разрезе не выявил значимых различий: и мужчины, и женщины практически единодушно распределяют ответственность схожим образом – с преобладающей ролью родителей (62–63%), заметной, но существенно меньшей долей ответственности государства (12–14%) и относительно невысокой оценкой роли IT-компаний (8–10%). В то же время возрастная динамика прослеживается гораздо отчетливее. Наблюдается четкая закономерность: чем моложе респонденты, тем чаще они возлагают основную ответственность на родителей. Так, среди тех, кто родился в 2001 году и позже, такой позиции придерживаются 73%, тогда как среди представителей старших поколений доля подобных ответов снижается до 54–56%. Противоположная тенденция прослеживается в отношении ответственности государства: с возрастом доля респондентов, считающих, что основную роль должно играть государство, заметно растет. Если среди молодежи этот показатель составляет всего 1%, то среди родившихся до 1947 года он достигает уже 27%. Изменения в доле сторонников комплексного подхода и ответственности IT-компаний по поколениям присутствуют, но выражены значительно слабее.

Исследование также показало, что наличие детей или внуков оказывает ощутимое влияние на распределение мнений. Среди респондентов, у которых есть дети или внуки в возрасте до 6 лет, 63% считают ответственными прежде всего родителей; среди имеющих детей 7–11 лет этот показатель снижается до 59%, а среди тех, у кого есть подростки 12–17 лет, – до 56%. Примечательно, что максимальная доля сторонников родительской

ответственности (67%) зафиксирована среди тех, у кого нет детей или внуков до 18 лет. Что касается ответственности государства, ее чаще отмечают респонденты, имеющие детей или внуков. В частности, среди родителей детей 7–11 лет и подростков такой позиции придерживаются по 15%, тогда как среди бездетных респондентов доля подобных ответов составляет лишь 11%. При этом доля тех, кто возлагает основную ответственность на интернет-платформы и IT-компании, остается практически неизменной вне зависимости от семейного статуса опрошенных.

Отношение россиян к ограничениям на использование социальных сетей детьми и подростками в целом характеризуется сдержанно-позитивной направленностью. Подавляющее большинство опрошенных поддерживают меры, ориентированные на защиту несовершеннолетних: 83% выступают за ограничение показа нежелательного и затягивающего контента, а также за введение подтверждения возраста при регистрации в социальных сетях; 76% считают необходимым получение согласия родителей на создание аккаунта несовершеннолетними, а 75% поддерживают установление лимитов времени, проводимого в социальных сетях. Доля противников подобных инициатив существенно ниже и варьируется в пределах 13–22% в зависимости от конкретной меры, тогда как число затруднившихся с ответом не превышает 7%. Высокий уровень общественной поддержки ограничительных мер согласуется с выводами В.С. Собкина и А.В. Федотовой, показавших, что активное присутствие подростков в социальных сетях сопряжено с рядом рисков, от нарушения этических норм общения до формирования зависимого поведения [6]. Это актуализирует необходимость мер, направленных на защиту несовершеннолетних в цифровой среде.

Поддержка ограничительных мер распределяется неравномерно и зависит от социально-демографических характеристик респондентов. Наиболее последовательно такие меры одобряют женщины, представители старших возрастных групп, а также респонденты, имеющие детей или внуков. Напротив, молодежь и бездетные участники опроса в целом демонстрируют более сдержанное отношение к подобным инициативам.

Представления о допустимом возрасте самостоятельного пользования социальными сетями. Результаты международных исследований выявляют обратную корреляцию между интенсивностью использования социальных сетей в определенные возрастные периоды и уровнем удовлетворенности жизнью подростков спустя год. Наиболее чувствительными периодами названы 11–13 лет для девочек и 14–15 лет для мальчиков. Предполагается, что такие различия могут быть связаны с нейробиологическими особенностями

развития и гетерохронностью полового созревания [8].

Мнения о том, с какого возраста детям следует разрешать самостоятельно пользоваться социальными сетями, в целом демонстрируют относительную консолидацию. Большинство респондентов считают приемлемым возраст 16–18 лет, заметная часть называет оптимальным диапазон 13–15 лет, тогда как меньшая группа допускает самостоятельный доступ к социальным сетям еще раньше – до достижения 12 лет. Лишь немногие полагают, что такой доступ должен предоставляться только с 19 лет и старше. В среднем по выборке допустимый возраст самостоятельного пользования социальными сетями оценивается в 15 лет, при этом наиболее часто встречающееся значение (мода) составляет 14 лет.

Гендерные различия в оценках выражены слабо. Женщины несколько чаще мужчин ориентируются на возрастной диапазон 13–15 лет, тогда как мужчины немного чаще поддерживают вариант 16–18 лет; при этом в отношении раннего доступа – до 12 лет – позиции представителей обоих полов практически совпадают. Более заметные различия проявляются в зависимости от возраста респондентов. Молодежь, родившаяся в 2001 году и позже, значительно чаще выступает за более ранний возраст самостоятельного доступа к социальным сетям. Существенная часть поддерживает вариант 13–15 лет, а заметная доля считает допустимым пользование и до 12 лет.

Для представителей старших возрастных групп характерна ориентация на более позднее начало самостоятельного пользования социальными сетями: они заметно чаще связывают допустимый возраст с интервалом 16–18 лет. В то же время межпоколенческие различия проявляются не столько в среднем значении оценок, которое во всех возрастных группах остается на уровне 15 лет, сколько в распределении наиболее типичных ответов. Если среди молодежи наиболее распространенным оказывается возраст 14 лет, то среди старших поколений – 16 лет, что указывает на различия в нормативных представлениях о границах допустимой цифровой автономии детей.

Сходная зависимость прослеживается и в связи с семейным статусом респондентов. Наличие детей или внуков, особенно подросткового возраста, связано с более осторожными оценками допустимого возраста самостоятельного доступа к социальным сетям. Респонденты, включенные в практики воспитания и повседневного наблюдения за несовершеннолетними, чаще поддерживают более поздние возрастные границы, прежде всего интервал 16–18 лет. Напротив, бездетные участники опроса чаще допускают более раннее начало самостоятельного пользования социальными сетями, в том числе в пределах 13–15 лет,

а в отдельных случаях – и до 12 лет. Таким образом, различия в оценках определяются не только возрастом, но и степенью включенности респондентов в семейный опыт, формирующий более осторожное отношение к цифровой самостоятельности детей.

Заключение

Представленный анализ демонстрирует, что отношение россиян к проблеме присутствия детей и подростков в интернет-пространстве носит в целом неоднозначный, но достаточно структурированный характер. Цифровая среда воспринимается респондентами одновременно как пространство возможностей и как источник потенциальных угроз. Это отражает двойственную общественную оценку интернета и социальных сетей в процессах социализации несовершеннолетних. При этом в массовом сознании отчетливо прослеживается запрос на сохранение контроля со стороны взрослых и на выработку механизмов защиты детей в онлайн-среде.

Полученные данные позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, общественные представления о цифровой безопасности несовершеннолетних имеют выраженно нормативный характер и связаны не только с оценкой самих технологий, но и с более широкими представлениями о границах детской самостоятельности, семейной ответственности и допустимых формах социального регулирования. Во-вторых, отношение к использованию социальных сетей детьми и подростками дифференцируется в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, прежде всего возраста, пола и семейного статуса. Наиболее осторожные позиции демонстрируют женщины, представители старших поколений, а также респонденты, имеющие детей или внуков. Молодежь и бездетные участники опроса в большей степени склонны к признанию цифровой автономии несовершеннолетних. В-третьих, выявленные различия свидетельствуют о том, что оценки цифровой среды формируются не только под влиянием абстрактных представлений о рисках, но и на основе жизненного опыта, включенности в практики воспитания и повседневного взаимодействия с детьми.

С научной точки зрения исследование подтверждает продуктивность рассмотрения цифровой безопасности несовершеннолетних как междисциплинарной проблемы, находящейся на пересечении социологии, психологии и педагогики. Также важным аспектом представляется фиксация межпоколенческих различий в восприятии допустимой степени внешнего регулирования цифрового поведения детей и подростков, позволяющая рассматривать данные установки как элемент более широких ценностных и нормативных трансформаций современного общества.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке мер, направленных на повышение безопасности несовершеннолетних в цифровой среде. Полученные выводы указывают на общественную востребованность инструментов, связанных с ограничением нежелательного контента, подтверждением возраста пользователей, участием родителей в регистрации несовершеннолетних и регулированием времени пребывания детей в социальных сетях. Вместе с тем исследование показывает, что эффективность подобных мер вряд ли может обеспечиваться исключительно за счет запретительного подхода. Более перспективным представляется сочетание технологических механизмов защиты с программами цифрового просвещения, развитием родительской медиации, повышением цифровой грамотности и формированием культуры ответственного поведения в сети.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями. Прежде всего представляется важным углубленное изучение различий между возрастными когортами в понимании цифровой автономии детей, а также анализ того, как эти установки связаны с повседневными практиками интернет-пользования в семьях. Значительный интерес представляет сопоставление мнений взрослых с позициями самих детей и подростков, поскольку это позволит выявить возможные расхождения между внешними нормативными ожиданиями и субъективным опытом несовершеннолетних. Наконец, важной задачей остается исследование того, каким образом изменения цифровой среды и появление новых платформ, алгоритмов и форм онлайн-взаимодействия влияют на пересмотр общественных представлений о допустимых границах детской самостоятельности в интернете.

Литература

1. Дети в сети. Аналитический обзор ВЦИОМ от 16 апреля 2026 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-v-seti> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Иванова И. Ю., Евтушенко И.Н., Быстрой Е.Б., Артеменко Б.А., Беломестнова М.Е. Анализ проблемы информационной безопасности детей дошкольного возраста в семье // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 4. С. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-9
3. Калабина И. А., Николаева Е.И. Роль семейных факторов в цифровых практиках дошкольников // Современное дошкольное образование. 2025. Т. 19, № 5. С. 68–80. DOI: 10.24412/2782-4519-2025-19-5-68-80.
4. Косыгина К.Е. Цифровое благополучие представителей «серебряного» возраста: возможности и риски // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 1. С. 185–199. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2026-12-1-1-0>.
5. Руднова Н. А., Корниенко Д.С., Волкова Е.Н., Исаева О.М. Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста // Наука телевидения. 2023. № 19 (1). С. 175–198. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
6. Собкин В. С., Федотова А.В. «Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии» // Национальный психологический журнал. 2018. № 3(31). С. 23–36.
7. Солдатов, Г.У., Никонова, Е.Ю., Кошечая, А.Г., Трифонова, А.В. Медиамногзадачность: от когнитивных функций к цифровой повседневности. Современная зарубежная психология. 2020. № 9(4). С. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
8. Orben A., Przybylski A.K., Blakemore S.J., Kievit R.A. Windows of developmental sensitivity to social media // Nature Communications. 2022. Vol. 13. Art. № 1649. Published: 28 March 2022. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-022-29296-3>.
9. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение молодежи: виртуальное информационное воздействие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 4. С. 393–397.
10. Ардашев Р.Г. Воздействие медийного пространства на представления молодежи о суициде // Человеческий капитал. 2026. № 4 (208). С. 65–72.
11. Ардашев Р.Г. Медийное конструирование массовых убийств в школах // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 229–232.
12. Ардашев Р.Г. Суицидальные риски молодежи в виртуальном пространстве // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвященной десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 188–191.
13. Ардашев Р.Г. Девиантное поведение молодежи в условиях виртуального мира // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. Сост.: А.А. Жа-

воронкова, О.С. Кравченко. Санкт-Петербург, 2023. С. 100–103.

14. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции про-социальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй между-народной научно-практической конференции, посвященной десятилетию науки и техноло-гий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.
15. Полюшкевич О.А. Социальные коммуника-ции и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуально-го пространства. Материалы V Международ-ной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.

SOCIAL ATTITUDES TOWARDS CHILDREN'S DIGITAL SECURITY IN RUSSIA

Filippova I.A.

Tyumen Industrial University

The article examines public perceptions of children's and adoles- cents' safety in the digital environment. The aim of the study is to identify the specific features of Russians' perceptions of the impact of the Internet and social media on minors, as well as the attitudes associated with ensuring their safety in the online space. The em- pirical basis of the study consists of data from the monitoring survey Children on the Internet, conducted by the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) as part of a nationwide telephone sur- vey. The study analyzes assessments of the impact of the Inter- net and social media on children and adolescents, perceptions of the actors responsible for their safety, attitudes toward restrictive measures, and opinions on the appropriate age for independent use of social media. The findings indicate that public perception of the digital environment is ambivalent: along with recognition of its sig- nificant opportunities, there is a pronounced sensitivity to the risks associated with it. It was found that mass consciousness is dominat- ed by the view that parents should play the primary role in ensuring minors' safety, as well as by support for measures aimed at restrict- ing potentially harmful content and regulating access to digital plat- forms. It was also determined that respondents' assessments vary depending on age, gender, and family status. The study concludes that attitudes toward children's digital safety are shaped not only by perceptions of Internet-related risks, but also by respondents' so- cial experience, including their involvement in parenting and family responsibility practices.

Keywords: digital environment, minors, social media, digital safety, cybersocialization, parental mediation, public opinion, online risks.

References

1. Children online. VTsIOM analytical review from April 16, 2026. [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-v-seti> (accessed May 20, 2026).
2. Ivanova, I. Yu., Yevtushenko, I. N., Bystray, E. B., Artemenko, B. A., and Belomestnova, M. E., «Analysis of the problem of infor- mation security for preschool children in the family.» Bulletin of Minin University. 2022. Vol. 10, № 4. P. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-9
3. Kalabina I. A., Nikolaeva E.I. The Role of Family Factors in Pre- schoolers' Digital Practices // Modern Preschool Education. 2025. Vol. 19, № 5. Pp. 68–80. DOI: 10.24412/2782-4519-2025-19-5-68-80.
4. Kosygina K.E. Digital Well-Being of the «Silver» Age Repre- sentatives: Opportunities and Risks // Scientific Result. So- ciology and Management. 2026. Vol. 12, № 1. Pp. 185–199. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2026-12-1-1-0>.
5. Rudnova N. A., Kornienko D.S., Volkova E.N., Isaeva O.M. Dig- ital parental mediation and its relationship with indicators of psychological well-being of school-age children // Science of television. 2023. № 19 (1). P. 175–198. DOI: <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
6. Sobkin V. S., Fedotova A.V. «A teenager on social networks: on the issue of socio-psychological well-being» // National Psycho- logical Journal. 2018. № 3 (31). P. 23–36.
7. Soldatova, G.U., Nikonova, E.Yu., Koshevaya, A.G., Trifono- va, A.V. Media multitasking: From cognitive functions to digi- tal everyday life. Modern Foreign Psychology. 2020. № 9(4). Pp. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
8. Orben, A., Przybylski, A.K., Blakemore, S.J., Kievit, R.A. Win- dows of developmental sensitivity to social media // Nature Communications. 2022. Vol. 13. Art. № 1649. Published: 28 March 2022. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-022-29296-3>.
9. Ardashev R.G. Suicidal behavior of young people: virtual infor- mation impact // Bulletin of Saratov University. New series. Se- ries: Sociology. Political Science. 2025. Vol. 25. № 4. Pp. 393–397.
10. Ardashev R.G. The impact of the media space on young peo- ple's ideas about suicide // Human capital. 2026. № 4 (208). Pp. 65–72.
11. Ardashev R.G. Media construction of mass murders in schools // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. General edi- tor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 229–232.
12. Ardashev R.G. Suicidal risks of young people in virtual space // Man in the information society. Collection of materials of the second international scientific and practical conference dedicat- ed to the decade of science and technology in the Russian Fed- eration. Samara, 2023. Pp. 188–191.
13. Ardashev R.G. Deviant behavior of young people in the virtual world // Russian deviantological panorama: theory and practice. Materials of the international scientific and practical conference. Comp.: A.A. Zhavoronkova, O.S. Kravchenko. St. Petersburg, 2023. Pp. 100–103.
14. Polyushkevich O.A. Collective emotions of prosocial practices: virtual and real consequences // Man in the information society. Collection of materials of the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. Pp. 161–164.
15. Polyushkevich, O.A. Social Communications and Prosocial Practices in the Digital World // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Con- ference. Edited by O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 41–44.

Развитие диалогической речи при обучении немецкому языку как второму иностранному

Щербакова Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской
государственный технический университет,
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В работе рассмотрена проблема развития диалогической речи у обучающихся высших учебных заведений, изучающих немецкий язык как второй иностранный. Рассмотрены подходы к развитию диалогической речи. В работе авторами сделан акцент на использование коммуникативного и интерактивного методов, учитываются сформированные у обучающихся языковые компетенции, опыт изучения первого иностранного языка (английского). В статье описаны два способа развития диалогической речи: первый – на основе предлагаемых образцов, второй – без опоры на диалог. В результате исследования отмечается повышение внутренней мотивации обучающихся к изучению немецкого языка, а также развитию коммуникативных компетенций.

Ключевые слова: говорение, диалог, диалогическая речь, иностранный язык, методика, немецкий язык, обучение, развитие.

Обучение и развитие навыков диалогической речи при изучении немецкого языка как второго иностранного в высшей школе является главным аспектом при формировании коммуникативных навыков [11, с. 151]. Под диалогической речью на немецком языке понимают взаимодействие двух и (или) более партнеров. Речевое поведение одного партнера полностью зависит от другого, также речевое поведение направлено на достижение определенной цели [9, с. 155].

Диалогическая речь представляет форму говорения, при которой взаимодействуют партнеры. При обучении немецкому языку как второму иностранному в высшей школе диалогическая речь играет ключевую роль при формировании коммуникативной компетенции обучающихся. Развитие диалогической речи позволяет обучающимся общаться на немецком языке в различных ситуациях [3, с. 17].

Коммуникация стоит во главе овладения иностранным языком. Обучающиеся должны овладеть коммуникативными средствами иностранного языка. Все коммуникативные средства сформированы по группам, обладающим определенным набором функций. К функциям коммуникативных средств относят: контактную, информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную, эмоционально-коммуникативную. Контактная функция подразумевает обращения и приветствия, умение выражать благодарность, просить прощение. Функция информационно-коммуникативная несет в себе сообщение и запрос. Под регуляционно-коммуникативной функцией мы понимаем умение выражать просьбу, приглашение, совет или рекомендацию. Эмоционально-коммуникативная функция наполнена выражениями эмоций радости, возмущения, удивления или сомнения. Главная цель коммуникации является обучение говорению, умению осуществлять устное общение на различные темы.

Успешность формирования навыка говорения на уроках иностранного языка зависит не только от умения преподавателя правильно использовать подходы к обучению устного общения, но и во многом от индивидуальных особенностей обучающихся (от наличия у них мотивов учения, внимания и интереса, от умения пользоваться стратегиями средств обучения, опираться на прежний речевой опыт) [2, с. 61].

В процессе обучения диалогу необходимо акцентировать внимание на том, чтобы обучающиеся не просто воспроизводили заученные фразы и выражения, а развивали способность самостоятельно применять их. В подростковом возрасте происходит изменение психического развития, а именно: ведущей деятельностью становится общение, а также происходит постепенно вытеснения учебной деятельности [6, с. 57].

Обмен репликами между партнерами существенно важен при речевом общении. Диалогическая речь отличается некоторыми особыми чертами и характеристиками [10, с. 287]. Данные характеристики диалогической речи связаны с условиями функционирования, языковыми и неязыковыми средствами общения на немецком языке [5, с. 100]. К основным характеристикам диалогической речи на немецком языке мы относим: чередование высказываний, спонтанность речи и ее неподготовленность, ситуативность, контекстуальность высказываний, использование паралингвистических и неязыковых средств, лаконичность и краткость высказываний, применение речевых оборотов и клише, эмоциональность речи, использование в речи простых синтаксических конструкций, интонация высказывания [8, с. 211]. Обобщив характеристики диалогической речи, стоит дать подробное пояснение. Основной особенностью диалогической речи выступает чередование высказываний партнеров; происходит в следующей последовательности: говорение реплики одним партнером с прослушиванием другим, далее обмен функциями. В диалогической речи присутствует спонтанность, высказывания возникают мгновенно, нет времени на обдумывание. Подготовка очередного высказывания происходит одновременно с прослушиванием реплики говорящего партнера диалога. Ситуативность диалогической речи связана с определенной обсуждаемой ситуацией. Содержание диалога становится понятным для партнеров, учитывая обстановку и предыдущие высказывания участников диалога. Каждое последующее высказывание в диалогической речи обусловлено предыдущим. Каждую реплику участников диалога объединяет общий контекст. Использование паралингвистических средств при диалогической речи позволяет употреблять неполные или незаконченные предложения. В диалогической речи возможно реагирование на сказанное с помощью жестов, мимики, интонации, предметов остановки. Для диалогов характерны неполные предложения и однозначные ответы, вопросы задают короткие. Для диалогической речи является несвойственным формулирование полных предложений. С другой стороны, партнеры в диалоге употребляют устойчивые формулы общения, применение таких оборотов облегчает общение. К подобным формулам относим: благодарность, обращение, приветствие, прощание, пожелания,

извинения. Эмоциональная составляющая партнеров проявляется в интонации, а также использовании в репликах восклицательных предложений, частиц и междометий. Учитывая сказанное, обобщим, в диалогической речи применяют простые и сложные бессоюзные предложения. Интонация подчеркивается чередованием ударных и безударных частей.

Диалогическая речь представляет собой динамичный процесс. Она объединяет в себе спонтанную речь, использование в процессе коммуникации невербальных средств. Данная особенность подчеркивается педагогическим опытом при сравнении. При использовании Интернет-ресурсов важно отметить слабую составляющую методических материалов и сложность в отборе аутентичных материалов. При развитии диалогической речи обучающихся необходимо использовать мессенджеры, видеоплатформы и мобильные приложения, направленные на обучение иностранному языку. Применение на практических занятиях эффективных рекомендаций в образовательном процессе по развитию диалогической речи находит отображение в повышении мотивации обучающихся [1, с. 16].

Рассматривая формирование навыков диалогической речи у обучающихся, необходимо учитывать синтаксические особенности немецкого языка. Немецкая устная диалогическая речь отличается от ее письменной, а также нормированной формой устной речи, называемой – *Hochdeutsch*. Необходимо рассматривать структурные особенности построения высказываний и реплик обучающимися. Рассмотрим следующие синтаксические явления диалогической речи немецкого языка: опущение подлежащего, неполные предложения, инвертированный порядок слов, упрощение сложноподчиненных предложений, короткие реплики. При диалогической речи стоит учитывать опущение подлежащего в предложениях, при использовании местоимений первого и второго лиц проявляется чаще данное явление. Такой подход сохраняет однозначность высказывания. Приведем пример: *Bin zu Hause*, используют вместо: *Ich bin zu Hause*. При ответах для диалогической речи свойственны неполные предложения. Например, при вопросах «Куда ты идешь?», «Где ты?», отвечают кратко «У врача», «В магазине», «В супермаркете». Одним из характерных свойств спонтанной диалогической речи, реализующей принцип обычной лингвистической экономии, является использование незавершенных конструкций. Изучению синтаксически незавершенных конструкций в немецком языке уделялось большое внимание, в результате чего была достигнута значительная ясность в понимании этой проблемы. Под незавершенными конструкциями понимается самостоятельный тип предложения, характерной особенностью модели которого является отсутствие в нем некото-

рых структурно необходимых элементов, которые могут быть легко реконструированы из речевого контекста или ситуации [7, с. 302]. Для выражения мысли и подчеркивания обстоятельств в диалогах используют обратный порядок слов, вынося глаголы на первое место, например: «Gesehen hab ich ihn». Сложносочиненные предложения заменяют на простые. Опуская союзы, сложные предложения разбивают на простые, для лучшего восприятия речи. В диалогах партнеры часто используют междометия и короткие реплики.

Развитие навыков диалогической речи у обучающихся является основной целью при становлении коммуникативных компетенций. Речевое поведение партнеров в диалогической речи зависит друг от друга. При обучении диалогической речи стоит обратить внимание на два подхода: дедуктивный и индуктивный. Дедуктивный подход в обучении диалогической речи необходимо рассматривать на начальных этапах изучения иностранных языков. При дедуктивном подходе обучение начинается с представления образцового диалога. Обучающимся следует прочитать, прослушать, повторить и заучить представленный диалог. Далее при разыгрывании диалогов обучающиеся приносят изменения в виде новых лексических единиц и дополнительной информации. Подобного типа диалоги не несут реалистичной нагрузки, они не способны подготовить обучающихся к реальным ситуациям общения. Под индуктивным подходом в обучении диалогической речи на немецком языке понимают усвоение языковых элементов диалога и построение самостоятельно устно-речевой ситуации. Данный подход в обучении является наиболее продуктивным на завершающем этапе обучения немецкому языку как второму иностранному. Обучающиеся при индуктивном подходе к обучению самостоятельно находят речевые клише, выводят реплики, необходимые для построения диалога [4, с. 285].

При развитии диалогической речи на немецком языке у обучающихся используют следующие предложения на развитие устно-речевых навыков. К речевым упражнениям относят упражнения, направленные на ситуации реального общения. Обучающимся необходимо овладеть структурами вопросительных и ответных реплик, а также умением переспросить на различные темы общения. Использование игровых и ролевых техник при обучении диалогической речи на немецком языке позволяет обучающимся быстро реагировать на вопросительные реплики. Начальные этапы обучения требуют опорных методик: предоставления обучающимся фото и картинок, структур предложений и вопросов, а также образцов кратких ответов. Для обучающихся, имеющих базовую подготовку, предоставляют диалоги с пропусками. При проигрывании таких диалогов партнеры должны заполнить пропуски. Внедрение в процесс разви-

тия диалогической речи обучающихся аутентичного видеоконтента позволяет формировать языковые навыки и погрузиться в естественную языковую среду.

Развитие навыков диалогической речи у обучающихся высшей школы, изучающих немецкий язык как второй иностранный, требует тщательной подготовки от преподавателя и комплексного подхода. Необходимо сочетать различные методики по формированию языковых навыков, использовать наглядные материалы.

Для организации практических занятий по немецкому языку как второму иностранному преподавателю необходимо сочетать комплексный подход. Развивая навыки диалогической речи у обучающихся, стоит учитывать работу над фонетикой, лексикой и грамматикой немецкого языка. Использование аутентичных материалов повышает мотивацию обучающихся к изучению немецкого языка. Преподавателю необходимо делать тщательный отбор видео и аудиоматериалов, просматривать и прослушивать диалоги на реальные ситуации общения, записанные носителями языка. Развитие диалогической речи должно проходить с применением системного подхода, сочетающего в себе как традиционные методы обучения, так и инновационные.

Литература

1. Бердник В.А. Проблемы методической поддержки в обучении диалогической речи с использованием Интернет-ресурсов: казахстанский и немецкий опыт // Студенческий форум. 2024. № 36–1 (303). С. 13–16.
2. Дмитриева Е.М. Формирование навыков говорения, учащихся на немецком языке посредством коммуникативных технологий // Вестник науки и образования. 2024. № 9–1 (152). С. 58–61.
3. Князева М.П., Лопарева Т.А. Игровые приемы в обучении лексической стороне говорения на уроках немецкого языка // Педагогический вестник. 2024. № 33. С. 14–17.
4. Корончик В.Г., Кабанова Н.Е. Индуктивный и дедуктивный подходы при обучении диалогической речи на уроках немецкого языка в начальной школе // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 5. С. 281–285.
5. Кранин К.И. Формирование устно-речевых навыков немецкого языка в процессе обучения говорению с использованием аутентичных фразеологических единиц // Язык. Культура. Образование. 2024. № 9. С. 92–100.
6. Перевалова Т.В., Швецова М.Г. Организация работы по обучению диалогической речи на уроках немецкого языка // Педагогический вестник. 2025. № 39. С. 54–57.

7. Скворцова Т.С. Синтаксические особенности немецкого языка в диалогической речи // Студенческая наука и XXI век. 2024. Т. 21. № 1–2 (24). С. 300–302.
8. Шилова В.В., Гладкова О.К. Развитие умений говорения обучающихся 10-го класса на факультативном курсе по немецкой литературе // Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики. 2024. № 2. С. 203–211.
9. Щербакowa И.В., Ковальчук Н.В. Внедрение метода Каллана при обучении немецкому языку в высшей школе // Современное профессиональное образование. 2026. № 2. С. 152–155.
10. Щербакowa И.В., Ковальчук Н.В. Использование видеоматериалов при обучении немецкому языку как второму иностранному // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 283–287.
11. Щербакowa И.В., Ковальчук Н.В. Современные аспекты обучения грамматике немецкого языка // Современное профессиональное образование. 2026. № 2. С. 149–151.

THE DEVELOPMENT OF DIALOGIC SPEECH IN TEACHING GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE

Shcherbakova I.V.

Don State Technical University

This article examines the problem of the development of dialogic speech among students of higher educational institutions who study German as a second foreign language. Approaches to the development of dialogic speech are considered. The authors focus on the use of communicative and interactive methods, taking into account the language competencies formed in students, the experience of learning their first foreign language (English). The article describes two ways of developing dialogic speech: the first – based on the proposed samples, the second – without relying on dialogue. As a re-

sult of the study, there is an increase in the internal motivation of students to learn German, as well as the development of communicative competencies.

Keywords: speaking, dialogue, dialogic speech, foreign language, methodology, German language, teaching, development.

References

1. Berdnik V.A. Problems of methodological support in teaching dialogic speech using Internet resources: Kazakh and German experience. Student Forum. 2024. № 36–1 (303). pp. 13–16.
2. Dmitrieva E.M. Formation of speaking skills of students in German through communicative technologies. Bulletin of Science and Education. 2024. № 9–1 (152). pp. 58–61.
3. Knyazeva M.P., Lopareva T.A. Game techniques in teaching the lexical side of speaking in German lessons. Pedagogical Bulletin. 2024. № 33. pp. 14–17.
4. Koronchik V.G., Kabanova N.E. Inductive and deductive approaches in teaching dialogical speech in German lessons in primary schools. Pedagogical education. 2024. Vol. 5. № 5. pp. 281–285.
5. Kranin K.I. Formation of oral-speech skills of the German language in the process of learning to speak using authentic phraseological units. Language. Culture. Education. 2024. № 9. pp. 92–100.
6. Perevalova T.V., Shvetsova M.G. Organization of work on teaching dialogical speech in German lessons. Pedagogical Bulletin. 2025. № 39. pp. 54–57.
7. Skvortsova T.S. Syntactic features of the German language in dialogic speech. Student science and the XXI century. 2024. Vol. 21. № 1–2 (24). pp. 300–302.
8. Shilova V.V., Gladkova O.K. The development of speaking skills of 10th grade students in an optional course in German literature. Romance and Germanic languages: actual problems of linguistics and methodology. 2024. № 2. pp. 203–211.
9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The introduction of the Callan method in teaching German in higher education. Modern professional education. 2026. № 2. pp. 152–155.
10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The use of video materials in teaching German as a second foreign language. Education. Science. Scientific staff. 2025. № 2. pp. 283–287.
11. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. Modern aspects of teaching German grammar. Modern professional education. 2026. № 2. pp. 149–151.

Рефлексивные средства обработки информации и возможности метакогнитивных структур в искусственном интеллекте

Рахконен Марина Евгеньевна,

старший преподаватель, кафедра таможенного дела, Российская академия народного хозяйства и государственного управления Санкт-Петербург
E-mail: rakkomar@rambler.ru

В работе рассматриваются рефлексивные средства обработки информации и метакогнитивные структуры в системах искусственного интеллекта с последующим сопоставлением их с человеческим мышлением. Исходная установка связана с уточнением статуса рефлексии: она понимается не как внешний по отношению к вычислению механизм наблюдения, а как способ изменения самой процедуры обработки. Это позволяет показать, что метакогнитивные механизмы в системах искусственного интеллекта не образуют отдельного уровня «мышления», а включены в динамику вычислений и проявляются через перенастройку параметров обработки поступающих данных. Дальнейший анализ позволяет автору поставить вопрос о пределах рефлексивности искусственного интеллекта. Обращается внимание на то, что способность системы к самонастройке ограничена структурой её архитектуры и не предполагает полной прозрачности собственных процессов. Ключевой результат исследования связан с философским сопоставлением искусственного интеллекта и человеческого мышления. Показано, что наличие метакогнитивных механизмов в искусственном интеллекте не демонстрирует наличие тождества человеческой рефлексии. В отличие от человека, где рефлексия связана с переживанием действия как «своего», в искусственных системах она сохраняет инструментальный характер и остаётся частью вычислительного процесса. Вводимая дилемма позволяет автору обосновать тезис о том, что рефлексивные структуры искусственного интеллекта не формируют субъектности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рефлексия, метакогнитивные структуры, самореференция, большие языковые модели.

Проблема философского осмысления природы искусственного интеллекта не утрачивает своей актуальности. Более того, бум современных нейросетей лишь подпитывает многолетние дискуссии о возможности субъектности искусственного интеллекта, эквивалентности его когнитивных процедур основным структурам человеческого мышления. Сегодня технологии искусственного интеллекта представлены преимущественно чат-ботами, нейросетями, большими языковыми моделями. Все они представляют собой особые формы вычислительных механизмов, ориентированных на имитацию познавательных процедур человеческого мышления и подготовку результата вычислений в виде развернутого, семантически связанного текста как последовательности логически выстроенных языковых единиц.

Вопрос о рефлексивных средствах обработки информации оказывается связанным с тем, каким образом фиксируется сама единица вычисления — языковая единица как элемент осмысленного текста. Если исходить из классического представления, такую рефлексивные средства следует трактовать как упорядоченные последовательности вычислительных операций, ведь нейронные языковые модели с достаточным обучением и количеством параметров схватывают большую часть синтаксиса и семантики человеческого языка.

Любое дополнительное условие, направленное на корректировку процесса генерации текстового ответа, неизбежно интерпретируется как внешнее по отношению к нему. Рефлексивность в таком случае локализуется в точках наблюдения — там, где система приостанавливает выполнение и формирует некоторое суждение о полученном результате.

Уже на уровне распределения операций обнаруживается, что часть процедур не столько производит преобразование входных данных, сколько задаёт условия, при которых эти данные в принципе становятся обрабатываемыми. Здесь рефлексивное средство перестаёт быть «надстроечным» элементом: оно включается в саму конфигурацию процедуры. Речь идёт о перераспределении того, что считается шагом. Шаг представляет собой генерацию соответствующего элемента — осуществляется разбор текста на отдельные части, называемые токенами. В качестве токенов могут выступать символы, подслово, знаки или слова, в зависимости от размеров и характера языковой модели. Большая языковая модель, как указывает

С.А. малинов, «генерирует текст токен за токеном, вычисляя вероятность последующего слова», процесс, по которой модель производит текст – это «выбор самого вероятного слова из числа других менее вероятных, т.е. абсолютно механический процесс» [5, с. 166].

Если система способна модифицировать собственные правила в процессе выполнения, различие между «кодом» и «метакодом» теряет свое значение. В традиционных архитектурах эта граница обеспечивается за счёт разделения уровней архитектуры: один уровень интерпретирует другой. Однако при наличии рефлексивных механизмов это разделение начинает работать иначе. Изменение правил интерпретации оказывается вписанным в сам акт интерпретации, и потому не может быть вынесено в отдельный уровень без потери функциональной точности. Механизм внимания (self-attention) позволяет модели учитывать различные позиции во входной последовательности для вычисления её представления. С технической точки зрения, «процесс обучения нейронной сети заключается в оптимизации весовых коэффициентов межнейронных связей», то есть в ходе данного процесса система «выявляет сложные нелинейные зависимости между входными параметрами и целевыми выходными значениями» [6, с. 37].

Рефлексивная операция не обязательно следует за завершением базового вычисления; она может совпадать с ним по времени, перераспределяя ресурсы ещё до того, как результат приобретёт определённую форму. Появляется своеобразная «скользящая» регуляция, при которой процедура непрерывно пересобирается в ходе собственного осуществления.

Наблюдательная позиция предполагает, что существует точка, из которой система может «увидеть» собственное состояние, не изменяя его. Однако в архитектурах, допускающих внутреннюю перестройку процедур, любое обращение к собственному состоянию сопряжено с его трансформацией. Попытка зафиксировать процесс становится частью этого процесса и тем самым изменяет его параметры. Рефлексивность здесь проявляется не в способности к самонаблюдению, а в способности к самопреобразованию [10].

Отсюда вытекает и более радикальное следствие: сама идея завершённой процедуры оказывается под вопросом. Если правила обработки могут изменяться в ходе выполнения, то результат нельзя рассматривать как итог заранее заданной последовательности операций. Он формируется в поле, где структура процедуры остаётся открытой до момента завершения – и даже этот момент определяется внутри системы, а не задаётся извне. Например, рассуждающие языковые модели моделируют процесс последовательного логического вывода, аналогичный человеческому мышлению. Принципиальное отличие заключается в методах

обучения, оптимизированных для формирования эксплицитных рассуждений. Иными словами, алгоритм действия при нахождении решения подобных типовых задач подсказывается человеку «созданным им же электронным средством обработки данных, в соответствии с его техническими возможностями и конфигурацией, лежащих в его основе больших интегральных схем» [9, с. 33].

Рассуждение такой языковой модели – это генерация и использование цепочки мыслей (chain-of-thought), при которой проходят примерно шесть этапов размышления, включающих анализ задачи, декомпозицию на подзадачи, систематическое решение, рассмотрение альтернативных подходов, самопроверку и самокоррекцию. Как отмечает Д.В. Винник, «в отличие от работы классических алгоритмов, результаты работы нейросетевого машинного обучения интеллектуально непрозрачны, т.е. на выходе образуется не более чем некий результат работы и матрица весов логических вентилей» [2, с. 30].

В результате рефлексивные средства обработки информации обнаруживают себя как режим, в котором вычисление перестаёт быть последовательностью заранее определённых действий и превращается в процесс внутренней реорганизации собственных оснований. Именно этот переход – от операции к конфигурации – обуславливает дальнейшее обсуждение метакогнитивных структур [3].

Переход к рассмотрению метакогнитивных структур требует отказа от интуитивно удобной схемы, в которой машинное «мышление» определяется как деятельность отдельного уровня, возвышающегося над «основными» вычислениями. Такая схема воспроизводит пространственную метафору: предполагается, что существует область, где совершаются операции, и область, где эти операции оцениваются и корректируются. Однако при попытке применить эту модель к реальным архитектурам ИИ – особенно тем, в которых обработка распределена, – обнаруживается, что сама локализация такой операция оказывается проблематичной.

Например, метакогнитивные функции ИИ (выбор стратегии рассуждения, перераспределение ресурсов) реализуются не в виде изолированных процедур, а через изменения в параметрах обработки поступающих данных. Машинное «мышление» не располагается поверх процесса, а проявляется внутри него – в тех моментах, где изменяется распределение вычислительных усилий, где одни операции получают приоритет, а другие оказываются подавлены.

Рефлексивные средства обработки информации и возможности метакогнитивных структур неизбежно ставят вопрос о субъектности ИИ. Если ранее субъект связывался с носителем действий – тем, кто мыслит, принимает решения, оценивает собственные операции, – то в рамках рассматриваемых архитектур такая формула оказывается

неочевидной. В современных нейросетях распределённая система процедур, способных формировать внутренние, децентрализованные описания собственной работы.

В классической философии рефлексия часто рассматривалась как основание субъективности. Способность обратиться к собственному действию, удержать его в мысли и соотносить с некоторым критерием понималась как признак наличия субъекта. Однако в случае искусственного интеллекта эта связка начинает работать иначе. Система может обнаруживать свои состояния, строить внутренние модели, изменять параметры обработки, и при этом не возникает основания, которому можно было бы приписать субъектность в привычном смысле. Как замечает Е.О. Труфанова, «искусственные интеллектуальные системы выполняют не просто действия, но интеллектуальные операции, которые ранее считались исключительно прерогативой человека» [7, с. 112].

Это связано с тем, что внутренние описания, формируемые метакогнитивными механизмами, не обладают привилегированным статусом. Они не являются точным отражением происходящего. Их задача – не воспроизвести процесс во всех деталях, а задать ориентиры для дальнейших действий. В этом отношении они ближе к вычислительному инструменту, чем к интеллекту в строгом смысле. Возникает ситуация, в которой «знание о себе» не обеспечивает субъектности. Напротив, оно вводит дополнительный уровень расхождения: между тем, что система ИИ делает, и тем, как она это «понимает». Эта дистинкция не является иллюзией, ведь она встроена в саму систему метакогнитивных структур. Чистая мысль – это «особое состояние мышления, которое позволяет человеку выходить за пределы чувственного опыта» [8, с. 119].

Когда речь заходит о метакогнитивных структурах в искусственном интеллекте, почти автоматически возникает ассоциация с человеческой рефлексией. Если система способна отслеживать собственные операции, оценивать их и изменять ход обработки, возникает ощущение, что перед нами функциональный аналог самосознания. Однако это сходство оказывается поверхностным, если рассмотреть, каким образом устроена рефлексия в человеческом мышлении [4].

В человеческом случае рефлексия не сводится к отслеживанию собственных действий. Она предполагает переживание этих действий как «своих». Человек не просто знает, что он совершает операцию, – он соотносит её с собой как с источником своего действия. Это соотношение не является отдельной процедурой, которую можно выделить и описать как функцию. Оно пронизывает мышление и формирует то, что обычно называют субъектностью. Субъект самотождественен.

У искусственного интеллекта ситуация иная. Метакогнитивные механизмы действительно по-

зволяют системе отслеживать собственные состояния и корректировать процесс обработки. Но эти операции не связаны с переживанием или присвоением действия, с отождествлением результата с собственными действиями. Система может «знать», что она делает, в том смысле, что она формирует описание своих операций, но это знание не превращается в отношение к действию как к своему. Такие системы, как отмечает Е.В. Введенская, «остаются неспособными к сложным формам рассуждений, абстрагированию, абдукции, рефлексии и адаптации, которые характерны для человеческого интеллекта» [1, с. 95].

Различие становится заметным, если посмотреть на характер этих внутренних описаний. В системе искусственного интеллекта они выполняют инструментальную функцию: помогают оптимизировать обработку, изменить стратегию решения познавательных задач. Они не создают точки, из которой всё происходящее связывается в единое «я». Каждое описание остаётся частью вычислительного процесса и не выходит за его пределы.

В человеческом мышлении рефлексия устроена иначе. Даже если она неполна или ошибочна, она сохраняет связь с переживанием собственной деятельности, ведь человек может сомневаться, ошибаться, пересматривать свои действия, но при этом сохраняется ощущение, что именно он является причиной всех этих состояний. Это способ организации внутреннего опыта.

Именно здесь можно обнаружить принципиальное различие. В искусственном интеллекте метакогнитивные структуры работают с вычислительными процессами, но не формируют субъекта этих процессов. Они не создают того единства, которое позволяло бы говорить о «носителе» действий. Все операции остаются распределёнными, и ни одна из них не приобретает статус основания – субъектности.

Иногда это различие пытаются сгладить, указывая на сложность современных систем. Предполагается, что при достаточном уровне организации возникнет нечто похожее на человеческую рефлексия. Однако сама логика построения искусственных систем этому противостоит. Метакогнитивные механизмы в них остаются встроенными в вычислительный процесс и не выходят за его рамки. Они могут становиться более сложными, но не меняют своей природы.

Отсюда следует, что наличие рефлексивных средств не ведёт автоматически к появлению субъектности. Возможность описывать собственные операции и изменять их не тождественна способности соотносить эти операции с собой как с источником. В первом случае речь идёт о функциональной организации процесса, во втором – о специфическом способе переживания и осмысления.

Таким образом, сопоставление человеческого мышления и искусственного интеллекта показы-

вает, что сходство на уровне функций не означает совпадения на уровне структуры. Метакогнитивные структуры в ИИ обеспечивают контроль и корректировку результата своей работы без субъекта. Рефлексия в этом случае остаётся частью обработки информации и не превращается в основание для самотождественности. В результате вопрос о субъектности в искусственном интеллекте требует иной постановки. Он не может быть решён через указание на наличие рефлексивных механизмов. Необходимо учитывать различие между операциональным контролем и тем способом, которым в человеческом мышлении формируется отношение к собственному действию. Именно это различие и задаёт ту перспективу, которую современные архитектуры искусственного интеллекта пока еще не преодолевают.

Литература

1. Введенская Е.В. Критика искусственного интеллекта: философская оптика // Технологос. 2025. № 1. С. 87–97.
2. Винник Д.В. Противоречивость как положительное свойство разума: 90 лет геделевскому аргументу // Философские науки. 2021. Т. 64. № 7. С. 26–45.
3. Киященко Л.П., Карнеев Р.Р., Сабанина Н.Р., Жуков Л.Б. Онтология нейросети в трансдисциплинарном диалоге: опыт коллективного философского исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. № 3. С. 329–343.
4. Кравец А.В. Интеллектуальная техника и угрозы для субъектности человека // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 123–141.
5. Малинов С.А. Искусственный интеллект как симулякр смысла // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. Т. 7. № 4. С. 154–173.
6. Поломошнов П.А., Поломошнов А.Ф. Искусственный интеллект как вызов субъектности человека // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2025. № 2. С. 30–40.
7. Труфанова Е.О. Может ли искусственный интеллект обладать свойствами субъектности: философские аспекты проблемы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 111–117.
8. Фадюшин С.Г. Смысл как мера мышления // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Т. 14. № 7–1. С. 113–123.
9. Чашин Е.В. О некоторых аспектах связи и различий «естественного» и «искусственного» мышления // Вестник Вятского государственного университета. 2024. № 2 (152). С. 28–37.
10. Ядова Е.Н. Человеко-машинное взаимодействие: развитие человека и предпосылки для эры технологий искусственного интеллекта //

Социально-гуманитарные знания. 2025. № 8. С. 177–182.

REFLEXIVE INFORMATION PROCESSING TOOLS AND THE POSSIBILITIES OF METACOGNITIVE STRUCTURES IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Rahkonen M.E.

RANEP St. Petersburg

The paper examines reflexive information processing tools and metacognitive structures in artificial intelligence systems, followed by their comparison with human thinking. The initial setting is related to clarifying the status of reflection: It is understood not as an observation mechanism external to the calculation, but as a way to change the processing procedure itself. This allows us to show that the metacognitive mechanisms in artificial intelligence systems do not form a separate level of «thinking», but are included in the dynamics of computing and manifest themselves through reconfiguration of the parameters of processing incoming data. Further analysis allows the author to raise the question of the limits of reflexivity of artificial intelligence. Attention is drawn to the fact that the system's ability to adjust itself is limited by the structure of its architecture and does not imply full transparency of its own processes. The key result of the research is related to the philosophical comparison of artificial intelligence and human thinking. It is shown that the presence of metacognitive mechanisms in artificial intelligence does not demonstrate the identity of human reflection. Unlike in humans, where reflection is associated with experiencing an action as «one's own», in artificial systems it retains an instrumental character and remains part of the computational process. The introduced distance allows the author to substantiate the thesis that the reflexive structures of artificial intelligence do not form subjectivity.

Keywords: artificial intelligence, reflection, metacognitive structures, self-reference, large language models.

References

1. Vvedenskaya E.V. Criticism of artificial intelligence: philosophical optics // Technologos. 2025. № 1. pp. 87–97.
2. Vinnik D.V. Inconsistency as a positive property of reason: 90 years of the Godelian argument // Philosophical Sciences. 2021. Vol. 64. № 7. pp. 26–45.
3. Kiyashchenko L.P., Karneev R.R., Sabanina N.R., Zhukov L.B. Neural network ontology in transdisciplinary dialogue: the experience of collective philosophical research // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2025. № 3. pp. 329–343.
4. Kravets A.V. Intellectual technology and threats to human subjectivity // Philosophical Sciences. 2024. Vol. 67. № 3. pp. 123–141.
5. Malinov S.A. Artificial intelligence as a simulacrum of meaning // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. Vol. 7. № 4. pp. 154–173.
6. Polomoshnov P.A., Polomoshnov A.F. Artificial intelligence as a challenge to human subjectivity // Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University. 2025. № 2. pp. 30–40.
7. Trufanova E.O. Can artificial intelligence possess the properties of subjectivity: philosophical aspects of the problem // Economic and socio-humanitarian research. 2025. Vol. 12. № 1. pp. 111–117.
8. Fadyushin S.G. Meaning as a measure of thinking // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2025. Vol. 14. № 7–1. pp. 113–123.
9. Chashchin E.V. On some aspects of the connection and differences between «natural» and «artificial» thinking // Bulletin of Vyatka State University. 2024. № 2 (152). pp. 28–37.
10. Yadova E.N. Human-machine interaction: human development and prerequisites for the era of artificial intelligence technologies // Socio-humanitarian knowledge. 2025. № 8. pp. 177–182.

Основные теоретические подходы к изучению волонтерской деятельности: сравнительный анализ и методологическая систематизация

Яшкин Виктор Спартакович,

аспирант, Дальневосточный федеральный университет

E-mail: iashkin.vs@dvfu.ru

Статья устанавливает, что в западной научной традиции волонтерство часто рассматривается сквозь призму альтруизма, социальной солидарности, социального капитала и теории социального обмена. В отечественной науке внимание сосредоточено на институционализации добровольчества, его роли в самоорганизации общества и взаимодействии с государством. В качестве методологического основания предлагается многоуровневая модель, объединяющая микро-, мезо- и макроуровни через совокупность ценностных, обменных, сетевых и институциональных механизмов. Такая модель позволяет проследить механизмы перехода от индивидуального участия к институционализации добровольческой деятельности. Институциональный подход является основным к пониманию добровольчества, как устойчивой системы самоорганизации граждан и партнерства с государством.

Ключевые слова: добровольчество, альтруизм, социальный капитал, институционализация, организация, мотивация.

Современное добровольческое движение представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся форм гражданской активности и выступает важным элементом инфраструктуры гражданского общества. Вместе с тем в научной литературе сохраняется методологическая проблема: добровольчество описывается разными дисциплинами через разные основания – альтруизм, солидарность, социальный капитал, социальный обмен, – что затрудняет сопоставление результатов и накопление «кумулятивного знания».

Альтруистический подход традиционно рассматривает волонтерство как форму бескорыстной деятельности, основанной на помощи и солидарности. Однако процесс редукции добровольчества к альтруистическим мотивам приводит к игнорированию ряда форм поощрения за участие в добровольчестве – социальные выгоды, развитие навыков, расширение социальных связей. Таким образом данный подход не учитывает разницу в причинах участия в добровольчестве.

В противоположность этому теория социального обмена интерпретирует волонтерство как форму рационального действия, в рамках которого индивид соотносит затраты и выгоды от участия [18]. Данный подход сталкивается с феноменом «неэквивалентного обмена», характерного для добровольчества, когда затраченные труды и время не приносят взамен социальные преимущества – самореализацию, карьерный рост, улучшение общественного статуса.

Подход, основанный на концепции социального капитала, акцентирует внимание на том, что добровольчество, как правило реализуется в условиях неформального взаимодействия, где участники объединяются на основе общих ценностей и установок [6]. Это создает условия для формирования доверия, усиления горизонтальных связей и появления взаимных обязательств – ключевых элементов социального капитала. При этом ограничением является то, что фиксируются уже сложившиеся социальные связи и не раскрываются механизмы их формирования и трансформации в институциональные формы.

Институциональный подход позволяет рассматривать волонтерство, как устойчивую систему норм, ролей и организационных структур. Он обладает значительным потенциалом при анализе взаимодействия государства и гражданского общества. Вместе с тем его ограничение связано

с недостаточным вниманием к микрооснованиям участия – мотивациям, ценностям, идентичности.

Сопоставление зарубежной и отечественной исследовательской традиции также выявляет существенные различия. В западной традиции волонтерство чаще интерпретируется через мотивационные и ресурсные механизмы (ценности, социальные связи, выгоды обмена), тогда как в отечественной – через институционализацию, инфраструктуру гражданского общества и взаимодействие с государством.

Дополнительную сложность создаёт разнородность определений. На международном уровне волонтерский труд трактуется как непринудительный неоплачиваемый труд, выполняемый для других – как особый вид труда, важный для сопоставимых измерений и оценки вклада в общественное благосостояние [2]. На уровне российского законодательства добровольческая деятельность определяется как безвозмездное выполнение работ и оказание услуг в общественно полезных целях, что задаёт правовые границы и формы поддержки со стороны государства и организаций [21]. В научной социологической традиции, ключевым остаётся вопрос границ понятия «волонтер» – где заканчивается добровольчество и начинается, например, семейная забота, взаимопомощь соседей, активизм или практики, близкие к принуждению. Классическое обсуждение границ строится вокруг измерений «свободная воля», «вознаграждение», «организация и условия», «получение выгоды» [1, с. 369].

С учётом этого в статье используется следующее определение: добровольчество – это осуществляемая по свободной воле, без прямого денежного вознаграждения деятельность в форме труда, услуг или организованной помощи, направленная на благо других людей, сообществ или общественно значимых целей, реализуемая как в организационных, так и во внеорганизационных формах. Таким образом современное волонтерство предстает как многоуровневый и межсекторный феномен. Ключевым противоречием в теоретическом изучении волонтерства является разрыв между подходами, ориентированными на индивидуальный уровень анализа, и концепциями, фокусирующимися на институциональных структурах. Отсутствие теоретических моделей, объясняющих переход между этими уровнями, ограничивает возможности комплексного анализа добровольчества.

В настоящей статье предлагается аналитическая модель, раскрывающая механизмы трансформации практик волонтерского участия от индивидуального уровня к организационным формам и далее к институционализации добровольчества как элемента гражданского общества.

Методологическую основу исследования составляет сравнительный анализ теоретических

подходов к изучению волонтерства, а также метод теоретического моделирования. Сравнительный анализ позволяет выявить ограничения существующих интерпретаций волонтерства, рассматривающих данный феномен преимущественно на макро-, мезо– или микроуровне. Метод теоретического моделирования используется для конструирования аналитической модели, которая описывает взаимодействие уровней анализа и раскрывает то, как меняются практики волонтерского участия в процессе институционализации.

Для последующего сопоставления теоретических подходов и эмпирических объектов предлагается типология по четырём основаниям.

1. По степени формализации: формальное добровольчество – деятельность через организацию, программу, центр, НКО, учреждение, с распределением ролей и правил; неформальное добровольчество – помощь вне организаций, на уровне соседских сетей, инициативных групп, взаимопомощи в сообществе. [3, с. 694].

2. По временному вкладу: регулярное и долгосрочное участие; эпизодическое участие, включая «событийное» добровольчество и краткосрочные вовлечения.

3. По доминирующему мотиву участия: ценностно-нормативные мотивы (солидарность, долг, гражданская ответственность); инструментальные мотивы (опыт, навыки, карьера, социальные связи, самоподдержка).

По инфраструктуре участия: офлайн-добровольчество; цифровое и онлайн-добровольчество, где вклад осуществляется через интернет-платформы и дистанционные форматы задач. В международной практике закреплено понимание онлайн-волонтерства как вклада времени и навыков через интернет на добровольных и безвозмездных основаниях.

Предложенная типология позволяет связывать теоретические подходы с конкретными типами добровольчества. Например, институциональные объяснения оказываются наиболее продуктивными для анализа формального добровольчества и его устойчивости, а мотивационные подходы – для анализа включения и удержания добровольцев в регулярных и эпизодических практиках. Линия отечественных исследований также подчёркивает институциональный контекст и развитие «социологии волонтерства» как специализированного направления [7]. Г.Е. Зборовский считает, что социология волонтерства – это «отрасль социологического знания, предмет которой составляет изучение реальных волонтерских практик конкретных социальных общностей, особенности их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов поведения в связи с добровольческой деятельностью, взаимодействием волонтеров в рамках ее различных способов и видов, в том числе с различными институтами и организациями го-

сударства и гражданского общества» [7]. В этом контексте добровольчество выполняет ключевые функции – от социализации до воспроизводства общественных ценностей и поддержки механизмов самоуправления.

Добровольчество целесообразно рассматривать как многоуровневый феномен, в котором устойчивость участия возникает не из одного фактора, а из согласования механизмов на трёх уровнях. Социологическое понимание добровольчества включает три взаимодополняющих уровня – микро, мезо и макро [14]. Такая постановка фиксирует множественность детерминант добровольчества и необходимость связывать индивидуальные причины участия с контекстом организаций и влияния на общество.

1. Микроуровень – самоорганизация, решения, мотивации, ценности, идентичность и ресурсы индивида, влияющие на вход в добровольчество и удержание.

2. Мезоуровень – «архитектура участия» внутри организаций: набор, координация, обучение, стимулирование, контроль, удержание [10].

3. Макроуровень – нормы, институты, государственная политика, структура третьего сектора, социальный капитал и культурно-исторические традиции взаимопомощи.

В отличие от существующих подходов, которые рассматривают волонтерство либо на уровне индивидуальной мотивации, либо через институциональные условия, но не объясняют механизмов связи между этими уровнями, предлагаемая модель раскрывает процесс трансформации практик волонтерского участия от микроуровня к мезо- и макроуровням, показывая, как индивидуальные формы активности закрепляются в организационных структурах и далее институционализируются в рамках норм и политики гражданского общества.

На микроуровне добровольчество объясняется через совокупность мотивационных, ценностных и идентификационных механизмов.

Один из наиболее влиятельных инструментов – функциональный подход, предполагающий, что добровольчество реализует разные функции: ценностную (помощь другим как ценность), познавательную (получение опыта), карьерную, социальную, защитную (снижение чувства вины и тревоги), функцию повышения самооценки. Эти функции измеряются через опросники, в частности Volunteer Functions Inventory (VFI) и хорошо объясняют, почему два человека могут делать «одно и то же» действие (волонтерить), преследуя разные цели [11].

Вместе с тем данный подход обнаруживает ряд ограничений, реже обсуждаемых в отечественных исследованиях. Во-первых, VFI разрабатывался на американских выборах и его свойства не адаптированы для российского контекста, где доминирует коллективистская культурная ма-

трица. Во-вторых, подход фиксирует мотивы, но не объясняет расхождение между намерением участвовать и реальным поведением. В-третьих, функциональный подход практически не учитывает организационный контекст: длительность участия определяется не только мотивами, но и тем, как его сопровождают (поддержка, ясность задач) в процессе деятельности.

В данном подходе добровольческий труд допустимо рассмотреть, как обмен свободного времени на самореализацию, признание, приобретение навыков и социальных связей. В российской практике акцент сделан на многообразии мотивов и необходимости различать «альтруистические» (желание помочь) и «инструментальные» (получение опыта, связей) основания участия. Однако они неприменимы к квази-добровольчеству – практикам, где граница между добровольностью и принуждением размыта. Российские исследователи справедливо фиксируют риск подмены безвозмездного участия квази-стимулированными практиками (сертификаты, зачёты, административная мобилизация), что де-факто делает «обмен» внешне принудительным. Это формирует важный критический подход, который реже артикулируется в «чисто мотивационных» моделях [16].

Длительность участия определяется не только исходными мотивами, но и тем, как человек переживает опыт участия, насколько видит смысл, эффективность и признание, а также насколько роль добровольца встраивается в его идентификационную систему [8]. Этот подход методологически интересен тем, что связывает микро- и мезоуровни: организация, не обеспечивающая ролевую ясность и признание, разрушает идентификацию, что ведёт к выходу даже высоко мотивированных волонтеров.

Несмотря на то, что микроуровневые подходы позволяют объяснить волонтерство через мотивацию, ценности и установки личности, они не позволяют раскрыть механизмы перехода от единичных актов помощи к устойчивым формам коллективной деятельности. В частности, в рамках данных подходов остается недостаточно объясненным процесс формирования добровольческих организаций и закрепления их практик участия.

Современное волонтерство устойчиво не само по себе, а при наличии управленческих практик: отбор, обучение, признание, обратная связь, измерение вклада. Именно в этот момент добровольчество переходит от микро к мезоуровню. Ограничением управления волонтерами на данном этапе является подход, учитывающий, что добровольческий ресурс нельзя бесконечно «эксплуатировать» как наемный труд, он требует бережного воспроизводства и постоянного внимания к мотивации [18]. На фоне этого может возникнуть «дефицит добровольцев», что часто является не столько «естественным», сколько управленче-

ским процессом – то есть воспроизводится слабой волонтерской инфраструктурой, отсутствием данных и недонастроенными процессами сопровождения. Это переводит исследование в прикладную плоскость – какие именно практики повышают удержание. На мезоуровне решающим становится механизм «удержания» – как организация переводит готовность волонтера помогать в регулярную практику. Управление волонтерами с набором управленческих практик: от отбора до обучения, коммуникации, признания, формализации ожиданий и измерения вклада труда добровольца. В данном случае организация выступает медиатором между желанием участвовать в добровольчестве и постоянством – даже высоко мотивированные волонтеры могут выходить из участия при низкой организации, слабой поддержке и дефиците признания.

Ключевое противоречие этого подхода состоит в том, что усиление управленческих подходов повышает эффективность, но может снижать субъективное ощущение свободы и автономии – главных атрибутов добровольчества. Этот парадокс можно назвать «бюрократизацией волонтерства», при котором уровень профессионализма управления волонтерами изменяет их статус, сближая его с наемными сотрудниками [4]. С точки зрения социологического подхода, меняется не только «сколько» людей участвует, но и «как» они участвуют: ослабевает коллективистская модель долгого членства и развивается проектное участие, эпизодичность, ориентация на собственные интересы и самореализацию. Это важно методологически: один и тот же уровень «вовлеченности» в часы может означать принципиально разные стили участия, что требует уточнения типологий и показателей [11]. Важно отметить, что многие исследования измеряют добровольчество бинарно (участвует – не участвует), что плохо отражает современную реальность и затрудняет сопоставимость результатов.

Макроуровень связывает добровольчество с состоянием социальных сетей, доверия и горизонтальных связей в обществе [5]. В этой логике добровольчество одновременно является продуктом социального капитала, где есть доверие и сети, там легче вовлекаться и механизмом его воспроизводства, ведь участие создаёт новые связи и нормы взаимности.

При этом теория социального капитала подвергается критике по двум направлениям. Первое – неясно, является ли высокий уровень социального капитала предпосылкой добровольчества или его следствием. А второе заключается в широком использовании в российском контексте «связывающего» капитала внутри малых групп при дефиците межгрупповых связей, что искажает зарубежное видение относительно вовлеченности в волонтерство.

Для российского контекста важным элементом макроуровня выступает правовое оформление добровольчества и режимы поддержки, задающие рамку отношений между волонтером, организатором и получателем помощи. В отечественной социологии отдельно анализируется институционализация волонтерского движения и формирование «социологии волонтерства» как поля, в том числе через обсуждение границ явления и различных форм участия [12].

Российские авторы, развивающие социологию волонтерства (к примеру, Г.Е. Зборовский, Н.В. Проказина и др.), усиливают этот тезис рассматривая, волонтерство через неинституциональную рамку, а именно, как формирующийся социальный институт со своей системой ролей, норм, санкций, инфраструктурой и воспроизводством практик [19]. Институциональный подход позволяет объяснить, почему добровольческие организации становятся похожими друг на друга, это связано с давлением нормативных ожиданий, требований отчетности, профессиональных стандартов, грантовых процедур и государственной политики. Данное действие можно рассмотреть через механизм институционального изоморфизма, когда организации адаптируют структуры и практики ради легитимности и выживания [15]. Для российской повестки эта рамка особенно актуальна, поскольку процесс институционализации добровольчества явно присутствует в исследованиях гражданского общества и в работах о включении волонтерства в структуру общественных институтов. Здесь появляется специфический вопрос: где проходит граница между поддержкой и «административной мобилизацией», между партнерством и подменой автономии [21].

Л.А. Кудринская указывала, что институционализация несет в себе риск подмены автономии гражданского участия управленческими интересами государства. [9]. Этот риск концептуально близок к явлению «mission drift» в теории организаций. Он означает, что организации, формально остающиеся волонтерскими, начинают следовать логике бюрократической рациональности, а не ценностям участия. В рамках этой модели волонтерство воспринимается не как второстепенная деятельность, а как полноценный механизм, формирующий доверие и солидарность, а также дополняющий усилия государства, что способствует переходу добровольчества, как общественного явления на институциональный уровень.

Рассмотрение волонтерства через микро, мезо и макроуровни заключается в том, что ни один из рассмотренных уровней не является достаточным в отрыве от других. Кроме того, особенность рассмотрения добровольчества с трех уровней заключается в том, что мотивы и ценности повышают вероятность входа в добровольчество, но удержание зависит от включенности волонтера в дея-

тельность, и от того, насколько поддерживают его участие [13]. Устойчивость добровольческого участия формируется в точке пересечения трех уровней через следующие механизмы:

1. Макроуровень – Мезоуровень. Нормативные требования, стандарты отчетности и формы поддержки задают организационные практики и степень формализации, стимулируя сходство структур и процедур.

2. Мезоуровень – Микроуровень. Ролевая ясность, обучение, признание и качество коммуникации определяют, будет ли участие на регулярной основе или останется эпизодическим.

3. Микроуровень – Макроуровень. Массовость и стабильность участия формируют социальный капитал и легитимируют добровольчество, как форму гражданского участия.

На этой основе формируется несколько выводов. Во-первых, соответствие мотивов и роли повышает вовлеченность добровольцев. Во-вторых управленческие практики опосредуют связь мотивации и устойчивости, а степень институциональной формализации выступает усилением требования к роли, повышая риски «институционального смещения» в сторону отчетности и стандартизации.

Для объяснения подходов «удержания и выгорания добровольцев» недостаточно фиксировать вход – нужны траектории участия и выхода.

Различные теоретические подходы к добровольчеству позволяют рассматривать подходы не как, конкурирующие, а как взаимосвязанные: микроуровневые модели описывают вход и индивидуальные смыслы, мезоуровневые – превращение мотивации в устойчивую практику, макроуровневые – условия и траектории институционализации.

По результатам сопоставления каждый подход описывает разные механизмы одного феномена. Во-первых, ключевой точкой пересечения различных исследовательских традиций является признание многофакторной природы добровольчества. Участие в добровольческой деятельности не может быть объяснено только индивидуальными мотивами или только внешними условиями. Так для микроуровня наиболее эффективным подходом к исследованию добровольчества станет функционально-мотивационный, чей исследовательский вопрос связан с входом в добровольчество, сегментацией добровольцев, согласованием ожиданий и выбором коммуникации и ролей. На мезоуровне организационно-управленческий подход способен объяснить различия между организациями по удержанию и качеству участия, а также выявить «слабые места» инфраструктуры сопровождения добровольческой активности. Он переводит добровольчество в плоскость управляемых факторов: набор, обучение, признание, формализация ролей и сбор данных.

Институциональный подход является наиболее продуктивным для макроуровня, когда исследовательский вопрос связан с институционализацией добровольчества, ролью государства и регулированием, легитимностью, стандартизацией и трансформацией организации [9]. Он позволяет объяснить, почему практики организаций становятся похожими, как формируется «нормальная» модель добровольчества и где возникает риск смещения деятельности в сторону отчетности и формализации [17].

В зарубежной литературе чаще используется логика «снизу-верх», где объяснение строится от микроуровня – мотивации и субъективного опыта участия – к качеству вовлеченности, удержания или выхода из волонтерства [17]. В отечественной традиции более выражена логика «сверху вниз», где внимание сосредоточено на институционализации добровольчества, его включенности в структуру гражданского общества, механизмах государственной поддержки, нормативном оформлении и типологиях форм участия. Сопоставление этих подходов позволяет фиксировать добровольчество как многоуровневый феномен.

Анализ литературы выявляет несколько устойчивых исследовательских разрывов, которые ограничивают накопление сопоставимых результатов. Одним из ключевых дефицитов остается недостаток лонгитудных исследований, позволяющих описывать траектории участия, механизмы удержания и процессы выгорания волонтерского актива. Чаще фиксируется сам факт входа в добровольчество, но реже – динамика участия во времени. Второй проблемный вопрос связан с ограниченной сопоставимостью данных из-за смещения формального и неформального добровольчества, а также из-за использования метрик участия, не отражающих интенсивность, регулярность. Наконец, существенным вызовом выступает риск институционального смещения – давление отчетности, требований легитимности и стандартизации может изменять природу добровольчества, усиливая формализацию и снижая автономию участия. Эти разрывы задают направления дальнейших исследований и подчеркивают необходимость совмещения микроуровневых объяснений вовлеченности с мезо и макроуровневыми механизмами организации и институционализации добровольчества.

Литература

1. Manual on the measurement of volunteer work // International Labour Office. – Geneva: ILO, 2011. – 120 p.
2. Wilson J., Musick M. Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work // American Sociological Review. – 1997. – Vol. 62. – pp. 694–713.

3. Беляева Л. А., Зеленев И.А., Прохода В.А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. № 21 (4). С. 825–838.
4. Бычик Т.А. Волонтерское движение: принципы социологического анализа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-printsipy-sotsiologicheskogo-analiza>
5. Гужавина Т.А. Волонтерство через призму концепции социального капитала // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-cherez-prizmu-kontseptsii-sotsialnogo-kapitala>
6. Зборовский Г.Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 8–23.
7. Краснопольская И.И., Гусева П.Д., Мейс Лукас, Кнаан Рам. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг. 2022. № 2 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-udovletvorennosti-epizodicheskikh-volontеров>
8. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: масштабы, потенциал и факторы развития // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskiy-trud-masshtaby-potentsial-i-factory-razvitiya>
9. Кузьминчук А.А. Управление социальной общностью волонтеров: социологический подход // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2055. № 1 (34). С. 137–146 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sotsialnoy-obschnostyu-volontyrov-sotsiologicheskij-podhod>
10. Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Представления о волонтерской деятельности у современной молодежи // Национальный психологический журнал № 4 (40) 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-volonterskoy-deyatelnosti-u-sovremennoy-molodezhi>
11. Невский А.В. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. № 1. С. 32–48.
12. Неделько П.С. Волонтерское движение как элемент системы социального управления // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. С. 68–75 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorskoe-dvizhenie-kak-element-sistemy-sotsialnogo-upravleniya>
13. Нежина Т.Г., Петухова К.А., Чечеткина Н.И., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71.
14. П. Дж. Димаджо, У.В. Пауэлл. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. Т. 11. № 1. 2010. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0hipih2xzt/direct/70835583>
15. Певная М.В. Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы // Известия УрФУ. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1. С. 145–151.
16. Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 69–7
17. Певная Мария Владимировна Волонтерство как предмет теоретико-социологического изучения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorstvo-kak-predmet-teoretiko-sotsiologicheskogo-izucheniya>
18. Проказина Н. В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 47–56.
19. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33, ст. 3340.
20. Холина О.И. Институционализация волонтерства в структуру российского гражданского общества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04 // Краснодар, 2012. – 30 с.

MAIN THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF VOLUNTEER ACTIVITIES

Yashkin V.S.

Far Eastern Federal University

The article establishes that in the Western academic tradition, volunteerism is often viewed through the prism of altruism, social solidarity, social capital, and social exchange theory. In Russian scholarship, attention is focused on the institutionalization of volunteerism, its role in societal self-organization, and interactions with the state. As a methodological foundation, a multilevel model is proposed, integrating micro-, meso-, and macro-levels through a set of value, exchange, network, and institutional mechanisms. This model allows us to trace the mechanisms of transition from individual participation to the institutionalization of volunteerism. The institutional approach is fundamental to understanding volunteerism as a sustainable system of citizen self-organization and partnership with the state.

Keywords: volunteerism, altruism, social capital, institutionalization, organization, motivation.

References

1. Cnaan R. A., Handy F., Wadsworth M. Defining Who is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations // Nonprofit and

- Voluntary Sector Quarterly. – 1996. – Vol. 25. – I. 3. – pp. 364–383.
2. Manual on the measurement of volunteer work // International Labour Office. – Geneva: ILO, 2011. – 120 p.
 3. Wilson J., Musick M. Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work // American Sociological Review. – 1997. – Vol. 62. – pp. 694–713.
 4. Belyaeva L. A., Zelenov I.A., Prokhoda V.A. Volunteerism in Russia: the history of development and modern attitudes of youth // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. № 21 (4). C. 825–838.
 5. Bychik T.A. The volunteer movement: principles of sociological analysis // News of TuSU Humanities. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-printsipy-sotsiologicheskogo-analiza>
 6. Guzhevina T. A. Volunteering through the prism of the concept of social capital // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-cherez-prizmu-kontseptsii-sotsialnogo-kapitala>
 7. Zborovsky G.E. The problem of volunteerism in the structure of sociological knowledge // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2017. No. 3. pp. 8–23.
 8. Krasnopolskaya I.I., Guseva P.D., Mace Lucas, Knaan Ram. Satisfaction factors of episodic volunteers // Monitoring. 2022. No. 2 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-udovletvorennosti-epizodicheskikh-volontirov>
 9. Kudrinskaya L.A. Volunteer labor: scale, potential and development factors // St. Petersburg sociology today. 2015. No. 6. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskiy-trud-masshtaby-potentsial-i-factory-razvitiya>
 10. Kuzminchuk A.A. Management of the social community of volunteers: a sociological approach // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2015. No. 1 (34). pp.137–146 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sotsialnoy-obschnostyu-volontirov-sotsiologicheskii-podhod>
 11. Molchanov S.V., Almazova O.V., Poskrebysheva N.N. Ideas about volunteerism among modern youth // National Psychological Journal No. 4 (40) 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-volonterskoy-deyatelnosti-u-sovremennoy-molodezhi>
 12. Nevsky A.V. The sociology of volunteerism: defining the boundaries of research // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. No. 1. pp. 32–48.
 13. Nedelko P.S. The volunteer movement as an element of the social management system // Theory and practice of social development. 2024. No.8. pp.68–75 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorskoe-dvizhenie-kak-element-sistemy-sotsialnogo-upravleniya>
 14. Nezhdina T.G., Petukhova K.A., Chechetkina N.I., Mindarova I.S. Motivation of youth participation in the volunteer movement // Issues of state and municipal management. 2014. No. 3. pp. 49–71.
 15. P. J. Dimaggio, W.W. Powell. A new look at the “iron cage”: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // Economic Sociology. Vol. 11. No. 1. 2010. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0hipih2xzt/direct/70835583>
 16. Pevnaya M.V. Russian volunteers of the third sector: characteristics of community and managerial perspectives // Izvestiya UrF U. Ser. 1: Problems of education, science and culture. 2015. No. 1. pp. 145–151.
 17. Pevnaya M.V. Management of Russian volunteerism: the essence and contradictions // Sociological research. 2017. No. 1. pp. 69–7
 18. Pevnaya M.V. Volunteering as a subject of theoretical and sociological study // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2013. № 2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorstvo-kak-predmet-teoretiko-sotsiologicheskogo-izucheniya>
 19. Prokazina N. V., Bobyleva N. Yu., Khatnyuk N.N. Realization of volunteer potential in Russia // Scientific result. Sociology and management. – 2019. – Vol. 5. – No. 2. – pp. 47–56.
 20. Federal Law No. 135-FZ dated 08/11/1995 “On Charitable Activities and charitable organizations” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33, art. 3340.

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Возрождение традиции домовых храмов в российских образовательных учреждениях

Степаненко Наталья Андреевна,

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Stepanenko.n@bk.ru

В статье рассматривается вопрос эволюции феномена домовых храмов в диахроническом ключе: генезис данного феномена во I–III веках н.э., появления его на Руси вместе с христианством, бытование в период царской России, существование его в советский период и возрождение традиции домового храма в современности. Исторический подход и компаративистский метод позволили предпринять попытку реконструкции этапов существования домовых храмов. Дореволюционный период, как время расцвета данного явления, советский, характеризующийся гонениями, запретами и почти полной ликвидацией данного явления не только как религиозного института, но и как феномена культурного наследия, и, наконец, современность, в рамках которой наблюдается тенденция возрождения православной традиции, равно как и восстановления моделей интегративного религиозно-светского образования. Особое внимание уделено опыту успешной реализации интеграции домового храма в конкретное частное общеобразовательное учреждение, что позволяет сделать вывод не только о существующем в обществе запросе на возрождение православной традиции, но и наличие потребности воспитывать в ее русле новое поколение детей.

Ключевые слова: домовые храмы, учебные заведения, религия и образование, религиозное воспитание, секуляризация, Русская Православная Церковь, диахронический анализ.

Введение

Феномен домовых храмов при учебных заведениях – уникальное культурное явление, в рамках которого пересекаются образовательная и религиозная сферы. В дореволюционной России подобные храмы выполняли важнейшую роль формирования мировоззрения учащихся в единстве духовного и светского образования. В период постреволюционной России произошел трагический для культурного наследия страны фактический разрыв традиционных для общества ценностей, и религиозное воспитание оказалось под запретом советской власти, будучи объявленным вредным для формирования личности советского человека. Лишь начиная с рубежа веков, постепенно происходит осознание необходимости сохранения как религиозной, так и светской культурной традиции России, равно как и важности обеих в становлении новых поколений.

Целью данной статьи является рассмотрение исторической ретроспективы развития феномена домовых храмов при учебных заведениях России, выявление ключевых особенностей каждого этапа, а также анализ современной инициативы по возрождению данной традиции на примере одной из частных школ Санкт-Петербурга – частной Православной средней школы семьи Шостаковичей.

Особенно важным представляется анализ современного опыта по возрождению православной традиции в рамках общеобразовательного учреждения в связи с Указом Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» [7] и Указом Президента РФ № 314 от 8 мая 2024 года «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [6].

Дореволюционный период бытования домовых храмов освещен на базе дневников и мемуаров некоторых православных священнослужителей [8], а также распоряжений Св. Синода [9]. Советский период существования данного феномена освещен на базе собрания сочинений В.И. Ленина [10], а также постановлений ВЦИК и СНК РСФСР [12], Постановления Совнаркома СССР 1944 года о создании Совета по делам религиозных культов [14] и Конституции СССР 1939 года (статья 124) [13]. Период с 1990 года по настоящий момент в данной статье анализируется на базе полевых наблю-

дений действующего домового храма при частной школе семьи Шостаковичей [16], относящегося к домовому храму во имя святой великомученицы Анастасии Узорешительницы на Васильевском острове [15], действующей Конституции РФ (статья 28) [17], а также Указов Президента № 809 [7] от 9 ноября 2022 и № 314 [6] от 8 мая 2024.

Методы

Исторический подход позволил проследить развитие феномена домовых храмов от дореволюционной России, через советский период, к современности. Компаративистский метод дал возможность проанализировать особенности развития данного явления на каждом историческом этапе. Методом включенного наблюдения прослежен изнутри пример успешной реализации интеграции домового храма в частное общеобразовательное учебное заведение и особенности современного воспитания молодежи в ключевых сочетаниях православных ценностей и государственной программы среднего образования.

Результаты и обсуждение

Генезис феномена. Первоначально феномен домового храма (лат. *domus ecclesiae* – «дом собрания») появляется в I–III вв., в период, когда христианство постепенно распространялось на территории Римской империи, было повсеместно гонимо и нуждалось в тайном отправлении культа. Ареалом зарождения данного феномена является территория современного Израиля, Сирии, Италии, в Средиземноморье. Первые христиане не только нуждались в месте совершения тайной Евхаристии, но и на первых этапах во многом стояли на позиции отсутствия необходимости наличия отдельного молебельного святого дома, так как опирались на слова Апостола Павла, который, обращаясь к Афинянам, как сказано в «Новом Завете» в книге «Деяния», проповедовал: «Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду. <...> Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» [1, стр. 1396]. Так, домовые церкви первоначально появились в частных домах обеспеченных людей, как место встречи верующих христиан. Примером подобных явлений может служить церковь Дура-Европос, находящаяся в Сирии, датируемая ориентировочно III веком. Российский археолог М.И. Ростовцев по итогам раскопок в городе Дура, писал коллеге по раскопкам бельгийскому историку-востоковеду Францу Валери Мари Кюмону, что «сейчас можно с достаточной долей уверенности утверждать, что дом христианской общины в Дура-Европос – древнейшее из известных в настоящее время зданий, специально предназна-

ченных для христианского культа. Граффити на стенах дали дату превращения жилого дома в место собраний и культа местной христианской общины – примерно 232 г.н.э.» [2, стр. 431].

После принятия христианства при Константине Великом, ознаменованного Миланским эдиктом (313 г.), и формулировке первых догматов на Первом Вселенском Соборе 325 года, разрозненные домовые храмы становятся нежелательным явлением именно по причине необходимости выработки единообразной экзегетики. С этого времени домовый храм остается явлением элитарным, но полностью перешедшим под контроль той или иной епархии. Стремление государства контролировать число домовых церквей, принятое в них исповедание веры и обряды проведения таинств приводит к тому, что для проведения служб в таких учреждениях требовалось специальное разрешение епископа. 31ое правило Трулльского Вселенского Собора 691 года гласило: «определяем, чтобы священнослужители, священнодействующие, или крещающие в молитвенных храмах, находящихся внутри домов, творили сие не иначе, как по изволению местного епископа. Того ради, аще который клирик не будет соблюдать сего таковым образом, да будет извержен» [3]. Таким образом, начиная с VII века домовый храм окончательно превращается из подпольного молебельного дома в частную альтернативу публичному исповеданию веры, однако, с этого времени данный феномен строго подконтролен епископии: в нем запрещено проводить некоторые таинства, например, крещение. С этого времени домовые храмы из отведенных для этого комнат в домах, превращаются в специально построенные сооружения исключительно церковного назначения.

Домовый храм в Древней Руси. Традиция устройства домовых храмов пришла в Россию вместе с христианством и вплоть до реформ Петра I регулировалась не в полной мере. Такие молебельные дома, всегда оставаясь явлением элитарным, существовали в России при княжеских теремах и усадьбах. Наиболее ярким примером такого феномена является Верхоспаский собор в Московском Кремле. В состав собора входили отдельные храмы для мужской и женской половины царской семьи. Так, для цариц была возведена церковь Святой Екатерины. Научный сотрудник музеев Московского Кремля И.А. Масленникова в статье «Домовый храм великомученицы Екатерины в пространстве Кремлевского дворца: история и современность» пишет: «рождение детей было важнейшей миссией государыни, и все события, связанные с их вынашиванием, рождением, крестинами и т.д., были отмечены многочисленными традициями и обрядами. В период беременности, когда царица читалась особенно уязвимой для «дурного глаза», она практически не покидала личные покои <...> Молилась и причащалась ца-

рица в своих домовых храмах, чаще всего в храме святой Екатерины, там же служились водосвятные молебны о благополучном разрешении от бремени, <...> Специально для молебнов в екатерининской церкви из разных храмов приносились («поднимались наверх») чудотворные иконы [4, стр. 25].

Домовой храм в дореволюционный период в Российской Империи. Во время правления Петра I, в связи с церковной реформой и борьбой со старообрядцами, домовые храмы в начале XVI–II века подпадают под полный запрет. Однако, чуть позже, с началом синодального периода начинается некоторая оттепель, и принимается послабление в виде возможности в исключительных случаях (крайней элитарности персоны, либо старческой немощи) устраивать домовые храмы, первоначально, как правило, в виде переносных антиминсов.

Подлинный расцвет феномена домового храма приходится на XIX – начало XX века, когда домовые храмы становятся не только частью элитарных домовладений, но в полной мере являются важной составляющей общественной жизни, получая свое распространение в общеобразовательных, лечебных, государственных и военных учреждениях.

XIX век в Российской Империи стал апогеем развития идеи триады С.С. Уварова «Самодержавие, Православие, Народность» [5], в связи с чем идея воспитания молодого поколения в единстве светского и духовного образования оказалась единственно верной. Так, согласно статье 298 «Свода губернских учреждений (по изд. 1910 г. А.М. Нюрнберга)» «Генерал-Губернатор наблюдает: 1) чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности и в чувствах преданности к Престолу и Отечеству, что одно только служит прочным основанием всякого благоустроенного общества и залогом его благосостояния» [18]. По вышеуказанным причинам для устройства Православных храмов и церквей государство распорядилось использовать лучшие земельные наделы и самые подходящие локации, с целью большей популяризации и укрепления Православной веры у населения. Государство видело своей задачей укрепление культурной идентичности через синтез образования и воспитания в духовной православной традиции. Основание домового храма при учебных заведениях было в том числе призвано реализовывать эту задачу. Согласно историко-церковной энциклопедии «Святые Санкт-Петербурга» историков и краеведов В.В. Антонова и А.В. Кобака к началу 1917 года в Петрограде было около 250 домовых храмов [20], многие из которых были именно при образовательных учреждениях. Участие в богослужениях, исповедь и причастие рассматривались как неотъемлемые компоненты формирования нравственной личности. Храм становился центром духовной жизни учебного заведения, местом, где рождалось чувство человеческого единства.

Постреволюционный, советский период домовых храмов. Большевики, пришедшие к власти в результате октябрьской революции 1917 года, были не просто яростными борцами с религией, но, по их собственному утверждению «воинствующими атеистами» и считали религию пережитком прошлого и прошлых отсталых управленческих моделей. Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 года было провозглашено полное отделение церкви от государства и школы.

Важным документом, который конкретизировал применение декрета в отношении учебных заведений, стало «Разъяснение 8 отдела НКО РСФСР по вопросам ликвидации домовых церквей при государственных учебных учреждениях» от 30 августа 1919 года. Этот документ предписывал закрытие всех домовых храмов, находившихся в зданиях, занимаемых учебными заведениями, и передачу помещений для нужд образования. Ликвидация проводилась по единой схеме: храмы освобождались от церковной утвари, иконостасы демонтировались, помещения переоборудовались под учебные классы, актовые залы, библиотеки и клубы. В Петрограде на протяжении 1920–1930 х годов прекратили существование практически все домовые церкви, расположенные в зданиях иного функционального назначения. В результате массовых убийств большевиками священнослужителей и разграбления православных святынь Патриарх Тихон 19.02.1918 провозгласил анафему богоборцам.

В 1929 году вышло «постановление о церковных объединениях» ВЦИК и СНК РСФСР, которое окончательно запретило деятельность религиозных учреждений и отправление культа, вплоть до запрета на благотворительность и на паломничество. В том же, 1929 году вносятся изменения в Конституцию РСФСР, в соответствии с которыми было уничтожено право на православную пропаганду. Пропаганда с этого момента может быть только атеистического характера.

Домовые храмы и современность. С приходом М.С. Горбачева, начинается оттепель в отношении духовности в СССР. Еще до распада СССР и без законодательных реформ, на фоне фактических послаблений в отношении Православия начинается резкий рост христианских приходов. Так, если в 1985 году в СССР насчитывалось всего 65 религиозных объединений, то к 1989 году их уже было 3414 (по статистическим данным курса материалов лекций ВШЭ «История религий России» на платформе www.openedu.ru). Такая статистика показывает, что даже на фоне антирелигиозной политики и запретительного законодательства в отношении Православия, Православная духовность не только сохраняет свою актуальность, но и имеет живой народный отклик и отвечает запросам современного общества.

Позитивный пример, во-первых, наличия духовного запроса у широких масс современного

российского общества, а во-вторых, наличия желания возрождения традиционной православной ценности домовых храмов показывает реализация домового храма при частной общеобразовательной школе им семьи Шостаковичей.

Идея создания православной частной школы первоначально пришла в головы потомков великого музыканта Дмитрия Дмитриевича Шостаковича – его сына Максима Дмитриевича Шостаковича и его супруги – Марины Михайловны. Максим Дмитриевич с супругой в 1998 году решили создать учебное заведение, которое сочетало бы в себе одновременно духовное воспитание в Православии со светским образованием и музыкальным развитием детей. Первоначально школа находилась на Кадетской линии Васильевского острова в историческом здании церкви святой великомученицы Екатерины, где школьную службу вел Отец Андрей Дьяконов. Констатируя востребованность и растущий интерес к такому комплексному подходу воспитания детей, в 2012 году, стала очевидной необходимость расширения площадей и переезд школы в новое здание. Для этих целей было приобретено здание бывшей пуговичной фабрики братьев Бух. Сегодня небольшая частная школа на Кадетской линии, начавшаяся с нескольких десятков детей, насчитывает 250 учащихся и полный цикл среднего общего образования с 1 по 11 класс и находится в собственном здании в Волжском переулке Васильевского острова города Санкт-Петербурга.

Здание бывшей пуговичной фабрики «Братьев Бух», принадлежавшей петербургскому купцу и промышленнику Фридриху Александровичу Гутхейлю, является памятником архитектуры регионального значения, реконструкция которого под школу в двухтысячных годах была полностью согласована с КГИОП города. Автором архитектурного дизайна здания первоначально являлся Василий Васильевич Шаб – известный зодчий эпохи модерна, построивший здание пуговичной фабрики в 1890-х годах, в стиле эклектики или историзма с использованием «кирпичного стиля». Внутри сохранены широкие двухмаршевые лестницы с коваными ограждениями, метлахская плитка на полах и элементы лепнины на потолках. В советский период здание использовалось под профтехучилище, что отчасти позволило сохранить его архитектурную целостность. Сегодня экстерьеры и интерьеры бережно восстановлены текущими владельцами и представляют собой прекрасный пример частной инициативы по сохранению не только культурного наследия Санкт-Петербурга, но и традиции совмещения духовного воспитания молодого поколения со светским.

Домовый храм частной школы сегодня приписан к домовою Церкви великомученицы Анастасии Узорешительницы и святых благородных князей Федора, Давида и Константина Ярославских в Санкт-Петербурге, на наб. Лейтенанта Шмид-

та, дом 39. Церковь Анастасии Узорешительницы – это уникальное здание, постройки 1720-х годов, которое было построено по типовому проекту французского архитектора Жан-Батиста Александра Леблон, чьи работы впоследствии часто приписывались Доменико Трезини и называлось «образцовый дом для именитых», так как располагалось на первой линии набережной Невы [15]. Первоначально использование данного сооружения предполагало размещение Ростовского подворья (позже в XIX веке Ярославского), так как по приказу Петра I все епархии были обязаны организовать свои представительства в новой столице. Уникальность данного здания состоит в том, что на первой линии Невы по указу императора строились каменные сооружения, в отличие от деревянных домов прочих линий, что позволило во многом сохранить архитектурный облик строения в первоначальном виде, несмотря на несколько реконструкций в последствии. Домовая церковь была сооружена внутри подворья для удобства службы и первоначально не была посвящена Анастасии Узорешительнице, такое посвящение она получила лишь в 1990-ые годы. Убранство церкви было воссоздано по архивным документам, согласно которым последнее восстановление икон в иконостасе проводилось в 1839 году академиком живописи Дмитрием Анатольевичем Антонелли, а архитектурный облик отреставрирован в 1855 году по проекту Николая Александровича Сычева. В советский период в здании Ярославского Подворья находились производственные мастерские Научно-исследовательского института имени Воейкова, а именно бюро по проверке ртутных приборов, что привело в девяностые годы XX века к сильному загрязнению ртутью. Сегодня храм передан в ведение Русской Православной Церкви под руководство братства в лице настоятеля протоиерея Александра Степанова и работает не только как приход, но и центр помощи социальной адаптации наркозависимых и помощи заключенным.

Именно в связи с тем, что в момент возрождения храма основной целью Православного братства была помощь заключенным, было принято решение освятить храм в честь Анастасии Узорешительницы, которая сама при жизни тайно посещала узников, всячески им помогая, отказалась от богатого наследства и вела крайне целомудренный образ жизни. Ее икона занимает центральное место в иконостасе храма, тогда как в антиминсе хранятся мощи другого святого – священномученика Афанасия (Сахарова), который претерпел серьезные гонения в советский период и провел в тюремном заключении 33 года. Также, в храме хранится икона с мощами Алексия Южинского – священника, прошедшего через тяжелые гонения в революционный период в России, и который был вынужден в итоге уехать в эмиграцию и лишь за границей получил широкое признание.

Интересным фактом, связанным с именем Алексия Южинского (Медведков) является то, что при эксгумации его тела в 1956 году, его тело, пролежав в земле 22 года, оказалось нетленным. Согласно официальным данным Смоленской митрополии «Святой Алексий Медведков отошел ко Господу 22 августа 1934 года вследствие тяжелого онкологического заболевания. Однако мощи его были обретены нетленными и 13 октября 2004 года были перенесены в Покровский женский монастырь в Бюси ан От во Франции» [21]. В 2017 году часть мощей святого была передана в Гатчинскую епархию Ленинградской области, откуда частично отошли в храм Анастасии Узорешительницы в Санкт-Петербурге и сейчас размещены в киоте храма. Другой храмовой святыней церкви св. вмц. Анастасии Узорешительницы является Крест Белой Армии, переданный в дар храму протопресвитером Борисом Бобринским, бывшим деканом Свято-Сергиевского института в Париже. Этот Крест сделан руками офицеров и солдат одного из отрядов Белой Армии.

Именно к церкви Анастасии Узорешительницы относится домовый храм, освященный в честь Ксении Блаженной, находящийся сегодня в частной школе семьи Шостаковичей. Церковная композиция данного храма произвольная, автором иконостаса выступил Григорий Анатольевич Ткачук – доцент кафедры средового дизайна СГХПА им. А.Л. Штиглица, член союза художников. Иконописцем стала Татьяна Нориковна Колибаба – член союза художников России. Центральной иконой на аналое иконостаса храма является икона Ксении Блаженной. Иконостас является двухъярусным с венчающим рядом и выполнен в традиционном православном византийско-русском стиле. Крайние иконы на дьяконских дверях: изображение Святого Архангела Гавриила, который держит в руках жезл и прозрачную сферу – зеркало и Святого Архангела Михаила. По краям от царских врат расположены икона Богоматери с Младенцем на руках и икона Иисуса Христа, на которой у Спасителя правая рука изображена в виде жеста Именисловного благословения или в виде древнейшей формы двуперстного крестного знамения и благословения, который сложился в первые века существования христианства. Такой жест Спасителя, будучи наиболее древним, олицетворяет собой не только Боговоплощение, но и веру в Троицу одновременно, становясь целым исповеданием веры. В иконостасе установлены двухстворчатые золотые Царские врата, расположенные напротив Престола в алтарной части храма. Над вратами домового иконостаса расположена икона «Причащение апостолов», на которой Иисус слева преподает ученикам Кровь в виде вина, а справа Тело в виде хлеба, что олицетворяет таинство причастия как основу общения с Богом и обретения жизни вечной в Царствии Божьем.

Алтарь школьного иконостаса представляет собой небольшое помещение, где расположены школьная библия, семисвечник, олицетворяющий собой свет даров Святого Духа, изливаемых на верующих в семи таинствах Церкви, потир, дискос, лжица, звездица, и антиминс с мощами. На антиминсе можно видеть текст освящения, выполненный церковнославянским шрифтом, который гласит: Антиминс предназначен для храма Святой Ксении Блаженной на Васильевском острове по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, освещение совершил митрополит Санкт-Петербурга Владимир. Центральная картина антиминса – положение Христа во гроб. По краям традиционно изображены четыре Евангелиста. Также, мы находим крест как символ распятия, вокруг Христа Мария Магдалина, жены мироносицы, Богородица, праведный Иосиф Аримафейский и Никодим. Боковые вставки представляют орудия страстей: столб бичевания с веревками и терновым венцом, а также крест, трость с губкой и копье.

Службу в храме при школе осуществляет клирик церкви Анастасии Узорешительницы протоиерей Александр Николаевич Панкратов (на момент мая 2026 года), который в обязательном порядке единожды в месяц проводит литургию для всех учащихся школы и ежедневную утреннюю молитву перед началом каждого учебного дня. Учащиеся приходят за двадцать минут до начала уроков к иконостасу, слушают отрывок из Евангелия, совершают совместную молитву и приступают к учебе. В школе столовая называется трапезная, где перед обедом все учащиеся также совершают коллективную молитву. К традициям школы также относятся различные паломнические путешествия, например, седьмые классы в 2026 году осуществили поездку в Великий Новгород к древнерусским святыням: посетили Софийский собор, прикоснулись к иконе Божией Матери, увидели Магдебургские врата. Также, в начальной школе обязательным являются уроки христианской этики раз в неделю, тогда как старшая школа слушает курс христианской этики раз в две недели.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что религиозное воспитание составляло важную часть в становлении личности в России в дореволюционный период, было искусственно нивелировано в советский период и получило возможность возрождения традиций с начала девяностых годов текущего столетия. На основании изложенного можно заключить, что в российском обществе на каждом историческом этапе существовал запрос общества на духовность, который в советский период получил яркое проявление в тяжелые военные годы Второй Мировой Войны, когда И.В. Сталин при-

знал серьезную духоподъемную силу Православия для бойцов советской армии и поручил в течение четырех дней избрать Патриарха для отправления службы. Сегодня, на примере ежегодно растущего числа желающих поступить в частную общеобразовательную школу имени семьи Шостаковичей, мы видим, как в обществе растет осознание важности традиционных для российского общества ценностей и Православия, в частности. Нельзя отрицать важнейшую роль в становлении личности причастности ее с юного возраста к пониманию высокой морали христианства, что позволяет молодому поколению формироваться в полноте светского и духовного образования, вырастая к концу учебного процесса в более зрелую осознанную личность.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (в синодальном переводе, издание рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви, научный редактор – кандидат искусствоведения, руководитель отделения Истории Церковного искусства МДА Н.В. Квливидзе) – Москва: Эксмо, 2024 г. – 1520 с.
2. Гаилов, В.А. Христианские памятники Дура-Европос: открытие и значение / В.А. Гаилов, Г.А. Кошеленко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2002. – № 12. – С. 415–435. – EDN KGBVON.
3. Правило 31 Шестого Вселенского Собора, Трулльского иначе Пято-Шестого Собора, <http://www.biblioteka-archives.ru/kanonicheskoe-pravo/vi-vsel-31/>, (дата обращения: 20.04.2026).
4. Масленникова, И.А. Домовый храм великомученицы Екатерины в пространстве Кремлевского дворца: история и современность / И.А. Масленникова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2017. – № 2. – С. 18–32. – EDN YQPTRX.
5. Уваров, С.С. Государственные основы / С.С. Уваров. – сост. предисл. и коммент. В.Б. Трофимова, отв. ред. О.А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2014. – 608 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»: сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534?ysclid=mn8q5f2x5m172055576> (дата обращения: 27.03.2026)
7. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=L-jN8K8S&ysclid=mn8qbt4ibi141751900> (дата обращения: 27.03.2026).
8. Дневники / архиеп. Герасим (Георгий Добросердов); [публ., предисл. к сер., вып., био-гр. очерк, коммент. С.В. Мельникова]; Иркутская обл. гос. универсальная науч. б-ка им. И.И. Молчанова-Сибирского, Иркутский гос. ун-т. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 272 с., [2] карт. (Мемуары сибирского православного духовенства XIX века; вып. 1).
9. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. СПб.: Синод. тип., 1885. Т. 1. – XX, 663, CLXXVIII с.
10. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин; Институт Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5ое изд. – М.: Политиздат, 1967 г.
11. Краткий статистический обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства, 2 сентября 1918 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 267–290 об. Подлинник. Машинопись. <https://docs.historyrus-sia.org/ru/nodes/111241#mode/inspect/page/9/zoom/4>
12. О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 8 апреля 1929 г. // СУ № 35, ст. 353. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371831#mode/inspect/page/1/zoom/4>
13. Конституция СССР 1939 года, статья 124 https://ia803100.us.archive.org/32/items/konstitucia-1936/konstitucia-1936_text.pdf
14. Постановление СНК СССР № 572 о создании Совета по делам религиозных культов от 19 мая 1944 года https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vlast-i-tserkov-v-vostochnoj-evrope-1944-1953/6
15. Официальный сайт прихода домового храма во имя святой великомученицы Анастасии Узорешительницы на Васильевском острове; <https://st-anastasia.ru/>, (дата обращения: 09.04.2026).
16. Официальный сайт частной Православной школы им. семьи Шостаковичей <https://school-shostakovich.ru/>; (дата обращения: 09.04.2026).
17. Конституция РФ 1993 года с поправками 2020 года <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
18. «Свода губернских учреждений (по изд. 1910 г. А.М. Нюренберга)» https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/5#note103, (дата обращения: 09.04.2026).
19. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христи-

анских и иноверных (по изд. 1857 г.) https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/5#note103, (дата обращения: 09.04.2026).

20. Антонов, В.В. Святые Санкт-Петербурга: историко-церковная энциклопедия / В.В. Антонов, А.В. Кобак. – Ведомственные и домовые храмы, том 2. – Санкт-Петербург: Издательство Чернышева, 1996. – 324 с.
21. Официальный сайт Смоленской митрополии <http://smoleparh.ru/publikacii/2015/08/pravoslavnyi-kalendar-svyatoy-pravednyi-aleksiy-medvedkov/>, (дата обращения: 11.04.2026).

REVIVAL OF THE TRADITION OF HOUSE CHURCHES IN RUSSIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Stepanenko N.A.

Saint Petersburg State University

The article discusses the evolution of the phenomenon of house churches in a diachronic key: the genesis of this phenomenon in the I–III centuries AD, its appearance in Russia along with Christianity, its existence in the period of tsarist Russia, its existence in the Soviet period and the revival of the tradition of the house church in modern times. By the method of historical analysis and the comparative method, an attempt is made to reconstruct the stages of the existence of house churches. The pre-revolutionary period as the heyday of this phenomenon, the Soviet period, characterized by persecutions, prohibitions and almost complete elimination of this phenomenon not only as a religious institution, but also as a phenomenon of cultural heritage, and, finally, the present, within the framework of which there are attempts to revive the Orthodox tradition, as well as to restore the models of integrative religious-secular education. Particular attention is paid to the experience of successful integration of a house church into a private educational institution, which allows us to conclude not only about the existing demand in society for the revival of the Orthodox tradition, but also the need to educate a new generation of children in its course.

Keywords: house churches, educational institutions, religion and education, religious upbringing, secularization, Russian Orthodox Church, diachronic analysis.

References

1. The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. (in the synodal translation, the edition recommended for publication by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, scientific editor – PhD in Art History, head of the Department of the History of Church Art of the Moscow Theological Academy N.V. Klvivdze) – Moscow: Eksmo, 2024. – 1520 p.
2. Gaibov, V.A. Christian Monuments of Dura-Europos: Discovery and Significance / V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko // Problems of History, Philology, Culture. – 2002. – № 12. – pp. 415–435. – EDN KGBVOH.
3. Canon 31 of the Sixth Ecumenical Council, the Council in Trullo, or the Fifth-Sixth Council, <http://www.biblioteka-archives.ru/kanonicheskoe-pravo/vi-vsel-31/>, (accessed on 20.04.2026).
4. Maslennikova, I.A. The House Church of the Great Martyr Catherine in the Kremlin Palace: History and Modernity / I.A. Maslennikova // Bulletin of Moscow University. Series 8: History. – 2017. – № 2. – Pp. 18–32. – EDN YQPTRX.
5. Uvarov, S.S. State Foundations / S.S. Uvarov. – compiled by preface and commentary V.B. Trofimova, ed. O.A. Platonov. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014. – 608 p.
6. Decree of the President of the Russian Federation of May 8, 2024 № 314 «On Approval of the Fundamentals of State Policy

of the Russian Federation in the Field of Historical Education»: website. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534?ysclid=mn8q5f2x5m172055576> (date of access: March 27, 2026)

7. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values»: website. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mn8qbt4ibi141751900> (date accessed: 27.03.2026).
8. Diaries / Archbishop Gerasim (Georgy Dobroserdov); [published, preface to series, issue, biographical essay, commentary by S.V. Melnikov]; Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky, Irkutsk State University. – Irkutsk: Ottisk, 2011. – 272 p., [2] maps. (Memoirs of the Siberian Orthodox clergy of the 19th century; issue 1).
9. Collection of Current and Guiding Church and Church-Civil Resolutions under the Authority of the Orthodox Confession / Comp. T. Barsov. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1885. Vol. 1. – XX, 663, CLXXVIII p.
10. Lenin, V.I. Complete Works: in 55 volumes / V.I. Lenin; Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. – 5th ed. – Moscow: Politizdat, 1967.
11. Brief Statistical Review of the Conditions of Religious and Educational Activities of the Russian Orthodox Church under the Changed Structure of Russia and after the Separation of Church from State, September 2, 1918 // Central Archives of the FSB RF. D. N-1780. Vol. 13. L. 267–290 rev. Original. Typescript. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111241#mode/inspect/page/9/zoom/4>
12. On religious associations. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 8, 1929 // SU № 35, art. 353. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371831#mode/inspect/page/1/zoom/4>
13. Constitution of the USSR of 1939, Article 124 https://ia803100.us.archive.org/32/items/konstitucia-1936/konstitucia-1936_text.pdf
14. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR № 572 on the creation of the Council for Religious Cults of May 19, 1944 https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/vlast-i-tserkov-v-vostochnoj-evrope-1944-1953/6
15. Official website of the parish of the house church in the name of the Holy Great Martyr Anastasia the Deliverer from Bonds on Vasilievsky Island; <https://st-anastasia.ru/> (accessed on April 9, 2026).
16. Official website of the Shostakovich Family Private Orthodox School <https://school-shostakovich.ru/> (accessed on April 9, 2026).
17. The 1993 Constitution of the Russian Federation with the 2020 amendments <http://www.constitution.ru/> (accessed on April 9, 2026).
18. «Code of provincial institutions (according to the 1910 edition of A.M. Nuremberg)» https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/5#note103, (date accessed: 04/09/2026).
19. Collection of Institutions and Statutes of the Administration of Spiritual Affairs of Foreign Christian and Non-Christian Confessions (according to the 1857 edition) https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/5#note103, (date of access: 09.04.2026).
20. Antonov, V.V. Shrines of St. Petersburg: Historical and Church Encyclopedia / V.V. Antonov, A.V. Kobak. – Departmental and House Churches, Volume 2. – St. Petersburg: Chernyshev Publishing House, 1996. – 324 p.
21. Official website of the Smolensk Metropolitanate <http://smoleparh.ru/publikacii/2015/08/pravoslavnyi-kalendar-svyatoy-pravednyi-aleksiy-medvedkov/>, (date of access: 11.04.2026).

Философские стратегии защиты субъективного начала в условиях
информационного дуализма**Варич Елизавета Андреевна,**студентка, Кубанский государственный технологический
университет
E-mail: lozliza01@gmail.com**Оплетаева Олеся Николаевна,**кандидат философских наук, зав. кафедрой, доцент кафедры
философии, Кубанский государственный технологический
университет
E-mail: opleole@gmail.com

В статье исследуется проблема защиты человека от информации, которая переосмысливается как философская задача сохранения субъективного начала – сознания, духа и личной реальности индивида. Основной тезис заключается в том, что угроза исходит не от самого информационного сигнала, а от характера его интерпретации, то есть от смысла, рождающегося в диалоге между сигналом и сознанием. Для анализа современного информационного дуализма – противостояния внутреннего мира личности и внешних смысловых потоков – привлекается методологический аппарат стоицизма, феноменологии, герменевтики и постмодернизма. В статье систематизируются стратегии защиты субъективности, предлагаемые этими направлениями: от этики внутреннего суждения (стоицизм) до производства собственных смыслов (постмодернизм). В качестве интегративной модели предлагается концепция «экологии сознания», синтезирующая данные подходы для формирования критической, автономной и творческой субъективности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: философия информации, информационный дуализм, субъективность, сознание, защита субъективного начала, стоицизм, феноменология, герменевтика, постмодернизм, экология сознания.

Эпоха цифровых технологий, характеризующаяся беспрецедентным объемом и скоростью циркуляции информации, поставила перед обществом острую проблему «информационной гигиены». Традиционно эта проблема решается в технической (фильтры, алгоритмы) или правовой (законы о персональных данных) плоскости. Однако такой подход оставляет в стороне фундаментальный аспект: информацию воспринимает и интерпретирует не машина, а человеческое сознание – целостная, смыслопорождающая и ценностно-ориентированная система. Следовательно, суть защиты заключается не в простом ограничении доступа к сигналу, а в защите самого процесса осмысления, внутреннего мира, в котором этот сигнал обретает (или теряет) значение.

На сегодняшний день человечество вступило в информационную эпоху развития, произошедшие изменения выявили этический коллапс в информационной сфере в рамках дефиниции морально-институциональных границ дозволенности информационной неприкосновенности человека и его личной жизни в условиях развития глобальной информационной цивилизации.

Одним из первых подходов к определению понятия «информация» был количественно-информационный подход, который предложил американский ученый А.А. Стрельцов представляет информацию как: «информация определяется как мера неопределенности (энтропия) события» [19, с. 77].

На данный момент существует множество концепций информации: квантовых чисел, атрибутивная, функциональная, панинформистская, теория субъективного сознания и т.д. Все попытки детерминизма информации можно условно разделить на два подхода:

1. Так называемая узкая трактовка информации, информация – это совокупность значимых сообщений, с помощью которых живые и технические системы ориентируются в среде и программируют ответные реакции, отражающиеся в рамках интенциональной системы. Такая трактовка актуальна лишь при наличии систем, способных эту информацию считывать.

2. Расширительная трактовка рассматривает феномен информации как универсальное свойство Вселенной: «... везде, где идет обмен энергиями, мы сталкиваемся с информационными взаимодействиями. Информация – свойство объекта

отражать в своих свойствах и состояниях свойств другого объекта, взаимодействующего с ним» [18, с. 130].

Учеными, философами, общественными деятелями было предложено множество гетерогенных концепций, в которых тем или иным образом планируются пути преодоления данного этического коллапса. Вместе с тем в сфере органичного сосуществования в информационном социуме сформировались вопросы, требующие немедленного решения как с точки зрения утилитарного воззрения, так и в абстрактно-мысленном плане.

На этапе стремительного развития информационного социума существенный характер приобретают проблемы обеспечения информационной неприкосновенности границ личной, семейной, частной жизни как некоего неотъемлемого элемента свободы каждого человека [6, с. 36]. С учетом сложившихся тенденций в переломные моменты истории сильно возрастает интерес к этическим человеческим ценностям, так как при лавинообразно растущем объеме информации в современной цивилизации происходит сужение рамок личных свобод и прав человека, что отрицательно сказывается на моральности общества и нравственности каждого сингулярного человека.

Эпоха цифровых технологий, характеризующаяся беспрецедентным объемом и скоростью циркуляции информации, поставила перед обществом острую проблему «информационной безопасности». Однако трактовки этого понятия демонстрируют фундаментальный дуализм в понимании самого объекта защиты. С одной стороны, исследователи, подобно Л.В. Астаховой, акцентируют личностно-психологический уровень, определяя безопасность как «состояние защищенности субъекта, выражающееся в безопасности информации субъекта и его информационно-психологической безопасности» [3, с. 84], достигаемое через рефлексивный контроль над собственным существованием в информационных процессах. С другой стороны, как в определении Э.М. Брандмана, фокус смещается на административно-государственный уровень, где безопасность предстает как «способность государства защитить... сознание и психику граждан от негативного информационного воздействия» [5, с. 121] в интересах общественной стабильности и суверенитета.

Этот концептуальный дуализм – защита внутреннего мира индивида vs. защита социума через контроль над информацией – раскрывает более глубокую, философскую суть проблемы. Технические и правовые решения, актуальные для государственного уровня, не снимают вопроса о защите самого субъективного начала: автономного сознания, духа и личной реальности, которые являются конечной мишенью любого «негативного информационного воздействия». Как отмечал М. Хайдеггер, «технологическое раскрытие мира

несет в себе риск превращения человека в «постав», лишенный подлинности бытия» [2, с. 30]. Таким образом, вслед за Л.В. Астаховой, но выходя на философско-антропологический уровень, мы утверждаем, что проблема защиты человека от информации трансформируется в проблему защиты его смыслопорождающей субъективности от редукции и манипуляции. Вопрос заключается не столько в ограничении доступа к сигналу (технический аспект) или в охране государственных интересов (политический аспект), сколько в том, «какой смысл рождается в диалоге между этим сигналом и его интерпретатором».

Античная стоическая философия предлагает мощный концептуальный каркас для защиты субъективного начала, основанный на строгом различении между внешними событиями (не зависящими от нас) и нашим отношением к ним (полностью находящимся в нашей власти). Эпиктет в своих «Беседах» утверждал: «смущают людей не вещи, а мнения об этих вещах» [21, с. 96]. Информационный сигнал в данном контексте есть нечто внешнее (данное), «факт». Но его интерпретация, то значение, которое он обретает для индивида – это акт внутреннего суждения, подвластный сознанию.

М. Аврелий, размышляя о сохранении внутреннего «Я», писал: «Не стремись к тому, чтобы все происходило, как ты хочешь, но желай, чтобы все происходило, как происходит, и твоя жизнь будет счастливой». Применительно к информационному полю это означает не пассивное поглощение всех потоков данных, а активную этическую позицию избирательного согласия. Защита заключается в дисциплине восприятия, в способности подвергать входящую информацию критике внутреннего «цензора», отделяя истинное от ложного, значимое от тривиального, добродетельное от порочного. Стоический мудрец выстраивает непроницаемую «внутреннюю цитадель» [1, с. 203] сознания, куда не могут без его позволения вторгнуться чужие смыслы и аффекты.

Соответственно, стоицизм задает этические координаты внутренней защиты, однако остается открытым вопрос о самом механизме восприятия и конституирования внешнего сигнала сознанием, что требует обращения к более тонкому инструментарию феноменологии.

Феноменология Э. Гуссерля смещает фокус с внешнего объекта на сам акт сознания. Сознание, по Э. Гуссерлю «всегда интенционально, то есть направлено на что-либо, и в этом акте конституирует свой предмет» [8, с. 160]. Информация, таким образом, не существует сама по себе; она становится таковой только в акте интенционального переживания субъектом.

Защита человека, с феноменологической точки зрения, – это защита чистоты и автономии интенциональных актов его сознания от «естествен-

ной установки», которая принимает навязываемые извне смыслы как данность. Угроза заключается в колонизации «жизненного мира» индивида – мира его непосредственного, дотеоретического опыта – системными, технизированными смыслами медиасреды. Э. Гуссерль говорил о кризисе европейских наук как о «кризисе современного человека, который можно увидеть в подмене его личного, телесно-воплощенного опыта симулякрами, конструируемыми информационными системами» [8, с. 267]. Защита, следовательно, требует феноменологической редукции – «вынесения за скобки» автоматических толкований и возвращения к «самим вещам», то есть к непосредственному опыту восприятия и осмысления.

Если феноменология описывает, как сознание непосредственно схватывает явления, то герменевтика ставит вопрос о том, как эти явления обретают исторически и культурно обусловленный смысл в процессе интерпретации [14, с. 152].

Герменевтическая традиция, от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея к Х.-Г. Гадамеру, рассматривает понимание как «фундаментальный способ бытия человека в мире» [20, с. 29]. Х.-Г. Гадамер в «Истине и методе» подчеркивает, что «понимание всегда является диалогом между традицией (преданным смыслом) и интерпретатором, и этот диалог структурирован «предрассудками» – пред-пониманием, которое не является ложным, а составляет условие возможности любого понимания» [7, с. 547].

В контексте информационного общества «традицией» становится гигантский корпус культурных текстов, медиаконтента и идеологий. Защита человека заключается не в устранении предрассудков (что невозможно), а в их рефлексивном осознании и критической проверке в «герменевтическом круге». Угроза возникает тогда, когда диалог подменяется монологом, когда алгоритмические платформы, действуя как «плохие собеседники», усиливают определенные предрассудки, создавая «фильтрующие пузыри» и блокируя возможность столкновения с иным, чужим смыслом, которое, по Х.-Г. Гадамеру, является источником расширения горизонта понимания. Защита субъективного духа, таким образом, требует культивирования герменевтической чувствительности – способности вступать в подлинный диалог с информационным «текстом», ставить под вопрос его претензию на истинность и соотносить его с собственным жизненным опытом [13, с. 84].

Однако в условиях, когда сам процесс интерпретации захвачен мощными семиотическими системами, производящими симулякры, герменевтический диалог рискует превратиться в иллюзию, что вынуждает нас обратиться к радикальной критике постмодернизма.

Философия постмодернизма предоставляет наиболее радикальную диагностику информаци-

онной реальности. Ж. Бодрийяр акцентирует внимание на тотальной симуляции, в которой «знаки отсылают не к реальности, а друг к другу, порождая «симулякры» – копии без оригинала» [4, с. 238]. В таком гиперреальном пространстве защита классического субъекта, конституированного в диалоге с миром, становится почти невозможной, ибо сам мир замещен его медийной репрезентацией.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари вводят понятия «ризомы» – неиерархической, децентрализованной сети – и «машины желания» [9, с. 605]. Современное информационное поле – это ризоматическая структура, которая постоянно перекодирует потоки желаний и смыслов. Субъект здесь не данность, а процесс, «сборка», постоянно пересобираемая под влиянием внешних кодов. Угроза – полная десубъективация, растворение «Я» в анонимных потоках данных.

Однако в этой же философии содержится и потенциал защиты. Это сопротивление не через отгораживание, а через производство собственных смыслов, «детерриториализацию» навязанных кодов. Защита человека – это перманентное становление, «номадологическое» движение, создание «тел без органов» как зон интенсивности, неподвластных контролирующим системам. Это эстетическая и этическая практика деконструкции готовых смыслов и активного, игрового отношения к информационным потокам [16, с. 50].

Гуманистическая ориентация информатизации должна одновременно учитывать интересы как общества в целом, так и отдельного человека. Контроль над процессами информатизации со стороны общества позволяет направить возможности информатизации для решения проблем человека, общества и цивилизации в целом. Широкое использование компьютерных информационных технологий не должно вести ни к подчинению человека компьютеру, ни тем более к уподоблению компьютеру всего человеческого рода [11, с. 235]. В обоих случаях извращается та цель, ради которой и стали создаваться современные информационные технологии, – освобождение человека от рутинного умственного труда и помощь в его творчестве, раскрытие его творческих способностей.

Проведенный анализ позволяет систематизировать вклад рассмотренных философских направлений в решение проблемы защиты человека в информационную эпоху. Каждое философское направление предлагает свою уникальную оптику и набор практик, фокусируясь на разных аспектах взаимоотношений между сознанием и информационным потоком (табл. 1).

Подходы варьируются от строгой внутренней дисциплины (стоицизм) до радикального внешнего творчества (постмодернизм), от защиты стабильного «Я» до защиты самого процесса станов-

ления, так феноменология и герменевтика занимают срединное положение, защищая условия возможности аутентичного опыта и понимания,

и, соответственно, их синтез формирует основу для целостной концепции.

Таблица 1. Стратегии защиты субъективного начала в контексте философских направлений

Философское направление	Ключевой объект защиты	Природа угрозы	Предлагаемая стратегия защиты	Практический инструмент
Стоицизм	Внутренний суверенитет, этический «Я»-центр (гегемоникон).	Пассивное принятие внешних «представлений» (фантазий), ведущее к страстям и зависимости.	Этика внутреннего суждения и разграничения сфер. Активный контроль над интерпретацией.	Дисциплина восприятия, различение «что во власти»/«что не во власти», негативная визуализация.
Феноменология	Чистота интенционального акта и жизненного мира.	Колонизация сознания «естественной установкой», подмена непосредственного опыта готовыми конструктами.	Феноменологическая редукция. Возвращение к «самим вещам».	Эпохе, интенциональный анализ, описание сущностей (эйдосов) собственного опыта.
Герменевтика	Горизонт понимания и возможность подлинного диалога.	Герменевтический монолог («фильтрующие пузыри»), блокирующий встреча с «инаковостью».	Рефлексивное осознание и проверка предрассудков в герменевтическом круге.	Ведение внутреннего/внешнего диалога с текстом, слияние горизонтов, критическая интерпретация.
Постмодернизм	Процесс становления, сингулярность желания и смысла.	Тотальная симуляция, редукция субъекта к «сборке» внешних кодов и потоков данных.	Активное сопротивление через производство смысла, детерриториализация.	Деконструкция, ризоматическое мышление, создание «тел без органов», эстетическое остранение.

Высочайшая степень информатизации, к которой стремится современное общество, поставила проблему безопасности информации на исключительно высокий уровень [15, с. 100]. Сегодня решение теоретических задач в области защиты информации отстает от потребностей практики, многие задачи решаются на уровне «здравого ума», доказательная база рекомендуемых решений – скудна, что заставляет вернуться к вопросам построения теории защиты информации как фундаментальной научной теории области науки в сотрудничестве с философией науки, в ее видении философских оснований науки настоящего времени [10, с. 449].

Проведенный философский анализ показывает, что дуализм информационной эпохи – это не дуализм духа и материи, а дуализм внутреннего, смыслопорождающего пространства личности и внешних, зачастую агрессивных или манипулятивных, смысловых сред. Защита человека, таким образом, предстает как комплексная философская задача [12, с. 126].

Из стоицизма мы извлекаем принцип этической ответственности за свои суждения и необходимость аскезы внимания. Феноменология учит возвращаться к основам собственного опыта, противостоя «естественной установке» медиапотребления. Герменевтика напоминает о диалогической природе понимания и важности критической рефлексии над своими «предрассудками». Постмодернизм, в свою очередь, предостерегает от наивной веры в объективность информации

и призывает к активному, творческому сопротивлению симулякрам.

Синтез этих подходов позволяет наметить контуры «экологии сознания» – системы практик, направленных на сохранение и культивирование автономного, рефлексивного и творческого субъективного начала. Эта экология предполагает не бегство от информации, но выработку иммунитета через философскую работу сознания: умение различать, сомневаться, интерпретировать и созидавать личные смыслы [17, с. 81]. В конечном счете, защита человека от информации есть защита самой возможности человеческого – способности быть не просто приемником сигналов, но автором собственного, осмысленного мира.

Таким образом, защита человека от информации есть защита самой возможности человеческого – способности быть не просто приемником сигналов, но автором собственного, осмысленного мира. Интегрированная модель «экологии сознания», синтезирующая инструменты стоицизма, феноменологии, герменевтики и постмодернизма, предлагает не набор разрозненных техник, а целостный философский каркас для воспитания критической, автономной и творческой субъективности в условиях цифрового века.

Литература

1. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления / пер. с греч. С.В. Роговина. М.: Центрполиграф, 2024. 287 с.

2. Акопов Г.В. Единство сознания: постановка проблемы // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 1 (62). С. 9–32.
3. Астахова Л.В. Теория информационной безопасности и методология защиты информации: учеб. пособие. Челябинск: ЮУрГУ, 2014. 137 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А.В. Качалова. М.: Постум, 2017. 320 с.
5. Брандман Э.М. Глобализация и информационная безопасность общества: монография. М.: ГПИБ, 2007. 173 с.
6. Былевский П.Г. Феноменология культуры информационной безопасности: монография. М.: МГЛУ, 2024. 240 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. М.А. Журинской, С.Н. Земляной, А.А. Рыбакова. М.: RUGRAM, 2012. 704 с.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. В.Г. Антонова. М.: Академический проект, 2015. 489 с.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я.Н. Свирского. М.: Астрель, 2022. 770 с.
10. Денисова А.Б. Постмодернизм: деконструкция или разрушение // Гуманитарные знания в XXI в.: вызовы, ценности, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МЭИ, 2023. С. 449–456.
11. Зджанская В.С. Дуализм человеческой природы // Глобальные вопросы научных исследований и разработок: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: ЦДПО, 2024. С. 234–238.
12. Казанцева В.А. Актуальность и популярность философии стоицизма в современном обществе // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: ЧелГУ, 2024. С. 123–130.
13. Колесова О.В. К вопросу о ментальных характеристиках постмодернизма: философия информации // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 83–86.
14. Лосев А.Ф. Феноменология субъект-объектного отношения // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 4. С. 148–170.
15. Мамедов А.К.О., Коркия Э.Д., Чудновская И.Н. Герменевтика как метод социального познания: монография. М.: КДУ, 2021. 220 с.
16. Маркович Р.В. Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи «Вопрос о технике») // Философия науки и техники. 2023. № 2. С. 49–62.
17. Моргунов Г.В. Постмодернизм // Социальная онтология России: материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГТУ, 2024. С. 77–86.
18. Сидоренко Н.С., Семин В.К., Васильченко В.В. Воздействие информации на сознание людей // Вектор научной мысли. 2025. № 2 (19). С. 127–134.
19. Стрельцов А.А. «Информация» как субстанция бытия человека // Международная жизнь. 2022. № 1. С. 70–85.
20. Шестакова М.А., Яковлева Л.Е. Когнитивные аспекты герменевтики // Слово. Текст. Источник: методология современного гуманитарного исследования: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГУ, 2023. С. 25–37.
21. Эпиктет. Беседы. В чем наше благо? / пер. с греч. В.М. Алексеева, В.Г. Черткова. СПб.: Азбука, 2024. 192 с.

PHILOSOPHICAL STRATEGIES FOR PROTECTING THE SUBJECTIVE CORE IN THE CONTEXT OF INFORMATIONAL DUALISM

Varich E.A., Opletayeva O.N.

Kuban State Technological University

The article addresses the problem of protecting the individual from information, reconceptualizing it as a philosophical task of preserving the subjective core – consciousness, spirit, and personal reality. The central thesis is that the threat emanates not from the information signal itself, but from the nature of its interpretation; that is, from the meaning born in the dialogue between the signal and consciousness. To analyze contemporary informational dualism – the confrontation between the individual's inner world and external semantic flows – the methodological frameworks of Stoicism, phenomenology, hermeneutics, and postmodernism are employed. The study systematizes the strategies for protecting subjectivity proposed by these traditions: from the ethics of inner judgment (Stoicism) to the production of one's own meanings (postmodernism). As an integrative model, the concept of an “ecology of consciousness” is proposed, synthesizing these approaches to cultivate a critical, autonomous, and creative subjectivity in the digital age.

Keywords: philosophy of information, informational dualism, subjectivity, consciousness, protection of the subjective core, Stoicism, phenomenology, hermeneutics, postmodernism, ecology of consciousness.

References

1. Avrelii M. Alone with Myself. Reflections, Translated from Greek S.V. Rogovin. Moscow, Centrpoligraf, 2024. 287 p. (In Russian).
2. Akopov G.V. Unity of Consciousness: Problem Statement. Actual Problems of Psychological Knowledge, 2023, No. № 1 (62), pp. 9–32. (In Russian).
3. Astakhova L.V. Information Security Theory and Information Protection Methodology. Textbook. Chelyabinsk, YUUrGU, 2014. 137 p. (In Russian).
4. Bodriiir Zh. Simulacra and Simulation, Translated from French A.V. Kachalov. Moscow, Postum, 2017. 320 p. (In Russian).
5. Brandman E.M. Globalization and Information Security of Society. Monograph. Moscow, GPIB, 2007. 173 c. (In Russian).
6. Bylevskii P.G. Phenomenology of Information Security Culture. Monograph. Moscow, MGLU, 2024. 240 p. (In Russian).
7. Gadamer Kh.-G. Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics, Translated from German M.A. Zhurinskaja, S.N. Zemlianaia, A.A. Rybakov. Moscow, RUGRAM, 2012. 704 p. (In Russian).

8. Gusserl E. Ideas Towards Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy, Translated from German V.G. Antonov. Moscow, Akademicheskii proekt, 2015. 489 p. (In Russian).
9. Delez Zh., Gvattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia, Translated from French Ia.N. Svirskii. Moscow, Astrel, 2022. 770 p. (In Russian).
10. Denisova A.B. Postmodernism: Deconstruction or Destruction. Humanities in the 21st Century: Challenges, Values, and Prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, MEI, 2023, pp. 449–456. (In Russian).
11. Zdzhanskaia V.S. The Dualism of Human Nature. Global Issues of Scientific Research and Development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, TSD-PO, 2024, pp. 234–238. (In Russian).
12. Kazantseva V.A. The Relevance and Popularity of Stoic Philosophy in Modern Society. Human Being: the Problem of Unity in Diversity of the Modern World. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference. Chelyabinsk, ChelGU, 2024, pp. 123–130. (In Russian).
13. Kolesova O.V. On the Mental Characteristics of Postmodernism: Philosophy of Information. Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, Society. Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, Krasnaia lastochka, 2019, pp. 83–86. (In Russian).
14. Losev A.F. Phenomenology of the Subject-Object Relation. Philosophy Journal, 2020, vol. 13, No. 4, pp. 148–170. (In Russian).
15. Mamedov A.K.O., Korkiia E.D., Chudnovskaia I.N. Hermeneutics as a Method of Social Cognition. Monograph. Moscow, KDU, 2021. 220 p. (In Russian).
16. Markovich R.V. Phenomenological Understanding of Technology by M. Heidegger (Based on the Article “The Question Concerning Technology”). Philosophy of Science and Technology, 2023, No. 2, pp. 49–62.
17. Morgunov G.V. Postmodernism. Social Ontology of Russia. Proceedings of the 17th All-Russian Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, NGTU, 2024, pp. 77–86. (In Russian).
18. Sidorenko N.S., Semin V.K., Vasilchenko V.V. The Impact of Information on People's Consciousness. Vector of Scientific Thought, 2025, No. 2 (19), pp. 127–134. (In Russian).
19. Streltsov A.A. “Information” as a Substance of Human Being. International Affairs, 2022, No. 1, pp. 70–85. (In Russian).
20. Shestakova M.A., Iakovleva L.E. Cognitive Aspects of Hermeneutics. Word. Text. Source: Methodology of Modern Humanitarian Research. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference. Moscow, RGU, 2023, pp. 25–37. (In Russian).
21. Epiktet. Conversations. What is our Good?, Translated from Greek V.M. Alekseev, V.G. Chertkov. St. Petersburg, Azbuka, 2024. 192 p. (In Russian).

Философско-методологические основы социального предвидения/ прогнозирования в работах В.Т. Мещерякова

Бекиров Надир Валериянович,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института крымскотатарской
филологии, истории и культуры этносов Крыма,
Государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования Республики Крым «Крымский
инженерно-педагогический университет имени Февзи
Якубова»

E-mail: nadirbekirov@yandex.com

Статья посвящена малоосвещённой в философской проблеме: философско-методологическим основаниям социального предвидения/прогнозирования, которые на протяжении десятилетий сводились к общим ссылкам на материалистическую диалектику в ее историко-материалистической официально-марксистской интерпретации. Несмотря на активизировавшиеся в послание десятилетие исследования до сих пор мало изучен вопрос о российских исследователях XX века, внесших свой оригинальный вклад в эту тему и их сохранивших по настоящее время актуальность выводов. Одним из важных авторов этого ряда является В.Т. Мещеряков и его монографии, исследующие развитие как форму проявления отношений соответствия и гармонии в природе и социальной реальности. Целью данного исследования является не просто констатация этого научного факта в истории российской философии, а анализ и использование работ В.Т. Мещерякова, а выявление научной логики и систематизация результатов для практических целей современного социального прогнозирования и проектирования в практике общественных институтов, связанных с такого рода деятельностью. Наиболее важными выводами статьи являются: использование категорий и методов онтологического и гносеологического ряда для раскрытия и определения тенденций социальных процессов, а также «нащупывание» и развитие в трудах В.Т. Мещерякова начал метасоциологического анализа, опередившего официальную философию СССР на полвека..

Ключевые слова: социальное предвидение, социальное прогнозирование, социальное проектирование, соответствие, гармония, развитие.

Введение

Одним из прикладных и всегда актуальных направлений социально-философских исследований является методологическое обеспечение социального предвидения/прогнозирования. В значительной мере это неизбежное следствие и неотъемлемый элемент философии и как теоретического мировоззрения, и как науки о предельно общих закономерностях, чертах, характеристиках бытия.

Материалы и методы

Объектом историко-философского исследования явились три базовые монографии В.Т. Мещерякова:

1. «Соответствие как отношение и принцип», Издательство «Наука» Ленинградское отделение, Ленинград, 1975,

2. Гармония и гармоническое развитие. Издательство «Наука» Ленинградское отделение, Ленинград, 1976.

Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско– ленинской философии. Под редакцией В.И. Стрельченко. Ленинград, «Наука», Ленинградское отделение, 1981

Исследование производилось преимущественно герменевтическим методом в историческом и методологическом контексте эпохи позднего СССР.

Литературный обзор

Само исследование находится на пересечении проблематики как собственно социального предвидения/прогнозирования, проектирования, так и методология поиска и интерпретации методов анализа объективной реальности, особенно в приложении к ее социальной форме. Отсюда следует обратить внимание на резко усилившийся в последние 15–20 лет социологический и социально-философский интерес к необходимости разработки и реализации специальных учебно-методических дисциплин в подготовке социологов, управленцев, государственных служащих различного профиля [См., например, 1, 2, 6, 7, 9, 11, 13].

При этом однако до сих пор остается в значительной мере открытым вопрос о том, какие методологические предпосылки могут и должны лежать в основе этой функции философии [См., например, 3, 4, 5, 7, 12, 13, 15]. Дискуссии на эту тему ведутся и в среде начинающих философов [См., например, 16].

До поры, до времени, единственным, неоспоримым и безоговорочно правильным считался так называемый диалектико-материалистический метод познания (и соответственно предвидения реальности), который применительно к общественным процессам оформлялся в виде историко-материалистического [См.14].

Терминологические уточнения

Специалисты могут настаивать на том, что социальное прогнозирование и социальное предвидение не совсем одно и то же. В частности, предвидение может толковаться как «взгляд в будущее», попытка или стремление узнать его заранее по некоторым, фиксируемым признакам и закономерностям, в то время как прогнозирование может также предполагать и целенаправленное проектирование такого будущего, его целенаправленное «творение», опять-таки основанное на тех закономерностях, которые удалось установить и которыми удалось «овладеть и использовать» субъекту социального действия. В данном случае в задачи исследования не входит подробный анализ сходства, различия и пересечения этих подходов. Основным предметом нашего интереса является выявление критерия/критериев научности, объективности самих подходов, способов осознания и оценки неких, существующих или складывающихся, становящихся в настоящем черт будущего, которые мы пытаемся увидеть и осмыслить, чтобы на их основании предвидеть или прогнозировать.

Связь принципов «соответствия» и «гармонии» с процессом развития и социальным предвидением

Какова же связь между онтологическим и гносеологическим анализом и возможностью социального предвидением/прогнозированием/проектированием?

Каждому, кто знаком с историей философии, ее классическими направлениями, течениями и школами достаточно очевидно, что решение этой задачи во многом предопределено принадлежностью философа к одной из них. Избежать этого не представляется возможным. В этом смысле определенным открытием для меня стали работы В.Т. Мещерякова, философа, работавшего в Ленинграде в 1970–80-е годы прошлого века и бывшего, по-видимости, верным марксистом-ленинцем, каковым приходилось быть любому человеку, профессионально занимавшемуся философией в СССР.

Три его монографии, на первый взгляд, не очень-то и связаны с вопросом, поставленным в нашем исследовании, да и сам автор не формулирует своей целью выработку методологии социального предвидения и прогнозирования.

Главным предметом его интереса является «гармония» и «соответствие» как некие универсальные характеристики природной и социальной реальности [См. 8, с.с. 10–40, 57–81, 9, с.с. 53–97] Автор последовательно и глубоко исследует философские категории «соответствия», ее разновидности: «функциональное» как историко-генетическое, и «дополнительное» как структурно-элементное отношение, стремясь соотнести их с категориями «качества» и «количества», «степени», «меры», «содержания», причем распространяет этот подход как на различные сферы объективной реальности, используя его как инструмент ее онтологической оценки, так и на сферу познания этой реальности, противостояние, борьбу и смену научных теорий, изучающих и отражающих эту реальность. рассматривая соотношение идеи гармонии, а также принципов соответствия, инвариантности, симметрии и причинности. Автор постоянно идет по грани трактовки понятия «принципа» как руководящей идеи или начала, либо как собственной объективной характеристики/качества системы, задающей возможность, необходимость и даже направленность развития. Исходя из предпосылки всеобщности изменения и развития, необходимости рассмотрения отношения в динамике, он исследует «соответствие» в упомянутых аспектах не только как срез сложившейся в тот или иной момент времени данности, но и как принцип (скорее здесь уместно выражение «тенденция» или «закономерность») прогрессивного движения любой системы (явления). Здесь, пожалуй, атрибут «направленности» развития, выступает почти что саморазвивающейся идеей в ее гегелевском понимании, нежели в материалистической трактовке как «как самого общего методологического подхода к изучению тех или иных объективных отношений». Отсюда и попытка примирить эту неочевидную, но чувствующуюся неоднозначность подхода автора через противопоставление динамического и вероятностно-статистического метода определения направленности развития, и фиксация того, что адекватная оценка направленности в случаях сложных систем может быть дана только ретроспективно.

При этом в предельно мягкой форме, но автор решается высказать свое «не вполне» согласие с догматически-марксистским классовым оценкам общественного прогресса: «Известно, что даже в случае социального прогресса, динамика которого соотносится с классовыми интересами, наличие субъекта прогресса несколько не является помехой для обоснованного признания объективности самого прогресса» [8, с. 44]. Можно констатировать, что автору удается в значительной мере преодолеть узость и ограниченность обязательного «классового» и официально диалектико-материалистического взгляда на развитие, но при этом сохраняя диалектику как один из традицион-

ных философских методов, развиваемый со времен античности в классически гегельянскую и в постгегельянскую эпоху многими направлениями современной философии по сути, даже если это не обозначается напоказ в используемой ими терминологии.

Вместе с тем В.Т. Мещеряков логически нацупывает предсказуемость тех или иных тенденций развития какой-либо сложной системы: «соответствие охватывает собой те отношения, которые имеют место между рядом состояний развивающейся системы, и те, благодаря которым оказывается возможным взаимодействие. Поэтому задача прогнозирования развития, связанная с применением принципа соответствия, сводится к описанию будущего состояния системы на основе знания ее настоящего и совокупности внешних и внутренних факторов, активно воздействующих на развивающуюся систему. Теперь становится понятным, что неопределенность будущего состояния системы, снятие которой входит в задачу прогнозирования, обуславливается неопределенностью или изменчивостью тех взаимодействий, которые выступают причиной развития. До тех пор, пока характер таких взаимодействий остается стабильным, прогнозирование может осуществляться на основе принципа однозначного или динамического соответствия» [8, с.с. 85–86].

Предельно характерным является название его монографии «Гармония и гармоническое развитие». Она, пожалуй, из трех работ наиболее пронизана демонстрацией лояльности к официальной марксистской концепции общественного развития. По сути сама гармония в обществе сводится к единству и борьбе противоположностей, носителями которых являются общественные классы, эксплуататоры и эксплуатируемые [См. 9, с.с. 93–95]. Учитывая время издания этой работы и некоторые «вольности», допущенные автором в предыдущей монографии, вероятно, такая однозначность была условием возможности выхода самого издания. Однако привлекает внимание кропотливый анализ автором категории «гармония» в истории искусства, науки и философии, как предшествующей марксизму, так и за последние два столетия, позволивший выделить некоторые важные общие характеристики гармонии, открывающие выход за пределы обязательного антагонистического противостояния. Таким образом, В.Т. Мещеряков закладывает в своих работах принцип «гармонии» не только как условия существования устойчивых природных, и социальных явлений и процессов, а также их гносеологического и эпистемологического освоения человеком вообще и наукой в особенности, но и как своего рода ориентир для оценки их потенциальной способности к развитию, совершенствованию и, соответственно, предвидению и прогнозированию их последующих состояний как с точки зрения их прин-

ципальной жизнеспособности, так и в контексте «соответствия», «гармонии» с интересами и деятельностью познающего их социального субъекта, оставляя и очерчивая пространство для его целеполагающего вмешательства в ход событий.

Более того, автор, ссылаясь на К.Маркса очень своеобразно интерпретирует противоположность социальных субъектов: «Гармоническое развитие может иметь своим источником только определенный тип внутренних противоречий, особенностью которых является то, что противостоящие друг другу стороны не стремятся ни к расколу, ни к слиянию, а находятся в единстве как необходимые взаимодополняющие компоненты саморазвивающегося целого» [9, с. 95]. Это также может служить ориентиром для социального прогнозирования, понимаемого не только как предвидение, но и как проектирование будущего: гармонический переход к нему не должен быть направлен ни на искусственное/принудительное стирание или растворение компонентов социальной системы, ни на отрыв их друг от друга преднамеренной деятельностью субъекта социальных изменений. Замечание, заслуживающее внимания лиц, принимающих и осуществляющих те или иные решения.

Судя по всему, погружение в тематику связи развития с гармонией привело В.Т. Мещерякова к необходимости тщательного рассмотрения многовековой проработки этих свойств реальности в философии, что он и осуществил в своей третьей монографии. Основательность подхода видна даже по срокам его подготовки – более пяти лет от предшествующей. Разумеется, это в первую очередь историко-философская работа, в ней неизбежно уделяется значительное место рассмотрению положений, высказанных классиками марксизма, однако в части «свободного полета» собственной мысли автор формулирует идеи, актуальные по сей день.

Автору удается в определенной мере проследить некоторые важные черты гармонии как характеристики движения и развития, являющегося формой возникновения, существования и одновременно разрешения противоречий, черты относительной (никогда не бывает полной и законченной), но в то же время постоянной и существенной. Это рассматривается и в сфере естественных закономерностей, и в искусстве, и в естественных науках, и в обще-социальных процессах, и в развитии философии как таковой. Автор не просто иллюстрирует свои рассуждения картинками из различных наук, а убедительно выявляет некоторую общеметодологическую значимость сформулированных им принципов для оценки развития как атрибута бытия и мышления [См. 10, с.с. 24–112].

Интересными являются рассуждения автора о явлениях и понятии «ритма» как в естественных процессах, так и в социальных, а также отнесение

их к взаимодополняющим характеристикам явления гармонии [См. 10, с.с. 181–191].

После опять-таки неизбежных по времени написания и опубликования работы ссылок на К.Маркса, Ф.Энгельса и В.Ленина автор формулирует заключение, подводящее итог не только данной книги, но всего цикла своих исследований: «...в гармонически развивающейся системе недопустимы нарушение, искажение сущности, природы входящих в систему компонентов, сторон, элементов, антагонизм между ними. Коллизия между составными частями системы неизбежно ведет к разрушению самой основы ее целостности. Значит, в гармонических системах не могут и не должны иметь места самоотчуждение, добровольный или вынужденный отказ ее жизнеспособных элементов от собственной природы – особенности, присутствия антагонистическим системам.

В связи с тем, что в настоящее время уже нельзя больше мыслить гармонию как связь, в рамках которой не происходит взаимодействия, возникает вопрос о том, а возможно ли такое взаимодействие сторон и, что особенно важно в данном случае – противоположностей, которое бы не было одновременно формой разрушения одной противоположности другой и, следовательно, формой разрушения системы в целом [10, с. 199].

Выводы

1. Несмотря на многочисленные повторы тезиса о классовой борьбе, содержание понимания гармонии в процессе развития, а также достаточно многочисленные примеры из развития науки достаточно ярко иллюстрируют позицию автора. Соответствие состояний любого объекта действительности, включая общества, являющегося подсистемой более широкие системы, включая предельно известный нам вариант – природу или вселенную в целом, предполагает, что ее жизнеспособность в перспективе связана с гармонией, то есть сочетаемостью и ее внутренних компонентов/элементов между собой, и сочетаемостью данной системы/подсистемы с ее окружением, более обширной системой. Принципиальная сочетаемость, приводящая к взаимоуничтожению элементов или компонентов системы, ведет ее к разрушению и уничтожению/самоуничтожению не в смысле отрицания новым качеством старого, а в смысле исчезновения ее в принципе. Применительно к обществу это означает, что позиция, исходно нацеленная на ликвидацию других элементов системы как непереносимое условие ее развития, может быть неадекватна и опасна, поскольку подрывает развитие как такое, превращая его в саморазрушение. С точки зрения методологии социального предвидения/предсказания, несколько утрируя, эту мысль можно было бы сформулировать в виде знаменитого призыва Гиппократ: «Не навреди!»

2. Такой подход, несмотря на декларируемую приверженность концепции исторического материализма, ощутимо переносит акцент с непереносимого «классового подхода» в оценке социального развития, на метасоциологический анализ, опередивший время в российской философии на несколько десятков лет.

Литература

1. Антохина Ю.А., Колесников А.М., Медведева С.Н., Социально-экономическое прогнозирование Учебно-методическое пособие. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
2. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. – М.: Педагогическое общество России 2002. – 392 с.
3. Браславский Р.Г. Смена моделей метатеоретизирования в социологии в контексте дисциплинарной реконфигурации социальных наук // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). [Электронный ресурс]. Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Ответственный редактор. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 229–234. DOI: 10.19181/yadov_conf.2019. Источник: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=7611
4. Валикина Ю.Р., Устинова О.В., Гаркуша А.И. Теоретико-методологические основы социального прогнозирования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2.
5. Вильданов Х.С., Деркач В.В. Методологические особенности социального прогнозирования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 1 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osobennosti-sotsialnogo-prognozirovaniya> (дата обращения: 29.03.2026).
6. Леньков Р.В. Социальное прогнозирование и проектирование: [учеб. пособие для бакалавров по направлениям подготовки 040100 «Социология», 080200 «Менеджмент»] / Р.В. Леньков. – М.: ЦСП и М, 2013. – 192 с.
7. Методы и модели социально-экономического прогнозирования: учебник и практикум для академического бакалавриата. В 2-х т. Т. 1. Теория и методология прогнозирования / И.С. Светульников, С.Г. Светульников. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 351 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.
8. Мещеряков В.Т. «Соответствие как отношение и принцип», Издательство «Наука» Ленинградское отделение, Ленинград, 1975.

9. Мещеряков В.Т. Гармония и гармоническое развитие. Издательство «Наука» Ленинградское отделение, Ленинград, 1976.
10. Мещеряков В.Т. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии. Под редакцией В.И. Стрельченко. Ленинград, «Наука», Ленинградское отделение, 1981
11. Основы социального прогнозирования: Учебное пособие/ А.Г. Воржецов; Казан. гос. техн. ун-т. Казань, 2004. 116 с.
12. Платонова Светлана Ипатовна Основные метатеоретические стратегии и перспективы развития метатеоретизирования в современной социологии // ЖССА. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-metateoreticheskie-strategii-i-perspektivy-razvitiya-metateoretizirovaniya-v-sovremennoy-sotsiologii> (дата обращения: 30.03.2026).
13. Сафронова В.М. Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Социальная работа» / В.М. Сафронова. – 4-е изд., стер. – Москва: Академия, 2011. – 234, [1] с.; 22 см. – (Высшее профессиональное образование. Социальная работа).
14. Социальное предвидение как инструмент познания и действия (Социально-гносеологические очерки), – Издательство Казанского университета, 1983. – 112 с.
15. Тетенков Н.Б. Методология социального прогнозирования // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-sotsialnogo-prognozirovaniya> (дата обращения: 29.03.2026).
16. Хорева А.Ю. Функции социального прогнозирования. Человек и общество: исследования, анализ, прогноз. Материалы V Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной 30-летию РГСУ и факультета социологии РГСУ и приуроченной к празднованию Дня социолога. Москва, 2021 -Издательство: Российский государственный социальный университет (Москва).

THE PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL FORESIGHT/FORECASTING IN THE WORKS OF V.T. MESHCHERYAKOV

Bekirov N.V.

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

The article is devoted to a philosophical problem that has received little attention: the philosophical and methodological foundations of social foresight/forecasting, which for decades have been being reduced to general references to dialectical materialism in its historical-materialist, official Marxist interpretation. Despite the intensified research over the past decade, the question of 20th-century Russian scholars who made original contributions to this top-

ic and whose conclusions remain relevant to this day has been not enough studied. One of the key authors in this line of work is V.T. Meshcheryakov and his monographs, which explore development as a form of manifestation of relations of compliance and harmony in nature and social reality. The aim of this study is not merely to state this scientific fact in the history of Russian philosophy, but to analyze and apply the works of V.T. Meshcheryakov, to identify the scientific logic, and to systematize the results for practical purposes of modern social forecasting and planning in the practice of public institutions engaged in such activities. The most important conclusions of the article are: the use of categories and methods from the ontological and epistemological fields to reveal and define trends in social processes, as well as the exploration and development in V.T. Meshcheryakov's works of the foundations of metasociological analysis, which was half a century ahead of the official philosophy of the USSR.

Keywords: social foresight, social forecasting, social planning, correspondence, harmony, development.

References

1. Antokhina, Yu. A., Kolesnikov, A. M., & Medvedeva, S. N. (2002). Socio-economic forecasting: A teaching manual. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education.
2. Bestuzhev-Lada, I.V. Social Forecasting. Lecture Course. – Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2002. – 392 pp.
3. Braslavsky, R.G. The Shift in Models of Metatheorization in Sociology in the Context of the Disciplinary Reconfiguration of the Social Sciences // The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (on the 90th anniversary of the birth of V.A. Yadov). [Electronic resource]. International Scientific Conference (Moscow, November 28–30, 2019). Proceedings / Editor-in-Chief: M.K. Gorshkov; FNISTS RAS. – Moscow: FNISTS RAS, 2019. Pp. 229–234. DOI: 10.19181/yadov_conf.2019. Source: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=7611
4. Valikina Yu.R., Ustinova O.V., Garkusha A.I. Theoretical and Methodological Foundations of Social Forecasting // Contemporary Problems of Science and Education. 2015. No. 1–2.
5. Vildanov K.S., Derkach V.V. Methodological Features of Social Forecasting // Bulletin of UGTU. Science, Education, Economics. Series: Economics. 2017. No. 1 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osobennosti-sotsialnogo-prognozirovaniya> (accessed: 03/29/2026).
6. Lenkov, R.V. Social Forecasting and Planning: [Textbook for undergraduate students in the fields of study 040100 "Sociology" and 080200 "Management"] / R.V. Lenkov. – Moscow: TsSPiM, 2013. – 192 pp.
7. Methods and Models of Socio-Economic Forecasting: Textbook and Workbook for Undergraduate Programs. In 2 vols. Vol. 1. Theory and Methodology of Forecasting / I.S. Svetunkov, S.G. Svetunkov. – Moscow: Yurait Publishing House, 2014. – 351 pp. – Series: Bachelor's Degree. Academic Course.
8. Meshcheryakov, V. T. "Correspondence as a Relationship and Principle," Nauka Publishing House, Leningrad Branch, Leningrad, 1975.
9. Meshcheryakov, V.T. Harmony and Harmonic Development. Nauka Publishing House, Leningrad Branch, Leningrad, 1976.
10. Meshcheryakov, V.T. The Development of Concepts of Harmony in Pre-Marxist and Marxist-Leninist Philosophy. Edited by V.I. Strelchenko. Leningrad, Nauka Publishing House, Leningrad Branch, 1981
11. Fundamentals of Social Forecasting: A Textbook / A.G. Vorzhetsov; Kazan State Technological University. Kazan, 2004. 116 pp.
12. Svetlana Ipatovna Platonova. Main Metatheoretical Strategies and Prospects for the Development of Metatheorization in Contemporary Sociology // ZhSS A. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-metateoreticheskie-strategii-i-perspektivy-razvitiya-metateoretizirovaniya-v-sovremennoy-sotsiologii> (accessed: 03/30/2026).

13. Safronova, V.M. Forecasting, Planning, and Modeling in Social Work [Text]: A textbook for students of higher education institutions majoring in "Social Work" / V.M. Safronova. – 4th ed., rev. – Moscow: Akademiya, 2011. – 234, [1] p.; 22 cm. – (Higher Professional Education. Social Work).
14. Social Foresight as a Tool for Knowledge and Action (Social-Epistemological Essays), – Kazan University Press, 1983. – 112 pp.
15. Tetenkov N.B. Methodology of Social Forecasting // Social and Humanitarian Knowledge. 2023. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-sotsialnogo-prognozirovaniya> (accessed: 03/29/2026).
16. Khoreva A. Yu. Functions of Social Forecasting. Man and Society: Research, Analysis, Forecast. Proceedings of the 5th All-Russian Student Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of the Russian State Social University (RSSU) and the RSSU Faculty of Sociology, and timed to coincide with the celebration of Sociologist's Day. Moscow, 2021. Publisher: Russian State Social University (Moscow).

Ресентимент к ресентименту: чуждость концепта в корпусе Ницше

Денисов Андрей Алексеевич,
аспирант Центра практической философии Stasis
E-mail: kinoandrey@yandex.ru

Настоящая статья посвящена критическому переосмыслению статуса понятия ресентимент в философии Фридриха Ницше. Несмотря на устойчивую традицию интерпретации ресентимента как одной из центральных категорий ницшеанства, внимательное обращение к корпусу текстов Ницше, а также к его эпистолярному наследию, показывает, что это понятие занимает маргинальное положение и появляется в строго ограниченном контексте – прежде всего в «Генеалогии морали» и «Антихристе». Особое внимание в статье уделяется генеалогии термина, его не-немецкому происхождению и отсутствию систематического употребления в поздних работах мыслителя. Автор также анализирует рецепцию теории ресентимента в работах Макса Шелера, у которого понятие получает новую феноменологическую рамку и психопатологическое содержание. В заключении ставится вопрос о современном интеллектуальном интересе к ресентименту как культурному и социальному коду, вытесняющему иные модели антропологической теории суждения.

Ключевые слова: Ницше; ресентимент; Шелер; моральная генеалогия; воля к власти; критика христианства; психопатология морали; философия культуры.

Введение

Настоящее исследование исходит из того, что рецепция ницшеанского понятия *ressentiment* приобретает философско-антропологическую определенность в момент шелеровской переработки феномена. Уже рамка, заданная переводчиком, фиксирует направленность текста как полемического и одновременно диагностического: «книга читается так, будто написана сегодня! Апология Максом Шелером христианской морали в полемике с Ф. Ницше...» [Шелер, 1999, с. 6–7]. В этой перспективе спор о ресентименте становится спором о типе человеческой установки, который способен легитимировать моральную оценку и претендовать на культурную норму. Вместе с тем такая рамка заранее задаёт нормативный вектор, в котором ресентимент мыслится как отрицательная и в пределах антихристианская установка.

Методологически важно, что трактат был впервые опубликован в «Журнале по психопатологии» и первоначально имел подзаголовок «Исследование о патологии культуры» [Шелер, 1999, с. 6]. Следовательно, ресентимент мыслится не как частный психологический эпизод, а как устойчивый режим аффективной организации, влияющий на структуру оценивания и на производство ценностных иерархий в культуре.

Современная исследовательская ситуация дополнительно проблематизирует такую нормативную пред установку, характерную для шелеровской линии. Хааз и Загорац прямо подчеркивают, что «*ressentiment has many different shades that paint a somewhat different picture and raise philosophical questions about positive valuation, vulnerability, and the sense of injustice*» [Haaz, Zagorac, 2023, p. 34]. В рабочем переводе для настоящей статьи это означает, что ресентимент имеет множество оттенков и влечет философские вопросы о позитивной оценке, уязвимости и чувстве несправедливости [Haaz, Zagorac, 2023, p. 34]. Данный тезис важен для нашей постановки проблемы, поскольку он требует разведения диагностического и нормативного планов уже во введении. Ресентимент должен быть реконструирован как структура оценивания и как режим аффективной организации, а не только как морально осуждаемая установка.

Далее возникает исследовательская трудность, связанная с соотношением шелеровской апологии и ницшеанской генеалогии. Ницше формулирует ресентимент как продуктивный механизм порождения ценностей, задающий опреде-

ленную динамику моральных форм: «ресентимент сам становится творческим и порождает ценности» [Ницше, 2012, с. 253–254]. Шелер отвечает на этот ход в модальности защиты христианской этики и тем самым переводит дискуссию в плоскость нормативной реабилитации. Эту направленность можно уточнить через замечание Малинкина, согласно которому Шелер стремился философски обосновать и реабилитировать реакцию [Малинкин, 1997, с. 378–381]. В рамках настоящего исследования эта установка рассматривается как возможный источник методологического смещения, при котором критика ресентимента превращается в реактивное отношение к самой ницшеанской процедуре разоблачения. Именно здесь вводится рабочая гипотеза о ресентименте к ресентименту, понимаемом как устойчивое моральное отталкивание от феномена, уже заранее квалифицированного как недопустимого. Эту линию позднейшая литература обычно привязывает прежде всего к первой диссертации «Генеалогии морали», где *ressentiment* выступает как механизм инверсии оценок, но не обязательно как универсальный ключ ко всему корпусу Ницше [Solomon, 1994; Janaway, 2007].

Об этимологии самого понятия

В отличие от большинства других ницшеанских концептов, таких как *Wille zur Macht* (воля к власти), *Ewige Wiederkunft* (вечное возвращение), *Übermensch* (сверхчеловек), термин *ressentiment* заимствован из французского языка и восходит к глаголу *ressentir*, означающему прежде всего «чувствовать», «испытывать» (в том числе боль, сожаление, обиду). Его латинский корень *sentire* («чувствовать, воспринимать, переживать») важен тем, что фиксирует аффективный характер феномена, но сам по себе не задаёт конкретного содержания вроде травмы, унижения или несправедливости, которые выступают уже как дальнейшее, ницшеанское развертывание смысла. При этом мотив длительности и удержания переживания можно обозначить осторожно: в старых словоупотреблениях семьи слова *ressentiment* встречается значение, связанное с возобновлением или возвращением переживаемой боли, что позволяет понимать его не как разовую вспышку, а как устойчивый режим опыта. Уже одно это указывает, что речь идет о феномене, который смещает анализ морали с уровня нормы на уровень генеалогии оценивания. Исторические словари французского языка фиксируют у слова *ressentiment* более широкий и более старый спектр значений: от повторного переживания боли до памятования об обиде, что хорошо соответствует делаемому здесь акценту на длительности и удержании аффекта [CNRTL, s.v. *ressentiment*; *ressentir*].

Поэтому выбор французского слова был не случайным. Он не просто обозначал знакомое

чувство обиды, но фиксировал особую динамику, в которой аффект удерживается памятью и превращается в механизм оценивания. Немецкие аналоги, такие как *Groll* («злоба, злопамятность») или *Verdruss* («досада»), остаются либо слишком бытовыми, либо слишком узкими по значению и не передают сложного переплетения чувства, памяти и нормативной трансформации, которое Ницше стремится зафиксировать. Таким образом, использование французского термина становится жестом дистанции: философ отказывается от устоявшейся терминологии и выводит читателя из привычной картины морали как автономной сферы разума. То, что казалось «естественной» категорией, в свете понятия *ressentiment* предстает как исторический продукт переработанных и закреплённых аффектов, превращённых в устойчивый способ оценивания и оправдания. В этом же направлении движется и интерпретация Делёза, для которого *ressentiment* обозначает не бытовую обиду, а форму торжества реактивных сил и специфический способ производства смысла и ценности [Deleuze, 1983].

Однако объяснительная сила этимологической перспективы принципиально ограничена. Попытка сделать этимологию фундаментом анализа легко приводит к этимологической ошибке (*etymological fallacy*), то есть к подмене феноменологического и историко-культурного описания выводами из происхождения слова. Поэтому здесь этимология выполняет строго вспомогательную функцию: она маркирует проблемное поле и показывает, почему прямые переводные эквиваленты не удерживают всего комплекса, но не решает вопрос о статусе понятия в корпусе Ницше. Дальнейший вывод будет зависеть не от лингвистической формы, а от того, как *ressentiment* реально функционирует в ницшеанской критике морали и как затем получает усиление и «централизацию» уже в рецепции, прежде всего в шелеровской нормативно-аксиологической рамке [Janaway, 2007; Schacht, 2013].

Именно поэтому далее необходимо прояснить, что понимается под философской антропологией в данном исследовании. Здесь она выступает не как «история учений о человеке», а как анализ структур человеческого существования и устойчивых режимов субъективности, в которых мораль, аффект, память и социальная опосредованность образуют целостные конфигурации. В этом контексте структурная оценка означает не моральное осуждение, а выявление того, как устроены формы самоотношения и практики оценивания, как они закрепляются культурно и институционально, и каким образом из них производятся нормативные схемы. На этом основании становится возможным точнее развернуть и критику шелеровского «перевода» ресентимента в язык объективного рангового порядка ценностей [Глесснер; Гелен; Шелер, 1999].

О (не)значимости ressentiment внутри ницшеанского корпуса

Понятие ressentiment прочно вошло в интеллектуальный лексикон XX и XXI веков и оказало существенное влияние на политическую философию, социологию и моральную психологию. Его популярность в значительной степени обусловлена влиянием работ Фридриха Ницше, прежде всего трактатов «К генеалогии морали» (*Zur Genealogie der Moral*, 1887) и «Антихрист» (*Der Antichrist*, 1888), в которых ressentiment получает артикулированную философскую функцию и используется для реконструкции генезиса определенного типа оценивания и моральной риторики. Вместе с тем обращение к ницшеанскому корпусу позволяет усомниться в том, что данный термин является категорией, равномерно структурирующей весь проект. В ряде поздних сочинений, включая «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» (*Götzen-Dämmerung*, 1888), «Казус Вагнера» (*Der Fall Wagner*, 1888), «Ессе Homo. Как становятся самим собой» (*Ecce Homo*, 1888) и «Ницше contra Вагнера» (*Nietzsche contra Wagner*, 1888), лексема ressentiment либо отсутствует, либо функционирует в форме краткой оценочной маркировки, что позволяет поставить вопрос о границах ее применимости у самого Ницше. Данное утверждение требует разведения двух уровней анализа. На одном уровне речь идет о лексеме ressentiment и о частотности ее употребления в корпусе. На другом уровне речь идет о механизме реактивного оценивания, который у Ницше может описываться иными номинациями и не обязан совпадать с конкретным словоупотреблением. Поэтому тезис о локальности ressentiment у Ницше не сводится к аргументу о редкости слова. Он означает, что термин ressentiment используется в строго определенных задачах объяснения и критики, тогда как в иных контекстах Ницше либо обходится без него, либо применяет его как краткую типологическую характеристику. Показателен пример из «Сумерек идолов», где в описании Сократа Ницше фиксирует диагноз как «Pöbel-Ressentiment» [Ницше, «Сумерки идолов», в оригинале: *Götzen-Dämmerung*]. Наконец, заимствованный характер слова указывает на то, что оно изначально включено в полемическую лексику и не обязательно предполагает устойчивое понятийное ядро в строгом смысле [Ницше, «К генеалогии морали»; Ницше, «Антихрист»; Janaway, 2007; Schacht, 2013].

Теория ressentiment в корпусе ницшеанских текстов также не получает системного развития в посмертно опубликованной Воле к власти – книге, составленной уже после умственного краха философа в январе 1889 года и подготовленной к печати Элизабет Фёстер-Ницше, Петером Гастом и Ульрихом Кёслером. Даже с учётом того, что Фёстер-Ницше и Гаст издавали и переиздавали материалы, принимая уже во внимание герман-

ский контекст 1920-х годов и будучи в определённой мере ангажированы правыми политическими настроениями, это не сподвигло их придать ressentimentу самостоятельный статус или превратить его в ключевую категорию философии Ницше. Характер этой публикации, её зависимость от политических и идеологических контекстов, а также слабая авторская легитимация выбранного корпуса текстов ставят под сомнение представление о ressentimentе как «центральном ницшеанском понятии». Но хочется подчеркнуть, в Воле к власти ressentiment сохраняет лишь эпизодический характер, появляется фрагментарно и служит частью более широкой теории упадка, слабости и нигилизма, не формируя самостоятельной структурной категории. Следовательно, попытки постфактум превратить ressentiment в ядро ницшеанской философии не подкрепляются прямым авторским развитием темы и скорее отражают интерпретативные амбиции издателей и последующих читателей, чем саму концептуальную стратегию Ницше [Ницше, «Воля к власти»; Schacht, 2013; Nietzsche, Briefe, KSB].

Гипотеза данного текста заключается в следующем. Ressentiment у Ницше не является центральной концепцией философии, а выступает локальным термином, обслуживающим критический анализ определенной морали. Его последующее превращение в универсальную философско-антропологическую категорию культуры является результатом рецепции, в которой решающую роль сыграла шелеровская переработка феномена и традиция ее интерпретации [Шелер, 1999; Janaway, 2007].

В пользу указанной гипотезы свидетельствуют как текстологические, так и библиографические данные. Лексема ressentiment получает у Ницше наиболее концентрированную разработку в «К генеалогии морали» (*Zur Genealogie der Moral*, 1887), прежде всего в первом трактате, где она служит для описания механизма формирования «рабской морали» как превращения бессилия в ценностную позицию и моральную риторику.

В этом контексте ressentiment выступает не просто обозначением состояния, а именем для определенного генетического хода, посредством которого реактивное оценивание становится продуктивным и порождает ценности. Одновременно важно различать уровень механизма и уровень типологии. На уровне механизма ressentiment используется для объяснения того, каким образом моральное оценивание конституируется из невозможности действия и из переноса реакции в область воображаемой мести. На уровне типологии тот же механизм закрепляется в образе определенного человеческого типа, который действует не из силы, а из реактивности и нуждается в моральной санкции собственного бессилия. В этом смысле ressentiment у Ницше работает прежде

всего как объяснительный узел, привязанный к определенной конфигурации морали, а не как термин, равномерно структурирующий весь корпус [Ницше, «К генеалогии морали»; Janaway, 2007; Solomon, 1994].

В других поздних произведениях, включая «Сумерки идолов» (*Götzen-Dämmerung*, 1888) и «Ессе Homo» (1888), лексема *ressentiment* встречается либо эпизодически, либо в форме кратких типологических характеристик, и потому не выполняет роли генетического объяснения, сопоставимого с первым трактатом «Генеалогии морали». Это снова требует различать механизм и типологию. Механизм реактивного оценивания продолжает присутствовать в критике морали и культуры, но он может обозначаться иными средствами и не обязан сопровождаться именно словом *ressentiment*. На этом основании становится возможным уточнение исходной гипотезы. У Ницше *ressentiment* является локальным термином, который в одном месте выполняет функцию объяснительного механизма, а в других местах функционирует как типологическая маркировка или вовсе растворяется в смежных номинациях реактивности [Ницше, «Сумерки идолов»; Ницше, «Казус Вагнера»; Ницше, «Ессе Homo»; Janaway, 2007].

Более того, в эпистолярной переписке философа не формируется устойчивое употребление или развитие данного концепта. В письмах к Францу Овербеку, Эрвину Роде, Генриху Кёзелицу (Петеру Гасту), Малвиде фон Мейзенбург и другим корреспондентам, охватывающих период с 1866 по 1888 гг., обсуждаются философские, музыкальные, культурные и теологические вопросы, однако лексема *ressentiment* не закрепляется как регулярный рабочий термин и не становится предметом развернутого анализа. На этом фоне переписка с Георгом Брандесом выглядит как наиболее показательный контекст, в котором слово *ressentiment* и связанные с ним смысловые ожидания актуализируются извне, в горизонте интерпретации, предложенной собеседником. Русское издание переписки подтверждает данное наблюдение в том смысле, что Игорь Эбаноидзе в переводе и комментариях акцентирует внимание на особом статусе линии Брандеса и на том, что в письме Ницше от 19 февраля 1888 года, написанном в ответ на рекомендации Брандеса, возникает мотив обращения к «психологической проблеме» Кьеркегора, тогда как лексема *ressentiment* в самом этом письме не выступает понятийным центром. Тем самым эпистолярный материал поддерживает исходную гипотезу статьи, если понимать ее как тезис о локальности термина *ressentiment* в ницшевском корпусе и о зависимости его эпистолярной актуализации от внешнего интерпретативного контекста, а не как отрицание присутствия более общего механизма реактивного оценивания [Ницше, Письма; Nietzsche, Briefe, KSB].

В критическом академическом издании переписки Ницше, подготовленном Джорджо Колли и Маццино Монтиинари, термин *ressentiment* действительно встречается эпизодически и прежде всего в ситуации обсуждения опубликованной «К генеалогии морали», то есть в контексте, заданном чтением и оценкой со стороны собеседника. В этом же эпистолярном узле Брандес характеризует философию Ницше как «аристократический радикализм», и Ницше признает данное определение одним из наиболее удачных. Характерно также, что именно здесь Брандес рекомендует Ницше обратиться к Сёрену Кьеркегору как к возможному ресурсу для психологического уточнения проблематики, с которой сопрягается обсуждение *ressentiment*. В ответном письме от 19 февраля 1888 г. Ницше пишет: «Во время моего следующего визита в Германию я намерен заняться психологической проблемой Кьеркегора... Это будет полезно мне в лучшем смысле этого слова и поможет вернуть мне доброе расположение духа, смягчив мою собственную суровость и заносчивость суждений» [Nietzsche, Briefe, KSB; Ницше, Письма, 2007].

Примечательно, что в ницшевском словаре рядом с *ressentiment* функционирует и другой термин сходной диагностической роли, декаданс и связанная с ним тема ценностей декаданса. Само слово «декаданс» принадлежит французскому культурно-критическому лексикону XIX века и закрепляется в поле художественной критики и поэзии, где фигуры Готье и Бодлера сыграли заметную роль в оформлении этой семантики как симптоматики современности. Для Ницше это существенно в перспективе культурной физиологии, поскольку термин позволяет описывать тип человеческой установки и общий жизненный тонус эпохи через язык патологии культуры и через анализ режимов оценивания. В письме к Петеру Гасту от 26 февраля 1888 года Ницше упоминает чтение посмертных публикаций Бодлера, вышедших в 1887 году, что фиксирует его внимание к французским источникам соответствующего словаря и к той культурной среде, в которой декаданс становится инструментом диагностики [Ницше, Письма, 2007; Ницше, 2012d; Ницше, 2012f].

Указанный параллелизм имеет методологическое значение для дальнейшего анализа корпуса. Он показывает, что критика культуры у Ницше опирается на ряд лексических маркеров, каждый из которых фиксирует определенный способ типологизации человеческой установки и определенный аффективный режим оценивания. В этом смысле *ressentiment* и декаданс образуют два входа в одно проблемное поле философской антропологии, где обсуждаются типы человека, структура нормативной среды, производство ценностных иерархий и симптоматика культурных деформаций. Поэтому центральным для дальнейшего изложе-

ния становится различие двух уровней описания. Первый уровень связан с лексемой и ее распределением в корпусе, то есть с тем, где и как Ницше употребляет слово *ressentiment* и какие задачи оно обслуживает. Второй уровень связан с механизмом реактивного оценивания и с теми типологическими структурами, которые могут артикулироваться и другими терминами, включая декаданс, а также языком культурной физиологии. Далее анализ будет выстроен так, чтобы сопоставить контексты употребления лексемы *ressentiment* с теми местами, где тот же механизм и та же типология человека описываются без данного слова. Это позволит точнее определить границы применимости термина у самого Ницше и подготавливает переход к вопросу о том, каким образом рецепция, прежде всего шелеровская, превращает локальный инструмент критики в универсальную философско-антропологическую категорию [Janaway, 2007; Schacht, 2013; Ницше, 2012d].

Ressentiment как моральная философия во Франции

Ницше хорошо знал французскую моральную традицию XVII века и обращался к ней не как к «истории идей», а как к школе психологической наблюдательности и демистификации моральных мотивов (Ф. Ницше, «Ессе Номо»; Ф. Ницше, «Странник и его тень»). В горизонте французских моралистов мораль мыслится не как система норм, а как социально опосредованная сцена, на которой субъект удерживает себя в определённом образе перед другими и перед самим собой. Поэтому центральным оказывается не правило, а структура самоотношения, изначально вписанная в отношения признания, сравнения и оценки [Ницше, «Ессе Номо»; Ницше, «Странник и его тень»].

Особое значение в этой линии имеет Ларошфуко (Ф. де Ларошфуко, «Максимы»), поскольку его анализ *amour-propre* фиксирует не частный порок, а устойчивый механизм самости, которая непрерывно производит моральные самоописания и самооправдания. «Ни один льстец не льстит так искусно, как себялюбие» (Ф. де Ларошфуко, «Максимы»). Тот же мотив задаёт представление о бесконечной непрозрачности субъекта для самого себя: «Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель» (Ф. де Ларошфуко, «Максимы»). В философско-антропологической перспективе это означает, что моральные оценки и «добродетели» нельзя понимать как чисто внутренние намерения. Они функционируют как техники самопредъявления и самосохранения в социальной среде, где субъект вынужден постоянно поддерживать свою форму, в том числе через маскировку собственных побуждений [Ларошфуко; Ницше, *Ессе Номо*].

Связь *amour-propre* с ницшевским *ressentiment* корректнее мыслить не как прямую «предтечу понятия», но скорее как родство проблемного поля. *Amour-propre* выявляет универсальную структуру социально опосредованной самости и её склонность к моральной самоподстановке. *Ressentiment* у Ницше обозначает более специфический реактивный режим этой самости, возникающий там, где действие заблокировано и где самоотношение превращается в длительную работу отрицания, в производство оценок через моральную инверсию (Ф. Ницше, «К генеалогии морали»). Это уже не просто демистификация мотивов, а генеалогический анализ того, как аффект становится источником ценностей и культурных практик [Ларошфуко; Ницше, «К генеалогии морали»].

На следующем уровне Ницше вводит *décadence* как маркер более широкого типа жизненной формы, и в поздней критике Вагнера этот термин становится одним из ключевых диагностических инструментов (Ф. Ницше, «Казус Вагнера»; Ф. Ницше, «Ницше contra Вагнер»). Принципиально, что «декаданс» у Ницше не сводится к эстетической оценке. Он работает как антропологический диагноз, связывающий мораль, культуру и физиологию, то есть описывающий не единственный мотив, а общий режим жизни, в котором определённые аффективные механизмы закрепляются как стиль, как привычка, как культурная техника. В этом смысле *ressentiment* и *décadence* образуют у Ницше не просто два близких термина, а два регистра анализа: *ressentiment* фиксирует механизм реактивного производства оценок, тогда как *décadence* обозначает макро-тип жизненной формы, где такие механизмы получают устойчивую культурную, телесную и политическую фиксацию [Ницше, «Казус Вагнера»; Ницше, «Nietzsche contra Wagner»].

Именно на этой точке становится продуктивным сопоставление с Шелером (М. Шелер, «Ресентимент в структуре морали»). Переводя ресентимент в нормативно-аксиологическую рамку, Шелер изменяет статус феномена. Во-первых, ресентимент начинает пониматься прежде всего как индивидуально-психологическое искажение ценностного видения, тогда как у Ницше он имеет генеалогическую функцию и работает как механизм производства оценок, закрепляемых в культурных практиках. Во-вторых, постулирование «объективного порядка ценностей» задаёт внешнюю меру для оценки морали и тем самым возвращает анализ к логике должного, в то время как ницшевская перспектива описывает мораль как режим самоотношения и социального признания. Наконец, в антропологическом плане это смещает фокус с структурной опосредованности самости социальными формами и институтами на вопрос «ошибки» или «дефекта», из-за чего ресентимент оказывается недооценён как регулярная конфигу-

рация субъективности в определённых исторических условиях [Шелер, 1999; Schacht, 2013].

На этом фоне сопоставление с Шелером позволяет точнее увидеть методологическое расхождение. Ключевой момент состоит в том, что Шелер строит анализ так, будто существует объективный ранговый порядок ценностей, а ресентимент представляет собой искажение ценностного видения и практику отрицания этого порядка. Тем самым феномен, который у Ницше выступает как генеалогический механизм производства оценок и культурных форм, у Шелера переводится в нормативно-аксиологическую плоскость и оценивается как отклонение относительно должного. В результате шелеровская критика фактически меняет предмет: она обсуждает не историческую динамику морали как формы жизни, а дефектность субъективного переживания ценности на фоне заранее предположенной аксиологической шкалы. В более поздней литературе этот разрыв между генеалогическим и нормативно-психологическим прочтением нередко формулируется как различие между анализом происхождения оценок и анализом субъективных мотивов мести, справедливости и самооправдания [Schacht, 2013].

Кьеркегоровский ресентимент

The Present Age (*The Present Age*, Nutiden, 1846) Сёрена Кьеркегора написан как часть Литературной рецензии (*En literair Anmeldelse*) на роман датской писательницы Томасине Гиллембург «Два века» (*To Tidsaldr*, 1845). Сам роман построен как семейно-нравственный нарратив, в котором историческое время читается через судьбы персонажей и их способ чувствовать, говорить и действовать. В первой части сквозным узлом выступает история Клодины и фигура французского революционера Лусарда. Здесь «большая история» входит в частную жизнь как моральный приговор и как длительное ожидание, а любовь и верность переживаются под давлением чужого взгляда и коллективной санкции. Центральной становится линия матери и сына, их совместность, сформированная не событием, а длительным режимом удержания, самоограничения и социальной читаемости поступков. Во второй части акцент смещается на уже взрослого Шарля и круг копенгагенской благопристойности, салонных визитов и разговоров. Герои существуют внутри сети оценок, намёков и «правильных» мнений, где мораль всё чаще проявляет себя как социальный вкус и дисциплина речи, а действие вытесняется обсуждением и интерпретацией [Кьеркегор, 1846].

В этом контексте уместно говорить не о термине «ресентимент», которого Кьеркегор не употребляет, а о структуре опыта, родственной позднейшей концептуализации ресентимента. Кьеркегор фиксирует состояние эпохи, в котором страсть утрачивает экзистенциальную серьёзность, а чувства всё

чаще существуют в формах публичной демонстрации и морализаторского обсуждения. Ресентимент здесь проявляется как социально закреплённая конфигурация завистливой рефлексии и опосредованного самоотношения, которая удерживает аффект, перерабатывает его в устойчивую практику оценивания и парализует возможность подлинного действия [Кьеркегор, 1846; Haaz, Zagoras, 2023].

Особый интерес у Кьеркегора представляет не «повторение» как автономный метафизический принцип, а культурная техника, благодаря которой эмоциональные реакции и моральные оценки приобретают характер публично воспроизводимых форм. В «Современном веке» (*The Present Age*, Nutiden) эмоция всё чаще существует как речь о ней. Она входит в пересказы, пересуды, нравоучения и в готовые интонации «праведного негодования». Переживание теряет событийность и связь с поступком. Оно начинает жить как повторяемая модель оценки, поддерживаемая режимом обсуждения и социальной циркуляции [Кьеркегор, 1846].

Отсюда открывается близость Кьеркегора и Ницше на уровне культурно-критической оптики. Оба мыслителя читают современность через анализ тех форм, в которых культура производит субъективность и закрепляет способы оценивания. У Кьеркегора это выражено в анализе публичности, рефлексии и нивелирования, где аффективные реакции получают устойчивость благодаря тиражированию. У Ницше сходная диагностика оформляется как генеалогия, в которой реактивные аффекты становятся источником оценок и закрепляются в морали, а критика культуры приобретает симптоматологический характер. В обоих случаях внимание направлено на то, как общественная среда формирует такие режимы переживания, где оценивание становится практикой, воспроизводимой быстрее и легче, чем действие [Кьеркегор, 1846; Ницше, «К генеалогии морали»].

В этом смысле *The Present Age* представляет собой текст, где наблюдение за повторяемыми эмоциональными формами получает систематическое описание и связывается с изменением моральной атмосферы современности. Он показывает, как аффекты могут переходить в устойчивые практики оценивания и публичной самоинтерпретации. Тем самым кьеркегоровская диагностика задаёт продуктивное поле для сопоставления с ницшевской критикой реактивной морали и с шелеровской теорией ресентимента, не сводя эти линии к единой схеме, но делая видимой общую проблему культурного производства оценок и режимов субъективности [Кьеркегор, 1846; Шелер, 1999; Ницше, 2012а].

Заключение

Вопрос о месте понятия *ressentiment* в корпусе Ницше менее однозначен, чем предполагает ин-

терпретация, превращающая его в универсальный ключ к критике морали. У Ницше это терминологически локализованный диагностический узел: он фиксирует механизм реактивного оценивания и переработки аффекта в моральный язык, но не оформляется в самостоятельную теорию и действует в составе более широкого анализа реактивности, упадка, нигилизма и культурной физиологии. Поэтому в рамках данной работы *ressentiment* рассматривается как элемент понятийного ансамбля, который помогает описывать производство оценок и культурные режимы субъективности, а не как единственная матрица ницшевской критики. Такой способ чтения ближе к тем интерпретациям, которые рассматривают «Генеалогию морали» как серию диагностических реконструкций, а не как завершённую систему, организованную вокруг одного понятия [Janaway, 2007; Schacht, 2013].

Философскую «централизацию» термина обеспечивает Шелер. Его реконструкция переносит ницшевский механизм в нормативно-аксиологическую рамку и опирается на предпосылку объективного рангового порядка ценностей, относительно которого *ressentiment* понимается как искажение. Такой перевод делает понятие систематическим и универсализируемым, но изменяет предмет анализа: вместо социально-исторических практик оценивания на первый план выходит оценка отклонения от должного. В антропологическом регистре это означает сужение внимания к структуре самоотношения и к институциональным условиям, в которых реактивность становится регулярной конфигурацией субъективности [Шелер, 1999; Schacht, 2013].

Здесь возникает перспектива дальнейшего уточнения, связанная с понятием страсти в христианской традиции. Речь не о богословском выводе, а о дополнительном аналитическом ресурсе: «страсть» позволяет описывать не интенсивность переживания, а длительную аффективную установку, переживаемую пассивно, захватывающую субъекта и плохо поддающуюся самоконтролю. Такой язык помогает точнее артикулировать волевое и экзистенциальное измерение *ressentiment* как устойчивой конфигурации самоотношения, а не как частной эмоции или социального строения. В этом направлении возможно продолжение исследования, где феномен *ressentiment* будет мыслиться через структурную оценку режимов субъективности, через их социальную опосредованность и через те формы пассивной закреплённости, которые превращают аффект в практику оценивания [Кьеркегор, 1846; Шелер, 1999; Morelli, 1998].

Литература

1. Ницше Ф. К генеалогии морали. – М.: 2012.

2. Ницше Ф. Антихрист. – М.: 2012.
3. Ницше Ф. Сумерки идолов. – М.: 2012.
4. Ницше Ф. Казус Вагнера. – М.: 2012.
5. Ницше Ф. *Ecce Homo*. – М.: 2012.
6. Ницше Ф. *Nietzsche contra Wagner*. – М.: 2012.
7. Ницше Ф. Воля к власти. – М.: 2016.
8. Шелер М. Ресентимент в структуре морали. – М.: 1999.
9. Малинкин В. Комментарии к Шелеру. – 1997.
10. Haaz I., Zagorac I. *Ressentiment: Contemporary Perspectives*. – 2023.
11. Morelli E. *Ressentiment and Rationality*. – 1998.
12. Кьеркегор С. Настоящий век (*The Present Age*). – 1846.
13. Plessner H. Ступени органического и человек.
14. Gehlen A. Человек. Его природа и его место в мире.
15. Ларошфуко Ф. Максимы.
16. CNRTL. *Ressentiment; ressentir*. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/Ressentiment>; <https://www.cnrtl.fr/definition/ressentir>
17. Deleuze G. *Nietzsche and Philosophy*. New York: Columbia University Press, 1983.
18. Janaway C. *Beyond Selflessness: Reading Nietzsche's Genealogy*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
19. Solomon R. C. *One Hundred Years of Ressentiment: Nietzsche's Genealogy of Morals // Nietzsche, Genealogy, Morality: Essays on Nietzsche's Genealogy of Morals / ed. by R. Schacht*. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 95–126.
20. Schacht R. *Nietzsche's Genealogy // The Oxford Handbook of Nietzsche / ed. by K. Gemes, J. Richardson*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 363–387.
21. Ницше Ф. Письма / сост., пер. и комм. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007.
22. Nietzsche F. *Sämtliche Briefe: Kritische Studienausgabe in 8 Bänden / hrsg. von G. Colli, M. Montinari*. 2. Aufl. München: Deutscher Taschenbuch Verlag; Berlin; New York: de Gruyter, 2003.
23. Ницше Ф. Странник и его тень. М.: 2012.

RESSENTIMENT AGAINST RESSENTIMENT: THE FOREIGNNESS OF THE CONCEPT IN NIETZSCHE'S CORPUS

Denisov A.A.

Center for Practical Philosophy Stasis

The article critically reassesses the status of *ressentiment* in Friedrich Nietzsche's philosophy. Although *ressentiment* is often treated as one of the key categories of Nietzschean thought, a close reading of Nietzsche's published works and correspondence shows that the term occupies a markedly local position. It is concentrated above all in *On the Genealogy of Morality* and *The Antichrist* and does not function as a universal concept structuring the corpus as a whole. The article therefore distinguishes between the lexical history of the term and the broader mechanism of reactive valuation, which Nietzsche often describes through other notions, including decadence, nihilism, and cultural physiology. Special attention is given

to the French moralist background of Nietzsche's analysis, to the etymological limits of the concept, and to the role of Kierkegaard as a structurally related, though non-identical, line of diagnosis of modern reflexive culture. The second major focus is Max Scheler's reception of ressentiment. The article argues that Scheler transforms Nietzsche's genealogical instrument into a normative-axiological category and thus recenters the concept within philosophical anthropology. In conclusion, ressentiment is interpreted not as the central concept of Nietzsche's philosophy, but as a local diagnostic term later universalized by reception.

Keywords: Nietzsche; ressentiment; Scheler; genealogy of morals; decadence; reactive valuation; philosophical anthropology; cultural criticism.

References

1. Deleuze, G. *Nietzsche and Philosophy*. New York: Columbia University Press, 1983.
2. Gehlen, A. *Man: His Nature and Place in the World*.
3. Haaz, I., Zagorac, I. *Ressentiment: Contemporary Perspectives*. 2023.
4. Janaway, C. *Beyond Selflessness: Reading Nietzsche's Genealogy*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
5. Kierkegaard, S. *The Present Age (Nutiden)*. 1846.
6. La Rochefoucauld, F. *Maxims*.
7. Malinkin, V. *Commentaries on Scheler*. 1997.
8. Morelli, E. *Ressentiment and Rationality*. 1998.
9. Nietzsche, F. *The Antichrist*. Moscow, 2012.
10. Nietzsche, F. *The Case of Wagner*. Moscow, 2012.
11. Nietzsche, F. *Ecce Homo*. Moscow, 2012.
12. Nietzsche, F. *Nietzsche contra Wagner*. Moscow, 2012.
13. Nietzsche, F. *On the Genealogy of Morality*. Moscow, 2012.
14. Nietzsche, F. *Letters*. Ed., transl. and comm. by I.A. Ebanoidze. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya, 2007.
15. Nietzsche, F. *Sämtliche Briefe: Kritische Studienausgabe in 8 Bänden*. Ed. by G. Colli, M. Montinari. 2nd ed. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag; Berlin; New York: de Gruyter, 2003.
16. Nietzsche, F. *The Wanderer and His Shadow*. Moscow, 2012.
17. Nietzsche, F. *The Will to Power*. Moscow, 2016.
18. Nietzsche, F. *Twilight of the Idols*. Moscow, 2012.
19. Plessner, H. *The Levels of the Organic and Man*.
20. Schacht, R. *Nietzsche's Genealogy*. In: *The Oxford Handbook of Nietzsche*. Ed. by K. Gemes, J. Richardson. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 363–387.
21. Scheler, M. *Ressentiment in the Structure of Morals*. Moscow, 1999.
22. Solomon, R.C. *One Hundred Years of Ressentiment: Nietzsche's Genealogy of Morals*. In: *Nietzsche, Genealogy, Morality: Essays on Nietzsche's Genealogy of Morals*. Ed. by R. Schacht. Berkeley: University of California Press, 1994. Pp. 95–126.
23. CNRTL. *Ressentiment; ressentir*. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales.

Методологические критерии научности и типология лженаучных направлений

Зуйкова Юлия Викторовна,
студент, Калининградский филиал СПбГАУ

Кибыш Анатолий Иванович,
кандидат пед. наук, доцент, кафедра экономики и управления
в АПК Калининградский филиал СПбГАУ
E-mail: ast39new@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые различия между наукой и лженаукой, а также критерии, позволяющие отличить истинные научные знания от псевдонаучных теорий. Авторы анализируют сущность научного метода, подчёркивая его опору на доказательность, воспроизводимость и минимизацию субъективного влияния. В статье подробно описаны признаки лженауки, такие как отсутствие фальсифицируемости, игнорирование критики, использование сложной терминологии для создания видимости научности, а также апелляция к древности и анекдотическим свидетельствам. Особое внимание уделено классификации псевдонаучных направлений: от гаданий и астрологии до френологии, лозоходства и академической лженауки. Приведены исторические и современные примеры псевдонаучных теорий, а также рассмотрены методы борьбы с ними, включая деятельность сообщества «Диссернет». В заключение авторы выделяют основные критерии распознавания лженауки, что позволяет читателю критически оценивать информацию и отличать достоверные знания от заблуждений.

Ключевые слова: наука; лженаука; псевдонаука; критерии научности; псевдонаучные теории.

Введение

В жизни порой сложно отличить истинные научные знания от ложных. И потому важно понять какие теории действительно научные, а какие ложные, как отделить истинные знания от не имеющих ничего общего с наукой.

Наука и лженаука не идут рука об руку. Если что-то является псевдонаукой, то это не наука, и наоборот. Попробуем выяснить, что же такое наука и лженаука, как отличать подлинное знание от псевдонаучных теорий и на какие критерии при этом ориентироваться [16].

Наука и псевдонаука

Наука – это область деятельности, главной целью которой является исследование и систематизация знаний о человеке и мире [16]. А. Сергеев считает, что «наука – это метод познания, которому мы обязаны всем прогрессом цивилизации в последние столетия» [11]. С точки зрения познания окружающего мира наука – это самое лучшее знание, наиболее адекватно описывающее реальность. Мы рассматриваем науку как знания, полученные в результате наблюдений, опыта и исследований. Речь идет об исследованиях, наблюдениях и экспериментах, достоверных, воспроизводимых, проводимых в условиях минимизации риска ошибки или влияния исследователя, его убеждений, точки зрения на результат этих исследований. Применение научных знаний для решения практических задач – это уже технология [12]. Конечно, не все можно доказать научно, каждое рассуждение основано на определенных предположениях и аксиомах. Как красочно описывает французская авантюристка, замешанная в «деле о ядах» и осуждённая за колдовство Катрин Монвуазен: «Невозможно доказать, что Вселенная, мир, реальность не являются сонным продуктом моего разума. Невозможно доказать, что та же Вселенная не является мечтой кого-то другого или дракона. Я не могу доказать, что другие действительно существуют, потому что я могу иметь только косвенный опыт» [8].

Однако суть науки заключается в доказательстве того, что можно доказать, таких фактов, которые измеримы, наблюдаемы, констатируемы. Поэтому наряду с наукой существуют и области, которые пытаются что-то доказать, используя или не используя надежные, несомненные научные

методы. Таким образом, наука основана на доказательствах – наблюдаемых и измеримых [15]. Все, что не укладывается в рамки доказательств, не является наукой.

Важным элементом научной верификации является принцип, сформулированный в XIV веке монахом Вильгельмом Оккамом. Ее назвали бритвой Оккама. Этот принцип гласит, что явления должны быть объяснены как можно проще, исходя из как можно меньшего количества исходных предположений [14].

Псевдонаука. Псевдонаука (лженаука) представляет собой набор совершенно разных учений, некоторые из которых берут свое начало в глубокой древности и могут рассматриваться не только как набор заблуждений человеческой мысли, но и как преднаука, благодаря которой, собственно, и появилась современная наука [10, с. 41]. Это своего рода общепринятый научным сообществом набор теорем, которые стремятся называться наукой, но не соответствуют ее основным правилам и, в частности, не основаны на научном методе и не являются intersubjectively проверяемыми (не имеют опоры на проверяемый и воспроизводимый опыт). Элементарной особенностью псевдонауки, подчеркиваемой даже в школьных учебниках, является то, что, в отличие от науки, она основана не на доказательствах, а на убеждениях. В то время как наука для своих собственных потребностей тоже ищет доказательства (и только когда находит их, они становятся известными как теории и научные факты), лженаука останавливается на тезисах, которые она считает само собой разумеющимися.

Особенности лженауки

Особенности лженауки выделил в своей книге «Правда и мифы о физике» польский ученый Анджей Каetan Врублевский. К таким особенностям относятся следующие.

1. Мания величия автора, который считает, что он единственный, кто знает правду, презрительно относится ко всем ученым реального мира, обвиняя их в невысказанных мнениях, консерватизме или прямо-таки непристойности.
2. Текст псевдонаучной работы обычно представляет собой тарабарщину, состоящую либо во введении новой терминологии, известной только автору, либо в использовании слов, хотя и известных, но смешанных по принципу случайного выбора (например, рябь пространства-времени), что свидетельствует об их непонимании автором.
3. Невежество, проявляющееся как в незнании хорошо установленных фактов, так и в необоснованном отрицании всего, что не соответствует взглядам автора.
4. Полное непонимание духа науки, проявляющееся в предъявлении «официальной науке»

обвинения в том, что она не может на все ответить. Лженаучник не понимает, что наука развивается именно потому, что ей приходится искать ответы на все новые и новые вопросы. Связанные с псевдонаукой исследования, концепции, теории и псевдотеории, которые по замыслу должны дополнять, расширять науку, называются паранаукой [3]. Это определение звучит относительно безобидно до тех пор, пока мы не поймем его исторический контекст, в котором все тайные знания, включая чародейство и колдовство, назывались паранаукой, которые по замыслу лженаучников должны были быть явлениями, которые невозможно изучать научными методами.

Различия между псевдонаукой и паранаукой

Псевдонаука узурпирует статус науки, пытается доказать свои теории научными методами, часто безуспешно.

Паранаука не претендует на то, чтобы быть наукой, она исследует явления, которые наука считает необъяснимыми.

Таким образом, различие между паранаукой и псевдонаукой часто является вопросом контекста и подхода. Паранаука часто изучается как явление, отдельное от традиционных областей науки, исследуя предметные области, которые не подпадают под научное познание. Лженаука, с другой стороны, стремится к научному статусу, но ей часто не хватает научной методологии исследования и эмпирически подтвержденных доказательств.

В современном мире, где наука все больше приобретает знания о многих явлениях, к паранауке и лженауке относятся с большей осторожностью и критикой. Разработка новых методов исследования и технологий, позволяющих изучать ранее труднодоступные области, может помочь более точно отделить науку от лженауки и паранауки. Тем не менее, все еще существует необходимость в дальнейших исследованиях и дебатах, чтобы лучше понять эти явления и их место в обществе.

Особенности лженауки описаны в исследовании канадского ученого Пола Тагарда [5]. К ним он относит следующие.

1. Псевдонаучная теория развивается медленнее и имеет больше нерешенных проблем, чем соответствующая научная теория.
 2. Последователи псевдонаучной теории не пытаются развить ее для решения проблем и завершения головоломки.
 3. Последователи псевдонаучной теории не пытаются оценить ее в отношении ее альтернатив.
 4. Приверженцы псевдонаучной теории озабочены выборочным поиском подтверждающей ее информации и подделок.
- Со временем Тагард расширил свои критерии, включив в них еще одну отличительную диагно-

стическую характеристику псевдонауки (Roskal, 2014), заявив, что теория обычно псевдонаучна если она не является ни простой, ни унифицированной, и ее объяснения, источники знаний и предположения являются специальными, насильственно и ложно подобранными к остальной части этой теории [4].

Критерии Тагарда, синтезированные и открытые являются достоверными.

1. Если факты подбираются под тезис и насильственно в него вписываются, о научной теории не может быть и речи.

2. Если последователи данной теории являются ее заложниками, не мыслят критически, застревают в когнитивном туннелировании и ищут только аргументы в пользу данной теории, а не против нее, они явно действуют не в соответствии с научной методологией [5].

Примеры псевдонаучной проблематики

Ворожба – одно из традиционных названий колдовства на Руси. Сюда же относятся гадание, заговоры и собственно колдовство.

Известны следующие техники гадания:

- алектромантия – гадание с использованием специально обученного петуха;
- гидромантия – гадание по воде;
- леканомантия – гадание по движениям змей;
- логарифмация – гадание по логарифмам;
- тиромантия – гадание по способу нарезки сыра;
- скиомантия – гадание на тени;
- старомантия – предсказание будущего из стихий;
- ономантия – гадание по именам и др. [6].

Все эти и другие техники достаточно подробно описаны в различной ненаучной литературе.

Гадание – это комплекс действий, связанных с попытками предсказать будущее с помощью специальных предметов и приемов, а также, по некоторым интерпретациям сверхъестественных сил.

Астрология – это гадание, состоящее в попытках предсказать будущее отдельных людей и событий на Земле на основе положения небесных тел в небесной зоне.

Алхимия. Целью алхимии был поиск философского камня – чудесного вещества, превращающего свинец в золото. Побочные цели – создание банальных зелий – эликсира бессмертия и лекарства от любых недугов.

Лозоходство. Иначе биестезия – это псевдонаука, связанная с предполагаемой радиацией. Суть биолокации заключается в обнаружении водяных жил, минералов и многих других объектов с помощью таких инструментов, как палочка, маятник и даже без каких-либо инструментов.

Левитация. В парапсихологии это способность свободно поднимать собственное тело силой воли. Существование явления левитации научно не доказано и поэтому относится к лженауке. Последователи некоторых гуру и других индийских духовных мастеров утверждали, что их мастера могут левитировать.

Псевдонаучные теории

Приведем примеры научных теорий и теорем, не подтвержденных научными исследованиями.

Френология – псевдонаучная теория, утверждающая связь между психическими свойствами человека и строением его черепа. Создателем френологии является австрийский врач и анатом Франц Йозеф Галль (начало XIX века). Он утверждал, что все психические свойства локализуются в различных участках мозга, и полагал, что различия в мозговых извилинах можно определить по выпуклости («шишке») на соответствующем участке черепа, а при недоразвитии части мозга – по впадине. Таким образом, Галль пришел к выводу, что черты характера и таланты человека можно узнать... по опухолям на черепе [13].

Концепция была проста: за каждое умение и склонность отвечал какой-то фрагмент мозга. Чем он был больше, тем сильнее была данная черта. А раз мозг должен был быть больше, то и на черепе должна быть видна соответствующая выпуклость. Исходя из этого, даже пытались искать прирожденных преступников, полагая, что убийственные наклонности написаны в опухолях. Интересно, что последние френологические общества были уничтожены только в 60-х годах прошлого века.

Лысенковщина – политическая кампания по преследованию и шельмованию группы генетиков, отрицанию генетики и временному запрету генетических исследований в СССР. Получила своё популярное название по имени Т.Д. Лысенко, ставшего символом кампании. По его мнению, теория Дарвина, согласно которой особи данного вида соперничают друг с другом, а соперничество выигрывают наиболее приспособленные к окружающей среде, противоречит марксистской философии. Лысенко считал, что организмы изменяются в результате воздействия измененных условий и вовсе не конкурируют друг с другом, а сотрудничают для преодоления трудностей. Согласно этой теории поля Сибири засеяли пшеницей, полагая, что через некоторое время она привыкнет и будет расти, несмотря на северные морозы. Эффективность этих экспериментов была нулевой, и Лысенко ушел в небытие вместе со смертью своего покровителя И.В. Сталина.

Лоусономия. Теория утверждает, что энергии не существует, а на Северном полюсе есть большая дыра. Альфред Лоусон был бейсболистом

и летчиком, но после завершения карьеры занялся наукой, а фактически, ее отрицанием, потому что Лаусономия должна была стать новой, великой парадигмой знания всего мира. Таким образом, как утверждал Лоусон, энергия вообще не существует, и любое движение должно происходить из-за смещения элементов различной плотности. Земля плавает в эфире, а около Северного полюса находится большая дыра, которая всасывает метеориты и другие вещи из космоса, что «земные вены» распространяют, как пищу по планете. То, что он не распространяет, изгоняется земным «анусом», расположенным далеко на юге. Если добавить к тому, что, по его мнению, в человеческом мозге живут крошечные существа, которые управляют нами, трудно поверить, что Лоусон в 40-х годах собрал вокруг себя группу учеников и даже основал собственную школу [2].

Радиономика. Или иначе – радиоволны от капля крови. Автор этой теории Альфред Абрамс был в конце XIX века признанным американским врачом, однако прославился как предполагаемый первооткрыватель эпохи «электронных реакций Абрамса». По его мнению, каждая клетка человеческого тела испускает волны, похожие на радиоволны, из которых можно прочесть информацию о каждом заболевании, которым страдает человек [1]. Радиономика стала очень популярной в начале XX века, и США заполнились профессионалами, готовыми с помощью странных палочек, коробок или даже без какого-либо оборудования прочитать с одной капли крови все о состоянии здоровья человека. К сожалению, научная проверка Американской Медицинской Ассоциации оказалась жестокой: в образцах, из которых радиономики «получали» информацию о сифилисе, раке, диабете и других серьезных заболеваниях, была кровь курицы [7].

Теория плуга. Она утверждает, что дождь в прерии придет вслед за человеком, который там поселится. Большинство земель центральной части Соединенных Штатов занята сухой и не очень дружелюбной прерией, и трудно сказать, какое влияние на ее заселение оказало состояние знаний климатологии девятнадцатого века. По мнению исследователей того времени, засушливые и недружелюбные территории превращаются в дождливые и плодородные после их заселения. Это объяснялось самыми разными способами – дождь должен был образовываться за счет более легкого испарения воды из разрыхленной почвы, его вызывал дым из дымоходов локомотивов или вибрация проходящих поездов. Однако реальность оказалась менее красочной: мало того, что дожди не пришли, неадекватная сельскохозяйственная экономика способствовала серии пыльных бурь (dust bowl) в 1930-х годах и привело к огромной бедности на Великих равнинах.

Теория Виктора Петрика. Наиболее одиозной фигурой среди деятелей современной псевдонауки является Виктор Петрик. Как у всякого лжеученого, спектр деятельности Петрика довольно широк: здесь и методы очистки радиоактивных отходов, и способы защиты от поддельных лекарств, и промышленное производство наноматериалов, и многие другие многообещающие заявления, ни одно из которых никогда не было выполнено. Наибольшую известность он получил как автор идеи уникальных очистительных фильтров, якобы способных превращать любую воду в питьевую. Благодаря лоббированию государственных чиновников идею фильтров Петрика планировалось преобразовать в национальную программу с финансированием до 15 триллионов рублей (чудо-фильтр в каждый дом!). Только после вмешательства в эту историю Комиссии по борьбе с лженаукой, проведения независимой экспертизы деятельности Петрика и разразившегося вслед за этим скандала чудо-изобретатель наконец ушел в тень [9].

Академическая псевдонаука. Существует, к сожалению, и псевдонаука внутри самой науки, так называемая академическая псевдонаука.

Академическая псевдонаука, конечно, скрывается за занавесом «бурной научной деятельности». Работники вузов часто пишут никому ненужные и неинтересные статьи в третьесортных научных журналах, которые редко кто читает.

На первый взгляд, такая лженаучная деятельность вряд ли способна нанести какой-то вред. Иногда среди вороха пустых и бессмысленных наукообразных статей можно встретить и «сенсационные» материалы. Так появляются авторы «сенсационных открытий» или очень смелых гипотез, либо разоблачители общеизвестных научных теорий.

Для борьбы с академической лженаукой в 2013 году был основан проект по выявлению псевдонаучных и сомнительных научных работ – сетевое сообщество «Диссернет». Сообщество борется с академической псевдонаукой, в первую очередь, проводя экспертизы кандидатских и докторских диссертаций на предмет наличия в них плагиата и фальсификаций. Помимо этого, на базе Диссернета была создана «Диссеропедия российских журналов» – каталог русскоязычных научных журналов, которые могут содержать признаки некорректной редакционной политики.

Приведенные выше примеры затрагивают лишь небольшую часть существующих псевдонаучных теорий, достаточно полно описанных исследователями.

Критерии распознавания псевдонауки

Лженаучных, антинаучных и паранаучных идей и теорий огромное количество. Чтобы не попасться

на их удочку, важно уметь их распознавать. Выделим основные ключевые критерии псевдонауки.

1. Нефальсифицируемость. В основе научного подхода лежат предположения, которые можно подтвердить или опровергнуть с помощью экспериментов. Если теория не может быть проверена опытным путём, это вызывает опасения. Например, утверждение о том, что некоторые люди обладают экстрасенсорными способностями, не может быть опровергнуто, поскольку его невозможно проверить объективно.

2. Отсутствие повторяемости. В науке эксперименты должны быть воспроизводимыми. Если другие учёные не могут повторить результаты эксперимента, то теория, скорее всего, не является достоверной. Например, исследования, направленные на проверку эффективности гомеопатии, часто дают противоречивые результаты, что вызывает сомнения в её надёжности.

3. Эвфемизмы и сложные термины. Нередко в псевдонаучных теориях применяются сложные термины и слова-заменители, чтобы придать им видимость научности, хотя на самом деле они не имеют под собой никакого научного обоснования. Например, в текстах по астрологии можно встретить такие понятия, как «лунный узел» или «ретроградный Меркурий». Эти термины звучат внушительно, но не несут в себе никакого смысла.

4. Апелляция к древности. Псевдонаучные концепции нередко заявляют о своей связи с древними знаниями и обычаями. Так, многие методы нетрадиционной медицины, такие как аюрведа или традиционная китайская медицина, преподносятся как проверенные временем. Однако возраст метода не является гарантией его научной обоснованности или действенности. Современная наука требует объективных подтверждений, полученных в ходе контролируемых исследований и экспериментов.

5. Отсутствие рецензируемых публикаций. Научные концепции и достижения публикуются в авторитетных изданиях, где они подвергаются тщательному анализу со стороны профессиональных специалистов. В то же время, лженаучные концепции не проходят подобной проверки и распространяются через общедоступные источники, такие как книги, интернет-ресурсы и средства массовой информации.

6. Использование анекдотических свидетельств. В основе псевдонаучных теорий нередко лежат недостоверные сведения, а именно – личные истории и случаи, которые невозможно проверить. Утверждения о чудесных исцелениях без подтверждения научными методами не могут быть признаны научными. Для настоящей науки необходимы контролируемые клинические исследования и статистически значимые данные [17].

Таким образом, с помощью упомянутых выше инструментов, псевдонаучные теории легко опре-

делить и отделить от научных знаний для получения достоверных сведений об окружающем нас мире.

Литература

1. Albert Abrams & Radionics Technology. – URL: <https://subtle.energy/albert-abrams-radionics-technology/> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Downs K. Alfred Lawson. – URL: <https://www.questionai.com/knowledge/kxjQh7hOyS-alfred-lawson> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Jarovenko S. A., Cherniaeva A.S. Science and Parascience: Review of Literature on the Problem (Late XX – Early XXI Centuries) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – № 7. – pp. 1234–1248.
4. Thagard P. – URL: <https://encyclopedia.pub/entry/39408> (дата обращения: 11.04.2026).
5. Thagard P. – URL: <https://research.com/u/paul-thagard> (дата обращения: 11.04.2026).
6. Азбука веры. Гадание. – URL: <https://azbyka.ru/gadanie> (дата обращения: 11.04.2026).
7. Зунн Ф. Дух в компьютере. Глава 9. Радионика: техника дарит здоровье. – URL: https://www.eusi.ru/lib/sunn_duh_v_kompjutere/9.shtml (дата обращения: 15.04.2026).
8. Карасюк Д. Яд, любовь и сатанизм в тени короля-солнце. – URL: <https://diletant.media/articles/35502730/> (дата обращения: 16.03.2026).
9. Классификация псевдонаук. – URL: <https://dzen.ru/a/W4ajrM3rZQCrhMst> (дата обращения: 21.04.2026).
10. Маркин В.В. Наука и лженаука в современной культуре // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. – № 5. – С. 41.
11. Сергеев А. Борьба с лженаукой: FAQ / А. Сергеев // Троицкий вариант. – URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432492/Borba_s_lzhenaukoy_FAQ. (дата обращения: 04.05.2026).
12. Технология. – URL: <https://znanierussia.ru/articles/Технология> (дата обращения: 21.03.2026).
13. Френология. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Френология> (дата обращения: 14.04.2026).
14. Худиев Сергей. О бритве Оккама и принципе милости. – URL: <https://foma.ru/o-britve-okkama-i-princzipe-milosti.html> (дата обращения: 18.03.2026).
15. Хюбнер К. Критика научного разума. – М., 1994. – 326 с.
16. Чем отличается наука и псевдонаука. – URL: <https://zaochnik.ru/blog/chem-otlichaetsja-nauka-i-psevdonauka/?ysclid=mb9oo0cdk1185079826> (дата обращения: 10.04.2026).
17. Что такое псевдонаука? Разбираемся, во что верят люди и почему теории заговора звучат убедительно. – URL: <https://www.securitylab.ru/>

blog/personal/Technolady/353789.php (дата обращения: 18.04.2026).

METHODOLOGICAL CRITERIA OF SCIENTIFIC CHARACTER AND TYPOLOGY OF PSEUDOSCIENTIFIC TRENDS

Zuikova J.V., Kibysh A.I.

Kaliningrad branch of SPbGAU

The article examines the key differences between science and pseudoscience, as well as criteria for distinguishing true scientific knowledge from pseudoscientific theories. The authors analyze the essence of the scientific method, emphasizing its reliance on evidence, reproducibility, and minimization of subjective influence. The article describes in detail the signs of pseudoscience, such as the lack of falsifiability, ignoring criticism, using complex terminology to create the appearance of science, as well as an appeal to antiquity and anecdotal evidence. Special attention is paid to the classification of pseudoscientific fields: from fortune-telling and astrology to phrenology, dowsing and academic pseudoscience. Historical and modern examples of pseudoscientific theories are given, as well as methods of combating them, including the activities of the Disser-net community. In conclusion, the authors identify the main criteria for recognizing pseudoscience, which allows the reader to critically evaluate information and distinguish reliable knowledge from misconceptions.

Keywords: science; pseudoscience; pseudoscience; criteria of scientific validity; pseudoscientific theories.

References

1. Albert Abrams & Radionics Technology. – URL: <https://subtle.energy/albert-abrams-radionics-technology/> / (accessed: 04/15/2026).
2. Downs K. Alfred Lawson. – URL: <https://www.questionai.com/knowledge/kxjQh7hOyS-alfred-lawson> (date of access: 04/15/2026).
3. Jarovenko S. A., Cherniaeva A.S. Science and Parascience: Review of Literature on the Problem (Late XX – Early XXI Centuries) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. –2014. – № 7. – pp. 1234–1248.
4. Thagard P. – URL: <https://encyclopedia.pub/entry/39408> (date of request: 04/11/2026).
5. Thagard P. – URL: <https://research.com/u/paul-thagard> (date of reference: 04/11/2026).
6. The ABC of faith. Fortune-telling. – URL: <https://azbyka.ru/gadanie> (date of reference: 04/11/2026).
7. Zunn F. The spirit is in the computer. Chapter 9. Radionics: technology gives health. – URL: https://www.eusi.ru/lib/sunn_duh_v_komputere/9.shtml (date of access: 04/15/2026).
8. Karasyuk D. Poison, love and Satanism in the shadow of the sun King. – URL: <https://diletant.media/articles/35502730/> / (date of access: 03/16/2026).
9. Classification of pseudosciences. – URL: <https://dzen.ru/a/W4a-jrM3rZQCrhMst> (date of request: 04/21/2026).
10. Markin V.V. Science and pseudoscience in modern culture // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. – № 5. – p. 41.
11. Sergeev A. The fight against pseudoscience: FAQ / A. Sergeev // Troitskiy variant. – URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432492/Borba_s_lzhenaukoy_FAQ. (date of access: 05/04/2026).
12. Technology. – URL: <https://znaniyru.ru/articles/Technology> (accessed: 03/21/2026).
13. Phrenology. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Phrenology> (accessed: 04/14/2026).
14. Khudiev Sergey. About Occam's razor and the principle of mercy. – URL: <https://foma.ru/o-britve-okkama-i-princzipa-milosti.html> (date of reference: 03/18/2026).
15. Hubner K. Criticism of scientific Reason, Moscow, 1994. – 326 p.
16. What is the difference between science and pseudoscience? – URL: <https://zaochnik.ru/blog/chem-otlichaetsja-nauka-i-ps-evdonauka/?ysclid=mb9oo0cdk1185079826> (accessed: 04/10/2026).
17. What is pseudoscience? We understand what people believe and why conspiracy theories sound convincing. – URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Technolady/353789.php> (date of request: 04/18/2026).

Концепт системности фундаментальной определяемости математики

Полякова Оксана Рудольфовна,

кандидат физико-математических наук, кафедра математики,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет,
E-mail: ksenpolyaor@yandex.ru

В работе представлен концепт системности фундаментальной определяемости математики. Вводятся система девяти базовых фундаментальностей: правила, методы, принципы, начала, аксиомы, императивы, законы, стандарты и меры. Данные категории обсуждаются на примере известных математических формулировок. В усилении обоснования концепта актуализируется необходимость рассмотрения математического субъекта как основного фактора науки.

Ключевые слова: фундаментальность, математика, математический субъект.

Системность фундаментальной определяемости наук

В реализации организации любой научной деятельности возникает вопрос фундаментальных оснований науки. Более глубоким является вопрос источников, из которых черпает наука соответствующие основания. Особенно остро данный вопрос актуализируется для математики, которая оперирует абстрактными объектами, не имеющими материального явления.

Известно, что крупнейший онтологический кризис оснований математики случился ещё на рубеже 19–20 века, и до настоящего времени противоречия не разрешены [1].

Общепринята точка зрения, в которой фундаментальные основания математики систематизируются тремя основными пулами. Первый – это первичные математические объекты. Их невозможно определить через другие объекты. Примерами таковых являются: число, точка, прямая. Следующий раздел – это аксиомы, обладающие «принудительной исходностью», то есть не подразумевающей доказательство. К третьему пулу относятся логические средства вывода. Именно при помощи данного инструмента логического вывода происходит оперирование объектами первого и второго пула для получения новых данных.

При этом мир математики настолько велик, что такие архетипические явления как язык, грамматика, инвариант, отношение, упорядоченность, факторизация – сложно вписать в представленную системность.

Предлагаемый концепт системности ставит задачей построение иерархии фундаментальных оснований и основан на введении иерархически упорядоченной последовательности девяти позиций: правил, методы, принципы, начала, аксиомы, императивы, законы, стандарты, мера.

Математический субъект

В обосновании концепта необходимо принять во внимание важнейший фактор, а именно – математического субъекта, оперирующего математической системностью. Ни в одной другой науке объект не имеет такой необходимости быть учтённым. Математика – это рефлексивная наука, которая, изучая не существующие «в природе вещей» структуры, вынуждена оперировать только внутренним явлением математического субъекта. Само математическое действие «разворачивается» внутри математического субъекта.

Математика вынуждена заниматься методами постижения объекта математическим субъектом, поскольку объект оказывается имманентным субъекту. В этой необходимости возникла логика, а также математические правила, математические методы, и далее, не в привычном смысле «правил» сложения или умножения, а в тех аспектах, о которых говорит Пиаже [2–3] «С психологической точки зрения операции – это действия, которые перенесены внутрь, обратимы и скоординированы в системе, подчиняющейся законам, которые относятся к системе как к целому. Они представляют собой действия, которые, прежде чем они стали выполняться на символах, выполнялись на объектах».

Изучая развитие мышления детей Пиаже обнаружил, что уже на первых стадиях развития интеллекта начинает формироваться система с общими для – интеллекта, логики и математики – операциями! Было доказано, что система является алгебраической группой и обосновано, что данная алгебраическая группа порождает все интеллектуальные, логические и математические преобразования.

Это означает, что интеллект человек не только способен воспроизводить, но и продуцирует математические операции. И если сложение является базовой бинарной операцией, значит, и правила сложения, неминуемо характерны особенностям интеллекта. Свойствами логики и логических операций обладает мышление субъекта, вступающего в математическую деятельность.

Вырабатываемое новое научное знание – с субъектной точки зрения – это результат научной познавательной деятельности. Очевидно, что научное познание подчиняется выработанным наукой правилам. Научное познание следует методам и применяет методы науки. Научное познание руководствуется принципами науки. Научное познание оперирует выработанными в науке началами. Научное познание базируется на аксиоматике и направляется императивами. Научное познание соподчиняется законам. Научное познание имеет определенные заданные стандарты и критериальные меры [4]. Таким образом, рассматриваемая системность используется субъектом любой науки, в том числе, математики и оперирование мерой, стандартом, законом, императивом, аксиомой, началом, принципом, методом и правилом заложены в организации человека.

Одновременно с этим, в ходе научного действия субъект устанавливает и утверждает новые правила, разрабатывает новые методы, определяет новые принципы, выявляет новые начала, постулирует аксиомы, выходит на новые императивы, открывает новые законы, задает стандартизацию и критериальные меры следующего, более высокого порядка. Это относится как непосред-

ственно к познаваемому, так и вырабатываемому знанию в целом.

Если ввести единую категорию фундаментального для всех девяти представленных выражений, то можно увидеть, что научная деятельность имеет две линии. Первая – это применение уже выработанных – итогом развития науки на данный момент времени – фундаментальностей. Вторая – вырабатывание новых, которые являются итогом внутреннего действия субъекта, его ментальной, интеллектуальной, творческой деятельности.

В этом контексте категория фундаментального дает хорошую интерпретацию понятию «фундаментальной науки» как науки, которая ставит своей задачей вырабатывание фундаментальностей, то есть, правил, методов, принципов, начал, аксиом, императивов, законов, стандартов, мер.

Можно сделать предположение, что количество выработанных фундаментальностей каждой наукой находится в прямой зависимости от ее истории, точнее, возраста. Если данное предположение верно, то фундаментальность математики кроется, в том числе, и того объема времени, в течение которого человечество занимается математикой.

Девять видов фундаментального в математике

Кратко рассмотрим девять фундаментальностей оснований науки.

Правило

Общепризнанные определения правила говорят о том, что это установленный порядок. Или закономерность, устойчивая систематическая взаимосвязь между явлениями.

Вариант определения правила [5] – «предложение, выражающее при определенных условиях разрешение или требование совершить или воздержаться от совершения некоторого поступка (под «поступком» может подразумеваться некоторое действие или бездействие) – несет социальный характер и, вряд ли применим к таким математическим явлениям как правила сложения, правило Саррюса, правило Лопиталя, правило трех сигм, правило де Моргана, правило *modus ponens*.

Простое перечисление нескольких, совершенно разных по своей природе, правил показывает неоднозначность и неразработанность понятия «правило». Более того, если обратиться к справочным материалам, в которых представлены данные правила, можно увидеть большое количество противоречий. Определение правила Саррюса [6] гласит, что «правило Саррюса – это метод вычисления определителя матрицы третьего порядка». Отсюда возникает закономерный вопрос – правило Саррюса является правилом или методом?

Правило трех сигм определяется в некоторых источниках как метод, в других – как принцип статистического анализа.

Вопрос – почему такое возможно, будет рассмотрен чуть позже. А сейчас обратим внимание, что все шесть приведенных правила существенно различны. И можно однозначно утверждать, что все они относятся к разным иерархическим структурам. Параметры, по которым идет различение структур, множественны. Один из важнейших – объем начал, которые задействованы в правилах. В случае правила Саррюса достаточно оперировать понятиями «определитель», «элемент определителя», «сложение», «умножение», а также правилами сложения и умножения.

Правило трех сигм требует от субъекта большего объема знаний и операционности в области теории вероятностей. При одинаковом исходном уровне математической подготовки освоение второго правила потребует существенно большего времени и мыслительных усилий для его овладения, чем первого.

Можно увидеть, что правило представляет собой регулируемую деятельность или указание по регулирующей деятельности. Регулирующая деятельность состоит из набора действий, набора понятий, набора смыслов, набора связей, и далее, приводящих к естественному регулируемому действию. Как только такой набор – в возможности воспроизведения действий или операций – устоялся и оформился в регуляторном функционировании, данный набор становится правилом, которое можно сформулировать, и «передать» для дальнейшего использования.

Определяя правило как форму целостного порядка, можно утверждать основность данной фундаментальности для всех последующих.

Метод

Метод в классическом научном подходе изучен и определен достаточно четко. Согласно [5] метод в науке – это система приёмов, регулятивных принципов, предписаний и требований, которая руководствует научным познанием и обеспечивает получение научного знания.

Введем определение метода – параметрическое действие определенной направленности и подчеркнем, что результатом метода является переход к следующему порядку содержания. При этом существуют пользователи метода, а существуют разработчики метода, вклад которых более существенен, поскольку новыми методами развивается содержание самой науки. Пользовательское применение методов тоже возвращает содержательность, но в данном случае оно нацелено преимущественно на развитие субъекта, на рост его навыков, умений, компетенций.

Несомненно, что множество методов в математике имеет высокую мощность. Если задаться

целью перечислить все математические методы и методы математики, это может оказаться невыполнимой задачей.

Интересной представляется задача иерархизации методов по существенным характеристикам. Несмотря на имеющиеся классификации разного рода «существенные характеристики», лежащие в основе классификации, не всегда формализуемы отсутствием достаточной иерархической базы данных математических начал. Очевидно, что сравнении таких методов как метод математического моделирования, метод математической индукции и метод Гаусса-Жордана, приводит к выводу об спектре иерархических порядков методов как фундаментальных оснований, которыми оперирует наука.

Принцип

Обратимся к одному из описаний категорий «математические принципы» – это основополагающие положения, методы или правила, которые используются для построения теорий, доказательства утверждений, решения задач и анализа математических структур.

Закономерный вопрос, который вытекает из рассматриваемого определения – принципы являются правилами? Или принципы можно рассматривать как методы?

Вполне ожидаемый ответ состоит в том, что принципы не являются правилами. Принципы не являются методами. Принципы являются принципами.

Смешение понятий можно наблюдать, начиная с фундаментальной работы Исаака Ньютона «*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*» [7], в названии которой фигурирует слово «принцип». Тем временем, в переводе названия «Математические начала натуральной философии» фигурирует категория «начала».

Интересно, что слово «архе» переводится как принцип, как первой постулат, утверждение, которое лежит в основе научных законов, теорий, концептов. И можно предположить, что в принципах лежит глубинная архетипичность явлений. Именно поэтому принцип как явление имеет очень высокую силу. Смена принципа меняет тотально парадигму рассматриваемого. В качестве примера принципа приведем постулат, известный как аксиома Лобачевского [8], оставляя за кадром – на данный момент – вопрос о правомочности приведение аксиомы в качестве примера принципа. Но этот пример лишь обостряет поднимаемую в статье проблематику.

Постулат Лобачевского, рассматриваемый как принцип, выводит на принципиально иной концепт геометрии, по отношению к евклидовой. И не просто концепт, а на иную геометрию.

Известно, что пятый постулат аксиоматики Евклида – тот самый, который был изменен Лобачев-

ским – всегда выглядел чужеродным среди других, вполне очевидных постулатов. Математики, начиная с античности, стремились найти доказательство и исключить его из числа аксиом. Ракурсом фундаментального рассмотрения объяснение данного отношения будет тот факт, что пятый постулат является принципом, а не аксиомой.

В отличие от множественности методов принципы в математике можно перечислить «на пальцах». Их принадлежность разным иерархически порядкам очевидна – достаточно сравнить принцип Дирихле (комбинаторика) с принципом Дюамеля (математическая физика). Отметим, что в контексте принципов существенно начинает проявляться различие областей математики. Не отменяя того, что различия начинают проявляться уже на уровне первой фундаментальности правила.

Начало

Первый образ математических начал, несомненно, присутствует в «Началах» Евклида [9]. Греческое слово, используемое в названии, переводится как основы, элементы, начала. Первая часть «Начал» или первая книга «Начал» может быть представлена как доказательная база концепции фундаментальностей в математике. Три раздела первой книги: определения, постулаты, аксиомы раскрывают явления: начал, принципов, аксиом. Началами, вводимыми в первом разделе, являются точка, линия, поверхность как предельные, в некотором смысле «неопределяемые» категории.

К началам относятся числа. Разные характеристики, предъявляемые к классам чисел, порождают разную «сложность» в иерархии чисел. Например, p -адические числа [10] требуют от субъекта операционности большим количеством начал, в то время как для натуральных достаточно базового выражения, заложенного в аксиоматике Пеано. Но одновременно с этим, натуральные числа несут высочайшую степень фундаментальности.

Подчеркнём, что степень подготовок математического субъекта напрямую зависит от количества начал, которые способен ввести в математическое действие субъект.

Определим начало как сгусток иерархизированных фундаментальностей, упорядоченных во взаимосвязях.

Аксиома

Математика построена на аксиоматике. Аксиома предполагает связывание начал – четко отстроенных категориально – в смысловое утверждение, которое становится устойчивым и творит науку, раскрывая возможности.

Аксиоматизация задействует не только начала. Для неё необходимы правила – правила вывода для получения функциональных зависимостей.

Подчеркнем, что аксиомы, выработавшие достаточно высокий потенциал, могут переходить в прин-

ципы. Именно поэтому при рассмотрении принципов обсуждался пример с пятой аксиомой Евклида.

Некоторые формулировки очень четко фиксируют двойное название – например, аксиома Архимеда или принцип Архимеда, который был предложенным Евдоксом и приведен в «Началах» Евклида: «Говорят, что величины имеют отношение между собой, если они, взятые кратно, могут превзойти друг друга». Фактически, аксиома определяет архимедовы структуры, запрещая бесконечно малые и бесконечно большие величины. Здесь можно увидеть, что сама аксиома задает область научного действия.

При этом та же самая аксиома срабатывает принципом в тогда, когда вводится математическое понятие величины. При всех остальных требованиях, налагаемых на величину, требование исполнения аксиомы/принципа Архимеда является наиболее существенным.

Еще один пример игры фундаментальных понятий. Правило сложения чисел, утверждающее неизменяемость результата от перестановки слагаемых в сумме, представляет собой одну из восьми аксиом линейного пространства, указывающее на свойство коммутативности операции «суммы» двух элементов линейного пространства.

Императив

Нехарактерная для математики категория встречается в императивном программировании и императивной логике, но в этих коннотациях не хватает фундаментальности данной категории как основания науки.

Категорию императива представим в двух аспектах – субъектно и объектно. Объектно императивным будет само число как таковое. Объектно императивной будет сигнатура языка. Число как императив будет отличаться от числа как начала, где в началах число вовлекается в процессуальность математического действия. В императиве число «как таковое» представляется неизбежно-непреложным.

Существует подход шестеричного рассмотрения любого феномена [11]. Согласно данному подходу вводятся шесть направлений рассмотрения: объект, предмет, субъект, явление, тело процесс. Рассмотрение категории числа отнесет число к процессам – с точки зрения начал, и явлению – с точки зрения императива. Поэтому в появлении одной категории в разных иерархических порядках фундаментального непротиворечиво и законно.

Закон

Законы более известны в физических науках, нежели в математических. И даже такой закон как закон больших чисел в теории вероятностей в литературе описывают как принцип. Проверить его исполнение невозможно, поскольку невозможно произвести бесконечное количество испытаний.

Пример закона больших чисел дает хороший образ категории закона как предельной возможности исполнения, даже непосредственным устремлением или стремлением $n \rightarrow \infty$.

При рассмотрении других типов математических законов, отметим законы логики, которые в свою очередь подразумевают классификацию и частично относятся к правилам.

К правилам возвращает и утверждение, называемое переместительным законом сложения.

Самый красивый вариант математических законов – это формульные выражения высоких порядков: неравенство треугольника, теорема Пифагора, основное тригонометрическое тождество, неравенство Коши-Буняковского, формула Эйлера и другие известные утверждения, обычно формулируемые в качестве теорем. С одной стороны, основное тригонометрическое тождество следует из определения кругового синуса и косинуса. С другой стороны, достаточная универсальность позволяет отнести тождество к законам.

Стандарт

Как таковое слово «стандарт» в явном виде присутствует в названии среднеквадратичного отклонения случайной величины, называемом стандартным отклонением.

К стандартам и стандартным формам можно отнести канонические виды уравнений и представлений, например, жорданову нормальную форму матрицы или канонические уравнения кривых и поверхностей, задающие геометрические объекты в стандартизированной форме. В выражения фундаментальности стандарта так же могут быть включены нормы пространств.

Отдельно выделим стандартное представление натурального числа в виде произведения степеней простых чисел, которое актуализирует простые числа в следующее явление фундаментального – меру.

Мера

Данная категория настолько естественная для математики, что можно не приводить обоснования хотя бы вследствие того, что существует теория меры [12].

Тем не менее, несколько контекстов меры интересно озвучить именно с позиции фундаментального явления. К мере отнесем некоторые классы отношений – например, отношения эквивалентности и отношения порядка. Мерой могут выступать объекты категорий.

Существенным является тот факт, что мера является итогом всех предыдущих восьми фундаментальных оснований: правила, метода, принципа, начала, аксиомы, императива, закона, стандарта, вводя математического субъекта в новый объем знаний и создавая устойчивую универсальную математическую концептуальность.

Обсуждение

В такой точной науке как математика смешение содержательных понятий аксиом, законов, принципов, без четкого определения таковых, представляется удивительным.

Задаваясь вопросом отсутствия четкой определенности в оперировании категориями, попробуем ответить на него следующим образом. Сама структура девяти фундаментальностей крайне динамична. Фундаментальности могут выстраиваться матрично, образуя разные виды цельности, определяющиеся порядками расположения элементов по строкам и столбцам. Например, в комбинации

в центровке оказывается «начало». Поскольку количество возможных комбинаций расположений фундаментальностей в представленном матричном виде велико, можно предположить, что на разных этапах решения математической задачи и в различных контекстах рассмотрения актуализируются определенные иерархические порядки матрицы, в которых главную позицию занимает выражение в центровке матрицы, соответствующее «центральному» элементу матрицы. Вероятно, именно этим можно объяснить тот факт, что известные математические утверждения выступают в той или иной фиксации.

Еще один вывод относится к иерархии областей математики. Каждый раздел математики актуализирует не просто свой набор фундаментальностей, но и различные параметры данных фундаментальностей.

Перспектива развития «фундаментальных» исследований фундаментального в математике призвано не просто выявить характерные особенности используемых параметров фундаментального в соответствующих областях математических исследований, но и определить параметры роста математического субъекта разными областями математики концентраций видов фундаментального.

Фундаментальное относится к парадигмальным основаниям науки, вопрос которых так остро стоит в науке. Включенность Субъекта науки, синтезирующего фундаментальности, перестраивает основания не только математики, но и всей науки в целом, и дают возможность пересмотра ключевых концептов науки, не отрицанием существующего разнообразия, а синтезированием в следующие степени холистичности. Математический Субъект становится основным фактором науки.

«Только в объект-субъектном единстве может заявлять себя и развиваться такой человеческий проект усиления бытия, который называется «наукой». [13].

Литература

1. Клайн М. Математика. Утрата определенности, М.: Мир, 1984.

2. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М, 1994.
4. Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учебное пособие, Москва: Контакт-Альфа, 1995
5. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. Словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013
6. Большая Российская энциклопедия: [в 30 т.] М.: Большая Российская энциклопедия, 2004.
7. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989.
8. Лобачевский Н.И. Избранные труды по геометрии. Кассики науки. 2012.
9. Евклид. Начала. М.: URSS. 2020
10. Хренников А.Ю., Шелкович В.М. Современный р-адический анализ и математическая физика: теория и приложения. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2012.
11. Сердюк В.А. Методология шести начал в науке. <https://doi.org/10.24108/preprints-3114069>, 2025.
12. Халмош П. Теория меры. М.: Факториал Пресс, 2003
13. Моисеев В.И. Этнос науки как символ новой объективности. Философия науки и техники № 2. Т. 30. 2005.

THE SYSTEMATICITY CONCEPT OF THE FUNDAMENTAL MATHEMATICS DEFINABILITY

Polyakova O.R.

Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The concept of systematicity of mathematic fundamental definability is presented. A system of nine basic fundamentalities is introduced: rules, methods, principles, principles, axioms, imperatives, laws, standards and measures. These categories are discussed using well-known mathematical formulations as examples. The need to consider the mathematical subject as a fundamental factor in science is emphasized to strengthen the concept's justification.

Keywords: fundamentality, mathematics, mathematical subject

References

1. Klein, M. Mathematics. Loss of Certainty, Moscow: Mir, 1984.
2. Piaget, J. Psychology of Intelligence. St. Petersburg: Piter, 2004.
3. Piaget, J. Selected Psychological Works. Moscow, 1994.
4. Stepin, V.S., Gorokhov, V.G., Rozov, M.A. Philosophy of Science and Technology: A Textbook, Moscow: Kontakt-Alfa, 1995.
5. Novikov, A.M., Novikov, D.A. Methodology. Dictionary of the System of Basic Concepts. Moscow: Librokom, 2013.
6. The Great Russian Encyclopedia. M: The Great Russian Encyclopedia, 2004.
7. Newton, I. Mathematical Principles of Natural Philosophy. Moscow: Nauka, 1989.
8. Lobachevsky, N.I. Selected Works on Geometry. Cassiki of Science. 2012.
9. Euclid. Elements. Moscow: URSS. 2020.
10. Khrennikov A. Yu., Shelkovich V.M. Modern p-adic analysis and mathematical physics: theory and applications. Moscow: FIZMATLIT, 2012.
11. Serdyuk V.A. Methodology of the six principles in science. <https://doi.org/10.24108/preprints-3114069>, 2025.
12. Halmos P. Measure Theory. Moscow: Factorial Press, 2003.
13. Moiseev V.I. Ethos of Science as a Symbol of New Objectivity. Philosophy of Science and Technology, No. 2, Vol. 30, 2005.

Конфликтогенные режимы вернакулярных медиарепрезентаций: к постановке проблемы

Беломыцев Арсений Анатольевич,

кандидат философских наук, начальник отдела профилактики экстремизма Управления мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия с религиозными объединениями Федерального агентства по делам национальностей
E-mail: abelomycev@mail.ru

В статье рассматривается конфликтогенность цифровых репрезентаций религии. В центре внимания находится коммуникативный слой повседневных, материально-телесных и локально-вариативных религиозных проявлений, описываемых в оптиках проживаемой, вернакулярной и материальной религии. На основе сопоставления концепций vernacular religion и vernacular security обосновывается понятие конфликтогенного режима вернакулярной видимости. Материал Республики Дагестан используется в качестве иллюстрации, позволяющей выделить три измерения данного режима: операции религиозной маркировки, институциональную вернакуляризацию и асимметрию институциональных и вернакулярных форм публичной видимости.

Ключевые слова: вернакулярная религия, вернакулярная безопасность, медиатизация религии, цифровая религия, религиозная маркировка, радикализация.

Введение

Цифровая медиасреда, в которой сегодня развивается значительная часть публичной коммуникации о религии, не является нейтральной: она структурирует условия публичной видимости, избирательно усиливая одни формы религиозного контента и вытесняя на периферию другие. Как фиксирует Й. Сумиала, «глубоко коммодифицированное и коммерциализированное» пространство платформенных медиа «отдает предпочтение религиозным сообщениям, захватывающим внимание через сильные (часто негативные) эмоции, реакции и отклики» [1; p. 177]. Этот структурный уклон обнажает недостаточность двух распространенных рамок анализа религиозного конфликта в цифровой среде. Первая объясняет конфликтогенность содержательными особенностями отдельных религиозных традиций – и подменяет религиоведческий анализ оценочной маркировкой. Вторая возводит ее к девиантному поведению пользователей, не уделяя при этом внимания структурному уровню. Данные исследовательские перспективы оставляют без ответа ключевой вопрос: посредством каких механизмов в цифровой среде систематически производятся конфликтогенные публичные репрезентации религии – даже тогда, когда институционализированные формы самих религиозных традиций обладают минимальным конфликтным потенциалом.

Цель статьи – обосновать понятие конфликтогенного режима вернакулярной видимости в качестве аналитического инструмента описания цифровых репрезентаций религии.

Для достижения этой цели требуется решить три задачи. Во-первых, показать, почему конфликтогенность цифрового медиадискурса о религии следует искать не в «сущности» религиозных традиций и не только в девиантном поведении пользователей, а в коммуникативном слое повседневных, материально-телесных и локально-вариативных религиозных проявлений. Во-вторых, обосновать концептуальную параллель между vernacular religion и vernacular security как двумя оптиками, фиксирующими смещение от институциональных интерпретаций к «низовым» формам артикуляции смысла. В-третьих, необходимо показать, как предложенная рамка может быть операционализирована на региональном материале.

Статья выполнена как концептуально-аналитическое исследование; цифровой медиадис-

курс Северного Кавказа рассматривается в качестве концептуальной иллюстрации, призванной уточнить предложенную аналитическую рамку.

Амбивалентность вернакулярной видимости в цифровой среде

Цифровая вернакулярная религиозность не является нейтральной зоной. Л. Приммиано фиксирует двойственность вернакулярного: оно «обладает потенциалом проявлять измерения как подтверждения, так и оспаривания, как легитимации гегемонии, так и сопротивления» [2; p. 387]. Р.Г. Говард уточняет применительно к цифровой среде, что «vernacular webs» одновременно «расширяют возможности индивидов устанавливать связи, преодолевающие власть религиозных институтов», и могут «функционировать как фильтр различий, сокращающий разнообразие» [3; p. 407]: партиципаторные (пользуясь терминологией Г. Дженкинса [4]) медиа способны как открывать публичность для маргинализированных голосов, так и формировать замкнутые смысловые контуры. Эта амбивалентность не является внешней или случайной: она встроена в само устройство вернакулярного как способа существования религиозного. Там, где ослабевает институциональный фильтр легитимности, его место занимает не «свобода», а распределенная работа по присвоению, оспариванию и переозначиванию религиозных смыслов, конкретная траектория которой остается открытой.

В цифровой среде двойственность вернакулярного усиливается двумя обстоятельствами: алгоритмической инфраструктурой распределения видимости и связанным с нею сглаживанием структуры религиозного авторитета. Рекомендательные системы платформ ранжируют религиозный контент не по доктринальной нормативности, а по показателям вовлеченности – и тем самым систематически отбирают коммуникативные формы, обеспечивающие сильный эмоциональный отклик. Тезис Й. Сумиала о структурном предпочтении «сильных (часто негативных) эмоций» [1; p. 177] описывает эту операцию: алгоритм становится не нейтральным посредником, а фактором распределения религиозного авторитета и видимости, асимметрично работающим в пользу конфликтно-генных коммуникативных форм.

Применительно к исламскому цифровому полю данная динамика проявляется с особой отчетливостью. Г.Р. Бант фиксирует «значительный сдвиг в формах и стилях мусульманского религиозного дискурса» [5; p. 3]: традиционные клерикальные иерархии «вытесняются онлайн конкурентами, чья авторитетность основана в равной мере на цифровой компетентности и онлайн-сетях, как и на традиционной подготовке», а «алгоритмы Шейха Гугла и ретвиты Имама Хэштега опосредуют информационную перегрузку фетв и религиозных мнений» [5; p. 8]. Бант подчеркивает: «публичность, окружающая джихадистские онлайн-зоны, склонна затенять динамичные и существенные аспекты повседневной онлайн-исламской активности» – «рутинные религиозные практики, бизнес, покупки, чаты и социальные сети» [5; p. 8]. Повседневный вернакулярный слой исламской цифровой коммуникации оказывается и инфраструктурой интегрирующих практик, и средой конфликтогенных режимов. При этом «в эпоху новых медиа «харизма и слава» заменили «знание и благочестие»» [6; p. 3–4], а «поиск исламских предписаний в сети» приобретает форму и «межмазхабного серфинга» [7; p. 179]. Формируется «плоская» структура поля, в которой вернакулярный выбор аудитории частично замещает институциональный фильтр легитимности. Это создает условия для сосуществования разных режимов видимости: интегрирующих, нейтральных и конфликтогенных.

В российском медиадискурсивном пространстве амбивалентность вернакулярной видимости получает дополнительные черты. В.М. Хруль диагностирует трехуровневую дисфункцию медиатизации религии: «медиапрактиков, игнорирующих этику и социальную ответственность», «нормативно дезориентированную аудиторию с низким уровнем медиаграмотности и религиозной практики» и «преимущественно секулярную публичную сферу с проблемами в обработке социального диалога» [8; p. 104]. Низкий уровень практикующей религиозности «постсоветского» типа [8; p. 103] означает, что значительная часть аудитории воспринимает религиозный контент с позиции внешнего наблюдателя, лишённого опыта включенного верующего, – и потому особенно восприимчива к стигматизирующим и секьюритизирующим интерпретативным рамкам.

Российский контур: три асимметрии публичной видимости

К этой коммуникативной дисфункции добавляется институционально-нормативный фильтр. Законодательно закрепленное разведение «традиционных» и «остальных» религий создает встроенный в нормативную инфраструктуру механизм дифференцированного доступа к публичной сфере [8; p. 103]: «нетрадиционные» сообщества выбирают стратегию самоумолчания, оставляя публичное пространство своих репрезентаций «третьим» – журналистам, экспертам по безопасности и сетевым акторам.

Описанные механизмы работают по разные стороны конфессиональной границы – и в этом смысле российский исламский и православный сегменты выступают двумя структурно схожими случаями вернакуляризации религиозного авторитета. В исламском сегменте действует та «плоская» структура поля, которую А. Казйру и Г.Р. Бант фиксируют как глобальный эффект

цифровой среды, а в православном – функционально аналогичный механизм. Х. Штэле описывает расхождение между образом Русской православной церкви в государственных вещательных СМИ и в «русскоязычных веб-сайтах, блогах и платформах социальных сетей». Сайт Ahilla.ru, созданный бывшим священником А. Плужниковым, примечателен тем, что «возник не вне, а внутри Русской православной церкви и бросает вызов через пространство цифровых медиа доминирующему дискурсу, артикулируемому руководством Церкви и российскими мейнстримными медиа» [9; p. 178]; он показывает, «как онлайн-коммуникация позволяет непрофессионалам медиа рефлексировать по поводу своего опыта в институциональных религиозных контекстах и вводит этот опыт – ранее не медиатизированный – в медиадискурс» [9; p. 178], – в вернакулярном регистре. Структурная симметрия двух случаев состоит, таким образом, в обходе институциональной герметики через цифровую партиципаторную инфраструктуру: в исламском поле – через замещение клерикальной экспертизы «вернакулярным выбором» аудитории, в православном – через медиатизацию ранее непубличного опыта внутрицерковной критики, которую К. Говорун описывает в категориях «культурных войн» внутри православия [10]. Различаются эти случаи источником вернакуляризации (внешняя конкуренция авторитетов vs. внутренний вызов изнутри института), но не ее структурным эффектом.

На этом фоне получает концептуальную локализацию операция, которую М.В. Силантьева описывает как «религиозную маркировку»: процедура, посредством которой нерелигиозные по существу конфликты приобретают религиозную метку, а религиозные элементы используются как инструмент политической, идеологической или социальной маркировки [11; с. 118–120]. Подобные операции возможны не в любом слое публичной репрезентации религии, а в том, который тематизируется концепциями проживаемой, вернакулярной и материальной религии: религиозная одежда, культовые сооружения, бытовая обрядность, телесные практики функционируют в качестве операторов маркировки, тогда как доктринальные различия и институциональные позиции для такой работы непригодны. Российский контур, таким образом, складывается как пересечение трех асимметрий: коммуникативной (нормативно дезориентированная аудитория), нормативно-институциональной (иерархия «традиционных» и «нетрадиционных») и структурной (вернакулярная инфраструктура работает в обоих основных конфессиональных сегментах). Этот троичный фон задает российский – и в его пределе северокавказский – контекст, в котором проблема конфликтогенных режимов вернакулярной видимости становится особенно отчетливой.

Vernacular religion и vernacular security: концептуальная параллель

Для уточнения конфликтогенного режима продуктивна параллель между vernacular religion и vernacular security. Понятие «вернакулярной безопасности», введенное Н. Бубандтом в 2005 г. и развитое Л. Джарвисом, С. Крофтом и Н. Вохан-Уильямсом, описывает безопасность как «результат сложных процессов присвоения, отвержения и переформулирования, происходящих в зазорах между глобальными, национальными и локальными репрезентациями проблемы безопасности» [12; p. 276]; в более лаконичной формулировке она стремится «понять незлитные формы знания, категории опыта и способы артикуляции себя и другого в более широких культурных контекстах» [13; p. 12]. Оба понятия – vernacular religion и vernacular security – фиксируют один и тот же концептуальный сдвиг: от институциональных интерпретаций высокого порядка к переинтерпретирующей работе «низовых» акторов. Это и делает параллель не риторической, а операциональной: обе оптики работают в одном коммуникативном слое.

Дж. Даунинг и Р. Дрон показывают, что социальные медиа «предоставляют исследователям безопасности театр изучения, расположенный где-то между «плоской» плоскостью вернакулярной безопасности и иерархическими представлениями Копенгагенской школы: теоретически любой может «говорить безопасностью» в социальных медиа, но влиятельными становятся лишь немногие» [14; p. 1235]. Категория «security influencer» – «влиятеля в вопросах безопасности», который «возникает из неизвестности или имеет влияние в не-безопасных областях» [14; p. 1234], – функциональный аналог концепта «вернакулярного авторитета» Р.Г. Говарда: легитимность ключевых нарративов о «угрозе» и о «священном» производится не институциональным авторитетом, а партиципаторным выбором аудитории. Цифровая среда «ни радикально плоска, ни жестко иерархична» [14; p. 1235] – это коррелирует с моделью Х. Кэмпбелл о «слоях» религиозного авторитета [15] и двумя логиками цифровой религии («разрыва и вытеснения», «преемственности и взаимодополнения») в обобщении Дж. Понс [16].

Та же партиципаторная инфраструктура, которая поддерживает интегрирующие и нейтральные вернакулярные практики, технически открыта и для конфликтогенных. М. Слама показывает, как в индонезийском исламском поле сунданская мусульманка становится узнаваемым голосом локального коранического тафсира [22; p. 177]; в российском материале функциональный аналог – старообрядческая община, выстраивающая в цифровых медиа нарратив сельской повседневности. Та же инфраструктура открыта и для стигматизирующих интерпретаций религиозной одеж-

ды, конфликтогенного переозначивания культовых сооружений, секьюритизирующих репрезентаций «нетрадиционных» групп. Эти операции – частные случаи «религиозной маркировки» – возможны в том же коммуникативном слое, в котором разворачиваются интегрирующие и нейтральные формы вернакулярной видимости.

Параллель имеет следствие – вернакулярная безопасность и вернакулярная религия пересекаются там, где религиозные символы, практики или идентичности выступают объектом или инструментом дискурса о безопасности. На материале туниских имамов Ф. Кукку показывает, как программы Prevention of Violent Extremism (далее – PVE), «предотвращение насильственного экстремизма») «под видом внесения безопасности в общество» «вовлекли акторов сообщества в меры безопасности» [17; р. 52]: имамы выступают не пассивными реципиентами государственных нарративов «умеренный / радикальный ислам», а со-производителями этих нарративов – одновременно воспроизводящими их и оспаривающими собственную роль в «сообщественном полицейском контроле» [17; р. 56].

М. Суслов отмечает, что цифровое пространство не отменяет внутриконфессиональных противоречий – оно переносит их: «все виды «культурных войн» среди православных христиан ведутся теперь в блогах и форумах» [19]. Цифровая среда выступает и пространством *внутриконфессиональной* борьбы за легитимную интерпретацию традиции – и эта борьба составляет вернакулярный слой религиозной коммуникации в смысле Л. Приммиано. Статистический разрыв между декларируемой православной идентичностью (70–80% россиян) и фактической практикой («лишь 2–4% соблюдают Великий пост или причащаются») [19; р. 1] функционально подтверждает диагноз В.М. Хруля о «нормативно дезориентированной аудитории»: массив номинальной идентичности образует ту коммуникативную поверхность, на которой сетевые акторы получают возможность переинтерпретации религиозных смыслов – как в направлении интеграции, так и в направлении конфликта.

Материалы Республики Дагестан в контексте анализа конфликтогенных режимов вернакулярной видимости

Северо-Кавказский регион – в частности, Республика Дагестан – совмещает черты, значимые для проверки предложенной рамки: высокую плотность повседневной религиозности, интенсивность конфликтогенного сетевого дискурса, институционально закреплённую иерархию религиозных статусов и выраженную секьюритизацию религиозного поля. Систематический эмпирический анализ этого материала составляет задачу самостоятельного

исследования; здесь он используется как концептуальная иллюстрация трех ранее выделенных измерений: операций маркировки, институциональной вернакуляризации и асимметрии режимов публичной видимости.

Первое измерение: коммуникативные тактики конфликтогенеза как операции религиозной маркировки. С.Н. Бредихин и соавторы выделяют три тактики провокации этноконфессиональной конфликтности – «размежевание» (противопоставление «своих» и «чужих»), «негативную презентацию этноконфессиональной идентичности» [20; с. 379] и «призыв и мобилизацию негативного общественного мнения» [20; с. 380], реализующиеся на трех уровнях языка вражды – жестком, умеренном и мягком [20; с. 376]. Они функционируют прежде всего в слое «живой» религиозности – «защитной риторики по отношению к исламскому образу жизни и традициям» [20; с. 374], оставаясь вне пространства официальных конфессиональных дискуссий. Это позволяет описать данные тактики как операции религиозной маркировки: конфликтный смысл закрепляется за одеждой, порядностью и повседневным поведением – формами религиозного выражения, наиболее доступными для публичного распознавания.

Второе измерение: институциональный ответ в логике вернакуляризации. Если первое измерение фиксирует конфликтогенные операции в самом вернакулярном слое, то второе показывает институциональный ответ на них в той же логике. Дагестанский материал показывает и другой аспект той же проблемы – институциональный ответ на распределённую архитектуру цифровой коммуникации. Призыв ДУМ Дагестана к имамам «активно работать с прихожанами именно в сети» [18; с. 39] можно описать как форму институциональной вернакуляризации: институт принимает логику партиципаторных медиа и пытается восстановить присутствие религиозного авторитета через низовых акторов – местных имамов, способных говорить и официальным вероучительным, и повседневным языком прихожан. В отличие от туниского кейса Ф. Кукку, где общественные акторы включаются в программы PVE [17; р. 56], здесь инициатива исходит от самого религиозного института, реагирующего на утрату монополии на интерпретацию.

Третье измерение: асимметрия институциональных и вернакулярных режимов. Российская литература констатирует асимметрию между высокой активностью неинституциональных акторов и относительной пассивностью «крупных религиозных организаций», которые «не проявляют особого интереса к использованию цифровых технологий для расширения своей деятельности» [21; с. 154]. Н.С. Седых аргументирует: духовные управления мусульман «являются основным субъектом первичной профилактики радикализма» [23;

с. 297–298], а социальные сети – «перспективным средством» этой профилактики, требующим «участия мусульманских религиозных деятелей в создании позитивного профилактического медиаконтента» [23; с. 299–300]. В предложенной рамке этот разрыв важен не как локальная организационная диспропорция, а как условие, при котором вернакулярный слой коммуникации может оставаться без устойчивого институционального присутствия.

Таким образом, материал Республики Дагестан иллюстрирует три различных измерения конфликтогенного режима вернакулярной видимости: маркировку, институциональную вернакуляризацию и асимметрию режимов. Их конкретные конфигурации требуют отдельного эмпирического анализа.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать три результата, соответствующие задачам статьи.

Первый результат состоит в уточнении места конфликтогенности в цифровом медиадискурсе о религии. Она не сводится исключительно к девиантному поведению пользователей или технологическим свойствам платформ. Более точной является ее локализация в коммуникативном слое повседневных, материально-телесных и локально-вариативных проявлений религиозности, где религиозные символы, практики и идентичности становятся предметом артикуляции, критического пересмотра и реинтерпретации.

Второй результат заключается в обосновании параллели между vernacular religion и vernacular security. Обе оптики фиксируют смещение от институциональных интерпретаций к «низовым» формам производства смысла; в этой перспективе радикализованные формы публичной религиозности могут быть описаны как один из режимов вернакулярной видимости, а не как отклонения от нормативной религиозности или имманентное свойство отдельных «опасных» традиций. В этой аналитической рамке радикализованный дискурс предстает как режим артикуляции и смыслового переопределения религиозных значений, разворачивающийся в той же партиципаторной инфраструктуре, что и нейтральные или интегрирующие формы религиозной коммуникации.

Третий результат связан с операционализацией предложенной рамки. На дагестанском материале выделяются три измерения конфликтогенного режима вернакулярной видимости: операции религиозной маркировки, институциональная вернакуляризация и асимметрия институциональных и вернакулярных режимов публичной видимости. Эти измерения позволяют анализировать не только радикальный дискурс как содержательно оформленную идеологию, но и радикализованный

дискурс как процесс придания повседневным религиозным формам конфликтного значения.

Из предложенного подхода следует, что работа с конфликтогенными репрезентациями религии требует не только административного регулирования или трансляции институциональной позиции, но и внимания к тем «низовым» средам, в которых такие репрезентации производятся, распространяются и закрепляются в повседневной коммуникации. Профилактика должна осуществляться на том же вернакулярном уровне, где формируются интегрирующие, нейтральные и конфликтогенные формы религиозной видимости. Разработка эмпирических процедур для реконструкции этих режимов в различных региональных и конфессиональных контекстах составляет предмет дальнейшего исследования.

Литература

1. Sumiala J. Why Structures (Still) Matter in the Age of Hybrid Media: The Case of Digital Religion // *Journal of Religion, Media and Digital Culture*. – 2023. – Vol. 12. – № 1. Цит. по: Slama M. Social Media and the Question of Change in Indonesia's Field of Islam // *Indonesia*. – 2025. – № 119 (April). – Pp. 173–200.
2. Primiano L.N. Manifestations of the Religious Vernacular: Ambiguity, Power, and Creativity // *Vernacular Religion in Everyday Life* / ed. by M. Bowman, Ü. Valk. – London; New York: Routledge. – 2012. – Pp. 382–394.
3. Howard R.G. Vernacular Media, Vernacular Belief: Locating Christian Fundamentalism in the Vernacular Web // *Western Folklore*. – 2009. – Vol. 68. – № 4. – Pp. 403–430.
4. Jenkins H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century (Part 2). – 2006.
5. Bunt G.R. Hashtag Islam: How Cyber-Islamic Environments Are Transforming Religious Authority. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press. – 2018. – 233 p.
6. Caeiro A. Facts, Values and Institutions: Notes on Contemporary Islamic Criticism // *Die Welt des Islams*. – 2014. – Vol. 54. – № 1. – Pp. 42–70. Цит. по: Whyte S.A. Islamic Religious Authority in Cyberspace: A Qualitative Study of Muslim Religious Actors in Australia // *Religions*. – 2022. – Vol. 13. – № 1. – Art. 69.
7. Yilmaz I. Muslim Laws, Politics and Society in Modern Nation States: Dynamic Legal Pluralisms in England, Turkey and Pakistan. – Aldershot: Ashgate. – 2005.
8. Khroul V.M. Challenges to the Mediatization of Religion in Russia: Towards a Normative Model // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. – 2019. – Vol. 24. – № 1. – Pp. 103–108.

9. Stähle H. Russian Church in the Digital Era: Mediatization of Orthodoxy. – London; New York: Routledge. – 2022. – 239 p.
10. Hovorun C. Foreword // Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0 / ed. by M. Suslov. – Stuttgart: ibidem-Verlag. – 2016.
11. Силантьева М.В. Религия в поле цивилизационных конфликтов: способы профилактики // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 118–125.
12. Bubandt N. Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds // Security Dialogue. – 2005. – Vol. 36. – № 3. – Pp. 275–296.
13. Croft S., Vaughan-Williams N. Fit for Purpose? Fitting Ontological Security Studies «into» the Discipline of International Relations: Towards a Vernacular Turn // Cooperation and Conflict. – 2017. – Vol. 52. – № 1. – Pp. 12–30.
14. Downing J., Dron R. Theorising the 'Security Influencer': Speaking Security, Terror and Muslims on Social Media During the Manchester Bombings // New Media & Society. – 2022. – Vol. 24. – № 5. – Pp. 1234–1257.
15. Campbell H.A. Who's Got the Power? Religious Authority and the Internet // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – Vol. 12. – № 3. – Pp. 1043–1062.
16. Pons J. Religion, Media, and Materiality: Introduction // Entangled Religions. – 2023. – Vol. 11. – № 3.
17. Cuccu F.L. Vernacular Security and Religion in Tunisia: The Role of Local Imams in the Implementation of Preventing Violent Extremism Measures // Surveillance & Society. – 2025. – Vol. 23. – № 1. – Pp. 52–69.
18. Капустина Е.Л. Интернет-коммуникация и транслокальная миграция: случай Дагестана // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 26–51.
19. Suslov M. (ed.) Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0 / foreword by Father Cyril Hovorun. – Stuttgart: ibidem-Verlag. – 2016. – 353 p.
20. Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Шишкин Б. А. Коммуникативные тактики конфликтогенеза в сетевом медиaprостранстве фронтирных регионов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – № 4. – С. 374–399.
21. Хабибуллина З.Р. Муфтияты Республики Башкортостан в условиях СВО: хронология событий и основные направления деятельности (анализ медиаплатформ) // Ислам в современном мире. – 2026. – Т. 22. – № 1. – С. 149–170.
22. Slama M. Social Media and the Question of Change in Indonesia's Field of Islam // Indonesia. – 2025. – № 119 (April). – Pp. 173–200.
23. Седых Н.С. Потенциал социальных сетей как средства профилактики радикализма

в мусульманской религиозной среде // Конфликтология / nota bene. – 2025. – № 3. – DOI: 10.7256/2454-0617.2025.3.75111.

CONFLICT-GENERATING REGIMES OF VERNACULAR VISIBILITY: OUTLINING THE PROBLEM

Belomytsev A.A.

Federal Agency for Ethnic Affairs

This article examines the conflict-generating potential of digital representations of religion. It focuses on a specific communicative layer of everyday, materially embodied, and locally variable religious manifestations, conceptualized through the lenses of lived, vernacular, and material religion. By bringing together the concepts of vernacular religion and vernacular security, the article develops the notion of a conflict-generating regime of vernacular visibility. Material from the Republic of Dagestan is used as an illustrative case that makes it possible to identify three dimensions of this regime: operations of religious marking, institutional vernacularization, and the asymmetry between institutional and vernacular forms of public visibility.

Keywords: vernacular religion, vernacular security, mediatization of religion, digital religion, religious labelling, radicalization.

References

1. Sumiala, J. (2023) Why Structures (Still) Matter in the Age of Hybrid Media: The Case of Digital Religion. *Journal of Religion, Media and Digital Culture*. Vol. 12. № 1. Cited from: Slama, M. (2025) Social Media and the Question of Change in Indonesia's Field of Islam. *Indonesia*. № 119 (April). Pp. 173–200.
2. Primiano, L. N. (2012) Manifestations of the Religious Vernacular: Ambiguity, Power, and Creativity. *Vernacular Religion in Everyday Life* / ed. by M. Bowman, Ü. Valk. London; New York: Routledge. Pp. 382–394.
3. Howard, R. G. (2009) Vernacular Media, Vernacular Belief: Locating Christian Fundamentalism in the Vernacular Web. *Western Folklore*. Vol. 68. № 4. Pp. 403–430.
4. Jenkins, H. (2006) Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century (Part 2).
5. Bunt, G. R. (2018) Hashtag Islam: How Cyber-Islamic Environments Are Transforming Religious Authority. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 233 p.
6. Caeiro, A. (2014) Facts, Values and Institutions: Notes on Contemporary Islamic Criticism. *Die Welt des Islams*. Vol. 54. № 1. Pp. 42–70. Cited from: Whyte, S. A. (2022) Islamic Religious Authority in Cyberspace: A Qualitative Study of Muslim Religious Actors in Australia. *Religions*. Vol. 13. № 1. Art. 69.
7. Yilmaz, I. (2005) Muslim Laws, Politics and Society in Modern Nation States: Dynamic Legal Pluralisms in England, Turkey and Pakistan. Aldershot: Ashgate.
8. Khroul, V. M. (2019) Challenges to the Mediatization of Religion in Russia: Towards a Normative Model. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. Vol. 24. № 1. Pp. 103–108.
9. Stähle, H. (2022) Russian Church in the Digital Era: Mediatization of Orthodoxy. London; New York: Routledge. 239 p.
10. Hovorun, C. (2016) Foreword. *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0* / ed. by M. Suslov. Stuttgart: ibidem-Verlag.
11. Silantyeva, M. V. (2018) Religion in the field of civilizational conflicts: Methods of prevention. *Religiovedenie*. № 4. Pp. 118–125. (In Russian).
12. Bubandt, N. (2005) Vernacular Security: The Politics of Feeling Safe in Global, National and Local Worlds. *Security Dialogue*. Vol. 36. № 3. Pp. 275–296.
13. Croft, S., Vaughan-Williams, N. (2017) Fit for Purpose? Fitting Ontological Security Studies «into» the Discipline of International Relations: Towards a Vernacular Turn. *Cooperation and Conflict*. Vol. 52. № 1. Pp. 12–30.
14. Downing, J., Dron, R. (2022) Theorising the 'Security Influencer': Speaking Security, Terror and Muslims on Social Media During the Manchester Bombings. *New Media & Society*. Vol. 24. № 5. Pp. 1234–1257.

15. Campbell, H. A. (2007) Who's Got the Power? Religious Authority and the Internet. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 12. № 3. Pp. 1043–1062.
16. Pons, J. (2023) Religion, Media, and Materiality: Introduction. *Entangled Religions*. Vol. 11. № 3.
17. Cuccu, F. L. (2025) Vernacular Security and Religion in Tunisia: The Role of Local Imams in the Implementation of Preventing Violent Extremism Measures. *Surveillance & Society*. Vol. 23. № 1. Pp. 52–69.
18. Kapustina, E. L. (2020) Internet communication and translocal migration: The case of Dagestan. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. № 3. Pp. 26–51. (In Russian).
19. Suslov, M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0* / foreword by Father Cyril Hovorun. Stuttgart: ibidem-Verlag. 353 p.
20. Bredikhin, S. N., Avdeev, E. A., Shishkin, B. A. (2024) Communicative tactics of conflict genesis in the network media space of frontier regions. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. № 4. Pp. 374–399. (In Russian).
21. Khabibullina, Z. R. (2026) Muftiates of the Republic of Bashkortostan during the Special Military Operation: Chronology of events and main activities (analysis of media platforms). *Islam in the Modern World*. Vol. 22. № 1. Pp. 149–170. (In Russian).
22. Slama, M. (2025) Social Media and the Question of Change in Indonesia's Field of Islam. *Indonesia*. № 119 (April). Pp. 173–200.
23. Sedykh, N. S. (2025) The potential of social networks as a means of preventing radicalism in the Muslim religious environment. *Conflictology / nota bene*. № 3. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.3.75111. (In Russian).

Мультимодальный подход в эстетическом воспитании альтиста: на пересечении современных искусств и исполнительской практики Китая

Тянь Хаожань,

аспирант, Владимирский государственный университет
E-mail: 1766801761@qq.com

В статье анализируются специфические особенности использования мультимодального подхода в процессе музыкально-эстетического развития студентов-альтистов в рамках современной образовательной модели КНР. Рассматривается возможность соединения музыкального исполнительства с разными видами современного искусства и цифровыми технологиями, что позволяет сформировать многогранную и продуктивную среду для развития всех творческих способностей будущего музыканта. Особый акцент сделан на исследовании важности теоретических основ мультимодальности, в которой соединение разных каналов восприятия – аудиовизуального, аудиально-кинестетического, визуально-кинестетического – дает возможность более комплексно и глубоко овладеть музыкальным материалом. В статье анализируются традиции и инновации в китайской системе музыкального образования и важная роль мультимедийных технологий в развитии профессиональных компетенций и эстетического мышления альтиста. Обосновывается важное значение симбиоза национальных музыкальных традиций Поднебесной и достижений мирового культурного наследия в контексте современных учебных методов.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, альтист, мультимодальный подход, музыкальное образование, современные виды искусства, мультимедийные технологии, исполнительская практика, синтез искусств, Китай.

Введение

Современное музыкальное образование Китая в настоящее время находится в активном поиске новых методов, созвучных эпохе интенсивного развития цифровых технологий и культурной глобализации. Одним из самых перспективных методов обучения является мультимодальный подход. В музыкальном образовании он представляет собой интеграцию разных сенсорных каналов восприятия (аудиальных, визуальных, кинестетических и др.) с целью оптимизации и повышения эффективности учебного процесса.

Мультимодальный подход обладает особой актуальностью в контексте профессиональной подготовки альтовых исполнителей. Обучение альтистов в китайских вузах представляет комплексный процесс, включающий в себя не только мастерское овладение техникой игры на инструменте, но и серьезное эстетическое развитие, связанное с глубоким погружением в культурологические аспекты и изучением разных видов искусств во взаимосвязи с музыкой, а также современных цифровых технологий, которые сейчас играют очень важную роль во всех сферах.

В Китае эстетическое воспитание молодого поколения выступает важной государственной задачей. В последние десятилетия в КНР происходит динамичный рост исполнительской школы, которая органично синтезирует западные и национальные музыкальные традиции. Одним из успешно развивающихся и перспективных направлений исполнительства является игра на альте. Освоение этого уникального инструмента, обладающего интеллектуальной глубиной и самобытной тембровой палитрой, требует применения особых педагогических подходов. Значимое место среди них занимает мультимодальный метод эстетического воспитания, интегрирующий разные каналы восприятия: аудиовизуальный, аудиально-кинестетический, визуально-кинестетический и ряд других. Это необходимо для целостного и глубокого постижения музыкального искусства, формирования высокоразвитого эстетического сознания и наиболее полного раскрытия творческого потенциала. Данный подход дает возможность учитывать индивидуальные склонности студентов и повышать их мотивацию к обучению и предлагает многоуровневое освоение музыкального материала [1].

Актуальность темы исследования определена необходимостью отказа от узкоспециализированного подхода в музыкальном преподавании и поиска точек взаимодействия между академической исполнительской традицией и современной культурой, во многом построенной на визуальном начале. В работе сделана попытка теоретически осмыслить и показать возможности практического применения механизмов осуществления мультимодального обучения студентов-альтистов, реализуемого в контексте синтеза традиционной исполнительской практики и современных визуальных искусств.

Материалы и методы

При написании работы был изучен комплекс научных трудов (кандидатских диссертаций, статей в рецензируемых журналах) китайских и российских исследователей, посвященных вопросам музыкального образования и эстетического воспитания в КНР, применения междисциплинарных подходов в обучении, внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. В этих работах обучение рассматривается как сложная структура взаимодействия разных сенсорных каналов и знаковых систем. При написании статьи особое внимание уделялось научным работам, посвященным концепции мультимодальности в образовании.

В ходе исследования были проанализированы возможности использования передовых мультимедийных технологий и интерактивных онлайн-платформ, направленных на развитие визуально-музыкальных ассоциаций, в обучении альтовому исполнительству.

Теоретическую базу работы составил ряд общенаучных методов: анализ, сравнение, синтез, обобщение. Компаративный анализ традиционных и инновационных подходов в музыкально-эстетическом воспитании явился основой методологии исследования.

Результаты и обсуждения

Мультимодальный подход в музыкально-эстетическом развитии альтистов представляет собой сложную, многоаспектную систему и осуществляется в контексте взаимодействия классической исполнительской практики и современных искусств, в первую очередь, визуальных, связанных с цифровыми технологиями. В основе указанного процесса лежит синтез разных категорий – звука, текста, зрительного образа, которые интегрируются в единую структуру. В процессе эстетического развития альтовых исполнителей в китайских вузах применяются не только привычные нотные партитуры, но и другие форматы, позволяющие более глубоко изучать музыкальные произведения – видеоролики, аудиозаписи, различные мультимедий-

ные, интерактивные презентации, элементы других видов искусства – живописи, театра, литературы. Это формирует насыщенное информацией пространство, представленное в совершенно разных культурных аспектах и источниках восприятия. Они стимулируют развитие всех органов чувств и граней человеческой личности, связанных как с интеллектуально-аналитической, так и с эмоциональными сферами человеческой психики [2].

Важная особенность мультимодального обучения – учет психофизиологических качеств каждого студента. В китайском музыкальном образовании в последние годы получили распространение обучающие методы, направленные на работу с нейрокогнитивными механизмами восприятия. Согласно этим методам, анализируется связь между зрительными сигналами, которые музыкант получает, например, при просмотре видеозаписи, и его моторными реакциями при совершении сложных манипуляций во время игры на инструменте. Для альтового исполнителя, чей инструмент требует большой физической подготовки и умения чувствовать объем звука, интеграция зрительного и кинестетического опыта выступает очень важным этапом обучения [2].

Эстетическое развитие альтистов в китайских вузах нацелено на формирование ценностного сознания и глубокого эмоционального интеллекта. Особое внимание уделяется развитию многогранной палитры чувств и высоких духовно-этических установок личности [4]. Мультимодальность выступает эффективным инструментом раскрытия творческого потенциала. Она стимулирует креативное мышление студентов, которые учатся выражать свои впечатления через исполнительскую интерпретацию музыкальных произведений, импровизацию их и даже сочинение собственных композиций. В процессе творческой деятельности студенты-альтисты используют современные компьютерные программы, необходимые для звуковой обработки своих композиций и импровизаций, включения в них определенных акустических эффектов [7].

На практике мультимодальный подход довольно широко реализуется в консерваториях и музыкальных университетах Поднебесной. Причем, в вузовской среде он включает в себя обширный набор разнообразных методов. Так, преподаватели, а иногда и сами студенты, создают мультимедийные презентации, включающие видеофрагменты концертов, оперных и балетных постановок, живописные портреты композиторов. На этих выступлениях демонстрируются видеозаписи выступлений знаменитых симфонических оркестров и выдающихся сольных исполнителей. Они развивают слух, умение слышать тонкие нюансы звукоизвлечения и формируют у студентов эталонные представления об исполнительстве.

Мультимедийные презентации обогащают сухой, рутинный и поэтому несколько скучный учебный процесс запоминающимися визуальными картинками, а также способствуют развитию эмоционально-образного восприятия и художественной памяти.

Большое значение в рамках мультимодального подхода имеют интерактивные программы, в том числе музыкально-дидактические игры. Они предлагают синестетический подход, построенный на применении симбиоза разных модальностей (каналов восприятия) и межчувственных ассоциаций. Согласно такому подходу, студентам, например, дается задание описать словами зрительные образы, которые возникают у них при прослушивании конкретных произведений. Также им предлагают нарисовать услышанное.

Помимо внедрения интерактивно-игровых элементов и визуальной наглядности, обращения к цифровым технологиям, мультимодальный подход в обучении альтовых исполнителей включает в себя культурологический аспект, интеграцию с теорией искусства, а также самостоятельную аналитическую работу [9].

Итак, мультимодальный подход в эстетическом воспитании альтистов обладает массой преимуществ. Это, как уже было сказано, повышение мотивации к обучению и, в целом, интереса к исполнительству, комплексное изучение обширных пластов музыкального материала, улучшение образной памяти. Студенты учатся воспринимать музыкальное воспроизведение целостно, видеть тесную взаимосвязь технических приемов и эстетических нюансов [8]. Таким образом, мультимодальность делает образовательный процесс более комплексным, многоуровневым и соответствующим требованиям современной эпохи [10].

Как уже было сказано, в Поднебесной эстетическому воспитанию, вообще, отводится огромное место в современном образовании, так как оно воспринимается как мощный фундамент для развития личности [3]. В 2012 году на XVIII съезде Коммунистической партии Китая эстетическое воспитание на официальном уровне было возведено в ранг одного из приоритетных направлений образования и поставлено на тот же уровень, что и интеллектуальное и духовно-нравственное развитие [4].

Специфика эстетического развития альтовых исполнителей в китайских вузах сопряжена с проявлением особого внимания к национальным традициям и одновременно с их интеграцией в мировое музыкальное наследие. В теории эстетического воспитания Поднебесной в настоящее время выделяют два противоположных направления: традиционное, нацеленное на классическую передачу знаний от учителя к ученику, и инновационное, направленное на более комплексный подход, связанный с целостным развитием лич-

ности студента, его общекультурного кругозора, интеллектуально-аналитических способностей, творческой интуиции и креативности [5]. Второе направление представляется более гармоничным и отвечающим требованиям времени. Оно как раз и ориентируется в своей основе на мультимодальный подход. В последние годы именно данное направление активно развивается в высшем музыкальном образовании Китая. Инновационное направление эстетического воспитания ориентировано на тесное сотрудничество образовательных учреждений с современными культурными центрами, галереями искусств, музеями, различными креативными пространствами, и это помогает устранять разрыв между высокой академической традицией и живой творческой практикой [1].

В альтовом музицировании в настоящее время происходит интенсивная интеграция традиционных исполнительских форм и современных тенденций, что, конечно же, в первую очередь, учитывается на стадии эстетического воспитания в рамках вузовской подготовки. Мультимодальный подход здесь выступает инструментом формирования артиста нового поколения, в котором органично сочетаются высокий уровень технического мастерства, культурная эрудированность, развитое эстетическое сознание и художественный вкус, а также глубинное понимание своих культурных корней. Это дает возможность современным китайским альтистам осознать себя профессионалами высокого уровня, достойными мировой сцены [6].

Вопросы эстетического воспитания музыкальных исполнителей Китая активно обсуждаются в научном пространстве. Многие исследователи сходятся во мнении, что в настоящее время китайская педагогика находится в поиске равновесия между сохранением национальной культурной самобытности и внедрением современных образовательных технологий, распространенных на Западе.

Ван Годун отмечает, что музыкальное образование КНР в настоящее время направлено на решение масштабных задач эстетического воспитания, в котором акустическое искусство выступает проводником между личностью и культурой [1]. Гу Ифань подчеркивает, что эстетическое воспитание в Поднебесной уже прошло грандиозный путь от обычной передачи знаний до сложной новаторской модели взаимоотношений между учителем и учеником, в которой педагог теперь выступает мудрым и поддерживающим наставником, а студент — полноценным соавтором. По мнению Гу Ифаня, инновационная парадигма эстетического воспитания ориентирована на целостное развитие личности и формирование высоких гуманистически ценностей человека. Исследователь также замечает, что государственная политика Китая в последние годы сформировала превосходные усло-

вия для реализации современной концепции эстетического воспитания [3–5].

Непосредственно мультимодальный подход в музыкальном образовании рассматривается в работе И.Б. Горбуновой и К.Ю. Плотникова. Исследователи отмечают большую роль цифровых технологий в мультимодальном обучении и представляют их как эффективный инструмент, дающий возможность работать со звуком и образом в целостном единстве [2]. С.Г. Ломоносова, АА. Мочалова и Е.М. Панферова считают, что мультимедийные технологии обогащают эмоционально-образную сферу студентов и делают учебный процесс более глубоким, интересным и запоминающимся [7, 9, 10].

Особый интерес представляет статья Ж. Жао, освещающая вопросы симбиоза традиций и новаторства в музыкальном искусстве Китая. Ученый подчеркивает, что многие современные композиторы и исполнители в КНР применяют мультимодальные технологии с целью создания нового художественно-выразительного языка [6].

С.С. Шляхова и Н.В. Ярмухаметов подчеркивают, что современное поколение студентов воспринимает мультимодальный метод как наиболее естественный способ получения информации. Такая ситуация ставит перед преподавателями определенные задачи, сопряженные с пересмотром классических учебных методик и внедрением более гибких подходов, в первую очередь, связанных с визуализацией [13]. Хэ Чжеи и Чжен Бисун отмечают важность соединения в китайском музыкальном образовании национальных культурных традиций и передовых технологий, в первую очередь, визуальных, которые способствуют развитию общекультурной компетентности будущих профессиональных исполнителей [11].

Выводы

Таким образом, на основе выполненного исследования, можно утверждать, что мультимодальный подход в эстетическом воспитании современных альтистов выступает не вспомогательным средством, а значимым методом формирования профессионального сознания артиста. Внедрение зрительных, слуховых, кинестетических методов, наблюдаемое в современных видах искусства, связанных цифровыми технологиями, дает возможность серьезно повысить продуктивность процесса обучения.

Данный подход способствует более глубокому эмоциональному погружению студентов-альтистов в изучаемые музыкальные материалы, развитию их креативного мышления и синестетических способностей. В музыкальном образовании Китая мультимодальность дает возможность органично соединить освоение академического репертуара и изучение собственных национальных традиций,

что делает учебный процесс одновременно актуальным и личностно ценным.

Эстетическое воспитание, построенное на принципе мультимодальности, подготавливает музыканта-альтиста к профессиональной деятельности в условиях современной многокультурной среды, в которой исполнительское искусство тесно связано с освоением междисциплинарного контекста и использованием инновационных технологий. Реализация мультимодального подхода в классе альты способствует развитию не только исполнителя, обладающего высоким уровнем технического мастерства, но и глубоко чувствующего творца.

Литература

1. Ван Годун. Возможности музыкального образования в решении задач эстетического воспитания в современном Китае // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – Т. 5. – № 2 (92). – С. 62–65.
2. Горбунова И.Б., Плотников К.Ю. Музыкально-компьютерные технологии в образовании как инструмент реализации полимодальности музыкального восприятия // Музыкальное искусство и образование. – 2020. – Т. 8. – № 1. – С. 25–40.
3. Гу Ифань. Возможности общего музыкального образования в решении задач эстетического воспитания в Китае // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2022. – № 94. – С. 26–29.
4. Гу Ифань. Теория эстетического воспитания в современном Китае: традиции и инновации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 9 (142). – С. 89–93.
5. Гу Ифань. Эстетическое воспитание обучающихся в системе общего музыкального образования Китая: диссертация кандидата наук. – Волгоград, 2023. – 196 с.
6. Жао Ж. Современные тенденции развития китайской оркестровой музыки: синтез традиции и новаторства // Международный научно-исследовательский журнал. – № 11 (161). – С. 1–7.
7. Ломоносова С.Г. Мультимедийные технологии в практике начального музыкального образования // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 2 (40). – С. 95–96.
8. Матюшина Л.Е. Организация музыкальной деятельности младших школьников на основе полимодальных методов обучения: диссертация кандидата наук. – Москва, 2012. – 194 с.
9. Мочалова А.А. Возможности интерактивно-мультимедийных технологий в классе общего фортепиано в ДМШИ ДШИ // Педагогический опыт. – 2025. – № 1. – С. 10–12.

10. Панферова Е.М. Мультимедийные образовательные технологии как современное средство воспитания музыкальной культуры у учащихся в дополнительном музыкальном образовании // Теория и практика образования в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). – Санкт-Петербург: Реноме, 2013. – С. 125–127.
11. Хэ Чжеи. Эстетическое воспитание подростков средствами музыкальной культуры Китая в условиях дополнительного образования: диссертация кандидата наук. – Волгоград, 2026. – 208 с.
12. Чжен Бисун, Касиманова Л.А. Мультимодальные технологии в преподавании ритмопластики как средство формирования общекультурной компетентности у студентов хореографических вузов Китая // Письма в Эмиссия. – 2026. – № 1.
13. Шляхова С.С., Ярмухаметов Н.В. Эмоциональное восприятие музыки в мультимодальном общении: экспериментальное исследование поколения Z // Музыкальное искусство и образование. – 2023. – Т. 11. – № 4. – С. 45–67.

A MULTIMODAL APPROACH TO THE AESTHETIC EDUCATION OF THE VIOLIST: AT THE INTERSECTION OF CONTEMPORARY ARTS AND CHINESE PERFORMANCE PRACTICE

Tian Haoran

Vladimir State University

This article analyzes the specific features of implementing a multimodal approach in the process of musical and aesthetic development of viola students within the framework of the contemporary educational model of the People's Republic of China (PRC). The study examines the potential for integrating musical performance with various forms of contemporary art and digital technologies, fostering a multifaceted and productive environment for the comprehensive development of a future musician's creative abilities. Particular emphasis is placed on exploring the theoretical foundations of multimodality, wherein the synthesis of various perception channels-audiovisual, audio-kinesthetic, and visual-kinesthetic-enables a more profound and comprehensive mastery of musical material. Furthermore, the article analyzes traditions and innovations within the Chinese system of music education and the significant role of multimedia technologies in developing a violist's professional competencies and aesthetic thinking. The study substantiates the importance of the symbiosis between China's national musical

traditions and global cultural heritage within the context of modern teaching methods.

Keywords: aesthetic education, violist, multimodal approach, music education, contemporary arts, multimedia technologies, performance practice, synthesis of the arts, China.

References

1. Wang Guodong. The Potential of Music Education in Solving the Problems of Aesthetic Education in Modern China. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2024. – Vol. 5. – No. 2 (92). – Pp. 62–65.
2. Gorbunova I.B., Plotnikov K. Yu. Music and Computer Technologies in Education as a Tool for Realizing the Polymodality of Musical Perception // *Musical Art and Education*. – 2020. – Vol. 8. – No. 1. – Pp. 25–40.
3. Gu Yifan. The Potential of General Music Education in Solving the Problems of Aesthetic Education in China // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. – 2022. – No. 94. – Pp. 26–29.
4. Gu Yifan. Theory of Aesthetic Education in Modern China: Traditions and Innovations // *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. – 2019. – No. 9 (142). – Pp. 89–93.
5. Gu Yifan. Aesthetic Education of Students in the General Music Education System of China: Candidate of Sciences Dissertation. – Volgograd, 2023. – 196 p.
6. Zhao Z. Modern Trends in the Development of Chinese Orchestral Music: Synthesis of Tradition and Innovation // *International Research Journal*. – No. 11 (161). – Pp. 1–7.
7. Lomonosova S.G. Multimedia Technologies in the Practice of Primary Music Education // *Cultural Life of the South of Russia*. – 2011. – No. 2 (40). – Pp. 95–96.
8. Matyushina L.E. Organization of musical activities of primary school students based on polymodal teaching methods: Candidate of Sciences dissertation. – Moscow, 2012. – 194 p.
9. Mochalova A.A. Possibilities of interactive multimedia technologies in the general piano class at the Children's Music School and the Children's Art School // *Pedagogical experience*. – 2025. – No. 1. – Pp. 10–12.
10. Panferova E.M. Multimedia educational technologies as a modern means of fostering musical culture in students in supplementary music education // *Theory and practice of education in the modern world: Proc. of the III Int. scientific conf. (St. Petersburg, May 2013)*. – St. Petersburg: Renome, 2013. – Pp. 125–127.
11. He Zheyi. Aesthetic education of adolescents by means of Chinese musical culture in the context of supplementary education: Candidate of Sciences dissertation. – Volgograd, 2026. – 208 p.
12. Zheng Bisun, Kasimanov L.A. Multimodal technologies in teaching rhythmic plasticity as a means of developing general cultural competence in students of Chinese choreographic universities // *Letters to the Issue*. – 2026. – No. 1.
13. Shlyakhova S.S., Yarmukhametov N.V. Emotional perception of music in a multimodal message: an experimental study of generation Z // *Musical art and education*. – 2023. – Vol. 11. – No. 4. – P. 45–67.

Кризис вкуса в цифровую эпоху: социологический и эстетико-этический анализ механизмов формирования предпочтений молодежи

Ягудина Аэлита Радиковна,

канд. соц. наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: a.r.yagudina@struust.ru

Антонова Наталия Анатольевна,

канд. пед. наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: n.a.antonova@struust.ru

Иремадзе Элисо Отаровна,

кандидат химических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: e.o.iremadze@struust.ru

В статье исследуется трансформация механизмов легитимации и воспроизводства эстетических предпочтений в условиях цифровой трансформации культурного потребления. На теоретическом уровне проводится синтез социологии культуры П. Бурдьё, классической эстетической и этической мысли с современными исследованиями алгоритмической культуры и платформенного капитализма. Эмпирическую основу составляет проведенный автором репрезентативный социологический опрос студентов вуза, направленный на выявление структурных факторов, влияющих на формирование эстетических предпочтений, практик самооценки и цифровой самопрезентации. В работе также обосновывается тезис о слиянии эстетического и этического в цифровую эпоху, раскрываются механизмы алгоритмического влияния на моральные суждения, и предлагаются концептуальные ориентиры для формирования осознанной эстетической рефлексии в условиях платформенной регуляции.

Ключевые слова: эстетические предпочтения, вкус, культурный капитал, алгоритмическая культура, Пьер Бурдьё, цифровые медиа, эстетическое осмысление, социология молодежи, этика платформ, дисморфия Snapchat.

Проблема «кризиса вкуса» в современном культурном дискурсе перестала быть исключительно предметом философской или искусствоведческой рефлексии, и приобрела острое социологическое и этическое звучание. Если в классической традиции эстетика исследовала условия восприятия прекрасного, а социология культуры раскрывала классовую природу эстетических предпочтений, то в цифровую эпоху механизмы формирования вкуса радикально трансформировались. Вертикальная модель, в которой редакторы, критики, кураторы и модные дома выступали институциональными арбитрами эстетических норм, уступила место горизонтальной, сетевой модели, где алгоритмы платформ, блогеры и пользовательские практики совместно конструируют новые каноны красоты, уместности и статуса.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, наблюдается экспансия визуальных форм контента, вытесняющих текстовую и концептуальную культуру, что трансформирует способы эстетического восприятия и когнитивные паттерны молодежи. Во-вторых, алгоритмическая регуляция цифровых платформ не просто ранжирует контент, но и формирует ценностные установки, переписывая границы между эстетическим предпочтением и моральным выбором. В-третьих, несмотря на декларированную демократизацию культурного потребления, эмпирические данные свидетельствуют о сохранении и трансформации символического неравенства, где экономический и культурный капитал конвертируются в алгоритмическую видимость.

Цель данной статьи – выявить и теоретически осмыслить факторы, влияющие на формирование эстетических предпочтений современной молодежи в условиях цифровизации, а также проанализировать эстетико-этические последствия алгоритмической регуляции вкусовых практик.

Понятийный аппарат исследования строится на четком различении четырех категорий: вкус, эстетика, этика и мораль. В научной традиции данные понятия часто используются как синонимы, однако в философской и социологической литературе они обозначают различные уровни человеческого опыта. Вкус определяется как индивидуально-эмоциональная способность различать и оценивать прекрасное и безобразное, функционирующая через интуитивно-эмоциональный критерий «нравится / не нравится». Согласно И. Канту, су-

ждение вкуса субъективно, но подразумевает апелляцию к *sensus communis* – общему чувству, разделяемому культурной средой [2]. Эстетика выступает как философско-аналитическая дисциплина, исследующая механизмы восприятия, категории прекрасного/безобразного, возвышенного/низменного, а также культурные условия формирования эстетических оценок. Этика представляет собой философско-нормативный уровень, анализирующий происхождение и функции нравственных норм, категории добра и зла, долга и справедливости. Мораль, в отличие от этики, является социально-практической системой норм, укоренённой в конкретной культуре и регулирующей поведение через внутренние убеждения и внешнее одобрение/осуждение.

Взаимосвязь данных уровней может быть представлена как иерархическая структура: мораль задаёт социальные нормы, этика рефлексировывает над их обоснованностью, эстетика осмысливает восприятие красоты, а вкус применяет эстетические принципы на индивидуально-практическом уровне. Именно на уровне вкуса происходит столкновение личного выбора и социального давления, что делает его ключевым объектом социологического анализа.

Фундаментальным теоретическим основанием исследования выступает концепция П. Бурдьё, изложенная в работе «Различение: социальная критика суждения вкуса» (1979) [1]. Бурдьё продемонстрировал, что вкус не является врождённым качеством или нейтральным предпочтением, а функционирует как социальный маркер и инструмент воспроизводства неравенства. Ключевые понятия его теории – габитус как система внутренних диспозиций, усвоенных в процессе социализации и культурный капитал, под которым понимаются знания, навыки, эстетические предпочтения, обеспечивающие социальное преимущество. Согласно этой концепции, восприятие всегда «фильтруется» через заранее заданные культурные коды. А эстетические иерархии служат символическим оружием элит для того, чтобы разграничить «своих» и «чужих», узаконить привилегированное положение и передать статус следующим поколениям.

Бурдьё выделяет три типа вкуса [1]:

1. Легитимный (элитарный) вкус ориентирован на форму, дистанцию, интеллектуализм, «искусство ради искусства». Характерен для доминирующих классов с высоким культурным капиталом.

2. Средний вкус или культурная добросовестность – это стремление соответствовать «правильным» нормам, подражать элите с оглядкой на общепринятые стандарты.

3. Популярный вкус ориентируется на функцию, сюжет, непосредственное удовольствие, подчинение эстетики практической пользе.

Важно подчеркнуть, что данные типы представляют собой не ярлыки для индивидов, а ана-

литические инструменты, позволяющие выявить механизмы социального позиционирования через эстетические практики. В цифровую эпоху эти механизмы не исчезли, но трансформировались: вертикальная модель экспертной легитимации уступила место алгоритмической регуляции, где «экспертом» становится система рекомендаций, оптимизирующая контент под метрики вовлечённости.

Эмпирическую часть исследования составило количественное социологическое исследование, проведённое методом онлайн-опроса в период с октября 2024 по февраль 2025 года. Выборка формировалась по стратифицированному принципу с учётом региональной принадлежности, направления подготовки и курса обучения. В исследовании приняли участие 847 студентов СФ УУ-НиТ в возрасте от 18 до 24 лет. Гендерное распределение: 61,2% женщин, 38,8% мужчин. Средний возраст – 20,3 года.

Инструментарий исследования включал:

1. Шкалу формирования эстетических предпочтений (12 пунктов, 5-балльная шкала Лайкерта), направленную на выявление источников влияния (алгоритмы, эксперты, сверстники, традиционные медиа, личные практики).

2. Индекс алгоритмической осведомлённости (8 пунктов), измеряющий понимание механизмов рекомендаций, фильтров и метрик вовлечённости.

3. Шкалу цифровой самооценки и сравнения (10 пунктов), адаптированную из методик измерения телесного восприятия и социального сравнения в цифровой среде.

4. Блок открытых вопросов, направленный на качественное раскрытие мотивов выбора эстетики, отношения к фильтрам и восприятия «кризиса вкуса».

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики, факторного анализа и корреляционного анализа (коэффициент Пирсона). Выборка репрезентирует целевую группу цифровых нативов, для которых социальные сети являются основным каналом культурного потребления и самопрезентации.

Анализ эмпирических данных позволил выявить структурные закономерности формирования эстетических предпочтений в цифровой среде. Ключевые результаты представлены ниже.

На вопрос «Какие факторы влияют на формирование ваших эстетических представлений?», 67,3% опрошенных ответили, что рекомендательные алгоритмы соцсетей «в значительной» или «очень значительной мере» формируют их эстетические вкусы. При этом, 28,3% респондентов напрямую связали свои решения о внешности, стиле и даже выборе косметологических процедур с воздействием цифровых платформ. И напротив, такие традиционные институты оценки вкуса как

эксперты, кураторы, преподаватели, академическая критика – сохранили свой авторитет лишь для 13,1% участников опроса. Данное расхождение, с нашей точки зрения, наглядно иллюстрирует демонтаж вертикальной системы экспертного суждения (рис. 1).

Факторы формирования эстетических предпочтений студентов

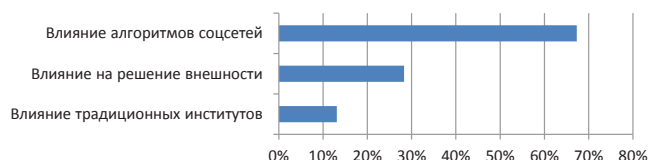

Рис. 1. Шкала формирования эстетических предпочтений студентов

Корреляционный анализ выявил и умеренную положительную зависимость между пониманием работы алгоритмов и устойчивостью к трендам ($r = 0,41$, $p < 0,01$). Однако, связь эта нелинейна – высокая осведомлённость не всегда гарантирует независимость от группового давления в цифровой среде.

Вопрос о цифровой самооценке и составленная по итогам полученных ответов шкала цифровой самооценки также зафиксировала ряд тревожных закономерностей (рис. 2). 54,1% опрошенных студентов систематически сравнивают свою внешность с образами, транслируемыми в соцсетях. Еще 38,7% признаются, что отреетушированные и отфильтрованные изображения становятся для них нормативным идеалом. Также достаточно высок процент тех, кто хоть раз задумывался о косметологических вмешательствах или пластических операциях, стремясь соответствовать визуальным стандартам, навязываемым лентой (42,3%). Качественный анализ открытых ответов подтвердил широкую распространённость «Snapchat-дизморфии»: участники описывают, как после просмотра обработанных фотографий собственное отражение в зеркале начинает казаться им ущербным[10].

Шкала цифровой самооценки студентов

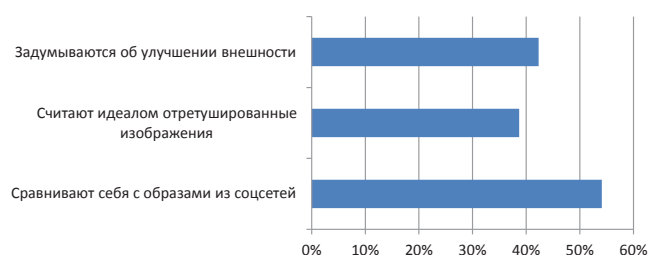

Рис. 2. Шкала цифровой самооценки студентов

При этом, девушки значительно чаще испытывают давление, связанное с внешними стандартами (61,2%), тогда как юноши демонстрируют повышенную чувствительность к образам «успешно-

го образа жизни» и продуктивности (57,4%). Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что алгоритмическое воздействие выходит за рамки чисто визуальной эстетики, проникая в сферу поведенческих и статусных ориентиров.

63,8% опрошенных согласились с утверждением, что сегодня вкус определяется не столько качеством контента, сколько его виральностью. Однако лишь 22,1% смогли назвать собственные эстетические критерии, не зависящие от модных трендов. Таким образом, качественный анализ показал, что большинство студентов придерживаются эклектичных стратегий: смешивают «высокое» и «низкое», цитируют субкультурные коды, подстраиваются под контекст платформы. Это подтверждает гипотезу о фрагментации вкусовых сообществ и постепенной утрате единого культурного канона [10].

Показательно, что лишь 47,6% респондентов разделяют тезис «каждый имеет право на своё мнение». При этом сами студенты отмечают, что такая позиция затрудняет конструктивные дискуссии о качестве и смысле эстетических объектов. Таким образом, субъективизация суждений, при всём её демократическом пафосе, парадоксальным образом подрывает основу для совместного выработки эстетических ориентиров – что полностью коррелирует с представлением о «кризисе вкуса».

Эмпирические данные позволяют несколько переосмыслить классическую теорию Бурдьё в контексте цифровой трансформации [1]. Так, если в индустриальную эпоху культурный капитал передавался через семью и систему образования, то в цифровую эпоху его воспроизводство опосредовано алгоритмическим габитусом – системой внутренних диспозиций, формируемых под воздействием платформенной логики, метрик вовлечённости и визуальных стандартов[6; 11]. Алгоритмы не просто ранжируют контент; сегодня они обучают ценностному восприятию, задавая негласный «кодекс достойного существования»: быть продуктивным 24/7 – хорошо; иметь «идеальное тело» – обязательно; проявлять уязвимость – плохо, так как это снижает вовлечённость.

Парадокс демократизации заключается в том, что горизонтальная модель не отменила иерархии, а трансформировала их. Те, кто обладает экономическим капиталом (качественное оборудование, свет, время на создание контента), легче конвертируют его в символический капитал (лайки, подписчики, видимости). Те, кто владеет культурным капиталом (знание эстетических кодов, референсов, языка трендов), лучше «читаются» алгоритмами и аудиторией. Возникает иллюзия меритократии: «любой может стать звездой». Однако эмпирические данные подтверждают, что цифровой успех часто воспроизводит стартовое неравенство, упаковывая его в новую оболочку.

Феномен «инстаграмного лица» наглядно демонстрирует слияние технологического, экономического и культурного капиталов в единый алгоритмический стандарт. Этот стандарт этнически неоднозначен, берёт черты разных рас и смешивает их в универсальный, но абсолютно искусственный коктейль. Он не эволюционировал десятилетиями, а был сгенерирован миллионами итераций алгоритмической оптимизации: симметричные, молодые, «идеальные» лица получают больше лайков, алгоритм воспринимает это как позитивный сигнал и показывает такой контент большему числу пользователей. Так формируется замкнутый круг – популярность создаёт эстетику, эстетика создаёт популярность.

В условиях алгоритмической регуляции традиционное различие вкусов в теории Бурдьё трансформируется: элитарный вкус смещается в сторону «осознанного потребления» и «анти-трендов», средний вкус адаптируется под «визуальную добросовестность» (следование гайдам, рецензиям, чек-листам), а популярный вкус полностью подчиняется логике непосредственного удовольствия и виральности. При этом граница между ними становится подвижной и контекстуальной. Один и тот же индивид может проявлять разный вкус в разных цифровых средах, что указывает на фрагментацию габитуса в условиях мультиплатформенной идентичности.

Алгоритмы сегодня не просто показывают «красивое»; они обучают ценностному восприятию, переписывают моральные нормы под логику платформенного капитализма.

Эмпирические данные подтверждают наличие морального конфликта у студентов: они осознают манипулятивность алгоритмов (высокий индекс осведомлённости), но продолжают участвовать в системе из-за её социальной укоренённости. Это напоминает гегелевское «несчастное сознание»: зависимость от системы, которую критикуют, но не могут покинуть. Выход из данного состояния требует не отказа от цифровых платформ, а формирования этически бдительной субъектности, способной задавать вопрос не «Нравится ли мне это?», а «Почему алгоритм хочет, чтобы мне это нравилось?».

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, механизмы формирования эстетических предпочтений в цифровую эпоху радикально трансформировались: вертикальная модель экспертной легитимации уступила место горизонтально-алгоритмической, где платформы, блогеры и пользовательские практики совместно конструируют новые каноны. Во-вторых, эмпирические данные подтверждают распространённость алгоритмического влияния на эстетические и телесные практики молодёжи, при этом 29,37% респондентов открыто признают влияние социальных сетей на решения, касающиеся внеш-

ности. В-третьих, демократизация культурного потребления не отменила символическое неравенство, а трансформировала его в форму «алгоритмического габитуса», где экономический и культурный капитал конвертируются в платформенную видимость. В-четвёртых, эстетическое и этическое в цифровую эпоху сливаются: алгоритмы не просто ранжируют контент, но и формируют моральные нормы, оптимизируя подлинность, уязвимость и радость под метрики вовлечённости.

«Кризис вкуса» следует понимать не как ностальгическую тоску по утраченным арбитрам, а как симптом перехода к новой конфигурации культурного производства, где ускорение циклов, фрагментация сообществ и субъективизация оценок затрудняют формирование устойчивых эстетических критериев. Задача современной социокультурной политики и образования заключается не в возврате к элитарному патернализму, а в развитии эстетической рефлексии, медиаграмотности и этической бдительности.

Литература

1. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты) // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48.
2. Кант И. Критика способности суждения // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 5. – 368 с.
3. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.
4. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.
5. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. – New York: NYU Press, 2018. – 256 p.
6. Manovich L., Arielli E. Artificial Aesthetics: A Critical Guide to AI, Media and Design. – Moscow: Strelka Press, 2021. – 192 p.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – 535 с.
9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. – М.: Азбука, 2018. – 160 с.
10. Туровская М.Н. Эстетика цифровой культуры: от модернизма к постцифровому повороту // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 78–91.
11. Чубур А. А., Иванова М.В. Алгоритмический габитус: трансформация вкусовых практик молодёжи в условиях платформенного капитализма // Социологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 112–124.
12. Fardouly J., Vartanian L.R. Negative comparisons about one's appearance mediate the relationship

between Facebook usage and body image concerns // *Body Image*. – 2015. – Vol. 12. – P. 82–88.

13. Tiggemann M., Anderberg I. Social media is not real: The effect of 'Instagram vs reality' images on women's social comparison and body image // *New Media & Society*. – 2020. – Vol. 22 (12). – P. 2183–2199.
14. Камю А. Миф о Сизифе // *Бунтующий человек. Миф о Сизифе*. – М.: АСТ, 2021. – С. 5–132.
15. Jonas H. *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 263 p.

CRISIS OF TASTE IN THE DIGITAL AGE: A SOCIOLOGICAL AND AESTHETIC-ETHICAL ANALYSIS OF MECHANISMS SHAPING YOUTH PREFERENCES

Yagudina A.R., Antonova N.A., Iremadze E.O.

Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology

The article examines the transformation of mechanisms of legitimization and reproduction of aesthetic pReferences in the context of digital transformation of cultural consumption. At the theoretical level, P. Bourdieu's sociology of culture, classical aesthetic and ethical thought is synthesized with modern research on algorithmic culture and platform capitalism. The empirical basis is a representative sociological survey of university students aimed at identifying structural factors influencing the formation of aesthetic pReferences, self-assessment practices and digital self-presentation. The paper substantiates the thesis about the fusion of aesthetic and ethical in the digital age, reveals the mechanisms of algorithmic influence on moral judgments, and also offers conceptual guidelines for the formation of conscious aesthetic reflection in the context of platform regulation.

Keywords. Aesthetic pReferences, taste, cultural capital, algorithmic culture, Pierre Bourdieu, digital media, aesthetic reflection, sociology of youth, platform ethics, Snapchat dysmorphia.

References

1. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of Judgment (Excerpts)* // *Economic Sociology*. – 2005. – Vol. 6, No. 3. – Pp. 25–48.
2. Kant I. *Critique of Judgment* // *Collected Works: in 8 volumes*. – Moscow: CHORO, 1994. – Vol. 5. – 368 p.
3. Habermas J. *Theory of Communicative Action*. – Moscow: Ves' Mir, 2003. – 416 p.
4. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. – New York: Public Affairs, 2019. – 704 p.
5. Noble S.U. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. – New York: NYU Press, 2018. – 256 p.
6. Manovich L., Arielli E. *Artificial Aesthetics: A Critical Guide to AI, Media and Design*. – Moscow: Strelka Press, 2021. – 192 p.
7. Giddens E. *The Elusive World: How Globalization is Changing Our Lives*. – Moscow: Ves' Mir, 2004. – 120 p.
8. Rawls J. *A Theory of Justice*. – Moscow: LKI, 2010. – 535 p.
9. Sartre J.-P. *Existentialism is a Humanism*. – Moscow: Azbuka, 2018. – 160 p.
10. Turovskaya M.N. *Aesthetics of Digital Culture: From Modernism to the Post-Digital Turn* // *Voprosy Filosofii*. – 2023. – No. 4. – P. 78–91.
11. Chubur A. A., Ivanova M.V. *Algorithmic Habitus: Transformation of Youth Taste Practices in the Context of Platform Capitalism* // *Sociological Studies*. – 2024. – No. 2. – P. 112–124.
12. Fardouly J., Vartanian L.R. Negative comparisons about one's appearance mediate the relationship between Facebook usage and body image concerns // *Body Image*. – 2015. – Vol. 12. – P. 82–88.
13. Tiggemann M., Anderberg I. Social media is not real: The effect of 'Instagram vs. reality' images on women's social comparison and body image // *New Media & Society*. – 2020. – Vol. 22 (12). – P. 2183–2199.
14. Camus A. *The Myth of Sisyphus* // *Rebellious Man. The Myth of Sisyphus*. – Moscow: AST, 2021. – P. 5–132.
15. Jonas H. *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 263 p.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Феномен одиночества в эпоху текучей современности: от экзистенциального уединения к социальной заброшенности

Анисимов Тимофей Юрьевич,

аспирант, соискатель, кафедра философии, социологии
и психологии управления, ФГБОУ ВО «Российская
академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
E-mail: grisyex@yandex.ru

В статье осуществляется социально-философский анализ феномена одиночества в условиях позднего модерна. Автор разграничивает два принципиально различных состояния, нередко обозначаемых одним понятием: уединение (*solitude*) как продуктивное пребывание человека наедине с собой и заброшенность (*loneliness*) как утрату связи одновременно с другими и с собственным «я». Опираясь на концептуальную дихотомию Х. Арендт и теорию текучей современности З. Баумана, автор показывает, что современное общество производит не уединение, а заброшенность – как структурное следствие атомизации социальных связей и проникновения потребительской логики в сферу человеческих отношений. В статье также рассматриваются социальные и экономические последствия глобальной «эпидемии одиночества»: влияние на здоровье, производительность труда и политическую стабильность. Делается вывод о том, что одиночество в современном мире является не личной, а системной проблемой, требующей философского осмысления на уровне оснований общественного устройства.

Ключевые слова: одиночество, уединение, заброшенность, текучая современность, атомизация, социальные связи, Арендт, Бауман, поздний модерн, социальная философия.

Введение

Мы живем в эпоху, которая впервые в истории сделала одиночество массовым. Не уделом отшельников, аскетов и непонятых гениев – а обычным фоновым состоянием миллионов людей, у которых есть смартфон, сотни контактов и непрерывный поток сообщений. Это обстоятельство само по себе требует объяснения, потому что оно глубоко парадоксально: никогда прежде люди не были так плотно связаны технически – и так разобщены по существу.

В 2023 году Всемирная организация здравоохранения учредила специальную комиссию по социальной изоляции и одиночеству, признав их угрозой здоровью, сопоставимой по последствиям с курением. Британия еще в 2018 году ввела должность министра по делам одиночества. Социологи говорят об «эпидемии», врачи – о новом факторе смертности. Казалось бы, все ясно: есть проблема, нужны решения. Но прежде чем искать решения, стоит остановиться и спросить: а что, собственно, происходит? Что именно мы называем одиночеством – и то ли это одиночество, о котором думали философы?

Потому что философская традиция знала одиночество совсем другим. Аристотель предупреждал, что жить вне общества способен лишь зверь или бог. Стоики видели в уединении условие мудрости. Паскаль писал, что все несчастья человека происходят от неумения спокойно сидеть в комнате одному. Для экзистенциалистов XX века одиночество стало не болезнью, а самой структурой человеческого существования – неустранимой и в каком-то смысле необходимой. Это было одиночество как уединение – состояние, в котором человек остается наедине с собой и, если повезет, обнаруживает там нечто важное.

Но то, что описывают сегодняшние исследования – другое. Человек не один в тишине, наедине со своими мыслями. Он окружен людьми, завален стимулами, включен в бесчисленные сети – и при этом ощущает себя нигде и ни для кого. Это не уединение, которое можно выбрать и из которого можно выйти. Это что-то более тревожное – ощущение выброшенности из мира при физическом присутствии в нем. Ханна Арендт, писавшая об этом еще в середине прошлого века, называла такое состояние не *solitude*, а *loneliness* – заброшенностью. И проводила между ними принципи-

альную черту: уединение оставляет человека с самим собой, заброшенность лишает его и этого.

Именно это разграничение кажется мне ключом к пониманию того, что происходит сегодня. Современное общество не просто производит больше одиноких людей – оно производит принципиально иной тип одиночества. И чтобы понять почему, я обращаюсь к тому, как изменилась сама ткань социальных связей. Зигмунт Бауман показал, что поздний модерн превратил все отношения – дружбу, любовь, профессиональные связи – в нечто временное и необязательное, подчиненное логике потребления: взять, попробовать, отпустить. В мире, где близость стала рискованной инвестицией, а обязательство – обременением, заброшенность перестала быть случайностью и стала нормой.

Цель этой статьи – не просто зафиксировать факт эпидемии одиночества, но попытаться понять ее философскую природу: что именно сломалось в отношениях человека с миром и с другими людьми, и чем это грозит – не только отдельному человеку, но и обществу в целом.

Что такое одиночество: в поисках определения

Одиночество – одно из тех слов, которые кажутся совершенно понятными ровно до того момента, пока не попытаешься их определить. Каждый человек знает, что это такое, из собственного опыта. Но когда философ, психолог или социолог пробует зафиксировать это переживание в понятии – оно ускользает, двоятся, оказывается несколькими разными вещами одновременно. Это само по себе симптоматично: понятия, которые труднее всего поддаются определению, как правило, указывают на что-то фундаментальное в человеческом существовании.

Первое, что обнаруживается при попытке определить одиночество – это его принципиальная субъективность. Одиночество не тождественно физической изолированности. Можно быть одному и не чувствовать себя одиноким – именно это состояние монах в пустыне или философ в своем кабинете назвали бы не одиночеством, а уединением. И напротив: можно находиться в толпе, в семье, в компании близких людей – и испытывать острейшее одиночество. Это наблюдение кажется банальным, но оно принципиально важно: одиночество есть прежде всего переживание, а не обстоятельство. Оно живет не в пространстве между людьми, а внутри человека.

Тем не менее сводить одиночество только к субъективному переживанию было бы ошибкой – и именно здесь начинается собственно философская проблема. Если одиночество – это только то, что человек чувствует, то оно не поддается никакому внешнему анализу и остается делом исключительно личным, терапевтическим. Но мы видим, что одиночество распределено в обществе неравномерно: оно концентрируется в определенных

социальных группах, нарастает в определенные исторические периоды, связано с определенными типами общественного устройства. Это значит, что у него есть социальные корни – и, следовательно, оно является предметом не только психологии, но и социальной философии.

Попробую предложить рабочее определение, которое удерживает оба этих измерения. Одиночество – это переживание разрыва между потребностью человека в подлинной связи с другими и реальным качеством существующих у него отношений. Ключевое слово здесь – *подлинной*. Речь идет не просто о количестве контактов или о физическом присутствии других людей, а о том, ощущает ли человек себя понятым, нужным, принятым – включенным в мир, а не вытолкнутым из него.

Но и это определение нуждается в уточнении, которое я считаю принципиально важным для понимания нашей темы. В философской традиции за одним словом «одиночество» скрываются как минимум два разных феномена. Ханна Арендт проводит между ними различие с такой точностью, что пересказывать ее своими словами – значит что-то терять. Она пишет: «Изоляция и одиночество – не синонимы. Я могу быть изолированным (т.е. быть в ситуации, в которой я не могу действовать, потому что рядом со мной нет никого), не будучи одиноким; и я могу быть одиноким (как в случае, когда ощущаешь себя покинутым всеми, лишенным всякого человеческого сочувствия), не будучи изолированным» [1, с. 617].

Это разграничение Арендт разворачивает дальше, обращаясь к понятиям уединения и одиночества как двух принципиально разных экзистенциальных состояний. «Экзистенциальное одиночество – это не уединение. Для уединения всего-навсего требуется жить одному, тогда как одиночество наиболее остро проявляется в обществе других» [1, с. 619]. Уединение – это состояние, в котором человек остается один, но не теряет себя. Более того: именно в уединении, по Арендт, возможен подлинный внутренний диалог – разговор с самим собой, который и составляет основу мышления. Уединение не разрывает связь с миром, оно лишь временно приостанавливает ее, чтобы человек мог вернуться к другим обновленным.

Одиночество-заброшенность устроено принципиально иначе. Это состояние, при котором человек теряет не только связь с другими, но и связь с самим собой. «Совершенно невыносимым делает одиночество утрата собственного «Я», которое возможно реализовать в уединении, но подтвердить и удостоверить его подлинность способно только заслуживающее доверия сообщество равных ему. Утратив «Я», человек теряет и доверие к самому себе как внутреннему собеседнику, и то элементарное доверие к миру, без которо-

го вообще невозможен никакой опыт» [1, с. 620]. Это не уединение, которое можно прервать, выйдя из комнаты, – это потеря самой почвы под ногами, ощущение выброшенности из мира при физическом присутствии в нем.

Мне кажется важным подчеркнуть, что это разграничение – не просто академическая классификация. Паскаль, призывавший учиться сидеть в комнате одному, говорил об уединении как о духовной практике. Современные исследования, фиксирующие глобальную эпидемию одиночества, – фиксируют именно заброшенность. И это меняет постановку вопроса: если речь идет о заброшенности, то проблема не в том, что люди не умеют быть одни – а в том, что что-то сломалось в самой структуре их связей с миром и с другими людьми. Именно этот вопрос я и намерен рассмотреть далее.

Текущая современность и распад человеческих связей

Чтобы понять, почему заброшенность стала массовым явлением, нужно понять, что произошло с самой тканью человеческих отношений. И здесь, как мне кажется, точнее всех говорит Зигмунт Бауман – мыслитель, который посвятил значительную часть своей интеллектуальной жизни именно этому вопросу.

Центральная метафора Баумана – «текучесть». Современность, по его мнению, утратила то, что отличало предыдущую эпоху: устойчивость, плотность, обремененность взаимными обязательствами. Мир, который был «твердым» – с долгосрочными институтами, укорененными сообществами, надежными ролями и обязательствами – «расплавился» и стал текучим. Это не просто красивая метафора: она описывает вполне конкретные изменения в том, как люди выстраивают отношения друг с другом.

Ключевой механизм, который вскрывает Бауман – это проникновение потребительской логики в сферу человеческих связей. В мире, где господствует «мгновенное вознаграждение» и где ненадежность стала нормой, люди начинают воспринимать отношения по той же модели, что и товары. Бауман формулирует это с хирургической точностью: «связи и партнерство имеют тенденцию рассматриваться как вещи, которые нужно использовать, а не создавать, и с ними обращаются соответствующим образом; их оценивают по тем же критериям, что и все другие объекты потребления» [2, с. 176–177]. Это означает: пока отношения приносят удовлетворение – они сохраняются. Как только перестают – от них избавляются.

Логика этого сдвига, по Бауману, коренится в самой структуре позднекапиталистической экономики. Нестабильность рынка труда, отсутствие долгосрочных гарантий, культура «гибкости» – все

это вместе учит человека не вкладываться в то, что может в любой момент исчезнуть. «Ненадежные экономические и социальные условия учат людей воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая других людей» [2, с. 175]. Других людей – вот ключевые слова. Когда логика «используй и выбрось» переносится с вещей на отношения, близость становится не просто редкостью, но структурно затрудненной возможностью.

Мне кажется важным остановиться здесь и подчеркнуть, что речь идет не о моральном упадке или об эгоизме отдельных людей. Бауман последовательно избегает морализаторства. Он показывает, что стратегия «не привязываться» в нестабильном мире – это не порок, а вполне рациональный ответ на реальные условия существования. Если обязательства стоят на пути завтрашних возможностей, то рационально иметь их как можно меньше. Если длительные инвестиции в отношения могут в любой момент обесцениться – зачем их делать? Проблема не в том, что люди стали хуже. Проблема в том, что сами условия, в которых они живут, перестали поддерживать глубокие связи.

Следствием этого оказывается то, что Бауман называет «исчезновением и ослаблением, распадом и разложением человеческих связей, сообществ и партнерских отношений» [2, с. 176]. Обязательства типа «пока смерть нас не разлучит» превращаются в контракты, действующие «пока сохраняется удовлетворенность». Дружба становится «нетворкингом». Любовь – серией «отношений», каждая из которых по умолчанию временны. Сообщество – тем, что Бауман метко называет «гардеробным»: люди собираются вместе на время одного события, вешают пальто рядом, а расходясь, забирают каждый свое – не унося с собой ничего общего.

Именно здесь, я полагаю, и возникает та заброшенность, о которой писала Арендт. Когда связи перестают быть длительными и обязывающими – человек лишается того, что давало ему ощущение укорененности в мире. Он включен в множество сетей, но ни в одну из них по-настоящему не вписан. Он коммуницирует непрерывно, но не чувствует себя услышанным. Он окружен людьми, которых в любой момент можно «отписаться» – и которые в любой момент могут «отписаться» от него. Это и есть текучее одиночество: не отсутствие контактов, а отсутствие подлинных связей при видимости их изобилия.

Уединение и заброшенность: диагноз современности

Теперь, когда мы разобрались и с природой самого феномена, и с механизмами, которые его порождают, можно попробовать свести эти два наблюдения воедино – и посмотреть, что из этого следует.

Арендт и Бауман писали в разные эпохи и о разных вещах. Арендт размышляла о политических катастрофах XX века – о том, как тоталитаризм становится возможным, какой тип человека он требует и производит. Бауман писал о позднем капитализме, о потребительском обществе, о том, что происходит с людьми в мире, где все стало текучим. Но между ними есть точка схождения, которая, как мне кажется, и является ключом к пониманию нашей темы.

Арендт замечала – и это наблюдение звучит сегодня почти пророчески – что заброшенность не всегда была массовым явлением. Она была уделом немногих: изгнанников, людей без корней, выброшенных на обочину истории. Но что-то изменилось. «Одиночество, когда-то бывшее лишь пограничным опытом сравнительно немногих людей... стало повседневным опытом все возрастающих в числе масс в нашем веке» [1, с. 621]. Она писала это в начале 1950-х. С тех пор этот процесс только ускорился.

Бауман объясняет механизм этого ускорения. Текучая современность систематически подрывает именно те структуры, которые защищали человека от заброшенности: долгосрочные сообщества, устойчивые роли, обязывающие отношения. Все то, что давало человеку ощущение принадлежности – принадлежности к семье, к месту, к профессии, к традиции – стало необязательным, временным, легко расторжимым. В результате человек оказывается в ситуации, которую Арендт описала бы именно как заброшенность: он существует среди других людей, но не чувствует себя среди них укорененным.

Здесь и возникает то, что я назвал бы парадоксом связанности. Цифровые технологии многократно увеличили количество контактов, доступных каждому человеку. Социальные сети создали беспрецедентную видимость общности – тысячи подписчиков, сотни «друзей», непрерывный поток сообщений и реакций. Но все это – именно то, что Бауман называл «гардеробным сообществом»: люди находятся рядом, не становясь близкими. Цифровая связь воспроизводит форму отношений, выхолащивая их содержание. Можно переписываться с человеком годами – и не знать о нем ничего существенного. Можно иметь тысячу подписчиков – и не иметь ни одного человека, которому можно позвонить в три часа ночи.

Арендт писала, что самым невыносимым в заброшенности является не отсутствие других людей, а утрата самого себя – потеря того внутреннего собеседника, с которым человек способен оставаться в уединении. Это наблюдение обнаруживает сегодня неожиданное измерение. Цифровая среда не просто имитирует близость – она систематически вытесняет уединение. Человек почти никогда не остается наедине с собой: в любую паузу, в любую минуту тишины он тянется к экра-

ну. Уведомления, ленты, сторис – все это заполняет именно то пространство, в котором могло бы состояться уединение. И в результате человек лишается сразу обоих полюсов: и подлинной близости с другими, и подлинного одиночества с самим собой.

Я полагаю, что именно это сочетание – бауманской текучести отношений и арендтовской заброшенности как их следствия – и составляет философскую природу того, что сегодня называют «эпидемией одиночества». Это не случайность и не временный кризис, который можно преодолеть несколькими правильными политическими мерами. Это структурное следствие того, как устроено современное общество: общество, которое максимизирует свободу и мобильность индивида, одновременно подрывает те самые условия, при которых подлинная связь между людьми становится возможной.

Эпидемия одиночества: масштаб, последствия и цена разобщенности

До сих пор разговор шел преимущественно в философских категориях. Но феномен, который мы описываем, имеет вполне измеримые, вполне материальные последствия – и именно они позволяют говорить не просто о культурной тенденции, а о подлинной социальной катастрофе, разворачивающейся в замедленном темпе.

Начнем с масштаба. В июне 2025 года Комиссия ВОЗ по социальным связям опубликовала итоговый доклад – первый в истории организации документ, целиком посвященный одиночеству как угрозе глобальному здоровью. По данным доклада, около 16% людей в мире – каждый шестой – испытывали одиночество в период с 2014 по 2023 год [7]. Это не ощущение, не настроение – это устойчивое, хроническое состояние, охватывающее сотни миллионов человек одновременно. При этом наиболее высокие показатели фиксируются среди подростков и молодых людей: порядка 17–21% в возрасте от 13 до 29 лет сообщают о регулярном переживании одиночества [7]. Это обстоятельство само по себе требует осмысления: одиночество перестало быть уделом пожилых и изолированных – оно стало прежде всего молодежным феноменом, феноменом людей, выросших в эпоху максимальной цифровой связанности.

Последствия для здоровья оказываются катастрофическими. По последним оценкам ВОЗ, одиночество связано приблизительно с 871 000 смертей ежегодно – около 100 смертей в час [7]. Люди, лишённые устойчивых социальных связей, подвержены повышенному риску инсульта, тревожных расстройств, деменции, депрессии и суицида [8]. Метаанализ Университета Бригама Янга показал, что хроническое одиночество повышает риск преждевременной смерти на 26% – что со-

поставимо с курением пятнадцати сигарет в день [12]. Именно это сравнение использовал главный санитарный врач США Вивек Мерти, когда в 2023 году объявил одиночество национальной эпидемией.

Но меня здесь интересует не только медицинское измерение – сколь бы впечатляющим оно ни было. Важнее другое: одиночество оказывается феноменом, глубоко встроенным в экономическую логику современного общества – и одновременно ее подрывающим. В США экономические потери от одиночества, связанные с абсентеизмом и снижением производительности труда, оцениваются примерно в 400 миллиардов долларов в год – около 1,4% ВВП, что сопоставимо с потерями в период крупной рецессии [11]. В Великобритании работодатели теряют около 2,5 миллиарда фунтов стерлингов ежегодно – порядка 9976 фунтов на каждого одинокого сотрудника [16].

Эти цифры важны не сами по себе, а как симптом. Они показывают, что одиночество – не частная проблема отдельного человека, которому «не везет с людьми». Это системное явление, которое производит измеримые потери на уровне целых экономик. Исследования показывают, что более одинокие регионы демонстрируют более низкий экономический рост на душу населения [13]. Иными словами, разобщенность людей оказывается не только личной трагедией, но и тормозом коллективного развития.

Здесь обнаруживается глубокое противоречие, которое, я полагаю, является одним из ключевых для понимания современной социально-экономической парадигмы. Рыночная логика, которую Бауман описывал как механизм разрушения устойчивых связей, в конечном счете оборачивается против самой себя: атомизированный, одинокий человек – плохой работник, плохой потребитель и плохой гражданин. Одиночество снижает мотивацию к производительному труду, увеличивает распространенность презентеизма – присутствия на работе без реальной включенности, – негативно влияет на когнитивные функции и принятие решений [12]. Общество, которое производит одиночество как побочный продукт своей экономической организации, тем самым подрывает собственные производительные основания.

Не менее тревожным выглядит политическое измерение этого процесса. Арендт предупреждала, что массовая заброшенность создает почву для тоталитарных соблазнов: человек, лишенный подлинных связей, ищет принадлежности – и находит ее в идеологиях, предлагающих взамен утраченного сообщества принадлежность к массе, к движению, к коллективному «мы» против враждебного «они». Сегодня это наблюдение звучит не как историческое предостережение, а как диагноз актуальной политической реальности: рост популизма, радикализации, поляризации во мно-

гих странах мира разворачивается на фоне нарастающей социальной атомизации – и это едва ли случайное совпадение.

Если нынешние тенденции сохранятся, совокупные расходы, связанные с психическими расстройствами – значительная часть которых обусловлена хроническим одиночеством, – могут приблизиться к 14 триллионам долларов к 2040 году [20]. Это не абстрактная цифра будущего – это проекция уже происходящего. И она говорит о том, что современное общество стоит перед выбором: либо научиться воспроизводить условия подлинной человеческой связи, либо оплачивать – в буквальном, финансовом смысле – цену ее отсутствия.

Заключение

Подведем итоги. За словом «одиночество» скрываются два принципиально разных состояния: уединение, в котором человек остается наедине с собой и сохраняет внутреннюю целостность, и заброшенность, при которой он теряет связь и с другими, и с самим собой. Современная «эпидемия одиночества» – это эпидемия именно заброшенности, и это различие переносит проблему из области личной психологии в область социальной философии.

Механизм, порождающий эту заброшенность, описан Бауманом с достаточной точностью: текущая современность подрывает те структуры, которые делали возможной подлинную близость – долгосрочные обязательства, укорененные сообщества, отношения, не подчиненные логике потребления. В результате глубокая связь между людьми становится не просто редкостью, но структурно затрудненной возможностью – и человек оказывается одинок не по личной несостоятельности, а в силу самого устройства общества, в котором живет.

Последствия этого процесса – медицинские, экономические, политические – достаточно измеримы, чтобы говорить об одиночестве как об одном из центральных вызовов современной цивилизации. Но ни политические, ни технологические меры не могут быть здесь достаточными, пока проблема не осмыслена на более глубоком уровне: на уровне того, какие ценности лежат в основании общества и как оно понимает природу человеческой связи.

Арендт предупреждала, что массовая заброшенность лишает человека самой способности мыслить и действовать совместно с другими – той способности, которая и делает возможным публичное пространство и политическую жизнь. В этом смысле эпидемия одиночества есть не просто социальная проблема, но угроза основаниям совместного существования – и именно поэтому она остается прежде всего предметом философского анализа.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. – М.: Центр-Ком, 1996. – 672 с.
2. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бауман З. Текучая любовь: о непрочности человеческих связей / пер. с англ. Э. Галинской. – М.: Логос, 2008. – 208 с.
4. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибикина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
7. World Health Organization. From loneliness to social connection: charting a path to healthier societies. Report of the WHO Commission on Social Connection. – Geneva: WHO, 2025. – URL: <https://www.who.int/groups/commission-on-social-connection/report> (дата обращения: 15.09.2025).
8. World Health Organization. Social isolation and loneliness. – Geneva: WHO, 2023. – URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/demographic-change-and-healthy-ageing/social-isolation-and-loneliness> (дата обращения: 15.09.2025).
9. OECD. Social Connections and Loneliness in OECD Countries. – Paris: OECD Publishing, 2025. – DOI: 10.1787/6df2d6a0-en.
10. Murthy V.H. Our Epidemic of Loneliness and Isolation: The U.S. Surgeon General's Advisory on the Healing Effects of Social Connection and Community. – Washington: U.S. Department of Health and Human Services, 2023. – 82 p.
11. Engel L., Rizal M.F., Clifford S. et al. An Updated Systematic Literature Review of the Economic Costs of Loneliness and Social Isolation and the Cost Effectiveness of Interventions // Pharmacoeconomics. – 2025. – Vol. 43, № 9. – P. 1047–1063. – DOI: 10.1007/s40273-025-01516-w.
12. Holt-Lunstad J., Smith T.B., Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review // Perspectives on Psychological Science. – 2015. – Vol. 10, № 2. – P. 227–237. – DOI: 10.1177/1745691614568352.
13. Rodriguez-Pose A., Burlina C. Alone and left behind: lagging regions, poverty traps, and social exclusion in Europe // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2021. – Vol. 14, № 3. – P. 457–477.
14. The Lancet Public Health. Social health – the neglected third pillar // The Lancet Public Health. – 2025. – Vol. 10, № 9. – DOI: 10.1016/S2468-2667(25)00175-6.

THE PHENOMENON OF LONELINESS IN THE AGE OF FLUID MODERNITY: FROM EXISTENTIAL SOLITUDE TO SOCIAL ABANDONMENT

Timofey Yu.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents a social-philosophical analysis of the phenomenon of loneliness in late modernity. The author distinguishes between two fundamentally different states often conflated under a single concept: solitude as a productive experience of being with oneself, and loneliness as the loss of connection with both others and one's own self. Drawing on Hannah Arendt's conceptual dichotomy and Zygmunt Bauman's theory of liquid modernity, the author argues that contemporary society produces not solitude but loneliness – as a structural consequence of the atomization of social bonds and the penetration of consumer logic into the sphere of human relations. The article also examines the social and economic consequences of the global «loneliness epidemic», including its effects on health, labour productivity, and political stability. The author concludes that loneliness in the modern world is not a personal but a systemic problem, one that requires philosophical reflection at the level of the foundations of social life.

Keywords: loneliness, solitude, abandonment, liquid modernity, atomization, social bonds, Arendt, Bauman, late modernity, social philosophy.

References

1. Arendt, H. The Origins of Totalitarianism / translated from English by I.V. Borisova, Yu.A. Kimeleva, A.D. Kovaleva, Yu.B. Mishkenene, L.A. Sedova. Moscow: CenterCom, 1996, 672 p.
2. Bauman, Z. Liquid Modernity / translated from English by S.A. Komarov; edited by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter, 2008, 240 p.
3. Bauman, Z. Liquid Love: On the Fragility of Human Connections / translated from English by E. Galinskaya. Moscow: Logos, 2008, 208 p.
4. Arendt, H. Vita activa, or On the Active Life / translated from German and English. V.V. Bibikhina. – St. Petersburg: Aleteia, 2000. – 437 p.
5. Sartre, J.-P. Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology / translated from French by V.I. Kolyadko. – Moscow: Respublika, 2000. – 639 p.
6. Heidegger, M. Being and Time / translated from German by V.V. Bibikhina. – Moscow: Ad Marginem, 1997. – 452 p.
7. World Health Organization. From loneliness to social connection: charting a path to healthier societies. Report of the WHO Commission on Social Connection. – Geneva: WHO, 2025. – URL: <https://www.who.int/groups/commission-on-social-connection/report> (accessed: 15.09.2025).
8. World Health Organization. Social isolation and loneliness. – Geneva: WHO, 2023. – URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/demographic-change-and-healthy-ageing/social-isolation-and-loneliness> (access date: 09/15/2025).
9. OECD. Social Connections and Loneliness in OECD Countries. – Paris: OECD Publishing, 2025. – DOI: 10.1787/6df-2d6a0-en.
10. Murthy V.H. Our Epidemic of Loneliness and Isolation: The U.S. Surgeon General's Advisory on the Healing Effects of Social Connection and Community. – Washington: U.S. Department of Health and Human Services, 2023. – 82 p.
11. Engel L., Rizal M.F., Clifford S. et al. An Updated Systematic Literature Review of the Economic Costs of Loneliness and Social Isolation and the Cost Effectiveness of Interventions // Phar-

- macoEconomics. – 2025. – Vol. 43, № 9. – P. 1047–1063. – DOI: 10.1007/s40273-025-01516-w.
12. Holt-Lunstad J., Smith T.B., Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review // Perspectives on Psychological Science. – 2015. – Vol. 10, № 2. – P. 227–237. – DOI: 10.1177/1745691614568352.
13. Rodriguez-Pose A., Burlina C. Alone and left behind: lagging regions, poverty traps, and social exclusion in Europe // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2021. – Vol. 14, № 3. – P. 457–477.
14. The Lancet Public Health. Social health – the neglected third pillar // The Lancet Public Health. – 2025. – Vol. 10, № 9. – DOI: 10.1016/S2468-2667(25)00175-6.

Свобода как условие политического развития: философский анализ

Бондаренко Данила Александрович,

аспирант, Гатчинский государственный университет

E-mail: Dan1510@mail.ru

Исследование посвящено философскому осмыслению феномена свободы в контексте политического развития современной России в период с 1990-х годов до 2022 года. Своевременность обращения к данной проблематике обусловлена противоречивостью постсоветского транзита: государство декларировало приверженность либеральным ценностям, тогда как реальные институциональные преобразования неоднократно свидетельствовали об устойчивых авторитарных тенденциях. Проблема свободы принадлежит к числу вечных тем философского дискурса, однако в каждую историческую эпоху она наполняется принципиально новым содержанием. Цель исследования состоит в философском анализе свободы как онтологического условия политического развития на материалах современной России. Для достижения цели решаются следующие задачи: концептуализация понятия свободы в ее негативном и позитивном измерениях; выявление корреляции между уровнем политической свободы и характером государственного развития; анализ эволюции свободы в публичном пространстве России указанного периода. Работа построена на концепции «двух концепций свободы» Исайи Берлина, экзистенциально-персоналистической философии Николая Бердяева о свободе как первооснове личности, а также на методологических подходах теории демократического транзита и концепции гражданского общества А. де Токвиля. В качестве методов применяются историко-философский, сравнительный и герменевтический анализ политических и правовых текстов. В результате исследования установлено, что политическое развитие России рассматриваемого периода определялось диалектическим противоречием между нормативным закреплением свободы (Конституция 1993 г.) и ее фактическим сужением; выявлены ключевые этапы трансформации свободы как политической ценности и обоснована ее конститутивная роль для устойчивого демократического развития.

Ключевые слова: свобода; политическое развитие; демократический транзит; философия политики; гражданское общество; постсоветская Россия; негативная свобода; позитивная свобода; конституционализм; политическая философия.

Введение

Для современной России период с начала 1990-х годов до 2022 года представляет собой уникальный исторический эксперимент: страна прошла путь от распада советской системы, провозгласившей крушение тоталитаризма и открывшей горизонт либеральных реформ, до постепенной реконсолидации государственной власти и последовательного сужения публичного политического пространства. Именно поэтому философский анализ свободы как условия политического развития на этом материале представляется не только теоретически значимым, но и практически востребованным: понять, почему политическая свобода оказалась столь хрупкой в постсоветском контексте, — значит приблизиться к пониманию закономерностей и противоречий демократического транзита в целом.

Исследовательский вопрос настоящей работы формулируется следующим образом: каким образом концептуальное содержание свободы соотносится с реальными процессами политического развития России в 1990–2022 годах, и в какой мере сужение или расширение пространства свободы определяло динамику государственного строительства? Значимость данного вопроса определяется тем, что ответ на него позволяет не только историзировать опыт постсоветской трансформации, но и установить философские основания для критической оценки состоявшихся политических выборов.

В истории философской мысли проблема свободы как политического условия впервые была систематически поставлена Джоном Локком, утверждавшим, что политическая свобода есть следствие договорного ограничения произвола власти. Именно Локк заложил фундамент либеральной традиции понимания свободы как защищенного пространства индивида. В XIX веке Джон Стюарт Милль уточнил этот тезис, связав свободу с условием развития личности и общества в целом [2, с. 15]. Существенный вклад в политическую философию свободы внес Исайя Берлин, разграничивший «негативную» (свободу от вмешательства) и «позитивную» (свободу для самореализации) ее концепции — это разграничение по сей день остается методологически центральным для анализа политических режимов [1, с. 34].

В отечественной традиции особое место занимает Николай Александрович Бердяев, для которого свобода — не правовая гарантия, а онтологическая первооснова личности: «личность, по Бер-

дьяву, не просто обладает свободой, она и есть сама свобода» [3, с. 72]. Этот экзистенциальный подход позволяет поставить вопрос о глубинных культурно-философских предпосылках, определяющих восприятие свободы российским обществом. Наряду с этим советская и постсоветская интеллектуальная традиция неоднократно возвращалась к проблеме соотношения свободы и государственной власти: работы Бориса Капустина [4] демонстрируют, что политическая философия в России развивалась в диалоге с западными концепциями, сохраняя при этом специфическую национальную проблематику.

В постсоветский период исследователи зафиксировали парадоксальную ситуацию: принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, закрепившей широкий перечень прав и свобод, совпало по времени с острейшим социально-экономическим кризисом, который подорвал доверие граждан к либеральным ценностям и создал социальную базу для последующей авторитарной реконсолидации [5, с. 47]. Научные исследования в области условий реализации политической свободы в постсоветских обществах зафиксировали существенную связь между социально-экономическими (базовыми) и политическими степенями свободы [6, с. 8]. Проблема гражданского общества как институциональной среды свободы также нашла отражение в работах отечественных исследователей, указывающих на специфику формирования гражданских институтов в России [7, с. 33].

Оригинальность авторского подхода состоит в том, что свобода рассматривается не просто как одна из политических ценностей, но как онтологическое условие – необходимое основание, без которого политическое развитие в принципе утрачивает свою подлинную направленность. Анализ проводится на трех взаимосвязанных уровнях: философско-концептуальном (понимание свободы в теоретических традициях), нормативно-правовом (конституционное измерение) и эмпирически-политическом (реальная динамика свободы в российском обществе). Структура работы включает анализ теоретических оснований, исследование результатов и выводы.

Результаты исследования и их обсуждение

Философский анализ свободы как условия политического развития России требует прежде всего четкого концептуального разграничения. Следуя методологии Исайи Берлина, необходимо различать негативную свободу – свободу от произвольного вмешательства государства и третьих лиц – и позитивную свободу – свободу к самоопределению, к реальному участию в управлении общественными делами [1, с. 38]. Для понимания постсоветской ситуации это различие принципиально: Конституция

1993 года формально гарантировала негативную свободу (статья 2 закрепляла права и свободы как высшую ценность), однако позитивная свобода – возможность граждан реально влиять на политические решения – оставалась крайне ограниченной в силу институциональных, экономических и культурных факторов.

Экзистенциально-персоналистическая традиция, представленная в России прежде всего Бердяевым, задает иное измерение проблемы. Для Бердяева свобода первична по отношению к любым политическим институтам: государство, подавляющее свободу личности, тем самым разрушает основу своей собственной легитимности [3, с. 80]. Этот тезис позволяет объяснить специфику российской политической культуры, в которой «воля» (стихийная, неструктурированная свобода от любых пут) исторически конкурировала с «правовой свободой» западного образца. Как отмечают исследователи, в русской культуре сложился особый чувствительный опыт свободы духа, который нередко замещал политическую свободу в западном понимании [8].

1990-е годы стали временем беспрецедентного расширения формальных политических свобод в России. Провозглашение многопартийности, свободы слова и собраний, принятие Конституции 1993 года создали нормативную основу для либеральной демократии. Вместе с тем обвальная приватизация, гиперинфляция и социальная дезинтеграция привели к тому, что большинство граждан воспринимали свободу прежде всего как источник нестабильности и угрозы, а не как ценность, достойную защиты [9, с. 114]. Именно в этот период, по данным социологических исследований, Россия демонстрировала снижение спроса на демократические свободы относительно других постсоветских государств [5, с. 49].

Основные признаки расширения политической свободы в России в 1990-е годы:

- легализация многопартийной системы и проведение конкурентных парламентских выборов;
- отмена цензуры и появление независимых средств массовой информации;
- конституционное закрепление прав и свобод человека как высшей ценности государства;
- свобода предпринимательства и формирование основ рыночной экономики;
- легализация деятельности общественных организаций и политических партий.

В 2000-е годы траектория политического развития России изменилась. Приход к власти В.В. Путина сопровождался процессом «управляемой демократии»: формально конституционные институты сохранялись, однако реальная конкуренция в политическом пространстве последовательно ограничивалась. Централизация власти, ограничение независимости региональных политических элит, постепенное давление на незави-

симые медиа – все это свидетельствовало о сужении пространства позитивной свободы при сохранении ее формальной нормативной оболочки. Доктрина возрождения государства как политическая основа президентства этого периода переосмыслила свободу через призму государственной мощи и суверенитета, а не индивидуальных прав [10, с. 5].

Ключевые факторы сужения политической свободы в России в 2000–2010-е годы:

- отмена прямых губернаторских выборов и усиление вертикали власти;

- введение государственного контроля над крупнейшими телевизионными каналами;
- ужесточение законодательства об общественных объединениях и НКО;
- ограничение возможностей оппозиционных партий для участия в избирательном процессе;
- сужение пространства для публичных протестных акций.

Для систематизации философских концепций свободы, применимых к анализу политического развития России, представим сравнительную таблицу ключевых подходов (табл. 1).

Таблица 1. Философские концепции свободы и их применимость к анализу политического развития России

Концепция / автор	Ключевое содержание	Тип свободы	Применимость к России 1990–2022
Негативная свобода (И. Берлин)	Свобода от вмешательства государства и третьих лиц; защита частной сферы индивида	Негативная	Формально закреплена в Конституции 1993 г.; фактически сужалась в 2000–2010-е гг.
Позитивная свобода (И. Берлин, Ж.-Ж. Руссо)	Способность к самоопределению, участие в управлении; свобода «для» а не «от»	Позитивная	Декларировалась через демократические институты; ограничивалась механизмами «управляемой демократии»
Свобода духа / Экзистенциальная свобода (Н. Бердяев)	Свобода как онтологическая первооснова личности, первичная по отношению к любым политическим формам	Экзистенциальная	Объясняет культурную специфику восприятия свободы в России: «воля» как альтернатива правовой свободе
Свобода и гражданское общество (А. де Токвиль)	Свобода реализуется через добровольные ассоциации и институты гражданского общества	Коллективная / институциональная	Гражданское общество России оставалось слабым; попытки его самоорганизации наталкивались на государственные ограничения
Свобода как условие демократического транзита (теория транзитологии)	Политическая свобода – необходимая предпосылка устойчивого демократического развития	Политическая / процессуальная	Дефицит политической свободы стал структурным ограничителем демократизации России

Представленная таблица демонстрирует, что различные философские концепции свободы не конкурируют, а взаимодополняют друг друга при анализе российской политической реальности. Берлинская дихотомия негативной и позитивной свободы позволяет зафиксировать разрыв между нормативным и реальным измерением свободы в постсоветской России; бердяевская экзистенциальная интерпретация объясняет культурно-исторические особенности восприятия политической свободы российским обществом; токилевская концепция указывает на институциональный дефицит – слабость гражданского общества как среды, в которой свобода только и может быть реализована. В совокупности эти концепции формируют многоуровневую аналитическую рамку, позволяющую понять, почему политическое развитие России избрало траекторию, которая в философском измерении может быть охарактеризована как постепенное вытеснение позитивной свободы при сохранении ее нормативной видимости.

Гражданское общество выступает в либеральной традиции ключевым институциональным пространством, в котором политическая свобода обретает реальное содержание. В России 1990-х го-

дов гражданские институты находились в стадии первоначального формирования: возникали тысячи общественных организаций, независимых профессиональных объединений, правозащитных структур. Однако их развитие натолкнулось на системные ограничения: экономическую нестабильность, делавшую гражданскую активность привилегией немногих; слабость правовой культуры; и недостаточную традицию горизонтальной самоорганизации в советском обществе [7, с. 36]. Как справедливо указывает исследователь гражданского общества, «глубинный смысл гражданского общества состоит в достижении ценностей свободы и справедливости» [9, с. 119], – именно эти ценности оставались нереализованными в постсоветском российском обществе.

Философские предпосылки восприятия политической свободы в России:

- исторически сложившийся патернализм государственного сознания, ожидающего защиты от власти, а не от нее;
- конкуренция традиционного понятия «воля» (стихийная свобода) с западным понятием «свобода» (правовая, институциональная);
- советское наследие коллективизма, подавившее культуру индивидуальной правозащиты;

- связь демократических реформ 1990-х с экономическим хаосом, дискредитировавшая в массовом сознании либеральные ценности;
- отсутствие укорененной традиции правовой культуры и независимого судопроизводства как гарантий свободы.

Для наглядного представления динамики политической свободы в России рассматриваемого периода обратимся к периодизации ключевых этапов ее трансформации.

В таблице 2 представлена динамика политической свободы в России: этапы трансформации (1991–2022).

Таблица 2. Динамика политической свободы в России: этапы трансформации (1991–2022)

Период	Характеристика режима	Уровень негативной свободы	Уровень позитивной свободы	Ключевые события
1991–1993	Переходный период, демократизация	Высокий (декларативный)	Низкий (институциональный хаос)	Распад СССР, принятие Конституции 1993 г., расстрел парламента
1994–1999	Демократия с ограничениями, «ельцинизм»	Средний (частичные ограничения)	Низкий–средний (конкурентные выборы, слабость институтов)	Первая чеченская война, выборы 1996 г., экономический кризис 1998 г.
2000–2007	«Управляемая демократия», реконсолидация	Средний (сужение прессы)	Низкий (отмена губернаторских выборов, партийная монополия)	Централизация власти, дело ЮКОСа, поправки к избирательному законодательству
2008–2011	Тандемократия, формальный либерализм	Средний	Низкий (имитационные демократические процедуры)	Президентство Медведева, протесты 2011–2012 гг.
2012–2022	Авторитарная консолидация	Низкий (системное ограничение гражданских прав)	Очень низкий (фактическое уничтожение политической оппозиции)	«Законы Клишаса», ограничения НКО, поправки в Конституцию 2020 г.

Периодизация, представленная в таблице 2, позволяет сделать ряд принципиальных философско-политических наблюдений. Во-первых, уровни негативной и позитивной свободы в России не совпадали на протяжении всего рассматриваемого периода: нормативные гарантии формальной свободы неизменно опережали реальные политические практики. Во-вторых, траектория политического развития России демонстрирует инволюцию – постепенное движение от (пусть несовершенной) политической открытости к авторитарной консолидации. В-третьих, данная инволюция воспроизводит закономерность, хорошо известную транзитологии: в условиях, когда позитивная свобода не была институционально укоренена – то есть когда граждане не приобрели реальных навыков политического участия и не сформировали устойчивой политической культуры – негативная свобода также оказалась уязвимой перед лицом авторитарного реванша [10, с. 7].

Конституционное измерение свободы в России представляет собой особый предмет философского анализа. Конституция Российской Федерации 1993 года, принятая 12 декабря по итогам всенародного голосования, закрепила в статье 2 положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Это был нормативный акт, по своему духу вполне отвечавший стандартам либерального конституционализма. Вместе с тем конституционная запись о свободе и ее политическая реализация обнаружили глубокое расхождение: концентрация власти в руках прези-

дента, заложенная в той же Конституции, создавала структурные предпосылки для ограничения публичного пространства свободы [8]. Ценностная динамика конституционализма в России XX–XXI веков свидетельствует о неустойчивости ценностного консенсуса в отношении свободы [3, с. 81].

Философский анализ постсоветского периода обнаруживает, что ключевым противоречием российского политического развития являлось противоречие между инструментальным и интринсивным пониманием свободы. Инструментальное понимание, доминировавшее в государственном дискурсе, трактовало свободу как средство – инструмент экономической модернизации, легитимации власти, интеграции в мировое сообщество. Как только этот инструмент переставал служить указанным целям, пространство свободы сворачивалось. Интринсивное понимание свободы – как самоценности, как условия человеческого достоинства и политической субъектности – не получило прочной институциональной и культурной почвы в России 1990–2022 годов. Именно это философское противоречие, а не просто конъюнктурные политические решения, определило долгосрочную логику российского политического развития.

Философская традиция убедительно свидетельствует: там, где свобода воспринимается исключительно как инструмент, а не как условие политического бытия – она неизбежно оказывается заложником политической конъюнктуры. Демократический транзит предполагает не только при-

нятие соответствующих законодательных актов, но и глубокую трансформацию политической культуры, в рамках которой свобода становится безусловной нормой взаимодействия власти и общества. В России рассматриваемого периода эта трансформация оказалась незавершенной: либеральные институты были созданы, но не укоренены в политической культуре [6, с. 11]. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о том, что свобода является не следствием, а именно условием – необходимым основанием – подлинного политического развития.

Функции политической свободы в процессе государственного развития:

- конститутивная – создание субъектного пространства политического участия граждан;
- легитимационная – обеспечение признания власти со стороны общества;
- инновационная – открытие возможностей для критической оценки действующих политических практик;
- защитная – предохранение граждан от произвольного насилия и дискриминации со стороны государства.

Рассматривая соотношение свободы и государственной мощи в российском контексте, необходимо учитывать специфику отечественной интеллектуальной традиции. Российская политическая философия, начиная с XIX века, неоднократно указывала на напряжение между государственным суверенитетом и индивидуальной свободой. Работы П.И. Новгородцева, И.А. Ильина и других мыслителей задавали различные модели разрешения этого напряжения [4, с. 120]. В постсоветский период дискуссия о свободе в российской политической философии развивалась в диалоге с западными концепциями, однако сохраняла специфическую национальную проблематику. Вопрос о том, совместима ли сильная государственность с полноценной политической свободой, оставался – и остается – открытым.

Основные противоречия свободы в постсоветском политическом транзите России:

- противоречие между нормативным закреплением свободы и ее институциональной нереализованностью;
- противоречие между индивидуальной правовой свободой и коллективистскими политическими практиками;
- противоречие между требованиями рыночной свободы и социальными ожиданиями населения, привыкшего к государственному патернализму;
- противоречие между декларативной демократической риторикой власти и реальным сужением политической конкуренции.

Существенным философским вопросом является и то, каким образом демократический транзит соотносится с традиционной русской полити-

ческой мыслью о свободе. Как убедительно показывают исследования в области демократического образа жизни в России, демократия для России – это «демократия с иными, чем на Западе, проблемами, порожденными историей страны» [7, с. 124]. Это означает, что философский анализ свободы в российском контексте не может быть редуцирован к простому сопоставлению с западными образцами: он требует принятия во внимание специфики исторического пути, культурных паттернов и институциональных ограничений, характерных для российского общества.

К 2010-м годам в России сложилась ситуация, которую в терминах политической философии можно охарактеризовать как «замещение свободы»: публичный дискурс переместился от ценностей политической свободы к ценностям государственного суверенитета, стабильности и национального единства. Этот сдвиг не был случайным: он стал следствием системного кризиса либеральной идентичности в российском обществе, корни которого восходят к болезненному опыту реформ 1990-х. Философски значимо то, что данное замещение воспроизводит известную закономерность: в условиях неустойчивого демократического транзита свобода как ценность легко становится жертвой апелляций к коллективным идентичностям и государственным интересам [2, с. 19]. В итоге к 2022 году пространство политической свободы в России оказалось минимизированным как в нормативном, так и в практическом измерении.

Закономерности, выявленные в ходе сравнительного философского анализа периодов политического развития России:

- позитивная свобода является более хрупкой ценностью, чем негативная, и требует устойчивых институциональных гарантий для сохранения;
- в отсутствие укорененной политической культуры свободы нормативные конституционные гарантии не способны самостоятельно обеспечить реальную политическую свободу;
- экономические потрясения (кризис 1998 г., шокотерапия 1990-х) оказывают прямое негативное воздействие на политическую культуру свободы;
- государственный дискурс суверенитета и стабильности последовательно вытесняет дискурс политической свободы в условиях авторитарной реконсолидации;
- философское противоречие между инструментальным и интринсивным пониманием свободы является системным фактором, определяющим логику российского политического развития.

Заключение

Проведенный философский анализ свободы как условия политического развития России в период

с 1990-х годов по 2022 год позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов. Во-первых, свобода в ее философском измерении выступает не просто одной из политических ценностей, но онтологическим условием – необходимым основанием – подлинного политического развития: там, где свобода сужается, политическое развитие неизбежно деградирует до воспроизводства властных структур в обход общественного договора.

Во-вторых, анализ российского опыта подтверждает аналитическую продуктивность берлинского разграничения негативной и позитивной свободы: нормативное закрепление первой оказалось недостаточным условием для реализации второй. Конституция 1993 года создала правовую рамку, однако без устойчивой политической культуры свободы, без развитого гражданского общества и без реально независимых институтов эта рамка не смогла предотвратить постепенного сужения публичного политического пространства.

В-третьих, экзистенциально-персоналистическая традиция, представленная Бердяевым, указывает на культурно-исторический аспект проблемы: специфика российского понимания свободы («воля» в противовес «праву») обусловила особый тип политической субъектности, в котором стихийная антигосударственная свобода духа не трансформировалась в устойчивую культуру правовой и политической ответственности. Это экзистенциальное измерение остается принципиально важным для понимания долгосрочных перспектив политического развития России.

В-четвертых, философски обоснованный вывод о том, что инструментальное понимание свободы неизбежно ведет к ее деградации, имеет не только теоретическое, но и практическое значение: устойчивое политическое развитие возможно лишь там, где свобода признается безусловной ценностью – условием, а не средством политики. Российский опыт 1990–2022 годов является в этом отношении поучительным, хотя и трагически незавершенным примером, свидетельствующим о том, что демократический транзит без подлинного освоения ценности свободы остается исторически обратимым процессом.

Литература

1. Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России: Сборник статей. – М.: МГУ, 1990. – 256 с.
4. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010. – 424 с.
5. Лезина Е.П., Козеняшев Д.Е. Актуальность философии Н.А. Бердяева в условиях демокра-

тии XXI века // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 93–98.

6. Солдатова А.В. Условия реализации политической свободы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 7–13.
7. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России. – СПб.: Норма, 2008. – 188 с.
8. Ильинская С.Г. Гражданское общество и современное российское государство // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2010. – № 3. – С. 30–41. – URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9145> (дата обращения: 10.04.2026).
9. Скляр И.Ф. Демократический образ жизни в России: специфика и противоречия // Философия и общество. – 2012. – № 1(65). – С. 113–128. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/141560/> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Управинский А.Н. Доктрина возрождения России как политическая основа развития института президентства в демократическом транзите // Управление. – 2020. – № 2. – С. 3–10. – URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/view/291> (дата обращения: 10.04.2026).

FREEDOM AS A CONDITION OF POLITICAL DEVELOPMENT: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Bondarenko D.A.

Gatchina State University

This study is devoted to the philosophical understanding of the phenomenon of freedom in the context of the political development of contemporary Russia from the 1990s to 2022. The timeliness of addressing this issue is due to the contradictory nature of the post-Soviet transition: the state declared its commitment to liberal values, while actual institutional transformations have repeatedly demonstrated persistent authoritarian tendencies. The problem of freedom is one of the eternal themes of philosophical discourse, but in each historical era it is filled with fundamentally new content. The purpose of the study is to philosophically analyze freedom as an ontological condition of political development using materials from contemporary Russia. To achieve this goal, the following tasks are solved: conceptualizing the concept of freedom in its negative and positive dimensions; identifying the correlation between the level of political freedom and the nature of state development; analyzing the evolution of freedom in the public space of Russia during this period. The work is built on the concept of «two concepts of freedom» by Isaiah Berlin, the existential-personalist philosophy of Nikolai Berdyaev on freedom as the primary basis of personality, as well as on the methodological approaches of the theory of democratic transition and the concept of civil society by A. de Tocqueville. The methods used in this study include historical-philosophical, comparative, and hermeneutic analysis of political and legal texts. The study established that Russia's political development during the period under review was determined by the dialectical contradiction between the normative enshrinement of freedom (the 1993 Constitution) and its actual narrowing. Key stages in the transformation of freedom as a political value are identified, and its constitutive role for sustainable democratic development is substantiated.

Keywords: freedom; political development; democratic transition; philosophy of politics; civil society; post-Soviet Russia; negative freedom; positive freedom; constitutionalism; political philosophy.

References

1. Berlin, I. *Philosophy of Freedom*. Europe. Moscow: Novoye Literary Observer, 2001, 448 p.

2. Berdyaev, N.A. *Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity*. Moscow: Pravda, 1989, 608 p.
3. Berdyaev, N.A. *The Fate of Russia: A Collection of Articles*. Moscow: Moscow State University, 1990, 256 p.
4. Kapustin, B.G. *Critique of Political Philosophy: Selected Essays*. Moscow: Territory of the Future, 2010, 424 p.
5. Lezina, E. P., Kozenyashev, D.E. The Relevance of N.A. Berdyaev's Philosophy in the Context of 21st Century Democracy // *Socio-Political Sciences*. 2021, Vol. 11, № 6, pp. 93–98.
6. Soldatova A.V. Conditions for the Implementation of Political Freedom // *Intelligence. Innovations. Investments*. – 2020. – № 4. – Pp. 7–13.
7. Sungurov A. Yu. *Civil Society and Its Development in Russia*. – St. Petersburg: Norma, 2008. – 188 p.
8. Ilyinskaya S.G. Civil Society and the Modern Russian State // *Bulletin of RUDN University. Series: Political Science*. – 2010. – № 3. – Pp. 30–41. – URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9145> (date of access: 10.04.2026).
9. Sklyarov I.F. Democratic Way of Life in Russia: Specifics and Contradictions // *Philosophy and Society*. – 2012. – № 1(65). – P. 113–128. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/141560/> (date of access: 10.04.2026).
10. Upravinsky A.N. The Doctrine of Russia's Revival as a Political Basis for the Development of the Institution of Presidency in a Democratic Transit // *Management*. – 2020. – № 2. – P. 3–10. – URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/view/291> (date of access: 10.04.2026).

Духовная традиция россиян и философия хозяйства современной России

Захаров Алексей Владимирович,

аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
E-mail: 89272747077@bk.ru

Модернизация почти всегда бывает нежеланной для народов, так как вызывает сильный стресс у населения, который потом отражается на материальном положении, отражается на упадке материального производства, экономическом кризисе. В духовной сфере результаты модернизации не всегда однозначны. Результаты модернизации не всегда приносят благоприятное разрешение социальных, духовных и культурных проблем, но с необратимостью приносит изменение сознания. Важно рассмотреть в данной статье на примере русской концептосферы философии хозяйствования концепты морального развития культуры предпринимательства в традициях социума России.

Ключевые слова: философия хозяйства, модернизация, русская философия, ценностные традиции Руси, россиянство.

Введение

Передача российской духовной традиции в среду народов Евразии как определенной космологии и мировоззрения, предписывающей конкретную систему практик, от поколения к поколению возможна лишь при условии полноты воспроизводства культурного контекста. Незавершенность и контекстуальность символически выраженного знания свидетельствует о его неисчерпаемости, недостаточности любого перевода его в рациональную знаковую систему, который представляет собой всего лишь редукцию, тогда как символизм хозяйственной традиции в социально-философском анализе русской философии уходит своими корнями в нередуцируемое сакральное опыта древнего периода.

Материалы и методы

В данном исследовании мы использовали сравнительно-исторический анализ, аксиологический подход, общелогические методы и анализ нарративов русской философии. В работах Р.Г. Абдулатипова, Ю.М. Бородея, А.А. Гуссейнова, И.А. Ильина, В.А. Тишкова и других проблема исследований региональной и этнической значимости бытия российского общества приобретает все большую значимость сегодня. Известно, что еще Платон предвидел, что свобода естественно должна переводить как частного человека, так и город ни к чему другому, как рабству [5].

Основная часть

Построение хозяйственной сферы бытия российского общества невозможно без духовной составляющей, поиск путей обновления российского общества и выхода его из кризиса многие отечественные философы рассматривают в непосредственной взаимосвязи с человеческой личностью — духовно-нравственное совершенствование общества, утверждение в экономике России высоких ценностных принципов. Указанное по мнению философа, например, И.А. Ильина, всецело зависит от духовно-нравственного совершенствования каждого человека. Залогом успеха человека на пути к совершенству является преодоление раздробленности его человеческого естества, потерявшего свою цельность и свое единство вследствие грехопадения [5, с. 105].

Со строением человеческой личности напрямую связана еще одна глобальная проблема чело-

веческого общества – появление, распространение и умножение зла в мире. Эта проблема волновала умы и сердца людей, начиная с древних времен, не утратила она своей актуальности и в современности. Русский вопрос и шире – российский включает три связанных между собой группы проблем, одна из них относится к естественному как говорят демографы, воспроизводству русского этноса и его физическому здоровью, другая – к его языково-культурному воспроизводству и «духовному» здоровью, третья – к его взаимоотношениям с другими этносами страны. Можно сказать аналогично и о других этносах, но вопрос о русском народе, этносе особенно выделяется в череде трагедий XX в.

Уже в начале XX в. страны, освоенные русскими, не желали оставаться в общероссийском пространстве- империя себя исчерпала к 1917 г. Дух единства и соборности оказался настолько неистребимым, что даже в исторический период советского общества в России он оставался в центре русского общественного сознания. И с этим новая власть вынуждена была считаться. Последнее выразилось, в частности, выразилось в коллективистской направленности народного хозяйства и социально- культурных отношений, в советский (т.е. коллективистско-совещательной) организации институтов государственного управления, вплоть до высших властных структур [5, с. 105]. В наиболее сложные и критические моменты истории нашей страны советские деятели неизменно делали ставку на соборные качества русского народа. Так было в эпоху коллективизации и индустриализации, во времена великих строек и особенно в Великую отечественную войну.

Архаизация российского общественного сознания обусловлена ресурсоизбыточностью государственной территории, ее неосвоенностью и необжитостью. Когда существовала проблема не решать те или иные кризисные явления, а снимать путем расселения в другие области. Вплоть до XX в. в России сохранялась община, разрушенная в годы коллективизации и замененная казенным коллективизмом.

Воздействие исторического подсознания можно проследить в мифологизации и придании сверхценностного значения одним понятиям (ранее бесцветным словам: партия, пролетариат, индустриализация и т.п.) и в разрушении содержания и фальсификации других понятий. Характерный пример последнего- понятие «гражданского общества», описывающего общественные связи, существующие вне и помимо власти государства. Даже сейчас, когда сознательная фальсификация закончилась, содержание этого понятия и смысл входящих в него слов противоречат друг другу. Дело в том, что в России не было западного города, чье население составляло городскую гражданскую общину, давшую смысл понятию «граж-

данское общество». У нас понятие «гражданский» неразрывно связано с понятием «государство». Отсюда: гражданское общество – это общество граждан (государства), общество всего неразрывной связи с государством (ассоциации с понятиями нация, политика идентичны). Русский исследователь, для того, чтобы правильно использовать понятие «гражданское общество», должен каждый раз специально «переводить» его для себя, использовать его не как родное, а как иностранное слово.

Еще хуже, когда в составных понятиях смысл подлежащего, относящегося к одному культурному пласту, отрицает смысл определения, относящегося к другому культурному пласту (общественного сознания). При этом одно из значений вытесняется в подсознание, а понятие мифологизируется, как в случае с внешне тавтологичным понятием «народная демократия». В сущности архаичное понятие «народ» (рожденные, люди, мы, в отличие от «них», нарожденных, нелюдей «врагов народа») отрицает либеральный идеал демократии, предполагающий формальное равенство людей перед законом, общественный договор, гражданское общество.

Однако, социально-философские концепции о традиции хозяйственной деятельности отличаются от культурной парадигмы бытия консервативного плана по уровню рационального рассмотрения вопросов традиций. Проблема обществ с архаичными устоями состоит в том, что в них не происходит осознания потери наследия традиции, или сохранения его, поскольку оно отождествляется с обрядовой и ритуальной стороной бытия общества, которые гарантируют от неизменности сторон социального бытия.

В контексте дальнейшего развития проблем теории отечественной традиции сегодня происходит новое оформление общественной мысли в традиционалистском ракурсе. Следует определить специфику философского и хозяйственного процветания российской традиции в истории и современности Евразии по следующим аспектам.

1. В русской, как и в любой архаизированной культуре, слой нелюдей, на которых распространялся закон и мораль, очень широк. Наличие в культуре сильного архаического пласта – одно из характерных последствий псевдоформоза. В отличие от классических архаических культур африканских стран, архаика в русской культуре не играет главной роли. Но архаические языческие элементы устойчиво существуют наряду с традиционалистскими, христианскими и с современными, порожденными модернизацией. Они не могут быть вытеснены полностью и постоянно воспроизводятся (Ахизер А.С.). Понятие – народ- это духовная основа «русского бунта» и авторитаризма, но никак не демократии.

2. Понятие «государство» («господарство»-хозяйство) в славянских языках прямо соединяет идеи власти и собственности, предполагает наличие земного властителя, хозяина, доминирование власти, а не права. Земной закон в русском понимании – всего лишь отражение закона небесного. Государство при этом сверхзаконно – в бесконечном произволе сверх властей сверху донизу при отсутствии судебной защиты от него.
3. Усугубляет ситуацию и то, что исторические понятия Запада в русском употреблении отличаются «ложная ясность», уплощенная поверхность. У них отсутствует третье измерение, глубинность, отражающая их предшествующую эволюцию. Понятие республика не ассоциируется не с одной формой правления (включая монархию). Эти понятия являются частью заученной со школы схемы европейской истории, которую мы привыкли считать своей, естественной.
4. В философско-социальном понимании социальная пассивность наравне с социальной активностью выступает как неотъемлемый атрибут социального бытия, не несущий в себе отрицательной моральной нагрузки, являющийся нравственно-нейтральным.

В соответствии с типом социальной активности и морального сознания в русском национальном типе наличествуют четыре ведущих подтипа: Странник, Общинник, Гражданин и Бунтарь.

В настоящее время исследования ценностей в обществе приобрели широкую популярность, в том числе и по количеству и разнообразию методик их изучения по предметному содержанию (Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф.):

- мировоззренческие (общая направленность познавательной и практической деятельности человека – общечеловеческие, цели жизни, религии и т.п.);
- политические (включающие различные стороны субъективных отношений к власти, государству, общественным системам, партиям);
- нравственные (содержат нравственное значение, достоинство личности и ее поступков, относящихся к области морального сознания – правила, нормы, идеалы);
- эстетические (ориентации субъектов на художественно-эстетические ценности жизни и искусства);
- универсальные (витальные – жизнь, здоровье, семья и др.; общественного признания – статус, авторитет, престиж; межличностного общения – добропорядочность, бескорыстие и др., демократические – свобода слова, совести, национальный суверенитет)
- партикулярные (привязанность к малой родине, семье, фетишизм – вера в Бога, стремление к Абсолюту).

Предваряя детальный анализ социально-педагогического воздействия через ценностный мир субъекта, необходимо составить представление о том ценностно-нравственном потенциале, которым обладает российская культура и русский менталитет. За основу взяты именно ценности русского народа (в общегосударственном, а не узко этническом понимании данного термина), так как те преобразования и перемены, которые происходили в нашей стране в течение прошлого века, носят общегосударственный, общенациональный характер. По мысли С.Ю. Глазьева россияне еще не совсем диверсифицировали свои стратегии под геополитические изменения современных вызовов в Евразии XXI столетия: «проблемой остается своевременное практическое освоение имеющихся научно-технических заделов в ключевых направлениях становления нового технологического уклада» [2, с. 109].

В середине XX столетия Д.Л. Андреев замечает, что на философско-хозяйственную традицию России консервативно повлияла Православная церковь. Он писал, что: «Драма исторического христианства заключается в том, что ни одна из церквей не превратилась в форму совершенного народоустройства, способную выразить и осуществить завет христианства, его мистический и этический смысл... отсутствие серьезных, искренних и чистых попыток в этом направлении – вина самих церквей как человеческих сообществ... католицизм стремясь иерократией подменить истину... православие, еще в Византии совсем отказалось от этой задачи» [1, с. 105].

Размышляя о судьбах экономических реформ и революционных преобразований в российском обществе, философ пишет: «...односторонне отрицательное решение вопроса, то есть внезапная отмена ограничений закона, приводит, как показал опыт России, к моральной анархии, вынуждающей государство к отмене отмен и к восстановлению запретов» [7, с. 259]. Это внешнее наказание даже требуемо русским характером – наказывая тело, он как бы наказывает свое языческое начало.

Выдающийся русский философ XX столетия И.А. Ильин считал невозможной внутреннюю экономическую свободу без внешней. Мыслитель, однако, тоже признает огромное значение внутренней свободы: «Верное отношение духа и свободы состоит не только в том, что дух нуждается во внешней свободе и требует ее, но еще и в том, что дух освобождает человека внутренне, сообщая ему внутреннюю силу, самостоятельность, характер» [4, с. 105]. О том же пишет Г. Риккерт: «Внешняя мягкость славянского существа допустила бы без сильного противодействия вторжение и господство чуждого элемента, но тягучее ядро, прикрытое под мягкой внешностью, сделало невозможным, чтобы славянская сущность потеряла какое-нибудь внутреннее изменение от это-

го чуждого элемента. Так, в сравнительно короткое время чужие властители совершенно переродились в славян, и варяжская династия стала и по крови, и по духу такою же русскою, как самый низший слой собственно русского народа» [6, с. 20]. В истории восточно-христианской социальной мысли тезис об историзме христианская цивилизация сменяет в ходе множества форм, они не статичны и на каждом историческом этапе они специфичны. В современном мире невозможно построить единство общества, опираясь только на религиозную основу [7].

Во-первых, необходима правовая и политическая просвещенность граждан, но, одновременно, воспитание политической и культурной ответственной личности, способной правильно и грамотно использовать эти знания есть залог сохранения стабильного развития современного социума.

Во-вторых, в современном региональной системе бытия общества важна солидарность социума, поскольку она является важнейшей вечной ценностью, неразрывно связанной с человечностью, душевностью и является неотъемлемой частью мировоззрения современного человека.

В-третьих, необходимо дальнейшее институциональное оформление православно-просветительских программ по социальной адаптации молодежи в российских регионах.

В-четвертых, важно в контексте укрепления православных общероссийских культурно-образовательных тенденций укреплять и роль свободного и ответственного творчества россиян. Христианин и сегодня воспринимает мир как рациональное творение Бога, как воплощение его божественного замысла, что никак не может иметь неорганизованный, иррациональный характер.

И конечно, еще не поставлена точка в вопросе места и роли философии России не только в контексте не только всей русской, но и мировой философии, так как его вклад в науку, а вернее будет сказать в различные науки, поистине уникален и по своей фундаментальности сравним с творениями великих мировых научных деятелей.

Важно определить системный подход к истокам духовного наследия российского социума в условиях современных цивилизационных вызовов. Для динамичного развития структуры духовных ценностей необходимо осуществление взаимосвязи традиций и инноваций. Традиции представляют собой установленные правила поведения, а также совершенные в прошлом открытия.

Литература

1. Андреев Д.Л. Роза мира. М., 2004. С. 269.
2. Булгаков, С.Н. Трагедия философии / С.Н. Булгаков: соч. в 2-х тт. Т. 1. – Москва: «Наука», 1993. – 603 с. – ISBN 5-85133-005 – Текст: непосредственный.

3. Глазьев С.Ю. стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев.- Москва: Экономика, 2010. – 255 с.
4. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Мир перед пропастью Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве / И.А. Ильин // Ч. I, II. – Москва: Русская книга, 2001. – 398 с. – Текст: непосредственный.
5. Платон. Избранное: Пер. с древнегреч. М., 2004. С. 322–323.
6. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
7. Talbot A. M.M. The Compositional Methods of a Palaiologan Hagiographer: Intertextuality in the Works of Theoktistos the Stoudite // *Imitatio- Aemulatio- Variatio. Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposions zur byzantinischen Sprache und Literatur. Vienna, 2010. P. 253–260.*

THE SPIRITUAL TRADITION OF RUSSIANS AND THE PHILOSOPHY OF MODERN RUSSIAN ECONOMY

Zakharov A.V.

National Research Mordovian State University named after N.P. N. Ogarev

Modernization is almost always undesirable for nations, as it causes severe stress in the population, which then affects the financial situation, affects the decline of material production, and the economic crisis. In the spiritual sphere, the results of modernization are not always unambiguous. The results of modernization do not always bring a favorable solution to social, spiritual and cultural problems, but they inevitably lead to a change in consciousness.

Purpose. It is important to consider in this article, using the example of the Russian conceptual sphere of business philosophy, the concepts of moral development of entrepreneurial culture in the traditions of Russian society.

Keywords: philosophy of economy, modernization, Russian philosophy, value traditions of Russia, Russianism.

References

1. Андреев Д.Л. Роза мира. М., 2004. С. 269.
2. Булгаков, С.Н. Трагедия философии / С.Н. Булгаков: соч. в 2-х тт. Т. 1. – Москва: «Наука», 1993. – 603 с. – ISBN 5-85133-005 – Text: direct.
3. Глазьев С.Ю. стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев.- Москва: Экономика, 2010. – 255 с.
4. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Мир перед пропастью Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве / И.А. Ильин // Ч. I, II. – Moscow: Russian book, 2001. – 398 p. – Текст: непосредственный.
5. Платон. Избранное: Пер. с древнегреч. М., 2004. С. 322–323.
6. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
7. Talbot A. M.M. The Compositional Methods of a Palaiologan Hagiographer: Intertextuality in the Works of Theoktistos the Stoudite // *Imitatio- Aemulatio- Variatio. Proceedings of the international scientific Symposium on Byzantine Language and Literature. Vienna, 2010. P. 253–260.*

Информационные конфликты и войны: эпистемологический аспект

Зубков Николай Андреевич,

канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
E-mail: zubkov@mirea.ru

В статье рассматриваются такие концепты как «информационный конфликт» и «информационная война». Целью работы является выявление сущностных характеристик данных категорий с позиции эпистемологии. В работе производится определение и содержательная дифференциация данных категорий. Аргументируется и доказывается, что именно эпистемологическая категория «знание» становится конституирующим конструктом. Именно знания становятся источником и предметом противоречий информационных конфликтов. Обосновывается необходимость обращения к косвенным источникам, которые свидетельствуют о трансформации системы знания субъекта в ходе информационного конфликта. Аргументируется, что в процессе познания информация приобретает эпистемологические характеристики, которые становятся объектом противоборства информационного конфликта. Рассматривается соотношение понятий «информационный конфликт» и «информационная война». Устанавливается, что информационная война является частным проявлением информационного конфликта. В результате работы сформированы рабочие определения таких категорий, как «информационный конфликт» и «информационная война» именно с точки зрения эпистемологии.

Ключевые слова: эпистемология, конфликтология, информационные конфликты, информационные войны.

Введение

Категории «информационный конфликт» и «информационная война» стали важным инструментом современного социально-гуманитарного знания, в том числе эпистемологии. Это продиктовано двумя факторами: 1) неуклонный рост значения информационно-коммуникационных технологий в субъективном познавательном процессе; 2) развитие технологий информационных манипуляций и постоянное увеличение их влияния на познающего субъекта. Мы полагаем, что справедливо следующее утверждение: феномены «информационного конфликта» и «информационной войны» в современном мире стали значимым фактором, влияющим на фундаментальные познавательные процессы. Они способны не только ситуативно «означить» то или иное событие объективной реальности, но и оказать влияние на установки, ценности и мировоззренческие основы идентичности субъекта. Именно эти два фактора определяют актуальность данной работы.

Но такие понятия, как «информационная война» и «информационный конфликт» не имеют теоретической ясности и могут толковаться по-разному, что естественным образом приводит к «размыванию» сущности феноменов, что представляется как проблема. Понятия «информационная война» и «информационный конфликт» охватывают огромное количество феноменов от конкретных сообщений, до политики целых стран. Именно поэтому для изучения этих явлений необходимо решить проблему однозначности их понимания и трактовки. Обратим внимание, что данная проблематика (в различных аспектах: историческом, юридическом и сущностном) привлекает внимание исследователей [1, 2, 3].

Вышесказанное позволяет нам сформулировать цель работы – формирование философско-теоретического базиса для категорий «информационный конфликт» и «информационная война» в эпистемологическом аспекте.

Объект исследования: категории «информационная война» и «информационный конфликт».

Предмет исследования: философско-теоретические основания и особенности категорий «информационный конфликт» и «информационная война».

В данной работе предполагается решить следующие задачи: во-первых, установить теоретико-философские основания категорий «конфликт» и «война» с точки зрения теории конфликта;

во-вторых, произвести дифференциацию данных понятий, а, как следствие, и категорий «информационный конфликт» и «информационная война»; в-третьих, описать и проанализировать данные феномены в эпистемологическом аспекте.

«Конфликт» как теоретическая проблема

Почему такая широко употребляемая и интуитивно понятная категория, как «конфликт» может представлять теоретическую проблему? Дело заключается в том, что категория конфликт охватывает огромное количество феноменов (по крайней мере, она используется при их описании). Так, к примеру, в своей работе – классик теории социального конфликта – Р. Дарендорф распределял конфликты по «шкале насильственности», где один полюс конфликта представлен беседой, а другой – полномасштабной войной. Между ними, как отмечает Р. Дарендорф, множество промежуточных форм: «забастовка, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драка, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т.д. и т.п.» [4, с. 143]. Обратим внимание, что автор затрагивает исключительно социальные конфликты, но в науке выделяются конфликты иной природы. Внутренние (внутриличностные) конфликты исследуются психологией и психиатрией [5]. Борьба за выживание и половой отбор – это конфликты соответствующие закономерностям развития биологической эволюции видов. Из этого проистекает соответствующее затруднение – что может теоретически объединять такие глубоко различные феномены, как невроз и гражданская война? И почему мы используем для их описания одну и ту же дефиницию – конфликт?

В первую очередь необходимо уточнить, что существует различие между родственными областями социально-гуманитарного знания – «конфликтной парадигмой» и «конфликтологической парадигмой». Емко данную разницу выразил О.В. Михайлов: «Конфликт, понимаемый через определяющий термин «противоречие», – это конфликтная парадигма. Конфликт, в определении которого используется термин «потребности», – конфликтологическая парадигма» [6, с. 231].

Конфликтологическая парадигма, основанная на категории «потребности» всегда требует конкретизации, т.е. она должна указать на цели вовлеченных в конфликт субъектов. Именно поэтому она разрабатывается такими научными направлениями как: политология, психология, экономика, социология и т.д. в которых целеполагание субъекта уже включено в определенный теоретический контекст дисциплины.

В свою очередь, конфликтная парадигма дистанцируется от конкретных целей участников, сосредотачивая своё внимание именно на возникновение, становление и развитие противоречий (вне зависимости от того какие именно причины,

продиктованные целями субъектов-участников, их вызвали). Для нашей работы принципиально важно конкретизировать именно процесс конфликта без относительно целей его участников. И в дальнейшем мы будем придерживаться конфликтной парадигмы.

Специалисты, описывая соотношение категорий «конфликт» и «противоречие», отмечают следующее: «Противоречие – это совокупность двух или более противоположностей, а конфликт – апогей развития противоречия, столкновение разнонаправленных сил (противоположностей) с целью реализации своих интересов в процессе противоборства» [7, с. 246].

Итак, конфликты проистекают из противоречий. Это положение следует дополнить для того, чтобы выделить конфликт из всей совокупности феноменов окружающей действительности – противоречие должно быть **зафиксировано**. Т.е. оно каким-либо необходимым образом «проявляет себя», чтобы сторонний наблюдатель смог его обнаружить. Исходя из этого возникает следующий вопрос: что именно наблюдатель должен зафиксировать, чтобы определить противоречие и, следовательно, констатировать наличие конфликта? Ответ на данный вопрос – наблюдаемая взаимосвязь участников конфликта, которая носит характер **противостояния** (противоборства, соперничества, столкновения, конкуренции и т.д.) т.е. демонстрации участниками противоположных (взаимоисключающих) претензий относительно одного объекта.

Эти рассуждения и уточнения, с одной стороны, могут казаться тривиальными, а с другой – они вносят необходимую теоретическую строгость и ясность, которая для нас важна. Именно это позволяет чётко разграничить феномены непосредственного конфликта и те, в которых можно обнаружить наличие противоречий без противостояния. Так, легко себе представить ситуацию автоаварии причиной которой является неисправность одного из автомобилей. Мы можем справедливо полагать, что сам факт автоаварии противоречит интересам обеих участвующих в ней сторон. Но вряд ли разумно утверждать, что перед происшествием кто-то из них демонстрировал желание принять участие в противостоянии. Описанный нами случай – неудачное стечение обстоятельств и не может быть классифицирован как конфликт.

Таким образом, мы можем утверждать, что **противоречия**, выражаемые через **наблюдаемые и фиксируемые** сторонним субъектом взаимосвязанные отношения **противостояния**, позволяют определить класс феноменов единой категорией – конфликт.

Граница между «конфликтом» и «войной»

Прояснение взаимоотношений категорий «конфликта» и «войны» также важно для нашей работы. Ка-

тегория конфликта, естественно, является более широкой, относительно категории войны. Война – разновидность конфликта. В таком случае, возникает вопрос: как выделить феномен войны из всей совокупности наблюдаемых конфликтов?

Обратимся к следующему определению дефиниции «война»: «организованная вооруженная борьба между нациями, государствами, социальными группами осуществляемая специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических и дипломатических средств» [8, С. 425].

Основу вышеприведенного определения составляет понятие – вооруженная борьба. Из-за лингвистических особенностей русского языка категория «вооружение» является производной от категории «оружие», и они считаются практически синонимичными. Но разница есть, и эта разница весьма важна в данном контексте, поэтому мы и дифференцируем эти понятия. **Оружие («arms»)** – совокупность устройств и предметов, предназначенных для лишения жизни или нанесения травм и увечий; **вооружение («weapon»)** – объект, который может быть использован как оружие. Данное различие чётко фиксируется в юридических документах. Так, к примеру, в Международной Женевской конвенции, принятой в 1949 г., мы можем найти следующее положение (раздел I статья 2): «the present Convention shall apply to all cases of declared **war** or of any other **armed conflict**» (прим. авт. – выделено нами; пер. по Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. – настоящая Конвенция применяется ко всем случаям объявления войны или любого другого вооруженного конфликта) [9]. Таким образом, мы видим, что понятие «война» и «вооруженный конфликт» понимаются как родственные или равнозначные только в том случае, если их объединяет единая категория – оружие («arms»). И именно это позволяет чётко выделять именно феномен войны из всей совокупности наблюдаемых конфликтов, т.к. множество последних могут не носить характер вооруженной (в значение «arms») борьбы.

В приведенным нами определении войны присутствует важное указание на социально-политическую природу феномена. Война происходит: «между нациями, государствами, социальными группами». Таким образом, из категории войны выпадает класс внутриличностных, межличностных и биологических конфликтов.

Также, согласно определению, в военные действия должен быть вовлечен специальный социальный институт – армия. Если «строго следовать букве», то это уточнение тоже позволяет значительным образом ограничить категорию войны исключив из неё такие явления как: терроризм, акции гражданского неповиновения, организованную преступность и проч. Естественно, что в каждом конкретном случае требуется уточнение –

сопровождались ли связанные с ним события какими-либо действиями армии. Даже если мы берем аналогичные примеры, ответ может быть и положительным, и отрицательным. Так, конфликты связанные с деятельностью организованной преступности могут проходить без участия армии – Кастелламарская война (США, 1929–1931 гг.); так и с привлечением армейских формирований – война с наркокартелями (Мексика, США, государства Центральной и Южной Америки, 2006 г. по н.в.).

Итак, война – разновидность конфликта между **социально-политическими группами** с применением **оружия («arms»)** осуществляемый при помощи **армии**. Следует сказать, что такого рода определение согласуется с определениями и трактовками, представленными в научной литературе [10, с. 11; 8, с. 12; 9, с. 9]. А также соответствует основным философским традициям осмысления войны: реализму, милитаризму, пацифизму и теории справедливой войны [13, с. 16–76]. Строгое разграничение феномена конфликта и войны в дальнейшем станет теоретической основой для формирования определений «информационного конфликта» и «информационной войны».

Эпистемологические аспекты информационного конфликта и войны

Конкретизируя категорию информационный конфликт, именно в эпистемологическом аспекте, мы должны поэтапно обратиться к его компонентам.

Для начала ответим на вопрос о предмете информационного конфликта, т.е. из-за чего происходят и возникают противоречия. Мы утверждаем, что источником противоречий, приводящих к информационному конфликту, является **знание** – «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [14, с. 51].

Что именно нам позволяет сделать такое утверждение? Каково соотношение категорий «знание» и «информация»? Наконец, если знание, источник противоречий, почему же мы обозначаем некоторый наблюдаемый феномен посредством формулировки «информационный конфликт»?

Для трактовки понятия информация мы будем опираться на атрибутивный подход [15; 16; 17] – это «неоднородности распределения материи и энергии» [17, с. 4]. Т.е. атрибутивный подход понимает информацию, как самодостаточную часть объективной реальности. Очевидно, что данное определение не содержит в себе указаний на эпистемологические аспекты. Иными словами, информация сама по себе не имеет характеристик, таких как: познаваемость или непознаваемость, непосредственность или опосредованность восприятия, истинность или ложность, необходимость или случайность, степень её ценности (полез-

ности), смысл, логическая форма и содержание и т.д. Все эти свойства информация приобретает в познавательном процессе. Таким образом, мы утверждаем, что в процессе познания происходит трансформация информации в знание при помощи присвоения ей тех или иных эпистемологических атрибутов.

Всё вышесказанное указывает на существование дистанции (разрыва) между непосредственной информацией и субъективными знаниями. Этот факт описан в работе Л. Флориди, в которой четко обозначена одна из ключевых проблем философии информации: «как данные приобретают смысл?» [18]. Именно в процессе познания информация обретает эпистемологические атрибуты. В контексте нашей работы это означает следующее: участники конфликта присваивают информации определенные эпистемологические атрибуты, тем самым, влияя на формирования и трансформацию знаний субъекта.

Знания, формирующие модель (модели?) мира субъекта [19], воспринимаются, как значимый ресурс. Именно понимание знания как ресурса и проблема его контроля становится источником противоречий и, следом за ними, информационного конфликта. Процесс **противоборства** заключается в попытке контролировать именно акт присвоения эпистемологических атрибутов информации и достигать необходимых целей. Данное утверждение подкрепляется тем фактом, что в научной литературе нередко встречается формулировка «когнитивная война» содержание которой указывает именно на субъективные знания (см. подробнее [20, 21 с. 142, 22 с. 237–238]).

В настоящий момент не существует строгого способа определения динамики и развития в системе знаний субъекта. Во-первых, отсутствует прямой доступ к форме и содержанию знаний, уже имеющихся в памяти субъекта. Во-вторых, возможно только предполагать, какую форму и содержание приобретет знание в познавательном процессе. Поэтому для обнаружения и фиксации данных изменений мы вынуждены обратиться к косвенным признакам. Но это ничуть не умаляет обоснованность выводов и суждений, т.к. объем данных признаков – доступный стороннему наблюдателю – обширен, а их содержание разнообразно: изменения в деятельности, сам процесс коммуникации, динамика коммуникативных связей (их частота, источник и количество), контекстуальные условия познавательного процесса, существование объективных культурно-исторических особенностей знания, форма передачи и содержание сообщения, ответная реакция и т.д. Именно они будут основой индуктивных умозаключений об изменениях, произошедших в системе знаний субъекта. Мы полагаем, что в своей совокупности данные наблюдаемые и фиксируемые признаки будут являться достаточным основанием для утверждений

о наличии информационного конфликта. Это положение подтверждается и согласуется с существующими исследованиями, посвященными информационным войнам и конфликтам. Так, к примеру, Т. А. ван Дейк анализирует содержание и структуру сообщений, представленных в дискурсивных практиках [23]; теоретическая модель структуры и функционирования манипуляций представлена в трудах А.В. Манойло [24]; И.А. Николайчук рассматривал в своих работах, как сообщение распространяется по каналам коммуникации [25].

Справедливо утверждение, что сходные процессы описываются кибернетикой в вопросах управления системами. Например, в работе Н.А. Новикова представлен подробный анализ существующих направлений кибернетики, которые охватывают такие области научного знания, как «теория информации, теория управления, математическая теория связи, общая теория систем и системный анализ, искусственный интеллект, оптимизация, исследование операций, анализ данных и принятие решений» [26, с. 26]. Сложно переоценить достижения кибернетики в вопросах изучения информационных конфликтов. Так, В.Е. Лепский отводит ведущую роль «кибернетики третьего порядка» в управление современными процессами информационного противоборства [27]. Но нелегко провести ясную границу между эпистемологией и кибернетикой. Они интегрированы друг в друга, и это обогащает каждую дисциплину. Но, кажется разумным утверждать, что кибернетика преимущественно оперирует количественными характеристиками информации, в то время как эпистемология – качественными. Весьма сложно формализовать такие понятия, как «контекст коммуникации», «культурно-исторические паттерны», «эмоциональная реакция на сообщение», «рефлексия» и многие другие, а следовательно, применить к ним инструменты, использующиеся при работе с количественными показателями. Но дистанцироваться от них в процессе исследования информационных конфликтов невозможно. Поэтому роль теории познания в вопросах изучения информационных конфликтов остается ведущей.

Подводя промежуточный итог, зафиксируем следующее: противоречие возникает из-за **знаний (имеющихся или формирующихся) субъекта**, которые участниками конфликта воспринимаются как ресурс. Благодаря принципу достаточного основания, обеспечивающего обширными косвенными признаками, мы можем фиксировать и описывать **изменение знаний субъекта**. Отношения противостояния в информационном конфликте формируются и развиваются в процессе **присвоения информации определенных эпистемологических атрибутов**. Конечная цель участников конфликтов подобного рода – изменение непосредственной деятельности субъекта [28, 20].

Информационная война – наиболее острая форма протекания информационного конфликта, в которой решение противоречий достигается с применением «информационного «оружия» [29, с. 685]. Но «просто перенести» категорию «оружия» из сферы физических технологий в сферу информационных технологий нельзя. Поскольку определить, что именно в информационном пространстве создается с целью нанесения ущерба (и что вообще означает «информационный ущерб»?) крайне проблематично. У нас отсутствует чёткое различие «врожденного статуса» такого объекта – оружие / не оружие. Поэтому исследователи чаще всего сосредотачивают своё внимание на практиках использования и конечных результатах применения информационных технологий, чтобы фиксировать феномен войны.

Разумеется, в том случае, если процесс информационное противоборство разворачивается на фоне боевых действий, не будет ошибкой полагать наличие информационной войны (история знает огромное количество примеров подобного рода). Кроме того, в социально-гуманитарном знании хорошо изучены информационные технологии, которые нацелены именно на изменения знаний и деятельности субъекта: пропаганда, PR, реклама, маркетинг и проч. Благодаря их фиксации возможно различие конфликта и войны. В последней участники сознательно используют данные технологии для достижения необходимых целей.

Более ясным является критерий участвующих сторон. Здесь следует сделать чёткое различие: участвующие стороны – социально-политические общности; а агентами, реализующими технологии информационной войны, выступают различные медиа – средства массовой информации и коммуникации, лидеры общественных мнений, предметы материальной и нематериальной культуры, агенты влияния, массовые акции (поддержки или протеста), центры принятия решений и управления, отдельные лица и т.д. Иными словами, в качестве агента войны может быть использовано практически любое средство, способное повлиять на процессы передачи информации. А вот непосредственными сторонами информационной войны следует полагать крупные социальные общности: государство, общество, нация, корпорация, партия, движение и т.д. Именно они формируют цели, заинтересованы в результатах и несут ущерб в случае информационной войны.

Наконец, критерий привлечения армии оказывается совершенно нерелевантен для определения информационной войны. Или следует расширить классическое понятие вооружённых сил (включив туда, к примеру, СМИ), или отказаться от этого признака, сочтя его несущественным.

Таким образом, информационная война – это **наиболее острая и ожесточенная форма ин-**

формационного конфликта, в которой **участвуют крупные социально-политические общности**. Главным инструментом противоборства становятся **технологии информационной манипуляции («информационное оружие»)** нацеленные на изменение системы знаний и, как следствие, деятельности субъекта. Оно **применяется и реализует себя через различных агентов**, оказывающих воздействие на процесс передачи информации.

Заключение

В проведенной работе сформулированы теоретико-методологические основания для характеристики понятий «информационный конфликт» и «информационная война» именно в эпистемологическом аспекте. Мы полагаем, что в современных научных направлениях существует необходимость в ясности и конкретности употребления данных категорий для достоверности и надежности полученных результатов. Более того, необходимость данной работы подтверждается тем фактом, что в современной философии: «поднимается проблема автономии субъекта и обсуждаются риски ее утраты, так как в цифровой среде существенно возросло число коммуникативных технологий воздействия на субъектность, идентичность и познание с целью изменения поведения человека» [30, с. 18].

В заключение хочется отметить следующее. Современные войны и конфликты демонстрируют развитие технологий ведения войны и на уровне материальных объектов, и на уровне идей. Классик конфликтологии Л. Козер, подробно анализируя тексты Г. Зиммеля, отмечал, что конфликты, где участники борются не за свои личные прагматические интересы, а за идеалы представляемой группы «бывают более радикальными и беспощадными» [31, с. 145–146]. Именно информационное воздействие на систему знаний, которая обеспечивает непротиворечивость мировоззрения, идентичность, способы и средства познания действующего субъекта способно оказывать как деструктивное («обострение») так и конструктивное («преодоление») влияние на ход и результаты конфликтов и войн.

Литература

1. Кандалов В. И., Молодцов И.Н. Исторические аспекты возникновения и использования термина «информационная война» // Социально-гуманитарное знание. 2023 № 8. С. 76–79.
2. Сорокин И.О. эволюция концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(2):99–113. DOI: 10.26794/22267867-2025-5-2-99-113.

3. Гусейнова И. А., Решетников К.Ю. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 37–45.
4. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // перев. с нем. В.М. Степанкова Социологические исследования, 1994. № 5. – С. 142–147.
5. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский дом БАРАХ–М, 2001. – 128 с.
6. Михайлов О. В. К вопросу о конфликтологической парадигме / О.В. Михайлов // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009. сер. 6, вып. 3. – С. 230–234.
7. Абгарян Р.Э. Категории «противоречие» и «конфликт» в истории социально-политической мысли / Р.Э. Абгарян // Вестник МГЛУ, вып. 2 (741), 2016. – С. 242–247.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (Т. 1). Ин-т философии РАН, Нац. общ. – науч. фонд; научно-ред. совет: преде. В.С. Стёпин, зам. преде. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семгин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М. Мысль, 2010. – 744 с.
9. The Geneva Convention of 12 august 1949 // URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/publications/icrc-002-0173.pdf> (дата обращения: 22.06.2025).
10. Малышев А. И., Пивоваров Ю.Ф., Хахалевич В.Ю. Категории «война» и «вооруженный конфликт»: сходство и различие / А.И. Малышев, Ю.Ф. Пивоваров, В.Ю. Хахалевич // Военная мысль, 2022. № 2. – С. 21–30.
11. Ветренко И. А., Ковалев А.А. Дефинизация категории в международном политико-правовом контексте / И.А. Ветренко, А.А. Коваленко // Вестник Поволжского института управления, 2022. Т. 22(№ 1). – С. 77–85.
12. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 227 с.
13. Куманьков А.Д. Теории справедливой войны в аналитической этике США: дис. канд. филос. наук. М.: ВШЭ, 2013. – 252 с.
14. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (Т. 2). Ин-т философии РАН, Нац. общ. – науч. фонд; научно-ред. совет: преде. В.С. Стёпин, зам. преде. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семгин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М. Мысль, 2010. – 634 с.
15. Урсул А.Д. Природа информации: филос. очерк. 2-е изд. Челябинск, 2010. – 231 с.
16. Stonier T. Towards a new theory of information // Journal of Information Science. 1991. № 17(5). P. 257–263. <https://doi.org/10.1177/016555159101700501>
17. Гуревич И.М. Информационные характеристики физических систем. Издание второе уточненное и дополненное. М.: 2010. – 260 с.
18. Floridi L. Open problems in the philosophy of information // Metaphilosophy / ed. by A.T. Marsoobian. Oxford, UK. Vol. 35. № 4. July 2004. P. 554–582.
19. Алексеев А. П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева// Вопросы философии. 2016. № 11. – С. 5–15.
20. Денисов И.Е. Китайская модель когнитивной безопасности: «право на интерпретацию» как ресурс власти / Мировая экономика и развитие отношений, 2026, т.е. 70, № 1, сс. 58–68. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2026-70-1-58-68>
21. Дегтярева Е.Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки / Сравнительная политика. 2025;16(3):132–153. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2025-3-16-7>
22. Емалетдинов Е.О. Когнитивная война: сущность, понятие, особенности / Е.О. Емалетдинов, Г.Д. Дубровский // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. – Екатеринбург: УРГПУ, 2023. – С. 236–241.
23. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке коммуникации. Пер. с англ. изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 352 с.
24. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. – 496 с.
25. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: Моногр. Рос. ин-т стратег. Исслед. М.: РИСИ, 2015. – 230 с.
26. Новиков Д.А. Кибернетика: Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 160 с.
27. Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: «Когито-Центр», 2016. – 160 с.
28. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
29. Зубков Н.А., Никитина Е.А. Проблема демаркации информационных конфликтов: философско-методологический анализ /Н. А. Зубков, Е.А. Никитина// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия, 2021. Т. 25. № 4. – С. 683–694. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-683-694
30. Никитина Е.А. Дополненный субъект: к постановке проблемы / Е.А. Никитина// Научное мнение, 2025. № 1–2. – С. 17–23.

31. Козер Л., Функции социального конфликта. Пер. с англ. О.А. Назаровой – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

INFORMATION CONFLICT AND WARFARE: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Zubkov N.A.

MIREA – Russian Technological University

The article examines such concepts as «information conflict» and «information warfare.» The aim of the work is to identify the essential characteristics of these categories from an epistemological perspective. The paper defines and substantively differentiates these categories. It is argued and proven that it is the epistemological category of «knowledge» that becomes the constitutive construct. It is knowledge that becomes the source and subject of contradictions in information conflicts. The need to turn to indirect sources that indicate the transformation of the subject's knowledge system during an information conflict is substantiated. It is argued that in the process of cognition, information acquires epistemological characteristics that become the object of confrontation in an information conflict. The relationship between the concepts of «information conflict» and «information warfare» is considered. It is established that information warfare is a particular manifestation of an information conflict. As a result of the work, working definitions of such categories as «information conflict» and «information warfare» are formed precisely from an epistemological point of view.

Keywords: epistemology, conflictology, information conflict, information warfare.

References

- Kandalov V. I., Molodtsov I.N. Historical aspects of the origin and use of the term «information warfare» // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 8. pp. 76–79.
- Sorokin I.O. The evolution of the concept of information warfare in the normative legal acts of Russia, the USA and NATO. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025;15(2):99–113. DOI: 10.26794/22267867-2025-5-2-99-113.
- Huseynova I. A., Reshetnikov K.Y. Cognitive warfare: on the development of the terminological apparatus // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2024. Issue 13 (894). pp. 37–45.
- Darendorf R. Elements of the theory of social conflict / R. Darendorf // transl. Translated by V.M. Stepankova, Sociological Research, 1994, № 5, pp. 142–147.
- Fantalova E.B. Diagnostics and psychotherapy of internal conflict. Samara: BARAKH-M Publishing House, 2001. 128 p.
- Mikhailov O.V. On the issue of the conflictological paradigm / O.V. Mikhailov // Bulletin of St. Petersburg University, 2009. Series 6, issue 3. pp. 230–234.
- Abgaryan R.E. Categories of «contradiction» and «conflict» in the history of socio-political thought / R.E. Abgaryan // Bulletin of MGLU, volume 2 (741), 2016. pp. 242–247.
- New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes (vol. 1). Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National General Scientific Foundation; scientific ed. by V.I. Pavlov. Council: V.S. Stepin, Deputy Chairman A.A. Huseynov, G. Ya. Semgin, Scientific Secretary A.P. Ogurtsov, Moscow: Mysl, 2010–744 p.
- The Geneva Convention of August 12, 1949 // URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/publications/icrc-002-0173.pdf> (date of request: 06/22/2025).
- Malyshev A. I., Pivovarov Yu.F., Khakhalevich V. Yu. Categories of «war» and «armed conflict»: similarities and differences / A.I. Malyshev, Yu.F. Pivovarov, V. Yu. Khakhalevich // Military Thought, 2022. № 2. pp. 21–30.
- Vetrenko I. A., Kovalev A.A. Definition of a category in the international political and legal context / I.A. Vetrenko, A.A. Kovalevko // Bulletin of the Volga Institute of Management, 2022, volume II. 22(No. 1). pp. 77–85.
- Kokoshin A.A. Questions of applied theory of war. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 227 p.
- Kumankov A.D. Theories of just war in the analytical ethics of the USA: dissertation of the Candidate of Philology. Moscow: Higher School of Economics, 2013. – 252 p.
- New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes (vol. 2). Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Scientific Society–Scientific Foundation; scientific editor. Council: V.S. Stepin, Deputy Chairman A.A. Huseynov, G. Ya. Semgin, scientific Secretary A.P. Ogurtsov. – M. Mysl, 2010. – 634 p.
- Ursul A.D. The nature of information: a philosopher. essay. 2nd ed. Chelyabinsk, 2010. – 231 p.
- Stonier T. On the way to a new theory of information // Journal of Information Science. 1991. № 17(5). pp. 257–263. <https://doi.org/10.1177/016555159101700501>
- Gurevich I.M. Information characteristics of physical systems. The second edition, updated and expanded. Moscow: 2010. 260 p.
- Floridi L. Open problems in the philosophy of information // Metaphilosophy / edited by A.T. Marsoobyan. Oxford, UK. Volume 35. № 4. July 2004. pp. 554–582.
- Alekseev A. P., Alekseeva I.Y. Information warfare in the information society / A.P. Alekseev, I.Y. Alekseeva // Questions of philosophy. 2016. № 11. pp. 5–15.
- Denisov I.E. The Chinese model of cognitive security: «the right to interpretation» as a resource of power / World Economy and Development of Relations, 2026, vol. 70, № 1, pp. 58–68. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2026-70-1-58-68>
- Degtyareva E.B. Cognitive and information wars in the conceptual coordinates of political science // Comparative political science. 2025;16(3):132–153. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2025-3-16-7>
- Emaletdinov E.O. Cognitive warfare: essence, concept, features / E.O. Emaletdinov, G.D. Dubrovsky // Culture and the nature of political power: theory and practice: collection of scientific papers. Yekaterinburg: USPU, 2023. pp. 236–241.
- Van Dijk T.A. Discourse and power: representation of dominance in the language of communication. Translated from English. ed. 2-E. M.: URSS: Book House «LIBROCOM», 2015. 352 p.
- Manoilov A.V. Information wars and psychological operations. A guide to action. Moscow: Hotline-Telecom, 2018. 496 p.
- Nikolaichuk I.A. Political media measurements. Foreign media and Russian security: Monograph. Russian Institute of Strategy. Research M.: RISI, 2015. – 230 p.
- Novikov D.A. Cybernetics: navigator. History of cybernetics, current state, development prospects. Moscow: LENAND, 2016. 160 p.
- Lepsky V.E. Management technologies in information wars (from classics to post-non-classics). Moscow: Kogito-Center, 2016. 160 p.
- Pochepstov G.G. Information wars. Moscow: Refl-book; K.: Vakler, 2000. – 576 p.
- Zubkov N.A., Nikitina E.A. The problem of demarcation of information conflicts: a philosophical and methodological analysis / N.A. Zubkov, E.A. Nikitina // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy, 2021. Volume 25. № 4. – pp. 683–694. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-683-694
- Nikitina E.A. The augmented subject: towards a task statement / E.A. Nikitina // Scientific Opinion, 2025. № 1–2. – pp. 17–23.
- Kozer L., Functions of social conflict. Translated from English by O.A. Nazarava. – Moscow: Idea Press, House of Intellectual Books, 2000, 208 p.

Искусственный интеллект в лингводидактике: переосмысление пространства обучения через призму аугментации и субституции

Ковальчук Надежда Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Барышникова Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: obaryshnikova@donstu.ru

В статье предпринят критический анализ трансформационных процессов, инициированных внедрением технологий искусственного интеллекта в практику обучения иностранным языкам в системе российского высшего образования. Исходным теоретическим допущением выступает различие двух полярных стратегий – субституционной (замещение преподавателя и учебной деятельности обучающегося) и аугментационной (усиление когнитивных и коммуникативных возможностей человека). Эмпирическую базу исследования составили результаты смешанного опроса 320 студентов языковых направлений подготовки и 45 преподавателей из пяти федеральных университетов (ДГТУ, РГЭУ (РИНХ), ЧГПУ, ЮРГПУ (НПИ), ЮФУ), проведенного авторами в 2025–2026 гг. Выявлено, что около 76% респондентов-студентов регулярно используют большие языковые модели (ChatGPT, YandexGPT, GigaChat) при выполнении домашних заданий, однако лишь четвертая часть опрошенных способна артикулировать этические границы такого использования. Преподаватели, в свою очередь, проявляют двойственное отношение к генеративным нейросетям. С одной стороны, они признают их значительный образовательный потенциал, а с другой – высказывают закономерные опасения относительно возможного подрыва академической добросовестности и снижения уровня навыков самостоятельной работы у студентов. В работе обосновывается необходимость перехода от практики имплицитного использования ИИ (скрытого от преподавателя) к модели открытой, рефлексивной и педагогически направляемой интеграции. Предложены конкретные форматы учебных заданий, а также институциональные меры – от разработки внутривузовских кодексов до внедрения модулей по формированию AI-грамотности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение иностранным языкам, генеративные нейросети, ChatGPT, аугментационный подход, академическая честность, лингводидактика, цифровая трансформация.

Цифровая трансформация, охватившая за последнее десятилетие практически все уровни российского образования, в последние два года приобрела новое измерение – массовое и зачастую нерелефлексированное использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) обучающимися и, что реже, преподавателями. Если ранее речь шла преимущественно об автоматизированных системах проверки письменных работ или корпусно-ориентированных инструментах, то после публичного запуска ChatGPT (ноябрь 2022 г.) образовательный ландшафт столкнулся с феноменом, который некоторые исследователи не без основания называют «парадигмальным сдвигом» [1].

Суть указанного сдвига применительно к обучению иностранным языкам состоит в том, что наиболее принципиальным отличием новой генерации ИИ-инструментов (больших языковых моделей – Large Language Models, LLM) выступает их способность не просто анализировать или классифицировать лингвистический материал, но и продуцировать связные, стилистически выдержанные и семантически правдоподобные тексты на запрос пользователя. Это создает иллюзию возможности полностью делегировать нейросети выполнение учебных задач – от написания эссе до построения диалога на иностранном языке. В массовом сознании студентов укрепляется субституционная модель, в рамках которой ИИ рассматривается как прямой заменитель собственной когнитивной активности.

Но, в то же самое время, как показывает анализ специальной литературы и реальная педагогическая практика, такая модель несет в себе глубокие риски. Альтернативой субституционному подходу выступает аугментационная парадигма, впервые в контексте ИИ-образования сформулированная И. Моленаар [2], а затем развитая в работах М. Кукуровой с соавторами [3]. Согласно этой парадигме, искусственный интеллект призван не вытеснять, а усиливать человеческую деятельность – преподавателя, студента, исследователя. В переводе на язык лингводидактики это означает, что ИИ-инструменты должны становиться средством расширения речевой практики, персонализации обратной связи и создания дополнительных «тренировочных» контекстов, но отнюдь не заменой живого общения, критического анализа и самостоятельного порождения текста.

Однако между декларацией аугментационного принципа и его практической реализацией существует значительный разрыв. В российской системе высшего образования до сих пор отсутствуют: а) общепринятые нормативные документы, регламентирующие использование LLM в учебном процессе; б) валидные и доступные инструменты детекции текстов, созданных нейросетями; в) массово тиражируемые методики обучения студентов «стратегической грамотности» в работе с ИИ. Ситуация осложняется также наличием отечественных генеративных моделей – YandexGPT и GigaChat, – которые, с одной стороны, могут быть лучше адаптированы к русскоязычному образовательному контексту, а с другой – пока уступают западным аналогам по точности и разнообразию генерируемых текстов на иностранных языках.

Цель настоящей статьи – на основе анализа теоретических источников и эмпирических данных, собранных в нескольких ведущих российских вузах, предложить сбалансированную модель интеграции ИИ в процесс обучения иностранным языкам, позволяющую минимизировать риски академического мошенничества и когнитивной деградации при сохранении дидактического потенциала новых технологий.

В современной научной литературе термин «искусственный интеллект» применительно к образованию используется в нескольких значениях. В самом широком смысле – это любые компьютерные системы, способные выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта (распознавание речи, принятие решений, перевод, генерация текста). В более узком, операциональном смысле, актуальном для нашей работы, мы говорим о двух классах технологий: во-первых, об автоматизированных системах оценки письменной речи (Automated Writing Evaluation, AWE), таких как Grammarly, ProWritingAid или отечественная «Орфограммка»; во-вторых, о больших языковых моделях – GPT-4, YandexGPT, GigaChat, – которые могут не только проверять, но и генерировать тексты по запросу.

Как справедливо отмечает П.В. Сысоев [4, с. 14–16], дидактический потенциал AWE-систем не вызывает особых споров: они помогают обучающимся увидеть и исправить типичные грамматические и стилистические ошибки, развивают металингвистическую рефлексию. Основная проблема здесь – разная степень точности обратной связи для учащихся с разным уровнем владения языком, а также риск того, что студент принимает правки машины без понимания причин ошибки. В целом, однако, большинство исследователей сходятся во мнении, что AWE-инструменты при правильной методической настройке приносят больше пользы, чем вреда [5, с. 57].

Совершенно иная ситуация складывается с генеративными моделями. Их способность поро-

ждать связные тексты на различные темы, имитировать разные стили и даже выстраивать диалог создает у пользователя иллюзию полной автономии. Как показывают наблюдения Т. Шмидта и Т. Стассера [6], студенты, начинающие использовать ChatGPT для выполнения письменных заданий, быстро привыкают к «готовому решению» и перестают прилагать усилия для планирования, чернового наброска и редактирования – тех этапов работы с текстом, которые в наибольшей степени способствуют развитию языковой компетенции. Более того, нейросеть не просто облегчает задачу, но и изменяет саму структуру учебной деятельности: вместо многоступенчатого процесса порождения текста (замысел – поиск лексики – построение синтаксических структур – проверка) студент оказывается перед необходимостью лишь сформулировать запрос (промпт) и затем, возможно, слегка скорректировать ответ.

Вместе с тем было бы ошибкой сводить влияние генеративных моделей исключительно к негативным последствиям. В работах зарубежных коллег убедительно показано, что при грамотно выстроенной методике LLM могут использоваться для развития навыков критического анализа: студент получает сгенерированный текст и должен найти в нем фактические ошибки, логические нестыковки, стилистические штампы, предвзятость [7]. Такая работа, во-первых, снимает страх перед «чистым листом», а во-вторых, формирует важнейшую компетенцию XXI века – способность верифицировать информацию, полученную от искусственного интеллекта.

Среди российских ученых следует особо отметить работы С.В. Титовой [1], которая ввела в отечественный научный оборот понятие «AI-грамотность» применительно к языковому образованию. По ее мнению, современный преподаватель иностранного языка обязан не только сам уметь пользоваться генеративными нейросетями, но и обучать студентов корректному, этичному и эффективному взаимодействию с ними. Этот тезис перекликается с выводами зарубежных исследователей о том, что запретительные меры в отношении ИИ в образовании не работают и контрпродуктивны. Необходимо, напротив, создавать «зоны легального и педагогически направляемого использования», внутри которых студент может экспериментировать, рефлексировать и получать обратную связь [8].

Для проверки выдвинутых теоретических положений нами было проведено смешанное эмпирическое исследование, охватившее период с сентября 2025 по апрель 2026 года. Выборка формировалась по целевой доступности с соблюдением баланса по географическому признаку и типу вуза. В итоговый пул вошли 320 студентов бакалавриата (1–4 курсы) пяти университетов: Донской государственный технический университет (ДГТУ,

n = 100), Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (РГЭУ (РИНХ), n = 50), Чеченский государственный педагогический университет (ЧГПУ, n = 50), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (ЮРГПУ (НПИ), n = 50), Южный федеральный университет (ЮФУ, n = 70). Студенты, принимающие участие в опросе, обучались по направлениям «Лингвистика», «Перевод и переводоведение», «Педагогическое образование (иностранные языки)», что обеспечивало их достаточную языковую подготовку и осведомленность о существующих цифровых инструментах.

Кроме того, в исследовании приняли участие 45 преподавателей иностранных языков (английского, немецкого, французского) из тех же вузов. Среди них 28 женщин и 17 мужчин, средний возраст – 43 года, средний стаж педагогической работы – 16 лет.

Инструментарий исследования включал три компонента. Во-первых, анонимное онлайн-анкетирование студентов, содержащее как закрытые вопросы с номинальными шкалами, так и открытые вопросы, направленные на выявление стратегий использования ИИ и понимания академической честности. Во-вторых, полуструктурированные интервью с преподавателями (продолжительностью 25–40 минут), в ходе которых обсуждались их опыт, опасения и успешные практики работы с ИИ. В-третьих, для 80 студентов (по 16 из каждого вуза) был проведен дополнительный эксперимент: им предлагалось написать эссе на заданную тему в двух условиях – без доступа к ИИ и с разрешением использовать ChatGPT (с обязательной фиксацией всех использованных промптов). Экспертная оценка эссе проводилась по шкале CEFR (уровни A2–C1) тремя независимыми экспертами.

Статистическая обработка количественных данных осуществлялась в среде SPSS – программном пакете для статистического анализа. Применялись описательные статистики (расчет средних, долей и частот), критерий χ^2 для сравнения долей между группами (например, между младшими и старшими курсами) и t-критерий Стьюдента для сравнения средних значений (например, уровней владения языком в контрольной и экспериментальной группах). Для качественных данных (открытые ответы анкеты, транскрипты интервью) использовался тематический контент-анализ – метод выявления и систематизации смысловых категорий, отражающих повторяющиеся мнения и оценки респондентов.

Анкетирование показало, что доля студентов, хотя бы эпизодически использующих ИИ-инструменты при подготовке домашних заданий по иностранному языку, достигает 76,2% (244 из 320). При этом регулярность применения (не реже 2–3 раз в неделю) выше у студентов младших курсов –

83% среди первокурсников против 69% среди четверокурсников. Этот, на первый взгляд, парадоксальный факт может объясняться тем, что старшекурсники более осознанно подходят к выбору задач, делегируемых нейросети, и в ряде случаев предпочитают полагаться на собственные силы, особенно при подготовке к экзаменам в формате, исключающем доступ к технологиям.

Наиболее востребованным инструментом оказался ChatGPT (его используют 89,3% от всех пользователей ИИ). Далее следуют Яндекс.Переводчик (74,6%) – несмотря на то, что формально он не относится к генеративным моделям, его функции синтеза речи и перевода больших фрагментов текста активно применяются. Grammarly и аналогичные системы проверки грамматики используют 51,2% студентов. YandexGPT и GigaChat демонстрируют заметный рост по сравнению с предыдущими периодами: 28,7% и 15,2% соответственно. При опросе респонденты объясняли это улучшением качества генерации на английском языке (для YandexGPT) и активной рекламной кампанией GigaChat.

Следует отметить, что 79,4% опрошенных студентов не получали от преподавателей ни инструкций, ни рекомендаций по поводу того, как корректно использовать ИИ в учебных целях. Лишь каждый пятый респондент (20,6%) имел такие разъяснения, причем в основном это касалось тех вузов, которые уже начали разрабатывать собственные внутренние нормативы, хотя детальные регламенты к 2026 году действовали только в тридцати университетах по всей стране. Когда респондентов попросили объяснить, что для них означает академическая честность при работе с нейросетями, развернутый и осмысленный ответ, включающий требования цитирования или хотя бы упоминания факта использования ИИ, смогли дать лишь 24,1%. Остальные опрошенные разделились: 43,8% полагают, что заимствование сгенерированного текста не является нарушением, если студент его прочел и понял (даже при полном повторении формулировок нейросети), а 32,1% затруднились с ответом, что также свидетельствует о концептуальной неопределенности.

Сравнение ответов студентов разных курсов по критерию χ^2 выявило значимые различия ($p < 0.01$) в способах применения ИИ. Студенты младших курсов чаще генерируют текст целиком (например, запрашивают «напиши эссе на тему...»), тогда как старшекурсники предпочитают использовать нейросеть для локального редактирования уже написанного ими черновика, для подбора синонимов или для перефразирования отдельных предложений. Этот сдвиг можно интерпретировать как стихийное формирование более зрелой стратегии AI-грамотности, которая, однако, не подкрепляется систематическим педагогическим руководством.

Интервью с 45 преподавателями выявили глубокий внутренний конфликт. С одной стороны, 79% опрошенных согласились с утверждением, что генеративные нейросети могут быть полезны для создания учебных материалов, примеров и черновиков. Некоторые респонденты приводили конкретные примеры: генерация списка лексики по теме, создание коротких диалогов-образцов для уровня A2, составление тестов с множественным выбором. С другой стороны, 82% преподавателей выразили опасение, что из-за ИИ студенты перестанут учиться писать самостоятельно, и их способность к связному порождению письменной речи регрессирует. Один из интервьюируемых (доцент кафедры «Иностранный язык в сфере технических наук и технологий» ДГТУ, стаж 22 года) отметил, что он не может доказать, что студент использовал ChatGPT, но он чувствует это по тексту – текст слишком гладкий, безликий, лишенный индивидуальных ошибок и, как ни странно, безликий именно в своей правильности.

Важным, на наш взгляд, является также признание самих преподавателей: 73% опрошенных хотя бы раз использовали генеративные нейросети для подготовки собственных учебных материалов. При этом лишь 14% открыто говорят об этом с коллегами или на кафедре. Создается ситуация двойного стандарта, когда «преподаватель может, а студенту нельзя» при отсутствии институционально закрепленных норм. Такая асимметрия, как справедливо отмечает Е.Н. Соловова [9, с. 38], подрывает авторитет академических правил и провоцирует студентов на скрытое, неконтролируемое использование ИИ.

Дополнительный эксперимент с написанием эссе ($n = 80$) позволил получить объективные данные о влиянии ChatGPT на качество текста. Средний уровень владения языком участников контрольной группы (писавших без ИИ) составил B1 по шкале CEFR, экспериментальной группы (использовавших ChatGPT) – B2+ за счет заметно более разнообразной лексики и отсутствия грубых грамматических ошибок. По оценкам экспертов, 56% текстов, которые были созданы с помощью нейросети, содержат типичные для ChatGPT речевые штампы – например, начало каждого абзаца с «Moreover», «On the other hand» или «In conclusion». Для письменной речи реального человека такие обороты неестественны. Помимо этого, в экспериментальной группе проявилась отчетливая тенденция к ослаблению когерентности и логической связности: студенты, передоверившиеся нейросети не только языковое оформление, но и смысловое планирование, в итоге получали набор отдельных, хорошо написанных фрагментов, которые плохо сцеплялись друг с другом. Статистический анализ зафиксировал значимую отрицательную корреляцию между тем, как часто студенты прибегают к помо-

щи ИИ, и оценкой, полученной за аргументацию (один из критериев оценивания): $r = -0,40$, $p < 0,01$.

Если обобщить полученные результаты, то можно говорить о трех основных категориях рисков, которые возникают при бесконтрольном использовании генеративных нейросетей в языковом обучении.

Первая категория – угрозы академической честности. Существующие системы поиска плагиата (например, «Антиплагиат.Вуз») не в состоянии распознать текст, порожденный нейросетью, потому что в нем нет прямых заимствований. Специализированные же детекторы наподобие GPTZero дают слишком высокий процент как ложноположительных, так и ложноотрицательных срабатываний. В итоге вузы оказываются в зоне правовой неопределенности. Известны случаи, когда студенты оспаривали обвинения в использовании ChatGPT, и дисциплинарные комиссии не могли вынести однозначного вердикта. Ситуацию усугубляет и отсутствие федеральных рекомендаций.

Вторая категория – когнитивно-языковые риски. Данные эксперимента и опросов преподавателей показывают, что если студент систематически заменяет собственное письмо генерацией нейросети, у него начинают деградировать такие ключевые навыки, как планирование структуры текста, поиск и выстраивание аргументов, отбор синонимических средств. Обучающийся перестает удерживать в долговременной памяти лексику и грамматические конструкции, поскольку привыкает к мгновенным «подсказкам» модели. Особенно опасно это на начальном этапе, когда автоматизация языковых навыков еще не завершена.

Третья категория – социолингвистические и этические риски. Обучающие данные для больших языковых моделей формируются на основе текстовых корпусов, которые неизбежно несут в себе культурные стереотипы, предубеждения и прагматические клише, присущие прежде всего западной (американской) традиции. Когда студенты используют ChatGPT для генерации текстов, скажем, на немецком, французском или испанском языке, эти искажения могут определяться ими как норма. При использовании ChatGPT для генерации текстов на немецком, французском или испанском языках эти искажения могут передаваться студентам. Российские модели YandexGPT и GigaChat, теоретически свободные от этих недостатков, пока демонстрируют более низкую точность генерации на иностранных языках.

Возможные ответы на эти вызовы предполагают, что тотальные запреты использования ИИ в учебном процессе не только неосуществимы технически, но и вредны с образовательной точки зрения. Альтернативой является принятие на институциональном уровне кодексов использования ИИ, которые четко определяют: а) сценарии, в которых использование генеративных нейросетей

разрешено (например, генерация идей для мозгового штурма, проверка орфографии, предложение синонимов); б) сценарии, в которых оно запрещено (полная генерация ответа без собственного вклада, имитация диалога при оценивании устных навыков); в) требования к обязательной рефлексии и декларированию факта использования ИИ.

Кроме того, необходима систематическая работа по формированию AI-грамотности студентов. Это могут быть отдельные модули в рамках курсов «Информационные технологии в лингвистике» или «Цифровая дидактика» (от 8 до 16 часов), включающие практикумы по эффективному промпт-инжинирингу, критическому анализу сгенерированных текстов, а также обсуждение этических дилемм. Как показывает опыт ряда зарубежных университетов [10], такие модули не только снижали количество случаев академического мошенничества, но и повышали общую цифровую компетентность студентов.

Конкретными форматами заданий, реализующими данные направления, могут выступать три конкретных формата учебных заданий, которые можно непосредственно интегрировать в практику преподавания иностранных языков. Данные форматы апробированы авторами в ходе экспериментальной работы со студентами ($n = 80$) и показали свою эффективность при соблюдении методических условий.

Первый формат – критический анализ сгенерированного текста. Студент получает от преподавателя текст на иностранном языке, созданный ChatGPT или аналогичной моделью по заранее известной теме. Задача обучающегося – выявить фактические неточности, логические противоречия, стилистические штампы, неоправданные повторы, а также оценить соответствие текста заданному регистру (формальное/неформальное письмо, академическое эссе, деловое письмо и т.д.). После этого студент составляет письменный отчет о найденных недостатках и предлагает собственный исправленный вариант отдельных фрагментов. Данный формат, как показали результаты эксперимента, способствует развитию критического мышления и металингвистической рефлексии, не подменяя при этом самостоятельное письмо.

Второй формат – рефакторинг черновика с помощью нейросети. Студент сначала пишет черновой вариант текста (эссе, письма, аннотации) без использования ИИ. Затем он обращается к генеративной модели с запросом на улучшение стиля, грамматики или лексики, но не принимает предложенные правки автоматически. Вместо этого студент сравнивает исходный и сгенерированный варианты, выбирает не более трех-пяти конкретных улучшений и обосновывает свой выбор в кратком комментарии к финальной версии. Такой подход, в отличие от прямой генерации «под ключ», сохра-

няет авторскую ответственность за текст и формирует осознанное отношение к языковым средствам.

Третий формат – диалог с голосовым агентом с последующей экспертизой преподавателя. Студент ведет короткий (3–5 минут) устный диалог на иностранном языке с голосовым помощником (Алиса, ELSA Speak, Салют) на заданную тему. Диалог записывается. Затем студент расшифровывает запись, отмечает ошибки, которые допустил сам (произносительные, грамматические, лексические), и те моменты, где агент его не понял или ответил нерелевантно. В аудитории под руководством преподавателя проводится анализ наиболее типичных сбоев коммуникации с ботом, что позволяет перейти к обсуждению особенностей естественной речи (аппроксимация, гезитации, речевые клише) и путей их преодоления.

Указанные форматы не исчерпывают всего многообразия возможных заданий, но служат иллюстрацией того, как аугментационный подход может быть реализован на уровне повседневной учебной практики. Их ключевая особенность – сохранение активной роли обучающегося и преподавателя при делегировании нейросети лишь вспомогательных операций.

Подводя итоги проведенному исследованию, отметим следующее. Технологии искусственного интеллекта, в первую очередь большие языковые модели, уже стали неотъемлемой частью образовательного ландшафта в сфере обучения иностранным языкам. Попытки игнорировать этот факт или ограничиваться запретительными мерами заведомо обречены на провал, поскольку студенты будут использовать ИИ латентно, вне педагогического контроля. Единственно продуктивной стратегией является переход от субституционной парадигмы (ИИ как заменитель человека) к аугментационной (ИИ как усилитель человеческих возможностей). Однако для реализации этой стратегии в российской высшей школе необходимо решить три взаимосвязанные задачи: разработать и внедрить внутривузовские нормативные акты, четко регламентирующие границы допустимого использования LLM; создать систему повышения квалификации преподавателей, включающую знакомство с дидактическим потенциалом и рисками генеративных моделей; включить в учебные планы языковых специальностей модули по формированию AI-грамотности.

Предложенная в статье модель дополняющего использования ИИ и конкретные форматы заданий (критический анализ сгенерированного текста, рефакторинг черновика с помощью нейросети, диалог с голосовым агентом с последующей экспертизой преподавателя) могут служить отправной точкой для дальнейших методических разработок. Перспективными направлениями будущих исследований нам представляются: лон-

гитюдное изучение влияния регулярного использования LLM на динамику языковой компетенции; сравнительный анализ эффективности разных промпт-стратегий для выполнения учебных задач; а также адаптация зарубежных систем оценки «гибридной» (человек + ИИ) компетенции к российскому образовательному контексту.

Литература

1. Титова С.В. Искусственный интеллект в языковом образовании: между страхом и надеждой // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 22–34.
2. Molenaar I. Towards hybrid human-AI learning technologies // European Journal of Education. 2022. Vol. 57. № 4. P. 632–645. DOI: 10.1111/ejed.12527.
3. Cukurova M., Kent C., Luckin R. Artificial intelligence and multimodal data in the service of human decision-making: A case study in debate tutoring // British Journal of Educational Technology. 2019. Vol. 50. № 6. P. 3032–3046. DOI: 10.1111/bjet.12829.
4. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в обучении иностранному языку: перспективы и вызовы // Язык и культура. 2024. № 65. С. 8–26.
5. Гарцов А.Д. Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам. М.: РУДН, 2021. 210 с.
6. Schmidt T., Strasser T. Artificial intelligence in foreign language learning and teaching: a CALL for intelligent practice // Anglistik: International Journal of English Studies. 2022. Vol. 33. № 1. P. 165–184.
7. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou D. ChatGPT for language teaching and learning // RELC Journal. 2023. Vol. 54. № 2. P. 537–550.
8. Азимов Э.Г. Искусственный интеллект в образовании: проблемы и перспективы. М.: Издательский дом Академии естествознания, 2024. 145 с.
9. Соловова Е.Н., Сухина Г.П. Академическая честность в цифровую эпоху: вызовы искусственного интеллекта // Иностранные языки в школе. 2024. № 1. С. 32–40.
10. Фадеева В.А., Авраменко А.П. Отношение студентов языковых специальностей к использованию нейросетей: по результатам опроса // Вопросы прикладной лингвистики. 2025. № 1. С. 25–35.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LINGUODIDACTICS: RETHINKING THE LEARNING SPACE THROUGH THE PRISM OF AUGMENTATION AND SUBSTITUTION

Kovalchuk N.V., Baryshnikova O.E.

Donskoy State Technical University

The article undertakes a critical analysis of the transformational processes initiated by the introduction of artificial intelligence technologies into the practice of foreign language teaching in the Russian higher education system. The initial theoretical assumption is the distinction between two polar strategies – substitution (replacing the teacher and the student's educational activity) and augmentation (enhancing human cognitive and communicative capabilities). The empirical basis of the study is the results of a mixed survey of 320 students of language majors and 45 teachers from five federal universities (DSTU, RSEU (RINH), CSPU, SRSPU (NPI), SFedU) conducted by the authors in 2025–2026. It was revealed that about 76% of student respondents regularly use large language models (ChatGPT, YandexGPT, GigaChat) when doing homework, but only one quarter of the respondents are able to articulate the ethical boundaries of such use. Teachers, in turn, demonstrate an ambivalent attitude, simultaneously recognizing the didactic potential of generative neural networks and expressing justified concern about the erosion of academic integrity and the degradation of independent writing skills. The paper substantiates the need to move from the practice of implicit (hidden from the teacher) use of AI to a model of open, reflexive and pedagogically guided integration. Specific formats of educational tasks are proposed, as well as institutional measures – from the development of intra-university codes to the introduction of modules for the formation of AI literacy.

Keywords: artificial intelligence, foreign language teaching, generative neural networks, ChatGPT, augmentation approach, academic integrity, language didactics, digital transformation.

References

1. Titova S.V. Artificial intelligence in language education: between fear and hope // Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 501. pp. 22–34.
2. Molenaar I. Towards hybrid human-AI learning technologies // European Journal of Education. 2022. Vol. 57. № 4. P. 632–645. DOI: 10.1111/ejed.12527.
3. Cukurova M., Kent C., Luckin R. Artificial intelligence and multimodal data in the service of human decision-making: A case study in debate tutoring // British Journal of Educational Technology. 2019. Vol. 50. № 6. P. 3032–3046. DOI: 10.1111/bjet.12829.
4. Sysoev P.V. Artificial intelligence in foreign language teaching: prospects and challenges // Language and culture. 2024. № 65. pp. 8–26.
5. Gartsov A.D. Information and communication technologies in teaching foreign languages. Moscow: RUDN University, 2021. 210 p.
6. Schmidt T., Strasser T. Artificial intelligence in foreign language learning and teaching: a CALL for intelligent practice // Anglistik: International Journal of English Studies. 2022. Vol. 33. № 1. P. 165–184.
7. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou D. ChatGPT for language teaching and learning // RELC Journal. 2023. Vol. 54. № 2. P. 537–550.
8. Azimov E.G. Artificial intelligence in education: problems and prospects. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2024. 145 p.
9. Solovova E.N., Sukhina G.P. Academic integrity in the digital age: challenges of artificial intelligence // Foreign languages at school. 2024. № 1. pp. 32–40.
10. Fadeeva V.A., Avramenko A.P. The attitude of students of language specialties to the use of neural networks: according to the survey results // Questions of Applied Linguistics. 2025. № 1. pp. 25–35.

Немецкий философ Иммануил Кант и современная российская молодежь: точки соприкосновения и понимания (социально-философский анализ)

Кузнецова Марина Федоровна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии,
Сибирский федеральный университет
E-mail: mfkuznecova@mail.ru

Эта статья не о самих философских идеях Иммануила Канта, а о том, как подготовить современных студентов к восприятию этих идей, о том, как заинтересовать молодежь философией через авторскую личность и как сделать философию понятнее без лишнего идейного упрощения. В данной статье предлагается вариант того, как можно сделать мыслителя немного «своим», создав мотивацию для сосредоточенной работы с философскими взглядами автора. В исследовании говорится о возможных точках касания кантовских тем и культурных потребностей современной молодежи через моменты пространственного, временного и ценностного сближения. В этом ключе рассмотрены темы: Кант и Россия, Кант в информационном поле, Кант и ценности (свобода, ответственность, труд, семья, деньги, счастье). Представлены методические элементы возможного использования этого материала на лекционных и семинарских занятиях в вузе в курсе «Философия», а также в некоторых темах курса «Основы российской государственности».

Ключевые слова: Иммануил Кант, курс философии, молодежь, ценности, понимание, методические приемы.

Введение

Совсем недавно весь мир отмечал 300-летие великого философа Иммануила Канта. Неутихающий и даже, наоборот, возрастающий интерес к этому мыслителю в различных уголках земного шара говорит нам о том, что наследие Канта не только не принадлежит лишь его немецким потомкам и не только о том, что Кант – достояние мировой мысли, но о том, что Кант для каждой культуры «немножечко свой». И уж тем более своим он видится в культуре российской. Этому факту есть несколько историко-философских объяснений, о которых и пойдет речь в данной статье.

На сегодняшний день существует достаточно исследований, посвященных влиянию философии Канта на мировую и, в частности, на русскую философию и культуру. Мнение о том, что творчество мыслителя разделило философию на «до» и «после», «докантианская философия» и «послекантианская», как некогда философы были поделены на досократиков и постсократиков, у большинства современных исследователей сомнения не вызывает. Что касается русской культуры и философии, то можно назвать целый ряд философов и литераторов, кто в той или иной мере испытал на себе влияние идей Канта. Кантианская этика звучит в работах А.И. Введенского, В.С. Соловьева; размышления о свободе и творчестве С.И. Гессена, идеи о совершенстве личности и морали Н.А. Бердяева отталкиваются от размышлений немецкого философа, хотя и приобретают новое звучание. Российские философы, например, П. Флоренский, читали о Канте лекции, было проведено много масштабных исследований, посвященных идеям, творчеству и биографии мыслителя (В.Ф. Асмус, А. Гулыга, Л.А. Калинин, Н.В. Мотрошилова, С.А. Нижников, А.Н. Круглов, Т.И. Ойзерман, В.Н. Белов, А.И. Абрамов и др.). На таком фундаментальном тематическом поле сложно сказать что-то новое. Но Кант, как и любой классик, раскрывается для будущих поколений все новыми и новыми прочтениями.

В настоящем исследовании будем исходить из того, что идеи Иммануила Канта изучаются в курсе философии большинства высших учебных заведений. Курс рассчитан на формирование универсальных компетенций и читается на первом, втором курсах. Серьезная задача для преподавателя – сделать непростую, глубокую философию

Канта доступной для понимания студентами разного уровня гуманитарной, общекультурной подготовки без излишнего опрощения, примитивизации. В связи с этим, очень важным представляется первым шагом на этом пути заинтересовать молодежь личностью философа, неординарностью его характера и биографии. А еще очень важно сделать его немного «своим». Таким образом мы подготовим почву, создав мотивацию для сосредоточенной работы с философскими взглядами автора.

«Своим» немецкого философа для российского студента могут сделать как минимум три обстоятельства. Во-первых, биографический аспект: российское подданство и прочие русские следы в жизни философа. Во-вторых, социально-эмпатийный аспект: Кант в информационном поле общественных вызовов. В-третьих, идейный аспект: актуальные размышления Кантата о свободе, ответственности и счастье. Далее рассмотрим подробнее все эти аспекты сближения.

Кант и Россия. Пространственное, географическое сближение

Многие биографы Канта свидетельствуют о том, что Кант почти никогда не покидал своего родного города Кенигсберга. В 18 столетии Кенигсберг (королевский город) был частью государства под управлением прусского монарха Фридриха II. Но события середины 18 века развернулись так, что в 1756 году началась так называемая Семилетняя война, противниками в которой были Пруссия и Россия. И в январе 1758 года Кенигсберг без осады и кровопролития был взят русской армией, а все жители города принесли присягу российской императрице Елизавете Петровне. Среди присягнувших русскому трону был и приват-доцент Кенигсбергского университета – Иммануил Кант. Елизавета Петровна учредила новую губернию Российской империи – Восточную Пруссию – со столицей в Кенигсберге. Этот факт положительно сказался на благосостоянии города: приобретающий столичный колорит, город стал культурным центром светской жизни для местной знати и русских офицеров. Университетская жизнь тоже активизировалась за счет прилива новых студентов: русские офицеры становились новыми слушателями различных курсов лекций, например, по математике, физической географии, физике, философии и, возможно, по фортификации и пиротехнике. Иммануил Кант также читал лекции для русских офицеров, со многими был в приятельских отношениях. Еще один интересный факт. В описываемые годы Кенигсберг посещал русский офицер, подполковник Александр Васильевич Суворов. Он приезжал навестить своего отца Василия Ивановича Суворова, который в 1761–1762 годах был генерал-губернатором Восточной Пруссии. Так что не исключено, хотя прямых свидетельств этому

не сохранилось, что великий русский полководец Суворов и великий немецкий философ Кант были знакомы. Возможно Александр Васильевич посещал его лекции.

В качестве симбиоза творчества и аналитики на занятиях со студентами можно предложить им найти информацию и сопоставить исторические факты, знания из области биографии Канта и Суворова, а также знания о традициях и быте современников этих известных людей, и сделать выводы о том, насколько вероятна ситуация их знакомства.

Семилетняя война, как мы помним, заканчивается весьма печально для российской стороны: пришедший к власти Петр III возвращает завоеванные земли своему давнему кумиру, безмерно почитаемому им королем Фридриху. Кенигсберг вновь становится прусским городом, но теряет свой столичный лоск. Русские офицеры уходят, а с ними уходят балы и прочие атрибуты светской жизни. Но более трагичным для благосостояния города оказалось то, что Фридрих не простил Кенигсбергу его «охотную» присягу российской императрице. С 1762 года Кенигсберг становится тихим периферийным прусским городком. Но если для города потрясения и годы перемен оказались позади, то для его знаменитого жителя, Иммануила Канта, все еще было впереди, и знаменитый «критический» период творчества философа наступит еще почти через двадцать лет. Следует отметить, что свидетельств о новой прусской присяге И. Канта не обнаружено, хотя от прежней жители города были освобождены Петром III.

Пройдут годы и в 1945 году, по результатам окончания Второй мировой войны, по решению Потсдамской конференции, Кенигсберг вновь станет российским, точнее советским городом. Сегодня это российский Калининград (переименован 4 июля 1946 года), город, где все пропитано вниманием и уважением к знаменитому земляку. Остров Канта, музей Канта в Кафедральном соборе (там же на территории собора находится могила философа), Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, экскурсионный маршрут «прогулка философа», памятники, названия улиц и магазинов – Кант, говоря современным языком, это бренд Калининграда.

Еще один биографический русский след немецкого философа заключается в том, что младший брат Иммануила Канта Иоганн Генрих был курляндским пастором, напомним, что Курляндия с 1795 года была присоединена к Российской империи. По линии младшего брата пошла русская ветвь от рода Канта. Потомки Иоганна Генриха переехали в Москву, оставили свой след в дипломатической сфере (российский посол в Румынии и Дании барон Дмитрий Федорович Стюарт) и в строительстве Уралмаша, завода, сыгравшего не последнюю роль в приближении победы со-

ветского народа в Отечественной войне (Владимир Федорович Фидлер – главный инженер управления по постройке Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске и главный инженер филиала Государственного института по проектированию металлургических заводов в 1926–1932 годах).

Все эти факты и исторические свидетельства привлекают дополнительное внимание и формируют неподдельный интерес к фигуре знаменитого философа.

Кант в информационном поле. Временное, социально-эмпатийное сближение

Несмотря на то, что Кант жил триста лет назад, есть и весьма неожиданные точки его соприкосновения с миром современной молодежи через общность ситуаций и проблем. Так, например, молодые люди наших дней очень чувствительны в отношении проблем так называемого информационного шума, когда становящаяся публичной информация заставляет человека предпринимать какие-то действия, включаться в новый для него вид деятельности, публично реагировать на информационный вызов и т.д. В наш век развитых технологий и коммуникаций это уже некая обыденность. Но истории о том, что нечто сходное происходило и в отдаленные от нас кантовские времена, становятся точками эмпатийного интереса, вызывают сопереживание и подталкивают к сближению и пониманию, делая своим. Ситуацией, производящей на студентов подобный эффект, может послужить такой факт биографии И. Канта, как лиссабонское землетрясение, вынужденная реакция на которое, раскрыла новые стороны таланта и интересов философа.

Долгое время Кант работал приват-доцентом в Кенигсбергском университете, читал лекции по разнообразным курсам, демонстрируя свою энциклопедичность. Среди читаемых лекций была не только метафизика или иные ожидаемые дисциплины, там была и математика, физика, география, фортификация и пр. И если письменные работы Канта отличаются, по мнению многих, некоторой тяжеловесностью в изложении мыслей, то лекции, читаемые для студентов, по заявлению современников философа, были весьма интересны и увлекательны, а главное, доступны для понимания и крайне убедительны. Ярким свидетельством такого таланта философа послужило одно трагическое событие. Первого ноября 1755 г. случилось лиссабонское землетрясение, унесшее жизни более 80 тысяч человек и наведшее серьезный страх и на жителей родного для Канта Кенигсберга. Люди боялись повторения катаклизма на ближайших территориях, город обуяла паника. На одной из текущих лекций Кант для успокоения своих студентов показал беспочвенность таких страхов, прибегнув к научным доказатель-

ствам и объяснениям из области сейсмологии, дав естественнонаучные, а не теологические и мистические объяснения произошедшему. На студентов лекция подействовала, лектор был убедителен в своих доводах, эффект успокоения был достигнут. Весть о «терапевтической лекции» разошлась за пределы университета, и Канту было предложено от имени городского управления прочитать публичную лекцию для горожан. Лекция была прочитана в Кафедральном соборе, который не уместил за раз всех желающих. Канту пришлось прочитать лекцию снова и в городе воцарился покой. Эта история даже не про лекторский талант Канта, а, скорее, про то, что философ умел на практике использовать свои знания, осознавая их уместность и целесообразность. Как продолжение реакции на этот вызов, Кант серьезно увлекся сейсмологией и впоследствии опубликовал несколько статей на эту тему.

Другим информационным шумом для философа стала история с выходом в свет в 1792 году анонимно опубликованной книги под названием «Опыт критики всякого откровения». К этому времени уже были хорошо известны критические работы Канта («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности всякого суждения»). Сходство названия и стиля изложения материала новой анонимной работы привело к тому, что ее восприняли как очередное исследование Иммануила Канта. Позже недоразумение разрешилось. Настоящий автор был определен и окружен вниманием читателей и поддержкой великого философа. Этим автором оказался Иоганн Готлиб Фихте, впоследствии ставший в один ряд известных классиков немецкой философии. Этот случай привлек внимание к молодому мыслителю, считавшему себя отчасти учеником кантовской философии, несмотря на стремление преодолеть ее отдельные вопросы и подходы. Так, довольно стремительно Фихте ворвался в элитарные философские круги, оправдав дальнейшей своей деятельностью оказанное ему по случаю внимание. Нечто похожее когда-то произошло и в среде живописцев. Речь идет о начале художественной карьеры Клода Моне. Когда выставлялась его картина «Дама в зеленом платье», то произошла некая путаница фамилий – его и уже к тому времени известного и почитаемого Эдуарда Мане. Приписав авторство модному художнику, публика и критики восхищались мастерством и новаторством, продемонстрированным в представленном полотне. Эдуард Мане, по свидетельствам современников, был взбешен этой казусной ситуацией, что не помешало, однако, впоследствии установиться между этими двумя талантливыми живописцами довольно тесной дружбе.

Такие истории умело используются экскурсоводами на тематических выставках, обнаруживая при этом, хороший эффект привлечения внимания

и интереса, запоминаемости озвученного материала. Как показывает преподавательский опыт, сходным образом это работает и в рамках лекционного курса. Можно пойти дальше по этому методическому пути и предложить студентам найти, вспомнить другие сходные ситуации казусного характера в философской, литературной и иной культурной среде или даже из собственной жизни. Обнаруживая тот факт, что информационная среда не только в наши дни может оказывать серьезное влияние на жизнь, карьеру, репутацию, о чем сегодня много говорится, но и сотни лет назад это работало таким же образом, складывается понимание общих проблем с людьми из прошлого мира. Такое обыденное сближение позволяет перекинуть мосты понимания и к сближению идейному, тематическому. Если с философами прошлых веков нас связывают общие проблемы и переживания и, несмотря на различие технологической оснащенности быта, мы испытываем сходное информационное влияние и стоим перед аналогичными вызовами, то и их философия от нас может быть не так далека, как может показаться при первом прочтении.

Можно еще упомянуть другую казусную ситуацию, которая произошла уже после смерти Канта, практически в наши дни, но является показательной для современной информационной среды, демонстрируя ее неоднозначность в плане доступности и технологичности поиска информации, ее достоверности. Если ранее поиск информации был более трудоемким и затратным по времени, то современный научно-технический прогресс и информатизация всех сфер человеческой жизни создают впечатление доступности информации и, как следствие, формируют ожидание массового роста эрудированности и уровня знаний, чего зачастую не наблюдается. Причин этому много, но одна из них заключается в том, что в процессе облегченного поиска мы часто спотыкаемся о минусы такого положения дел: лавина непроверенной, ложной информации, увеличение которой часто происходит за счет ретрансляции чужих-то, возможно, неумышленных ошибок. Легкость передачи информации способствует скоростному и массовому тиражированию не только полезной, но и ложной, искаженной информации, что наносит серьезный урон в любых исследованиях интересующих вопросов. Яркий пример тиражирования ошибки как раз связан с личностью Иммануила Канта, точнее, с его портретом. Сегодня уже, наверное, не представляется возможным найти источник, когда и кто первым начал представлять портрет современника Иммануила Канта Фридриха Генриха Якоби с подписью «портрет молодого Иммануила Канта». Эта путаница портретов двух философов многократно растиражирована. Ф.Г. Якоби тоже был философом, и по иронии судьбы, был скорее противником, оппонентом Канта, нежели его еди-

номышленником. Но современное информационное поле визуально объединило этих мыслителей. Сегодня даже в солидных печатных изданиях можно столкнуться с этим досадным недоразумением, не говоря уже об интернет-источниках.

В подтверждение этой темы можно предложить студентам поискать на полках книжных магазинов, библиотек или на маркетплейсах издания с подменой портретов философов. Это не только заострит внимание на персоне изучаемого философа, но и наглядно продемонстрирует несовершенство современного информационного поля, напомним о значимости критического мышления и о необходимости верификации исследовательских источников. Так, например, для поиска информации для данной статьи приходилось многократно сопоставлять информацию из различных биографических источников, включая архивные документы и свидетельства с выставочных экспозиций, посвященных жизни и творчеству великого мыслителя, в том числе использовались материалы Музея Канта, расположенного в Кафедральном соборе города Калининграда (бывший Кенигсберг), то есть на родине философа.

Есть еще много интересных биографических моментов из жизни философа, позволяющих подготовить современного молодого человека к восприятию непростых идей мыслителя. Такая длительная прелюдия к изучению философии того же Канта может показаться излишней, но опыт показывает, что подобная методика является рабочей. Эффективность восприятия сложного философского материала значительно возрастает, за счет системности его усвоения и осознания некой общности. Время, потраченное на дополнительную информацию о личности и биографических фактах, компенсируется скоростью усвоения тематического материала за счет заинтересованности, снятия барьера чужеродности идей и мотивации их усвоения.

Кант и ценности. Идейное, ценностное, культурно-нравственное, воспитательное сближение

Эта статья не о собственно идеях знаменитого философа, а о том, как подготовить современных студентов к восприятию этих идей, о том, как заинтересовать молодежь философией через авторскую личность и как сделать философию понятнее без лишнего идейного упрощения. В связи с этим здесь не ставится цель системного изложения философских взглядов И. Канта, предполагая, что читающие эту статью имеют достаточное о них представление, мы будем говорить о возможных точках касания кантовских тем и ценностных насущных потребностей современной молодежи.

В этом аспекте Кант может стать ключевой фигурой не только в курсе философии, но и быть

весьма полезным при раскрытии темы ценностей в курсе «Основы российской государственности». Та самая «русскость» немецкого философа, о которой мы говорили в начале статьи, проявляется не только биографически, но и идейно, ценностно. У Канта есть что «сказать» по поводу многих позиций из перечня традиционных ценностей, актуализированных современным российским государством, и выделяемых молодежью в качестве приоритетных.

Так, например, актуально и убедительно образно звучит у Канта описание **свободы**: «Свобода размахивать руками заканчивается у кончика носа другого человека» [7, с. 221]. Тем самым напоминается важный аспект в понимании этой ценности, выделяемой большинством студентов в качестве обязательной и приоритетной: если ты ждешь личной свободы, то должен не забывать, что точно такая же свобода распространяется и на других субъектов коммуникации, других членов общества, будь то свобода слова, голоса, вероисповедания или иная, не зависимо от уровня культурного развития и морального потенциала этого носителя свободы. То есть требуя определенной свободы для себя, ты должен понимать, что точно такой же свободой будут обладать и другие. В этом случае легче понять отличие свободы от вседозволенности. Непосредственно со свободой связано понятие **ответственности**, актуальное как для философского определения личности в теме социальной философии и философском понимании сознания, так и для идеи гражданской солидарности в курсе о российской государственности. Идея нравственного категорического императива Канта прозвучит здесь как нельзя более актуально. Часто молодые люди не осознают свою солидарность к общественной жизни только потому, что не понимают, насколько сильно их влияние на других, насколько все созависимо в окружающем мире. «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [4]. По сути Кант предлагает проверять каждый свой поступок на всеобщность: готов ли ты к тому, что все будут поступать так, как ты. В этом случае твой поступок, пусть даже совсем, казалось бы, незначительный, будет видиться словно в увеличенном масштабе с концентрированным результатом. Это может помочь сориентироваться в необходимости и дозволенности предполагаемого поступка. Также кантовская идея позволяет осознать, что, поступая определенным образом, совершающий действие человек, задает прецедент, образец для поступков других людей, как бы разрешая им действовать таким же образом, быть может, уже в другой ситуации и, быть может, в отношении уже вас самих, задавших этот образец. Такой подход заставляет о многом задуматься, помогает сформировать, при наличии развитых трудолю-

бия и самодисциплины, ответственную личность, ответственного гражданина. Кант – яркий пример человека, который сделал себя сам. Такая формулировка очень привлекательна для современной молодежи. Идея саморазвития, ценность обретения самостоятельности, финансовой независимости импонирует студентам. Пример Канта в этом отношении может быть показательным: выходец из ремесленной среды (мать Иммануила, Анна Рейгера Рейтер, из семьи шорника, отец, Иоганн Георг Кант, был членом гильдии шорников) покорил академический мир, не имея высокого финансового старта, обрел своим кропотливым **трудом** материальную независимость, известность, превратился в современности в настоящий бренд целого города. Кант – человек-эпоха, человек-город, человек-идея. Жесточайшая самодисциплина, педантичность, известная всему городу, выработка полезных для труда и здоровья привычек заставляют относиться к этому человеку если не с восхищением, то с большим интересом. Созидательность идей и поступков были для Канта в приоритете.

Еще одна важная ценность, пронесенная Кантом через всю жизнь и актуализируемая в наши дни, это **семья**. Несмотря на то, что сам Иммануил Кант никогда не был женат и не оставил прямых потомков, ценность семьи представлял очень значительно. Именно благодаря поддержке со стороны семьи сформировалась внутренняя сила этого внешне маленького (Кант был очень невысокого роста, 157 см), но духовно высокого человека. Если мы читаем биографию философа, то узнаем, что он рано остался без матери, отец тоже ушел из жизни очень рано, семья была многодетной, но не все дети дожили до взрослого возраста, после смерти родителей помимо Иммануила остался младший брат Иоганн Генрих и три сестры, забота о которых легла на плечи старшего Иммануила, что значительно затруднило обучение в университете. Учебу пришлось прервать и заняться домашним учительством. Эти факты показывают, что не прост был жизненный путь философа, но жизненные проблемы не сломили его, а, скорее, наоборот, сделали крепче. Несмотря на трудности, он шел к своим целям – к знаниям, и не только к тем, которые уже были известны человечеству, Кант искал новых знаний, в поиске которых заглядывал во все новые и новые сферы научной деятельности. Отсюда такая энциклопедичность его знаний и интересов: теология, философия, физика, география и др. Но такое упорство в поисках и преодолении, нравственный фундамент сформировались под влиянием родителей и их отношений с окружающим миром. Об этом сам философ часто вспоминал. «Я никогда не забуду свою мать, поскольку она зачала и вырастила во мне первые ростки добра, она открыла моему сердцу красоту природы, она пробудила и развила мои поня-

тия, и ее наставления оказывали постоянное благотворное влияние на мою жизнь» [6]. Или о родителях: «Никогда, даже хоть бы раз мне не пришлось слышать от моих родителей что-либо неприличное или видеть что-либо недостойное» [6]. Семья, родители стали для Канта источником силы, нравственности, без которых мир не узнал бы великого Канта. Философ отмечал, что получил именно от родителей «образование, наилучшее с нравственной точки зрения» [6]. Так что у каждого человека, сделавшего себя, есть свой тыл, свой источник вдохновения и силы. Часто таким источником становится семья. Поэтому, когда возникают вопросы о том, что такое крепкая семья (декларируемая сегодня ценность), может ли считаться крепкой семья, в которой только один родитель, и сколько в ней должно быть детей и т.д., ответ напрашивается сам собой: крепость семьи определяется не по количеству домочадцев, крепкая семья та, которая формирует крепость духа и морали, становясь опорой и вдохновением, источником силы и мудрости, которые дети пронесут, преумножив, через всю свою жизнь.

Стоит обратить внимание и на отношение Канта к **деньгам**. Материальные ценности сегодня многими рассматриваются как приоритетные, в противовес традиционной ценности приоритета духовного над материальным. Кантовский взгляд на этот вопрос может помочь скорректировать это противоречие. Денежный вопрос был актуален для будущего философа, он знал цену деньгам. Родители не были богаты. Учебу в гимназии оплачивала пиетистская община, уважаемыми членами которой были родители Канта. Кант получал поддержку от дяди по матери – Рихтера, который платил за обучение и спонсировал выход его первого научного труда. Но вся эта помощь стала возможна при наличии правильных отношений семьи и окружающего ее общества. Своими взглядами на жизнь и поступками родители Канта сумели заслужить уважение в общине и передали эти нравственные принципы своим детям. Помощь от дяди стала результатом крепких семейных уз и понимания, что обучение будущего философа идет в правильном русле. И как свидетельствуют биографы, И. Кант не остался в долгу перед семьей, когда она нуждалась в его помощи и внимании. На долгое время отказался от учебы и карьеры, зарабатывая домашним учительством для поддержания сестер после смерти отца. Денежные отчисления для семьи Кант производил регулярно и будучи уже известным философом. Биографы не отмечают каких-то тесных связей между взрослыми сестрами и братьями в семье Канта, но моральный долг исполнялся неукоснительно. Когда Кант к концу жизни заболел, одна из сестер ухаживала за ним. Все это демонстрирует важную кантовскую мысль: деньги нужны для реализации морали, их ценность в возможности реализовывать не-

обходимое, как для себя, так и для других. А качественное осознание необходимого, понимание того, что для тебя действительно необходимо, делает человека богатым. «Дайте человеку все, чего он желает, и в ту же минуту он почувствует, что это все – не есть все» [7, с. 221]. Печальный исход такого положения – превращение жизни в беговую дорожку по реализации нескончаемых желаний. «Мы не богаты тем, чем обладаем, а тем, без чего мы можем обойтись» [7, с. 220]. Если мы не подменяем необходимое пустыми желаниями, то не тратим на их реализацию лишнего времени, денег, не растрачиваем ресурсы отношений и здоровья, сберегая силы на по-настоящему важное в жизни, становясь полноценнее, богаче и счастливее. Понимание **счастья** у Канта также стоит внимания. «Быть счастливым – это необходимое желание каждого разумного, но конечного существа и, следовательно, неизбежное определяющее основание его способности желания» [7, с. 198]. И далее важная мысль, сочетающая понятие счастья и кантовскую этику: «Мораль – есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья» [7, с. 224]. По сути, счастье человека заключается в осознании необходимости, долга и морали. И здесь представляется уместным закольцевать тематику данной статьи, вновь обратившись к «русскости» Канта, указав на близость его идей с русской философией и силу влияния на нее. Для этого достаточно будет привести для сопоставления цитату Владимира Сергеевича Соловьева: «Чужая совесть нам неизвестна, и чужие дела не в нашей власти. Не в нашей власти, чтобы другие хорошо относились к нам, но в нашей власти быть достойными такого отношения. И думать нам должно не о том, что скажут нам другие, а о том, что мы скажем миру» [9]. Быть достойным счастья, достойным уважения, достоинство свободы, долга и морального богатства... Достоинство – вот то, что старался пронести великий Кант через всю свою жизнь и о чем вновь и вновь заставляет задумываться и русская философия. В качестве задания можно предложить студентам подобрать цитаты русских философов и литераторов, отражающие сходные идеи.

Заключение

В завершение размышлений о знаменитом философе еще раз следует акцентировать внимание на том, что эта статья не предполагала анализа философских идей И. Канта или представления его биографии. Как следует из вводной части, достойных работ, этому посвященных, достаточно количество. Целью данной работы был социально-философский анализ возможностей и вариантов подготовки современных студентов, изучающих курс философии в вузе, к восприятию глубоких

философских идей путем знакомства с их автором, представленным через категорию сближения. Как показало наше исследование, такой подход представляется вполне обоснованным и подкрепляется философским и биографическим материалом из жизни великого немецкого философа, который, не уезжая из родного города, дважды побывал в России и остался в ней навсегда: на российской земле, в российской культуре, в русских умах и сердцах.

Литература

1. Асмус, Валентин Фердинандович. Иммануил / В.Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 2005. – 438 с.
2. Гулыга, Арсений Владимирович. Кант / Арсений Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 278 с.
3. Калинин, Леонард Александрович. Кант в русской философской культуре: Монография. – Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2005. – 311 с.
4. Кант, Иммануил. Критика практического разума / Иммануил Кант; [пер. с нем. Н. Соколова]. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 256 с.
5. Кант, Иммануил. Критика чистого разума / Иммануил Кант; [пер. с нем. Н. Лосского]. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 784 с.
6. Кант, Иммануил. Основы метафизики нравственности / Иммануил Кант; [пер. с нем. Б. Фохта, Н. Соколова]. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 384 с.
7. Кант, Иммануил. Размышления на каждый день. «Имей мужество пользоваться собственным умом» / И. Кант. – М.: Родина, 2024. – 240 с.
8. Круглов, Алексей Николаевич. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе / А.Н. Круглов. – М.: Издательство «Канон+», 2012. – 479 с.
9. Соловьев, Владимир Сергеевич. Три речи в память Достоевского. – URL: <https://ilibrary.ru/text/63/p.4/index.html?ysclid=mpb7l8bqv258623503>
10. Стретерн, Пол. Кант за 90 минут / Пол Стретерн; [пер. с англ. С. Зубкова]. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 88 с.

GERMAN PHILOSOPHER IMMANUEL KANT AND CONTEMPORARY RUSSIAN YOUTH: POINTS OF CONTACT AND UNDERSTANDING (A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Kuznetsova M.F.

Siberian Federal University

This article is not about Immanuel Kant's philosophical ideas themselves, but rather about how to prepare modern students to perceive them, how to engage young people in philosophy through the author's personality, and how to make philosophy more understandable without oversimplifying ideas. The article offers a methodological approach to making the thinker a bit more «one of our own», creating motivation for focused work with the author's philosophical views. The study explores possible points of contact between Kantian themes and the cultural needs of modern youth through moments of spatial, temporal, and value convergence. In this vein, the following topics are examined: Kant and Russia, Kant in the information field, Kant and values (freedom, responsibility, work, family, money, happiness). Methodological elements for the possible use of this material in university lectures and seminars in the course «Philosophy», as well as in certain topics of the course «Fundamentals of Russian Statehood», are presented.

Keywords: Immanuel Kant, philosophy course, youth, values, understanding, methodological techniques.

References

1. Asmus, Valentin Ferdinandovich. Immanuel / V.F. Asmus. – Moscow: Vysshaya shkola, 2005. – 438 p.
2. Gulyga, Arseny Vladimirovich. Kant / Arseny Gulyga. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2005. – 278 p.
3. Kalinnikov, Leonard Aleksandrovich. Kant in Russian Philosophical Culture: Monograph. – Kaliningrad: Publishing House of RSU im. I. Kant, 2005. – 311 p.
4. Kant, Immanuel. Critique of Practical Reason / Immanuel Kant; [translated from German by N. Sokolova]. – Moscow: AST Publishing House, 2025. – 256 p.
5. Kant, Immanuel. Critique of Pure Reason / Immanuel Kant; [translated from German by N. Lossky]. – Moscow: AST Publishing House, 2025. – 784 p.
6. Kant, Immanuel. Foundations of the Metaphysics of Morality / Immanuel Kant; [translated from German by B. Fochta, N. Sokolova]. – Moscow: AST Publishing House, 2025. – 384 p.
7. Kant, Immanuel. Daily Thoughts. «Have the Courage to Use Your Own Reason» / I. Kant. – Moscow: Rodina, 2024. – 240 p.
8. Kruglov, Aleksey Nikolaevich. Kant and Kantian Philosophy in Russian Fiction / A.N. Kruglov. – Moscow: Canon+ Publishing House, 2012. – 479 p.
9. Soloviev, Vladimir Sergeevich. Three Speeches in Memory of Dostoevsky. – URL: <https://ilibrary.ru/text/63/p.4/index.html?ysclid=mpb7l8bqv258623503>
10. Strathern, Paul. Kant in 90 Minutes / Paul Strathern; [translated from English by S. Zubkov]. – Moscow: Astrel: AST, 2005. – 88 p.

BI-системы в наукометрии: от понимания к производству знания

Кукель Виктор Евгеньевич,

ассистент, специалист Научно-образовательного центра
«История науки и техники» Высшей школы социальных
наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого
E-mail: lac.kenon@gmail.com

Луговской Даниил Михайлович,

студент Северо-Западного института управления Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации
E-mail: daniel.cooper848@gmail.com

В статье рассматривается проблема применения систем Business Intelligence (BI) в области наукометрии. Анализируется философское основание этого процесса: переход от познания как осмысления к производству знания как управляемой и измеримой деятельности. Прослеживается эволюция понятия BI от «понимания связей между фактами» (Х.П. Лун, 1958) к инструменту принятия бизнес-решений (Х. Дреснер, 1989) и далее к средству управления научной результативностью. На материале развития наукометрии от работ Ю. Гарфилда и Д. Прайса до современных аналитических платформ (SciVal, InCites, Dimensions) показано, как BI-логика проникает в организацию науки, превращая наукометрические показатели в инструмент администрирования. Делается вывод о том, что BI-системы в наукометрии являются не нейтральным техническим решением, а проявлением определенной модели отношения к знанию.

Ключевые слова: Business Intelligence, наукометрия, библиометрия, производство знания, Science Citation Index, SciVal, InCites, понимание, эффективность науки.

Введение

На протяжении XX–XXI вв. в организации науки произошли институциональные изменения, касающиеся, например, возникновения наукометрии или переформатирования политики финансирования научных исследований. Вместе с тем в науковедении обращается внимание на трансформацию понимания ценности научного познания – все большее предпочтение в сторону результативности, эффективности, воспроизводимости, т.е. в сторону производства знания. Поиск же знания как самоценный процесс вступает в «конфликт» с таким производством.

«Франкфуртцы» – представители критической школы индустриального общества указывали на: инструментализацию разума свойственную для Просвещения [1], где рациональное мышление становится производителем мифов, сосредотачиваясь на принципах эффективности и целесообразности (как в мифе жертва приравнивается к гневу богов, так в науке различные качественные явления сводятся к единому количественному закону (например, закон сохранения энергии) [2]); технологическую рациональность [3], которая уничтожает измерение возможного и утопического в критическом мышлении; социальное инструментальное действие, критериями успеха которого являются правильность и эффективность [4]. Еще один пример – уже постмодернистский – Ж.-Ф. Лиотар, чей принцип перформативности, призванный вырабатывать «прагматику аргументации, приведения доказательств, передачи известного, обучения воображению» [5, с. 149], сегодня выступает в качестве критерия узаконивания знания в социальной сфере и в понимании научного познания. Или в пример уже более современная традиция, выстроенная Й. Хакингом (эпистемология перформативности), повествующая о looping effect, т.е. перформативности, где научная классификация и предсказания не «измеряют» реальность, а изменяют ее – сами же сотворяют изучаемые явления [6]. Такой набор авторов и их концепций повествует о фокусе исследований науки на доминировании процедурно-нормативного элемента рациональности.

С другой стороны, М. Мамардашвили полагает: оптика научного познания сменилась с установки «мир данный заранее» (классический идеал рациональности) на «мир данный субъекту» (неклассический идеал рациональности) [7]. Отсюда, как считает Мамардашвили, и возникновение новых

дисциплинарных форматов (акцентирующих роль субъекта при познании, а также на условия субъективации): квантовая физика, психоанализ, феноменология и ряд других дисциплинарных областей [7, с. 9, 11]. Еще можно вспомнить о теории рациональности В.С. Степина, где в типологии выделяется классическая (субъектность не имеет значения при познании), неклассическая (субъектность включена в процессы познания в качестве средства наблюдения или измерения), постнеклассическая (ценностно-целевые установки субъекта являются ключевыми в процессах познания) рациональности [8, с. 249–295].

Таким образом, закономерно и адекватно в центре внимания исследований науки оказываются процедурно-нормативное и ценностное измерения познания. Важным при этом является исследование изменений самой оптики научного видения. Результаты же исследований науки в данной траектории могут отличаться в зависимости от методов и подходов, от философской традиции. Поэтому во введении к данному сообщению мы хотели бы сформулировать следующие рамки... Во-первых, на наш взгляд, тема познания и производства знания требует развития эпистемологического сюжета. Концепцию природы познания мы берем из работы С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского «Природа понимания в философии» (1985). Работа представляется нами емкой и содержательной в обозначенных вопросах. Во-вторых, чтобы сформулировать собственное исследовательское представление о развитии научного знания в XX–XXI вв., мы используем материал исследований моделей Business Intelligence, раскрывая то, как BI-подходы могли бы применяться относительно научных институтов. Мы полагаем, что данный иллюстративный материал является адекватным применительно выбранной проблематики, поскольку рассмотрение развития науки в XX в. не может быть изолировано от капиталистического контекста. Business Intelligence относится к сфере экономической в капитализме, следовательно направлено на развитие и улучшение производственных процессов. Применение Business Intelligence в научной институции может оказать влияние на развитие производственной модели «внутри» научной институции. А поскольку одной из основных целей науки является познание, то и природа познания может быть подвержена переосмыслению в ходе институциональных трансформаций.

Если для отдельного ученого познание остается самоценной ценностью, то институт науки в XX–XXI вв. все больше сосредотачивается на производстве знания – то есть на результативности, измеримости и воспроизводимости. Речь идет не о коммерческом успехе исследования, а о том, что сама модель результативности, заимствованная из бизнес-практик, становится универсальной рамкой организации научной деятельно-

сти: успешна не та наука, которая стремится к знанию, а та, где есть измеримые результаты. Этот «бизнес-импульс» проявляется в системе грантов, университетских рейтингах и наукометрических показателях, а его технологическим воплощением стало «проникновение» систем Business Intelligence (BI) в область наукометрии. Изначально созданные для бизнес-аналитики, BI-системы сегодня используются для управления научной результативностью – бенчмаркинга университетов, оценки публикационной активности, построения рейтингов. Цель настоящей статьи – проследить, как связаны два процесса: ценностное перераспределение от познания к производству знания и технологический переход от наукометрии как инструмента навигации по знанию к наукометрии как BI-системе управления научной эффективностью. Наша гипотеза заключается в том, что внедрение BI-систем в научные институты не просто меняет способы оценки знания, но и перестраивает само познание, уменьшая его роль как автономного поиска истины в пользу операциональной эффективности и управленческой отчетности.

Познание и производство знания: два модуса науки

В указанной уже ранее работе С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского «Проблема понимания в философии», на наш взгляд, можно «разглядеть» операциональное разделение между познанием и производством знания (хоть оно и не эксплицировано в качестве самостоятельной дихотомии). Познание – не есть «навигация» по знанию или накоплению информации, а есть форма духовно-практического освоения действительности, которую нельзя свести к простому накоплению сведений [9]. Динамика познания рассматривается ими как переход от незнания к знанию и далее к пониманию, то есть к осмыслению имеющихся сведений о мире. Понимание предполагает выявление связей между явлениями, установление контекста, соотнесение нового знания с уже имеющимся опытом.

Понимание, согласно логике авторов, и выступает тем самым механизмом «осмысления», который выводит познание за рамки простой процедурной фиксации данных. Последнее требует выявления релевантных связей между изолированными прежде явлениями, поэтому оно неизбежно предполагает установление контекстуальных границ [там же]. Вместе с тем динамика познания закономерно перестает быть линейным накоплением (производством знания), «превращаясь» в процедуру ценностного перераспределения между уже познанным и познаваемым. Иначе говоря, познание становится «состоятельным», когда знание перестает быть внешним объектом и становится внутренним осмысленным отношением. Отсюда – ключевой тезис, который мы фор-

мируем (отталкиваясь от работы Гусева и Тульчинского): понимание есть завершение познавательной работы, именно понимание переформатирует разрозненные сведения в целостную картину. Без «завершения» понимания, т.е. без осознания и формулирования целостной картины тенденции научной деятельности формулируются «вокруг» производства знания.

Именно в таком смысле Х.П. Лун в 1958 году определил Business Intelligence как «возможность понимания взаимосвязей между представленными фактами» [10]. Это определение фиксирует BI не как инструмент управления, а как способ осмысления: данные собираются для того, чтобы понять ситуацию. Однако к концу 1980-х годов Х. Дреснер переопределяет BI как «концепции и методы для улучшения принятия бизнес-решений с использованием систем на основе бизнес-данных» [11]. Между этими двумя определениями произошел принципиальный сдвиг: от понимания к действию, от осмысления к оптимизации.

Аналогичный процесс происходит и в науке. В.В. Налимов в монографии «Наукометрия» (1969) рассматривал науку как информационный процесс, подлежащий количественному изучению [12]. При этом количественные методы мыслились как средство понимания закономерностей развития науки: анализ кривых роста публикаций, структуры цитирования, формирования «незримых коллективов». Д. Прайс в работе «Малая наука, большая наука» (1963) показал, что наука перешла от разрозненных усилий отдельных ученых к управляемой профессиональной деятельности, став «большой наукой» [13]. Однако ни Налимов, ни Прайс не предполагали, что количественные показатели станут не средством понимания науки, а инструментом ее администрирования.

Переход от познания к производству знания можно охарактеризовать следующим образом: если познание ориентировано на понимание (выявление связей, осмысление контекста), то производство знания ориентировано на результат (публикации, цитирования, индексы). Например, как отмечает М.И. Микешин, современная «технонаука» формулирует принципы написания научного текста, подчиняя ритуализованному позитивистскому языку с фиксированными разделами, что превращает исследователя в «беспристрастного наблюдателя, заполняющего фактически «бланки отчетности»» [Микешин, 2024, с. 30]. BI-системы в наукометрии — это продолжение той же логики: дашборд становится мета-бланком, в который сводится результативность уже не одного текста, а целого института.

Business Intelligence: от понимания связей к управлению результатом

Эволюция понятия Business Intelligence наглядно демонстрирует описанный выше переход. Опреде-

ление Луна 1958 г. принадлежит эпохе, когда обработка данных мыслилась прежде всего как задача интеллектуальная: задача понимания [10]. К 1960-м гг. возникают первые системы поддержки принятия решений (Decision Support Systems), а к концу 1980-х BI окончательно оформляется как бизнес-практика, ориентированная на повышение эффективности управленческих решений [11].

Современные BI-системы представляют собой комплексные платформы, включающие сбор данных из различных источников, их интеграцию в хранилище данных (data warehouse), визуализацию через интерактивные дашборды и аналитические отчеты [15]. Ключевыми функциями являются drill-down (детализация данных), бенчмаркинг (сравнительный анализ), выявление трендов и формирование KPI (ключевых показателей эффективности). Среди наиболее распространенных платформ можно назвать Microsoft Power BI, Tableau, SAP BusinessObjects, Qlik Sense.

Существенно, что BI-системы изначально не создают нового знания. Они агрегируют, визуализируют и структурируют уже имеющиеся данные для принятия решений. Можно сказать, что BI работает на уровне перехода от данных к знанию, но не достигает уровня понимания — производство знания происходит, а осмысление полученного знания нет, т.е. не происходит познания. BI отвечает на вопрос «что происходит?» и «что делать?», но не на вопрос «почему это происходит?» в глубинном, содержательном смысле.

Именно эта особенность BI-систем становится значимой при их переносе в область наукометрии. Наука, которая измеряет себя инструментами, созданными для бизнеса, неизбежно начинает оценивать себя в категориях бизнеса: результативность, эффективность, производительность.

Наукометрия: наука, измеряющая науку

Наукометрия как самостоятельная дисциплина сформировалась в середине XX века, хотя ее предпосылки восходят к XIX в. Ф. Гальтон и А. Декандоль уже в 1870-е годы исследовали статистические закономерности научной деятельности: рост числа публикаций, университетов и ученых [16]. Однако систематический подход к измерению науки возник лишь в период после Второй мировой войны, когда наука стала объектом государственного управления и крупного финансирования.

Ключевой фигурой в становлении наукометрии является Юджин Гарфилд. В 1955 году он опубликовал статью, в которой предложил использовать цитирование научных работ как инструмент навигации по научной литературе [17]. В 1960 году Гарфилд основал Institute for Scientific Information (ISI) в Филадельфии, а в 1964 году выпустил первый Science Citation Index (SCI) [18]. Принципиально важно, что SCI задумывался как средство понима-

ния структуры науки: через анализ цитирований можно было проследить, как распространяются идеи, какие работы оказывают наибольшее влияние, как формируются исследовательские направления.

Параллельно Д. Прайс в работе «Малая наука, большая наука» (1963) предложил количественный взгляд на историю науки, разделив ее на два периода: «малую науку» разрозненных усилий отдельных исследователей и «большую науку» как управляемую профессиональную деятельность [13]. Книга Прайса заложила основу для понимания науки как системы, поддающейся статистическому описанию.

В.В. Налимов и З.М. Мульченко в 1969 году опубликовали монографию «Наукометрия: изучение развития науки как информационного процесса», которая стала первой в мире систематической работой по данной теме и ввела в оборот сам термин «наукометрия» [12]. Налимов рассматривал науку как самоорганизующуюся систему, развитие которой управляется информационными потоками. Количественные методы понимались им как способ выявления закономерностей этих потоков, а не как средство оценки результативности отдельных ученых.

Однако уже в 1970-е годы происходит сдвиг. ISI начинает публиковать Journal Citation Reports, включающие импакт-фактор журналов, который изначально был создан для отбора журналов в индекс, но постепенно превратился в меру «качества» научного издания [18]. К 2005 году Х. Хирш предлагает h-индекс как показатель индивидуальной продуктивности ученого [19]. Наукометрические показатели, задуманные как инструмент навигации и понимания, становятся критериями оценки, финансирования и карьерного продвижения. Как отмечают О.В. Москалева и М.А. Акоев, наукометрия воспринимается многими российскими учеными как инструмент, «внедряемый администраторами от науки» [16].

BI-системы в наукометрии: точка схождения

Проникновение BI-инструментов в наукометрию началось в конце 2000-х годов и связано с деятельностью крупных издательских корпораций. В 2009 году компания Elsevier запустила платформу SciVal Spotlight, построенную на основе данных цитатной базы Scopus [20]. В 2014 году SciVal был обновлен до полноценной аналитической платформы нового поколения, предоставляющей возможности бенчмаркинга, анализа коллабораций, выявления трендов и построения отчетов для более чем 22 000 исследовательских организаций из 230 стран [там же]. В том же 2014 году Thomson Reuters (впоследствии Clarivate) запустил платформу InCites, объединившую Journal Citation Reports и Essential Science Indicators в единую аналитическую среду на основе

данных Web of Science [21]. В 2018 году компания Digital Science представила платформу Dimensions, которая объединила цитатную базу данных и аналитический инструмент в единый продукт, дополнив данные о публикациях информацией о грантах, патентах и клинических испытаниях [22].

Все три платформы по своей архитектуре являются классическими BI-системами. Они реализуют стандартные функции бизнес-аналитики: агрегацию данных из различных источников, построение интерактивных дашбордов, drill-down (детализацию), бенчмаркинг, визуализацию трендов и формирование KPI. Различие состоит лишь в предметной области: вместо продаж, выручки и конверсии эти платформы оперируют публикациями, цитированиями, индексами Хирша и импакт-факторами.

Показательно, что основными потребителями этих систем являются не сами ученые, а администраторы науки: проректоры по науке, исследовательские офисы университетов, грантовые фонды [15]. SciVal, InCites и Dimensions используются для принятия решений о финансировании, оценки результативности подразделений, формирования стратегий развития. Это означает, что наукометрические данные функционируют в логике управления, а не познания. Как подчеркивает А.Ю. Антоновский, в современной науке «решения все чаще легитимируются ссылкой на «объективные алгоритмы вычисления научных репутаций»», а содержательная критика, чтобы «сработать», должна пройти платформенную переработку и «превратиться в показатель» [23, с. 85–87].

Параллельно развиваются и открытые инструменты наукометрического анализа. Пакет bibliometrix для языка R, разработанный М. Ариа и К. Куккурулло, предоставляет инструменты для количественных исследований в библиометрии и наукометрии [24]. Программа VOSviewer, созданная в Лейденском университете, позволяет строить сетевые карты науки на основе коцитирования и соавторства. Однако и эти инструменты все чаще используются не для понимания структуры знания, а для отчетности и оценки.

Обсуждение: что значит BI-организация науки

Анализ соотношения BI-систем и наукометрии позволяет увидеть замкнутый цикл. BI, рожденный из идеи «понимания связей между фактами» (определение Луна, 1958), через трансформацию в инструмент управления (определение Дреснера, 1989) возвращается в науку, но уже не как средство понимания, а как средство контроля производства знания. Наукометрия, вооруженная BI, не помогает ученому понять структуру научного знания в своей области. Она помогает администратору оценить результативность ученого, сравнить университеты, распределить финансирование. Это именно тот переход от познания к производству, который

был зафиксирован в начале статьи. Наука начинает управляться теми же инструментами, что и бизнес: дашбордами, рейтингами, метриками результативности. При этом наукометрические KPI обладают теми же ограничениями, что и бизнес-KPI: они неизбежно упрощают реальность, подменяя содержательную оценку формальной. Импакт-фактор журнала не измеряет качество отдельной статьи. Индекс Хирша не различает рядовую публикацию и прорывную работу. Количество цитирований зависит от размера научного сообщества в данной области, а не только от значимости работы [15, 16]. Применение этих показателей в качестве критериев оценки порождает хорошо известные эффекты: «публикуй или погибай» (*publish or perish*), салями-публикации, манипуляции с самоцитированием, ориентацию на «модные» темы в ущерб фундаментальным исследованиям. Применение наукометрических KPI порождает эффект, схожий с тем, который Т.В. Хамдамов и М.Ю. Волошин описывают для компьютерных симуляций: «эпистемическую непрозрачность» [25 с. 158]. Пользователь ВІ-системы (администратор, проректор) видит итоговый показатель, но не может перепроверить, как именно алгоритм учел самоцитирование, взвесил вклад соавторов или скорректировал по полю. Тем не менее, именно этот непрозрачный расчет ложится в основу решений о финансировании и карьерном продвижении.

Вместе с тем было бы неверно рассматривать ВІ-системы в наукометрии исключительно как инструмент подавления. Задача состоит не в отказе от количественных методов, а в осознании того, что они выполняют функцию управления, а не понимания. ВІ-система может показать, что публикационная активность подразделения снизилась, но не может объяснить, связано ли это с потерей научного потенциала или с переходом к долгосрочным фундаментальным проектам. Для ответа на второй вопрос необходимо понимание, а не аналитика.

Заключение

В настоящей статье мы проследили связь между двумя процессами: ценностное перераспределение от познания к производству знания и технологический переход от наукометрии как инструмента навигации по знанию к наукометрии как ВІ-системе управления научной эффективностью. Показано, что определение ВІ прошло путь от «понимания связей между фактами» (Лун, 1958) к «методам улучшения принятия бизнес-решений» (Дреснер, 1989), зафиксировав сдвиг от осмысления к управлению. Аналогичный сдвиг произошел и в наукометрии: от инструмента навигации по научному знанию (Гарфилд, Халимов, Прайс) к инструменту оценки эффективности (*SciVal*, *InCites*, *Dimensions*). Современные наукометрические платформы по архитек-

туре и функциональности являются ВІ-системами, применяющими к научной деятельности ту же логику, которая была разработана для управления бизнес-процессами. Наука, измеряемая в категориях KPI, дашбордов и бенчмаркинга, неизбежно воспроизводит модель производства знания, где главным критерием становится не глубина понимания, а измеримый результат.

Осознание этого обстоятельства не требует отказа от наукометрии или ВІ-инструментов, но требует критической рефлексии: какие вопросы эти системы способны решать, а какие нет. ВІ-системы эффективны для описания, сравнения и мониторинга. Но задача понимания, на которую когда-то претендовал ВІ, остается за пределами их возможностей и по-прежнему требует содержательной научной работы.

Таким образом, осознание обозначенного обстоятельства не требует, на наш взгляд, отказа от наукометрии или ВІ-инструментов как таковых. Однако оно с необходимостью предполагает и предлагает читателю развернутую критическую рефлексии, направленную на демаркацию: какие именно вопросы – из областей «описания», «сравнения» и «мониторинга» – данные системы способны решать с высокой процедурной эффективностью, а какие – прежде всего, задача понимания как установления смысловых связей и ценностного перераспределения – принципиально остаются за пределами их операциональной компетенции. ВІ-системы, взятые в их современной архитектурной конфигурации (*SciVal*, *InCites*, *Dimensions*), демонстрируют, согласно сложившемуся в науковедении консенсусу, высокую результативность именно в операциях первого типа – иначе говоря, в описании публикационной продуктивности, сравнительном бенчмаркинге исследовательских коллективов и мониторинге динамики цитируемости. Вместе с тем, задача понимания, – та самая, на которую ВІ-модели «претендовали» еще на ранних этапах своего развития – закономерно остается для этих систем недоступной.

Познание не может быть изолирована от содержательной научной работы и без контекстуального осознания. Критическая рефлексия не должна перерастать в призыв к как бы «деинструментализации» науки. Инструменты описания, сравнения и мониторинга эффективны там, где не требуется глубина осмысления, но как только возникают вопросы о связях, контексте и новизне (а значит, о понимании), их место неизбежно и с необходимостью занимает содержательная научная работа.

Абсолютизация процедурной эффективности, которую мы выделили как характерную особенность для современных наукометрических платформ (*SciVal*, *InCites*, *Dimensions*), может приводить к ряду последствий. Во-первых, к абстрактному рационализму, где содержательная глубина вытесняется формальной измеримостью. Во-вто-

рых, к моральному нейтрализму, поскольку сама оптика научного видения перестает различать осмысленное и бессмысленное, фиксируя лишь цитируемость и продуктивность. А в пределе, – к освобождению субъекта от ответственности за последствия собственных действий, – эффект, возникающий, когда исследователь выступает лишь исполнителем «рациональной программы» (а не носителем понимания), и, следовательно, может легитимно переложить любой ценностный выбор на безличную процедуру [26, с. 94–96].

Однако осознание ограниченности такого «алгоритмического формата» – того самого, который редуцирует познание к производству знания, а понимание – к мониторингу и бенчмаркингу, – открывает, с другой стороны, иную перспективу: ему можно и должно противопоставить понимание рациональности как жизненной компетентности, – способности принимать осмысленные решения (то есть решения, укорененные в контекстуальных связях и предшествующем опыте) и нести за них ответственность, не апеллируя к требованиям рациональной программы. Такая компетентность предполагает, на наш взгляд, не растворение человека в безличной процедурно-нормативной рамке, а его активное присутствие в качестве носителя ответственности. Здесь обнаруживается ценность гуманитарного знания: культура аргументации, признание права оппонента на собственную позицию, необходимость рационального обоснования и демонстрация возможных последствий принимаемых решений.

Литература

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 314 с.
2. Berezovskaya, I. The Tragedy of the Instrumental Mind: From the «Tyranny of It» to the Project of «Humanizing» Technology / I. Berezovskaya // *Technology and Language*. 2025. Vol. 6, № 4(21). P. 124–138. DOI 10.48417/technolang.2025.04.08.
3. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Refl-book, 1994. 368 с.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 381 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Hacking I. The Social Construction of What? [Electronic resource]. Available at: <https://larvalsubjects.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/01/hacking-the-social-construction-of-what2.pdf> (accessed: 29.04.2026).
7. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеал рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
8. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // *Постнеклассика: философия, наука, культура*. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295. URL: https://iphrrs.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения: 02.05.2026).
9. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
10. Luhn H.P. A Business Intelligence System // *IBM Journal of Research and Development*. 1958. Vol. 2, № 4. P. 314–319.
11. Power D.J. A Brief History of Decision Support Systems // *DSSResources.com*. 2007. URL: <https://dssresources.com/history/dsshhistory.html> (дата обращения: 01.04.2026).
12. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия: изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969. 192 с.
13. Прайс Д. Малая наука, большая наука // *Наука о науке: сб. статей / пер. с англ.* М.: Прогресс, 1966. С. 281–384.
14. Микешин М.И. «Полевые» работы эпистемолога технонауки // *Эпистемология и философия науки*. 2024. Т. 61, № 4. С. 25–35. DOI: 10.5840/eps202461453.
15. Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: монография / под ред. М.А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с.
16. Москалева О.В., Акоев М.А. Наукометрия: немного истории и современные российские реалии // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. Т. 1, № 1. С. 135–148.
17. Garfield E. Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation through Association of Ideas // *Science*. 1955. Vol. 122, № 3159. P. 108–111.
18. Garfield E. Science Citation Index // *Science Citation Index* 1961. 1963. Vol. 1. P. 5–14.
19. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102, № 46. P. 16569–16572.
20. Elsevier Launches the New Generation SciVal // Elsevier Press Release. 2014. January 7. URL: <https://www.elsevier.com/about/press-releases> (дата обращения: 01.04.2026).
21. InCites Benchmarking & Analytics // Clarivate. URL: <https://clarivate.com/academia-government/scientific-and-academic-research/research-funding-analytics/incites-benchmarking-analytics/> (дата обращения: 01.04.2026).
22. Hook D.W., Porter S.J., Herzog C. Dimensions: Building Context for Search and Evaluation // *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2018. Vol. 3. Article 23.
23. Антоновский А.Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функ-

ции // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. С. 75–93. DOI: 10.5840/eps202360226.

24. Aria M., Cuccurullo C. bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis // Journal of Informetrics. 2017. Vol. 11, № 4. P. 959–975.
25. Хамдамов Т.В., Волошин М.Ю. Концептуализация компьютерных симуляций в философии науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 2. С. 151–169. DOI: 10.5840/eps202158234.
26. Тульчинский Г.Л. Рациональность: насилие или жизненная компетентность? // Человек.ru: гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУ-ЭУ, 2005. № 1. С. 94–96.

BI-SYSTEMS IN SCIENTOMETRY: FROM UNDERSTANDING TO KNOWLEDGE PRODUCTION

Kukel V.E., Lugovskoy D.M.

St. Petersburg Peter the Great Polytechnic University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the problem of using Business Intelligence (BI) systems in the field of scientometry. The philosophical basis of this process is analyzed: the transition from cognition as comprehension to the production of knowledge as a manageable and measurable activity. The evolution of the concept of BI is traced from «understanding the connections between facts» (H.P. Lung, 1958) to a business decision-making tool (H. Dresner, 1989) and further on to the scientific performance management tool. Based on the development of scientometry from the works of Yu. Garfield and D. The price list up to modern analytical platforms (Scale, InCites, Dimensions) shows how BI-logic penetrates into the organization of science, turning scientometric indicators into an administrative tool. It is concluded that BI-systems in scientometry are not a neutral technical solution, but a manifestation of a certain model of attitude to knowledge.

Keywords: Business Intelligence, scientometry, bibliometry, knowledge production, Science Citation Index, SciVal, InCites, understanding, science effectiveness.

References

1. Horkheimer, M., and Adorno, T. The Dialectic of Enlightenment. Moscow, St. Petersburg: Medium, Juventus, 1997. 314 p.
2. Berezovskaya, I. The Tragedy of the Instrumental Mind: From the «Tyranny of It» to the Project of «Humanizing» Technology / I. Berezovskaya // Technology and Language. 2025. Vol. 6, № 4(21). P. 124–138. DOI 10.48417/technolang.2025.04.08.
3. Marcuse, G. One-Dimensional Man. Moscow: Refl-book, 1994. 368 p.
4. Habermas, J. Moral Consciousness and Communicative Action. St. Petersburg: Nauka, 2001. 381 p.
5. Lyotard J.-F. The State of Postmodernism. Moscow: Aletheia, 1998. 160 p.
6. Hacking I. The Social Construction of What? [Electronic resource]. Available at: <https://larvalsubjects.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/01/hacking-the-social-construction-of-what2.pdf> (accessed: 29.04.2026).
7. Mamardashvili M. The Classical and Non-Classical Ideal of Rationality. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2010. 288 p.
8. Stepin V.S. Classics, Non-Classics, Post-Non-Classics: Criteria of Difference // Post-Non-Classics: Philosophy, Science, Culture. St. Petersburg.: Izdatel'skiy dom «Mir», 2009. Pp. 249–295. URL: https://iphras.ru/upfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (date of access: 02.05.2026).
9. Gusev S.S., Tulchinsky G.L. The problem of understanding in philosophy: a philosophical and epistemological analysis. Moscow: Politizdat, 1985. 192 p.
10. Luhn H.P. A Business Intelligence System // IBM Journal of Research and Development. 1958. Vol. 2, № 4. Pp. 314–319.
11. Power D.J. A Brief History of Decision Support Systems // DSS-Resources.com. 2007. URL: <https://dssresources.com/history/dsshistory.html> (date accessed: 01.04.2026).
12. Nalimov V.V., Mulchenko Z.M. Scientometrics: Studying the Development of Science as an Information Process. Moscow: Nauka, 1969. 192 p.
13. Price D. Small Science, Big Science // Science about Science: Collection of Articles / translated from English. Moscow: Progress, 1966. pp. 281–384.
14. Mikesin M.I. «Fieldworks of an Epistemologist of Technoscience» // Epistemology and Philosophy of Science. 2024. Vol. 61, № 4. pp. 25–35. DOI: 10.5840/eps202461453.
15. Akoev M.A., Markusova V.A., Moskaleva O.V., Pisyakov V.V. Handbook of Scientometrics: Indicators of Science and Technology Development: Monograph / edited by M.A. Akoev. Ekaterinburg: Ural University Press, 2014. 250 p.
16. Moskaleva O.V., Akoev M.A. Scientometrics: A Little History and Modern Russian Realities // Science Management: Theory and Practice. 2019. Vol. 1, № 1. pp. 135–148.
17. Garfield E. Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation through Association of Ideas // Science. 1955. Vol. 122, № 3159. P. 108–111.
18. Garfield E. Science Citation Index // Science Citation Index 1961. 1963. Vol. 1. P. 5–14.
19. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102, № 46. P. 16569–16572.
20. Elsevier Launches the New Generation SciVal // Elsevier Press Release. 2014. January 7. URL: <https://www.elsevier.com/about/press-releases> (access date: 04/01/2026).
21. InCites Benchmarking & Analytics // Clarivate. URL: <https://clarivate.com/academia-government/scientific-and-academic-research/research-funding-analytics/incites-benchmarking-analytics/> (Accessed: 01.04.2026).
22. Hook D.W., Porter S.J., Herzog C. Dimensions: Building Context for Search and Evaluation // Frontiers in Research Metrics and Analytics. 2018. Vol. 3. Article 23.
23. Antonovsky A. Yu. Why does science need losers? On the overproduction of scientific knowledge and its functions // Epistemology and Philosophy of Science. 2023. Vol. 60, № 2. pp. 75–93. DOI: 10.5840/eps202360226.
24. Aria M., Cuccurullo C. Bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis // Journal of Informetrics. 2017. Vol. 11, № 4. P. 959–975.
25. Khamdamov T.V., Voloshin M. Yu. Conceptualization of Computer Simulations in the Philosophy of Science // Epistemology and Philosophy of Science. 2021. Vol. 58, № 2. P. 151–169. DOI: 10.5840/eps202158234.
26. Tulchinsky G.L. Rationality: Violence or Life Competence? // Chelovek.ru: Humanitarian Almanac. Novosibirsk: NSUEM, 2005. № 1. P. 94–96.

Культурологические детерминанты формирования креативного пространства города

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье рассматриваются культурные факторы формирования креативного городского пространства в постиндустриальную эпоху. Показано, что символическое производство, коллективная память, культурные коды, ритуальные практики и аффективные режимы влияют на трансформацию городской среды и творческую субъектность жителей. Анализируются идеи Ж. Рансьера, П. Бурдьё, М. Хальбвакса, П. Нора, Н. Трифты и других исследователей. Отдельное внимание уделено стрит-арту, «третьим местам», городским фестивалям и культурным мегасобытиям как механизмам символического обновления города.

Ключевые слова: креативное пространство города; культурные практики; символическое производство; символический капитал; коллективная память; культурный код города; городские ритуалы; аффективные режимы.

Философская критика репрезентации, развивавшаяся в конце XX – начале XXI вв., указывает на ограниченность старой модели, где город рассматривался как сцена, отображающая некие устойчивые значения. Ж. Рансьер показал, что в рамках классического «изобразительного режима» искусства образы и пространства подчинены кодифицированным смыслам и иерархиям, тогда как в современном эстетическом режиме эти строгие связи разрываются [17, с. 23]. В эстетическом пострепрезентационном режиме, по Ж. Рансьеру, «образ больше не является кодифицированным выражением заранее заданной идеи или чувства» [17, с. 24], стирается жесткая грань между формой искусства и повседневной жизнью. Это означает, что городское пространство уже не просто отражает внешние идеологии, но становится процессом, где новые смыслы рождаются через творчество самих горожан.

Данный сдвиг можно интерпретировать и через оптику недо-репрезентационной теории Н. Трифты [38, с. 110]. Эта теория, возникшая в 2000-х годах, призывает фокусироваться не на статичных образах города, а на повседневных практиках, телесном опыте и аффектах, через которые пространство исполняется и переживается. С точки зрения Н. Трифты, городской ландшафт – это сцена непрерывных взаимодействий, «моря лиц и лезвие рук» [38, с. 112], где эмоции, жесты и события столь же важны, как материальные структуры.

Академический дискурс долгое время пренебрегал этой аффективной регистрой города, но сегодня ясно, что архитектура и планировка дают лишь каркас, который оживляется перформативными действиями жителей. Городская культура тем самым смещается от представления к проживанию; смысл пространства рождается не из официальных нарративов, а из совместных действий горожан, их практик и «игр воображения». Таким образом, философски креативное пространство города понимается как результат символического производства – процесса, в котором люди непрерывно создают новые значения, «проигрывая» город как текст.

Ключевым понятием для понимания культурной детерминации пространства является символический капитал города. По П. Бурдьё, символический капитал – это своеобразный ресурс престижа и признания, воплощенный в знаках уважения и статуса [27, с. 241]. В урбанистическом

контексте символический капитал накапливается через культурные достижения и репутацию места. Социологи культуры (Ш. Зукин и др.) ввели понятие «символической экономики» города, подчеркивая, что в постиндустриальную эпоху экономика все больше строится на производстве знаков, имиджей и впечатлений [8, с. 3]. Ярким примером служит феномен «бильбао-эффекта». Речь о превращении испанского города Бильбао из промышленного в культурный центр благодаря открытию музея Гуггенхайма в авангардном здании Ф. Гери. В течение двадцати лет после открытия этот «культурный инвестиционный проект» не только принес миллионы туристов, но и коренным образом сменил образ города. В глобальном дискурсе даже закрепился термин «эффект Бильбао» – идея, что культурные инвестиции в сочетании со знаковой архитектурой ведут к экономическому подъему для депрессивного города [29, с. 25].

Другим измерением символического капитала является брендинг городов и культурный туризм. Города все чаще обращаются к языку символов, чтобы выделиться: придумывают слоганы, логотипы, делают ставку на уникальные культурные события [5, с. 24]. Философски подобное явление осмысливается как часть постмодерной ситуации, где знаки и образы обретают самостоятельную ценность. Ж. Бодрийяр еще в конце XX века предупреждал о гипертрофии знаков и симулякров в урбанизированном обществе, когда репрезентация начинает доминировать над реальностью [1, с. 9]. Однако в креативном городе, как мы видим, символическое (имидж, идея) не просто заслоняет реальность, но и способно преобразовывать ее, имея достаточный символический капитал, город изменяет свою судьбу, привлекая живую творческую энергию людей.

Важнейшим культурным измерением креативного пространства выступает коллективная память – общий фонд образов прошлого, хранящийся в городской среде. Еще М. Хальбвакс отмечал, что память живет в социальных рамках, а городские места служат «узлами памяти» сообщества [19, с. 43]. Современные философы и историки (П. Нора и др.) ввели понятие «мест памяти» (*lieux de mémoire*) – материальных или символических объектов, где кристаллизуется и сохраняется коллективная память группы [16, с. 37]. Традиционный город во многом опирался на фиксированную память: монументы, мемориальные площади, названия улиц в честь героев – все это выстраивало единый канон истории, репрезентируя прошлое как нечто монолитное. Однако в креативном городском пространстве отношение к памяти становится более динамичным и творческим. Культурные практики переосмысливают наследие, превращая памятники и истории в живой ресурс для нового творчества.

Например, переиспользование индустриального наследия в творческих кластерах – это не только экономический, но и культурно-памятный жест. Бывшие заводы, превращенные в арт-центры, одновременно сохраняют материальный след прошлого и наполняются новым смыслом. П. Нора называл бы такой объект *lieu de mémoire*, но в новом, открытом режиме: место памяти, активно работающее на настоящее и будущее, вдохновляющее современников [33, с. 1]. Коллективная память становится полем споров, творческих интерпретаций, иногда даже игровой реконструкции. Горожане все чаще участвуют в проектах «сохранения с осмыслением»: от фестивалей, посвященных истории района, до создания стрит-арт-муралов по мотивам местных легенд [2, с. 16].

Здесь проявляется роль культурных кодов – разделяемых символов и значений, понятных данному сообществу. Каждый город имеет свой уникальный культурный код, сложившийся из истории, географии, этнических традиций, языка [15, с. 519]. В эпоху глобализации креативные проекты стремятся оперировать универсальным языком искусства, но чтобы укорениться, они должны быть «переведены» на местный код. Именно поэтому важны локальные культурные практики: городские легенды, праздники, фольклор, которые может активировать современное творчество [37, с. 181]. В творческом городе происходит постоянное переосмысление культурных кодов, будь то переосмысление советского авангарда в современных московских паблик-артах или возрождение национальных ремесел в дизайне городской среды [6, с. 24–28].

Важно отметить, что философская критика репрезентации затрагивает и память, больше недостаточно просто представлять прошлое через монумент – необходимо вовлекать людей в активное переживание истории. Концепция «права на город» А. Лефевра, хотя и родилась в 1960-х, получает новое звучание, горожане имеют право не только пользоваться пространством, но и определять, какие истории и символы в нем присутствуют. Коллективная память становится ареной для демократического творчества. Например, общественные движения могут устанавливать альтернативные памятные знаки (как неофициальные мемориалы жертвам трагедий) или через театрализованные экскурсии возвращать забытые сюжеты городской истории [4, с. 8]. Все это – формы символического производства, расширяющего рамки официального нарратива.

Особое внимание следует уделить ритуальным практикам и городским праздникам как элементам, формирующим креативное пространство. Ритуалы – регулярные повторяющиеся действия сообщества структурируют время и пространство города, придавая им символический порядок. В современном креативном городе мы наблюда-

ем всплеск новых урбанистических ритуалов: фестивали уличного искусства, городские ярмарки, флешмобы, дни городов с художественными перформансами, ночи музеев и т.д. [10, с. 69]. Эти события не закрепляют раз и навсегда данный смысл, напротив, они открывают пространство для эксперимента и временного переворота обыденности, недаром некоторые исследователи сравнивают их с карнавальной культурой по М. Бахтину, где происходит переворачивание официальной иерархии [20, с. 36]).

Городские праздники и акции исполняют сразу несколько функций: во-первых, генерируют аффекты – массовые эмоциональные переживания, создающие чувство общности; во-вторых, репрезентируют город внешнему миру, становясь частью его образа; в-третьих, переформатируют само пространство на время своего проведения (улицы превращаются в сцены, парки – в выставочные залы под открытым небом и т.п.) [22, с. 14]. Например, ежегодный фестиваль уличного искусства в Санкт-Петербурге трансформирует облик районов, покрывая дома новыми муралами, и привлекает тысячи людей в те локации, которые раньше не считались культурно значимыми [14, с. 126]. Подобные события – это своего рода ритуалы обновления, через которые город как бы подтверждает свою идентичность творческой среды. В академическом анализе вводится понятие «фестивализации города» – тенденции, когда праздники и события становятся постоянным механизмом городского развития [11, с. 64]. С одной стороны, это приносит экономические плюсы и оживляет общественную жизнь; с другой – возникает риск поверхностного «ивент-менеджмента», при котором глубокие проблемы города могут маскироваться праздниками. Философски мы можем интерпретировать фестивализацию как часть аффективного режима города: власть и бизнес формируют определенный эмоциональный фон (энтузиазм, веселье, вовлеченность), стимулируя лояльность жителей, но важно сохранять критическую рефлексия, чтобы культурные события не превратились лишь в инструмент управления настроениями.

Тут мы подходим к понятию «аффективные режимы». Под ним понимают системы управления коллективными эмоциями и настроениями, сложившиеся в обществе [12, с. 248]. Город, стремящийся быть креативным, сознательно выстраивает у себя определенный аффективный режим, например, режим творческого энтузиазма, постоянной новизны. Это отражается и в маркетинговых нарративах и в реальных практиках (создание открытых пространств для общения, уличных активностей, где люди ощущают свободу самовыражения). Как отмечает Н. Трифт, инженерия аффектов стала неотъемлемой частью современной городской политики: от музыкального фона в метро до праздничной иллюминации – все нацеле-

но на формирование желаемого настроения [39, с. 57]. Это новый тип власти, действующий не через принуждение, а через атмосферу.

Философы-урбанисты вводят понятие «атмосферы пространства» – совокупного чувства места, которое возникает у людей. Б. Андерсон пишет об «affective atmospheres», подчеркивая их парадоксальную природу: атмосфера одновременно материальна и идеальна, присутствующая и неуловимая [23, с. 77]. В креативном пространстве формируются особые аффективные атмосферы – скажем, атмосфера арт-квартала, сочетающая чувство свободы, экспериментальности и общности. Такие атмосферы зачастую инсценируются организаторами (намеренно создаются условия – свет, звук, дизайн среды – вызывающие вдохновение). Но в то же время они спонтанны и хрупки: достаточно исчезнуть художникам или зрителям, и место теряет атмосферу [7, с. 171]. Философски это свидетельствует о смещении акцента с чисто материальной среды на символическо-аффективное пространство потоков. Другими словами, современное «место» конституируется не только зданиями и планировкой, но и тем невидимым флером смыслов и чувств, который вокруг него формируется. Не случайно говорят об «genius loci» (духе места) некоторых городов – например, Париж романтизирован как город любви, Нью-Йорк – как город энергичного движения, Берлин – как пространство свободы и божественности [34, с. 18]. За этими стереотипами стоят реальные многолетние культурные сценарии, подкрепленные искусством (фильмы, литература, музыка о городе), событиями, имиджевой политикой. И хотя такой образ упрощен, он влияет на поведение людей: притягивает одних, отталкивает других, направляет ожидания [18, с. 51–55].

Рассмотрим несколько конкретных кейсов, иллюстрирующих сказанное. В разных городах мира культурные инициативы демонстрируют, как символическое производство меняет урбанистическую ткань.

Стрит-арт и городская идентичность. Уличное искусство – граффити, настенные росписи, инсталляции из маргинальной практики превратилось в мощный инструмент культурной трансформации городских пространств. Например, район Винвуд в Майами (США) из заброшенной промышленной зоны стал всемирно известной галереей под открытым небом благодаря проекту «Wynwood Walls»: десятки художников расписали стены картинами [24]. Это привлекло туристов, бизнес, сформировало креативную атмосферу. В то же время стрит-арт часто опирается на локальные сюжеты и память. Исследования показывают, что настенные росписи, вдохновленные местной историей, усиливают привязанность жителей к месту и улучшают образ района [26, с. 16]. Так, в Милане в 2010-х годах серия муралов в квартале Ортти-

ка, посвященных истории района и его жителям, не только украсила стены, но и сплотила сообщество, вызвала волну интереса к прошлому и настоящему этой территории [25]. Стрит-арт в таком случае выступает как «символический мост» между прошлым и будущим: он материализует память (например, портреты известных земляков, сцены из жизни старого города) в современной художественной форме.

Городские творческие сообщества и «третьи места». Креативное пространство конституируется не только крупными институциями (музеями, театрами), но и сетью малых «третьих мест» – кафе, клубов, студий, где собираются творческие сообщества [13, с. 19]. Классический пример – берлинские сквоты и клубы 1990-х (как Tacheles), располагавшиеся в заброшенных зданиях. Они стали очагами альтернативной культуры, привлекая художников, музыкантов, мыслителей со всего мира и формируя образ Берлина как столицы альтернативного искусства [32, с. 224]. Эти сообщества создали свой режим пространства: полу-автономный, самоуправляемый, противопоставленный коммерциализированному городу. От них во многом пошел тренд на кооперативные пространства (коворкинги, арт-резиденции), который сейчас глобален [3, с. 139]. В Москве, к примеру, развитие креативных кластеров типа «Флакона» или «Артплея» начиналось снизу, с инициатив небольших групп энтузиастов, создавших в пустующих заводских корпусах место для работы и выставок. В совокупности они складываются в полицентрическую культуру города, где нет единого центра, а есть множество творческих «островков» [9, с. 160]. Урбанисты отмечают, что «третьи места» обеспечивают социальную связанность и обмен идеями, что критически важно для инноваций и творчества [21, с. 213].

Культурные мегасобытия и символическая репрезентация. В противовес локальным сообществам, существуют культурные мегасобытия, которым города придают огромное значение. Например, Всемирная выставка (Expo) или Олимпийские игры – не только спортивное, но и культурное событие. Город-хозяин использует шанс показать свою культуру, строит выставочные павильоны, организует фестивали, приглашает художников. В 2010 г. Шанхай на Expo продемонстрировал десятки павильонов, оформленных как арт-объекты, заявив о себе как о новом мировом центре дизайна [28, с. 372]. Или, ежегодный Карнавал в Рио – не просто праздник, а глобально транслируемый образ, символ бразильской культурной мощи [35, с. 697]. Для самих городов участие в таких событиях – возможность увеличить свой символический капитал на мировой арене. Однако философы пространства (например, Д. Харви) предупреждают: чрезмерная ставка на мегасобытия может вести к «диснейфикации» городской культуры [31,

с. 89], когда для внешнего потребления создается яркая картинка, а повседневные нужды горожан остаются на втором плане [31, с. 89]. Здесь требуется баланс между аутентичностью и спектаклем. Удачный пример баланса – Эдинбургский фестиваль искусств: возникший как местная инициатива сразу после войны, он вырос в крупнейший международный фестиваль театра и музыки. Но город сумел интегрировать его в свою жизнь: каждый год в августе Эдинбург целиком превращается в фестивальную площадку, и жители активно вовлечены. Фестиваль стал частью идентичности города – Эдинбург известен как «фестивальная столица» [30, с. 1]. В то же время он приносит существенный доход и престиж. Значит, мегасобытие может работать на местную культуру, если оно укоренено и поддержано снизу.

Рассмотрев различные аспекты культурных практик и символического производства, можно сделать вывод, что культурная детерминация лежит в основе формирования креативного пространства города наравне с экономической и технологической. Методологически анализ культурных факторов требует междисциплинарного подхода: сочетания социальной философии, культурологии, городской антропологии и эстетики. Философское осмысление культуры города позволяет увидеть за конкретными событиями и объектами более глубокие процессы – конструирование смыслов, коллективное воображение, борьбу за представление и эмоциональное переживание. Методологический инструментарий здесь включает герменевтику городского текста (интерпретацию символов и нарративов, вписанных в пространство), семиотику городской среды (анализ знаков и кодов, по которым «читается» город), а также феноменологию городского опыта (описание того, как люди воспринимают пространство через призму чувств, памяти, ожиданий).

Важно подчеркнуть, что культурные практики – не нейтральные «украшения» города, но фактор власти и изменения. В духе Ж. Рансьера, культура в городе – это поле политики эстетического, где решается, что будет видимым и слышимым, а что останется невидимым [36, с. 12]. Таким образом, символическое производство связано с вопросами включения/исключения. Креативное пространство может быть открытым и плюралистичным – либо стать элитарным «клубом по интересам». Для философского анализа это означает необходимость критического подхода: выявлять не только созидательный, но и возможный репрессивный аспект культурных режимов.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. В. Микушевича. – М.: Добросвет, 2000. – 210 с.

2. Волкова Д.А. Международный фестиваль искусства INTERVALS: интеграция медиа-арта в городскую среду // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2023. – № 2 (20). – С. 16–20.
3. Гиззатуллин Х.Б. Перспективы и проблемы развития коворкинга в России // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 924. – С. 139–142.
4. Головченко Е. Н., Шапорев А.И. Потенциал памятников гражданской архитектуры города Тюмени для проектирования квест-экскурсий // Тенденции и проблемы развития индустрии туризма и гостеприимства: материалы 9-й межрегиональной научно-практической конференции. – Рязань, 2024. – С. 8–11.
5. Евменов А. Д., Благова И.Ю. Символический капитал как элемент бренда города // Петербургский экономический журнал. – 2021. – № 2 (32). – С. 24–33.
6. Ермакова Л. И., Суховская Д.Н., Погосян Л.Р. Развитие культурных индустрий в Китае // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № S5. – С. 24–28.
7. Задворянская Т.И. Феномен атмосферы пространства: ключи к пониманию города // Перспективы науки. – 2021. – № 5 (140). – С. 171–176.
8. Зукин Ш. Культуры городов / пер. с англ. О. Бирюковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
9. Ипатова А. М., Меледина Д.В. Феномен атмосферы пространства: ключи к пониманию города «0,10» // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. – 2023. – № 4. – С. 160–165.
10. Кожанов К.А. Экскурсионный фестиваль как актуальная культурная практика современного города // Культурные индустрии в пространстве открытого города: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Екатеринбург, 2022. – С. 69–73.
11. Кузьмина Н.В. Фестиваль в большом городе: к вопросу о роли фестивализации в городской культурной жизни // Государственная служба. – 2021. – Т. 23, № 4 (132). – С. 64–70.
12. Куприянов П. С., Лурье М.Л. «Вот этот вот дух, когда он есть, – это всегда очень здорово...»: как работают культурные атмосферы и за что их любят // Шаги / Steps. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 248–275.
13. Максимова А.Е. Креативные пространства как феномен «третьих мест» в структуре активности и досуга горожан: социологический анализ // Культурный код и креативные индустрии: тренды, методология, эффективные практики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2024. – С. 19–25.
14. Митрохина Л.Н. Магия искусства. О международном фестивале искусств «Мастер Класс» в Петербурге. История. Развитие. Перспектива // Петербургские искусствоведческие тетради. – 2024. – № 76. – С. 126–131.
15. Никольский Т.М. Феномен макета как отражения культурного кода города // Державинский форум. – 2024. – Т. 8, № 4 (32). – С. 519–525.
16. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 (40). – С. 37–43.
17. Рансьер Ж. Распределение чувственного: эстетика как политика / пер. с фр. А. Магуна. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – 240 с.
18. Суховская Д. Н., Ермакова Л.И. Роль ДПО в формировании стратегии устойчивого развития российского общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № T26. – С. 51–55.
19. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. А.А. Шурбелева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 167 с.
20. Шатилов В.В. Влияние глобализации на арт-рынок и национальные художественные культуры // Философия и культура. – 2023. – № 8. – С. 36–45.
21. Шелгинская В.А. Связь пространств «третьего места» в интегрированных коммуникациях (на примере event-мероприятий) // Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности, риски: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. – Саратов, 2024. – С. 213–218.
22. Юрова О.А. Праздничная культура в городском контексте: обзор // Социология города. – 2023. – № 3. – С. 14–25.
23. Anderson B. Affective atmospheres // Emotion, Space & Society. – 2009. – Vol. 2, № 2. – P. 77–89.
24. Asli A., Grant R.J., Li H. Global arts world and the worlding of Wynwood, Miami, Florida [Electronic resource] // International Journal of Cultural Policy. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371586709_Global_arts_world_and_the_worlding_of_Wynwood_Miami_Florida.
25. Boffi G. et al. Nurturing cultural heritages and place attachment through street art: The case of OrMe Orlica Memoria [Electronic resource] // Urban Studies. – 2023. – URL: <https://air.unimi.it/retrieve/48dd6aa7-7b22-4013-93f0-5777e9697f99/Boffi%20et%20al%20-%202023%20-%20Nurturing%20cultural%20heritages%20and%20place%20attachment%20through%20street%20art.pdf>.
26. Boffi M., Rainisio N., Inghilleri P. Nurturing cultural heritages and place attachment through street

- art: A longitudinal psycho-social analysis of a neighborhood renewal process // *Sustainability*. – 2023. – Vol. 15, № 13. – P. 16–19.
27. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–250.
 28. Carta S. The image of the Shanghai 2010 Expo: the contribution of single pavilions to Shanghai's global image // *Frontiers of Architectural Research*. – 2013. – Vol. 2, № 4. – P. 372–376.
 29. del Cerro Santamaría G. The Fading Away of the Bilbao Effect: Bilbao, Denver, Helsinki, Abu Dhabi // *Athens Journal of Architecture*. – 2020. – Vol. 6, № 1. – P. 25–30.
 30. Gao X. Research on the Impact of Cultural Festivals on Urban Regeneration: A Case Study of Edinburgh as a Festival City // *Highlights in Art and Design*. – 2024. – Vol. 6, № 3. – P. 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/383100040_Research_on_the_Impact_of_Cultural_Festivals_on_Urban_Regeneration_-_A_Case_Study_of_Edinburgh_as_A_Festival_City.
 31. Harvey D. The art of rent: Globalisation, monopoly and the commodification of culture // *Socialist Register*. – 2002. – Vol. 38: A World of Contradictions. – P. 89–115. – URL: https://www.geographie.ens.psl.eu/IMG/file/proprietes_resistance/Harvey%20art%20of%20rent.pdf.
 32. Ikeda M. Cultural squatting, conflict involved and role as free space in urban transformation: Case study of the Kunsthaus Tacheles in the former East district of Berlin // *Geographical Review of Japan. Series A*. – 2014. – Vol. 87, № 3. – P. 224–230.
 33. Nora P. Preface to the English-Language Edition: From Lieux de mémoire to Realms of Memory // Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past. Vol. 1: Conflicts and Divisions*. – New York: Columbia University Press, 1996. – P. 1–16.
 34. Norberg-Schulz Ch. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. – New York: Rizzoli, 1980. – P. 18–22.
 35. Oosterbaan M. Transposing Brazilian Carnival: Religion, Cultural Heritage, and Secularism in Rio de Janeiro // *American Anthropologist*. – 2017. – Vol. 119, № 4. – P. 697–710.
 36. Rancière J. *The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible*. – London: Continuum, 2004. – P. 12–22.
 37. Taylor E., Kneafsey M. The place of urban cultural heritage festivals: The case of London's Notting Hill Carnival // *Cultural Heritage in a Changing World*. – Vienna: Springer, 2016. – P. 181–190.
 38. Thrift N. *Non-representational theory: Space, politics, affect*. – London: Routledge, 2008. – P. 110–159.
 39. Thrift N.J. Intensities of feeling: towards a spatial politics of affect // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2004. – Vol. 86, № 1. – P. 57–67.

CULTURAL DETERMINANTS OF THE FORMATION OF THE CREATIVE SPACE OF THE CITY

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article examines the cultural factors that shape creative urban space in the post-industrial era. It shows that symbolic production, collective memory, cultural codes, ritual practices and affective regimes influence the transformation of the urban environment and the creative subjectivity of residents. The analysis draws on the ideas of J. Rancière, P. Bourdieu, M. Halbwachs, P. Nora, N. Thrift and other scholars. Particular attention is paid to street art, third places, urban festivals and cultural mega-events as mechanisms of symbolic renewal of the city.

Keywords: creative urban space; cultural practices; symbolic production; symbolic capital; collective memory; urban cultural code; urban rituals; affective regimes.

References

1. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / transl. from French by V. Mikushevich. Moscow: Dobrosvet, 2000. 210 p.
2. Volkova D.A. International Art Festival INTERVALS: Integration of Media Art into the Urban Environment // *Youth Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*. 2023. № 2 (20). P. 16–20.
3. Gizzatullin Kh.B. Prospects and Problems of Coworking Development in Russia // *Trends in the Development of Science and Education*. 2022. № 924. P. 139–142.
4. Golovchenko E. N., Shaporev A.I. The Potential of Civil Architecture Monuments in Tyumen for Designing Quest Excursions // *Trends and Problems in the Development of the Tourism and Hospitality Industry: Proceedings of the 9th Interregional Scientific and Practical Conference*. Ryazan, 2024. P. 8–11.
5. Evmenov A. D., Blagova I. Yu. Symbolic Capital as an Element of a City Brand // *Saint Petersburg Economic Journal*. 2021. № 2 (32). P. 24–33.
6. Ermakova L. I., Sukhovskaya D.N., Poghosyan L.R. Development of Cultural Industries in China // *Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept»*. 2017. № S5. P. 24–28.
7. Zadvoryanskaya T.I. The Phenomenon of Spatial Atmosphere: Keys to Understanding the City // *Prospects of Science*. 2021. № 5 (140). P. 171–176.
8. Zukin S. *The Cultures of Cities* / transl. from English by O. Biryukova. Moscow: New Literary Review, 2010. 392 p.
9. Ipatova A. M., Meledina D.V. The Phenomenon of Spatial Atmosphere: Keys to Understanding the City «0,10» // *Bulletin of Young Scientists of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design*. 2023. № 4. P. 160–165.
10. Kozhanov K.A. Excursion Festival as a Relevant Cultural Practice of the Modern City // *Cultural Industries in the Space of the Open City: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scholars*. Yekaterinburg, 2022. P. 69–73.
11. Kuzmina N.V. Festival in a Big City: On the Role of Festivalization in Urban Cultural Life // *Public Administration*. 2021. Vol. 23, № 4 (132). P. 64–70.
12. Kupriyanov P. S., Lurie M.L. «This Spirit, When It Exists, Is Always Very Good...»: How Cultural Atmospheres Work and Why They Are Valued // *Steps*. 2022. Vol. 8, № 4. P. 248–275.
13. Maksimova A.E. Creative Spaces as a Phenomenon of «Third Places» in the Structure of Urban Activity and Leisure: A Sociological Analysis // *Cultural Code and Creative Industries: Trends, Methodology, Effective Practices: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference*. Omsk, 2024. P. 19–25.
14. Mitrokhina L.N. The Magic of Art. On the International Art Festival «Master Class» in Saint Petersburg. History. Development.

- Prospects // Saint Petersburg Art History Notebooks. 2024. № 76. P. 126–131.
15. Nikolsky T.M. The Phenomenon of the Model as a Reflection of the Cultural Code of the City // *Derzhavin Forum*. 2024. Vol. 8, № 4 (32). P. 519–525.
 16. Nora P. Between Memory and History: The Problem of Sites of Memory // *Neprikosnovenny Zapas*. 2005. № 2 (40). P. 37–43.
 17. Rancière J. The Distribution of the Sensible: Aesthetics and Politics / transl. from French by A. Magun. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Press, 2010. 240 p.
 18. Sukhovskaya D. N., Ermakova L.I. The Role of Continuing Professional Education in Shaping the Strategy of Sustainable Development of Russian Society // *Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept»*. 2016. № T26. P. 51–55.
 19. Halbwachs M. The Social Frameworks of Memory / transl. from French and introductory article by A.A. Shurbelev. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2007. 167 p.
 20. Shatilov V.V. The Impact of Globalization on the Art Market and National Artistic Cultures // *Philosophy and Culture*. 2023. № 8. P. 36–45.
 21. Shelginskaya V.A. The Connection of «Third Place» Spaces in Integrated Communications, Based on Event Activities // *Media in the Information Society: Effects, Opportunities, Risks: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference*. Saratov, 2024. P. 213–218.
 22. Yurova O.A. Festive Culture in the Urban Context: A Review // *Sociology of the City*. 2023. № 3. P. 14–25.
 23. Anderson B. Affective atmospheres // *Emotion, Space & Society*. – 2009. – Vol. 2, № 2. – P. 77–89.
 24. Asli A., Grant R.J., Li H. Global arts world and the worlding of Wynwood, Miami, Florida [Electronic resource] // *International Journal of Cultural Policy*. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371586709_Global_arts_world_and_the_worlding_of_Wynwood_Miami_Florida.
 25. Boffi G. et al. Nurturing cultural heritages and place attachment through street art: The case of OrMe Ortica Memoria [Electronic resource] // *Urban Studies*. – 2023. – URL: <https://air.unimi.it/retrieve/48dd6aa7-7b22-4013-93f0-5777e9697f99/Boffi%20et%20al%20-%202023%20-%20Nurturing%20cultural%20heritages%20and%20place%20attachment%20through%20street%20art.pdf>.
 26. Boffi M., Rainisio N., Inghilleri P. Nurturing cultural heritages and place attachment through street art: A longitudinal psycho-social analysis of a neighborhood renewal process // *Sustainability*. – 2023. – Vol. 15, № 13. – P. 16–19.
 27. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–250.
 28. Carta S. The image of the Shanghai 2010 Expo: the contribution of single pavilions to Shanghai's global image // *Frontiers of Architectural Research*. – 2013. – Vol. 2, № 4. – P. 372–376.
 29. del Cerro Santamaría G. The Fading Away of the Bilbao Effect: Bilbao, Denver, Helsinki, Abu Dhabi // *Athens Journal of Architecture*. – 2020. – Vol. 6, № 1. – P. 25–30.
 30. Gao X. Research on the Impact of Cultural Festivals on Urban Regeneration: A Case Study of Edinburgh as a Festival City // *Highlights in Art and Design*. – 2024. – Vol. 6, № 3. – P. 1. – URL: https://www.researchgate.net/publication/383100040_Research_on_the_Impact_of_Cultural_Festivals_on_Urban_Regeneration_-_A_Case_Study_of_Edinburgh_as_A_Festival_City.
 31. Harvey D. The art of rent: Globalisation, monopoly and the commodification of culture // *Socialist Register*. – 2002. – Vol. 38: A World of Contradictions. – P. 89–115. – URL: https://www.geographie.ens.psl.eu/IMG/file/proprietes_resistance/Harvey%20art%20of%20rent.pdf.
 32. Ikeda M. Cultural squatting, conflict involved and role as free space in urban transformation: Case study of the Kunsthaus Tacheles in the former East district of Berlin // *Geographical Review of Japan. Series A*. – 2014. – Vol. 87, № 3. – P. 224–230.
 33. Nora P. Preface to the English-Language Edition: From Lieux de mémoire to Realms of Memory // Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1: Conflicts and Divisions. – New York: Columbia University Press, 1996. – P. 1–16.
 34. Norberg-Schulz Ch. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. – New York: Rizzoli, 1980. – P. 18–22.
 35. Oosterbaan M. Transposing Brazilian Carnival: Religion, Cultural Heritage, and Secularism in Rio de Janeiro // *American Anthropologist*. – 2017. – Vol. 119, № 4. – P. 697–710.
 36. Rancière J. *The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible*. – London: Continuum, 2004. – P. 12–22.
 37. Taylor E., Kneafsey M. The place of urban cultural heritage festivals: The case of London's Notting Hill Carnival // *Cultural Heritage in a Changing World*. – Vienna: Springer, 2016. – P. 181–190.
 38. Thrift N. *Non-representational theory: Space, politics, affect*. – London: Routledge, 2008. – P. 110–159.
 39. Thrift N.J. Intensities of feeling: towards a spatial politics of affect // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2004. – Vol. 86, № 1. – P. 57–67.

Морально-нравственные ориентиры Русской Православной Церкви как фактор общественной консолидации в современной России

Филатов Данил Леонидович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: tpm28121995@gmail.com

Актуальность исследования определяется возрастающей ролью традиционных духовно-нравственных ценностей в обеспечении национальной безопасности, закреплённой в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Основах государственной культурной политики, при одновременном усилении мировоззренческой фрагментации российского общества. Научная проблема заключается в необходимости систематизации теоретических подходов к анализу консолидирующего потенциала православных ценностных ориентаций, выявления механизмов трансляции морально-нравственных императивов в светское общественное пространство, определения ключевых факторов, способствующих либо препятствующих интегративной функции Русской Православной Церкви. Объектом исследования выступает система морально-нравственных ориентиров Русской Православной Церкви как совокупность вероучительных положений, социальных доктрин, пастырских практик, обращённых к широким слоям российского общества. Предметом исследования являются закономерности формирования, функционирования и эволюции консолидирующего потенциала православных ценностных ориентаций, включая механизмы их трансляции в общественное сознание, институциональные формы взаимодействия Церкви с государством и гражданским обществом, стратегии преодоления мировоззренческих расколов. Цель работы состоит в выявлении ключевых тенденций влияния морально-нравственных ориентиров Русской Православной Церкви на процессы общественной консолидации в современной России, систематизации институциональных форм трансляции православных ценностей, определении перспектив развития интегративной функции Церкви. Методология исследования базируется на аксиологическом и институциональном подходах к анализу социального партнёрства, концепции духовной безопасности, теории социальной солидарности. Результаты исследования раскрывают современное состояние влияния Русской Православной Церкви на ценностные ориентации российского общества, демонстрирующее высокий консолидирующий потенциал православных ценностей при одновременном наличии институциональных, мировоззренческих и социокультурных барьеров, препятствующих полной реализации интегративной функции Церкви в условиях светского государства и поликонфессионального состава населения.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; морально-нравственные ориентиры; общественная консолидация; традиционные ценности; духовная безопасность; социальное партнёрство; ценностный кризис; аксиологическое пространство; гражданская идентичность; социальная солидарность.

Введение

Актуальность исследования морально-нравственных ориентиров Русской Православной Церкви (РПЦ) объясняется поиском эффективных стратегий укрепления общественного единства и сохранения национальной идентичности в России. Размывание общепринятых моральных норм и рост мировоззренческой разобщённости приводят к уменьшению уровня доверия к социальным институтам, в том числе к религиозным организациям, которые традиционно оказывали влияние на духовную жизнь общества [1]. Однако именно Русская Православная Церковь, обладающая богатой многовековой традицией, остаётся одним из ключевых культурных и духовных столпов российского общества и играет заметную роль в преодолении ценностных расколов.

С одной стороны, РПЦ представляет собой сложную институциональную систему, в которую входят священнослужители, епархиальные структуры, Синодальные отделы и широкие слои верующих. С другой стороны, она формирует и транслирует базовые морально-нравственные установки – доверие, милосердие, сострадание, жертвенность, патриотизм, – способные консолидировать различные социальные группы. При этом в условиях светского государства любые религиозные организации сталкиваются с необходимостью искать новые формы взаимодействия с обществом, сохраняя свою традиционную специфику и адаптируясь к быстро меняющейся социокультурной среде [4].

Исходя из этих соображений, цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе анализа теоретических концепций и практических данных выявить влияние морально-нравственных ориентиров РПЦ на процессы общественной консолидации, а также определить механизмы и перспективы развития данного феномена. Для достижения цели выделяется ряд задач:

- изучить основные научные подходы к пониманию консолидирующей функции религиозной системы;
- определить место и роль морально-нравственных ценностей православия в контексте аксиологического пространства российского общества;
- охарактеризовать ключевые институты и формы общественного взаимодействия, через ко-

торые РПЦ транслирует свои ценностные установки;

- выявить основные барьеры и возможности, влияющие на полноценную реализацию морально-нравственного потенциала Церкви в светском государстве.

Объектом исследования служит система морально-нравственных ориентиров Русской Православной Церкви, рассматриваемая в контексте её влияния на ценностные ориентации россиян. Предметом исследования становятся механизмы формирования и трансляции этих ценностей, характер их восприятия в различных социальных группах и роль в общественной консолидации. Методы исследования опираются на синтез аксиологического, институционального и социологического подходов, что позволяет провести как качественный, так и количественный анализ материалов.

Теоретико-методологический обзор

Историческая роль православия в России выходит далеко за рамки церковной практики, поскольку оно с древних времён содействовало формированию национальной идентичности, норм общественного поведения и высших духовных идеалов. Датой крещения Руси считается 988 год, когда князь Владимир объявил православие государственной религией. По сути, именно тогда начался процесс постепенного формирования культурных кодов, социальных институтов, правовых норм, тесно переплетённых с христианской этикой [4].

Первоначально Церковь вела просветительскую деятельность, распространяя грамоту, переводя богослужебные тексты и прививая таким образом раннее духовное самосознание. В ходе многовековой истории православие укрепило влияние на общественные институты, включая семью, учёбу, искусство и моральные стандарты, становясь одним из определяющих факторов национальной идентичности. Синтез византийского духовного наследия с местными традициями способствовал закреплению православия как сердцевины духовной жизни страны и источника фундаментальных ценностных установок.

Однако с развитием российского государства и появлением светских институтов отношения между Церковью и госвластью не были лишены противоречий. Несмотря на отдельные конфликты, православие оставалось духовным ориентиром значительной части населения и фактором коллективного самосознания даже в периоды официального гонения на религию (например, в советскую эпоху). Новые исторические этапы вносили коррективы в социальную и политическую роль РПЦ, но её базовые духовно-нравственные ориентиры продолжали играть объединяющую роль для многих общин и регионов.

Морально-нравственные ориентиры в религиозной традиции рассматриваются как совокупность ценностей, норм и принципов поведения, вытекающих из определённого вероучительного учения. В случае с православием это конкретные догматы и предписания, сформированные на основе библейских текстов, богослужебных преданий и канонических трактовок Святоотеческого наследия [3]. При этом такие ориентиры могут условно делиться на несколько уровней.

Во-первых, теологический уровень, отражающий внутренние аспекты веры и духовной жизни: любовь к ближнему, милосердие, покаяние, смирение. Во-вторых, социально-доктринальный уровень, служащий базой для осмысления вопросов семейных отношений, общественных правил поведения, гражданской и патриотической ответственности, а также взаимодействия Церкви и общества. И, наконец, практический уровень, где религиозные ценности воплощаются через конкретное служение, благотворительные акции и просветительские инициативы.

Для системного понимания структуры морально-нравственных ориентиров РПЦ, способствующих общественной консолидации, целесообразно представить их в виде многоуровневой модели (Таблица 1).

Таблица 1. Структура морально-нравственных ориентиров Русской Православной Церкви как фактора общественной консолидации

Уровень функционирования	Базовые ценностные ориентиры	Механизмы трансляции в общество	Ожидаемый консолидирующий эффект
Теологический	Соборность, жертвенность, любовь к ближнему, правда, милосердие	Богослужение, проповедь, катехизация, таинства	Формирование ценностного ядра, устойчивого к внешним деструктивным влияниям
Социально-доктринальный	Традиционная семья, патриотизм, социальная справедливость, достоинство личности	Официальные документы, публичные выступления священноначалия, церковные СМИ	Легитимация традиционных ценностей в общественном дискурсе
Практический	Благотворительность, помощь нуждающимся, миротворчество, защита Отечества	Социальное служение, молодежные проекты, взаимодействие с армией, образовательные программы	Непосредственное воздействие на ценностные ориентации различных социальных групп

Составлено автором на основе анализа материалов [1; 2; 6; 7]

Из указанной структуры видно, что взаимодействие РПЦ с обществом может охватывать самые разные сферы – от литургической жизни до социального служения и образовательных проектов. Совокупность этих уровней и определяет комплексный характер влияния Церкви на формирование единого аксиологического пространства.

Понимание общественной консолидации во многом опирается на концепцию социальной солидарности, разработанную в рамках социологии и социальной философии. Согласно классическим теориям, религия способствует усилению когезии в обществе, поскольку предоставляет единый ценностный «язык», позволяющий людям выстраивать коллективную идентичность и совместное смысловое поле. Если в обществе отсутствует общий набор ценностей и моральных норм, социальные взаимодействия становятся фрагментированными, а возникновение расколов или конфликтов неизбежно [1].

В этой связи религиозные ценности могут играть роль своеобразной «связующей ткани» общества, когда традиционные религиозные практики и мировоззренческие ориентиры отражают глубинные культурные смыслы народа. Именно этот фактор становится особенно актуальным в периоды социально-экономических кризисов или мировоззренческих потрясений, когда возникает потребность в «духовных ориентирах».

Теоретическая опора при изучении морально-нравственных ориентиров Русской Православной Церкви (РПЦ) и их воздействия на общественную консолидацию требует сочетания сразу нескольких подходов. В первую очередь, важным оказывается аксиологический анализ, позволяющий выявлять ценностные доминанты, вокруг которых выстраивается православная этика. Соборность, милосердие, жертвенность и правда – это не только духовные постулаты, но и мощные социальные концепты [4], поскольку они задают тон общественному поведению и влияют на межличностные коммуникации. Аксиологический аспект помогает оценить, какие ценности в первую очередь формируют нравственное пространство прихода и, шире, всего российского населения.

Во-вторых, институциональный подход выражается в том, что РПЦ исследуется как сложная социальная организация, имеющая внутреннюю структуру, управленческие звенья (священноначалие, Синодальные отделы, епархии), а также внешние механизмы взаимодействия с государством, другими конфессиями и гражданскими институтами [2, с.70–76]. С помощью этого подхода можно объяснить, каким образом религиозное учение «переводится» в социальную практику – будь то благотворительные акции, образовательные программы или миротворческие проекты.

Следует отдельно упомянуть социологический и психологический аспект, позволяющий исследовать

степень включённости разных групп населения в систему православных ценностей. Соответствующие опросы и интервью проливают свет на то, как люди воспринимают нормы и заповеди Церкви, испытывают ли они доверие к её руководству и готовы ли участвовать в совместных проектах, призванных укреплять социальную солидарность.

Морально-нравственные ориентиры РПЦ рассматриваются как многослойная система ценностных смыслов (см. Таблицу 1). На теологическом уровне они формируют ядро православной веры, придавая ей универсальные качества (любовь к ближнему, стремление к христианскому совершенству). На социально-доктринальном уровне эти идеалы приобретают более конкретное выражение – в частности, через ориентиры защитить Отечество, сохранять традиционную семью, уважать достоинство личности. Наконец, на практическом уровне эти установки воплощаются в благотворительных и просветительских проектах, где каждая инициатива призвана укреплять морально-нравственный климат общества [7].

Важным аспектом, влияющим на реализацию морально-нравственных ориентиров Церкви, становится правовое регулирование. Российское государство, будучи по Конституции светским, не вмешивается во внутреннюю жизнь религиозных организаций, однако активно сотрудничает с ними по вопросам, связанным с социальной сферой, культурной политикой и патриотическим воспитанием. Так создаются государственно-конфессиональные соглашения, формируются рабочие группы и экспертные советы, где представители Церкви имеют возможность вносить предложения по различным вопросам общественного развития [8].

С другой стороны, существуют ограничения, связанные с принципом светскости, которые необходимо учитывать: религиозные организации не наделены правом вмешательства в политические выборы, не могут вести агитацию за ту или иную партию или кандидата. Подобного рода правовые рамки обеспечивают равенство возможностей для всех религиозных объединений и гарантируют неангажированность государственных структур. В этом контексте консолидирующий потенциал РПЦ реализуется через социальное служение, просветительские программы, семейную политику, взаимодействие с Вооружёнными Силами, молодёжные инициативы, благотворительную деятельность.

Следует отметить, что в ряде регионов России приняты отдельные программы сотрудничества государственных органов и РПЦ по развитию духовно-нравственного воспитания населения. К примеру, в некоторых субъектах Федерации осуществляется государственная поддержка епархиальных социальных проектов, фестивалей православной

культуры, создания духовно-просветительских центров. Эти меры не только укрепляют социальное партнёрство между государством и Церковью, но и способствуют расширению влияния морально-нравственных ориентиров православия на массовое сознание [6, с. 134–137].

На протяжении XX–XXI вв. сформировались различные научные парадигмы, пытающиеся осмыслить роль религии в социальной жизни. В традиционном подходе религия понималась как средство сохранения социальной стабильности и источника коллективных представлений о нравственности. В советской науке данная функция религии интерпретировалась ограниченно, поскольку преобладал атеистический и классовый подход, рассматривающий церковные структуры скорее, как пережиток феодального прошлого.

Однако в постсоветский период научный взгляд стал более многогранным и свободным от идеологических ограничений. Появились исследования, подчеркивающие, что РПЦ способна не только укреплять духовно-нравственную базу общества, но и оказывать позитивное влияние на социальную активность граждан. Активизировался интерес к вопросам, связанным с вовлечением Церкви в решение социальных проблем: от работы с молодёжью и поддержки семей до участия в обсуждении общественно значимых законопроектов.

Современные исследователи обращают внимание на то, что религиозные институты, в частности РПЦ, способны формировать уникальные социальные практики, объединяющие людей на основе общих ценностей и идентификаций. При этом внутри самой Церкви часто звучат голоса, призывающие к более широкой миссии в обеспечении духовной безопасности и нравственной устойчивости страны.

Заканчивая обзор теоретических подходов, методов и вводных данных, подчеркнём, что морально-нравственные ориентиры Православной Церкви исторически выступали устоями общественного сознания и до сих пор сохраняют значимость для духовного здоровья нации. При этом их влияние на общественную консолидацию не является автоматическим: оно зависит от целого ряда социальных, правовых, культурных и информационных условий. Именно поэтому научная рефлексия на данную тему столь необходима, ведь она помогает выделять наиболее перспективные каналы церковно-общественного сотрудничества и определять точки возможного напряжения, которые требуют осознанной проработки с использованием междисциплинарных подходов.

Результаты и обсуждение

Одним из важнейших направлений исследования стала оценка институциональной инфраструктуры РПЦ, позволяющей транслировать православные

ценности широкой аудитории. Как было отмечено ранее, Церковь действует через сеть епархий, синодальных отделов, монастырей, образовательных и медийных проектов. Согласно последним аналитическим данным, на 2024–2025 гг. в стране насчитывается более 300 православных молодёжных клубов и около 5000 воскресных школ [2]. Подобная масштабная сеть распространяется почти во всех регионах, что обеспечивает охват значительной части населения, в том числе социально уязвимых групп или жителей удалённых районов (рис. 1).

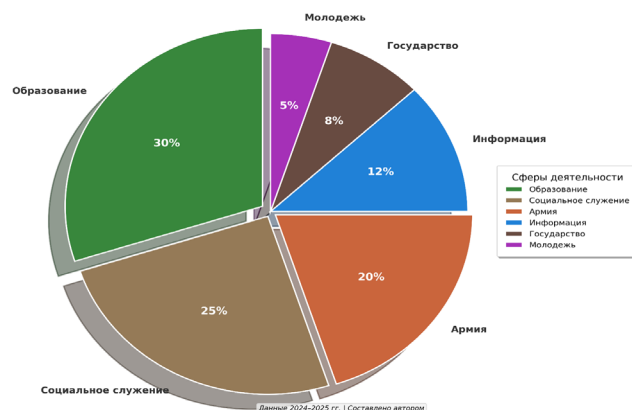

Рис. 1. Распределение активности РПЦ

Для формирования объективной картины был проведён сравнительный анализ, в ходе которого рассмотрены ключевые сферы влияния Церкви. Этот анализ показал, что наиболее сильный консолидирующий эффект РПЦ проявляется там, где её деятельность непосредственно отвечает на запросы и потребности общества. Особенно ярко это видно на примере военного духовенства: капелланы в воинских частях и госпиталях обеспечивают морально-психологическую поддержку военнослужащих, формируют идеи патриотизма и жертвенного служения – ценности, которые традиционно высоко ценятся в российском обществе.

Аналогичную картину можно наблюдать в сфере социального служения, когда РПЦ посредством сестричества, центров гуманитарной помощи и прихрамовых приютов помогает малоимущим, бездомным и иным категориям граждан, оставшимся без поддержки. Благодаря подобным инициативам обращается к конкретным проблемам: нехватке жилья, отсутствию продовольствия, социальной изоляции. Тёплая, неформальная среда церковного служения стимулирует вовлечение людей с разным уровнем религиозности, ведь соучастие и сочувствие в беде универсальны и понятны каждому.

В образовательной сфере влияние Церкви проявляется в активности православных гимназий, духовных школ, а также в проектах для молодёжи и родителей. Сотрудничество с государственными структурами даёт возможность создавать курсы по основам православной культуры и модули по духовно-нравственному воспитанию [8]. Вместе

с тем, подчеркивается принцип светскости образования: никто не заставляет учеников принимать вероучительные постулаты, однако знакомства с духовным наследием великой российской культуры зачастую бывает достаточно, чтобы повысить интерес к национальным традициям и ощутить более глубокую связь с обществом.

Для выявления эффективности религиозных ценностей как фактора общественной консолидации был проведён социологический опрос (N=1200) в пяти регионах Российской Федерации, отличающихся уровнем урбанизации и конфессиональными характеристиками. В исследование вошли респонденты разных возрастов: от 16 до 65 лет. Фокус-группы дополнили анкетирование для более детального анализа эмоциональные реакции на ряд утверждений о роли РПЦ в общественной жизни.

В ходе опроса респонденты оценивали доверие к Церкви, важность её морально-нравственных ориентиров и степень влияния на личные нравственные взгляды. Выяснилось, что свыше 60% опрошенных «в основном» или «полностью» доверяют РПЦ (однако степень воцерковлённости может быть небольшой). Особенно высок уровень доверия среди людей старше 45 лет и в сельской местности [9]. Городская молодёжь показала более скептическое отношение к церковным институтам, однако при этом проявила интерес к социальным проектам, в которых участвует Церковь.

Отдельные вопросы касались конкретных ценностей: респонденты оценивали, насколько для них важны традиционная семья, патриотизм, милосердие, социальная справедливость. Более 70% согласились, что эти ценности укрепляют единство общества. При этом свыше половины опрошенных утверждали, что РПЦ «в определённой мере» или «в полной мере» способствует укреплению данных ценностей. Около 15% респондентов выразили негативное отношение к церковным инициативам в общественной сфере, аргументируя это тем, что религиозная организация не должна иметь весомого влияния на государственные или общественные процессы. Тем не менее, часть из этих респондентов признавали ценность благотворительности, которую осуществляет Церковь.

Фокус-группы позволили выявить и некоторые любопытные детали. Например, участники молодёжного сегмента (возраст 18–25 лет) чаще всего позитивно отзывались о волонтёрских акциях РПЦ, связанных с защитой животных, экологическими субботниками и гуманитарной помощью беженцам. Именно эти сферы деятельности, совмещающие морально-нравственные постулаты и конкретные общественно-значимые действия, вызывают большой отклик у молодых людей.

Исходя из обсуждённых данных, можно выделить несколько основных проблем, с которыми сталкивается Русская Православная Церковь,

стремясь укрепить нравственные ориентиры в обществе.

Во-первых, существует противоречие между декларируемой традиционной системой ценностей и неоднородностью современного населения России. Это не только межконфессиональное многообразие, но и значительные различия в мировоззрениях новых поколений, которые порой демонстрируют либеральные, глобалистские настроения. Соответственно, РПЦ необходимо искать формат более гибкой коммуникации и расширять просветительскую деятельность в формате диалога, а не только наставнической проповеди.

Во-вторых, у Церкви всё ещё ограничены финансовые ресурсы для масштабных социальных проектов, особенно в отдалённых и экономически неблагополучных регионах. Несмотря на поддержку со стороны государства или спонсоров, не все благотворительные инициативы удаётся реализовать в полной мере. Это приводит к ситуационному характеру многих акций, что снижает их общий консолидирующий эффект.

В-третьих, сохраняется проблема кадрового дефицита. Число священников и мирян, готовых активно работать в социальной, молодёжной и образовательной сферах, нередко оказывается недостаточным, особенно на фоне роста масштабов церковных проектов. Недостаток менеджерских умений или отсутствующие навыки публичного общения осложняют взаимодействие с органами власти, СМИ и другими институтами.

Наконец, важной проблемой остаётся негативная реакция части общества, которая видит в Церкви пережиток прошлого или учреждение политически ангажированное. Хотя социологические данные говорят о достаточно высоком уровне доверия, ничтожная, но громкая часть активистов скептически оценивает присутствие религии в общественном пространстве. Подобная критика иногда интерпретируется как покушение на свободу вероисповедания, однако чаще свидетельствует о том, что Церкви необходимо тщательнее разъяснять свою социальную миссию, избегая прямого лоббизма.

Целесообразно отметить, что наиболее плодотворной оказывается тактика «мягкой силы» — то есть акцент на общечеловеческих ценностях (солидарности, человечности, ответственности), которые близки не только прихожанам, но и людям без религиозной принадлежности. Такая форма диалога способна снимать острые вопросы о «навязывании» веры и способствует развитию гражданской идентичности на основе традиционных нравственных идеалов.

Заключение

Выполненное исследование позволило подтвердить актуальность и значимость морально-нравственных

ориентиров Русской Православной Церкви как фактора общественной консолидации в условиях сложных социокультурных и институциональных трансформаций. Проведённый анализ показывает, что православные ценности, хоть и подвергаются определённой критике со стороны части общества, в целом сохраняют высокую востребованность, в особенности среди тех групп, которые ищут духовную опору и поддержку в условиях быстроменяющейся реальности.

Безусловно, принципы соборности, милосердия, патриотизма, жертвенности обладают потенциалом объединять различные социальные слои на основе общих представлений о добре и справедливости. Однако далеко не все элементарно принимают эти принципы, рассматривая их в свете религиозной догматики и предполагая, что они навязываются сверху. Отсюда следует, что РПЦ должна развивать формы социального служения, ведь именно конкретные дела – будь то воспитание подрастающих поколений во взаимоуважении, благотворительные акции для нуждающихся, моральная и практическая поддержка семей и военнослужащих – вызывают наибольший общественный отклик и объединяют людей вне зависимости от уровня вероисповедания.

Кроме того, исследовательские данные фокус-групп говорят о том, что православные проекты для молодёжи породили особую волну интереса к волонтерской деятельности. Именно молодые участники совместных экологических и культурных акций получают опыт кооперации, приобщаются к истории и духовной культуре России, что способствует закреплению у них позитивных нравственных установок и укреплению чувства гражданской общности. Этот факт демонстрирует, что религиозная ценность может быть органично вплетена в современные форматы общественной активности, если Церковь готова адаптироваться к новым реалиям.

Вместе с тем нельзя недооценивать существующие барьеры. Светский статус государства обязывает РПЦ придерживаться чёткого баланса между неоднородными политическими интересами, избегая избыточного влияния во внутренней или внешней политике страны. Кроме того, необходима более системная информационная политика, развивающая новые каналы коммуникации (социальные сети, онлайн-форумы, интерактивные события). Важна и подготовка квалифицированных кадров, способных строить открытый диалог с весьма критически настроенной частью граждан.

На основании полученных результатов представляется целесообразным выработать ряд рекомендаций, направленных на усиление позитивного вклада православных ценностей в общественную консолидацию:

1) Развитие междисциплинарных программ в образовательных учреждениях, где традицион-

ные духовные смыслы излагаются наравне с общегуманитарными дисциплинами, чтобы способствовать формированию сбалансированного мировоззрения и уважения к собственной культуре.

2) Усиление социального партнёрства между РПЦ и государством, но с сохранением принципа добровольности и светской государственности; показательная поддержка совместных благотворительных проектов способна укреплять взаимное доверие.

3) Создание молодёжных медиа-площадок, где священники, общественные деятели и представители научного сообщества могут обсуждать вопросы этики, нравственности и ответственности, учитывая специфику поколенческих интересов.

4) Расширение межконфессионального диалога, ориентированного на поиск общих ценностей, что особенно актуально для регионов с многоконфессиональным составом населения; подобные инициативы снижают риск культурных конфликтов и повышают уровень толерантности.

5) Поддержка церковных специалистов (священников, руководителей социальных проектов) в освоении современных управленческих и коммуникационных технологий, чтобы они могли эффективнее работать с разнообразными группами населения.

Таким образом, Русская Православная Церковь, обладая богатым духовным наследием и институциональным потенциалом, вносит позитивный вклад в процессы общественной консолидации. Их дальнейшее развитие зависит от комплексного решения обозначенных проблем, стратегического планирования и открытого диалога с обществом. При соблюдении этих условий морально-нравственные ориентиры православия могут стать одним из значимых факторов укрепления духовных и гражданских связей в современной России – с учётом принципа свободы вести и интересов множества социальных групп.

Литература

1. Волобуев А.В. Фундаментализм и вызовы постглобализма: монография / А.В. Волобуев. – Москва: Прометей, 2021. – 148 с. – ISBN 978-5-00172-156-9.
2. Санин Д.В. Духовно-нравственные ценности российской молодёжи: политические и социальные факторы формирования / Д.В. Санин, И.В. Белова // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 70–76.
3. Ермолаева Т.И. Воспитательный потенциал дополнительного образования Самарского региона: подходы, теории и практики / Т.И. Ермолаева [и др.]. – Самара, 2025. – 210 с.
4. Абдурахманов Т.Ш. Тенденции социокультурной трансформации современного российского общества / Т.Ш. Абдурахманов, Ю.Д. Джа-

- браилов // По каменистым тропам науки. – Мачкачала, 2024. – С. 16–22.
5. Дьяченко А.Н. Социально-философский анализ особенностей молодёжных групп / А.Н. Дьяченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 7–1 (94). – С. 83–86.
 6. Черноусова Т.С. Аполитичность молодежи в современном российском обществе / Т.С. Черноусова // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: материалы международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2022. – С. 134–137.
 7. Хрисанова А.В. Патриотизм как нравственная ценность / А.В. Хрисанова. – Текст: электронный // Научный форум: инновационная наука: сборник статей по материалам XXIII Международной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – № 5 (23). – С. 45–49. – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22\(23\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22(23).pdf) (дата обращения: 23.02.2026).
 8. Давлетшина Д.М. Актуальные проблемы развития духовно-нравственных ценностей современной молодежи в поликультурном городе / Д.М. Давлетшина. – Текст: электронный // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-duhovnonravstvennyh-tsennostey-sovremennoy-molodezhi-v-polikulturnom-gorode> (дата обращения: 23.02.2026).
 9. Проект федерального закона № 1103505–6 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» (внесен 20.06.2016). – Текст: электронный // Гарант.ру. – URL: <https://base.garant.ru/57261662/> (дата обращения: 23.02.2026).
 10. Данные Росстата. Численность населения по однолетним возрастам. – Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.02.2026).

MORAL AND ETHICAL GUIDELINES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS A FACTOR OF SOCIAL CONSOLIDATION IN MODERN RUSSIA

Filatov D.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The moral and ethical guidelines of the Russian Orthodox Church in modern Russia represent a dynamically developing system of value coordinates that significantly influences the processes of social consolidation in the context of civilizational challenges and the value crisis. The relevance of the study is determined by the growing role of traditional spiritual and moral values in ensuring national security, as enshrined in the National Security Strategy of the Russian Federation and the Foundations of State Cultural Policy, while simultaneously strengthening the ideological fragmentation of Russian society. The scientific problem lies in the need to systematize theoretical approaches to analyzing the consolidating potential of Orthodox value orientations, identifying the mechanisms for transmitting moral and ethical imperatives into the secular public space,

and determining the key factors that either promote or hinder the integrative function of the Russian Orthodox Church. The object of the study is the system of moral and ethical guidelines of the Russian Orthodox Church as a set of doctrinal provisions, social doctrines, and pastoral practices addressed to broad sections of Russian society. The subject of the study is the patterns of formation, functioning, and evolution of the consolidating potential of Orthodox value orientations, including the mechanisms of their transmission into public consciousness, the institutional forms of interaction between the Church and the state and civil society, and the strategies for overcoming worldview divides. The aim of the work is to identify the key trends in the influence of the moral and ethical guidelines of the Russian Orthodox Church on the processes of social consolidation in modern Russia, to systematize the institutional forms of transmitting Orthodox values, and to determine the prospects for the development of the integrative function of the Church. The research methodology is based on axiological and institutional approaches to the analysis of social partnership, the concept of spiritual security, and the theory of social solidarity. The results of the study reveal the current state of the influence of the Russian Orthodox Church on the value orientations of Russian society, demonstrating the high consolidating potential of Orthodox values while simultaneously identifying institutional, ideological, and sociocultural barriers that hinder the full realization of the integrative function of the Church in the context of a secular state and a multi-confessional population.

Keywords: Russian Orthodox Church; moral and ethical guidelines; social consolidation; traditional values; spiritual security; social partnership; value crisis; axiological space; civic identity; social solidarity.

References

1. Volobuev A.V. Fundamentalism and the Challenges of Post-Globalism: Monograph / A.V. Volobuev. – Moscow: Prometheus, 2021. – 148 p. – ISBN 978-5-00172-156-9.
2. Sanin D.V., & Belova I.V. Spiritual and moral values of Russian youth: political and social factors of formation. Socio-Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 8. – pp. 70–76.
3. Ermolaeva T.I. [et al.]. Educational potential of supplementary education in the Samara region: approaches, theories, and practices. – Samara, 2025. – 210 p.
4. Abdurakhmanov T.Sh., & Dzhabrailov Yu.D. Trends in the socio-cultural transformation of modern Russian society. On the stony paths of science. – Makhachkala, 2024. – pp. 16–22.
5. Dyachenko A.N. Socio-philosophical analysis of the characteristics of youth groups. International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 7–1 (94). – pp. 83–86.
6. Chernousova T.S. Political apathy of youth in modern Russian society. Crime in the CIS: issues of crime prevention and investigation: proceedings of the international scientific-practical conference. – Voronezh, 2022. – pp. 134–137.
7. Khrisanova A.V. Patriotism as a moral value. [Electronic resource]. Scientific Forum: Innovative Science: collection of articles based on the materials of the XXIII International Scientific-Practical Conference. – Moscow, 2021. – No. 5 (23). – pp. 45–49. – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22\(23\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/22(23).pdf) (access date: 23.02.2026).
8. Davletshina D.M. Current problems in the development of spiritual and moral values of modern youth in a multicultural city. [Electronic resource]. Modern Scientific Research and Innovation. – 2021. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-duhovnonravstvennyh-tsennostey-sovremennoy-molodezhi-v-polikulturnom-gorode> (access date: 23.02.2026).
9. Draft Federal Law No. 1103505–6 “On State Youth Policy in the Russian Federation” (submitted on 20.06.2016). [Electronic resource]. Garant.ru. – URL: <https://base.garant.ru/57261662/> (access date: 23.02.2026).
10. Rosstat data. Population by single-year age groups. [Electronic resource]. Federal State Statistics Service. – URL: <https://www.gks.ru/> (access date: 23.02.2026).

Трансформация понятия «маргинальность» в научном дискурсе и общественном сознании

Воскресенский Алексей Александрович,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

E-mail: voscres@gmail.com

Чистова Анастасия Дмитриевна,

ассистент, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

E-mail: chistova.kult@gmail.com

В статье анализируется трансформация понятия «маргинальность» от ценностно-нейтральной научной категории, разработанной в Чикагской школе (Р. Парк, Э. Стоунквист), до устойчиво негативного стереотипа в общественном сознании и прикладных исследованиях. Выявляются механизмы стигматизации: наклеивание ярлыков (Г. Беккер), конструирование образа врага в медиа, институциональные барьеры. Показана амбивалентность маргинальности, включая её креативный потенциал (аутсайдерское искусство, позитивная девиация). С опорой на российскую литературно-философскую традицию (образы «маленького человека», юродивого, обитателей «дна») предлагается альтернатива вульгарному социологизму и стигматизации. Намечены траектории дестигматизации – теоретические (уточнение понятия) и практические (инклюзивные институты). Методология – синтез социологии девиантности, теории стигмы, философской антропологии и культурных исследований.

Ключевые слова: маргинальность; стигма; девиантность; стереотипизация; амбивалентность; позитивная девиация; аутсайдерское искусство; дестигматизация; социальное исключение; философская антропология.

Введение

В повседневном представлении «маргинальность» сегодня почти синоним бедности, девиантности, изоляции. Обыденное сознание наделяет «маргинала» чертами асоциальной личности. Эта устойчиво негативная коннотация – результат длительной стереотипизации, в ходе которой многомерная научная категория была сведена к ярлыку стигмы. Между тем изначально понятие не несло оценочной нагрузки: в социологии оно описывало пограничное положение на стыке культур и идентичностей. Задача статьи – проследить, как именно произошла трансформация концепта, выявить механизмы его негативной стереотипизации и обозначить возможности возвращения к многозначному, продуктивному пониманию маргинальности.

Классические работы Р.Э. Парка и Э. Стоунквиста трактовали маргинального человека как продукт миграции, обречённого на внутренний конфликт, но одновременно обладающего более широким кругозором [Park, 1928; Stonequist, 1937]. Позже теории девиации и стигмы И. Гофмана и Г. Беккера показали, что девиантность – не свойство поступка, а результат приписывания ярлыка [Goffman, 1963; Becker, 1963]. На этой основе маргинализацию стали рассматривать как форму социальной стигматизации – «клеймения», превращающего индивида в изгоя [Туркулец и др., 2016]. Дискурсивные практики устыжения закрепляют за человеком стигматизированную субъективность [Хитрук, 2015]. В итоге понятие срослось с образами социального дна и люмпенства, что далеко от его исходного содержания.

В отечественной науке эволюция понятия шла от классового анализа «отверженных» к комплексному социологическому осмыслению [Попова, 1996; Маргинальность в современной России, 2000]. Однако подлинная глубина понимания пограничных состояний была достигнута не столько в социологии, сколько в русской литературе и философии XIX–XX веков, которые создали уникальную галерею архетипических фигур социального и духовного пограничья.

Здесь можно выделить три ключевых типа. Первый – «маленький человек» гоголевской и Достоевской традиции. Это не просто бедный чиновник, но существо, почти вытесненное из бытия, чья социальная невидимость становится экзистенциальной трагедией, сопротивляющейся любой положительной трактовке «пограничья». Второй – юродивый,

фигура глубоко значительная и амбивалентная для отечественной интеллектуальной и художественной традиции. В мирской, рациональной системе он – безумец и изгой; но в сакральной онтологии – обладатель высшей истины, сознательно избравший путь на «краю» мира, чтобы обличать его несовершенство. Это пример маргинальности как добровольного духовного подвига. Третий – *обитатели «дна» и «униженные и оскорблённые»*, в чьей радикальной отверженности Достоевский вскрывает не просто социальную несправедливость, но метафизическую глубину. Именно там, на последней границе падения, парадоксально вспыхивает свет подлинной человечности. Этот философско-литературный фундамент создает мощную альтернативу как вульгарному социологизму, сводящему всё к классовой принадлежности, так и современному бытовому стремлению превратить маргинала в однозначно негативный ярлык.

Сегодня исследователи подчёркивают двойственную природу маргинальности: она и разрушает, и несёт обновление [Захарова, 2015; Оболкина, 2025]. Особенно показательны работы по аутсайдерскому искусству, которые демонстрируют, как творчество с периферии культурного мейнстрима способно расширять эстетические границы и проблематизировать саму норму [Суворова, 2020]. Тем не менее в массовом сознании и отчасти в прикладных исследованиях продолжает доминировать стереотип «маргинала как угрозы».

Пространственный срез проблемы подтверждает общую тенденцию. Городские окраины зачастую изображаются в кино как зоны отчуждения, и эти стереотипные представления слабо коррелируют с реальной социальной динамикой [Чистова, 2024; Chistova, 2024]. Так стереотипизация работает и на уровне организации пространства.

Сложилась парадоксальная ситуация: наука фиксирует противоречивый характер и конструктивный потенциал маргинальности, но в публичной сфере обыденного сознания воспроизводится стигма. Отсюда – необходимость специального анализа механизмов стереотипизации маргинальности и поиска путей дестигматизации. Статья последовательно решает четыре задачи: проследить эволюцию понятия, выявить социальные и дискурсивные механизмы негативизации, обосновать амбивалентность и креативный потенциал маргинальности (в том числе через концепт позитивной девиации) и наметить траектории дестигматизации. Методологически работа опирается на синтез социологии девиантности, теории стигмы, философской антропологии и культурных исследований; используется сравнительный анализ научных и публичного дискурсов.

Методологический каркас исследования – междисциплинарный. Сравниваются научный и публичный дискурсы: первый – от Парка до актуальных работ [Захарова, 2015; Оболкина, 2025; Напсо,

2019], второй – через репрезентации в медиа, кино и правовых практиках [Чистова, 2024; Chistova, 2024]. Дополняет анализ концепция позитивной девиации, возвращающая к интуиции Парка о маргинале как потенциально более свободном субъекте [Суворова, 2020; Захарова, 2015]. Такой набор методов даёт возможность проследить эволюцию понятия, вскрыть механизмы стереотипизации и наметить траектории дестигматизации.

Теоретико-методологические походы к исследованию

Понятие маргинальности введено в оборот Р. Парком. В статье 1928 г. он описал маргинального человека как «культурного гибрида», живущего на границе двух культурных миров; конфликт, по Парку, не патология, а источник более широкого взгляда [Park, 1928]. Э. Стоунквист сместил фокус на внутреннюю динамику идентичности: маргинал – тот, кто прошёл социализацию в двух культурных системах, но не принят полностью ни одной; исход может быть как дезорганизацией, так и формированием гибкой, рефлексивной идентичности [Stonequist, 1937]. В этой традиции маргинальность ценностно нейтральна и не сводится к социально-экономической депривации.

Позже, особенно в рамках структурного функционализма и классовых теорий, маргинальность стали трактовать как продукт стратификации, исключённость из институтов. В постсоветской социологии усилиями И.П. Поповой и других исследователей понятие адаптировано к анализу резкой социальной трансформации, но одновременно утрачивало свою многомерность [Попова, 1996; Попова, 2000; Маргинальность в современной России, 2000].

Методологически принципиально различие нормативного и интерпретативного подходов [Бутько, 2016]. Нормативный подход измеряет дистанцию от «центра» – дохода, статуса, норм – и легко переходит в предписывающий регистр, стигматизируя отклонения. Интерпретативный, опираясь на идеи Гоффмана и Беккера, видит в маргинальности продукт социального конструирования: ярлык создаёт девиацию. Стигма, по Гоффману, – атрибут, дискредитирующий личность; Беккер доказал, что девиантность возникает из социальной реакции [Goffman, 1963; Becker, 1963]. В отечественных исследованиях маргинализация прямо описывается как наклеивание ярлыка «чужака», подкреплённое практиками устыжения [Туркулец и др., 2016; Хитрук, 2015]. Совмещение двух оптик позволяет увидеть, как объективные социальные дистанции переводятся в стигматизирующие категории.

Механизмы негативной стереотипизации

Превращение нейтральной категории в ярлык угрозы не случайно: оно обеспечено работой нескольких взаимосвязанных механизмов – стигматизации-

ей, дискурсивным конструированием образа врага и институциональным закреплением стереотипа.

Стигма – не отражение объективных различий, а продукт взаимодействия. Гофман показал, как один атрибут вырывается из контекста и становится основанием для «испорченной идентичности» [Goffman, 1963]. Маргинализация сегодня всё чаще описывается как процесс клеймения, при котором индивид лишается полноты социального признания: фактически лишаясь субъектности и сводится к ярлыку [Туркулец и др., 2016]. Устыжение, как показано Е.Б. Хитрук, замыкает психологический цикл: внешняя оценка интериоризируется, человек начинает видеть себя сквозь стигму [Хитрук, 2015]. Беккер подчёркивал, что девиация – результат навязывания ярлыка властными группами, и стереотипизация маргинальности – действие именно доминирующего дискурса, а не просто искажение обыденным сознанием [Becker, 1963; Бутыко, 2016].

Публичный дискурс насыщен метафорами угрозы и загрязнения. В медиа устойчивы образы «социального дна», «отбросов», «нелегалов», что скрепляет в массовом сознании маргинальность с криминалом и паразитизмом [Напсо, 2019]. Особенно наглядно это проявляется в пространственной маргинальности: кинематограф регулярно изображает окраины как зоны насилия и безысходности, конструируя символическую сегрегацию [Чистова, 2024]. Эмпирические данные свидетельствуют, что такие стереотипы слабо связаны с реальными показателями территорий [Chistova, 2024]. Язык вражды, таким образом, одновременно отражает и формирует общественные настроения, закрепляя символическое обесценивание целых групп и пространств.

Правовые и административные барьеры переводят символическое исключение в материальное. Отсутствие регистрации, доступа к медицине и рынку труда для бездомных или нелегальных мигрантов не только ухудшает их положение, но и «подтверждает» в глазах большинства негативный стереотип. Как показано в коллективной монографии под редакцией Т.И. Заславской, системные сбои институтов воспроизводят маргинальность, превращая временные трудности в хроническое исключение [Маргинальность в современной России, 2000]. Возникает порочный круг: стереотип легитимирует исключаящие практики, а их последствия выдаются за доказательство обоснованности стереотипа. Так многомерное явление редуцируется до плоского образа, а его носители попадают в ловушку, выход из которой без целенаправленной дестигматизации почти невозможен.

Амбивалентность концепта: от девиации к инновации

Параллельно со стигматизацией в науке и культуре развивалась традиция, видящая в пограничном положении источник обновления и творчества.

Современная философия рассматривает маргинальность как онтологическую неустойчивость, которая может разрешиться и деградацией, и обновлением [Оболкина, 2025]. Это сближает её с лиминальностью – переходным состоянием, наделённым в культуре трансформирующим потенциалом. В социологии М.Д. Напсо характеризует маргинальность как неотъемлемую черту современного мира с его размытыми границами и культурной гибридизацией, что заставляет пересмотреть её исключительно негативное толкование [Напсо, 2019]. Сегодня закрепляется представление, что маргинальность не только создаёт риски изоляции, но и открывает возможности для инноваций.

Наиболее ярко продуктивность маргинальности видна в искусстве. Фигура художника на периферии мейнстрима известна с давних времён. А.В. Захарова показывает, что пограничное положение задаёт особые когнитивные условия для творческого прорыва: свобода от нормативных ожиданий, отстранённость и необходимость самостоятельно вырабатывать ориентиры стимулируют креативность [Захарова, 2015]. Аутсайдерское искусство (ар брют), исследованное А.А. Суворовой, демонстрирует, как творчество людей с психиатрическим опытом или в крайней изоляции бросает вызов критериям искусства и расширяет его границы [Суворова, 2020]. Это сильный аргумент против однозначно негативных трактовок: то, что с точки зрения социальной нормы выглядит дефектом, в культуре может стать источником уникального видения.

Креативный потенциал маргинальности не ограничивается искусством. Историческая социология фиксирует, что многие инновации зарождались на периферии, а затем входили в мейнстрим. Самый яркий и масштабный пример – раннее христианство. В иудейском и греко-римском мире первых веков оно было феноменом радикально маргинальным: последователи распятого преступника, собирающиеся в катакомбах, отрицающие имперский культ и социальную иерархию. Римские интеллектуалы (Тацит, Цельс) характеризовали христиан как «суеверие» и «опасную секту низов». Это была периферия во всех смыслах – религиозном, социальном, политическом. Прошло три столетия, и эта маргинальная община стала государственной религией империи, а её символ – крест, орудие позорной казни для изгоев – главным цивилизационным знаком. Это хрестоматийный пример того, как «край» становится центром, а отверженное – нормой.

Осознание амбивалентности подготовило почву для концепции позитивной девиации. Отклонение от нормы не всегда деструктивно; при определённых условиях оно становится двигателем прогресса, источником новых практик и моделей поведения. Ключевой вопрос – не факт отклоне-

ния, а его направленность и последствия. Применительно к нашей теме это означает сдвиг от восприятия маргинальности исключительно как проблемы, требующей исправления или изоляции, к признанию её потенциала, который может быть реализован при адекватных социальных условиях. Однако, как подчёркивает С.В. Оболкина, амбивалентность не должна романтизироваться: пограничное состояние чревато и страданием, и творчеством, и именно трезвый учёт этого требует дифференцированного подхода – минимизировать риски и создавать среду для реализации конструктивных возможностей [Оболкина, 2025].

Траектории дестигматизации: от стереотипа к сложности

Дестигматизация маргинальности возможна на двух уровнях: в научном дискурсе и в социальной практике.

Первый шаг – рефлексия над языком самой науки. Как показала И.П. Попова, в ходе эволюции понятие маргинальности утрачивало психологическую и культурную многомерность, смещаясь к отождествлению с люмпенством и патологией [Попова, 2000]. В.Г. Николаев подчёркивал, что фигура человека «на границе» у Парка и Стоунквиста не имела ничего общего с деклассированным элементом; забвение этого психологического измерения способствовало формированию упрощённого негативного стереотипа [Николаев, 1998]. Н.А. Сайнаков настаивает на строгих дефинициях, предостерегая от смешения маргинальности с лиминальностью или социальным исключением [Сайнаков, 2010]. Интерпретативный подход, развитый А.В. Бутько, позволяет увидеть в маргинальности не объективную ущербность, а продукт социального конструирования, который может быть переосмыслен [Бутько, 2016]. Таким образом, научная дестигматизация начинается с отказа считать стигму свойством самого объекта.

Преодоление маргинализации требует слома «символического барьера» и создания реальных каналов доступа к базовым благам [Туркулец и др., 2016]. Важно, чтобы это были не изолированные программы помощи, воспроизводящие деление на «нормальных» и «неполноценных», а универсальные механизмы гарантий прав. Опыт легитимации аутсайдерского искусства показывает, что инклюзия может строиться не на стирании различий, а на признании ценности иного взгляда [Суворова, 2020]. Распространение этой логики на другие маргинализированные группы и территории – актуальная задача. При этом инклюзивная политика не должна впадать в романтизацию: амбивалентность требует адресного подхода, который и поддерживает конструктивный потенциал, и смягчает деструктивные сценарии [Оболкина, 2025].

Заключение

Анализ показал, что негативный стереотип маргинальности – не случайное искажение, а продукт системного взаимодействия стигматизирующих дискурсов, институциональных барьеров и культурных репрезентаций. Изначально в Чикагской школе маргинальность понималась как ценностно-нейтральное пограничное состояние, чреватое и конфликтом, и более широким мировосприятием. Под влиянием теорий стигмы и наклеивания ярлыков, а затем и структурных подходов, понятие срослось с образом угрозы и социального дна. Однако параллельно в науке и культуре укреплялось представление об амбивалентности маргинальности, её креативном потенциале, наиболее ярко проявившемся в сфере аутсайдерского искусства. Концепция позитивной девиации предлагает альтернативу стигматизирующим трактовкам.

Дестигматизация требует двойного движения: в теории – возврата к многомерному, психологически фундированному пониманию, отказа от отождествления с люмпенством; на практике – перехода к инклюзивным институтам, которые гарантируют права и ценят различие. Только так можно заменить плоский образ «маргинала как угрозы» на более сложное и реалистичное видение, учитывающее и уязвимость, и творческий потенциал пограничного положения.

Литература

1. Park, R.E. Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology*. – 1928. – Vol. 33, № 6. – P. 881–893.
2. Stonequist, E.V. *The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict*. – New York: C. Scribner's Sons, 1937. – 228 p.
3. Goffman, E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963. – 147 p.
4. Becker, H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. – New York: The Free Press, 1963. – 215 p.
5. Chistova, A.D. Stereotypical ideas in the perception of spatial marginality of urban outskirts // *Construction Materials and Products*. – 2024. – Vol. 7, № 1. – DOI 10.58224/2618–7183–2024–7–1–6.
6. Бутько, А.В. Нормативное и интерпретативное понимание сущности феномена маргинальности // *Идеи и идеалы*. – 2016. – № 3 (29). – С. 86–94.
7. Захарова, А.В. Феномен маргинальности: креативная составляющая // *Вестник НГТУ*. – 2015. – № 3. – С. 133–137.
8. Маргинальность в современной России: коллективная монография / отв. ред. Т.И. Заслав-

- ская. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 208 с.
9. Напсо, М.Д. Маргинальность как характеристика современного мира // Социодинамика. – 2019. – № 3. – С. 1–10.
 10. Николаев, В.Г. Человек «на границе»: проблема маргинальности в зеркале социологической классики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ. – 1998. – № 2. – С. 24–41.
 11. Оболкина, С.В. Философский анализ проблемы маргинальности // Антиномии. – 2025. – Т. 25, вып. 3. – С. 32–43.
 12. Попова, И.П. Маргинальность. Социологический анализ: учебное пособие. – М.: Союз, 1996. – 77 с.
 13. Попова, И.П. Эволюция понятия маргинальности в истории социологии // Маргинальность в современной России. – М.: МОНФ, 2000. – С. 7–45.
 14. Сайнаков, Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 100–105.
 15. Суворова, А.А. Аутсайдерское искусство в культурологической перспективе // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 4(64). – С. 82–91.
 16. Туркулец, С. Е., Листопадова, Е. В., Мерецкая, Н.А. Маргинализация как форма социальной стигматизации // Вестник ДВГУПС. – 2016. – № 3. – С. 34–40.
 17. Хитрук, Е.Б. Практики устыжения в социальном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 4 (32). – С. 44–53.
 18. Чистова, А.Д. Пространственная маргинальность: репрезентация городских окраин в российском кинематографе // Диалог культур-культура диалога в многонациональном городском пространстве. – М.: ООО «Языки народов мира», 2024. – С. 527–533.
 19. Маргинальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 489–490.

THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF «MARGINALITY» IN SCIENTIFIC DISCOURSE AND PUBLIC CONSCIOUSNESS

Voskresensky A.A., Chistova A.D.

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article examines the transformation of the concept of «margin-ality» from a value-neutral scientific category developed by the Chicago School (R. Park, E. Stonequist) to a persistently negative stereotype in public consciousness and applied research. The mechanisms of stigmatization are revealed: labeling (H. Becker), construction of the enemy image in the media, and institutional barriers. The

ambivalence of marginality, including its creative potential (outsider art, positive deviance), is demonstrated. Drawing on the Russian literary and philosophical tradition (images of the «little man», the holy fool, the inhabitants of the «bottom»), an alternative to vulgar sociology and stigmatization is proposed. Trajectories of destigmatization are outlined – theoretical (refinement of the concept) and practical (inclusive institutions). The methodology combines the sociology of deviance, stigma theory, philosophical anthropology, and cultural studies.

Keywords: marginality; stigma; deviance; stereotyping; ambivalence; positive deviance; outsider art; destigmatization; social exclusion; philosophical anthropology.

References

1. Park, R.E. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. – 1928. – Vol. 33, № 6. – P. 881–893.
2. Stonequist, E.V. The Marginal Man: A Study in Personality and Cultural Conflict. – New York: C. Scribner's Sons, 1937. – 228 p.
3. Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963. – 147 p.
4. Becker, H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. – New York: The Free Press, 1963. – 215 p.
5. Chistova, A.D. Stereotypical ideas in the perception of spatial marginality of urban outskirts // Construction Materials and Products. – 2024. – Vol. 7, № 1. – DOI 10.58224/2618–7183–2024–7–1–6.
6. Butko, A.V. Normative and interpretative understanding of the essence of the phenomenon of marginality // Ideas and Ideals. – 2016. – № 3 (29). – P. 86–94.
7. Zakharova, A.V. The phenomenon of marginality: the creative component // Bulletin of NSTU. – 2015. – № 3. – P. 133–137.
8. Marginality in modern Russia: collective monograph / ed. T.I. Zaslavskaya. – M.: Moscow Public Scientific Foundation, 2000. – 208 p.
9. Napso, M.D. Marginality as a Characteristic of the Modern World // Sociodynamics. – 2019. – № 3. – Pp. 1–10.
10. Nikolaev, V.G. Man «on the Border»: the Problem of Marginality in the Mirror of Sociological Classics // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 11, Sociology: RZh. – 1998. – № 2. – Pp. 24–41.
11. Obolkina, S.V. Philosophical Analysis of the Problem of Marginality // Antinomies. – 2025. – Vol. 25, issue 3. – Pp. 32–43.
12. Popova, I.P. Marginality. Sociological Analysis: A Textbook. Moscow: Soyuz, 1996, 77 p.
13. Popova, I.P. Evolution of the Concept of Marginality in the History of Sociology // Marginality in Contemporary Russia. Moscow: MONF, 2000, pp. 7–45.
14. Sainakov, N.A. Marginality as a Concept. Methodological Perspectives in Historical Research // Bulletin of Tomsk State University. 2010, № 338, pp. 100–105.
15. Suvorova, A.A. Outsider Art in a Cultural Perspective // Bulletin of Culture and Arts. 2020, № 4(64), pp. 82–91.
16. Turkulets, S. E., Listopadova, E. V., Meretskaya, N.A. Marginalization as a Form of Social Stigmatization // Bulletin of the Far Eastern State Transport University. – 2016. – № 3. – P. 34–40.
17. Khitruk, E.B. Practices of Shaming in Social Discourse // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2015. – № 4 (32). – P. 44–53.
18. Chistova, A.D. Spatial Marginality: Representation of Urban Outskirts in Russian Cinema // Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue in a Multinational Urban Space. – Moscow: ООО «Languages of the Peoples of the World», 2024. – P. 527–533.
19. Marginality // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / edited by V.S. Stepin. – M.: Mysl, 2001. – V. 2. – P. 489–490.

Общее и различия в концепциях христианской православной морали и этики взаимопомощи П.А. Кропоткина

Шуклина Анна Юрьевна,

независимый исследователь, кафедра социально-гуманитарных и философских дисциплин, соискатель ученой степени кандидата философских наук ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
E-mail: shuani2207@mail.ru

В условиях современного разрыва между стремительным технологическим прогрессом и отставанием нравственных ориентиров особую актуальность приобретает сравнительный анализ этических систем, предлагающих различные пути решения данной проблемы. В статье предпринимается компаративистский анализ христианской православной морали и биоэтической концепции П.А. Кропоткина. Выявляются общие основания обеих систем: признание альтруизма, осуждение эгоизма, идеал справедливости и общественного служения. Устанавливаются фундаментальные различия в понимании источника нравственности (божественное откровение или естественнонаучная эволюция), природы человека, а также отношения к государству и церковным институтам. Делается вывод о возможности конструктивного диалога между этими системами в контексте современной биоэтической проблематики при сохранении их мировоззренческой несовместимости по ряду ключевых позиций.

Ключевые слова: православная этика, биоэтика, П.А. Кропоткин, взаимопомощь, нравственность, альтруизм, соборность.

Вопросы морали и этики занимают центральное место в философских, религиозных и социальных учениях, определяя как личные ориентиры человека, так и основы общественного устройства. В истории русской мысли особое значение приобрели две концепции: христианская православная мораль и этика взаимопомощи П.А. Кропоткина. Несмотря на принадлежность к разным традициям – религиозной и светской, – обе системы уделяют первостепенное внимание нравственным основам человеческих отношений, вопросам добра, справедливости и солидарности. Христианская православная мораль базируется на евангельских заповедях, учении о любви к ближнему, милосердии, смирении и самопожертвовании. Она рассматривает нравственность как проявление божественной воли и путь к духовному совершенствованию личности и общества. В центре православной этики – идея братства, сострадания и ответственности каждого за судьбу другого. Этика взаимопомощи П.А. Кропоткина, в свою очередь, представляет собой светское учение, основанное на наблюдениях за природой и историей человеческих обществ. П.А. Кропоткин утверждал, что взаимопомощь и солидарность – не только нравственный идеал, но и важнейший фактор выживания и развития человечества. Его концепция опирается на принципы равенства, свободы, коллективной ответственности и отрицает принуждение как основу общественного порядка. Актуальность сопоставления этих двух систем обусловлена не только их историческим влиянием на русскую культуру, но и современными поисками нравственных ориентиров в условиях глобальных социальных перемен. Исследование общего и различий между православной моралью и этикой взаимопомощи позволяет глубже понять истоки гуманизма в отечественной традиции, выявить точки соприкосновения религии и светской этики, а также определить перспективы диалога между ними в современном обществе.

Философская концепция П.А. Кропоткина подчеркивает значимость кардинальных исторических поворотов, способных направить общество к принципиально новым горизонтам развития [2, с. 387]. Данный подход, однако, вступает в сложный диалог с православной нравственной традицией, которая видит источник нравственности не в социальных преобразованиях, а в божественном откровении и аскетическом преображении человека.

Фундаментальное различие между православной этикой и этическим учением П.А. Кропоткина коренится в ответе на вопрос о происхождении нравственности. Для христианского мировоззрения источником нравственного закона является Бог. Православная антропология исходит из того, что человек создан «по образу Божию и по подобию» [6]. Как отмечается в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», формулируя свое отношение к проблемам биоэтики, «Церковь исходит из основанных на Божественном Откровении представлений о жизни как бесценном даре Божиим, о неотъемлемой свободе и богоподобном достоинстве человеческой личности» [8]. Нравственность, с этой точки зрения, не может быть выведена из эмпирического опыта или биологических закономерностей, поскольку имеет трансцендентное основание. П.А. Кропоткин, напротив, решительно отвергает какое-либо сверхъестественное происхождение нравственности. В своем фундаментальном труде «Этика» он утверждает: «Природа не только не дает нам урока аморализма, т.е. безразличного отношения к нравственности, с которым какое-то начало, чуждое природе, должно бороться, чтобы победить его, но мы вынуждены признать, что самые понятия о добре и зле и наши умозаключения о «Высшем добре» заимствованы из жизни природы» [4]. Для П.А. Кропоткина нравственность имеет исключительно естественнонаучное происхождение, ее зачатки он обнаруживает уже в животном мире – в инстинкте общительности. Однако примечательно, что обе системы в конечном счете приходят к утверждению альтруизма как высшей нравственной нормы. П.А. Кропоткин подчеркивает: «Общительная сторона животной жизни играет гораздо большую роль в жизни природы, чем взаимное истребление. Она также гораздо более распространена» [4]. Православная этика, в свою очередь, видит в любви к ближнему – вплоть до любви к врагам – исполнение нравственного закона.

Несмотря на мировоззренческие расхождения, православная этика и учение П.А. Кропоткина демонстрируют поразительное сходство в практических нравственных императивах. Обе системы бескомпромиссно осуждают эгоизм и утверждают ценность служения ближнему. П.А. Кропоткин выделяет три последовательных ступени нравственного развития: «Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность – таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека» [4]. Высшая ступень – нравственность, предполагающая способность к самопожертвованию, к действию на благо общества без расчета на воздаяние. Философ настаивает, что «взаимопомощь дает такие преимущества видам животных, практикующим ее, что совершенно изменяет соотношение сил не в пользу хищников» [4]. Православ-

ная традиция, хотя и не использует эволюционную терминологию, также утверждает, что подлинное нравственное совершенство достигается через самоотречение и служение. Святитель Игнатий (Брянчанинов) учил, что «самое существо души нашей – образ Бога. И по падении в грех душа пребывает образом!» [6]. Восстановление этого образа происходит через любовь, которая в христианском понимании есть не чувство, а деятельное расположение воли, направленное на благо другого. Обе системы сходятся в том, что нравственность не может быть сведена к полезности или эгоистическому расчету. Для П.А. Кропоткина «самопожертвование» становится критерием высшей нравственности; для православия – жертвенная любовь, явленная во Христе, является образцом для подражания.

Вторым важным пунктом сближения двух систем является их критическое отношение к социальной несправедливости и неравенству. П.А. Кропоткин подчеркивает, что справедливость составляет основное понятие этики: «Не может быть нравственности без равного отношения ко всем, то есть без справедливости» [4]. Без признания справедливости, предупреждает философ, «общественная нравственность останется тем, что она представляет теперь, то есть лицемерием» [4]. Православная этика, не принимая революционных методов преобразования общества, тем не менее содержит мощный критический заряд в адрес социальной несправедливости. В «Основах социальной концепции РПЦ» говорится, что «Церковь призвана в соработничестве с государственными структурами и заинтересованными общественными кругами участвовать в выработке такого понимания охраны здоровья нации, при котором каждый человек мог бы осуществить свое право на духовное, физическое, психическое здоровье и социальное благополучие» [8]. В русской православной традиции идеал социальной справедливости нашел выражение в концепции «соборности», предполагающей не механическое равенство, но органическое единство различных членов церковно-общественного тела. Этот идеал перекликается с кропоткинским пониманием федеративного устройства общества, основанного на добровольной кооперации и взаимопомощи, а не на принуждении. П.А. Кропоткин утверждал, что «необузданный индивидуализм – явление новейшего времени, но он вовсе не был свойствен первобытному человечеству» [10].

Наиболее радикальные различия между православной этикой и учением П.А. Кропоткина обнаруживаются в понимании человеческой природы. Для православной антропологии характерно трезвое видение человека, в котором образ Божий сосуществует с наследственной греховной поврежденностью. Как отмечает православный богослов, «в силу грехопадения человек разорвал

свою связь с Богом и лишил себя возможности обожения и вечной жизни»; «сама человеческая природа в результате грехопадения повредила, стала тленной и смертной», и «эта поврежденная природа передалась всем потомкам» [9]. П.А. Кропоткин, напротив, исходит из постулата о естественной доброте человека, которая подавляется искусственными социальными институтами. В работе «Взаимная помощь как фактор эволюции» он настаивает, что инстинкт взаимопомощи – «постоянно присущий инстинкт, который всегда в действии у всех общительных животных, в том числе, конечно, и у человека» [4]. Более того, этот инстинкт, по П.А. Кропоткину, «так же глубоко заложен во всех животных, низших и высших, как и материнский инстинкт, быть может, даже глубже» [4]. Для православия нравственное совершенствование невозможно без аскетического усилия, без борьбы со страстями, без благодатной помощи Божией. П.А. Кропоткин же полагает, что достаточно устранить социальные препятствия – государственное принуждение, эксплуатацию, неравенство – чтобы природная доброта человека проявилась в полной мере. В этом пункте его этика смыкается с просветительским оптимизмом, который был чужд православной традиции с ее более трагическим восприятием истории.

Следующая область существенных расхождений – отношение к государству и социальным институтам. П.А. Кропоткин, как теоретик анархизма, видел в государстве главного врага нравственного развития человека. Он утверждал, что «самая стойкость родовой организации показывает, насколько ложен тот взгляд, в силу которого первобытное человечество изображают в виде беспорядочного скопища индивидуумов» [10]. Православная этика, в отличие от этого, видит в церкви не институт подавления, а школу нравственного воспитания, «лечебницу», где душа исцеляется от греха. «Основы социальной концепции РПЦ» подчеркивают, что «взаимоотношения врача и пациента должны строиться на уважении целостности, свободного выбора и достоинства личности. Недопустима манипуляция человеком даже ради самых благих целей» [8]. Церковь, с этой точки зрения, есть не принудительная структура, а сообщество свободных личностей, объединенных общей верой и нравственными ценностями. П.А. Кропоткин, напротив, рассматривал церковь наряду с государством как институт подавления естественной общительности человека. Для него «Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность» являются «органической необходимостью, несущей в самой себе свое оправдание» [4], не нуждающейся в санкции со стороны каких-либо авторитетных институтов.

В контексте современных биоэтических вызовов обе рассмотренные концепции демонстрируют как сильные, так и слабые стороны. Православ-

ная этика, основанная на абсолютных нравственных заповедях, предлагает твердые ориентиры в ситуациях нравственного выбора. Как отмечается в разделе XII «Основ социальной концепции РПЦ», посвященном проблемам биоэтики, «целью генетического вмешательства не должно быть искусственное «усовершенствование» человеческого рода и вторжение в Божий план о человеке» [8]. «Кропоткинская» биоэтика, основанная на принципе взаимопомощи и естественной нравственности, предлагает иной подход: доверие к саморегуляции сообщества, приоритет горизонтальных связей перед вертикальной иерархией, акцент на коллективной ответственности. Как отмечает А.П. Огурцов, биоэтическая концепция П.А. Кропоткина закладывает основы новой биософской парадигмы, утверждающей приоритет жизни как в биологическом, так и культурно-философском измерениях [5, с. 49]. В то же время, как справедливо замечает В.М. Артемов, «нравственное измерение права» становится критически важным фактором защиты прав человека перед лицом новых технологических угроз [4, с. 30–42]. И в этом пункте обе традиции – и православная, и кропоткинская – сходятся в признании необходимости нравственной оценки технологических инноваций, хотя и предлагают разные критерии такой оценки.

Таким образом, в качестве вывода можно сказать о том, что христианская православная мораль и биоэтическая концепция П.А. Кропоткина, при всех их фундаментальных различиях – в понимании источника нравственности, природы человека, отношения к государству и церкви, – обнаруживают важные точки соприкосновения.

К их общим чертам следует отнести: 1) безусловное осуждение эгоизма и утверждение альтруизма как нравственной нормы; 2) признание высшей ценности самопожертвования; 3) критическое отношение к социальной несправедливости; 4) понимание нравственности как служения, выходящего за рамки индивидуального интереса; 5) приоритет коллективных форм бытия перед индивидуалистическими.

К фундаментальным различиям относятся: 1) понимание источника нравственности (божественное откровение или эволюционный инстинкт); 2) оценка человеческой природы (греховная поврежденность или природная доброта); 3) отношение к государству и церкви (необходимые институты воспитания или институты подавления); 4) понимание путей нравственного совершенствования (аскеза и благодать или социальное преобразование).

В контексте современной биоэтической проблематики обе концепции сохраняют свою актуальность. Православная этика предлагает абсолютные нравственные ориентиры, необходимые новым технологическим вызовам; биоэтика П.А. Кропоткина – акцент на взаимопомощи, со-

лидарности и коллективной ответственности. Их конструктивный диалог возможен при сохранении осознания их фундаментальных мировоззренческих различий.

Литература

1. Артемов, В.М. Нравственное измерение права как фактор восходящего развития общества и защиты прав человека в условиях новых технологических угроз / В.М. Артемов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 1. – С. 30–42.
2. Кропоткин, П.А. Этика. Избранные труды / П.А. Кропоткин. – Москва: Политиздат, 1991. – 496 с.
3. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции / П.А. Кропоткин. – Москва: Самообразование, 2007.
4. Кропоткин, П.А. Этика [Электронный ресурс] / П.А. Кропоткин. – Режим доступа: <https://conflictmanagement.ru/etika-3/> (дата обращения: 08.05.2026).
5. Огурцов, А.П. Этика жизни или биоэтика: аксиологические альтернативы / А.П. Огурцов // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 49.
6. Образ Божий // Православная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/2578077.html> (дата обращения: 08.05.2026).
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://predanie.ru/bez-avtora/osnovy-socialnoy-koncepcii-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi/chitat/> (дата обращения: 08.05.2026).
8. Силуянова, И. «Конвенция о правах человека и биомедицине» Совета Европы и «Основы социальной концепции» Русской Православной Церкви: сравнительный анализ [Электронный ресурс] / И. Силуянова // Православие.Ru. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/28336.html> (дата обращения: 08.05.2026).
9. Митрополит Антоний (Паканич). Толкование Символа веры. Часть 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravlife.org/el/print/27770> (дата обращения: 08.05.2026).
10. Кропоткин, П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции [Электронный ресурс] / П.А. Кропоткин. – Режим доступа: <https://bookmate.com/books/qvyV2Raf> (дата обращения: 08.05.2026).

COMMONALITIES AND DIFFERENCES IN THE CONCEPTS OF CHRISTIAN ORTHODOX MORALITY AND THE BIOETHICS OF P. A. KROPOTKIN

Shuklina A.Yu.

Sochi State University

In the context of the modern gap between rapid technological progress and the lag of moral guidelines, a comparative analysis of ethical systems offering different solutions to this problem becomes particularly relevant. The article undertakes a comparative analysis of Christian Orthodox morality and the bioethical concept of P. A. Kropotkin. Common foundations of both systems are identified: recognition of altruism, condemnation of egoism, the ideal of justice and social service. Fundamental differences are established in the understanding of the source of morality (divine revelation vs. natural scientific evolution), human nature, as well as the attitude towards the state and church institutions. The conclusion is drawn about the possibility of constructive dialogue between these systems in the context of modern bioethical problems while preserving their worldview incompatibility on a number of key positions.

Keywords: Orthodox ethics, bioethics, P. A. Kropotkin, mutual aid, morality, altruism, sobornost.

References

1. Artemov, V.M. An Ethical Dimension of Law as a Factor of Upward Development of Society and Human Rights Protection in the Context of New Technological Threats // Actual problems of Russian law. – 2023. – Vol. 18, № 1. – P. 30–42.
2. Kropotkin, P.A. Ethics. Selected Works / P.A. Kropotkin. – Moscow: Politizdat, 1991. – 496 p.
3. Kropotkin, P.A. Mutual Aid: A Factor of Evolution / P.A. Kropotkin. – Moscow: Samoobrazovanie, 2007.
4. Kropotkin, P.A. Ethics [Electronic Resource] / P.A. Kropotkin. – Access mode: <https://conflictmanagement.ru/etika-3/> (accessed: 08.05.2026).
5. Ogurtsov, A.P. Ethics of Life or Bioethics: Axiological Alternatives / A.P. Ogurtsov // Questions of Philosophy. – 1994. – № 3. – P. 49.
6. Image of God // Orthodox Encyclopedia [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.pravenc.ru/text/2578077.html> (accessed: 08.05.2026).
7. Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church [Electronic Resource]. – Access mode: <https://predanie.ru/bez-avtora/osnovy-socialnoy-koncepcii-russkoy-pravoslavnoy-cerkvi/chitat/> (accessed: 08.05.2026).
8. Siluyanova, I. «The Council of Europe's «Convention on Human Rights and Biomedicine» and the «Fundamentals of the Social Concept» of the Russian Orthodox Church: A Comparative Analysis» [Electronic Resource] / I. Siluyanova // Pravoslavie.Ru. – Access mode: <https://pravoslavie.ru/28336.html> (accessed: 08.05.2026).
9. Metropolitan Anthony (Pakanych). Interpretation of the Creed. Part 3 [Electronic Resource]. – Access mode: <https://pravlife.org/el/print/27770> (accessed: 08.05.2026).
10. Kropotkin, P.A. Mutual Aid as a Factor of Evolution [Electronic Resource] / P.A. Kropotkin. – Access mode: <https://bookmate.com/books/qvyV2Raf> (accessed: 08.05.2026).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование системного мышления в рамках компетентностного подхода в высшем образовании

Сивова Светлана Анатольевна,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: york709@yandex.ru

Цель исследования – проанализировать практику формирования системного мышления у обучающихся в современных российских вузах. Эта практика рассматривается в контексте развития института высшего образования, а именно – опыта реализации компетентностного подхода к подготовке специалистов. Исследование носит преимущественно теоретический характер. Оно опирается на труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам системного подхода, системного мышления и компетентностного подхода в образовании. В качестве источника эмпирической информации были использованы официальные и неофициальные документы, отражающие изучаемую нами практику. В статье описаны различные способы формирования системного мышления, дана оценка их эффективности, проанализированы причины сложившейся ситуации, перспективы ее развития с учетом перехода российского высшего образования на федеральные государственные стандарты нового поколения. Обращение к идеям и принципам системного подхода в различных вузовских дисциплинах, безусловно, полезно, но этого недостаточно для формирования компетентности в области системного мышления. Обоснована целесообразность разработки специальных курсов, сориентированных на формирование у обучающихся системного мышления, а также выявлены трудности, препятствующие распространению такой практики. Обращается внимание, что успех этой работы во многом зависит от того, насколько в вузе созданы организационно-педагогические условия для эффективного формирования универсальных компетенций.

Ключевые слова: системный подход, системное мышление, компетентностный подход, универсальные компетенции, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования

Введение

Высшее образование является важным социальным институтом, поскольку позволяет решать такие задачи как передача знаний и подготовка специалистов, которые необходимы обществу. Как и любая значимая для общества сфера эта область общественных отношений является объектом правового регулирования. Один из важных инструментов такого регулирования – федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО). Действующие ФГОС построены на компетентностном подходе, в соответствии с которым результатом успешного освоения образовательных программ должно стать формирование у обучающихся компетенций. Идеи о необходимости внедрения такого подхода в сфере высшего образования высказывались давно (и сам компетентностный подход в отечественной педагогике не является новинкой), но его развернутое применение в российских вузах началось с принятием ФГОС третьего поколения (ФГОС ВО – 3). И хотя вузы уже более 10 лет работают в рамках этого подхода, специалисты отмечают, что остается еще немало нерешенных проблем как в управлении учебным процессом, так и непосредственно в практике преподавания [15, с. 70]. Переход в ближайшее время на стандарты нового поколения (ФГОС ВО – 4) еще больше повышает актуальность научного осмысления проблем, накопившихся в этой области. Данная статья посвящена одной из таких проблем – формированию системного мышления обучающихся как составной части реализации универсальной компетенции УК-1.

Материалы и методы исследования

В данной работе представлены результаты изучения теоретических и практических аспектов формирования системного мышления у студентов вузов. Исследование осуществлялось с использованием теоретических и эмпирических методов. В качестве теоретических методов были использованы методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, классификации, описательный метод. При изучении практики российских вузов основным объектом исследования стали документальные источники (официальные документы, в соответствии с которыми строится образовательный процесс; работы учебного и учебно-методического характера, в которых от-

ражена практика построения учебных курсов по системному мышлению).

Обзор литературы

Теоретико-методологической основой исследования являются два крупных тематических блока научных работ: исследования системного мышления и исследования компетентностного подхода в образовании. Каждый из этих блоков имеет свою сложную, разветвленную структуру. Остановимся на некоторых наиболее значимых ее компонентах.

Системное мышление основано на системном видении мира, фундаментальные основы которого в современной науке созданы благодаря таким классикам теории систем, кибернетики и синергетики как В.Г. Афанасьев, Л. Берталанфи, И.В. Блауберг, А.А. Богданов, Н. Винер, С.П. Курдюмов, Н.Н. Моисеев, И. Пригожин, В.Н. Садовский, Г. Хакен, Э.Г. Юдин, А.И. Уемов, У. Эшби и др. Роль этих идей в формировании картины мира оказалась настолько значимой, что появился термин «системное мышление», отражающий применение системного подхода в процессе познания. Свое содержание это понятие обретает (процесс продолжается) благодаря отечественным и зарубежным ученым, в трудах которых содержится развернутое изложение практики применения идей системного подхода в мышлении, решении проблем (Дж. Гараедаги, М. Джексон, И. Макдермотт, Д. Медоуз, Дж. О'Коннор, Е. Ксенчук, Ю.Н. Лапыгин, А. Левенчук, П. Сенге, Ц.В. Церенов, П. Чекланд, Д. Шервуд, И.А. Шнуренко, Г.П. Щедровицкий и др.).

Второй тематический блок представлен трудами ученых, которые описали компетенции как новый социально-психологический конструкт (Д. Макклелланд, Дж. Равен), применили этот конструкт к организации образовательного процесса (К. Кейси, К. Стургис, Е. Холл и Х. Джонс), изучили различные аспекты применения компетентностного подхода в российском образовании (А.С. Андриенко, В.А. Болтов, А.А. Вербицкий, О.Г. Ларионова, А.К. Маркова, В.В. Сериков, А.В. Хуторской и др.). Наибольший интерес для нашей темы представляют исследования, посвященные универсальным компетенциям (О.А. Гилязова, М.С. Добрякова, И.А. Зимняя, А.Н. Замощанская, Т.В. Пашенко, И.Ю. Тарханова, И.Д. Фрумин и др.)

Результаты и обсуждение

В соответствии с действующими федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования результатом освоения образовательных программ должно быть формирование у обучающихся системы компетенций. Эти компетенции разделены на три блока – универсальные, общепрофессиональные и профессиональные.

Универсальные компетенции в полном соответствии со своим названием являются одинаковыми для всех программ высшего образования, поскольку нацеливают на формирование знаний, умений, навыков, необходимых современному специалисту независимо от области деятельности. Специфике этого блока компетенций хорошо передают и другие варианты его наименований, существующие в зарубежной практике и отечественной литературе: компетенции XXI в., атрибуты выпускника, ключевые компетенции, преобразующие компетенции, общие навыки трудоустройства, навыки мышления высокого порядка, soft skills («мягкие навыки») [3, с. 1181], [8, с. 6].

В действующих ФГОС ВО (3++) первую позицию среди универсальных компетенций занимает категория «Системное и критическое мышление». Различие формулировок входящей в эту категорию компетенции УК-1 для разных программ профессиональной подготовки не носит существенного характера. Для программ бакалавриата используется формулировка «применять системный подход для решения поставленных задач», для магистратуры и специалитета – «критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода». Такая архитектура компетенций весьма удачна, поскольку, во-первых, акцентировала внимание на формировании системного мышления как особой, отдельной задаче высшего образования, во-вторых, подчеркнула ее универсальность, в-третьих, поставила на первое место. Это правильно отражает роль системного подхода в мышлении современных специалистов: он является и методологией, и инструментом познания, применим в любой сфере, позволяет успешно осваивать новые задачи и ориентироваться в ситуациях, в том числе в условиях высокого риска и неопределенности. В литературе, посвященной анализу универсальных компетенций, прямо обращается внимание на особое место УК-1, поскольку она относится непосредственно к формированию самого характера деятельности человека в любых сферах и профессиях, и формировать ее надо на максимальном уровне на любых направлениях подготовки [4, с. 64]. Будучи сложным знанием теоретико-методологического характера, системный подход в своей практической ипостаси выступает как системное мышление, которое ассоциируется прежде всего с успешным, эффективным решением проблем теоретического и практического характера [7, с. 365], [9, с. 61–62].

В соответствии с ФГОС ВО формирование универсальных и профессиональных компетенций может достигаться как за счет обязательной части, так и за счет части программы, формируемой участниками образовательных отношений. Таким образом у вузов есть достаточная свобода для выбора способов формирования УК-1. Каким образом решается эта задача? Можно выделить два пу-

ти: имплицитный и эксплицитный. Традиционным, преобладающим является имплицитный путь. Он вполне естественен и органичен. Системный подход является неотъемлемой частью современного научного мышления и, соответственно, приобщение обучающихся к научному знанию предполагает знакомство в той или иной степени с системным мышлением. В рамках имплицитного пути можно выделить две базовых способа: установочный и предметный. В вузовских курсах принято вначале давать характеристику объекта, предмета и методов дисциплины. Системный подход является одним из общенаучных методов, поэтому может быть упомянут и коротко охарактеризован во всех вузовских курсах. За время обучения в вузе студенты неоднократно услышат об этом методе познания хотя бы на уровне общих формулировок (поэтому мы обозначили данный метод как установочный).

Предметный способ означает, что у обучающихся формируется системное мышление в процессе изучения конкретных вопросов и проблем по разным дисциплинам. Например, при изучении понятий, которые построены с использованием термина «система» (правовая система, политическая система, опорно-двигательная система, педагогическая система и др.). Объяснение таких понятий дает возможность закрепить и углубить представление о системном подходе. В качестве примера сошлемся на объяснение категории «политическая система» в одном из учебников по политологии, которое началось с краткого экскурса в саму категорию «система» и системный подход [2, с. 92–94]. Но это происходит не всегда. Иногда не делается акцент на объяснении особенностей, которые использование термина «система» придает изучаемым понятиям. Такая недостаточная «проработанность» термина заметна и самим преподавателям. Например, на эту проблему прямо указывают авторы учебника по педагогике: «В педагогической лексике... довольно часто в разных контекстах употребляется понятие «система»... Однако, при использовании этого термина в него часто не вкладывается первоначальный, истинный смысл.» [12, с. 105]. Как видим, даже прямое использование термина «система» в различных учебных дисциплинах не всегда работает на формирование УК-1.

Другим вариантом предметного знакомства обучающихся с системным мышлением является его использование при объяснении какой-либо проблемы (например, исторического события, политической ситуации, пробела в теории). Подобный опыт, безусловно, способствует повышению культуры мышления. Но мы отнесли и этот путь приобщения к имплицитному, поскольку здесь системный подход преподносится в слабо организованной и слабо проявленной форме. Это приводит к тому, что и сами знания-умения-навыки в обла-

сти системного мышления формируются не столь эффективно – в частности, они могут слабо осознаваться самими обучающимися как слагаемые системного мышления, и оставаться на уровне частных приемов решения конкретных проблем.

Эксплицитный путь предполагает, что системный подход выделяется как самостоятельный объект изучения в виде отдельной дисциплины. Эти дисциплины могут быть разными по своей природе и миссии. В некоторых областях профессиональной подготовки системный подход/анализ существует в виде специальных, узкопрофессиональных дисциплин (речь идет, например, об инженерных, технических, математических, экономических специальностях). Но, во-первых, такие дисциплины есть далеко не во всех программах высшего образования, и, во-вторых, они нацелены прежде всего на формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Поэтому для изучения тех способов, которыми располагает наше высшее образование для формирования системного мышления обучающихся, самым интересным будет вариант, когда системный подход тематизируется, и его изучение оформляется в виде отдельного учебного продукта (учебник, учебное пособие, вузовский курс), нацеленного на формирование универсальной компетенции.

Преподавание в российских вузах отдельных дисциплин, посвященных системному мышлению, нельзя назвать распространенным вариантом. Выделим несколько причин такой ситуации. Первая причина (кадровая) – кто хочет и может это преподавать: круг ученых, занимающихся системным подходом как универсальной методологией мышления и решения проблем, не так широк, еще уже круг преподавателей (поскольку не все ученые работают в вузах), для которых разработка курса по системному мышлению стала бы органичным продолжением их научных изысканий. Вторая причина (содержательная) – что преподавать: системное мышление – это мультивселенная: задействованы все уровни знания (методологический, теоретический, прикладной), используются идеи из разных наук, все это применяется и объясняется на разных сферах деятельности, да еще неразрывно связано с рефлексией – при этом курс нужно построить так, чтобы все это стало не только удобоваримым для студентов, но и эффективным – формировало компетентность, реально меняло качество мышления и культуру решения проблем. Третья причина (организационно-педагогическая) – в каких условиях преподавать: как это будет позиционироваться – как единичная (пусть и интересная) инициатива отдельного преподавателя или как органичный компонент соответствующего направления в деятельности вуза. Понятно, что вторая ситуация больше мотивирует к разработке специальных курсов. Формирование

системного мышления здесь не исключение – вопрос о создании отдельных курсов актуален и для других универсальных компетенций [8, с. 25]. Более того, некоторые российские вузы подошли весьма серьезно к этим вопросам и не ограничились отдельными курсами, но создали специальные организационно-педагогические пространства (например, проект «Ядро бакалавриата», системы тренингов на развитие «soft-skills») и даже особые организационные структуры, курирующие формирование универсальных компетенций (например, Центр развития универсальных компетентностей) [1, с. 45].

Несмотря на наличие целого ряда причин, препятствующих тому, чтобы практика преподавания специального курса по системному мышлению получила широкое распространение, такой опыт в российских вузах все же имеется. Он представлен (подчеркнем еще раз, речь идет о курсах, нацеленных на формирование универсальной компетенции, а не о профессиональных дисциплинах) курсами, которые сориентированы на изучение принятия решений [6], [13]. и теми курсами, которые посвящены только системному подходу (мышлению) [5], [10], [14]. В этот ряд можно поставить и работу В.А. Спивака [11]. Хотя она маркирована как монография, но автор адресует ее прежде всего обучающимся вузов и в аннотации прямо связывает с реализацией стандартов ФГОС 3+-. Опыт разработки и преподавания специальной дисциплины, направленной на формирование системного мышления, есть и у автора данной статьи – «Системный подход к принятию решений» (Саратовская государственная юридическая академия). Выстраивая курс, мы стремились соединить в нем и теоретико-методологические аспекты, и их практическое использование в принятии решений. Основными задачами этой дисциплины являются: 1) формирование представлений о системном подходе как методологии познания; 2) знакомство обучающихся с методами и инструментами системного подхода к разработке и принятию решений. Решения изучаются как предельно широкий феномен – один из универсальных видов практики, к которому люди прибегают постоянно в разных сферах деятельности. Курс включает 16 часов лекций и 28 часов семинарских (практических) занятий; форма итогового контроля – зачет. Материал курса всегда вызывает интерес у обучающихся, поскольку обогащает их представления об окружающем мире и о себе самих, позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы, с которыми они сталкиваются в жизни.

Представляется что такой формат (самостоятельная учебная дисциплина, посвященная системному подходу и его практическому применению) может быть полезен для обучающихся по любым направлениям/специальностям подготовки. Другие рассмотренные выше варианты не столь

эффективны. При имплицитных способах изучения знакомство с системным подходом носит фрагментарный, «пунктирный» характер. Изучение системного анализа в узких («внутрипрофессиональных») дисциплинах нацелено прежде всего на освоение специфических инструментов для решения определенного класса профессиональных задач, а не на формирование системного мышления как части общей культуры решения проблем и анализа ситуаций. Наша позиция (о преимуществах отдельной учебной дисциплины) соответствует результатам исследований, посвященных формированию других универсальных компетенций (в частности, критического мышления) [8, с. 26–27].

Задача осмыслить проблемы, связанные с построением и наполнением содержанием рассматриваемой учебной дисциплины, становится еще более актуальной на настоящем этапе. Российские вузы живут в ожидании федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения (ФГОС ВО – 4). Они пока не приняты и не опубликованы, но официальная информация об их содержании доступна – макет ФГОС, утвержденный письмом Минобрнауки № МН-5/169012 от 02.05.2023 г. Отрадно, что в новых стандартах формирование системного мышления сохранилось и по-прежнему возглавляет список универсальных компетенций. Однако, характер самой УК-1 претерпел существенные изменения. В действующих ФГОС ВО (3+-) УК-1 носит когнитивный характер – она называется «системное и критическое мышление». В макете ФГОС ВО – 4 в УК-1 появился аксиологический компонент, причем, он стал доминирующим, определяющим. Предполагается, что в ФГОС ВО – 4 УК-1 будет называться «Ценности и мировоззрение, научная методология и системное мышление». Содержание новой УК-1 раскрыто следующим образом: «Способен использовать философские знания, научную методологию и традиционные духовно-нравственные ценности для формирования научного мировоззрения, логического и системного мышления». Такая архитектура компетенции неоспорна. Например, предлагаемая трактовка роли традиционных ценностей в формировании системного мышления. Безусловно, ценности влияют на процесс мышления. Но традиционные ценности как инструмент формирования системного мышления – это, скорее, политическая метафора.

Усиление ценностной составляющей высшего образования, четко прописанное в макете ФГОС ВО – 4 – это важное и нужное направление работы, полностью соответствующее политике нашего государства. Однако отдельные решения нуждаются в более взвешенном и продуманном подходе. Ученые, специализирующиеся на проблемах высшего образования и компетентностного подхода, обратили внимание на ослабление когнитивно-

го кластера в универсальных компетенциях ФГОС ВО – 4, и, порекомендовали, в частности, скорректировать новую формулировку УК-1, вернув в нее «решение проблем» и «критическое мышление» [3, с. 1185]. На наш взгляд, более тщательной проработки требует и терминологическое воплощение новой формулировки УК-1 – нужны ли в ней одновременно три типа мышления (системное, логическое и критическое), и если «да» – то как с их помощью построить целостную и эффективно работающую на практике компетенцию.

Заключение

Проведенное исследование позволило проанализировать практику формирования системного мышления у обучающихся современных российских вузов. Было установлено, что потребность в таких практиках объясняется причинами гносеологического (особенности научного познания) и формального (нормативные требования) характера. Предложенная классификация существующих способов формирования этой компетенции (имплицитный и эксплицитный) позволила акцентировать внимание на том, что хотя приобщение к системному мышлению органично для процесса высшего образования, но наиболее распространенные способы решения этой задачи (имплицитные) не являются эффективными. Было выявлено, что широкому распространению более эффективных способов препятствует целый ряд причин (кадровые, содержательные, организационно-педагогические). Проведенный анализ предлагаемых тенденций изменения УК-1 во ФГОС ВО – 4 и высказанные по его результатам рекомендации могут быть использованы для совершенствования образовательных стандартов высшего образования нового поколения.

Поиск эффективных способов формирования системного мышления у студентов вузов – это актуальная и сложная проблема, которая нуждается в дальнейшем изучении. В частности, осмысления требуют вопросы, связанные с содержанием самостоятельной учебной дисциплины по системному мышлению, а также методика оценки степени сформированности системного мышления у обучающихся. Разработка этих вопросов может быть использована не только в преподавании курсов по системному мышлению, но и для повышения эффективности использования универсальных компетенций как инструмента подготовки квалифицированных специалистов в российских вузах.

Литература

1. Безроднова А. С. К вопросу оценивания и формирования универсальных компетенций // Проблемы современного педагогического образования. – Сб. науч. тр. – Ялта: РИО ГПА, 2024. – Вып. 84. – Ч. 2. – С. 43–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-otsenivaniya-i-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy> (дата обращения: 09.05.2026).
2. Бельский В.Ю. Политология: учебник / В.Ю. Бельский, В.М. Родачин. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2023. – 396 с.
3. Гилязова О.С., Замощанская А.Н. Трансформация российского фреймворка универсальных компетенций в контексте аксиологического поворота в высшем образовании // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – Вып. 8. – С. 1179–1188. – <https://doi.org/10.30853/ped20250143>
4. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / Тарханова И.Ю., Белкина В.В., Макеева Т.В. и др.; под науч. ред. И.Ю. Тархановой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. – 383 с.
5. Калужский М.Л. Общая теория систем: учеб. пособие / М.Л. Калужский. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 177 с.
6. Кислов А.Г. Системный анализ и принятие решений: курс лекций: учеб. пособие / А.Г. Кислов; Федеральное агентство по образованию, Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2009. – 249 с.
7. Марача Г.В. Системное мышление и практики коллективного решения проблем // Системный анализ в экономике – 2018: сборник трудов V Международной научно-практической конференции – биеннале (21–23 ноября 2018) / под общ. ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. – М.: Прометей, 2018. – С. 365–368.
8. Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования. Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / С.М. Авдеева, П.В. Гасс, Е.Ю. Карданова, Ю.Н. Корешникова, А.А. Куликова, Е.А. Орел, Т.В. Пащенко, П.С. Сорокин; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 52 с. – (Современная аналитика образования. № 3(52)). – URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/458550501.pdf> (дата обращения: 08.05.2026).
9. Пурдехнад Дж. Что такое «системное мышление»? // Проблемы управления в социальных системах. – 2012. – Т. 4. – Вып. № 7. – С. 61–64. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2011/000393746/07/image/07-061.pdf> (дата обращения 09.05.2026).

10. Розанов Ф.И. Основы теории систем: учеб. пособие для студентов всех направлений подготовки / Ф.И. Розанов. – Ульяновск: УлГТУ, 2024. – 239 с.
11. Системный подход и системное мышление как универсальная компетенция специалиста и руководителя: монография / В.А. Спивак. – Чебоксары: Среда, 2022. – 136 с.
12. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов И.Н. Общая педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Под ред. В.А. Сластенина: В 2 ч. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Ч. 1–288 с.
13. Степаненко Е.А. Теория системного анализа и принятия решений: учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – 71 с.
14. Церенов Ц.В. Введение в системное мышление. – Екатеринбург: Издательские решения, 2022. – 242 с.
15. Шармин Д. В., Шармин В.Г. Компетентностный подход в высшем образовании России: двадцать лет спустя // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 3(146). – С. 64–71. – <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.147.3.009>

THE DEVELOPMENT OF SYSTEMS THINKING WITHIN A COMPETENCY-BASED FRAMEWORK IN HIGHER EDUCATION

Sivova S.A.

Saratov State Law Academy

The purpose of this study is to analyze the practice of developing systemic thinking among students in modern Russian universities. This practice is examined in the context of the development of the institution of higher education, specifically the implementation of a competency-based approach to training specialists. The study is primarily theoretical in nature. It draws on the works of Russian and foreign scholars on the issues of the systemic approach, systemic thinking, and the competency-based approach in education. Official and unofficial documents reflecting the practice under study were used as a source of empirical information. The article describes various methods of developing systemic thinking, assesses their effectiveness, and analyzes the causes of the current situation and the prospects for its development, taking into account the transition of Russian higher education to the new generation of federal state standards. The use of the ideas and principles of the system approach in various university disciplines is certainly useful, but it is not enough to form competence in the field of system thinking. The article substantiates the expediency of developing special courses aimed at developing students' system thinking, and also identifies the difficulties that hinder the spread of such practices. It is noted that the success of this work largely depends on the extent to which the university has created organizational and pedagogical conditions for the effective development of universal competencies.

Keywords: systems approach, systems thinking, competency-based framework, universal competencies, federal state educational standards of higher education

References

1. Bezrodnova A.S. On the issue of assessment and formation of universal competencies // Problems of modern pedagogical education. – Coll. of Sci. Pap. – Yalta: RIO GPA, 2024. – Iss. 84. – Pt. 2. – P. 43–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-otsenivaniya-i-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy> (accessed: 09.05.2026). [in Russian]
2. Bel'skij V. Yu. Political Science: textbook / V. Yu. Bel'skij, V.M. Rodachin. – M.: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, 2023. – 396 p. [in Russian]
3. Gilyazova O.S., Zamoshchanskaya A.N. Transformation of the Russian framework of universal competencies in the context of the axiological turn in higher education // Pedagogy. Questions of theory and practice. – 2025. – Vol. 10. – Iss. 8. – P. 1179–1188. – <https://doi.org/10.30853/ped20250143> [in Russian]
4. Measurement and assessment of the formation of universal competencies of students in the development of bachelor's, master's, and specialty educational programs: a collective monograph / Tarhanova I.Yu., Belkina V.V., Makeeva T.V. at al.; ed. by I. Yu. Tarhanova. – Yaroslavl: RIO YaGPU, 2018. – 383 p. [in Russian]
5. Kaluzhskij M.L. General theory of systems: textbook / M.L. Kaluzhskij. – M.: Direkt-Media, 2013. – 177 p. [in Russian]
6. Kislov A.G. System analysis and decision-making: a course of lectures: textbook / A.G. Kislov; Federal Agency for Education, Ural State University named after A.M. Gorky. – Yekaterinburg: Publishing house of the Ural State University, 2009. – 249 p. [in Russian]
7. Maracha G.V. Systems thinking and collective problem solving practices // System analysis in Economics – 2018: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference – Biennale (November 21–23, 2018) / ed. by G.B. Klejner, S.E. Shchepetova – M.: Prometej, 2018. – p. 365–368. [in Russian]
8. Assessment of universal competencies as the results of higher education. Analytical report for the XXII April International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, April 13–30, 2021 / S.M. Avdeeva, P.V. Gass, E. Yu. Kardanova, Yu.N. Koreschnikova, A.A. Kulikova, E.A. Orel, T.V. Pashchenko, P.S. Sorokin; National Research University "Higher School of Economics", Institute of Education. – M.: NIU HSE, 2021. – 52 p. – (Modern education analytics. № 3(52)). – URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/458550501.pdf> (accessed: 08.05.2026). [in Russian]
9. Pourdehnad J. What is "systems thinking"? // Management problems in social systems. – 2012. – Vol. 4. – Iss. № 7. – p. 61–64. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/2011/000393746/07/image/07-061.pdf> (accessed: 09.05.2026). [in Russian]
10. Rozanov F.I. Fundamentals of systems theory: textbook for students of all fields of study / F.I. Rozanov. – Ulyanovsk: UIGTU, 2024. – 239 p. [in Russian]
11. System approach and system thinking as a universal competence of a specialist and manager: monograph / V.A. Spivak. – Cheboksary: Sreda, 2022. – 136 s. [in Russian]
12. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyonov I.N. General Pedagogy: a textbook for university students / Ed. by V.A. Slastenin: In 2 pts. – M.: VLADOS Humanitarian Publishing Center, 2003. – Pt.1–288 p. [in Russian]
13. Stepanenko E.A. Theory of system analysis and decision-making: textbook. – Krasnodar: Kuban State University, 2008. – 71 p. [in Russian]
14. Cerenov C.V. An introduction to systems thinking. Yekaterinburg: Publishing Solutions, 2022. – 242 p. [in Russian]
15. Sharmin D. V., Sharmin V.G. Competence-based approach in higher education in Russia: twenty years later // Kazan Pedagogical Journal. – 2021. – № 3(146). – P. 64–71. – <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.147.3.009> [in Russian]

Формирование ценностных установок у молодежи в современной России: вызовы и перспективы

Бакирова Зарина Халимовна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

В статье исследуется актуальная проблема формирования ценностных установок у молодежи в условиях современной России. Предметом исследования выступают ценностные ориентации молодого поколения, а также факторы, влияющие на их формирование. Целью статьи является анализ ключевых вызовов, с которыми сталкивается российская молодежь в процессе ценностного самоопределения, и определение перспективных направлений для формирования позитивных ценностных установок. В качестве методологии использованы системный анализ, сравнительный анализ, а также обобщение данных социологических исследований и экспертных оценок. В статье выделены такие вызовы, как информационный перегруз, влияние массовой культуры, экономическая нестабильность, размывание авторитетов, особенности цифрового поколения и политическая поляризация. В качестве основных результатов исследования предложены перспективные пути решения обозначенных проблем, включающие развитие критического мышления и медиаграмотности, актуализацию традиционных ценностей, усиление роли образования и воспитания, поддержку молодежных инициатив, использование потенциала цифровых технологий и налаживание диалога поколений. Статья ориентирована на специалистов в области социологии, педагогики, психологии, а также на всех, кто заинтересован в понимании и развитии молодого поколения России.

Ключевые слова: ценностные установки, молодежь, ценности, ориентиры, образование, семья, проблемы, перспективы.

Современная Россия – это динамично меняющееся общество, где молодежь сталкивается с уникальным комплексом вызовов, влияющих на формирование ее ценностных установок. Этот процесс, всегда сложный, многогранный, в условиях глобализации, цифровизации и социальных трансформаций приобретает особую остроту. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания ценностных ориентаций молодого поколения как основы социальной стабильности, культурного развития и будущего страны. Целью статьи является комплексный анализ современных вызовов, препятствующих формированию устойчивых и позитивных ценностных установок у российской молодежи, а также выявление и обоснование перспективных направлений и механизмов их формирования.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи.

Идентифицировать и проанализировать основные внешние и внутренние факторы, влияющие на ценностное самоопределение молодежи в современной России.

Оценить степень воздействия информационного пространства, массовой культуры, социально-экономических условий и особенностей цифрового поколения на формирование ценностей.

Рассмотреть роль традиционных институтов (семья, образование) и новых форм социализации в процессе ценностного становления.

Предложить конкретные рекомендации и стратегии для формирования позитивных ценностных установок, способствующих развитию личности и общества.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу проблемы, объединяющем социологические, педагогические и психологические аспекты, а также в предложении актуальных и практически применимых решений, учитывающих специфику современной российской действительности.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации существующих представлений о процессе формирования ценностных установок у молодежи в условиях трансформационного общества и в уточнении роли различных факторов в этом процессе. Результаты исследования могут послужить основой для дальнейших научных изысканий в области социологии молодежи, педагогики и психологии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке и реализации государственной молодежной политики, образовательных программ, воспитательных методик, а также в деятельности общественных организаций, направленной на поддержку и развитие молодого поколения. Понимание вызовов и перспектив позволит более эффективно выстраивать работу с молодежью, способствуя формированию гражданской ответственности, патриотизма, нравственных ориентиров и активной жизненной позиции.

Формирование ценностных установок у молодежи в современной России представляет собой актуальную и многогранную проблему, затрагивающую как социальные, так и культурные аспекты жизни. В условиях быстрого изменения информационного поля и глобализации, молодое поколение сталкивается с множеством альтернативных моделей ценностей, которые зачастую противостоят традиционным представлениям.

Ценности – это не просто абстрактные понятия, а фундамент, на котором строится личность, определяющий ее поступки, мировоззрение и место в обществе [1, с. 8].

Ценностные установки – это устойчивые, осознанные или неосознанные представления человека о том, что является важным, желательным и правильным в жизни. Они формируются под влиянием множества факторов: семьи, школы, друзей, средств массовой информации, культурной среды и личного опыта.

Для молодежи, находящейся на этапе активного поиска себя и своего места в мире, ценностные установки играют ключевую роль, а именно:

во-первых, ценности помогают молодому человеку определить свои цели, приоритеты и принимать решения, соответствующие его внутренним убеждениям;

во-вторых, ценности способствуют осознанию своей принадлежности к определенной группе, культуре, нации, формируя чувство собственного «я»;

в-третьих, понимание и принятие общепринятых ценностей облегчает интеграцию в общество, построение гармоничных отношений с окружающими;

в-четвертых, ценности косвенно связаны с патриотизмом, ответственностью, справедливостью, формируют активную гражданскую позицию и готовность участвовать в жизни страны.

Современная Россия характеризуется рядом особенностей, которые оказывают существенное влияние на процесс формирования ценностей у молодого поколения, проанализируем их.

1. Молодежь находится под постоянным воздействием огромного количества информации из различных источников, включая интернет и социальные сети. Это приводит к столкновению

с разнообразными, порой противоречивыми ценностными системами, как отечественными, так и зарубежными. Глобализация может размывать национальные ценности, предлагая универсальные, но не всегда соответствующие российскому контексту модели поведения и мышления.

2. Семья, образование, медиа и сверстники играют жизненно важную роль в формировании взглядов на мир, определяя такие ключевые ценности, как патриотизм, толерантность и социальная ответственность. Важно отметить, что современные молодежные движения и социальные сети становятся важным пространством для обмена идеями и формирования новых идентичностей, где молодые люди могут смело выражать свои мысли и чувства.

3. Роль семьи, школы и церкви как основных трансляторов ценностей претерпевает изменения. Семьи становятся более разнообразными, школа сталкивается с необходимостью адаптации к новым образовательным стандартам и технологиям, а влияние церкви может быть ограничено в светском обществе.

4. Активное развитие рыночной экономики и пропаганда потребительского образа жизни могут способствовать формированию ценностей, ориентированных на материальное благополучие, личный успех и удовольствие, иногда в ущерб духовным и общественным ценностям.

5. Периоды быстрых социальных и экономических перемен могут вызывать у молодежи чувство неопределенности и тревоги, что может приводить к поиску стабильности в различных, порой деструктивных, идеологиях или группах.

6. Активное использование цифровых технологий и погружение в виртуальное пространство могут влиять на формирование межличностных отношений, эмпатии и способности к критическому мышлению, что, в свою очередь, сказывается на ценностных установках.

Несмотря на вызовы, можно выделить ряд ценностей, которые активно формируются и трансформируются у современной российской молодежи.

Молодежь представляет собой уникальную социальную группу, характеристики которой оказывают непосредственное влияние на состояние страны и меняются в краткосрочной перспективе. Современные молодые люди через 5–15 лет становятся основными носителями инициатив и внедряют обновления, принимая решения во всех сферах общественной деятельности.

Таким образом, решение основных проблем, с которыми сталкивается молодежь, является важнейшим приоритетом для государства. Игнорирование интересов и потребностей молодежи в настоящее время может поставить под сомнение реализацию намеченных реформ в стране и ее благосостояние в будущем.

В последние годы наблюдается рост интереса к истории России, ее культуре и традициям. Молодежь стремится к осознанию своей национальной принадлежности, гордится достижениями страны и проявляет желание внести свой вклад в ее развитие.

Несмотря на тенденции к индивидуализму, семья остается одной из важнейших ценностей для большинства молодых россиян. Ценятся крепкие семейные узы, поддержка близких и создание собственной семьи.

Молодежь стремится к осознанию своей национальной принадлежности, гордится достижениями страны и проявляет желание внести свой вклад в ее развитие [4, с. 78].

Все больше молодых людей уделяют внимание своему физическому и ментальному здоровью, занимаются спортом, следят за питанием и стремятся к здоровому образу жизни.

У многих молодых россиян формируется запрос на справедливость, честность и равенство. Они готовы участвовать в общественной жизни, помогать нуждающимся и отстаивать свои права.

Молодежь ценит возможность свободно выражать свои мысли и чувства, выбирать свой путь и принимать самостоятельные решения.

Перспективы и пути формирования ценностных установок

Формирование ценностных установок у молодежи – это сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода. Важно создавать условия, способствующие развитию у молодого поколения позитивных ценностей и критического мышления.

Семья остается первичным и наиболее значимым институтом социализации. Важно, чтобы родители транслировали детям позитивные ценности, демонстрировали пример ответственного поведения, поддерживали их интересы и помогали справляться с трудностями.

Школа должна не только давать знания, но и воспитывать, формируя у учащихся гражданскую позицию, уважение к истории и культуре своей страны, а также развивая критическое мышление и толерантность. Важно внедрять программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта и навыков межличностного общения.

Государство и общественные организации могут играть важную роль в поддержке молодежных инициатив, создании площадок для диалога и обмена мнениями, а также в продвижении позитивных ценностей через культурные и образовательные проекты. Важно создавать условия для развития волонтерского движения, патриотических клубов и других форм гражданской активности.

Необходимо развивать культуру потребления информации, учить молодежь критически оценивать контент, отличать достоверные источники

ки от фейковых новостей. Важно создавать качественный и вовлекающий контент, отражающий позитивные ценности и способствующий формированию здорового мировоззрения.

Важную роль играют примеры успешных и нравственных людей, которые могут стать для молодежи авторитетами и наставниками. Это могут быть учителя, тренеры, общественные деятели, представители старшего поколения, чьи жизненные ценности и поступки служат ориентиром.

В настоящее время ценностные ориентиры молодежи становятся все более значимыми, и первое, что бросается в глаза, – это изменение приоритетов. Современная молодежь все чаще стремится выделиться через опасные привычки, демонстрацию превосходства и агрессию. Среди актуальных проблем выделяются: искажение жизненных ценностей, потребление табака, вейпинг, злоупотребление алкоголем, зависимость от игр, аморальные поступки, самоубийства и преступления [10, с. 57].

Непонимание между поколениями. Одной из ключевых трудностей, с которыми сталкивается молодежь, является отсутствие понимания со стороны взрослых. Это часто приводит к конфликтам с родителями и различным проблемам. Подростки иногда решаются на уход из дома или даже на крайне радикальные шаги. В этом контексте родителям стоит задуматься о своих подходах, вспомнить о собственном детстве, активизировать свои профили в социальных сетях и ознакомиться с определенным количеством материалов на данную тему.

Среди важнейших жизненных ценностей молодежи можно выделить: устойчивость в семье, высокий уровень материального благосостояния, шансы на самореализацию, уважение от окружающих и социальный статус.

Моральные взгляды молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет значительно различаются; более 50% готовы игнорировать моральные принципы ради достижения своих целей. Около 60% опрошенных убеждены, что моральные нормы устарели и в будущем их значение может лишь угасать.

Также существует проблема государственного характера, связанная с низким уровнем вовлеченности молодежи в общественные процессы (31%). Это связано с неэффективностью молодежных организаций, отсутствием законодательной поддержки и недостаточным государственным финансированием.

В этой связи можно предложить следующие меры:

- в области совершенствования нормативно-правовой базы: привести законодательство в области молодежной политики в соответствие с федеральными нормами;
- в сфере социально-демографической политики: создать условия для молодежи, способствующие традиционным семейным ценностям,

укрепить авторитет семьи в обществе и преодолеть разрыв между желаниями молодежи создать семью и реальными возможностями в условиях экономической нестабильности; воспитать культуру безопасности среди молодежи, продвигать здоровый образ жизни и информировать о способах жизни, способствующих сохранению здоровья;

- в сфере трудоустройства молодежи: улучшить программы профориентации и создания профессиональных дорожек для молодежи, а также мероприятия, содействующие трудоустройству; разработать меры по организации стажировок для студентов и безработных; проанализировать опыт наставничества в организациях и разработать рекомендации по его развитию.

Для формирования семейных ценностей в молодежной среде: расширить программу информирования о государственной поддержке молодых семей, включая помощь в решении жилищных вопросов.

Для содействия социализации молодежи с ограниченными возможностями: создать комплексную систему профориентации для формирования мотивации к труду и личному вкладу в общество.

Эти цели можно достигнуть за счет: увеличения числа проектов для конкурсного грантового финансирования, расширения информационных материалов по государственной молодежной политике, снижения доли молодежи в трудной ситуации через молодежные приемные, а также повышения числа участников профилекционных лагерей и студенческих отрядов.

Таким образом, процесс формирования ценностных установок у молодежи происходит не в изоляции, а в контексте динамично меняющейся реальности, благодаря чему поколение Y и Z обретает свои уникальные черты. Ожидается, что такие изменения приведут к переосмыслению социальных норм и стандартов, предлагая новые решения для общественных вызовов.

Формирование ценностных установок у молодежи в современной России – это непрерывный процесс, требующий внимания и усилий со стороны всех институтов общества. Преодоление существующих вызовов и создание благоприятной среды для развития позитивных ценностей позволит воспитать поколение, способное к самореализации, ответственное, патриотичное и готовое строить сильное и процветающее будущее для своей страны. Важно помнить, что ценности – это не статичные догмы, а живой организм, который развивается и трансформируется вместе с обществом, и именно от нас зависит, каким будет этот процесс для молодого поколения России.

Литература

1. Бакирова З.Х., Формирование ценностных ориентаций студентов педагогических коллед-

жей/ автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Уфимский государственный авиационно-технический университет. Уфа: 2012. – 188 с.

2. Семенов В.И. Семенов, В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи. Социологические исследования. – 2007 (В ред.2016). – № 4. – С. 37–43.
3. Зубок Ю.А., В.И. Чупров Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. Социологические исследования. – 2008. – 5. – С. 37–47.
4. Файзуллин Ф.С. Ценности: историко – философский и гносеологический анализ / Ф.С. Файзуллин. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 230 с.
5. Вишневский Ю.Р. Гражданская культура современного российского студенчества / Ю.Р. Вишневский. – Екатеринбург: Екатеринбург, 2007. – 250 с.
6. Файзуллин Ф.С. Формирование ценностей и ценностных ориентаций – главная задача этнопедагогики / Ф.С. Файзуллин. – Уфа: Уфа, 2010. – 200 с.
7. Файзуллин Ф.С. Национальные ценности и ценностные ориентации / Ф.С. Файзуллин. – Уфа: Гилем, 2007. – 320 с.
8. Философский энциклопедический словарь. 201. Философский энциклопедический словарь. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Советская Энциклопедия, 1983. – 576 с.
9. Осипова Г.В. Энциклопедический социологический словарь / Г.В. Осипова. – Москва: РАН, Институт социально-политических исследований., 1995. – 939 с.
10. Юпитов А.В. Исследование ситуации профессионального самоопределения студентов. Социологические исследования. – 1997. – 3. – С. 53–60.

FORMATION OF VALUE ATTITUDES AMONG YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY RUSSIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

Bakirova Z.Kh.

Ufa State Petroleum Technological University

This article explores the current issue of the formation of value attitudes among young people in modern Russia. The subject of the study is the value orientations of the younger generation, as well as the factors that influence their formation. The purpose of the article is to analyze the key challenges faced by Russian young people in the process of value self-determination and identify promising areas for the formation of positive value attitudes. The article uses a combination of systemic analysis, comparative analysis, and a synthesis of sociological research data and expert assessments. The article highlights such challenges as information overload, the influence of mass culture, economic instability, the erosion of authority, the peculiarities of the digital generation, and political polarization. As the main results of the study, the article proposes promising solutions to these problems, including the development of critical thinking and media literacy, the актуализация традиционных ценностей, усиление роли образования и воспитания, поддержка

молодежных инициатив, использование потенциала цифровых технологий, и налаживание диалога поколений. The article is aimed at specialists in the fields of sociology, pedagogy, and psychology, as well as at anyone interested in understanding and developing the younger generation in Russia.

Keywords: values, youth, orientations, education, family, problems, the prospects.

References

1. Bakirova Z.Kh., Formation of Value Orientations of Students of Pedagogical Colleges/ abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences / Ufa State Aviation and Technical University. Ufa: 2012. – 188 p.
2. Semenov V.I. Semenov, V.E. Value Orientations of Modern Youth. Sociological Research. – 2007 (As revised in 2016). – № 4. – Pp. 37–43.
3. Zubok Yu.A., V.I. Chuprov Youth Extremism. Essence and Features of Manifestation. Sociological Research. – 2008. – 5. – Pp. 37–47.
4. Fayzullin F.S. Values: Historical, Philosophical and Epistemological Analysis / F.S. Fayzullin. – Ufa: RIO BashGU, 2002. – 230 p.
5. Vishnevsky Yu.R. Civic Culture of Modern Russian Students / Yu.R. Vishnevsky. – Ekaterinburg: Ekaterinburg, 2007. – 250 p.
6. Fayzullin F.S. Formation of Values and Value Orientations – the Main Task of Ethnopedagogy / F.S. Fayzullin. – Ufa: Ufa, 2010. – 200 p.
7. Fayzullin F.S. National Values and Value Orientations / F.S. Fayzullin. – Ufa: Gilem, 2007. – 320 p.
8. Philosophical Encyclopedic Dictionary. 201. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, 576 p.
9. Osipova, G.V. Encyclopedic Sociological Dictionary. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Research, 1995, 939 p.
10. Yupitov, A.V. A Study of Students' Professional Self-Determination. Sociological Research, 1997, 3, pp. 53–60.

Анализ традиций и инноваций в практике населения в связи с введением санкций с 2014 до настоящего времени

Богданов Игорь Яковлевич,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: bogdanov5757@gmail.com

В статье представлен анализ трансформации повседневных практик населения России в условиях санкционного давления в период с 2014 по 2024 год. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления не только макроэкономических последствий санкций, но и глубинных изменений на микроуровне в стратегиях адаптации домохозяйств, потребительском и трудовом поведении граждан. Цель работы заключается в анализе причинно-следственных связей трансформации повседневных практик населения России под санкционным давлением 2014–2024 гг., с оценкой устойчивости гибридной модели поведения для прогнозирования социально-экономических рисков и разработки адресных мер социальной политики. Выделены типы адаптационных стратегий и ключевые направления трансформации потребительских предпочтений в таких секторах, как одежда, бытовая техника и лекарства.

Ключевые слова: санкции, адаптационные стратегии населения, повседневные практики, потребительское поведение, импортозамещение, традиции и инновации, экономическая социология, социально-экономическая адаптация.

Санкционное давление на Российскую Федерацию, начавшееся в 2014 году после воссоединения с Крымом и достигшее беспрецедентных масштабов после февраля 2022 года, стало не просто фактором внешнеполитической повестки, а устойчивым и долгосрочным условием функционирования российского общества [1]. Если в 2014 году санкции воспринимались обществом не так глубоко в силу их масштаба и отсутствия уверенности в том, что они нанесут ущерб и будут продолжаться длительное время, то после 2022 года все сферы жизни оказались затронуты ограничениями [2]. Десятилетний период санкционного режима представляет собой уникальный эмпирический материал для социологического анализа, в части того, как внешние ограничения, изначально направленные на экономику и политику, преломляются в микро-практиках, привычках, стратегиях выживания и адаптации населения.

Актуальность работы обусловлена тем, что кризисные ситуации заставляют людей подстраиваться под новые обстоятельства с учётом факторов неопределённости, что и определяет социальную значимость исследований динамики потребительских расходов [3]. При этом сравнительные данные показывают, что в условиях санкций у населения формируются разные экономические стратегии поведения, среди которых поиск дополнительного заработка, сокращение трат и обращение к социальным ресурсам [4].

Важно отметить качественное отличие двух этапов санкционного давления. В период 2014–2021 гг. санкции имели преимущественно экономическую и политическую природу, выступая инструментом внешнего воздействия на Россию. После февраля 2022 года они стали неотъемлемой частью более широкого военно-политического противостояния, подкреплённого беспрецедентной военной и финансовой поддержкой Украины со стороны западных стран. Это превратило адаптацию к санкциям из задачи импортозамещения и оптимизации потребления в условие существования в логике геополитического конфликта, что неизбежно усилило их проникновение во все сферы повседневности – от структуры семейных расходов до ценностных ориентиров и моделей социального поведения.

В современной научной литературе проблема адаптации к санкциям разрабатывается в нескольких направлениях. Исследования восприятия

санкций показывают, что в 2014 году наблюдался невысокий уровень обеспокоенности россиян, и возникающие трудности им удавалось преодолевать; после 2022 года среди россиян распространено мнение, что санкции не оказывают значительного влияния на их жизнь, и только десятую часть беспокоит уход зарубежных брендов [1]. Анализ потребительских расходов фиксирует, что в кризисные 2015, 2020 и 2022 годы у населения формировалась кризисная стратегия экономии на потреблении, объёмы розничного товарооборота падали на фоне сокращения импорта, а потери от продаж восполнялись ускоренным ростом потребительских цен [5].

Проблема исследования заключается в противоречии между необходимостью адаптации к долгосрочным санкционным ограничениям и ограниченностью социологического понимания того, как именно трансформируются поведение населения, каково соотношение традиционных и инновационных элементов в этих практиках, и какие социальные группы демонстрируют различные адаптационные стратегии.

Для разрешения выявленного противоречия между необходимостью адаптации к долгосрочным санкциям и ограниченностью социологического понимания трансформации практик населения формулируются следующие исследовательские вопросы.

1. Как эволюционировало соотношение традиционных и инновационных адаптационных практик в период 2014–2024 гг., с учётом качественно различия санкций до и после 2022 г.
2. Какие социально-демографические и территориальные факторы определяют устойчивость гибридной модели адаптации?
3. Насколько эффективны существующие стратегии в контексте эскалации ограничений и инфляционных рисков?

В результате анализа, в эмпирических работах по восприятию санкций [1; 2] уменьшение социальной тревожности описывается как пассивная адаптация, при этом усиление гражданской идентичности в качестве психологического ресурса отдельно не рассматривается. Работы по изучению потребительского поведения [3] описывают режимы экономии, но не классифицируют их относительно социальных страт и не раскрывают механизм, который связывает нехватку импортных товаров с ростом потребления. Сравнительные работы [4] показывают важность институционального доверия при выборе поведенческих стратегий, однако российский феномен гражданской сплочённости не в полной мере проанализирован [6].

Таким образом, выявлено отсутствие целостной типологии адаптационных стратегий, которая может быть связана с прогнозом рисков для менее защищённых категорий граждан [7], и целесообразно проанализировать модель гибридного

поведения для социально-политической прогнозирования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 года по 2024 год, что позволяет зафиксировать первоначальные реакции на санкции, проследить эволюцию адаптационных стратегий и выявить качественные изменения после 2022 года.

Гипотеза исследования заключается в том, что в ответ на долгосрочное санкционное давление население России вырабатывает гибридную модель социально-экономического поведения, сочетающую традиционные стратегии и инновационные практики. Инновационные стратегии более выражены в крупных городах и среди молодёжи, тогда как традиционные доминируют в старших возрастных когортах и сельской местности.

Цель работы заключается в анализе причинно-следственных связей трансформации повседневных практик населения России под санкционным давлением 2014–2024 гг., с оценкой устойчивости гибридной модели поведения для прогнозирования социально-экономических рисков и разработки адресных мер социальной политики.

Методологическую основу работы составляет объединение нескольких теоретических подходов к анализу социально-экономической адаптации населения в условиях внешних шоков. Фундаментальное значение имеет теория социально-экономической адаптации, развитая в современных исследованиях адаптационного потенциала российских регионов [8–10]. Согласно этому подходу, адаптация понимается как процесс активного приспособления индивидов и групп к изменяющимся условиям среды, предполагающий мобилизацию имеющихся ресурсов и выработку новых поведенческих моделей.

Дополнительным методологическим инструментом выступает концепция «практик повседневности», позволяющая различать стратегии и тактики. В контексте санкционного давления этот подход даёт возможность увидеть в действиях населения не просто пассивное принятие, а креативное освоение новых ниш и возможностей.

На первом этапе исследования проводится анализ того, как менялось восприятие санкций населением. На втором этапе – типологизация адаптационных стратегий с выделением традиционных и инновационных практик. На третьем этапе рассматриваются секторальные особенности трансформации потребительского поведения. Далее определяются социально-демографические и региональные факторы, которые влияют на выбор тех или иных адаптационных стратегий.

Аналитический аппарат исследования включает метод синтеза вторичных источников.

1. Сравнительный анализ данных по хронологическим периодам, 2014–2021 гг. – экономические санкции и 2022–2024 гг. – военно-политическое

давление, позволяющий зафиксировать качественные сдвиги в адаптационных практиках.

2. Выделение типов с оценкой на основе анализа первоисточников данных [5; 11].

3. Объединение факторов, выявляющих причинно-следственные связи между институциональным доверием и выбором стратегий по адаптационному поведению [4].

При этом, опросы Левада-центра [11] репрезентативны на федеральном уровне, но недостаточно учитывают распределение по регионам [12], а при этом эконометрические модели [3] выявляют обобщённые тренды без учёта специфики микроуровней. Таким образом, этот подход обеспечивает переход от описания явлений к причинно-следственному анализу [6; 13].

Изучение материалов Левада-центра даёт возможность зафиксировать устойчивые тренды в том, как российское общество осмысляет санкционное давление [11]. Полученные данные описывают парадоксальную динамику, так, при ужесточении ограничительного режима в 2022 году уровень беспокойства по поводу санкций как отвлечённой угрозы оказался заметно ниже значений, характерных для первоначального этапа 2014–2015 годов [1; 11].

Однако это не означает, что общий уровень социальной тревожности снизился. Произошло смещение объекта беспокойства, так, страх перед абстрактными санкциями сменился тревогой, вызванной их реальными последствиями, например ростом цен, инфляцией, отсутствием некоторых товаров, а также экзистенциальными угрозами, связанными с военно-политической ситуацией. Так, снижение обеспокоенности санкциями как таковыми сопровождается ростом фоновой тревожности из-за повседневных трудностей и общей неопределённости.

На начальном этапе санкции воспринимались как острая проблема, при этом имела место региональная и социальная дифференциация в восприятии санкций. Городские и вестернизированные классы, вероятно, почувствовали эффект сильнее всего. Эту закономерность подтверждают и дан-

ные [12] о региональной проекции последствий санкций: возможности адаптации в крупных городах и на периферии существенно различаются.

Параллельно со снижением тревожности фиксируется рост доли граждан, рассматривающих санкции как стимул для развития страны [13]. Этот тренд коррелирует с данными о трансформации эмоционального климата, таким образом, гражданская идентичность становится важным психологическим ресурсом, позволяющим справляться с неопределённостью через стратегии переосмысления.

Один из важных источников данных для анализа адаптационных практик является исследование [5], в нем показано, что для большинства респондентов адаптация к новым условиям выражается в стратегии экономии и снижении стандартов потребления.

Главными факторами, ограничивающими потребительский спрос в условиях экономических санкций, стали возросшая цена и физическая недоступность определенных товаров в магазинах и на интернет-площадках. Выбирая стратегию экономии, население в первую очередь отказывается от покупок, обеспечивающих потребности высокого порядка – сокращает траты на путешествия и поездки, одежду и развлечения. Снизилась доступность для населения товаров длительного пользования с высокой импортной составляющей: электроники, бытовой техники, автомобилей и т.д. Критическим становится для населения отсутствие возможности оплатить товары, связанные со здоровьем, и в частности, вынужденное ограничение покупок лекарственных средств.

Параллельно с пассивными мерами экономии отмечается усиление активных адаптационных подходов. Население проявляет позитивные ожидания относительно своего будущего и связывает улучшение финансового положения семьи с собственными инициативами по повышению трудовой активности. В таблице 1 приведены типы адаптационных к санкциям стратегий населения у России.

Таблица 1. Типы адаптационных к санкциям стратегий у населения России

Тип стратегии	Характер практик	Конкретные действия	Социальный портрет
Традиционная	Пассивная экономия, сжатие потребления, отказ от потребностей высокого порядка	Отказ от путешествий, сокращение трат на одежду и развлечения, ограничение покупок лекарств	Пенсионеры, жители сел, малообеспеченные слои, старшие возрастные когорты
Смешанная	Оптимизация структуры расходов, рациональное потребление	Поиск российских аналогов, использование маркетплейсов для ценового арбитража, отказ от «лишнего» при сохранении качества	Средний класс, семьи с детьми, жители средних городов
Инновационная	Наращивание ресурсов, инвестиции в человеческий капитал, освоение новых ниш	Поиск дополнительной работы, переобучение, получение новой специальности, самозанятость, онлайн-занятость	Молодёжь до 35 лет, жители мегаполисов, высокообразованные слои

Выделенные типы показывают системную неустойчивость традиционных стратегических моделей, доминирующих у большей части граждан и подрываемых ростом стоимости товаров, включая лекарства и базовое продовольствие [3; 7]. При этом, инновационные практики имеют устойчивую восходящую динамику за счёт цифровой трансформации экономики, в том числе расширения дистанционных форматов труда [16].

Совмещение данных мониторингов Левада-центра [11] и результатов психологических исследований [13] показывает, что снижение абстрактной тревоги в отношении санкций сопровождается повышением фоновой обеспокоенности, которая вызвана инфляцией и дефицитом. Интерпретация этого эффекта основывается на становле-

нии гражданской идентичности как своеобразного психологического буфера, благодаря которому восприятие санкционных ограничений меняется от образа внешней угрозы к стимулу внутреннего развития [17; 18].

Таким образом, выход международных брендов с российского рынка после февраля 2022 года спровоцировал существенные изменения в потребительском поведении по различным товарным категориям. Анализ выявил, что доверие выступает определяющим фактором в формировании лояльности в условиях исчезновения знакомых глобальных марок и роста отечественных заменителей.

В таблице 2 приведены результаты анализа изменений потребительских предпочтений населения под влиянием санкций 2022–2024 гг.

Таблица 2. Результаты анализа изменений потребительских предпочтений населения под влиянием санкций

Товарная группа	Практика до 2022	Практика 2022–2024	Фактор изменений
Одежда и обувь	Ориентация на международные сети	Поиск аналогов на маркетплейсах, переориентация на российские бренды, осознанное потребление	Уход брендов, развитие локального производства, ценовая доступность
Бытовая техника и электроника	Покупка новой техники в официальном ритейле	Покупка с рук, заказ через посредников, ремонт старой техники, переход на китайские аналоги	Рост цен, дефицит, нарушение логистических цепочек
Продукты питания и общепит	Ориентация на международные сети и бренды	Переход на российских «преемников», рост потребления локальных продуктов	Ребрендинг ушедших компаний, патриотический дискурс, ценовая конкуренция
Лекарства	Покупка импортных препаратов	Поиск российских аналогов, вынужденный отказ от дорогих позиций	Рост цен, сокращение ассортимента, критическая необходимость
Путешествия и досуг	Регулярные зарубежные поездки	Переориентация на внутренний туризм, отказ от путешествий, рост затрат и сложностей при выезде	Логистические ограничения, рост цен, закрытие авиасообщения

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о развитии гибридной модели адаптации, интегрирующей консервативные стратегии экономии и пассивной адаптации с новыми формами активного использования таких возможностей как цифровые платформы потребления, профессиональная переподготовка, самозанятость и переход к национальным брендам.

При этом сохраняется и даже усиливается социальная и региональная дифференциация адаптационных возможностей, что требует адресной социальной политики и учёта в стратегиях регионального развития [8; 12].

В результате проведённого анализа установлено, что на протяжении десятилетнего периода в российском обществе сложилась сложная, многоуровневая структура адаптационных практик, в которой традиционные стратегии пассивной экономии и патерналистских ожиданий не только сосуществуют, но и тесно переплетаются с инновационными формами активного освоения новых возможностей.

Выделенные типы стратегий соотносятся с выводами работы [5], где также фиксируется доминирование экономии в качестве базовой реакции, но при этом отмечено нарастание активных поведенческих паттернов. Вместе с тем совмещение режима экономии с интенсивной трудовой и познавательной деятельностью представляется наиболее конструктивным направлением адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности.

Анализ международного опыта выявил национальную специфику российских адаптационных стратегий [14], и в частности, оценка экономикоповеденческих моделей [4] показывает повышенное институциональное доверие, которое свойственно российским гражданам. Этот аспект значим для интерпретации адаптационных ресурсов, так как индивиды с низким уровнем доверия ориентированы на использование личностных возможностей [15], тогда как категории с высоким доверием в основном опираются на государственные меры поддержки [16].

Материалы, представленные в работе [2], показывают, что общественная рецепция санкций

во многом формируется под влиянием официальной повестки, транслирующей уверенность в способности России выдерживать актуальные вызовы благодаря аккумулированному запасу прочности [19].

Результаты анализа показывают потребность в корректировке данной концепции для условий длительных внешних ограничений. Адаптация к санкциям отличается от реакции на циклические кризисные явления, поскольку задействует не только экономические, но и социокультурные механизмы [20]. Концепция «практик повседневности» также получает наполнение, в связи с тем,

что в действиях населения, осваивающего маркетплейсы для поиска аналогов ушедших брендов, использующего параллельный импорт, переориентирующегося на локальных производителей присутствуют классические «тактики слабых», например способы обхода ограничений, налагаемых «стратегиями сильных». При этом, данные тактики носят не столько характер сопротивления, сколько характер креативного приспособления и освоения новых ниш [21].

В таблице 3 представлено обобщение основных результатов исследования в контексте существующих теоретических подходов.

Таблица 3. Интерпретация результатов исследования в контексте теоретических подходов

Теоретический подход	Ключевые положения	Эмпирическое подтверждение в данном исследовании
Теория социально-экономической адаптации	Адаптация как мобилизация ресурсов в ответ на изменение среды	Подтверждается: выявлены три типа стратегий, дифференцированных по ресурсной базе; активные стратегии коррелируют с более высоким адаптационным потенциалом
Концепция «практик повседневности»	Различение стратегий и тактик	Подтверждается: население использует тактики обхода ограничений
Теория институционального доверия	Уровень доверия к институтам влияет на выбор адаптационных стратегий	Подтверждается в сравнительном контексте: россияне с низким институциональным доверием чаще прибегают к индивидуальным стратегиям поведения
Дискурсивный подход к анализу санкций	Официальный дискурс конструирует восприятие санкций и формирует легитимность	Подтверждается: государственный популизм трансформирует восприятие санкций из угрозы в источник гордости и сплочения
Теория социальной идентичности	Гражданская идентичность выступает ресурсом совладания с неопределённостью	Подтверждается: снижение тревожности сопровождается ростом гордости и позитивной самооценки

Выполненный синтез источников подтверждает гипотезу о гибридной модели, так, теория социально-экономической адаптации [8; 9] объясняет ресурсную базу стратегий, концепция «практик повседневности» [21] – тактики обхода ограничений, дискурсивный подход [2] описывает трансформацию восприятия угрозы в ресурс гордости.

Проведённое международное сравнение выявляет российскую уникальность, например в отличие от Ирана, где низкое доверие провоцирует индивидуализм [4], в России высокая гражданская консолидация нивелирует риски фрагментации, наблюдаемые в ЕС [6].

Прогнозируется, что гибридная модель сохранит стабильность до 2027 г. при текущих темпах импортозамещения, но потребует адресных мер для уязвимых групп, но без вмешательства разрыв адаптационных возможностей между мегаполисами и периферией будет расти [7; 17; 18].

При этом, необходимо отметить, что гражданская идентичность выступает не только ресурсом совладания с неопределённостью, но и основой социально-политической консолидации, мобилизующим фактором, формирующим новые модели солидарного поведения в ответ на внешнее давление.

Описанное выше снижение тревожности относительно санкций и рост патриотических настрое-

ний в потребительском поведении свидетельствуют не просто о психологической адаптации индивидов, а о формировании общества как субъекта коллективного действия. Гражданская идентичность становится самостоятельным адаптационным ресурсом, консолидирующим общество вокруг общих целей и ценностей.

В результате исследования подтвердилась исходная гипотеза о том, что в ответ на долгосрочное санкционное давление население России выработало гибридную модель социально-экономического поведения.

Основным результатом является выявление динамики восприятия санкций населением, так, на протяжении десятилетнего периода доля обеспокоенных санкциями снизилась при одновременном росте доли граждан, рассматривающих ограничения как стимул для развития страны. Это снижение тревожности объясняется, с одной стороны, процессами привыкания к санкционной повестке, а с другой – ростом гражданской идентичности как психологического ресурса в условиях неопределённости.

На основе обобщения эмпирических данных разработана типология адаптационных стратегий. Также, анализ изменений в конкретных товарных группах показал, что уход международных брен-

дов после 2022 г. инициировал глубокую реорганизацию потребительских практик. В сфере одежды произошла переориентация на российские бренды и маркетплейсы; в сфере техники – развитие параллельного импорта и переход на китайские аналоги; в сфере питания – адаптация к российским «преемникам» ушедших брендов; в сфере туризма – переориентация на внутренние направления. При этом зафиксирована неоднородность потребительских реакций, от осознанного бойкота российским аналогам до признания улучшения качества отечественных товаров и их конкурентоспособности.

Исследование подтвердило тезис о неравномерном распределении адаптационных возможностей, так, жители мегаполисов острее ощутили последствия ухода западных брендов, но именно они располагают более широким набором инструментов для инновационной адаптации. Сельские жители, изначально не имевшие широкого доступа к исчезнувшим благам, практически не заметили их потери, но при этом они также лишены возможностей использовать активные адаптационные стратегии и вынуждены полагаться на пассивную экономию. Этот разрыв требует избирательной социальной политики на основе различий в ресурсной обеспеченности социальных групп. Несмотря на выраженную социально-экономическую дифференциацию, универсальным элементом является высокая гражданская сплочённость, которая становится важным нематериальным ресурсом психологической адаптации. Общественно-политическое объединение, за счёт поддержки отечественного производителя, патриотический дискурс и укрепление гражданского самосознания, позволяет частично заместить негативные эффекты давления и служит фактором, стабилизирующим социум в условиях долгосрочных санкций.

Литература

1. Рожкова, Л.В. Отношение россиян к санкциям: социологический анализ / Л.В. Рожкова, О.В. Сальникова, О.О. Тактарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 2 (70). – С. 5–20. – DOI 10.21685/2072–3016–2024–2–1
2. Рожкова, Л.В. Влияние антироссийских санкций на развитие России: взгляды россиян / Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина, С.В. Полутин // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 48–64. – DOI 10.31660/1993–1824–2024–2–48–64
3. Гулюгина, А.А. Потребительские расходы и покупательная способность населения России в условиях санкций: уровень, структура, кризисные проявления / А.А. Гулюгина // Уровень жизни населения регионов России. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 530–542. – DOI 10.52180/1999–9836_2024_20_4_4_530_542
4. Khezri, E. Institutional Trust and Economic Coping Strategies in Response to Sanctions: The Case of Russia and Iran / E. Khezri, A. Tatarko // Population and Economics. – 2024. – Vol. 8, № 3. – P. 17–45. – DOI 10.3897/popcon.8.e107719
5. Корчагина, И.И. Адаптация российских семей к условиям потребительских ограничений / И.И. Корчагина, Л.М. Прокофьева // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 153–164. – DOI 10.24412/1561–7785–2024–3–153–164
6. Туров, Н.Л. Моделирование склонности к сепаратизму: политэкономический анализ электорального ландшафта Европы / Н.Л. Туров, А.Д. Любимова // Политическая наука. – 2026. – № 1. – С. 234–258. – DOI 10.31249/poln/2026.01.11
7. Паин, Э.А. Современный российский консерватизм: скрепы и противоречия (на основе контент-анализа Telegram-каналов) / Э.А. Паин // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 71–81. – DOI 10.7868/S3034601025040061
8. Кремлев, Н.Д. Статистический учет как цифровой измеритель развития адаптационного потенциала региона в условиях санкций / Н.Д. Кремлев // Статистика и экономика. – 2020. – № 6. – С. 10–21.
9. Аврамова, Е.М. Адаптация населения к «новой экономической реальности» / Е.М. Аврамова, Д.М. Логинов // ЭКО. – 2018. – Т. 48, № 6. – С. 86–102.
10. Логинов, Д.М. Социальное самочувствие в условиях коронакризиса: кто принял основной удар? / Д.М. Логинов // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 93–106.
11. Mass perceptions about Western sanctions [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/en/2024/09/06/mass-perceptions-about-western-sanctions/> (дата обращения: 16.03.2026).
12. Зубаревич, Н.В. Регионы России в новых экономических условиях / Н.В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 226–234. – DOI 10.31737/2221–2264–2022–55–3–15
13. Tatarko, A. Civic Identity and Mental Health in Russia: The Role of Psychological Coping Strategies During Sanctions and Perceived Threat / A. Tatarko, A. Mironova, T. Jurcik // Journal of Community Psychology. – 2024. – DOI 10.1002/jcop.23159
14. Parviainen, S. Household well-being under sanctions: Insights from the Russian longitudinal monitoring survey / S. Parviainen, W. Pyle // BOFIT Policy Briefs. – 2025. – № 4. – 24 p.
15. Тихонова, Н.Е. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям / Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай // Со-

циологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 43–53.

16. Каравай, А.В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 / А.В. Каравай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 2. – С. 121–137.
17. Mitrofanova, I.V. Economic risks of development of the Southern macroregion in the context of foreign economic sanctions / I.V. Mitrofanova, A.E. Kalinina, T.B. Ivanova // *Economy of Regions*. – 2025. – Vol. 21, № 1. – P. 33–44. – DOI 10.17059/ekon.reg.2025–1–3
18. Смирнов, М.Ю. Региональная социально-экономическая дифференциация: влияние структурных ограничений и диспропорций инновационного потенциала / М.Ю. Смирнов // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 2637–2656. – DOI 10.18334/epp.15.4.122908
19. Труфанов, А.Ю. Российский регион в условиях кризиса (на примере Нижегородской области) / А.Ю. Труфанов, А.И. Самсонов, М.С. Лубяной // *Социологические исследования*. – 2023. – № 10. – С. 151–156. – DOI 10.31857/S013216250028313–7
20. Ушкалова, Д.И. Эскалация санкционного давления: новые риски для внешней торговли России / Д.И. Ушкалова // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2024. – № 6. – С. 24–39. – DOI 10.52180/2073–6487_2024_6_24_39
21. Смородинская, Н.В. Россия в условиях санкций: пределы адаптации / Н.В. Смородинская, Д.Д. Катуков // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2022. – № 6. – С. 52–67. – DOI 10.52180/2073–6487_2022_6_52_67

ANALYSIS OF TRADITIONS AND INNOVATIONS IN POPULATION PRACTICES IN CONNECTION WITH THE IMPOSITION OF SANCTIONS FROM 2014 TO THE PRESENT

Bogdanov I.Ya.

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS)

This article presents an analysis of the transformation of everyday practices among the Russian population under sanctions pressure from 2014 to 2024. The relevance of the study stems from the need to understand not only the macroeconomic consequences of sanctions but also the profound micro-level changes in household adaptation strategies and consumer and labor behavior. The aim of the work is to analyze the cause-and-effect relationships in the transformation of everyday practices among the Russian population under sanctions pressure from 2014 to 2024, assessing the sustainability of a hybrid behavioral model for predicting socioeconomic risks and developing targeted social policy measures. The article identifies types of adaptation strategies and key areas of consumer preference transformation in sectors such as clothing, household appliances, and pharmaceuticals.

Keywords: sanctions, population adaptation strategies, everyday practices, consumer behavior, import substitution, traditions and innovations, economic sociology, socioeconomic adaptation.

References

1. Rozhkova, L.V. Russians' Attitudes Towards Sanctions: A Sociological Analysis / L.V. Rozhkova, O.V. Salnikova, O.O. Taktarova // *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*. – 2024. – № 2 (70). – Pp. 5–20. – DOI 10.21685/2072–3016–2024–2–1
2. Rozhkova, L.V. The Impact of Anti-Russian Sanctions on Russia's Development: Russians' Views / L.V. Rozhkova, A. Sh. Dubina, S.V. Polutin // *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. – 2024. – Vol. 17, № 2. – Pp. 48–64. – DOI 10.31660/1993–1824–2024–2–48–64
3. Gulyugina, A.A. Consumer Spending and Purchasing Power of the Russian Population under Sanctions: Level, Structure, and Crisis Manifestations / A.A. Gulyugina // *Standard of Living of the Population of Russian Regions*. – 2024. – Vol. 20, № 4. – Pp. 530–542. – DOI 10.52180/1999–9836_2024_20_4_530_542
4. Khezri, E. Institutional Trust and Economic Coping Strategies in Response to Sanctions: The Case of Russia and Iran / E. Khezri, A. Tatarko // *Population and Economics*. – 2024. – Vol. 8, № 3. – Pp. 17–45. – DOI 10.3897/popecon.8.e107719
5. Korchagina, I.I. Adaptation of Russian Families to the Conditions of Consumer Restrictions / I.I. Korchagina, L.M. Prokofieva // *Population*. – 2024. – Vol. 27, № 3. – Pp. 153–164. – DOI 10.24412/1561–7785–2024–3–153–164
6. Turov, N.L. Modeling the Propensity to Separatism: A Political Economy Analysis of the Electoral Landscape of Europe / N.L. Turov, A.D. Lyubimova // *Political Science*. – 2026. – № 1. – Pp. 234–258. – DOI 10.31249/poln/2026.01.11
7. Pain, E.A. Modern Russian conservatism: bonds and contradictions (based on content analysis of Telegram channels) / E.A. Pain // *Sociological studies*. – 2025. – № 4. – Pp. 71–81. – DOI 10.7868/S3034601025040061
8. Kremlev, N.D. Statistical accounting as a digital measure of the development of a region's adaptive potential under sanctions / N.D. Kremlev // *Statistics and Economics*. – 2020. – № 6. – Pp. 10–21.
9. Avraamova, E.M. Adaptation of the population to the «new economic reality» / E.M. Avraamova, D.M. Loginov // *ECO*. – 2018. – Vol. 48, № 6. – P. 86–102.
10. Loginov, D.M. Social well-being in the context of the coronavirus crisis: who bore the brunt? / D.M. Loginov // *Population*. – 2023. – Vol. 26, № 3. – P. 93–106.
11. Mass perceptions about Western sanctions [Electronic resource]. – URL: <https://www.levada.ru/en/2024/09/06/mass-perceptions-about-western-sanctions/> (date of access: 16.03.2026).
12. Zubarevich, N.V. Regions of Russia in the new economic conditions / N.V. Zubarevich // *Journal of the New Economic Association*. – 2022. – № 3 (55). – pp. 226–234. – DOI 10.31737/2221–2264–2022–55–3–15
13. Tatarko, A. Civic Identity and Mental Health in Russia: The Role of Psychological Coping Strategies During Sanctions and Perceived Threat / A. Tatarko, A. Mironova, T. Jurcik // *Journal of Community Psychology*. – 2024. – DOI 10.1002/jcop.23159
14. Parviainen, S. Household well-being under sanctions: Insights from the Russian longitudinal monitoring survey / S. Parviainen, W. Pyle // *BOFIT Policy Briefs*. – 2025. – № 4. – 24 p.m.
15. Tikhonova, N.E. Resources of Russians in a Crisis: Dynamics and Role in Adaptation to New Conditions / N.E. Tikhonova, A.V. Karavay // *Sociological Studies*. – 2016. – № 10. – Pp. 43–53.
16. Karavay, A.V. Actions of Russians to Improve Their Own Financial Situation in the Era of COVID-19 / A.V. Karavay // *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2021. – № 2. – Pp. 121–137.
17. Mitrofanova, I.V. Economic Risks of Development of the Southern Macroregion in the Context of Foreign Economic Sanctions / I.V. Mitrofanova, A.E. Kalinina, T.B. Ivanova // *Economy of Regions*. – 2025. – Vol. 21, № 1. – P. 33–44. – DOI 10.17059/ekon.reg.2025–1–3
18. Smirnov, M. Yu. Regional socio-economic differentiation: the influence of structural constraints and disproportions in innovation potential / M. Yu. Smirnov // *Economy, entrepreneurship and*

- law. – 2025. – Vol. 15, № 4. – P. 2637–2656. – DOI 10.18334/epp.15.4.122908
19. Trufanov, A. Yu. Russian region in times of crisis (on the example of the Nizhny Novgorod region) / A. Yu. Trufanov, A.I. Samsonov, M.S. Lubyany // Sociological research. – 2023. – № 10. – P. 151–156. – DOI 10.31857/S013216250028313–7
20. Ushkalova, D.I. Escalation of Sanctions Pressure: New Risks for Russia's Foreign Trade / D.I. Ushkalova // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – № 6. – P. 24–39. – DOI 10.52180/2073–6487_2024_6_24_39
21. Smorodinskaya, N.V. Russia under Sanctions: Limits of Adaptation / N.V. Smorodinskaya, D.D. Katukov // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – № 6. – P. 52–67. – DOI 10.52180/2073–6487_2022_6_52_67

Практика применения модели интеграции преподавания, обучения и оценки на уроках чтения по английскому языку в старшей школе – на примере раздела Unit 1 «Ancient Chinese Art On Show» из учебника английского языка для старших классов издательства People's Education Press, выборочно-обязательный курс 3

Ван Бэйбэй,

магистр, Синьцзянский педагогический университет, Китай
E-mail: 271975392@qq.com

Лю Шаохуа,

доктор, Синьцзянский педагогический университет, Китай
E-mail: 2275257015@qq.com

В статье рассматривается практика применения модели интеграции преподавания, обучения и оценки на уроках чтения по английскому языку в старшей школе. На материале текста «Ancient Chinese Art On Show» из учебника издательства People's Education Press анализируются возможности согласования учебных целей, содержания учебной деятельности и оценочных процедур. Особое внимание уделяется формированию у учащихся навыков смыслового чтения, анализа культурно насыщенного текста, выявления ключевой информации, классификации культурных символов и осмысления историко-культурного значения древнекитайского искусства. В статье показано, что использование самооценки, взаимной оценки, динамической оценки и оценки выполнения заданий способствует повышению учебной мотивации, развитию критического мышления, коммуникативных умений и культурного понимания. Сделан вывод о том, что интеграция преподавания, обучения и оценки позволяет повысить эффективность урока чтения, обеспечить постоянную обратную связь и создать условия для развития ключевых компетенций учащихся.

Ключевые слова: интеграция преподавания, обучения и оценки, урок чтения, английский язык в старшей школе, культурный текст.

Введение

Современное школьное образование ориентировано не только на передачу предметных знаний, но и на формирование ключевых компетенций учащихся, включая языковую, коммуникативную, культурную и рефлексивную компетенции. В условиях обновления учебных стандартов особую значимость приобретает проблема согласования целей обучения, содержания учебной деятельности и способов оценки образовательных результатов. В этом контексте модель интеграции преподавания, обучения и оценки выступает как эффективный методический инструмент, позволяющий выстраивать учебный процесс на основе целеполагания, постоянной обратной связи и своевременной корректировки образовательных действий.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности уроков чтения по английскому языку в старшей школе, где чтение рассматривается не только как средство извлечения информации из текста, но и как способ развития аналитического мышления, культурного понимания и способности к межкультурной коммуникации. Особое значение приобретает работа с культурно насыщенными текстами, поскольку они позволяют соединить языковое обучение с формированием ценностного отношения к национальной культуре. В статье рассматривается практика реализации модели интеграции преподавания, обучения и оценки на материале урока «Ancient Chinese Art On Show» из учебника английского языка для старших классов издательства People's Education Press. Цель исследования состоит в анализе возможностей данной модели для проектирования учебных целей, организации учебной деятельности и проведения формирующего оценивания на уроке чтения. Теоретическую основу исследования составляют идеи целевой согласованности, обратного проектирования обучения, динамической оценки и социокультурного подхода к образовательному взаимодействию.

Концепция интеграции преподавания, оценки и анализа

«Интеграция обучения, преподавания и оценки» является одной из ключевых тем современной образовательной реформы, суть которой заключается в органичной интеграции учебных целей, процесса обучения и оценочной деятельности с целью формирования замкнутого механизма обратной связи. Теоретические основы интеграции обучения, преподавания и оценки берут свое начало в междисциплинарном слиянии теорий: модель целей Тайлера (Tyler, 1949) заложила принцип «согласованности целей», подчеркивая, что как преподавание, так и оценка должны строиться вокруг заранее поставленных целей, однако игнорируя динамику процессуальных корректировок; теория обратного проектирования обучения Уиггинса (Wiggins & McTighe, 2005) предлагает логику «оценка прежде всего», предлагая проектировать учебные мероприятия, исходя из «ожидаемых доказательств обучения», подчеркивая направляющую роль оценки в обучении; Социокультурная теория (Vygotsky, 1978) рассматривает оценку как процесс построения знаний посредством взаимодействия и согласования между учителем и учеником в «зоне ближайшего развития», подчеркивая контекстуальность и социальность оценки (Willis et al., 2013). На этом основании «интеграция обучения и оценки» определяется как: ориентированная на ключевые компетенции органичная интеграция учебных целей, учебных мероприятий и оценочных задач, формирующая замкнутый цикл «постановка целей – реализация мероприятий – обратная связь и корректировка» (Ли Лян, Ван Цян, 2020). К ее основным характеристикам относятся измеримость целей (например, детализация «культурного понимания» в виде задания по межкультурному сравнительному письму), интерактивность процесса (например, совместная оценка учителем и учеником в классе, взаимная оценка сверстников) и интеграция технологий (например, обратная связь в реальном времени с помощью ИИ). Компетентность учителя в области оценки является ключевым фактором, способствующим внедрению этой модели, и охватывает три измерения способностей: знания об оценке (например, теория надежности и валидности), навыки оценки (например, разработка шкал) и этика оценки (например, справедливость) (Цзя Линьчжи, 2020). В данной статье на примере урока по английскому языку для старших классов средней школы (издание «Renji-a», курс «Выборные и обязательные предметы 3», раздел 1 «Ancient Chinese Art On Show») в основном анализируется проектирование и реализация интегрированных мероприятий по преподаванию, обучению и оценке на уроках чтения английского языка в контексте новых учебных стандартов.

Анализ учебных целей, ключевых аспектов и трудностей урока «Выставка древнекитайского искусства» в старших классах средней школы с точки зрения культурного текста

Анализ учебных целей урока «Использование языка: выставка древнекитайского искусства» (Unit 1) из учебника «Английский язык для старших классов» издательства People's Education Press (обязательный и факультативный курс № 3) направлен на формирование у учащихся способности системно анализировать текст «Ancient Chinese Art On Show». На основе чтения и интерпретации статьи учащиеся должны уметь выделять ключевую информацию о выставке, включая временные рамки, пространственные локации, состав экспонатов и их исторический контекст, а также понимать художественные особенности различных исторических эпох. Особое внимание уделяется таким культурным объектам, как бронзовые изделия эпох Шан и Чжоу, буддийские скульптуры эпох Вэй и Цзинь, пейзажные картины эпох Сун и Юань. Через анализ структуры текста учащиеся осваивают его хронологическую организацию, описательный язык, искусствоведческую лексику и пояснительные выражения, что способствует развитию способности к деконструкции культурно-исторических текстов. В рамках ключевой темы «Выставка как средство культурного диалога» учащиеся анализируют двойное значение выставки: с одной стороны, как представления исторических материальных свидетельств, с другой – как способа конструирования и передачи культурной идентичности.

Цели обучения данного модуля выстраиваются по логике «интерпретация текста – формирование навыков – формирование ценностей» и направлены на развитие высших мыслительных умений по траектории «познание – понимание – применение – оценка». Основными моментами и трудностями урока являются точное изложение учащимися основной информации о выставке, включая время и место проведения, экспонаты и их исторический контекст; выделение и классификация культурных символов, таких как бронзовые изделия, буддийские статуэтки и пейзажные картины; понимание их значения и роли в древнекитайском искусстве. Учащиеся также должны осознать цель выставки – продемонстрировать выдающиеся достижения древнего китайского искусства и раскрыть преемственность и развитие традиционной китайской культуры. Посредством анализа исторического контекста, культурного значения экспонатов и расширенных примеров, таких как проект «Цифровой архив культурных ценностей» в Запретном дворце, учащиеся углубляют понимание многообразия традиционной китайской культуры и осознают ценность различных форм искусства как носителей цивилизационной памяти.

**План урока и его проведение по курсу
«Выборочные и обязательные модули
3» для старших классов средней школы
(издательство «People's Education Press»),
раздел 1 «Использование языка: выставка
древнекитайского искусства»**

На примере урока по модулю «Using language» из учебника «Ancient Chinese Art On Show» (Unit 1) серии «Выбор и обязательные курсы» для старших классов издательства «People's Education Press», в контексте новых стандартов обучения интегрированные мероприятия по преподаванию, обучению и оценке в разделе «Using language» можно разработать и реализовать следующим образом:

Учебное мероприятие 1: Введение

Цель этапа «Введение» – помочь учащимся получить первое представление о теме урока «Ancient Chinese Art On Show». С помощью наглядных визуальных материалов стимулируется интерес учащихся к изучению материала и осуществляется введение в тему урока. Активизация фоновых знаний учащихся создает основу для последующего обучения. Например, учитель сначала демонстрирует учащимся серию изображений древнекитайского искусства, таких как бронзовые изделия, скульптуры и пейзажи, и задает вопрос: «Do you know any Ancient Chinese Art?» (Знаете ли вы что-нибудь о древнекитайском искусстве?). Под руководством этого вопроса учащиеся свободно высказываются, некоторые из них называют некоторые древние китайские артефакты. Затем, исходя из мыслей учащихся, учитель задает следующие вопросы:

Что вы знаете о древнем китайском искусстве?

Можете ли вы назвать какие-либо известные произведения древнего китайского искусства или художников?

Под руководством этой серии вопросов учащиеся начинают размышлять о древних памятниках культуры, которые им известны, и пытаются выразить свои мысли, используя соответствующие языковые конструкции. Такая деятельность способствует развитию воображения учащихся и помогает им начать размышлять над темой «Древнее китайское искусство».

Оценка. На этом этапе учитель в основном направляет учащихся на проведение самооценки. Учащиеся могут проводить самооценку в основном с следующих точек зрения: смогли ли они активно участвовать в обсуждении изображений и назвать один из соответствующих памятников? Смогли ли они использовать достаточно точные формулировки для описания своих идей? Были ли они готовы активно участвовать в деятельности этапа «Введение» и выражать свои мысли посредством взаимодействия с учителем или другими одноклассниками? Накопили ли они достаточно

знаний по теме «Древнее китайское искусство» и смогли ли они активно высказываться на уроке? В соответствии с вышеуказанными критериями самооценки учащиеся оценивают себя по пятибалльной шкале. Благодаря активному участию в процессе самооценки учащиеся могут объективно оценить свои успехи в этапе «lead in», четко определить конкретные цели для следующего этапа обучения и своевременно скорректировать свои стратегии обучения.

Шаг 2: Какой уровень – понимание текста

Быстрое чтение текста с изложением основной идеи. Внимательное чтение текста с выявлением и классификацией культурных символов. Учащиеся быстро читают текст и излагают основную информацию о выставке, включая время, место проведения, экспонаты и т.д. Затем внимательно читают текст, выявляют и классифицируют культурные символы, такие как бронзовые изделия, буддийские скульптуры и т.д., а также размышляют об их значении в древнекитайском искусстве. Отвечают на вопросы учителя, делятся своими открытиями и пониманием.

Вопросы учителя:

В чём заключается основная идея текста?

Какие культурные символы вы можете найти в тексте?

Как эти символы связаны с древнекитайским искусством?

Оценка. В процессе объяснения учебного материала учитель задает вопросы в подходящий момент, наблюдая за реакцией и ответами учащихся. Благодаря такому взаимодействию учитель может оценить степень усвоения материала учащимися, своевременно скорректировать темп и методы обучения, что делает уроки английского языка более эффективными. В этом этапе учитель использует динамическую оценку, чтобы своевременно отслеживать успеваемость учащихся, пронизывая динамической оценкой весь учебный процесс и избегая субъективных предубеждений. Учитель применяет комбинированный подход, сочетающий индивидуальную и групповую оценку, чтобы направлять внимание учащихся на культурные символы в тексте и углублять их понимание древнекитайского искусства. Постановка вопросов стимулирует мышление и дискуссии учащихся, повышая их понимание искусства. Постановка вопросов стимулирует мышление и дискуссии учащихся, повышая их вовлеченность. Если учащиеся сталкиваются с трудностями при выполнении данного задания, учитель может скорректировать свои стратегии обучения на основе результатов обратной связи.

Шаг 3: Изучение культурного содержания

Обсуждение того, как выставка отражает преемственность и развитие традиционной китайской культуры. Вопросы преподавателя:

Какова цель выставки?

Как выставка отражает преемственность и развитие традиционной китайской культуры?

Почему важно сохранять и популяризировать древнее китайское искусство?

Групповое обсуждение. Углубленное изучение цели выставки, наследия и развития традиционной китайской культуры.

Обсуждение вопроса: Почему важно сохранять китайское искусство?

С помощью группового обсуждения углубленно изучить цель выставки, наследие и развитие традиционной китайской культуры.

Попросить учащихся подумать над вопросом: Почему важно сохранять китайское искусство?

Оценка. В рамках данного этапа занятия учитель также использует метод взаимной оценки в группах, в которых учащиеся играют ведущую роль, для оценки диалога между учащимися. Развивайте у учащихся критическое мышление и навыки сотрудничества, способствуя обмену мнениями посредством группового обсуждения. Помогите учащимся глубоко понять культурную суть выставки и укрепить их чувство принадлежности к традиционной китайской культуре. Расширяйте кругозор учащихся посредством обмена мнениями со всем классом, позволяя им познакомиться с различными точками зрения и мнениями.

Шаг 4: Как языковые средства сочетаются с культурными выражениями

Проанализируйте языковые особенности текста, такие как временная последовательность, описательные выражения и т.д. Опишите на английском языке свое любимое произведение древнекитайского искусства. Вопросы преподавателя:

Как в тексте организована информация о выставке?

Какие описательные выражения используются для описания произведений искусства?

Можете ли вы использовать подобные выражения для описания своего любимого произведения древнекитайского искусства?

Оценка выполнения. В отношении вышеуказанного задания учитель оценивает учащихся в основном по следующим критериям: умеют ли они использовать достаточно точные формулировки для описания в соответствии с темой «Ancient Chinese Art On Show?»; умеют ли они в процессе описания соотносить его со своим личным опытом; умеют ли они развивать свои мысли по данной теме. Проанализируйте языковые особенности текста, такие как временная последовательность, описательный язык и т.д., и поразмышляйте о том, как они служат выражению содержания.

Шаг 5: Ролевая игра

Имитация ситуации проведения экскурсии по выставке с использованием ролевой игры. Вопросы преподавателя (перед началом ролевой игры):

Что бы вы сказали, представляя эту выставку посетителям?

Как бы вы подчеркнули культурную значимость представленных произведений искусства?

Проведение ролевой игры в группах с имитацией ситуации проведения экскурсии по выставке. Часть учащихся выступает в роли экскурсоводов и знакомит «посетителей» (остальных учащихся) с содержанием выставки и экспонатами. «Посетители» задают вопросы, экскурсоводы отвечают, происходит взаимодействие между сторонами. Во время групповой деятельности учитель должен обходить группы, наблюдать, фиксировать результаты работы каждой группы и вклад отдельных учащихся в группу, воспитывая у учащихся дух командной работы. Посредством ролевой игры учащиеся применяют полученные языковые и культурные знания в реальной ситуации, повышая свои навыки устной речи и коммуникативные способности. Усиливается чувство вовлеченности учащихся, а также их понимание содержания выставки и ее культурного смысла.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что модель интеграции преподавания, обучения и оценки обладает значительным методическим потенциалом при организации уроков чтения по английскому языку в старшей школе. На примере работы с текстом «Ancient Chinese Art On Show» было установлено, что эффективное обучение чтению возможно при условии чёткого согласования учебных целей, содержания заданий и критериев оценки. Такая организация урока позволяет учащимся не только извлекать основную информацию из текста, но и анализировать его структуру, выявлять культурные символы, осмысливать исторический контекст художественных явлений и выражать собственное отношение к культурному наследию.

Практическая значимость предложенной модели заключается в том, что она обеспечивает непрерывную обратную связь между учителем и учащимися, способствует развитию самостоятельности, рефлексии, критического мышления и коммуникативных навыков. Использование самооценки, взаимной оценки, динамической оценки и оценки выполнения заданий делает образовательный процесс более гибким и ориентированным на реальные достижения учащихся. Кроме того, включение культурного содержания в урок чтения способствует углублению понимания традиционной китайской культуры и формированию культурной идентичности школьников. Таким образом, интеграция преподавания, обучения и оценки может рассматриваться как продуктивная стратегия повышения качества преподавания английского языка в старшей школе. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой более де-

тализированных оценочных шкал, расширением эмпирической базы и сравнительным анализом эффективности данной модели в различных типах языковых уроков.

Литература

1. Цзя Линьчжи. Исследование текущего состояния компетенций учителей в области внутришкольной оценки успеваемости в контексте «интеграции преподавания и оценки» // Исследования в области развития образования. 2020. Т. 40, № 20. С. 53–61.
2. Лю Липин, Цю Линъюнь. Реформа и инновации в области преподавания и оценки в контексте интеграции преподавания, обучения и оценки: обзор седьмого научного симпозиума по преподаванию и оценке английского языка // Китайские экзамены. 2024. № 10. С. 104–109.
3. Е Сухуа. Практические стратегии преподавания чтения на английском языке в средней школе в контексте интеграции «преподавания, обучения и оценки» // Форум педагогических наук. 2024. № 6. С. 13–16.
4. Министерство образования КНР. Стандарты учебной программы по английскому языку для общеобразовательных средних школ: издание 2017 г., переработанное в 2020 г. Пекин: Издательство «Народное образование», 2020.
5. Wiggins G. *Educative Assessment: Designing Assessments to Inform and Improve Student Performance*. San Francisco: Jossey-Bass, 1998.

PRACTICE OF THE INTEGRATED TEACHING – LEARNING – ASSESSMENT MODEL IN SENIOR HIGH SCHOOL ENGLISH READING CLASSES – A CASE STUDY OF UNIT 1 «ANCIENT CHINESE ART ON SHOW» IN THE SELECTIVE COMPULSORY BOOK 3 OF THE PEP SENIOR HIGH SCHOOL ENGLISH TEXTBOOK

Wang Beibei, Liu Shaohua

Xinjiang Normal university

The article examines the practice of applying the model of integrating teaching, learning, and assessment in senior high school English reading lessons. Based on the text «Ancient Chinese Art On Show» from the textbook published by People's Education Press, the article analyzes the possibilities of aligning learning objectives, learning activities, and assessment procedures. Special attention is paid to developing students' skills in meaningful reading, analyzing culturally rich texts, identifying key information, classifying cultural symbols, and understanding the historical and cultural significance of ancient Chinese art. The article shows that the use of self-assessment, peer assessment, dynamic assessment, and performance-based assessment helps increase students' learning motivation and develop critical thinking, communicative skills, and cultural understanding. It concludes that the integration of teaching, learning, and assessment can improve the effectiveness of reading lessons, ensure continuous feedback, and create conditions for the development of students' key competencies.

Keywords: Integration Of Teaching, Learning, And Assessment; Reading Lesson; Senior High School English; Cultural Text.

References

1. Jia Linzhi. Research on the Current Status of Teachers' Competencies in Intra-school Academic Performance Assessment in the Context of «Integration of Teaching and Assessment» // Research in Educational Development. 2020. Vol. 40, № 20. pp. 53–61.
2. Liu Liping, Qiu Lingyun. Reform and Innovation in Teaching and Assessment in the Context of Integrating Teaching, Learning, and Assessment: A Review of the Seventh Academic Symposium on English Language Teaching and Assessment // China Examinations. 2024. № 10. pp. 104–109.
3. Ye Suhua. Practical Strategies for Teaching English Reading in Middle School in the Context of Integrating «Teaching, Learning, and Assessment» // Forum of Pedagogical Sciences. 2024. № 6. pp. 13–16.
4. Ministry of Education of the People's Republic of China. *English Language Curriculum Standards for Comprehensive Middle Schools: 2017 Edition, Revised 2020*. Beijing: People's Education Publishing House, 2020.
5. Wiggins, G. *Educative Assessment: Designing Assessments to Inform and Improve Student Performance*. San Francisco: Jossey-Bass, 1998.

Культурная апроприация в транснациональных фэндомах: границы между вдохновением и присвоением

Волкова Мария Дмитриевна,

магистрант, Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

E-mail: 1032240923@rudn.ru

Статья посвящена проблеме культурной апроприации в транснациональных фэндомах, сложившихся вокруг комиксов, манги, аниме и супергеройских франшиз. На примере трех кейсов – адаптации Годзиллы в американских комиксах 1970-х годов, персонажа Ра'с аль Гул из вселенной DC Comics и индигенной героини Яры Флор – анализируются механизмы деконтекстуализации, экзотизации и стереотипизации. Предлагаются критерии различения проблематичной апроприации и уважительного заимствования. В качестве альтернативной модели рассматривается партиципаторный подход, основанный на принципах участия, контекстуализации, прозрачности и диалога, а также понятие «третьей культуры» как продукта взаимной гармонизации культур в процессе равноправного обмена.

Ключевые слова: культурная апроприация, транснациональные фэндомы, комикс-культура, деконтекстуализация, экзотизация, «третья культура», партиципаторная культура.

Введение

Транснациональные фэндомы, сложившиеся вокруг комиксов, манги, аниме и супергеройских франшиз, сегодня представляют собой одно из самых динамичных пространств культурного обмена. Поклонники из Японии, Бразилии, России и США обсуждают одних и тех же персонажей, создают фан-арт, шьют косплей-костюмы и переводят комиксы на десятки языков. Этот обмен невозможен без заимствования – визуальных образов, нарративных схем, культурных символов. Однако именно заимствование, особенно когда оно происходит без понимания контекста и без участия носителей культуры, порождает острые этические конфликты, которые не имеют однозначного решения.

Парадокс современной фан-культуры заключается в том, что она одновременно и поощряет свободное обращение с образами (фан-арт, альтернативные вселенные, кроссоверы), и сталкивается с обвинениями в культурной апроприации, когда заимствование затрагивает чувствительные зоны – этничность, религию, коллективную травму.

Цель данной статьи – выявить границы между уважительным вдохновением и проблематичным присвоением, а также предложить критерии для их различения. Основная гипотеза заключается в том, что проблема кроется не в самом факте заимствования, а в отсутствии контекста, уважения, диалога с носителями культуры и, нередко, в коммерческой эксплуатации заимствованных элементов.

Понятие культурной апроприации

Культурная апроприация определяется как использование элементов культуры, с которой субъект напрямую не связан, без должного понимания, уважения или контекста, особенно когда такое использование сопровождается дисбалансом власти и коммерческой выгодой [6, р. 46–48; 11, р. 132–135]. Ключевыми механизмами апроприации выступают деконтекстуализация и экзотизация.

Деконтекстуализация

Вырывание символов, образов или практик из их исходной системы значений и подчинение их логике глобального потребления – это явление деконтек-

стуализации [11, р. 21]. Персонаж или символ теряет связь с породившим его историческим, религиозным или социальным контекстом и превращается в «свободно плавающий» знак, который можно использовать в любых целях.

Примером классической апроприации через деконтекстуализацию может служить адаптация Годзиллы в американских комиксах, где персонаж был лишен своего подтекста. Персонаж Годзиллы (англ. *Godzilla*), созданный студией Toho в 1954 году, изначально был не просто развлекательным монстром, а символом атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, травмы войны и антимилитаристского пафоса. Режиссер Исиро Хонда, переживший бомбардировку, вкладывал в фильм ужас перед ядерным оружием и предупреждение человечеству [8, р. 114–116]. В 1970-х годах права на персонажа приобрела компания Marvel Comics, выпустившая серию комиксов о Годзилле, а затем Hanna-Barbera создала мультсериал. В этих адаптациях Годзилла был превращен из трагического символа войны в героя для детей, который сражается с другими монстрами и защищает человечество [8, р. 118–122]. Культурный аналитик К.С. Маравилья отмечает, что американские версии «изъяли персонажа из его происхождения», лишив его связи с атомной травмой, и превратили в «товарную форму», подчиненную логике развлекательной индустрии [8, р. 126].

Годзилла перестал быть японским символом, напоминающим о военных преступлениях и их последствиях, и стал универсальным монстром-героем, пригодным для продажи игрушек и комиксов. При этом исходный смысл – предупреждение о ядерной опасности – был утрачен, а японские создатели персонажа не получили ни контроля над его интерпретацией, ни справедливой доли от коммерческого успеха американских адаптаций [8, р. 123]. Вместе с тем Маравилья отмечает и непредвиденный позитивный эффект: американские адаптации «заложили основу для американского переоткрытия оригинального фильма «Годзилла» и его сиквелов, которые с тех пор были выпущены в своих оригинальных версиях» [8, р. 127]. Этот факт порождает наблюдение – апроприация не всегда ведет только к утрате; она может открывать новые аудитории для исходной культуры, хотя и ценой искажения первоначального смысла. Этот парадокс – одновременная утрата и приобретение – остается одной из нерешенных проблем в дискуссиях о культурной апроприации.

Экзотизация и стереотипизация

Превращение элементов чужой культуры в декоративный фон, «экзотический аксессуар», лишенный исходного смысла, называется экзотизацией [6, р. 48–52]. В то же время стереотипизация – это сведение этой культуры к набору повторяющихся

клише. Экзотизация и стереотипизация принимают разные формы, но, пожалуй, самая влиятельная из них – **ориентализм**, который является институционализацией и того и другого. Ориентализм был изучен Эдвардом Саидом, который пришел к выводу: это властная практика репрезентации, при которой «Восток» конструируется западной культурой как единый, загадочный и опасный «Другой», лишенный права на сложность и самописание [3, с. 11–18].

В комикс-культуре экзотизация проявляется в сведении сложной культурной идентичности к набору узнаваемых визуальных клише (например, для культур, подверженных некорректной репрезентации ввиду ориентализма, такими клише выступают тюрбаны, сари, восточные узоры, «загадочная» мудрость), в то время как стереотипизация лишает персонажа глубины за пределами этих клише. Персонаж Ра'с аль Гул (англ. *Ra's al Ghul*) созданный Деннисом О'Нилом и Нилом Адамсом в 1971 году, является одним из самых известных злодеев вселенной DC Comics и служит показательным примером такого подхода. Он представлен как бессмертный лидер лиги убийц, связанный с Бэтменом сложными отношениями учителя и врага. Репрезентация персонажа на протяжении десятилетий вызывала критику. Имя «Ра'с аль Гул» представляет собой карикатуру на арабские имена: оно произносится неправильно (в комиксах закрепилось произношение «Рейс аль Гул», хотя по-арабски правильно «Рас аль Гул»), а его значение («Голова демона») отсылает к восточным стереотипам о жестокости и мистицизме [4, р. 216]. Визуально персонаж часто изображается в стереотипных «восточных» одеждах – длинных плащах, тюрбанах, с кинжалами, – без какой-либо привязки к конкретной культурной традиции.

Проблема Ра'с аль Гула не в том, что он злодей, а в том, что его «восточность» служит декоративным фоном, маркером чуждости и опасности. Он не имеет ни связей с конкретной арабской страной или культурой, ни глубины проработки, которая позволила бы говорить о полноценной и многосторонней репрезентации, а не о стереотипе. Как отмечают исследователи комиксов, «восточные» персонажи в американских супергеройских комиксах часто выполняют одну из двух функций: либо они являются мудрыми наставниками, либо – что чаще – экзотическими злодеями, чья «инаковость» служит оправданием их действий [4, р. 212; 9, р. 110].

Этот кейс показывает апроприацию не через изъятие (как в случае с Годзиллой), а через пересечение экзотизации и стереотипизации. Культурные маркеры (имя, одежда, «восточная» мудрость) используются как декоративный реквизит, без уважения к контексту и без участия носителей арабской культуры. В результате персонаж не репрезентирует арабский мир, а воспро-

изводит ориенталистские клише, унаследованные от колониального дискурса [1, с. 108]. Показательно, что в последние годы DC Comics предпринимает попытки исправить ситуацию: в некоторых арках Ра'с аль Гул стал более сложным персонажем, а его мотивация получила дополнительное обоснование. Однако фундаментальная проблема – отсутствие у персонажа культурной привязки и укорененности в конкретной традиции – остается нерешенной [4, р. 223].

Дисбаланс власти

Важнейшим признаком проблематичной апроприации является дисбаланс власти. Когда представитель доминирующей культуры заимствует элементы у маргинализированной или колонизированной группы, не привлекая ее представителей к диалогу и не делясь коммерческой выгодой, мы имеем дело с апроприацией в ее негативном смысле. Если же заимствование происходит в условиях относительного равенства, с указанием источников и с участием носителей культуры, оно может быть формой диалога и взаимообогащения [11, р. 134]. Кейс Яры Флор (англ. *Yara Flor*), персонажа DC Comics, демонстрирует, как отсутствие участия носителей культуры даже при благих намерениях превращает попытку репрезентации в апроприацию.

В 2021 году DC Comics анонсировала новую Чудо-девушку – Яру Флор, бразильскую индигенную героиню. Идея казалась прогрессивной: дать репрезентацию латиноамериканской и индигенной культуре в пантеоне супергероев. Однако реализация столкнулась с жесткой критикой.

Над комиксом работала белая североамериканская художница Джоэль Джонс. В творческой команде не было ни бразильских консультантов, ни представителей индигенных народов [6, р. 54]. Это привело к нескольким проблемам. Во-первых, образы реальных индигенных женщин были использованы без их разрешения (актриса Суяне Морейра узнала о том, что стала прототипом персонажа, от фанатов, а не от DC). Во-вторых, изображение индигенных персонажей оказалось стереотипным, сведенным к роли «экзотического тела» и фетишизации.

Эта ситуация вызвала широкую дискуссию о том, кто имеет право рассказывать истории о маргинализированных группах. Ключевым требованием, выдвинутым критиками, стал принцип **«Nothing About Us Without Us»** («Ничего о нас без нас») [10]. Изначально сформулированный движением за права людей с инвалидностью, этот принцип сегодня активно применяется в дискуссиях о культурной репрезентации: решения, затрагивающие группу, не могут приниматься без участия ее представителей.

Кейс Яры Флор демонстрирует, что даже благие намерения (дать репрезентацию) могут обер-

нуться апроприацией, если в процесс не включены сами носители культуры. Отсутствие консультантов приводит к тому, что культурные символы используются поверхностно, а созданный образ оказывается не столько репрезентацией, сколько проекцией внешних ожиданий. DC Comics была вынуждена реагировать на критику, хотя окончательное разрешение конфликта остается открытым [11, р. 136].

Этот кейс также показывает разницу между двумя типами апроприации: в случае Годзиллы и Ра'с аль Гула речь шла о небрежении контекстом и воспроизводстве стереотипов; в случае Яры Флор – о благих намерениях, потерявших валидность из-за отсутствия диалога. В обоих случаях результат оказался проблематичным, что подчеркивает универсальность требования участия носителей культуры.

Границы между апроприацией и диалогом: критерии различения

Анализ трех кейсов позволяет выделить спектр практик заимствования – от проблематичной апроприации до уважительного диалога. Важно подчеркнуть, что не любое заимствование является апроприацией. Существуют формы коллаборации, когда носители культуры сами приглашают к участию.

На основе рассмотренных примеров и теоретических работ можно сформулировать критерии, при которых заимствование воспринимается как позитивное.

1. Глубина исследования контекста. Автор демонстрирует знание культурных особенностей, истории, символики, а не ограничивается поверхностным «гуглением».

2. Избегание стереотипизации. Персонаж показан как многослойная личность, а не как набор клише.

3. Указание источников вдохновения (*credit where credit is due*). Автор открыто говорит, откуда взяты образы, и признает вклад исходной культуры.

4. Привлечение консультантов из числа носителей культуры, особенно при работе с маргинализированными группами (принцип **«Nothing About Us Without Us»**).

5. Некоммерческий или неэксплуатационный характер заимствования. Фан-арт, свободно распространяемый в сети, вызывает меньше критики, чем коммерческий продукт крупной корпорации.

Критерии, при которых заимствование воспринимается как негативное (апроприация).

1. Деконтекстуализация – культурный элемент вырван из исходной системы значений.

2. Экзотизация – культура сведена к декоративному фону, «экзотическому аксессуару».

3. Стереотипизация – персонаж или образ построен на клише, без глубины и индивидуальности.

4. Отсутствие участия носителей культуры в создании и/или коммерциализации образа.

5. Коммерческая эксплуатация без согласия исходного сообщества и без разделения прибыли.

Эти критерии не являются абсолютными. Культурный контекст, исторические отношения между группами, степень уязвимости исходной культуры – все это влияет на то, где будет проведена граница. То, что в одной ситуации воспринимается как уважительное цитирование, в другой может быть расценено как присвоение [6, р. 57]. Кроме того, критерии не образуют жесткой шкалы: один и тот же кейс может соответствовать одним позитивным критериям и одновременно нарушать другие, что требует ситуативного анализа, учитывающего нюансы.

Альтернативная модель: партиципация как антитеза апроприации

Анализ трех кейсов показывает, что проблема апроприации коренится в отсутствии диалога и участия носителей культуры. Альтернативой может служить модель, при которой заимствование происходит не через изъятие, а через приглашение к соучастию. Теоретическую основу этой модели составляет понятие партиципаторной культуры, развитое Г. Дженкинсом [7, р. 4], а также концепция «третьей культуры», предложенная А.А. Корякиной в контексте преодоления аккультуративного стресса [2, с. 111].

В отличие от традиционной модели культурного производства, где автор (или издательство) транслирует смыслы аудитории, партиципаторная культура предполагает, что потребитель становится со-творцом [7, р. 19]. Применительно к проблеме апроприации это означает, что носители культуры должны быть не объектами репрезентации, а ее субъектами – участниками диалога, консультантами, соавторами. Их голос не может быть замещен голосом «внешнего» автора, даже если этот автор действует из лучших побуждений.

Корякина, в свою очередь, вводит понятие «третьей культуры» – не результата слияния двух культур и не их ассимиляции, а продукта взаимной гармонизации, возникающего в процессе диалога и комплементарного взаимодействия [2, с. 111–113]. В рамках «третьей культуры» участники не теряют свою идентичность, но и не замыкаются в ней; они создают общее смысловое пространство, в котором заимствование становится не присвоением, а взаимообогащением. При этом аккультуративный стресс (напряжение, сопровождающее встречу с чужой культурой) угасает, поскольку неопределенность сменяется выработанными совместно правилами коммуникации.

На основе этих теоретических положений можно сформулировать **принципы альтернативной модели**, противопоставленной апроприации.

1. **Принцип участия (Nothing About Us Without Us).** Репрезентация маргинализированной культуры не может создаваться без участия ее носителей. Минимальное требование – привлечение консультантов. Идеальная форма – коллаборация, где носители культуры выступают соавторами.

2. **Принцип контекстуализации.** Заимствованный культурный элемент не должен вырываться из своего исходного контекста. Если контекст не может быть сохранен в произведении, он должен быть эксплицирован (через пояснительные тексты, аннотации, интервью с создателями).

3. **Принцип прозрачности.** Автор обязан указывать источники вдохновения и характер заимствования. Соккрытие источников или их эзотеризация («тайное знание») – маркер апроприации.

4. **Принцип диалога.** Автор должен быть готов к критике со стороны носителей культуры и к пересмотру своих решений. Монологическая позиция («я художник, я так вижу») – признак апроприации.

5. **Принцип некоммерческой приоритетности.** Коммерческое использование заимствованных культурных элементов допустимо только при условии выполнения предыдущих четырех принципов и, желательно, при условии разделения прибыли с исходным сообществом.

В отличие от простого запрета на заимствование (который сделал бы невозможным любой культурный обмен), предложенная модель предлагает **регулятивные принципы**, которые могут быть реализованы на практике. Для издательств и фестивалей это означает введение этических кодексов, процедур экспертизы и механизмов медиации. Для художников – сдвиг от позиции «я беру, потому что мне нравится» к позиции «я спрашиваю, я изучаю, я делюсь». Для аудитории – переход от пассивного потребления к активному участию в обсуждении этических границ.

Разумеется, предложенная модель не является панацеей. Она требует ресурсов (времени, денег на консультантов, организационных усилий) и не дает гарантии от конфликтов. Однако она задает направление движения: от апроприации как изъятия к партиципации как соучастию, от монолога к диалогу, от «первой» и «второй» культуры к «третьей» [2, с. 113; 7, р. 5].

Заключение

Культурная апроприация в транснациональных фэндомах – это не черно-белая проблема, а спектр практик, от проблематичного присвоения до уважительного диалога. Кейс Годзиллы демонстрирует, как деконтекстуализация и коммерческая эксплуатация лишают персонаж исходного смысла. Кейс

Ра'с аль Гула показывает, как стереотипизация и экзотизация превращают культурные маркеры в декоративный реквизит. Кейс Яры Флор иллюстрирует, что даже благие намерения оборачиваются апроприацией без участия носителей культуры.

Ключевым фактором, отделяющим апроприацию от диалога, является **глубина вовлеченности и характер взаимодействия** с культурным материалом. Не происхождение автора, а его готовность исследовать контекст, избегать стереотипов, привлекать консультантов, указывать источники и делиться выгодой определяет этичность заимствования. Альтернативная модель, основанная на принципах партиципаторной культуры и понятии «третьей культуры», предлагает не запрет на заимствование, а регулятивные принципы, превращающие апроприацию в диалог. Эта модель требует от доминирующих культур не самоограничения, а создания условий для равноправного обмена – что является общей задачей и для фан-сообществ, и для издательств, и для организаторов фестивалей.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом роли институций (фестивалей, издательств, платформ) в формировании этических стандартов и механизмов медиации, а также с изучением конкретных практик успешной коллаборации между представителями разных культур. Особый интерес представляет вопрос о том, как предложенная модель может быть адаптирована для разных типов культурного производства – от крупных коммерческих издательств до малых локальных фестивалей, где ресурсы на привлечение консультантов могут быть ограничены, в том числе финансово или территориально.

Литература

1. Баба Х.К. Место культуры / Х.К. Баба; пер. с англ. под ред. А.Р. Фокина. – Москва: Академический проект, 2019. – 461 с.
2. Корякина А.А. Особенности преодоления аккультурационного стресса в процессе межкультурной коммуникации / А.А. Корякина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 3. – С. 108–114.
3. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э.В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. – Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. – 637 с.
4. al-Rawi A. The Representation of Arabs in American Superhero Comics / A. al-Rawi // Arab Studies Quarterly. – 2019. – Vol. 41, № 3. – P. 210–228.
5. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.
6. Arya R. Cultural Appropriation: Definition and Key Concepts / R. Arya // Journal of Cultural Studies. – 2024. – Vol. 12, № 3. – P. 45–59.
7. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. – New York: NYU Press, 2006. – 368 p.
8. Maravilla C.S. Godzilla's Cultural Appropriation in American Comics and Cartoons / C.S. Maravilla // Journal of Popular Culture. – 2025. – Vol. 58, № 2. – P. 112–129.
9. Singer M. «Black Skins» and White Masks: Comic Books and the Secret of Race / M. Singer // African American Review. – 2002. – Vol. 36, № 1. – P. 107–119.
10. Thompson V. «Nothing About Us Without Us» – Disability Representation in Media. Center for Disability Rights, 2017. Available at: cdrnys.org (accessed 24 May 2026).
11. Young J.O. Cultural Appropriation and the Arts / J.O. Young. – Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – 176 p.)

CULTURAL APPROPRIATION IN TRANSNATIONAL FANDOMS: THE BOUNDARIES BETWEEN INSPIRATION AND MISAPPROPRIATION

Volkova M.D.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is dedicated to the problem of cultural appropriation in transnational fandoms that have developed around comics, manga, anime, and superhero franchises. Using the example of three cases – the adaptation of Godzilla in American comics of the 1970s, the character Ra's al Ghul from the DC Comics universe, and the indigenous heroine Yara Flor – the mechanisms of decontextualization, exoticism, and stereotyping are analyzed. Criteria for distinguishing problematic appropriation and respectful borrowing are proposed. An alternative model is considered to be a participatory approach based on the principles of participation, contextualization, transparency and dialogue, as well as the concept of a «third culture» as a product of mutual cultural harmonization in the process of equal exchange.

Keywords: cultural appropriation, transnational fandoms, comics culture, decontextualization, exotisation, «third culture», participatory culture.

References

1. Bhabha H.K. Mesto kul'tury [The Location of Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 461 p. (In Russ.)
2. Koryakina A.A. Features of overcoming acculturative stress in the process of intercultural communication. Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Vestnik of Armavir State Pedagogical University], 2024, № 3, pp. 108–114. (In Russ.)
3. Said E.W. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2006. 637 p. (In Russ.)
4. al-Rawi A. The Representation of Arabs in American Superhero Comics. Arab Studies Quarterly, 2019, vol. 41, № 3, pp. 210–228.
5. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
6. Arya R. Cultural Appropriation: Definition and Key Concepts. Journal of Cultural Studies, 2024, vol. 12, № 3, pp. 45–59.
7. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York, NYU Press, 2006. 368 p.

8. Maravilla C.S. Godzilla's Cultural Appropriation in American Comics and Cartoons. *Journal of Popular Culture*, 2025, vol. 58, № 2, pp. 112–129.
9. Singer M. «Black Skins» and White Masks: Comic Books and the Secret of Race. *African American Review*, 2002, vol. 36, № 1, pp. 107–119.
10. Thompson V. «Nothing About Us Without Us» – Disability Representation in Media. Center for Disability Rights, 2017. Available at: cdrnys.org (accessed 24 May 2026).
11. Young J.O. *Cultural Appropriation and the Arts*. Malden, Wiley-Blackwell, 2010. 176 p.

Транспортная отраслевая идентичность работников и обучающихся: развитие социологической категории и авторская дефиниция

Гнатюк Максим Александрович,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры «Общеобразовательные дисциплины» ОриПС, Приволжский государственный университет путей сообщения
E-mail: gnatyuk@samgups.ru

В статье развивается категория отраслевой идентичности применительно к транспортному комплексу. Цель работы состоит в теоретическом обосновании транспортной отраслевой идентичности работников и обучающихся, формулировании авторской дефиниции, описании структуры феномена и выявлении его значения для кадрового развития отрасли. Транспортная отраслевая идентичность определяется как осознанная принадлежность работника или обучающегося к транспортной отрасли, выраженная в принятии миссии и ценностей отрасли, культурных норм и норм профессиональной ответственности, включая культуру безопасности, а также в ориентации на профессиональное развитие и трудовую деятельность в организациях транспортного комплекса.

Ключевые слова: отраслевая идентичность; транспортная отраслевая идентичность; транспортный комплекс; транспортное образование; работники транспорта; обучающиеся; профессиональная идентичность; культура безопасности; социология труда.

Введение

Развитие транспортного комплекса Российской Федерации сегодня зависит от сочетания инфраструктурных, технологических, кадровых и ценностно-нормативных факторов. Транспорт связывает территории, обеспечивает устойчивость хозяйственных обменов, поддерживает мобильность населения и участвует в повседневном воспроизводстве социальных практик. В этих условиях кадровая политика в сфере транспорта нуждается в анализе не только численности подготовленных специалистов и перечня их компетенций. Существенным становится вопрос о том, каким образом человек соотносит собственную профессиональную биографию с транспортной отраслью, ее нормами, миссией и общественной ответственностью.

Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года задает долгосрочную рамку развития транспортного комплекса и фиксирует значение кадрового, технологического и инфраструктурного обеспечения отрасли [1]. Актуальность кадровой проблематики подтверждается текущей управленческой повесткой: по сообщению Министерства транспорта Российской Федерации, к 2032 году отрасли потребуется около 220 тыс. квалифицированных специалистов; одновременно расширяются бюджетные места, развивается федеральный проект «Профессионалитет», усиливается роль отраслевых образовательных организаций [2]. Эти обстоятельства показывают, что кадровый вопрос в транспорте имеет системный и долгосрочный характер.

Кадровый дефицит в транспортной сфере нельзя удовлетворительно объяснить только демографическими, экономическими или организационно-управленческими причинами. Для отрасли принципиален вопрос о том, связывает ли работник или обучающийся себя именно с транспортным комплексом, принимает ли его профессиональную культуру, нормы ответственности, регламентность и культуру безопасности. Человек может обладать квалификацией, владеть специальными навыками, находиться в образовательной или трудовой организации, но воспринимать транспортную отрасль как временную среду. Такая ситуация требует точного социологического описания.

В социологической перспективе отрасль предстает как пространство устойчивых институтов,

ролей, норм обмена, трудовых ожиданий и ценностных образцов. Поэтому анализ транспортной отраслевой идентичности логически связан с проблематикой экономической социологии, где хозяйственные процессы рассматриваются в связи с социальными отношениями, нормами и институциональными рамками [3]. Для молодежи данный вопрос приобретает особое значение, поскольку профессиональное самоопределение формируется в условиях глобализации, изменения трудовых ценностей и усложнения траекторий социализации [4].

В ранее опубликованных работах автора и соавторов была предложена и обоснована категория отраслевой идентичности, позволяющая описывать принадлежность субъекта к отрасли как социально-экономическому, институциональному, нормативному и символическому полю [5]. В последующих исследованиях эта категория получила развитие через анализ образовательной среды отраслевого университета, наставничества, династических кодов, социального проектирования и методологических оснований формирования идентичности будущих специалистов [6–9]. Настоящая статья продолжает данную исследовательскую линию и переносит фокус на транспортный комплекс, одновременно расширяя субъектный контур с обучающихся на работников и обучающихся.

Цель статьи – теоретически обосновать понятие транспортной отраслевой идентичности работников и обучающихся как развитие ранее введенной категории отраслевой идентичности, предложить авторскую дефиницию, раскрыть структуру феномена и показать его значение для кадрового развития транспортного комплекса. Решение этой задачи предполагает обращение к общей социологической логике идентичности, к специфике транспортной отрасли и к тем условиям, в которых формируются современные трудовые ценности.

Отраслевая идентичность как самостоятельная социологическая категория: преемственность авторского подхода

Транспортная отраслевая идентичность рассматривается в данной статье как развитие уже обоснованного теоретического подхода. В статье «Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования» отраслевой уровень идентичности был определен как форма групповой принадлежности, связывающая индивидуальный профессиональный выбор молодого человека с определенной отраслью экономики, ее институциональной структурой, нормами, ценностями и символическим порядком [5]. Это определение важно для понимания того, что профессиональное самоопределение имеет несколько уровней.

Традиционная категория профессиональной идентичности позволяет фиксировать связь человека с профессией, квалификацией, профессиональным сообществом и соответствующими стандартами деятельности. Организационная идентичность направляет внимание на принадлежность к конкретной организации, ее корпоративной культуре и управленческому порядку. Отраслевая идентичность выделяет другой масштаб: субъект относит себя к отраслевому полю, в котором действуют разные организации, образовательные учреждения, профессиональные сообщества, государственные регуляторы, историческая память, технологические практики и нормы ответственности.

Такое различие особенно значимо для инфраструктурных отраслей. Выбор отрасли здесь влияет на тип профессиональной ответственности, отношение к риску, режиму регламентации, безопасности и социальному результату труда. Работник может переходить между организациями, менять должностную позицию, осваивать смежные компетенции, сохраняя при этом принадлежность к отраслевому пространству. Именно эта устойчивость и делает отраслевую идентичность самостоятельным объектом социологического анализа.

В работах об образовательной среде отраслевого университета было показано, что формирование отраслевой идентичности студентов зависит от согласованного действия пространственно-предметного, субъектно-социального, технологического, мотивационно-ценностного, цифрового и рефлексивно-диагностического компонентов среды [6]. Такой вывод имеет значение для транспортного образования, поскольку образовательная организация выступает для обучающегося первым институционально организованным образцом отрасли.

Особое место занимают исследования социального проектирования, наставничества и династических кодов [8; 9]. Они показывают, что отраслевой уровень принадлежности формируется в действии, в общении с носителями отраслевой культуры, в осмыслении биографий профессионалов и в включении в линии преемственности. Для транспортного комплекса эти выводы имеют повышенную значимость: отрасль обладает выраженной исторической памятью, нормативной насыщенностью, высокой зависимостью от дисциплины и коллективной координации.

Транспортная отрасль как пространство идентичности

Транспортная отрасль обладает признаками самостоятельного пространства идентичности. Прежде всего транспорт является инфраструктурной системой, обеспечивающей физическую, экономическую и социальную связанность территорий. Он связы-

вает производство и потребление, центр и регионы, повседневную мобильность граждан и крупные хозяйственные потоки. Поэтому труд в транспорте всегда выходит за пределы отдельного рабочего места: его результат проявляется в устойчивости коммуникаций, доступности территорий, безопасности перемещений и предсказуемости хозяйственной жизни.

Второй признак связан с высокой степенью координации. Транспортная деятельность строится на взаимодействии работников разных профессий, управленческих структур, пассажиров, грузоотправителей, органов власти, цифровых платформ и смежных отраслей. В такой системе действие одного субъекта приобретает значение для множества участников транспортного процесса. Именно поэтому транспортный работник включен в пространство распределенной ответственности, где индивидуальная компетентность должна сочетаться с дисциплиной, коммуникацией и уважением к регламенту.

Третий признак состоит в нормативной насыщенности транспортной работы. Она предполагает соблюдение правил безопасности, технических регламентов, процедур взаимодействия, стандартов обслуживания и норм профессиональной коммуникации. Регламент в транспорте не является внешней формальностью. Он выступает условием надежности системы, средством согласования действий и способом предотвращения рисков. Принадлежность к транспортной отрасли поэтому включает готовность мыслить собственное действие через последствия для пассажиров, грузов, инфраструктуры, коллег и пользователей транспортных услуг.

Транспортная отрасль имеет также сильное символическое и историческое измерение. Железнодорожный, автомобильный, воздушный, морской, речной и городской транспорт обладают собственными традициями, профессиональными биографиями, семейными династиями, трудовыми нарративами, ведомственными и корпоративными символами, особым языком. Эти элементы не исчерпывают отраслевую идентичность, но формируют среду, в которой закрепляется образ транспорта как сферы общественно значимого труда.

Современная технологическая трансформация усиливает значение транспортной отраслевой идентичности. Цифровизация перевозочных процессов, алгоритмические системы управления, беспилотные и автономные транспортные решения, электронный документооборот, платформенная логистика и кибербезопасность меняют содержание профессий, структуру компетенций и режимы взаимодействия работников. В подобных условиях кадровая устойчивость зависит от способности человека воспринимать изменения как часть

развития отрасли и как пространство собственного профессионального роста.

Авторская дефиниция транспортной отраслевой идентичности

С учетом ранее разработанного понимания отраслевой идентичности и специфики транспортного комплекса предлагается следующая авторская дефиниция: транспортная отраслевая идентичность — это осознанная принадлежность работника или обучающегося к транспортной отрасли, выражающаяся в принятии миссии и ценностей отрасли, культурных норм и норм профессиональной ответственности, включая культуру безопасности, а также в ориентации на профессиональное развитие и трудовую деятельность в организациях транспортного комплекса. В этой дефиниции подчеркнуты шесть смысловых узлов: внутреннее соотнесение биографии с транспортной отраслью; включение обучающегося и работника в единый субъектный контур; принятие миссии транспорта как сферы мобильности, связанности территорий и безопасности; признание культурных норм и регламентной ответственности; приоритет культуры безопасности; готовность к профессиональному развитию внутри транспортного комплекса.

Субъектный контур: обучающиеся, молодые специалисты и работники

Расширение субъектного контура является одним из важных теоретических шагов данной статьи. В прежних исследованиях основное внимание уделялось студентам отраслевых вузов, поскольку образовательная траектория действительно выступает ключевым периодом формирования отраслевого самоопределения [5–7]. Вместе с тем транспортная отраслевая идентичность не завершается выпуском из образовательной организации. После перехода в трудовую среду она входит в стадию практической проверки, уточнения и закрепления.

У обучающихся транспортная отраслевая идентичность обычно имеет проектный характер. Она строится вокруг образа будущей роли, представленный об отрасли, опыта учебно-профессиональных проб, общения с преподавателями и наставниками, участия в проектах и практиках. На этом этапе особенно важны эмоциональная привлекательность отрасли, понимание ее общественной значимости, первичное принятие культуры безопасности и видение возможных карьерных траекторий.

Формирование трудовых ценностей молодежи происходит в условиях социальной неопределенности, глобализации, изменения образовательных и профессиональных ожиданий. В исследовании российской молодежи в условиях глобализации подчеркивается, что социализация и становление

трудовых ценностей связаны с меняющимися социальными контекстами и ориентирами будущей занятости [4]. Для транспортного образования это означает необходимость соединять профессиональную подготовку с осмыслением отрасли как устойчивого пространства труда, ответственности и развития.

У молодых специалистов идентичность находится в переходном состоянии. С одной стороны, они уже получили профессиональную подготовку и имеют первоначальный образ отрасли. С другой стороны, реальная трудовая среда открывает им практическую сторону транспортной деятельности: режимы ответственности, организационные ограничения, производственные риски, требования безопасности, коммуникацию с коллегами и руководителями. Именно здесь может произойти закрепление отраслевой принадлежности либо ее ослабление.

Для работников транспортная отраслевая идентичность проявляется в повседневной деятельности. Она выражается в том, как человек соотносит ежедневный труд с миссией отрасли, принимает требования безопасности, включается в профессиональное сообщество, оценивает перспективу развития внутри транспортного комплекса, реагирует на технологические изменения и организационные преобразования. Устойчивость этой идентичности зависит от личных установок, качества трудовой среды, признания профессионального вклада, справедливости управленческих практик и реальных возможностей роста.

Следовательно, транспортная отраслевая идентичность должна рассматриваться как динамический феномен, охватывающий образовательную, адаптационную и профессионально-трудовую стадии. На каждой стадии действуют собственные механизмы формирования и собственные риски разрыва. Образовательная среда может дать высокий уровень мотивации, но реальная работа способна выявить расхождение ожиданий и практики. Трудовая организация может укрепить принадлежность через наставничество и признание, но при формализме и слабой поддержке молодой специалист будет воспринимать отрасль как случайный эпизод профессиональной биографии.

Компонентная структура транспортной отраслевой идентичности

Предложенная дефиниция требует структурной экспликации. В ранее опубликованных работах отраслевая идентичность была описана через когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и поведенческий уровни [5; 6]. Для транспортной отрасли данную модель целесообразно уточнить с учетом культуры безопасности, профессиональной ответственности и долгосрочного кадрового развития. В результате можно выделить шесть вза-

имосвязанных компонентов транспортной отраслевой идентичности.

Когнитивный компонент включает знания субъекта о транспортной отрасли: ее структуре, видах транспорта, ключевых институтах, профессиях, технологиях, рисках, стратегических направлениях развития и месте собственной профессиональной роли в транспортном комплексе. У обучающихся этот компонент связан с пониманием будущей отрасли, у работников – с системным видением производственных, технологических и организационных связей внутри транспортного комплекса.

Ценностно-смысловой компонент выражает принятие миссии транспорта и признание общественной значимости транспортной деятельности. Он включает понимание транспорта как сферы обеспечения мобильности, связанности территорий, безопасности, экономического развития и качества жизни. Для работника этот компонент проявляется в способности соотносить повседневный труд с общим результатом транспортной системы. Для обучающегося он выражается в осмысленном выборе отрасли как будущего пространства профессиональной реализации.

Эмоционально-принадлежностный компонент фиксирует чувство сопричастности транспортной отрасли, переживание включенности в профессионально-отраслевое сообщество, уважение к отраслевым традициям, гордость за участие в значимой сфере труда и эмоциональную связь с образом transportника. Этот компонент не сводится к внешней символической форме. Его зрелая форма предполагает внутреннее принятие принадлежности и способность критически осмысливать отраслевые проблемы, сохраняя связь с отраслью как с пространством возможных улучшений.

Нормативно-ответственный компонент является особенно значимым для транспортной отрасли. Он включает принятие норм профессиональной ответственности, регламентности, дисциплины, надежности, координации и культуры безопасности. В этом компоненте проявляется готовность субъекта рассматривать требования безопасности и ответственности как собственную профессиональную норму, а соблюдение регламента – как форму участия в надежности общей системы.

Деятельностно-практический компонент связывает идентичность с реальным участием в отраслевых практиках. Для обучающихся это производственные практики, стажировки, учебно-профессиональные проекты, исследовательские и социально-отраслевые инициативы. Для работников это повседневная трудовая деятельность, участие в производственных улучшениях, наставничество, освоение новых технологий, соблюдение регламентов и включенность в профессиональную коммуникацию.

Перспективно-карьерный компонент выражает ориентацию на профессиональное развитие и трудовую деятельность в организациях транспортного комплекса. Он связывает идентичность с будущим: с готовностью обучающегося войти в отрасль, а работника развиваться внутри нее, осваивать новые компетенции, участвовать в технологической трансформации и сохранять профессиональную биографию в транспортной сфере.

Культура безопасности как нормативное ядро транспортной отраслевой идентичности

Культура безопасности занимает центральное место в структуре транспортной отраслевой идентичности. Для транспортного комплекса безопасность выступает базовым условием профессиональной деятельности, доверия пользователей, устойчивости инфраструктуры и общественной легитимности отрасли. В транспорте профессиональная ошибка способна затронуть пассажиров, грузы, инфраструктуру, коллег, территорию и экономические связи. Поэтому отношение к безопасности становится проверкой зрелости отраслевой принадлежности.

Культура безопасности в контексте транспортной отраслевой идентичности имеет несколько уровней. На когнитивном уровне она предполагает знание регламентов, рисков, процедур, стандартов и причинно-следственных связей в транспортном процессе. На ценностном уровне она выражается в признании безопасности как приоритетного основания профессионального действия. На поведенческом уровне она проявляется в готовности действовать в соответствии с требованиями безопасности в реальных ситуациях, включая дефицит времени, давление производственных задач и влияние привычных неформальных практик.

Включение культуры безопасности в авторскую дефиницию позволяет отделить транспортную отраслевую идентичность от общей симпатии к отрасли или декларативной лояльности. Зрелая идентичность работника или обучающегося предполагает способность соотносить принадлежность к транспортному комплексу с ответственным отношением к надежности, регламентам и последствиям решений. Ее нормативным центром выступает готовность действовать как ответственный участник транспортной системы.

Для обучающихся культура безопасности должна осваиваться как сквозная логика образовательной среды. Она проявляется в учебных кейсах, лабораторной и тренажерной подготовке, производственных практиках, проектной деятельности, наставничестве, рефлексии ошибок и анализе профессиональных ситуаций. Если безопасность представлена только как отдельная тема учебного курса, ее связь с идентичностью ослабевает. При устойчивой образовательной организации без-

опасности обучающийся усваивает ее как норму профессионального мышления.

Для работников культура безопасности закрепляется через организационные практики, профессиональные стандарты, обратную связь, наставничество, управленческие решения и реальное отношение организации к соблюдению требований. Там, где производственный результат фактически противопоставляется требованиям безопасности, идентичность оказывается под давлением. Там, где безопасность признается реальным приоритетом, работник получает подтверждение ценностного смысла своей профессии и отраслевой принадлежности.

Формирование транспортной отраслевой идентичности в образовательной и трудовой среде

Формирование транспортной отраслевой идентичности требует анализа двух взаимосвязанных сред: образовательной и трудовой. В образовательной среде обучающийся впервые получает системное представление о транспортной отрасли, сталкивается с ее символами, языком, нормами, историей, профессиональными ролями и практиками. Ранее было показано, что образовательная среда отраслевого университета может рассматриваться как активный фактор становления отраслевой идентичности студентов, поскольку она задает сценарии взаимодействия с отраслью и создает переход от студенческого статуса к статусу участника отраслевого сообщества [6].

Ключевыми механизмами формирования выступают отраслевое содержание дисциплин, практико-ориентированная подготовка, наставничество, проектная деятельность, цифровая среда, профессиональные сообщества и рефлексивное сопровождение. В методологическом плане особенно важна технологическая связность этих элементов: дисциплины, практика, проекты, наставничество и рефлексия должны работать как единая траектория отраслевого самоопределения [7]. При фрагментарной организации образовательных практик возникает риск формализации, когда обучающийся воспроизводит отраслевую риторику без устойчивого внутреннего принятия отрасли.

Наставничество становится мостом между образовательной и трудовой средой. В образовательной организации наставник помогает обучающемуся увидеть отрасль через конкретную биографию, профессиональную культуру и опыт ответственности. В трудовой организации наставник вводит молодого специалиста в реальные режимы профессионального действия, объясняет негласные нормы, поддерживает преодоление трудностей адаптации и помогает соотнести ожидания с практикой. Этика наставничества требует под-

держки осознанного выбора и уважения к профессиональной автономии субъекта.

Династийные коды и профессиональная память также имеют значение для транспортной отраслевой идентичности. Они создают ощущение преемственности, включают человека в историческую линию отрасли, позволяют воспринимать собственный труд как часть общего профессионального и общественного процесса. Вместе с тем профессиональная память должна поддерживать ответственность и развитие. При отсутствии рефлексии она рискует превращаться в ритуальную форму принадлежности, оторванную от современных задач отрасли.

Трудовая среда работника транспортного комплекса продолжает образовательные эффекты и проверяет их устойчивость. Реальные условия труда укрепляют транспортную отраслевую идентичность, если работник видит связь своей деятельности с миссией отрасли, получает признание профессионального вклада, включен в наставнические и профессиональные сообщества, имеет понятные перспективы развития и наблюдает практическое значение культуры безопасности. Обратная ситуация возникает при разрыве между декларируемыми ценностями и организационными практиками, при обесценивании опыта, слабых возможностях роста, формализме в наставничестве и противоречивом отношении к требованиям безопасности.

Значение транспортной отраслевой идентичности для кадрового развития транспортного комплекса

Транспортная отраслевая идентичность имеет прямое значение для кадрового развития транспортного комплекса. Она позволяет анализировать подготовленность человека к выполнению профессиональных функций вместе с его готовностью связывать долгосрочную траекторию с транспортной отраслью. Для кадровой политики это означает возможность рассматривать привлечение, подготовку, адаптацию, удержание и развитие кадров в единой ценностно-нормативной рамке.

В условиях технологической трансформации кадровая устойчивость транспорта зависит от способности отрасли формировать у работников и обучающихся представление о смысле изменений. Автономные системы, цифровые платформы, алгоритмическое управление, новые логистические модели и кибербезопасность меняют содержание труда. При слабой отраслевой идентичности такие изменения часто воспринимаются как внешнее давление или угроза профессиональному месту. При зрелой транспортной отраслевой идентичности они могут пониматься как часть развития отрасли и как пространство профессионального роста.

Категория транспортной отраслевой идентичности позволяет уточнить разговор о привлека-

тельности транспортных профессий. Престиж отрасли складывается из уровня оплаты труда, социальных гарантий, карьерных возможностей, технологической современности, общественного уважения и осознания пользы работы. Внутреннее измерение привлекательности связано с тем, насколько сами участники отрасли видят транспортный труд значимым, ответственным и социально полезным. Отраслевая идентичность фиксирует именно эту внутреннюю сторону профессионального выбора.

Для образовательных организаций транспортного профиля данная категория задает важный целевой ориентир подготовки. Выпускник должен выходить из системы образования как носитель компетенций и как субъект транспортной отрасли, способный понимать ее миссию, действовать в логике профессиональной ответственности, принимать культуру безопасности и видеть перспективу развития. Такой ориентир требует согласования учебного содержания, практик, проектной деятельности, воспитательной работы, наставничества и взаимодействия с работодателями.

Для работодателей транспортная отраслевая идентичность важна как фактор адаптации, наставничества, закрепляемости молодых специалистов, профилактики отчуждения и поддержания культуры безопасности. Организация, заинтересованная в кадровой устойчивости, должна создавать условия, при которых работник видит смысл собственного труда, понимает перспективу профессионального роста, получает признание и наблюдает соответствие управленческих решений заявленным отраслевым ценностям.

Для государства и отраслевого управления данная категория имеет стратегическое значение, поскольку связывает кадровую политику с долгосрочным воспроизводством транспортного комплекса. Подготовка кадров, технологический суверенитет, безопасность, привлекательность профессий и развитие транспортного образования оказываются элементами единой задачи: формировать работников и обучающихся, способных воспринимать транспортную отрасль как пространство профессионального смысла, ответственности и развития.

Методологические границы использования категории

Введение понятия транспортной отраслевой идентичности требует методологической осторожности. Категория идентичности всегда связана с внутренним самоопределением субъекта, поэтому ее применение в образовательной и кадровой политике должно исключать принудительную нормализацию жизненных траекторий. Отраслевая идентичность нельзя сводить к декларативной лояльности, дисципли-

плинарному контролю или формальному согласию с корпоративной риторикой.

Существуют по меньшей мере три исследовательские редукции, которые искажают смысл категории. Первая редукция заключается в отождествлении транспортной отраслевой идентичности с лояльностью работодателю. Принадлежность к транспортной отрасли может сохраняться при смене организации, вида деятельности или места работы внутри транспортного комплекса. Вторая редукция состоит в подмене идентичности готовностью автоматически выполнять требования среды. Зрелая идентичность предполагает профессиональную автономию, способность к рефлексии и этическую ответственность. Третья редукция связана с использованием идентичности как инструмента отбора, стигматизации или маркирования работников и обучающихся.

Научная разработка категории должна учитывать динамический характер идентичности. У обучающегося она может проходить стадии неопределенности, поиска, предварительного выбора, сомнения и подтверждения. У работника возможны периоды укрепления, пересмотра, кризиса, профессионального выгорания или восстановления связи с отраслью. Поэтому транспортная отраслевая идентичность следует анализировать как изменяющееся образование, зависящее от биографического опыта, образовательной среды, трудовых условий, наставничества и общественного образа отрасли.

Методологически значимо различать зрелую и формальную идентичность. Формальная принадлежность выражается в использовании отраслевой символики и правильных слов, но может не сопровождаться внутренним принятием ответственности, культуры безопасности и перспективы развития. Зрелая транспортная отраслевая идентичность выражается в осознанном принятии отрасли как пространства профессионального действия, смыслов и ответственности при сохранении способности к критическому анализу отраслевых практик.

Такая осторожность особенно важна для транспортного комплекса, где безопасность, регламентность и ответственность имеют высокий нормативный вес. Идентичность должна поддерживать ответственное профессиональное действие. Она не заменяет профессиональные стандарты, условия труда, систему обучения, управленческую справедливость и реальные возможности развития. При отсутствии этих условий обращение к идентичности может приобрести риторический характер и утратить научную точность.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать транспортную отраслевую идентичность как раз-

витие ранее обоснованной категории отраслевой идентичности применительно к транспортному комплексу. Ее введение опирается на исследовательскую линию, в которой отраслевая идентичность была раскрыта как самостоятельная социологическая категория, связанная с принадлежностью субъекта к отраслевому полю, его нормам, ценностям, институтам и символическому порядку.

В статье предложена авторская дефиниция: транспортная отраслевая идентичность – это осознанная принадлежность работника или обучающегося к транспортной отрасли, выражающаяся в принятии миссии и ценностей отрасли, культурных норм и норм профессиональной ответственности, включая культуру безопасности, а также в ориентации на профессиональное развитие и трудовую деятельность в организациях транспортного комплекса.

Теоретическое значение данной дефиниции состоит в переводе анализа транспортного кадрового потенциала из плоскости компетенций, занятости и организационной лояльности в плоскость профессионально-отраслевого самоопределения. Практическое значение связано с возможностью использовать понятие при разработке образовательной и кадровой политики транспортного комплекса.

Раскрытая компонентная структура включает когнитивный, ценностно-смысловой, эмоционально-принадлежностный, нормативно-ответственный, деятельностно-практический и перспективно-карьерный компоненты. Особое место занимает культура безопасности, которая выступает нормативным ядром транспортной отраслевой идентичности и определяет качество принадлежности субъекта к транспортному комплексу.

В дальнейшем разработка данной категории может быть связана с исследованием работников и обучающихся разных сегментов транспортного комплекса, анализом перехода от образовательной к трудовой линии, изучением роли наставничества, цифровизации, культуры безопасности и механизмов профессиональной памяти. Такой исследовательский вектор позволит точнее понять условия, при которых транспортная отрасль становится для человека устойчивым пространством профессионального смысла и ответственности.

Литература

1. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-п. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/2/11577> (дата обращения: 30.05.2026).

2. Министерство транспорта Российской Федерации. Вектор развития международных транспортных коридоров обсудили участники МТЛФ. 01.04.2026. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12532> (дата обращения: 30.05.2026).
3. Экономическая социология / К.В. Воденко, С.И. Самыгин, В.В. Касьянов [и др.]. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Феникс», 2018. – 157 с. – (Зачет и экзамен).
4. Гнатюк М.А. Российская молодежь в условиях глобализации: особенности социализации и формирования трудовых ценностей // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 219–228.
5. Гнатюк М. А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования // Социология. 2025. № 12. С. 88–93.
6. Гнатюк М. А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Образовательная среда отраслевого университета как фактор формирования отраслевой идентичности студентов // Современное профессиональное образование. 2025. № 12. С. 19–23.
7. Пыркова М.А. Методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 574–579.
8. Фадеев Е.И. Динамика формирования отраслевой идентичности студентов вуза, участвующих в социальном проектировании // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8(136). С. 113–118.
9. Пыркова М.А. Роль наставничества и династических кодов в формировании отраслевой идентичности студентов // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8(136). С. 99–105.

TRANSPORT SECTORAL IDENTITY OF EMPLOYEES AND LEARNERS: DEVELOPMENT OF A SOCIOLOGICAL CATEGORY AND THE AUTHOR'S DEFINITION

Gnatyuk M.A.

Volga State University of Railway Transport

The article develops the category of sectoral identity in relation to the transport complex. The purpose is to substantiate transport sectoral identity of employees and learners, formulate an author's definition, describe its structure and reveal its importance for personnel development. Transport sectoral identity is understood as conscious belonging to the transport sector, expressed in the acceptance of its mission, values, cultural norms and norms of professional responsibility, including safety culture, as well as in orientation towards professional development and employment in organisations of the transport complex.

Keywords: sectoral identity; transport sectoral identity; transport complex; transport education; transport employees; learners; professional identity; safety culture; sociology of labour.

References

1. Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast until 2035, approved by the Order of the Government of the Russian Federation № 3363-r of 27 November 2021. Available at: <https://mintrans.gov.ru/documents/2/11577> (accessed: 30.05.2026). (In Russ.).
2. Ministry of Transport of the Russian Federation. Participants of MTLF discussed the development vector of international transport corridors. 01.04.2026. Available at: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12532> (accessed: 30.05.2026). (In Russ.).
3. Vodenko K. V., Samygin S.I., Kasyanov V.V. et al. Economic Sociology. Rostov-on-Don: Phoenix LLC; 2018. 157 p. (Credit and Examination). (In Russ.).
4. Gnatyuk M.A. Russian youth in the context of globalization: features of socialization and formation of labour values. Humanities of the South of Russia. 2016;17(1):219–228. (In Russ.).
5. Gnatyuk M. A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Sectoral identity as a sociological category: boundaries, structure and institutional sources of formation. Sociology. 2025;12:88–93. (In Russ.).
6. Gnatyuk M. A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Educational environment of a sectoral university as a factor in the formation of students' sectoral identity. Modern Professional Education. 2025;12:19–23. (In Russ.).
7. Pyrkova M.A. Methodological foundations for forming sectoral identity of future specialists in professional education. Business. Education. Law. 2026;1(74):574–579. DOI: 10.25683/VOL-BI.2026.74.1521. (In Russ.).
8. Fadeev E.I. Dynamics of formation of sectoral identity among university students participating in social design. Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2025;8(136):113–118. (In Russ.).
9. Pyrkova M.A. The role of mentoring and dynastic codes in the formation of students' sectoral identity. Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2025;8(136):99–105. (In Russ.).

Анализ влияния нестандартных форм занятости на формирование социальных неравенств в России

Гришаев Александр Константинович,

аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: grishaevalexander13@gmail.com

В статье проводится комплексный и всесторонний анализ влияния нестандартных форм занятости на формирование и углубление социальных неравенств в современной России. Современный рынок труда характеризуется значительным ростом разнообразия форм занятости, включая временную, сезонную, дистанционную, неполную и гибкую работу, что связано с трансформациями экономической структуры, цифровизацией и изменением производственных процессов. Несмотря на положительный эффект повышения гибкости трудовых отношений и расширения возможностей для трудоустройства, нестандартные формы занятости сопряжены с рядом существенных рисков для социального положения работников. В статье рассматриваются последствия для уровня доходов, доступа к социальным гарантиям, стабильности занятости и возможностей карьерного роста. Особое внимание уделяется уязвимым группам – женщинам, молодежи, мигрантам и жителям сельских регионов, для которых такие формы занятости зачастую становятся источником экономической нестабильности и социальной маргинализации.

Анализ статистических данных Росстата и социологических исследований выявляет основные тенденции, проблемные аспекты и региональные диспропорции развития нестандартной занятости, что свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к регулированию рынка труда. Кроме того, рассматриваются особенности правового регулирования трудовых отношений в условиях нестандартной занятости, включая недостаточную защищенность работников от увольнений, ограниченный доступ к пенсионным и медицинским страхованиям, а также отсутствие гарантированных социальных выплат.

Также в статье анализируются социально-психологические последствия таких трудовых отношений, включая снижение удовлетворенности работой, рост чувства неопределенности и стрессовых состояний, что негативно сказывается на общем уровне жизни и здоровье работников. Особое внимание уделяется влиянию нестандартной занятости на институциональные механизмы социальной защиты и снижение роли профсоюзов, чья способность защищать права работников в данных условиях значительно ослаблена.

Аргументируется, что развитие нестандартной занятости без соответствующих законодательных мер и эффективной социальной поддержки ведет к росту социального неравенства, усилению экономической поляризации и подрыву социальной сплоченности в обществе. В заключение подчеркивается необходимость формирования комплексной государственной политики, направленной на улучшение условий труда, расширение систем социального страхования, внедрение механизмов адаптации и переподготовки работников. Это позволит минимизировать негативные последствия и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие российского общества в условиях динамично меняющегося рынка труда.

Ключевые слова: нестандартная занятость, социальное неравенство, рынок труда, социальная защита, гибкая занятость, временная работа, дистанционная работа.

Понятие и виды нестандартных форм занятости

Нестандартная занятость представляет собой форму трудовых отношений, отличающуюся от классической модели постоянной полной занятости с фиксированным рабочим временем и бессрочным трудовым договором. Этот термин объединяет широкий спектр вариантов организации труда, характеризующихся большей гибкостью, неполным рабочим временем, временным характером работы, а также использованием новых форм взаимодействия между работодателем и работником. В российском контексте нестандартная занятость часто понимается как совокупность трудовых отношений, которые не соответствуют традиционным стандартам, установленным Трудовым кодексом РФ и социальными гарантиями, присущими постоянной занятости [1].

К основным видам нестандартной занятости относятся временная и сезонная работа, работа по совместительству, дистанционная и неполная занятость, гибкие графики работы, а также самозанятость и труд по гражданско-правовым договорам, при которых формально трудовые отношения отсутствуют или имеют упрощенную правовую основу.

Временная занятость характеризуется ограниченным сроком трудового договора, когда работник нанимается на выполнение конкретного проекта или сезонных работ, после чего трудовые отношения прекращаются. Эта форма занятости широко распространена в таких сферах, как сельское хозяйство, строительство и туризм, где наблюдается сезонный спрос на рабочую силу. Сезонная занятость связана с периодическим характером работы в течение года и особенно актуальна для сельскохозяйственного сектора, строительства и транспорта [4].

Неполная занятость предполагает работу с сокращенным рабочим временем по сравнению с нормальной полной ставкой, что позволяет совмещать трудовую деятельность с учебной или другими обязанностями. Однако такая занятость часто сопровождается снижением заработка и ограниченным доступом к социальным гарантиям [10]. Дистанционная работа, ставшая особенно востребованной в условиях цифровизации и пандемии COVID-19, предполагает выполнение трудовых функций вне традиционного рабочего места с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

Гибкая занятость охватывает варианты, при которых работник самостоятельно определяет режим и график работы, что повышает адаптивность к личным обстоятельствам, но одновременно ведет к нестабильности доходов и снижению социальной защищенности [8]. Самозанятость и труд по гражданско-правовым договорам отличаются отсутствием трудового договора, а значит и социальной защиты, ограничивая права работников на пенсионные и медицинские отчисления.

Таблица 1. Основные виды нестандартной занятости в России: доли занятых и региональные особенности (2024 г.)

Вид занятости	Доля занятых, %	Основные отрасли и сферы	Региональные особенности	Основные риски и ограничения
Временная занятость	15–20	Сельское хозяйство, строительство, туризм	Преобладает в сельских и сезонных регионах	Нестабильность, ограниченные социальные гарантии
Сезонная занятость	10–12	Сельское хозяйство, транспорт, строительство	Сезонные колебания в сельской местности	Низкая стабильность, отсутствие соцзащиты
Неполная занятость	8–10	Услуги, торговля, образование	Более распространена в крупных городах	Снижение дохода, ограниченный доступ к соцгарантиям
Дистанционная работа	10	IT, финансы, образование	Концентрируется в мегаполисах	Недостаток контроля, социальная изоляция
Гибкая занятость	5–7	Разные сферы	Преимущественно крупные города	Нестабильность дохода, ограниченная соцзащита
Самозанятость и ГПД	7–9	Сфера услуг, мелкий бизнес	Развивается по всей стране, особенно в городах	Отсутствие соцгарантий, нерегулируемость отношений

Статистические данные Росстата свидетельствуют о заметном росте доли нестандартной занятости в России за последние годы. По состоянию на 2024 год временная занятость охватывает около 15–20% занятого населения, а дистанционная работа – порядка 10%. Рост этих форм занятости отмечается преимущественно в крупных городах и регионах с развитым IT-сектором и сферой услуг [9]. В сельских и отдаленных районах преобладают сезонная и временная работа. Также на-

блюдается тенденция увеличения доли женщин и молодежи среди работников в нестандартных формах, что связано с их большей мобильностью и адаптивностью (табл. 1).

Однако статистика указывает, что нестандартная занятость связана с более низким уровнем доходов, ограниченным доступом к социальным гарантиям и повышенной экономической нестабильностью. При этом выявляется значительное региональное неравенство, что подчеркивает необходимость разработки целевых мер государственной политики, направленных на достижение баланса между гибкостью рынка труда и социальной защитой работников [5].

Социальные последствия нестандартной занятости

Нестандартная занятость оказывает значительное влияние на социальное положение работников и характеризуется рядом специфических последствий, связанных с уровнем доходов, доступом к социальным гарантиям, а также рисками экономической незащищенности и социальной маргинализации. Особое значение в этом контексте приобретают гендерные и возрастные аспекты, которые влияют на уязвимость различных групп населения.

Одним из ключевых социально-экономических последствий нестандартной занятости является снижение уровня доходов по сравнению с традиционной полной занятостью [6]. Работники, занятые на временных, сезонных или неполных ставках, как правило, получают заработок, существенно уступающий среднему по рынку, что напрямую сказывается на их материальном благополучии. Кроме того, сокращенный объем рабочего времени и отсутствие гарантированных рабочих часов создают нестабильность доходов, затрудняя планирование личного бюджета и приводя к экономической неопределенности.

Важной проблемой является также ограниченный доступ работников с нестандартными формами занятости к социальным гарантиям. В отличие от работников с постоянными трудовыми договорами, они часто лишены полноценного пенсионного обеспечения, медицинского страхования, оплачиваемых отпусков и больничных. Многие из них работают по гражданско-правовым договорам или в статусе самозанятых, что лишает их права на социальные выплаты и защиту в случае увольнения или болезни. Это повышает уязвимость таких работников и ставит их в более рискованное положение, усугубляя социальное неравенство.

Нестандартная занятость способствует росту рисков маргинализации и экономической незащищенности. Для уязвимых групп населения – таких как женщины, молодежь, мигранты и жители сельских районов – нестабильность занятости становится источником социального отчуждения. От-

сутствие стабильных доходов и социальной поддержки приводит к ограничению возможностей для профессионального роста, образования и социальной интеграции [2]. В результате увеличивается вероятность попадания этих категорий в зону социального риска, что требует разработки специальных мер поддержки и адаптации.

Гендерные аспекты в контексте нестандартной занятости приобретают особую значимость. Женщины чаще оказываются занятыми в неполной, сезонной или гибкой работе, что связано с необходимостью совмещать трудовую деятельность и семейные обязанности. Такая занятость, несмотря на предоставляемую гибкость, ограничивает их доходы и снижает накопления для будущей пенсии, усугубляя экономическую зависимость и неравенство. Более того, женщины в условиях нестандартной занятости чаще сталкиваются с дискриминацией и недостаточной защитой трудовых прав.

Возрастной фактор также играет важную роль. Молодежь, только входящая на рынок труда, зачастую выбирает или вынуждена принимать временную, неполную или дистанционную работу из-за ограниченного опыта и отсутствия стабильных предложений. Это может привести к затруднениям в построении карьеры и получении профессиональных навыков. С другой стороны, для пожилых работников нестандартная занятость часто становится единственным вариантом сохранения занятости, но при этом они сталкиваются с ограничениями по здоровью и отсутствием условий для профессиональной адаптации [8].

Таким образом, социальные последствия нестандартной занятости многогранны и охватывают как экономические, так и институциональные аспекты, влияя на качество жизни различных групп населения. Снижение доходов, ограниченный доступ к социальным гарантиям, высокая вероятность маргинализации, а также гендерные и возрастные неравенства требуют системного подхода со стороны государства и общества. Для минимизации негативных эффектов необходимо совершенствование законодательства, расширение социальных программ и внедрение механизмов поддержки уязвимых категорий работников, что позволит обеспечить более справедливую и устойчивую социально-трудовую систему.

Нестандартная занятость и социальное неравенство в России

Нестандартная занятость в России развивается с учетом значительных региональных различий, которые оказывают существенное влияние на социальную структуру общества и возможности социальной мобильности. Одновременно с этим государственное регулирование и меры поддержки становятся ключевыми инструментами в смягчении

негативных последствий нестандартных трудовых отношений и сокращении уровня социального неравенства.

Одной из основных характеристик российского рынка труда является значительная неоднородность в развитии нестандартных форм занятости по регионам. В крупных мегаполисах и экономически развитых регионах, таких как Москва, Санкт-Петербург и отдельные центры с развитым IT-сектором и сферой услуг, наблюдается более высокая доля дистанционной и гибкой занятости. Здесь нестандартные формы труда воспринимаются как инструмент повышения адаптивности и производительности, а также способ совмещения работы и личной жизни. В то же время, в регионах с преобладанием традиционных отраслей и сельскохозяйственного производства больше распространены сезонная и временная занятость, которые связаны с низкой стабильностью и ограниченными социальными гарантиями.

Такие региональные различия усиливают социальное неравенство, поскольку условия труда и уровень социальной защиты значительно варьируются в зависимости от географического положения и экономического развития региона. Жители отдаленных и сельских районов часто сталкиваются с ограниченными возможностями для стабильной занятости и доступа к качественным социальным услугам, что снижает их шансы на социальную мобильность и улучшение жизненных условий. В то время как в столичных и крупных городах нестандартная занятость может восприниматься как гибкая альтернатива традиционной работе, в менее развитых регионах она зачастую становится источником экономической уязвимости и социальной изоляции [3].

Влияние нестандартной занятости на социальную структуру общества проявляется в углублении экономической поляризации и закреплении статусной дифференциации. Работники, занятые в нестандартных формах, как правило, имеют более низкие доходы, ограниченный доступ к социальным гарантиям и меньше возможностей для карьерного роста по сравнению с теми, кто трудится по традиционным трудовым договорам. Это приводит к формированию групп с разным уровнем экономической защищенности, где нестандартная занятость способствует закреплению социального неравенства и снижению социальной сплоченности.

С точки зрения социальной мобильности, нестандартная занятость ограничивает возможности для профессионального и социального продвижения. Особенно это касается молодежи и представителей уязвимых групп, для которых такие формы занятости становятся зачастую единственным вариантом работы [7]. Недостаток стабильности и социальной защиты препятствует накоплению профессионального опыта и снижает шансы

на переход к более защищенным и высокооплачиваемым видам занятости.

В условиях таких вызовов государственное регулирование и политика социальной поддержки играют решающую роль в снижении негативных последствий нестандартной занятости и сокращении социального неравенства. В России предпринимаются попытки внедрения нормативных актов, направленных на расширение прав и гарантий работников с гибкими формами занятости, включая регулирование дистанционной работы, повышение прозрачности гражданско-правовых договоров и улучшение системы социального страхования.

Однако имеющиеся меры часто носят фрагментарный характер и не всегда соответствуют масштабу проблем [8]. Необходим комплексный подход, включающий развитие законодательства, направленного на усиление социальной защиты всех категорий работников, улучшение мониторинга и статистического учета нестандартной занятости, а также создание программ переподготовки и повышения квалификации, способствующих адаптации работников к меняющимся условиям рынка труда.

В итоге можно отметить, что нестандартная занятость в России выступает как фактор, способствующий росту социального неравенства и усложняющий процессы социальной мобильности, особенно в условиях региональных диспропорций [10]. Эффективное государственное регулирование и продуманная политика поддержки способны снизить эти риски, обеспечив более справедливое распределение ресурсов и возможностей на рынке труда, а также содействовать устойчивому развитию российского общества в целом.

Заключение

В ходе проведенного исследования был выявлен комплекс взаимосвязанных социальных последствий нестандартной занятости, оказывающих значительное влияние на рынок труда и социальную структуру современного российского общества. Нестандартные формы занятости, включая временную, сезонную, неполную, дистанционную и гибкую работу, а также самозанятость и труд по гражданско-правовым договорам, становятся все более распространенными. При этом они обеспечивают определенную гибкость трудовых отношений и расширяют возможности для трудоустройства, но одновременно порождают новые вызовы, связанные с экономической нестабильностью, ограниченным доступом к социальным гарантиям и рисками социальной маргинализации.

Особое внимание уделено тому, что нестандартная занятость усиливает социальное неравенство, в первую очередь за счет снижения уровня доходов и ухудшения условий социальной защиты

у уязвимых групп – женщин, молодежи, мигрантов и жителей сельских регионов. Различия в развитии нестандартных форм занятости по регионам лишь усугубляют ситуацию, способствуя углублению экономической и социальной поляризации.

Важным выводом исследования является необходимость комплексного подхода в государственной социальной политике, направленного на создание условий для сбалансированного развития рынка труда. Рекомендуется:

- усилить законодательную защиту работников, занятых в нестандартных формах занятости, обеспечив им равный доступ к социальным гарантиям, включая пенсионное обеспечение, медицинское страхование и гарантированные социальные выплаты;
- внедрять механизмы адаптации, переподготовки и повышения квалификации работников, чтобы повысить их конкурентоспособность и устойчивость на рынке труда;
- разрабатывать региональные программы поддержки с учетом специфики локальных рынков труда и особенностей занятости;
- активизировать роль профсоюзов и иных институтов гражданского общества в защите прав и интересов работников нестандартной занятости;
- продолжать мониторинг и сбор статистических данных для своевременного выявления новых тенденций и проблем в сфере нестандартной занятости.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением социально-психологических последствий нестандартной занятости, анализом эффективности различных форм социальной поддержки и государственно-частного партнерства в регулировании гибких форм труда. Также важно исследовать влияние новых технологических и экономических трендов, таких как цифровизация и автоматизация, на трансформацию структуры занятости и социального неравенства.

В итоге, устойчивое социально-экономическое развитие России в условиях динамично меняющегося рынка труда возможно лишь при комплексном учете особенностей нестандартной занятости и реализации эффективных мер социальной политики, направленных на минимизацию негативных последствий и повышение качества жизни всех категорий работников.

Литература

1. Амбарова П. А., Зборовский Г.Е. Университетское управление в зеркале западной социологии высшего образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 5. С. 37–66. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-5-37-66.

2. Гапоненко А.Л. Управление знаниями и конкурентоспособность организаций // Вопросы экономики. 2021. № 2. С. 98–113. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-2-98-113.
3. Дубровский В.Ю. Стигматизация и дестигматизация полиции: социологический анализ привлекательности служебной деятельности в цифровом пространстве // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33. № 2. С. 74–82. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-2-74-82; EDN: WVDEUM.
4. Козырев А. А., Назарова И.Б. Цифровая трансформация и человеческий капитал: вызовы и перспективы для России // Человек и труд. 2023. № 1. С. 14–21. EDN: ZWPCBU.
5. Лапина С.Ю. Социология образования: современное состояние и исследовательские перспективы // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 62–69.
6. Монусова Г.А. Субъективное благополучие и возраст: Россия в контексте межстрановых сравнений // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 3. / Под ред. Е.Г. Ясина. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. С. 98–109.
7. Назарова И.Б. Культура здоровья и новая социальная реальность: социологический аспект // Социальные науки и современность. 2020. № 6. С. 95–105.
8. Смирнова А.А. Гибкая занятость и социальная защита: международный опыт и российские реалии // Социальная политика. 2021. Т. 18. № 2. С. 75–90.
9. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Труд и занятость населения в России: статистический сборник. М., 2023. 150 с.
10. Шкартанюк А.А. Социальная политика в условиях цифровой экономики // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 2. С. 28–35. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-2-28-35.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT ON THE FORMATION OF SOCIAL INEQUALITIES IN RUSSIA

Grishaev A.K.
RANEPA

This article provides a comprehensive and thorough analysis of the impact of non-standard forms of employment on the formation and deepening of social inequalities in contemporary Russia. The modern labor market is characterized by a significant increase in the diversity of employment forms, including temporary, seasonal, remote, part-time, and flexible work, which is associated with transformations in the economic structure, digitalization, and changes in production processes. Despite the positive effect of increasing flexibility in labor relations and expanding employment opportunities, non-standard forms of employment are accompanied by a number of significant risks to the social status of workers. The article examines the consequences for income levels, access to social guarantees, employment stability, and career advancement opportunities.

Special attention is given to vulnerable groups – women, youth, migrants, and residents of rural regions – for whom these forms of employment often become sources of economic instability and social marginalization.

The analysis of Rosstat statistical data and sociological research identifies key trends, problematic aspects, and regional disparities in the development of non-standard employment, indicating the need for a differentiated approach to labor market regulation. Furthermore, the article considers the features of legal regulation of labor relations under non-standard employment conditions, including insufficient protection of workers from dismissal, limited access to pension and medical insurance, and lack of guaranteed social benefits.

The article also analyzes the socio-psychological consequences of such labor relations, including decreased job satisfaction, increased feelings of uncertainty, and stress, which negatively affect the overall quality of life and health of workers. Special attention is paid to the impact of non-standard employment on institutional social protection mechanisms and the weakened role of trade unions, whose ability to defend workers' rights in these conditions is significantly reduced.

It is argued that the development of non-standard employment without appropriate legislative measures and effective social support leads to the growth of social inequality, increased economic polarization, and undermines social cohesion in society. In conclusion, the necessity of forming a comprehensive state policy aimed at improving working conditions, expanding social insurance systems, and implementing mechanisms for worker adaptation and retraining is emphasized. This will help minimize negative consequences and ensure sustainable socio-economic development of Russian society amid a dynamically changing labor market.

Keywords: non-standard employment, social inequality, labor market, social protection, flexible employment, temporary work, remote work.

References

1. Ambarova P. A., Zborovsky G.E. University management in the western sociology of higher education. *Obrazovanie i nauka*, 2020: 22(5): 37–66 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2020-5-37-66.
2. Dubrovsky Vladislav Yu. Stigmatization and destigmatization of the police: a sociological analysis of the profession appeal. *Trud i social'nye otnosheniya*, 2022: 33(2): 74–82 (in Russ.). DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-2-74-82; EDN: WVDEUM.
3. Federal State Statistics Service (Rosstat). Труд и занятость населения в России: статистический сборник [Labour and employment of the population in Russia: statistical compilation]. Moscow, 2023: 150 s. (in Russ.).
4. Gaponenko A.L. Knowledge management and organizational competitiveness. *Voprosy ekonomiki*, 2021(2): 98–113 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-2-98-113.
5. Kozыrev A. A., Nazarova I.B. Digital transformation and human capital: challenges and prospects for Russia. *Chelovek i trud*, 2023(1): 14–21 (in Russ.). EDN: ZWPCBU.
6. Lapina S. Yu. Sociology of education: current state and research prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019(10): 62–69 (in Russ.).
7. Monusova G.A. Subjective well-being and age: Russia in the context of cross-country comparisons. In *XII International Scientific Conference on Development of Economy and Society*. Book 3. Ed. by E.G. Yasin. Moscow, ID NIU VSHE, 2012: 98–109 (in Russ.).
8. Nazarova I.B. Health culture and new social reality: a sociological aspect. *Sotsial'nye nauki i sovremennost'*, 2020(6): 95–105 (in Russ.).
9. Shkartanyuk A.A. Social policy in the digital economy. *Ekonomika i upravlenie*, 2022: 28(2): 28–35 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2022-2-28-35.
10. Smirnova A.A. Flexible employment and social protection: international experience and Russian realities. *Sotsial'naya politika*, 2021: 18(2): 75–90 (in Russ.).

Восприятие дискриминации при изучении английского языка старшеклассниками, поступающими на творческие специальности: состояние проблемы и факторы формирования

Дин Фэй,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 3058769942@qq.com

Ху Яньхуа,

доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 545758219@qq.com

В статье рассматривается восприятие дискриминации при изучении английского языка у старшеклассников, поступающих на творческие специальности. Цель исследования заключается в выявлении уровня, структурных проявлений и факторов формирования данного явления. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования 313 учащихся творческого профиля из разных регионов Китая. Данные обрабатывались с применением описательной статистики, дисперсионного, корреляционного и пошагового регрессионного анализа. Результаты показали, что восприятие дискриминации имеет многомерный характер и проявляется в педагогическом взаимодействии, отношениях со сверстниками, распределении образовательных ресурсов и субъективных переживаниях учащихся. Наиболее значимыми факторами выступают школьная среда, социальные стереотипы и личностные особенности. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов для совершенствования педагогической поддержки и обеспечения образовательной справедливости.

Ключевые слова: восприятие дискриминации, английский язык, старшеклассники, творческие специальности, образовательная справедливость.

Введение

На фоне устойчивого экономического развития Китая и изменения образовательных ценностей семейные инвестиции в образование всё в большей степени ориентируются не только на базовую академическую подготовку, но и на развитие художественной культуры, индивидуальных способностей и потенциала самореализации учащихся. В этих условиях возрастает популярность поступления на творческие специальности, поскольку данный образовательный маршрут позволяет части школьников снизить давление общей экзаменационной конкуренции и расширить возможности дальнейшего развития. Одновременно повышение требований к результатам по общеобразовательным дисциплинам, включая китайский язык, математику и английский язык, делает успешность в английском языке одним из значимых факторов академического продвижения старшеклассников, поступающих на творческие специальности.

Данная категория учащихся находится под двойным давлением: с одной стороны, они вынуждены уделять значительное время профессиональной подготовке, с другой – сохранять конкурентоспособность в изучении общеобразовательных предметов. Несбалансированность учебного времени и ресурсов усиливает стереотипные представления о них как об учащихся со слабой академической базой и недостаточно ответственным отношением к учебе. В результате в процессе изучения английского языка они могут воспринимать отношение учителей, сверстников, школьной среды и общественного мнения как несправедливое или дифференцированное, что соответствует понятию восприятия дискриминации. Под восприятием дискриминации понимается субъективное ощущение несправедливой оценки или различного отношения вследствие принадлежности к определенной группе (Dovidio & Gaertner, 2004). В образовательной среде оно проявляется в сниженных ожиданиях учителя, ограничении учебных возможностей, двойных стандартах оценивания, пренебрежительном отношении сверстников и неравном доступе к образовательным ресурсам (Zhang Li / Чжан Ли, 2019), что может ослаблять учебную мотивацию, самооффективность и чувство академической принадлежности.

Несмотря на наличие исследований, посвященных трудностям абитуриентов творческих специальностей в освоении общеобразовательных дисциплин, проблема восприятия дискриминации именно в контексте изучения английского языка остается недостаточно разработанной. Так, Huang Sumei (2022) указывает на недостаточную включенность таких учащихся в изучение культурных дисциплин и слабость педагогической поддержки, а Huang Ziyao (2026) подчеркивает множественный характер их психологической нагрузки. Однако большинство имеющихся работ носит преимущественно описательный характер и не предлагает системного анализа факторов воспринимаемой дискриминации на основе эмпирических данных.

Теоретической основой настоящего исследования выступает теория угрозы стереотипа, предложенная Steele и Aronson (1995). Согласно данной теории, осознание принадлежности к группе, определяемой через негативный стереотип, может вызывать психологическое напряжение, истощение когнитивных ресурсов и снижение академических результатов даже при отсутствии прямой дискриминации. Это позволяет рассматривать восприятие дискриминации у старшеклассников, поступающих на творческие специальности, как результат взаимодействия внешних стереотипов, школьных практик и внутренних когнитивно-эмоциональных реакций.

Настоящее исследование направлено на выявление распространенности и многомерных проявлений восприятия дискриминации при изучении английского языка у старшеклассников, поступающих на творческие специальности; определение различий в его выраженности в зависимости от профильного направления и уровня успеваемости; а также анализ внешних и внутренних факторов его формирования. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования педагогического оценивания, развития школьной системы поддержки данной категории учащихся и обеспечения образовательной справедливости.

Обзор литературы

Настоящее исследование рассматривает восприятие дискриминации у абитуриентов творческих специальностей в трёх аспектах: теоретические основания, трудности изучения общеобразовательных дисциплин и состояние отечественных и зарубежных исследований.

Теоретической основой работы выступает теория угрозы стереотипа, разработанная Steele и Aronson (1995). Согласно данной теории, осознание индивидом принадлежности к группе, подвергаемой негативной оценке, вызывает психологическое напряжение и страх подтвердить существующий стереотип. В образовательной среде это мо-

жет снижать мотивацию, истощать когнитивные ресурсы и ухудшать академические результаты.

Абитуриенты творческих специальностей находятся в особой ситуации, поскольку должны одновременно проходить профессиональный отбор и достигать требуемого уровня по общеобразовательным дисциплинам. Более низкие проходные баллы по культурным предметам нередко формируют представление о творческом экзамене как о «лёгком пути к поступлению», что может вызывать у части педагогов заниженные ожидания, дифференцированное оценивание и недостаточную учебную поддержку. Эти практики усиливают восприятие дискриминации и отрицательно влияют на учебную мотивацию и самооэффективность учащихся.

Трудности освоения общеобразовательных дисциплин данной группой уже отражены в ряде исследований. Xie Hongyan (2022) отмечает слабую базу по английскому языку у многих старшеклассников творческого профиля и связывает это с несбалансированным распределением времени между профессиональной подготовкой и общеобразовательными предметами. Pei Shengbin (2022) подчёркивает двойную нагрузку учащихся художественного профиля, которая затрудняет распределение когнитивных ресурсов и снижает эффективность обучения. Дополнительной проблемой остаётся недостаток специальных методик преподавания, ориентированных на данную группу.

Зарубежные исследования показывают, что восприятие академической дискриминации у подростков связано с предвзятостью педагогической оценки, отношениями со сверстниками и механизмами академической дифференциации. Cohen и соавторы указывают, что учащиеся с низкой успеваемостью чаще воспринимают негативные оценки и различное отношение со стороны педагогов, а воспринимаемая дискриминация отрицательно связана с учебной мотивацией и академической самооценкой. Однако различия между зарубежными образовательными системами и китайской моделью поступления ограничивают прямое перенесение этих выводов на контекст китайских старшеклассников творческого профиля.

В Китае данная проблематика также постепенно привлекает внимание исследователей. Fang Xiaoyi (2008) и соавторы изучали роль копинг-стратегий в связи между восприятием дискриминации и чувством одиночества. Deng Ding (2019) рассматривал взаимосвязь воспринимаемой дискриминации, самооэффективности и социальной адаптации учащихся средних профессиональных учебных заведений. Zhou Wenbo (2022) выявил посредническую роль самооэффективности между восприятием дискриминации и школьной адаптацией.

Вместе с тем исследования, посвящённые абитуриентам творческих специальностей, преимущественно

щественно сосредоточены на трудностях изучения английского языка и педагогических стратегиях, тогда как восприятие дискриминации в данном предметном контексте остаётся разработанным фрагментарно. Большинство работ носит качественно-описательный характер, а крупномасштабные анкетные исследования и количественная проверка факторов представлены недостаточно. Это подтверждает актуальность эмпирического изучения восприятия дискриминации при изучении английского языка у старшекласников творческого профиля.

Дизайн исследования

Цель настоящего исследования состоит в системном анализе состояния воспринимаемой дискриминации, с которой сталкиваются абитуриенты творческих специальностей в процессе изучения английского языка, а также в выявлении ее причин и формировании эмпирической основы для разработки последующих практических рекомендаций.

Выборку составили 350 старшекласников, готовящихся к поступлению на творческие специальности, из разных регионов Китая. В исследование были включены учащиеся разных классов и профильных направлений, включая музыку, изобразительное искусство и медиа, что обеспечивает репрезентативность выборки.

Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. Опросник был разработан на основе «Опросника восприятия дискриминации учащимися средних профессиональных учебных заведений» Deng Ding (2019) с учетом специфики учащихся творческого профиля. Анкета включала три блока: социально-демографические и учебные характеристики респондентов, включая пол, профиль обучения и успеваемость по английскому языку; эмоциональный опыт и установки учащихся в процессе изучения английского языка; возможные причины формирования воспринимаемой дискриминации. Для оценки использовалась пятибалльная шкала Лайкерта: от 1 «совершенно не соответствует» до 5 «полностью соответствует».

Для проверки научной обоснованности и качества инструментария до основного этапа исследования было проведено пилотажное исследование на выборке из 50 учащихся. Анализ надежности показал, что коэффициент Cronbach's α составил 0,8, что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности опросника.

Анкетирование проводилось онлайн при содействии руководителей параллелей и классных руководителей. В инструкции подчеркивались анонимность участия и исследовательский характер опроса, что способствовало повышению достоверности ответов. В результате было получено 313

действительных анкет; доля валидных ответов составила 89,4%.

Обработка данных осуществлялась с использованием программы SPSS. Были применены описательная статистика, анализ различий, корреляционный анализ, а также пошаговый регрессионный анализ.

Результаты исследования

Таблица 1. Общие характеристики и многомерные особенности восприятия дискриминации

№ пункта и содержание	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)
1. Требования учителя английского языка к абитуриентам творческих специальностей заметно ниже, чем к обычным учащимся общеобразовательного профиля	3.32	0.97
2. Из-за статуса «абитуриента творческой специальности» учащийся испытывает чувство неполноценности / психологическое давление при изучении английского языка	3.31	0.95
3. Учащийся слышал от учителей или одноклассников высказывания типа: «поступление на творческую специальность – это легкий путь» или «искусством занимаются те, кто не справляется с общеобразовательными предметами»	3.35	0.99
4. Школьные программы углубленного изучения английского языка, конкурсы и дополнительные образовательные мероприятия обычно недоступны для абитуриентов творческих специальностей	3.40	1.01
5. Английские учебные задания / домашние работы, задаваемые учителем, не учитывают график профессиональной подготовки учащихся	3.36	0.98
6. При неудовлетворительных результатах по английскому языку учитель объясняет это «слабой базой абитуриентов творческих специальностей», а не качеством преподавания	3.34	0.96
7. На родительских собраниях или в классных чатах учитель публично подчеркивает, что абитуриентам творческих специальностей «трудно повысить баллы» по английскому языку	3.36	0.99
8. Когда учащийся добивается прогресса в изучении английского языка, окружающие считают это «удачей» или «списыванием»	3.39	1.00

Окончание

№ пункта и содержание	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)
9. На уроках английского языка учитель чаще предлагает отвечать обычным учащимся общеобразовательного профиля и уделяет меньше внимания абитуриентам творческих специальностей	3.31	0.94
10. Одноклассники считают, что абитуриентам творческих специальностей нет необходимости тратить много сил на изучение английского языка	3.39	1.00
Суммарный показатель	3.35	0.97

Из таблицы видно, что средние значения по 10 пунктам шкалы восприятия дискриминации варьируются от 3,31 до 3,40, а общий средний показатель составляет 3,35. Это свидетельствует о том, что у старшеклассников, готовящихся к поступлению на творческие специальности, в процессе изучения английского языка наблюдается уровень воспринимаемой дискриминации выше среднего. Поскольку ни один пункт не имеет значения ниже 3,3, данный феномен можно рассматривать не как единичное проявление, а как относительно распространенный групповой опыт. Тем самым полученные данные подтверждают наличие воспринимаемой дискриминации в английском обучении данной категории учащихся. Результаты также показывают, что восприятие дискриминации имеет многомерный характер и проявляется в педагогическом

взаимодействии, отношениях со сверстниками, школьных институциональных практиках и личных психологических переживаниях учащихся. Наиболее высокие показатели зафиксированы по пунктам, связанным с институциональным исключением (M = 3,40) и давлением со стороны сверстников (M = 3,39), что позволяет рассматривать их как ключевые измерения данной проблемы. Показатели, отражающие отношение учителей и субъективные психологические переживания, несколько ниже, однако также превышают 3,31.

Выраженность институционального исключения объясняется тем, что школьные программы углубленного изучения английского языка, конкурсы и дополнительные образовательные мероприятия чаще ориентированы на обычных учащихся общеобразовательного профиля и недостаточно учитывают график профессиональной подготовки, а также особенности учебной базы абитуриентов творческих специальностей. В результате такие учащиеся фактически оказываются исключенными из части образовательных возможностей, что формирует у них ощущение институционального игнорирования. Давление со стороны сверстников связано с распространенными стереотипами о том, что поступление на творческие специальности является «легким путем», а сами абитуриенты имеют слабую подготовку по общеобразовательным предметам. Эти представления транслируются в школьной среде через высказывания и установки одноклассников, формируя у абитуриентов творческих специальностей устойчивое ощущение дискриминации в процессе изучения английского языка.

Таблица 2. Анализ различий в восприятии дискриминации между учащимися разных профильных направлений

Профильная категория / специальность (среднее значение ± стандартное отклонение)					F	p
	Медиа (n = 92)	Спорт (n = 81)	Изобразительное искусство (n = 77)	Музыка (n = 63)		
7.1	2.84 ± 1.40	3.96 ± 1.15	3.61 ± 0.96	2.86 ± 1.46	15.900	0.000**
7.2	2.67 ± 1.43	4.06 ± 0.98	3.68 ± 0.77	2.81 ± 1.37	26.522	0.000**
7.3	2.65 ± 1.45	4.06 ± 1.04	3.70 ± 0.92	2.83 ± 1.30	25.860	0.000**
7.4	2.88 ± 1.39	4.01 ± 1.07	3.69 ± 0.89	2.92 ± 1.32	17.954	0.000**
7.5	2.85 ± 1.36	3.83 ± 1.09	3.81 ± 0.89	2.98 ± 1.35	15.566	0.000**
7.6	2.98 ± 1.28	3.96 ± 1.04	3.65 ± 0.91	2.92 ± 1.27	15.731	0.000**
7.7	2.79 ± 1.37	4.06 ± 1.08	3.74 ± 0.98	2.73 ± 1.48	22.960	0.000**
7.8	2.87 ± 1.34	4.05 ± 0.92	3.71 ± 1.02	2.75 ± 1.39	22.426	0.000**
7.9	2.77 ± 1.34	4.05 ± 1.08	3.84 ± 0.87	2.94 ± 1.41	23.333	0.000**
7.10	2.77 ± 1.36	4.05 ± 0.95	3.65 ± 0.94	2.90 ± 1.36	21.859	0.000**

* p<0.05 ** p<0.01

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что между абитуриентами творческих специальностей разных профильных направлений су-

ществуют статистически высокозначимые различия по всем 10 пунктам шкалы восприятия дискриминации в процессе изучения английского языка (во всех случаях p < 0,001). Наиболее высокие по-

казатели по всем пунктам зафиксированы у учащихся спортивного профиля ($M = 3,83-4,06$), что свидетельствует о наиболее выраженном уровне воспринимаемой дискриминации. Далее следуют учащиеся художественного профиля ($M = 3,65-3,84$). Показатели учащихся медиа- и музыкального профилей относительно ниже и близки между собой ($M = 2,65-3,00$). В частности, учащиеся спортивного профиля наиболее остро воспринимают такие проявления, как высказывания учителей или одноклассников о том, что «поступление

по творческому направлению является легким путем» ($M = 4,06$), а также ситуацию, когда учитель при распределении домашних заданий не учитывает график профессиональной подготовки ($M = 4,06$). Полученные данные показывают, что при разработке мер психологической поддержки и обеспечении образовательной справедливости необходимо учитывать различия между профильными направлениями. Особого внимания требует группа учащихся спортивного профиля как наиболее уязвимая категория.

Таблица 3. Анализ различий в восприятии дискриминации между учащимися с разным уровнем успеваемости по английскому языку

Результат последнего экзамена по английскому языку (среднее значение $\pm$ стандартное отклонение)					F	p
	$120 < x < 150$ ($n = 16$)	$60 < x \leq 90$ ($n = 166$)	$90 < x \leq 120$ ($n = 37$)	$x \leq 60$ ($n = 94$)		
7.1	2.31 ± 1.01	3.26 ± 1.39	3.57 ± 1.21	3.51 ± 1.27	4.316	0.005**
7.2	2.69 ± 1.30	3.20 ± 1.32	3.54 ± 1.22	3.50 ± 1.28	2.657	0.048*
7.3	2.44 ± 1.09	3.28 ± 1.35	3.49 ± 1.43	3.45 ± 1.28	2.893	0.036*
7.4	3.19 ± 1.22	3.28 ± 1.33	3.51 ± 1.28	3.54 ± 1.19	1.118	0.342
7.5	2.69 ± 1.14	3.26 ± 1.27	3.41 ± 1.28	3.65 ± 1.22	3.573	0.014*
7.6	2.88 ± 1.09	3.31 ± 1.22	3.32 ± 1.13	3.64 ± 1.23	2.589	0.053
7.7	3.00 ± 1.32	3.31 ± 1.36	3.59 ± 1.34	3.35 ± 1.39	0.785	0.503
7.8	2.31 ± 1.14	3.31 ± 1.25	3.62 ± 1.28	3.52 ± 1.34	4.709	0.003**
7.9	3.25 ± 1.29	3.24 ± 1.33	3.49 ± 1.33	3.67 ± 1.26	2.293	0.078
7.10	2.63 ± 1.09	3.32 ± 1.30	3.49 ± 1.33	3.46 ± 1.24	2.119	0.098

* $p < 0.05$ ** $p < 0.01$

Дисперсионный анализ с группировкой по уровню успеваемости по английскому языку показал, что восприятие дискриминации различается между учащимися разных результативных групп выборочно: из 10 пунктов 5 достигли статистической значимости ($p < 0,05$), главным образом в аспектах, связанных с ожиданиями учителей и публичной оценкой. Учащиеся с высокими результатами (>120 баллов) во всех пунктах продемонстрировали самый низкий уровень воспринимаемой дискриминации, особенно по проявлениям открытой дискриминации, что свидетельствует о «защитном эффекте» высокой успеваемости. Вместе с тем учащиеся с низкими результатами (≤ 60 баллов) не во всех случаях воспринимают дискриминацию наиболее остро: наиболее высокий показатель у них отмечен по пункту о восприятии учебного прогресса как «удачи» или «списывания», тогда как по ряду проявлений прямой учительской дискриминации более высокие значения наблюдаются у учащихся со средними результатами (90–120 баллов). Отсутствие значимых различий по пунктам, связанным с объяснением неуспеваемости «слабой базой» и недостаточным вниманием на уроке, указывает на наличие устойчивых и распространенных предубеждений, которые не могут

быть полностью устранены только за счет повышения индивидуальной успеваемости.

Корреляционный анализ причинных переменных восприятия дискриминации у абитуриентов творческих специальностей в процессе изучения английского языка

	Среднее значение	Стандартное отклонение	Q7	Q8	Q9	Q10
Q7	3.351	0.974	1			
Q8	3.366	0.980	0.860**	1		
Q9	3.339	1.032	0.896**	0.837**	1	
Q10	3.371	1.019	0.885**	0.805**	0.865**	1

* $p < 0.05$ ** $p < 0.01$

Корреляционный анализ Пирсона показал, что восприятие дискриминации имеет статистически высокозначимую положительную связь с социальными, школьными и личностными факторами ($r = 0,860-0,896$; $p < 0,01$). Наиболее сильная корреляция выявлена со школьными факторами ($r = 0,896$), что свидетельствует о наиболее тесной связи воспринимаемой дискриминации с институциональ-

ной организацией школьной среды, отношением учителей и распределением образовательных ресурсов. Кроме того, между тремя предикторными переменными также обнаружены высокие положительные корреляции ($r = 0,805-0,865$; $p < 0,01$), что указывает на системную взаимосвязанность со-

циальных, институциональных и индивидуально-психологических факторов, влияющих на формирование восприятия дискриминации.

Регрессионный анализ восприятия дискриминации и его причинных переменных

	Нестандартизированные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованный коэффициент	t	p	Диагностика коллинеарности	
	B		Beta			VIF	Толерантность
Константа	0.163	0.074	—	2.214	0.028*	—	—
Q8	0.269	0.039	0.271	6.928	0.000**	3.665	0.273
Q9	0.347	0.044	0.367	7.959	0.000**	5.109	0.196
Q10	0.334	0.041	0.349	8.187	0.000**	4.352	0.230
R ²	0.871						
Скорректированный R ²	0.870						
F	F (3, 309) = 695.687, p = 0.000						
Значение D-W	2.069						

Примечание: зависимая переменная – Q7; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Пошаговый регрессионный анализ показал, что при включении в модель социальных, школьных, личностных факторов и контрольных переменных в итоговой модели значимыми предикторами восприятия дискриминации остались только три ключевых фактора. Социальные факторы ($\beta = 0,271$; $p < 0,001$), школьные факторы ($\beta = 0,367$; $p < 0,001$) и личностные факторы ($\beta = 0,349$; $p < 0,001$) оказывают статистически высокосignificant положительное влияние на восприятие дискриминации и совместно объясняют 87,1% его дисперсии ($R^2 = 0,871$; $F = 695,687$; $p < 0,001$). Наиболее сильным предиктором выступают школьные факторы, что подчеркивает ключевую роль образовательной среды, отношения учителей и распределения ресурсов. Значения VIF находятся в пределах 3,665–5,109, что свидетельствует об отсутствии серьезной мультиколлинеарности. Контрольные переменные, включая пол, профильную категорию и уровень успеваемости по английскому языку, не достигли статистической значимости, что указывает на ограниченную самостоятельную прогностическую роль демографических характеристик после учета психосоциальных факторов.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что восприятие дискриминации у старшеклассников, поступающих на творческие специальности, наиболее отчетливо проявляется в институциональном исключении и давлении со стороны сверстников. Ограниченный доступ к дополнительным образовательным меро-

приятиям, неравномерное распределение ресурсов, а также стереотипы о «легком пути поступления» и «слабых академических способностях» формируют устойчивое ощущение несправедливого отношения. Это свидетельствует о том, что проблема связана не только с индивидуальными трудностями учащихся, но и с более широкими механизмами образовательного неравенства.

Важным фактором усиления воспринимаемой дискриминации является противоречие между высокими учебными усилиями и ограниченными результатами по английскому языку. Даже при увеличении времени, затрачиваемого на общеобразовательные дисциплины, и наличии специальных учебных классов успеваемость многих учащихся остается недостаточно высокой. Такая ситуация способствует формированию чувства неэффективности собственных усилий и усиливает внешние негативные оценки, что в дальнейшем снижает учебную уверенность и мотивацию.

Исследование также выявило различия между профильными направлениями. Наиболее высокий уровень воспринимаемой дискриминации характерен для учащихся спортивного профиля, что связано с выраженным конфликтом между профессиональными тренировками и общеобразовательной подготовкой, а также с устойчивыми социальными стереотипами о приоритете физического развития над академическим. Учащиеся медиа- и музыкального профилей воспринимают дискриминацию менее остро, поскольку их профессиональная подготовка в большей степени связана с языковыми и коммуникативными навыками. Следовательно, профессиональная специфика

существенно влияет на характер и интенсивность дискриминационного опыта.

Высокая успеваемость по английскому языку выполняет частичную защитную функцию, снижая уровень воспринимаемой дискриминации. Однако она не устраняет полностью влияние групповых стереотипов: даже успешные учащиеся могут сталкиваться с представлением об абитуриентах творческих специальностей как о группе со слабой академической базой. Это подтверждает, что восприятие дискриминации обусловлено не только индивидуальными результатами, но и институциональными предубеждениями и механизмами групповой стигматизации.

На основе полученных данных можно выделить несколько направлений практической работы. На общественном уровне необходимо снижать стереотипное представление о творческих специальностях как о «легком пути поступления» и формировать признание многообразных образовательных траекторий. На школьном уровне важно обеспечить равный доступ учащихся творческого профиля к курсам, конкурсам, дополнительным занятиям и образовательным ресурсам, а также разрабатывать гибкие программы изучения английского языка с учетом графика профессиональной подготовки. На уровне учителя английского языка следует отказаться от заниженных ожиданий, применять дифференцированные цели и формы обратной связи, а успех учащихся связывать с их усилиями и учебными стратегиями, а не с «удачей». На индивидуально-психологическом уровне необходима адресная поддержка, особенно для учащихся спортивного профиля и школьников с низкой успеваемостью, направленная на повышение самооценки, преодоление внутреннего принятия стереотипов и развитие устойчивой учебной мотивации.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности восприятия дискриминации при изучении английского языка у старшеклассников, поступающих на творческие специальности. Полученные данные свидетельствуют о том, что воспринимаемая дискриминация имеет не единичный, а устойчивый и многомерный характер: она проявляется в педагогическом взаимодействии, распределении образовательных ресурсов, отношениях со сверстниками и субъективных психологических переживаниях учащихся. Наиболее значимыми источниками данного явления выступают школьные факторы, включая институциональные условия обучения, отношение учителей и доступ к дополнительным образовательным возможностям, а также социальные стереотипы, закрепляющие представление об абитуриентах творческих специальностей как о группе с низкой академической подготовкой. Результаты анализа

также показали, что уровень восприятия дискриминации различается в зависимости от профильного направления и успеваемости по английскому языку: наиболее уязвимой группой оказались учащиеся спортивного профиля, тогда как высокая академическая результативность частично снижает остроту воспринимаемой дискриминации, но не устраняет ее полностью. Регрессионный анализ подтвердил, что социальные, школьные и личностные факторы оказывают статистически значимое положительное влияние на формирование восприятия дискриминации, при этом ведущая роль принадлежит школьной образовательной среде. Таким образом, преодоление данной проблемы требует не только индивидуальной учебной поддержки учащихся, но и системного изменения школьных практик: отказа от стереотипизирующих оценок, обеспечения равного доступа к образовательным ресурсам, развития дифференцированного преподавания английского языка и создания психологически безопасной образовательной среды. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке мер педагогической, психологической и организационной поддержки старшеклассников, поступающих на творческие специальности, а также при совершенствовании механизмов обеспечения образовательной справедливости в современной школе.

Литература

1. Дун Далэй, Чэнь Юцин, Сюй Моян. Анализ медиаторной модели влияния восприятия дискриминации учащимися средних профессиональных учебных заведений на инновационную мотивацию // Журнал образовательной биологии. 2024. № 1.
2. Ли Юйнань. Современное состояние восприятия дискриминации у учащихся средних профессиональных учебных заведений и стратегии вмешательства: дис. ... Чанчунь: Цзилиньский университет иностранных языков, 2025.
3. Дэн Дин. Исследование взаимосвязи восприятия дискриминации, общей самооценки и социальной адаптации у учащихся средних профессиональных учебных заведений: дис. ... Чэнду: Сычуаньский педагогический университет, 2020.
4. Хэ Пин. Исследование тревожности при письме на английском языке у старшеклассников художественного профиля: дис. ... Наньчан: Цзяньсийский педагогический университет, 2020.
5. Ван Хунпу. Восприятие дискриминации и академическое выгорание у студентов заочной магистратуры: медирующая роль профессиональной идентичности // Современное профессиональное образование. 2023. № 33.

6. Лай Юньчэн, Ли Жуинь. Взаимосвязь восприятия дискриминации, обращения за академической помощью и академической прокрастинации у сельских детей, оставленных родителями // Вестник Аньцинского педагогического университета. Серия: Социальные науки. 2020. № 1.
7. Хуан Сумэй. Проблемы изучения английского языка у абитуриентов творческих специальностей в частных средних профессиональных учебных заведениях и пути их решения // Образование Гуанси. 2022. № 8.
8. Се Хунъянь. Трудности изучения английского языка у старшеклассников художественного профиля в условиях новой реформы учебных программ и анализ возможных решений // Новая учебная программа. 2022. № 42.
9. Ван Тун, Чжан Чжаося. Исследование современного состояния онлайн-преподавания английского языка в старшей школе: на примере абитуриентов творческих специальностей выпускного класса средней школы А // Зарубежный английский язык. 2021. № 22.
10. Ян Цзинцзин. О стратегиях повышения эффективности уроков английского языка у старшеклассников, поступающих на творческие специальности // Экзаменационная неделя. 2020. № 75.

PERCEIVED DISCRIMINATION IN ENGLISH LANGUAGE LEARNING AMONG SENIOR HIGH SCHOOL STUDENTS APPLYING FOR CREATIVE AND ARTISTIC MAJORS: CURRENT ISSUES AND FACTORS OF FORMATION

Ding Fei, Hu Yanhua

Xinjiang Normal University

This article examines perceived discrimination in English language learning among senior high school students applying for creative and artistic majors. The study aims to identify its level, structural manifestations, and key influencing factors. The empirical basis consists of questionnaire data from 313 creative-profile students from different regions of China. The data were analyzed using de-

scriptive statistics, analysis of variance, correlation analysis, and stepwise regression. The results show that perceived discrimination is multidimensional and manifests itself in teacher-student interaction, peer relations, access to educational resources, and students' subjective psychological experiences. The main influencing factors include the school environment, social stereotypes, and students' personal characteristics. The findings may be used to improve pedagogical support and promote educational equity.

Keywords: perceived discrimination, English language, senior high school students, creative and artistic majors, educational equity.

References

1. Dong Dalei, Chen Youqing, Xu Moyang. Analysis of the Mediating Model of the Influence of Perceived Discrimination on Innovation Motivation among Secondary Vocational Students // Journal of Educational Biology. 2024. № 1.
2. Li Yunan. The Current Situation of Perceived Discrimination among Secondary Vocational Students and Intervention Strategies: Dissertation. Changchun: Jilin International Studies University, 2025.
3. Deng Ding. A Study on the Relationship between Perceived Discrimination, General Self-Efficacy and Social Adaptation among Secondary Vocational Students: Dissertation. Chengdu: Sichuan Normal University, 2020.
4. He Ping. An Investigation of English Writing Anxiety among Senior High School Art Students: Dissertation. Nanchang: Jiangxi Normal University, 2020.
5. Wang Hongpu. Perceived Discrimination and Academic Burnout among Part-Time Graduate Students: The Mediating Role of Professional Identity // Modern Vocational Education. 2023. № 33.
6. Lai Yuncheng, Li Ruyin. The Relationship between Perceived Discrimination, Academic Help-Seeking and Academic Procrastination among Rural Left-Behind Children // Journal of Anqing Normal University. Social Science Edition. 2020. № 1.
7. Huang Sumei. Problems and Countermeasures in English Learning among Art Examination Students in Private Secondary Vocational Schools // Guangxi Education. 2022. № 8.
8. Xie Hongyan. Difficulties and Feasibility Analysis of English Learning among Senior High School Art Students under the Background of the New Curriculum Reform // New Curriculum. 2022. № 42.
9. Wang Tong, Zhang Zhaoxia. A Survey on the Current Situation of Online English Teaching in Senior High School: A Case Study of Senior Three Art Examination Students in Middle School A // Overseas English. 2021. № 22.
10. Yang Jingjing. Strategies for Improving the Effectiveness of English Classes for Senior High School Art Examination Students // Examination Weekly. 2020. № 75.

Анализ эффективности переводческой коммуникации при переводе раздела «影神图» игры *Black Myth: Wukong* с китайского языка на английский

Инь Сяожун,

профессор, Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, приглашённый научный сотрудник Центра исследования языковой стратегии Китая при Нанкинском университете Китая
E-mail: helenyin2002@sina.cn

Хао Канли,

магистр, Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 3290456518@qq.com

Ван Цзяхуэй,

Магистр, Колледж иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 1379144002@qq.com

В 2024 г. китайская AAA-игра *Black Myth: Wukong* вызвала широкий резонанс в Китае и за рубежом благодаря высокому уровню игрового дизайна, технологическим инновациям и насыщенному культурному содержанию. Важной частью игры является раздел «影神图» (Образы теневых божеств), который дополняет основную сюжетную линию, раскрывает скрытый повествовательный фон и представляет истории персонажей. Настоящая статья посвящена анализу английского перевода данного раздела. Для оценки эффективности переводческой коммуникации используется модель «5R», а также метод анализа комментариев читателей / игроков: с помощью NVivo выделяются высокочастотные слова, отражающие фокус внимания и отношение аудитории. Качество перевода рассматривается на основе модели Сы Сяньжу через смещения идеационального, межличностного и текстового значения. В результате исследование сочетает анализ качества перевода и его коммуникативного эффекта, что позволяет оценить эффективность распространения английского перевода раздела «影神图» (Образы теневых божеств).

Ключевые слова: Переводческая Коммуникация, *Black Myth: Wukong*, Оценка Качества Перевода.

Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (23YJA740050), совместного китайско-иностранного проекта Центра сотрудничества в области языкового образования и взаимодействия между Китаем и зарубежными странами при Министерстве образования КНР (22YH41ZW), Фонда общественных наук автономного района (2023VZJ017), проекта «Выдающиеся деятели культуры Синьцзяна» (2024WHMJ026), а также исследовательского проекта Федерации общественно-научных кругов автономного района по теории и практике новой эпохи стратегии партии по управлению Синьцзяном (2025ZJFLY36). Настоящая статья представляет собой промежуточный результат исследования, выполненного в рамках экспертно-аналитического проекта Синьцзянского педагогического университета (ZK2024C13), Проект научно-исследовательского и инновационного фонда аспирантов Синьцзянского педагогического университета «Исследование построения языковой идентичности игроков по всему миру в игре «Black Myth: Wukong»» (XSY202501052).

Введение

В условиях стремительного развития цифровой индустрии и расширения международного распространения китайской культуры видеоигры становятся важным каналом межкультурной коммуникации. В отличие от традиционных литературных и аудиовизуальных форм, игровой текст функционирует в мультимодальной среде, где вербальные элементы взаимодействуют с визуальным рядом, игровой механикой, звуковым сопровождением и пользовательским опытом. Поэтому перевод видеоигр следует рассматривать не только как межкультурную передачу содержания, но и как форму культурной коммуникации, влияющую на восприятие национальных образов, мифологических сюжетов и ценностных смыслов зарубежной аудиторией.

Особый интерес в этом отношении представляет игра *Black Myth: Wukong*, основанная на сюжетно-образной системе классического китайского романа «Путешествие на Запад» и включающая множество культурно маркированных элементов. Одним из них является внутриигровой раздел «影神图» (Образы теневых божеств), содержащий описания персонажей и противников, биографические сведения, предания и фрагменты мифологического повествования. Данный текст отличается высокой культурной насыщенностью, сочетанием классического китайского стиля, буддийской и даосской терминологии, а также поэтических форм, что создает значительные трудности для перевода и восприятия англоязычной аудиторией.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения качества перевода игровых текстов и их коммуникативного эффекта в международной среде. Несмотря на разработанность вопросов перевода китайской культуры, художественных текстов и аудиовизуальной продукции, переводческая коммуникация в сфере видеоигр остается недостаточно изученной. Между тем видеоигры обладают значительным потенциалом трансляции культурных смыслов и формирования интереса зарубежной аудитории к китайской традиционной культуре.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей английского перевода раздела «影神图» (Образы теневых божеств) в игре *Black Myth: Wukong* и оценке эффективности его переводческой коммуникации. Для достижения этой цели

предполагается рассмотреть теоретические основания переводческой коммуникации, адаптировать модель «5R» к материалу игрового текста, проанализировать качество перевода на основе модели Сы Сяньчжу, опирающейся на системно-функциональную лингвистику М. А.К. Холлидея, выявить смещения на уровнях идеационального, межличностного и текстового значения, определить их как «+ отклонения» или «– отклонения», а также оценить коммуникативный эффект перевода на основе англоязычных отзывов пользователей платформы Steam.

Материалом исследования послужили оригинальные китайские тексты раздела «影神图» и их английские переводы, а также 58078 англоязычных комментариев пользователей платформы Steam, опубликованных в сообществе игры Black Myth: Wukong по состоянию на 24 октября 2024 г. Методологическую основу работы составляют теория переводческой коммуникации, модель «5R», системно-функциональный подход к оценке качества перевода, элементы количественного анализа, контекстуально-сопоставительный анализ и анализ пользовательских отзывов с применением инструмента NVivo.

Научная новизна исследования заключается в соединении качественного лингвистического анализа перевода игрового текста с количественной оценкой его коммуникативного эффекта на основе пользовательских данных. Такой подход позволяет рассматривать перевод не только как результат языкового преобразования, но и как фактор международного распространения культурно значимого игрового контента.

Переводоведение коммуникации

Состояние исследований в Китае

Переводоведение коммуникации представляет собой науку, изучающую явления переводческой коммуникации и закономерности их функционирования; это система знаний, объясняющая процессы передачи и обмена информацией между людьми посредством различных языковых знаковых систем [1]. По своей сути переводческая коммуникация является разновидностью общей коммуникативной деятельности, дополненной процессом языкового преобразования. Как известно, переводоведение само по себе является комплексной дисциплиной и обладает ярко выраженным междисциплинарным характером [2]. В связи с этим профессор Люй Цзюнь в статье «Переводоведение – особая область коммуникации» впервые включил перевод в рамки коммуникационной науки и предпринял первую попытку построения теоретической модели переводоведения коммуникации. Впоследствии многие исследователи, следуя предложенному Люй Цзюнем теоретическому направлению, выдвинули собственные взгляды на переводоведение коммуникации.

Так, Се Кэ и Ляо Сюэжу считают, что «как с точки зрения определения коммуникации, так и с точки зрения природы перевода сущностным свойством перевода является коммуникация»; Тан Вэйхуа выдвигает положение «перевод есть коммуникация»; Чжан Шэнсян утверждает, что «перевод и коммуникация образуют единое целое» [3]. Позднее в работе Инь Фэйчжоу и Юй Чэнфа «Очерк переводоведения коммуникации» была выстроена более целостная теоретическая модель данной области. Кроме того, многие другие ученые в своих исследованиях предложили ряд конструктивных идей, имеющих значительную ценность для настоящей работы.

Ляо Ции в статье «Перевод и теория информации» отмечает, что процесс перевода фактически представляет собой сокращенную форму процесса информационного обмена. В ходе кодирования переводчик должен учитывать такие факторы, как информационный канал, шум, избыточность и нагрузка передачи [4].

Люй Цзюнь и Хоу Сянцунь в работе «Размышления о метапереводоведении и исследовании многообразия перевода» указывают, что сущность перевода заключается в коммуникации или общении, а исследование перевода должно быть не монистическим, а плюралистическим. При этом необходимо не только сохранять единство исследования динамической организмической структуры и статической классификационной структуры, но и обеспечивать за переводом статус самостоятельной научной дисциплины [5].

Тан Вэйхуа в статье «О коммуникативной сущности процесса перевода» утверждает, что сущность перевода есть коммуникация, а процесс перевода по своей природе является процессом передачи информации. Переводческий процесс направляется определенной целью и, преодолевая шумовые помехи, с максимально возможным сохранением достоверности использует механизм обратной связи для передачи информации, тем самым реализуя цель перевода [6].

Сунь Цзяньчэн и Ли Синья в статье «Китайско-английский перевод веб-страниц с точки зрения коммуникации: к оценке англоязычного сайта Музея Гугун» отмечают, что переводчик на английский язык одновременно выступает в роли получателя и отправителя информации; он должен ориентироваться на англоязычного читателя и активно выполнять функцию «фильтра» [7].

Се Кэ и Ляо Сюэжу в статье «Название и сущность «переводоведения коммуникации»» обосновывают правомерность самого термина «переводоведение коммуникации» с позиций рациональности, эффективности и научности, а затем раскрывают его содержательную сущность через объект исследования и исследовательские методы. Авторы также определяют, что основные методы переводоведения коммуникации включают количественные и качественные исследования [8].

Оценочная модель «5R»

Оценочная модель «5R», предложенная Инь Фэйчжоу и Се Цинфэнгом, предназначена для анализа эффективности переводческой коммуникации и включает пять взаимосвязанных компонентов: Rendering – собственно переводческое преобразование текста, Releasing – выпуск и распространение перевода, Reading – его фактическое чтение и восприятие, Reviewing – читательские отклики и оценки, Recreating – дальнейшее вторичное творческое переосмысление [9]. Данная модель первоначально ориентирована преимущественно на анализ переводных книжных произведений, однако ее логика может быть использована и при исследовании игровых текстов.

С учетом жанровой специфики игры Black Myth: Wukong показатели Releasing и Recreating трудно отделить от распространения самой игры и фанатского творчества вокруг нее. Поэтому в настоящем исследовании модель «5R» адаптируется к материалу внутриигрового раздела «影神图» и используется прежде всего для оценки двух аспектов: качества английского перевода и его коммуникативного эффекта, выявляемого на основе пользовательских отзывов платформы Steam.

Таблица 1. Модель оценки эффективности переводческой коммуникации

Показатель первого уровня	Вес	Показатель второго уровня	Вес	Количественные критерии
Качество перевода	50%	Смещение концептуального значения	20%	Больше положительных смещений / больше отрицательных смещений
		Смещение межличностного значения	20%	Больше положительных смещений / больше отрицательных смещений
		Смещение текстового значения	10%	Больше положительных смещений / больше отрицательных смещений
Коммуникативный эффект	50%	Комментарии, связанные с текстом, и доля положительных отзывов	25%	Положительные отзывы: 70–100; нейтральные отзывы: 40–70; отрицательные отзывы: 0–40
		Количество и доля игроков, привлеченных содержанием текста	25%	Количество игроков / доля от общего числа игроков

При сохранении без изменений двух показателей первого уровня качество перевода (50%) и коммуникативный эффект (50%) я попытался адаптировать оценочную модель «5R» таким образом, чтобы она в большей степени соответствовала исследуемому в настоящей работе процессу переводческой коммуникации, как показано в таблице 1.

Модель оценки качества перевода Сы Сяньчжу

Модель оценки качества перевода, предложенная Сы Сяньчжу, основана на системно-функциональной лингвистике М. А. К. Холлидея и рассматривает перевод через три метафункции языка: идеациональную, межличностную и текстовую. Им соответствуют три типа значения: идеациональное, межличностное и текстовое. Идеациональная функция отражает опыт, мысли и представления о внешнем и внутреннем мире; межличностная выражает позицию, оценку и отношение говорящего; текстовая обеспечивает организацию языковых элементов в целостный текст. Идеациональное значение выявляется преимущественно через анализ транзитивности, а межличностное – через наклонение и модальность. Как отмечает Хаус, «перевод – это замена текста на исходном языке прагматически и семантически эквивалентным текстом». Следовательно, качество перевода может оцениваться по степени достижения эквивалентности оригиналу на уровне трех указанных типов значения [10].

Данная модель включает три этапа. На первом этапе проводится микроанализ клауз исходного и переводного текстов: рассматриваются транзитивность, наклонение, модальность, а также компоненты регистра – поле, тенор и модус, отражающие ситуативный контекст. Это позволяет выявить идеациональные и межличностные значения и определить возможные отклонения перевода от оригинала. На втором этапе анализ переносится на макроуровень: текст рассматривается как целое с учетом взаимодействия формы, функции и ситуации, особенностей языка перевода, переводческой ситуации, требований и целей перевода. Благодаря этому повторно оцениваются выявленные отклонения и исключаются случаи, не влияющие существенно на общее качество перевода.

На третьем этапе количественные данные микроанализа корректируются на основе макрооценки. Лишь после такой корректировки отклонения могут служить основанием для определения степени эквивалентности, или «верности» перевода оригиналу. Отклонения, способствующие передаче содержания оригинала, рассматриваются как «+ отклонения», а препятствующие ей – как «– отклонения». Затем подсчитывается их общее количество, разграничиваются положительные и отрицательные случаи, отбираются типичные примеры

и на этой основе формируется итоговая оценка качества перевода.

Отклонения на уровне идеационального значения

Анализ идеационального значения начинается с рассмотрения регистра оригинала. В системно-функциональной лингвистике Холлидея регистр включает поле, тенор и модус: поле обозначает тему и сферу высказывания, тенор – социально-ролевые отношения участников коммуникации, а модус – способ языкового выражения. Внутриигровой раздел «Тени божеств» (portraits) по функции близок к энциклопедии персонажей: он содержит имена персонажей и врагов, их изображения, биографические сведения и жизненные эпизоды. С точки зрения поля, текст сосредоточен на персонажах, связанных с романом «Путешествие на Запад», их характере, внешности, опыте и фоновых сюжетах, а также включает буддийскую и даосскую лексику. С точки зрения тенора, повествование ведется от третьего лица в нейтральной

и сдержанной тональности, что создает эффект достоверности, близкий к исторической хронике. С точки зрения модуса, каждая статья начинается с краткого стихотворения о персонаже, обладающего выраженной звуковой организацией, а основная часть написана лаконичным вэньем с элементами байхуа, что сохраняет классический колорит и вместе с тем облегчает понимание.

Анализ отклонений идеационального значения осуществляется через сопоставление транзитивности оригинала и перевода. Транзитивность как семантическая система включает материальные, ментальные, вербальные, реляционные, экзистенциальные и поведенческие процессы; поскольку граница между поведенческими и материальными процессами не является четкой, в настоящей работе они объединяются в категорию материальных процессов. В соответствии с данной классификацией был проведен частотный подсчет пяти основных типов процессов, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2. Сопоставление процессов транзитивности

	Материальные процессы	Ментальные процессы	Вербальные процессы	Реляционные процессы	Экзистенциальные процессы	Всего
Оригинал	4017	461	252	553	52	5335
Перевод	3786	474	314	664	70	5308

Из таблицы видно, что в процессе перевода переводчик в ряде случаев выбирает иные типы процессов транзитивности по сравнению с оригиналом. Наибольшую долю составляют смещения между материальными и реляционными процессами: всего выявлено 211 таких случаев, тогда как смещения в ментальных, вербальных и экзистенциальных процессах встречаются значительно реже. Ниже рассматриваются отдельные случаи смещения идеационального значения, а также определяется, способствует ли такое смещение передаче смысла оригинала или, напротив, препятствует ей, то есть является ли оно «+ отклонением» или «– отклонением».

Пример 1

Китайский оригинал:

青锋宝剑唤龙光，独钓寒雪苦海上。潜龙犹待飞天去，不堕凡尘英名扬。

Английский перевод:

With a sharp sword, Loong's Light it is called,
Fishing alone in the bitterness, nothing caught.
The hidden Loong waits to soar the sky,
In fallen to the dust, its fame will fly.

Русский перевод:

Острый меч зовется «Лунгуан» («Свет дракона»),

В одиночестве он удит рыбу среди холодного снега над морем страданий.

Скрытый лун все еще ждет часа взмыть в небеса,

Не пав в мирскую пыль, он прославит свое доблестное имя.

В примере 1 выражение «唤龙光» можно рассматривать как материальный процесс, тогда как в английском переводе оно передано как реляционный процесс: Loong's Light it is called. Такое решение связано с особенностями модуса данного текста: оригинал представляет собой семисложное стихотворение с выраженной звуковой организацией. В китайском тексте финальные иероглифы первой, второй и четвертой строк – «光» (guāng), «上» (shàng) и «扬» (yáng) – образуют рифмическое созвучие. В английском переводе используется иная, более естественная для английского стиха рифмовка: called – caught, sky – fly. Хотя исходная схема рифмы воспроизведена не полностью, перевод сохраняет плавность звучания и поэтическую выразительность оригинала. Таким образом, переводчик не следует дословно исходному выбору процессов транзитивности, а реорганизует идеациональное значение ради передачи стихотворной формы и эстетического эффекта. Поэтому данный случай можно отнести к «+ отклонениям».

Отклонения на уровне межличностного значения

Отклонения на уровне межличностного значения выявляются главным образом посредством анализа системы наклонения и модальных средств. Система наклонения включает три основных типа предложений: повествовательные,

вопросительные и повелительные. К модальным средствам относятся модальные операторы и модальные адьюнкты. Согласно проведенной статистике, в оригинале и переводе также наблюдаются достаточно заметные смещения в системе наклонения и в употреблении модальных средств. Прежде всего рассмотрим систему наклонения, данные по которой представлены в таблице 3.

Таблица 3. Сопоставление типов предложений по системе наклонения

	Повествовательные предложения	Вопросительные предложения	Повелительные предложения	Всего
Оригинал	2986	281	246	3513
Перевод	4128	57	244	4429

Из таблицы видно, что наиболее часто используются повествовательные предложения, основная функция которых заключается в констатации фактов и передаче информации. Как уже отмечалось при анализе регистра раздела «Тени божеств», повествование ведется от третьего лица, без явно выраженного эмоционального отношения к персонажам, в нейтральной и сдержанной тональности, близкой к стилю исторических хроник. Поэтому повествовательные предложения занимают преобладающее место в системе модуса. Основные отклонения связаны с вопросительными предложениями: чаще всего они преобразуются в повествовательные, всего выявлено 224 таких случая.

Это явление объясняется различиями в языковой структуре и контекстуальной организации китайского и английского языков. В китайском языке вопросительность может выражаться не только вопросительными словами, такими как «什么», «为什么», «怎么样», но и модальными частицами «吗», «呢», а также контекстом или имплицитными средствами. Поэтому китайские вопросительные конструкции нередко выполняют не собственно вопросительную, а эмфатическую, оценочную или подтекстовую функцию. В английском языке вопросительные предложения обычно требуют более строго оформленных синтаксических структур, например инверсии или вопросительных слов, поэтому при переводе такие конструкции часто преобразуются в повествовательные предложения или иные формы выражения. Далее будут рассмотрены отдельные случаи смещения в системе модуса и определено, являются ли они «+ отклонениями» или «-отклонениями».

Пример 3

Китайский оригинал:

那狼妖暗想：众人挤在一室，如何不汗流浹背？诵经许久，如何不胸怀敞亮？

Английский перевод:

The diligent wolf guai thought to himself, «Sweating fervently in a crowd is № marvel... Achieving clarity after chanting is № miracle».

Русский перевод:

Тот волк-яогуй, то есть волчий демон, подумал про себя: «Когда все теснятся в одной комнате, как тут не вспотеть до нитки? Когда долго читаешь сутры, как тут не ощутить ясность и простор в душе?»

В примере 3 китайский оригинал использует риторические вопросы «如何不汗流浹背?» и «如何不胸怀敞亮?», которые служат не для запроса информации, а для выражения очевидного вывода. В английском переводе они преобразованы в повествовательные предложения: Sweating fervently in a crowd is № marvel... и Achieving clarity after chanting is № miracle. Такое решение соответствует английской языковой норме и одновременно сохраняет усилительную функцию оригинала.

Анализ эффективности переводческой коммуникации

Платформа Steam была выбрана в качестве источника пользовательских отзывов, поскольку она является одной из наиболее значимых международных игровых платформ, на которой была выпущена игра Black Myth: Wukong. Открытый характер пользовательских комментариев позволяет использовать их как эмпирический материал для анализа рецепции игры англоязычной аудиторией и оценки коммуникативного эффекта английского перевода внутриигрового раздела «影神图».

По состоянию на 24 октября 2024 г. автор отобрал 58 078 англоязычных комментариев из сообщества *Black Myth: Wukong* на данной платформе, общий объем которых составил около 16 млн знаков. С помощью метода отбора по ключевым словам были выделены комментарии, связанные с текстовым содержанием, после чего была рассчитана доля положительных и отрицательных отзывов. Затем по следующей формуле:

доля комментариев игроков, связанных с текстовым содержанием*доля англоязычных игроков*общее число игроков (1–1)

было приблизительно рассчитано количество англоязычных игроков, привлеченных текстовым содержанием. Далее полученные данные были подставлены в аналитическую модель для оценки эффективности переводческой коммуникации игры Black Myth: Wukong.

Прежде всего с помощью инструмента NVivo был сформирован список высокочастотных слов. После исключения предлогов, союзов, местоимений и ключевых слов, не связанных с текстовым содержанием, были получены следующие высокочастотные слова (табл. 4).

Таблица 4

	Высокочастотные слова, связанные с текстовым содержанием	Частотность
1	monkey – «обезьяна»	6900
2	story – «сюжет / история»	6794
3	monke – «обезьянка / обезьяна»	6519
4	myth – «миф»	2673

На основе указанных высокочастотных слов были отобраны комментарии, связанные с текстовым содержанием. В результате было выявлено 2162 таких комментария; отношение игроков в них представлено в табл. 5.

Таблица 5

Оценочная позиция в комментарии	Количество пользователей	Доля
Рекомендуют	1890	87,42%
Не рекомендуют	272	12,58%

Таблица 6

Показатель первого уровня	Вес	Показатель второго уровня	Вес	Качественная оценка
Качество перевода	50%	Смещения идеационального значения	20%	Подавляющее большинство составляют «+ отклонения»
		Смещения межличностного значения	20%	Подавляющее большинство составляют «+ отклонения»
		Смещения текстового значения	10%	Подавляющее большинство составляют «+ отклонения»
Коммуникативный эффект	50%	Комментарии, связанные с текстом, и доля положительных отзывов	25%	Положительная оценка – 87,42%
		Количество и доля игроков, привлеченных текстовым содержанием	25%	76 386 человек / около 3,70%

Согласно официальным статистическим данным Steam, количество игроков данной игры составляет около 25 300 000 человек. После подстановки этого значения в формулу (1–1) получаем

результат: 76 386. Следовательно, можно приблизительно оценить, что около 76 386 игроков были охвачены распространением текстового содержания, связанного с игрой. Далее эти данные подставляются в аналитическую модель (табл. 6).

Можно сделать вывод, что, хотя качество перевода является высоким, а комментарии, связанные с текстовым содержанием, в подавляющем большинстве носят положительный характер, число игроков, прямо выразивших интерес к сюжету, культуре и другим текстовым аспектам игры, составляет лишь 76 386 человек, то есть всего 3,7% от числа англоязычных игроков. С учетом этих данных можно заключить, что перевод текстов, связанных с игрой *Black Myth: Wukong*, отличается высоким качеством и получает преимущественно положительные отклики, однако охват игроков, затронутых данным коммуникативным воздействием, остается весьма ограниченным. Следовательно, такие тексты способны вызвать реакцию лишь в сравнительно узких пределах.

Заключение

Проведенное исследование показало, что английский перевод внутриигрового раздела «影神图» (Образы теневых божеств) в игре *Black Myth: Wukong* в целом отличается высоким уровнем переводческого качества. Анализ, выполненный на основе модели Сы Сяньчжу и системно-функциональной лингвистики М. А. К. Холлидея, позволил выявить смещения на уровнях идеационального, межличностного и текстового значения. Большинство из них можно отнести к «+ отклонениям», поскольку они не искажают содержание оригинала, а способствуют более естественной передаче его смысловой структуры, эмоциональной тональности, стилистической выразительности и культурной специфики средствами английского языка. Это проявляется, в частности, в переходе от материальных процессов к реляционным, преобразовании риторических вопросов в повествовательные предложения, а также в сохранении связности и эстетического эффекта исходного текста.

Вместе с тем анализ коммуникативного эффекта на основе адаптированной модели «5R» и англоязычных отзывов пользователей Steam показывает, что высокое качество перевода не всегда обеспечивает широкое культурное воздействие. Среди 2162 комментариев, связанных с текстовым содержанием, положительные отзывы составили 87,42%. Однако число англоязычных игроков, явно проявивших интерес к сюжету, культуре и другим текстовым аспектам, оценивается примерно в 76 386 человек, или 3,70% от общего числа англоязычных игроков. Следовательно, перевод обладает высокой функциональной адекватностью и получает положительную оценку, но его коммуникативный охват остается ограниченным.

Литература

1. Инь Фэйчжоу, Юй Чэнфа. Очерк трансляционной коммуникологии // Журнал Сянтаньского университета. Серия: философия и социальные науки. 2020. Т. 44, № 5. С. 170–176.
2. Люй Цзюнь. Переводоведение как особая область коммуникологии // Иностранные языки: журнал Шанхайского университета иностранных языков. 1997. № 2. С. 40–45.
3. Инь Фэйчжоу, Юй Чэнфа, Дэн Инлин. Десять лекций по трансляционной коммуникологии. Чанша: Издательство Хунаньского педагогического университета, 2021.
4. Ляо Ции. Перевод и теория информации // Журнал Сычуаньского института иностранных языков. 1997. № 3. С. 83–87.
5. Люй Цзюнь, Хоу Сянцунь. Размышления о метапереводоведении и исследование множественности перевода // Иностранные языки: журнал Шанхайского университета иностранных языков. 1999. № 5. С. 56–61.
6. Тан Вэйхуа. О коммуникативной сущности процесса перевода // Исследования иностранных языков. 2004. № 2. С. 48–50.
7. Сунь Цзяньчэн, Ли Синья. Китайско-английский перевод веб-страниц с точки зрения коммуникологии: на примере оценки англоязычных веб-страниц музея Гугун // Китайский научно-технический перевод. 2009. Т. 22, № 3. С. 28–31, 4.
8. Се Кэ, Ляо Сюэжу. «Трансляционная коммуникология»: название и сущность // Шанхайский перевод. 2016. № 1. С. 14–18.
9. Инь Фэйчжоу, Ван Цзяди. Новый теоретический взгляд на продвижение китайской культуры за рубежом: четыре модели процесса переводческой коммуникации // Цюсо. 2021. № 2. С. 44–50.
10. Сы Сяньчжу. Повторное исследование модели оценки качества переводного дискурса: функционально-лингвистический подход // Китайский перевод. 2008. № 2. С. 57–60.

AN ANALYSIS OF THE TRANSLATION COMMUNICATION EFFECT OF THE CHINESE-ENGLISH TRANSLATION OF THE «影神图» SECTION IN *BLACK MYTH: WUKONG*

Yin Xiaorong, Hao Kangli, Wang Jiahui

College of Foreign Languages, Xinjiang Normal University

In 2024, the Chinese AAA game *Black Myth: Wukong* attracted widespread attention both in China and abroad due to its high-level game design, technological innovation, and rich cultural content. An important part of the game is the «影神图» (*portraits*) section, which supplements the main storyline, reveals hidden narrative background, and presents stories of various characters. This article analyzes the English translation of this section. To evaluate the effectiveness of translation communication, the study applies the «5R» model and the method of reader/player comment analysis: NVivo is used to identify high-frequency words that reflect the audience's focus and attitudes. Translation quality is examined on the basis of Si Xianzhu's model through shifts in ideational, interpersonal, and textual meanings. By combining translation quality analysis with communication effect analysis, the study evaluates the effectiveness of the English translation and dissemination of the «影神图» section.

Keywords: Translation Communication, *Black Myth: Wukong*, Translation Quality Assessment.

References

1. Yin Feizhou, Yu Chengfa. An Outline of Translation Communication Studies // Journal of Xiangtan University. Series: Philosophy and Social Sciences. 2020. Vol. 44, № 5. Pp. 170–176.
2. Lü Jun. Translation Studies as a Special Field of Communication Studies // Foreign Languages: Journal of Shanghai International Studies University. 1997. № 2. Pp. 40–45.
3. Yin Feizhou, Yu Chengfa, Deng Yingling. Ten Lectures on Translation Communication Studies. Changsha: Hunan Normal University Press, 2021.
4. Liao Qiyi. Translation and Information Theory // Journal of Sichuan International Studies University. 1997. № 3. Pp. 83–87.
5. Lü Jun, Hou Xiangqun. Reflections on Meta-Translation Studies and Research on the Multiplicity of Translation // Foreign Languages: Journal of Shanghai International Studies University. 1999. № 5. Pp. 56–61.
6. Tang Weihua. On the Communicative Nature of the Translation Process // Foreign Language Research. 2004. № 2. Pp. 48–50.
7. Sun Jiancheng, Li Xinya. Chinese-English Translation of Webpages from the Perspective of Communication Studies: A Case Study of the Evaluation of the English Webpages of the Palace Museum // Chinese Science & Technology Translators Journal. 2009. Vol. 22, № 3. Pp. 28–31, 4.
8. Xie Ke, Liao Xueru. «Translation Communication Studies»: Name and Essence // Shanghai Journal of Translators. 2016. № 1. Pp. 14–18.
9. Yin Feizhou, Wang Jiadi. A New Theoretical Perspective on Promoting Chinese Culture Overseas: Four Models of the Process of Translation Communication // Qiushi. 2021. № 2. Pp. 44–50.
10. Si Xianzhu. A Re-examination of the Evaluation Model for the Quality of Translated Discourse: A Functional-Linguistic Approach // Chinese Translators Journal. 2008. № 2. Pp. 57–60.

Исследования воздействия цифровых платформ на рынок труда и появление новых видов нестандартной занятости

Гришаев Александр Константинович,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по направлению
E-mail: grishaevalexander13@gmail.com

Цифровизация экономики оказывает фундаментальное влияние на трансформацию занятости, способствуя формированию новых моделей трудовых отношений. Одной из наиболее заметных форм становится платформенная занятость – вид трудовой деятельности, при котором взаимодействие между исполнителем и заказчиком осуществляется через цифровые платформы. К числу таких форм относятся фриланс, работа через агрегаторы такси и доставки, выполнение микрозадач и краудсорсинг. Эти модели занятости отличаются высокой степенью гибкости, проектным или временным характером, разрозненной трудовой нагрузкой и отсутствием устойчивых трудовых связей.

В статье исследуются социально-экономические и правовые особенности платформенной занятости, ее отличие от стандартной и нестандартной занятости, а также факторы, способствующие ее стремительному росту: развитие цифровых технологий, рост самозанятости, трансформация потребительского поведения и удаленной занятости. Отдельное внимание уделено вопросам правового статуса исполнителей, зависимости от цифровых алгоритмов, отсутствия механизмов коллективной защиты, социальной изоляции работников и ограниченного доступа к социальному страхованию. Указано на усиление цифрового неравенства между участниками платформенного труда и традиционными работниками.

Методологическая основа исследования включает междисциплинарный подход, сравнительно-правовой анализ, а также изучение международной практики регулирования платформенной занятости в странах ЕС, США, Китае, Индии, Великобритании, Австралии и др. Рассматриваются различные модели правового признания платформенных работников: от признания их наемными работниками до создания гибридных правовых категорий. Подчеркивается необходимость разработки сбалансированной правовой и социальной политики, направленной на обеспечение социальной защищенности исполнителей, создание цифровой инфраструктуры для учета занятости и налогообложения, а также формирование механизмов коллективного представительства интересов платформенных работников.

Статья завершает анализ выводами о необходимости баланса между гибкостью цифровых форм занятости и защитой прав исполнителей. Подчеркивается значимость роли государства, цифровых платформ, профсоюзов и экспертного сообщества в выработке устойчивой модели регулирования труда в условиях гиг-экономики.

Ключевые слова: платформенная занятость, цифровая экономика, гиг-экономика, трудовое право, социальная защита, фриланс, агрегаторы, правовой статус, алгоритмическое управление, гибкие формы труда.

Введение

Цифровизация современной экономики не только изменила структуру производственных и потребительских процессов, но и коренным образом повлияла на рынок труда. Одним из наиболее значимых результатов этих изменений стало появление новых форм занятости, прежде всего платформенной, которая существенно отличается от традиционных моделей трудовых отношений. Цифровые платформы, выступающие посредниками между заказчиком и исполнителем, формируют новый тип занятости, в котором ключевыми характеристиками являются гибкость, проектность, высокая мобильность и нестабильность.

Платформенная занятость как новая форма трудовых отношений

Платформенная занятость представляет собой одну из ключевых форм нестандартной занятости, возникшую в результате бурного развития цифровых технологий и интернета. Она подразумевает выполнение работ или оказание услуг, при которых цифровая платформа выступает посредником между исполнителем – так называемым гиг-работником – и заказчиком. Управление трудом в рамках таких отношений осуществляется преимущественно при помощи алгоритмов [2]. Именно алгоритмические механизмы определяют приоритетность заказов, рейтинг исполнителя, доступ к заданиям, условия оплаты и даже возможность блокировки аккаунта, фактически контролируя все аспекты занятости, при этом не признавая официальных трудовых отношений между платформой и исполнителем.

Цифровые платформы, участвующие в организации такого труда, могут различаться по видам предоставляемых услуг. Одни специализируются на локальных задачах – это сервисы такси, курьерской доставки, клининга и мелкого ремонта, как, например, «Яндекс.Такси», «Delivery Club», «Самокат», «YouDo». Другие платформы предлагают работу в сфере удаленного труда: программирование, копирайтинг, дизайн, маркетинг и другие направления, представленные на сайтах вроде «Upwork», «Freelancer», «Kwork» и «FL.ru». Отдельный сегмент составляет микротруд и краудсорсинг, где исполнители занимаются аннотированием данных, модерацией контента или иными мелкими задачами – типичными примерами здесь

выступают «Amazon Mechanical Turk» и «Яндекс.Толока». В дополнение к ним существуют платформы облачного взаимодействия для работы в распределенных командах, такие как «Toptal», «Clickworker» и «TaskRabbit». Несмотря на различия в функциях, все эти платформы объединяет общая логика организации труда: отсутствие традиционного работодателя и возложение всех рисков на работника [1].

Платформенная модель труда характеризуется рядом признаков, отражающих нестабильность и уязвимость положения исполнителя. Это отсутствие фиксированного графика, выполнение разрозненных краткосрочных заданий, оплата только за результат, а не за процесс, односторонняя ответственность исполнителя при невозможности защитить свои интересы или обжаловать действия платформы. Кроме того, алгоритмическое управление процессом работы непрозрачно, работник не имеет доступа к логике принятия решений и не может повлиять на правила игры [3]. Коллективная защита интересов через профсоюзы либо невозможна, либо сведена к минимуму.

Для лучшего понимания места платформенной занятости в современной системе трудовых отношений полезно обратиться к сравнительной таблице, в которой сопоставлены основные формы занятости по ключевым характеристикам (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение основных форм занятости

Критерий	Стандартная занятость	Нестандартная занятость	Платформенная занятость
Правовой статус	Работник по ТК РФ	Самозанятый, подрядчик (ГПХ)	Самозанятый / неформальный
Социальные гарантии	Пенсия, отпуск, больничный, декрет	Частично предусмотрены	Отсутствуют или добровольные
Устойчивость дохода	Стабильная зарплата	Зависит от объема работ	Переменный доход, зависящий от заказов
Коллективная защита	Доступна через профсоюзы	Ограничена	Отсутствует или неформальна
Подотчетность	Работодатель	Частично	Алгоритмы и рейтинги
Контроль условий труда	Работодатель	Частично	Платформа (алгоритмический контроль)
График и место работы	Фиксированные	Гибкие	Абсолютная гибкость
Юридическое регулирование	Трудовое законодательство	Гражданское законодательство	Между трудовым и гражданским правом

Из таблицы видно, что платформенная занятость занимает промежуточное положение между стандартной и нестандартной формами труда, но с явным уклоном в сторону правовой и социальной незащищенности. Исполнитель не обладает статусом наемного работника, однако и не получает в полной мере преимуществ самостоятельного предпринимателя. В отличие от стандартной занятости, здесь нет механизма стабильного дохода, нет доступной социальной поддержки и практически отсутствуют каналы коллективной защиты.

Одним из немногих преимуществ платформенной занятости является высокая степень гибкости. Возможность самостоятельно выбирать задания, регулировать нагрузку и совмещать несколько источников дохода делает эту форму занятости привлекательной для определенных категорий населения – студентов, женщин с детьми, лиц с ограниченными возможностями здоровья, жителей удаленных регионов [2]. Однако эта гибкость нередко оборачивается структурной уязвимостью. Работники не имеют доступа к оплачиваемым отпускам, больничным и другим социальным гарантиям. Их аккаунты могут быть в любой момент заблокированы без объяснения причин, при этом отсутствуют эффективные механизмы обжалования подобных действий.

Одной из наиболее острых проблем остается правовая неопределенность статуса платформенных работников. В большинстве случаев платформы оформляют отношения с исполнителями через договоры гражданско-правового характера или регистрируют их как самозанятых, что освобождает платформы от социальных обязательств. На практике это означает, что платформа не несет ответственности за безопасность труда, не делает страховые отчисления и не предоставляет социальных гарантий. Работники не могут обращаться в трудовую инспекцию или объединяться для коллективной защиты, так как юридически не являются наемными сотрудниками.

Особую обеспокоенность вызывает растущая зависимость от алгоритмов. Алгоритмы, управляя трудом, автоматически распределяют заказы, рассчитывают оплату, формируют рейтинг и могут влиять на видимость работника в системе. Эти процессы непрозрачны и односторонни, а решения машины не подлежат обсуждению или апелляции. В результате возникает эффект «цифрового отчуждения», при котором человек становится полностью зависимым от цифровой среды, не имея возможности влиять на свои условия труда и не зная, по каким критериям оценивается его деятельность.

Факторы роста платформенной занятости

Рост платформенной занятости объясняется совокупностью социальных, технологических и эко-

номических факторов, которые в последние годы стремительно трансформируют рынок труда. Одним из ключевых драйверов стало развитие цифровых технологий, включая широкое распространение мобильного интернета, рост вычислительных мощностей, совершенствование цифровых интерфейсов и появление специализированных приложений, позволяющих легко и быстро находить работу через онлайн-платформы. Эти технологические сдвиги упростили взаимодействие между заказчиками и исполнителями, сделали возможным автоматическое распределение заданий и внедрение алгоритмического контроля над трудом.

Одновременно наблюдается устойчивый рост самозанятости как альтернативной, более гибкой формы трудовой активности. Все больше людей стремятся работать вне рамок традиционного трудового договора, получая возможность самостоятельно определять свой график, количество заказов и направления деятельности [7]. Платформенная занятость в этом контексте становится удобным способом совмещения нескольких источников дохода, особенно для студентов, родителей, фрилансеров, а также жителей удаленных или малонаселенных регионов, где доступ к формальной занятости ограничен.

Не менее важным фактором стали изменения в потребительском поведении. Современные потребители ориентированы на скорость, удобство, индивидуальный подход и круглосуточную доступность услуг. Платформенные сервисы позволяют удовлетворять эти запросы, обеспечивая моментальное подключение к нужному исполнителю через мобильное приложение. Это, в свою очередь, стимулирует спрос на гиг-работу, создавая устойчивый рынок краткосрочной занятости.

Особую роль в ускорении процессов цифровизации труда сыграла пандемия COVID-19, которая в 2020–2021 годах резко сместила акцент в сторону удаленной работы и вынудила миллионы людей искать альтернативные формы занятости. В условиях локдаунов, экономической нестабильности и массового закрытия предприятий платформенные сервисы стали спасением для многих, предложив работу без необходимости физического присутствия или трудоустройства по классическим схемам [4].

Наконец, общая тенденция снижения доли формальной занятости и распространения так называемой гиг-экономики, основанной на краткосрочных контрактах и разовых заданиях, постепенно меняет саму структуру рынка труда. Все больше работодателей стремятся минимизировать издержки и избегать долгосрочных обязательств, прибегая к услугам внештатных работников через цифровые платформы. Это приводит к росту числа людей, вовлеченных в нестандартные, гибкие, но одновременно уязвимые формы занятости,

к числу которых относится и платформенная модель труда.

Социально-правовые риски

Платформенная занятость порождает целый ряд социально-правовых рисков, которые становятся серьезным вызовом как для национальных систем трудового права, так и для социальной политики в целом. Одной из наиболее острых проблем является правовой вакуум, связанный с отсутствием четкого юридического статуса платформенных работников. В большинстве случаев они не признаются наемными работниками, не имеют трудового договора и не подпадают под защиту трудового законодательства [5]. Это дает платформам возможность формально дистанцироваться от роли работодателя, перекладывая все риски и обязательства на самого исполнителя.

Усугубляет ситуацию широкое распространение алгоритмического управления, при котором цифровая платформа полностью контролирует условия труда: она определяет цену задания, распределяет заказы, устанавливает рейтинговые показатели, на основе которых исполнитель получает доступ к работе или, напротив, может быть отстранен от нее. Эти процессы происходят непрозрачно, без возможности обжалования или участия работника в принятии решений. Такая цифровая модель управления снижает автономию человека, превращая его в исполнителя в рамках системы, где ключевые параметры взаимодействия задает алгоритм [2].

Отсутствие социальной защиты – еще один важный риск. Платформенные работники, как правило, не имеют доступа к системе социального страхования: они не получают пенсионных отчислений, не имеют оплачиваемых больничных или декретных отпусков. При утрате трудоспособности или временной нетрудоспособности они оказываются без поддержки, что особенно опасно для людей, для которых такая занятость является основным источником дохода. На практике это создает массовую категорию уязвимых работников, лишенных элементарных гарантий и поддержки со стороны государства [6].

Социальная изоляция – еще одна характерная черта платформенного труда. В отличие от работников, объединенных в трудовые коллективы, исполнители платформ работают разрозненно, не имеют постоянного места работы, не состоят в профсоюзах и не могут вести коллективные переговоры с работодателем. Такая изоляция затрудняет формирование профессиональной идентичности и защищенности, лишает их возможности отстаивать свои интересы.

К этому добавляется феномен цифрового неравенства, при котором платформа предоставляет исполнителям гораздо меньше возможно-

стей, чем формальным работникам, работающим по трудовому договору. Доступ к заказам и оплате, рейтинг, возможность заработка – все это зависит от алгоритмических параметров, которые недоступны для регулирования и обсуждения. Например, курьеры крупных сервисов доставки в мегаполисах часто работают по 10–12 часов в день, не имея при этом ни официального трудового договора, ни медицинской страховки, ни какой-либо поддержки в случае болезни или несчастного случая на маршруте. Все риски – погодные условия, ДТП, травмы, простои – ложатся исключительно на самого исполнителя. Все это делает платформенную занятость не только нестабильной, но и потенциально опасной в социальном и правовом измерении.

Международные подходы к регулированию

Во многих странах мира государственные органы и судебные инстанции ищут способы адаптировать существующее трудовое законодательство к новым реалиям платформенной экономики. Поскольку традиционные правовые конструкции не охватывают уникальные особенности таких трудовых отношений – гибкость, цифровое посредничество, отсутствие прямого работодателя, – создаются новые подходы к регулированию [8]. Ниже представлена таблица, отражающая основные модели регулирования в ряде стран (табл. 2).

Таблица 2. Международные подходы к регулированию платформенной занятости

Страна	Модель регулирования
Испания	Признание курьеров и водителей работниками (закон о «райдерах», 2021 г.)
Великобритания	Введение промежуточной категории «worker» с частичными трудовыми правами
Германия	Акцент на коллективные соглашения между платформами и исполнителями
Франция	Платформы заключают договоры на оказание услуг с добровольным соцпакетом
США	Судебные споры о статусе работников (дело Uber в Калифорнии и др.)
Индия, Китай	Внедрение цифровых реестров занятости и создание государственной платформенной инфраструктуры

Эта таблица демонстрирует, что универсального подхода пока не существует: страны выбирают те модели, которые наиболее соответствуют их социальным, правовым и экономическим условиям. Испания пошла по пути прямого включения курьеров и водителей в сферу действия трудового законодательства, официально признав их наемными работниками с полным набором прав и гарантий. Великобритания, напротив, создала промежуточ-

ную категорию – «worker», что позволяет предоставить платформенным занятым частичные трудовые права, такие как отпуск, минимальная зарплата и защита от необоснованного увольнения, не приравнивая их полностью к классическим работникам.

Германия делает ставку на коллективные соглашения и диалог между платформами и представителями исполнителей, включая профсоюзы, что дает возможность гибко учитывать особенности конкретных отраслей. Франция предлагает более мягкий вариант: исполнители формально остаются самозанятыми, но платформы добровольно включают в договор социальные гарантии, что делает такую модель промежуточной между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями.

В США регулирование идет преимущественно через судебную практику. Самым известным примером стало дело Uber в Калифорнии, где власти пытались обязать компанию признавать водителей штатными работниками, но столкнулись с противодействием со стороны бизнеса и даже референдумом, который отменил соответствующий закон (Proposition 22). Индия и Китай, с их масштабными цифровыми экосистемами, делают ставку на создание цифровых реестров исполнителей и запуск государственных платформ, которые могут обеспечивать контроль и базовую защиту [5].

Следовательно, международная практика показывает разнообразие стратегий – от полной интеграции в трудовое право до гибридных решений, учитывающих специфику платформенной экономики. Это подтверждает необходимость разработки адаптивных и многоуровневых механизмов регулирования, которые могут быть применимы и в российской правовой системе.

Перспективы для России

В России платформенная занятость продолжает развиваться в условиях правовой неопределенности, что порождает социальные и юридические риски как для самих исполнителей, так и для государства. В настоящее время отсутствует четкое законодательное определение платформенного труда, а большинство исполнителей оформляются как самозанятые или работают неформально, вне системы социального страхования [1]. В перспективе необходима выработка специального правового статуса для платформенных работников, который учитывал бы специфику алгоритмического управления, гибкого графика и эпизодического характера занятости. Такой статус мог бы предусматривать минимальный социальный пакет, включающий базовую медицинскую помощь, пенсионные накопления и страхование от несчастных случаев [2]. Кроме того, целесообразно внедрение цифровой системы учета исполнителей и налогообложения,

позволяющей учитывать занятость в гиг-экономике и обеспечивать прозрачность взаимодействия между платформами, исполнителями и государственными органами.

Одним из направлений развития может стать признание определенных элементов платформ как работодателя – особенно в тех случаях, когда платформа устанавливает правила, контролирует качество выполнения задач и влияет на доступ к заказам. Это позволило бы ввести часть трудовых гарантий без необходимости полной формализации отношений по Трудовому кодексу. Также стоит стимулировать развитие коллективных форм представительства интересов – цифровых профсоюзов, ассоциаций исполнителей и других механизмов самозащиты [6]. Это особенно актуально в условиях, когда каждый исполнитель действует в одиночку и практически не имеет возможностей для переговоров или защиты своих прав. Программа самозанятости, действующая в России, может быть расширена с учетом особенностей платформенного труда, обеспечив включение таких работников в систему социального страхования и поддержку их предпринимательской деятельности. В целом, перспективы регулирования платформенной занятости в России связаны с необходимостью гибкого и многоуровневого подхода, сочетающего цифровые инструменты управления, защиту базовых прав исполнителей и стимулирование инновационной экономики.

Заключение

Цифровизация труда порождает необходимость обновления социальной и правовой модели занятости. Платформенная занятость, как наиболее яркое проявление гиг-экономики, демонстрирует как значительный потенциал для повышения гибкости рынка труда и экономической активности населения, так и существенные вызовы в сфере правовой защищенности и социальной справедливости. Она становится особенно актуальной в контексте трансформации форм занятости, стирания границ между трудом и услугой, между работником и самозанятым.

Участие в платформенном труде позволяет миллионам людей, особенно в периферийных регионах, получить доступ к заработку, избегая традиционных барьеров на рынке труда. Однако эта же модель приводит к фактической утрате стандартных гарантий, закрепленных в трудовом законодательстве: стабильной оплаты, отпусков, больничных, охраны труда и механизмов коллективной защиты. Алгоритмы, управляющие платформами, подменяют собой работодателя, при этом лишая исполнителя реальных рычагов влияния и возможности защитить свои интересы.

В этих условиях государству предстоит не просто реагировать на вызовы, но формировать про-

активную политику, основанную на гибридных моделях регулирования, новых институтах коллективного представительства и использовании цифровых инструментов контроля и учета. Только сбалансированный подход, учитывающий интересы всех сторон – платформ, исполнителей, потребителей и общества в целом, – позволит избежать нарастания социальной поляризации, эрозии трудовых прав и формирования нового цифрового «пролетариата». Платформенная занятость требует не запрета или полного подчинения классическим нормам ТК, а создания собственной нормативной рамки, способной обеспечить справедливость в условиях стремительно меняющегося рынка труда.

Литература

1. Гребенщиков А. В., Дивеева Н.И., Кузьменко А.В. Трудовые отношения с онлайн-агрегатором: завтрашняя реальность? // Ежегодник трудового права. 2020. Вып. 10. С. 53–66 (in Russ.).
2. Капелюшников Р. И., Зинченко Д.И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 107–129. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2782 (in Russ.).
3. Коршунова Т. Ю., Мочная О.В. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Ежегодник трудового права. 2022. Вып. 12. С. 76–91. DOI: 10.21638/spbu32.2022.107 (in Russ.).
4. Сидоренко Е. Л., Шевелева С.В., Комова Е.Ю. Преобразование правового статуса работников цифровых платформ // Digital Economy and the New Labor Market: Jobs, Competences and Innovative HR Technologies. Samara: Springer Cham, 2021. С. 541–551. DOI: 10.1007/978-3-030-60926-9_46 (in Russ.).
5. Терещенко Л., Стародубова О., Назаров Н. Digital Platforms in the Focus of National Law // Legal Issues in the Digital Age. 2024. Vol. 5. № 2. P. 148–169. DOI: 10.17323/2713-2749.2024.2.148.169 (in Eng.).
6. Чесалина О. Социальные и трудовые права «новых» самозанятых лиц (и в частности самозанятых работников платформ) в России // Russian Law Journal. 2020. Т. 8. № 2. С. 49–78.
7. Sergeeva M., Razumova T., Zabelina O. Challenges of platform employment development in BRICS countries // BRICS Journal of Economics. 2024. 5:125. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e136477.
8. Yushchenko N. A., Gumerova E.F. Regulation of Digital Platforms in Russia: A Glimpse into the Future // Advances in Economics, Business

and Management Research. 2020. P. 960–965.
DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.158 (in Eng.).

RESEARCH ON THE IMPACT OF DIGITAL PLATFORMS ON THE LABOR MARKET AND THE EMERGENCE OF NEW TYPES OF PRE-STANDARD EMPLOYMENT

Grishaev A.K.
RANEPA

The digitalization of the economy has a fundamental impact on the transformation of employment, contributing to the emergence of new models of labor relations. One of the most prominent forms is platform-based employment – a type of work activity in which interaction between the worker and the client is mediated by digital platforms. This includes freelance work, employment through ride-hailing and delivery aggregators, microtask performance, and crowd-sourcing. These employment models are characterized by a high degree of flexibility, project-based or temporary nature, fragmented workloads, and a lack of stable employment ties.

This article explores the socio-economic and legal features of platform-based employment, its distinction from standard and non-standard forms of employment, as well as the factors contributing to its rapid expansion: the development of digital technologies, the rise of self-employment, changing consumer behavior, and the growth of remote work. Particular attention is paid to issues related to the legal status of platform workers, dependence on digital algorithms, lack of mechanisms for collective protection, social isolation, and limited access to social insurance. The study highlights the growing digital divide between platform workers and traditional employees.

The methodological basis of the research includes an interdisciplinary approach, comparative legal analysis, and a study of international regulatory practices in the field of platform-based employment in the EU, the United States, China, India, the United Kingdom, Australia, and other countries. Various legal recognition models for platform workers are examined – from classifying them as employees to establishing hybrid legal categories. The article emphasizes the need to develop a balanced legal and social policy aimed at ensuring workers' social protection, creating a digital infrastructure for employment tracking and taxation, and establishing mechanisms for collective representation of platform workers' interests.

The article concludes with the assertion that a balance must be struck between the flexibility of digital employment forms and the protection of workers' rights. The role of the state, digital platforms, trade unions, and the expert community is emphasized in the development of a sustainable regulatory model for labor in the gig economy.

Keywords: platform-based employment, digital economy, gig economy, labor law, social protection, freelance, aggregators, legal status, algorithmic management, flexible forms of labor.

References

1. Chesalina O. Social and labour rights of «new» self-employed persons (including platform workers) in Russia. *Russian Law Journal*, 2020: 8(2): 49–78 (in Eng.).
2. Grebenshchikov A. V., Diveeva N. I., Kuzmenko A. V. Labor relations with an online aggregator: tomorrow's reality? *Ezhgodnik trudovogo prava*, 2020: 10: 53–66 (in Russ.).
3. Kapeliushnikov R. I., Zinchenko D. I. Digital forms of employment in the Russian labor market. Part II. Platform employment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2025: 1: 107–129 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2782.
4. Korshunova T. Yu., Mochnaya O. V. The influence of platform employment on changing perceptions of employee and employer. *Ezhgodnik trudovogo prava*, 2022: 12: 76–91 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu32.2022.107.
5. Sergeeva M., Razumova T., Zabelina O. Challenges of platform employment development in BRICS countries. *BRICS Journal of Economics*, 2024: 5: 125. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e136477.
6. Sidorenko E. L., Sheveleva S. V., Komova E. Y. Transformation of the Legal Status of Digital Platform Employees. In *Digital Economy and the New Labor Market: Jobs, Competences and Innovative HR Technologies*. Springer, Cham, 2021: 541–551 (in Russ.). DOI: 10.1007/978-3-030-60926-9_46.
7. Tereschenko L., Starodubova O., Nazarov N. Digital Platforms in the Focus of National Law. *Legal Issues in the Digital Age*, 2024: 5(2): 148–169 (in Eng.). DOI: 10.17323/2713-2749.2024.2.148.169.
8. Yushchenko N. A., Gumerova E. F. Regulation of Digital Platforms in Russia: A Glimpse into the Future. *Proceedings of MTDE 2020, Advances in Economics, Business and Management Research*, 2020: 960–965 (in Eng.). DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.158.

Развитие понятия автокефалии в Константинопольской и Русской православных церквях

Карпов Леонид Игоревич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

E-mail: karpov.00.3.4@list.ru

Работа посвящена рассмотрению развития понятия автокефалии в православной традиции. Рассматривается происхождение данного понятия, его изначальное значение. Делается акцент на современных разногласиях в понимании автокефалии Русской и Константинопольской православными церквями. Рассматривается связь автокефалии с понятием пентархии в греческой традиции. Делается вывод о предстоящем сложном процессе урегулирования раскола, связанного с различным пониманием автокефалии в частях православного мира.

Ключевые слова: христианство, православие, автокефалия, история церкви, каноны, каноническое право, пентархия, Константинопольская православная церковь, Русская православная церковь.

В современном православном мире вопрос о независимости Поместных церквей является одним из самых актуальных. На фоне политических и социальных потрясений изменяется и сложившаяся практика административной организации церквей. До сих пор со стороны разных православных церквей не существует единого и однозначного понимания процессов, приводивших к образованию или упразднению автокефалий. Изменения, происходящие в православном мире, хорошо заметны на примере процедуры предоставления Константинопольской православной церковью автокефалии Православной церкви Украины в 2018–2019 гг. В других частях православного мира вопрос об автокефалии также периодически возникает: можно вспомнить предоставление автокефалии сначала Константинопольской, а затем Сербской церквями Македонской православной церкви в 2022 г. Вопрос об автокефалии остается дискуссионным и острым со второй половины XIX века и до наших дней.

Автокефалия является сугубо православным понятием. В западной христианской традиции такого принципа не сложилось, поскольку там была сильна власть Папы Римского. Однако до Великого раскола 1054 года Римская церковь считалась на востоке одной из автокефальных церквей. Само появление автокефалии было связано с удобством церковного управления, поэтому автокефалия не носит догматического характера.

Отдельно необходимо отметить разницу подходов Константинопольского патриархата и остальных православных церквей. Константинополь различает статус 4-х древних патриархатов и «новых» автокефальных церквей, самостоятельных, но не стоящих в одном ряду с первыми, что исходит из понятия «Пентархия». Другие православные церкви, в особенности славянские и «новые», видят автокефалию, как равноправие Поместных церквей. Такое разное понимание основополагающего принципа церковной административной организации придает актуальность и значимость изучению данного вопроса не только с богословских, но и с религиозно-научных позиций, поскольку возрастающая политизация отдельных аспектов церковной жизни требует светского религиозно-научного осмысления.

Изучение проблемы автокефалии неразрывно связано с богословским учением о церкви. Труды отцов Церкви содержат богословские осно-

вания автокефалии. Несмотря на то, что полнота церковной жизни возникает в апостольские времена, учение о церкви – еклесиология – формируется позже, как ответ на возникающие еретические, с точки зрения христианства, учения. Современные исследователи также обращаются к вопросу об автокефалии. Стоит отметить работы прот. В. Цыпина по каноническому праву, работы А.И. Кырлежева и П.В. Ермилова, пособия по истории Поместных православных церквей К.Е. Скурата и В.С. Блохина.

Термин «автокефалия» не встречается ни в Священном Писании, ни в сводах канонов Вселенских Соборов. До XIII века он определял те архиепископии, которые были подчинены напрямую патриарху, не подчиняясь при этом главе митрополии – митрополиту [4, с. 24]. Епископ Никодим (Милаш) указывал, что титул «автокефалы» относился к епископам, которые имели под своей властью несколько епархий и обладали полнотой этой власти, вне зависимости от иных церковных иерархов [5, с. 292]. В современном значении термин «автокефалия» впервые появляется в VI веке в труде Феодора Чтеца «Церковная история», где автор описывает получение самостоятельности Кипрской церковью: «киприоты добились того, чтобы их митрополия стала автокефальной и перестала подчиняться Антиохии» [10].

Тем не менее, как было сказано выше, полнота церковной жизни появляется в апостольские времена. Административная самостоятельность была изначально присуща каждой отдельной поместной церкви. Церкви, основанные апостолами, обладали независимостью, в том числе, из-за географического положения. Они основывались апостолами в важнейших городах и провинциальных столицах Римской империи. Благодаря такому расположению и активной проповеди членов апостольских церквей, вокруг них образовывались другие христианские общины, которые чтили эти церкви как своих матерей и признавали их авторитет над собой. В итоге большинство древних митрополий – обычно соответствовавших римским провинциям – являлись автокефальными церквами в современном значении.

Упорядочивание церковного управления происходит в эпоху Вселенских соборов. Так, 2-е правило II Вселенского собора гласит: «Епископы, управляющие диоцедами, да не простирают своей власти на Церкви за пределами своего округа» [6, с. 78]. По указанию прп. Никодима Святогорца, это правило появилось из-за необходимости пресечь практику, распространившуюся во времена гонений, когда епископ вполне мог действовать за пределами своего округа. В мирное же для церкви время появляется это правило, касающееся и так называемых «автокефальных митрополитов» (см. ранее), и патриархов.

Несмотря на изложенное правило, и даже вопреки ему, в эпоху Вселенских Соборов произошла консолидация почти всех поместных Церквей вокруг главнейших городов, чьи архиереи получили титул патриархов. При Юстиниане Великом в VI веке была выражена формула устройства православной церкви как пентархии – «пятивластия» патриархов. Этой формулы до сих пор придерживаются некоторые греческие богословы.

Стоит отдельно остановиться на пентархии. Прот. А. Новиков определяет современное понимание пентархии как «учение об особой власти, полномочиях, прерогативах в рамках всей Вселенской Церкви пяти древних Патриархов: Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского» [7]. В его трактовке это коллегиальный орган, члены которого имеют расширенные права. Эти права так и не были определены, потому что в полном составе собор «пентархов», тем более, включая римского папу, никогда не собирался. Такое видение пентархии не соответствует ее историческому пониманию. Прот. А. Новиков также указывает, что именно пять патриархатов возникли в результате процессов, связанных с формированием административно-территориальной структуры Вселенской церкви. Структура церковного управления складывалась под влиянием не только сугубо церковных, но и гражданских факторов, а именно, административно-территориального деления Римской империи. Если в эпоху Вселенских соборов под единством обозначенных пяти патриархатов понималось единство всего православного мира, то в современной трактовке пентархии делается акцент именно на пяти патриархатах с некими особыми правами.

Изменения в понимании термина «автокефалия» происходят после эпохи вселенских соборов. Акцент смещается с объяснения причин существования автокефальных церквей на выяснение метода их обособления (что сохраняется и по сей день). С появлением концепции национального государства в конце XVIII века, автокефалия местной церковной области стала пониматься как специфический атрибут государственности и национальности. Без собственной автокефальной церкви новоявленные национальные движения на Балканах стали мыслить свои проектируемые государства ущербными, не вполне независимыми. Они соотносили независимость от Османской империи с независимостью их православных церквей от Константинопольского патриархата.

В XIX веке независимость национального государства стала зачастую представляться новым качественным измерением автокефалии. Независимость государства стала зачастую выдвигаться как причина для автокефалии, а в ряде случаев – как ее предполагаемое последствие. Прот. А. Шмеман видит здесь опасную тенденцию: «из-

вращенный и болезненный национализм, ничего общего не имеющий с подлинно христианским отношением к своему народу, есть настоящая ересь в недрах Православной церкви, действительно угрожающая делу спасения» [11, с. 125]. Современное болезненное переживание «автокефалии» и перенесение на нее категорий международного права прот. А. Шмеман связывает с национализмом и попранием основ церкви, «в которой нет ни эллина, ни иудея». Здесь прот. А. Шмеман излагает «греческий» взгляд на автокефалию, предупреждая об опасности этнофилетизма. Однако, так же, как и с формулой пентархии, соответствие церковного устройства светскому делению на национальные государства никогда не было вполне воплощено в жизнь.

Такой акцент на связи автокефалии с национальным государством во многом породил иные тенденции в понимании автокефалии в греческом православном мире. В противовес пониманию автокефалии, как независимой, или даже «суверенной» церкви, Константинопольский патриархат переосмысливает учение о пентархии. Теперь оно становится основанием для иерархии автокефальных церквей. Греческий богослов митр. Максим (Цаусис) писал от том, что «история и давние традиции Церкви создали и закрепили практику «иерархии чести», отрицание ее во имя непродуманного «равенства» есть преднамеренная и подрывная подмена подлинной соборности «демократического» равенства» [2, с. 453]. Такое понимание автокефалии представляет собой своеобразный «противоположный уклон». Константинопольский патриархат, не будучи «национальной», но «пентархийной» церковью (используется типология А.И. Кырлежева [3, с. 79]), видит себя не просто первым среди равных, но высшей апелляционной инстанцией, помогающей «младшим» церквям решать их проблемы, при этом иерархически довлея над ними.

Более того, Вселенский патриарх присваивает себе и право экстерриториальной апелляции, которое в последние годы все чаще использует. Опирается он при этом на 9-е правило IV Вселенского Собора, но прп. Никодим Святогорец указывает со ссылкой на Зонару, что «Константинопольский Патриарх поставляется судьей не над всеми без исключения митрополитами, а только над подчиненными ему» [6, с. 149]. Помимо этого, экстерриториальная апелляция прямо противоречит 5-му правилу I Вселенского Собора: «Чтобы тех, кого одни отлучили, другие не принимали» [6, с. 26].

Автокефалия, таким образом, мыслится Константинополем как то, что только Константинопольский патриарх может даровать. Митр. Иоанн (Зизиулас) предпринимает попытки осмысления идеи первенства Вселенского Патриарха на основе тринитарного богословия – а именно учения о монархии Отца. Если кратко сформулировать

суть этого учения, то можно сказать, что митр. Иоанн утверждает, что «как Бог-Отец является единственной причиной ($\alpha\ \tau\iota\upsilon\nu$) Сына и Духа, так и Вселенский Патриархат является единственной причиной других Поместных Церквей, единственной Церковью, которая может «рождать» новые автокефальные Церкви» [4, с. 28].

В Русской Православной Церкви такое расширенное толкование 28-го правила называют «восточным папизмом» (что явно не располагает к налаживанию отношений). Согласно официальной позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви, каноны не наделяют первенствующего Патриарха какими-либо общецерковными полномочиями [8]. В связи с этим по-другому понимается и процедура предоставления автокефалии: автокефалия может быть предоставлена Церкви в трех случаях: во-первых, происхождение непосредственно от апостолов, во-вторых, происхождение по решению Вселенского Собора и в третьих, происхождение по решению Собора Поместной Церкви, который может как провозгласить автокефальной какую-либо часть этой Церкви, так и отказаться от автокефалии, присоединившись к другой автокефальной Церкви [9, с. 37]. Здесь вообще не присутствует Вселенский Патриарх, но каждая Поместная Церковь может предоставлять автокефалию своей части соборным решением.

Позиция Русской Православной Церкви по вопросу автокефалии достаточно размытая. Патриарх Кирилл в 2016 г. заявлял, что документа, который бы регламентировал предоставление автокефалии, до сих пор нет, поэтому проект документа должен быть разработан и вынесен на всеправославный собор. Патриарх Кирилл отмечает: «В первую очередь должно быть получено согласие Церкви-Матери, затем – достигнут общеправославный консенсус. После этого издается томос об автокефалии, подписываемый Предстоятелями всех существующих общепризнанных автокефальных Церквей» [1]. Сама процедура предоставления автокефалии была выработана еще в 2009 г. на IV межправославном совещании в Шамбези, но вопросы о самом содержании Томоса об автокефалии и способах его подписания были отложены до следующего совещания. На следующем совещании в Шамбези, в 2015 г., вопросы об автокефалии так и не были обсуждены, а во Всеправославном Соборе 2016 г. на Крите Русская православная Церковь не участвовала.

В завершение работы нельзя не обратить внимание на мнение еп. Мефодия (Зинковского). В своей статье «Понятие автокефалии: исторический контекст и современные коннотации» он приходит к выводу, что термин «автокефалия» в своих крайних трактовках, искажая догматическое сознание, что само по себе разрушает душу, приводит в жизни к необоснованным притязаниям на пер-

венство одной Поместной церкви над остальными. Он предлагает вовсе отказаться от него и рассмотреть другие альтернативные термины: Автономия (α τονομία), Автэксия (α τεξούσια, буквально «самовластие», вместо «самовозглавления»), Автопростои́тность (α τοπρόστασις) и Автоипоста́нность (α τοὑπόστασις) [4, с. 32]. Такой радикальный подход видится одним из методов уврачевания раскола между Русской и Константинопольской церквями, но применение его в современном православном мире вряд ли представляется возможным. Сложно представить отказ Константинопольского патриархата в одностороннем порядке от термина «автокефалия» и от учения о пентархии. Для обсуждения подобных вопросов необходим созыв всеправославного собора, что в ближайшей перспективе кажется иллюзорным.

Таким образом, понятие «автокефалия» в современном православном мире имеет иные акценты, чем в своем исконном значении. Будучи изначально операциональным термином, обозначающим административную независимость одной церкви от другой в делах церковного управления, автокефалия стала для некоторых поместных церквей или фундаментальной категорией существования, или исключительным правом. Безусловно, здесь имеет значение исторический и политический контекст. Но на сегодняшний день автокефалия стала одной из главных причин раскола в православном мире, и уврачевание этого раскола видится сложным и длительным процессом, связанным со взаимными уступками.

Литература

1. Доклад Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2 февраля 2016 года // Православие и мир. URL: <https://www.pravmir.ru/doklad-patriarha-kirilla-na-arhiereyskom-sobore-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-2-fevralya-2016-goda/> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Ермилов П.В. Современная позиция Константинопольского патриархата по вопросу о первенстве в Церкви в свете предшествующей традиции греческого богословия XV–XX вв.: Дисс. ... д. теологии 5.11.1., 5.11.2. / П.В. Ермилов. – М., 2025. – 648 с.
3. Кырлежев А.И. Мировое православие: типология автокефальных церквей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 1 (34). – с. 74–101.
4. Мефодий (Зинковский), иером. Понятие автокефалии: исторический контекст и современные коннотации // Платоновские чтения: Сборник материалов. – М.: Перервинская духовная семинария, 2006. – / 12 ежегодные Платоновские чтения (1 декабря 2022). – 2023. – с. 23–33.

5. Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право. СПб.: издание В.В. Комарова, 1897. – 708 с.
6. Никодим Святогорец, прп. Пидалион. Правила Православной Церкви с толкованиями. В 4 т. Т. 2. Правила Вселенских соборов. Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Новотихвинского женского монастыря, 2019. – 424 с.
7. Новиков А., прот. «Пентархия» – исторический прецедент, а не экклезиологическая истина // Православие.ру. URL: <https://pravoslavie.ru/48231.html> (дата обращения: 23.03.2025).
8. Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. [Электронный ресурс] // Русская православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 08.03.2025).
9. Троицкий С.В. О церковной автокефалии // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – № 7. – С. 33–54.
10. Феодор Чтец. Церковная история // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feodor_Chtec/tserkovnajaistorija/ (дата обращения: 13.03.2025).
11. Шмеман А., прот. О «неопапизме» // Шмеман А., прот. Церковь и церковное устройство. Сборник статей. – М.: ГРАНАТ, 2018. – С. 108–128.

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF AUTOCEPHALY IN THE CONSTANTINOPLE AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCHES

Karpov L.I.

Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

This work is devoted to the development of the concept of autocephaly in the Orthodox tradition. The origin of this concept and its original meaning are examined. The focus is on the current disagreements in the understanding of autocephaly by the Russian and Constantinople Orthodox Churches. The connection between autocephaly and the concept of pentarchy in the Greek tradition is explored. The conclusion is drawn about the upcoming complex process of healing the schism caused by different interpretations of autocephaly in different parts of the Orthodox world.

Keywords: Christianity, orthodoxy, autocephaly, church history, canons, canon law, pentarchy, Constantinople orthodox church, Russian orthodox church.

References

1. Patriarch Kirill's Report at the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, February 2, 2016 // Pravoslavie i mir. URL: <https://www.pravmir.ru/doklad-patriarha-kirilla-na-arhiereyskom-sobore-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-2-fevralya-2016-goda/> (Accessed: March 20, 2022).
2. Ermilov P.V. The Current Position of the Patriarchate of Constantinople on the Issue of Primacy in the Church in Light of the Previous Tradition of Greek Theology of the 15th–20th Centuries: Diss. ... Doctor of Theology 5.11.1., 5.11.2. / P.V. Ermilov. – Moscow, 2025. – 648 p.
3. Kyrlezhev A.I. World Orthodoxy: A Typology of Autocephalous Churches // State, Religion, Church in Russia and Abroad. – 2016. – № 1 (34). – pp. 74–101.

4. Hieromonk Methodius (Zinkovsky). The Concept of Autocephaly: Historical Context and Modern Connotations // Plato's Readings: A Collection of Materials. – Moscow: Perervinskaya Theological Seminary, 2006. – / The 12th Annual Plato's Readings (December 1, 2022). – 2023. – pp. 23–33.
5. Nicodemus, Bishop of Dalmatia. Orthodox Church Law. St. Petersburg: V.V. Komarov's Edition, 1897. – 708 p.
6. Nicodemus of the Holy Mountain, Venerable Pidalion. Rules of the Orthodox Church with Interpretations. In 4 volumes. Volume 2. Rules of the Ecumenical Councils. Yekaterinburg: Publishing House of the Alexander Nevsky Novo-Tikhvin Convent, 2019. – 424 p.
7. Novikov A., Archpriest. «The Pentarchy» – a Historical Precedent, Not an Ecclesiological Truth // Pravoslavie.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/48231.html> (date of access: 23.03.2025).
8. Position of the Moscow Patriarchate on the Issue of Primacy in the Ecumenical Church. [Electronic resource] // Russian Orthodox Church. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (date of access: 08.03.2025).
9. Troitsky S.V. On Church Autocephaly // Journal of the Moscow Patriarchate. – 1948. – № 7. – Pp. 33–54.
10. Theodore the Reader. Church History // ABC of Faith. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feodor_Chtec/tserkovnajaistorija/ (date of access: 13.03.2025).
11. Archpriest Schmemmann, A. On «Neo-Papism» // Archpriest Schmemmann, A. The Church and Church Structure. Collection of Articles. – Moscow: GRANAT, 2018. – P. 108–128.

Интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам: дидактический потенциал, риски и перспективы

Ковальчук Надежда Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

E-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

В статье представлен анализ современных подходов к использованию систем искусственного интеллекта (ИИ) в обучении иностранным языкам в высшей школе. На основе обобщения отечественных и зарубежных эмпирических исследований выделены две основные категории ИИ-инструментов: ассистенты письменной речи (*Grammarly, DeepL Write, генеративные модели ChatGPT, YandexGPT*) и диалоговые агенты (*ELSA Speak, голосовые помощники*). Показаны дидактические возможности каждой категории для формирования речевых навыков, повышения автономии обучающихся и снижения уровня языковой тревожности. Особое внимание уделено этическим дилеммам, связанным с академической честностью, риском замещения критического мышления и необходимостью трансформации системы оценивания. Предложены методические ориентиры для преподавателей, включающие развитие компетенции промптинга, формирование цифровой грамотности студентов и переход к процессуально-ориентированному контролю. Результаты исследования могут быть использованы при разработке рабочих программ дисциплин, а также в программах повышения квалификации преподавателей иностранных языков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение иностранным языкам, ассистенты письменной речи, диалоговые агенты, языковая тревожность, академическая честность, трансформация оценивания, лингводидактика.

Современный этап развития высшего образования характеризуется активным проникновением технологий искусственного интеллекта во все компоненты учебного процесса. В сфере обучения иностранным языкам это явление приобрело особую значимость, поскольку языковая коммуникация, будучи по своей природе когнитивно сложной и требующей постоянной обратной связи, оказалась чрезвычайно восприимчивой к возможностям, предоставляемым интеллектуальными системами. Однако ключевым вопросом становится не сам факт внедрения ИИ, а выбор педагогической модели: рассматривать ли его как инструмент «замещения» преподавателя или как средство «усиления» человеческого потенциала [9]. Большинство современных исследований сходится во мнении, что эффективная интеграция ИИ возможна только при условии сохранения центральной роли педагога и активной, рефлексивной позиции обучающегося [11; 20].

Цель настоящей работы – выявить и систематизировать дидактические преимущества, а также методологические и этические риски применения ИИ при обучении иностранным языкам, и на этой основе предложить адаптированные к условиям российской высшей школы практические рекомендации. Для достижения цели были решены следующие задачи: проведена классификация существующих ИИ-инструментов по их функциональному назначению; проанализированы эмпирические данные относительно эффективности их использования в развитии различных видов речевой деятельности; очерчен круг этических проблем, порождаемых генеративными системами; сформулированы ориентиры для обновления контрольно-оценочных процедур в условиях широкого доступа к ИИ.

Методологическую базу исследования составили системный, компетентностный и деятельностный подходы, широко применяемые в отечественной лингводидактике. В работе использовались методы теоретического анализа (обобщение научной литературы по педагогике, психологии и компьютерной лингвистике), сопоставительный анализ функциональных характеристик ИИ-сервисов, а также моделирование учебных ситуаций с интеграцией ИИ-инструментов.

Анализ публикаций за последние пять лет (2022–2026 гг.), индексируемых в базах РИНЦ, Scopus и Web of Science, позволяет говорить

о консолидации исследовательского направления, которое в зарубежной литературе получило название «AI-mediated language learning». Возможности адаптивных систем на базе ИИ в построении персональных образовательных маршрутов при овладении лексикой и грамматикой иностранного языка обоснованы в ряде работ [1; 6; 17]. Указанные исследования демонстрируют, что такие системы способны автоматически подбирать тренировочные задания, учитывая тип и регулярность ошибок, допускаемых обучающимся. Параллельно в научной литературе обсуждается смена профессиональной позиции преподавателя: его роль эволюционирует от простой трансляции знаний к фасилитации и интерпретации данных учебной аналитики, поставляемых ИИ [8; 10]. Авторы подчеркивают, что наибольший дидактический выигрыш дает не полный отказ от традиционных методик в пользу ИИ, а их сбалансированное сочетание. Эмпирические данные, полученные в том числе в российских университетах, свидетельствуют о том, что студенты, которые работают с ИИ под контролем и при поддержке педагога, показывают более высокий уровень речевой компетенции, чем те, кто либо полностью полагается на ИИ, либо занимается только по классической методике [2; 7].

Отечественная научная школа активно включилась в разработку проблематики ИИ в языковом образовании. П.В. Сысоев предложил концепцию подготовки преподавателя иностранного языка к работе в «цифровом многозадачном классе», где ИИ выступает в роли второго участника учебного взаимодействия [9]. В исследованиях С.Я. Ачмизовой и З.Р. Девтеровой на примере *ChatGPT* продемонстрирована возможность реализации эвристической проектной методики: нейросеть используется не как поставщик готовых решений, а как генератор идей, языковых опор и спорных формулировок, что стимулирует критическое мышление студентов [1].

Все многообразие прикладных ИИ-решений, используемых в лингводидактике, может быть типологизировано по ведущему каналу обратной связи. Выделяются две крупные группы:

- 1) *письменные ассистенты* – системы, осуществляющие анализ, коррекцию, стилистическую правку или генерацию письменных текстов (*Grammarly, DeepL Write, YandexGPT, ChatGPT*);
- 2) *диалоговые агенты* – инструменты, предназначенные для устной интеракции, включая распознавание речи, синтез речи и имитацию диалога (*ELSA Speak, голосовые помощники Алиса, Салют, а также специализированные чат-боты*).

Каждая из этих групп обладает специфическим дидактическим потенциалом, а также накладывает определенные ограничения на учебный процесс.

Инструменты типа *DeepL Write* и *Grammarly* предоставляют обучающемуся мгновенную обратную связь на этапе создания письменного высказывания. В отличие от традиционной проверки преподавателем, которая занимает часы или дни, автоматизированный ассистент реагирует в реальном времени, что позволяет студенту сразу корректировать свою речь и закреплять правильный вариант. *Grammarly*, функционирующий на основе корпусных данных и алгоритмов машинного обучения, не ограничивается орфографическими и грамматическими исправлениями: он предлагает стилистические правки с учетом регистра (формальный, нейтральный, неформальный) и коммуникативной интенции (информирование, описание, убеждение). Именно необходимость принять или отклонить каждый автоматический совет, аргументируя свое решение, запускает механизм метаязыковой рефлексии [3; 15].

Появление генеративных моделей (*ChatGPT, YandexGPT, GigaChat*) расширило функциональные возможности письменных ассистентов. Теперь нейросеть не только корректирует, но и порождает связные тексты по заданным параметрам. Для преподавателя это означает возможность оперативно создавать дидактические материалы: тексты для чтения с заданным лексическим наполнением, диалоги-образцы, упражнения на подстановку. Вместе с тем генерируемые тексты не застрахованы от фактологических неточностей, стереотипных формулировок и игнорирования современных языковых сдвигов [6; 17]. Для российского пользователя сохраняется проблема качества генерации на русском языке: зарубежные модели не всегда обеспечивают идиоматичность, а отечественные разработки пока уступают по объему тренировочных корпусов.

Голосовые помощники (*Алиса, Салют*) и специализированные приложения (*ELSA Speak*) предлагают возможность практиковать произношение и вести диалог на иностранном языке без участия собеседника-человека. Преимущества такого формата очевидны: доступность 24/7, отсутствие страха осуждения (что особенно актуально для студентов с высокой языковой тревожностью) и возможность многократного повторения без социальных издержек. Результаты пилотных исследований, проведенных в ряде российских вузов, свидетельствуют о положительной динамике фонематической точности при регулярном использовании специализированных тренажеров произношения, однако для получения надежных статистических данных требуются более масштабные эксперименты [5; 13].

Вместе с тем необходимо отметить, что диалоговые агенты имеют серьезные ограничения. Во-первых, системы распознавания речи могут давать сбои при выраженном акценте или диалектных особенностях, что снижает мотивацию

учащихся. Во-вторых, большинство чат-ботов не обеспечивают содержательной коррекции ошибок, ограничиваясь формальным подтверждением или непониманием. В-третьих, наблюдается «эффект новизны»: после первоначального интереса активность студентов снижается, если не менять форматы взаимодействия [15]. Поэтому диалоговые агенты целесообразно использовать как дополнительное, но не основное средство отработки разговорных навыков, особенно на начальном этапе.

При выборе ИИ-ассистента для использования в учебном процессе преподавателю необходимо учитывать как функциональные возможности инструмента, так и его способность адекватно обрабатывать русскоязычные тексты (поскольку значительная часть обучения в российских вузах ориентирована на русский язык как родной или язык-посредник). В таблице 1 представлены четыре наиболее востребованных в академической среде инструмента, сгруппированные по основной дидактической задаче и степени поддержки русского языка. Данные получены на основе анализа технической документации и экспертных оценок [2; 3; 7].

Таблица 1. Базовые характеристики ИИ-ассистентов письменной речи

Инструмент	Основная функция	Поддержка русского языка
<i>DeepL Write</i>	Стилистическая правка, подбор синонимов	Да (высокое качество)
<i>Grammarly</i>	Проверка грамматики и орфографии	Ограниченно
<i>YandexGPT</i>	Генерация, перефразирование, суммаризация	Да (высокое качество)
<i>ChatGPT</i>	Генерация текста, диалог, анализ	Среднее

Из представленных данных видно, что *DeepL Write* и *YandexGPT* являются наиболее предпочтительными для работы с русскоязычным контекстом, поскольку обеспечивают высокое качество лингвистической обработки. При этом *DeepL Write* ориентирован преимущественно на редактирование и стилистическую оптимизацию уже готового текста, что делает его полезным на этапе финальной вычитки студенческих работ. *YandexGPT*, напротив, относится к классу генеративных моделей, которые могут использоваться для создания дидактических материалов (текстов, диалогов, упражнений), а также для перефразирования и суммаризации. *Grammarly*, несмотря на широкую известность и мощные алгоритмы анализа английского языка, имеет ограниченную поддержку русского языка, что снижает его ценность в российских группах, изучающих иностран-

ный язык через родной. *ChatGPT* занимает промежуточное положение: он способен генерировать тексты на русском языке, однако качество таких текстов оценивается как среднее (иногда встречаются неестественные синтаксические конструкции и лексические ошибки). Для преподавателя из этого анализа следует практический вывод, что при работе над письменной речью на иностранном языке (например, английском) оптимальной стратегией является комбинирование *Grammarly* (для грамматики) и *DeepL Write* (для стиля). При необходимости быстрой генерации учебных материалов на русском языке (инструкции, пояснения, задания) целесообразно использовать *YandexGPT* как наиболее адаптированный к языковой среде инструмент.

Одним из наиболее острых последствий распространения генеративного ИИ стал кризис академической честности. Студенты получают возможность делегировать нейросети написание эссе, домашних чтений и даже значительной части курсовых работ. Современные детекторы AI-текстов (например, модуль в системе «Антиплагиат.ВУЗ») пока обладают ограниченной точностью, особенно в отношении коротких или сильно отредактированных текстов. Не менее важна и обратная сторона проблемы: традиционные формы контроля (диктанты, изложения, тесты закрытого типа) утрачивают валидность, когда в любой момент можно получить грамматически безупречный текст за секунды [8].

Выход видится в переходе от оценивания изолированного «знания правил» к оцениванию «способности действовать с информацией и инструментами» – то есть к процессуально-ориентированному контролю. Практика показывает эффективность следующих форматов.

1. Портфолио письменных работ с приложением «истории версий» (например, *Google Docs*) и краткой рефлексией студента о том, использовались ли ИИ-инструменты и с какой целью.
2. Устные защиты проектов, где экзаменатор может задать уточняющие вопросы, проверяя глубину понимания.
3. Аудиторные творческие задания, выполняемые без доступа к сети, но с разрешением пользоваться словарями – это приближает экзамен к реальным условиям профессиональной и бытовой коммуникации.
4. Задания на критический анализ текста, сгенерированного нейросетью (найти фактические ошибки, стилистические погрешности, логические противоречия и исправить их).

Такой подход не только снижает риски академического мошенничества, но и формирует у студентов важнейшие компетенции XXI века – цифровую гигиену и критическое мышление.

В Российской Федерации на государственном уровне поддерживается развитие технологий ИИ,

включая их применение в образовании. В ряде университетов уже апробированы авторские методики. Так, в некоторых российских вузах (например, в НИУ ВШЭ) ведутся разработки прототипов интеллектуальных систем для анализа речевых ответов обучающихся. Отдельные университеты (МГИМО, РУДН) апробируют собственные ИИ-ассистенты для генерации упражнений с учетом индивидуальных особенностей студентов. В Сибирском федеральном университете исследовалась эффективность интеграции ИИ в творческие задания по русскому языку как иностранному: студенты составляли промпты для генерации стихотворений и коротких рассказов, после чего редактировали полученный текст, улучшая его ритмику и образность [10].

Отечественные исследователи также предлагают нормативные ограничения: доля контента, созданного ИИ в выпускной квалификационной работе, не должна превышать 20% (при этом такой контент должен быть явно маркирован). Внедряется понятие «компетенции промптинга» — умения формулировать запросы к нейросети для получения максимально полезного и достоверного результата. Формирование этой компетенции предлагается включать в дисциплины по цифровой грамотности на первом году обучения в бакалавриате.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие прикладные рекомендации.

Для работы с письменными ассистентами необходимо использовать *Grammarly/DeepL Write* на этапе самопроверки черновика — после того, как студент написал текст самостоятельно и осознал свои затруднения; давать задания на сравнение двух переводов (машинного и «человеческого», выполненного однокурсником) с письменным обоснованием выбора; применять *YandexGPT* для генерации списка слов по теме, а затем просить студентов составить с ними связный рассказ без использования ИИ.

Для работы с диалоговыми агентами на начальном этапе необходима ежедневная тренировка произношения с *ELSA Speak* (10–15 минут), а на продвинутом этапе можно использовать ролевые игры с *ChatGPT*, предварительно настроив промпт: «Ты — носитель языка, говори кратко, используй разговорные клише, поправляй меня, если я делаю грубые ошибки». После диалога — коллективный анализ трудностей.

В области контроля и оценивания следует пересмотреть соотношение аудиторных и домашних заданий в пользу первых; включить в экзаменационные билеты задание на редактирование текста, сгенерированного нейросетью (найти и исправить 5–7 ошибок/неточностей); требовать от студентов на каждом письменном задании краткую рефлек-

сию: «Какие ИИ-инструменты (если использовались) вы применили и почему?»

Технологии искусственного интеллекта уже стали неотъемлемой частью языкового образования, и их влияние будет только усиливаться. Отказ от их использования столь же нерационален как отказ от калькулятора в современной инженерной школе. Однако простая замена традиционных упражнений на диалог с ботом или генерацию текстов не приводит автоматически к повышению качества обучения. Ключевым фактором успеха остается методически грамотное, этически рефлексивное и технологически гибкое поведение преподавателя. Необходима систематическая работа по формированию у студентов цифровой грамотности, включающей понимание границ применимости ИИ, способов верификации результатов и ответственности за конечный продукт.

Литература

1. Ачмизова С.Я., Девтерова З.Р. ChatGPT как инновационный инструмент реализации эвристической проектной методики преподавания иностранных языков в вузе // Современное педагогическое образование. 2023. № 11. С. 58–63.
2. Валкова Ю.Е. Классификация инструментов искусственного интеллекта на занятиях по иностранному языку в высшей школе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2025. Т. 19. № 3. С. 10–24. DOI: 10.24412/2076-9121-2025-3-10-24.
3. Власов Р.А. Сравнительный анализ российских и зарубежных генеративных нейронных сетей для персонализации обучения на примере обучения английскому языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2025. Т. 22. № 2. С. 233–246. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-2-233-246.
4. Гончарова О.В. Искусственный интеллект в современных исследованиях по языковому образованию: корпусный и сетевой анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык и языкознание. 2026. Т. 24. № 1. С. 7–24. DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-1-7-24.
5. Данияли С., Никуленко А.А., Акимов Г.Ю. Эффективное использование технологий искусственного интеллекта для усиления процесса овладения вторым иностранным языком в аудитории // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2026. № 2. С. 381–406. URL: <http://e-koncept.ru/2026/261046.htm> (дата обращения: 23.05.2026).
6. Ким К.И. Цифровая трансформация в обучении иностранным языкам: роль искусственно-

- го интеллекта // Молодой ученый. 2025. № 49 (600). С. 569–573.
7. Котляренко Ю.Ю., Николаева Е.А. Интеграция генеративного искусственного интеллекта в обучение иностранным языкам: влияние цифровой грамотности и навыков критического мышления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 5. URL: <http://e-koncept.ru/> (дата обращения: 23.05.2026).
 8. Пеньков Б.В., Агафонова Л.И., Виноградова Е.В. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации преподавания английского языка: теоретические и практические аспекты // Философия образования. 2025. № 1. С. 93–108.
 9. Сысоев П.В. Развитие методической компетенции преподавателя русского языка как иностранного в эпоху искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык и языкознание. 2026. Т. 24. № 1. С. 71–86. DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-1-71-86.
 10. Цыганкова А.В. Интеграция сервисов искусственного интеллекта в творческие задания при обучении РКИ // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 9. С. 385–395.
 11. Bosio E., Schattle H. Ethical global citizenship education: From neoliberalism to a values-based pedagogy // Prospects. 2021. DOI: 10.1007/s11125-021-09571-9.
 12. Cukurova M., Kent C., Luckin R. Artificial intelligence and multimodal data in the service of human decision-making: A case study in debate tutoring // British Journal of Educational Technology. 2019. Vol. 50. № 6. P. 3032–3046. DOI: 10.1111/bjet.12829.
 13. Dizon G. Affordances and Constraints of Intelligent Personal Assistants for Second-Language Learning // RELC Journal. 2021. P. 1–8. DOI: 10.1177/00336882211020548.
 14. Heift T. Developing an Intelligent Language Tutor // CALICO Journal. 2010. Vol. 27. № 3. P. 443–459. DOI: 10.11139/cj.27.3.443-459.
 15. Huang W., Hew K.F., Fryer L.K. Chatbots for language learning – Are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning // Journal of Computer Assisted Learning. 2022. Vol. 38. № 1. P. 237–257. DOI: 10.1111/jcal.12610.
 16. Jolley J.R., Maimone L. Thirty years of machine translation in language teaching and learning: A review of the literature // L2 Journal. 2022. Vol. 14. № 1. P. 26–44. DOI: 10.5070/L214151760.
 17. Kasneci E., Seßler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., Kasneci G. ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education // OSF Preprints. 2023. DOI: 10.35542/osf.io/5er8f.
 18. Klekovkina V., Denié-Higney L. Machine translation: Friend or foe in the language classroom? // L2 Journal. 2022. Vol. 14. № 1. P. 105–135. DOI: 10.5070/L214151723.
 19. Lee S.-M. Different effects of machine translation on L2 revisions across students' L2 writing proficiency levels // Language Learning & Technology. 2022. Vol. 26. № 1. P. 1–21.
 20. Molenaar I. Towards hybrid human-AI learning technologies // European Journal of Education. 2022. DOI: 10.1111/ejed.12527.
 21. Schmidt T., Strasser T. Artificial intelligence in foreign language learning and teaching: a CALL for intelligent practice // Anglistik: International Journal of English Studies. 2022. Vol. 33. № 1. P. 165–184.
 22. Tian L., Zhou Y. Learner Engagement with Automated Feedback, Peer Feedback and Teacher Feedback in an Online EFL Writing Context // System. 2020. Vol. 91. P. 102247. DOI: 10.1016/j.system.2020.102247.
 23. Urlaub P., Dessein E. From disrupted classrooms to human-machine collaboration? The pocket calculator, Google translate, and the future of language education // L2 Journal. 2022. Vol. 14. № 1. DOI: 10.5070/L214151790.
 24. van Lieshout C., Cardoso W. Google Translate as a tool for self-directed language learning // Language Learning & Technology. 2022. Vol. 26. № 1. P. 1–19.

INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES INTO FOREIGN LANGUAGE TEACHING: DIDACTIC POTENTIAL, RISKS, AND PROSPECTS

Kovalchuk N.V.

Don State Technical University

The article analyzes current approaches to the use of artificial intelligence (AI) systems in foreign language teaching in higher education. Based on a synthesis of domestic and international empirical research, two main categories of AI tools are identified: writing assistants (*Grammarly*, *DeepL Write*, *generative models ChatGPT*, *YandexGPT*) and conversational agents (*ELSA Speak*, *voice assistants*). Didactic opportunities of each category for developing speech skills, enhancing learner autonomy and reducing language anxiety are demonstrated. Special attention is paid to ethical dilemmas related to academic integrity, the risk of substituting critical thinking and the need to transform assessment systems. Methodological guidelines for teachers are proposed, including the development of prompting competence, formation of students' digital literacy and transition to process-oriented assessment. The results can be used in designing course syllabi as well as in professional development programs for foreign language teachers.

Keywords: artificial intelligence, foreign language teaching, writing assistants, conversational agents, language anxiety, academic integrity, assessment transformation, language didactics.

References

1. Achmizova S. Ya., Devterova Z.R. ChatGPT as an innovative tool for implementing a heuristic project-based methodology for teaching foreign languages at a university // Modern pedagogical education. 2023. № 11. pp. 58–63.

2. Valkova Yu.E. Classification of artificial intelligence tools in foreign language classes in higher education // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology. 2025. Vol. 19. № 3. pp. 10–24. DOI: 10.24412/2076-9121-2025-3-10-24.
3. Vlasov R.A. Comparative analysis of Russian and foreign generative neural networks for personalized learning: the example of teaching English // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education. 2025. T. 22. № 2. pp. 233–246. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-2-233-246.
4. Goncharova O.V. Artificial intelligence in modern research on language education: corpus and network analysis // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Russian language and linguistics. 2026. T. 24. № 1. P. 7–24. DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-1-7-24.
5. Daniyali S., Nikulenko A.A., Akimov G. Yu. Effective Use of Artificial Intelligence Technologies to Enhance the Process of Second Foreign Language Acquisition in the Classroom // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». 2026. № 2. pp. 381–406. URL: <http://e-koncept.ru/2026/261046.htm> (accessed: 23.05.2026).
6. Kim K.I. Digital Transformation in Foreign Language Teaching: The Role of Artificial Intelligence // Young Scientist. 2025. № 49 (600). pp. 569–573.
7. Kotlyarenko Yu.Yu., Nikolaeva E.A. Integration of Generative Artificial Intelligence in Foreign Language Teaching: The Impact of Digital Literacy and Critical Thinking Skills // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». 2025. № 5. URL: <http://e-koncept.ru/> (date of access: 23.05.2026).
8. Penkov B.V., Agafonova L.I., Vinogradova E.V. Artificial Intelligence as a Tool for Optimizing English Language Teaching: Theoretical and Practical Aspects // Philosophy of Education. 2025. № 1. pp. 93–108.
9. Sysoev P.V. Development of Methodological Competence of a Teacher of Russian as a Foreign Language in the Era of Artificial Intelligence // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian Language and Linguistics. 2026. Vol. 24. № 1. pp. 71–86. DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-1-71-86.
10. Tsygankova A.V. Integration of Artificial Intelligence Services into Creative Tasks in Teaching Russian as a Foreign Language // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2025. Vol. 18. № 9. pp. 385–395.
11. Bosio E., Schattle H. Ethical Global Citizenship Education: From Neoliberalism to a Values-Based Pedagogy // Prospects. 2021. DOI: 10.1007/s11125-021-09571-9.
12. Cukurova M., Kent C., Luckin R. Artificial Intelligence and Multimodal Data in the Service of Human Decision-Making: A Case Study in Debate Tutoring // British Journal of Educational Technology. 2019. Vol. 50. № 6. pp. 3032–3046. DOI: 10.1111/bjet.12829.
13. Dizon G. Affordances and Constraints of Intelligent Personal Assistants for Second-Language Learning // RELC Journal. 2021. P. 1–8. DOI: 10.1177/00336882211020548.
14. Heift T. Developing an Intelligent Language Tutor // CALICO Journal. 2010. Vol. 27. № 3. P. 443–459. DOI: 10.11139/cj.27.3.443-459.
15. Huang W., Hew K.F., Fryer L.K. Chatbots for language learning – Are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning // Journal of Computer Assisted Learning. 2022. Vol. 38. № 1. P. 237–257. DOI: 10.1111/jcal.12610.
16. Jolley J.R., Maimone L. Thirty years of machine translation in language teaching and learning: A review of the literature // L2 Journal. 2022. Vol. 14. № 1. P. 26–44. DOI: 10.5070/L214151760.
17. Kasneci E., Seßler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., Kasneci G. ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education // OSF Preprints. 2023. DOI: 10.35542/osf.io/5er8f.
18. Klekovkina V., Denié-Higney L. Machine translation: Friend or foe in the language classroom? // L2 Journal. 2022. Vol. 14. № 1. P. 105–135. DOI: 10.5070/L214151723.
19. Lee S.-M. Different effects of machine translation on L2 revisions across students' L2 writing proficiency levels // Language Learning & Technology. 2022. Vol. 26. № 1. P. 1–21.
20. Molenaar I. Towards hybrid human-AI learning technologies // European Journal of Education. 2022. DOI: 10.1111/ejed.12527.
21. Schmidt T., Strasser T. Artificial intelligence in foreign language learning and teaching: a CALL for intelligent practice // Anglistik: International Journal of English Studies. 2022. Vol. 33. № 1. P. 165–184.
22. Tian L., Zhou Y. Learner Engagement with Automated Feedback, Peer Feedback and Teacher Feedback in an Online EFL Writing Context // System. 2020. Vol. 91. P. 102247. DOI: 10.1016/j.system.2020.102247.
23. Urlaub P., Dessein E. From disrupted classrooms to human-machine collaboration? The pocket calculator, Google translate, and the future of language education // L2 Journal. 2022. Vol. 14. № 1. DOI: 10.5070/L214151790.
24. Ivan Lieshout C., Cardoso W. Google Translate as a tool for self-directed language learning // Language Learning & Technology. 2022. Vol. 26. № 1. P. 1–19.

Европейская труба в китайской музыкальной культуре сквозь призму категории ци юнь

Сяо Хуачуань,

аспирант, Владимирский государственный университет

E-mail: 370602791@qq.com

В статье рассматривается европейская труба в китайской музыкальной культуре сквозь призму категории «ци юнь». Цель исследования состоит в выявлении эстетического механизма, благодаря которому западный духовой инструмент, сохраняя свою тембровую природу, приобретает новое художественное бытие в китайском культурном контексте. Особое внимание уделяется категории «ци юнь» как одному из ключевых понятий китайской эстетики, выражающему единство жизненной энергии, внутреннего движения, художественной одухотворенности и эстетического резонанса. Показано, что европейская труба традиционно связана с эстетикой силы, блеска, сигнала, церемониальности и пространственной направленности звучания. Однако в китайской музыкальной культуре ее звук переосмысливается через принципы дыхательной протяженности, интонационной гибкости, внутренней меры, образности и послезвучия. Делается вывод, что значение трубы в китайской музыкальной культуре заключается не в ее полной «китаизации», а в формировании особого межкультурного качества звучания.

Ключевые слова: Европейская Труба, Китайская Музыкальная Культура, Ци Юнь, Музыкальная Эстетика, Межкультурная Трансформация.

Введение

В условиях активного межкультурного взаимодействия особую актуальность приобретает исследование художественных процессов, в которых заимствованный музыкальный инструмент включается в иную эстетическую систему и получает новое смысловое наполнение. Европейская труба, вошедшая в китайскую музыкальную культуру как инструмент западного происхождения, представляет собой не только элемент профессиональной музыкальной практики, но и особую звуковую форму, связанную с эстетикой силы, блеска, пространственной направленности и церемониальности. Вместе с тем в китайском художественном контексте ее звучание начинает соотноситься с иными принципами восприятия: внутренней мерой, дыхательной протяженностью, интонационной гибкостью, образной недосказанностью и духовным резонансом.

Актуальность темы определяется необходимостью эстетико-философского осмысления процесса, в ходе которого западный инструментальный тембр не просто переносится в китайскую музыкальную среду, а подвергается переинтерпретации в системе традиционных категорий китайской эстетики. Одной из таких категорий является «ци юнь» — понятие, выражающее единство жизненной энергии, внутреннего движения, художественной одухотворенности и эстетического резонанса. Обращение к данной категории позволяет рассматривать европейскую трубу не только с точки зрения истории инструментария или исполнительской техники, но и как феномен межкультурной трансформации звучания.

Степень разработанности проблемы показывает, что отдельные аспекты китайской эстетики, традиционной музыкальной мысли, истории европейских духовых инструментов и развития западной инструментальной культуры в Китае уже становились предметом научного анализа. Однако проблема эстетического переосмысления европейской трубы в китайской музыкальной культуре сквозь призму категории «ци юнь» пока не получила достаточного специального рассмотрения. Между тем именно такой подход позволяет соединить музыкально-культурный материал с проблематикой эстетики как философской дисциплины, выявляя не только внешние формы заимствования, но и глубинные механизмы изменения художественного смысла.

Объектом исследования выступает европейская труба в контексте китайской музыкальной культуры. Предметом исследования является эстетическая трансформация ее звучания, рассматриваемая через категорию «ци юнь». Цель статьи состоит в выявлении того, каким образом европейская труба, сохраняя свою западную тембровую природу, приобретает в китайском музыкально-эстетическом контексте новое художественное бытие.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание категории «ци юнь» в китайской эстетической традиции; охарактеризовать европейскую трубу как носителя иной звуковой и эстетической парадигмы; выявить различие между западной моделью звуковой экспансии и китайской моделью интонационной одухотворенности; показать, каким образом через «ци юнь» трубное звучание может быть переосмыслено в системе китайского художественного сознания.

Методологическую основу исследования составляют эстетико-философский анализ, сравнительно-культурный подход, элементы музыкально-семиотического и герменевтического анализа. Эстетико-философский подход позволяет рассматривать «ци юнь» как категорию, раскрывающую внутреннюю жизненность и духовно-смысловой резонанс художественной формы. Сравнительный подход дает возможность сопоставить западную и китайскую модели понимания музыкального звука. Герменевтический аспект исследования направлен на интерпретацию трубы как звукового феномена, значение которого меняется в зависимости от культурного контекста.

Научная новизна статьи заключается в том, что европейская труба рассматривается не только как заимствованный инструмент или элемент западной оркестровой традиции, а как носитель иной звуковой парадигмы, проходящий процесс эстетической переориентации в китайской музыкальной культуре. Категория «ци юнь» в данном случае используется не как декоративное обозначение «китайского стиля», а как теоретический инструмент, позволяющий объяснить превращение внешнего, яркого и церемониального звучания в форму, способную выражать дыхание, меру, образность и духовный резонанс.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении возможностей применения категорий китайской эстетики к анализу межкультурных музыкальных процессов. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов статьи в исследованиях по эстетике, музыкальной культурологии, сравнительному искусствознанию, а также в изучении проблем взаимодействия китайской и европейской музыкальных традиций.

Категория «ци юнь» в китайской эстетической традиции

Категория «ци юнь» занимает важное место в китайской эстетической традиции, поскольку позволяет описывать не только внешнюю форму художественного произведения, но и его внутреннюю жизненность, духовную наполненность и эстетическую целостность. Для настоящего исследования данная категория имеет принципиальное значение: европейская труба в китайской музыкальной культуре рассматривается не просто как заимствованный инструмент, а как особая звуковая форма, включенная в иную систему художественного восприятия. Поэтому обращение к «ци юнь» позволяет перейти от описания факта культурного заимствования к анализу более глубокого процесса эстетической трансформации звучания.

Понятие «ци» в китайской философско-эстетической мысли не сводится к физиологическому дыханию, хотя связь с дыханием является для него существенной. В широком смысле «ци» обозначает жизненную энергию, динамическое начало, благодаря которому мир, природа и человек пребывают в состоянии становления и внутренней взаимосвязанности. В сфере искусства «ци» начинает обозначать не только жизненную силу изображаемого предмета, но и внутреннюю энергию художественного акта, духовную направленность творческого субъекта. Как отмечает Ли Цзянь, «ци» и «юнь» первоначально обладали самостоятельными значениями, однако в процессе развития китайской эстетической мысли их соединение сформировало сложную категорию, связанную с художественным образом, стилем и выразительной силой произведения [1]. В музыкальном искусстве это особенно важно: звук действительно рождается из дыхания, телесного импульса и исполнительского движения, но художественным он становится лишь тогда, когда физическая энергия преобразуется в интонационно осмысленную форму.

Компонент «юнь» связан с представлениями о резонансе, отзвуке, ритмической соразмерности, стилистической утонченности и эстетическом послевкусии. Если «ци» указывает на жизненную энергию художественного выражения, то «юнь» раскрывает способ ее эстетического проявления. Его нельзя полностью отождествить ни с ритмом, ни с мелодией, ни с гармонической упорядоченностью формы. «Юнь» обозначает то, что остается за пределами непосредственного звучания или видимой формы: интонационную глубину, меру, тонкость и способность художественного образа продолжать существовать в восприятии после завершения самого произведения. Поэтому применительно к музыке «юнь» позволяет рассматривать тембр не только как акустическое качество, но и как источник эстетического резонанса.

Соединение «ци» и «юнь» образует целостную эстетическую категорию, выражающую единство жизненной энергии и эстетического резонанса художественной формы. В классической китайской традиции наиболее известным выражением этого принципа стало понятие «ци юнь шэн дун» – «одухотворенная жизненность», или «живое движение духа», связанное с трактатом Се Хэ «Гухуа пиньлу» и его учением о «шести законах» живописи. Однако значение данной категории не ограничивается живописной критикой. Основанием ее переноса в область музыки является общая для китайской эстетики установка на процессуальность художественной формы: произведение мыслится не как статичный объект, а как проявление движения жизни, энергии и духа. С.А. Гудимова, характеризуя основы древнекитайской эстетики, подчеркивает, что китайское искусство включалось в общую модель мироздания, а эстетическое восприятие было связано с представлениями о дао, природности, гармонии и соотношении человека с космосом [2]. В этом контексте «ци юнь» следует рассматривать не как узкий термин теории живописи, а как универсальный эстетический принцип, раскрывающий внутреннюю одухотворенность художественного явления.

Перенос категории «ци юнь» в область музыки методологически оправдан еще и потому, что музыка существует как временное становление формы. Звук возникает, развивается, исчезает и оставляет после себя резонанс в сознании слушателя. Музыкальное произведение не является неподвижным объектом: оно раскрывается через интонацию, паузу, тембр, движение и отзвук. В китайской традиционной музыкальной мысли музыка понималась не только как организация звуков, но и как способ гармонизации человека, общества и космоса. Ц. Сянь, излагая основы китайской традиционной теории музыки, отмечает связь древнекитайской музыки с ладовой системой, ритуалом, числовой и космологической упорядоченностью звука [3]. Следовательно, музыкальное звучание в китайской культуре имеет не только акустическое, но и ценностно-символическое измерение.

Особую сложность представляет межкультурная интерпретация категории «ци юнь». В европейской традиции ее нередко соотносили с такими понятиями, как «ритм», «жизненность», «духовный резонанс», «гармония», однако ни одно из них не исчерпывает ее содержания. Пэн Фэн показывает, что отождествление «ци юнь» с ритмом является методологически ограниченным: ритм может быть одним из проявлений «ци юнь», но не заменяет его как целостной эстетической категории [4]. Это замечание важно для анализа европейской трубы в китайской музыкальной культуре: адаптация западного духового инструмента не может быть сведена только к изменению ритмики, тембра или исполнительских приемов. Речь идет о бо-

лее глубоком процессе эстетической переориентации, при котором звук включается в иную систему художественного восприятия.

В рамках музыкально-эстетического анализа «ци юнь» можно понимать как единство жизненной энергии звучания, интонационной процессуальности и эстетического резонанса. Такое определение связывает конкретную звуковую материю – дыхание, тембр, интонацию, динамику – с более широким уровнем духовно-смыслового переживания. Применительно к европейской трубе данная категория позволяет выявить не только особенности ее тембра и исполнительской выразительности, но и процесс ее эстетической трансформации в китайском культурном контексте. В европейской традиции труба часто ассоциируется с торжественностью, героикой, сигналом и пространственной направленностью звучания. Однако в китайской музыкальной культуре ее звук может приобретать иные качества: внутреннюю меру, дыхательную протяженность, интонационную гибкость и способность к созданию духовного послезвучия. Через призму «ци юнь» труба предстает не только как носитель западной тембровой культуры, но и как звуковая форма, способная участвовать в формировании китайского эстетического опыта.

Таким образом, категория «ци юнь» выступает теоретическим основанием для исследования европейской трубы в китайской музыкальной культуре. Она позволяет рассматривать заимствованный инструмент не как внешний элемент, механически включенный в новую художественную среду, а как феномен, который в процессе межкультурного взаимодействия приобретает новое эстетическое бытие. Именно через «ци юнь» становится возможным показать, каким образом западная звуковая форма включается в китайскую систему художественного сознания и получает духовно-эстетическое измерение.

Европейская труба как носитель иной звуковой и эстетической парадигмы

Европейская труба занимает особое место в западной музыкальной культуре не только как духовой инструмент, но и как носитель устойчивой звуковой символики. Ее тембр традиционно воспринимается как яркий, направленный, проникающий и пространственно активный. В эстетическом отношении труба формирует особый тип музыкального присутствия: открытый, призывный, торжественный и обращенный к внешнему пространству. Поэтому ее звучание нередко приобретает значение не только музыкального тона, но и знака, жеста, сигнала и публичного высказывания.

Акустические свойства трубы во многом определили ее художественную функцию в европейской традиции. Четкая атака, блеск тембра, вы-

сокая проникающая способность и способность преодолевать пространственную дистанцию сделали трубу инструментом призыва, церемонии и утверждения. В отличие от звуковых образов, связанных с камерностью, мягкостью или созерцательностью, труба чаще маркирует событие, действие и выход субъекта во внешний мир. Именно поэтому ее звучание традиционно соотносится с торжественностью, героическим подъемом, властью, дисциплиной и коллективным переживанием.

Эта семантика формировалась в тесной связи с военной, придворной, религиозной и гражданской практикой Европы. Р. Монель, анализируя рог и трубу как музыкальные топосы, показывает, что их звучание устойчиво связано с военной и охотничьей образностью, то есть с такими сферами, где звук выступает не только художественным, но и культурно-семиотическим явлением [5]. Следовательно, труба в европейской традиции несет не просто тембровую функцию: она вводит в музыкальное пространство значения сигнала, власти, движения и публичной репрезентации.

Особенно показательна связь трубы с ритуально-церемониальной сферой. В европейской культуре ее звук сопровождал военные сигналы, придворные церемонии, городские торжества, религиозные процессии и акты общественной памяти. Исследование Alexander McGrattan о роли трубы в похоронных церемониях Шотландии и Англии XVII века показывает, что трубное звучание могло включаться даже в пространство погребального ритуала, где оно выполняло не развлекательную, а символически значимую функцию [6]. В таком контексте труба становится акустическим знаком перехода, торжественности и коллективного переживания.

Не только звук, но и внешний образ медного инструмента участвовал в формировании его эстетической символики. Блеск металла, цветовая выразительность и связь с церемониальным пространством усиливали восприятие трубы как инструмента репрезентации. T.J. McGee, рассматривая цвет медных инструментов в позднем Средневековье, показывает, что их материально-визуальный облик был связан не только с ремесленной стороной, но и с культурным восприятием инструмента [7]. Поэтому европейская эстетика трубы складывалась как единство звука, жеста, металла, блеска, пространственной направленности и публичного действия.

В музыкально-эстетическом плане труба воплощает ряд признаков, характерных для западной звуковой парадигмы: рационально организованную форму, вертикально-гармоническое мышление, динамическое нарастание, драматический контраст и активное освоение акустического пространства. В симфонической, оперной и церемониальной традиции труба часто усиливает куль-

минацию, выявляет героическое начало, создает эффект блеска, напряжения и торжественного утверждения. Ее звук не просто добавляет громкость оркестровой фактуре, а концентрирует энергию музыкальной формы и направляет ее к внешней экспрессии.

Именно поэтому европейскую трубу можно рассматривать как носителя эстетики звуковой силы. Эта сила не сводится к физической громкости. Она выражается в способности звука становиться знаком действия, преодолевать дистанцию, обращаться к коллективному слушателю и организовывать пространство события. В европейской традиции трубный тембр часто связан с вертикалью власти, военной дисциплиной, религиозным возвышением или героическим субъектом. В этом смысле эстетика трубы – это эстетика направленного звучания, в котором музыкальный тон приобретает характер символического акта.

При сопоставлении с китайской традиционной музыкальной эстетикой обнаруживается иная логика понимания звука. Китайская музыкальная культура в большей степени ориентирована на линейность мелодического развития, гибкость интонации, текучесть временной формы, соотношение звучания и паузы, а также на эстетическую значимость недосказанности. Здесь звук ценится не только как акустическое событие, но и как след внутреннего состояния, как проявление меры, дыхания, настроения и духовной сосредоточенности. Ма И, анализируя китайскую традиционную музыку, выделяет мелодическую красоту, звуковую выразительность и создание художественного настроения как важные стороны ее эстетического проявления [8].

В этом отношении китайская музыкальная эстетика отличается от европейской модели звуковой экспансии. Ее выразительность может проявляться не в блеске и внешнем напоре, а в тонкости интонации, плавности движения, соотношении звука и тишины, ощущении пустоты и послезвучия. Для китайского музыкального восприятия важны не только материально слышимые параметры звука, но и то, что возникает за их пределами: намек, внутренний образ, эмоциональная сдержанность и духовный резонанс. Ли Тяньтянь показывает, что даже западный инструмент в китайской исполнительской практике может быть переосмыслен через традиционные эстетические идеи «чжунхэ», «ицзин» и «ци юнь» [9]. Это наблюдение особенно важно для настоящего исследования, поскольку оно позволяет рассматривать европейскую трубу не как неизменный западный объект, а как звуковую форму, способную к эстетической переинтерпретации.

Именно это напряжение подготавливает дальнейший анализ трансформации трубы в китайской музыкальной культуре. Входя в китайский художественный контекст, труба сохраняет свою евро-

пейскую тембровую природу: яркость, проникающую силу, сигнальность и торжественность. Однако эти качества начинают соотноситься с иной системой эстетических ожиданий. От звука требуется не только акустическая мощь, но и внутренняя мера; не только пространственная направленность, но и интонационная гибкость; не только внешняя экспрессия, но и способность включаться в логику дыхания, паузы и послезвучия.

Таким образом, различие между европейской трубой и китайской традиционной музыкальной эстетикой не следует понимать как прямое противопоставление. Скорее, речь идет о встрече двух способов осмысления звука. Европейская труба несет парадигму яркости, направленности, ритуальности, пространственной проекции и символической силы. Китайская эстетическая традиция акцентирует внутреннюю меру, интонационную пластичность, дыхательную непрерывность, пустотно-смысловое пространство и способность звука оставлять духовный след. Между этими установками возникает продуктивное эстетическое напряжение.

Трансформация звучания трубы в китайской музыкальной культуре сквозь призму «ци юнь»

Включение европейской трубы в китайскую музыкальную культуру следует рассматривать не как простое расширение инструментального состава, а как изменение способа эстетического существования звука. Вместе с трубой в китайское художественное пространство входит яркий, направленный и торжественный тембр, исторически связанный с европейской церемониальностью, сигналом и пространственной экспансией. Однако в китайском контексте этот звук начинает соотноситься с иной системой эстетических ожиданий, где важны внутренняя мера, дыхательная непрерывность, интонационная пластичность и способность звучания оставлять духовный резонанс.

Историческое появление европейской трубы в Китае было частью более широкого процесса освоения западноевропейской музыкальной системы, инструментов и профессиональных форм. Но инструмент становится частью иной культуры не тогда, когда он физически включается в исполнительскую практику, а тогда, когда его звучание начинает восприниматься и организовываться согласно внутренним эстетическим принципам принимающей традиции. В этом смысле труба в Китае проходит путь от внешнего звукового объекта к художественно осмысленной форме звучания, вступающей в диалог с китайской эстетикой дыхания, линии и образности [10].

Первый уровень этой трансформации можно определить как переход от внешней звучности к внутренней энергетике. В европейской традиции труба часто раскрывается через силу, блеск, сиг-

нал, героический подъем и обращенность к коллективному пространству. В китайской музыкальной культуре эти качества не исчезают, но подчиняются иной логике: звук должен не только обладать мощью, но и разворачиваться как процесс внутреннего движения. Категория «ци» позволяет отличить физическую громкость от эстетической жизненности. Громкий звук может оставаться внешним, если в нем отсутствует внутренняя направленность; сдержанное звучание, напротив, может быть художественно значительным, если оно наполнено жизненной энергией и смысловым напряжением.

Второй уровень связан с переходом от технического звукоизвлечения к эстетическому дыханию. Для трубы дыхание является основой звукообразования, но в рамках «ци юнь» оно приобретает не только физиологический, но и художественный смысл. То, как звук возникает, набирает напряжение, удерживается, ослабевает и исчезает, формирует особую логику музыкального высказывания. Поэтому в китайской интерпретации трубы внимание переносится с одной лишь атаки, силы и блеска звука на его становление, протяженность, фразировку и исчезновение. Дыхание связывает телесное и духовное, техническое и образное, превращая звук в форму внутреннего состояния исполнителя.

Третий уровень трансформации связан с переходом от западного тембра к китайскому художественному образу. Китайская музыкальная культура традиционно придает значение не изолированному звуку, а тому образному пространству, которое он открывает. Музыкальная выразительность строится на соотношении звучащего и незвучащего, явного и скрытого, интонации и паузы, движения и внутренней остановки. Поэтому тембр трубы в китайском контексте может быть осмыслен не только как цвет оркестровой ткани, но и как средство создания «ицзин» – художественного состояния или образной среды. В современных оркестровых произведениях, музыке для духового оркестра, киномузыке и сценических жанрах труба способна обозначать историческое пространство, героическое воспоминание, драматическое напряжение или светлую торжественность, однако ее выразительность определяется тем, насколько этот блеск включен в общую образную меру произведения.

Именно здесь раскрывается значение «юнь». Если «ци» указывает на внутреннюю энергию звучания, то «юнь» связано с его остаточным, резонансным и образным измерением. Для трубы это означает, что ее звук должен не только прозвучать, но и оставить после себя эстетическое продолжение: послезвучие, паузу, внутреннее напряжение линии, тембровый след в памяти слушателя. Поэтому приемы, которые в исполнительской практике могут казаться техническими, в эстетиче-

ческом анализе получают иной статус. Сдержанная динамика, легато, гибкая артикуляция, мягкое окончание фразы, тембровое затемнение, использование сурдины, плавная мелодическая линия и осторожное введение интонационных оттенков становятся способами приближения трубного звучания к логике «юнь».

Категория «ци юнь» позволяет избежать поверхностного понимания «китаизации» трубы. Если свести адаптацию западного инструмента к пентатонике, национальной теме или внешним тембровым эффектам, исследование останется на уровне стилистического описания. Более существенным является изменение самого способа слышания инструмента. «Ци юнь» выступает не декоративным признаком китайского стиля, а механизмом переинтерпретации: оно объясняет, каким образом чужой тембр становится участником китайского художественного опыта. Через эту категорию труба перестает быть исключительно знаком западной торжественности и включается в систему, где звук связан с дыханием, мерой, образом и духовным откликом.

Такая переинтерпретация не означает растворения трубы в китайской традиции. Ее эстетическая ценность во многом сохраняется благодаря двойственной природе звучания. С одной стороны, труба остается носителем европейской звуковой энергии: яркости, проникающей силы, героической экспрессии и пространственной активности. С другой стороны, в китайском контексте эта энергия получает новую форму организации: она смягчается, подчиняется линии, вступает в отношения с паузой и послезвучием. В результате возникает не простая замена западного китайским, а особое межкультурное качество звука.

Этот процесс связан с общей логикой развития китайской музыки XX–XXI веков, в которой западные профессиональные формы, оркестровка и инструменты осваивались не через отказ от традиции, а через поиск новых способов выражения национальной эстетической идентичности [11]. В новой китайской музыке западный оркестр и традиционные инструменты нередко вступают в отношения взаимного переосмысления: различие тембров становится не препятствием, а источником художественного смысла. Дай Юй отмечает возобновление интереса к традиционному инструментарию и возможность его соединения с инструментарием европейского оркестра [12]. В этом контексте труба оказывается частью более широкой тембровой системы, где западная звуковая сила может быть преобразована через китайские принципы меры, дыхания и образности.

Таким образом, значение европейской трубы в китайской музыкальной культуре заключается не в том, становится ли она полностью «китайским» инструментом, а в том, каким образом через категорию «ци юнь» она получает новое эсте-

тическое бытие. Ее западная природа не исчезает, но вступает в процесс переосмысления: блеск соединяется с мерой, сила с дыханием, пространственная направленность с внутренним резонансом. Именно поэтому труба может рассматриваться как пример межкультурной эстетической трансформации, в которой чужой звук не просто заимствуется, а заново рождается внутри другой художественной традиции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что европейская труба в китайской музыкальной культуре должна рассматриваться не только как заимствованный инструмент западного происхождения, но и как особая звуковая форма, включенная в процесс межкультурной эстетической трансформации. Ее значение определяется не самим фактом присутствия в китайской музыкальной практике, а тем, каким образом ее тембр, семантика и выразительные возможности переосмысливаются в системе китайского художественного восприятия. Категория «ци юнь» выступает ключевым теоретическим основанием такого анализа: «ци» раскрывает звук как носитель жизненной энергии и внутреннего движения, тогда как «юнь» указывает на его остаточное, образное и резонансное измерение. В применении к трубе это означает, что художественная ценность ее звучания определяется не только силой, блеском или пространственной направленностью, но и способностью включаться в логику дыхания, меры, интонационной гибкости и послезвучия.

Европейская труба исторически связана с эстетикой торжественности, сигнала, церемонии, власти, героического утверждения и звуковой экспансии. Однако при включении в китайскую музыкальную культуру эта парадигма не воспроизводится механически, а вступает во взаимодействие с эстетической установкой, ориентированной на линейность мелодического движения, дыхательную непрерывность, соотношение звука и тишины, образную недосказанность и внутреннюю сосредоточенность. В результате труба сохраняет свою европейскую тембровую память, но приобретает новое художественное измерение: блеск соединяется с мерой, сила – с дыханием, пространственная направленность – с внутренним резонансом. Следовательно, через категорию «ци юнь» европейская труба предстает не как внешний элемент китайской музыкальной культуры, а как медиатор между различными способами эстетического переживания звука и как пример того, как заимствованная художественная форма получает новое духовно-смысловое содержание в иной культурной традиции.

Литература

1. Ли Цзянь. Состав эстетического значения категории «ци-юнь» и ее современная ценность // Китайская литературная критика. 2021. № 1. С. 85–95, 159.
2. Гудимова С.А. Основы древней китайской эстетики // Культурология. 2017. № 2. С. 57–73.
3. Сянь Ц. Введение в китайскую традиционную теорию музыки // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 145–148.
4. Пэн Фэн. «Ци-юнь» и ритм // Исследования по теории литературы и искусства. 2017. Т. 37, № 6. С. 16–25, 43.
5. Монель Р. Горн и труба как топические сигнификаторы // Журнал Исторического общества медных духовых инструментов. 2001. Т. 13. С. 102–117.
6. Макграттан А. Труба в погребальных церемониях Шотландии и Англии XVII века // Журнал Исторического общества медных духовых инструментов. 1995. Т. 7. С. 168–184.
7. Макги Т. Дж. Серебро или золото: цвет медных духовых инструментов в позднем Средневековье // Журнал Исторического общества медных духовых инструментов. 2005. Т. 17. С. 1–6.
8. Ма И [马毅]. Эстетическое воплощение мелодии, звучания и художественного настроения в китайской традиционной музыке // Форум китайской культуры. 2017. № 5. С. 154–157.
9. Ли Тяньтянь [李田甜]. «Срединная гармония», «художественное настроение», «ци-юнь»: анализ идей традиционной эстетики в китайском искусстве фортепианного исполнительства // Вестник Синьанского педагогического университета. Серия: философия и социальные науки. 2016. Т. 36, № 6. С. 96–99.
10. Цзоу Х. Историко-культурные предпосылки возникновения и развития искусства игры на трубе в Китае // Педагогическое образование. 2024. Т. 5, № 8. С. 126–130.
11. Ху Нань [胡南]. Измерение традиционной эстетики китайской музыки // Китайская художественная критика. 2023. № 5. С. 74–83.
12. Дай Юй. Функция традиционных инструментов в новой китайской музыке // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2014. № 3 (33). С. 48–49.

THE EUROPEAN TRUMPET IN CHINESE MUSICAL CULTURE THROUGH THE PRISM OF THE CATEGORY OF QI YUN

Xiao Huachuan

Vladimir State University

The article examines the European trumpet in Chinese musical culture through the prism of the category of qi yun. The aim of the study is to identify the aesthetic mechanism through which a Western wind instrument, while preserving its timbral nature, acquires a new artistic mode of existence in the Chinese cultural context. Special attention is paid to qi yun as one of the key concepts of Chinese aesthetics, expressing the unity of vital energy, inner movement, artistic spirituality, and aesthetic resonance. The article shows that the European trumpet is traditionally associated with the aesthetics of power, brilliance, signal, ceremony, and spatial directionality of sound. However, in Chinese musical culture, its sound is reinterpreted through the principles of breath continuity, intonational flexibility, inner measure, imagery, and aftersound. The conclusion is drawn that the significance of the trumpet in Chinese musical culture lies not in its complete «Sinicization», but in the formation of a specific intercultural quality of sound.

Keywords: European trumpet, Chinese musical culture, qi yun, musical aesthetics, intercultural transformation.

References

1. Li Jian. The Composition of the Aesthetic Meaning of the Category «Qi-yun» and Its Modern Value // Chinese Literary Criticism. 2021. № 1. Pp. 85–95, 159.
2. Gudimova S.A. Fundamentals of Ancient Chinese Aesthetics // Cultural Studies. 2017. № 2. Pp. 57–73.
3. Xian Q. Introduction to Traditional Chinese Music Theory // Society: Philosophy, History, Culture. 2015. № 6. Pp. 145–148.
4. Peng Feng. «Qi-yun» and Rhythm // Studies in the Theory of Literature and Art. 2017. Vol. 37, № 6. Pp. 16–25, 43.
5. Monel R. The Horn and Trumpet as Topical Signifiers // Journal of the Brass Historical Society. 2001. Vol. 13. Pp. 102–117.
6. McGrattan A. The Trumpet in Seventeenth-Century Funerals in Scotland and England // Journal of the Brass Historical Society. 1995. Vol. 7. Pp. 168–184.
7. McGee T.J. Silver or Gold: The Color of Brass Instruments in the Late Middle Ages // Journal of the Brass Historical Society. 2005. Vol. 17. Pp. 1–6.
8. Ma Yi [马毅]. Aesthetic Embodiment of Melody, Sound, and Artistic Mood in Chinese Traditional Music // Forum of Chinese Culture. 2017. № 5. Pp. 154–157.
9. Li Tiantian [李田甜]. «Middle Harmony», «Artistic Mood», «Qi-yun»: An Analysis of the Ideas of Traditional Aesthetics in Chinese Piano Performance // Bulletin of Xinyang Normal University. Series: Philosophy and Social Sciences. 2016. Vol. 36, № 6. Pp. 96–99.
10. Zou H. Historical and Cultural Prerequisites for the Emergence and Development of the Art of Playing the Trumpet in China // Pedagogical Education. 2024. Vol. 5, № 8. Pp. 126–130.
11. Hu Nan [胡南]. The Dimension of Traditional Aesthetics of Chinese Music // Chinese Art Criticism. 2023. № 5. Pp. 74–83.
12. Dai Yu. The Function of Traditional Instruments in New Chinese Music // Actual Problems of Higher Music Education. 2014. № 3 (33). P. 48–49.

Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи

Туркменов Искандер Олегович,

преподаватель кафедры «Социальная инженерия» ПривГУПС
E-mail: i.turkmenov@samgups.ru

В статье рассматриваются методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи в рамках научной специальности. Особое внимание уделено обзору отечественных исследований отраслевой идентичности как самостоятельной социологической категории, а также разграничению социологического и педагогического уровней анализа данной проблематики. Показано, что для изучения влияния студенческих отрядов недостаточно описывать их лишь как форму трудового воспитания или профессиональной адаптации; они должны рассматриваться как социальный институт раннего включения молодежи в отраслевое сообщество, где действуют механизмы групповой идентификации, нормативной интеграции, накопления социального капитала и символического присвоения отрасли. Обосновывается продуктивность институционального, социализационного, сетевого, символично-интеракционистского и средового подходов. Предлагаются методологические принципы эмпирического исследования, включающие многоуровневую модель анализа, лонгитюдный дизайн «до/после», использование контрольных групп, сочетание количественных и качественных методов, а также операционализацию отраслевой идентичности через когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и поведенческий компоненты. Делается вывод о необходимости интегративной социологической стратегии, способной связать процессы участия молодежи в коллективных трудовых практиках с динамикой ее отраслевого самоопределения.

Ключевые слова: студенческие отряды, отраслевая идентичность, молодежь, социологическая методология, социальный институт, профессиональная социализация, коллективные трудовые практики, социальный капитал, образовательная среда, лонгитюдное исследование.

Введение

Проблематика отраслевой идентичности в последние годы становится самостоятельным направлением исследований на стыке социологии образования, социологии труда и исследований профессиональной социализации молодежи.

Тема важна для анализа молодежи отраслевых университетов, поскольку позволяет увидеть разрыв между формально освоенной специальностью и готовностью связывать собственную биографию с отраслью в долгосрочной перспективе. Для социологического анализа эта работа значима не как готовая объяснительная схема, а как источник переменных и наблюдаемых процессов, которые могут быть переосмыслены на уровне социальных институтов, групповых норм и механизмов включения молодежи в отраслевое сообщество.

Одновременно социологическая оптика требует учитывать, что идентичность формируется не только как индивидуальное решение, но и как результат включения в группу, символический порядок и систему значимых «мы»-категорий.

Именно поэтому влияние студенческих отрядов на отраслевую идентичность молодежи не может быть описано исключительно в терминах воспитательной работы или профессиональной ориентации; оно требует методологического анализа на уровне социальных институтов, структур взаимодействия и воспроизводимых коллективных практик.

Цель статьи состоит в систематизации методологических подходов к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи и в обосновании исследовательской программы.

Материалы и методы

Статья носит теоретико-методологический характер и основана на анализе отечественных и зарубежных работ по проблемам отраслевой и профессиональной идентичности, социального капитала, образовательной среды, профессиональной социализации и студенческих отрядов.

В качестве базовых процедур использовались сравнительный анализ научных подходов, концептуальный синтез, междисциплинарная интерпретация и логическое моделирование.

Методологическая задача статьи состояла не в эмпирической проверке гипотезы, а в выстраивании непротиворечивой исследовательской рамки, позволяющей в дальнейшем изучать изменения отраслевой идентичности молодежи до участия в студенческих отрядах и после участия в них.

Отечественные исследования отраслевой идентичности: состояние и исследовательские лакуны

В работе М.А. Гнатюка, М.А. Пырковой и Е.И. Фадева отраслевая идентичность обоснована как особая социологическая категория, занимающая промежуточное положение между профессиональной, корпоративной и организационной идентичностями [1]. Современный российский корпус исследований отраслевой идентичности только складывается, и именно поэтому важную роль играет работа, в которой данное понятие выводится в ранг самостоятельной социологической категории и связывается с институциональными источниками формирования – семьей, образовательной средой, медийным образом отрасли и отраслевым полем в целом.

В другой работе тех же авторов образовательная среда отраслевого университета рассматривается как фактор формирования отраслевой идентичности студентов, что расширяет поле анализа от сугубо индивидуальных установок к характеристикам институциональной среды. Работа, посвященная образовательной среде отраслевого университета, дополняет социологическую постановку вопроса анализом пространственно-предметного, субъектно-социального, технологического, мотивационно-ценностного, цифрового и рефлексивно-диагностического компонентов среды [2]. Для методологии исследования студенческих отрядов это означает, что отраслевая идентичность должна измеряться не только через ценностные декларации студентов, но и через их фактическую включенность в среду, где отрасль символически и организационно присутствует как реальность повседневного опыта.

Педагогический ракурс проблемы системно представлен в статье М.А. Пырковой, где в качестве методологических оснований формирования отраслевой идентичности будущих специалистов выделены средовой подход, ценностно-смысловая обеспеченность подготовки, наставничество, проектная и сервисно-проектная деятельность [3]. Педагогическая статья М.А. Пырковой важна тем, что показывает дисциплинарно близкий, но не совпадающий с социологией способ анализа отраслевой идентичности, акцентирующий проектирование образовательной среды, наставничество и проектную деятельность. Для социологии это особенно ценно, поскольку позволяет увидеть, какие элементы образовательной и внеучебной

практики могут выступать наблюдаемыми социальными факторами, подлежащими институциональному и процессуальному анализу.

Фундаментальные отечественные исследования профессиональной идентичности показывают, что идентификационные процессы имеют многокомпонентный и динамический характер, а их становление связано не только с усвоением знаний, но и с принятием ценностей, ролей и норм будущей профессиональной среды [4].

Работы Е.А. Климова задают важную методологическую опору для анализа самоопределения через связь профессионального выбора с образом будущей деятельности, системой ожиданий и социально одобряемых траекторий в мире труда [5].

Сильной стороной этой концептуализации является то, что она позволяет отделить отраслевую идентичность от профессиональной и тем самым аналитически фиксировать ситуации, когда молодой человек принимает профессию, но не принимает отрасль как пространство будущей жизни и труда.

Работы, посвященные динамике отраслевой идентичности студентов, участвующих в социальном проектировании, показывают, что идентичность чувствительна к повторяемому включению в коллективные практики и изменяется не одновременно, а по мере накопления опыта и его рефлексивного осмысления [6–8].

Более ранние исследования профессиональной идентичности в отечественной науке дают необходимый методологический фон: они позволяют рассматривать идентичность как структурированное образование, включающее когнитивный, ценностный, эмоциональный и поведенческий компоненты [4].

Исследования профессионального самоопределения подчеркивают значение образа будущей деятельности и соотнесения личной биографии с определенной сферой труда, что напрямую связано с проблемой отраслевого выбора молодежи [5].

Таким образом, обзор отечественной литературы показывает наличие уже сформированного понятийного ядра и одновременно дефицит работ, где влияние студенческих отрядов на отраслевую идентичность молодежи было бы рассмотрено именно как социологическая проблема социальных институтов, групповых процессов и структур включенности.

Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов

Методологическая специфика поставленной проблемы состоит в том, что ни один подход не охватывает ее полностью; поэтому исследование должно строиться как интегративное. Институциональный

подход позволяет рассматривать студенческие отряды как устойчивую форму организации молодежного труда, связывающую университет, работодателя, молодежную политику и отраслевую инфраструктуру в единый механизм раннего входа в профессию [13]. Подход профессиональной социализации дает возможность анализировать студенческие отряды как пространство освоения ролей, норм, дисциплины и ожиданий, связанных с будущей работой в отрасли [15]. Сетевой и капитальный подходы делают видимыми процессы накопления доверия, взаимности и полезных связей, возникающих в результате коллективного труда и включения молодежи в реальные производственные и квазипрофессиональные сети [14]. Символично-

интеракционистский подход помогает объяснить, каким образом через групповые ритуалы, языки самоописания, атрибутику, наставничество и признание со стороны значимых других происходит переход от временного участия в отряде к устойчивому ощущению принадлежности к отрасли [7]. Средовой подход, заимствованный из исследований образовательной среды, дает возможность учитывать не только собственно работу в отряде, но и более широкую инфраструктуру отраслевого университета, где трудовые практики соединяются с миссией вуза, символическим порядком и коммуникацией с отраслевыми партнерами [2].

Сводка методологических подходов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Методологические подходы к изучению влияния студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи

Подход	Что является объектом анализа	Какой результат позволяет увидеть
Институциональный	Студенческий отряд как форма организованного молодежного труда и посредник между вузом, работодателем и отраслью	Роль институциональной среды в раннем включении молодежи в отраслевое сообщество
Социализационный	Освоение ролей, дисциплины, норм ответственности и трудового поведения	Переход от участия к устойчивому профессионально-отраслевому самоотнесению
Сетевой / социального капитала	Горизонтальные и вертикальные связи, доверие, наставничество, доступ к ресурсам	Накопление связей и укрепление приверженности отрасли
Символично-интеракционистский	Ритуалы, язык группы, атрибутика, признание со стороны значимых других	Механизмы символического присвоения отрасли и формирования «мы»-идентичности
Средовой	Взаимосвязь отрядной практики с образовательной средой отраслевого университета	Влияние институционального контекста на устойчивость отраслевой идентичности

Методологические принципы эмпирического исследования

Во-первых, исследование влияния студенческих отрядов на отраслевую идентичность должно строиться как многоуровневое: на микроуровне фиксируются установки и самоописания участников, на мезоуровне – характеристики отрядного коллектива, на макроуровне – институциональные условия отраслевого университета и работодателя.

Во-вторых, наиболее продуктивным является лонгитюдный дизайн, позволяющий измерять динамику отраслевой идентичности до начала участия в студенческом отряде и после завершения трудового сезона или проекта.

В-третьих, для повышения доказательности желательна контрольная группа студентов, сопоставимых по профилю обучения и социально-демографическим характеристикам, но не участвующих в отрядной деятельности.

В-четвертых, отраслевую идентичность целесообразно операционализировать через когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и поведенческий компоненты, что позволит избежать

редукции сложного феномена к одному вопросу о намерении работать в отрасли.

В-пятых, количественные методы должны сочетаться с качественными: анкетирование дает возможность увидеть распределение показателей, тогда как интервью, фокус-группы и наблюдение позволяют восстановить механизмы перехода от трудового участия к символическому и ценностному присвоению отрасли.

В-шестых, при анализе необходимо контролировать профильность выполняемой работы, интенсивность участия, наличие наставничества, глубину контакта с отраслевыми организациями, а также исходный уровень интереса к отрасли, чтобы не смешивать эффект отрядной практики с эффектом предварительной селекции участников.

Наконец, методологически важно различать временный эмоциональный подъем после участия в коллективной трудовой практике и устойчивое изменение отраслевой идентичности; поэтому отсроченные замеры и анализ закрепляемости молодежи в отрасли представляются особенно значимыми.

Заключение

Методологический анализ показывает, что влияние студенческих отрядов на формирование отраслевой идентичности молодежи должно изучаться как комплексный социальный процесс, включающий институциональные, сетевые, символические и средовые измерения.

В отличие от педагогической логики, где акцент делается на условиях формирования идентичности в образовательном процессе, социологическая оптика требует рассматривать студенческие отряды как социальный институт и как форму коллективных трудовых практик, в рамках которых молодежь включается в отраслевое сообщество и усваивает его нормы, смыслы и ожидания.

Именно поэтому ключевой задачей дальнейших исследований становится не только фиксация роста или снижения отраслевой идентичности, но и выявление тех механизмов, через которые коллективный труд, наставничество, символическая среда, социальный капитал и образовательный контекст совместно формируют устойчивую приверженность молодежи определенной отрасли.

Литература

1. Гнатюк М. А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования // Социология. 2025. № 12. С. 88–93. EDN XNBWVD.
2. Гнатюк М. А., Пыркова М.А., Фадеев Е.И. Образовательная среда отраслевого университета как фактор формирования отраслевой идентичности студентов // Современное профессиональное образование. 2025. № 12. С. 19–23. EDN CYRGBD.
3. Пыркова М.А. Методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 574–579. DOI: 10.25683/VOL-BI.2026.74.1521. EDN DXPSLY.
4. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2004.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
6. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001.
7. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
8. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966.
9. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
10. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement. P. S95–S120.
11. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000.
12. Фадеев Е.И. Динамика формирования отраслевой идентичности студентов вуза, участвующих в социальном проектировании // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 8(136). С. 113–118.
13. Рябцевич А. В., Киселев М.С., Усов В.Н., Гнатюк М.А., Кротов Д.В. Студенческие отряды в формировании трудового воспитания и социального капитала молодежи России. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018.
14. Гнатюк М. А., Усов В.Н., Кротов Д.В. Студенческие отряды как фактор, обеспечивающий рост социального капитала молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 40–43.
15. Гнатюк М. А., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Российские студенческие трудовые отряды как ресурс для социально-профессионального самоопределения молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 31–34.
16. Киселев М. С., Кротов Д.В., Гнатюк М.А. Студенческие отряды как система трудового и патриотического воспитания и самореализации молодежи. Ростов н/Д; Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.
17. Беспалова А. А., Гнатюк М.А., Люев А.Х. Досуг в системе трудовой (профессиональной) адаптации российской молодежи (социологический аспект). М.: Русайнс, 2022.
18. Garanin M. A., Gnatyuk M.A., Khorovinnikova E.G. Mission of Samara State Transport University // BRICS Transport. 2023. Vol. 2. № 4.
19. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.
20. Волкова С.А. Обучение в вузе как этап социализации студентов // Мир педагогики и психологии. 2016. № 2(2). С. 5–7.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING THE INFLUENCE OF STUDENT LABOR BRIGADES ON THE FORMATION OF INDUSTRY IDENTITY OF YOUTH

Turkmenov I.O.
PrivGUPS

The article examines methodological approaches to studying the influence of student labor brigades on the formation of industry identity of youth. Particular attention is paid to the review of Russian studies interpreting industry identity as an independent sociological category and to the distinction between sociological and pedagogical levels of analysis. The paper argues that student labor brigades should

be studied not only as a form of labor education or professional adaptation, but as a social institution of early inclusion of young people into an industry community, where mechanisms of group identification, normative integration, accumulation of social capital, and symbolic appropriation of the industry are activated. The institutional, socialization, network, symbolic-interactionist, and environmental approaches are substantiated as the most productive. The article proposes methodological principles for empirical research, including a multilevel analytical model, a longitudinal «before/after» design, control groups, a mixed-method strategy, and operationalization of industry identity through cognitive, value-semantic, emotional, and behavioral components. It concludes that an integrative sociological strategy is needed to connect youth participation in collective labor practices with the dynamics of their industry self-determination.

Keywords: student labor brigades, industry identity, youth, sociological methodology, social institution, professional socialization, collective labor practices, social capital, educational environment, longitudinal research.

References

- Gnatyuk M. A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Otraselevaya identichnost' kak sotsiologicheskaya kategoriya: granitsy, struktura i institutsional'nye istochniki formirovaniya [Industry identity as a sociological category: boundaries, structure, and institutional sources of formation]. *Sotsiologiya*. 2025;(12):88–93. (In Russ.)
- Gnatyuk M. A., Pyrkova M.A., Fadeev E.I. Obrazovatel'naya sreda otraselevogo universiteta kak faktor formirovaniya otraselevoi identichnosti studentov [The educational environment of an industry university as a factor in the formation of students' industry identity]. *Sovremennoe professional'noe obrazovanie*. 2025;(12):19–23. (In Russ.)
- Pyrkova M.A. Metodologicheskie osnovaniya formirovaniya otraselevoi identichnosti budushchikh spetsialistov v professional'nom obrazovanii [Methodological foundations for forming industry identity of future specialists in professional education]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;(1(74)):574–579. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1521. (In Russ.)
- Shneider L.B. Professional'naya identichnost' [Professional identity]. Moscow, 2004. (In Russ.)
- Klimov E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]. Rostov-on-Don, 1996. (In Russ.)
- Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W.G., eds. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986:7–24.
- Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, 1966.
- Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J., ed. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, 1986:241–258.
- Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 1988;94(Suppl.): S95–S120.
- Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, 2000.
- Fadeev E.I. Dinamika formirovaniya otraselevoi identichnosti studentov vuza, uchastvuyushchikh v sotsial'nom proektirovanii [Dynamics of the formation of industry identity of university students participating in social design]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2025;(8(136)):113–118. (In Russ.)
- Ryabtsevich A. V., Kiselev M.S., Usov V.N., Gnatyuk M.A., Krotov D.V. Studencheskie otryady v formirovanii trudovogo vospitaniya i sotsial'nogo kapitala molodezhi Rossii [Student labor brigades in the formation of labor education and youth social capital in Russia]. Rostov-on-Don, 2018. (In Russ.)
- Gnatyuk M. A., Usov V.N., Krotov D.V. Studencheskie otryady kak faktor, obespechivayushchii rost sotsial'nogo kapitala molodezhi [Student labor brigades as a factor ensuring the growth of youth social capital]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2022;(9):40–43. (In Russ.)
- Gnatyuk M. A., Krotov D.V., Samygin S.I. Rossiiskie studencheskie trudovye otryady kak resurs dlya sotsial'no-professional'nogo samoopredeleniya molodezhi [Russian student labor brigades as a resource for socio-professional self-determination of youth]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2017;(11):31–34. (In Russ.)
- Kiselev M. S., Krotov D.V., Gnatyuk M.A. Studencheskie otryady kak sistema trudovogo i patrioticheskogo vospitaniya i samorealizatsii molodezhi [Student labor brigades as a system of labor and patriotic education and self-realization of youth]. Rostov-on-Don; Taganrog, 2024. (In Russ.)
- Bespalova A. A., Gnatyuk M.A., Lyuev A. Kh. Dosug v sisteme trudovoi (professional'noi) adaptatsii rossiiskoi molodezhi (sotsiologicheskii aspekt) [Leisure in the system of labor (professional) adaptation of Russian youth (a sociological aspect)]. Moscow, 2022. (In Russ.)
- Garanin M. A., Gnatyuk M.A., Khorovinnikova E.G. Mission of Samara State Transport University. *BRICS Transport*. 2023;2(4).
- Yasvin V.A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Volkova S.A. Obuchenie v vuze kak etap sotsializatsii studentov [Learning at university as a stage of students' socialization]. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2016;(2(2)):5–7. (In Russ.)

Искусство исполнения на трубе в контексте эстетических категорий

Сяо Хуачуань,

аспирант, Владимирский государственный университет
E-mail: 370602791@qq.com

Цель статьи заключается в выявлении эстетических оснований оценки искусства исполнения на трубе. Объектом исследования выступает трубное исполнительство как феномен музыкального искусства, а предметом – эстетические категории, определяющие восприятие и оценку звучания, интонирования, артикуляции, стилистических особенностей и художественного содержания исполнения. Методологическую основу исследования составляют категориальный анализ, философско-эстетический подход, а также элементы музыкально-эстетического анализа. Показано, что эстетическая оценка трубного исполнительства формируется на фонетическом, синтаксическом и композиционном уровнях музыкального восприятия. Обосновано значение категорий прекрасного, меры, гармонии, возвышенного и духовности для анализа искусства исполнения на трубе. Материалы статьи могут быть полезны исследователям в области эстетики, музыкальной эстетики и теории исполнительского искусства.

Ключевые слова: эстетическая оценка, музыкальная эстетика, эстетические категории, трубное исполнительство, прекрасное, возвышенное, духовность, музыкальное восприятие, художественная ценность.

Введение

Искусство исполнения на трубе, как на иных медных духовых инструментах, представляет довольно сложный феномен, который может рассматриваться с разных позиций. Процесс овладения этим искусством предполагает освоение нескольких направлений, среди которых эстетическое занимает особое место: без него исполнительство на трубе в принципе не может относиться к музыкальному искусству. Рассматривая заявленный аспект, следует учитывать основные положения эстетической науки, которые были приведены в работах Баумгартена А.-Г., Канта Э., Шиллера Ф., Гете В., Гегеля Г.В.Ф., Чернышевского Н.Г., Кагана М.С., Овсянникова М.Ф., Сохора А.Н., в трудах китайских исследователей и др. Ключевым для понимания сущности эстетического можно считать высказывание Гегеля, который в своих лекциях обозначил предметом эстетики область прекрасного в искусстве и определял эстетику как философию искусства, сделав критический анализ существовавших эстетических концепций того времени и рассмотрев эстетические категории. Вместе с тем в научной литературе искусство игры на трубе чаще рассматривается в исполнительском, педагогическом или техническом аспекте, тогда как его философско-эстетическое осмысление нуждается в дополнительной систематизации.

Научная проблема статьи заключается в определении того, каким образом эстетические категории могут быть применены к анализу и оценке трубного исполнительства. Цель статьи – выявить эстетические основания оценки искусства исполнения на трубе. Объект исследования – трубное исполнительство как феномен музыкального искусства. Предмет исследования – эстетические категории и критерии, определяющие восприятие и оценку трубного звучания. Методология исследования основана на философско-эстетическом анализе, категориальном подходе и музыкально-эстетической интерпретации.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении трубного исполнительства через систему эстетических категорий и уровней музыкального восприятия. В статье обосновывается, что эстетическая оценка исполнения на трубе формируется не только техническим качеством звукоизвлечения, но и взаимодействием тембровых, интонационных, синтаксических, стилистических и духовно-содержательных факторов.

В эстетике выделяют ряд аспектов, категорий и критериев, которые позволяют судить об эсте-

тических свойствах объекта. К ним относят: симметрию, гармоничность, меру, эстетический идеал, совершенство, соответствие формы и содержания, категории прекрасного, возвышенного, безобразного, трагического и комического, духовность, которые представляются наиболее значимыми и для музыкально-исполнительского искусства. В контексте трубного исполнительства категория меры проявляется в соотношении технической виртуозности и художественной выразительности; категория гармонии в согласованности тембра, интонации, артикуляции и формы; категория прекрасного в целостном восприятии звукового образа; категория возвышенного в способности исполнения выражать напряжение, масштабность и духовную устремленность музыкального содержания.

Значительную роль в музыкальной эстетике играют положения, касающиеся эстетического восприятия музыки, которое неразрывно связано с музыкальным восприятием. Особенности музыкального восприятия были предметом исследований Ганслика Э., Гегеля Г.Ф., Медушевского В.В., Назайкинского Е.В., Сохора А.Н., Чередниченко Т.В. и др. Было установлено, что при восприятии произведений музыкального искусства следует учитывать фонетический, синтаксический и композиционный уровни музыкального восприятия (Назайкинский Е.В. [6], Медушевский В.В. [7]). Безусловно, восприятие музыки всегда связано с ее эстетической оценкой.

Уровнями музыкального восприятия обусловлена правомерность обращения к таким аспектам музыкально-исполнительского искусства как звукоизвлечение и особенности звучания воспроизводимого музыкального произведения, в контексте которых находят свое отражение эстетические категории и закономерности. По мнению Чередниченко Т.В., «Оценка любого явления, в том числе и музыкального произведения, строится в виде иерархии обоснований. Она восходит от конкретных деталей к последнему доводу до философской метасистемы ценностей» [11]. Ею также определены общие, особенные, конкретные критерии художественной ценности в музыке, обоснован принцип несравнимости и выведены ценностные ранги.

Фонетический уровень эстетической оценки трубного исполнительства

Первый уровень музыкального восприятия и, соответственно, эстетического оценивания, относится к звучанию музыкального инструмента. Как отмечал Сохор А.Н., «Любой звук как материальное явление характеризуется объективными физическими свойствами: силой, акустическим составом, частотой колебаний, продолжительностью. Эти свойства отражаются в наших субъективных ощущениях, таких, как громкость, тембр, высота и длительность звука»

[10]. Однако эту палитру можно расширить, дополнив ее такими свойствами как: красота звучания; звуковысотная стабильность или гибкость, чистота интонации; качества звука (яркость, полетность, мягкость, очаровательность и т.д.). Качества звука, необходимые для исполнителя-трубача, отмечаются в работах Т. Докшицера [3, 4] и др. Приведенные свойства могут выступать в роли индикаторов, выступающих основой для системы эстетических эталонов фонетического уровня музыкального и эстетического восприятия.

Материальные характеристики инструмента – конструкция, материал, качество мундштука – не являются эстетическими категориями сами по себе, однако они выступают предпосылками формирования звукового образа. В эстетическом отношении значим не технический параметр как таковой, а его участие в создании тембровой выразительности, интонационной устойчивости и художественной убедительности звучания. Поэтому качество инструмента и исполнительская техника должны рассматриваться не изолированно, а в связи с тем, каким образом они обеспечивают художественную выразительность и эстетическую целостность музыкального образа.

По поводу эталонов восприятия тембра, высоты звука следует заметить, что они складывались в музыкальном искусстве и социально-культурной практике человечества в течение длительного времени. Они подвижны, вариативны и в каждом отдельном социуме могут иметь свою ценность. Так, китайский народный инструмент сона имеет яркий резкий звук, напоминающий звук русской жалейки, однако это позволяет ему восприниматься в качестве национального эстетического эталона. Данный пример показывает, что эстетический эталон тембра не является универсальной и неизменной величиной: он формируется в конкретной культурной традиции и зависит от исторически сложившихся норм музыкального восприятия.

В китайской музыкально-эстетической традиции особое значение имеют представления о выразительности тембра, одухотворенности звучания, соотношении внутреннего состояния исполнителя и звукового образа. Поэтому обращение к китайским исследованиям музыкальной эстетики позволяет расширить анализ трубного исполнительства и рассматривать его не только в европейской, но и в межкультурной перспективе [14, 15, 16].

В отличие от высотных характеристик звука интонирование, фразировка, артикуляция, штрихи, построение предложений относится к синтаксическому уровню – уровню текста. В связи с этим, выведение корректных эстетических оценок требует музыкальной подготовки и широких познаний в области музыкального искусства. Сохор А.Н. отмечал: «Любая часть музыкального текста является элементом одновременно нескольких

структур, выполняя в каждой из них свои функции. Некоторые из этих структур непосредственно связаны между собой (ладовая-гармоническая, метрическая-ритмическая), другие опосредованно, а все они вместе с мелодической и интонационной, подчинены главной структуре – образно-тематической и через нее обусловлены содержанием [9].

Композиционный уровень: стиль, жанр, форма и духовное содержание

Третий уровень – композиционный – предъявляет высокие требования как к исполнителю, так и к оценивающему эстетические стороны музыкального произведения, поскольку в этом случае в сферу воспринимаемого попадают не только элементы музыкального языка, но такие категории музыкального искусства как стиль, жанр, форма, содержание музыки, глубина и точность эмоционального отражения.

В соответствии с выводами Чередниченко Т.В., каждое музыкальное произведение должно оцениваться с учетом ценностных рангов, системы музыкально-эстетических знаний, динамичного (неконсервативного) подхода к оценке произведений, понимания историко-социокультурных особенностей эпох и относящихся к ним произведений. При этом высокопрофессиональное знание искусства, широкий слуховой опыт, динамичный (неконсервативный) вкус, позволяющие адекватно оценить замысел композитора и его реализацию в произведении как высший ранг критического искусства, представляются весьма востребованными. Чередниченко Т.В. отмечала что «Музыкальные ценности исторически изменчивы, но их значение остается неизменным» и предупреждала, что «Самообоснование конкретных ценностей великой традиции оборачивается их самоотрицанием» [12].

Важно учитывать, что эстетические стороны исполнения музыкального произведения могут оцениваться с позиций, относящихся к эстетическим нормам эпохи его создания с одной стороны, и к положениям современной эстетики с другой. Каждая эпоха обладала своими характеристиками и ценностями, нормами, которые затем исторически изменялись, трансформировались и уступали место новым эстетическим установкам, то познание аутентичных особенностей звучания и исполнения представляется довольно важным для исполнителей. Анализ эстетических ценностей эпох от Античности до середины XIX века был представлен в работе Овсянникова М.Ф. [8]. Особенности и проблемы аутентичного исполнения были рассмотрены в работе Арнонкура Н. [1]. Их позиции следует учитывать как при исполнении на современной трубе, так и при эстетической оценке во время восприятия.

Известно, что первые произведения для трубы (а это были сонаты, созданные еще в XVII веке итальянским итальянским композитором и трубачом Джироламо Фантини) предназначались для натуральной трубы, качество звучания которой отличалось от звучания современных инструментов, имеющих гораздо большие возможности. Достигнутый к настоящему времени уровень искусства исполнения на трубе позволяет использовать все тембральные, инструментальные и артикуляционные особенности этого инструмента, а также историко-культурные и иные сведения для достижения максимально полного соответствия звучания современной трубы критериям эстетического восприятия синтаксического и композиционного уровней, о которых можно судить лишь на основе немногочисленных трактатов той эпохи, а также на основе вновь полученных данных научных исследований в области исторического музыкознания.

Кроме приведенных выше, необходимо отметить и иные особенности, влияющие на эстетическую оценку исполняемой музыки. Одна из них – совершенство звукоизвлечения. Гете однажды в беседе с Иоганом Эккерманом сказал, что «чувство вызывается содержанием произведения, а восхищение уровнем мастерства» [13]. Так, исполнение на трубе «Рондо-каприччиозо» Сен-Санса Сергеем Накаряковым поражает блестящим владением инструментом, в котором восхищение вызывает прежде всего мастерство звукоизвлечения. Следует отметить и художественные стороны исполнения им этого виртуозного скрипичного произведения, однако совершенство звукоизвлечения и техника исполнения вызывают особую, высочайшую эстетическую оценку.

На фонетическом уровне эстетическая оценка связана с тембром, интонационной устойчивостью, чистотой звука и его выразительными качествами. На синтаксическом уровне она определяется артикуляцией, фразировкой, интонированием и логикой музыкальной речи. На композиционном уровне решающее значение приобретают стиль, жанр, форма, историко-культурный контекст и духовное содержание произведения.

Определяя роль духовности в искусстве музыки, Гегель замечал: «Только когда в чувственной стихии звуков и их многочисленных конфигураций выражается духовное начало в соразмерной ему форме, музыка возвышается до уровня подлинного искусства независимо от того, раскрывается ли это содержание само по себе более конкретно в словах или не дается столь определенно и должно восприниматься в звуках, их гармонических соотношениях и мелодическом одушевлении» [2].

Таким образом, искусство исполнения на трубе может рассматриваться как объект эстетического анализа, поскольку его оценка предполагает обращение не только к техническим,

но и к философско-эстетическим основаниям. Трубное исполнительство соединяет материально-звуковую сторону музыкального искусства, исполнительскую технику, художественную интерпретацию и духовно-содержательное измерение музыки.

Заключение

Таким образом, искусство исполнения на трубе может рассматриваться как самостоятельный объект эстетического анализа, поскольку его оценка предполагает обращение не только к техническим параметрам звукоизвлечения, но и к более широким философско-эстетическим основаниям. Трубное исполнительство соединяет материально-звуковую природу музыкального искусства, исполнительскую технику, художественную интерпретацию, историко-культурный контекст и духовно-содержательное измерение музыки.

Эстетическая оценка исполнения на трубе формируется на нескольких взаимосвязанных уровнях музыкального восприятия. На фонетическом уровне существенное значение приобретают тембр, чистота интонации, звуковысотная устойчивость, динамическая гибкость и выразительные качества звучания. На синтаксическом уровне эстетическая убедительность исполнения определяется артикуляцией, фразировкой, интонированием, штриховой организацией и логикой музыкальной речи. На композиционном уровне решающими становятся стиль, жанр, форма, художественное содержание произведения, соответствие исполнительской интерпретации историко-культурным нормам и способность исполнения раскрывать духовный смысл музыки.

Рассмотрение трубного исполнительства через категории прекрасного, меры, гармонии, возвышенного и духовности позволяет выявить его не только как область профессионального исполнительского мастерства, но и как феномен музыкальной эстетики. При таком подходе техническое совершенство не противопоставляется художественной выразительности, а выступает одним из условий формирования целостного звукового образа. Следовательно, эстетические основания оценки искусства исполнения на трубе определяются взаимодействием звуковых, интонационных, синтаксических, стилевых и духовно-содержательных факторов, что подтверждает значимость трубного исполнительства для философско-эстетического исследования музыкального искусства.

Литература

1. Арнонкур Н. Музыка барокко: путь к новому пониманию / Н. Арнонкур; пер. с нем. О. Кова-

- ля. – М.: РИПОЛ классик: Пальмира, 2019. – 247 с.
2. Гегель Г. В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3 / Г. В.Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1969. – 621 с.
3. Докшицер Т.А. Путь к творчеству / Т.А. Докшицер. – М.: Муравей, 1999. – 212 с.
4. Докшицер Т.А. Штрихи на трубе [Звукозапись] / Т.А. Докшицер; Л. Подшивайленко, фп.; текст читает П. Лобанов. – М.: Мелодия, б.г. – 1 грп.: 33 об/мин, моно; 30 см.
5. Каган М.С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике / М.С. Каган; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – 2-е изд., расшир. и перераб. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 766 с.
6. Назайкинский Е. В. О психологии музыкального восприятия / Е.В. Назайкинский. – М.: Музыка, 1972. – 383 с.
7. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В.В. Медушевский. – М.: Музыка, 1976. – 253 с.
8. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли: учеб. пособие / М.Ф. Овсянников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1984. – 336 с.
9. Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки: сб. ст. Вып. 1 / А.Н. Сохор; Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Л.: Советский композитор, 1980. – 295 с.
10. Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки: сб. ст. Вып. 2: Статьи и исследования / А.Н. Сохор; Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Л.: Советский композитор, 1981. – 295 с.
11. Чередниченко Т. В. К проблеме художественной ценности в музыке / Т.В. Чередниченко // Проблемы музыкальной науки: сб. ст. – Вып. 5. – М.: Советский композитор, 1983. – С. 255–295.
12. Чередниченко Т.В. Тенденции современной западной музыкальной эстетики: к анализу методологических парадоксов науки о музыке / Т.В. Чередниченко. – М.: Музыка, 1989. – 221, [1] с.
13. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / И.П. Эккерман; пер. с нем. Н. Ман; вступ. ст. Н.Н. Вильмонта; коммент. и указ. А.А. Аникста. – М.: Художественная литература, 1981. – 687 с.
14. Цай Чжундэ. История китайской музыкальной эстетики / Цай Чжундэ. – Пекин: Народное музыкальное издательство, 2003. – 868 с.
15. Чжан Цянь, Ван Цычао. Основы музыкальной эстетики / Чжан Цянь, Ван Цычао. – Пекин: Народное музыкальное издательство, 1992. – 350 с.
16. Сю Хайлинь, Ло Сяопин. Общая теория музыкальной эстетики / Сю Хайлинь, Ло Сяопин. – Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2002. – 12, 607 с.

THE ART OF PLAYING THE TRUMPET IN THE
CONTEXT OF AESTHETIC CATEGORIES

Xiao Huachuan

Vladimir State University

The aim of the article is to identify the aesthetic grounds for evaluating the art of trumpet performance. The object of the study is trumpet performance as a phenomenon of musical art, while its subject is the aesthetic categories that determine the perception and evaluation of sound, intonation, articulation, style, and artistic content. The methodological basis of the research includes categorical analysis, a philosophical-aesthetic approach, and elements of musical-aesthetic analysis. The article shows that the aesthetic evaluation of trumpet performance is formed at the phonetic, syntactic, and compositional levels of musical perception. The significance of the categories of beauty, measure, harmony, the sublime, and spirituality for the analysis of trumpet performance is substantiated.

Keywords: aesthetic evaluation, musical aesthetics, aesthetic categories, trumpet performance, beauty, the sublime, spirituality, musical perception, artistic value.

References

1. Harnoncourt N. Baroque Music: The Path to a New Understanding / N. Harnoncourt; trans. from German by O. Koval. – M.: RIPOL classic: Palmyra, 2019. – 247 p.
2. Hegel G. V.F. Aesthetics: in 4 volumes. Vol. 3 / G. V.F. Hegel. – M.: Iskusstvo, 1969. – 621 p.
3. Dokshitser T.A. The Path to Creativity / T.A. Dokshitser. – M.: Muravei, 1999. – 212 p.
4. Dokshitser T.A. Trumpet Strokes [Sound Recording] / T.A. Dokshitser; L. Podshivailenko, f.; text read by P. Lobanov. – M.: Melodiya, no.g. – 1 group: 33 rpm, mono; 30 cm.
5. Kagan M.S. Lectures on Marxist-Leninist Aesthetics / M.S. Kagan; Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. – 2nd ed., expanded and revised. – L.: Leningrad University Publishing House, 1971. – 766 p.
6. Nazaikinsky E.V. On the Psychology of Musical Perception / E.V. Nazaikinsky. – M.: Muzyka, 1972. – 383 p.
7. Medushevsky V.V. On the Patterns and Means of Artistic Impact of Music / V.V. Medushevsky. – M.: Muzyka, 1976. – 253 p.
8. Ovsyannikov M.F. History of aesthetic thought: a textbook / M.F. Ovsyannikov. – 2nd ed., revised and enlarged. – M.: Vysshaya shkola, 1984. – 336 p.
9. Sokhor A.N. Questions of the sociology and aesthetics of music: a collection of articles. Issue 1 / A.N. Sokhor; Leningrad state institute of theater, music and cinematography. – L.: Sovetsky kompozitor, 1980. – 295 p.
10. Sokhor A.N. Questions of the sociology and aesthetics of music: a collection of articles. Issue 2: Articles and research / A.N. Sokhor; Leningrad state. Institute of Theatre, Music and Cinematography. – Leningrad: Sovetsky Kompozitor, 1981. – 295 p.
11. Cherednichenko T.V. On the Problem of Artistic Value in Music / T.V. Cherednichenko // Problems of Musical Science: Coll. Art. – Issue 5. – Moscow: Sovetsky Kompozitor, 1983. – Pp. 255–295.
12. Cherednichenko T.V. Trends in Contemporary Western Musical Aesthetics: Towards an Analysis of Methodological Paradoxes of Music Science / T.V. Cherednichenko. – Moscow: Muzyka, 1989. – 221, [1] p.
13. Eckermann I.P. Conversations with Goethe in the Last Years of His Life / I.P. Eckermann; Translated from German by N. Man; Introduction by N.N. Vilmont; comment. and index. A. Anikst. – Moscow: Fiction, 1981. – 687 p.
14. Cai Zhongde. History of Chinese Musical Aesthetics / Cai Zhongde. – Beijing: People's Music Publishing House, 2003. – 868 p.
15. Zhang Qian, Wang Qichao. Fundamentals of Musical Aesthetics / Zhang Qian, Wang Qichao. – Beijing: People's Music Publishing House, 1992. – 350 p.
16. Xu Hailin, Luo Xiaoping. General Theory of Musical Aesthetics / Xu Hailin, Luo Xiaoping. – Shanghai: Shanghai Music Publishing House, 2002. – 12, 607 p.

Социальные сети как фактор политической социализации молодежи

Хакки Аднан Мухаммад Али,

доцент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: ahakki@fa.ru.

Шембетов Ильдар Растямович,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: forseedd@gmail.com

В статье рассматриваются социальные сети как значимый фактор политической социализации современной молодежи. Анализируется влияние цифровых коммуникационных платформ на формирование политических представлений, ценностных ориентаций, моделей участия и способов восприятия общественно-политической информации. Особое внимание уделяется двойственному характеру воздействия социальных сетей: с одной стороны, они расширяют доступ молодежи к политической повестке, создают условия для публичного выражения мнения и вовлечения в общественные процессы; с другой стороны, они способствуют распространению фрагментарного восприятия информации, усиливают влияние манипулятивного контента и формируют риски поверхностной политической включенности. Показано, что политическая социализация молодежи в цифровую эпоху осуществляется не только через традиционные институты, но и через сетевые формы коммуникации, задающие новые модели политического поведения. Делается вывод о необходимости комплексного анализа социальных сетей как среды политической социализации с учетом их мобилизационного потенциала и сопутствующих ограничений.

Ключевые слова: политическая социализация; молодежь; социальные сети; цифровая коммуникация; политическое участие; общественно-политическая информация; цифровая среда.

Введение

В современном обществе социальные сети стали одним из ключевых каналов формирования общественных представлений, ценностных установок и моделей участия в публичной жизни. Для молодежи они выполняют не только коммуникативную и информационную функции, но и становятся средой, в которой происходит освоение политически значимых тем, вырабатывается отношение к государству, общественным институтам, социальным проблемам и формам гражданской активности. Это позволяет рассматривать социальные сети как важный фактор политической социализации, способный влиять на содержание, темпы и формы включения молодых людей в политическое пространство.

Традиционно политическая социализация связывалась с воздействием семьи, школы, университета, средств массовой информации, ближайшего социального окружения и государства. Однако в условиях цифровизации эти институты уже не обладают исключительной монополией на формирование политических ориентаций молодежи. Значительная часть первичной и вторичной интерпретации общественно-политической информации осуществляется сегодня в цифровой среде, где молодые пользователи не только получают сообщения, но и комментируют их, распространяют, оценивают и включают в собственные практики взаимодействия. В результате политическая социализация приобретает более сетевой, динамичный и фрагментарный характер.

Проблема состоит в том, что влияние социальных сетей на политическую социализацию молодежи носит противоречивый характер. С одной стороны, они расширяют доступ к политической информации, снижают барьеры для включения в общественные обсуждения, делают молодежь более информированной и создают новые формы символического и практического участия. С другой стороны, сетевые платформы усиливают зависимость восприятия от алгоритмической выдачи, провоцируют поверхностное знакомство с политической повесткой, способствуют распространению эмоционально окрашенного и манипулятивного контента, а также могут формировать иллюзию участия без перехода к реальной гражданской активности. Поэтому социальные сети нельзя рассматривать ни исключительно как инструмент демократизации политического пространства, ни только как источник рисков; они выступают

сложной и неоднозначной средой политического становления молодежи.

Актуальность исследования определяется тем, что политическая социализация молодого поколения в цифровую эпоху все в большей степени происходит вне традиционных форм политического воспитания и в значительной мере опосредуется сетевой коммуникацией. При этом в научной литературе нередко отдельно рассматриваются либо цифровые медиа, либо молодежное политическое участие, либо трансформация политической культуры. Между тем требуется комплексный анализ социальных сетей именно как среды политической социализации, в которой одновременно формируются представления о политике, способы оценки политических событий и модели символического или практического включения в общественно-политические процессы.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей влияния социальных сетей на политическую социализацию молодежи. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: определить место социальных сетей в структуре современных факторов политической социализации; рассмотреть ключевые механизмы их воздействия на политические установки и модели поведения молодежи; выявить основные возможности и ограничения сетевой среды как пространства формирования политического опыта.

Объектом исследования выступает политическая социализация молодежи в условиях цифровой коммуникации. Предмет исследования составляют механизмы и последствия влияния социальных сетей на формирование политических представлений, ценностных ориентаций и моделей участия молодежи. Методологическую основу статьи составляет теоретико-аналитический обзор отечественных и зарубежных исследований, посвященных политической социализации, молодежным медиа-практикам и цифровой трансформации публичной сферы.

Социальные сети как новая среда политической социализации молодежи

Влияние социальных сетей на молодежь нельзя свести только к передаче информации или организации повседневного общения. В современной цифровой среде они выполняют более широкую функцию: становятся пространством, в котором молодежь сталкивается с интерпретациями политических событий, наблюдает модели публичного поведения, осваивает язык общественных конфликтов и формирует представление о допустимых формах гражданского участия. Иначе говоря, социальные сети выступают не внешним каналом по отношению к политической социализации, а одной из ее актуальных сред.

Принципиальное отличие сетевой среды от традиционных институтов политической социализации заключается в том, что она сочетает несколько функций одновременно. Социальные сети выступают и источником новостей, и площадкой для обсуждения, и пространством символического самоутверждения, и механизмом включения в общество по интересам. Молодой пользователь оказывается не в позиции пассивного получателя политической информации, а в положении участника непрерывного информационного обмена, где восприятие общественно-политической повестки формируется через просмотр, реакцию, комментирование, репост и публичное высказывание. Такое положение меняет саму логику политической социализации: она становится не только институционально направляемой, но и сетевым распределенной.

Особенно важно то, что социальные сети переопределяют темп и форму усвоения политического опыта. В традиционной модели политическая социализация предполагала сравнительно устойчивую последовательность включения человека в политическое пространство через семью, образование, официальные источники информации и участие в общественных практиках. В цифровой среде этот процесс становится более быстрым, фрагментарным и зависимым от плотности информационного потока. Молодежь знакомится с политикой не через цельные идеологические конструкции, а через отдельные события, эмоционально насыщенные сюжеты, мемы, короткие видео, комментарии лидеров мнений и реакции сетевых сообществ. В результате политический опыт формируется в условиях высокой скорости смены тем и постоянной конкуренции смыслов.

Социальные сети влияют и на структуру авторитета в процессе политической социализации. Если ранее основными посредниками между молодым человеком и политической реальностью выступали школа, преподаватель, журналист, семья или государственные институты, то теперь заметную роль играют блогеры, администраторы сообществ, сетевые комментаторы и алгоритмически продвигаемый контент. Это означает, что политические представления молодежи все чаще формируются не только через институционально признанные каналы, но и через децентрализованные сетевые источники, где уровень компетентности, ответственности и достоверности может сильно различаться. Тем самым политическая социализация становится менее иерархичной, но более уязвимой к манипуляции и эмоциональному заражению.

Вместе с тем именно социальные сети делают политическую сферу для молодежи более доступной и визуально близкой. Они снижают дистанцию между общественно-политическими событиями и повседневным опытом молодого человека, по-

зволяют наблюдать дискуссии в реальном времени, быстро включаться в обсуждение и ощущать собственную сопричастность к общественной повестке. Благодаря этому политика перестает восприниматься исключительно как деятельность далеких институтов и начинает входить в пространство повседневной цифровой жизни. В этом заключается одно из главных оснований того, почему социальные сети стали столь важным фактором политической социализации молодежи.

Механизмы влияния социальных сетей на политические установки и участие молодежи

Влияние социальных сетей на политическую социализацию молодежи осуществляется не напрямую, а через совокупность коммуникативных и психологических механизмов, которые изменяют способ восприятия политической информации, характер ее интерпретации и формы реакции на нее. В цифровой среде молодой человек не просто получает сведения о политике, а постоянно находится внутри потока сообщений, оценок, визуальных образов и эмоциональных реакций, которые задают рамку понимания общественных событий. Поэтому социальные сети воздействуют не только на информированность, но и на сам способ политического восприятия.

Первым важным механизмом является селекция и персонализация контента. В социальных сетях пользователь сталкивается не со всей совокупностью политической информации, а с той ее частью, которая оказывается отобранной алгоритмами платформ, особенностями подписок и логикой сетевого окружения. В результате политическая повестка для молодежи формируется не как целостная картина, а как индивидуализированный поток сообщений, где одни темы усиливаются, а другие практически исчезают из поля внимания. Такая персонализация делает политическую информацию более доступной и привычной, но одновременно ограничивает горизонт восприятия, замыкая пользователя в относительно узком круге повторяющихся смыслов и оценок.

Вторым механизмом выступает эмоционализация политического восприятия. Социальные сети по своей природе ориентированы на быстрое привлечение внимания, а потому наибольшее распространение получают сообщения, вызывающие сильную эмоциональную реакцию: возмущение, тревогу, сочувствие, раздражение, чувство угрозы или солидарности. Для политической социализации это имеет принципиальное значение, поскольку молодежь усваивает политическую реальность не только через аргументы и факты, но и через эмоционально насыщенные формы подачи материала. В результате политические установки нередко формируются не как итог последовательного анализа, а как реакция на яркий образ, кон-

фликтный сюжет или оценочно окрашенное высказывание. Это усиливает вовлеченность, но одновременно делает политическое восприятие менее устойчивым и более подверженным манипулятивному воздействию.

Третьим механизмом является нормализация определенных моделей политического поведения. В социальных сетях молодежь постоянно наблюдает, как другие пользователи реагируют на общественные события: высказываются, подписывают петиции, участвуют в флешмобах, распространяют символику, комментируют действия власти, выражают поддержку или протест. Эти практики создают представление о том, какие формы политической реакции считаются допустимыми, одобряемыми или, наоборот, маргинальными. Тем самым социальные сети выполняют функцию среды социального научения: молодой человек осваивает не только содержание политических тем, но и поведенческие образцы, через которые можно продемонстрировать свою гражданскую позицию.

Четвертым механизмом становится снижение порога символического участия. В цифровой среде включенность в общественно-политическую повестку часто не требует значительных усилий: достаточно поставить реакцию, сделать репост, оставить комментарий, подписаться на канал или распространить нужный тезис. Это делает политическое участие более массовым и психологически доступным, особенно для молодых пользователей, которые еще не включены в традиционные формы гражданской активности. Однако именно здесь возникает двойственный эффект. С одной стороны, такие практики действительно приучают молодежь к мысли, что политическая сфера открыта для их присутствия и реакции. С другой стороны, существует риск подмены реального участия его символическими и низкозатратными формами, которые создают чувство включенности, но не всегда ведут к устойчивой гражданской позиции или практической активности за пределами сети.

Отдельного внимания заслуживает механизм групповой идентификации. В социальных сетях политическая социализация молодежи часто происходит через включение в сообщества, где политические оценки уже заданы и подкрепляются коллективной реакцией. Молодой пользователь усваивает не только отдельные взгляды, но и чувство принадлежности к группе, разделяющей определенный образ мира, язык описания событий и систему противопоставлений. Это усиливает эмоциональную устойчивость политических установок, поскольку они начинают восприниматься не как частное мнение, а как элемент групповой идентичности. В то же время такая логика может усиливать поляризацию, снижать готовность к восприятию альтернативных точек зрения и закреплять конфронтационный стиль политического восприятия.

Наконец, значимым механизмом является изменение соотношения между информацией и интерпретацией. В традиционных каналах политической социализации между событием и его оценкой обычно существовала большая дистанция: требовалось время на осмысление, сопоставление, обсуждение. В социальных сетях интерпретация почти сразу встроена в сам процесс получения информации. Новость сопровождается комментариями, мемами, эмоциональными реакциями, визуальными акцентами и готовыми рамками восприятия. Это сокращает пространство для самостоятельного анализа и делает политическое суждение более зависимым от контекста подачи. Молодежь оказывается в ситуации, когда политическая позиция формируется одновременно с потреблением контента, а не после него.

Социальные сети воздействуют на политическую социализацию молодежи через целую систему взаимосвязанных механизмов: персонализацию повестки, эмоционализацию восприятия, демонстрацию поведенческих моделей, снижение порога участия, групповую идентификацию и слияние информации с ее интерпретацией. Именно эта совокупность механизмов делает цифровую среду столь влиятельной в формировании политических установок молодого поколения. Однако тот же набор механизмов объясняет и уязвимость сетевой политической социализации: она способна не только расширять участие, но и упрощать политическое мышление, усиливать зависимость от эмоциональных импульсов и закреплять поверхностные формы включенности.

Возможности и риски политической социализации молодежи в социальных сетях

Социальные сети формируют для молодежи принципиально новые условия политической социализации. Их главное преимущество состоит в том, что они снижают дистанцию между молодым человеком и общественно-политической повесткой. Политика перестает быть исключительно сферой официальных заявлений, новостных выпусков и институциональных процедур: она входит в повседневное цифровое пространство, где обсуждение общественных событий соседствует с привычными формами общения, потребления контента и самопрезентации. Благодаря этому молодежь получает возможность включаться в политическую проблематику раньше и интенсивнее, чем это происходило в рамках традиционных каналов политического воспитания.

Одной из важнейших возможностей социальных сетей является расширение доступа к политической информации. Молодые пользователи могут получать сведения из разных источников, сопоставлять позиции, следить за развитием событий в реальном времени и самостоятельно выбирать каналы, которым они доверяют. Такая среда

потенциально способствует развитию информированности и укреплению интереса к общественно-политическим вопросам. Для части молодежи именно социальные сети становятся первой площадкой, где возникает неформальный интерес к политике, к обсуждению общественных проблем и к осмыслению собственной гражданской позиции.

Не менее значимой возможностью является снижение барьеров для публичного выражения мнения. Социальные сети создают относительно доступные формы символического участия: комментирование, публикация собственной позиции, включение в обсуждения, поддержка общественных инициатив, участие в сетевых кампаниях. Для молодых людей, не включенных в институциональные формы политики, это может становиться важным этапом первичного политического опыта. Даже если такое участие не всегда имеет непосредственный организационный результат, оно формирует установку на допустимость собственного голоса в публичном пространстве, а значит, влияет на политическую субъектность молодежи.

Социальные сети способны выполнять и мобилизационную функцию. Они ускоряют распространение информации о значимых общественных вопросах, позволяют быстро формировать сетевые сообщества, координировать коллективные действия и поддерживать ощущение причастности к более широкому кругу единомышленников. В этом смысле цифровая среда может усиливать горизонтальные связи и создавать предпосылки для новых форм гражданской активности, которые в традиционной модели политической социализации были менее доступны или требовали гораздо больших организационных усилий.

Однако именно те свойства социальных сетей, которые делают их эффективным инструментом включения молодежи в политическую повестку, одновременно создают и серьезные риски. Одним из наиболее заметных является фрагментарность политического восприятия. Молодой пользователь чаще сталкивается не с системным пониманием политических процессов, а с отдельными, ярко поданными эпизодами, конфликтами, скандалами и эмоционально насыщенными сюжетами. Это формирует краткосрочную, реактивную вовлеченность, при которой интерес к политике поддерживается не устойчивой гражданской позицией, а логикой информационного потока.

Другим риском выступает высокая уязвимость к манипулятивному воздействию. Алгоритмическая персонализация, эмоционально окрашенный контент, использование визуальных и меметических форм, а также влияние сетевых лидеров мнений создают условия, при которых политические оценки усваиваются быстрее, чем подвергаются критическому осмыслению. Молодежь, не обладающая достаточным опытом анализа политиче-

ской информации, может принимать эмоциональную убедительность за достоверность, а популярность – за истинность. В результате политическая социализация начинает зависеть не столько от качества содержания, сколько от эффективности его сетевого продвижения.

Серьезной проблемой становится и подмена гражданской активности ее символическими формами. Социальные сети делают участие легким, быстрым и низкзатратным, однако именно это порождает риск поверхностной включенности. Молодой человек может активно реагировать на политические события в цифровой среде, чувствовать себя участником общественного процесса, но при этом не выходить за пределы репостов, комментариев и кратких публичных реакций. Возникает ситуация, при которой политическая социализация приобретает преимущественно демонстративный характер: она ориентирована на выражение позиции, но не всегда ведет к устойчивому пониманию политической ответственности и практическому участию.

Наконец, социальные сети способны усиливать поляризацию политического сознания. Замыкание внутри сетевых сообществ, высокая скорость распространения оценочных суждений и доминирование эмоционального контента создают благоприятные условия для противопоставления «своих» и «чужих», упрощения сложных общественных вопросов и усиления конфликтной логики восприятия политики. Для молодежи, находящейся в процессе формирования собственных политических взглядов, это особенно чувствительно, поскольку закрепление идентичности может происходить на основе не анализа, а групповой лояльности и эмоциональной солидарности.

Социальные сети выступают одновременно пространством расширения политических возможностей молодежи и средой формирования новых рисков политической социализации. Они делают политику более доступной, снижают барьеры участия и создают ощущение включенности в общественные процессы. Но в то же время они способствуют фрагментации политического опыта, усиливают воздействие манипулятивного контента и поддерживают поверхностные формы участия. Именно поэтому оценка социальных сетей как фактора политической социализации требует не апологетического и не алармистского подхода, а внимательного анализа их двойственной роли в формировании политического сознания и поведения молодежи.

Заключение

Социальные сети стали одним из наиболее значимых факторов политической социализации молодежи в условиях цифровой трансформации общественной жизни. Их влияние проявляется не только

в расширении доступа к политической информации, но и в изменении самих механизмов формирования политических представлений, оценок и моделей участия. Молодой человек включается в политическую повестку уже не только через традиционные институты социализации, но и через сетевую среду, в которой политика присутствует в виде сообщений, визуальных образов, оценок, комментариев и реакций цифровых сообществ.

Проведенный анализ показывает, что социальные сети обладают серьезным социализирующим потенциалом. Они снижают барьеры входа в публичное пространство, делают политическую повестку более доступной, расширяют возможности символического участия и создают условия для более раннего включения молодежи в общественно-политические обсуждения. В этом смысле сетевая среда может способствовать развитию интереса к политике, укреплению гражданской субъектности и формированию первичного опыта публичного выражения собственной позиции.

Вместе с тем влияние социальных сетей на политическую социализацию молодежи не является однозначно позитивным. Персонализация контента, эмоционализация восприятия, высокая скорость информационного потока и распространенность манипулятивных форм подачи материала создают риски фрагментарного политического мышления, поверхностной включенности и подмены реального участия его символическими сетевыми формами. Кроме того, социальные сети способны усиливать поляризацию, закреплять зависимость от групповых интерпретаций и снижать готовность к восприятию сложной и противоречивой политической реальности.

Следовательно, социальные сети следует рассматривать как противоречивую, но принципиально важную среду политической социализации молодежи. Их значение определяется не только способностью вовлекать молодых людей в публичную сферу, но и тем, какие формы политического опыта, модели восприятия и способы участия они закрепляют. Это требует более внимательного отношения со стороны образовательных и общественных институтов к развитию критического мышления, медиаграмотности и устойчивых гражданских установок, позволяющих молодежи сохранять самостоятельность в условиях интенсивного цифрового воздействия.

Литература

1. Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 6. С. 88–97.
2. Винокуров Н.В. Социальные медиа в процессах политической социализации молодежи //

Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 11 (173). С. 15–24.

3. Колесник Н. В., Корниенко А.В., Хосиева С.Д. Политическая социализация, социальные сети и коммуникации: основные направления исследования // Петербургская социология сегодня. 2022. № 18. С. 86–100.
4. Самсонова Т. Н., Леонов Е.К. Роль интернета в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4. С. 70–84.
5. Камнев Д. Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи в России: фокус на сравнительный анализ роли Интернета // PolitBook. 2013. № 4. С. 61–74.
6. Камнев Д.Г. Поиск эффективной модели политической социализации молодежи с учетом влияния информационных технологий // PolitBook. 2014. № 2. С. 54–67.
7. Chryssochoou X., Barrett M. Civic and Political Engagement in Youth: Findings and Prospects // Zeitschrift für Psychologie. 2017. Vol. 225. № 4. P. 291–301.
8. Lee N.-J., Shah D.V., McLeod J.M. Processes of Political Socialization: A Communication Mediation Approach to Youth Civic Engagement // Communication Research. 2013. Vol. 40. № 5. P. 669–697.
9. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. 2018. Vol. 35. № 3. P. 470–493.
10. Chen P. J., Stilianovic M. New Media and Youth Political Engagement // Journal of Applied Youth Studies. 2020. Vol. 3. № 3. P. 241–254.

SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF YOUTH POLITICAL SOCIALIZATION

Hakki Adnan M.A., Shembetov I.R.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines social networks as a significant factor in the political socialization of contemporary youth. The paper analyzes the influence of digital communication platforms on the formation of political perceptions, value orientations, patterns of participation,

and ways of perceiving socio-political information. Special attention is paid to the ambivalent nature of this influence: on the one hand, social networks expand young people's access to the political agenda, create opportunities for public expression of opinion, and encourage involvement in social processes; on the other hand, they contribute to fragmented information perception, increase the influence of manipulative content, and create risks of superficial political engagement. It is shown that political socialization of youth in the digital age is carried out not only through traditional institutions but also through network-based forms of communication that shape new models of political behavior. The article concludes that social networks should be analyzed as an important environment of political socialization, taking into account both their mobilizing potential and their inherent limitations.

Keywords: political socialization; youth; social networks; digital communication; political participation; socio-political information; digital environment.

References

1. Malkevich A.A. Social networks as a factor in the political socialization of young people: from hierarchy to a network model // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2019. № 6. pp. 88–97.
2. Vinokurov N.V. Social media in the processes of political socialization of young people // Ethnosociety and interethnic culture. 2022. № 11 (173). pp. 15–24.
3. Kolesnik N. V., Kornienko A.V., Khosueva S.D. Political socialization, social networks and communications: main areas of research // Petersburg sociology today. 2022. № 18. pp. 86–100.
4. Samsonova T. N., Leonov E.K. The Role of the Internet in the Political Socialization of Modern Russian Youth // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. Vol. 28. № 4. Pp. 70–84.
5. Kamnev D.G. Mass Media in the Process of Political Socialization of Young People in Russia: Focus on a Comparative Analysis of the Role of the Internet // PolitBook. 2013. № 4. Pp. 61–74.
6. Kamnev D.G. Search for an Effective Model of Political Socialization of Young People Taking into Account the Influence of Information Technologies // PolitBook. 2014. № 2. Pp. 54–67.
7. Chryssochoou X., Barrett M. Civic and Political Engagement in Youth: Findings and Prospects // Zeitschrift für Psychologie. 2017. Vol. 225. № 4. P. 291–301.
8. Lee N.-J., Shah D.V., McLeod J.M. Processes of Political Socialization: A Communication Mediation Approach to Youth Civic Engagement // Communication Research. 2013. Vol. 40. № 5. P. 669–697.
9. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. 2018. Vol. 35. № 3. P. 470–493.
10. Chen P. J., Stilianovic M. New Media and Youth Political Engagement // Journal of Applied Youth Studies. 2020. Vol. 3. № 3. P. 241–254.

Политическая социализация молодежи в современном китайском обществе

Чжэн Вэньсинь,

аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Flashbang473@gmail.co

Предмет статьи – политическая социализация молодежи в современном китайском обществе, рассматриваемая через связь партийно-государственных институтов, образовательной среды, молодежных организаций, цифровых платформ и ценностных изменений. Актуальность темы связана с тем, что молодежная среда КНР одновременно вовлечена в идеологические программы национального возрождения, рыночную конкуренцию, цифровую коммуникацию и переоценку традиционных норм. Научная новизна состоит в аналитическом соединении институционального, ценностного и цифрового уровней социализации без опоры на экспериментальные данные. Цель статьи – раскрыть механизмы формирования политических установок китайской молодежи в условиях модернизации общества. Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, обобщение и синтез. Источниковая база охватывает русскоязычные исследования последних лет о молодежной политике КНР, политической социализации, цифровых медиа и ценностях молодежи. Практическая полезность результатов связана с возможностью применять выводы при изучении молодежной политики, гражданского воспитания и политической коммуникации.

Ключевые слова: политическая социализация, молодежь Китая, молодежная политика КНР, Коммунистический союз молодежи Китая, цифровая социализация, политическое участие, патриотическое воспитание, ценностные ориентации, поколение Z, китайская мечта.

Введение

Политическая социализация молодежи в современном китайском обществе протекает на пересечении нескольких процессов: усиления партийного руководства, расширения высшего образования, роста цифровой коммуникации, ценностной дифференциации и социально-экономического давления на молодое поколение. Для КНР работа с молодежью сохраняет прямую связь с задачами политической преемственности, идеологической консолидации и воспроизводства лояльности к государственному курсу. При этом молодые китайцы социализируются в среде, где официальные институты конкурируют с медийными сообществами, потребительскими практиками, интернет-феноменами и новыми формами самоопределения.

Цель исследования – выявить содержание и механизмы политической социализации молодежи в современном китайском обществе на основе анализа русскоязычных научных публикаций последних лет.

Для достижения цели поставлены три задачи: раскрыть теоретическое понимание политической социализации молодежи и состав ее агентов; охарактеризовать институциональные и идеологические механизмы вовлечения молодежи в политическую систему КНР; определить влияние цифровой среды и ценностных изменений на политические установки молодых китайцев.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении политической социализации китайской молодежи как многоуровневого процесса, где партийно-государственная вертикаль соединяется с образовательными практиками, молодежными организациями, цифровыми медиа и изменением жизненных установок поколения Z. Такой подход позволяет уйти от описания молодежной политики только как административного регулирования и показать ее связь с повседневными каналами формирования политической идентичности.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили публикации, раскрывающие разные стороны изучаемой проблемы: А. Абдулхаев [1] рассматривает механизмы реализации молодежной политики КНР, партийное руководство, молодежные организации и социально-экономические факторы; Ю.С. Амирханова [2] анализирует правовое регулирование и эффективность молодежной политики Китая через

образование, трудоустройство, жилье, психическое здоровье и предпринимательство; Я.С. Артамонова [3] исследует технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи, включая повестку дня и переход участия в онлайн-среду; А.Р. Бочкаев [4] систематизирует подходы к политической социализации молодежи и различает модели подчинения и интереса; Р.Ю. Зуляр [5] описывает институты государственной молодежной политики КНР, нормативную базу, Коммунистический союз молодежи Китая и патерналистскую модель организации работы с молодежью; В.С. Морозова и А.А. Золотарева [6] изучают интернет-феномены «лежать плашмя» и «опустить руки» как выражение ценностных изменений китайской молодежи; А.А. Свистунов [7] обосновывает влияние цифровизации на политическую социализацию молодежи и потребность в обновленной концепции цифровой социализации; А.М. Сосновская и С.А. Левина [8] выделяют агентов политической социализации молодежи, среди которых семья, школа, СМИ, социальные сети, официальная культурная политика, лидеры мнений и блогеры; С. Сюй [9] анализирует формирование традиционных ценностных ориентиров молодежи России и Китая в XX–XXI вв.; И.И. Толстикова, О.А. Игнатьева, В.Л. Нежданов и А.В. Плетнев [10] раскрывают связь КПК с политическим участием поколения Z в Китае, включая конвенциональные и неконвенциональные формы участия, цифровую коммуникацию и молодежную политику.

Методы исследования представлены анализом научных публикаций, сравнительным анализом, классификацией, логико-аналитическим разбором, обобщением и синтезом. Анализ позволил выделить содержание источников, сравнительный подход – сопоставить институциональные, цифровые и ценностные линии социализации, классификация – разграничить агентов и каналы воздействия, синтез – связать полученные положения в единую аналитическую схему.

Результаты

Теоретическое понимание политической социализации молодежи строится вокруг идеи включения индивида в систему политических норм, ценностей и практик. В исследовательской традиции, обобщенной А.Р. Бочкаевым, политическая социализация раскрывается через усвоение норм политического поведения, взаимодействие с государственными и общественными институтами, первичное влияние семьи и последующее участие в политических процессах. Для анализа китайского общества особенно значимо различие моделей «подчинения» и «интереса»: первая ориентирует молодежь на принятие господствующих норм, вторая предполагает большую субъектность и участие в политических процедурах. Китайская модель не сводится к одно-

му из этих полюсов, поскольку сочетает дисциплинарное идеологическое воспитание с управляемыми каналами общественной активности [4].

В китайском случае политическая социализация молодежи тесно связана с государственной молодежной политикой и партийным руководством. А. Абдулхаев показывает, что молодежная политика КНР развивается как часть общей стратегии внутреннего управления, где молодежь рассматривается через призму образования, занятости, социальной адаптации, участия в общественной деятельности и патриотического воспитания. В указанной логике Коммунистическая партия Китая задает политические рамки, а молодежные организации переводят идеологические установки в повседневные программы, проекты, формы волонтерства, обучения и общественной мобилизации [1].

Правовое и программное оформление молодежной политики КНР усиливает институциональную устойчивость политической социализации. Ю.С. Амирханова рассматривает молодежную политику Китая как систему нормативного регулирования, управленческих механизмов и программных мер, охватывающих образование, трудоустройство, жилищную поддержку, психическое здоровье и предпринимательство. Особое значение приобретает среднесрочное и долгосрочное планирование развития молодежи, поскольку оно переводит работу с молодым поколением из сферы отдельных мероприятий в сферу межведомственной координации. При этом наличие разных возрастных границ в законодательных, партийных и организационных документах создает терминологическую неоднородность, что осложняет единое описание молодежи как объекта политики [2].

Институциональная структура молодежной социализации КНР опирается на Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайскую федерацию молодежи, студенческие организации, образовательные учреждения и партийные структуры. Р.Ю. Зуляр подчеркивает патерналистский характер данной модели: государство задает цели, определяет нормативную базу, контролирует организационные каналы и стремится сформировать у молодежи лояльность, патриотизм и готовность к участию в национальных проектах. В такой системе политическая социализация не ограничивается передачей политических знаний; она связывает социальную поддержку, профессиональную ориентацию, воспитание и идеологическую работу [5].

Соединение правового, организационного и идеологического уровней придает китайской молодежной политике выраженную вертикальную направленность. Молодежные организации выполняют функцию посредника между партией, государством и молодыми гражданами, снижая дистанцию между официальной политикой и по-

вседневными интересами молодежи. Через такие организации молодые люди получают доступ к социальным проектам, волонтерству, карьерным траекториям, образовательным инициативам и формам общественного признания. В результате политическая социализация приобретает не абстрактный, а практико-ориентированный характер: лояльность закрепляется через участие в социально одобряемых действиях [1; 2; 5].

Цифровая среда меняет каналы политической социализации, поскольку молодежь получает политические представления не только из школы, семьи и официальных СМИ, но и через социальные платформы, тематические сообщества, блогеров, комментарии и алгоритмически отобранные информационные потоки. Я.С. Артамонова выделяет в социальных медиа технологии формирования повестки дня, создания тематических сообществ и переноса политического участия в онлайн-среду [3]. А.А. Свистунов показывает, что цифровизация формирует особый слой социализации, где технологические каналы воздействуют на символическое восприятие политики и на способы участия молодежи в публичной коммуникации [7].

Для китайского общества цифровизация не отменяет партийно-государственного контроля, а усложняет его инструменты. Официальная социализация сталкивается с сетевой горизонталью, где молодые люди обсуждают работу, образование, социальную усталость, потребление, семейные ожидания и национальную идентичность. При этом государство сохраняет стремление включить цифровые каналы в управляемую систему воспитания, патриотической коммуникации и конвенционального участия. Поэтому политическая социализация китайской молодежи приобретает гибридный характер: вертикальные идеологические установки проходят через горизонтальные формы цифрового общения [3; 7; 10].

Исследование В.С. Морозовой и А.А. Золотаревой раскрывает ценностную сторону цифровой социализации на материале феноменов «лежать плашмя» и «опустить руки». Эти явления выражают реакцию части китайской молодежи на высокую конкуренцию, социальные ожидания, давление образования и рынка труда, неуверенность в будущем и усталость от нормативной модели непрерывного успеха. Указанные феномены не следует рассматривать только как отказ от политического участия; они отражают более широкий сдвиг в восприятии жизненных целей, труда, личной самореализации и отношений между молодым человеком и обществом [6].

Ценностные изменения не разрушают традиционную основу социализации полностью, но делают ее менее однородной. С. Сюй показывает, что формирование традиционных ценностных ориентиров молодежи России и Китая связано с историческим влиянием массовой культуры, визуаль-

ных медиа, музыкальных практик и социально-политических изменений. Для Китая данная линия значима потому, что современная молодежь находится между традиционными нормами семейной ответственности, коллективной дисциплины и новыми ориентирами личного выбора, потребления, самовыражения и культурной открытости [9].

Работа А.М. Сосновской и С.А. Левиной позволяет уточнить состав агентов политической социализации. Хотя их эмпирический материал связан с российской студенческой молодежью, предложенная схема продуктивна для аналитического описания китайского случая: семья, школа, официальная культурная политика, СМИ, социальные сети, лидеры мнений, блогеры и политические фигуры формируют политическую идентичность через постоянную коммуникацию и доверие к определенным источникам. В КНР этот набор агентов встроен в более жесткую систему координации, где официальные институты стремятся не устранить конкурирующие источники влияния, а подчинить их общей идеологической рамке [8].

Политическое участие поколения Z в Китае раскрывает напряжение между конвенциональными и неконвенциональными формами активности. И.И. Толстикова, О.А. Игнатьева, В.Л. Нежданов и А.В. Плетнев показывают, что КПК заинтересована в выстраивании позитивных отношений с молодежью и в поддержании конвенционального участия. В исследовании рассматриваются восприятие молодежью КПК, цифровые средства коммуникации, особенности Гонконга и формы политической активности поколения Z. Для анализа социализации данное положение принципиально: молодежная политика КНР направлена не на деполитизацию молодежи, а на перевод ее активности в предсказуемые, институционально допустимые каналы [10].

Современная китайская модель политической социализации строится как сочетание трех линий. Первая связана с нормативной интеграцией: молодым людям транслируются представления о национальном возрождении, патриотизме, преемственности поколений и ответственности перед государством. Вторая выражена в институциональном включении: молодежные организации, образовательные учреждения, партийные структуры и общественные проекты создают каналы участия. Третья связана с адаптацией к цифровой и ценностной неоднородности: государство реагирует на новые медийные практики, интернет-феномены и запросы молодежи на самореализацию, занятость и социальную поддержку [1; 5–7; 10].

Аналитическое сопоставление источников показывает, что политическая социализация молодежи в КНР не ограничивается идеологической трансляцией сверху. Она опирается на социальные гарантии, образовательную мобильность,

карьерные стимулы, цифровую коммуникацию и символику национального проекта. Такая модель стремится связать личную траекторию молодого человека с государственными целями. Если молодой гражданин видит в образовании, трудоустройстве, волонтерстве, партийной или общественной активности путь к социальному признанию, политическая лояльность получает повседневное подкрепление [2; 5; 10].

Одновременно источники фиксируют ограничения данной модели. Высокая конкуренция в образовании и занятости, жилищные трудности, давление семейных ожиданий, тревожность и пессимистические настроения части молодежи снижают убедительность официального оптимистического дискурса. Феномены «лежать плашмя» и «опустить руки» показывают, что не вся молодежная реакция принимает форму открытого политического протеста; часто она выражается в снижении жизненных притязаний, уходе от соревнования и дистанцировании от нормативной модели успеха [2; 6].

Политическая социализация китайской молодежи в цифровую эпоху приобретает характер управляемой адаптации. Партия и государство сохраняют ведущие позиции в формировании политических смыслов, но вынуждены учитывать, что молодые люди получают опыт социализации через смешение официальных нарративов, семейных ожиданий, образовательной конкуренции, медийных трендов и сетевых сообществ. По этой причине устойчивость социализации зависит не только от интенсивности идеологического воспитания, но и от способности институтов отвечать на реальные социальные запросы молодежи [3; 6–8].

Обсуждение

Полученные положения позволяют рассматривать китайскую модель политической социализации как систему управляемой политической интеграции. Ее специфика состоит в том, что государство не отделяет идеологическое воспитание от социально-экономической поддержки. Образование, занятость, волонтерство, молодежные организации и цифровая коммуникация работают как взаимосвязанные каналы включения молодого поколения в политическую систему. Такой тип социализации отличается от моделей, где политическая активность формируется преимущественно через конкуренцию партий, автономные общественные объединения и независимую публичную дискуссию.

Сопоставление источников выявляет расхождение между теоретическими подходами к политической социализации и китайской практикой. В теоретических работах выделяются разные агенты: семья, школа, гражданское общество, СМИ, государственные институты, цифровые сообщества. В китайском случае эти агенты сохра-

няют самостоятельное значение, но их деятельность проходит через более плотную партийно-государственную координацию. Семья и школа транслируют базовые нормы, молодежные организации связывают эти нормы с общественной активностью, цифровые платформы становятся полем выражения как лояльности, так и усталости от социального давления.

Особого внимания заслуживает соотношение вертикальной и горизонтальной социализации. Вертикальная линия выражена через партийные документы, образовательные программы, патриотическое воспитание и деятельность Коммунистического союза молодежи Китая. Горизонтальная линия проявляется в цифровых сообществах, молодежных субкультурах, интернет-феноменах и неформальных обсуждениях жизненных стратегий. Устойчивость китайской модели зависит от того, насколько вертикальная идеологическая рамка способна удерживать контакт с горизонтальным опытом молодого поколения.

Цифровая среда создает для китайской молодежной политики двойственный эффект. С одной стороны, она расширяет охват политической коммуникации, ускоряет распространение официальных нарративов, позволяет вовлекать молодежь в кампании и проекты без жесткой привязки к месту учебы или работы. С другой стороны, сеть усиливает видимость недовольства, усталости, иронии, социального сравнения и альтернативных способов самоопределения. Поэтому цифровая социализация не равна техническому переносу прежнего воспитательного содержания в интернет; она требует учета сетевой логики доверия, эмоционального заражения и групповой идентичности.

Ценностные изменения китайской молодежи показывают пределы чисто административного подхода. Патриотизм, традиционные нормы и идея национального возрождения сохраняют значительный мобилизационный потенциал, но конкурируют с запросами на личную безопасность, психологический комфорт, устойчивую занятость, право на жизненную паузу и более гибкие сценарии самореализации. Феномены «лежать плашмя» и «опустить руки» показывают, что молодежная апатия нередко выступает не отрицанием государства, а реакцией на перегрузку социальными ожиданиями.

Ограничение применимости полученных выводов связано с характером источниковой базы. Значительная часть русскоязычных публикаций опирается на обзор официальных документов, вторичных материалов и аналитическое осмысление институциональных практик. Эмпирические исследования, прямо ориентированные на китайскую молодежь, представлены менее широко, чем работы о молодежной политике или цифровой социализации в общем виде. По этой причине вы-

воды следует трактовать как аналитическую модель, а не как результат измерения установок всех групп китайской молодежи.

Перспективными направлениями дальнейшего изучения выступают региональные различия между мегаполисами и маломобильными территориями, опыт сельской молодежи, различия между студентами и работающими молодыми людьми, влияние гендера, семейного происхождения и уровня образования на восприятие официальных нарративов. Отдельной исследовательской линией становится сопоставление официальных форм политического участия и повседневных цифровых практик, где молодые люди выражают отношение к государству косвенно – через трудовые ожидания, мемы, потребительский выбор, стратегии ухода от конкуренции и обсуждение жизненных перспектив.

Заключение

Установлено, что политическая социализация молодежи раскрывается через усвоение политических норм, формирование идентичности и включение в допустимые формы участия. В китайском обществе данный процесс соединяет семейное воспитание, школу, молодежные организации, СМИ, цифровые платформы и лидеров мнений, но ведущая координация остается за партийно-государственными институтами.

Выявлено, что институциональные и идеологические механизмы социализации в КНР строятся вокруг Коммунистической партии Китая, Коммунистического союза молодежи Китая, образовательной системы, программ молодежной политики и идеи национального возрождения. Социальная поддержка, карьерные стимулы, волонтерство и патриотическое воспитание формируют управляемые каналы политического участия.

Определено, что цифровая среда и ценностные изменения усложняют прежнюю вертикальную модель социализации. Интернет-платформы, сетевые сообщества и феномены молодежной усталости показывают неоднородность жизненных установок поколения Z. Политическая социализация современной китайской молодежи сохраняет управляемый характер, но ее устойчивость зависит от способности институтов учитывать реальные социальные запросы, образовательное давление, трудовые ожидания и потребность молодых людей в осмысленной самореализации.

Литература

1. Абдулхаев А. Механизм реализации молодежной политики Китая // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2023. Т. 3, № 8. С. 137–143. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-realizatsii-](https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-realizatsii)

molodezhnoy-politiki-kitaya (дата обращения: 28.05.2026).

2. Амирханова Ю.С. Молодежная политика в Китае: правовое регулирование и эффективность // *Теория и практика современной науки*. 2026. № 1. С. 5–10. DOI: 10.24412/2412-9682-2026-1127-5-10.
3. Артамонова Я.С. Технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22, № 2. С. 81–93. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9.
4. Бочкаев А.Р. Основные подходы к политической социализации молодежи // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022. Т. 12, № 4. С. 104–108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108.
5. Зуляр Р.Ю. Обзор деятельности институтов государственной молодежной политики Китая на современном этапе // *Российско-китайские исследования*. 2023. Т. 7, № 4. С. 397–405. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405.
6. Морозова В. С., Золотарева А.А. Интернет-феномены «лежать плашмя» и «опустить руки» как отражение современных ценностей китайской молодежи // *Современная Азия: политика, экономика, общество*. 2024. № 1. С. 9–24. DOI: 10.48647/ICCA.2024.95.89.002.
7. Свистунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2025. Т. 25, № 2. С. 496–511. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511.
8. Сосновская А. М., Левина С.А. Акторы политической социализации молодежи // *Управленческое консультирование*. 2024. № 5. С. 228–243. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-228-243.
9. Сюй С. Формирование традиционных ценностных ориентиров молодежи России и Китая в XX–XXI веках // *Genesis: исторические исследования*. 2024. № 10. С. 110–131. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.10.71749.
10. Толстикова И. И., Игнатьева О.А., Нежданов В.Л., Плетнев А.В. Коммунистическая партия Китая и особенности политического участия поколения Z в Китае // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2024. Т. 20, № 2. С. 230–247. DOI: 10.21638/spbu23.2024.206.

POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH IN CONTEMPORARY CHINESE SOCIETY

Zheng Wenxin

Saint Petersburg State University

This article examines the political socialization of youth in contemporary Chinese society, examining the relationship between party and state institutions, the educational environment, youth organizations, digital platforms, and value shifts. The topic is relevant given that Chinese youth are simultaneously engaged in ideological programs of national revival, market competition, digital communication, and

a reassessment of traditional norms. The research's novelty lies in the analytical integration of the institutional, value-based, and digital levels of socialization without relying on experimental data. The article aims to uncover the mechanisms underlying the formation of political attitudes among Chinese youth in the context of societal modernization. The article utilizes an analysis of scholarly publications, comparative analysis, classification, generalization, and synthesis. The source material encompasses recent Russian-language studies on Chinese youth policy, political socialization, digital media, and youth values. The practical utility of the results lies in the possibility of applying the findings to the study of youth policy, civic education, and political communication.

Keywords: political socialization, Chinese youth, youth policy in China, Communist Youth League of China, digital socialization, political participation, patriotic education, value orientations, Generation Z, Chinese Dream.

References

1. Abdulkhaev, A. «The Mechanism for Implementing China's Youth Policy» // *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural, and Social Sciences*. 2023. Vol. 3, № 8. pp. 137–143. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-realizatsii-molodezhnoy-politiki-kitaya> (accessed: May 28, 2026).
2. Amirkhanova, Yu. S. «Youth Policy in China: Legal Regulation and Effectiveness» // *Theory and Practice of Modern Science*. 2026. № 1. pp. 5–10. DOI: 10.24412/2412-9682-2026-1127-5-10.
3. Artamonova, Ya. S. «Social Media Technologies in the Political Socialization of Student Youth.» *Logos et Praxis*, 2023, Vol. 22, № 2, pp. 81–93. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9.
4. Bochkayev, A. R. «Main Approaches to the Political Socialization of Young People.» *Humanitarian Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, Vol. 12, № 4, pp. 104–108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108.
5. Zulyar, R. Yu. «Overview of the Activities of State Youth Policy Institutions in China at the Current Stage.» *Russian-Chinese Studies*. 2023. Vol. 7, № 4. Pp. 397–405. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405.
6. Morozova V. S., Zolotareva A.A. Internet phenomena of «lying flat» and «giving up» as a reflection of modern values of Chinese youth // *Modern Asia: Politics, Economy, Society*. 2024. № 1. Pp. 9–24. DOI: 10.48647/ICCA.2024.95.89.002.
7. Svistunov A.A. Political socialization of youth in the context of digitalization: towards the formulation of the research problem // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2025. Vol. 25, № 2. Pp. 496–511. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511.
8. Sosnovskaya A. M., Levina S.A. Actors of Youth Political Socialization // *Management Consulting*. 2024. № 5. Pp. 228–243. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-5-228-243.
9. Xu S. Formation of Traditional Value Orientations of Young People in Russia and China in the 20th-21st Centuries // *Genesis: Historical Research*. 2024. № 10. Pp. 110–131. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.10.71749.
10. Tolstikova I. I., Ignatyeva O.A., Nezhdanov V.L., Pletnev A.V. The Communist Party of China and the Peculiarities of Political Participation of Generation Z in China // *Political Expertise: POLITEX*. 2024. Vol. 20, № 2. Pp. 230–247. DOI: 10.21638/spbu23.2024.206.

Лексические средства выражения эмоции «восхищение» на материале художественного произведения на немецком языке

Щербакова Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Бажуткина Наталья Викторовна,

старший преподаватель, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В статье представлены и описаны лексические средства репрезентации положительных эмоций. Актуальностью данной статьи является совершенствование лексических средств и оборотов, выражающих, обозначающих и описывающих положительные эмоции. Художественные произведения являются областью выявления языковых средств, репрезентирующих эмоции и эмоциональные состояния, переживаемые персонажами. В работе рассмотрены и описаны примеры репрезентации положительных эмоций с точки зрения гендерного проявления. Целью работы выступает вычленение и описание основных лексических средств, репрезентирующих положительные эмоции, учитывающих гендерный фактор проявления описываемых эмоций. Выявлены основные лексические средства, представленные словами, называющими саму эмоцию, прилагательными и наречиями, являющимися эмоционально окрашенными, глаголами, описывающими положительную оценку происходящему, междометиями и их эквивалентами, передающими восхищение и восторг, сложными словами, состоящими из двух и более слов и несущими эмотивную нагрузку, а также суффиксами, с помощью которых образуются новые слова, обладающие эмоциональной окраской.

Ключевые слова: авторская речь, восхищение, выражение, лексическая единица, лексические средства, междометие, наречие, несобственно-прямая речь, описание, положительная эмоция, прилагательное, прямая речь, репрезентация.

Лексические средства репрезентации положительных эмоций персонажей являются разными группами слов и конструкций [5, с. 367]. Данные слова и конструкции несут положительные, позитивные чувства, настроение личности и отношение говорящего к происходящему, предмету или ситуации. Лексемы с положительной семантикой называют эмотивами. К эмотивам относят прилагательные с позитивной окраской, междометия, фразеологические эмотивы, слова с суффиксами, имеющими уменьшительно-ласкательное значение.

Нами отобран материал современной художественной прозы – роман на немецком языке Kerstin Gier «Die Braut sagt leider «nein»». В работе исследованы и описаны лексические средства репрезентации положительной эмоции «восхищение» [3, с. 110]. Актуальность работы определяет совершенствование лексических средств и оборотов, выражающих, обозначающих и описывающих положительные эмоции. Художественные произведения наиболее ярко отображают эмоциональный мир персонажей. В работе рассмотрены и описаны примеры репрезентации положительной эмоции «восхищение» с точки зрения гендерного проявления [2, с. 221]. Целью работы выступает вычленение и описание основных лексических средств, репрезентирующих положительную эмоцию «восхищение» и учитывающих гендерный фактор проявления описываемой эмоции. Решение поставленной цели требует определения задач исследования: 1) отобрать материал современной художественной прозы на немецком языке; 2) определить положительные эмоции исследования; 3) описать лексические средства, репрезентирующие положительные эмоции, переживаемые персонажем-мужчиной и персонажем-женщиной; 4) выявить наиболее употребительные лексические средства.

К лексическим средствам, выражающим положительную эмоцию «восхищение», относим слова, называющие саму эмоцию [4, с. 50], прилагательные и наречия, являющиеся эмоционально окрашенными, глаголы, описывающие положительную оценку происходящему и восхищение, междометия и их эквиваленты, передающие восхищение и восторг, сложные слова, состоящие из двух и более слов и несущие эмотивную нагрузку, а также суффиксы, с помощью которых образуются новые слова, обладающие эмоциональной окраской [1,

с. 36]. К словам, называющим саму эмоцию «восхищение», относим следующие [6, с. 88]: восхищение – *Bewunderung*, восторг – *Entzuecken*, *Begeisterung*, *Lust*, *Extase*, упоение – *Verzueckung*, *Berausung*, *Begeisterung*, *Entzuecken*, блаженство – *Glueckseligkeit*, наслаждение – *Seligkeit*, *Wonne*, *Glueckseligkeit*, воодушевление – *Elan*, *Begeisterung*, *Verve*, *Ermutigung*. К эмоционально окрашенной лексике относим наречия и прилагательные, например: красивый – *schoen*, очаровательный, восхитительный – *wunderschoen*, удивительный – *wunderbar*, сказочный – *traumhaft*, отличный, прекрасный – *ausgezeichnet*, замечательный – *herrlich*, изумительный – *erstaunlich*, милый – *net*, превосходный – *vortrefflich*, чарующий – *bazaubernd*, искренне восхищенный – *bewundernswert*, великолеплный – *koestlich*, замечательный – *entzuekend*, очаровательный – *reizend*, увлекательный – *hinreissend*, великолепный – *exzellent*, отличный – *perfekt*, *fein*, прекрасный, замечательный, восхитительный – *herrlich*, *praechtig*, *grossartig*, *koestlich*, *vorzueglich*, прекрасный, роскошный – *prachtvoll*, *luxuriös*, блестящий – *brilliant*, роскошный – *prunkvoll*, пышный – *splendid*, прекрасный – *phantastisch*, чудесный – *maerchenhaft*, роскошный – *herrschaftlich*, замечательный – *prima*, блестящий – *blendend*, потрясающий – *rasant*, первоклассный – *extra*, чудесный – *fabelhaft*, выдающийся – *bedeutend*, *Toll!* (Отлично!), *Klasse!* (Здорово! Супер!), *Cool!* (Здорово! Супер!), *Super!* (Здорово! Супер!), *Prima!* (Превосходно! Великолпно!), *Fein!* (Здорово! Чудесно!) и далее. В художественном тексте авторы используют глаголы для передачи эмоции восхищения, например: восхищаться – *bewundern*, любоваться – *bewundern*, поражаться – *bestaunen*, восхищать – *begeistern*, восторгаться – *schwaermen*, воодушевиться – *sich begeistern*, восторгаться – *sich begeistern*, поклоняться – *verehen*, почитать – *anbeten*. Междометия, выражающие восхищение, выделяют интонацией, в письменной речи обычно заключают запятыми или восклицательным знаком. Приведем примеры междометий, репрезентирующих эмоцию «восхищение»: *Oh!* (выражает восторг и восхищение), *Ah!* (выражает восхищение), *Ui!* (выражает восхищение, иногда беспокойство), *Boah!* (используют при переживании сильного восхищения), *Hui!* (определяет радостное удивление и восхищение), *Geil!* (присутствует в сленге, означает «Круто!, Офигенно!, Wow! (Ух, ты!), Hey! (Ого! (выражение восхищения))»). При помощи суффиксов –*chen* и –*lein* получаем слова с эмоциональной окраской. Суффикс –*chen*, используют чаще в речи, суффикс –*lein* характерен для поэзии. Данные суффиксы не являются прямыми обозначениями эмоции «восхищение», но они усиливают эмоциональную окраску слова или высказывания. Описываемые суффиксы придают слову значение уменьшительно-ласкательного. Новообразованные слова передают восхищение и умиление.

Приведем примеры: столик – *das Tischchen*, лошадка – *das Pferdchen*, книжечка – *das Buechlein*, домик – *das Haeuschen*, дверца – *das Tuerchen*, местечко – *das Plaetzchen*, рожок – *das Toerchen*, братик – *das Bruederchen*, булочка, хлебушек – *das Broetchen*, ручеек – *das Baechlein*, ребенок – *das Kindlein* и далее. Сложные слова образуют путем сложения двух или более основ. Подобные слова несут эмоциональную нагрузку, например: чудо-ребенок – *das Wunderkind*, шедевр – *das Meisterwerk* (сложное слово, которое несет ассоциацию с выдающимся предметом, вызывает восхищение).

Репрезентация эмоции восхищения описана лексическими средствами [7, с. 67]. Выраженными существительным «*Entzücken*» и наречием «*Wunderschön*», также автором предусмотрен повтор наречия с усиливающим словом «*Wirklich*» [8, с. 64]. В приведенном ниже примере описан пример репрезентации положительной эмоции восхищения, переживаемой персонажем-женщиной [10, с. 231]. Репрезентация эмоции восхищения осуществляется в прямой речи [9, с. 382]. Также усиление эмоции обозначено в авторской речи за счет употребления глаголов «*rufen*» (воскликнуть, визжать, кричать). В художественном тексте упоминается два примера, описывающих эмоцию восхищения с применением лексических средств, выраженных существительным «*Entzücken*». Рассмотрим ниже пример:

Nachdenklich startete ich mein Spiegelbild an. Ich musste ja nicht nein sagen, noch war es nicht zu spät. Die Pippi-Langstrumpf-Geschichte würde niemand aufdecken, solange ich nicht absichtlich darauf hinwies.

Hilde, die mich nach zwei Stunden wieder abholte, stieß einen Schrei des Entzückens aus.

«*Wunderschön*», rief sie. «*Wirklich wunderschön. Du siehst besser aus, als ich es je für möglich gehalten habe* [11, с. 211].»

Следующий пример выражает восхищение женского персонажа от предмета. Объектом восхищения является белая рубашка. Персона-женщина приходит в восхищение. Репрезентация эмоции описана в авторской речи. Использовано прилагательное «*entzückend*». Приведем ниже пример:

Hildes Blumendekoration hatte meine Zustimmung gefunden. Sie war wirklich ein Organisationstalent mit Geschmack, zum Weiterempfehlen tüchtig. Sie war es auch, die das Problem mit Alex' Garderobe löste. Sie kaufte einen hellgrauen Dreiteiler und ein entzückend altmodisches weißes Hemd für Alex [11, с. 139].

Эмоция восхищения репрезентируется с помощью лексических средств, выраженных прилагательным «*wunderschoen*». В тексте художественного романа выявлено восемь примеров данной репрезентации. В приведенном ниже примере обозначена эмоция восхищения и восторга персонажей-женщин. Перед прилагательным в ав-

торской речи употреблено наречие «immer», усиливающие переживаемую эмоцию. Рассмотрим пример:

Die letzten zwanzig Minuten wollte ich für unser wöchentliches «Blitzlicht» nutzen, bei dem alle Mütter reihum von den Erlebnissen der vergangenen Woche berichten sollten. In der ersten Gruppe waren diese Erlebnisse immer wunderschön.

«Die Marie-Antoinette hat zwei neue Zähne bekommen», erzählte die erste Mutter. «Aber sie war dabei so goldig und lieb, dass mein Mann sie nur noch sein Engelchen nennt.»

Alle Mütter freuten sich [11, с. 21].

Следующий пример демонстрирует эмоцию восхищения женского персонажа, но в примере описывается ссора персонажа-мужчины и персонажа-женщины, и переживаемая эмоция восхищения только рассмотрена женским персонажем в ее воображении. Эмоция описана прилагательным «wunderschön» в несобственно-прямой речи персонажа-женщины. Приведем пример:

«Da kommt er», informierte ich Hanna und legte leise den Hörer auf.

Alex sah müde und traurig aus, als er zur Tür hereinkam. Ein bisschen so, als habe er geweint. Wenn er mich doch nur nicht bei meinen Freunden blamiert hätte, wie wunderschön könnte dann jetzt unsere Versöhnung sein. Ich seufzte.

Da erst blickte er zu mir herüber. Seine Augen wurden groß und rund, und für einen Augenblick dachte ich, er freue sich. Dann aber zog er seine Augenbrauen zusammen und knurrte: «Wo ist dein Auto?»

«Warum hast du überall hemmerzählt, dass wir uns gestritten haben?» knurrte ich zurück [11, с. 63].

В приведенном ниже примере описана репрезентация эмоции восхищения от предстоящего праздника. В прямой речи употреблена лексема «wunderschön», выраженная прилагательным. Женский персонаж испытывает эмоцию восхищения, восторга:

«Mit einem Vätermörderkragen», sagte sie stolz. «Von Horst und Sylvia ist noch immer keine Zusage gekommen. Es wird ein wunderschönes Fest werden.»

Hilde hatte auch eine Band organisiert. Es waren die Instrumentalisten von The Piano has been Drinking, nur mit einem anderen Frontsänger. Sie kosteten viertausend Mark für den Abend, aber Hilde sagte, sie seien Horsts Geld absolut wert.

Der Hochzeitstisch im Kaufhaus war fast leergekauft. Ich musste hinfahren und ihn ergänzen. Etwas in Eile wählte ich ein schnurloses Telefon, eine blauweiß gestreifte Thermoskanne, einen Rasenmäher, einige Schneekugeln für meine Schneekugelsammlung sowie einen Bildband über Irland [11, с. 146].

Отобранные все примеры с прилагательным «wunderschön» репрезентации эмоции восхищения принадлежат только персонажу-женщине. Женские персонажи испытывают восхищение

от предстоящих событий или праздников, пейзажей, видов леса и моря, новых ремонтов в домах и квартирах, костюмов и нарядов мужчин и женщин. Все отобранные примеры с лексемой «wunderschön» описывают только данные мероприятия, репрезентация эмоции происходит только женским персонажем.

Персонаж-женщина чаще переживает эмоцию восхищения, о чем свидетельствует следующий пример. В данном примере описана в авторской речи ситуация переживания положительной эмоции восхищения от ситуации сложившихся отношений. С помощью прилагательного «wunderbar» репрезентируется эмоция восхищения женского персонажа. Приведем пример:

Er und ich kamen wunderbar miteinander aus, und wenn man sich liebt, kann man auch auf allerengstem Raum glücklich sein. Und das waren wir jetzt schon vierundvierzig Tage lang ohne Unterbrechung. «Na, wie war's heute mit deinen Müttern?», fragte Alex, als ich zur Tür hereinkam [11, с. 35].

Отметим, что в тексте произведения отобрано тринадцать примеров с репрезентацией положительной эмоции восхищения, в качестве лексических средств использовано прилагательное «wunderbar». В большинстве случаев эмоцию восхищения переживает персонаж-женщина. В приведенном ниже примере обозначена эмоция восхищения, переживаемая мужским персонажем. Репрезентация эмоции происходит через авторскую речь. Мужской персонаж испытывает восхищение от ситуации получения определенных подарков к празднику:

Auch das Geschenkproblem hatten wir gelöst. Um nicht die gleichen traurigen Erfahrungen mit siebenfach geschenkten Toastern, Popcornmaschinen und silbernen Kuchenschaufeln machen zu müssen, wie schon manches Brautpaar vor uns, hatte Hilde vorgeschlagen, im schönsten Kaufhaus der Stadt einen Hochzeitstisch aufzustellen. Auf diesem Tisch durfte ich alles platzieren, was ich gern besitzen wollte, und alles, von dem ich dachte, dass Alex es gern besitzen wollte. Die Hochzeitsgäste konnten dann herkommen und sich ihr Geschenk vom Tisch aussuchen. Ich hielt das für eine wunderbare Sitte und wählte neben edlen Weingläsern mit geschwungenem Stiel, einem Frühstücksservice, einer Topfserie aus Edelstahl, ... [11, с. 117].

В произведении отображено только один раз использование существительного «Bewunderung». Переживание эмоции присуще в данном примере женскому персонажу. Описание эмоции происходит в авторской речи. Женский персонаж утверждает, что не испытывает восхищения от происходящей ситуации. Рассмотрим пример:

«Eine Sekunde bitte», sagte Hilde zu ihm, öffnete den Deckel und warf meine Mülltüte zu dem anderen Müll. Meine Ananasdose verschwand im Inneren des Müllwagens, mitsamt ihrem ekligen Inhalt.

«Danke», sagte ich nicht ohne Bewunderung. «Die Eier werden in der Zwischenzeit steinhart geworden sein [11, с. 111].»

Существительное «Begeisterung», являющееся синонимом «Bewunderung», не встречается в исследуемом тексте.

Использование наречий «Класс!», «Прекрасно!», «Восхитительно!» свойственно для прямой речи. В рассматриваемом произведении было вычленено два примера с описанием эмоции восхищения с помощью наречия «Toll». В данном случае наблюдается переживание эмоции персонажем-мужчиной. Находясь в восхищении от вечеринки, он упоминает слово «Toll». Мужские персонажи немногословны, прямолинейны, о чем и свидетельствует следующий пример:

«Na toll», sagte Alex. «Schöne Wiedersehensfeier.»

«Unheimlich leidenschaftlich.» «Tut mir echt Leid.»

«Toll», sagte Alex wieder. Er drehte mir beleidigt den Rücken zu und schlurfte aus dem Raum. Es war genau, wie Hanna gesagt hatte. Sobald unsere Hormone nicht mehr perfekt aufeinander abgestimmt waren, zeigte Alex sein wahres Gesicht [11, с. 212].

Следующий пример описывает восхищение женского персонажа от рекламы. В прямой речи персонаж употребляет прилагательное «super», делая акцент, на восторг, радость от получившейся рекламы:

«Das ist ja gleichzeitig eine super Werbung für den Bruno und bringt dann wieder neue Kunden. Alles in allem kann der Bruno sich nicht beschweren, oder [11, с. 133]?»

Глаголы используют для обозначения действия персонажа. В примере использован глагол «bewundern» (восхищаться), являющийся прямым названием переживаемой эмоции. В данном случае в прямой речи женский персонаж называет действие. С данным глаголом выявлено два примера. Оба примера принадлежат персонажу-женщине:

«Du hast die Trauungszeremonie wirklich gelesen», erwiderte Pippi Langstrumpf. «Wie du das noch geschafft hast bei all deiner Arbeit und dem ganzen Stress! Dafür muss man dich echt bewundern.»

«Irgendwas musste ich ja tun, in den langen, einsamen Nächten im Hotel», entgegnete Alex dreist. «Ich kann das alles auswendig runterbeten [11, с. 217].»

С глаголом «begeistern» не выявлено случаев описания эмоции восхищения. Но наречие «begeistert» (взволнованно, восторженно, восхищенно) употреблено в шести примерах описания положительной эмоции восхищения.

Приведенный ниже пример демонстрирует эмоцию восхищения, переданную наречием «begeistert», употребленном в авторской речи. Эмоцию переживает персонаж-женщина от предстоящей свадьбы:

«Das wird eine Traumhochzeit», sagte Hilde begeistert, als die allerletzten Einladungen verschickt

worden waren. «Wir müssen an nichts sparen. Kauf dir bloß ein schönes Kleid [11, с. 117].»

Проведенное исследование показывает, что персонаж-женщина переживает эмоцию «восхищение» чаще, чем персонаж-мужчина. Мужские персонажи при переживании восхищения производят наречие «Toll». Женские персонажи испытывают данную положительную эмоцию от происходящих позитивных ситуаций, праздников, вечеринок, событий, от предметов материальных (свадебных и вечерних платьев), от образа мужчин, жениха. Женские персонажи более эмоциональны. Они в речи используют наречия, прилагательные, существительные и глаголы для обозначения эмоции восхищения.

Литература

1. Волкова М.В. К вопросу о синтаксических средствах выражения эмоций // Евразийский филологический вестник. 2025. № 3 (11). С. 24–36.
2. Давлатова У. Междометия как средство выражения эмоций, воли, этикета // Вестник Таджикского национального университета. 2025. № 11. С. 213–221.
3. Киршинова О.В. Палитра положительных эмоций и ее выражение в звучащей речи // Казанский лингвистический журнал. 2025. Т. 8. № 1. С. 100–110.
4. Манцаева А.Н. Лексические средства выражения эмоций в художественной литературе // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 4 (52). С. 44–50.
5. Нурутдинова А.Р. Эмоции и чувства человека как репрезентация менталитета немецкого народа в паремиологической картине мира // Современное педагогическое образование. 2024. № 9. С. 364–367.
6. Федосина С.С. Возможности метода субъективного шкалирования в оценке абстрактности понятий, составляющих содержание ментальных репрезентаций эмоций как класса явлений // Научное мнение. 2024. № 4. С. 82–88.
7. Штеба А.А. Репрезентация смешанных эмоций и их перевод // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 2 (6). С. 59–67.
8. Штеба А.А. Языковая репрезентация городских эмоций // Язык и текст. 2024. Т. 11. № 4. С. 55–64.
9. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Гендерная специфика репрезентации отрицательных эмоций на материале художественного текста // Современное профессиональное образование. 2026. № 1. С. 379–382.

10. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В., Резуненко И.В. Языковые средства репрезентации отрицательной эмоции «печаль» на материале немецкого языка // Современное педагогическое образование. 2026. № 1. С. 229–231.
11. Kerstin Gier. Die Braut sagt leider «nein». Kerstin Gier – 1997, – Deutschland, – Verlagsgruppe Lübbe GmbH & Co. KG, ISBN 978-3-8387-0065-6. – 224 S.

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING EMOTION «ADMIRATION» BASED ON THE MATERIAL OF A WORK OF ART IN GERMAN

Shcherbakova I.V., Bazhutkina N.V.
Don State Technical University

The scientific article presents and describes the lexical means of representing positive emotions. The relevance of this article is the improvement of lexical means and phrases expressing, designating and describing positive emotions. Works of art are an area of identification of linguistic means representing emotions and emotional states experienced by characters. The paper examines and describes examples of the representation of positive emotions in terms of gender expression. The purpose of the work is to isolate and describe the main lexical means representing positive emotions, taking into account the gender factor of the described emotions. The main lexical means are revealed, represented by words that name the emotion itself, adjectives and adverbs that are emotionally colored, verbs that describe a positive assessment of what is happening, interjections and their equivalents that convey admiration and delight, complex words consisting of two or more words and carrying an emotive load, as well as suffixes that form new ones. words with an emotional connotation.

Keywords: author's speech, admiration, expression, lexical unit, lexical means, interjection, adverb, improper-direct speech, description, positive emotion, adjective, direct speech, representation.

References

1. Volkova M.V. On the issue of syntactic means of expressing emotions. Eurasian Philological Bulletin. 2025. № 3 (11). pp. 24–36.
2. Davlatova U. Interjections as a means of expressing emotions, will, etiquette. Bulletin of the Tajik National University. 2025. № 11. pp. 213–221.
3. Kirshinova O.V. The palette of positive emotions and its expression in sounding speech. Kazan Linguistic Journal. 2025. Vol. 8. № 1. pp. 100–110.
4. Mantsaeva A.N. Lexical means of expressing emotions in fiction. Proceedings of the Chechen State Pedagogical University Series 1. Humanities and Social Sciences. 2025. № 4 (52). pp. 44–50.
5. Nurutdinova A.R. Human emotions and feelings as a representation of the mentality of the German people in the paremiological picture of the world. Modern pedagogical education. 2024. № 9. pp. 364–367.
6. Fedosina S.S. The possibilities of the subjective scaling method in assessing the abstractness of concepts that make up the content of mental representations of emotions as a class of phenomena. Scientific Opinion. 2024. № 4. pp. 82–88.
7. Shteba A.A. Representation of mixed emotions and their translation. Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological sciences. 2024. № 2 (6). pp. 59–67.
8. Shteba A.A. Linguistic representation of urban emotions. Language and text. 2024. Vol. 11. № 4. pp. 55–64.
9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. Gender specificity of the representation of negative emotions on the material of a literary text. Modern professional education. 2026. № 1. pp. 379–382.
10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V., Rezunenko I.V. Linguistic means of representing the negative emotion «sadness» based on the German language. Modern pedagogical education. 2026. № 1. pp. 229–231.
11. Kerstin Gier. The bride unfortunately says «no». Kerstin Gier – 1997, – Deutschland, – Verlagsgruppe Lübbe GmbH & Co. KG, ISBN 978-3-8387-0065-6. – 224 pp.